LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA.
GIFT OF
J. A. Maersky
Class

Годъ XII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. Памяти Александры Аркадьевны Давыдовой. (Замѣтки и наблюденія). **Л. Нелидовой.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НАКАНУНѢ ВЕСНЫ. **Д. Михаловскаго.** 39
3. ГЛАФИРИНА ТАЙНА. Повѣсть. (Окончаніе). **Мих. Альбова.** 40
4. ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ. (Окончаніе). **Евгенія Дегена** 92
5. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). Гл. II. Народное хозяйство. (Продолженіе). **Н. Рожкова.** 123
6. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** Переводъ съ нѣмецкаго. (Продолженіе). **Л. Горбуновой.** 151
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. **А. Ѳедорова.** 181
8. ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ. (Повѣсть въ письмахъ). (Продолженіе). **М. Крестовской.** 183
9. ПОЭМА ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЯ ДУШИ» И СОВРЕМЕННАЯ ЕЙ РУССКАЯ ПОВѢСТЬ. (Окончаніе). **Н. Котляревскаго.** 210
10. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе) 233
11. ОРГАНЫ И ИХЪ ОТПРАВЛЕНІЯ. Рѣчь **Марея,** члена Парижскаго Института. Перев. съ французскаго **Л. А.** 260
12. ИЗЪ ЖИЗНИ ШКОЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ПЕРВАГО ПРИЗЫВА. **Мих. Лемке.** 269
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. СТАРЫЯ СКАЗКИ. Лѣсная царевна. **О. Чюминой.** 290

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Очерки и разсказы» Вл. Короленко, т. III. - Общее настроеніе третьей книги разсказовъ—вѣра въ жизнь и людей.—«Огоньки» и «Сказаніе о Флорѣ».—«Парадоксъ» и другіе разсказы. **А. Б.** 1
15. НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ. (Замѣтки и впечатлѣнія). **Ѳ. Батюшкова.** 10
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Максимъ Горькій въ Тифлисѣ.—Евреи-горнорабочіе.—Тайна почтовой корреспон-

Годъ XII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1903 года. С.-Петербургъ.

AP5C
M47
1903:3-4
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. Памяти Александры Аркадьевны Давыдовой. (Замѣтки и наблюденія). **Л. Нелидовой.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НАКАНУНѢ ВЕСНЫ. **Д. Михаловскаго.** 39
3. ГЛАФИРИНА ТАЙНА. Повѣсть. (Окончаніе). **Мих. Альбова** 40
4. ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ. (Окончаніе). **Евгенія Дегена.** 92
5. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). Гл. II. Народное хозяйство. (Продолженіе). **Н. Рожкова.** 123
6. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** Переводъ съ нѣмецкаго. (Продолженіе). **Л. Горбуновой.** 151
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. **А. Ѳедорова.** 181
8. ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ. (Повѣсть въ письмахъ). (Продолженіе). **М. Крестовской.** 183
9. ПОЭМА ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЯ ДУШИ» И СОВРЕМЕННАЯ ЕЙ РУССКАЯ ПОВѢСТЬ. (Окончаніе). **Н. Котляревскаго.** 210
10. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе). 233
11. ОРГАНЫ И ИХЪ ОТПРАВЛЕНІЯ. Рѣчь **Марея,** члена Парижскаго Института. Перев. съ французскаго **Л. А.** 260
12. ИЗЪ ЖИЗНИ ШКОЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ПЕРВАГО ПРИЗЫВА. **Мих. Лемке.** 269
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. СТАРЫЯ СКАЗКИ. Лѣсная царевна. **О. Чюминой.** 290

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Очерки и разсказы» Вл. Короленко, т. III.—Общее настроеніе третьей книги разсказовъ—вѣра въ жизнь и людей.—«Огоньки» и «Сказаніе о Флорѣ».—«Парадоксъ» и другіе разсказы. **А. Б.** 1
15. НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ. (Замѣтки и впечатлѣнія). **Ѳ. Батюшкова.** 10
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Максимъ Горькій въ Тифлисѣ.—Евреи-горнорабочіе.—Тайна почтовой корреспон-

стр.

денціи.— Чествованіе памяти А. Н. Островскаго. — Учебныя руководства для народа.—Катастрофа въ шахтѣ близъ Юзовки.—Открытіе «Народнаго дома» въ Харьковѣ.—Врачъ-подвижникъ.— Литературный юбилей. —Вопросъ о дворянскихъ кассахъ въ собраніи тамбовскихъ дворянъ.— Собраніе рабочихъ.—За мѣсяцъ.— Некрологъ М. Песковскаго. 18

17. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Мысль»—январь.— «Журналъ для всѣхъ»—февраль.— «Русская Старина»—февраль). 35

18. **За границей.** Германская общественная и политическая жизнь.—Рабочій вопросъ въ Южной Африкѣ.— Передѣлка романа гр. Толстого «Воскресеніе» на англійской сценѣ. — Промышленные короли въ Америкѣ.—Новое учрежденіе Карнеджи. — Ярмарка дѣвушекъ въ Венгріи. — Монастырскіе порядки. 46

19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Женскій трудъ и феминизмъ. — Польза и вредъ алкоголя; его противники и защитники среди ученыхъ. — Уцѣлѣетъ ли Австрія въ своемъ теперешнемъ видѣ? — Американскія работницы. 57

20. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. **В. Агафонова.** 62

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы.— Публицистика.—Исторія всеобщая.— Логика и психологія.— Медицина и гигіена.— Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 76

22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 109

23. ПИСЬМО ГЕОРГА БРАНДЕСА (по поводу статьи д-ра Жбанкова). Сообщила **В. Спасская.** 112

24. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ. 114

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ІЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Продолженіе). 65

26. ЗЕМНАЯ КОРА. Проф. **Карла Запперъ.** Съ многочислен. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 65

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Памяти Александры Аркадьевны Давыдовой.

(Замѣтки и наблюденія).

I.

Quand on développe une carte de Russie, il semble qu'on voie pendre au bas de l'immense empire un petit médaillon a peine rattaché par un fil: fragment des monts d'Asie Mineure soudé par une fantaisie de la nature á la steppe russe et qu'il sied bien à celle ci de porter comme un bijou. C'en est un, ciselé á ravir, tout doré de soleil, enfermé dans son écrin de mer bleu.

V-te E. M. de-Vogüé.

Извѣстный своимъ знаніемъ Россіи, виконтъ де-Вогюе сравниваетъ Крымъ съ драгоцѣннымъ медальономъ, игрою природы припаяннымъ къ русскимъ степямъ. Сравненіе, можетъ быть, и не особенно удачное, но оно передаетъ восхищеніе автора.

Для людей, которые знаютъ Крымъ, въ этомъ восхищеніи нѣтъ преувеличенія. Главное, что поражаетъ—это полнота впечатлѣнія красоты. Здѣсь красиво все: горы и море, новая для сѣверныхъ жителей почти тропическая растительность, красивы деревья и цвѣты, красивы морскія чайки и крымскія лошади, красивы, наконецъ, люди—жители этой мѣстности.

Сравненіе съ Швейцаріей невольно приходитъ на умъ. Типичный швейцарецъ въ широкополой соломенной шляпѣ, согнувшійся подъ неизмѣнной высокой корзиной—haute—на круглой спинѣ, съ широкими и плоскими руками и ногами, среди своей великолѣпной природы не отличается красотою и живописностью. Широкими, рабочими руками онъ выстраиваетъ себѣ свои chalets—нарядные швейцарскіе домики съ рѣзными балконами. Внутри этихъ домиковъ у простыхъ земледѣльцевъ, кромѣ жилыхъ, есть еще непремѣнно и чистыя комнаты—настоящія гостиныя съ мягкою мебелью, съ швейцарскими рѣзными часиками на каминѣ и зелеными рѣшетчатыми ставнями у оконъ.

Крымскіе татары до сихъ поръ живутъ въ саклях съ земляным поломъ, прилѣпленныхъ къ скаламъ, какъ ласточкины гнѣзда. Они лѣнивы и бѣдны, безпечны и красивы. Ничего типично татарскаго нѣтъ въ ихъ лицахъ. Небольшой ростъ, но стройное, необыкновенно пропор-

ціональное сложеніе, черты тонкія, правильныя, скорѣе итальянскаго типа. Они считаются потомками генуэзцевъ, принявшихъ магометанство.

Никакія гостиныя не нужны имъ въ ихъ безпечной и несложной жизни. Она проходитъ вся на волѣ, на лошади, подъ открытымъ небомъ. На улицѣ подъ деревомъ, подъ навѣсомъ сакли они жарятъ баранину и готовятъ свой шашлыкъ. На улицахъ женщины кормятъ дѣтей и стираютъ бѣлье. Онѣ ходятъ за водой, покрывшись узорчатыми чадрами, и, по своему, очень заботятся о своей красотѣ. До сихъ поръ есть мѣстности, гдѣ онѣ красятъ себѣ волосы и ногти.

Черноглазая татарская дѣвочка—настоящая восточная дѣвочка—стоитъ тихо, долго, не шевелясь у каменнаго забора, и смотритъ передъ собой. Въ рукахъ у нея похожій на кофейникъ мѣдный кувшинъ. Она полуодѣта, въ одной длинной рубахѣ, опоясанной платкомъ, но волосы выкрашены темно-малиновой краской и старательно заплетены въ безчисленныя косички. На головѣ нѣтъ шляпы, нѣтъ даже и чадры, а цвѣтъ лица ея напоминаетъ арабскіе персики.

Солнце яркое, жгучее, южное солнце не безпокоитъ здѣсь никого; отъ него не прячутся и не закрываются ставнями и широкополыми шляпами. Татары спокойно подставляютъ подъ его лучи головы въ барашковыхъ, круглыхъ шапкахъ, и оно золотитъ ихъ лица бронзовымъ, чудеснымъ загаромъ, какимъ загораютъ только совершенно здоровые люди.

А они здоровы. Надо полагать, что они совершенно здоровы. Контрастъ свѣжихъ, загорѣлыхъ лицъ представляется особенно рѣзкимъ здѣсь, рядомъ съ истощенными, блѣдными лицами пріѣзжихъ больныхъ, ибо «южный берегъ Крыма, это прежде всего сплошной курортъ, частью уже уготованный, частью еще имѣющій быть уготованнымъ», какъ говорится о немъ въ одномъ изъ путеводителей.

Со времени удешевленія проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ число пріѣзжахъ въ Крыму увеличивается съ каждымъ годомъ. Мѣсяцы подрядъ продолжается усиленное движеніе. Съ сѣвера на югъ какъ бы несется какой-то людской потокъ, какая-то человѣческая лавина, для которой не хватаетъ мѣстъ въ поѣздахъ, не хватаетъ квартиръ на мѣстѣ.

Съ утра до ночи впродолженіе сезона, въ мѣстахъ, назначенныхъ для прогулокъ, по всему южному берегу, толчется, двигается, пьетъ воды, ѣстъ виноградъ пестрая, разнокалиберная толпа, и даже эта сборная, пріѣзжая публика здѣсь у моря, подъ этимъ солнцемъ, живописнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Невскомъ или на бульварахъ въ большихъ городахъ. Живописность придаютъ ей свѣтлые тоны костюмовъ женщинъ и мужчинъ, цвѣтные зонтики, цвѣты на шляпахъ и корзины съ виноградомъ, цвѣты и виноградныя вѣтки въ рукахъ.

Осенніе сезонные посѣтители въ сущности не больные люди. Пріѣзжаютъ они не столько лечиться, сколько, главнымъ образомъ, отдохнуть, развлечься, освѣжиться.

Ялтинскіе педагоги, какъ слышно, жалуются на слабые успѣхи своихъ учениковъ. Въ Ялтѣ, должно быть, учиться труднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Ученикамъ такъ же трудно сосредоточиться и заниматься ученіемъ, какъ бываетъ трудно дѣтямъ, когда въ домѣ есть гости. Въ маленькой, тѣсной Ялтѣ гости не переводятся. Какъ всякіе гости, они вносятъ съ собой повышенную, праздничную, возбуждающую атмосферу, неблагопріятную въ педагогическомъ отношеніи и которой трудно противустоять. Ни въ какомъ губернскомъ городѣ, не говоря уже объ уѣздныхъ, ни въ какой Тулѣ или Калугѣ не бываетъ подобнаго оживленія. Съ утра ялтинскіе нарядные извозчики, въ колясках съ свѣтлыми зонтиками, съ колыхающейся на ѣздѣ бахромой, мчатся по всѣмъ направленіямъ: къ Ливадійскому мосту въ сторону Алупки, Ореанды, черезъ весь городъ къ Массандрѣ, Гурзуфу, Никитскому саду... Другъ за другомъ проносятся по набережной кавалькады на красивыхъ крымскихъ лошадкахъ съ проводниками татарами въ расшитыхъ золотомъ курткахъ. Въ городскомъ саду играетъ музыка. На пристани у мола ревутъ и свистятъ пароходы.

Все это продолжается до окончанія сезона въ октябрѣ. А затѣмъ нарядную осеннюю публику увозятъ обратно на сѣверъ поѣзда и пароходы, кавалькады и катанія прекращаются, и на смѣну уѣхавшимъ, съ каждымъ днемъ прибавляясь, появляются новые посѣтители.

Гдѣ они были раньше во время сезона, трудно сказать, но ихъ не было видно. Люди, посѣщавшіе Ялту только осенью, не могутъ себѣ составить понятія о Ялтѣ зимой или весной. Людямъ нервнымъ и мнительнымъ не слѣдуетъ въ это время пріѣзжать въ Крымъ. Впечатлѣнія, которыя имъ придется испытать, не будутъ способствовать укрѣпленію нервной системы. Лица, которыя они будутъ встрѣчать на прогулкахъ, въ скверѣ, на набережной, будутъ преслѣдовать ихъ по возвращеніи домой, будутъ сниться ночью и мѣшать спать по ночамъ

II.

Любопытно бы знать, почему никакая другая болѣзнь не играетъ той роли въ литературѣ, въ беллетристикѣ, какъ именно чахотка? Извѣстно, что это самая романическая, по старымъ представленіямъ — самая поэтическая болѣзнь. Если герой или героиня какого-нибудь романа или повѣсти, въ особенности прежняго времени, заболѣвали, заранѣе можно было сказать, что болѣзнь эта будетъ въ большинствѣ случаевъ чахотка. И для нея оказалось мало одной литературы; она перебралась также и на сцену—въ драму и даже въ оперу. Травіаты и Маргариты Готье умираютъ на подмосткахъ, прижимая платокъ къ губамъ и руки къ груди, чтобы заглушить приличный и трогательный для зрителей кашель.

Къ сожалѣнію, чахотка въ беллетристикѣ и на сценѣ и чахотка въ

жизни имѣютъ мало общаго между собой. Среди болѣзней, удручающихъ страдающее человѣчество, по жестокости страданій и длительности теченія, чахотка занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ симптомахъ ея нѣтъ ровно ничего поэтическаго, а современное ученіе о ея заразительности дѣлаетъ ее еще болѣе тяжкой для самого больного и для окружающихъ его людей.

Утро—съ одиннадцати и до трехъ часовъ дня—самое оживленное время въ Ялтѣ зимой. Всѣ скамейки на солнышкѣ въ Александровскомъ скверѣ заняты. Послѣ нѣсколькихъ дней и нѣсколькихъ встрѣчъ всѣ уже узнаютъ другъ друга. Новое лицо тотчасъ же обращаетъ на себя вниманіе, а отсутствіе кого-нибудь изъ привычныхъ посѣтителей возбуждаетъ вопросъ: что съ нимъ? Не хуже ли? Не слегъ ли въ постель?

Увы! Вопросы и разговоры сводятся теперь къ одному: стало лучше, или стало хуже? Прибавилось или убавилось въ вѣсѣ? Было или нѣтъ кровохарканіе?

Вотъ идетъ, сгорбившись, засунувъ руки въ карманы толстаго, ватнаго, студенческаго пальто, юноша-студентъ. Несмотря на согнутую спину, все еще видна могучая фигура, и только лицо выдаетъ настоящее положеніе дѣла. Лицо совсѣмъ еще молодое, еще не похудѣвшее, безъ театральныхъ красныхъ пятенъ на щекахъ, а какое-то тускло, ровно-сѣрое и съ такимъ выраженіемъ, точно человѣку все время холодно, несмотря на теплое солнце и на теплое пальто.

Вотъ барышня сидитъ на зеленой скамейкѣ съ облѣзшей краской. На ней все черное съ головы до ногъ. Она не въ траурѣ. Черный цвѣтъ нуженъ, чтобы поглощать солнечные лучи, но уже никакіе лучи не заставятъ загорѣть ея блѣдныя щеки, такія блѣдныя, что при встрѣчѣ съ нею прохожіе невольно отворачиваютъ головы, стараясь смотрѣть мимо и не выдать своего впечатлѣнія. Вотъ везутъ въ креслѣ старую женщину...

Помнится, въ дѣтствѣ, въ деревнѣ въ сѣнокосъ, жаль бывало смотрѣть, когда косили луга, и падали подъ косой такія красивыя, въ полномъ расцвѣтѣ луговыя травы и цвѣты. Но если не скосить во время и оставить траву, то изъ самыхъ красивыхъ цвѣтовъ получаются къ осени безобразныя, сухія и растрепанныя, мертвыя былинки. Ихъ треплетъ и обламываетъ вѣтеръ, на нихъ осѣдаетъ пыль... Кому ни приходилось видѣть больныхъ животныхъ съ взъерошенною шерстью, слезящимися глазами, съ печальнымъ и покорнымъ выраженіемъ?..

Сухую траву обломаютъ и вытопчутъ; ее развѣетъ по вѣтру. Больныхъ животныхъ не оставятъ долго болѣть: ихъ убиваютъ, или они выздоравливаютъ. Но, Боже, во что обращается существо, созданное по образу и подобію Божію, бѣдное человѣческое существо, когда-то, можетъ быть, полное здоровья и силы, изящества и граціи, полное душевной прелести!

Страшное кресло со старухой не долго появляется на набережной. Потомъ больную видятъ рѣже и только издали—въ колескѣ на улицахъ. Потомъ ее никто уже не видитъ. Она исчезаетъ, и никто не интересуется узнать: надолго ли, навсегда ли? Всѣ довольны, что исчезъ страшный призракъ, memento mori. Здѣсь не нуждаются въ этихъ напоминаніяхъ.

Старыхъ людей, впрочемъ, сравнительно немного въ Ялтѣ зимой. Молодежи больше. Студенческія пальто то и дѣло встрѣчаются на улицахъ, и самое присутствіе ихъ въ учебное, занятое время показываетъ, зачѣмъ они здѣсь. Ихъ высылаютъ съ сѣвера, изъ столицъ и большихъ городовъ. Часто съ огромными лишеніями, на послѣднія деньги, часто на чужія, занятыя деньги, на пожертвованія благотворительныхъ обществъ они добираются до Ялты съ надеждой выздоровѣть, избавиться отъ страшной болѣзни, наверстать вмѣстѣ съ здоровьемъ и все другое потерянное...

Что же находятъ они здѣсь?

III.

Если спросить Ялтинскаго жителя-домовладѣльца, который наживаетъ деньги, отдавая въ наемъ комнаты и квартиры, кого онъ при этомъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду, онъ, не задумаясь ни минуты, укажетъ, разумѣется, на сезонныхъ, осеннихъ посѣтителей. Сезонъ для него все. Сезонъ важнѣе всего остального года. Въ два мѣсяца, назначая бѣшеныя цѣны, онъ наживаетъ больше, чѣмъ въ другіе десять. Ялта, по его глубокому убѣжденію, и весь Крымъ существуютъ ради этой пестрой, швыряющей деньги, праздной и желающей веселиться публики. Эта публика невзыскательна; она пріѣзжаетъ на короткое время и довольствуется примитивными удобствами. Но эта публика мнительна и нервна. Эта публика легкомысленна и безжалостна. Она боится и избѣгаетъ чахоточныхъ больныхъ, и больнымъ людямъ не находится мѣста рядомъ со здоровыми.

Какъ это ни удивительно, но именно здѣсь, въ Крыму, лечебная репутація котораго создалась, благодаря случаямъ излеченія чахотки, избѣгаютъ чахоточныхъ больныхъ, обставляя помѣщеніе ихъ всевозможными затрудненіями, для многихъ почти непреодолимыми.

Тамъ, на сѣверѣ, въ одномъ изъ большихъ, нездоровыхъ городовъ заболѣваетъ несчастный человѣкъ. При современномъ состояніи медицины ему не приходится долго оставаться въ невѣдѣніи относительно своей участи. Къ его услугамъ наука, бактеріологическіе кабинеты. Въ одинъ-два дня, за какіе-нибудь три-четыре рубля и дешевле—со скидкою для студентовъ—производится анализъ, изслѣдованіе мокроты.

На большомъ листѣ отличной почтовой бумаги съ печатнымъ за-

головкомъ, съ точнѣйшимъ обозначеніемъ часовъ и минутъ поступленія матеріала для анализа, новѣйшимъ способомъ—Ремингтономъ, напечатанными буквами стоитъ его приговоръ.

Вотъ онъ: бациллы найдены. Кончено. Все кончено. Чахотка.

Холодный потъ проступаетъ по всему тѣлу. Не хватаетъ воздуху. Развернутый листъ съ печатными лиловыми буквами лежитъ передъ глазами и не оставляетъ сомнѣнія. Бациллы найдены. Найдены...

Пораженная мысль долго бьется въ заколдованномъ кругу нѣсколькихъ простыхъ, ставшихъ вдругъ роковыми словъ. Сколько разъ приходилось читать ихъ въ газетахъ, въ лекціяхъ. Въ одну минуту, разомъ вырастаетъ ихъ значеніе и заслоняетъ собою все.

Бациллы найдены... Но... Но количество должно быть незначительно. Поражены вѣдь только верхушки легкихъ, по словамъ доктора. Процессъ еще въ началѣ. Если захватить во-время, не все еще потеряно. Слава Богу, тамъ, далеко есть мѣсто, благословенный уголокъ, куда можно убѣжать отъ надвигающейся грозы, получить облегченіе и—кто знаетъ! Крымъ чудеса дѣлаетъ—получитъ, можетъ быть, и выздоровленіе. У всѣхъ на памяти примѣры и случаи: тотъ, другой выздоровѣлъ, третій и сейчасъ живетъ въ Ялтѣ, работаетъ, опять чувствуетъ себя человѣкомъ. Трудно попасть, доѣхать туда, денегъ много нужно... Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ, подгоняемый опасностью и отчаяніемъ!

Деньги найдены. Возвратить можно будетъ впослѣдствіи, по выздоровленіи. Утомительный, въ тѣсномъ вагонѣ, въ пассажирскомъ поѣздѣ, съ соблюденіемъ всевозможной экономіи, путь совершенъ. Два дня и двѣ ночи по желѣзной дорогѣ, полъ-дня на пароходѣ, все безъ остановокъ, потому что остановки стоятъ дорого,—вотъ, наконецъ, и она—земля обѣтованная, Ялта.

За время путешествія, болѣзнь будто разомъ дѣлаетъ успѣхи: отъ усталости дрожатъ и едва держатъ ноги, возобновилась боль въ боку, голосъ пропалъ, и мучительный кашель не даетъ сказать сряду двухъ словъ. Зато теперь близокъ отдыхъ: послѣ снѣга и холода,—тепло и солнце, послѣ дорожныхъ неудобствъ—самоваръ и чистая постель. Одна мысль объ этомъ придаетъ бодрости.

Извозчикъ везетъ съ парохода и привозитъ въ гостинницы, въ меблированныя комнаты, въ частныя помѣщенія... Происходитъ нѣчто невѣроятное и необъяснимое: *не принимаютъ*. За что? Почему? Усталаго, больного путешественника здѣсь, въ курортѣ, въ лечебномъ городѣ, не принимаютъ! Нигдѣ не принимаютъ! Отказы даются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: занято, комнатъ нѣтъ, комнаты передѣлываются, комнаты сданы заранѣе, и ждутъ пріѣзжихъ каждый часъ.

Но что же это значитъ наконецъ? При приближеніи экипажа, выбѣгаетъ на подъѣздъ прислуга, помогаетъ выйти съ предупредительною вѣжливостью, затѣмъ проходитъ минута замѣшательства, затѣмъ вы-

зывается и выходитъ хозяинъ или управляющій, оглядываетъ съ ногъ до головы претендента на комнату и сразу все измѣняется. Вмѣсто любезнаго пріема холодный и рѣшительный отказъ.

— Нѣтъ комнаты, къ сожалѣнію. Занято.

— Какъ занято! На доскѣ съ фамиліями половина нумеровъ пустые.

— Да, но... всѣ заранѣе расписаны. Пріѣзжихъ ждутъ къ вечеру. Графъ N. съ супругою, княгиня Т. съ дочерью.

Спорить не приходится, да и силъ нѣтъ, и голоса нѣтъ для спора. Но то же самое повторяется въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ, въ десяти мѣстахъ...

Извозчикъ везетъ, теряетъ терпѣніе и оглядывается на сѣдока, въ полуобморочномъ состояніи, неловко и криво уже не сидящаго, а лежащаго въ экипажѣ. Что какъ умретъ дорогою! Куда его дѣвать?

Говорятъ, были случаи смерти на извозчикѣ. Эти случаи разсказываются здѣсь, не вызывая ничьего удивленія. Объ нихъ пишутъ въ мѣстныхъ газетахъ; они доходятъ до столичныхъ газетъ. Существуетъ цѣлая серія этихъ разсказовъ—печальная лѣтопись людской корысти и безсердечія. Но напишутъ, поговорятъ и перестаютъ говорить, и затѣмъ все остается попрежнему, и спеціальныя учрежденія—санаторіи—въ своихъ публикаціяхъ прибавляютъ успокоительныя для публики заявленія: *тяжело больные не принимаются.*

Исключеніе составляетъ Яузларъ — санаторій для чахоточныхъ, въ который принимаютъ больныхъ въ какой бы ни было стадіи развитія болѣзни. Но что можетъ значить санаторій на сорокъ-пятьдесятъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, одинъ на цѣлую Россію?

Комнаты въ Яузларѣ всегда заняты, на нихъ заранѣе записываются и ждутъ очереди. Получить же вообще тяжело больному за недорогую цѣну хорошую комнату въ Ялтѣ почти такъ же трудно, какъ выиграть въ лотерею. За то сколько нибудь покладистые и сговорчивые хозяева дѣлаются сразу извѣстными въ знакомыхъ кружкахъ. Въ гостепріимномъ домѣ другъ за другомъ быстро подбирается цѣлая лечащаяся колонія. Посреди больныхъ находятся здоровые, которые пріѣхали ухаживать за своими близкими...

Въ нѣсколько дней на Ялтинской дачѣ съ балконами и кипарисами создается обстановка и атмосфера, напоминающая студенческія квартиры гдѣ нибудь въ Бронныхъ въ Москвѣ или на Васильевскомъ въ Петербургѣ.

IV.

Маленькая комната въ одно окно съ ситцевой занавѣской. У стѣны столъ и два стула, у другой—кровать. Въ углу, старательно увернутый старыми газетами, виситъ на стѣнѣ студенческій, форменный сюртукъ.

На столѣ горка книгъ; между медицинскими учебниками—стихотворенія Некрасова и толстый, истрепанный томъ—«Капиталъ» Маркса.

Хозяинъ комнаты въ старенькой, порыжѣлой тужуркѣ лежитъ на кровати поверхъ одѣяла; ноги у него укутаны пледомъ. Онъ лежитъ безпокойно, понемногу развертываетъ пледъ и подтягиваетъ его выше къ самому лицу.

На столѣ съ книгами, повернувшись спиною къ кровати, осторожно хозяйничаетъ, переставляетъ пузырьки съ лекарствами, посуду, лампу барышня въ розовой кофточкѣ. По фигурѣ ей можно дать четырнадцать—пятнадцать лѣтъ. Такія фигуры бываютъ у дѣвочекъ подростковъ, когда онѣ плохо ростутъ. Двѣ совершенно плоскія дощечки спереди и сзади обрисовываются подъ розовою кофточкой на такомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, что какъ-то трудно представить себѣ, какимъ образомъ помѣщаются между ними сердце, легкіе и другіе органы, необходимые для жизни. Барышня—институтка, кончила курсъ, ей уже восемнадцать лѣтъ, но лицо у нея ребячье, наивное, кругловатое, съ мягкими, неправильными чертами. Темные, съ большими кругами подъ ними, глаза смотрятъ совсѣмъ по-дѣтски, попеременно съ робѣющимъ и упрямымъ выраженіемъ.

Больному она чужая, такая же, какъ онъ, одинокая пріѣзжая въ Ялту по случаю болѣзни—легочнаго процесса. Оба встрѣтились случайно, познакомились и стали видаться. Сперва онъ приходилъ къ ней въ ея комнату на другой дачѣ, разговаривалъ съ нею, оставался пить чай, потѣшался надъ институтскою наивностью, носилъ книжки и «развивалъ» по послѣднему фасону, только что привезенному изъ Москвы. Потомъ ему стало худо, онъ слегъ. Она стала приходить къ нему и ухаживать за нимъ.

Больной неосторожно потянулъ пледъ и открылъ ноги, худыя и длинныя, въ желтыхъ татарскихъ туфляхъ.

Барышня съ живостью повернулась отъ стола.

— Ну вотъ видите! Я же говорила, что лучше было не одѣваться, а лечь, какъ слѣдуетъ, подъ одѣяло. Что, васъ знобитъ?

— Не знобитъ. Просто должно быть озябъ, когда выходилъ давеча.

— Иванъ Григорьевичъ! Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! Такъ нельзя! Раздѣньтесь и лягте хоть теперь.

— А, да что! Ерунда все. Сегодня не должно быть повышенія. Да я ужъ вамъ говорю. Я себѣ вчера хины здоровую дозу закатилъ.

— Вамъ Михаилъ Семеновичъ прописалъ?

— Непремѣнно вашъ Михаилъ Семеновичъ! Точно я не знаю самъ лучше его.

— Онъ вамъ запретилъ выходить.

— Онъ бы мнѣ еще дышать запретилъ. Ну да все равно. Дайте пожалуйста, градусникъ.

Больной нетерпѣливымъ движеніемъ спускаетъ ноги съ кровати, но тотчасъ же ложится опять, кутается въ пледъ и ставитъ градусникъ.

— Кой чортъ! Повысилась! Гдѣ же бы я это могъ простудиться? Или это желудочное? Навѣрное оттого, что желудокъ плохъ. И все это ихъ подлыя щи... съ томатами. Послушайте, Синичка, пожалуйста, нельзя ли чтобы не было ихъ больше, этихъ томатовъ.

— Не будетъ, Иванъ Григорьевичъ.

Больной закрываетъ глаза.

Маленькая фигура въ розовой кофточкѣ осторожно двигается по комнатѣ, останавливается и смотритъ на лицо съ закрытыми глазами. Ей тоже хочется вѣрить, что во всемъ виноваты щи съ томатами.

Съ поразительной изобрѣтательностью больной каждый день самъ подъискиваетъ случайныя причины ухудшенія своей болѣзни, повышенія температуры. Она старательно поддерживаетъ его во всѣхъ предположеніяхъ, но сомнѣнія и тревога все сильнѣе овладѣваютъ ею самой, и все удивительнѣе кажется: какъ можетъ онъ—«Ваничка» (про себя она уже иногда называетъ его такъ), такой умный и серіозный (умнѣе и серіознѣе она никого не видала въ институтѣ) и притомъ же медикъ на третьемъ курсѣ, позволять такъ обманывать себя, такъ легко обманываться самъ.

«Щи... томаты... Не съѣлъ вчера и двухъ ложекъ. Докторъ говоритъ—плохо, совсѣмъ плохо. Да и не нужно говорить. Хорошо, что хозяйка унесла зеркало... А къ вечеру навѣрное опять дойдетъ до сорока».

Больной тяжело поворачивается на постели длиннымъ, громоздкимъ, исхудалымъ тѣломъ.

— Надежду Александровну видѣли?

— Нѣтъ. Вѣрно все съ жиденкомъ своимъ возится.

— Опять «жиденокъ»! Ахъ вы институтка! Націоналистка!

— Да вообразите, оказывается крещеный онъ. Я и не знала.

— Да вамъ зачѣмъ это нужно знать? Что вамъ за дѣло?—сурово допрашиваетъ студентъ и прибавляетъ съ безпокойствомъ: — Развѣ Боркину хуже?

Больные съ величайшимъ вниманіемъ слѣдятъ за здоровьемъ другъ друга, и каждое ухудшеніе у одного вызываетъ тревогу и опасенія у всѣхъ другихъ.

Боркинъ—больной бѣднякъ-студентъ, еврей, заброшенный и совершенно одинокій,—помѣщается въ верхнемъ этажѣ той же дачи. Его навѣщаютъ изъ состраданія другіе квартиранты, заходятъ барышни, между прочимъ молодая фельдшерица Надежда Александровна.

По корридору раздаются знакомые, быстрые шаги. Больной съ живостью поворачиваетъ голову.

— Надежда Александровна?

— Я.

Въ комнату входитъ молодая, небольшого роста, бѣлокурая женщина съ блѣднымъ лицомъ. На первый взглядъ это самое обыкновенное лицо, такое лицо, мимо котораго можно пройти десять разъ и не замѣтить его. При внимательномъ взглядѣ поражаетъ его выраженіе: серіозное, трогательное, прекрасное. Сѣрые глаза тоже обыкновенные, небольшіе, смотрятъ такъ, какъ будто всматриваются въ человѣка, всматриваются затѣмъ, чтобы понять: не нужно ли помочь, утѣшить, ободрить, защитить? Она сама—тщедушная, слабая и худая, у нея у самой легочный давнишній процессъ, но все это ничего не значитъ. Ея мѣсто тамъ, гдѣ есть страданіе, несчастье, боль, и такъ или иначе, а она попадаетъ на свое мѣсто.

Она легкими шагами, на ходу сбрасывая кофточку, подходитъ къ кровати.

— Ну что, Синичка, какъ мы сегодни? Неважно, а? Да ужъ вижу, вижу. Нечего и говорить. Погода нынче дрянь, вотъ что имѣйте въ виду, Иванъ Григорьевичъ.

— Развѣ нехорошо? А изъ окна какъ будто бы ничего. Вонъ солнце...

— Такъ что-жъ, что солнце? Вѣтеръ сѣверный, хуже холода. Навѣрное сегодня повышена температура у половины Ялты. У васъ сколько?

— Ну, не бѣда. У насъ съ Соней будетъ столько же къ вечеру. И аппетитъ, разумѣется, плохой? Еще бы безъ воздуха!

Больной повернулъ голову на худой, длинной шеѣ и слушаетъ внимательно. Найдена вполнѣ естественная причина ухудшенія его состоянія. Это дѣйствуетъ на него успокоительно. Щи съ томатами также приняты во вниманіе. Относительно ихъ вліянія начинается самый оживленный обмѣнъ мыслей, во время котораго Соня Синицкая тихо и покорно выходитъ изъ комнаты.

Студентъ не любитъ, когда она присутствуетъ при подобныхъ разговорахъ. Зато, по уходѣ ея онъ, видимо, совершенно забываетъ, что находится въ присутствіи другой, также еще молодой, посторонней, миловидной женщины. Для него она давно уже не женщина. Кто она—онъ про себя еще не умѣетъ опредѣлить. Какъ медику-студенту, ему приходилось сталкиваться въ Москвѣ съ фельдшерицами, которыя ходятъ на курсы, дежурятъ въ больницахъ, продаютъ билеты на благотворительные концерты и танцуютъ на благотворительныхъ вечерахъ, но такихъ между ними онъ не встрѣчалъ. Въ сущности лечитъ его не докторъ, а она—фельдшерица Надежда Александровна.

Докторъ пріѣзжаетъ на пять минутъ, добродушно хлопаетъ его по плечу, называетъ collega и не беретъ денегъ; но у доктора занятія и визиты, докторъ не имѣетъ времени и торопится всегда, а она не торопится. Спокойно и обстоятельно она добивается уясненія мельчайшихъ, по ея мнѣнію необходимыхъ подробностей и затѣмъ постановляетъ свое заключеніе.

— Ну, что говорить! Томаты сами по себѣ, но, разумѣется, и все другое не такъ. Гдѣ же вамъ теперь, пока вы въ этомъ состояніи, выходить изъ комнаты! Все что нужно слѣдуетъ пристроить тутъ же подлѣ васъ. Да не волнуйтесь, пожалуйста, — по своему понявъ его взглядъ, прибавляетъ она. Покупать не придется ничего. Я устрою все такъ, какъ дѣлала тамъ, у себя въ больницѣ. Тамъ вѣдь негдѣ было покупать, да и не на что. Ну и приходилось выѣзжать на выдумкѣ, по пословицѣ, знаете: голь на выдумки... Ухитримся и теперь.

Она окидываетъ взглядомъ маленькую комнату.

Больной слѣдитъ за нею съ выжидающимъ и безпокойнымъ выраженіемъ. Онъ и догадывается, и боится, и не можетъ допустить мысли.

— Вамъ что собственно нужно, Надежда Александровна?

— Ничего. Нужно, чтобы вы лежали смирно и не шевелились. Я сама разыщу все, что требуется. Табуретка есть. Полотенце найдется лишнее? Ну, пойду у Сони спрошу.

Неуловимое выраженіе проходитъ по лицу студента. Надежда Александровна тотчасъ же перебиваетъ самое себя.

— А впрочемъ не къ чему ее сюда путать. Гдѣ ей бѣдненькой! Слаба, какъ муха, да и не приходилось никогда. Такъ вы ужъ пожалуйста позвольте мнѣ самой похозяйничать у васъ въ чемоданѣ. Гдѣ? Подъ кроватью? Отлично. Сейчасъ достанемъ.

Она становится на колѣни на соломенный коврикъ, и вмѣстѣ съ нею невольнымъ движеніемъ больной наклоняется, чтобы помочь выдвинуть чемоданъ изъ-подъ кровати, но тотчасъ же откидывается назадъ, на подушки, съ сильнымъ приступомъ кашля. Глаза принимаютъ сразу испуганное, растерянное выраженіе; оно не проходитъ до послѣдняго откашливанья, послѣ котораго, убѣдившись что крови нѣтъ, больной затихаетъ и успокаивается.

— Не гожусь на исполненіе кавалерскихъ обязанностей. Ни на что уже не гожусь. Дрянь дѣло,—говоритъ онъ, передохнувъ, слѣдя внимательными глазами за выраженіемъ ея лица.

Надежда Александровна спокойно отираетъ концомъ вынутаго изъ чемодана чистаго полотенца блѣдный, взмокнувшій лобъ и возвращается къ своимъ приготовленіямъ.

— Отличныя полотенца у васъ, Иванъ Григорьевичъ! Вонъ какія длинныя! Сейчасъ видно, что деревенскія.

— Да, это изъ деревни мать прислала.

— Вотъ и кстати, пригодились. Ну что, отдохнули? Вамъ удобнѣе будетъ облокотиться на подушки, а на руки можете положить голову. Вода есть въ самоварѣ?

— Какъ, развѣ вы думаете сейчасъ?

— Да зачѣмъ же откладывать?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Бога ради нѣтъ!

Онъ краснѣетъ багрово, съ видомъ звѣря, котораго собираются травить.

— Нѣтъ! Что хотите, я не могу позволить этого. Не настолько я еще слабъ.

— Да я-то не сильна. Если вы черезчуръ ослабѣете, будетъ слишкомъ тяжело мнѣ. Одному вамъ не справиться. Вы увидите, сейчасъ будетъ облегченіе. Полноте, Иванъ Григорьевичъ,—продолжаетъ она тихо, измѣнившимся голосомъ.—Не добавляйте себѣ мученій. Довольно ихъ и безъ того. Я помогаю Боркину каждый день, а вѣдь вы, будущій медикъ, должны смотрѣть на вещи просто.

Онъ смотритъ на нее долгимъ, взволнованнымъ, удивленнымъ взглядомъ, какъ бы стараясь понять: что это такое? Въ самомъ дѣлѣ, что онъ для нея? Что заставляетъ ее, молодую, счастливую, какъ извѣстно ему, въ своей личной жизни, не нуждающуюся со времени замужества въ заработкѣ, оказывать услуги, исполнять которыя тяготится за деньги прислуга, русскіе мужики дворники на ялтинской дачѣ? Все его мужское естество молодого, еще только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здороваго мужчины возмущается каждый разъ при малѣйшемъ намекѣ на его физическую слабость, а здѣсь она—эта слабая, маленькая женщина—смотритъ на него, губы у нея складываются такъ, какъ будто бы она хочетъ обратиться къ нему, какъ говорятъ съ совсѣмъ крошечными дѣтьми! «Ну будь же паюшка! Ну, агунюшки»!

И онъ покорно, шатаясь отъ слабости, поднимается, исполняетъ всѣ ея предписанія, и вмѣстѣ съ чувствомъ облегченія послѣ мучительной процедуры, которая была бы невыносима ему въ присутствіи родной матери, чувство глубокой благодарности и глубокаго недоумѣнія овладѣваютъ имъ.

Что это такое? Что она за человѣкъ?

Вотъ онъ лежитъ теперь уже подъ одѣяломъ, убранный, переодѣтый въ мягкую, фланелевую рубашку, на своихъ жесткихъ, высоковзбитыхъ деревенскихъ подушкахъ, а она двигается по комнатѣ, открываетъ окно, приноситъ и уноситъ посуду, полотенца... Главное это простота, та простота, съ которою передаютъ стаканъ чаю, такъ какъ будто бы ей самой это не стоило ровно ничего. А между тѣмъ и это невѣрно. Она сама больная, слабая, устала, навѣрное, отъ возни. Видно по лицу. Дыханіе стало короткое, ускоренное.

— Надежда Александровна!

— Что? Неловко что-нибудь? Сію минуту.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не то. А я хотѣлъ васъ спросить: отчего вы... такая?

— Какая, Иванъ Григорьевичъ?

— Ну, вы понимаете меня. Я смотрю на васъ и думаю: вѣдь вы unicum. Другой такой, какъ вы, я не видалъ.

— Много вы видѣли!

Она засмѣялась и обернулась къ нему лицомъ. Въ рукахъ у нея кружка и градусникъ. Она обтираетъ ихъ длиннымъ, деревенскимъ полотенцемъ. Солнце освѣтило ее всю изъ окна. Щеки у нея худыя и желтыя; руки небольшія, красныя отъ воды.

Больной осторожно остановилъ ее за руку.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вамъ нужно то, что вы дѣлаете? Возиться со мною, съ Боркинымъ?—упрямо, глядя блестящими глазами, настаивалъ онъ.

— Вотъ, ей-Богу! никогда себя объ этомъ не спрашивала. Зачѣмъ!.. Только вѣдь если надъ каждымъ шагомъ задумываться и спрашивать и одергивать себя, такъ вѣдь, Иванъ Григорьевичъ, тогда съ мѣста сдвинуться нельзя.

Она оправила мимоходомъ салфетку на столикѣ и подвинула плевательницу.

— А мнѣ, между прочимъ, какъ разъ двигаться-то и пора. У меня тамъ на набережной «черненькая барышня» сидитъ, на солнышкѣ грѣется и ждетъ меня. Я вамъ сейчасъ Соню позову.

Студентъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, послушайте, не зовите. Мнѣ тутъ нужно бы одинъ вопросъ обмозговать, а лабораторія моя совсѣмъ того... что то сегодня плоха. Лучше побыть одному. Кстати она ночь не спала, возилась со мной.

— Такъ я пойду ей скажу. «Неизвѣстно еще, какая будетъ сегодня ночь» хотѣла сказать Надежда Александровна и не сказала, взглянувъ на его липо.

Больной стиснулъ ея руку и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

IV.

Вопросъ, который предстояло «обмозговать», касался все того же: непримиримаго противорѣчія предшествовавшей жизни, твердыхъ, какъ ему казалось, установившихся убѣжденій и новыхъ впечатлѣній послѣдняго времени, которыя надвинулись на него здѣсь, въ Ялтѣ, со времени его болѣзни.

Заболѣлъ онъ неожиданно и, по его собственному выраженію, «безсмысленно-нелѣпо». Съ дѣтства онъ помнилъ себя совершенно здоровымъ, съ крѣпкимъ, все выносящимъ организмомъ. Четырнадцати лѣтъ онъ поссорился съ отцомъ, ушелъ изъ дому и съ того времени не былъ обязанъ никому, кромѣ самого себя. Въ послѣднемъ классѣ гимназіи прибавилась новая забота. Отецъ бросилъ мать и пять человѣкъ дѣтей. Иванъ Григорьевичъ былъ старшій въ семьѣ. Мать стала давать уроки и жить уроками въ глухомъ, провинціальномъ городкѣ, прокармливая себя и троихъ младшихъ дочерей, а двухъ мальчиковъ прислала на попеченіе старшаго сына въ Москву.

Съ этого времени измѣнилась вся его жизнь. Два запущенныхъ,

невоспитанныхъ, какъ два дикихъ звѣрька, мальчугана не только брали всѣ его излишнія деньги (онъ и раньше посылалъ все, что могъ удѣлить, семьѣ), но они теперь, кромѣ денегъ, взяли каждую минуту его свободнаго времени, заняли половину тѣсной студенческой комнаты, потребовали на себя огромнаго количества незнакомыхъ ему, несвойственныхъ, по самому его характеру, попеченій и заботъ. И хотя бы была возможность добиться чего-нибудь, довести дѣло до конца. Но два первые же года чрезмѣрнаго напряженія оказали свое вліяніе. Здоровье было подорвано, силъ не хватило. Влетѣла ли шальная бацилла, сказалась ли плохая наслѣдственность, но лѣтомъ, на урокѣ, въ прекрасной русской усадьбѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ угрожающіе признаки страшной болѣзни. Окружающіе здоровые люди, какъ водится у здоровыхъ людей, приписали все дѣло его мнительности, а по возвращеніи въ Москву, въ анализѣ были найдены бациллы, и знакомый профессоръ послалъ его въ Ялту, пригрозивъ печальными послѣдствіями въ случаѣ малѣйшаго промедленія.

Было поздно, очевидно, и безъ того. Промедлить пришлось, пока устраивались дѣла. Ялтинскій докторъ по пріѣздѣ ничѣмъ не грозилъ, велѣлъ приходить къ себѣ каждую недѣлю и прописалъ лекарство. Къ удивленію, пользы ни лекарство, ни воздухъ, ни перемѣна обстановки не приносили никакой. Правда, обстановка была въ сущности не лучше, а первое время даже значительно хуже, нежели была въ Москвѣ. Квартирныя мытарства пришлось переживать въ полной мѣрѣ съ первой минуты въѣзда въ Ялту; пришлось жить мѣсяцъ въ сырой комнатѣ безъ печи. Больной студентъ съ тощимъ чемоданомъ въ рукахъ даже и въ зимній сезонъ не возбуждалъ ни въ комъ желанія отвести ему помѣщеніе хотя бы и въ пустующихъ квартирахъ. Опытный глазъ ялтинскихъ домовладѣльцевъ сразу оцѣнивалъ невыгодность подобнаго жильца и предрекалъ его судьбу. Годъ протянетъ, много полтора; не осенью, такъ весною конецъ. Хорошихъ жильцовъ распугаетъ, а у самого, Богъ знаетъ, будетъ ли еще чѣмъ заплатить за комнату.

Сравнительно сносное помѣщеніе было найдено много позднѣе съ помощью барышенъ. Онъ познакомился съ ними въ библіотекѣ на набережной.

Барышенъ въ шапочкахъ, въ короткихъ и длинныхъ кофточкахъ, съ книгами подъ мышкою, стриженныхъ и нестриженныхъ, былъ и здѣсь цѣлый рой, не хуже, чѣмъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Были такія, которыя лечились, и другія, которыя не лечились, а просто жили, сидѣли въ скверѣ у моря и въ библіотекѣ, гуляли подъ руку по набережной по двое, по трое, безъ старшихъ и жили въ семьяхъ или одиноко въ меблированныхъ комнатахъ.

Соня Синицкая среди нихъ, съ ея дѣтскимъ лицомъ и большими вѣчно удивленными, внимательными глазами, заинтересовала его.

Она была сирота, воспитанница какихъ-то богатыхъ людей, кото-

рые отдали ее съ семи лѣтъ въ институтъ, аккуратно вносили деньги за ея содержаніе и обученіе и затѣмъ ничего болѣе не желали знать, не интересовались ею и не заботились о ней. Десять лѣтъ маленькая воспитанница провела безвыѣздно въ институтѣ, ни разу не видавъ другого города, другой обстановки, хотя бы просто семейной обстановки какой-нибудь знакомой семьи. По окончаніи институтскаго курса тою же весною врачи нашли у нея чахотку. Институтской классной дамѣ была вручена опекуномъ необходимая сумма денегъ на поѣздку въ Ялту. Классная дама привезла ее, пріискала квартиру и уѣхала назадъ. Въ Ялтѣ больная воспитанница стала получать по сто рублей въ мѣсяцъ. Они аккуратно высылались ей каждое первое число. Кто ихъ высылалъ, она сама хорошенько не знала. Такъ же, какъ и въ институтѣ, не было ни одного существа, которое интересовалось бы ею, ея душевною жизнью и ея судьбою.

Первый человѣкъ, который выказалъ ей этотъ интересъ, была фельдшерица Надежда Александровна.

Больная, безпріютная дѣвочка привязалась къ ней съ обожаніемъ, съ горячимъ преклоненіемъ передъ ея дѣятельностью, которой она всячески стремилась подражать. Но все вскорѣ приняло для нея другой оборотъ. Она встрѣтилась съ Иваномъ Григорьевичемъ и съ первой же минуты полюбила его.

Надежда Александровна покровительствовала этой любви. Она совѣтовала написать все откровенно опекунамъ и просить позволенія на бракъ.

Письмо было послано, но позволенія не послѣдовало. Отвѣтъ пришелъ съ рѣшительною угрозою отнять навсегда содержаніе, въ случаѣ брака воспитанницы со студентомъ, навѣрное «голоштанникомъ» и ищущимъ только ея состоянія.

Иванъ Григорьевичъ непремѣнно пожелалъ прочитать письмо самъ и рѣшилъ тотчасъ же отстраниться, отойти, какъ можно дальше, уйти совсѣмъ.

Отчаяніе ни въ чемъ неповинной дѣвочки и вмѣшательство Надежды Александровны заставили его перемѣнить рѣшеніе. Вскорѣ наступило ухудшеніе въ его болѣзни, онъ слегъ. О свадьбѣ не говорили. Все въ ихъ отношеніяхъ осталось безъ перемѣны.

VI.

Зима въ Крыму не отличается вообще ровностью и мягкостью лечебныхъ городовъ Ривьеры или такихъ уголковъ, какъ Нерви, напримѣръ, защищенныхъ отъ вѣтровъ въ глубинѣ заливовъ Средиземнаго моря.

Случается, что бываютъ теплыя зимы, безъ снѣга, когда въ январѣ цвѣтутъ розы, и дамы гуляютъ въ однихъ платьяхъ. А бываетъ и такъ,

что снѣгъ ложится и лежитъ по нѣсколько дней, температура падаетъ, и холодные вѣтры выдуваютъ послѣднее тепло изъ плохо, по южному выстроенныхъ дачъ.

За послѣднее время, однако, замѣчается рѣшительный прогрессъ въ постройкѣ жилищъ. Въ Ялтѣ выстроено много новыхъ домовъ европейской архитектуры, со всѣми удобствами и усовершенствованіями. Рѣзкія колебанія температуры, разумѣется, вредно отражаются на здоровьѣ больныхъ, но въ общемъ продолжительное пребываніе на южномъ берегу оказываетъ всегда хорошее вліяніе. Случаи замедленія уже начавшагося болѣзненнаго процесса, а также и случаи полнаго выздоровленія, если болѣзнь была захвачена во-время, у всѣхъ на виду и не нуждаются въ подтвержденіяхъ.

Мартъ, вѣтренный и холодный въ тотъ годъ, приходилъ къ концу. Южная весна налетѣла разомъ, безъ бѣлыхъ ночей, безъ длинныхъ сумерокъ. Все росло, вылѣзало, выпирало изъ влажной, потемнѣвшей земли. Все развертывалось, розовѣло и благоухало вокругъ.

Обезсиленные болѣзнью, ослабѣвшіе люди поддавались этому, въ самомъ воздухѣ разлитому напряженію отдохнувшей за зиму силы, накопившейся, готовой вспыхнуть энергіи и страсти. Вмѣстѣ съ птицами хотѣлось летѣть куда-нибудь, хотѣлось старое, прежнее, больное съумѣть отряхнуть съ себя и начать новую, прекрасную и счастливую жизнь, какъ начинало ее все вокругъ: розовыя миндальныя деревья; вылѣзавшіе изъ земли, опушенные сѣрымъ, нѣжнымъ пушкомъ, лиловые крокусы; съеженныя гусиныя лапки каштановыхъ листьевъ и прозрачные, трепещущіе листики бѣлой и желтой акаціи.

Послѣ зимняго затишья, опять появились на набережной красавцы проводники татары, по распоряженію начальства уже въ пиджакахъ, вмѣсто прежнихъ расшитыхъ куртокъ. Опять побросали книжки и стали гулять по тротуарамъ ялтинскіе гимназисты, и влюбленныя парочки позднѣе засиживались на скамейкахъ на берегу.

На скромной дачѣ, почти сплошь занятой лечащеюся молодою колоніей, уже нѣсколько дней замѣтно было необычное, безпокойное оживленіе. У всѣхъ комнатъ двери были отворены. Изъ нихъ выглядывали и выходили люди съ озабоченными лицами.

Поразительная новость успѣла облетѣть весь домъ.

Хозяйка просила очистить комнаты. Къ сезону она собиралась перестраивать дачу. Сроку дана была недѣля. Уже наняты были русскіе плотники и турки рабочіе для земляныхъ работъ.

— И никого не нанимала навѣрное: ни турокъ, ни плотниковъ. Вретъ, какъ чортъ!

Голосъ Синицкой, глухой, торопливый и захлебывающійся, раздавался съ самыми энергическими интонаціями и выраженіями.

— Чортъ ее возьми совсѣмъ и съ ея стройкой! Вретъ или правду говоритъ, разъ что нужно уходить, это безразлично. Но какъ вообще

быть, вотъ вопросъ? Кто насъ теперь пуститъ такихъ?—говорила Соня съ задорною и въ то же время грустною нотой, пожимая худенькими плечами въ розовой кофточкѣ.

Главная задача была въ томъ, чтобы перевезти и устроить слабыхъ больныхъ. Ихъ было четверо: два студента—Иванъ Григорьевичъ и еврей Боркинъ, больная учительница съ горловою чахоткой и «барыня съ ногой», т.-е. съ туберкулезомъ въ костяхъ ноги. У всѣхъ четверыхъ было мало денегъ, всѣ чувствовали себя хуже съ наступленіемъ весны и не вставали съ постелей. Ни у кого не хватало духу объявить имъ о хозяйскомъ рѣшеніи, не пріискавъ заранѣе помѣщенія. Но поиски были напрасны. Вездѣ, по обыкновенію, отказывали, чуть только заходилъ разговоръ о тяжело больныхъ, и совѣтовали дождаться конца на старомъ мѣстѣ. Ждать было тоже нельзя. Хозяйка присылала напомнить о срокѣ и торопила съ отъѣздомъ.

— Гонятъ! Да неужели? Опять!—говорилъ Иванъ Григорьевичъ, дергая худою шеей въ смятомъ воротничкѣ, видимо пересиливая себя, чтобы не показать малодушія.—Вѣдь это выходитъ... Позвольте, за пять мѣсяцевъ три раза. Это четвертый. И куда же теперь? Куда? Главное подлость—съ мѣста сдвинуться не могу. Что-жъ, Надежда Александровна, перетѣзжайте вы. Бросьте меня. Пусть, какъ хотятъ. Пусть выкидываютъ... ну на улицу, ну за окошко...

Соня сидѣла тутъ же на подоконникѣ и, какъ всегда, доставляла себѣ всѣ тѣ удовольствія, которыхъ, по ея словамъ, была лишена за десять лѣтъ своего пребыванія въ институтѣ. Она болтала ногами, бранилась громко и поминала чорта.

— Нѣтъ, вѣдь въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что такое! А, говорятъ, никакой и перестройки-то не будетъ. Просто хотятъ очистить квартиру отъ больныхъ къ сезону. Точно отъ таракановъ... Черти!

Энергическое лицо маленькой фельдшерицы выражало спокойную рѣшительность. Передъ нею было нѣчто странное и нелѣпое съ ея точки зрѣнія. Были помѣщенія, предназначавшіяся для больныхъ людей; были больные люди, которые нуждались въ помѣщеніи; были на этотъ разъ даже и деньги для того, чтобы нанять помѣщеніе, но нанять было нельзя. Больнымъ, отъ которыхъ съ огромнымъ трудомъ и нѣжною заботливостью отстраняли поводы къ безпокойству, приходилось въ глаза сказать, что не только ихъ гнали съ мѣста, но что для нихъ не находилось мѣста нигдѣ въ цѣломъ городѣ.

Сказать этого, очевидно, было нельзя, и Надежда Александровна не говорила. Она рѣшила про себя отстаивать положеніе до послѣдней возможности, какъ отстаиваютъ осажденную крѣпость. Рядомъ по корридору могли выносить и перевозить вещи, корзины и чемоданы, могли хлопать дверями и суетиться, перестанавливать и уносить мебель,—въ маленькой комнатѣ съ ситцевою занавѣской все должно было

оставаться неприкосновеннымъ до послѣдней минуты, до тѣхъ поръ, пока придется сдаваться. Какъ?.. это было уже не ея дѣло, а дѣло людей, которые найдутъ для себя возможнымъ потребовать этой сдачи.

Она отпустила Соню подышать воздухомъ, давъ ей кстати адресы квартиръ, которыя не успѣла осмотрѣть, а сама помѣстилась съ работой въ рукахъ совершенно такъ, какъ дѣлала это каждый день.

— Не стоитъ толковать и мучиться, Иванъ Григорьевичъ,—сказала она, спокойно устраиваясь въ ногахъ кровати и ставя ноги на чемоданъ, чтобы удобнѣе разложить на колѣняхъ работу—длинный, фланелевый бинтъ, который отрѣзала ножницами отъ большого куска.

— Уладится какъ-нибудь. Не выкинутъ же, въ самомъ дѣлѣ, за окно. Вы не думайте,—прибавила она, осторожно дѣйствуя ножницами и изъ-за бинта заглядывая на него.—Говорить вамъ тоже не нужно, а помолчите.

Больной мрачно покачалъ головой.

— Говорить или молчать, думать или не думать, все одно лежишь, какъ бревно. Не поможешь... А вотъ я на васъ смотрю, дорого вамъ обойдется эта музыка—нашъ переѣздъ.

— А что?

— Да вотъ бѣгаете по квартирамъ, со всѣми возитесь, а посмотрите, на кого сами похожи стали!

Надежда Александровна вмѣсто швейной подушечки приколола отрѣзанный бинтъ къ колѣнкѣ, обтянутой сѣрою, шерстяною юбкой, и посмотрѣла себѣ на руки.

— Что-жъ, я, кажется, ничего, какъ всегда.

— И всегда-то видъ былъ неважный...

Она улыбнулась.

— Ну, положимъ, вы меня раньше не знали, какая я была. Я вѣдь здоровенная была. Совсѣмъ здоровая,—прибавила она съ удареніемъ.— Вся моя болѣзнь послѣ одного случая началась. Былъ одинъ такой случай.

— Вы никогда не говорили.

— Да это цѣлая исторія.

Больной съ усталымъ видомъ приподнялся на подушкахъ и закрылъ глаза.

— У всякаго своя исторія...

— Да. Жаль, исторія невеселая,—сказала Надежда Александровна. А все таки читать вамъ больше нельзя, пожалуй вы послушаете, а я разскажу.

Она вдругъ замолчала и прислушалась.

По корридору раздался громкій стукъ, должно быть упалъ какой-то тяжелый предметъ. Что-то громоздкое сдвинули съ трудомъ и съ визгомъ покатили на колесахъ. Затопали шаги, и сильно хлопнула дверь.

— Опять? Перезжаютъ?—съ тревогой спросилъ больной.

— Да, это изъ 15-го. Они давно собирались. Сейчасъ перестанутъ стучать. Ну такъ вотъ... Исторія, право же, любопытная. Кое-что вы уже знаете,—начала она, откашливаясь и осторожно проведя платкомъ по губамъ.—Росла я, какъ вы знаете, также, какъ и Соня наша, сиротой. Работать пришлось начать рано. Прямо со скамейки, съ курсовъ, пришлось ѣхать на фабрику фельдшерицей... одной...

— Отлично! Сразу на дѣло,—не открывая глазъ, замѣтилъ больной.

— Да, я была довольна,—продолжала Надежда Александровна Мѣсто попалось недурное, самостоятельное. Хозяева не жили на фабрикѣ, а только пріѣзжали по нѣсколько разъ въ годъ. Жить было можно, хотя глушь, кругомъ ни души, общества никакого. Но дѣла было такъ много, что некогда было и пользоваться обществомъ. Мѣстность была нездоровая, рабочіе болѣли лихорадками. Хины, салицилки приходилось изводить множество, а доставлялось намъ все изъ аптекарскаго магазина, отъ аптекаря въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Послѣ московскихъ складовъ и аптекъ, приглядѣвшись къ хорошему, я тогда же, съ первыхъ дней увидѣла, что дѣло у насъ поставлено нехорошо, и въ аптеку намъ доставляютъ негодный матеріалъ,—тихимъ голосомъ, спокойно, какъ сказку, разсказывала Надежда Александровна, подшивая прозрачною, желтою клеенкой длинный фланелевый бинтъ и осторожно, чтобы не потревожить больнаго, расправляя его ловкими пальцами поверхъ одѣяла на краю матраца.—Видите, какая для васъ клеенка чудесная! А вотъ намъ бывало пришлютъ такую, что въ рукахъ липнетъ, какъ липкій пластырь, и разлѣзается, чуть дотронешься до нея иглой. Ну и все другое въ томъ же родѣ: хининъ съ мѣломъ подмѣшанный, травы давнишнія, заплесневѣлыя, словомъ все самое плохое, послѣдній сортъ. Разумѣется, раньше всего другого я пробовала сама поговорить съ аптекаремъ, нашимъ поставщикомъ. И совсѣмъ по виду былъ недурной, любезный такой человѣкъ.

Она выпустила на минуту шитье и задумалась.

— Нѣмецъ или полякъ?

— Нѣтъ, русскій, чистѣйшій русскій, въ поддевкѣ даже иногда къ намъ пріѣзжалъ. Голубоглазый такой и на видъ добродушный. Только торопливость въ немъ была особенная, точно онъ какъ можно скорѣй нажиться хотѣлъ. И наживался навѣрное. Раньше молчали и брали у него, что пришлетъ, а тутъ я пріѣхала и не стала брать.

— Ну, а докторъ то чего же смотрѣлъ. Докторъ то у васъ тамъ былъ?—спросилъ больной.

— Былъ. Его роль удивляла меня болѣе всего. Сперва то мнѣ и въ голову не приходило, что онъ не могъ не знать положенія дѣла. Онъ хоть и не жилъ у насъ на фабрикѣ, а все же наѣзжалъ, когда вызовешь его, бывало, раза два, три и больше въ мѣсяцъ. Мои жалобы на лекарства онъ выслушивалъ всегда какъ то особенно сдержанно.

*

Смотрю, бывало, на его лицо и не пойму, что у него на умѣ. Даже досада возьметъ. Я вѣдь тогда не такая, какъ теперь была. Что-нибудь не такъ, разсержусь, такъ не то, что съ докторами или аптекарями, а хоть съ кѣмъ угодно готова воевать. А онъ—докторъ—все только бывало успокоиваетъ меня, все совѣтуетъ быть посдержаннѣе, не кипятиться понапрасну. Но не могла же я своими руками отравлять своихъ больныхъ. И вотъ, такъ какъ я не могла, то отравили меня...

Студентъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— То-есть, какъ же это отравили?

— А такъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ—сулемы всыпали, подмѣшали въ хининъ.

— Что за ерунда! Не можетъ быть. Нечаянно какъ-нибудь, по ошибкѣ?

— Не думаю. Да, вотъ, не перебивайте, слушайте до конца. Годъ цѣлый билась я тогда, воевала въ одиночку, все надѣялась добиться своего и наконецъ потеряла терпѣніе. Докторъ былъ, ясное дѣло, не на моей сторонѣ. Выходило какъ будто бы, что и я съ ними заодно...

Она остановилась, ожидая подтвержденія.

— Разумѣется, могли подумать.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Я и рѣшилась тогда на крайнее средство, обратилась съ жалобой къ самому фабриканту-хозяину. Дождалась его разъ на лѣстницѣ, провела за руку въ аптеку, показала испорченныя лекарства. Разсердился, сразу подѣйствовало. Сдѣланъ былъ строгій выговоръ, при мнѣ пригрозили, что прикажутъ брать матеріалъ въ другомъ мѣстѣ, будутъ выписывать изъ складовъ, прямо изъ Москвы. А надо вамъ сказать, что, несмотря на лихорадочную мѣстность, я держалась почему-то и не болѣла лихорадкою, а тутъ вдругъ вскорѣ случилось, и захворала. Ну, не доктора же было выписывать! Сидѣлка побѣжала въ аптеку и принесла мнѣ порошокъ хинина, который изъ рукъ въ руки далъ ей аптекарь самъ. Онъ случился тутъ какъ разъ въ этотъ самый день. Я порошокъ приняла, да и вотъ, теперь три года прошло, а я до сихъ поръ не могу вполнѣ оправиться отъ этого пріема.

— Что за гнусность!—горячо отозвался больной.—И главное... главное такъ просто все!

— Да именно просто. До ужаса просто.

— Ну и что же, было этому мерзавцу что-нибудь за это? Уличили вы его? Судили его?

— Ничего не было. Все осталось неизвѣстнымъ никому, точно и не случилось ничего.

Больной разомъ приподнялся на постели. Онъ покраснѣлъ синеватымъ, густымъ румянцемъ, который сейчасъ же исчезъ, и послѣ котораго щеки стали еще блѣднѣе.

— Вотъ онѣ женщины! Всегда такъ! Что же вы простили? Вы

того не берете въ разсчетъ, что вы права не имѣли прощать, что своею слабостью...

— Въ другой разъ буду вамъ сказки разсказывать, Иванъ Григорьевичъ,—съ неудовольствіемъ замѣтила Надежда Александровна.— Нервы у васъ сегодня негодятся никуда. Поднимитесь, подушку сбили всю. Дайте поправлю. Вотъ такъ... Не недостатокъ гражданскаго мужества, а такъ сложились дѣла,—видимо сама увлекаясь воспоминаніями, продолжала она.—Подумайте, вѣдь я замертво лежала... долго что-то, не помню, нѣсколько мѣсяцевъ. Нашлись добрые люди, пріятельница пріѣхала за мной. Въ то время мысль объ отравѣ никому не приходила и на умъ. Лечили меня усердно и добросовѣстно, поставили на ноги и выпроводили при первой возможности, послали весной на кумысъ, да еще и денегъ на дорогу дали. Кого тутъ было судить, ну? Кому жаловаться? Вѣдь это только потомъ, когда я выздоровѣла и мы вспоминали, какъ я заболѣла, какъ и чѣмъ лечили, и вообще разныя тамъ мелкія подробности и черточки, кѣмъ и какъ былъ данъ этотъ единственный порошокъ,—пришлось остановиться на мысли объ отравѣ. Ну и что же дальше? Возвращаться на фабрику, судиться, уличать? Да у меня копейки лишней на проѣздъ не было. И гдѣ же доказательства? Вѣдь этакъ, пожалуй, меня же самое могли притянуть за клевету...

Она наклонила голову и уже не шила, а только прокалывала невздѣтою иглой бѣлый кусочекъ фланели, оставшійся отъ готоваго бинта.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

Больной нетерпѣливо кашлялъ сухимъ и короткимъ кашлемъ, видимо собираясь возражать.

— Характерная женская безпомощность. Заступиться за васъ было некому,—замѣтилъ онъ.—Мужа вашего вы встрѣтили позднѣй?

— О да, гораздо позднѣй. Вы мнѣ давеча напомнили его, когда вскочили и сжали кулаки. Онъ тоже, бывало, кипятился первое время, а я успокоилась давно. Жаль, здоровья нельзя прежняго вернуть, силы нѣтъ. Бывало я въ своей больничкѣ бабу больную одна могла поднимать, повернуть. Теперь не могу. Помните съ вами давеча?

— Со мной! Позвольте, да вѣдь во мнѣ пять пудовъ... недавно было,—прибавилъ онъ и тотчасъ же густо покраснѣлъ.—Да вотъ въ томъ-то и дѣло, годъ тому назадъ не меня поворачивали, а я самъ въ клиникѣ...

Онъ вдругъ замолчалъ, протянулъ руку, взялъ съ одѣяла лежавшую на краю кровати толстую переплетеную книгу и съ видимымъ и неловкимъ усиліемъ, высоко поднявъ локоть, переложилъ ее на свободное мѣсто на столѣ.

— Не принимается почему-то въ разсчетъ, что все можетъ... для каждаго можетъ измѣниться каждый день, — вдругъ упавшимъ голо-

сомъ прибавилъ онъ и снова замолчалъ.—Такъ и ваша исторія. Ошибка или подлый умыселъ, но вотъ вчерашній сильный человѣкъ лежитъ растоптанный, какъ жалкій червякъ. Роли перемѣнились. Не всѣ выздоравливаютъ. Падающаго остается толкнуть. Такъ оно и будетъ, разумѣется, безъ сомнѣнія. Такъ оно и должно...

Ножницы съ рѣзкимъ звукомъ упали на полъ. Мягко скатился съ колѣнъ и развернулся свернутый въ трубочку готовый бинтъ.

— Иванъ Григорьевичъ, голубчикъ, Ничего, ничего! Не пугайтесь! Пройдетъ, сейчасъ все пройдетъ.

Глаза больного съ выраженіемъ ужаса остановились на одной точкѣ. Рука крѣпко схватилась за протянутую ему руку, и онъ безпомощно припалъ къ ней головой. Ротъ былъ полуоткрытъ. Изъ него медленно текла тягучая, темная, струя.

VII.

„Двѣ вещи наполняютъ душу всегда новымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, которыя поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ чаще и настойчивѣй занимается ими наше размышленіе — это звѣздное небо надъ нами и моральный законъ внутри насъ".

Кантъ.

Больные, которые пріѣзжаютъ въ Крымъ на весенній сезонъ въ мартѣ, почти всегда негодуютъ и бываютъ недовольны погодой, такъ какъ будто бы кто-нибудь навѣрное обѣщалъ имъ лѣтнее тепло и затѣмъ не сдержалъ обѣщанія. Между тѣмъ стоило бы посмотрѣть въ любомъ путеводителѣ, вездѣ мартъ мѣсяцъ по числу бурь, послѣ января, считается въ Крыму наиболѣе дурнымъ. Но въ путеводители почему-то не заглядываютъ, на погоду всѣ жалуются, а въ мартѣ все же обыкновенно начинается въ Ялтѣ весенній пріѣздъ.

Присмирѣвшіе за зиму домовладѣльцы оживляются. Въ гостинницахъ топятъ печи и освѣжаютъ комнаты. На набережной появляются новыя лица.

Особенно много народу съѣзжается къ празднику, провести двѣ свободныя недѣли—Страстную и Святую—въ Ялтѣ, отдохнуть отъ столичной жизни, отъ занятій и праздничныхъ визитовъ.

На маленькой дачѣ съ двумя кипарисами настали печальныя времена. Больные, одни за другими выѣзжали изъ дома. Въ опустѣломъ верхнемъ этажѣ оставалась фельдшерица Надежда Александровна и учительница безъ голоса, да больной студентъ, давно приговоренный всѣми,—хозяевами, сосѣдями и докторами—и упорно не исполнявшій ничьихъ предсказаній.

Назначенный крайній срокъ для очищенія квартиры миновалъ, а въ положеніи больнаго не произошло перемѣны. Въ отвѣтъ на вопросы окружающихъ, доктора все также говорили объ агоніи и несо-

мнѣнной близости конца, пожимали плечами и удивлялись живучести организма.

Хозяйка—молодая и элегантная дама въ шляпкѣ съ букетомъ бѣлой акаціи, въ новыхъ весеннихъ туалетахъ, прибѣгала по нѣсколько разъ въ день, приходила въ отчаяніе и съ негодованіемъ говорила о конечномъ своемъ разореніи, если «это, продлится еще хоть нѣсколько дней».

«Это» продолжалось день за днемъ, недѣля за недѣлей, повидимому грозило окончательно испортить весенній сезонъ и захватить наступавшіе праздники.

Больной переживалъ мучительные ночи и дни. Онъ страдалъ и тяготился своими страданіями, но затѣмъ неожиданно опять пріободрялся духомъ, начиналъ вѣрить въ облегченіе болѣзни, въ переселеніе на другое мѣсто, переѣздъ въ деревню и даже возможность нѣсколькихъ лѣтъ жизни впереди.

Онъ вдругъ проснулся среди ночи. Комната была освѣщена. Горѣла лампа, загороженная, поставленною стоймя, раскрытою книгой. Въ креслѣ на колесахъ, припавъ къ клеенчатой, темной ручкѣ блѣдною щекой, лежала маленькая въ розовой кофточкѣ, свернувшаяся фигура. Слышно было сонное, тихое дыханіе.

Больной уперся обѣими руками въ матрацъ и приподнялся на подушкахъ. Какъ это случалось иногда, отъ сильнаго движенія что-то будто передвинулось внутри, въ груди, и дышать стало вдругъ легче. Во весь день не было такъ легко.

Онъ протянулъ было руку и хотѣлъ придвинуть лампу, чтобы начать читать, но раздумалъ и не сталъ передвигать. Не стоило того. За послѣднее время не было книгъ, которыя возбуждали бы въ немъ интересъ или удовольствіе. Для серіознаго чтенія онъ былъ слишкомъ слабъ, скоро утомлялась и отказывалась служить голова, а легкое чтеніе, романы, онъ и раньше не любилъ. Теперь же они возбуждали въ немъ чувство злобы и безплоднаго раздраженія. Во всѣхъ нихъ было одно: изображеніе жизни, а для чего ему могло быть нужно изображеніе чужой жизни теперь, когда онъ чувствовалъ—собственная жизнь медленно, но непрерывно, день за днемъ уходила изъ него.

Не разъ въ ночные, томительные часы, когда не было сна, ему приходило на умъ любопытное соображеніе относительно того, что могло оставаться нужно человѣку, доведенному до послѣдняго предѣла, во всякомъ положеніи. По счастію оставалось нужно немногое. И это немногое было не въ книгахъ... Вспоминались иногда раньше читанныя книги, какія были въ ходу, о которыхъ спорили и толковали въ кружкахъ на курсѣ...

Содержаніе этихъ книгъ за послѣдніе годы сводилось почти сплошь къ вопросамъ экономическимъ. Рядомъ стояли русскіе переводы нѣмецкихъ статей извѣстнаго нѣмецкаго философа. Если прибавить къ

этому журналистику, статьи, подписанныя популярными именами въ журналахъ съ опредѣленнымъ направленіемъ, то на лицо былъ весь запасъ духовной пищи средняго человѣка, представителя той молодежи, къ которой еще такъ недавно принадлежалъ онъ самъ.

И все это было очень нужно и казалось очень важно, интересно и даже было обязательно знать тогда, и ничего этого не было нужно теперь. Тогда, недавно, полтора года тому назадъ, въ Москвѣ, гдѣ нибудь въ «Гиршахъ», въ тѣсной, набитой народомъ комнатѣ, голубой отъ табачнаго дыма, и онъ вмѣстѣ съ другими еще могъ сидѣть, слушать и спорить самъ, и говорить, но главное—могъ дышать. Одинъ глотокъ того воздуха, навѣрное, задушилъ бы его теперь.

Воспоминаніе было до того живо, что онъ тутъ же закашлялся и, какъ всегда, испугался приступа кашля. Но все обошлось. Фигура на креслѣ подняла было голову и тотчасъ же закрыла глаза. Видно сонъ сильно клонилъ ее. А ему не хотѣлось спать. Воспоминанія и мысли пошли опять своимъ чередомъ.

Философія нѣмецкаго философа въ свое время сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. На глазахъ его вліяніе ея увеличивалось съ того времени, въ особенности какъ появились переводы, такъ какъ немногіе могли одолѣвать трудности подлинника. Пользуясь противорѣчіями и непослѣдовательностью отдѣльныхъ положеній, каждый бралъ, что было себѣ по душѣ, пуская въ ходъ эффектныя выраженія, полюбившіяся, ставшія модными слова, не заботясь о конечныхъ выводахъ. Но для него лично не было противорѣчій. Каждое изъ основныхъ положеній приходилось ему по душѣ и по плечу, какъ приходится на заказъ сдѣланное, ловко сшитое платье.

Начало высокомѣрнаго отношенія къ людямъ зародилось въ немъ самомъ давно, много ранѣе увлеченія его Ницше, съ того времени, когда четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ онъ почувствовалъ себя беззащитнымъ и одинокимъ въ чужомъ городѣ, въ цѣломъ огромномъ мірѣ и съумѣлъ не потеряться въ немъ, пережить тяжелое время и безъ всякой помощи, самостоятельно выйти на дорогу и встать на свои ноги.

Всѣхъ, въ комъ онъ не чувствовалъ способности и силы сдѣлать то же, онъ презиралъ. Каждаго, кого ему случилось бы встрѣтить на своей дорогѣ, онъ считалъ себя въ правѣ столкнуть съ нея, будь это женщина или мужчина, товарищъ или близкій человѣкъ. Ближе всѣхъ каждому человѣку долженъ быть онъ самъ. Жить значило прежде всего, проявлять собственную личность во всемъ разнообразіи и полнотѣ ея оригинальныхъ, ей одной присущихъ свойствъ. Проявленіе это само по себѣ достаточная цѣль жизни. Остальное все старый бредъ, отсталые пережитки, которыми живутъ люди по недомыслію и умственной лѣности, живутъ потому, что боятся рѣшительныхъ выводовъ, не смѣютъ заглянуть въ глубину, до конца.

Больной закинулъ руки за голову, схватился за перекладину кровати и передвинулся съ такою силой, которой нельзя было ожидать въ немъ при его худобѣ. Потомъ онъ опустилъ руки и крѣпко сжалъ ихъ худыми, горячими пальцами.

Какъ могло случиться, что онъ, который давно не боялся ничего и твердо вѣрилъ въ свою способность устроить согласно теоретическимъ выводамъ собственную жизнь, какъ могъ онъ попасть въ это положеніе, своими руками вырыть себѣ яму, изъ которой некуда было убѣжать?

Исторія была самая обыкновенная, такая, какія случаются съ обыкновенными людьми каждый день.

Ему вдругъ представились два лица, двѣ круглыя, стриженныя головы, поразительно похожія на его собственную, съ торчащими ушами, съ пугливымъ и въ то же время плутоватымъ выраженіемъ въ смотрящихъ исподлобья, потупленныхъ дѣтскихъ глазахъ. Воображеніе представляло обоихъ мальчиковъ-братьевъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ въ одно прекрасное утро оба неожиданно появились въ студенческой тѣсной комнатѣ, тамъ, на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ.

Онъ видѣлъ ихъ передъ собою, какъ живыхъ.

Оба взошли и стояли передъ нимъ смущенные, какъ передъ чужимъ человѣкомъ.

Старшій, по знакомой привычкѣ, мялъ и крутилъ пальцами ухо; младшій безпокойно гримасничалъ, видимо затрудняясь и не имѣя при себѣ платка. Оба имѣли запущенный, заброшенный, жалкій видъ, но жалость молчала въ его сердцѣ.

Усиліемъ воли онъ побѣдилъ, захватившее духъ, волненіе—ему тотчасъ же стало ясно, съ какою цѣлью они могли появиться у него—и почти спокойно заговорилъ съ ними, усадилъ обоихъ мальчугановъ и, видя затруднительное положеніе младшаго, досталъ и подалъ ему платокъ... Все это было такъ, но затѣмъ что же мѣшало ему сразу сообразить положеніе вещей, тотчасъ выпроводить ихъ, вернуть обратно туда, откуда они пришли?

Люди придумали трогательныя, въ сущности вздорныя и пошлыя выраженія, давно потерявшія всякій смыслъ: семейныя привязанности, обязанности къ семьѣ, долгъ... Нѣтъ долга. Кто смѣлъ взять на себя наложить его на свободный духъ! Фикція все, предразсудокъ. Старыя, какъ трухлявое дерево вывѣтрившіяся слова. Одно есть несомнѣнное и реальное—жизнь, сама жизнь. Гдѣ она? Лови воздухъ, пустое пространство передъ собою... Странный звукъ—не то подавленный вздохъ, не то стонъ—раздался въ глубокой тишинѣ комнаты.

Въ послѣднемъ актѣ «Потонувшаго колокола» у Гауптмана ему пришлось видѣть на сценѣ двухъ мальчиковъ въ бѣлыхъ рубашечкахъ, въ эффектной обстановкѣ, блѣдныхъ какъ призраки, съ кувшиномъ слезъ погибшей матери... Но погибшій на этотъ разъ не кто иной, а онъ самъ. Никто не погибалъ изъ-за него. Слюнявый мальчишка

въ сѣрой курткѣ съ облупленнымъ поясомъ опрокинулъ его теорію. Все произошло будто само собой, просто, совсѣмъ просто. Случилось то самое, что случается каждый день на улицѣ съ лошадью, которая везетъ непосильно тяжелый возъ. Потянулись дни, мѣсяцы, три года каторжнаго труда, житье впроголодь, бѣганье по урокамъ, хожденіе въ чужомъ, не сходящемся на груди, накинутомъ на плечи, пальто. Того, что хватало на одного, не могло хватить на троихъ... Болѣзнь положила конецъ всему. Тѣло не выдержало. Не выдержало оно, положимъ и у того, у самого автора, прославленнаго философа, столько разъ воспѣтое, возвеличенное имъ тѣло... «Прекрасное тѣло... Могучее, бодрое тѣло, побѣдоносное... Правду говоритъ здоровое тѣло... Оно говоритъ о смыслѣ земного существованія...»

— Но гдѣ же смыслъ? Въ чемъ этотъ смыслъ?—пересохшими губами повторялъ онъ, придерживаясь на обѣихъ рукахъ, поворачивая на жесткомъ матрацѣ свое горячее сквозь бѣлье и простыню, въ каждомъ суставѣ болѣвшее тѣло.

— Въ чемъ онъ, этотъ проклятый смыслъ?

Всю жизнь биться, пробиваться впередъ, страстно искать смысла, страстно хотѣть жизни, счастья, хотѣть всего... И въ двадцать три года не найти ничего и умирать въ этомъ городѣ смерти, издыхать здѣсь, на этомъ матрацѣ, подъ этой лампой, въ опостылѣвшей комнатѣ, изъ которой готовы вышвырнуть его... какъ негодную ветошь, какъ падаль, которая заражаетъ воздухъ и мѣшаетъ жить живымъ.

Хрипящіе, сиплые звуки послышались опять и тотчасъ же смолкли. Онъ оглянулся на кресло, поднялъ горячую, костлявую руку и провелъ себя по волосамъ.

Голова была тяжела. Спутанныя, кудрявыя космы падали на лобъ и въ глаза, и ему трудно было откинуть ихъ дрожащей, безсильной рукой.

Когда-то, послѣ перваго чтенія Ницше, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что у него были бѣлокурые волосы. «Бѣлокурое, великолѣпное животное...» Выраженіе это нравилось ему. Оно заставило его чуть ли не въ первый разъ обратить вниманіе на свою наружность, и, случалось, онъ ловилъ себя на томъ, что сдѣлалъ привычку встряхивать своей гривой и любилъ замѣчать, что на нее обращаютъ вниманіе женщины.

Онъ и вообще имѣлъ успѣхъ у женщинъ, хотя никогда не добивался успѣха и не придавалъ ему значенія. Женщины въ его жизни не играли никакой роли. Онъ чуждался и избѣгалъ ихъ, и только за послѣднее время уже здѣсь въ Ялтѣ завязались съ ними поневолѣ болѣе близкія отношенія. Фельдшерица Надежда Александровна осталась для него попрежнему исключительнымъ, не имѣвшимъ пола существомъ, но, къ собственному удивленію, въ маленькой, болѣзненной, невзрачной институткѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ женщину.

Было ли это вліяніе ея чувства, которое невольно вызывало взаим-

ность, сознаніе того, что онъ любимъ ею, но его волновало и странно раздражающимъ образомъ дѣйствовало на него ея присутствіе, та близость, которая невольно устанавливается въ отношеніяхъ съ больнымъ. Это не мѣшало ему избѣгать всякаго внѣшняго выраженія чувства и напротивъ относиться къ своей добровольной сидѣлкѣ съ особенною, умышленной суровостью и даже придирчивостью, съ какой иногда братья относятся къ балующимъ ихъ сестрамъ.

Его раздражала въ ней институтская наивность и неумѣлость вмѣстѣ съ безтолковымъ стараніемъ освободиться отъ всѣхъ прежнихъ институтскихъ вліяній и привычекъ. Ради этого она напускала на себя умышленную рѣзкость и призывала чорта, но не умѣла закрыть форточки, долго не могла научиться сварить кофе или яйцо. И въ то же время, когда послѣ рѣзкаго замѣчанія съ его стороны она подходила къ постели и наклоняла къ нему съ виноватымъ выраженіемъ порозовѣвшее отъ смущенія лицо, онъ съ трудомъ удерживался отъ желанія сжать въ объятіяхъ ея хрупкое, маленькое тѣло съ грудью-дощечкой, съ неумѣлыми, слабыми руками и цѣловать эти руки, цѣловать рѣзко обрисованный на блѣдномъ лицѣ, свѣжій и красный ротъ.

Желанія эти онъ неизмѣнно обуздывалъ. Съ ухудшеніемъ болѣзни они рѣже просыпались въ немъ, все чаще смѣняясь сознаніемъ безнадежности своего положенія. Неуловимый оттѣнокъ въ отношеніи къ нему докторовъ и окружающихъ поддерживалъ въ немъ это сознаніе, но остановиться на немъ онъ не могъ. Было страшно, слишкомъ страшно, несмотря ни на что, даже на всѣ страданія.

Жить во чтобы то ни стало, жить больнымъ, прикованнымъ къ постели, но только бы жить, чтобы видѣть поутру косой и ослѣпительно-яркій лучъ солнца, пробивающійся въ незавѣшенное пространство между косякомъ окна и коленкоровою занавѣской... Чтобы видѣть блѣдное лицо съ краснымъ ртомъ и большими, удивленными глазами... Чтобы больными легкими съ блаженнымъ, щекочущимъ ощущеніемъ вдыхать доносящіяся изъ окна струи воздуха, напоеннаго запахомъ моря и водорослей.

Онъ повернулъ голову и по привычкѣ вытянулъ шею по направленію къ окну, но освѣжающей струи не было. Окно было заперто. Въ комнатѣ пахло лампой и лекарствами. Ему вспомнился захолустный городокъ, убогая обстановка и тѣсная квартира матери. Тамъ также почему-то всегда пахло аптекой и лампами.

Въ воспоминаніи потянулся безконечный рядъ квартиръ, комнатъ, коморокъ, угловъ въ коморкахъ, смрадныхъ и душныхъ, безъ свѣта и воздуха, и вдругъ, страннымъ скачкомъ воображенія, представилось высокое, просторное, открытое на высотѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ мѣсто за старымъ соборомъ—новое ялтинское кладбище.

Оно расположено на горѣ надъ моремъ, на сѣрыхъ, голыхъ скалахъ. Кругомъ почти нѣтъ растительности, но въ различныхъ направ-

леніяхъ по кладбищу распланированы узкія, новыя аллеи, обсаженныя молодыми кипарисами. Съ высоты открывается видъ на море. Ширина, даль, безконечный горизонтъ и просторъ, и воздуху, воздуху въ волю для всѣхъ.

Въ первое время по пріѣздѣ они приходили съ Соней гулять на кладбищѣ. Она была довольна, смѣялась и говорила, что кипарисы—невысокіе и тоненькіе—напоминали ей мальчиковъ-гимназистовъ. Вѣтеръ дулъ на вершинѣ, шаловливо пригибалъ и раскачивалъ темные, тоненькіе стволы. А подъ ними, подъ сѣрыми камнями съ надписями...

Странные, отрывистые, сиплые звуки послышались въ комнатѣ и не смолкали.

Спящая фигура встрепенулась, вздохнула и сѣла прямѣе въ креслѣ. Прислушавшись съ минуту, Соня спустила ноги и, неслышно ступая въ мягкихъ татарскихъ туфляхъ, подошла къ кровати.

— Иванъ Григорьевичъ, не спите? Ваничка, что вы? Господи, что же это?

Больной лежалъ на боку, прикрывъ лицо руками. Пальцы его вздрагивали. Короткія всхлипыванія безъ слезъ перебивались продолжительнымъ и громкимъ клокотаніемъ въ груди.

Соня испуганно оглянулась. Слезы тотчасъ же навернулись у нея на глазахъ. Она опустилась на колѣни и попробовала отнять руку.

Рука была горяча, какъ огонь, и не поддавалась, но черезъ минуту больной отвернулся, откинулъ волосы и самъ, безъ помощи, приподнялся на подушкахъ.

— Ну что? Ничего. Голова болѣла. Ерунда все. Скоро кончится. А впрочемъ... который часъ?

VIII.

Не вставая съ колѣнъ, она взглянула на часы и удивилась сама.

Былъ всего двѣнадцатый часъ. Вся ночь была еще впереди, а ей казалось, будто она долго спала. Страшно было подумать, какъ много времени еще должно было пройти, прежде чѣмъ станетъ свѣтло, проснутся люди, можно будетъ позвать кого-нибудь, послать за докторомъ.

Лицо больного пугало ее. Оно было блѣдно, несмотря на жаръ. Огромные, обведенные синевою, глаза смотрѣли съ бодрымъ, отчаяннымъ возбужденіемъ.

Иванъ Григорьевичъ протянулъ руку и осторожно дотронулся до плеча дѣвушки, все попрежнему продолжавшей стоять на колѣняхъ передъ постелью.

— Что же вы такъ стоите, Соня? Ну что, испугалась, дурочка? Полно, полно, не нужно плакать. Дайте скорѣй лекарство, а потомъ можете... идите себѣ. Мнѣ ничего. Постарайтесь заснуть.

Соня вытерла глаза и подошла къ столу.

Коллекція пузырьковъ съ бѣлыми и желтыми рецептами была аккуратно разставлена, но она остановилась въ смущеніи.

Только что въ этотъ самый вечеръ на вопросъ, что принимать больному, часто спорившему изъ-за назначаемыхъ средствъ, докторъ разрѣшилъ давать, что захочетъ онъ самъ. Тогда, въ первую минуту, это показалось ей возможно и легко, но теперь она не знала, что сказать и какъ начать примѣнять это новое предписаніе.

Больной повернулъ голову и внимательно слѣдилъ за ея движеніями.

— Соня, что же вы?

— Хотите брому, Иванъ Григорьевичъ?

— Да что полагается? Который часъ? Вѣдь кажется... Развѣ нѣтъ дигиталису?

— Есть, какъ же, я заказывала. Дворникъ принесъ давеча.

Она подошла съ пузырькомъ и съ мѣрнымъ, маленькимъ стаканчикомъ въ рукахъ, но больной остановилъ ее за руку и, притянувъ, заглянулъ ближе въ лицо.

— Эхъ, Синичка! Притворяться не умѣете. Вѣрно докторъ сказалъ: давайте, что вздумаетъ. Толку все одно не будетъ никакого, а только бы не блажилъ. Ну что, угадалъ? Вѣрно говорю? Что захочу, то и могу принимать. Ну, такъ вотъ же, что я вамъ скажу...

Онъ вдругъ выпустилъ руку и слегка оттолкнулъ ее отъ себя.

— Вотъ, что я хочу сказать... Они позволяютъ все, а я не хочу ничего. Да! Понимаете ли, и не только принимать не хочу, но вообще... Не хо-чу! Основной тезисъ индивидуализма, какъ вы знаете. Не знаете? Непонятно, Синичка бѣдная? Ну, что дѣлать! Дѣлать теперь нечего. Не могу пускаться въ объясненія. Послѣ когда-нибудь, а теперь не хочу и баста. Моя воля, понимаете ли вы? И ничьей не можетъ быть другой!

Онъ говорилъ съ несвойственною ему, протяжною манерой и шепталъ а затѣмъ возвышалъ голосъ такъ, что могло быть слышно въ другой комнатѣ.

Соня давно отнесла пузырекъ и стояла передъ кроватью, опустивъ руки, ошеломленная и испуганная. Въ голосѣ и манерѣ говорить больного была такая сила убѣдительности, что слова, непонятныя ей сами по себѣ, не казались лишенными смысла, и она не знала, былъ ли это бредъ или только сильное воэбужденіе.

Она пробовала отвѣчать ему, вставлять свои возраженія.

Иванъ Григорьевичъ не слушалъ ихъ. Яснымъ и убѣдительнымъ, то и дѣло срывающимся голосомъ онъ продолжалъ говорить, не останавливаясь, не глядя на нее, какъ бы излагая мысли другому, невидимому собесѣднику.

— Боленъ, безнадеженъ, ну что же изъ того?—говорилъ онъ,

потрясая обѣими руками, казавшимися огромными, въ длинныхъ рукавахъ фланелевой, темной рубахи.—Знаю, что боленъ, но болѣзнь... она не вытрясла же изъ меня моего содержанія, какъ вытрясаютъ труху изъ сѣннаго мѣшка. А, какъ они думаютъ?

— Мое *я*... оно предполагало наполнить собою вселенную, а они захотѣли упрятать его въ скорлупку грецкаго орѣха... И даже не грецкаго, а обыкновеннаго, русскаго лѣсного орѣшка... Такъ вотъ видите ли, какое же могло произойти соглашеніе?—задумчиво прибавилъ онъ и помолчалъ съ минуту.—А орѣшками воспользуются потомъ мальчики въ сѣрыхъ курточкахъ. Знаю, знаю! И это будетъ тогда же зарегистровано и причтено къ циклу такъ называемыхъ добродѣтелей. Вы думаете не допустить? Я самъ прежде думалъ. Теперь не думаю.

— Ваничка!

Сомнѣваться больше нельзя было. Соня окинула взглядомъ комнату, посмотрѣла на окна.

Въ бѣломъ переплетѣ рамы отчетливо темнѣли незавѣшанныя стекла. Они казались совсѣмъ черными.

До утра было далеко. Позвать было некого. Она была одна.

Безумный, дѣтскій страхъ напалъ на нее. Ей захотѣлось вдругъ убѣжать, зарыться съ головою въ подушки въ своей кровати, въ своей комнатѣ. Почему нельзя было этого сдѣлать? Кто онъ былъ для нея этотъ огромный, чужой человѣкъ съ безумными глазами, больной, жалкій и страшный. Зачѣмъ она была здѣсь? Никого не было другого, а почему то была она одна.

— Иванъ Григорьевичъ!—позвала она, опуская голову, чтобы не видѣть страшнаго, чужого лица.—Господи, что же это!

Больной вдругъ замолчалъ. Онъ присѣлъ на постели, приподнявшись на локтѣ и тяжело дышалъ. Блестящіе, съ расширенными зрачками глаза съ выраженіемъ ужаса всматривались во что-то передъ собою. Губы шевелились безъ звука. Онъ протянулъ впередъ руку, какъ бы защищаясь и слабымъ, безпомощнымъ движеніемъ, поразительно жалкимъ при его большомъ ростѣ, прижался къ подушкамъ.

«Смерть... Это онъ ее видитъ... Это смерть!» мелькнуло разомъ въ головѣ Сони.

Замирая отъ ужаса и дрожа всѣмъ тѣломъ—она сползла со стула прямо на колѣни, на соломенный коврикъ передъ кроватью и, повернувъ голову, старалась уловить направленіе взгляда больного.

Онъ смотрѣлъ поверхъ ея головы, въ дальній уголъ комнаты, слабо освѣщенный загороженною лампой.

Однимъ быстрымъ движеніемъ, не вставая съ колѣнъ, Соня опрокинула книгу, служившую ширмой.

Раздался короткій, шлепающій звукъ. Книга упала. Свѣтъ свободно разлился по комнатѣ.

На стѣнѣ въ углу подлѣ двери длинный и узкій предметъ неопредѣленно выдѣлялся на фонѣ обоевъ.

— Что?... Тамъ... тамъ...—проговорилъ наконецъ больной, протягивая руку и все попрежнему не отводя испуганныхъ глазъ.

Соня глубоко перевела дыханіе.

Ей то же не сразу удалось отвѣтить, но стало уже не такъ страшно. Она ободрилась и оправилась.

— Ваничка, да вѣдь это... сюртукъ. Вашъ сюртукъ студенческій. Ну да, разумѣется! Чистили поутру и перевѣсили сюда. Мы закрыли газетами... отъ пыли. Вѣдь будетъ нуженъ вамъ. Богъ дастъ, скоро надѣнете.

Глаза медленно перевелись съ бѣлаго предмета въ углу и остановились на лицѣ дѣвушки.

— Сюртукъ?.. Что-жъ, возможно. Ну, а ты кто?

Она отклонилась такъ, чтобы свѣтъ лампы упалъ на нее и подняла голову.

Больной повторилъ вопросъ.

— Ты кто?

— Я... Соня.

— Ну, а я же кто?

— Ваничка, что ты! Ну что ты спрашиваешь? Ахъ Боже мой!— воскликнула она, неожиданно для самой себя переходя на *ты* въ порывѣ нестерпимой тоски и жалости къ этимъ почти безумнымъ, горящимъ глазамъ, смотрѣвшимъ на нее все съ тѣмъ же не сознающимъ выраженіемъ.

— Ну да, я спрашиваю: кто я?

— Ты... студентъ.

— А, студентъ! Да, вотъ оно что! Студентъ!.. Теперь значитъ вѣчный студентъ. Кончено!

Онъ засмѣялся рѣзко и забарабанилъ по столу, на которомъ зазвенѣли пузырьки съ лекарствами.

— Скажите имъ, что я князь. Такъ, неважный, татарскій князекъ. И обрѣю голову. То, все прежнее—баста! Понимаете, не имѣетъ значенія для даннаго положенія. Сѣрыя курточки... Бѣлокурыя животныя... Все къ чорту! Къ чорту! Не моя же вина, если въ этомъ городѣ цирульника предпочитаютъ профессору философіи...

Короткая весенняя ночь казалась безконечною.

Соня тихо плакала, не вставая съ колѣнъ, опустивъ голову на край матраца.

Больной не замѣчалъ ея слезъ. Повторяя одно и то же слово и жалуясь на духоту, онъ требовалъ теперь открыть окно, желалъ непремѣнно встать и идти къ окну.

Соня боялась послушаться и не соглашалась. Онъ настаивалъ. Мнѣніе доктора относительно лекарствъ и того, что уже ничто не могло

принести ни пользы ни вреда, пришло ей въ голову, и, чтобы не слышать однообразной, жалобно повторяющейся просьбы, она встала и открыла окно.

IX.

Былъ второй часъ. Еще не свѣтало. Теплый и влажный воздухъ казался неподвижнымъ.

Дача помѣщалась высоко, почти въ концѣ новой, недавно отстроенной части Ялты. Кругомъ разстилался далекій видъ на море и горы, и часть города съ безлюдными въ эту пору ночи, пустыми улицами.

Было тихо.

Вѣтка дерева съ зелеными листьями и полураспустившимися, крупными, свѣтлыми цвѣтами слабо трепетала у стѣны съ одной стороны окна. Отъ цвѣтовъ шелъ крѣпкій ароматъ и наполнилъ собою комнату.

Соня почти безъ усилія передвинула кровать на колесахъ головою къ окну, невольно соображая, какъ еще недавно у нея не хватило бы силъ сдвинуть ее, и какъ исхудало теперь это, обрисовывавшееся подъ одѣяломъ, непомѣрно длинное отъ худобы, неподвижное тѣло.

Послѣ слезъ она была рада воздуху и помѣстилась сама рядомъ на стулѣ въ узкомъ пространствѣ между придвинутою кроватью и подоконникомъ.

Больной часто и жадно дышалъ. Опершись локтемъ въ подушку и повернувшись лицомъ, онъ внимательно всматривался въ темное пространство, медленно свѣтлѣвшее за окномъ.

— Синичка, который часъ?

Соня быстро повернула голову. По тону вопроса, по звуку голоса она тотчасъ же поняла, что сознаніе вернулось вполнѣ.

— Скоро два часа, Иванъ Григорьевичъ. Скоро будетъ свѣтло.

— Скоро? Это хорошо. А чѣмъ это пахнетъ такъ?

— Не знаю. Должно быть, цвѣты.

Она перевѣсилась за окно и сорвала съ дерева небольшую вѣтку.

— Да, это цвѣты. Это павлонія. Видите, точно наши лиловые колокольчики,—объясняла она, протягивая ему вѣтку.—Хорошо пахнетъ. Понюхайте.

Больной покачалъ головой и отстранилъ вѣтку.

— Нѣтъ не надо. Павлонія... Ахъ, снѣжку бы теперь, снѣжку!

— Компрессъ можетъ быть положеть? Голова болитъ?

— Нѣтъ, Синичка, голова не болитъ. А если бы вмѣсто этой павлоніи... Не въ томъ дѣло... Тоска, Синичка, тоска! Хотѣлось бы теперь, чтобы снѣгъ былъ, морозъ. Знаете, какъ бываетъ у насъ тамъ въ Москвѣ... Морозный день, яркій, духъ захватываетъ... Одинъ бы разъ только глотнуть его, воздуху этого, всего грудью...

Онъ вздохнулъ, но тотчасъ же закашлялся и замолчалъ.

— Теперь у насъ еще тамъ морозъ...

— Здѣсь лучше, Ваничка. Тепло здѣсь, цвѣты, вотъ, видите распустились. Мы бы тамъ съ вами не могли дышать.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Не могли бы. Это вѣрно. И никогда уже не будемъ. Никогда. Но какже вы не понимаете? Забыть *то* все же нельзя. Я его сейчасъ вотъ сквозь вашу павлонію, я его слышу—воздухъ клиники. По коридору въ палаты... ординаторы въ бѣлыхъ халатахъ, лекціи... Ахъ этотъ городъ смерти, городъ смерти! Не вырваться изъ него, не убѣжать никуда.

Соня подняла налитые слезами глаза.

Теперь, когда онъ пришелъ въ себя и могъ слышать, и могъ ее понимать, она страстно хотѣла найти слова утѣшенія для него и не находила ихъ. Мысль, которая служила утѣшеніемъ для нея самой, убѣжденіе въ томъ, что разлука, когда она случится, будетъ недолга, что и она скоро послѣдуетъ за нимъ, куда... она не знала—туда, вѣроятно, къ тѣмъ большимъ, прекраснымъ звѣздамъ, которыя смотрѣли на нихъ изъ окна,—эта мысль не могла служить утѣшеніемъ для него. Ему нужно было не то. Ему нужна была жизнь не будущая, неизвѣстная, а здѣшняя, простая, понятная, живая жизнь—съ Москвой, съ клиникой, съ ординаторами въ бѣлыхъ халатахъ и клиническимъ запахомъ въ палатахъ и корридорахъ; нужно было возвращеніе къ тому, къ чему вернуться—она знала это—было уже нельзя. Ничто не могло помирить его съ этой невозможностью. Красота волшебной страны, которая поразила ее, не видавшую ничего, кромѣ институтскаго сада и Московскихъ окрестностей, какъ будто бы не существовала для него.

Первое время по пріѣздѣ, пока были силы, онъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій въ ближайшія мѣста, чтобы познакомиться съ природой Крыма, внимательно осмотрѣлъ, что было можно и даже собралъ небольшія коллекціи; но, исполнивъ это, онъ уже мало интересовался окружающимъ, тяготился жарой и находилъ, что на сѣверѣ лучше условія жизни, которыя для культурнаго человѣка имѣютъ болѣе значенія, нежели красоты природы, какія нибудь диковинные виды, деревья и цвѣты.

— А звѣзды здѣсь такія же, Ваничка, все тѣ же, какъ и въ Москвѣ,—сказала вдругъ Соня, отвѣчая на собственную мысль, припавъ грудью къ подъоконнику и загнувъ голову, чтобы дальше видѣть пространство неба, открывавшееся изъ окна.

— Видите, вонъ Большая Медвѣдица... А вонъ хорошенькая, яркая звѣздочка маленькая! Мы ее всегда видѣли изъ окна у насъ къ классѣ въ институтѣ. Навѣрное! Я ее узнала. Какъ она называется?

Онъ нехотя повернулъ голову.

— Не знаю. Вообще не знаю названія звѣздъ.

Но она продолжала разглядывать и восхищаться.

— Какія онѣ сегодня яркія! Ахъ, какія хорошія! А знаете, меня недавно спрашивала про звѣзды здѣшняя горничная дѣвушка, и я ей совсѣмъ ничего не съумѣла объяснить.

— Ну и что же?

— Ну, а она думаетъ, что звѣзды это свѣтильники въ рукахъ у ангеловъ, и они зажигаютъ ихъ для насъ, для людей то-есть, чтобы свѣтить по ночамъ.

— Что за ерунда!

— Ну, разумѣется,—тотчасъ же согласилась она.—Но знаете, хоть и вздоръ, а я не стала ее разувѣрять. Зачѣмъ? Страшно жить, когда подумаешь, что никому до тебя дѣла нѣтъ. Здѣсь никому дѣла нѣтъ ни землѣ и тамъ...

Она подняла глаза вверхъ.

— Люди... такъ... совсѣмъ одни... Страшно, Ваничка.

Ему тоже было страшно, но онъ промолчалъ.

Соня продолжала говорить.

— Отчего мы одни? Отчего? Развѣ мы виноваты? Вы что думаете?

Онъ думалъ, что у него въ прежнее время нашлись бы, пожалуй, объясненія, готовыя тирады изъ Заратустры «объ одиночествѣ», но теперь вдругъ показалось, что онѣ не объясняютъ ничего, и не было охоты не только объяснять, но и вспомнить ихъ самому.

Соня прижалась подбородкомъ къ рѣшетчатой спинкѣ кровати рядомъ съ подушками, на которыхъ выдѣлялось блѣдное лицо въ тѣни спутанныхъ, отросшихъ за болѣзнь, потемнѣвшихъ волосъ.

Всякое чувство страха и отчужденія теперь совершенно прошло у нея. Было даже непонятно, какъ могло оно явиться часъ тому назадъ. Этотъ жалкій, недвижимый человѣкъ на постели подъ вязанымъ, полосатымъ одѣяломъ былъ единственный близкій ей человѣкъ. За дверями комнаты, тамъ за окномъ начинался чужой, незнакомый, огромный міръ, такой необходимый ему, и который внушалъ ей одинъ непобѣдимый страхъ. Только здѣсь, около этой постели, въ этой комнатѣ она была у себя, дома, и чувствовала себя на своемъ мѣстѣ.

Она робко перевела глаза, просунула руку подъ рѣшетку кровати и опустила ее на подушку.

Больной замѣтилъ движеніе, прикрылъ и стиснулъ маленькую руку большою, горячею рукой.

— Что, Синичка?

— Ничего, Ваничка. Хорошо. Тихо какъ...

Оба замолчали.

Въ комнатѣ слышно было прерываемое откашливаніемъ, несвободное дыханіе, да шелестъ вѣтки объ открытую раму окна.

Темнота за окномъ расходилась и таяла, казалось, съ каждою проходившею минутой. Сперва обрисовались близкіе предметы, контуры строеній и деревьевъ внизу подъ окнами и по сторонамъ. Подъ

тающею, сѣроватою дымкой выдѣлились дальніе планы, колеблющаяся, не широкая полоса моря и изогнутая линія темныхъ горъ. Звѣзды побѣднѣли. Онѣ стали меньше, точно будто отодвинулись, ушли выше и дальше отъ земли.

Трепетный шелестъ пронесся въ вѣткахъ деревьевъ. Что-то маленькое, темное сорвалось съ нихъ, перепорхнуло и съ тонкимъ, взвизгивающимъ крикомъ унеслось въ вышину. Что то громоздкое шарахнулось разомъ внизу. Это домашнія птицы слетали съ нижнихъ вѣтокъ на гравій въ саду. И вдругъ громко и бодро запѣлъ пѣтухъ.

Соня подняла руку.

— Слышите? Кончено. Ночь прошла. Теперь не придутъ привидѣнія,—радостно сказала она и хотѣла перекреститься, но остановилась и только вздохнула съ облегченіемъ и прикрыла рукою глаза.

— А вы боялись привидѣній? То-то вы и чорта не помянули ни разу. Я замѣтилъ.

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, это не оттого. Я не боялась, а вы напугали меня. Помните—сюртукъ? Чортъ знаетъ, что такое!..

На этотъ разъ засмѣялись оба.

— Ну, вотъ готово, давно не было! Эхъ вы! И чертыхаться-то кстати не умѣете. Вамъ Надежда Александровна не позволяетъ. Зачѣмъ вы это дѣлаете?

Соня смутилась и молчала съ минуту.

— Не знаю. Вы тоже часто употребляете слово *чортъ*.

— Такъ, то я! Сравнили! Я и самъ-то теперь на чорта ободраннаго похожъ, а вы все же барышня, институтка.

— Ну вотъ именно оттого! Оттого-то я и говорю, — рѣшительно и съ убѣжденіемъ заговорила она, смотря ему прямо въ глаза.

— Вы знаете, когда я такъ говорю, мнѣ кажется всегда, что это не я, а какая-то другая, большая и сильная, которая все можетъ и все смѣетъ говорить. И будто вообще все другое. Мнѣ это нравится. Вѣдь я знаю, другого для меня ничего не будетъ, не можетъ быть никогда. Никогда...

Больной заправилъ за плечо полу студенческаго пальто, накинутаго поверхъ полосатаго одѣяла, и вздохнулъ.

— Такъ вы тоже значитъ?.. Вамъ тоже страшно... умирать?

Такой ужасъ и тоска были въ этомъ вопросѣ, что вся она тотчасъ же насторожилась.

— Нѣтъ, ничего, не страшно, Ваничка. Я вѣдь не знаю, какъ это бываетъ, не видала никогда, но я думаю... Столько людей умираетъ каждый день... Ай, погодите! Что? Что это?

Странный, протяжный звукъ донесся вдругъ откуда то сверху издалека.

Они прислушались.

Звукъ повторился. Послышалось пѣніе.

«Святый Боже»! раздалось вверху изъ открытаго окна.

Оба вздрогнули.

«Святый крѣпкій, Святый безсмертный...» пѣли тихіе, приглушенные голоса.

За деревьями на улицѣ отчетливо раздались звуки — топотъ многихъ, приближающихся шаговъ. Пѣніе прекратилось, но шаги отдавались гулко и неравномѣрно, какъ бываетъ, когда несутъ что-нибудь тяжелое. Иногда слышно было, какъ срывался камень и катился, стукаясь о другіе камни на покатой мостовой.

У сосѣдней дачи рядомъ улица дѣлала поворотъ. Шаги на секунду замедлились, и вдругъ процессія показалась, и вытянулась вся передъ окномъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей.

Сидѣвшіе у окна молча переглянулись.

Впереди въ бѣлой ризѣ, съ крестомъ шелъ священникъ, старый, въ скуфьѣ на сѣдыхъ волосахъ. Стриженный, въ шарфѣ, дьячокъ держалъ кадило съ курившейся, сѣрою струйкой дыма.

На бѣлыхъ перехватахъ люди въ черномъ несли бѣлый, глазетовый гробъ. Нѣсколько человѣкъ женщинъ и мущинъ шли за гробомъ съ непокрытыми головами.

Все было совсѣмъ близко, живое и въ то же время фантастичное и необычайное въ утреннемъ сумракѣ розоваго развѣта.

Пѣніе прекратилось. Люди молчали и двигались молча, какъ привидѣнія. Никто не оглянулся на окно. Всѣ смотрѣли, повернувъ головы въ одну сторону туда, гдѣ должно было взойти солнце.

Солнце еще не было. Но уже узкая, свинцоваго цвѣта полоса воды покрылась багровыми пятнами. Надъ водою, разрастаясь и разгораясь съ каждой минутою, охвативъ половину неба, обозначился полукругъ безжизненно-матоваго, розоваго сіянія. Воздухъ весь, казалось, наполнился миріадами тончайшихъ, золотистыхъ пылинокъ. Вдругъ онѣ дрогнули. сверкнулъ первый, живой, ослѣпительно яркій лучъ, полились, все удлиняясь лучи, потоки свѣта; вся живая засверкала полоса моря, и, плавно отдѣляясь отъ нея, округлилось и поднялось солнце.

Больной передвинулся на край кровати. Лучи снизу освѣтили окно, молодое, усталое лицо съ припухшими вѣками, розовую кофточку и широкую фигуру въ темной рубахѣ, съ мертвенно-блѣдною головой.

Вытянувъ шею, больной не отводилъ глазъ отъ окна. Среди двигавшихся фигуръ онъ успѣлъ разглядѣть форменныя, студенческія фуражки и пуговицы, маленькій вѣнокъ на глазетовой крышкѣ и закутанную женскую фигуру въ чадрѣ.

— Что это? Надежда Александровна? Кого хоронять? Вы не знаете?— шопотомъ спросилъ онъ, какъ будто бы проходившіе могли услышать его внизу.

— Не знаю, — также шопотомъ отвѣчала Соня, догадываясь о правдѣ и радуясь, что по совѣсти могла оттовориться незнаніемъ.

Она слышала, что наканунѣ умеръ Боркинъ, знакомый больной студентъ. Онъ былъ на ногахъ, чувствовалъ себя лучше, успѣлъ перебраться на новую квартиру, какъ вдругъ разомъ наступило ухудшеніе, и онъ умеръ среди сборовъ на лѣто въ деревню, о которой мечталъ.

— Почему хоронятъ въ это время? Почему такъ рано?—въ смущеніи допрашивала Соня, чтобы предупредить вопросы, на которые ей не хотѣлось отвѣчать.

Процессія повернула и скрылась изъ глазъ.

«Святый Боже... Святый безсмертный, помилуй насъ...» донеслось съ поворота дороги внизу.

Больной съ трудомъ отвелъ глаза отъ окна.

— Фу ты, красиво-то какъ! Замѣтили, розовое вѣдь все, гробъ и покойникъ, навѣрное, и старая рожа у дьячка. Нѣтъ, отчего же не хоронить,—началъ было онъ и вдругъ перебилъ самого себя.

— Оттого хоронятъ, чтобы не обезпокоить, не навести на мрачныя размышленія публику. Здѣсь часто хоронятъ такъ. Развѣ не знаете?

Онъ крѣпко стиснулъ и прижалъ руки къ груди.

Оттого что... Оттого что шкуролюбы, буржуи пошлые! Въ самомъ дѣлѣ, такое рѣдкое, исключительное явленіе, какъ смерть, похороны. Какъ же не поразиться, не обезпокоиться, скажите пожалуйста.

— Не надо волноваться, Иванъ Григорьевичъ.

— Не надо. Вы правы. Не стоитъ того. Глупо прожита жизнь, Синичка. Охъ какъ глупо-то! Что называется ни за грошъ, ни за денежку.

— Ну кто же это можетъ сказать!

— Я говорю. Я самъ. Кому же ближе знать. А все же... не выгонять же мнѣ было ихъ въ самомъ дѣлѣ...

Соня съ умоляющимъ видомъ сложила руки. Ей не нужно было поясненій. Она знала мысль, къ которой неизмѣнно возвращалась его мысль, знала, о комъ шла рѣчь, и отвѣтила серьезно, съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Нельзя было выгонять, Ваничка. Вы знаете...

Онъ не далъ ей договорить.

— Не знаю... Ничего не знаю... Ну да что тутъ! Все одно теперь. Конченъ балъ. Усталъ я отъ всего. Усталъ, Синичка. И имѣйте въ виду, ничего не имѣю, ровно ничего не имѣю противъ ранняго часа для этого путешествія. Послѣднее путешествіе... У какихъ-то хунхузовъ, что ли, или, какъ тамъ ихъ...манчжуровъ, похороны вѣдь называются путешествіемъ. Впереди флагъ несутъ. Это называется знаменемъ пути...

Соня испуганно оглянулась, думая, что онъ опять бредитъ, но больной вдругъ нахмурился страдальчески и замолчалъ.

— Соня!

— Что?

— А что... деньги есть на путешествіе? Вы взяли кошелекъ изъ стола?

— Я взяла. Не безпокойтесь. Денегъ достаточно.

— Ну, то-то. За часы больше трехъ не дадутъ, имѣйте въ виду. Закройте, пожалуйста, окно. Солнце, а опять холодно,—прибавилъ онъ уже въ подушку; содрагаясь, потянулъ на себя одѣяло и закрылъ глаза.

X.

Онъ прожилъ еще нѣсколько дней и непремѣнно пожелалъ наголо остричь волосы, къ большому огорченію Сони.

Безъ волосъ онъ былъ не хорошъ въ гробу, въ форменномъ, чистомъ сюртукѣ, который развернули изъ газетной бумаги, съ голою головой, выставлявшейся изъ-подъ цвѣтовъ, какъ ни придвигали и ни прилаживали ихъ собравшіяся барышни.

Деньги на похороны прислали изъ благотворительнаго общества, на панихиды собирался народъ, и хозяева вдругъ выразили желаніе, чтобы все было «честь честью», не такъ, какъ у другихъ хозяевъ, которые украдкой по ночамъ хоронятъ своихъ жильцовъ, не давая времени проститься роднымъ и близкимъ.

На разосланныя телеграммы, однако, не пріѣхалъ никто.

На третій день послѣ отпѣванія состоялись похороны. За гробомъ рядомъ съ Соней и Надеждой Александровной шла хозяйка въ шляпкѣ съ букетомъ акацій. Бѣлая акація расцвѣла такъ же и наверху, на кладбищѣ, и маленькіе кипарисы, напоминавшіе Сонѣ мальчиковъ-гимназистовъ, раскачивались отъ вѣтру на открытой вершинѣ, привѣтливо встрѣчая новаго жильца.

Л. Нелидова.

НАКАНУНѢ ВЕСНЫ.

О душа, пробудися, воскресни,
Прозвучи, зашуми, какъ волна,
Чтобы могъ я допѣть мои пѣсни,
Чтобъ тоска не была въ нихъ слышна.

* * *

Пѣть тоскливыхъ я пѣсенъ не буду,
Не могу, не хочу и молчать.
Жизнь темна и печальна повсюду,
Но весну будетъ скоро встрѣчать.

* * *

Скоро, скоро природа проснется,
Выйдетъ къ яркому свѣту изъ тьмы,
И весенняя пѣсня прорвется
Изъ-подъ снѣжныхъ покрововъ зимы.

* * *

Въ ожиданіи яркаго свѣта,
Въ этомъ чаяньи жизни, тепла,
Пусть согрѣется сердце поэта,
Его пѣсня пусть будетъ свѣтла!

* * *

Но она будетъ скоро допѣта,
Прилетятъ новой жизни гонцы,
Новымъ пѣснямъ я въ мысляхъ внимаю,
Шлю привѣтъ мой грядущему маю,
Вамъ привѣтъ, молодые пѣвцы!..

Д. Михаловскій.

26-го января
1903 г.

ГЛАФИРИНА ТАЙНА.

Повѣсть.

(*Окончаніе* *).

XIV.

Никогда еще Глафира не вставала съ постели такъ бодро и весело, какъ сегодняшнимъ утромъ!

Да и утро было такое свѣтлое, радостное, какимъ иногда дарить, словно въ шутку, невская наша столица, послѣ долгаго ряда самыхъ человѣконенавистнѣйшихъ дней, измучивъ сначала всѣхъ своихъ обитателей флюсами, кашлями, насморками и повергнувъ окончательно въ хандру и отчаяніе, безъ малѣйшей искры надежды, что солнце опять когда-нибуть засіяетъ на небѣ, и вдругъ открывая его во всю ширь, привѣтное, радостное, и какъ-бы задавая лукавый вопросъ: «А что, господа, каково?»

Стояли уже послѣдніе октябрьскіе дни, но солнце свѣтило, какъ въ самую лучшую пору «бабьяго лѣта», и когда Глафира открыла сегодня глаза, его розовый лучъ игралъ на стѣнѣ, добираясь до лица спящей Вѣры, словно привѣтствуя обѣихъ сестеръ съ добрымъ утромъ. Глафира тотчасъ же горошкомъ вскочила съ постели. Въ то же время проснулась и Вѣра, прижмурилась отъ ударившаго въ ея глаза свѣта, потянулась подъ своимъ одѣяломъ, какъ пригрѣтая кошечка, и прошептала, еще соннымъ голосомъ, испуская сладкій зѣвокъ:

— Какъ хорошо!..

Пока она лежала и нѣжилась, старшая сестра ея успѣла одѣться, умыться и привѣтливѣе, чѣмъ когда-либо въ прежнее время, поздоровалась съ матерью, которая уже возилась у самовара съ кофейникомъ.

— Каково утро-то, маменька? а?—весело сказала Глафира.

— Чудесное! —съ чувствомъ подтвердила старушка.

Мухи, давно уже закоченѣвшія кое-гдѣ около рамъ, пригрѣтыя лучами яснаго солнышка, ожили и съ веселымъ жужжаньемъ

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

бились въ оконныя стекла... Канарейка заливалась во всю... Весь дворъ утопалъ въ солнечномъ блескѣ, и булыжная его мостовая прямо, можно сказать, ослѣпляла...

— Сегодня непремѣнно выйду на воздухъ!—объявила Глафира.

— Не рано ли...—нерѣшительно возразила было Авдотья Макаровна.

— Богъ съ вами, маменька! Довольно уже я насидѣлась!—сказала Глафира и потянулась всѣмъ тѣломъ, испуская широкій, продолжительный вздохъ, словно освобождая избытокъ накопившихся силъ.

Подошла прибравшаяся тѣмъ временемъ Вѣра, попривѣтствовала съ добрымъ утромъ мать и сестру и, садясь, тоже воскликнула:

— Какое дивное утро!

Глафира быстро покончила съ кофеемъ и подошла къ своему туалетному зеркалу, которое стояло въ углу, на комодѣ.

— А знаешь ли, Глаша, ты стала ужасно хорошенькая!—вдругъ сдѣлала открытіе Вѣра, случайно взглянувъ на сестру.

При этомъ замѣчаніи, Авдотья Макаровна тоже оглянулась отъ самовара на свою старшую дочь...

Когда Глафира впервые послѣ болѣзни появилась изъ спальни и увидѣла въ зеркалѣ свое исхудалое и постарѣвшее лѣтъ на десятокъ лицо, ставшее особенно еще некрасивымъ, благодаря остриженнымъ до гола волосамъ, которые страшнымъ образомъ лѣзли, обнаруживая мѣстами плѣшины, она не подходила ни разу болѣе къ зеркалу. Съ тѣхъ поръ она лишь сегодня рѣшилась опять на себя посмотрѣть, и сама не узнала себя...

Восклицаніе сестры подтвердило только лишь то, что показало Глафирѣ ея отраженіе.

Она сняла сейчасъ съ головы материнъ старенькій чепчикъ, и ея, за это послѣднее время отросшіе волосы, освобожденные отъ своей постоянной покрышки, обнаружили въ себѣ ту особенность, которая часто бываетъ послѣ тифозной горячки. Прежде густые и длинные, но лежавшіе плоскими прядями на ея головѣ словно щепки, теперь, пока еще очень коротенькіе, они были всѣ въ мелкихъ, красивыхъ кудряшкахъ...

И лицо ея сдѣлалось совершенно другое. Послѣ болѣзни Глафира стала ѣсть много, съ большимъ аппетитомъ, и сильно поправилась въ тѣлѣ, раздобрѣла, что называется, вслѣдствіе чего лицо потеряло морщины, побѣлѣло, округлилось и подернулось легкимъ, никогда на немъ прежде небывалымъ румянцемъ. Глаза оживленно и ясно блестѣли. При этомъ мелкія кудряшки волосъ, особенно завивавшіяся у нея на вискахъ и красиво обрамлявшія лобъ, сообщали лицу особый, раньше ему незнакомый характеръ, отчасти мальчишескій, но въ общемъ очень пикантный...

Глафира тотчасъ же оцѣнила все это и созналась сама про себя, что сестра совершенна права.

— Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно поправилась...—продолжала, между тѣмъ, Вѣра.—Вонъ и волосы стали какіе теперь у тебя! Даже рѣдко такіе встрѣчаются... Право!

Глафира, вся сіяя свѣтлой, самодовольной улыбкой, повернулась отъ зеркала къ созерцавшимъ ее у самовара старухѣ и Вѣрѣ.

— А вѣдь и вправду... Тебя совсѣмъ не узнать. Словно другая!—подтвердила съ большимъ удивленіемъ, точно только сейчасъ у нея открылись глаза, и Авдотья Макаровна.

— Въ тебя можно влюбиться... Ей-Богу!—прибавила Вѣра.—Неправда ли, маменька?

Старушка, вмѣсто отвѣта, только вздохнула...

Глафира задорно тряхнула курчавой своей головой и, стуча каблучками ботинокъ, направилась въ спальню.

Она скоро появилась оттуда въ осеннемъ пальто и фетровой шляпкѣ, натягивая на пальцы старенькія, лимоннаго цвѣта перчатки.

— *Адье, ма меръ э ма сэръ*!—весело присѣла старухѣ и Вѣрѣ Глафира, скрываясь за дверью въ табачную.

— Калоши надѣла ли? Да не долго гуляй, смотри, въ первый-то разъ!—крикнула вдогонку ей Авдотья Макаровна.

Въ отвѣтъ лишь послышался двойной звонъ колокольчика, потрясеннаго отворенной и тотчасъ же опять захлопнутой дверью.

Глафира шла быстро по улицѣ.

Голова ея сладко кружилась, а въ душѣ словно звучалъ свѣтлый гимнъ и ширилъ, и саднилъ ея грудь любовной радостью жизни...

У всѣхъ прохожихъ на улицѣ были такія веселыя, добрыя лица, и всѣ глядѣли на нее съ привѣтливой лаской... Она знала, что производитъ на всѣхъ впечатлѣніе, и всѣ мысленно говорятъ про нее: «Какая хорошенькая!»

Она шла знакомыми мѣстами, привѣтствуя, какъ старыхъ друзей, давнымъ давно приглядѣвшіяся окна, подъѣзды и вывѣски. Все существовало попрежнему, ничего не было новаго, словно все это она видѣла только вчера—и это казалось такъ неожиданно, странно..

Вонъ тамъ, черезъ улицу, наискосокъ отъ лавочки, та же цирюльня, откуда съ утра до ночи глядитъ изъ окна на прохожихъ восковой раскрашенный бюстъ изумленнаго чѣмъ-то красавца-мужчины, въ кудрявой накладкѣ изъ настоящихъ волосъ, рядомъ съ тутъ же стоящею стеклянной банкой съ водой, гдѣ извивается и липнетъ по стѣнкамъ цѣлая куча отвратительныхъ черныхъ и жирныхъ піявокъ... Вонъ сейчасъ, черезъ домъ, окна аптеки,

съ большими шарами, которые по вечерамъ проливаютъ на улицу разноцвѣтныя полосы свѣта... Вонъ, на углу перекрестка, тотъ же давнишній лотокъ съ орѣхами, хлопушками, пряниками и съ тѣмъ же, попрежнему тутъ же торчащимъ торговцемъ, рябымъ мужичонкой въ синихъ портахъ и круглой изломанной шляпѣ, вѣроятно принадлежавшей когда-то какому-нибудь петербургскому франту.

Сколько разъ проходила, бывало, Глафира мимо всѣхъ этихъ знакомыхъ предметовъ, бросая на нихъ равнодушные взгляды, часто усталая, часто унылая, раздраженная, злая, проклиная весь свѣтъ и чувствуя къ нимъ полную ненависть... И странно, и непонятно теперь ей казалось, что она когда-нибудь могла быть такою, ибо все это—невинное, милое—такъ ее любитъ, и она сама такъ горячо все это любитъ!

XV.

— Ушла...—задумчиво сказала Авдотья Макаровна, лишь только она и младшая дочь остались вдвоемъ, безъ Глафиры.—Будешь пить-то еще?

— Нѣтъ,—отвѣтила Вѣра, потомъ поднялась, подставила стулъ подъ канареечью клѣтку и, вытянувшись на немъ во весь ростъ, сняла клѣтку съ крючка, поставила ее на окно и занялась ея чисткой. Тѣмъ временемъ мать перемывала и убирала въ шкафчикъ посуду.

— Эхъ-хе-хе, грѣхи наши тяжкіе!—произнесла, немного погодя, Авдотья Макаровна.

Вѣра насыпала песку на донышко клѣтки, выплеснула изъ стаканчика старую воду и налила свѣжей, повѣсила клѣтку, соскочила со стула и поставила его на прежнее мѣсто, потомъ положила на столъ и раскрыла какую-то книжку.

— О-о-охъ-хо-хонюшки!—произнесла опять, немного погодя, нараспѣвъ, Авдотья Макаровна, покончивъ съ посудой и затворяя со скрипомъ дверь шкафчика.

—Господи! Маменька!—нетерпѣливо воскликнула молодая дѣвица.—Вѣдь это, ей-Богу, несносно! Чего вы опять развздыхались?

— Значитъ, есть такая причина...—отвѣтила печально старушка.—Тебѣ только бы книжки, а что вокругъ тебя дѣлается, ничего ты не видишь, не знаешь...

— Да что такое случилось? Чего я не знаю?

— Ничего ты не знаешь,—задумчиво повторила Авдотья Макаровна.

— Фу, какая у васъ манера противная!—съ негодованіемъ

воскликнула дочь.—Чего вы душу-то тянете? Ужъ лучше молчали-бы!.. А то мямлите, мямлите .. Чортъ знаетъ что!

— Значитъ, мнѣ не легко...

Авдотья Макаровна присѣла на стулъ, насупротивъ дочери, и спросила таинственнымъ тономъ:

— Зачѣмъ я къ тебѣ аномнясь приходила?.. Помнишь, аль нѣтъ?.. Ночью-то, въ спальню... Когда еще Глафира проснулась... Помнишь ты это?

— Ну, помню... Не знаю, зачѣмъ вы ко мнѣ приходили...

— Вотъ то-то и оно, что не знаешь!.. Поговорить съ тобой я хотѣла... Только нужно было, чтобы Глаша не слышала...

— Про нее, значитъ?—заинтересовалась молодая дѣвица.

— Про нее, въ томъ-то и дѣло!—качнула головой Авдотья Макаровна.—А гдѣ тутъ? Никакой нѣтъ возможности словечка сказать... Ужъ кипѣло мое сердце, кипѣло... Слава-Богу, что сейчасъ ея нѣтъ! Я даже и рада... Послушай-ка, что я тебѣ разскажу...

И старушка изложила, со всѣми подробностями, какія могла только запомнить, исторію о разспросахъ про Глафиру таинственнаго «чернаго барина», переданную со словъ Алексѣя Лукерьей.

— Что ты скажешь на это?—спросила въ заключеніе Авдотья Макаровна.

— Красивый? молодой?—освѣдомилась задумчиво Вѣра.

— А песъ его знаетъ, какой!.. Ты только скажи, что это значитъ?.. Кто бы это могъ быть?..

Молодая дѣвица пожала съ недоумѣніемъ плечиками.

— Какъ зовутъ, еще спрашивалъ... Значитъ, совсѣмъ незнакомый... Правда? Выходитъ вѣдь такъ? Незнакомый?—допытывалась Авдотья Макаровна мнѣнія дочери.

Вѣра, въ недоумѣломъ молчаніи, повторила прежній свой жестъ.

— «Я, говоритъ, видѣлъ ее!.. Принимаю участіе...» Гдѣ, спрашивается, видѣлъ онъ Глашу?.. Почему принимаетъ участіе?.. Понимаешь ты тутъ что-нибудь?

— Ничего не понимаю,—тряхнула головой отрицательно Вѣра.

— И я ничего не понимаю,—подхватила старушка.—Ничего не могу и придумать!

Она удрученно понурила голову и, немного погодя, воскликнула тономъ открытія:

— А знаешь ли, что? Должно быть, онъ все это вралъ?

— То-есть, что?

— А вотъ то, что онъ Глашу не знаетъ... Отлично онъ знаетъ, вретъ онъ, мерзавецъ! Коли не зналъ бы, какъ бы онъ могъ найти ее, спрашивается?... Вѣдь такъ? Не нашелъ бы?

— Да, это правда,—согласилась съ матерью Вѣра и, послѣ небольшого раздумья, замѣтила:

— А если такъ, то зачѣмъ ему было спрашивать Глашино имя?

— Правда и то,—уныло подтвердила старушка. — Значитъ, и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ...

— Вообще, все это, маменька, ужасная чушь!—порѣшила категорически молодая дѣвица и взялась было снова за книгу.

— Да брось ты хоть на минуту читать-то! — взмолилась Авдотья Макаровна. — Не уйдетъ твоя книжка. Поговори хоть немножко со мной! Совсѣмъ не жалѣешь ты матери...

— Барыня, подьте ко мнѣ на минутку!—крикнула въ дверь, высунувъ голову изъ кухни, Лукерья.

— Тебѣ еще что!?—раздраженно на нее обернулась Авдотья Макаровна.—Ей-Богу, вы скоро совсѣмъ меня въ могилу уложите!

Какъ разъ въ эту минуту раздался звонокъ въ лавочкѣ... Вѣра встала и пошла за прилавокъ, а старушка въ отчаяніи махнула рукой и отправилась въ кухню, къ требовавшей ее зачѣмъ-то кухаркѣ.

Когда Вѣра, отпустивъ покупателя, вернулась обратно въ столовую, она нашла уже тамъ нетерпѣливо ее поджидавшую мать и, понявъ по этому, что бесѣдѣ еще не конецъ, молодая дѣвица, съ покорнымъ вздохомъ, усѣлась на прежнее мѣсто и отодвинула въ сторону книжку, приготовившись слушать.

— Ты вотъ еще послушай меня, пока Глаши-то нѣтъ,—начала тотчасъ же старушка.—Душу хоть можно пока отвести... Вѣдь совсѣмъ я измучилась своими мыслями... Ночью-то ляжешь, ужъ думаешь, думаешь... Инда голова кругомъ пойдетъ... Ты мнѣ вотъ что скажи: какъ она тебѣ кажется?

— Кто? Вы опять все про Глашу?

— Господи, да про кого же еще?.. Какъ она на твой взглядъ?

— Она, кажется, совсѣмъ ужъ здорова, — отвѣтила Вѣра.— И похорошѣла ужасно!

— Да я совсѣмъ не про то!—махнула рукою Авдотья Макаровна.—Ничего въ ней ты не видишь особеннаго?..

— Что же особеннаго? — раздумчиво спросила молодая дѣвица.—Не понимаю... Не вижу... Что же такого особеннаго?

— Потому что все въ книжку глядишь!.. Оттого и не видишь... А какъ у меня за васъ сердце болитъ, такъ я все примѣчаю... А ужъ какъ болитъ-то оно, мое сердце!.. Ты молода, еще глупенькая, какъ поживешь вотъ съ мое, да будутъ у тебя свои дѣти... Ну, да ужъ что! Одинъ Господь только знаетъ...

— Ну, опять вы поѣхали!—перебила, досадливо сморщившись, Вѣра.

— Да, вы объ про это слушать не любите...—произнесла, подавивъ тяжкій вздохъ, Авдотья Макаровна, и затѣмъ продолжала:—ты не замѣтила вотъ, что она постоянно все думаетъ... На это ты не обратила вниманія, а мнѣ видно отлично!

— Неправда! Она и читаетъ! На это вы тоже не обратили вниманія!—возразила запальчиво Вѣра.

— А какъ читаетъ-то... видѣла?.. Почитаетъ, почитаетъ и броситъ... Смотритъ глазами-то въ книжку, а мысли-то, можетъ, эвона гдѣ!.. Сколько разъ я замѣтила.

— Такъ что-жъ тутъ такого? Значитъ, она размышляетъ.

— *Размышляетъ*...—повторила съ горькой ироніей Авдотья Макаровна.—А о чемъ она размышляетъ?

— Понятно, о чемъ... О прочитанномъ.

— Эхъ-хе-хе!—протяжно вздохнула старушка.—Нѣтъ, совсѣмъ о другомъ она размышляетъ! Совсѣмъ особенное у нея на умѣ!—заявила она, качнувъ головою съ мрачной торжественностью.

— Что же, по вашему?

— А вотъ ты попробуй ее разобрать! Чую только, что она что-то задумала... И не къ добру это выйдетъ... Ужъ это какъ Богъ святъ!.. Вотъ ты увидишь. Припомнишь

— Все вы, маменька, ужасные вздоры выдумываете. Даже смѣшно!

— Нѣтъ, не вздоры, не вздоры! Напрасно ты глупо такъ разсуждаешь! — возразила съ азартомъ Авдотья Макаровна. — Вотъ вѣдь до сихъ поръ она еще не сказала, куда уходила въ ту ночь... И никогда, вотъ увидишь, не скажетъ! Значитъ, что-нибудь было особенное... А каково это матери?.. Нѣтъ, гдѣ тебѣ это понять!

— А знаете, маменька, что?.. Я на вашемъ бы мѣстѣ прямо спросила. Удивляюсь, почему вы молчите?

— А ты попробуй, спроси... — вздохнула старушка. — Третьёводни какъ-то стала она перебирать вещи въ комодѣ. И я тутъ же была... Ты, кажется, въ это время уходила куда-то. Чинить бѣлье она собиралась. Вынула рубашки, чулки... Смотрю — вдругъ тотъ сѣрый платокъ достаетъ... Такъ у меня сердце и ёкнуло.. Вотъ-вотъ, думаю, будетъ сейчасъ разговоръ... Вѣдь видитъ отлично, что я тутъ же стою и смотрю! Такъ вотъ и жду, что она сейчасъ скажетъ... А мнѣ ужъ довольно, только бы она начала, только бы къ слову-то одному прицѣпиться!.. Какъ бы ты думала? Взяла она этотъ самый платокъ, повертѣла таково равнодушно — и положила, какъ ни въ чемъ не бывало... А? Каково тебѣ кажется?.. Такъ и отошла я ни съ чѣмъ!

— И сами вы тому виноваты. Вамъ бы сейчасъ и спросить...

— А что могла я спросить?

— Странный вопросъ!.. Я, на вашемъ мѣстѣ, невинность бы

еще разыграла. «Что, молъ, это такое? Откуда этотъ платокъ?..» Вотъ какъ бы я поступила... Что бы она сказала тогда?.. Эхъ, маменька!.. И какой прекрасный былъ случай.

— Да, вотъ, поди-жъ ты! У самой на языкѣ вѣдь вертѣлось...

— Почему-жъ ничего не сказали?

Авдотья Макаровна скорбно понурилась и, помолчавши немного, тихо призналась:

— *Боюсь я ее...*

— Какой вздоръ! Отчего?

— Не знаю сама... И вотъ даже объяснить себѣ не могу.. И даже когда говорю-то я съ ней, такъ все про себя опасаюсь, какъ бы не ляпнуть такого, что ей не понравится...

— Хм... Вы ужасно странная, маменька... Совсѣмъ даже мнѣ непонятно.

— Эхъ-хе-хе... Знаю, что тебѣ непонятно... — прошептала Авдотья Макаровна и низко понурила голову.

— Вы—мать! Сами же вы безпрестанно о томъ повторяете!— продолжала, назидательнымъ тономъ, молодая дѣвица.—И вдругъ вы боитесь! Кого? Своей собственной дочери!.. Ей-Богу смѣшно!

— Больно ужъ какая-то она стала мудреная... — прошептала Авдотья Макаровна, все такъ же скорбно понурившись.

— Знаете вы, почему она можетъ молчать?—воскликнула, воодушевляясь собственною своею догадкою, Вѣра.—Хотите, скажу, почему?.. Очень просто! Вы сами съ нею молчите, не спрашиваете—значитъ, для васъ все равно... Съ какой же стати ей первой о томъ заговаривать?.. Поняли? Развѣ неправда?

— И то можетъ быть... Все можетъ быть...—молвила покорно старушка.

— Ага! Согласились! То-то и есть!—воскликнула торжествующе Вѣра.—На вашемъ бы мѣстѣ, я взяла бы да и завела сама разговоръ... Даже сегодня! Ей-Богу!

— Боюсь... Говорю тебѣ, что боюсь...—повторила опять удрученно Авдотья Макаровна, и на лицѣ у нея выступило даже что-то страдальческое.

Вѣра только пренебрежительно пожала плечами.

— Хорошо ты вотъ такъ разсуждаешь,—начала опять, немного погодя, Авдотья Макаровна.—Ты на это проворная... А вмѣсто того, взять бы да и помочь тебѣ матери... Заговори-ка сама!

— А что-жъ? Не заговорю, полагаете?

— Да и заговори, въ самомъ дѣлѣ. Большое тебѣ спасибо скажу.

— И заговорю. Вотъ увидите.

— И заговори. Я прошу тебя очень сурьезно... Тебѣ это даже

ловчѣе, чѣмъ мнѣ. Вмѣстѣ вы спите, по ночамъ межъ собой разговариваете... Какъ нибудь-бы взяла да спросила... Въ самомъ дѣлѣ, Вѣрушка, а? Я даже очень тебя объ этомъ прошу. Умоляю!

— Что-жъ, это можно,—согласилась молодая дѣвица.

— Такъ сдѣлаешь? А?... Ну, вотъ, и спасибо! Дай-ка я тебя поцѣлую.

— Вотъ еще нѣжности.. —пробормотала съ усмѣшкою Вѣра, однако все-таки встала и, обойдя вокругъ столъ, приблизилась къ матери, которая ее обняла и съ чувствомъ чмокнула въ губы,

Въ лавочкѣ зазвенѣлъ колокольчикъ... Вѣра вырвалась изъ материнскихъ объятій и устремилась-было къ прилавку, но остановилась въ дверяхъ и объявила, оглянувшись на Авдотью Макаровну:

— Глаша...

Когда, чрезъ минуту, вернувшаяся съ прогулки Глафира, вся румяная и возбужденная, появилась въ столовой, старушки тамъ уже не было, а на мѣстѣ ея, на диванѣ, сидѣла сестра, пристально уткнувъ носъ въ книгу...

XVI.

Теперь Глафира стала дѣлать ежедневныя прогулки на воздухѣ. При этомъ она старалась всегда соединить ихъ съ какой нибудь цѣлью, въ видѣ, напр., необходимой покупки для дома, а чаще всего обмѣна въ библіотекѣ книжекъ для Вѣры.

Сама она давно уже бросила чтеніе. Вмѣсто того въ ней обнаружилась постоянная наклонность, что-нибудь дѣлать. День ея начинался съ того, что, тотчасъ послѣ кофея, она сама перемывала и убирала въ шкафчикъ посуду, устранивъ совершенно отъ этого дѣла Авдотью Макаровну, потомъ перебирала и перетирала всѣ вещи въ квартирѣ и чистила канареечью клѣтку. Кромѣ того она собственноличо кормила Матроса, который, вслѣдствіе рачительнаго за нимъ ухода хозяйки, опять сталъ жирѣть невозможнѣйшимъ образомъ. Послѣ того какъ всѣ эти дѣла были исполнены, она садилась къ столу на диванъ со своею швейной подушечкой и принималась что нибудь чинить или штопать. Она пересмотрѣла все имѣвшееся въ квартирѣ бѣлье и носильное платье старухи и Вѣры и отложила тѣ вещи, которыя требовали какой либо починки. Какъ-то мелькнуло въ ней было намѣреніе заняться заказами по бѣлошвейной работѣ, но въ глафириной памяти еще живы были жестокія слова ея матери, сказанныя въ несчастный тотъ вечеръ, который Глафира не забудетъ до гроба, по поводу измучившаго яко бы Авдотью Макаровну стучанья швейной машины, и она выкинула изъ головы эту неудачную мысль. Тутъ

же она вспомнила кстати и объ этой самой швейной машинѣ, взятой тогда на прокатъ и нынѣ праздно стоявшей въ углу спальни, подъ накрывавшей ее отъ пыли салфеткой... Глафира въ тотъ же день, послѣ обѣда, ни мало не медля, отвезла обратно ее на извозчикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она навѣстила свою знакомую—толстую нѣмку съ пунцовымъ лицомъ, хозяйку бѣлошвейной, ту самую, которая доставила тогда ей работу, съ просьбой порекомендовать ее куда либо въ качествѣ приходящей постоянной швеи. Та это ей обѣщала. Было условлено, что она извѣститъ немедля Глафиру, какъ только найдется что нибудь подходящее, но это всетаки не мѣшало ей безпрестанно ходить и справляться, что также служило одною изъ цѣлей прогулокъ.

Памятуя о данномъ ею матери обѣщаніи, Вѣра въ концѣ того же самаго дня, когда произошелъ между ней и старушкой вышеизложенный разговоръ о черномъ незнакомцѣ и о всемъ прочемъ, что казалось таинственнымъ въ поведеніи Глафиры, рѣшилась вызвать сестру на откровенную исповѣдь.

Это произошло, когда онѣ обѣ раздѣлись и улеглись чтобы спать.

Сперва нѣсколько времени онѣ лежали въ молчаніи: Глафира на спинѣ, вытянувшись всею фигурой и устремивъ открытые глаза въ потолокъ, Вѣра—повернувшись лицомъ къ свѣчному огарку на стулѣ, приставленномъ къ изголовью постели, и держа въ рукахъ раскрытую книжку. Она достала ее и раскрыла, повинуясь усвоенной машинально привычкѣ, хотя мысли ея далеки были отъ чтенія, въ виду предстоявшей предъ ней перспективы бесѣды съ сестрою.

Приходилось сознаться, что это было совсѣмъ не такъ просто, какъ сначала ей думалось. Теперь молодая дѣвица уже прямо раскаивалась, что давеча такъ расхрабрилась .. Пока еще это было удалено отъ настоящей минуты промежуткомъ цѣлаго дня, оно не казалось отнюдь такимъ затруднительнымъ. Взять да спросить—великая важность!.. Но теперь, когда эта рѣшительная минута наконецъ подошла и глядѣла прямо въ глаза, передъ Вѣрой возникъ вдругъ непредвидѣнный раньше вопросъ: «Какъ начать?..» Въ этомъ-то самомъ и была главная штука! Вѣдь не брякнуть же прямо: «Скажи мнѣ, гдѣ ты ночевала тогда?..» «Тогда»... вотъ оно, это главное, самое опасное слово: «тогда»! Оно обозначаетъ тотъ несчастный, памятный вечеръ, о которомъ всѣ какъ-бы условились между собою безмолвнымъ соглашеніемъ забыть навсегда... И вотъ вдругъ приходится завести о немъ разговоръ! Непремѣнно, какъ же иначе? Развѣ возможно его обойти? Вѣдь съ него-то все началось...

«Господи, и чего бы стоило Глашѣ самой сказать этакое, что

нибудь подходящее... такъ, что нибудь... пустякъ какой нибудь вспомнить!»—взывала мысленно Вѣра.—«Нѣтъ, вѣдь вотъ лежитъ и молчитъ, какъ всегда...»

Она все время держала передъ собой раскрытую книжку, глядя безсмысленно въ печатныя строчки и не понимая въ нихъ ни единаго слова, терзаясь все тѣмъ-же самымъ неотвязнымъ вопросомъ: «Какъ же начать?...»

«Кажется, она ужъ заснула»,—подумала она среди тишины про Глафиру.

Но та, какъ-бы въ отвѣтъ, кашлянула и сдѣлала тѣломъ движеніе, отчего кровать слегка скрипнула...

Вѣра подавила въ себѣ тяжкій вздохъ.

«Или ужъ не отложить-ли до завтра?»—мелькнулъ успокоительный вопросъ въ ея головѣ... Но тутъ ей вспомнилось, какъ мать во весь сегодняшній вечеръ то и дѣло подмигивала ей на Глафиру съ таинственнымъ видомъ, который долженъ былъ означать: помни, что ты мнѣ обѣщала...

«Ну, наплевать! Совру, что Глаша какъ только легла, такъ сейчасъ и заснула. Какъ же могла я успѣть?»—подумала Вѣра.

Но ей тотчасъ же представилось, какъ мать затѣетъ по этому поводу новый разговоръ, опять станетъ ныть, опять будетъ ее изводить, какъ сегодня, когда Глафиры не было дома...

«Нѣтъ, ужъ отъ этого никакъ не отвертишься!» — мысленно рѣшила со вздохомъ молодая дѣвица.

— О чемъ ты вздыхаешь?—вдругъ среди тишины раздался съ постели голосъ сестры.

Это было такъ неожиданно, что Вѣра даже вздрогнула всѣмъ тѣломъ, какъ бываетъ съ человѣкомъ, который былъ весь углубленъ въ преступные замыслы, и вдругъ ему показали, что это замѣчено... Она совсѣмъ растерялась и нашлась лишь пролепетать, придавъ невинный тонъ голосу:

— Такъ... ничего...

Глафира, повидимому удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, зѣвнула.

«Вотъ сейчасъ и заснетъ...»—мучилась Вѣра.—«И зачѣмъ я такъ ей отвѣтила?.. Вѣдь отличный былъ случай, благо она сама начала... Тутъ бы мнѣ сейчасъ и сказать... Дура я, ужасная дура»!

А драгоцѣнныя минуты летѣли...

«Ну, была не была!»—рѣшила вдругъ Вѣра и, не давая себѣ дальше раздумывать, поднялась съ изголовья и, сѣвъ на постели, произнесла неестественно громкимъ голосомъ:

— Глаша!

Очевидно, это воззваніе показалось Глафирѣ совсѣмъ неожиданнымъ. Она повернула голову къ Вѣрѣ и торопливо спросила:

— Что такое?

— Мнѣ хотѣлось бы узнать у тебя... Ты на меня не будешь сердиться?..

— За что?

— Ради Бога, умоляю тебя, не сердись!.. Честное и благородное слово, мнѣ ужасно тяжело говорить... Ей-Богу, не знаю, какъ тебѣ это покажется... Главное, пожалуйста ты не сердись...

Вѣра чувствовала, что запутывается все больше и больше. Глафира, напоминая собой хладнокровнаго зрителя, который видитъ, какъ безсильно барахтается утопающій въ двухъ шагахъ отъ него человѣкъ, и не обнаруживаетъ ни малѣйшей попытки протянуть ему руку помощи, молча ждала, что сестра скажетъ ей дальше...

Вѣра скрѣпилась и продолжала нерѣшительно, робко, стараясь не глядѣть на Глафиру:

— Видишь ли, о чемъ мнѣ бы хотѣлось спросить тебя... *Гдѣ ты тогда ночевала?*—бухнула вдругъ она совсѣмъ для себя самой неожиданно тотъ самый вопросъ, который именно и представлялся опаснымъ... Какъ только онъ сорвался у нея съ языка, Вѣра почувствовала, что вокругъ нея словно все провалилось.

— А-а... вотъ оно что...—медленно протянула Глафира вполголоса и, подождавъ съ полъ-минуты, спросила, какъ бы нарочно поддразнивая.

— Это когда же?...

— Господи!.. Ну, тогда... вотъ въ тотъ вечеръ... послѣ того какъ ты еще съ маменькой... (у нея чуть не соскочило опять съ языка: «поругалась»). Да ты же вѣдь знаешь... ты это только нарочно... — лепетала, чуть не плача отъ стыда и отчаянія, несчастная молодая дѣвица. Она чувствовала, что Глафира безжалостно наслаждается затруднительнымъ ея положеніемъ, ибо вопросъ дѣйствительно глупъ, грубъ, даже обиденъ, и совсѣмъ не такъ было нужно спросить. Она готова была молить у Глафиры прощенія, сознавала необходимость какъ-нибудь ее смягчить и умилостивить. Она продолжала:

— Маменьку это ужасно потомъ убивало... И потомъ, когда ты больная въ горячкѣ лежала, она совсѣмъ умирала отъ страха... Совсѣмъ тогда извелась... Она вѣдь тебя очень любитъ... Даже меня такъ не любитъ... Она вѣдь только молчитъ, а постоянно все мучится!—закончила отчаянно Вѣра.

— Хм... Скажи мнѣ, пожалуйста, вотъ что...—медленно, какъ бы раздумывая, заговорила Глафира.—Вотъ то, о чемъ ты меня стала разспрашивать... почему ты затѣяла?.. Тебѣ самой хочется знать, или маменька тебя подучила?..

*

— Господи, Глаша, какъ ты не можешь понять!.. Вѣдь я сестра тебѣ, кажется? Какъ же мнѣ не хотѣлось бы знать...

Вдругъ Глафира, чего ужъ совсѣмъ отъ нея не ожидала сестра, разсмѣялась самымъ добродушнѣйшимъ образомъ и, глядя на нее съ широкой улыбкой, воскликнула:

— Да полно ужъ врать-то тебѣ! Скажи лучше правду: маменька тебя подучила? Вѣдь такъ?

Вѣра молчала въ смущеніи.

— Да ну, признавайся! Маменька? Да?

— Маменька...—пролепетала чуть слышно молодая дѣвица.

— Когда? Сегодня, когда я уходила?

— Да... когда ты уходила... — покаялась Вѣра и продолжала съ большою горячностью:—она сама все боится спросить у тебя.. Ей-Богу, мнѣ ее жалко... Ты вотъ не знаешь, а я вижу отлично, какъ она о тебѣ безпокоится...

— Почему же она обо мнѣ безпокоится?

— Да такъ, вообще... Ей все кажется, что у тебя что-то есть на душѣ... Ужасно, ужасно она о тебѣ безпокоится!

— Напрасно она обо мнѣ безпокоится,—сурово сказала Глафира, словно отрѣзала, и прибавила совсѣмъ неожиданно: — Ну, однако пора же и спать! Спокойной ночи. Прощай.

И, съ этимъ, она повернулась спиною къ сестрѣ и круто затихла.

«Вотъ тебѣ на!»—воскликнула про себя озадаченная такимъ внезапнымъ исходомъ бесѣды молодая дѣвица.—«Изъ-за чего же я столько мучилась?»

Она сознавала, что сыграла совсѣмъ глупую роль, и опять улеглась на подушки, чрезвычайно разстроенная. Вышло все только на одну потѣху Глафиры... Она злилась на себя, на сестру и на мать... На мать больше всего. Если бы не она, со своими разговорами давешними, ничего бы этого не было.

«Ну, ужъ сами теперь, милая маменька, извольте расхлебывать, а я слуга вамъ покорная!»—шептала съ досадою Вѣра. «А та тоже, лежитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало... Словно ей и горюшка мало!» думала она затѣмъ про Глафиру, которая стала легонько похрапывать.—«Ишь, уже спитъ... Что ей за дѣло?.. Посмѣялась, и рада... Одна я только въ дурахъ!»

Вѣра съ бѣшенствомъ захлопнула книжку, изъ которой такъ и не привелось ей прочесть ни строки, затушила свѣчку, успѣвшую уже почти совсѣмъ догорѣть, и, свернувшись по обыкновенію калачикомъ, стала усиленно призывать къ себѣ утѣшительный сонъ.

Но еще не скоро удалось ей уснуть. Ужъ очень она была сегодня разстроена.

Слѣдующее утро началось, какъ всегда. Глафира ничѣмъ не показывала въ своемъ обращеніи, что помнитъ о вчерашнемъ ночномъ разговорѣ. Но Вѣра ничего не забыла, и ночь не изгладила дурныхъ ея впечатлѣній, съ коими привелось ей уснуть. Она сидѣла за кофеемъ сильно не въ духѣ и избѣгала встрѣчаться глазами съ Глафирой.

Совершивъ утреннія свои обязанности, т.-е. убравъ все въ квартирѣ, накормивъ Матроса и вычистивъ канареечью клѣтку, Глафира обратилась съ вопросомъ къ сестрѣ:

— Тебѣ нужно мѣнять что-нибудь въ библіотекѣ?

— Есть одна книжка,—отвѣтила та, смотря въ сторону.

— Давай, перемѣню. Кстати я буду тамъ близко.

Вѣра молча принесла и положила книжку на столъ.

— Что же взять?

Вѣра выписала на бумажкѣ два-три заглавія и протянула къ Глафирѣ.

Та скоро собралась и ушла.

Лишь только прозвенѣлъ за ней колокольчикъ, Вѣра передала немедленно матери вчерашній разговоръ свой съ сестрою. Она изложила его, не пропустивъ ничего, только умолчала о томъ, что выдала головою Авдотью Макаровну, признавшись, что разговоръ этотъ самый затѣянъ по ея настоянію. Зато съ особенной яркостью подчеркнула собственныя свои слова о мученіяхъ Авдотьи Макаровны во время болѣзни Глафиры и о томъ, какъ ужасно она безпокоится въ настоящее время, что та не хочетъ быть съ ней откровенной.

Старушка слушала жадно, заставляя иное себѣ повторять, и напослѣдокъ спросила:

— Такъ и сказала: «Напрасно, молъ, она обо мнѣ безпокоится?»

— Такъ и сказала,—подтвердила молодая дѣвица.—Ну, а теперь, маменька, какъ себѣ тамъ хотите! Я свое дѣло сдѣлала. Будетъ съ меня! Видно, ее ничѣмъ не проймешь.

— Что, правду я тебѣ говорила?

— Много она о себѣ думаетъ, вотъ что!—воскликнула съ горячностью Вѣра.—Ужасно она меня вчера обозлила! И вы, маменька, пожалуйста, ужъ больше меня не просите... Слышите?.. Богъ съ ней! Наплевать, да и кончено.

— Ну, такъ и быть тому значитъ,—уныло заключила Авдотья Макаровна.

Повинуясь все тому же, проникавшему теперь ее настроенію не сидѣть праздно на мѣстѣ, но отыскивать всюду занятія, Глафира стала появляться попрежнему опять за прилавкомъ. Она съ удовольствіемъ увидѣла вновь знакомыя лица постоянныхъ кліентовъ табачной, какъ, напр., того чиновника съ бритымъ ли-

цомъ, заходившаго издавна сюда покупать нюхательный бергамотный табакъ и справлявшагося о ней во время болѣзни. Онъ всегда былъ съ ней молчаливъ и даже застѣнчивъ, и теперь, увидѣвъ Глафиру впервые по ея выздоровленіи, тоже не сказалъ ничего, но, когда она вышла къ нему за прилавокъ, на бритомъ лицѣ его выразилось чувство пріятной неожиданности, и Глафира съ удовольствіемъ отмѣтила это въ сердцѣ своемъ.. Видѣла она и того самаго «фертика», повадившагося ходить сюда ежедневно за десяткомъ Лаферма и смущавшаго своими безстыдными взорами Вѣру. Несмотря даже на то, что, какъ нарочно, ему теперь приходилось имѣть дѣло исключительно только съ Глафирой, и судьба не поблагопріятствовала ни разу ему попасть сюда, когда она находилась въ отсутствіи, онъ продолжалъ неизмѣнно ежедневныя свои посѣщенія для покупки Лаферма, очевидно въ постоянномъ разсчетѣ увидѣть, наконецъ, вмѣсто нея попрежнему молодую дѣвицу, судя потому, какъ онъ разочарованно таращилъ глаза при видѣ Глафиры. Все это очень ее забавляло.

Вообще теперь, въ новомъ ея состояніи, наступившемъ послѣ болѣни, возобновленіе прежнихъ ея отношеній къ посѣщавшей лавочку публикѣ открывало предъ нею новый, небывалый до того интересъ. Были ли въ числѣ таковыхъ посѣтителей прежнія, знакомыя лица, или впервые они здѣсь появлялись, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ никогда уже больше не бывать въ этой табачной,—во всѣхъ нихъ она подмѣчала одинъ общій оттѣнокъ, съ которымъ каждый къ ней обращался, подтверждая еще лишній разъ, что зеркало сказало ей правду, когда въ немъ она впервые увидѣла свое помолодѣвшее по выздоровленіи отъ болѣзни лицо и свою, украсившуюся мелкими кудряшками голову...

Нужно упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое было неукоснительно отмѣчено Авдотьей Макаровной и истолковано ею въ качествѣ еще одного яркаго признака, что Глафира отъ нея отдаляется.

Помимо того, что она всегда, когда была дома, не пропускала ни единаго случая, когда раздавался звонокъ, чтобы выйти самой за прилавокъ, она вдобавокъ усвоила себѣ, какъ бы въ обычай, проводить тамъ въ одиночествѣ полтора-два часа, остававшіеся послѣ вечерняго чая и ужина до узаконеннаго времени сна и еще недавно до того посвящавшіеся мирной домашней бесѣдѣ, а не то игрѣ въ мельники или въ зѣваки... При этомъ она забирала съ собой какую-нибудь работу и сидѣла съ нею на стулѣ. мелькая иголкой, при свѣтѣ падавшихъ на нее сверху лучей отъ подвѣшенной къ потолку надъ прилавкомъ лампы съ широкимъ жестянымъ абажуромъ, и думая свои отдѣльныя, сокровенныя думы...

XVII.

На улицѣ ложились сѣрыя сумерки и кое-гдѣ зажигались уже фонари. Въ табачной становилось темно, и Глафира собиралась зажечь надъ прилавкомъ висячую лампу.

Она только что подставила стулъ и собиралась встать на него, какъ надъ дверью задребезжалъ колокольчикъ, и въ табачную быстро юркнула и подлетѣла къ прилавку женская фигура въ платкѣ, накинутомъ на голову и замѣняющемъ у петербургской прислуги и головной уборъ, и верхнее платье, когда ей нужно отлучиться куда-нибудь недалеко. Глафира узнала въ ней горничную нѣкихъ, проживавшихъ въ томъ же домѣ господъ, забѣгавшую часто въ табачную за покупкой какой-нибудь мелочи. Глафира знала ее подъ именемъ Аннушки и имѣла понятіе, какъ объ отчаянной сплетницѣ.

Одновременно съ этой особой, не давъ даже ей затворить дверь за собою, въ лавочкѣ также появился мужчина и, выжидая своей очереди, остановился немного поодаль.

— Картъ! Четыре колоды!—заявила задыхающимся голосомъ Аннушка, словно она бѣжала сюда во весь духъ и каждая минута для нея драгоцѣнна.—Полныхъ! Съ двойками, съ тройками!.. Ой!

— Что ты, Аннушка, въ такихъ хлопотахъ?—спросила Глафира, доставая изъ ящика карты.

— Гости сегодня у нашихъ чертей. Именины самой-то... Совсѣмъ сбилась съ ногъ! За одинъ разъ-то не купятъ, что слѣдуетъ, вотъ и мечись, какъ собака!.. Еще въ погребъ нужно бѣжать: не того вина, вишь, прислали!

— Не нужно мѣлковъ?—спросила Глафира.

— Мѣлковъ?.. Про мѣлки ничего мнѣ не сказано... Значитъ, не нужно, а не то, можетъ, забыли... Вѣдь они у меня безголовые!.. Знать, придется опять у васъ побывать. Охъ, бѣда съ ними чистая!

Пока Глафира, получивъ отъ Аннушки деньги и напрягая почти въ полныхъ потемкахъ глаза, отсчитывала, сколько слѣдуетъ сдачи, та не переставала болтать, изливая негодованіе свое на хозяевъ по поводу затѣяннаго имениннаго вечера, къ коему Аннушка относилась съ большимъ порицаніемъ, такъ какъ «сами» въ долгу, какъ въ шелку, и въ мясной, и въ лабазѣ имъ уже больше не вѣрятъ, приказчики всѣ ноги себѣ оттоптали, ходивши за деньгами, сама она, Аннушка, третій ужъ мѣсяцъ копейки не видѣла изъ своего зажитого, а кухарка вотъ хочетъ на-дняхъ подать къ мировому...

Пока болтливая покупательница все это выкладывала, пришедшій вслѣдъ за ней господинъ терпѣливо стоялъ въ отдаленіи, повернувшись спиною къ прилавку и какъ бы съ интересомъ разсматривая таращившаго на него изъ полумрака фарфоровые глаза свои картоннаго мальчика.

— Вамъ что угодно?—громко къ нему обратилась Глафира, чтобы отвязаться отъ Аннушки.

Та, прошептавъ: «ой, заболталась тутъ съ вами!»—бросилась къ выходу, а господинъ обернулся къ Глафирѣ и, выждавъ, когда дверь за Аннушкой хлопнула, приблизился медленными шагами къ прилавку.

— Извините, я зажгу сперва лампу. Здѣсь ничего не видать,— сказала Глафира, намѣреваясь было опять подняться на стулъ, но господинъ вдругъ прошепталъ торопливо и даже какъ будто съ испугомъ:

— Погодите, не нужно огня...

Онъ стоялъ теперь совсѣмъ близко, отдѣляемый отъ Глафиры только прилавкомъ, спиною къ окошку, и не сводилъ съ нее пристальныхъ глазъ, какъ бы изучая черты ея при послѣднихъ тусклыхъ лучахъ умиравшаго на улицахъ осенняго дня...

Глафира сразу какъ-бы вся оцѣпенѣла на мѣстѣ... Не то какой-то смутный испугъ, не то совершенно иное, неизъяснимое, но властное чувство охватило ее, какъ волною, и парализовало ея мысли и волю... Она стояла, не въ силахъ произнести ни единаго слова, и только тупо смотрѣла на рисовавшуюся предъ нею густымъ силуэтомъ на сѣромъ квадратѣ окошка мужскую фигуру въ цилиндрѣ...

— Узнаете?—совсѣмъ тихо, почти слабымъ шопотомъ, спросилъ незнакомецъ Глафиру...

О, конечно, она узнала его, узнала въ одно мгновеніе ока, какъ только онъ произнесъ первое слово! Но она продолжала еще пребывать въ полномъ оцѣпенѣніи мысли и воли, все стоя на мѣстѣ, какъ околдованная, словно не вѣря свершенію воочію того, что существовало раньше въ ея представленіи въ видѣ какой-то смутной, фантастической грезы... Но она всегда вѣдь вѣрила, знала, что это рано или поздно случится, этому посвящены были ея тайныя, одинокія думы, но ей постоянно казалось, что это должно произойти какъ-то иначе, особенно... И вдругъ оно вотъ случилось—такъ внезапно, такъ просто, такъ совсѣмъ, совсѣмъ для нея неожиданно, а она за минуту объ этомъ не думала и не могла приготовиться...

— Вы молчите?... Вы меня не узнали?—прошепталъ опять незнакомецъ.

Наконецъ, Глафира нашла въ себѣ силы тоже прошептать, въ свою очередь:

— Нѣтъ... я узнала...

— Вы меня не ненавидите?... Нѣтъ?..—шепталъ незнакомецъ.

— За что?

Онъ вдругъ перегнулся къ ней за прилавокъ и зашепталъ торопливо, безсвязно:

— Я знаю, что здѣсь говорить невозможно... Я вѣдь за вами слѣдилъ... Я все знаю... Мнѣ нужно вамъ много, много сказать... Это очень важно, серьезно, но должно быть не здѣсь, въ иномъ мѣстѣ... Согласны вы меня выслушать?.. Только отвѣтъ! Согласны? Согласны?

— Согласна.. —прошептата машинально Глафира.

— Это должно быть скоро, на-дняхъ... Вы вѣрите мнѣ? Вы придете ко мнѣ на свиданіе?

— Да.

— Пока я не знаю, какъ это устрою... Я извѣщу... подамъ какой-нибудь знакъ... не знаю пока.. Но вы должны ждать, быть готовой... Будете? Будете? Да?

— Да... буду ждать..

— Спасибо. Вотъ все, что мнѣ нужно пока... А теперь я уйду... Я знаю, что намъ дольше нельзя... До свиданія. Ждите.

И съ этимъ послѣднимъ, торопливо брошеннымъ словомъ стоявшая въ полумракѣ фигура отдѣлилась вдругъ отъ прилавка, мелькнула мимо Глафиры, обрисовалась у выхода, гдѣ зазвенѣлъ колокольчикъ, а затѣмъ дверь растворилась и хлопнула, и Глафира осталась одна...

Произошло все это быстро, стремительно, на пространствѣ короткихъ минутъ... Глафира даже не успѣла опомниться, собраться съ мыслями... Этотъ полумракъ, этотъ загадочный шопотъ, эта едва различимая, какъ бы призрачная, внезапно предъ ней появившаяся и такъ же внезапно исчезнувшая фигура мужчины, эти торопливыя, безсвязныя и странныя рѣчи—все это было похоже на сонъ... Да и Глафира чувствовала себя словно во снѣ.

Словно во снѣ, она двинулась съ мѣста, словно во снѣ, взлѣзла на стулъ и зажгла висячую лампу, соображая только одно, что давно уже слѣдовало ей это сдѣлать, но только этому все время мѣшали, потомъ спустилась со стула и оглядѣлась вокругъ... И вотъ теперь, когда исчезъ мракъ, и свѣтъ огня лампы заигралъ яснымъ бликомъ на глянцевитомъ прилавкѣ, озаряя стеклянныя дверцы шкафовъ, съ виднѣющимися тамъ табачными и папиросными пачками,—все то, что произошло сейчасъ

здѣсь, въ этомъ темномъ углу, еще болѣе походило на посѣщеніе призрака!..

Она вышла въ столовую и какъ бы окунулась уже въ дѣйствительную, настоящую жизнь.

Тамъ, на кругломъ столѣ, горѣла только что зажженная Авдотьей Макаровной лампа, и сама Авдотья Макаровна сидѣла въ уголку, на диванѣ, въ праздномъ бездѣйствіи. Она задумчиво подпирала щеку ладонью и, при входѣ Глафиры, бросила на нее безмолвный и продолжительный взглядъ... Тутъ же въ креслѣ помѣщалась и Вѣра, пригнувшись надъ книжкой, и тоже, при входѣ Глафиры, на нее посмотрѣла...

А та прошла въ спальню, легла на кровать и, подложивъ обѣ руки себѣ подъ голову, устремила неподвижные глаза въ темноту. Она какъ бы вдругъ ослабѣла всѣмъ тѣломъ, и ей хотѣлось лежать и не двигаться, и чтобы ее оставили совершенно въ покоѣ, не говорили, не глядѣли, не трогали...

Въ лавочкѣ прозвенѣлъ колокольчикъ, и она это слышала, но не сдѣлала никакого движенія...

Авдотья Макаровна, подождавъ съ полъ-минуты появленія изъ спальни Глафиры, шепнула, толкнувъ подъ локоть Вѣру:

— Выйди... Кто-то пришелъ...

Еще раза два или три послѣ того звонилъ колокольчикъ, возвѣщая приходъ покупателей, но Глафира все не появлялась изъ спальни, лежа у себя на кровати и устремивъ неподвижные глаза въ темноту, равнодушная ко всему, что происходило тамъ, за этой притворенной дверью, ибо теперь ей все это стало чужимъ и ни сколько до нея некасающимся..

XVIII.

Въ одно ноябрьское утро Петербургъ пробудился подъ густымъ снѣжнымъ покровомъ... То былъ первый снѣгъ. Онъ валилъ всю ночь напролетъ и покрылъ все, что возможно, какъ-то — крыши, подъѣзды, верхи фонарей, даже тумбы, пушистыми бѣлыми шапками. Появились и санки.

Но къ полудню образовались уже широкія лужи. Вездѣ таяло, всюду текло. Затѣмъ залетали опять бѣлыя мухи, по временамъ превращаясь въ крупныя хлопья, которыя таяли, едва коснувшись земли. Къ вечеру снѣгъ превратился въ темную жижу, безбожно расплескиваемую копытами извозчичьихъ клячъ. Когда зажглись фонари, мокрые тротуары повсюду, отражая въ себѣ огоньки, казались каналами, надъ которыми рѣяли тѣни прохожихъ.

Былъ часъ шестой вечера.

Черезъ домъ отъ табачной лавочки вдовы Хороводовой, какъ

разъ противъ оконъ аптеки, у тротуара, стоялъ порожній извозчикъ. Онъ давно ужъ стоялъ тутъ. Гнѣдая, съ отвисшимъ чуть не до земли животомъ и мокрой, взъерошенной шерстью, клячонка понуро дремала. Возница истуканомъ сидѣлъ на своемъ облучкѣ, тоже весь мокрый и тоже понурый, и созерцалъ мелькавшихъ мимо по тротуару прохожихъ. Никто его никуда не рядилъ, и самъ онъ ни разу ни къ кому не приставалъ съ выраженіемъ готовности своей подвезти, ибо пребывалъ въ меланхоліи, мокнувъ съ утра на этой анаѳемской мокряди, и только подумывалъ, что хорошо бы, погодивши малое время, если такъ и не наклюнется совсѣмъ сѣдока, тронуть къ Садовой, гдѣ есть трактиръ съ дворомъ для извозчиковъ, и попарить брюхо чайкомъ.

А пока онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на прохожихъ, мелькавшихъ мимо аптеки, гдѣ на окнахъ сіяли разными цвѣтами шары, отбрасывая въ уличный мракъ яркія полосы. И извощику занятно было слѣдить, какъ каждый прохожій, поравнявшись съ окошками, становился попеременно краснымъ, зеленымъ и синимъ... Но особенно его занималъ одинъ баринъ, въ высокой шляпѣ, съ большой бородой, который маячилъ предъ нимъ вотъ уже нѣсколько времени, прохаживаясь взадъ и впередъ все около этого самаго дома, то пропадая во мракѣ, то снова какъ бы выныривая въ лучахъ разноцвѣтныхъ аптечныхъ шаровъ...

«Поджидаетъ кого-то»... — мыслилъ извозчикъ про барина.— «Знать, гдѣ-нибудь тутъ зазноба по ближности есть... Мужня жена, али дѣвушка.. Къ ней-то самой, выходитъ, нельзя—вотъ по эфтому и мается, значитъ»...

Отъ времени до времени баринъ замедлялся въ движеніи, даже совсѣмъ останавливался и пристально глядѣлъ въ одну сторону, потомъ опять трогался съ мѣста и снова принимался маячить.

«Ишь, сердешный, какъ мается...» — сострадательно думалъ извозчикъ.—Тоже не легкое дѣло... Чего же, одначе, нейдетъ она, подлая?..»

Но вотъ промелькнуло навстрѣчу другъ другу нѣсколько человѣкъ пѣшеходовъ, заслонивъ собою барина въ шляпѣ, и когда они разсѣялись въ разныя стороны, извозчикъ увидѣлъ, что тотъ теперь уже не одинъ. Передъ нимъ стояла барышня въ шапочкѣ, сверхъ которой былъ повязанъ платокъ. Они держались за руки и о чемъ-то быстро-быстро между собой разговаривали... Барышня казалась объятою отблескомъ пожарнаго зарева, и лицо ея было отлично видно извозчику. Онъ нашелъ ее молодой и пригожей. Баринъ помѣщался въ тѣни, и извозчикъ разслышалъ, какъ онъ воскликнулъ, уговаривая съ усердіемъ барышню:

— Но увѣряю же васъ, что тамъ нѣтъ ничего неприличнаго!

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—такъ же громко отвѣтила барышня и даже замахала руками.

— Но вѣдь не стоять же намъ все время на улицѣ!—сказалъ опять баринъ, подаваясь въ сторонку, отчего онъ сдѣлался вдругъ весь зеленымъ, а барышня, въ свой чередъ, потемнѣла...

Дальше извозчикъ ничего не разслышалъ, но догадался, что они между собою совѣтовались... Послѣ этого они къ нему быстро приблизились, и баринъ крикнулъ:

— Извощикъ!

— Куда прикажете?—встрепенулся созерцатель.

Баринъ, не отвѣчая ему, подхватилъ подъ локоть барышню, помогъ ей влѣзть на пролетку, затѣмъ вскочилъ самъ и крикнулъ:

— Пошелъ!

— Въ которо мѣсто везти-то?—спросилъ снова извозчикъ.

— Все равно, куда знаешь... Прямо, впередъ!—приказалъ ему баринъ.

Извозчикъ подбодрилъ кляченку ударомъ кнута, и та затрусила по лужамъ.

«Баринъ хорошій, нанялъ безъ торгу»,—соображалъ извозчикъ про своего сѣдока.

Кстати тутъ ему вспомнилось, что какъ-то въ первое время, когда онъ еще только началъ ѣздить по Питеру, тоже нанялъ его, не торгуясь, одинъ стрекулистъ, и такимъ порядочнымъ господиномъ ему показался, былъ даже въ перчаткахъ, гонялъ его по городу битыхъ часа полтора, а потомъ велѣлъ остановиться у какихъ-то воротъ, слѣзъ да и спрашиваетъ: «Сколько тебѣ?» —Сами знаете, сударь, сколько возилъ васъ. Ужъ рубликъ положьте.—«Хорошо, говоритъ, подожди здѣсь немножко, я сейчасъ тебѣ вышлю»,—а самъ шмыгъ въ калитку... Ждалъ-ждалъ, стоялъ стоялъ—никто денегъ ему не выноситъ!.. Дворникъ, спасибо, уже надоумилъ.—«Ты чего здѣсь стоишь?»—Да вотъ жду, сѣдокъ выслать деньги за ѣзду обѣщался.—«Давно?»—Съ полчаса мѣста стою.—«Ну, и еще постоишь, дворъ-то вѣдь нашъ проходной...» Ахъ, будь тебѣ пусто! Такъ ему стало обидно, ажно чуть не заплакалъ!..

«Ну, этотъ-то, кажись, не такой...» — успокоилъ теперь онъ себя.—«Да и барышня съ нимъ... Поди, хорошо еще прибавитъ на чай... Передъ женскимъ-то поломъ каждый любитъ себя показать...»

И въ разсчетѣ заслужить передъ бариномъ, извозчикъ захлесталъ усиленно лошадь.

— Не гони! не гони!—закричалъ сзади баринъ.—Некуда совсѣмъ торопиться.

Лошаденка побѣжала прежней лѣнивой рысцой, а извозчикъ,

отъ нечего дѣлать, началъ прислушиваться, о чемъ разговариваютъ между собой его сѣдоки.

— Мысли о васъ не выходили изъ моей головы во все время... —толковалъ умильнымъ голосомъ баринъ. — Если бы вы знали, какъ я о васъ мучился... А вы? Что вы обо мнѣ могли думать?..

«Улещаетъ...»—сдѣлалъ мысленно свое заключеніе извозчикъ.

Отвѣтъ барышни онъ не разслышалъ, такъ какъ въ эту минуту, съ грохотомъ, просверкавъ фонарями, навстрѣчу имъ промчалась карета, обдавъ брызгами грязи.

Они проколесили до конца Большую Садовую и выѣхали на Невскій проспектъ.

— Налѣво аль направо повертывать?—оборотился съ своего сидѣнья извозчикъ.

— Сказано тебѣ, куда хочешь!—крикнулъ съ раздраженіемъ баринъ.—Ну, хоть направо.

— На Литейную, значитъ?

— Ладно, поѣзжай на Литейную!

Извощикъ давно домекнулся, что у господина было въ мысляхъ завести куда нибудь барышню, но та упиралась, и вотъ ему приходится, вмѣсто того, разводить антимонію...

«Строгая... Себя соблюдаетъ...»—заключилъ извозчикъ про барышню. «Ужъ нонича, значитъ, миляга, ничего тебѣ не очистится...»

Онъ шестой уже годъ ѣздилъ по Питеру, ко многому прислушался и приглядѣлся и выработалъ въ себѣ большого психолога.

На Невскомъ, среди непрерывнаго грохота колесъ экипажей и раздававшагося безпрестанно то тамъ, то здѣсь «берегись!» невозможно было разслышать ни одного слова бесѣды. На углу Владимірской, передъ тѣмъ какъ повернуть на Литейную, пришлось задержаться изъ-за скопившагося на перекресткѣ цѣлаго каравана каретъ и извозчичьихъ пролетокъ и санокъ. Надъ этой толпой лошадей стоялъ густымъ облакомъ паръ.

— Узнаете тотъ домъ... вонъ, высокій, насупротивъ?..—спрашивалъ свою спутницу баринъ.

— Что тамъ такое?

— Это «Москва»...

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы напомнили?!.. Я бы хотѣла забыть!— воскликнула барышня.

— Простите.

Часть экипажей освободила дорогу, и имъ удалось наконецъ переѣхать Невскій проспектъ и повернуть на Литейную.

— Я хотѣлъ бы видѣться съ вами не тайно, не крадучись, а это возможно устроить лишь такъ, какъ я вамъ говорилъ,—услышалъ дальше извозчикъ.—Вы меня поняли, вы согласны, что иначе я поступить не могу?

— Да, я васъ понимаю.

— Вы относитесь ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ?

— Я вамъ вѣрю вполнѣ.

Справа и слѣва ихъ обгоняли другіе извощики, грохоча колесами и заглушая безпрестанно бесѣду. Ихъ возницѣ надоѣло прислушиваться, да и совсѣмъ другая мысль его занимала. Онъ думалъ, докуда ему придется возить ихъ?.. Да и чайку ужъ больно хотѣлось испить.

На перекресткѣ, между Бассейной и Симеоновской, пришлось пріостановить нѣсколько лошадь, чтобы пропустить перерѣзавшую имъ дорогу карету, и извозчикъ невольно услышалъ, какъ баринъ говорилъ, съ большимъ жаромъ:

— О, какъ я постигъ теперь вашу натуру!.. Да! выбраться изъ этого затхлаго воздуха, изъ этой пошлой, притупляющей жизни... Я понимаю, я все понимаю!.. Вы правы. Вы не можете дольше такъ жить.

Тутъ опять застучали колеса и ничего опять не было слышно.

Поровнялись съ угломъ Пантелеймоновской. Направо обрисовались сквозь вечернюю мглу словно вырѣзанныя изъ бѣлой бумаги стройныя стѣны и башенки Спаса Преображенія и исчезли позади, за угломъ.

— «Эхъ, важно-бъ теперича побаловаться чайкомъ...» — уже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ тоски, принялся опять думать извозчикъ...

Вотъ и Кирочная. Вдали замерцали красными точками фонари Литейнаго моста...

— Какъ? Уже восьмой часъ!? — раздалось сзади восклицаніе барышни.—Нѣтъ, мнѣ дольше нельзя! Мнѣ нужно домой!

— Извозчикъ! Обратно!—крикнулъ тотчасъ-же баринъ.

Тотъ попятилъ свою лошаденку и сталъ заворачивать на другую сторону улицы.

— Вы боитесь, что опоздали?—спрашивалъ баринъ.

— Я ничего не боюсь, — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ его спутницы.—Я просто не хочу огорчать свою мать, въ это послѣднее время... Она ужъ и такъ о чемъ-то догадывается...

— Да, я васъ понимаю. Извозчикъ, живѣе!

Тотъ вытянулъ лошадь кнутомъ, и она побѣжала скорымъ аллюромъ, оступаясь и фыркая, и прядая отвислымъ своимъ животомъ, словомъ, стараясь изъ всѣхъ своихъ силъ, какъ-бы понявъ, что она слишкомъ долго ужъ пользовалась снисхожденіемъ своихъ пассажировъ.

Опять Невскій, опять Большая Садовая, потомъ поворотъ въ переулокъ, поворотъ налѣво за уголъ, въ улицу, а вонъ тамъ, вдали, знакомые разноцвѣтные шары на окнахъ аптеки...

Проѣхали мимо. Баринъ крикнулъ извозчику:

— Противъ того дома налѣво! Вонъ, гдѣ табачная... Видишь?

Тотъ сталъ поворачивать на другую сторону улицы и захлесталъ было клячонку, чтобы подъѣхать съ шикомъ къ табачной, но барышня торопливо сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, я сойду здѣсь.

— Стой!—сказалъ баринъ.

Онъ соскочилъ ловко съ пролетки и подалъ спутницѣ руку, помогая сойти. Стоя на тротуарѣ и все продолжая держать ея руку въ своей, онъ спросилъ, на прощанье:

— Итакъ, рѣшено? Въ воскресенье?

— Да, въ воскресенье,—отвѣтила та.

— Адресъ вы помните?

— Помню.

— Я буду васъ ждать.

Онъ посмотрѣлъ на нее продолжительно... Она тоже продолжительно на него посмотрѣла... Потомъ освободила отъ него свою руку, кивнула ему головой и торопливо направилась на противоположную сторону улицы.

Баринъ смотрѣлъ ей во слѣдъ до послѣдней минуты. Онъ видѣлъ, какъ фигура ея зачернѣлась передъ входомъ въ табачную, спустилась внизъ по ступенькамъ и скрылась,— потомъ обратился къ извозчику:

— Сколько же тебѣ, братецъ, слѣдуетъ?

Тотъ, умильно снявъ шапку, отвѣтилъ:

— Да что-жъ, ваше сіятельство, вѣрно не захотите обидѣть... Для вашей милости ужъ всячески, кажись, постарался...

— Сколько же? Рубль?

— Полтора ужъ положьте... Старался!

Баринъ досталъ изъ бумажника рубль, а изъ кошелька полтинникъ серебряной мелочью и отдалъ эту сумму извозчику.

— Покорнѣйше благодарствую. Дай Богъ вамъ здоровья.

— Погоди... Не отвезешь ли меня на Петербургскую сторону?

— Далече ужъ оченно, сударь, да и лошадка устала.. Я теперь на фатеру.

— Ну, какъ знаешь,—сказалъ отрывисто баринъ и зашагалъ по тротуару въ обратную сторону. А извозчикъ хлестнулъ свою клячу и поѣхалъ къ трактирчику—попарить брюхо чайкомъ. Дорогою онъ думалъ про барина:

«Ничего, сердешный, тебѣ не очистилось... Ну, да свое ты возьмешь!»

XIX.

Въ тотъ же вечеръ, часу ужъ въ десятомъ, Иванъ Еремѣичъ вошелъ къ Самострѣлову. Онъ не посѣщалъ Емельяна Иваныча уже нѣсколько дней, и тотъ его привѣтствовалъ:

— А-а!

Гость осторожно повѣсилъ на гвоздь свое густо облѣпленное мокрымъ снѣгомъ пальто, съ котораго потекли скоро чуть не ручьи, а отъ снятыхъ калошъ образовалась даже цѣлая лужица... Видно было, что онъ былъ гдѣ-то въ дальнихъ мѣстахъ.

Поздоровавшись молча съ хозяиномъ, онъ прикоснулся къ стоявшему передъ нимъ самовару.

— Э, совсѣмъ уже холодный!

— Подогрѣть?—спросилъ Самострѣловъ.

— Да, и завари свѣжей травки. Я буду пить чай.

Хозяинъ сходилъ отдать распоряженіе Ѳенѣ, и та скоро явилась и унесла самоваръ.

Иванъ Еремѣичъ присѣлъ на стулъ, потомъ всталъ, походилъ, снова присѣлъ, снова всталъ и принялся безостановочно шагать взадъ и впередъ.

Когда, минутъ черезъ десять, Ѳеня внесла и поставила кипящій во весь духъ самоваръ, и Самострѣловъ занялся завариваніемъ свѣжаго чая, Иванъ Еремѣичъ извлекъ изъ кармана пальто какой-то длинный и тяжелый предметъ, обернутый плотно бумагой. Сорвавъ и бросивъ обертку, онъ поставилъ предметъ этотъ на столъ. Оказался коньякъ. Затѣмъ, изъ другого кармана, онъ вынулъ лимонъ и положилъ его рядомъ съ бутылкой...

— Чего ты на меня уставился?—сказалъ Иванъ Еремѣичъ, на вопросительно устремленный на него взглядъ Самострѣлова.— Буду пить пуншъ.

— Что тебѣ вздумалось?

— Такъ. По случаю скверной погоды... Давай сюда штопоръ.

Хозяинъ протянулъ къ нему складной ножъ съ роговымъ черенкомъ, къ которому придѣланъ былъ штопоръ. Гость вытащилъ пробку, отрѣзалъ отъ лимона нѣсколько ломтиковъ, одинъ изъ нихъ бросилъ въ стаканъ, опустилъ туда-же три куска сахару и сказалъ, протягивая этотъ стаканъ къ Самострѣлову:

— Наливай, да неполный.

Онъ слѣдилъ, пока тотъ наливалъ, и когда пространства оставалось на палецъ, остановилъ его:

— Будетъ!

Это пространство онъ долилъ до самыхъ краевъ коньякомъ.

— А ты?—спросилъ онъ хозяина.

— Я ужъ напился.

— Значитъ, можешь пить просто коньякъ.

— Охъ, Боже мой, Боже мой!..—простоналъ Самострѣловъ.

— Вели подать рюмку. Вѣдь у тебя не имѣется?

— Была тамъ, кажется, гдѣ-то, одна... Охъ, Боже мой, Боже мой...

— Не скули. Терпѣть не могу!.. Гдѣ-жъ твоя рюмка? Въ шкафу? Или въ комодѣ

— Въ комодѣ...—со вздохомъ произнесъ Самострѣловъ.

— Нашелъ тоже мѣсто!

Иванъ Еремѣичъ, не дожидаясь, когда тотъ соберется встать съ кресла, самъ подскочилъ живо къ комоду, выдвинулъ изъ него верхній ящикъ (куда хозяинъ пряталъ сахаръ, чай и табакъ, и гдѣ лежали его зимняя шапка, какія-то пожелтѣлыя рукописи, разбитая лампа, три крахмальныхъ рубашки, бѣлая пикейная жилетка, старый кофейникъ со сломанной ручкой, пачка стеариновыхъ свѣчекъ въ синей бумагѣ и еще нѣсколько разнородныхъ предметовъ), нащупалъ среди всего этого хлама большую граненую старинную рюмку, поставилъ передъ Емельяномъ Иванычемъ и налилъ ее коньякомъ.

Самъ же онъ принялся за пуншъ. Выпивъ въ нѣсколько быстрыхъ пріемовъ первый стаканъ, онъ самъ налилъ второй, на этотъ разъ уже всего на три четверти, остальное пространство дополнилъ содержимымъ бутылки, сдѣлалъ широкій глотокъ, почти въ полстакана, и затѣмъ заявилъ, что начинаетъ, кажется, наконецъ, согрѣваться...

— Я вѣдь изъ дому съ утра... Даже и не обѣдалъ сегодня,— пояснилъ Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ пытливо и продолжительно на него посмотрѣлъ... Иванъ Еремѣичъ скользнулъ взоромъ въ сторону и принялся прихлебывать пуншъ.

Хозяинъ хорошо понималъ, что гость явился къ нему совсѣмъ не затѣмъ, чтобы только пить пуншъ. Ужъ съ самаго начала, какъ онъ только пришелъ, по безпокойному его поведенію, Емельянъ Иванычъ возымѣлъ подозрѣніе, что пріятель его находится въ «градусѣ». Его заявленіе, что онъ съ утра не былъ дома, тоже должно было быть знаменательнымъ. Наконецъ, самая идея пить пуншъ, несмотря на то, что этому было дано объясненіе въ смыслѣ предохранительнаго средства противъ простуды, имѣла сама по себѣ большое значеніе. Все это привело Самострѣлова къ ожиданію какихъ-то важныхъ признаній.

Какъ всегда въ этихъ случаяхъ, не ускоряя момента ихъ наступленія, онъ поддерживалъ терпѣливо бесѣду въ томъ безраз-

личномъ ея направленіи, каковое обыкновенно служитъ прелюдіей къ главной и особенной темѣ, требующей спеціальнаго для того настроенія и подходящей минуты. Поговорили о скверной погодѣ, Самострѣловъ спросилъ гостя о его домашнихъ дѣлахъ, о здоровьи Анны Егоровны и новорожденнаго сына, даже полюбопытствовалъ знать о новомъ членѣ семьи—дѣвчонкѣ Марѳушкѣ, нанятой въ няньки, о томъ, какъ она служитъ, довольны ли ею...

— Живетъ, ничего,—вяло отвѣтилъ на это, какъ и на всѣ заданные раньше вопросы, Иванъ Еремѣичъ.—Ну ее, къ чорту!

— А что?—переспросилъ Самострѣловъ.

— Дрянь. Днемъ, какъ угорѣлая мечется, а ночью коломъ не подымешь. Дрыхнетъ, какъ мертвая!..—Словомъ, все скверно!—прибавилъ онъ совсѣмъ неожиданно.

— Что-жъ скверно-то именно?—задалъ вопросъ Самострѣловъ.

— Все скверно, все!—воскликнулъ, вскакивая съ мѣста, Иванъ Еремѣичъ. Онъ взволнованно прошелся взадъ и впередъ, опять опустился на стулъ и, выхлебнувъ остававшійся пуншъ, придвинулъ опорожненный стаканъ къ Самострѣлову, молвивъ: —Налей.

То былъ уже пятый стаканъ, сдобренный, какъ и всѣ предыдущіе, обильнымъ добавленіемъ къ нему коньяку.

Нѣсколько времени Иванъ Еремѣичъ пристально, въ мрачномъ молчаніи, созерцалъ этотъ стаканъ, потомъ вдругъ ударилъ въ столъ кулакомъ и воскликнулъ:

— Всему конецъ и шабашъ! Новая эра!

Онъ былъ уже красенъ, и глаза его влажно блестѣли... Долго готовившаяся, необходимая для признаній минута настала.

— Знаешь ли ты, съ кѣмъ былъ я сейчасъ... т.-е. не сейчасъ, а недавно?.. Ну, какъ бы ты думалъ?..

Иванъ Еремѣичъ продолжительно, молча, посмотрѣлъ на хозяина, какъ бы подготовляя эффектъ, и отвѣтилъ:

— Съ нею, съ Глафирой!.. У меня было съ нею свиданіе и большой разговоръ... Ну, и... и... и все кончено, и корабли сожжены, и начинается новая жизнь... Что? Поражонъ?

Самострѣловъ молчалъ и только глядѣлъ во всѣ глаза на пріятеля.

— Ага! Я зналъ, чѣмъ тебя можно пронять!—продолжалъ торжествующе Иванъ Еремѣичъ.—Ха-ха! Погоди, не такъ глаза еще вытаращишь.. Въ лоскъ тебя уложу... Стой, насъ никто не услышитъ?—перебилъ онъ самъ свою рѣчь, переходя въ опасливый шопотъ, и оглянулся на дверь.

— Кто же можетъ услышать? Никто не услышитъ,—отрицательно мотнулъ головой Самострѣловъ.

— Ну, а твоя хозяйка Роскошникова... или Ѳенька... Онѣ не

могутъ подслушать? — продолжалъ тѣмъ же шопотомъ Иванъ Еремѣичъ.

— Вотъ еще! Зачѣмъ онѣ станутъ подслушивать?—возразилъ Самострѣловъ.

— Нѣтъ, погоди... Все-таки нужно принять мѣры...

Иванъ Еремѣичъ тихо снялся со стула, на цыпочкахъ приблизился къ двери, отворилъ ее, заглянулъ въ темныя сѣни, постоялъ немного, прислушиваясь, и, повидимому, совсѣмъ успокоившись, притворилъ опять дверь, замкнувъ ее дважды на ключъ. Затѣмъ, вернувшись на мѣсто, онъ пояснилъ слѣдившему за нимъ въ безмолвномъ ожиданіи Самострѣлову:

— То, что сейчасъ ты услышишь, составляетъ глубокую тайну... Понимаешь ты это?.. Никто знать не долженъ... И ты обязанъ свято хранить... Знаешь, что хочу тебѣ я открыть?..

Иванъ Еремѣичъ съ полминуты пристально смотрѣлъ на хозяина и потомъ произнесъ, наклонившись къ нему черезъ столъ, таинственнымъ голосомъ:

— Я влюбленъ.

— Что? Какъ ты сказалъ?—переспросилъ Самострѣловъ, какъ человѣкъ, полагающій, что онъ не разслышалъ.

Иванъ Еремѣичъ повторилъ ясно, отчетливо, раздѣляя слоги:

— *Я... влюб-ленъ...* Ага! вотъ когда настоящимъ образомъ я тебя ошарашилъ!.. Что? Правда?

— Да... признаюсь...—произнесъ хозяинъ въ раздумьи.

— А главное, чего ты не знаешь, это того, что вмѣсто меня передъ тобой сидитъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ. Вотъ чего ты не знаешь!

Иванъ Еремѣичъ допилъ стаканъ и, подвинувъ его къ Самострѣлову, молвилъ:

— Налей.

Емельянъ Иванычъ немедленно это исполнилъ, оставивъ попрежнему часть стакана недолитымъ, а Иванъ Еремѣичъ дополнилъ его коньякомъ и сказалъ:

— Ну, а теперь узнай все... Помнишь, что я тебѣ говорилъ про Глафиру?

— Помню,—отвѣчалъ Самострѣловъ.

— Все помнишь?

— Помню, что ты мнѣ разсказывалъ...

— Что я тебѣ говорилъ про наружность Глафиры?

— Говорилъ, что она не красива,— отвѣчалъ Самострѣловъ.

— Я ошибался. Она прелестна, оказывается! Я былъ пораженъ!

Иванъ Еремѣичъ разсказалъ Емельяну Иванычу, какъ онъ въ это послѣднее время ѣздилъ по вечерамъ съ Петербургской, един-

ственно только за тѣмъ, чтобы прохаживаться мимо табачной, подкарауливая появленіе за прилавкамъ Глафиры, и какъ въ первый разъ онъ едва повѣрилъ глазамъ: до такой степени не соотвѣтствовало съ дѣйствительностью то, что онъ себѣ представлялъ о Глафирѣ... Съ этого времени онъ не переставалъ о ней думать. Она заполонила всѣ его мысли. Тогда онъ постигъ, что съ нимъ совершается что-то особенное, и онъ надъ этимъ не властенъ, ибо надъ нимъ тяготѣетъ судьба...

— Да, это роковая судьба!—съ силой повторилъ Иванъ Еремѣичъ.

Затѣмъ разсказалъ, какъ долго онъ собирался съ нею увидѣться, блуждая около лавочки и надѣясь подкараулить когда нибудь ея выходъ на улицу, ибо нужно было соблюсти осторожность, какъ тогда же онъ думалъ написать ей письмо, но его остановила отъ этого мысль, что оно можетъ попасться въ постороннія руки. Еще разсказалъ Иванъ Еремѣичъ, какъ рѣшился онъ наконецъ войти въ лавочку, вслѣдъ за одной покупательницей, воспользовавшись сумерками, когда неожиданное его появленіе не могло встревожить Глафиру, въ случаѣ если бы она его сразу узнала. И она дѣйствительно узнала его, когда онъ подошелъ и напомнилъ ей о себѣ. Разговоръ между ними былъ очень коротокъ, ибо каждую минуту могли ихъ накрыть, но онъ добился того, что только и требовалось: она согласилась имѣть съ нимъ свиданіе. На другой день, у себя въ конторѣ, онъ написалъ ей письмо, которое по окончаніи занятій, самъ лично отвезъ и вручилъ ей. На этотъ разъ онъ вошелъ, уже ничего не боясь, прямо въ табачную, и она сейчасъ же къ нему появилась, ибо она выходитъ всегда сама къ покупателямъ. Въ этомъ письмѣ было сказано, что тогда-то, въ такомъ-то часу, онъ будетъ ее ждать, на такомъ-то мѣстѣ, на улицѣ, а затѣмъ они куда нибудь вмѣстѣ поѣдутъ, гдѣ онъ будетъ имѣть съ ней большой разговоръ. Въ краткихъ словахъ онъ выразилъ въ этомъ письмѣ, какія чувства питаетъ онъ къ ней, и такимъ образомъ до значительной степени ее подготовилъ... Сегодня состоялось свиданіе. Онъ предлагалъ ей поѣхать въ отдѣльный кабинетъ какого нибудь ресторана, но она воспротивилась этому. Вмѣсто того, онъ нанялъ извозчика, который и возилъ ихъ по улицамъ, покуда они объяснялись...

— Ну, и все кончено!—прибавилъ разсказчикъ.—Я уже нанялъ ей комнату, въ воскресенье она туда переѣдетъ, и для меня начнется новая жизнь... Что? Каково? Ожидалъ отъ меня?

Емельянъ Иванычъ сидѣлъ истуканомъ, созерцая пристально лампу.

— Нѣтъ, ты скажи: ожидалъ?—приставалъ къ нему Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ испустилъ медленный вздохъ, по прежнему не отвѣчая ни слова, изъ чего пріятель его могъ заключить, что эффектъ произведенъ былъ достаточный...

— Ну, и что-жъ... Скоро она согласилась?—задалъ, немного погодя, вопросъ Самострѣловъ.

— Съ перваго слова. Она тоже думала обо мнѣ постоянно.

— И знаетъ, что ты имѣешь большое семейство?—спросилъ опять Самострѣловъ.

Иванъ Еремѣичъ порылся въ жилетномъ карманѣ, досталъ что-то оттуда и, держа это въ рукѣ, другую руку протянулъ къ глазамъ Самострѣлова.

— Видишь?—спросилъ онъ, все держа передъ нимъ эту руку.— Нѣтъ вѣдь кольца?

— Не видать,—согласился съ нимъ Самострѣловъ.

— И она тоже его не видала,—сказалъ Иванъ Еремѣичъ.— А теперь вотъ мы его опять и надѣнемъ... Хе-хе!—прибавилъ онъ и надвинулъ на палецъ вынутое изъ жилетнаго кармана кольцо...

— Гм... Значитъ, ты ее обманулъ?

— Обманулъ! Все ложь и обманъ!.. Она совсѣмъ одурачена!— подтвердилъ мрачно Иванъ Еремѣичъ, вставая, и принялся шагать взадъ и впередъ.

Между пріятелями водворилось молчаніе. Емельянъ Иванычъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ какъ замороженный, продолжая созерцать пристально лампу... Иванъ Еремѣичъ, громко стуча каблуками, шагалъ взадъ и впередъ.

Наконецъ онъ опустился на стулъ и сказалъ:

— Что жъ ты молчишь?

Самострѣловъ не издалъ ни звука.

— Да скажи же хоть слово!

Емельянъ Иванычъ пребывалъ въ упорномъ безмолвіи.

— Ты долженъ меня обругать. Зачѣмъ ты стѣсняешься?— приставалъ къ нему Иванъ Еремѣичъ.—Я же, вѣдь, знаю, что ты меня осуждаешь... Негодяй я, по твоему?.. Еще бы! Женатъ, народилъ кучу ребятъ, и, вишь, чѣмъ занимается... Вотъ что ты про меня долженъ думать. Правду я говорю?

Самострѣловъ вздохнулъ.

— Молчишь,—значитъ, я отгадалъ. И я знаю, что многіе меня тоже осудятъ... разные тамъ добродѣтельные... Ну, и пусть! Плевать я хочу!.. Я тоже былъ добродѣтельнымъ, а теперь не желаю. Баста! Довольно съ меня добродѣтели!.. Ну ее, къ чорту! Что ты на меня такъ сейчасъ посмотрѣлъ?.. Думаешь, пьянъ?.. Да, есть немножко... Только я то же самое и трезвый скажу!.. Ты полагаешь, я объ этомъ не думалъ? Очень много думалъ, мой

ангелъ! И вотъ я рѣшилъ, что нужно плевать!.. Дѣлай все. Если нельзя обойтись безъ обмана—обманывай! Становись выше всякихъ условій! Я хочу жить... Понимаешь?.. Жить, жить я хочу!—съ силой повторилъ Иванъ Еремѣичъ и ударилъ въ столъ кулакомъ. Онъ все больше пьянѣлъ.

Затѣмъ онъ развалился на стулѣ и устремилъ тяжелый, подавляющій взглядъ на созерцавшаго попрежнему пристально лампу Емельяна Иваныча, словно изучая его грузную, неподвижно сидѣвшую въ глубокомъ креслѣ фигуру, и послѣ нѣсколькихъ безмолвныхъ минутъ такового своего наблюденія, заговорилъ медленнымъ голосомъ, съ паузами:

— Вотъ теперь я смотрю на тебя и думаю... Знаешь, что я сейчасъ думаю? Сказать? Не обидишься?.. Впрочемъ гдѣ тебѣ обижаться!.. Я наконецъ тебя понялъ. Прежде я называлъ тебя мертвецомъ и доказывалъ... Помнишь?.. Нѣтъ, это не то... Знаешь ты что, Емельянъ? Ты просто человѣкъ про-за-ич-ный... (на этомъ эпитетѣ языкъ оратора немного запнулся) Вотъ ты все время сидишь и молчишь... Почему?.. Потому что многое для тебя не понятно. Ты человѣкъ ординарный... ты—добродѣтельный... Ты развѣ способенъ, какъ я, подобную штуку удрать?.. Ни въ жизнь... Для этого потребна фантазія... полетъ мысли... духовная ширь... Вотъ, кому бы быть семьяниномъ—тебѣ! Ты настоящая устрица... Честное слово!.. Взять хоть бы вотъ эту самую комнату... Я бы въ ней удавился!.. А ты вотъ живешь... какъ устрица въ раковинѣ... Именно, да!.. Почему? Потому что ты ничего не желаешь, ни къ чему не стремишься... Ты не можешь взлетѣть!.. А у меня романтизмъ! Я, братецъ, поэтъ!.. Хоть бы самая эта исторія... Въ чемъ для меня ея главная суть? Драматичность, поэзія!.. Дѣвушка бросилась въ воду... Га! Развѣ это не дорого?.. Ты пойми въ этомъ подкладку... Тамъ вотъ какому-нибудь идіоту, въ родѣ городового или дворника, какой въ этомъ событіи смыслъ? Человѣкъ хотѣлъ утопиться—происшествіе, значитъ, и потому сейчасъ протоколъ! Онъ дальше не видитъ... А я не городовой и не дворникъ. Я человѣкъ. Я душу ищу. Я вижу характеръ... Потому я постоянно и думалъ объ этой исторіи, изъ головы не могъ ее выгнать... И теперь почему эта дѣвушка меня привлекаетъ? Въ ней я вижу недюжинность, да! Натуру, стремленія... И я увѣренъ, что она меня тоже поймете... А что я ей навралъ про себя — дѣло неважное, нужно было соврать.. Сразу нельзя всего обнаружить... Нужно помаленечку сперва приготовить... И я приготовлю! Постепенно ее приготовлю! Она должна согласиться... Что—бракъ? Ерунда!.. Для ординарныхъ, прозаичныхъ людей это составляетъ значеніе. Бракъ—могила любви, сказалъ кто-то... Экая важная штука жениться да ребятъ наплодить... Съумѣетъ всякій

дуракъ... Свободное чувство—вотъ это другой коленкоръ! Это я понимаю. Потому—я поэтъ. Я выше надъ этимъ стою... Погоди, гдѣ мой стаканъ?.. Эге, уже пусто! Когда же я выпилъ?.. Чортъ знаетъ!.. Налей-ка еще.

— Чай ужъ холодный,—объявилъ Самострѣловъ.—Да и, признаться, гм... гм...

— Что такое «гм... гм»...?—передразнилъ его Иванъ Еремѣичъ.—Чего ты кряхтишь?

— Такъ, ничего... Охъ-хо-хо, Боже мой!

— Ты полагаешь, мнѣ довольно ужъ пить? Это, что ли, ты хочешь сказать?

— Да, оно, какъ будто... тово...—нерѣшительно молвилъ хозяинъ.—Вотъ тоже и Анна Егоровна... что она можетъ подумать?

— Гм... да... Анна Егоровна...—пробормоталъ Иванъ Еремѣичъ и погрузился въ тупую задумчивость.—Да... Ты правъ... Я передъ нею подлецъ... Ты полагаешь, самъ я не знаю, что передъ нею подлецъ?.. Цѣлый день не былъ дома... Все время обманывалъ... И еще намѣренъ обманывать.. Ты думаешь, я этимъ не мучился?.. Вѣдь я и теперь этимъ мучусь! Мнѣ больно глядѣть на нее... Я вѣдь люблю ее... да!.. Теперь еще, можетъ, больше люблю... Мнѣ ее жалко! Вотъ, какъ мнѣ ее жалко!.. Голубушка.. бѣдная... Двадцать лѣтъ вѣдь я съ нею... Сколько заботъ... И радость, и горе... Двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ!.. Понимаешь это ты, Емельянъ?.. Нѣтъ, этого ты опять не поймешь. Ты не жилъ въ моей шкурѣ... Ты—устрица.. весь вѣкъ въ своей раковинѣ... А я не могу! Что-жъ дѣлать, если я не могу?.. Чѣмъ же я... виноватъ... что мнѣ... хочется... жить?!

Послѣднія слова Иванъ Еремѣичъ произнесъ среди всхлипываній и затѣмъ пролилъ обильныя слезы...

— Ну, ладно, къ чертямъ!—сказалъ, наконецъ, онъ совсѣмъ другимъ тономъ и отеръ глаза кулакомъ.—Вижу, я пьянъ... Вѣдь я еще по дорогѣ къ тебѣ хватилъ... Довольно... Пора на лоно семьи... А это къ чертямъ!

Иванъ Еремѣичъ всталъ и качнулся.

— Да, пьянъ... форменно пьянъ...—подтвердилъ онъ еще разъ, направляясь къ углу, гдѣ висѣло его верхнее платье.—А это—къ чер-ртямъ!

При помощи Емельяна Иваныча, онъ облекся въ пальто, нахлобучилъ на голову шляпу и, танцуя передъ своими калошами, въ которыя было нужно попасть, говорилъ въ то же время хозяину, поддерживавшему его сбоку одною рукою, такъ какъ въ другой была лампа:

— Ты теперь знаешь все... Передъ тобой раскрыта душа... А только опять тебѣ повторяю: ты не можешь проникнуть во все...

слиться нутромъ... Ужъ на этомъ ты не прогнѣвайся... Ты вотъ со мной даже рюмки не выпилъ..

Напослѣдокъ попавъ благополучно въ калоши, Иванъ Еремѣичъ закончилъ:

— Ты про-за-и-ченъ... Прощай!

— Прощай,—какъ эхо, повторилъ за нимъ Семострѣловъ.

Онъ отворилъ передъ пріятелемъ дверь, провелъ его черезъ сѣни, освѣщая путь лампой, спустился затѣмъ вслѣдъ за нимъ внизъ по лѣстницѣ, до самаго выхода, и еще свѣтилъ ему издали, направивъ лучъ лампы въ темень дворъ, пока гость добирался до подъѣзда квартиры... Дождавшись, когда Иванъ Еремѣичъ, наконецъ, позвонился, Самостръловъ вернулся къ себѣ. Поставивъ лампу на старое мѣсто, онъ погрузился медленно въ кресло.

Коньяку оставалось почти полбутылки... Налитая передъ Емельяномъ Иванычемъ рюмкой стояла нетронутой...

Онъ оглядѣлся по комнатѣ, посмотрѣлъ на углы ея, повитые сумракомъ, на ея сѣрыя, закоптѣлыя стѣны, на низенькій ея потолокъ, скошенный по бокамъ, какъ крышка у гроба, испустилъ тяжкій вздохъ и проговорилъ самъ себѣ:

— Устрица... н-да...

Онъ взялся за рюмку и опрокинулъ ее себѣ въ ротъ.

Закусивъ ее кусочкомъ лимона, онъ вслѣдъ затѣмъ налилъ вторую, выпилъ также и эту, послѣ того налилъ третью, протянулъ было руку, но на полдорогѣ принялъ ее назадъ и опять проговорилъ самъ себѣ:

— Н-да... про-за-и-ченъ...

И вдругъ какъ бы закоченѣлъ надъ этой невыпитой рюмкой въ глубокой задумчивости.

XX.

Вернувшись домой, послѣ прогулки своей на извозчикѣ, Глафира застала мать и сестру сидѣвшими тихо вокругъ самовара. Снявъ верхнее платье и переодѣвшись въ домашнюю блузу, Глафира присѣла къ столу и попросила, чтобъ ей налили чаю.

Передъ Вѣрой лежала, какъ водится, раскрытая какая-то книжка, но оборотенная вверхъ корешкомъ, которую, при входѣ Глафиры, молодая дѣвица перевернула какъ слѣдуетъ и, ни мало не медля, въ нее углубилась. Это движеніе, а также и то обстоятельство, что щеки младшей сестры были покрыты необычнымъ румянцемъ, въ чертахъ же самой Авдотьи Макаровны еще не исчезли слѣды возбужденія, все это навело Глафиру на мысль, что обѣ онѣ были заняты какой-то оживленной бесѣдой, которую поспѣшили прервать... Очевидно, бесѣда касалась ее... Это было особенно ясно еще

изъ того, что та и другая, помимо того, что погрузились въ молчаніе, какъ будто нарочно избѣгали встрѣтиться взглядомъ съ Глафирой—обыкновенный пріемъ, употребляемый иногда собесѣдниками при появленіи лица, которое только что владѣло ихъ думами, и которому они хотятъ показать нарочито, что присутствіе его въ ихъ компаніи совершенно для нихъ безразлично.

Во всякое другое время это непріятно подѣйствовало бы на старшую дочь Авдотьи Макаровны, но теперь она была въ такомъ настроеніи, что ей не хотѣлось останавливать на этомъ вниманіе. Для нея даже было и кстати, что мать и сестра не обращаются къ ней ни съ какими вопросами, стараются даже за ней не слѣдить, ибо она ощущала, что ея щеки пылаютъ, что сердце ея бьется полнымъ и быстрымъ-быстрымъ біеніемъ, и что достаточно завести съ ней сейчасъ какой-нибудь разговоръ, чтобы она тономъ отвѣта или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ могла выдать необычное свое состояніе...

Наконецъ, Авдотья Макаровна допила свою послѣднюю чашку и, спросивъ, не хотятъ ли онѣ еще чаю, причемъ та и другая отвѣтили ей отрицательно, сказала съ зѣвотой:

— Охъ, кажется я скоро лягу. Что-то дремится все... Отъ погоды, что ли, не знаю.. До запора-то посидитъ въ лавочкѣ изъ васъ кто-нибудь? Можетъ, ты, Глаша?—прибавила она, взглянувъ наконецъ, въ первый разъ на старшую дочь.

— Хорошо, посижу,—отвѣтила тихо Глафира.

Старушка перемыла и спрятала въ шкафчикъ посуду, а затѣмъ стала готовить себѣ на диванѣ постель. Вѣра засвѣтила свѣчу и, съ книжкой подъ мышкой, направилась въ спальню, между тѣмъ какъ Глафира не трогалась съ кресла и съ какой-то странной задумчивостью смотрѣла на мать, которая, стоя къ ней задомъ, взбивала подушки.

— Маменька...—вдругъ заговорила Глафира.

Это неожиданное обращеніе къ Авдотьѣ Макаровнѣ дочери, послѣ ея упорнаго молчанія въ теченіе вечера, вдобавокъ еще произнесенное какимъ-то страннымъ, особеннымъ голосомъ, заставило старушку въ ту же секунду къ ней обернуться, съ ощущеніемъ въ родѣ испуга.

— Мнѣ нужно вамъ сказать кое-что...—продолжала Глафира, глядя неподвижнымъ взоромъ на мать.

— Что такое?—тревожнымъ шопотомъ воскликнула Авдотья Макаровна, и, какъ стало съ нею въ послѣднее время, при всякой готовящейся ей неожиданности, почувствовала слабость въ ногахъ, заставившую ее сѣсть на диванъ.

— Новость вамъ объявлю...—сказала дальше Глафира и сдѣлала при этомъ усмѣшку, къ которой мы иногда прибѣгаемъ, когда

хотимъ подсластить свою рѣчь, долженствующую причинить огорченіе слушателю.—Я переѣзжаю отъ васъ.

Глафира потупилась. Авдотья Макаровна открыла сперва было ротъ, какъ-бы готовясь издать восклицаніе, но не произнесла ни единаго звука и только уставила на нее растерянный взглядъ. Вѣра, уже совсѣмъ было ушедшая въ спальню, вернулась къ дверямъ и смотрѣла оттуда во всѣ глаза на сестру... Очевидно, на нее, какъ и на мать, объявленная Глафирою новость подѣйствовала ошеломляющимъ образомъ.

Протекло двѣ-три минуты въ томительно-жуткомъ безмолвіи. Глафира сидѣла потупившись. Старушка тоже смотрѣла пристально въ землю, какъ бы стараясь и не будучи въ состояніи собраться съ мыслями. Вѣра, стоя въ дверяхъ, со свѣчею въ рукѣ, глядѣла на ту и другую... Словно каждая изъ нихъ боялась нарушить тишину, въ которой, казалось, должно вотъ-вотъ сейчасъ же случиться что-нибудь неожиданное...

Но ровно ничего не случилось. Разрѣшилось все это тѣмъ, что Авдотья Макаровна вдругъ поднялась поспѣшно съ дивана, раскашлялась и, повернувшись попрежнему задомъ къ Глафирѣ, вновь принялась взбивать усердно подушки.

— Что же вы на это, маменька, скажете?—нарушила наконецъ, молчаніе Глафира, дождавшись, когда кашель Авдотьи Макаровны немного унялся.

— Что же сказать мнѣ?.. Какъ знаешь... — начала было, все стоя къ дочери задомъ, старушка, но тутъ ея кашель разразился опять, еще съ большею силой, и она, схватившись за грудь, среди промежутковъ этого кашля, докончила:—конечно, тебѣ... кха-кха!.. лучше знать, что слѣдуетъ дѣлать, потому... кха-кха!.. что-жъ я могу? Тебѣ жить еще долго, а я... кха-кха! (охъ, этотъ кашель проклятый!) въ гробъ ужъ гляжу!..

Тутъ Авдотья Макаровна какъ бы совсѣмъ задохнулась и, въ изнеможеніи упавъ на диванъ, еще нѣсколько времени кашляла, одною рукою схватившись за грудь, а другою безсильно мотая по воздуху. Наконецъ, когда кашель совсѣмъ унялся, она перевела съ усиліемъ духъ и простонала разслабленнымъ голосомъ:

— Куда-жъ ты... (охъ, Господи, совсѣмъ этотъ кашель замучилъ...) куда-жъ думаешь ты переѣхать?

— На Невскій. На углу Караванной.

— Что-жъ, отъ жильцовъ сняла комнату?

— Нѣтъ, въ меблированныхъ.

— То-есть, въ номерахъ, это значитъ?...

— Да, въ номерахъ.

Авдотья Макаровна краешкомъ глаза взглянула на дочь, потупилась въ полъ, снова взглянула и снова потупилась, какъ бы

испытывая жестокую борьбу между страстнымъ желаніемъ задать какой-то вопросъ и боязнью произнести его вслухъ... Она кончила тѣмъ, что подавила въ себѣ тяжкій вздохъ и, вмѣсто того, что хотѣлось, спросила другое:

— Когда же ты переѣдешь?

— Въ воскресенье.

— У насъ какой день сегодня? Пятница?

— Пятница.

— Это послѣзавтра, выходитъ?

— Да, послѣзавтра...

Авдотья Макаровна опять помолчала, съ выраженіемъ той же внутренней жестокой борьбы, но такъ и не выговорила этого, нудившаго ея душу вопроса, а только облегчила себя попрежнему подавленнымъ вздохомъ, встала съ дивана и принялась заканчивать устройство постели. Больше уже она не задавала никакихъ вопросовъ Глафирѣ, какъ бы исключительно только желая раздѣться и лечь...

Глафира тоже поднялась, въ свою очередь, обошла край стола, и, приблизившись къ матери, молвила ей:

— Я вижу, маменька, что вы огорчились...

— Чего-же мнѣ огорчаться?.. Даже совсѣмъ и не думала,— отрицательно помотала головою старушка.

— Хорошо, если бы такъ.. Потому что, право же, нечего вамъ огорчаться... Я знаю навѣрное, что изъ этого выйдетъ только хорошее...

— А коли хорошее, такъ о чемъ же тутъ толковать?.. Значитъ и, слава Богу, отлично... И переѣзжай себѣ, съ Богомъ. Тебѣ это виднѣе, что и какъ лучше... Ты меня моложе, умнѣе... Охъ-хо-хо!

— Вотъ видите, маменька, какимъ тономъ вы говорите... Вы только не хотите сознаться, что на меня разсердились... Но, право же, готова сейчасъ побожиться, что если вы захотите меня хорошенечко выслушать..

Глафира, начавшая было говорить возбужденно, сдѣлала тутъ короткую паузу, какъ бы собираясь приводитъ доказательства, но повидимому, перемѣнивъ тотчасъ же намѣреніе, закончила съ совсѣмъ инымъ выраженіемъ:

— Впрочемъ, сегодня ужъ что-жъ.. Поздно сейчасъ, да и спать вы хотите... Завтра я вамъ объясню все какъ слѣдуетъ.

— Что ужъ тутъ объяснять... Нечего тутъ объяснять.. —прошептала Авдотья Макаровна и, стоя у изголовья постели, повернулась лицомъ къ тому углу комнаты, гдѣ помѣщались иконы, съ видомъ готовой приняться за рядъ своихъ обычныхъ вечернихъ молитвъ.

— Покойной вамъ ночи,—сказала Глафира.

— Покойной ночи,—отвѣтила Авдотья Макаровна и, устремивъ глаза въ уголъ, сдѣлала крестное знаменіе, а затѣмъ медленно, истово начала свой молитвенный шопотъ:—«Богородице-Дѣво, радуйся. Благословенна Ты въ женахъ...»

Глафира вышла изъ комнаты въ спальню, гдѣ Вѣра уже лежала раздѣтая, держа передъ собою раскрытую книжку. Глафира достала какую-то начатую ею работу, безшумно прикасаясь къ полу подошвами, чтобы не помѣшать молящейся матери, прошла мимо, въ табачную и усѣлась тамъ за прилавокъ.

Она шила и думала... О чемъ—это трудно бы было сказать. Мысли ея медленно плыли, цѣпляясь одна за другую. Ей представлялось, какъ подъ нею стучатъ колеса извозчьихъ дрожекъ, припоминались рѣчи сидящаго рядомъ съ ней спутника... Всплывало въ туманѣ растерянное лицо Авдотьи Макаровны, вдругъ разражавшейся отчаяннымъ кашлемъ... Она вѣдь это не даромъ раскашлялась,—соображала Глафира,—въ ней что-то уже подымалось и непремѣнно бы вырвалось, если бы не кашель... Потомъ вспомнилось Глафирѣ, какъ воображала она себѣ совершенно другое при размышленіяхъ о будущемъ своемъ объясненіи съ матерью и о томъ, какъ приметъ старуха извѣстіе о ея переѣздѣ. Воображалась тяжелая сцена, укоры, даже и слезы... Вышло совершенно не такъ—вполнѣ просто и мирно... Но что старуха огорчена—несомнѣнно. «Бѣдная маменька, ужасно жалко ее... Но что же мнѣ дѣлать?»—думала дальше Глафира, взмахивая рукою съ иголкой и, все замедляя и замедляя движеніе, потомъ уронила на шитье эту руку и застыла задумчивымъ взоромъ на стеклянныхъ шкапахъ съ табачными и папиросными пачками... Вотъ лампа горитъ надъ ея головою... Вотъ она сидитъ здѣсь, одна-одинёхонька... И завтра будетъ такъ же сидѣть—въ послѣдній уже разъ... *Въ послѣдній разъ*!.. Какъ странно это представить... Какъ странно тоже представить, что ея здѣсь больше не будетъ... И такъ же, попрежнему, будетъ горѣть эта лампа... А потомъ? Что настанетъ потомъ?.. Но тутъ теченіе глафириныхъ мыслей встрѣчаетъ какъ бы преграду, и думы ея возвращаются къ старому... Опять стучатъ подъ нею колеса, раздается лѣнивый топотъ копытъ извозчичьей клячи, разбрызгивающей грязныя лужи, вокругъ все мокро и противно блеститъ въ свѣтѣ газа, а предъ глазами мелькаютъ вывѣски, экипажи, прохожіе... Съ лошадиныхъ спинъ валитъ паръ... «Я понимаю, я все понимаю. Вы не можете дольше такъ жить», говоритъ ея спутникъ...

Ничто не мѣшало глафириным думамъ. Ни разу не зазвенѣлъ колокольчикъ въ табачной. Она сидѣла и шила, дѣлая мѣрные взмахи рукою съ иголкой и забывъ совершенно о времени. Только

когда въ столовой принялись бить стѣнные часы, она услышала это и машинально сосчитала удары. Било двѣнадцать. Она просидѣла цѣлый часъ лишній.

Глафира встала со стула и, выйдя изъ-за прилавка, замкнула два раза на ключъ и, вдобавокъ еще, на крючокъ наружную дверь изъ табачной, что выходила на улицу, а вторую дверь, которая отворялась во внутрь, прикрыла тяжелымъ желѣзнымъ болтомъ. Потомъ она погасила висячую лампу и, осторожно ощупываясь въ объявшемъ ее непроницаемомъ мракѣ столовой, гдѣ спала Авдотья Макаровна, дабы на что-нибудь не наткнуться и не загремѣть, безшумно направилась въ спальню, руководимая узенькой полоскою свѣта, сквозившей подъ дверью. Она тихонько открыла ее и, выйдя, снова тщательно и осторожно за собой затворила.

Взглядъ ее упалъ на сестру. Вѣра лежала въ глубокой задумчивости, облокотившись обнаженной рукой о подушку и прислонившись къ этой рукѣ головою. Она смотрѣла пристально въ стѣну. Раскрытая книжка небрежно валялась поверхъ одѣяла. При входѣ Глафиры, молодая дѣвица на мгновеніе повернула къ ней голову и снова уставилась въ стѣну.

Глафира положила на старое мѣсто работу, немного покрестилась на образъ и принялась раздѣваться. Оставшись въ одной лишь рубашкѣ, она присѣла къ себѣ на постель и, снимая ботинку съ ноги, спросила шопотомъ Вѣру:

— Не спится?

— Да, что-то не хочется,—чуть слышно отвѣтила та.—А маменька спитъ?

— Не знаю. Должно быть. У ней совсѣмъ тихо... А что?

— Такъ... Ничего...

Вѣра испустила глубокій, трепещущій вздохъ, потомъ, притянувъ съ себѣ книжку, закрыла ее и положила на стулъ, рядомъ съ подсвѣчникомъ. При этомъ движеніи лицо ея повернулось къ огню. Глафира, уже снявшая другую ботинку и схватившаяся было рукой за чулокъ, собираясь стащить его прочь, взглянула въ это время на Вѣру, которая, щурясь какъ бы отъ свѣчки, оправляла подушки, и спросила ее:

— Отчего у тебя глаза красные?..

Вѣра отвернулась къ стѣнѣ и молчала.

Глафира привстала съ постели и, стоя въ чулкахъ и рубашкѣ, наклонилась надъ младшей сестрою.

— И щеки мокры...— сдѣлала она еще наблюденіе.—Ты плакала, видно?

Молодая дѣвица, все еще отвернувшись къ стѣнѣ, выдернула изъ-подъ подушки платокъ и стала сморкаться...

— Плакала? А?—приставала Глафира.

Вѣра отвѣтила глухо, въ подушку:

— Ну, да, плакала. А тебѣ что за дѣло? Отвяжись отъ меня!

И, подавляя желаніе всхлипнуть, она опять энергически высморкалась, проведя украдкой платкомъ по глазамъ.

— Это еще что за новости? Чего тебѣ вздумалось?

— Отстань, — отвѣтила шопотомъ Вѣра, зарываясь лицомъ глубже въ подушки.

— Нѣтъ, не отстану, — возразила Глафира, присаживаясь къ ней на постель. Она ухватила сестру за плечо и, тормоша ее, повторила настойчиво:—да ну, говори же, чего ты ревѣла? Вѣдь, все равно, не отстану.

Она дожидалась отвѣта. Вѣра все-таки его не давала, продолжая лежать, уткнувшись ничкомъ, потомъ ея затылокъ и плечи задергались, и изъ подушки глухо раздалось, среди всхлипываній:

— Мнѣ жалко... что ты... уѣзжаешь... Ну и все. Теперь убирайся.

— Фу, какая ты глупая! Да куда же я уѣзжаю?

— Ну, не уѣзжаешь, все равно, будешь не съ нами.

— Нашла о чемъ горевать. Много отъ меня вамъ было веселья...

— Не веселье, а вотъ что я тебѣ скажу...—вдругъ вскинулась Вѣра и, обернувъ на сестру свое мокрое отъ слезъ и измятое отъ пребыванія въ подушкахъ лицо съ опухнувшимъ носомъ, закончила съ силой:—про тебя маменька правду сказала!

— Что такое сказала? Когда?

— Давеча. Когда тебя не было дома.

— Ага... Такъ я и знала, что про меня вы судачили... Ну, что же она такое сказала?

— То, что ты терпѣть насъ не можешь! Я еще за тебя заступилась, и мы съ нею разспорились... А теперь я вижу сама.

Вѣра отерла съ глазъ своихъ слезы и, повернувшись на спину, уставилась сухимъ и даже какимъ-то непріязненнымъ взоромъ, мимо Глафиры, въ противоположную стѣну, какъ бы рѣшивъ про себя, что, дѣйствительно, не стоило плакать.

Пролетѣла минута напряженнаго, гробового безмолвія... Глафира сидѣла, низко понуривши голову. Молодая дѣвица продолжала созерцать пристально стѣну и потому не видала, какъ выраженіе подавленной боли выступило на лицѣ старшей сестры, послѣ произнесенныхъ Вѣрою словъ... Наконецъ, Глафира тихо спросила:

— Ты и въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь?

— А то какъ же иначе?—снова вскинулась молодая дѣвица.—Конечно, терпѣть насъ не можешь!

— Тсс... не кричи, маменьку разбудишь еще,—шопотомъ ее

остановила Глафира и прибавила, въ отвѣтъ на ея замѣчаніе: какъ не стыдно тебѣ повторять такой вздоръ!

— А тебѣ самой-то не стыдно?—горячо зашептала сестра.— Не стыдно тебѣ съ нами такъ дѣлать? Не жаль тебѣ маменьку? Очень хорошо это съ твоей стороны! Сердись, не сердись, а я говорю тебѣ напрямки. Ты о себѣ только думаешь. Маменька правду сказала... Господи! и безъ того-то тоска, а ужъ теперь я и не знаю, что будетъ! — закончила вдругъ взрывомъ отчаянія молодая дѣвица и бросилась снова ничкомъ, удерживая готовыя разразиться рыданія.

— Перестань, полно ревѣть,—сурово ее остановила Глафира, ухвативъ за плечо.—Ей-Богу, точно ты маленькая. Пора тебѣ быть поумнѣе. Маменька старый уже человѣкъ, ей простительно говорить такія нелѣпости, а ты, какъ попугай, ихъ повторяешь...

— Ну, и ладно, пусть я попугай, а все-таки съ твоей стороны это свинство.

— Да почему же, скажи, ради Бога?

— Я уже сказала.

— То-есть, что безъ меня будетъ скучно?

— Конечно. И безъ того живешь, какъ въ тюрьмѣ, Божьяго свѣта не видишь!

— Развѣ я этого тоже не чувствую?

— Вижу, что чувствуешь, потому и сбѣжать отъ насъ собираешься...

— А лучше бы было, если бы я оставалась?

— Лучше, въ тысячу разъ!

— Почему, интересно...

— Вмѣстѣ гораздо легче терпѣть.

— Ну, а какъ ты думаешь, долго такъ можно терпѣть?— спросила Глафира.

Вѣра молчала.

— А что же дальше, потомъ?—задала Глафира новый вопросъ.

— Ну, что же потомъ... Почемъ же я знаю?..—откликнулась нерѣшительно Вѣра.—Что-нибудь можетъ случиться...

— Что же именно можетъ случиться?

— Бываетъ мало ли что... Почемъ же я знаю?

— Ха! Ты видно разсчитываешь, что съ неба что-нибудь свалится? Успокойся, голубушка, ничего оттуда не свалится! Коли самъ себѣ не поможешь, ничего для себя не придумаешь, такъ ничего у тебя и не будетъ. Знай только жди да терпи... Ну, а я перестала ужъ ждать, да и терпѣть тоже мнѣ надоѣло! Теперь поняла?—заключила Глафира.

Вѣра молчала, чувствуя себя, очевидно, подавленною мудрыми рѣчами сестры и не находя въ своей головѣ никакихъ возраже-

ній. Однако, по задумчивому и сосредоточенному ея выраженію можно было сдѣлать догадку, что сестра еще не окончательно ее убѣдила, и что въ ней ворошится какой-то вопросъ, для котораго она не можетъ пока прибрать надлежащую форму...

— Ну чтожъ, ты и теперь будешь спорить? Скажешь опять, что я потому хочу переѣхать, что васъ ненавижу?—подождавъ немного отвѣта, спросила Глафира.

— Нѣтъ, что-жъ... Это, конечно, все правда...—возразила съ запинкой молодая дѣвица.—Только видишь ли... Какъ бы это сказать?.. Почему у тебя такъ это вдругъ?.. Конечно, каждый человѣкъ долженъ самъ себѣ помогать... то-есть что-нибудь дѣлать... Ну, отыскивать, что ли, тамъ что-нибудь для себя... придумывать, что ли... Вѣдь такъ?.. Ну, а ты-то сама что же такое придумала?

Послѣдняя фраза, на которую, наконецъ, набрела молодая дѣвица, выражала собою тотъ самый вопросъ, форма котораго сразу ей не давалась.

Если бы у Вѣры было намѣреніе, въ свою очередь, поставить Глафиру втупикъ, и если бы она обладала на сколько-нибудь проницательностью, то теперь могла бы похвастаться, что исполнила это съ успѣхомъ. Не отвѣтивъ ни слова, та поднялась съ постели сестры и, пересѣвъ на свою, стащила и сбросила на полъ чулки, потомъ улеглась и молвила только вполголоса:

— Долго разсказывать...

Между сестрами круто установилось молчаніе. Обѣ тихо лежали, каждая у себя на постели, и думали свою отдѣльную думу. Вѣра размышляла о томъ, что могла бы разсказать ей Глафира, и ей было обидно и горько, что та до самаго конца не хочетъ довѣриться. Нѣтъ, что тамъ она себѣ ни толкуй, а маменька правду сказала, что Глафира имъ стала въ родѣ чужой... Ну, и Богъ съ ней совсѣмъ, коли такъ!

И, какъ бы въ отвѣтъ на эти размышленія Вѣры, Глафира заговорила опять, медленнымъ шопотомъ:

— Ну, что бы тамъ ни было, а вы съ маменькой, пожалуйста не забирайте себѣ въ голову глупостей... Я васъ обѣихъ люблю, даже теперь еще больше, если хочешь ты знать...

Послѣднія слова вышли у Глафиры съ очевиднымъ усиліемъ, которое она произвела надъ собою, перемогая въ горлѣ какую-то спазму... Вѣра не могла видѣть, лежа, лица ея, такъ какъ ихъ раздѣлялъ поставленный между кроватями стулъ, гдѣ находилась свѣча и висѣло перекинутое черезъ спинку его и замѣнявшее экранъ полотенце, но она была увѣрена, что могла бы замѣтить на глазахъ глафириныхъ слезы, тѣмъ болѣе, что та сдѣлала тутъ же короткую паузу, какъ бы не давая себѣ воли расчувство-

ваться, послѣ чего продолжала, съ совсѣмъ другимъ выраженіемъ:

— Впрочемъ, думайте себѣ пока что хотите, а я уже это рѣшила—и кончено! Нельзя безъ свѣжаго воздуха жить, а здѣсь его нѣтъ,—ну, значитъ, и нужно что-нибудь дѣлать... Конечно, если бы маменька была помоложе...

Глафира внезапно примолкла, встала съ постели, босикомъ приблизилась къ двери, немного раскрыла ее, съ подозрительностью, и какъ бы застыла, прислушиваясь... Вѣра слѣдила за нею глазами... Постоявъ съ полминуты у двери, Глафира снова закрыла ее, подошла къ постели сестры и присѣла, какъ давеча, на то же самое мѣсто, въ ногахъ.

— Зачѣмъ ты вставала?— спросила шопотомъ Вѣра.

— Мнѣ почудилось, диванъ будто скрипнулъ, и подумала, маменька встала... Нѣтъ, ничего, спитъ преспокойно, даже похрапываетъ...—такимъ же шопотомъ объяснила Глафира.

Она помолчала, устремивъ задумчивый взглядъ на подсвѣчникъ съ догоравшимъ огаркомъ, и заговорила опять, прежнимъ медленнымъ шопотомъ:

— Я про нее сейчасъ думала... Давеча она ужасно на меня разобидѣлась... Положимъ, я раньше ужъ знала, что такъ это будетъ. Вотъ тоже и ты на меня обозлилась... А отчего вы не хотите просто понять, что мнѣ надоѣло сидѣть у нея вѣчно на шеѣ, и я задумала наконецъ по своему жить?.. И будетъ всѣмъ лучше, повѣрь! Посмотри хотя бы на себя. Ты молода, а какова твоя жизнь? Книжки да лавочка—вотъ и все, только ты это и знаешь. И вѣдь такъ каждый день, каждый день — только подумай! Кто бываетъ у насъ? У кого мы бываемъ? Та-же тюрьма, ты же сама говоришь... И впереди ничего, никакой чортъ не придетъ и не выручитъ... Маменькина пѣсня ужъ спѣта, а твоя жизнь еще начинается только. Впередъ глядѣть нужно. Устраивать нужно себя! Зачѣмъ-же гибнуть задаромъ? Нужно по новому жить! И я сдѣлаю все, что смогу... Людей искать нужно, затѣвать что-нибудь... Вотъ я теперь буду жить отдѣльно отъ васъ... У тебя будетъ хоть мѣсто, куда ты можешь придти... Посидимъ, потолкуемъ... Людей новыхъ увидимъ... Будутъ они, погоди!.. Все будетъ, все!.. Что, хорошо вѣдь, Вѣрочка, а?.. Дай срокъ, погоди, еще поживемъ мы съ тобой, поживемъ!..

Глафира какъ бы бросала на воздухъ всѣ эти отдѣльныя фразы, прерывая ихъ короткими паузами и устремивъ взоръ не на слушательницу, а куда-то мимо нея, въ какое-то, видимое одной ей, Глафирѣ, пространство, и какъ бы говоря сама для себя. Послѣднія слова свои она произнесла совсѣмъ тихимъ, мечтательнымъ шопотомъ, съ неподвижными и открытыми широко глазами, какъ

бы созерцая какія-то открывавшіяся передъ ней одной перспективы...

Вѣра слушала ее, не шелохнувшись и ловя каждое слово Глафиры. Когда та замолчала, Вѣра тоже зацѣпенѣла въ безмолвіи, не сводя глазъ съ своей старшей сестры, вся подъ вліяніемъ нѣкоего охватывавшаго ее обаянія, которое на нее испускала эта сидѣвшая на ея постели фигура, словно то была какая-то новая, раньше ей совсѣмъ незнакомая и только теперь открывавшаяся пониманію юной дѣвицы Глафира... Вѣра смотрѣла на эту овальную, съ мелкими кудряшками, голову, на рѣзкій и правильный профиль, на полную, длинную шею, которая переходила мягкою линіей въ голое, бѣлое, словно наливное плечо, выступавшее изъ скатившагося почти до локтя ворота полотняной сорочки... Нѣтъ, никогда еще Вѣра ее такою не видѣла, никогда отъ нея такихъ рѣчей не слыхала... И—странное дѣло,—въ тоже самое время, Глафира ей стала какъ-то понятнѣе, ближе, какъ бы роднѣе...

А что если вотъ сейчасъ, осторожно, но быстро, не давая ей заговорить о другомъ, благо подошла теперь такая минута, огорошить ее вопросомъ *о томъ*?..—шевельнулась отважная мысль въ головѣ юной дѣвицы...

Но только что она собралась было съ духомъ, какъ въ подсвѣчникѣ вдругъ запылало съ шипѣньемъ и трескомъ, длинное пламя. По стѣнамъ заплясали черныя тѣни. Огарокъ догорѣлъ до конца и зажегъ обвертывавшую его полоску бумаги.

— Ишь, мы до чего доболтались! — встрепенувшись сказала Глафира, между тѣмъ какъ сестра ея стремительно стала тушить вырывавшееся изъ подсвѣчника съ дымомъ и копотью пламя.—Ну, ужъ теперь совсѣмъ пора спать... Фуй, какая скверная вонь!

Въ темнотѣ она добралась до своей постели и улеглась.

Но ей не спалось. Бесѣда съ сестрою разволновала Глафиру. Протянувшись во весь ростъ на спинѣ и закинувъ обѣ руки себѣ за голову, она лежала и пристально смотрѣла во мракъ, увлеченная новой, неожиданно въ ней закопошившейся мыслью.

Могла ли воображать въ своемъ простодушіи Вѣра, далекая отъ всякихъ коварныхъ мыслей, что вопросъ, который она давеча предложила сестрѣ, задастъ той такую работу? А между тѣмъ это такъ вышло въ дѣйствительности, ибо въ словахъ юной дѣвицы заключалась загвоздка, обращавшая въ пустыя слова всѣ тѣ благоразумныя рѣчи, коими ее поучала Глафира, въ родѣ такихъ непреложнѣйшихъ истинъ, что каждый долженъ помогать самъ себѣ, не сидѣть сложа руки, а искать и придумывать—загвоздка, заключавшаяся въ этомъ простѣйшемъ вопросѣ:

«Ну, а ты-то сама что же такое придумала?»

Ей на это Глафира ничего не отвѣтила. А не отвѣтила на

это она не только лишь потому, что тогда ей пришлось бы разсказать Вѣрѣ исторію той памятной ночи, которая неизвѣстна ни единой душѣ въ этомъ домѣ, но по той простой и главной причинѣ, что Глафира сама не могла бы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ... Пока еще она его не задавала себѣ, пока еще ни разу ей не подумалось, что ждетъ ее въ будущемъ. Это новое, неизвѣстное будущее, которое существовало тамъ, гдѣ-то, за этими жалкими и унылыми стѣнами, мнилось ей въ видѣ нѣкой таинственной дали, въ видѣ какого-то особаго міра, осіяннаго загадочнымъ свѣтомъ, гдѣ все живетъ по иному, гдѣ все, все другое, не имѣющее никакого подобія съ тѣмъ, что вѣчно тутъ, вокругъ, на глазахъ, до отвращенья извѣстно, въ конецъ опостыло, измучило, даже привело когда-то Глафиру на берегъ Фонтанки...

Она умерла, ея нѣтъ, той Глафиры. Эта, теперешняя, которая носитъ то же самое имя, и которую считаютъ за прежнюю, не признаетъ себя таковою, ибо та ей совершенно чужда. Она приводитъ на память себѣ ту шалую, изступленную дуру и знаетъ, что она осталась навѣки на днѣ холодной канавы и больше никогда ужъ не вспомянется, ибо оттуда не выплыветъ... И она одна только знаетъ про то. Никто не подозрѣваетъ объ этихъ дѣлахъ, ни Вѣра, ни маменька...

Но вотъ, словно на зло, возникаетъ предъ нею картинка изъ прошлаго.

Лѣтнее утро. Она,—раздраженная, злая, поссорившаяся изъ за чего-то со своей старой матерью,—сидитъ передъ зеркаломъ, собираясь дѣлать свой туалетъ. Она распустила на своей головѣ папильотки и наклонилась, чтобы себя разсмотрѣть... Съ блестящей поверхности зеркала глядитъ на нее сухое, въ морщинахъ, лицо, съ угрюмо наморщеннымъ лбомъ и злыми глазами... Противная старая дѣвка!.. Неужели это она?.. А что если вернется когда-либо время, когда, хотя и не это но другое такое же зеркало покажетъ ей вновь то же лицо?..

«Упаси отъ этого Богъ!»—вырвалось шопотомъ вслухъ у Глафиры.

Кровать младшей сестры издала скрипъ какъ бываетъ, когда лежащій на ней человѣкъ шевельнется, и въ темнотѣ раздался удивленный вопросъ юной дѣвицы:

— Глаша, ты развѣ не спишь?

Глафира не сразу подала голосъ, повинуясь сперва побужденію прикинуться спящей, чтобы не прерывать своихъ думъ, но потомъ отвѣтила тоже вопросомъ:

— А почему ты сама-то не спишь?

— Не могу... Все эдакія разныя мысли... Знаешь ли, все, что ты говорила, во истину правда. Я теперь сама это вижу. И знаешь, что еще я тебѣ, Глаша, скажу?

Въ темнотѣ пролетѣлъ подавленный вздохъ, а затѣмъ, послѣ коротенькой паузы, Глафира услышала, съ выраженіемъ глубокоскорбнаго чувства, признаніе юной дѣвицы:

— Я тебѣ ужасно завидую!

Глафира на это ничего не отвѣтила. Вѣра тоже не прибавила больше ни слова.

Сквозь плотно закрытую дверь изъ спальни въ столовую глухо, но совершенно отчетливо, среди гробовой тишины, зашипѣли и захрипѣли стѣнные часы, собираясь пробить... Сестры насторожились, прислушиваясь. Пробило два часа пополуночи.

XXI.

Въ воскресенье, часовъ около 3-хъ пополудни, къ подъѣзду одного изъ огромнѣйшихъ, выходящихъ фасадомъ на Невскій домовъ, облѣпленныхъ разными вывѣсками, бойко подкатила пролетка. Соскочившій съ нея Иванъ Еремѣичъ расплатился съ извозчикомъ, юркнулъ въ дверь подъѣзда и сталъ подниматься въ самый верхній этажъ.

Лѣстница кончалась довольно узкой площадкой, на которую выходили съ противоположныхъ сторонъ двѣ одна на другую похожія двери. Общее у нихъ было то, что какъ та, такъ и другая, были прикрыты на половину лишь лѣвыми створками, а правыя были распахнуты настежъ, обѣ были обиты глянцевитой черной клеенкой и на обѣихъ висѣло по одинаковой желѣзной доскѣ, съ бѣлыми литерами по синему полю: «Меблированныя комнаты».

Иванъ Еремѣичъ вошелъ въ ту дверь, что была отъ ступенекъ направо, и очутился въ длинномъ, казавшемся безъ конца коридорѣ, освѣщенномъ въ теченіе круглыхъ сутокъ простыми жестяными коптилками, ибо тамъ было темно одинаково какъ въ глухую осеннюю ночь, такъ и въ лѣтній солнечный полдень. При неровномъ, мигающемъ свѣтѣ этихъ коптилокъ можно было разсмотрѣть двойной рядъ дверей. У одной изъ нихъ Иванъ Еремѣичъ наткнулся на таинственно копошившуюся фигуру мужчины, должны быть не оріентировавшагося въ этихъ мѣстахъ посѣтителя, водившаго по поверхности двери зажженною спичкой. Изъ другой двери, насупротивъ, стремительно вылетѣла, чуть не сшибивъ Ивана Еремѣича съ ногъ, какая-то юркая особа женскаго пола и, мелькнувъ въ полумракѣ бѣлымъ передникомъ съ таковымъ же нагрудникомъ, промчалась впередъ на взывавшій откуда-то изъ нѣдръ коридора жалобный голосъ: «Аннушка! Аннушка!» на что та скороговоркой отвѣтила: «Ну, что еще вамъ?»— а затѣмъ хлопнула дверь, заглушивъ діалогъ. Иванъ Еремѣичъ

безбоязненно подвигался впередъ, какъ человѣкъ хорошо освѣдомленный съ топографіей этого мѣста, достигъ того пункта, гдѣ коридоръ дѣлалъ колѣно, и куда выходили еще двѣ пары дверей, и, поровнявшись съ послѣдней, постучалъ въ нее зонтикомъ. Разслушавъ раздавшійся за дверью отвѣтъ, онъ отворилъ ее и вошелъ.

Благодаря рѣзкому переходу изъ тьмы коридора въ эту освѣщенную большимъ окномъ комнату, Иванъ Еремѣичъ едва не споткнулся о поставленную на полу посреди корзину, откуда находившаяся тутъ же Глафира вынимала и раскладывала разныя вещи. Кромѣ этой корзины, тутъ виднѣлись еще два-три узла и картонка.

— Съ новосельемъ!—раскланялся съ веселой улыбкой Иванъ Еремѣичъ, здравствуясь съ Глафирою за руку, потомъ снялъ и повѣсилъ на вѣшалку верхнее платье и нерѣшительно осмотрѣлся по комнатѣ.

— Садитесь сюда,—пригласила Глафира, толчкомъ ноги отодвигая корзину къ стѣнѣ, чтобы очистить ему дорогу къ дивану.

Иванъ Еремѣичъ усѣлся по одну его сторону, а Глафира помѣстилась съ другой стороны.

Вся имѣвшаяся въ этой комнатѣ мебель, въ видѣ этого самаго дивана, пары креселъ, стола, трехъ рѣшетчатыхъ стульевъ, комода и пр., была, что называется, сборная, вѣроятно пріобрѣтенная частью по случаю, частью на рынкѣ и представлявшая полное смѣшеніе стилей. Только что упомянутый выше диванчикъ относился къ разряду «козетокъ» и, должно быть, украшалъ когда-то гостинную какой-нибудь небогатой семьи, съ претензіей на обстановку «какъ въ благородныхъ домахъ». Это сѣдалище имѣло подобіе двухъ скрѣпленныхъ другъ съ дружкою креселъ, съ исключительнымъ назначеніемъ для бесѣды вдвоемъ, пожалуй еще «за чашкою чая», для каковой тутъ же, въ выемкѣ спинки, прилажена была и дощечка.

Помѣстившіеся здѣсь Иванъ Еремѣичъ съ Глафирой были похожи на двухъ малознакомыхъ людей: онъ—посѣтителя, явившагося съ церемоннымъ визитомъ, она—стѣсненной этимъ визитомъ, но желающей казаться любезной хозяйки. Овальный, почти вплотную придвинутый къ диванчику столъ, съ стоявшей на ней глафириной лампой, усиливалъ это внѣшнее сходство. Вдобавокъ, и гость, и хозяйка какъ бы затруднялись начать разговоръ...

То возбужденное выраженіе, съ которымъ соскочилъ Иванъ Еремѣичъ съ извозчика и мчался по лѣстницѣ вверхъ, замѣнилось видомъ не то смущенія, не то какой-то даже растерянности, какъ бываетъ съ человѣкомъ, который на что-то разсчитывалъ и

въ этомъ ошибся. Можетъ быть, онъ ждалъ какого-нибудь восклицанія, веселой улыбки привѣта, радостно протянутыхъ рукъ... Все это отсутствовало. Глафира сидѣла совершенно спокойная, смотрѣла ему серьезно въ лицо и какъ бы ждала, что будетъ онъ ей говорить.

— Вы давно здѣсь?—началъ Иванъ Еремѣичъ.

— Нѣтъ, съ полчаса,—отвѣчала Глафира.

Иванъ Еремѣичъ почему-то счелъ необходимымъ ей сообщить, въ видѣ своего извиненія, почему онъ явился только сейчасъ. Онъ разсчитывалъ, что она пріѣдетъ нѣсколько позже и найдетъ его уже здѣсь. Онъ очень жалѣетъ, что такъ это вышло.

— Пустяки,—успокоила его тотчасъ Глафила.—Не все ли равно?

— Да, но это мѣсто для васъ незнакомо... Я могъ бы васъ встрѣтить на лѣстницѣ, указать, проводить...—объяснилъ Иванъ Еремѣичъ.

— Зачѣмъ? Я и сама очень скоро нашла. Съ какой стати меня бы вы стали встрѣчать?—возразила Глафира.

Онъ про себя принужденъ былъ сознаться, что дѣйствительно ее излишне бы было встрѣчать, и она разсудила резонно. Но все-таки это было не то, совершенно не то, что ждалъ онъ услышать!

— Да, что же вы прервали работу?—спохватился вдругъ Иванъ Еремѣичъ.—Ради Бога, меня не стѣсняйтесь!

— О, я успѣю еще! Вѣдь имущества у меня очень немного.

Иванъ Еремѣичъ бѣгло взглянулъ на опустошенную наполовину корзину, содержимое которой перешло очевидно въ комодъ, судя потому, что ящики его были нѣсколько выдвинуты, на узлы, въ которыхъ вѣроятно были увязаны платья Глафиры, на ся дешевую, довольно мизерную лампу, стоявшую передъ нимъ на столѣ, и согласился, что у нея дѣйствительно немного имущества...

— Можетъ быть, я могъ бы помочь вамъ устроиться?..—началъ было Иванъ Еремѣичъ и докончилъ уже мысленно, себѣ въ назиданіе:—«Оселъ! Чортъ знаетъ, что за ахинею я только несу!»

Глафира на это ничего не отвѣтила, лишь повела глазами по комнатѣ, и молча ихъ потупила въ землю...

— А какой славный видъ у васъ изъ окна! Вы замѣтили?—внезапно вскричалъ Иванъ Еремѣичъ.

— Да, я смотрѣла. Хорошъ.

— Нѣтъ, вы теперь, вотъ теперь обратите вниманіе!—какъ бы пылалъ восхищеніемъ Иванъ Еремѣичъ, вскакивая и подбѣгая къ окну.—Нѣтъ, вы подойдите, пожалуйста, подойдите сюда!—умолялъ онъ Глафиру.

Какъ бы изъ желанія сдѣлать пріятное гостю, та встала съ мѣста и неторопливо приблизилась.

Внизъ изъ окна ничего не было видно. Оттуда лишь неслся, подобно шуму морского прибоя, грохотъ ѣзды, прорѣзываемый отъ времени до времени дребезжаньемъ звонка и гудѣньемъ по рельсамъ мчащейся конки. Но зато впереди, на уровнѣ глаза, простиралось на большое пространство нѣчто въ родѣ горнаго пейзажа изъ крышъ, темнокрасныхъ и блѣднозеленыхъ, всякихъ оттѣнковъ, съ бѣлыми силуэтами трубъ, прерываясь, словно ущельями тамъ, гдѣ стѣны домовъ уходили на дно пересѣкавшихъ ихъ улицъ. Кое-гдѣ въ этихъ мѣстахъ виднѣлись черныя впадины оконъ какого-нибудь возвышающагося надъ сосѣдями зданія. Надъ всѣмъ этимъ зловѣще клубились сѣрыя, мохнатыя тучи. Онѣ неслись такъ близко надъ крышами, что, казалось, можно было оттуда до нихъ дотянуться рукою... Налѣво рѣзко бѣлѣлась колокольня Владимірской церкви съ тускло сіявшимъ своей позолотою куполомъ... Надъ трубами ближайшаго дома грузно пролетѣла и скрылась ворона.

Иванъ Еремѣичъ разслышалъ какъ бы съ усиліемъ подавленный вздохъ стоявшей съ нимъ рядомъ Глафиры...

Онъ украдкой взглянулъ на нее. Глафира неподвижно смотрѣла впередъ, съ блѣднымъ, какъ бы омертвѣвшимъ лицомъ, повидимому, совершенно забывъ о присутствіи гостя...

«Развѣ спросить у нея: о чемъ вы вздохнули?» — мелькнуло у него въ головѣ. Но почему-то у него это не вымолвилось, и, вмѣсто того, слегка кашлянувъ, Иванъ Еремѣичъ отошелъ отъ окна и усѣлся на прежнее мѣсто.

«О чемъ она думаетъ?» — размышлялъ онъ, наблюдая обрисовывавшуюся на фонѣ окна темную фигуру Глафиры.—«Что съ ней такое? Не въ духѣ, что ли, она, или у нея такой ужъ характеръ?.. Долго ли она такъ будетъ стоять и молчать, упершись въ окошко?.. Право, оно какъ будто даже и глупо...»

— Какъ темно ужъ сдѣлалось!—послышался голосъ Глафиры, оторвавшейся, наконецъ, отъ окна.

Она стояла теперь, повернувшись къ своему гостю лицомъ, и черты ея дѣйствительно едва различались въ сгущавшихся все болѣе сумеркахъ.

— Надо бы лампу зажечь,—продолжала она, приближаясь къ столу.—А у меня совсѣмъ вонъ изъ памяти за керосиномъ послать...

— Это сейчасъ будетъ устроено,—обрадовался Иванъ Еремѣичъ.

Онъ вскочилъ и исчезъ. Розыскавъ въ корридорѣ прислугу, дѣвушку Аннушку, ту самую особу, которая давеча чуть не сшибла

Ивана Еремѣича съ ногъ, онъ поручилъ ей купить керосину, а пока заручился ея благосклоннымъ согласіемъ одолжить его для новой жилицы, въ необходимомъ на сегодняшній вечеръ количествѣ. изъ имѣвшагося въ ея собственномъ распоряженіи запаса.

Появившаяся вслѣдъ затѣмъ Аннушка заправила лампу, а Глафира зажгла ее.

При огнѣ комната получила болѣе уютный характеръ, но бесѣда отъ этого не стала живѣе. Иванъ Еремѣичъ положительно не могъ отыскать у себя въ головѣ ничего, что было бы годно послужить матеріаломъ. При всякомъ другомъ настроеніи онъ, вѣроятно справился бы съ этой задачей, но теперь онъ ощущалъ себя совсѣмъ обезкураженнымъ пріемомъ Глафиры, которая со своей стороны не обнаружила ни малѣйшей попытки придти къ нему на подмогу, такъ что онъ впалъ даже въ уныніе.

Не такъ, совершенно не такъ рисовалъ онъ въ своемъ представленіи этотъ первый свой вечеръ съ Глафирой. Воображалось ему нѣчто безцеремонное, дружеское, что-то даже студенческое: кипящій на столѣ самоваръ, бумажный тюрикъ съ колотымъ сахаромъ, безпорядочно нагроможденная тутъ же закуска, бутылка вина... За закуской было бы послано по взаимному уговору съ хозяйкой, что же касается вина, то онъ уже загодя пріобрѣлъ его по дорогѣ сюда—портвейнъ въ два рубля—и оно у него было спрятано въ карманѣ пальто. Покупая эту бутылку, онъ воображалъ, какъ разольетъ вино по стаканамъ, чокнется съ Глафирой, поздравитъ ее съ новосельемъ и скажетъ торжественно, смотря ей въ глаза: «За свѣтлое будущее! За новое счастье!» При этомъ онъ протянетъ ей руку. Она сильно ее стиснетъ въ своей и вымолвитъ тихимъ, отъ избытка чувствъ голосомъ одно только слово: «Спасибо!» И въ этомъ словѣ будетъ сказано все.

При воспоминаніи объ этихъ мечтаніяхъ, его даже ударило въ краску, и онъ покосился украдкой на вѣшалку,—не угораздило ли его повѣсить пальто такимъ образомъ, что можно замѣтить торчащую изъ кармана покупку, и убѣдился, что пальто повѣшено подкладкой наружу. Это его успокоило, ибо при настоящемъ положеніи дѣла обнаруженіе этой бутылки представлялось ему большою нелѣпостью, равно какъ и все, что рисовалъ онъ въ мысляхъ своихъ, ѣдучи сюда на извощикѣ.

Не давая себѣ времени больше раздумывать, онъ всталъ и сказалъ:

— До свиданья.

— Вы ужъ уходите?—спросила Глафира.

Иванъ Еремѣичъ былъ бы не мало утѣшенъ, если бы въ этихъ словахъ ему удалось прочесть сожалѣніе или хотя-бы желаніе, чтобы онъ еще посидѣлъ... Но, увы, тонъ вопроса былъ удивлен-

ный—и только. При этомъ Глафира подняла глаза на него съ такимъ выраженіемъ, какое бываетъ у человѣка, который только что былъ передъ тѣмъ погруженъ въ свои мысли, и раздавшійся неожиданно звукъ посторонняго голоса заставилъ его возвратиться къ дѣйствительности. Все это успѣлъ подмѣтить Иванъ Еремѣичъ и потому твердо сказалъ:

— Да, ухожу. Я хотѣлъ заѣхать къ вамъ на минуту. Вамъ нужно разложить свои вещи, отдохнуть, собраться съ мыслями... Не до меня вамъ теперь. Правда, вѣдь? такъ?

Глафира ничего не возразила на это, протянула Ивану Еремѣичу руку и произнесла:

— До свиданья.

Стоя бокомъ къ Глафирѣ и употребляя всѣ мѣры, чтобы торчащая изъ кармана бутылка съ портвейномъ не попалась ей на глаза, Иванъ Еремѣичъ натянулъ на себя осторожно пальто и сказалъ напослѣдокъ:

— Будьте здоровы.

— Когда же опять вы пріѣдете?—спросила Глафира.

— Скоро, на-дняхъ,—отвѣтилъ Иванъ Еремѣичъ и вышелъ.

Онъ чувствовалъ себя точно оплеванный.

А Глафира, оставшись одна, глубоко вздохнула и опять принялась за раскладку вещей. Бѣлье уложено было въ комодъ, юбки и платья повѣшены въ шкафъ. Было еще нѣсколько разныхъ предметовъ, которые она взяла съ собой изъ дому,—кое-что изъ чайной посуды, а также другія мелкія вещи, въ родѣ швейной подушечки, рабочаго ящика и двѣ-три бездѣлушки по эстетической части: фарфоровая собачка съ корзинкой во рту, въ которую можно удобно прятать наперстокъ, таковой же, съ качающейся головою, китаецъ и проч. Это все разставила она на комодѣ.

Покончивъ съ уборкой, Глафира оглядѣлась по комнатѣ, прошлась по ней раза два взадъ и впередъ, потомъ опустилась на то мѣсто дивана, гдѣ съ нею бесѣдовалъ недавно предъ тѣмъ Иванъ Еремѣичъ, и, уронивъ на грудь голову, съ вытянутыми на колѣняхъ руками, какъ бы закоченѣла на нѣсколько времени въ такомъ положеніи.

Теперь, наконецъ, въ первый разъ, холодная, мрачная, до неистовой боли щемящая тоска одиночества сжала, словно тисками, сердце Глафиры.

Тихо было вокругъ, въ этой комнатѣ, тихо и тамъ, въ корридорѣ, за дверью. Словно вдругъ, сразу, все вымерло...

Только теперь вотъ, сейчасъ, когда со всѣми хлопотами было покончено и ей ничего не оставалось ужъ дѣлать, въ Глафириной памяти вновь возникло съ особенной ясностью то, что раньше минутами мелькало въ ея головѣ, пока она возилась съ уборкой

вещей, стояла и смотрѣла въ окно и когда даже усиливалась вслушаться въ рѣчи недавняго гостя. Это была происшедшая два-три часа назадъ тому, сцена прощанья.

Алексѣй выноситъ изъ квартиры ея чемоданъ. Мать виднѣется по одну сторону двери въ столовую, Вѣра стоитъ по другую. Лукерьина голова торчитъ изъ кухонной двери...

Глафира цѣлуетъ мать и сестру, киваетъ кухаркѣ и, стоя въ сѣняхъ, говоритъ имъ всѣмъ: «До свиданья».

Она обводитъ глазами всѣхъ трехъ. Всѣ три головы неподвижно смотрятъ на нее, на Глафиру. Глаза матери сухи, глаза сестры тоже сухи, и лица обѣихъ спокойны, тѣмъ выдѣланнымъ, суровымъ спокойствіемъ, какое бываетъ на физіономіяхъ людей, собравшихся на выносъ покойника.

«Прощай», произноситъ вполголоса мать.

«Прощай», повторяетъ, какъ эхо, за нею тоже вполголоса Вѣра.

«Счастливо!» прибавляетъ Лукерья.

И только всего. Больше ни слова, ни звука, никакого движенія... Глафира выходитъ.

Трясясь на извозчикѣ и усиленно развлекая вниманіе всѣми попадающимися по дорогѣ предметами, Глафира не могла отдѣлаться отъ этихъ, безпрестанно возникавшихъ въ ея представленіи лицъ старухи и Вѣры. Они ее все время преслѣдовали, все время не переставали мерещиться ей... Вотъ и теперь они опять стоятъ передъ нею... Такія же неподвижныя и сурово-спокойныя, какими смотрѣли они на нее при прощаньи, они ей говорятъ теперь то, что тогда было не сказано, но что должно было прочесть въ ихъ устремленныхъ на уходившую Глафиру глазахъ:

«Прощай, Богъ съ тобою. Мы знаемъ, что тебѣ будетъ лучше безъ насъ, и не можемъ тебя удержать. Будь счастлива, иди на просторъ, а мы останемся попрежнему здѣсь догнивать, въ нашемъ убогомъ подвалѣ. Такова уже наша судьба, потому что обѣ мы неумѣлыя, обѣ мы слабыя; значитъ, такъ и быть тому слѣдуетъ»..

— Бѣдная маменька... Бѣдная Вѣрочка...—прошептала Глафира, и на глазахъ ея выступили горячія слезы...

Она отерла ихъ, помахала платкомъ на лицо и съ напряженіемъ воли перенесла свою мысль на другіе предметы.

Въ ея воображеніи возникла фигура недавно сидѣвшаго вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ дивана гостя. Какой онъ смѣшной, съ волосатой своей головой, огромными, круглыми, какъ шары, глазами на выкатѣ и короткими ножками... Она только сегодня это все разглядѣла... Раньше онъ ей казался другимъ и былъ теперь совсѣмъ непохожъ на тотъ неуловимо-обаятельный образъ

молодого красавца ея горячечныхъ грёзъ, который стремился къ ней чрезъ разные ужасы, чтобы ввести ее въ какой-то новый, таинственный міръ.

И эта комната,—холодная, мрачная и, кажется, вдобавокъ еще, и сырая... Эта обступающая вокругъ тишина, словно нѣкое незримое глазомъ чудовище, которое цѣпенитъ и душитъ, и втягиваетъ... Хотя бы единый какой-нибудь звукъ, слово, движеніе!

О, какъ все это непохоже на то, что раньше, недавно, не дальше, какъ только вчера, рисовалось въ мысляхъ!

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, Глафира встала съ дивана, подошла вплотную къ окну и уставилась въ уличный мракъ. Даже и крышъ, которыми заставилъ давеча ее любоваться Иванъ Еремѣичъ, теперь уже не было видно... Полная темень... Внизу гремѣлъ и кипѣлъ непрерывнымъ движеніемъ городъ. Тамъ роились, звуча, тысячи таинственныхъ человѣческихъ жизней, одинокихъ и чуждыхъ другъ дружкѣ, и, словно нѣкая щепка, влекомая волнами непрерывно текущей рѣки, понуро тряслась на извозчикѣ черноборода фигура мужчины въ низко надвинутомъ на лобъ цилиндрѣ, подъ которымъ плелись безсвязныя мысли довольно унылаго свойства, а изъ нихъ то и дѣло выскакивалъ одинъ и тотъ же неотступный вопросъ, какъ бы въ ладъ стучавшимъ колесамъ:

«Что-то будетъ?.. Что-то будетъ?..»

Мих. Альбовъ.

КОНЕЦЪ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ.

(*Окончаніе* *).

IV.

Любопытно посмотрѣть, замѣчаются ли признаки такого движенія во Франціи или, точнѣе говоря, въ Парижѣ. Мы избрали Парижъ для наблюденія потому, что тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, намѣченные вопросы назрѣли и требуютъ разрѣшенія. Люди интеллигентныхъ профессій представляютъ тутъ такую численность, что можно было бы населить ими не малаго размѣра городъ. Въ Германіи производится, конечно, не меньше интеллигентовъ, но тамъ они гораздо равномѣрнѣе распредѣляются по странѣ, тогда какъ провинція во Франціи, какъ извѣстно, отдаетъ Парижу почти все, что отмѣчено хоть малѣйшими признаками даровитости, хотя въ послѣднее время уже замѣтно стало сильное децентрализаціонное движеніе, такъ называемый режіонализмъ. Здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ остальной Европѣ, капиталъ давно захватилъ въ свои руки отношенія между интеллигенціей и публикой. Книгоиздатели, акціонерныя компаніи, владѣющія и газетами, и журналами, дирекціи театровъ, владѣльцы художественныхъ салоновъ и всякаго другого рода скупщики, посредники, эксплуататоры, поставщики держатъ интеллигентную массу на короткой цѣпи и заставляютъ всѣхъ, даже наиболѣе знаменитыхъ, пройти суровую школу пролетаріатскаго существованія. Естественно ожидать вслѣдствіе этого, что интеллигенція окажется не глупѣе рабочаго пролетаріата и будетъ стремиться соединять свои усилія въ видахъ эманципаціи отъ матеріальнаго и нравственнаго гнета.

Затѣмъ, Парижъ не безъ права пользуется славой артистическаго города. Нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ Лондона, кажется, такія неисчерпаемыя художественныя сокровища не находятся въ пользованіи всѣхъ и каждаго. Ни въ одномъ изъ національныхъ музеевъ и даже во многихъ частныхъ коллекціяхъ не взымается ни одного сантима за входъ, и никого не шокируетъ, когда бездомный оборванецъ, какихъ у насъ не пускаютъ проходить черезъ городскіе скверы, придетъ въ Лувръ погрѣться

*) См. „Міръ Божій“. № 2. февраль. 1902 г.

около печки или посидѣть на дорогомъ диванѣ передъ Рафаэлемъ или Леонардо да Винчи. Эта истинно демократическая черта особенно бросается въ глаза послѣ германскихъ порядковъ; тамъ всѣ достопримѣчательности доступны только за извѣстную, болѣе или менѣе высокую контрибуцію, и не только лучшіе музеи, напр., въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ *) но даже могилы предковъ императора; даже въ нѣкоторыхъ церквахъ ухитряются держать взаперти наиболѣе интересныя картины и предметы, чтобы имѣть возможность эксплуатировать благочестіе туземцевъ и любопытство иностранцевъ. Правда, и во Франціи раздаются голоса изъ очень вліятельныхъ сферъ, что пора прекратить такую расточительность относительно художественныхъ богатствъ страны и сдѣлать музеи доходными статьями, въ видахъ болѣе быстраго пополненія коллекцій **). При этомъ предвидится, что число посѣщеній въ платные дни уменьшится болѣе чѣмъ вдвое; какой контингентъ публики останется за дверью, нечего объяснять. По нашему мнѣнію, скорѣе можно было бы согласиться сократить коллекціи наполовину, лишь бы остальная половина была усвоена всѣми слоями народа. Къ счастью, эти мелко коммерческіе разсчеты до сихъ поръ остаются проектами и врядъ ли переубѣдятъ общественное мнѣніе, которое во Франціи очень дорожитъ подобнаго рода вольностями.

Но не надо даже тратить время на посѣщеніе музеевъ въ Парижѣ, чтобы удовлетворять потребность въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ. Въ любомъ переулкѣ около набережныхъ лѣваго берега Сены или около большихъ бульваровъ въ окнахъ магазиновъ можно видѣть столько прекрасныхъ произведеній стараго и новаго искусства, сколько не увидишь ни въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ за десять лѣтъ. И это не какой-нибудь хламъ, какой наши антикваріи выдаютъ за классическія произведенія, а вещи, которыя могли бы выдержать какой угодно жюри. Здѣсь не рѣдкость увидѣть пейзажи Добиньи и Руссо (неподдѣльныхъ), Сислея, и Рафаэлли, этюды и рисунки Тройона, Розы Бонёръ, сколько картинъ неизвѣстныхъ еще художниковъ и, особенно, массу художественныхъ эстамповъ, цвѣтныхъ литографій и офортовъ, которые въ послѣднее время достигли такого изумительнаго совершенства. А сколько повсюду всякой артистической керамики, бронзы, рѣзьбы и т. п.! Непривычный человѣкъ не можетъ пройти по улицѣ, чтобы двадцать разъ не остановиться передъ всѣми этими приманками ***).

---

*) Берлинскіе музеи большею частью безплатны, но сравнительно небогаты.

**) *Charles—Maurice Couyba.* „L'Art et la Démocratie“ (1902). Эта книга по содержанію не соотвѣтствуетъ своему названію, хотя заключаетъ массу интересныхъ цифръ и фактовъ: это подробно мотивированный докладъ парламентской бюджетной коммиссіи по секціи изящныхъ искусствъ, подлежащихъ во Франціи вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Подъ демократіей здѣсь разумѣется, согласно оффиціальной фикціи, просто французское государство.

***) Парижскіе памятники, какъ это ни удивительно, поражаютъ только своею

Книжныя богатства также широко открыты для всеобщаго пользованія. Нѣсколько богатыхъ государственныхъ и городскихъ библіотекъ (св. Женевьевы, Мазарини, Арсенала и др., не говоря о національной) доступны всѣмъ и каждому и, конечно, безплатны. Но для широкихъ круговъ имѣетъ, вѣроятно, гораздо большее значеніе своеобразная форма книжной торговли. Иностранцы, не бывавшіе въ Парижѣ и платящіе полновѣснымъ рублемъ за французскія книги по номинальной цѣнѣ, нерѣдко съ добавленіемъ накладныхъ расходовъ, не знаютъ, что всѣ книги, за весьма немногими исключеніями, тотчасъ же по выходѣ появляются у букинистовъ со значительною скидкой: послѣднія новинки стоютъ 3 фр. (вмѣсто $3^{1/2}$), книга, пролежавшая годъ, стоитъ еще дешевле, а классическіе писатели и мало ходкія изданія идутъ сплошь и рядомъ по 1—$1^{1/2}$ фр. за томъ и даже дешевле. Лучшіе букинисты сосредоточены подъ арками «Одеона», а болѣе мелкіе тянутся безъ перерыва на цѣлыя версты вдоль каменныхъ парапетовъ набережныхъ. И по давнишней традиціи, каждый прохожій можетъ взять любую книгу и читать на мѣстѣ, стоя хоть два часа; затѣмъ книга спокойно ставится обратно, и прохожій идетъ своею дорогой, не считая нужнымъ даже поблагодарить торговца за одолженіе. Такимъ образомъ получается въ полномъ смыслѣ слова общедоступная народная библіотека безъ малѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ ни съ чьей стороны.

Въ такихъ условіяхъ, казалось бы, художественное чувство народной массы должно было бы постоянно упражняться, и средній уровень интеллектуальнаго развитія долженъ былъ бы поддерживаться на значительной высотѣ. Однако всѣ литературныя и устныя свидѣтельства, какія намъ удалось собрать по этому вопросу, единогласно утверждаютъ противное. Читатели, вѣроятно, помнятъ ту страницу изъ «Assomoir», гдѣ описываются впечатлѣнія парижскихъ рабочихъ, вздумавшихъ зайти въ Лувръ: миѳологическія сцены даютъ имъ поводъ къ неприличнымъ шуткамъ, а Мона Лиза Леонардо да Винчи напоминаетъ имъ только какую-то тетку. Можно было бы думать, что это обычное у Зола стремленіе подмѣчать однѣ пошлыя черты жизни. Но вполнѣ безпристрастные наблюдатели находятъ эту сцену характерной *).

многочисленностью и отличаются, въ общемъ, самымъ прозаическимъ отпечаткомъ казенныхъ „монументовъ“. Лишь весьма немногіе способны дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на эстетичное чувство, и всѣ они весьма недавняго происхожденія: это памятникъ національной обороны 1871 г., прекрасная фигура поднимающагося для борьбы льва (le Lion de Belfort); назовемъ еще „Торжество республики“ Далу съ нѣсколькими удачными народными фигурами, особенно грандіозный по замыслу и по декоративному эффекту памятникъ „Мертвымъ“ Бартоломе на кладбищѣ Père Lachaise, а также оригинальное по композиціи и богатѣйшее по колориту горельефное панно изъ маіолики Александра Шарпантье близъ церкви St. Germain des Prés.

*) *Eugène Müntz.* „L'art populaire, son état actuel, ses revendications, son avenir“ („Revue des Revues“, 15 мая 1899).

«Искусство въ самыхъ скромныхъ своихъ проявленіяхъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ *),—не существуетъ болѣе для народа, который живетъ, прозябаетъ, коснѣетъ внѣ искусства, и я прибавлю, что онъ не знаетъ больше, что значатъ слова: искусство, вкусъ, красота, идеалъ».

«Очевидно,--говоритъ другой,—что если большинство ремесленниковъ не умѣютъ связать свою профессію съ эстетикой, то это происходитъ отъ того, что у нихъ нѣтъ ни знаній, ни времени ихъ пріобрѣсти. Они менѣе свободны, чѣмъ нашъ братъ, и такъ какъ у нихъ нѣтъ, въ такой степени, какъ у насъ, яснаго сознанія своего достоинства, они позволяютъ себя унижать, закрѣпощать и подчинять. Они порабощены и невѣжественны. Они живутъ, никогда не нападая на мысль, что красота могла бы исходить изъ ихъ собственныхъ рукъ. Впрочемъ, гдѣ бы они нашли досугъ это узнать?» **).

Самое вѣское свидѣтельство въ томъ же смыслѣ принадлежитъ несомнѣнно Жоресу, который ближе другихъ, конечно, знаетъ интеллектуальный уровень народныхъ массъ. «Что нужно, чтобы общественный классъ сталъ причастнымъ къ искусству?—такъ ставитъ онъ вопросъ ***).—Нужно, во-первыхъ, чтобы у него въ распоряженіи было средство для выраженія своихъ эмоцій и чувствованій. Пока у пролетаріата не будетъ достаточно времени, чтобы путемъ образованія присвоить себѣ всѣ сокровища французскаго языка, накопленныя вѣками, онъ не будетъ стоять на высотѣ искусства. Во-вторыхъ, всякій, кто радъ собственной жизни, кто не можетъ подняться надъ уровнемъ собственной работы, кто не можетъ связать ее мысленно и радостно со всею совокупностью человѣческаго прогресса, не можетъ подняться до артистической жизни. Ни деревенскій, ни фабричный рабочій не удовлетворяютъ этимъ условіямъ».

Эти категорическія заявленія, однако, кажутся намъ не вполнѣ убѣдительными. Всѣ они слишкомъ огульны и основаны или на случайныхъ, поверхностныхъ наблюденіяхъ, или на общихъ апріорныхъ соображеніяхъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо было бы собрать какъ можно больше фактовъ, зарегистрировать массу единичныхъ мнѣній, однимъ словомъ примѣнить строгій статистическій методъ. Разумѣется, такая работа подъ силу только тому, кто находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народной массой, а французская интеллигенція до сихъ поръ не находится въ этомъ положеніи. Результаты такой работы могли бы быть довольно неожиданными и во всякомъ случаѣ не такими односложными. Выяснилось бы, можетъ быть, что низшіе классы въ смыслѣ запросовъ къ искусству

*) *Jean Lahor* (Henri Cazalis). „L'art pour le peuple à défaut de l'art par le peuple„ (1902).

**) *Saint-Georges de Bouhelier*. „Discours sur les fins et les attributs de l'esthétique“ („Revue Naturiste“, 15 février 1901).

***) „L'art et le socialisme“ („Revue Socialiste“, mai 1900).

не представляютъ сплошной однородной массы, что въ ихъ средѣ есть отдѣльныя лица и группы, у которыхъ эстетическій вкусъ болѣе развитъ, чѣмъ у другихъ. Что основы эстетики въ народной средѣ иныя, чѣмъ у литераторовъ и художниковъ, что народный вкусъ не похожъ на вкусъ интеллигенціи,—это болѣе чѣмъ вѣроятно, но невѣроятно, чтобы тамъ не нашлось никакого вкуса, хотя бы дурного на нашъ взглядъ. Имѣть о немъ ясное представленіе было бы весьма важно для всякихъ практическихъ начинаній въ области пропаганды эстетическихъ впечатлѣній.

Что касается классоваго сознанія интеллигенціи и попытокъ сближенія съ демократіей, то въ этомъ смыслѣ за послѣднее десятилѣтіе имѣли мѣсто весьма любопытные признаки, и возникшее теченіе съ каждымъ годомъ растетъ, питаясь всѣми крупными явленіями общественнаго характера. Достаточно указать на внѣшній признакъ этого роста: до процесса Дрейфуса во французскомъ языкѣ не было общеупотребительнаго слова для обозначенія интеллигенціи, какъ извѣстной общественной единицы; словарь Литтре еще не знаетъ такого смысла выраженія les intellectuels, хотя нѣкоторые писатели и пробуютъ уже придавать этому слову существительное значеніе.

Въ началѣ 90-хъ годовъ на порогѣ жизни очутилась молодежь, которую уже не удовлетворялъ общественный пессимизмъ предшествовавшихъ поколѣній. Ея жизненная энергія не была подавлена трагическими событіями, деморализовавшими ихъ отцовъ и дѣдовъ. Національный разгромъ 1870—71 года сталъ для нея сказкой дѣтства и рисовался воображенію въ формѣ краснорѣчивыхъ фразъ заключительной главы школьнаго учебника исторіи. Она не пережила печальныхъ сюрпризовъ, которыми демократія оттолкнула отъ себя современниковъ наполеоновской вакханаліи. Жить день за днемъ безъ руководящаго принципа, бороться по одиночкѣ за единичные интересы представляло плохіе шансы и казалось мало заманчивымъ. Чтобы завоевать какую-нибудь роль на общественной аренѣ, необходимо было подвергнуть критикѣ установленную теорію абсентеизма и попробовать по своему перерѣшить вопросъ объ отношеніи мыслящаго индивидуума къ обществу. Первый же взглядъ убѣдилъ этихъ молодыхъ соціологовъ, что ряды обезпеченной буржуазіи стали слишкомъ тѣсны для новыхъ пришельцевъ, и что будущность ихъ класса зависитъ отъ того, съумѣютъ ли они завоевать себѣ вниманіе и симпатію нижнихъ слоевъ общества. Конечно, они не ставили свои задачи въ такой грубо матеріальной формѣ и искренно считали себя идеалистами, которые готовы самоотверженно служить идеѣ справедливости и общаго блага.

Такъ изображаетъ программу молодого поколѣнія Анри Беранже, одинъ изъ видныхъ его представителей *). Въ этой программѣ многое

*) *Henry Bérenger.* „L'aristocratie intellectuelle", p. 1895.

нужно приписать молодости и незнанію реальныхъ условій жизни, но основная тенденція остается опредѣляющею для всѣхъ будущихъ явленій въ исторіи этого поколѣнія. Какъ во всѣхъ идеологическихъ системахъ, авторъ удѣляетъ самую красивую и благородную роль въ общественномъ концертѣ тому классу, интересы котораго онъ защищаетъ. Такъ какъ вся сила интеллигенціи заключается только въ обладаніи духовными благами, то и философскіе взгляды автора пріобрѣтаютъ характеръ чистаго идеализма. «Въ наше время уже болѣе или менѣе очевидно,—повторяетъ онъ вслѣдъ за А. Фулье («Les idées-forces»),—что реальныя явленія только символы идей и что нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ духа, такъ какъ матерія не что иное, какъ движеніе, а движеніе—духъ». «Прекрасно доказано,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что идея болѣе сильная сила, чѣмъ фактъ, потому что она ему предшествуетъ и опредѣляетъ его». Идеи создаютъ исторію; слѣдовательно, интеллигенціи принадлежитъ главенствующая роль въ обществѣ, такъ какъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ она одна является представительницей идеи, а не матеріальной силы. Прежніе господствующіе классы, родовая аристократія, теократія и плутократія отжили или отживаютъ свой вѣкъ. На ихъ мѣсто идетъ новая аристократія. «Господа, эта аристократія вамъ хорошо извѣстна; вы привѣтствуете ее въ лицѣ Тэна, въ лицѣ Пастёра или Виктора Гюго,—это аристократія духа. Инстинктивно мы преклоняемся передъ нею, когда чтимъ ученаго болѣе, чѣмъ банкира, поэта болѣе, чѣмъ знатнаго вельможу, и философа болѣе, чѣмъ епископа. Относительно однихъ мы ограничиваемся оффиціальнымъ поклономъ; для другихъ мы хранимъ внутреннее уваженіе,—мы провозглашаемъ ихъ своими повелителями и руководителями. Они теперь управляютъ міромъ и при помощи науки и общественнаго мнѣнія приводятъ въ движеніе наши общества. Кто осмѣлился бы сказать, что умственная аристократія не играетъ регулирующую роль въ нашихъ демократіяхъ въ такой же мѣрѣ, какъ нервная система регулируетъ нашу тѣлесную жизнь?» Многіе осмѣливаются на это, но мы не будемъ возражать автору, а ограничимся изложеніемъ его системы.

Каковы же функціи этой аристократіи и какими средствами она должна управлять міромъ? Разбирая романъ Барреса «Врагъ законовъ», гдѣ проводится мысль, что утонченная цивилизаціей чувствительность должна сдѣлать излишними всѣ писанные законы, всякую обязательную нравственность, Беранже высказывается противъ подобной утопіи. «Никто не сможетъ пресѣчь корни ненависти и страха, ибо это корни человѣческаго сердца. Ничья власть не превратитъ въ ягнятъ и пуделей тѣхъ, которые родились поросятами и тиграми. Какъ бы ни были несправедливы наши законы, уничтожить ихъ значило бы не возвысить насъ до состоянія благодати, а погрузить насъ въ естественное

состояніе, которое ужасно (авторъ завзятый противникъ Ж.-Ж. Руссо). ...Нѣтъ, народъ—это не «тотъ, который молчитъ», не тотъ, «котораго можно связать ласками». Онъ бушуетъ и ломаетъ, какъ только его выпустить изъ клѣтки. Среди враждующихъ стай шакаловъ, гіенъ и большихъ и малыхъ хищныхъ звѣрей, составляющихъ человѣчество, законы, догмы и кодексы все-таки самые надежные валы, подъ защитой которыхъ создается избранниками истина и красота». «Нравственная аристократія, если она остается только нравственною, беззащитна,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ. Ей суждено погибнуть или быть обезчещенною злыми, если она не съумѣетъ или не захочетъ ихъ обуздать».

Наука XIX-го вѣка обнаружила, что всѣ измѣненія въ мірѣ происходятъ отъ дѣятельности безконечно малыхъ анонимныхъ силъ. Этотъ строго доказанный принципъ лежитъ и въ основѣ демократическаго строя. «Безъ сомнѣнія, современная демократія древнѣе открытія этого принципа; у нея болѣе отдаленный и жизненный (?) генезисъ. Но помимо того, что этотъ принципъ ее впервые узаконилъ, онъ сообщилъ ей неимовѣрную силу роста и распространенія. Если реальная причина всякаго великаго и плодотворнаго дѣйствія заключается въ ассоціированныхъ усиліяхъ малыхъ и ничтожныхъ міра сего, какимъ образомъ могло бы быть иначе въ организаціи человѣчества? Долой безполезныхъ героевъ, долой безсодержательныя маски! Вотъ выступаетъ, наконецъ, настоящій герой, громадная безымянная масса XIX-го вѣка, современная демократія».

Если принципъ можно считать утвердившимся, то въ дѣйствительности демократія находится еще въ самомъ началѣ длиннаго пути, который приведетъ ее къ торжеству. Она еще весьма далека отъ господства, и поэтому интеллигенція, присоединяясь къ ней, вовсе не играетъ роль паразита, подчиняющагося владыкѣ только для того, чтобы питаться его милостями и щедротами. Достоинство этого союза заключается въ томъ, что интеллигенція съ своей стороны можетъ оказать демократіи жизненную услугу, на которую ни одинъ другой классъ общества неспособенъ. Внести въ народную массу какъ можно больше знанія, открыть ей доступъ въ плодотворную сферу идей и образовъ,—вотъ истинная и настоятельная практическая задача интеллигенціи, столько же въ интересахъ народа, сколько и въ ея собственныхъ. Безъ просвѣщенія низшіе классы всегда останутся беззащитными передъ хищными вожделѣніями болѣе вооруженныхъ элементовъ. Безъ поддержки просвѣщенной демократіи интеллигенція вѣчно будетъ стоять передъ дилеммой: замкнуться въ безжизненную секту или идти на привязи за денежнымъ мѣшкомъ.

Къ этому, въ концѣ концовъ, сводится вся программа молодого поколѣнія Франціи, въ этомъ оно видитъ свое право называться умственною аристократіей. «Интеллигентная аристократія, — говоритъ

Беранже,—нуждается въ циркулирующемъ аппаратѣ, который далъ бы ей возможность впрыскивать кровь своихъ мыслей до самыхъ крайнихъ развѣтвленій демократіи. Такимъ аппаратомъ является университетъ *), который посредствомъ трехъ степеней образованія распредѣляетъ и дѣлаетъ плодотворными идеи одинокихъ геніевъ въ средѣ зрѣлыхъ людей, юношей и дѣтей... Пусть интеллигентная аристократія примкнетъ къ университету, пусть она сохранитъ ему его основную черту—независимость по отношенію къ власти, и преобразованный ею университетъ приведетъ къ единенію Калибана и Аріеля».

Господствующіе классы во Франціи въ свое время также были весьма озабочены народнымъ образованіемъ. Новыя формы жизни, развитіе промышленности и государственности требовали въ огромномъ количествѣ ученыхъ спеціалистовъ, въ извѣстной степени образованныхъ чиновниковъ, грамотныхъ приказчиковъ и рабочихъ. И народное образованіе, созданное французскою государственною властью, было вполнѣ приспособлено къ этимъ задачамъ. Отъ народныхъ учителей до профессоровъ высшихъ наукъ всѣ были послушными, часто рабскими орудіями смѣнявшихся политическихъ режимовъ; они преподавали свои «предметы» въ строго отграниченныхъ рамкахъ по установленнымъ и регламентированнымъ до мельчайшей подробности программамъ. Того широкаго интеллектуальнаго развитія, которое ставитъ себѣ задачей германская школа, французскіе правители не цѣнили, и такимъ образомъ французская школа выпускаетъ массу ученыхъ техниковъ, но мало образованныхъ людей, милліоны толковыхъ рабочихъ, но мало людей съ культурными запросами. Противодѣйствовать этому печальному состоянію поставила себѣ цѣлью многочисленная группа молодыхъ людей, которая сумѣла привлечь на свою сторону лучшихъ людей изъ старшаго поколѣнія и достигла уже серьезныхъ результатовъ.

V.

Объ исторіи и характерѣ общественной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и Америкѣ у насъ писалось весьма много, поэтому мы лишь вкратцѣ остановимся на фактической сторонѣ этого движенія во Франціи **). Отдѣльныя попытки внѣшкольнаго обученія производились уже давно, но онѣ были разрознены и

*) Извѣстно, что подъ названіемъ „университетъ“ французы подразумѣваютъ всю систему народнаго образованія отъ начальныхъ школъ до философскихъ факультетовъ.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія читатель можетъ найти въ книгѣ того же *Henry Bérenger*. „La conciente National“, P. 1898. У него же приведена довольно обширная библіографія вопроса.

не имѣли крупныхъ результатовъ. Необходимъ былъ примѣръ Англіи, чтобы показать, какого общенароднаго значенія могутъ достигнуть усилія частныхъ лицъ и организацій. Лишь въ началѣ 90-хъ годовъ возникаетъ почти одновременно нѣсколько энергичныхъ обществъ и союзовъ въ Парижѣ и въ провинціи. Въ 1895 г. они подсчитали свои силы на конгрессѣ въ Гаврѣ, а въ слѣдующемъ году произведенное по распоряженію министра народнаго просвѣщенія оффиціальное изслѣдованіе показало уже весьма солидные фактическіе успѣхи. Одно изъ существенныхъ отличій между Англіей и Франціей заключается въ томъ, что въ Англіи, въ классической странѣ капитализма и классовой борьбы, движеніе, направленное къ повышенію умственнаго и нравственнаго уровня обездоленныхъ классовъ, получило колоссальную поддержку со стороны нѣсколькихъ денежныхъ королей, — имена Арнольда Тойнби и Квинтина Хогга пріобрѣли всемірную извѣстность, тогда какъ во Франціи «господствующіе» не принимаютъ абсолютно никакого участія въ распространеніи просвѣщенія въ народѣ, и все, что сдѣлано въ этомъ направленіи, сдѣлано всецѣло руками литераторовъ, народныхъ учителей, единичныхъ профессоровъ и университетской молодежи при совершенно ничтожной матеріальной поддержкѣ со стороны правительсвва. Это часто вызываетъ необезпеченность лучшихъ начинаній и тревожную заботу о завтрашнемъ днѣ, но зато съ полною ясностью обнаруживается органическій характеръ тяготѣнія интеллигенціи къ рабочимъ массамъ.

Какъ быстро ширится внѣшкольное образованіе во Франціи, можно видѣть изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ: въ 1894 г. по всей Франціи читалось 9.000 вечернихъ курсовъ, отчасти общеобразовательнаго, отчасти профессіональнаго характера; въ 1895 г. число такихъ курсовъ возросло до 17.000 при 400 тысячъ записавшихся, изъ коихъ 270 тысячъ аккуратно посѣщали занятія; въ 1898 г. было уже 24 тыс. курсовъ, при 700 тыс. записавшихся, изъ которыхъ 420 тыс. усердныхъ слушателей. Туже шло распространеніе высшихъ знаній, особенно въ Парижѣ. Правда, не было недостатка въ лекторахъ, которые бы читали связные курсы и отдѣльныя конференціи въ рабочихъ кварталахъ по окраинамъ столицы, и не могли пожаловаться на пустоту аудиторій, но контингентъ слушателей часто оказывался не тотъ, на который надѣялись организаторы: большинство составлялось изъ мелкихъ буржуа, низшихъ чиновниковъ и служащихъ. Какъ ни популярны эти курсы, они все-таки требуютъ отъ слушателей слишкомъ большого умственнаго напряженія, на которое уже неспособны рабочіе послѣ тяжелаго 10-ти-часового рабочаго дня. Нерѣдко можно наблюдать, что почтенный пожилой рабочій, явившійся съ искреннимъ желаніемъ послушать интересную лекцію на историческую или литературную тему, тщетно борется съ одолѣвающимъ его сномъ, вызывая насмѣшки и

шушуканіе окружающей желтоносой молодежи. Но руководители не обезкуражились. Какъ бы ни были скромны достигаемые результаты,—разсуждали они,—они все-таки достигаются. Нужно время, чтобы цѣлый общественный классъ воспиталъ въ себѣ умственныя привычки, любовь и интересъ къ проблемамъ, стоящимъ не въ очевидной связи съ насущными потребностями. Тутъ еще подоспѣлъ памятный общественный подъемъ, сопровождавшій процессъ Дрейфуса. Въ рядахъ интеллигенціи онъ произвелъ истинныя чудеса. Люди, которые до тѣхъ поръ считали своимъ правомъ ограничиться добросовѣстнымъ служеніемъ своей узкой профессіи, увидѣли, что общество рискуетъ рухнуть, если въ массѣ не распространено живое чувство справедливости. Эстеты чистѣйшей воды, всю жизнь брезгливо закрывавшіе глаза на волненія и интересы толпы, вдругъ точно просыпались отъ самовнушеннаго гипноза и съ ужасомъ открывали, что міръ хуже, чѣмъ они думали въ своемъ пессимизмѣ, и что никто, даже артистъ, не имѣетъ права сложить съ себя обязанность быть честнымъ человѣкомъ. Малларме, напр., который настолько презиралъ людей, что не хотѣлъ даже быть понятнымъ имъ, пережилъ настоящую душевную драму: онъ такъ принялъ къ сердцу интересы попранной справедливости, что разорвалъ со своими лучшими друзьями изъ-за разногласія по поводу «афферы». Съ другой стороны и рабочія массы увидѣли, что не онѣ однѣ являются оплотомъ прогресса и справедливости Наука, искусство, литература, которыя они привыкли считать послушными слугами буржуазной роскоши, если не цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ своихъ лучшихъ представителяхъ открыто искали съ ними союза и дружбы,—болѣе того, нерѣдко жертвовали своими матеріальными интересами ради сохраненія нравственнаго достоинства. Сближеніе обоихъ классовъ сдѣлало большой шагъ впередъ, и «народный университетъ» отъ этого сильно выигралъ. Теперь нѣтъ ни одной окраины Парижа, гдѣ бы не дѣйствовало болѣе или менѣе обширное просвѣтительное общество, состоящее изъ рабочихъ и интеллигентовъ, въ числѣ которыхъ очень часто попадаются наиболѣе уважаемыя имена французскихъ ученыхъ и писателей. Каждый день въ газетахъ можно встрѣтить объявленіе о десяткѣ лекцій, конференцій, практическихъ занятій, литературныхъ чтеній, музыкальныхъ вечеровъ; въ воскресенье устраиваются семейныя утра или поѣздки за городъ, драматическія или музыкальныя празднества. Въ средѣ интеллигенціи, конечно, осталось еще много реакціонныхъ элементовъ, которые изъ интереса или по недоумію не хотятъ разстаться съ монополіей на интеллектуальность. Такъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пресловутый «психологъ» свѣтскихъ кокотокъ, Поль Бурже, въ своемъ послѣднемъ романѣ («L'épave») старался окарикатурить и опошлить «народные университеты», но имъ отъ этого не меньше принадлежитъ будущее. Теперь во всякомъ случаѣ, они еще

далеко не сказали своего послѣдняго слова; имъ предстоитъ нетолько шириться, но и совершенствоваться. Успѣхъ ихъ несомнѣнно стоитъ въ самой тѣсной связи съ улучшеніемъ матеріальнаго существованія рабочаго пролетаріата, ибо, какъ говоритъ Анатоль Франсъ, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и талантливыхъ друзей народнаго просвѣщенія, «не похоже ли на иронію—предлагать великолѣпныя сокровища человѣческаго духа существамъ, которыхъ точатъ микробы въ подвальныхъ этажахъ, которые не спятъ иначе, какъ вдыхая тифъ и туберкулезъ? *)».

Для насъ имѣетъ спеціальный интересъ ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ смыслѣ обобществленія искусства. Художники, беллетристы и писатели, занимающіеся вопросами искусства, не могли, конечно, остаться внѣ общаго теченія, но ихъ задача гораздо труднѣе. Изложить въ популярной формѣ какой угодно научный предметъ изъ области естествознанія или обществовѣдѣнія, заставить *понять и усвоить* какую угодно отвлеченную теорію кажется несравненно возможнѣе, чѣмъ заставить *почувствовать* красоту художественнаго произведенія, внутренно возсоздать ту частицу души, которую авторъ вложилъ въ свою поэму, картину, статую. Такихъ произведеній искусства, которыя бы во всѣхъ людяхъ вызывали одно и то же чувство, какъ этого требуетъ Л. Н. Толстой, на свѣтѣ не существуетъ. Общеніе между артистомъ и слушателемъ, зрителемъ или читателемъ возможно только, если артистъ встрѣчаетъ пониманіе тѣхъ психологическихъ предпосылокъ, изъ которыхъ возникло данное произведеніе, но которыя въ немъ самомъ не выражены. Иначе говоря, между художникомъ и воспринимающимъ субъектомъ должна быть такая психологическая близость, которая достигается сходствомъ психическихъ привычекъ или воспитаніемъ воображенія воспринимающаго субъекта. Первое условіе отсутствовало, второе можетъ быть создано лишь продолжительными усиліями съ той и съ другой стороны.

Французы и въ этомъ случаѣ имѣли передъ собой примѣръ англичанъ, но примѣръ этотъ былъ скорѣе устрашающій, чѣмъ поощряющій. Джонъ Рёскинъ, а за нимъ Вильямъ Моррисъ и его друзья много раньше видѣли уже, какъ искусство мельчаетъ и сохнетъ подъ гнетущимъ покровительствомъ господствующихъ классовъ. Съ пламенною силой и пафосомъ библейскихъ пророковъ предсказывали они гибель всей нашей цивилизаціи, если она не признаетъ, что «нѣтъ другого богатства кромѣ жизни,—жизни обнимающей всю силу любви, радости и восторга» (Рёскинъ). Эту полноту богатства, т.-е. жизни, способно

*) Рѣчь 17-го мая 1902 г. въ обществѣ „L'education sociale de Montmartre" на первомъ засѣданіи, разрабатывавшемъ вопросъ о дешевыхъ гигіеническихъ жилищахъ

дать только искусство, при условіи, чтобы оно не производилось немногими для немногихъ, а стало бы народнымъ, какъ въ минувшіе вѣка, чтобы каждый, даже среди тѣхъ, которыхъ «по глупости языка» принято называть «низшими классами», имѣлъ свою долю въ наслажденіи искусствомъ и участвовалъ въ созданіи его. Но какъ этого достигнуть? «Какъ дать глаза людямъ, не воспитаннымъ на искусствѣ?.. Какъ намъ вложить въ нихъ артистическую душу, безъ которой человѣкъ хуже дикаря? Да, если бы они сами потребовали отъ насъ этого! Но гдѣ и что это за силы, которыя могутъ заставить ихъ предъявить намъ такое требованіе? Гдѣ рычагъ, и гдѣ основаніе для этого? Трудные вопросы! *)». На эти вопросы они не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ ни теоретически, ни практически. Сказать, что для этого нужно охранять красоту природы, отказаться отъ роскоши, замѣнить машинное производство ручнымъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣ находили наслажденіе въ самой работѣ, не значитъ разрѣшить вопросъ, потому что всѣ эти средства также трудно достижимы, какъ и самая цѣль, или, лучше сказать, совсѣмъ недостижимы, какъ основанныя исключительно на доброй волѣ. Но съ упорною вѣрою во всемогущество дѣятельной воли, какая встрѣчается только въ англо-саксонской расѣ, они не считались съ дѣйствительностью, а самоотверженно отдавали трудъ и рисковали средствами для проведенія въ жизнь своихъ заманчивыхъ утопій. Фабрикація—ручная конечно—цвѣтныхъ стеколъ, обой, мебели, посуды и всѣхъ предметовъ домашняго обихода, которую завелъ В. Моррисъ въ компаніи со своими друзьями-художниками, не пропали даромъ для англійскаго и всего европейскаго искусства. Ими былъ созданъ единственный въ XIX столѣтіи оригинальный художественный стиль, который привился во всѣхъ художественныхъ центрахъ Европы и вездѣ, кромѣ Россіи, получилъ своеобразную разработку. Но какія же были соціальныя послѣдствія этихъ опытовъ? Все осталось на старомъ мѣстѣ, ни одна фабричная труба не перестала коптить небо, искусство не проникло ни на вершокъ глубже въ народные классы, зато торговцы, наживавшіеся прежде на фабричной безвкусицѣ, теперь наживаются нисколько не хуже на изящныхъ вещицахъ «modern style». Рёскинъ и Моррисъ говорили: если переплетчикъ, положимъ, дѣлаетъ переплетъ—предметъ болѣе или менѣе всѣмъ необходимый,—то почему онъ долженъ непремѣнно обезобразить его никому ненужными сусальными украшеніями? почему не сдѣлать его совершенно простымъ и вмѣсто всѣхъ аляповатостей сдѣлать на корешкѣ отъ руки какой-нибудь самый незатѣйливый цвѣтокъ? отчего переплетъ, сдѣланный со вкусомъ, долженъ быть дороже безвкуснаго переплета, если онъ сдѣланъ изъ того же матеріала? Казалось бы, что

*) *William Morris.* „Hopes and tears for art," London, 1898.

дѣйствительно нѣтъ основаній. Но нашъ меркантильный вѣкъ все умѣетъ обратить въ источникъ наживы, даже отсутствіе украшеній: за самую строгую простоту въ «англійскомъ стилѣ» нужно заплатить въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ за ту же вещь, разукрашенную сверху донизу надоѣвшимъ стилемъ «ренессанса». Такимъ образомъ искусство В. Морриса, завоевавъ себѣ повсюду «популярность», осталось все тѣмъ же искусствомъ для немногихъ и уже начинаетъ вырождаться въ никому ненужныя бездѣлушки, украшающія камины богатыхъ людей.

Итакъ, французскіе художники должны были самостоятельно искать пути къ народному чувству. Задача, которая была трудна въ Англіи, осталась трудною и во Франціи. Движеніе еще такъ молодо, что о подсчетѣ достигнутыхъ результатовъ не можетъ быть и рѣчи, но самое разнообразіе попытокъ въ этомъ направленіи свидѣтельствуетъ объ органическомъ происхожденіи демократическаго направленія среди художниковъ. Мы выше старались показать, что это вызывается интересами самой интеллигенціи, какъ класса; положеніе это нисколько не измѣняется отъ того, что передовые люди, идущіе во главѣ движенія, искренно сознаютъ себя идеалистами, дѣйствующими исключительно изъ безкорыстныхъ побужденій человѣколюбія. Конечно, для первыхъ шаговъ и нужно много идеализма и готовности жертвовать личными интересами, но всякая классовая борьба, какъ бы матеріальна ни была ея основа, выставляетъ впередъ борцовъ, убѣжденныхъ, что они страдаютъ за идею.

Наиболѣе полно изложена идеологія демократическаго движенія среди французскихъ артистовъ въ обстоятельной статьѣ извѣстнаго писателя Камиля Моклера *). Весьма живо изобразивъ послѣдствія, которыя получились для искусства отъ воцаренія буржуазіи, авторъ прекрасно резюмируетъ положеніе артиста въ новомъ обществѣ: «Искусство стало промысломъ, а не роскошью больше, и производитель его долженъ былъ зарабатывать свою жизнь». Враждебное, или лучше бы сказать, равнодушное отношеніе буржуазіи сдѣлало изъ всякаго артиста безсознательнаго бунтовщика. Сначала интеллигенція образовала въ государствѣ изолированный классъ, отдаленный отъ народа, непримиримый съ буржуазіей. Затѣмъ постепенно начинается сближеніе умственнаго и рабочаго пролетаріата, несмотря на то, что буржуазія стала между ними и изображала народу артистовъ, какъ ремесленниковъ роскоши, прирожденныхъ аристократовъ, и обратно, представляя артистамъ народъ, какъ тупое и грубое стадо, которое видитъ въ искусствѣ только транжирство. Едва ли однако можно допустить, чтобы буржуазія была отвѣтственна за антидемократическіе взгляды интел-

*) *Camille Mauclair*, „L'Artiste moderne et son attitude sociologique“ („La Grande Revue“, 1902 mars et avril).

лигенціи: кто могъ помѣшать послѣдней составить себѣ самостоятельное мнѣніе на основаніи непосредственныхъ наблюденій? Но теперь уже образовалась цѣлая группа избранныхъ, которые, сохраняя свой собственный идеалъ, стараются сблизиться съ народными массами. Они готовы идти навстрѣчу подозрительности рабочей партіи, они рвутъ отношенія съ буржуазіей изъ идеи высшей справедливости. Никто изъ нихъ не пытается вульгаризировать искусства, принизить его банализаціей средствъ до уровня пониманія толпы или отказаться отъ возвышенныхъ и глубокихъ идей. Напротивъ, это буржуазія пыталась создать «искусство для сволочи» въ видѣ пошлыхъ олеографій, мелодрамъ и фельетонныхъ романовъ, соціальное же искусство не находится въ противорѣчіи съ аристократическимъ искусствомъ.

Но народъ до сихъ поръ не видитъ этихъ усилій интеллигенціи. Кто въ этомъ виноватъ? Камиль Моклеръ непремѣнно хочетъ, чтобы кто-нибудь былъ виноватъ. Онъ убѣжденъ, что предводители рабочей партіи, Гэдъ, Вальянъ, Бруссъ, могли бы и должны были бы взять на себя роль посредниковъ, но они не хотятъ этого, отговариваясь тѣмъ, что экономическая борьба поглощаетъ всѣ ихъ силы, и что объ искусствѣ можно будетъ подумать впослѣдствіи. Авторъ объясняетъ себѣ это тремя причинами: 1) марксизмъ чисто матеріалистическая теорія, и недаромъ буржуазія прозвала рабочую партію «партіей животовъ»; 2) большинство вождей этой партіи психологически весьма близки къ буржуазіи и также, какъ она, питаютъ глубокое отвращеніе къ искусству, къ артистамъ, ко всякому интеллектуальному превосходству, они боятся краснорѣчія, энтузіазма, альтруизма, у нихъ боязливый культъ *факта* и *пользы*; 3) партійное тщеславіе: они знаютъ, что интеллигенты умнѣе и талантливѣе ихъ, и боятся утратить свое главенство. Странныя разсужденія, показывающія, до какой степени французскіе интеллигенты плохо разбираются въ общественныхъ явленіяхъ! Допустимъ, что всѣ обвиненія, взводимыя авторомъ на представителей рабочей партіи, справедливы, то и тогда ихъ дурныя качества ничего не объясняютъ. Прежде всего, Гэдъ, Вальянъ и ихъ друзья стоятъ во главѣ сравнительно незначительной части пролетаріата, а самъ авторъ признаетъ, что Жоресъ, Руане, Фурньеръ, имѣющіе несравненно болѣе численныхъ приверженцевъ, цѣнятъ искусство и понимаютъ его значеніе для массъ. Отчего они не могутъ устроить сближеніе артистовъ съ рабочими? Но помимо этого, развѣ народныя массы представляютъ какую-то отгороженную со всѣхъ сторонъ державу, и Гэдъ держитъ въ карманѣ ключи отъ всѣхъ воротъ? Проникновеніе искусства въ народную среду нельзя декретировать въ партійной программѣ, оно должно говорить само за себя, и никто не можетъ ему помочь пріобрѣсти власть надъ людскими сердцами, если оно не въ силахъ этого достигнуть своимъ собственнымъ обаяніемъ.

Что касается страха конкуренціи, то едва ли кому-нибудь изъ людей, знающихъ условія общественной дѣятельности, придетъ въ голову мысль, чтобы эти художники, поэты не отъ міра сего могли захватить въ свои руки партійную власть. Ихъ задача давать народной массѣ духовную пищу, а не руководить ею въ борьбѣ за матеріальныя блага: она ужъ сама научилась отстаивать свои интересы и въ опекунахъ не нуждается.

Итакъ К. Моклеръ не видитъ другого средства для внѣдренія эстетическаго вкуса въ демократіи, кромѣ протекціи ея политическихъ вождей. Другіе разсчитываютъ на благотворительность артистовъ. «Не касаясь монументальнаго искусства (le grand art), — говоритъ проф. Мюнтцъ (въ упомянутой выше статьѣ), — я предложилъ бы нашимъ художникамъ подавать иногда милостыню обездоленнымъ судьбою». Онъ имѣетъ въ виду изданіе народныхъ картинокъ, преимущественно на патріотическіе сюжеты изъ французской исторіи. Это еще болѣе фальшивая программа дѣйствія. Раздача дешеваго супа, хотя бы съ даровымъ приложеніемъ нравоучительныхъ бесѣдъ, не излѣчиваетъ общественныхъ бѣдъ и не облагораживаетъ взаимныхъ отношеній благодѣтелей и благодѣтельствуемыхъ. Неправильность постановки вопроса заключается именно въ томъ, что «популярное» искусство отдѣляется отъ «настоящаго», какъ будто эстетическое развитіе народа желательно только въ его интересахъ, а не въ интересахъ этого самаго «монументальнаго» искусства, не только матеріальныхъ, но также, даже преимущественно нравственныхъ. Искусство, хотя бы сохраняя монументальные размѣры, вырождается въ салонную забаву. «Шедевръ,— говоритъ справедливо Жоресъ,—мельчаетъ отъ того, что имъ наслаждаются только немногіе. Великое произведеніе человѣческихъ рукъ нуждается въ томъ, чтобы все человѣчество видѣло въ немъ отраженіе своей переливчатой души».

Жанъ Лагоръ (въ этюдѣ, также упомянутомъ выше) болѣе здраво смотритъ на тотъ же предметъ. Онъ не перестаетъ повторять, что «въ нашихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ того, что можно было бы назвать эстетической гигіеной, мы не должны оставлять народъ въ той безобразно некрасивой обстановкѣ, которой онъ повидимому довольствуется, а вовсе не возмущается». «Мы посвященные, служители искусства, заинтересованы въ этомъ такъ же, какъ была заинтересована церковь, хранительница въ оныя времена греко-латинской цивилизаціи, крестить и просвѣщать варваровъ, затоплявшихъ античный міръ». Сравненіе было бы правильнѣе, если бы авторъ принялъ во вниманіе тѣ зародыши новой жизни, которые были внесены этими варварами въ разлагающееся античное общество. Авторъ находится подъ яснымъ вліяніемъ В. Морриса и требуетъ, чтобы вся матеріальная среда, въ которой живутъ люди, была проникнута изяществомъ. Но

англійскій реформаторъ не мирился на полумѣрахъ: искусство, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, по его мнѣнію, должно производиться для народа руками народа. Ж. Лагоръ съ грустью отступаетъ отъ послѣдняго условія: онъ находитъ, что въ настоящее время народъ уже не можетъ быть производителемъ искусства. Поэтому нужно, чтобы артисты дали народу искусство, и «оно, быть можетъ, когда-нибудь обновитъ и освѣтитъ его существованіе, еще слишкомъ часто лишенное свѣта». Необходимо, чтобы искусство проникло всюду— въ школы, въ больницы, въ казармы, въ вокзалы желѣзныхъ дорогъ, словомъ всюду, гдѣ проходитъ или собирается народъ, а особенно въ жилище городского и деревенскаго рабочаго. Для этого нужно устроить магазины художественныхъ предметовъ, главнымъ образомъ прикладного искусства, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы по цѣнамъ эти издѣлія могли побѣдоносно конкурировать съ безобразной, но претенціозной базарной и фабричной дешевкой. Разумѣется, это легче сказать, чѣмъ провести въ жизнь. Для проведенія намѣченной программы авторъ предлагаетъ основать общество.

Таковы высказанныя въ литературѣ disiderata. Нѣкоторыя изъ нихъ не остались на бумагѣ, а вызываютъ болѣе или менѣе широкія и удачныя попытки. Прежде всего слѣдуетъ указать на широкое развитіе декоративнаго искусства, на которое во Франціи возлагались такія же надежды, какъ и въ Англіи. Результаты оказались подобными же. Въ среду обветшалаго музейнаго искусства художественная промышленность внесла несомнѣнное оживленіе. Послѣ солиднаго періода пропаганды и борьбы старое дѣленіе искусства на высшее и низшее было побѣждено, и даже заскорузлый въ своемъ академизмѣ салонъ Елисейскихъ полей отвелъ прикладному искусству широкое мѣсто въ своихъ залахъ. И надо сказать, что зритель, не совсѣмъ еще лишившійся чувства прекраснаго, когда онъ окончательно придетъ въ отчаяніе, пробѣгая на этой выставкѣ, какъ сквозь строй, между намыленными и напарфюмированными картинами на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, только тогда можетъ вздохнуть съ облегченнымъ сердцемъ, когда выберется, наконецъ на внутреннія галлереи, уставленныя витринами чудесныхъ издѣлій изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: здѣсь опять узнаешь, наконецъ неподражаемый и изобрѣтательный французскій вкусъ. Въ Парижѣ существуетъ уже цѣлый музей (Galliéra) этого такъ называемаго «новаго» искусства (хотя оно старше всякаго другого), и всякій, попавшій туда, согласится, что за любую маленкую чашечку изъ стекляной массы, работы Эмилля Галле, можно отдать десятокъ «монументальныхъ» картинъ историческаго или миѳологическаго содержанія. Но если новѣйшее декоративное искусство знаменуетъ важный шагъ въ исторіи искусства, то нельзя не сознаться, что оно такъ же мало народно, какъ севрскій и саксонскій фарфоръ

XVIII-го столѣтія. Правда, французы обязаны ему прелестными монетами въ 5 и 10 сантимовъ, которыя всякій любитель медалей съ удовольствіемъ поставитъ за стекло. Молодые мечтатели надѣются, что скоро и почтовыя марки будутъ носить художественный характеръ, но отсюда еще очень далеко до воспитанія народнаго вкуса *).

Другой, болѣе прямой путь воздѣйствія испробованъ въ такъ называемомъ «вечернемъ музеѣ», прототипомъ для котораго послужилъ также лондонскій South Kensington museum. Сущность этого проекта, близко примыкающаго къ задачамъ «народныхъ университетовъ», заключается въ томъ, чтобы предложить рабочему населенію въ вечерніе часы по возможности полную систему художественнаго образованія, уроки рисованія, черченія, лѣпки, популярные курсы по исторіи искусства, руководство въ различныхъ отрасляхъ прикладного искусства, причемъ центръ тяжести всей системы долженъ заключаться въ воспитаніи глаза на спеціально подобранныхъ коллекціяхъ образцовъ и репродукцій. Въ полномъ объемѣ этотъ проектъ впрочемъ не былъ осуществленъ,—для этого, за отсутствіемъ живого спроса со стороны широкихъ массъ, необходимы были бы жертвы англійскихъ или американскихъ милліардеровъ, а во Франціи они не склонны раскошеливаться. Но все-таки то, что можно было сдѣлать безъ капитальныхъ затратъ, было сдѣлано. Соотвѣтствующіе курсы и отдѣльныя лекціи, воскресныя экскурсіи по музеямъ подъ руководствомъ художниковъ и ученыхъ, практическое рисованіе и т. п. организуется то и дѣло различными группами и обществами. Нѣкоторые находятъ даже, что всего этого дѣлается слишкомъ много. «Всѣ мы устремляемся на этого наивнаго великана съ удивленными глазами и жадными ушами, который не знаетъ хорошенько, что отъ него хотятъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ объ этомъ очень неопредѣленное представленіе. Онъ смущенъ, это несомнѣнно. Я думаю, онъ даже немного усталъ отъ всего того, что ему кричатъ и показываютъ съ такимъ лихорадочнымъ пыломъ и усердіемъ. Его пичкаютъ конференціями, проповѣдями, чтеніями; его берутъ за руку, его заставляютъ ходить по разнымъ очень любопытнымъ «институтамъ», гдѣ наскоро развѣшано и положено подъ стекло такъ много, такъ много всякой всячины... его уговариваютъ, катехизируютъ, ему нельзя посмотрѣть ни направо, ни налѣво, ни впередъ безъ разрѣшенія. Бога ради, оставьте его въ покоѣ. Не нужно эстетическихъ лекцій, а главное не нужно «вечернихъ музеевъ». Дайте ему даровые рисунки, образцы, практическое и техническое руководство, иногда техническія лекціи, остальное онъ найдетъ самъ» **). Это не-

*) *Marius-Ary Leblond.* „Roger Marx, l'art décoratif et sa tendance social". („La Grande France", 1902, mars).

**) *Virgile Iosz* („Européen", 15 mars 1902 .

ожиданная апострофа, быть можетъ, не лишена основанія, если энтузіасты искусства хотятъ въ одинъ-два года достичь, чтобы для ихъ аудиторіи искусство стало такимъ же центральнымъ вопросомъ жизни, и если они, не умѣя передать своего энтузіазма, дѣлаютъ его немного смѣшнымъ. Но даже допустивъ, что такіе недостатки вкрадываются въ эстетическое воспитаніе народа, какъ всякое новое дѣло, воодушевленіе и нравственный подъемъ, охватившій интеллигентныхъ художниковъ, не можетъ пропасть даромъ. Зерна будутъ брошены въ давно заглохшую почву, а жизнь уже взраститъ тѣ изъ нихъ, которыя способны жить.

Вообще жизнь не считается съ добрыми намѣреніями и распоряжается ими по-своему. Такъ, напр., произошло съ молодымъ обществомъ подъ многообѣщающимъ именемъ «Искусство для всѣхъ». Эта вывѣска ясно выражаетъ его первоначальную цѣль. Фактически оно сдѣлалось союзомъ молодыхъ художниковъ, которые рѣшили поддерживать другъ въ другѣ инстинкты общественности, а главное желаютъ пополнить свое художественное образованіе и сознательно оріентироваться во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ искусствомъ. Другое интересное молодое общество «Collége d'esthètique moderne», съ которымъ намъ удалось ближе познакомиться, ставитъ себѣ также весьма широкую программу и самыя возвышенныя и отдаленныя цѣли. Артистъ, какъ и каждый человѣкъ, долженъ исполнять свой общественный долгъ, но для этого ему нельзя ограничиться отрывочными политическими функціями—подать голосъ, записаться въ лигу, подписать протестъ: «не побочными дѣйствіями, не случайными и мимолетными манифестаціями поэтъ (въ общемъ смыслѣ) воздѣйствуетъ на современность и содѣйствуетъ соціальному прогрессу, а только своею художественною дѣятельностью... Поэтъ—скульпторъ людей». Разумѣется, авторъ этихъ словъ (М. Леблонъ) былъ бы глубоко возмущенъ, если бы кто-нибудь понялъ его въ томъ смыслѣ, что онъ навязываетъ артисту общественныя тенденціи, какъ это слово понималось у насъ въ 60-хъ годахъ. Напротивъ, художникъ призывается къ величайшей свободѣ, къ эмансипаціи отъ рабства вкусамъ ограниченнаго класса: въ полной свободѣ творчества его достоинство и его соціальная роль. «Фидій такой же законодатель, какъ Солонъ или Моисей». Наполнить красотой жизнь во всѣхъ ея закоулкахъ, освѣтить и освятить всякую людскую дѣятельность, даже самую низкую, элементомъ искусство—такова должна быть задача истиннаго художника, такова цѣль названнаго общества, по словамъ другого иниціатора его (Сенъ-Жоржъ де-Буэлье). Лучшіе представители литературнаго, художественнаго и политическаго міра сочувственно вступили въ учредительный комитетъ (comité de patronage), а молодые организаторы общества горячо работаютъ для его преуспѣванія. Однако, можетъ быть, отъ слишкомъ необъятныхъ

размѣровъ поставленной задачи, не всѣ части программы могутъ одинаково успѣшно проводиться. Въ маленькой квартирѣ общества происходятъ весьма интересныя конференціи (мы не разъ уже имѣли случай ссылаться на нихъ), устраиваются небольшія, но чрезвычайно цѣнныя выставки молодыхъ, талантливыхъ артистовъ, члены имѣютъ возможность извлекать изъ общества всѣ выгоды, какія представляетъ товарищеская организація, основанная на принципѣ прогресса и совмѣстной дѣятельности. Но самая многообѣщающая сторона программы—пропаганда и распространеніе красоты въ средѣ, которая до сихъ поръ была лишена ея, практически еще почти что не затронута, конечно, потому, что это самая трудная сторона задачи. Впрочемъ, общество существуетъ еще неполныхъ два года и имѣетъ всѣ шансы развитія. Въ цѣляхъ популяризаціи искусства имѣется въ виду предпринимать спеціальныя экскурсіи въ деревни, организовать народныя празднества художественнаго характера, давать народу истинно художественныя произведенія, напр., воздвигая скульптурные фонтаны, украшая общественныя зданія и т. п.

Для полноты слѣдуетъ указать еще на попытку (кажется, единственную пока) организовать дешевую продажу художественныхъ издѣлій. Въ одномъ изъ переулковъ Латинскаго квартала пріютилась маленькая лавочка (la maison de l'effort) гдѣ за самую ничтожную цѣну (начиная отъ *одного франка*) можно пріобрѣсти литографіи Стейнлена и Анри Ривьера, керамическія издѣлія Биго, тисненныя кожаныя издѣлія Александра Шарпантье, мебель, обои изящнаго стиля и т. п. Торговля эта основана, конечно, не на коммерческомъ разсчетѣ, а на чисто идейной подкладкѣ. Это именно и заставляетъ бояться за ея будущность. Отсутствіе организаціоннаго капитала замѣтно на первый взглядъ: выборъ предметовъ чрезвычайно ограниченъ, это, очевидно, пожертвованныя авторами произведенія; при этомъ они въ большинствѣ случаевъ обладаютъ какимъ-нибудь изъяномъ, не уничтожающимъ ихъ художественнаго характера, но не позволяющимъ пустить ихъ въ обычную продажу. Впрочемъ, и это начинаніе еще слишкомъ молодо, чтобы можно было предсказать что-нибудь опредѣленное относительно его будущаго.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ замѣтны попытки въ одномъ и томъ же направленіи. Всѣ онѣ носятъ характеръ не окрѣпшихъ еще растеній, и кто знаетъ, сколькимъ изъ нихъ суждено погибнуть или измѣнить свой основной характеръ. Но самая одновременность ихъ появленія, а также все усиливающаяся литературная кампанія въ пользу ихъ цѣлей достаточно свидѣтельствуютъ объ органическомъ ихъ происхожденіи и соотвѣтствіи ихъ запросамъ времени. Первые шаги во всѣхъ движеніяхъ были связаны съ неудачами и разочарованіями, «но нужно всегда бороться такъ, какъ будто предстоитъ побѣда,—гово

ритъ Лагоръ,—бороться упорно и не взирая ни на что, по примѣру бойцовъ Трансвааля, этихъ великолѣпныхъ учителей энергіи».

VI.

Таковы усилія французскаго общества завоевать для искусства широкую массу цѣнителей. Но самое искусство, какъ всегда, шло впереди принципіальныхъ программъ, и давно уже замѣчаются разрозненныя попытки освободиться отъ гнета узкаго круга, имѣющаго претензію быть «свѣтомъ». Первымъ бунтомъ противъ этого самодовольнаго и пошлаго властелина въ пластикѣ были рисунки Домье (1808—1879). Съ уничтожающимъ сарказмомъ выводилъ онъ къ позорному столбу глупость, лицемѣріе, жадность и самомнѣніе буржуазіи. Это болѣе, чѣмъ веселая французская насмѣшка, какъ она воплощена, напр., въ чудныхъ шаржахъ его современника Гаварни. Безпощадная ненависть Домье имѣетъ что-то мефистофельское и напоминаетъ Вольтера. Онъ не желаетъ нравиться, онъ совершенно отказался отъ технической каллиграфіи, которую такъ любила и до сихъ поръ любитъ «порядочная» публика. Его угловатые, рѣзкіе контуры, рѣшительно набросанныя свѣтовыя и тѣневыя пятна безъ смягчающихъ полутоновъ, также какъ самое содержаніе его композицій, прекрасно выражаютъ презрѣніе къ тому, что о немъ могутъ подумать.

C'est un satirique, un moqueur;
Mais l' énergie avec laquelle
Il peint le mal et sa sequelle
Prouve la beauté de son coeur *).
(Baudelaire)

За нимъ идетъ Курбе (1819—1877). Онъ также безпощаденъ въ своей сатирѣ, такъ что нѣкоторыя его картины («Retour de la conférence») не допускаются на выставку не изъ эстетическихъ соображеній, подобно многимъ другимъ его произведеніямъ, а «какъ оскорбительныя для нравственности». Но онъ уже не довольствуется сатирой на господствующіе классы, а ищетъ внѣ ихъ новаго міра. Онъ становится художникомъ народнаго горя и твердо вѣритъ въ то, что народъ его пойметъ. Ему первому принадлежитъ формула, ставшая впослѣдствіи чуть не аксіомой: «реализмъ по самому существу есть демократическое искусство». Ему мелькала мысль, которая была осуществлена не имъ, украсить общественныя зданія (вокзалы) декоративною живо-

*) Онъ сатирикъ и насмѣшникъ; но энергія, съ которой онъ изображаетъ зло и всѣхъ его присныхъ, доказываетъ его прекрасное сердце.

писью. Но талантъ Курбе былъ слишкомъ порывистый, невыдержанный, чтобы онъ могъ привести въ ясность свои революціонныя тенденціи. Главною цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ, было изводить буржуазную публику и доказывать міру свою геніальность. Вслѣдствіе полнаго отсутствія внутренней дисциплины, его творчество постоянно колебалось между крайностями: рядомъ съ порывами могучей самобытности, которая впрочемъ всегда оставалась рудиментарною и неотесанною, онъ неожиданно впадалъ вдругъ въ банальнѣйшую бездарность, которая отталкиваетъ еще болше, вслѣдствіе очевидной претенціозности и самодовольства. Онъ носилъ слишкомъ неизгладимый отпечатокъ богемы, чтобы быть близкимъ народу.

Рядомъ съ нимъ и совершенно независимо отъ него развился болѣе гармоническій и не менѣе самобытный талантъ, подошедшій гораздо ближе къ идеалу художника-демократа. Мы уже не разъ упоминали о немъ: это Милле (1814—1875). Совершенная противоположность Курбе по скромности, онъ ставилъ своему творчеству гораздо болѣе высокія задачи, чѣмъ собственное тщеславіе. Въ пониманіи жизни онъ сохранялъ скорбное смиреніе крестьянина, живущаго всю жизнь подъ гнетомъ людей и стихій. «Я признаюсь вамъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—рискуя опять прослыть за соціалиста, что въ искусствѣ меня трогаетъ болѣе всего человѣчная сторона, и если бы я могъ дѣлать то, что нравится, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать къ этому попытку, я бы не изображалъ ничего, что не было бы результатомъ впечатлѣнія отъ живой природы, будь то пейзажъ или фигуры». Это намекъ на критиковъ, которые, стоя на точкѣ зрѣнія Курбе, причисляли и Милле къ соціалистамъ, потому что онъ былъ реалистъ въ живописи. «Мнѣ никогда не бросается въ глаза радостная сторона (природы); я не знаю, гдѣ ее искать, я ее никогда не видѣлъ. Самое радостное, что мнѣ извѣстно, это тишина, безмолвіе, которымъ такъ чудно наслаждаться въ лѣсу или въ воздѣланныхъ мѣстахъ, хотя бы они не всегда были годны для этого... Вы сидите подъ деревьями, испытывая благодушіе и покой, какой только можно испытать; но вотъ на тропинкѣ показывается жалкая фигура, нагруженная вязанкой. Всегда неожиданная и поражающая воображеніе форма этой фигуры моментально переноситъ вашу мысль къ печальному условію человѣческой жизни—усталости.

«...Въ воздѣланныхъ мѣстахъ, хотя иногда трудно воздѣлываемыхъ, вы видите, какъ какія-то фигуры копаютъ заступомъ, мотыкой. Время отъ времени вы видите, какъ одна изъ этихъ фигуръ выпрямляется и вытираетъ лобъ изнанкой ладони. Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ твой! Это ли та веселая, шутливая работа, въ которую нѣкоторые хотѣли бы заставить насъ вѣрить? Но именно въ этомъ заключается для меня истинная человѣчность, великая поэзія». «Я не философъ,—пишетъ онъ въ другой разъ,—я не хочу подавлять скорбь, не хочу

найти формулу, которая бы дала мнѣ стоицизмъ и равнодушіе. Скорбь придаетъ, быть можетъ, артистамъ наиболѣе сильную выразительность». «Нѣкоторые говорятъ мнѣ, будто я отрицаю прелесть деревни; я вижу въ ней гораздо болѣе, чѣмъ прелести,—безконечное великолѣпіе. Не хуже ихъ я вижу цвѣточки, о которыхъ Христосъ сказалъ: «Говорю вамъ, что Соломонъ во славѣ своей не былъ одѣтъ такъ, какъ любой изъ нихъ». Я очень хорошо вижу ореолы одуванчиковъ, я вижу, какое лучезарное сіяніе разливаетъ солнце тамъ, далеко за предѣлами земли, въ облакахъ. Но отъ этого я не хуже вижу на нивѣ пашущихъ лошадей, отъ которыхъ идетъ паръ, затѣмъ въ какомъ-нибудь скалистомъ уголкѣ тяжело дышащаго человѣка; съ утра слышны были его понуканія, теперь онъ старается выпрямиться, чтобы передохнуть. Драма окутана великолѣпіемъ,—это не моя выдумка, и давно уже сложилось выраженіе: стонъ земли...» *).

Въ этихъ простыхъ и искреннихъ признаніяхъ, все сбивающихся на оправданія, весь нравственный обликъ и все искусство Милле. Французская живопись можетъ указать не мало художниковъ, которые превосходятъ его талантомъ въ области красокъ, но ни у кого, кромѣ развѣ Пювисъ-де-Шаванна, благородная душа не выражалась такъ полно въ ихъ творчествѣ, ни для кого искусство не было въ такой мѣрѣ соціальнымъ долгомъ. При этомъ онъ не пропагандистъ, не зажигатель, а только исключительно художникъ: онъ ничего не доказываетъ, ничего не требуетъ, даже никого не винитъ, а только изображаетъ, потому что чувствуетъ потребность дать пластическую форму своему чувству. И зритель тѣмъ охотнѣе заражается чувствомъ художника, что послѣдній не навязываетъ ему никакихъ выводовъ, никакихъ идейныхъ ассоціацій,—они принадлежатъ уже самому зрителю. Милле настолько человѣкъ реальной жизни, что его интересуетъ не техническая трудность передачи изображаемаго явленія, а явленіе само по себѣ, но при этомъ онъ настолько художникъ, что въ явленіи его интересуетъ больше всего его пластическая форма. Такимъ образомъ, его произведенія, если бы они были собраны въ значительномъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ, могли бы служить прекрасной эстетической школой для демократіи. Къ сожалѣнію, такой коллекціи, доступной публикѣ, нѣтъ: большинство его картинъ и рисунковъ разбросано по одиночкѣ или небольшими группами въ частныхъ рукахъ, такъ что значеніе его для французскаго народа почти пропадаетъ.

Милле былъ самостоятеленъ и одинокъ въ своемъ пониманіи отношеній между жизнью и искусствомъ, только въ преклоненіи передъ необъятною красотою природы отчасти примыкая къ современной ему школѣ великихъ французскихъ пейзажистовъ. Но такого органическаго сліянія съ народной жизнью нельзя указать ни у предшествен-

*) *Alfred Sensier* „La vie et l'oeuvre de J.-F. Millet", p. 1881.

никовъ, ни у послѣдователей Милле. Достойно быть отмѣченнымъ, впрочемъ, одно исключеніе. Недавно «Collège d'esthétique moderne» собрало полсотни картинъ и пастелей мало извѣстнаго художника Константэна Леру, который какъ по образу жизни, такъ и по направленію таланта представляетъ любопытную аналогію съ Милле. Онъ не подражатель великаго учителя. Его техника вполнѣ оригинальна, выработана на изученіи природы и, надо прибавить, достигаетъ высокихъ ступеней совершенства. Но не удивительно ли видѣть французскаго художника, прирожденнаго парижанина, который, подобно Милле, задыхается въ этомъ центрѣ культуры и искусства и бѣжитъ отъ салоновъ, премій, орденовъ, интригъ, рекламъ и ресторанной жизни въ тихую, никому невѣдомую, нормандскую деревню на берегу моря? Здѣсь онъ живетъ уже много лѣтъ въ полной матеріальной и духовной близости съ трудящимся людомъ, не переставая работать надъ любимымъ искусствомъ. И оно, также какъ у Милле, отражаетъ только окружающую жизнь,—жизнь природы въ чудныхъ поэтическихъ пейзажахъ, и жизнь людей въ сценахъ труда и домашнихъ заботъ. Также какъ у Милле, у Леру нѣтъ ни тѣни сентиментальной идеализаціи, какъ въ «пейзанахъ» Грёза, никакихъ революціонныхъ угрозъ и подчеркиваній, какъ у Курбе. И кто знаетъ? Быть можетъ, онъ не одинъ; быть можетъ, по разнымъ захолустьямъ Франціи уже не мало такихъ безвѣстныхъ тружениковъ, которые лучше всякихъ конференцій подготовляютъ демократизацію искусства.

Но если прирожденный демократизмъ Милле не могъ найти широкаго распространенія, то, помимо его вліянія, интересъ къ народной жизни довольно сильно чувствуется во французскомъ искусствѣ послѣдней четверти вѣка. При этомъ художники исходили изъ совершенно другого чувства: они открыли красоту мускульной работы, какъ пластическаго мотива. Принципъ классической эстетики требовалъ свободнаго движенія безъ усилія. Эта необходимая грація понемногу привела къ тому, что пластическимъ идеаломъ, особенно въ скульптурѣ, стала танцовщица, которая при самыхъ смѣлыхъ антраша не теряетъ обворожительной улыбки. Реакція этой изнѣженности была необходима. «Сколько разъ,—говорилъ недавно умершій (въ апрѣлѣ 1902) скульпторъ Жюль Далу, — я видѣлъ лицомъ къ лицу рабочихъ въ холщевой рабочей блузѣ (bourgeron), съ засученными рукавами, съ разстегнутымъ воротомъ и разстрепанными волосами. Я не знаю ничего прекраснѣе. И я не могъ противостоять искушенію дѣлать съ нихъ наброски». Сначала всѣмъ казалось смѣшно тратить на эти неуклюжія, угловатыя фигуры драгоцѣнный мраморъ, самою природою, казалось, предназначенный для боговъ и героевъ. Теперь фигура кузнеца съ обнаженною жилистою шеей и напряженнымъ бицепсомъ рискуетъ стать въ свою очередь академическимъ образцомъ. Но на своемъ пути отъ смѣлаго новшества до шаблона это направленіе сдѣлало свое дѣло.

художникамъ открылся цѣлый міръ, богатѣйшій рудникъ художественныхъ мотивовъ и источникъ новыхъ общественныхъ настроеній. Лермитъ, Бастіенъ-Лепажъ и др. въ своихъ картинахъ обнаружили серьезныя наблюденія крестьянской психологіи, а изъ скульпторовъ Конст. Менье (бельгіецъ) всецѣло посвятилъ свое искусство драматической жизни рудокоповъ и создалъ въ этой области группы необыкновенной силы.

Еще одинъ мотивъ интереса въ низшимъ классамъ, также чисто художественнаго характера, есть любовь артистовъ къ парижской уличной жизни. Парижская «улица» дѣйствительно представляетъ нѣчто совершенно исключительное, и неудивительно, что ее воспѣвали столько поэтовъ, начиная съ В. Гюго, кончая Аристидомъ Брюаномъ, какъ воспѣваютъ свою возлюбленную. Послѣ Парижа всякая уличная толпа другого большого города кажется мертвой. Въ Берлинѣ, въ Петербургѣ люди выходятъ на улицу только за тѣмъ, чтобы попасть изъ одного дома въ другой, и всякій старается сократить этотъ досадный перерывъ въ жизни. Есть, конечно, категорія публики, которая фланируетъ по Морской отъ 3—5, но на эту публику смотрѣть скучно,—такая она сонная и безличная. Парижъ на улицѣ живетъ.

T'es dans la ru', va, t'es chez toi.

«Ты на улицѣ, стало быть дома», и это сознаніе имѣютъ люди всѣхъ ранговъ и классовъ. Никто не стѣсняется проявлять свою индивидуальность. Выпачканный штукатуръ не крадется вдоль стѣнки со сконфуженнымъ видомъ, считая себя нарушающимъ благообразіе общественнаго мѣста; любой санкюлотъ сядетъ рядомъ съ джентльменомъ въ Люксенбургскомъ саду не изъ нахальства, а съ спокойнымъ сознаніемъ своего достоинства парижскаго гражданина,—это нѣчто вродѣ civis romanus: свои наблюденія люди не прячутъ про себя, а сообщаютъ сосѣду. Когда группа студентовъ или рабочихъ запоетъ пѣсню, это никому не кажется нарушеніемъ тишины и порядка. Всякій говоритъ полнымъ голосомъ и принимаетъ ту позу, которая соотвѣтствуетъ его настроенію. Замѣчанія и остроты слышатся на каждомъ шагу. Женщины нисколько не конфузливѣе мужчинъ: онѣ идутъ свободной походкой дѣловыхъ людей и не имѣютъ вида, будто вотъ-вотъ ожидаютъ какой-нибудь непріятности; нахальное замѣчаніе или непрошенная любезность не заставитъ ихъ покраснѣть и растеряться: онѣ сумѣютъ отбрить самаго назойливаго ловеласа.

Понятно, что для наблюдательнаго художника такая толпа представляетъ калейдоскопъ картинъ. Типы, группы, движеніе, позы, комическіе и драматическіе сюжеты — все это смѣняется непрерывнымъ потокомъ. Художниковъ парижской толпы очень много. На улицѣ родился импрессіонизмъ Мане (1832—1883): какъ не сдѣлаться импрессіонистомъ, если хочешь уловить хоть частицу всѣхъ мелькающихъ передъ глазами живописныхъ мотивовъ? Здѣсь развился талантъ цѣ-

лаго ряда современныхъ художниковъ-иллюстраторовъ *). Мы укажемъ только на одного Стейнлена, швейцарца по происхожденію, давно акклиматизовавшагося въ Парижѣ. «Съ первыхъ дней, — говоритъ онъ,—меня плѣнилъ этотъ уличный міръ, рабочіе и магазинные мальчики, прачки и нищіе, публичныя женщины и жулики. Еслибы, вмѣсто того, чтобы поселиться на Монмартрѣ (одинъ изъ наиболѣе демократическихъ кварталовъ Парижа), я попалъ въ районъ большихъ бульваровъ, я можетъ быть попробовалъ бы рисовать гладкихъ буржуа, разбогатѣвшихъ выскочекъ или милліонеровъ... да и то! Богатаго неинтересно изучать. Онъ въ общемъ всюду одинъ и тотъ же—въ Парижѣ, въ Нью-Іоркѣ или въ Петербургѣ. Народъ гораздо любопытнѣе. Да къ тому же мой темпераментъ привлекалъ меня къ меньшей братіи которая меня очень интересуетъ. Замѣчали ли вы также, что въ Парижѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, сохранилась традиція профессіональнаго костюма. Плотникъ всегда одѣтъ плотникомъ, его можно узнать по внѣшности, также какъ жестянника, каменьщика и другихъ»... Всѣ эти разновидности и сотни подобныхъ имъ Стейнленъ закрѣпилъ навѣки въ мастерскихъ наброскахъ, въ которыхъ ни на грошъ нѣтъ академической гладкости и законченности, но зато жизнь такъ и бьетъ ключомъ. Онъ не старается подогнать своихъ персонажей къ формамъ античной скульптуры, онъ даже чуть-чуть стилизируетъ ординарность курносыхъ модистокъ, неуклюжесть усталыхъ рабочихъ, тупость толстыхъ завсегдатаевъ дешевыхъ ресторановъ и жалкое безобразіе сиренъ демократическихъ бульваровъ. Они носятъ на себѣ явные слѣды всѣхъ бичей соціальной жизни, но художникъ любитъ этихъ людей именно потому, что они некрасивы, измучены и жалки, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизнерадостны, увѣрены въ себѣ и задорно бросаютъ вызовъ всѣмъ, кто бы захотѣлъ взглянуть на нихъ свысока.

Таковы элементы демократическаго искусства во Франціи, демократическаго по сюжетамъ и направленію своихъ интересовъ. Можно ли, однако сказать, что это искусство будущаго, того будущаго, когда демократія перестанетъ уже быть объектомъ этнографическаго изученія со стороны интеллигентовъ, а пріобрѣтаетъ моральную силу культурныхъ потребителей искусства? Конечно, и теперь нѣкоторые художники этого направленія, особенно писатели пользуются симпатіей извѣстной части культурныхъ массъ, но едва ли можно сомнѣваться, что послѣднія цѣнятъ въ ихъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ, матеріальное содержаніе, а эстетическая сторона доступна только интеллигентамъ. Иначе говоря, это не народное, а народническое искусство, разсказъ

*) Такъ какъ у насъ этотъ жанръ совсѣмъ не развитъ, то мы должны предупредить читателя, что художники, о которыхъ мы говоримъ, не имѣютъ ничего общаго съ бездарными поденщиками нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ.

о народѣ для интеллигенціи. Придетъ время, когда оно сохранитъ лишь историческій интересъ. Слѣдуетъ внимательно оглянуться, нѣтъ ли и такихъ произведеній, интересъ къ которымъ не коренился бы въ классовомъ раздѣленіи общества, нѣтъ ли художниковъ, которые говорятъ чувству всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ говорить всѣмъ, когда масса достигнетъ извѣстнаго культурнаго уровня. Намъ кажется, что такіе художники въ видѣ одинокихъ исключеній существуютъ.

Имя Пювисъ-де-Шаванна (1824—1898) намъ приходилось уже не разъ упоминать. Онъ въ своихъ картинахъ никогда не касался соціальныхъ проблемъ; персонажи его въ большинствѣ случаевъ представляютъ просто людей въ тѣхъ чертахъ, которыя общи всѣмъ классамъ и даже почти всѣмъ временамъ. Но при этомъ онъ твердо настаивалъ на соціальной роли искусства и своего искусства въ частности. Онъ мечталъ о томъ синтезѣ пластическихъ искусствъ, за который В. Моррисъ одновременно съ нимъ ратовалъ въ Англіи, который когда-то осуществляли прерафаэлиты въ Италіи, который пытался осуществить въ другой области искусствъ Р. Вагнеръ.

Въ наше время все самое лучшее по возможности сносится въ музеи, гдѣ очень удобно изучать искусство, но гдѣ оно далеко не вызываетъ всей суммы радостныхъ эмоцій, на какую оно способно. Каждое художественное произведеніе, въ которое авторъ вложилъ столько упорной внутренней работы (только о такихъ и стоитъ говорить), требуетъ отъ зрителя, чтобы онъ на время сосредоточился на немъ всецѣло, чтобы онъ хоть отчасти возсоздалъ въ своей душѣ психическій процессъ, приведшій художника къ данной формѣ. Каждый художникъ, каждая картина требуетъ извѣстнаго психическаго состоянія, и никто не въ силахъ перестраивать себя сотни и тысячи разъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Возьмемъ одинъ только примѣръ. Посѣтитель Лувра останавливается передъ знаменитой картиной Делакруа, изображающей баррикады 1830 года. Теперь, а въ особенности для иностранца, эта картина можетъ казаться нѣсколько черезчуръ эффектною съ аллегорической фигурой свободы впереди сражающихся, но не трудно себѣ представить, что въ умѣ француза передъ нею понемногу всплываютъ реминисценціи тѣхъ знаменательныхъ дней и онъ ясно представляетъ себѣ, если и не переживаетъ горячій энтузіазмъ молодежи 30-хъ годовъ, къ которой принадлежалъ Делакруа. Рядомъ съ нею (не знаемъ, умышленно ли) повѣшенъ одинъ изъ лучшихъ пейзажей Коро, весь полный жемчужнымъ воздухомъ ранняго утра и счастливымъ настроеніемъ сліянія съ природой. Какую виртуозность въ управленіи своими чувствами нужно развить въ себѣ, чтобы послѣ революціоннаго энтузіазма почувствовать поэзію тихаго уголка на берегу озера, или обратно—послѣ идилліи на лонѣ природы не почувствовать ужаса и отвращенія передъ кровавыми дѣлами рукъ человѣческихъ! И каждый по опыту знаетъ, что онъ больше всего выноситъ

изъ посѣщенія картинной галлереи тогда, когда входитъ въ нее съ спеціальною цѣлью увидѣть одну любимую картину или одного художника, который больше подходитъ къ его душевному состоянію въ данный моментъ, а посѣтитель, «осматривающій» музей, полный величайшими сокровищами искусства, скользитъ равнодушнымъ взоромъ по сотнямъ картинъ, изъ которыхъ каждая при извѣстныхъ условіяхъ могла бы дать ему часъ глубокихъ эстетическихъ эмоцій.

Другое печальное для общества послѣдствіе нынѣшней формы художественнаго производства заключается въ томъ, что произведенія искусства, картины, статуи, созданныя какъ нѣчто цѣльное и законченное въ себѣ, получаютъ слишкомъ характеръ движимости, которую всякій богатый «любитель» можетъ спрятать, иногда на цѣлые вѣка, въ свой сундукъ или въ свой кабинетъ. Такимъ образомъ большинство геніальнѣйшихъ произведеній новаго времени испытываютъ участь памятниковъ разрушенныхъ культуръ: извѣстно, что они существовали, извѣстно, что они были прекрасны, извѣстно даже какой они имѣли видъ, но они погибли отъ войны, землетрясенія или частновладѣльческихъ правъ. Ни одинъ писатель не согласился бы продать свою рукопись за какую бы то ни было цѣну, если бы ей предстояло только прибавить одинъ номеръ къ коллекціи автографовъ г. Х. и У. Но художники не видятъ ничего страннаго въ томъ, чтобы рождать прекрасныхъ дѣтей и отдавать ихъ въ жерву Минотавру. Пювисъ-де-Шаваннъ, какъ и В. Моррисъ, находилъ эту роль недостойною искусства. Послѣдній предлагалъ, а первый проводилъ въ жизнь реформу, которая возвращала искусству его прежній характеръ народнаго достоянія. Единственною цѣлью живописи, по мнѣнію Пювисъ-де-Шаванна, должно быть «оживленіе стѣнъ» общественныхъ зданій. «Внѣ этого никогда не слѣдовало бы писать картинъ больше, чѣмъ въ ладонь *). Такимъ образомъ живопись, правда, должна отказаться отъ роли самодовлѣющаго искусства и тщательно согласоваться съ архитектурой, стать въ рядъ другихъ «декоративныхъ» искусствъ и входить со всѣми ими въ союзъ для удесятереннаго совмѣстнаго воздѣйствія на душу зрителя. Такой «синтезъ» пластическихъ искусствъ, знакомый всѣмъ великимъ художественнымъ эпохамъ, парализовалъ бы оба неблагопріятныхъ условія современнаго состоянія: общество не теряло бы столько источниковъ художественныхъ радостей, и каждое художественное произведеніе было бы окружено средой, которая бы не убивала, а увеличивала интенсивность его дѣйствія. Исходя изъ подобныхъ идей, Пювисъ-де-Шаванъ былъ всегда глубоко несчастливъ, когда ему приходилось писать «комнатныя» картины за отсутствіемъ заказовъ на стѣнную живопись, и съ юношескимъ пыломъ отдавался трудной и сложной работѣ, когда ему удавалось заполучить такой за-

*) *Marius Vachon.* „Puvis-de-Chavannes“, P. 1895.

казъ. Не его вина конечно, что архитектурные памятники, которые ему приходилось декорировать, далеко не всегда имѣли достаточно художественный характеръ, что другіе художники, работавшіе рядомъ съ нимъ, совершенно не желали сообразоваться съ общимъ смысломъ художественной задачи. Самымъ разительнымъ примѣромъ такой дисгармоніи можетъ служить парижскій Пантеонъ, заключающій лучшія работы Пювисъ-де-Шаванна—циклъ картинъ изъ жизни св. Женевьевы, покровительницы Парижа. Самое зданіе, очень внушительное по размѣрамъ и довольно благопріятное въ смыслѣ освѣщенія, по архитектурному стилю представляетъ обычную всѣмъ новѣйшимъ монументальнымъ постройкамъ подражательную банальность. Имѣя вполнѣ гражданское назначеніе—служить мѣстомъ погребенія величайшихъ людей Франціи—оно почему-то имѣетъ внѣшность церкви съ крестообразнымъ планомъ. По казенному виду, его можно было бы сравнить съ храмомъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Но еще хуже, что исполненіе стѣнныхъ картинъ внутри зданія, наряду съ Пювисомъ, было поручено нѣсколькимъ академическимъ бездарностямъ, которые и оказались вполнѣ на высотѣ своей скверной репутаціи. «Плевать мнѣ на стѣну!—говорилъ одинъ изъ нихъ.—Я буду писать въ своей обычной манерѣ».—«Если онъ плюетъ на стѣну, то стѣна его выплюнетъ», возражалъ на это Пювисъ-де-Шаванъ. И дѣйствительно, въ сосѣдствѣ съ послѣднимъ, невозможно смотрѣть безъ негодованія на черныя и коричневыя дыры, которыми они росписали отведенныя имъ стѣны, на холодно театральной академизмъ ихъ композицій и на полное отсутствіе у нихъ художественныхъ идей *).

Пювисъ-де-Шаванъ выработалъ себѣ совершенно своеобразный стиль въ зависимости отъ условій и задачъ стѣнной живописи. Вниманіе зрителя не должно разбиваться мелкими деталями, поэтому композиція должна заключать возможно болѣе простыя формы, необходимыя для выраженія идеи художника. Археологическія подробности обстановки данной эпохи, характеристика каждаго лица и возможное усиленіе его экспрессіи, словомъ весь ненужный хламъ академическихъ традицій онъ изгоняетъ окончательно: все это можетъ интересовать «знатоковъ», а зритель, для котораго работалъ Пювисъ, цѣнитъ только ясность, простоту и искренность художника. То же самое въ колоритѣ: не нужно гоняться за передачей всѣхъ цвѣтовыхъ пятенъ, какъ бы они ни были интересны сами по себѣ, потому что это пестритъ и темнитъ общій тонъ; не нужно рѣзкихъ контрастовъ свѣтовъ и тѣней, которыхъ нѣтъ въ природѣ на открытомъ воздухѣ. Картина должна состоять изъ немногихъ свѣтлыхъ и гармоничныхъ цвѣтовыхъ массъ, чтобы глазъ зрителя чувствовалъ радостное успокоеніе, независимо отъ

*) Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать для нѣсколькихъ композицій Эмбера (Imbert), которыя не рѣжутъ глазъ даже въ сравненіи съ Пювисомъ.

содержанія композиціи. Любимые цвѣта Пювиса—бѣлый, голубой, фіолетовый. Но техника Пювиса не есть результатъ умышленнаго опрощенія изъ педагогическихъ соображеній. Художникъ самъ видитъ въ природѣ ея основныя формы, ту схему линій и цвѣтовъ, на которой всѣ остальныя подробности развиваются, какъ мелкія варіаціи. Это тѣ основныя качества, которыя подмѣчаетъ въ природѣ народная психологія и выражаетъ въ неизмѣнныхъ эпитетахъ своей поэтической рѣчи. У Гомера заря всегда «розоперстая», какъ въ русской народной пѣснѣ солнце красное, мѣсяцъ ясный или серебряный, а горы синія, какъ небо и море. Чтобы видѣть предметы въ такихъ общихъ очертаніяхъ, нужно смотрѣть на нихъ съ извѣстнаго отдаленія. Также издали или съ высоты смотритъ художникъ на жизнь человѣческую. Это не значитъ, что онъ презираетъ ее, какъ другіе «олимпійцы» и «парнассцы»; напротивъ, это позволяетъ ему игнорировать все ничтожное и преходящее и видѣть только одну вѣчную поэзію жизни, изъ-за которой только и стоитъ ею дорожить. Поэзія здороваго труда на пользу семьи («Времена года» въ парижскомъ Hôtel de ville), поэзія любви къ родинѣ и самопожертвованія за нее («Ludus pro patria» и «Карлъ Мартеллъ» въ Марселѣ), поэзія чистаго мышленія и исканія истины (живопись въ главной аудиторіи Сорбонны) и поэзія дѣятельной любви къ ближнему (циклъ св. Женевьевы въ Пантеонѣ) таковы картины, которыя Пювисъ-де-Шаванъ видитъ сквозь густой туманъ обманчивыхъ видимостей, затемняющихъ истинное содержаніе жизни человѣчества. Это тотъ идеализмъ, котораго во всѣ вѣка искали народы въ искусствѣ, т.-е. художественная форма того идеала, который грезится имъ то въ миѳологическомъ золотомъ вѣкѣ, то въ утопическихъ и манящихъ воздушныхъ замкахъ «грядущаго града». Этотъ идеализмъ открываетъ искусству Пювисъ-де-Шавана далекія перспективы истинной популярности.

Пювисъ представляетъ самое крупное, но не единственное исключеніе среди общаго уровня французскаго искусства, разсчитаннаго или на грубый вкусъ платящаго кошелька, или на платоническое сочувствіе интеллигентныхъ избранниковъ. Мы не беремъ на себя задачи указать всѣхъ артистовъ, которые перешагнули за заколдованный кругъ классовыхъ и сектантскихъ предразсудковъ. Остановимся только на одномъ, который кажется намъ заслуживающимъ исключительнаго вниманія, какъ по высотѣ своего художественнаго таланта, такъ и по соціальному значенію своего искусства. Эженъ Карьеръ (род. въ 1849 г.) также, какъ Пювисъ и всѣ величайшіе художники (Делакруа, Курбе, Милле, Роденъ и Альберъ Бенаръ) ничего не получилъ отъ своихъ учителей и всего достигъ самостоятельнымъ трудомъ; такъ же, какъ большинство изъ нихъ, онъ нескоро дождался успѣха: фортуна, вовсе не такая слѣпая, какъ о ней кричитъ молва, дала ему съ избыткомъ время укрѣпить свой талантъ и характеръ въ долгіе тяжелые годы

безвѣстнаго существованія настоящаго интеллигентнаго пролетарія и повернулась къ нему лицомъ лишь тогда, когда онъ былъ готовымъ человѣкомъ и художникомъ, когда онъ больше не подвергался опасности пострадать отъ избытка ея любезности. А школу жизни онъ прошелъ дѣйствительно долгую и тяжелую *), и единственно, что вносило въ его темную жизнь свѣтъ и надежду,—это любовь къ искусству и примитивная поэзія семейнаго очага. Въ тотъ періодъ, когда ему не на что было нанимать натурщиковъ, онъ много разъ дѣлалъ этюды своей жены и дѣтей въ не особенно блестящемъ освѣщеніи семейной лампы. Съ тѣхъ поръ материнская и дѣтская психологія во всевозможныхъ комбинаціяхъ и группахъ осталась любимою темою его картинъ; съ тѣхъ же поръ онъ полюбилъ темные фоны маленькихъ городскихъ квартиръ, въ густой атмосферѣ которыхъ глазъ тонетъ, какъ въ коричневой водѣ пруда, и даже человѣческія фигуры на первомъ планѣ обозначаются въ видѣ блѣдныхъ пятенъ лица и рукъ безъ ясныхъ контуровъ, безъ опредѣленныхъ цвѣтовъ. Искусство Карьера составляетъ какъ разъ противоположность искусству «plein air», оно гораздо однообразнѣе его въ смыслѣ чисто техническихъ проблемъ колорита, но оно въ высокой степени человѣчно. Нѣтъ такого слоя общества, которому бы не говорили ничего сюжеты вродѣ «Матери кормящей грудью ребенка», или «Матери у постели больного ребенка», или чудной картины въ Люксенбургскомъ музеѣ подъ названіемъ «Материнство»: простота и обыденность мотива только увеличиваетъ его глубину; мать держитъ на рукахъ младшаго ребенка, раздѣвая его передъ сномъ, а другой ребенокъ, постарше, протягиваетъ свою мордочку для прощальнаго поцѣлуя, не переставая болтать. Въ выраженіи лица матери, уже не первой молодости, въ привычной ласковости ея рукъ, чуднаго очертанія, такъ мало сентиментальности и такъ много истиннаго чувства, что Рембрандтъ не постыдился бы подписать этотъ холстъ. Это, конечно, семья самого художника, но подробности обстановки такъ тонутъ въ слабо освѣщенной комнатѣ, такъ отступаютъ передъ психологическимъ моментомъ, что всякій—горожанинъ и деревенскій житель, буржуа и пролетарій съ чувствомъ умиленія можетъ видѣть въ этой картинѣ символъ дорогихъ ему существъ и знакомыхъ ему ощущеній. Но сюжеты семейной жизни не исчерпываютъ интересовъ Карьера. Онъ также глубоко интересуется внѣшнимъ міромъ, ему близка психологія народа, онъ особенно принимаетъ къ сердцу задачи народнаго искусства (онъ, между прочимъ, былъ одинъ изъ иниціаторовъ «вечернихъ музеевъ»): на этой почвѣ родилась одна изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ новаго французскаго искусства—это «Театръ въ Бельвилѣ **)» (одно изъ предмѣстій Па-

*) *Gabriel Séailles.* „Eugène Carrière, l'homme et l'artiste", p. 1901.

**) Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть оригинала, который находится

рижа). Передъ зрителемъ перспектива ближайшаго къ небу яруса маленькаго народнаго театра. Огни въ залѣ притушены, что даетъ художнику поводъ къ любимымъ его блѣднымъ свѣтовымъ пятнамъ, безъ рѣзкихъ контуровъ, среди темныхъ массъ. На первомъ планѣ видны только спины и затылки, на противоположной сторонѣ лицъ уже нельзя разглядѣть, но въ этихъ спинахъ, въ перегнувшихся черезъ рампу головахъ, въ напряженныхъ позахъ, выражено полное поглощеніе аудиторіи невидимымъ дѣйствіемъ на сценѣ: навѣрное, это какая-нибудь раздирательная мелодрама или патріотически-революціонная пьеса со штурмомъ Бастиліи. Было ли бы вниманіе этой аудиторіи менѣе напряжено, если бы передъ нею былъ король Лиръ или даже царь Эдипъ?

Мы не имѣли претензіи опредѣлить тѣ черты, которыми должны обладать произведенія искусства, чтобы имѣть право назваться общенародными. Мы не могли также предначертать тѣ пункты «общественнаго договора», на которыхъ долженъ быть заключенъ будущій союзъ между интеллигенціей и работающей массой. Для перваго не собрано достаточно матеріала. Что касается второго, то намъ кажется праздным занятіемъ предуказывать путь, какимъ должна идти исторія. Ограничимся тѣмъ, что намъ удалось собрать нѣсколько фактовъ, указывающихъ на стремленіе, отчасти сознательное, отчасти безсознательное, къ такому сближенію, по крайней мѣрѣ со стороны интеллигенціи. Будущность этого стремленія, несомнѣнно, зависитъ отъ того, встрѣтитъ ли оно такое же стремленіе съ противоположной стороны. Едва ли можно сомнѣваться, что потребность рабочихъ массъ въ высшей интеллектуальной культурѣ не можетъ родиться съ сегодня на завтра, что для этого потребуется, можетъ быть, работа цѣлыхъ поколѣній, и успѣхъ этой работы находится въ самой тѣсной связи съ успѣхомъ борьбы низшихъ классовъ населенія за улучшеніе своего матеріальнаго и нравственнаго существованія. Пока этотъ процессъ имѣетъ шансы привести къ желательнымъ результатамъ, до тѣхъ поръ интеллигенція можетъ не отчаяваться въ своихъ надеждахъ. Но уже теперь демократическое движеніе среди интеллигенціи привело ее если еще не къ матеріальному, то, во всякомъ случаѣ, къ нравственному выигрышу. Человѣкъ, который отказался отъ смѣшной претензіи быть квинтэссенціей человѣчества, а также отъ изолированнаго положенія на безплодныхъ необитаемыхъ вершинахъ, и вошелъ въ соприкосновеніе съ громаднымъ большинствомъ ближнихъ въ цѣляхъ совмѣстнаго стремленія къ болѣе человѣческому будущему, увеличилъ этимъ объемъ своей души,—величайшая побѣда, которой можетъ достигнуть нравственная личность.

Евгеній Дегенъ.

въ частныхъ рукахъ, но качество красокъ Карьера таково, что его картины сравнительно недурно передаются фотографіею.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народное хозяйство въ кіевской Руси.

Хозяйствомъ, какъ извѣстно, называется совокупность способовъ и пріемовъ, какими люди обезпечиваютъ себѣ удовлетвореніе своихъ ближайшихъ, насущныхъ потребностей, потребностей въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. д. Въ хозяйственной или экономической дѣятельности человѣка различаются четыре отрасли: во-первыхъ, *добывающая промышленность*, простое, почти не сопровождаемое никакими особенными усиліями освоеніе даровыхъ силъ природы; во-вторыхъ, *сельское хозяйство*, отрасль промышленности, имѣющая въ виду искусственное добываніе новыхъ продуктовъ, не доставляемыхъ непосредственно природою; въ-третьихъ, *обрабатывающая промышленность*, состоящая въ переработкѣ продуктовъ добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ новый видъ, удобный для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; наконецъ, въ четвертыхъ, *торговля* или *обмѣнъ*—хозяйственная дѣятельность, состоящая въ перемѣщеніи продукта отъ производителей къ потребителямъ.

Основнымъ вопросомъ исторіи народнаго хозяйства является вопросъ о томъ, какая отрасль промышленности преобладаетъ въ данный періодъ исторической жизни народа? Этимъ вопросомъ мы должны теперь задаться по отношенію къ кіевской Руси, т.-е. къ Россіи съ VI-го по XII-ый вѣкъ включительно.

Цѣлый рядъ несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ-источниковъ убѣждаетъ въ томъ, что *основною отраслью производства въ кіевскій періодъ русской исторіи была добывающая промышленность въ разныхъ ея видахъ.*

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

Важнѣйшимъ изъ этихъ видовъ добывающей промышленности является *охота* или *звѣроловство* и *птицеловство*. Свидѣтельства о первостепенномъ значеніи звѣроловства дошли до насъ еще отъ VII, VIII и IX-го вѣковъ. Кій, Щекъ и Хоривъ, по преданію, занесенному въ «Начальную лѣтопись», были звѣроловами; сѣверяне платили дань хозарамъ по шкурѣ бѣлки съ дыма; Олегъ, подчинивъ въ 883 году древлянъ, положилъ на нихъ дань по черной куницѣ съ дома; по словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе, жившаго во второй половинѣ IX-го вѣка, русскіе вывозили изъ своей страны мѣха выдры и черныхъ лисицъ, т.-е. продукты звѣроловства. Еще болѣе многочисленныя данныя объ охотѣ сохранились отъ X-го вѣка: въ 945 году Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ, главнымъ образомъ, мѣхами; то-же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ, ей же приписывается устройство княжескихъ «ловищъ», т.-е. приспособленій для звѣроловства, въ древлянской и новгородской землѣ и «перевѣсищъ», приспособленій для птичьей охоты, по Днѣпру и Деснѣ; древляне, осажденные Ольгой въ Коростѣнѣ, предлагали ей дань «скорою», т.-е. мѣхами; по словамъ Святослава, однимъ изъ главнѣйшихъ богатствъ Руси были мѣха; разсказывая подъ 975 годомъ о происхожденіи междуусобной борьбы между сыновьями Святослава, Ярополкомъ кіевскимъ и Олегомъ древлянскимъ, нашъ начальный лѣтописецъ указываетъ, что поводомъ къ этой борьбѣ было убійство Олегомъ Люта, сына Ярополкова воеводы Свѣнельда: Лютъ охотился, «ловъ дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», и заѣхалъ при этомъ во владѣнія Олега. Арабскіе писатели X-го в.—Ибнъ-Даста, Ибнъ-Хаукаль, Аль-Истархи—говорятъ о вывозѣ русскими мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, бѣличьихъ. И въ XI вѣкѣ лѣтопись придаетъ охотѣ первостепенное значеніе, смотритъ на нее не какъ на забаву, а какъ на очень серьезное занятіе: напримѣръ, въ 1088 г. отмѣчено, что Всеволодъ «ловы дѣялъ звѣриные за Вышгородомъ»; въ краткой редакціи «Русской Правды», составившейся, какъ извѣстно, именно въ XI столѣтіи, находится постановленіе о уголовной карѣ за кражу охотничьяго пса, а также ястреба и сокола,—птицъ, употреблявшихся, несомнѣнно, для птичьей охоты. Даже XII-ое столѣтіе не ознаменовалось сколько нибудь замѣтнымъ ослабленіемъ хозяйственной важности охоты въ народномъ производствѣ. Чрезвычайно характерно уже то, что Владиміръ Мономахъ, этотъ живой идеалъ древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи» на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удаль и охотничьи удачи и упоминаетъ о ловчихъ соколахъ и ястребахъ, какъ важной статьѣ княжескаго хозяйства. Еще въ концѣ XII-го столѣтія князья отправлялись на охоту надолго, съ женами и дружиной: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать разсказъ Ипатьевской лѣтописи объ охотѣ Давида

Ростиславича и Святослава Ольговича въ 1180 году. Въ пространной «Русской Правдѣ» говорится объ охотѣ на бобровъ, и назначается наказаніе за порчу «перевѣса», устроеннаго для птичьей охоты. Въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода 1135 года упоминается «ловъ княжъ» и сборъ доходовъ архіепископомъ съ Заволочья «сорочками», т.-е. сороками мѣховъ; въ литературномъ памятникѣ XII вѣка, вопросахъ Кирика, говорится о ловлѣ птицъ силками. Въ концѣ этого столѣтія Варлаамъ Хутынскій далъ основанному имъ въ Новгородской области монастырю «ловища гоголиныя», т.-е. гагачьи. Наконецъ, по извѣстной жалованной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича смоленской епископіи, данной въ 1150 г., епископъ получалъ съ жителей мѣха и имѣлъ «тетеревникъ». Таковы многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства объ охотѣ въ кіевской Руси.

Не такъ многочисленны, но также очень вѣски свидѣтельства нашихъ источниковъ о другомъ видѣ добывающей промышленности въ кіевской Руси,—*пчеловодствѣ* или, какъ оно тогда называлось, бортничествѣ. Я уже говорилъ, что Игорь и Ольга въ X-мъ вѣкѣ давали грекамъ дары тѣмъ, чѣмъ сами были богаты, прежде всего мѣхами; теперь надо прибавить, что въ числѣ этихъ даровъ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ и воскъ, продуктъ пчеловодства. Перечисляя предметы, которыми изобиловала въ его время русская земля, Святославъ наряду съ мѣхами называетъ медъ и воскъ. Медъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русскаго вывоза упоминается арабскимъ писателемъ X-го вѣка Ибнъ-Хаукалемъ. Другой арабъ того-же столѣтія, Ибнъ-Даста прямо говоритъ, что русскіе много занимаются пчеловодствомъ. И если нельзя сказать, что къ концу изучаемаго нами періода охота сдѣлалась менѣе важною отраслью промышленности, то это-же приходится повторить и о пчеловодствѣ. Въ XII-мъ вѣкѣ князья имѣли особые погреба или «медуши» съ громадными запасами меда; въ одномъ изъ такихъ погребовъ въ Путивлѣ хранилось, напр., 500 берковцевъ, т.-е. 5000 пудовъ меду. Ростиславъ смоленскій грамотою 1150 года передалъ епископу сборъ меда и далъ ему бортника. По уставной грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича церкви св. Ивана на Опокахъ въ Новгородѣ существовало особое товарищество купцовъ-торговцевъ воскомъ. Наконецъ, въ пространной редакціи «Русской Правды» встрѣчаемъ рядъ статей о борти, пчелахъ и медѣ: назначенъ штрафъ за срубку бортнаго дерева, за уничтоженіе знака на борти, за перепахиваніе бортной межи, наконецъ за похищеніе пчелъ и меда.

Намъ остается отмѣтить важное значеніе третьяго вида добывающей промышленности, *рыболовства*. Археологическія раскопки даютъ несомнѣнныя указанія на рыболовныя занятія народа въ видѣ остатковъ рыбьихъ костей, рыболовныхъ крючковъ, удочекъ, острогъ, грузилъ для сѣтей. По договору Игоря съ греками русскимъ разрѣшилось ловить рыбу въ устьѣ Днѣпра. Въ «Русской Правдѣ» — краткой и про-

странной—говорится о полученіи двумя должностными лицами—вирникомъ и городникомъ—въ постъ съ населенія въ видѣ корма рыбы. Въ половинѣ XII-го в. смоленскій епископъ получилъ отъ князя Ростислава рыбныя ловли въ Торопцѣ. Тогда же, наконецъ, св. Антоній Римлянинъ купилъ «рыбную ловитву» на Волховѣ, а Варлаамъ Хутынскій далъ рыбныя ловли въ основанный имъ монастырь.

Изъ другихъ видовъ добывающей промышленности встрѣчается упоминаніе лишь о *солеваренiи* и то лишь въ XII вѣкѣ и притомъ на крайнемъ сѣверѣ: именно уставная грамота данная новгородскому Софійскому собору княземъ Святославомъ Ольговичемъ въ 1137 году, опредѣляетъ доходъ съ соляныхъ варницъ «на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу» (чренъ или ченъ—сковорода, а салга—котелъ для выварки соли; пузъ—мѣшокъ соли въ 2 четверика).

Я съ намѣреніемъ остановился такъ подробно на документальномъ обоснованіи той мысли, что добывающая промышленность играла первостепенную, опредѣляющую роль въ хозяйственной жизни кіевскаго періода русской исторіи: дѣло въ томъ, что многіе изслѣдователи недостаточно высоко цѣнятъ эту роль, склонны приписывать другимъ отраслямъ производства не меньшее, иногда даже бо́льшее значеніе.

Это довольно часто дѣлается по отношенію къ *сельскому хозяйству* и, главнымъ образомъ, къ тому его виду, который называется *земледѣліемъ*. Утверждаютъ, что восточные славяне уже въ VII и VIII вѣкахъ были совершенно земледѣльческимъ народомъ, что земледѣліе было основнымъ ихъ занятіемъ. Присмотримся внимательнѣе къ нашимъ источникамъ чтобы правильно оцѣнить это мнѣніе и составить себѣ вѣрное понятіе о предметѣ. Нѣтъ, конечно сомнѣнія, что славяне въ періодъ ихъ разселенія изъ Прикарпатскаго края—въ VI, VII и VIII вѣкахъ—знали земледѣліе: по извѣстію византійскаго писателя, императора Маврикія, у славянъ того времени было много проса и пшеницы; въ сѣверянскихъ и полянскихъ могильникахъ археологами отрыты зерна ржи, ячменя, пшеницы и гречихи, а также такое земледѣльческое орудіе, какъ серпъ. Но *существованіе* земледѣлія и его *господство*—не одно и то же, и какъ разъ приходится признать, что земледѣліе не господствовало не только въ эти столѣтія, но и позднѣе. Это явствуетъ изъ того, что, какъ мы только что видѣли, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности—мѣха, медъ и воскъ. Это уполномочиваетъ насъ не ставить земледѣліе въ кіевской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому что имъ хватало своего. Въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ IX, X, XI и XII вѣковъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на земледѣльческія занятія населенія. Въ IX вѣкѣ упоминается «рало», т.-е.

плугъ, у радимичей, въ X, при Святославѣ и Владимірѣ, у вятичей; въ правленіе Ольги встрѣчаемъ извѣстіе, что древляне «дѣлали нивы своя», но въ то же время арабскій писатель Ибнъ-Даста сообщаетъ, что славяно совершенно не имѣли пашенъ; впрочемъ, эти слова надо понимать, разумѣется, въ томъ смыслѣ, что земледѣліе было второстепеннымъ занятіемъ славянъ, тѣмъ болѣе, что ниже самъ же Ибнъ-Даста прибавляетъ, что они «болѣе всего сѣютъ просо». Можно, впрочемъ, замѣтить, что XII столѣтіе—послѣдній вѣкъ изучаемаго періода—ознаменовалось значительными успѣхами земледѣлія, повысившими его экономическое значеніе. Это видно, прежде всего, изъ извѣстнаго лѣтописнаго разсказа о съѣздѣ князей у Долобскаго озера въ 1103 году: здѣсь дружина Святополка указываетъ на неудобство похода на половцевъ весной, когда смерды или крестьяне заняты полевыми работами; стало быть, земледѣліе разсматривается, какъ одно изъ обычныхъ и важныхъ занятій народа. Затѣмъ, въ лѣтописяхъ XII вѣка находимъ свидѣтельства о посѣвахъ пшеницы, овса и проса; у одного сѣверскаго князя было однажды захвачено 900 стоговъ жита. Въ «Житіи св. Ѳеодосія» упоминаются рожь, ленъ, макъ, въ «Патерикѣ Печерскомъ», т.-е. собраніи житій святыхъ подвижниковъ Кіево-Печерской лавры,—горохъ. Наконецъ, въ «Русской Правдѣ» говорится о ратайномъ (т.-е. земледѣльческомъ) старостѣ или тіунѣ, о ролейномъ закупѣ или земледѣльческомъ рабочемъ, о ролейной или пашенной межѣ, о хлѣбѣ, пшенѣ, житѣ, солодѣ, горохѣ, овсѣ, о хозяйственныхъ приспособленіяхъ, необходимыхъ для земледѣлія,—гумнѣ и ямѣ, гдѣ хранилось жито; наконецъ, о земледѣльческихъ орудіяхъ—боронѣ и плугѣ.

Не всѣ изслѣдователи придаютъ надлежащее значеніе другому виду сельскохозяйственной промышленности—*скотоводству*: нѣкоторые считаютъ его менѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Первыя дошедшія до насъ указанія на важность скотоводства у русскихъ относятся къ X вѣку: они заключаются въ свидѣтельствѣ Ибнъ-Дасты и въ лѣтописномъ извѣстіи о бывшемъ у Олега «старѣйшинѣ конюхомъ»: если были конюхи и надъ ними старшій, то были, очевидно, и большія стада. Гораздо обильнѣе данныя XI и XII вѣковъ. Особенно часты указанія на княжескія стада, иногда чрезвычайно многочисленныя: въ 1087 г. упоминаются стада Ярополка Изяславича волынскаго, въ 1145 г. конскій табунъ изъ 4.000 головъ, принадлежавшій черниговскимъ Ольговичамъ, въ 1149 г. встрѣчаемъ извѣстіе о стадѣ Изяслава Мстиславича, въ 1158 г.—Андрея Боголюбскаго, въ 1169 году—Мстислава. Но всего важнѣе въ данномъ вопросѣ «Русская Правда». Въ этомъ источникѣ упоминаются почти всѣ виды домашняго скота, извѣстные и въ настоящее время—лошади, быки, коровы, волы, телята, овцы, бараны, козы, свиньи, поросята, отмѣчается существованіе конюховъ и даже тіуновъ конюшихъ, говорится о стадѣ, наконецъ—что̀ особенно—цѣнно—указаны цѣны на скотъ: переводя эти

цѣны на наши деньги, находимъ, что хорошую рабочую лошадь можно было купить въ XI и XII вѣкахъ за 14—16 рублей, вола за 7—8 рублей, корову за 5—6 руб. съ чѣмъ-нибудь; овца стоила отъ 40 до 80 коп., какъ и баранъ, и поросенокъ. Цѣны все очень низкія, что́ указываетъ на большое количество скота въ то время, т.-е. на важность скотоводства. Это и не удивительно: по своей экономической природѣ скотоводство несравненно ближе къ добывающей промышленности, чѣмъ земледѣліе, а это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало болѣе сильному развитію скотоводства.

Зато очень слабо развитымъ надо признать третій видъ сельскохозяйственной промышленности—*птицеводство*. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаются указанія на прирученныхъ и обученныхъ голубей, куръ, утокъ, гусей, журавлей, лебедей, но вся эта птица цѣнится непомѣрно дорого: голубь отъ 1 р. 25 к. до 2 р. 90 к., столько же стоила курица; утка, гусь, журавль, лебедь оцѣнивались въ 4 р. 20 к.—4 р. 80 коп. на наши деньги. Очевидно, все это было большой рѣдкостью въ хозяйственномъ обиходѣ нашихъ предковъ кіевскаго періода.

Вопреки мнѣнію многихъ археологовъ, *обрабатывающая промышленность* кіевской Руси была совершенно ничтожна сравнительно даже съ сельскимъ хозяйствомъ, не говоря уже о преобладавшей въ то время добывающей промышленности. Прежде всего надо замѣтить, что, по археологическимъ даннымъ, лишь въ курганахъ X и XI вѣковъ, не ранѣе, можно найти остатки издѣлій, которымъ можно было бы хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностью приписать мѣстное происхожденіе: такъ въ древлянскихъ и полянскихъ могильникахъ встрѣчаются глиняныя ожерелья и сосуды, желѣзныя части плуга, серпы, косы, молоты, гвозди, ножи, замки, ключи, стрѣлы и, что главное—каменныя формы для металлическаго литья; попадаются также остатки шерстяныхъ тканей и холста. Все это, однако, не отличается особеннымъ обиліемъ, хотя и указываетъ на существованіе промысловъ гончарнаго и металлическаго, а также на производство шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій. Мы имѣемъ впрочемъ указанія на эти отрасли обрабатывающей промышленности и въ памятникахъ письменности: подъ 992 г. въ новгородской лѣтописи встрѣчается извѣстіе о гончарномъ производствѣ близъ Новгорода; о «своихъ толстинахъ», т.-е. парусахъ изъ грубаго холста, у русскихъ говоритъ «Начальная лѣтопись» въ разсказѣ о походѣ Олега на Константинополь; по «Патерику Печерскому», монахи «копытца (т.-е. чулки) плетяще и клобуки (т.-е. шапки)», а Ѳеодосій прялъ волну «на сплетеніе копытцамъ»; Ибнъ-Даста сообщаетъ, что русскіе выдѣлывали стрѣлы, щиты и копья. Мало того: мы имѣемъ свѣдѣнія о производствѣ на Руси X вѣка деревянныхъ, кожаныхъ и даже золотыхъ и серебряныхъ издѣлій: такъ, по Ибнъ-Фадлану и лѣтописи, выдѣлывались деревянныя изображенія идоловъ, причемъ Перунъ былъ съ серебряной головой и золотыми усами; по словамъ византійскаго импе-

ратора Константина Багрянороднаго, выдѣлывались деревянныя лодки; подъ 992 годомъ въ начальную лѣтопись занесено преданіе о силачѣ-кожемякѣ Янѣ Усмошвецѣ; Владиміръ Святой велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки для своей дружины. Но наряду со всѣмъ этимъ есть несомнѣнные признаки слабости обрабатывающей промышленности: напр., Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что русскіе покупали такое примитивное гончарное издѣліе, какъ зеленыя бусы изъ глины, и очень дорого притомъ ихъ цѣнили; по словамъ Ибнъ-Дасты, подтверждаемымъ и археологическими данными, кромѣ стрѣлъ, щитовъ и копій все остальное оружіе было привозное; а развѣ не доказываетъ разсказъ о замѣнѣ Владиміромъ деревянныхъ ложекъ серебряными, что послѣднія были рѣдкостью даже при княжескомъ дворѣ? Можно только замѣтить то-же, что̀ въ свое время было сказано о земледѣліи: къ концу періода, въ XII вѣкѣ, обрабатывающая промышленность сдѣлала нѣкоторые успѣхи, гораздо менѣе впрочемъ значительные, чѣмъ земледѣліе: въ XII столѣтіи новгородцы извѣстны были, какъ искусные плотники; производство лодокъ изъ дерева достигло нѣкотораго разнообразія: въ «Русской Правдѣ» различаются морская ладья, цѣнившаяся въ 24 р., набойная цѣною въ 16 руб., челнъ—около 3 руб. и стругъ, цѣнившійся въ 8 руб. на наши деньги; одинъ изъ печерскихъ подвижниковъ Исаія носилъ «свиту вотоляну», т.-е. сшитую изъ собственноручно сотканнаго холста или вотолы; по грамотѣ Ростислава 1150 года, торопчане доставляли смоленскому епископу скатерти и убрусы (платки); лѣтописи указываютъ на запасы желѣза и мѣди у князей XII вѣка и на существованіе кузнецовъ въ Кіевѣ и Курскѣ; къ XII столѣтію относится первое упоминаніе о русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ: Лазарь Богша сдѣлалъ крестъ св. Евфросиніи Полоцкой, а въ Новгородѣ въ 1200 г. названъ Страшко *серебряникъ*. Наконецъ, въ Кіевѣ найденъ драгоцѣнный кладъ, принадлежавшій, повидимому, кому-либо изъ княжеской семьи и свидѣтельствующій объ успѣхахъ золотого и серебрянаго дѣла, а также и ювелирнаго искусства: тутъ встрѣчаются діадемы, кольца, серьги и рядъ предметовъ съ изображеніями, украшенными перегородчатой эмалью. Этотъ кладъ относится къ самому концу XII вѣка.

Намъ остается теперь разсмотрѣть очень сложный вопросъ о *торговлѣ* въ кіевской Руси. Этотъ вопросъ тѣмъ сложнѣе и важнѣе, что нѣкоторые очень авторитетные изслѣдователи склонны приписывать *внѣшней* торговлѣ кіевскаго періода первостепенное значеніе. И на первый взглядъ кажется, что такое мнѣніе подтверждается нашими источниками. Въ самомъ дѣлѣ: у насъ нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ о торговыхъ сношеніяхъ Руси съ азіатскимъ востокомъ, Византіей и нѣмцами, главнымъ образомъ съ островомъ Готландомъ. Торговля съ арабами и хозарами началась, несомнѣнно, еще въ VIII вѣкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденные клады съ серебряными арабскими

монетами-диргемами, самыя раннія изъ которыхъ относятся къ послѣднимъ годамъ VII вѣка, не мало монетъ VIII столѣтія, но особенно много диргемовъ, чеканенныхъ въ IX и X вѣкахъ, потому что этотъ періодъ былъ временемъ наиболѣе оживленныхъ торговыхъ сношеній между Русью и азіатскимъ востокомъ. Отъ IX и X столѣтій уцѣлѣли и литературныя извѣстія объ этой торговлѣ: арабскій писатель второй половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбе разсказываетъ, что русскіе торгуютъ съ хозарами въ ихъ столицѣ Итилѣ при устьѣ рѣки Волги, что они ѣздятъ къ юго-восточной части Каспійскаго моря, иногда доставляютъ свои товары на верблюдахъ даже въ Багдадъ. О такихъ же торговыхъ связяхъ говорятъ въ X вѣкѣ Ибнъ-Фадланъ, Аль-Масуди, Аль-Истархи и Ибнъ-Хаукаль. Но уже въ XI вѣкѣ, съ паденіемъ хозарскаго царства и торжествомъ половцевъ въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, торговля съ арабами слабѣетъ и, наконецъ, совершенно прекращается, потому что половцы перерѣзываютъ и уничтожаютъ существовавшій раньше путь для этой торговли, такъ называемый *залозный*, т.-е., какъ обыкновенно объясняютъ, проходившій за лозами или камышами берега Днѣпра и поворачивавшій затѣмъ на востокъ.

Тотъ же Ибнъ-Хордадбе оставилъ намъ извѣстіе о торговлѣ Руси съ Византіей въ IX вѣкѣ. Наша лѣтопись подтверждаетъ это косвенно разсказомъ о походѣ на Царьградъ утвердившихся въ Кіевѣ Аскольда и Дира, которые были, по словамъ патріарха Фотія, раздражены умерщвленіемъ въ Константинополѣ своихъ соплеменниковъ. Очевидно, эти соплеменники попали въ Византію съ торговыми цѣлями. Временемъ расцвѣта торговли съ Византіей надо считать X вѣкъ, отъ котораго сохранился въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ извѣстій: объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ греками въ X столѣтіи свидѣтельствуютъ арабъ Ибнъ-Хаукаль, наша начальная лѣтопись, сохранившая извѣстія о походахъ Олега, Игоря и Святослава и даже текстъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ этими князьями съ Византіей, наконецъ, византійскій императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Торговыя связи съ греками поддерживались и позднѣе, въ XI вѣкѣ, когда для защиты интересовъ русскаго купечества былъ предпринятъ походъ сыномъ Ярослава Мудраго, Владиміромъ, и въ XII столѣтіи, что доказывается уцѣлѣвшими въ нѣкоторыхъ русскихъ кладахъ византійскими монетами того времени. Въ Византію велъ такъ называемый греческій путь,—это извѣстный уже намъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное.

Наконецъ, о торговлѣ съ нѣмецкимъ западомъ, съ Ригой и главнымъ образомъ съ островомъ Готландомъ свидѣтельствуютъ клады IX, X и XI вѣковъ съ западными монетами, извѣстными въ кіевской Руси подъ именемъ шляговъ, сообщеніе Ибнъ-Фадлана въ X вѣкѣ и сохранившійся до нашего времени мирный торговый договоръ новгород-

невъ съ о. Готландомъ, заключенный въ 1195 году. Торговая дорога здѣсь шла, во-первыхъ, черезъ великій водный путей по Балтійскому морю, во-вторыхъ, по Западной Двинѣ. Можно еще замѣтить, что существовалъ соляной путь въ Галицію, изъ копей которой, по Патерику Печерскому, привозилась въ XI вѣкѣ соль въ Кіевъ.

Предметами русскаго вывоза были, по единогласному свидѣтельству всѣхъ источниковъ, мѣха, медъ, воскъ и рабы. Ввозились на Русь оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, вина, плоды, разнаго рода украшенія изъ серебра и глины и, наконецъ, монета: арабскіе диргемы, византійскіе солиды, или «золотники», и нѣмецкіе шляги.

Но вся эта многочисленность и обстоятельность свидѣтельствъ источниковъ о внѣшней торговлѣ вовсе не указываетъ на то, что эта торговля была господствующею отраслью производства въ кіевской Руси, а убѣждаетъ лишь въ томъ, что она была замѣтнымъ явленіемъ въ хозяйственной жизни страны, имѣла не первостепенное, но все же значительное вліяніе. Что внѣшняя торговля не играла первенствующей экономической роли въ кіевскій періодъ,—въ этомъ легко убѣдиться, анализируя внимательно два важнѣйшихъ по данному вопросу источника—разсказъ Константина Багрянороднаго и договоры Олега и Игоря съ греками. Съ наступленіемъ зимы, разсказываетъ Константинъ Багрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объѣздѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, что было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Что было въ Византіи,—объ этомъ сообщаютъ намъ договоры Олега и Игора съ греками: по пріѣздѣ туда, послы, т.-е. торговые приказчики князей и ихъ дружинниковъ, и гости, т.-е. частные торговцы, представляли греческому правительству опись всѣхъ кораблей и людей, прибывшихъ въ Царьградъ, составленную кіевскимъ правительствомъ; они останавливались у св. Мамы (на мѣстѣ, гдѣ былъ прежде монастырь св. Мамонта), получали отъ грековъ мѣсячное содержаніе и снабжались при отъѣздѣ пищей, питьемъ и оснасткой кораблей. Зимовать у св. Мамы русскіе права не имѣли. Всѣ эти данныя, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, князей, ихъ дружин-

никовъ и небольшой группы состоятельныхъ горожанъ, масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрогивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководившихъ ею высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой эксплуатаціи производителей хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго производства оставались нетронутыми внѣшнею торговлей, по существу народное хозяйство кіевской Руси было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ, при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи. А если такъ, то можно ли признать внѣшнюю торговлю основною отраслью народнаго хозяйства въ кіевскій періодъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный.

Господство натуральнаго хозяйства выступаетъ на видъ еще явственнѣе при изученіи торговли *внутренней*. Наши источники ясно показываютъ, что эта торговля въ кіевской Руси существовала, главнымъ образомъ, въ видѣ продажи небольшого количества продуктовъ на сосѣднемъ базарѣ. Въ этомъ, очевидно, смыслѣ надо понимать извѣстный разсказъ новгородской лѣтописи о томъ, какъ, во время низверженія идола Перуна въ Волховъ, житель подгороднаго Пидебскаго погоста везъ горшки на продажу въ Новгородъ и оттолкнулъ идола отъ берега, къ которому онъ было присталъ. То же можно наблюдать и по «Патерику Печерскому», въ которомъ разсказывается о продажѣ монахами на кіевскомъ базарѣ собственноручно связанныхъ ими шерстяныхъ «копытцовъ», т.-е. чулокъ, и такихъ же «клобуковъ» или шапокъ. «Торгъ», упоминаемый въ «Русской Правдѣ», равно какъ и торги въ Кіевѣ, Курскѣ, Торопцѣ и Новгородѣ, о которыхъ говорятъ другіе источники, не что иное, очевидно, какъ именно такіе мѣстные базары, обслуживавшіе очень незначительный окрестный районъ. Но особенно характерны въ этомъ отношеніи статьи пространной «Русской Правды», трактующія о такъ называемомъ «сводѣ». Одна изъ этихъ статей гласитъ: «Если кто-либо узнаетъ свое потерянное или украденное имѣніе, коня-ли, или оружіе, или скотину, то не говорить ему: «это мое», но говорить: «пойди на сводъ, гдѣ взялъ»; сведитесь, и кто будетъ виноватъ, на того падетъ обвиненіе въ воровствѣ». Въ другой статьѣ читаемъ: «Если въ одномъ городѣ, то идти истцу до конца того свода; если сводъ будетъ по области, тянущей къ этому городу, то идти ему до третьяго свода; за наличное этому третьему

платить деньгами, а съ наличнымъ идти до конца свода». Наконецъ, третья статья свидѣтельствуетъ: «А изъ своего города въ чужую область свода нѣтъ». Такимъ образомъ, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній былъ обязанъ указать лицо, у котораго имъ пріобрѣтена спорная вещь; лицо, имъ указанное, въ свою очередь, должно было указать продавца и т. д. Это и называлось сводомъ. Но уже тогда, когда сводъ переходилъ изъ города въ его область, онъ сокращался: истецъ шелъ только до третьяго свода; третій продавецъ платилъ истцу деньгами, а затѣмъ сводъ продолжался до конца. Это, конечно, можно объяснить стремленіемъ облегчить положеніе истца, лица, потерявшаго вещь и затѣмъ нашедшаго ее въ рукахъ другого, но уже въ этомъ постановленіи нельзя не видѣть и другой стороны дѣла: при переходѣ свода изъ города въ область третій продавецъ терпѣлъ убытокъ, уплачивая деньги,—очевидно, на него падало нѣкоторое подозрѣніе. Почему? Потому, конечно, что случаи такихъ продажъ въ области были рѣдки. Но особенно замѣчательно, что сводъ въ чужую землю, въ область другого города прямо не допускался: очевидно, такая продажа въ чужую область признавалась невѣроятною, вслѣдствіе крайней затруднительности и чрезвычайной рѣдкости торговыхъ сношеній между отдѣльными городами и рынками. Но, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ объ изолированности отдѣльныхъ мѣстныхъ рынковъ, мы имѣемъ еще другое доказательство слабости внутренней торговли въ кіевской Руси,—оно заключается въ дороговизнѣ кредита. «Русская Правда», какъ извѣстно, знаетъ договоръ займа, устанавливаетъ форму его заключенія, порядокъ конкурса при несостоятельности и, наконецъ, законную высоту процента, но высота эта была чрезвычайно велика, капиталъ въ то время былъ крайне дорогъ: даже въ XII вѣкѣ Владиміръ Мономахъ сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, установилъ ростъ надва третій, т.-е. 50%. Капиталъ былъ дорогъ потому, что былъ рѣдокъ, а рѣдкость его—слѣдствіе слабости мѣновыхъ сношеній. Наконецъ, существуетъ еще и третье доказательство господства натуральнаго хозяйства: наблюденія надъ монетной системой. Несомнѣнно, что и у русскихъ, какъ и у другихъ народовъ, первымъ по времени появленія орудіемъ обмѣна былъ скотъ: еще въ краткой «Русской Правдѣ» XI в. и даже въ договорной грамотѣ Новгорода съ о. Готландомъ конца XII в. слово «скотъ» употребляется въ смыслѣ денегъ. Но благодаря торговымъ сношеніямъ съ арабами и греками, русскіе рано—еще въ VIII вѣкѣ, познакомились съ иностранною монетой, которая, однако, цѣнилась, главнымъ образомъ, какъ украшеніе, а не какъ мѣновое орудіе; гораздо важнѣе было другое пріобрѣтеніе: наши предки уже къ X вѣку приняли византійскую мѣру вѣса. Уже въ договорѣ Олега съ греками встрѣчается литра или византійскій фунтъ, равняющійся $^3/_4$ современнаго нашего фунта. Изъ литры въ Греціи чеканилось 72 золо-

тыхъ монеты, называвшихся солидами; эти солиды въ договорѣ Игоря называются золотниками (вотъ происхожденіе этой русской мѣры вѣса). Византійскую литру на Руси называли гривной. Гривна и стала основною монетною единицей въ кіевской Руси. Но эта монетная единица была не чеканная, а вѣсовая, какъ и ея подраздѣленія: гривна состояла, какъ видно изъ «Русской Правды», въ XI вѣкѣ изъ 25 кунъ, а въ XII изъ 50 кунъ или изъ 20 ногатъ, 50 рѣзанъ, 480 векшъ. Не трудно замѣтить, что названія нѣкоторыхъ подраздѣленій гривны носятъ на себѣ слѣды той эпохи, когда мѣха звѣрей были орудіемъ обмѣна: куна—куница, векша—бѣлка. Повторяю, всѣ эти данные знаки не имѣли чекана, а принимались по вѣсу. Это возможно лишь тогда, когда торговля ничтожна. При свѣтѣ всѣхъ этихъ данныхъ и соображеній для насъ становится понятенъ смыслъ тѣхъ извѣстій, которыя указываютъ, на первый взглядъ, на оживленныя торговыя сношенія между отдѣльными областями кіевской Руси. Когда мы встрѣчаемъ, напр., въ «Русской Правдѣ» указаніе на «гостинецъ великій», т.-е. большую торговую дорогу, или читаемъ въ «Патерикѣ», что св. Ѳеодосій пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Курска съ купеческимъ обозомъ, и что печерскій монахъ Исакій былъ въ міру богатымъ торопецкимъ купцомъ, то мы должны все это понимать въ отношеніи, главнымъ образомъ, къ *внѣшней* торговлѣ: по большимъ торговымъ дорогамъ свозили товары въ прирѣчные города, чтобы отправить ихъ черезъ Кіевъ въ Византію или по залозному пути на востокъ; изъ Курска везли въ Кіевъ продукты, предназначенные также для вывоза на внѣшніе рынки; торопецкіе богатые купцы обогащались тоже отъ иностранной торговли. Конечно, встрѣчались случаи, когда одна область торговала съ другою, но такая торговля обыкновенно возникала опять-таки въ связи съ потребностями внѣшняго обмѣна: напр., въ X вѣкѣ, въ Кіевѣ продавались, по словамъ Константина Багрянороднаго, жителями разныхъ областей лодки, но для чего предназначались эти лодки? для вывоза товаровъ въ Византію; по грамотѣ, данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви св. Ивана на Опокахъ въ 1135 году, въ Новгородъ привозился воскъ изъ Полоцка, Смоленска и съ верхней Волги; но вѣдь онъ былъ одною изъ важнѣйшихъ статей отпускной торговли. Едва ли не единственнымъ серьезнымъ исключеніемъ изъ всего сказаннаго является доставка приволжскими и поднѣпровскими областями хлѣба на продажу въ Новгородъ, который всегда испытывалъ потребность въ этомъ продуктѣ.

Предшествующее изложеніе освѣтило основной вопросъ, на который необходимо отвѣтить, чтобы понять хозяйственный бытъ изучаемой эпохи, —вопросъ объ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства. Конечный выводъ нашъ будетъ, слѣдовательно, такой *въ кіевской Руси съ VI-го по XII-ое столѣтіе господствовала добывающая промышленность; въ сельскомъ хозяйствѣ, имѣвшемъ меньшее значеніе,*

преобладало скотоводство надъ земледѣліемъ, которое, особенно къ концу періода, принадлежало, однако, уже къ числу обычныхъ занятій населенія; обрабатывающая промышленность не играла важной роли; торговля была слаба: хозяйство было натуральнымъ и только внѣшняя торговля имѣла нѣкоторое вліяніе на экономическое положеніе высшихъ слоевъ общества.

Второй вопросъ, подлежащій нашему изслѣдованію, это вопросъ о *формахъ хозяйства*. Въ связи съ нимъ находится также третій вопросъ о *формахъ землевладѣнія*. Исключительно для большаго удобства изложенія мы остановимся сначала на послѣднемъ вопросѣ—о формахъ землевладѣнія, чтобы потомъ познакомиться съ формами хозяйства. Чтобы правильнѣе понять немногочисленныя и не вполнѣ ясныя свидѣтельства нашихъ источниковъ о господствующей землевладѣльческой формѣ въ кіевскій періодъ, необходимо прибѣгнуть къ двумъ въ настоящее время довольно общеупотребительнымъ методическимъ пріемамъ—аналогіи и заключенію отъ болѣе позднихъ наблюденій къ скрытому отъ насъ недостаточностью или неясностью источниковъ болѣе отдаленному прошлому. Аналогія дается изученіемъ германскихъ землевладѣльческихъ порядковъ до и послѣ завоеванія западной римской имперіи, а также знакомствомъ съ исторіей формъ землевладѣнія въ Сибири и въ казачьихъ общинахъ Россіи. Свидѣтельства Цезаря, Тацита, салической, аллеманской и баварской «Правдъ», нижнерейнскихъ, аллеманскихъ, наконецъ, лангобардскихъ грамотъ, правильно понятыя и истолкованныя, не оставляютъ сомнѣнія, что поземельныя отношенія древнихъ германцевъ складывались слѣдующимъ приблизительно образомъ: округъ, волость или село захватывало извѣстную, довольно об ширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали или окашивали себѣ опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, выгономъ и всѣми другими угодьями пользовались всѣ сообща, въ мѣру потребностей. Только позднѣе, съ ростомъ населенія, съ увеличеніемъ тѣсноты и съ ослабленіемъ добывающей промышленности въ пользу земледѣлія, развивается отчужденіе пахотныхъ участковъ отдѣльныхъ семей, семейные раздѣлы, ограниченія въ пользованіи непахотными участками и т. д. Между тѣмъ относительное значеніе разныхъ отраслей народнаго производства у древнихъ германцевъ было приблизительно таково же, какъ и въ кіевской Руси: извѣстны свидѣтельства Цезаря, Помпонія Мелы, Страбона, что германцы почти не занимались земледѣліемъ, и что главными ихъ занятіями были охота и скотоводство; о томъ же, хотя съ меньшею яркостью, говорятъ Тацитъ и позднѣйшія варварскія «Правды» и грамоты, говорю —«съ меньшею яркостью», потому что земледѣліе дѣлало постепенно успѣхи и лишало добывающую промышленность и скотоводство ихъ доминирующаго положенія. Но если у германцевъ преобладали тѣ-же

отрасли промышленности, какія господствовали въ кіевской Руси, то не въ правѣ ли мы для послѣдней предположить существованіе такихъ же землевладѣльческихъ порядковъ, какіе наблюдаются у тѣхъ же германцевъ? Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что то же можно наблюдать и въ исторіи формъ землевладѣнія въ Сибири. Обычный процессъ разселенія въ Сибири, на дѣвственныхъ почвахъ, сводится къ слѣдующему: поселившись, извѣстная группа новоселовъ—обыкновенно нѣсколько семей или цѣлая волость—захватываетъ себѣ такую обширную территорію, какая ей необходима; сѣнными и лѣсными угодьями пользуются сообща, а для пахоты каждая отдѣльная семья занимаетъ или, какъ гласитъ техническое выраженіе, «наѣзжаетъ» себѣ опредѣленный участокъ, которымъ и пользуется годъ или два съ тѣмъ, чтобы затѣмъ перейти къ другому. Если мѣстность степная, то такой участокъ опахивается, въ лѣсной мѣстности онъ «зачерчивается», т.-е. ставятся зарубки на деревьяхъ. Порядокъ пользованія землей совершенно аналогичный древне-германскому. Наконецъ, въ казачьихъ общинахъ Россіи, гдѣ также господствовала добывающая промышленность, каждая станица захватывала обширную территорію, въ предѣлахъ которой отдѣльныя семьи свободно пользовались угодьями.

Таковы аналогіи, дающія намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія о формахъ землевладѣнія въ древнѣйшей Россіи. Что касается наблюденій надъ позднѣйшими явленіями того же порядка въ нашемъ отечествѣ, то я не буду сейчасъ на нихъ останавливаться подробно—объ этомъ рѣчь впереди, при изученіи удѣльнаго періода, а отмѣчу эти позднѣйшія явленія лишь вкратцѣ. Рѣчь идетъ о такъ называемомъ долевомъ, складническомъ, сябринномъ или сосѣдскомъ землевладѣніи, слѣды котораго сохранились въ XIII-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ. Сущность долевого владѣнія заключается въ томъ, что субъектомъ его, т.-е. обладателемъ права на землю, является дворъ (называемый также деревней), въ составъ котораго входитъ часто многочисленное населеніе, состоящее изъ родственниковъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, причемъ сначала хозяйство ведется сообща, и дѣлятся лишь продуктами общаго труда. Такъ какъ отдѣльные члены двора имѣли право продавать постороннимъ свое право на долю продукта, то путемъ такихъ продажъ въ составъ двора вошли и чужеродцы, и члены двора получили названіе складниковъ, сябровъ или сосѣдей, т.-е. совладѣльцевъ. Но часто дворъ имѣлъ въ своемъ отдѣльномъ владѣніи лишь часть земли, по преимуществу пашню, непахотныя же угодья находились въ нераздѣльномъ пользованіи нѣсколькихъ дворовъ или деревень. Это несомнѣнный остатокъ того болѣе древняго порядка, по которому отдѣльныя семьи «наѣзжали», «опахивали» или «зачерчивали» участки пахотной земли для обособленнаго временнаго пользованія, а всѣ другія угодья были общими для всей болѣе или менѣе значительной группы семей, державшихся вмѣстѣ. Можно такимъ образомъ, от-

правляясь отъ позднѣйшихъ явленій, заключать о древнѣйшихъ: нѣкогда на Руси, очевидно, существовало болѣе обширное владѣльческое цѣлое, чѣмъ отдѣльный дворъ—семья, послѣдній входилъ въ составъ этого цѣлаго и велъ пашенное хозяйство путемъ наѣзда для себя на годъ или на два удобной земли въ потребномъ количествѣ, пользуясь вмѣстѣ съ другими семьями общимъ выгономъ, сѣнокосомъ и лѣсомъ. Затѣмъ съ ростомъ населенія и съ увеличеніемъ хозяйственной роли земледѣлія, обширный владѣльческій союзъ разложился на отдѣльныя семьи.

При свѣтѣ этихъ аналогій и наблюденій надъ явленіями позднѣйшаго времени получаютъ надлежащій смыслъ и значеніе и нѣкоторые отрывочные намеки древнѣйшихъ источниковъ, и выясняется такимъ образомъ темный вопросъ о формахъ землевладѣнія, господствовавшихъ въ кіевской Руси. Первостепенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи опредѣленіе характера и значенія верви. О томъ, что такое представляла изъ себя древнерусская вервь, мы можемъ судить только по одному источнику—«Русской Правдѣ» въ ея пространной редакціи, составившейся, по всѣмъ признакамъ, въ XII-мъ вѣкѣ. Но и «Русская Правда» не даетъ полнаго и всесторонняго изображенія верви и заключаетъ въ себѣ цѣнныя данныя только о *судебномъ* ея значеніи. Вотъ сущность этихъ данныхъ: 1) если въ предѣлахъ верви было найдено тѣло убитаго человѣка, причемъ убійца былъ неизвѣстенъ, то вервь обязана была или принять дѣятельное участіе въ слѣдствіи, въ поискахъ преступника по слѣдамъ преступленія, или, если она не желала этого, заплатить виру, т.—е. поступавшую въ княжескую казну пеню за убійство; 2) если убійца принадлежалъ къ верви, и преступленіе было совершено въ ссорѣ или на пиру, а не умышленно, то вервь платила также виру, распредѣляя платежъ между всѣми членами своими поровну, считая въ томъ числѣ и убійцу, уплачивавшаго такимъ образомъ одинаковую съ другими сумму; на убійцѣ же одномъ лежала только обязанность уплатить родственникамъ убитаго частное вознагражденіе, или такъ называемое головничество; только тогда вервь не участвовала въ платежѣ виры за убійство въ ссорѣ или на пиру, совершенное ея членомъ, когда оказывалось, что этотъ виновный въ убійствѣ членъ ея раньше въ подобномъ же случаѣ отказался отъ участія въ платежѣ по раскладкѣ; 3) вервь должна была участвовать въ слѣдствіи по дѣламъ объ имущественныхъ преступленіяхъ, когда преступникъ неизвѣстенъ, а въ предѣлахъ вервной территоріи остались слѣды преступленія; если вервь въ этомъ случаѣ уклонялась отъ участія въ слѣдствіи, то была обязана уплатить пеню князю и частное вознагражденіе потерпѣвшему. Только опираясь на эти постановленія, мы и можемъ уяснить себѣ вопросъ о юридической природѣ вервнаго союза и разрѣшить тѣ противорѣчія, въ которыя впадаютъ между собою изслѣдователи въ этомъ отношеніи. Можно различить три основныхъ направленія во взглядахъ на вервь: одни считаютъ вервь территоріаль-

нымъ дѣленіемъ, созданнымъ княжескою властью изъ соображеній судебно-полицейскаго характера, съ цѣлью предотвращенія преступленій; другіе признаютъ ее сосѣдской общиною, образовавшеюся естественнымъ путемъ при колонизаціи страны; по мнѣнію третьихъ, вервь по первоначальному своему значенію была кровнымъ союзомъ и лишь потомъ къ ней примѣшались чужеродные элементы. Изложенныя сейчасъ постановленія «Русской Правды» о судебномъ значеніи верви становятся понятными только въ томъ случаѣ, если признать кровное происхожденіе вервнаго союза. Въ самомъ дѣлѣ: если мы допустимъ, что вервь была создана княжескою властью со спеціальною цѣлью предупрежденія преступленій путемъ введенія круговой поруки жителей извѣстной области, то почему же въ такомъ случаѣ правительство не распространило этой мѣры на всѣ виды преступленій или хотя бы только на всѣ виды убійства? Притомъ странно, что при преступленіи менѣе серьезномъ — убійствѣ въ ссорѣ или на пиру — общество платитъ, за преступника, а при умышленномъ убійствѣ оно неотвѣтственно; вѣдь это значило бы въ такомъ случаѣ, что правительство заботилось бы о предупрежденіи лишь менѣе значительныхъ преступленій, оставляя безъ вниманія серьезныя нарушенія права. Также невозможна круговая порука и въ общинѣ сосѣдской, создавшейся естественнымъ путемъ, помимо правительственнаго вліянія: члены чисто-сосѣдской общины могутъ быть соединены круговою порукою только въ томъ случаѣ, если государство наложитъ на нихъ эту поруку принудительно изъ полицейскихъ цѣлей, а предполагать наличность такихъ цѣлей, какъ только что указано, никакъ нельзя въ данномъ случаѣ; притомъ же для такого принудительнаго акта со стороны правительства необходима болѣе или менѣе сильная государственная власть и крѣпостническія (основанныя на принципѣ обязанности) соціальныя отношенія, а ни того, ни другого въ XII-мъ вѣкѣ не было. Итакъ, остается признать вервь за первоначально-кровный союзъ: очевидно, члены верви считали себя нравственно обязанными помогать другъ другу въ уплатѣ пень за менѣе важныя, случайныя преступленія именно по той причинѣ, что они когда-то были связаны между собою узами родства.. Не даромъ «Русская Правда» прямо называетъ уплату виры вервью «*помощью* убійцѣ». Что же касается до платежа виры вервью при отысканіи трупа въ ея предѣлахъ, когда убійца былъ неизвѣстенъ, и вервь не хотѣла тратить время и силы на его отысканіе, и вообще до участія верви въ производствѣ слѣдствія, то относящіяся сюда статьи «Русской Правды», несомнѣнно, указываютъ, что вервь имѣла землевладѣльческое значеніе, что у нея была опредѣленная, огражденная межами, территорія. Итакъ, уже одинъ только внимательный анализъ извѣстій «Русской Правды» о верви позволяетъ сдѣлать два важныхъ вывода: во-первыхъ, что вервь была по своему происхожденію кровнымъ союзомъ; во-вторыхъ, что она имѣла землевладѣльческое значеніе. Эти выводы вполнѣ подтверждаются ана-

логичными юридичесимъ формами древне-славянскаго права. Отъ 1400 года до насъ сохранился статутъ далматской общины Полицы. Въ немъ также идетъ рѣчь о верви, которая изображается, какъ семейная община, притомъ древняго происхожденія: по подлинному выраженію Полицкаго статута, это учрежденіе «почело од искони». Составъ верви или вервной дружины—братья вервные, или «дионики» (совладѣльцы), одного села. Вервь Полицкаго статута имѣетъ разныя формы: первая изъ нихъ — вервные братья живутъ на общей «племенщинѣ» (хозяйствѣ) безъ раздѣловъ по дворамъ и хозяевамъ; вторая форма—они дѣлятъ между собою пахатную землю на участки, владѣя сообща лишь лѣсомъ и пастбищами; наконецъ, третья форма—«длоники» дѣлятъ и пахатную землю, и лѣса, не раздѣляя пастбищъ. Итакъ, полицкая вервь имѣла *землевладѣльческое* значеніе. Но она имѣла также, подобно верви «Русской Правды», и значеніе *судебное*: полицкая вервь имѣла право суда и расправы по своимъ внутреннимъ дѣламъ, члены верви отвѣчали другъ за друга во всѣхъ убыткахъ и платежахъ. Полицкая вервь была, наконецъ, *кровнымъ* союзомъ: на это указываетъ выраженіе «*братья* вервные», да и самое слово «вервь» означаетъ «родственный союзъ», такъ какъ по-сербски «вървникъ» значитъ «родственникъ». Итакъ—полицкая вервь имѣетъ точки соприкосновенія съ вервью «Русской Правды». Еще характернѣе, что обѣ эти верви близки къ другому, очень распространенному среди древнихъ славянъ учрежденію,—задругѣ. Задруга была обширнымъ *родственнымъ* союзомъ, отвѣчала за своихъ членовъ во всякихъ преступленіяхъ, если убійца скрывался; являлась истцомъ и отвѣтчикомъ. Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ знакомый уже намъ примѣръ круговой поруки родственниковъ другъ за друга, наблюдаемъ *судебное* значеніе родственнаго союза. Имущественное, *землевладѣльческое* значеніе задруги таково же, какъ и землевладѣльческое значеніе верви Полицкаго статута: земля считается общею собственностью всѣхъ членовъ задруги; формы пользованія ею двѣ: нераздѣльная эксплуатація и равный раздѣлъ.

Всѣ эти сближенія въ достаточной степени доказываютъ, что въ основѣ древне-русской верви лежало начало родства, и что она имѣла нѣкоторое юридическое отношеніе къ землѣ. Но если не можетъ быть сомнѣнія въ землевладѣльческомъ значеніе древнерусской верви, то та же «Русская Правда» прямо свидѣтельствуетъ, что и болѣе тѣсный, чѣмъ вервь, кровный союзъ—семья, союзъ родителей и дѣтей, имѣлъ также извѣстное юридическое отношеніе къ землѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ «Русской Правдѣ» идетъ, между прочимъ, рѣчь о наслѣдованіи дѣтьми отъ отца «дома», а слово «домъ» означаетъ собою въ этомъ историко-юридическомъ памятникѣ всю семейную собственность, движимую и недвижимую: такъ, въ «Правдѣ» говорится, что поджигатель подвергается разграбленію «дома», т.-е. конфискаціи всего имущества; притомъ недвижимость, усадьба называется въ «Русской Правдѣ»

не домомъ, а дворомъ, а движимое имущество носитъ наименованіе товара. Но если вѣрно, что и вервь, и тѣсный семейный союзъ имѣли землевладѣльческое значеніе, то возникаетъ вопросъ, какъ же разграничивались права ихъ на землю, иначе: какова была юридическая природа отношеній каждаго изъ этихъ союзовъ къ землѣ. И въ этомъ отношеніи «Русская Правда» не оставляетъ насъ безъ нити, руководясь которою можно дойти до истины: *въ «Правдѣ» нѣтъ свободнаго гражданскаго оборота съ землей*,—земля, очевидно, еще въ началѣ XII-го вѣка, не говоря уже о болѣе раннемъ времени, очень рѣдко была цѣнностью, обращавшеюся на рынкѣ, товаромъ, почти никогда не продавалась и не покупалась. Значитъ, земли было еще слишкомъ много, а это исключаетъ возможность освоенія ея отдѣльной семьей, указываетъ на то, что семья не имѣла правъ *собственности* на землю, а обладала лишь правомъ *пользованія*, продолжавшимся до тѣхъ поръ, пока извѣстный участокъ ею эксплуатировался, пока она его разрабатывала, произведя на него «наѣздъ». Такъ, передъ нашими глазами развертывается картина тѣхъ же землевладѣльческихъ порядковъ, какіе наблюдаются, какъ было сказано раньше, у древнихъ германцевъ и въ исторіи сибирскаго землевладѣнія и казацкихъ общинъ: вервь занимала прочно и болѣе или менѣе точно отмежевывала извѣстную довольно обширную территорію, а отдѣльныя семьи періодически «наѣзжали» извѣстныя ея части и пользовались ими по произволу и въ теченіе произвольнаго срока. Понятно теперь и извѣстіе «Начальной лѣтописи» о полянахъ: «живяху каждо своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь, волость, она имѣла «свои мѣста», опредѣленную территорію. А далѣе, въ видѣ иллюстраціи, лѣтопись приводитъ извѣстный разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они, вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или родъ и пользовались свободно землею въ предѣлахъ родовой или вервной территоріи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. «Русская Правда» сохранила для насъ и любопытные намеки на опахиваніе и зачерчиваніе временно-занимаемыхъ отдѣльными семьями земельныхъ участковъ: въ ней говорится о «межѣ ролейной», т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ», т.-е. имѣвшемъ «знамя», знакъ собственности, зачерченномъ или «затяпанномъ», какъ еще выражаются въ Сибири.

Такова господствующая форма землевладѣнія въ первый періодъ развитія натуральнаго хозяйства, когда населеніе рѣдко, и основной отраслью народнаго производства является добывающая промышленность. Изслѣдователи сибирскаго землевладѣнія удачно обозначаютъ эту форму земельнаго владѣнія заимствованнымъ у сибирскихъ же крестьянъ терминомъ «вольное землепользованіе». Не трудно понять, что *вольное землепользованіе—естественный результатъ господства добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства*, потому что и

первая и второе требуютъ частой перемѣны района, подвергающагося хозяйственной эксплуатаціи со стороны отдѣльной семьи: звѣрь и рыба выводятся, для скота нужны новыя пастбища взамѣнъ истощенныхъ. Не остались, однако, безъ вліянія и второстепенныя отрасли промышленности, существовавшія въ то время, именно земледѣліе и внѣшняя торговля. Первое отразилось на вольномъ землепользованіи въ томъ смыслѣ, что заставило, если не семью, то вервь болѣе или менѣе точно опредѣлить свои территоріальные предѣлы, усѣсться на мѣстѣ, ограничить раньше безраздѣльно господствовавшій кочевой бытъ. Вторая, т.-е. внѣшняя торговля, создала, начиная съ X-го вѣка, новыя формы землевладѣнія, прежде на Руси невѣдомыя: то были *землевладѣніе княжеское, боярское и монастырское*. Первые слѣды княжескаго землевладѣнія становятся замѣтны уже въ X-мъ вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» и «перевѣсища». У той же княгини упоминается городъ Вышгородъ и село Ольжичи. У матери Владиміра святого, ключницы Святослава Малуши, было село Будятино. У Рогнѣды—городъ Изяславль. Бѣлгородъ и Берестово были подгородными княжескими селами при Владимірѣ. Владиміръ Мономахъ въ XI-мъ вѣкѣ проявлялъ очень большую заботливость о хозяйствѣ въ своихъ селахъ, какъ то видно изъ его «Поученія». Въ XII-мъ вѣкѣ очень часто говорится о земельныхъ владѣніяхъ князей: въ 1128 г., по житію св. Евфросиніи, было княжеское село около Полоцка, въ 1146 г. упоминаются княжескія села въ землѣ сѣверянъ; въ 1150 г. въ смоленскомъ княжествѣ; Любечъ и Черниговъ были въ XII-мъ столѣтіи окружены княжескими селами, у Андрея Боголюбскаго въ ростовско-суздальской землѣ былъ городъ Боголюбовъ и много «слободъ купленныхъ и селъ лѣпшихъ». Въ томъ же XII-мъ столѣтіи неоднократно встрѣчаются извѣстія о разореніи селъ боярскихъ, а Изяславъ Мстиславичъ упоминаетъ о селахъ своей дружины въ кіевской землѣ. Первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся къ XI-му вѣку. Наконецъ въ томъ же XI-мъ столѣтіи возникло еще и монастырское землевладѣніе: въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи монастырю княземъ Изяславомъ Ярославичемъ горы, а затѣмъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ то Ефремомъ (очевидно, бояриномъ) селъ въ монастырь. Такъ сразу намѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ. Въ XII-мъ вѣкѣ церковныя и монастырскія земли уже далеко не рѣдкость: Антоній Римлянинъ купилъ въ основанный имъ монастырь у посадничьихъ дѣтей Смехна и Прохна землю, границы которой точно указаны въ купчей; въ «Никоновской лѣтописи» надъ 1123 годомъ упоминается митрополичій городъ Синелица въ нынѣшней Полтавской губерніи; князь Ростиславъ далъ смоленскому епископу въ 1150 г три села; въ 1169 г. упомянутъ городъ святой Богородицы десятинной;

Андрей Боголюбскій щедро одарялъ землями церковь св. Богородицы Златоверхую во Владимірѣ на Клязьмѣ. Но не только появились наряду съ крестьянами новые владѣльцы—князья, бояре, монастыри, перемѣна была еще глубже: она коснулась самаго понятія собственности на землю, потому что землевладѣніе князей, бояръ и монастырей отличалось уже несравненно бо́льшею прочностью, опредѣленностью и осѣдлостью, чѣмъ вольное землевладѣніе крестьянъ.

Въ какомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженіе, что новыя формы землевладѣнія въ Кіевской Руси были созданы внѣшнею торговлей? Въ томъ смыслѣ, что благодаря торговлѣ въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильною струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Капиталъ далъ возможность занять прочно и надлежащимъ образомъ эксплуатировать болѣе или менѣе обширныя земли посредствомъ приложенія несвободнаго и полусвободнаго труда, такъ какъ только капиталисты имѣли средства покупать въ значительномъ количествѣ рабовъ и ссужать деньги съ обязательствомъ отработать долгъ съ процентами: такія ссуды приводили къ образованію полусвободнаго класса, такъ называемыхъ «закуповъ», трудъ которыхъ, наряду съ трудомъ холоповъ, имѣлъ очень существенное значеніе въ процессѣ развитія княжескаго, боярскаго и монастырскаго землевладѣнія. Самое зарожденіе идеи полной собственности на землю не безъ основанія объясняется тѣмъ, что земля занималась обыкновенно сильнымъ человѣкомъ посредствомъ поселенія на ней холоповъ, несвободныхъ людей, челяди; отсюда и строился такой выводъ: такъ какъ на землѣ сидятъ мои люди, то, значитъ, и самая земля принадлежитъ мнѣ.

Но замѣчаніе о примѣненіи несвободнаго и полусвободнаго труда относится уже къ вопросу о формахъ хозяйства. Уже то, что̀ только что сейчасъ сказано о происхожденіи княжескаго, боярскаго и церковнаго землевладѣнія, свидѣтельствуетъ, что новымъ видамъ земельнаго владѣнія соотвѣтствовали и новыя формы хозяйства: трудъ несвободный, холопскій и полусвободный, закупническій. Это явственно выступаетъ на видъ изъ Русской Правды которая знаетъ холоповъ княжескихъ, боярскихъ и «чернечьихъ», т.-е. монастырскихъ. Уже въ XI-мъ вѣкѣ упоминаются холопы у новгородскихъ епископовъ Луки Жидяты и Стефана. По «Никоновской лѣтописи», митрополичій городъ Синелица въ 1123 году былъ усадьбой и имѣніемъ съ холопами. Тѣмъ же въ сущности былъ и Боголюбовъ у кн. Андрея суздальскаго. Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Русской Правды», вмѣсто выраженія «княжъ мужъ», т.-е. бояринъ, встрѣчается терминъ «огнищанинъ». Въ толкованіи этого слова изслѣдователи не сходятся между собою: всѣ производятъ его отъ слова «огнище». По мнѣнію однихъ, «огнище» значитъ «дворъ»

и даже «княжескій дворъ», и, слѣдовательно, огнищанинъ то же, что̀ дворянинъ, дружинникъ. По другимъ, основывающимся на современной сѣверной народной терминологіи, огнище — земля, на которой выжженъ лѣсъ, и которая предназначена для пахоты, такъ что огнищанинъ—землевладѣлецъ. Но существуетъ еще третье объясненіе, которое слѣдуетъ предпочесть, потому что оно опирается на очень древній текстъ: въ XI-мъ вѣкѣ появились въ переводѣ съ греческаго 12 словъ (т.-е. проповѣдей) св. Григорія Богослова; здѣсь выраженіе подлинника οἱ πλήθει γαυριῶντες τῶν ἀνδραπόδων καὶ τετραπόδων передано такъ: «гърдящіеся многы огнищи и стады»; итакъ, огнищи=ἀνδράποδα, т.-е. рабы; слѣдовательно, огнищане—рабовладѣльцы. Это показываетъ, что бояре въ кіевской Руси обыкновенно пользовались рабскимъ трудомъ. Можно догадываться, что главною задачей этого зарождавшагося тогда владѣльческаго хозяйства была доставка продуктовъ земледѣлія и скотоводства для непосредственнаго потребленія лицъ, составлявшихъ высшій слой населенія: это видно изъ того, что въ «Русской Правдѣ» несвободные люди фигурируютъ не въ качествѣ охотниковъ и пчеловодовъ, работа которыхъ одна только доставляла, какъ мы видѣли, предметы для внѣшней торговли, мѣха, медъ и воскъ, а по преимуществу въ видѣ «тіуновъ конюшихъ», т.-е. приказчиковъ, завѣдующихъ конскими стадами, или «тіуновъ ратайныхъ», т.-е. земледѣльческихъ приказчиковъ, княжескихъ и боярскихъ. Закупы—полусвободные рабочіе—носятъ въ Русской Правдѣ характерное названіе «ролейныхъ», т.-е. пашенныхъ, отъ «ролья»—пашня. Но нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда простиралась въ извѣстной мѣрѣ и на область добывающей промышленности и доставляла, слѣдовательно, нѣкоторое, хотя, вѣроятно, и не особенно значительное, дополненіе къ числу тѣхъ добываемыхъ по преимуществу путемъ сбора дани продуктовъ, которые вывозились на византійскій рынокъ и отчуждались на азіатскій востокъ.

Однако, эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана *господствующею* формой хозяйства въ кіевской Руси, какъ не могутъ быть признаны господствующими въ то время и княжское, боярское и монастырское землевладѣніе. Главная масса земли сосредоточивалась въ рукахъ чернаго свободнаго населенія, смердовъ, а смерды вели хозяйство совершенно не такъ, какъ князья, бояре, архіереи и монастыри. Звѣроловы и бортники, какими были смерды, искали простора для своихъ охотничьихъ и пчеловодныхъ занятій, не тѣснились поэтому другъ къ другу, а селились въ разбродъ, на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ сырой и болотистой, лѣсной страны, по близости отъ рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому господствующею хозяйственною единицей того времени была семья, довольно тѣсный родственный

союзъ, обыкновенно не дѣлившійся на болѣе мелкія хозяйства и по смерти отца. Семья, вслѣдствіе того, что большинство населенія занималось однимъ и тѣмъ же, по преимуществу охотой и пчеловодствомъ, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственнаго потребленія и ничего не покупала у другихъ. При такихъ условіяхъ не оставалось мѣста для широкаго развитія несвободнаго, рабскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ кіевской Руси. И въ самомъ дѣлѣ: несвободный трудъ, при семейной организаціи добывающей промышленности, при натуральной системѣ хозяйства, не является экономическою необходимостью, находитъ себѣ примѣненіе лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: каждая семья легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ организаціи принудительнаго труда. Недаромъ византійскіе писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о славянахъ въ эпоху ихъ выселенія изъ Прикарпатскаго края, оставили намъ свидѣтельства о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правдѣ» неизвѣстны холопы у смердовъ или крестьянъ. Вообще нѣтъ недостатка въ несомнѣнныхъ указаніяхъ на господство семейной формы хозяйственныхъ предпріятій среди массы населенія: «Начальная лѣтопись» сообщаетъ, что различныя племена восточныхъ славянъ, подчиненныя Олегомъ и Святославомъ, платили дань этимъ князьямъ «съ дыма» или «съ дома». Что такое этотъ дымъ или домъ, какъ не семейный поселокъ? До насъ дошли и матеріальные остатки такихъ семейныхъ хозяйственныхъ единицъ въ видѣ раскапываемыхъ археологами городищъ. Эти городища обыкновенно треугольной или круглой формы; площадь ихъ окружена валомъ; окружность обыкновенно отъ 300 до 450 шаговъ, но встрѣчаются и менѣе 200, и, съ другой стороны до 1.000 шаговъ. Эта незначительность площади какъ разъ и указываетъ на то, что городище—остатокъ старинаго семейнаго поселенія. Громадное количество городищъ—они считаются сотнями въ каждой изъ населенныхъ въ то время нынѣшнихъ губерній — также свидѣтельствуетъ въ пользу такого объясненія и противъ взглядовъ на городища, какъ остатки древнихъ городовъ или мѣстъ для богослуженія. Насъ не должно смущать названіе «городище», потому что, во-первыхъ, неизвѣстно точно время примѣненія этого названія къ данному предмету, а во-вторыхъ, если бы даже и оказалось, что въ древнее время всякій такой незначительный семейный поселокъ назывался городомъ,— все-таки теперь его такъ называть нельзя, потому что терминъ «городъ» имѣетъ совсѣмъ другое значеніе: это не болѣе, какъ укрѣпленные однодворные поселки. Наконецъ, постановленія «Русской Правды» о наслѣдствѣ смердовъ также доказываютъ, что хозяйственною единицей въ кіевской Руси была семья: «Если смердъ умретъ безъ сыновей»,

говоритъ «Русская Правда»,—то наслѣдство князю; если у него въ семьѣ будутъ дочери,—то дать имъ часть; если онѣ замужемъ, то не дать имъ части». Такимъ образомъ изъ наслѣдства исключались не только боковые родственники, не принадлежащіе къ семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ, но и замужнія дочери, вступившія посредствомъ замужества въ чужую семью. Наконецъ, на домашнее, семейное производство для собственнаго потребленія указываютъ уже извѣстные намъ факты, относящіеся къ обрабатывающей промышленности: таково, напр., извѣстіе «Патерика Печерскаго», что Исаія сдѣлалъ себѣ свиту изъ грубаго домотканнаго холста. Тотъ-же «Патерикъ» познакомилъ насъ съ другою формой производства въ области обрабатывающей промышленности,—съ мелкими кустарными промыслами, имѣющими въ виду сбытъ на небольшомъ мѣстномъ рынкѣ: напомню о производствѣ шерстяныхъ чулокъ и шапокъ монахами и о сбытѣ ихъ на кіевскомъ базарѣ; напомню также лѣтописное извѣстіе о производствѣ горшковъ близь Новгорода и продажѣ ихъ въ этомъ городѣ. Наконецъ, внѣшняя торговля, отличавшаяся, какъ мы видѣли изъ разсказа Константина Багрянороднаго и договоровъ Олега и Игоря съ греками, караваннымъ характеромъ, вызвала къ жизни купеческія компаніи или товарищества. Грамота новгородскаго князя Всеволода Ольговича въ 1135 году церкви св. Ивана на-Опокахъ свидѣтельствуетъ объ образованіи въ Новгородѣ компаній купцовъ-торговцевъ воскомъ; «Русская Правда» сохранила слѣдъ существованія купеческихъ товариществъ на вѣрѣ или командитныхъ, когда участники товарищества отвѣчаютъ за убытки не всѣмъ своимъ капиталомъ, а только вложенною въ общее предпріятіе частью его.

При свѣтѣ полученныхъ нами выводовъ, касающихся экономическаго быта кіевской Руси, для насъ становится вполнѣ понятною и ясною *техника* или *система хозяйства* въ то время. Она, какъ показываетъ обиліе даровъ природы и господствующая форма землевладѣнія, отличалась первобытнымъ, хищническимъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, экстенсивнымъ характеромъ, не требовала большого труда и затраты сколько-нибудь значительнаго капитала. Охота сводилась къ безпощадному, неразсчетливому истребленію звѣрей, водившихся въ такомъ изобиліи въ обширныхъ лѣсахъ, что не было нужды въ какихъ-либо правилахъ или ограниченіяхъ для охоты, да и некому было ихъ устанавливать и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Звѣроловъ не ограничивалъ своей истребительной дѣятельности какимъ-либо небольшимъ райономъ, а охотился на обширныхъ пространствахъ, постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое. Техническіе пріемы другой важной отрасли добывающей промышленности въ кіевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнѣйшее пчеловодство носитъ характерное названіе бортничества во всѣхъ

грамотахъ кіевскаго періода, между прочимъ и въ «Русской Правдѣ». Бортничествомъ называется такое пчеловодство, при которомъ совершенно не заводится искусственныхъ приспособленій для пчелъ, ульевъ или пасѣкъ, а пчеловоды пользуются медомъ и воскомъ, которые складываются дикими пчелами въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, называемыхъ бортными или бортями. Для занятія такимъ пчеловодствомъ не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортномъ деревѣ «знамя», т.-е. знакъ собственности, и своевременно вынуть накопившійся медъ и воскъ. Далѣе, при обиліи лѣсовъ и болотъ и при крайней рѣдкости населенія, въ земледѣліи возможна была только одна подсѣчная, огневая, или лядинная система, состоящая въ томъ, что вырубался и выжигался лѣсъ, и на образовавшемся такимъ образомъ «палѣ», «огнищѣ», или «лядахъ», высушенномъ и покрытомъ пепломъ пространствѣ, сѣялся годъ или два хлѣбъ, потомъ повторялась та же операція съ другимъ участкомъ, черезъ такой же срокъ переходили къ третьему и т. д. На такую же земледѣльческую систему указываетъ уже существованіе характеризованнаго нами въ свое время раньше вольнаго землепользованія. То же подтверждается и однимъ источникомъ XII-го вѣка, именно посланіемъ митрополита Климента смоленскому священнику Ѳомѣ; вотъ что здѣсь, между прочимъ, говорится: «Да скажу ти сущихъ славы хотящихъ: иже прилагаютъ домъ къ дому и села къ селамъ, изгои ж и сябры и бортіи и пожні и ляда же и старины». Эти слова важны во многихъ отношеніяхъ: они указываютъ и на образованіе частнаго землевладѣнія, и на появленіе зародышей сябриннаго владѣнія землей, и на важность бортничества и скотоводства, но для насъ особенно серьезное значеніе имѣетъ, въ данномъ случаѣ, слово «ляда», свидѣтельствующее о лядинной или подсѣчной системѣ полевого хозяйства. Слѣдовательно, хищническій и кочевой характеръ составлялъ такой же отличительный признакъ земледѣлія, какъ и добывающей промышленности. Въ промышленности обрабатывающей, при домашнемъ производствѣ для удовлетворенія собственныхъ потребностей или при производствѣ на незначительный мѣстный рынокъ, не могло существовать, конечно, никакихъ техническихъ приспособленій: работа была ручная. Наконецъ, приведенный уже раньше разсказъ Константина Багрянороднаго о внѣшней торговлѣ какъ нельзя лучше показываетъ, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивною организаціей: торговля была караванною, не требовала капитала, не содѣйствовала выработкѣ коммерческой техники, не устанавливала постоянной, непрерывной экономической связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ.

Мы изслѣдовали производство и обмѣнъ хозяйственныхъ благъ въ кіевской Руси. Чтобы закончить изученіе экономическаго быта Россіи

въ первый періодъ ея исторической жизни, остается обратить вниманіе на *распредѣленіе хозяйственныхъ благъ.*

Для того, чтобы правильно освѣтить эту сторону экономическихъ отношеній, мы не должны забывать, что кіевскій періодъ русской исторіи былъ временемъ натуральнаго хозяйства и господства семейной формы предпріятій. Это важно по той причинѣ, что предполагаетъ у громаднаго большинства населенія достаточное количество средствъ и матеріаловъ производства и устраняетъ вопросъ о всеобщей бѣдности; рѣдкость населенія и обиліе даровъ природы въ большинствѣ случаевъ обезпечивало народу безбѣдное существованіе. Такъ какъ каждый семейный союзъ былъ въ одно и то же время предпринимателемъ, землевладѣльцемъ и рабочимъ, т.-е. обладалъ всѣми орудіями производства—капиталомъ, землей и трудомъ, то для массы населенія не имѣла, слѣдовательно, значенія относительная высота прибыли на капиталъ, земельной ренты и заработной платы. Такимъ образомъ, то, что будетъ по этому вопросу сейчасъ сказано, будетъ имѣть отношеніе только къ меньшинству населенія.

Когда у насъ шла рѣчь о формахъ хозяйства, то въ числѣ этихъ формъ не была упомянута эксплуатація вольнонаемнаго труда, потому что такой трудъ былъ чрезвычайною рѣдкостью и являлся слѣдствіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, исключительныхъ условій: пространная «Русская Правда» упоминаетъ о срочныхъ рабочихъ, которые работаютъ изъ-за хлѣба, иногда и съ небольшою денежною доплатой; очевидно, это бывало лишь при крайней бѣдности и по преимуществу въ случаѣ голода. Насколько незначительна были при этомъ заработная плата, это видно изъ одной статьи пространной «Правды», относящейся, повидимому, уже къ XIII-му вѣку: годовой трудъ двухъ женщинъ («женки съ дочерью») оцѣнивается здѣсь всего въ одну гривну.

Если заработная плата была низка, то, естественно, должна быть высока прибыль на капиталъ. О высотѣ прибыли принято судить по высотѣ рыночнаго процента на занимаемый капиталъ. Процентъ въ кіевской Руси былъ чрезвычайно высокъ: «Русская Правда» свидѣтельствуетъ, что при годовомъ займѣ позволялось брать на два третій, т.-е. 50%.

При громадномъ количествѣ свободныхъ земель, при господствѣ вольнаго землепользованія, экстенсивной системы хозяйства и при полномъ почти отсутствіи торговли хлѣбомъ,—исключеніе представляла лишь доставка хлѣба въ Новгородъ,—земельная рента не могла быть, конечно, высока. Можно сказать, что она стала зарождаться не раньше XI-го вѣка, когда стало замѣтнымъ княжеское, боярское и монастырское землевладѣніе.

Какіе же выводы относительно распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ изучаемый періодъ можно сдѣлать изъ всего этого? Оче-

видно, можно формулировать два вывода: 1) предметы *необходимости* были распредѣлены достаточно равномѣрно; 2) предметы *роскоши и денежный* капиталъ должны были распредѣляться очень неравномѣрно и сосредоточиваться въ тѣхъ слояхъ общества, которые непосредственно участвовали во внѣшней торговлѣ. Этотъ послѣдній выводъ подтверждается однимъ лѣтописнымъ разсказомъ: когда въ 1018 году новгородцы произвели денежную складку, собирая войско для защиты Ярослава противъ Святополка Окаяннаго, то съ простыхъ людей брали по 4 куны, а съ бояръ по 18 гривенъ; такъ какъ гривна содержала въ XI-мъ вѣкѣ 25 кунъ, то оказывается, что бояре обложены были въ 112½ разъ тяжелѣе простыхъ людей. Причина этого заключается, очевидно, въ томъ, что денежный, но именно только *денежный*, капиталъ сосредоточивался въ боярскомъ классѣ.

Итакъ, вслѣдъ за изученіемъ естественныхъ условій страны въ первый періодъ исторической жизни русскаго народа мы познакомились съ процессомъ развитія экономическихъ явленій въ то же время. Согласно принятому нами плану, необходимо теперь сдѣлать общія соціологическія заключенія, касающіяся развитія хозяйственныхъ явленій и отношенія ихъ къ условіямъ природы и къ распредѣленію населенія. Предшествующее изложеніе въ достаточной степени показываетъ, кажется, въ какой связи находятся между собою отдѣльные элементы народно-хозяйственной жизни. *Основнымъ изъ этихъ элементовъ, опредѣляющимъ типъ хозяйственнаго развитія въ извѣстный моментъ, является относительное значеніе разныхъ отраслей производства.* Господствующая отрасль производства опредѣляетъ формы обладанія средствами производства: землей, трудомъ и капиталомъ, а также и самую технику или систему производства. Но эта основная экономическая сила не на всѣ стороны хозяйственнаго процесса вліяетъ одинаково: на однѣ изъ этихъ сторонъ ея *непосредственное* вліяніе очень сильно, на другія она дѣйствуетъ по преимуществу черезъ посредство производныхъ отъ нея экономическихъ явленій. *Въ ближайшей непосредственной зависимости отъ господства извѣстной отрасли производства находятся формы землевладѣнія*, т.-е. пользованія естественнымъ факторомъ производства, землей. *Формами землевладѣнія, въ свою очередь, непосредственно опредѣляются, съ одной стороны формы хозяйства*, т.-е. способы эксплуатація другого фактора производства—труда, *съ другой—техника или система производства.* Не надо, однако, забывать, что и *на формахъ хозяйства, и на его техникѣ или системѣ отражается непосредственно и господство извѣстной отрасли промышленности.* Наконецъ, распредѣленіе потребительныхъ цѣнностей и капитала въ разныхъ видахъ послѣдняго—наиболѣе сложное явленіе экономической жизни: *на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ отражаются непосредственно и господствующая отрасль промышленности*,

и формы землевладѣнія, и, наконецъ, формы хозяйства. Такимъ образомъ, чтобы узнать, какія формы землевладѣнія господствуютъ въ данной странѣ въ извѣстный періодъ времени, и чтобы понять, почему онѣ господствуютъ, достаточно уяснить себѣ, какая отрасль промышленности въ этой странѣ въ данный періодъ преобладаетъ. Чтобы опредѣлить формы хозяйства и его систему, надо принять во вниманіе господствующую отрасль промышленности и вытекающія изъ нея формы землевладѣнія, т.-е. два элемента хозяйственной жизни, а не одинъ только, какъ при опредѣленіи формы землевладѣнія. Наконецъ, для пониманія механизма распредѣленія хозяйственныхъ благъ необходимо взять за основу изученія три экономическихъ элемента: господствующую отрасль промышленности, формы землевладѣнія и формы хозяйства. Итакъ, ясно, что основа всего хозяйственнаго развитія—господство извѣстной отрасли производства. Но чему же обязана своимъ существованіемъ эта основа? Иначе говоря: почему въ кіевской Руси господствовала добывающая промышленность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: добывающая промышленность господствовала по той причинѣ, что населеніе было рѣдко, и потому обширная страна изобиловала ботаническими и зоологическими богатствами. Слѣдовательно, *господство той или другой отрасли производства опредѣляется отношеніемъ населенія страны къ пространству ея, или, что то же, степенью плотности населенія.* Но мы тщетно стали бы искать какого-либо значительнаго слѣда вліянія на экономическую жизнь какихъ-либо другихъ условій внѣшней природы—рельефа, климата или почвы. Не надо также забывать, что одно изъ самыхъ крупныхъ явленій, подвергавшихся нашему изученію ранѣе, именно распредѣленіе русскаго населенія или колонизація, не объясняется естественными условіями страны, которыя, какъ мы въ свое время видѣли, создавали лишь возможность этой колонизаціи, содѣйствовали ей, но не дѣлали еще ее необходимою. Мы можемъ теперь указать, по крайней мѣрѣ одну активную причину этой колонизаціи: она кроется въ господствѣ добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства, требующихъ постояннаго переселенія, въ преобладаніи вольнаго землевладѣнія и экстенсивной системы хозяйства—хищнической въ добывающей промышленности и подсѣчной въ земледѣліи, такъ какъ и вольное землепользованіе, и примитивная хозяйственная техника мѣшаютъ полной осѣдлости и заставляютъ мѣнять старыя мѣста на новыя.

Если теперь мы попробуемъ составить изъ изслѣдованныхъ нами явленій—естественныхъ и экономическихъ — связную цѣпь причинъ и слѣдствій, то получимъ приблизительно такую формулу: рѣдкость населенія при обиліи даровъ природы вызвала преобладаніе въ народномъ хозяйствѣ кіевской Руси добывающей промышленности и скотоводства при второстепенномъ значеніи земледѣлія и внѣшней торговли

и съ нѣкоторой совершенно уже ничтожной примѣсью внутренней торговли и обрабатывающей промышленности; господство добывающей промышленности и скотоводства повело къ преобладанію вольнаго землепользованія, а примѣсь земледѣлія и внѣшней торговли ограничила вольное землепользованіе предѣлами верви и вызвала къ жизни основанное на идеѣ полной собственности землевладѣніе князей, бояръ и монастырей; вольное землепользованіе наряду съ преобладаніемъ добывающей промышленности и скотоводства создало семейную форму предпріятій и экстенсивную систему хозяйства, въ то время какъ землевладѣніе князей, бояръ и монастырей вмѣстѣ съ земледѣліемъ и внѣшней торговлей произвело новыя формы труда—полусвободныя и несвободныя; господство первобытныхъ отраслей промышленности, вольнаго землепользованія и семейной формы хозяйства вызвали приблизительно равномѣрное распредѣленіе предметовъ необходимости, между тѣмъ какъ примѣсь внѣшней торговли, полной личной собственности на землю и несвободнаго и полусвободнаго труда сосредоточила денежный капиталъ въ немногихъ рукахъ; наконецъ, то же преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія и экстенсивной системы хозяйства произвело и развило рѣзко выраженный процессъ колонизаціи, разселенія русскаго народа по восточно-европейской равнинѣ.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

19.

Такъ какъ просьбу объ аудіенціи еврея Алассера поддерживали весьма вліятельныя лица, то она была ему дарована. Одна изъ газетъ, имѣющая вліяніе на общественное мнѣніе, высказала удовольствіе по поводу того, что наконецъ-то дѣло, такъ долго вызывавшее всеобщее недоумѣніе и волновавшее всѣхъ честно мыслящихъ людей, достигло той инстанціи, гдѣ не можетъ быть никакихъ колебаній или уклоненій. О подробностяхъ аудіенціи печаталось очень мало. Только и сдѣлалось извѣстнымъ, что монархъ, удостоивъ внимательно прочесть поданное ему прошеніе, обратился къ несчастному отцу, рыдавшему у его ногъ, съ слѣдующими многообѣщающими словами:

— Я далъ новыя распоряженія властямъ, чтобы они исполнили свой долгъ.

И дѣйствительно, уже два часа спустя приказы были повсюду разосланы.

Но затѣмъ проходилъ день за днемъ, не принося съ собою никакихъ измѣненій въ положеніи дѣла. Когда Алассеръ, узнавъ, что Ютту видѣли въ монастырѣ около Тарноберцега, телеграфировалъ окружному судьѣ, то тотъ направилъ его къ другому, тому, что уже раньше однажды отклонилъ его прошеніе. Тогда Алассеръ обратился къ первому министру и тотъ на его просьбу о защитѣ сказалъ:

— Вы имѣете полное право разсчитывать на нашу поддержку—мы обязаны оказать вамъ защиту.

Но и послѣ этого опять ничего не дѣлалось. Алассеръ обратился къ министру юстиціи—министръ юстиціи увѣрилъ его, что, — что касается подчиненныхъ ему властей,—то ими будутъ употреблены всѣ мѣры для раскрытія мѣстопребыванія дѣвушки, все будетъ пущено

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

въ ходъ, чтобы вернуть отцу дочь до 10-го февраля, т.-е. ея совершенно-лѣтія въ вопросахъ религіозныхъ. Не было конца его ожиданіямъ по переднимъ, просьбамъ, разговорамъ, поклонамъ, объясненіямъ. Люди, говоря съ Алассеромъ, то качали головой, давали совѣты, задумывались, то бывали разсѣянны, растроганы, заняты другимъ, боязливо или весьма недвусмысленно нахальны. А время шло и шло. Другой скандалъ овладѣлъ вниманіемъ общества. Алассеръ сказалъ себѣ, что Ютта умерла для нихъ. Его тянуло домой. Онъ усталъ отъ хлопотъ, усталъ отъ разговоровъ, усталъ умолять, усталъ надѣяться. Въ послѣдній день онъ еще разъ собралъ всѣ свои силы и предпринялъ еще одну, послѣднюю попытку; ему посчастливилось въ неназначенный день добиться пріема у намѣстника Галиціи. Поневолѣ сдерживая свое отчаяніе, задалъ онъ послѣдній вопросъ, чтобы потомъ уже навсегда утратить всякую энергію. И его высокопревосходительство, всѣми чтимый старикъ, потрясенный чисто по-человѣчески, позабылъ на этотъ разъ оффиціальный тонъ и произнесъ достопамятныя слова:

— Наша власть кончается у ограды монастыря.

Это было 5-го февраля.

Въ серединѣ января вѣсть о милостивомъ обѣщаніи монарха достигла Падолина и дошла до Арнольда. Онъ и не ждалъ иного исхода. Со времени разговора съ Алассеромъ чувствовалъ себя спокойнымъ и до глубины души неизмѣнно и непоколебимо вѣрилъ въ успѣхъ.

Послѣ полученія извѣстія объ аудіенціи Арнольдомъ овладѣла ненасытная потребность физическаго труда. Взявъ метлу и лопату, онъ отправился во дворъ прокладывать дорожку въ глубокомъ снѣгу и безъ отдыха проработалъ такимъ образомъ цѣлый часъ. Въ это время у дверей конюшни стоялъ одинъ изъ рабочихъ съ трубочкой во рту и разговаривалъ съ новою судомойкой; оба они съ любопытствомъ посматривали въ его сторону и хохотали. Хотя воздухъ былъ чистый, холодный и рѣзкій, но Арнольдъ обливался потомъ. Вдругъ у забора раздался повелительный голосъ; онъ поднялъ голову. Тамъ съ раскрытымъ зонтомъ, отряхая снѣгъ съ высокихъ сапоговъ, стоялъ священникъ и спрашивалъ госпожу Анзорге.

— Мать больна,—нѣсколько удивленно отвѣтилъ Арнольдъ.

— Тѣмъ болѣе причинъ для духовнаго лица навѣстить ее,—послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ же повелительномъ тонѣ. На этомъ разстояніи лицо священника походило на изрытый во всѣхъ направленіяхъ ущельями горный хребетъ, ни долины, ни вершины котораго никогда не освѣщаются солнцемъ. Подумавъ съ минуту, Арнольдъ пошелъ впередъ, указывая ему дорогу. Госпожа Анзорге медленно обратила свое лицо къ вошедшимъ; на немъ лежали слѣды такого самообладанія и терпѣнія, что всякая рисовка въ ея присутствіи казалась неумѣстною и лживою. Но священнослужитель ничего этого не понялъ. Онъ сѣлъ, твердо посмотрѣлъ на больную, спросилъ о ея здоровьѣ, и когда, вмѣсто отвѣта,

госпожа Анзорге какъ-то равнодушно и неопредѣленно опустила вѣки, смочилъ губы языкомъ и началъ.

— Почему молодого Анзорге не видать ни въ церкви, ни у исповѣди? Развѣ вы не воспитали вашего сына въ страхѣ и вѣрѣ въ тріединаго Господа Бога? Давно уже я жду его, но онъ обманываетъ мое ожиданіе въ немъ кроются дурныя склонности — онъ вступаетъ въ союзъ съ безбожниками. Поэтому я пришелъ къ вамъ и спрашиваю: исполнили ли вы, добрѣйшая, свой материнскій долгъ? Признаете ли свои поступки дурными и грѣховными, сынъ мой?

Произнеся эти слова ровнымъ, но слегка приподнятымъ тономъ, священникъ замолчалъ и снова облизалъ губы. Онъ считалъ, что уже впередъ разбилъ въ пухъ и прахъ всевозможныя возраженія, а потому самодовольно взиралъ на свои сложенныя на колѣняхъ руки. Развѣ могло быть что-либо непреоборимѣе, какъ крикнуть въ уши человѣку колеблющемуся, даже павшему, имя Господне? Госпожа Анзорге съ неимовѣрнымъ трудомъ приподняла голову и серьезнымъ, нѣсколько надорваннымъ болѣзнью, голосомъ отвѣтила:

— Не трудитесь, ваше преподобіе. Мы не нуждаемся въ посредникѣ между нами и небесами.

Священникъ въ ужасѣ вскочилъ со стула.

Госпожа Анзорге вздохнула и потухшими глазами обвела комнату. Казалось, что уста ея уже не повинуются болѣе внушенію чувства своего превосходства, и она тихо прибавила:

— Богъ съ нами всегда и повсюду, только не на языкѣ.

И она сдѣлала такой жестъ рукой, точно желала помѣшать священнику дальше выдавать себя головой.

Тотъ почувствовалъ что-то въ родѣ страха. Онъ сталъ искать отвѣта въ своихъ убѣжденіяхъ, но это было безполезно. Арнольдъ указалъ ему на больную, закрывшую глаза и, повидимому, впавшую въ забытье.

Въ ту же минуту постучали въ дверь и вошелъ докторъ. Поздоровался онъ со священникомъ очень вѣжливо, съ легкимъ оттѣнкомъ товарищества, и это моментально распространило въ комнатѣ будничную атмосферу. Взволнованный священникъ, пробормотавъ нѣсколько словъ, вышелъ.

Пришла Урсула и стала у постели рядомъ съ докторомъ. Арнольдъ съ своего мѣста у окна видѣлъ, что больная дышетъ скорѣе и громче обыкновеннаго. Докторъ что-то прошепталъ Урсулѣ, та вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ мѣшкомъ льда. Потомъ докторъ подошелъ къ Арнольду, положилъ ему руку на плечо и, съ ожесточеніемъ двигая челюстями, точно собираясь что-то прожевать, заявилъ, что наступило время прибѣгнуть къ операціи. Арнольдъ собрался идти на телеграфъ, но докторъ сказалъ, что самъ телеграфируетъ вѣнскому профессору. Тогда Арнольдъ рѣшился увѣдомить обо всемъ дядю Бар-

ромео; его тянуло во что бы то ни стало наружу, хотя бы только для того, чтобы по своему, двигаясь, овладѣть своими заботами, какъ полководецъ старательно выбираетъ и стягиваетъ къ одному пункту передъ битвой свои военныя силы. Проходя по базарной площади, онъ встрѣтилъ выходящую изъ церкви Беату—она смотрѣла прямо передъ собою и лицо ея, обрамленное мѣховымъ капюшономъ, казалось необыкновенно бѣлымъ, можетъ быть вслѣдствіе отраженія снѣга. Арнольдъ лишь мелькомъ взглянулъ на дѣвушку и съ секунду ему почудилось, что Беата, священникъ и церковь вступили въ союзъ противъ жизни его матери. Грубо-предостерегающее выраженіе лица доктора вызвало его презрѣніе и въ то же время подготовило къ предстоящему. Не таковъ онъ былъ, чтобы тѣшиться смутными надеждами или питать смутныя опасенія—его натура требовала свѣта и даже опасности,—онъ желалъ видѣть ясно. И все же для него это несчастье казалось гораздо выносимѣе, нежели тотъ ужасающій хаосъ, въ который бросили свѣтъ лишь знаменательныя слова императора, обѣщавшія Алассеру правосудіе. Что бы ни случилось съ матерью, но грядущее горе имѣло свой предѣлъ. Оно могло свалиться ему на голову, онъ могъ вынести его на своихъ плечахъ, могъ постичь, его можно было опредѣлить однимъ, много двумя словами—болѣзнь, смерть. И хотя безпокойство его все возрастало, но онъ настолько овладѣлъ имъ, что оно не вліяло на ясность его сужденій относительно себя лично и своей собственной судьбы. Но въ томъ случаѣ онъ ничего не могъ разъяснить себѣ, а чувствовалъ только необъяснимую тяготу. Онъ не постигалъ причины того, что тогда совершалось. Жидъ, до котораго ему въ сущности не было дѣла, дочь его, къ которой онъ также относился безразлично, монастырь, который вовсе не задѣвалъ его, чужія страданія, сопровождаемыя цѣлымъ сумбуромъ чужихъ голосовъ, да что во всемъ этомъ могло такъ мучительно потрясти его самого?

Когда онъ вернулся домой, госпожа Анзорге была уже безъ сознанія.

20.

Профессоръ изъ Вѣны съ своимъ ассистентомъ и Фридрихъ Барромео и на этотъ разъ пріѣхали вмѣстѣ. Къ операціи приступили часъ спустя послѣ ихъ прибытія. Арнольдъ съ дядей опять очутились въ той же комнатѣ, что и въ первый его пріѣздъ, но теперь оба они молчали. Барромео такъ же, какъ и тогда, кутался въ мѣховое пальто и, слегка переваливаясь, устало ходилъ взадъ и впередъ. Но лицо его казалось еще блѣднѣе, глаза еще болѣе ввалились; временами его губы перекашивала какая-то особенная, свойственная ему одному, горько-терпѣливая, старческая улыбка. Погода стояла отвратительная, бушевала мятель. Закутанныя туманами и занесенныя снѣжными хлопьями

окрестности производили впечатлѣніе необыкновенной заброшенности. Арнольдъ, не переставая, прислушивался къ тихому скрипу равномѣрныхъ, какъ тиканье часовъ, шаговъ Барромео; отдѣлаться отъ этого онъ никакъ не могъ. Не отдавая себѣ отчета почему, онъ въ то же время чувствовалъ, что присутствіе этого посторонняго «друга» дѣйствовало на все, что дотолѣ шевелилось въ немъ, расхолаживающимъ образомъ. Наконецъ, въ дверяхъ показался ассистентъ; онъ вытиралъ полотенцемъ руки, бѣлый фартукъ на немъ былъ въ крови. Видъ у него былъ побѣдоносный, и лицо выражало хвастливое довольство.

— Все обстоитъ благополучно,—сказалъ онъ Арнольду. Тотъ подошелъ и пожалъ ему еще влажную руку. Затѣмъ появился самъ профессоръ, но ограничился для выраженія своего удовольствія лишь поднятіемъ бровей. Урсула, вся заплаканная, какъ-то особенно ревностно хлопотала. Въ сѣняхъ столпились работники и работницы и въ щели дверей со свистомъ врывался вѣтеръ.

Арнольду было не по себѣ, точно онъ находился не дома, и въ то же время онъ никакъ не могъ вновь найти самого себя; услышавъ шопотъ постороннихъ, онъ вдругъ ясно понялъ, что мать его умерла. И это не было страхомъ или плодомъ безпокойства, а вполнѣ сознательною и опредѣленною увѣренностью, которая словно молніей освѣтила его будущность; онъ сдѣлался способнымъ соразмѣрить жизнь со смертью, способнымъ сознательно похоронить самое дорогое для себя существо и это тогда, когда другіе на его мѣстѣ, обезсиленные горемъ, не съумѣли бы еще даже оцѣнить всей величины утраты. Онъ хотѣлъ пойти къ больной, но его туда не пустили. Тогда онъ вышелъ изъ дому и цѣлыхъ два часа, несмотря на вьюгу и метель, пробродилъ наружи, пока на него не напало своеобразное, торжественное настроеніе; доктора и дядя Барромео стали казаться ему призраками, старающимися обмануть окружающихъ и хоть на одинъ день вернуть къ жизни то, что уже давно умерло. И тутъ только, придя къ этому заключенію, онъ почувствовалъ горе. Съ короткимъ крикомъ бросился онъ обратно къ усадьбѣ, временами завязая въ сугробахъ, ступая въ свои же собственные прежніе слѣды. Поспѣшно войдя въ комнату больной, онъ подошелъ къ постели и увидѣлъ ее живою, въ полномъ сознаніи, хотя бѣлою, какъ полотно, на которомъ она лежала. Обнялъ ее и разсмѣялся, не то торжествующе, не то съ упрекомъ. Госпожа Анзорге удивилась и устало положила ему на голову обѣ руки. Необузданность сына заставила ее задуматься.

Наступалъ вечеръ, непогода понемногу стихла; явился Александръ Ханка, плотно закутанный въ шубу; все же было удивительно, что онъ въ такую погоду и по едва проходимымъ дорогамъ рѣшился придти, чтобы узнать о здоровьи госпожи Анзорге. Уже потому, какъ онъ подалъ Арнольду руку, видно было, насколько онъ себя чувствуетъ бодрѣе и живѣе обыкновеннаго. Арнольдъ повелъ Ханка въ довольно

отдаленную комнату, гдѣ царила такая необыкновенная тишина, что разговоры лишь какъ-то подчеркивали ее; туда къ нимъ вошелъ Барромео; оказалось, что онъ гдѣ-то уже раньше встрѣчался съ Ханка, оставалось только припомнить, гдѣ именно. Арнольдъ былъ пораженъ тѣмъ, что два, повидимому, серьезныхъ человѣка, совершенно отдались игрѣ отгадыванія и розыскиванія; при этомъ они перебирали самыя пустяшныя воспоминанія и какимъ нибудь однимъ словомъ умѣли сказать нѣчто очень злое. О многомъ они говорили смутно, намеками, прикрывая истинный смыслъ взглядомъ или улыбкой. Въ то же время было ясно, что все это вовсе не затрогивало ихъ внутренняго міра, а наоборотъ, игра лишь утомляла и стѣсняла ихъ. Арнольду даже казалось, что весь этотъ хладнокровный разговоръ ведется только ради того, чтобы избѣжать молчанія, котораго они оба боялись и ненавидѣли. Болѣе всего въ немъ поражало его полное несоотвѣтствіе съ мѣстомъ и обстоятельствами—госпожа Анзорге была забыта, забыта ея семья, горе, повисшее надъ нею, забытъ, наконецъ, и собесѣдникъ, къ которому каждый изъ нихъ обращался; въ концѣ концовъ, повидимому, все это произносилось ими глухо и механически, произносилось лишь ради самого себя. Въ манерахъ Ханка и Барромео было много общаго, хотя у перваго, въ настоящее время, онѣ дышали чѣмъ-то радостнымъ. Поэтому онъ выигралъ въ глазахъ Арнольда и готъ остался очень доволенъ, когда дядя Барромео отправился готовиться къ отъѣзду, и онъ остался съ нимъ вдвоемъ. Профессоръ также уѣзжалъ, но ассистентъ оставался еще на день, до пріѣзда взятой въ Вѣнѣ сидѣлки.

— Такъ, какъ же вы поживаете? спросилъ Ханка глубокимъ, столь характернымъ для него голосомъ, оставшись наединѣ съ Арнольдомъ. Онъ небрежно закинулъ ногу на ногу и поглаживалъ колѣнко рукою. Въ тоже время въ глазахъ у него мелькнуло что-то такое, что заставляло забыть безсодержательность вопроса.—Надо надѣяться, что теперь ваша матушка быстро начнетъ поправляться, вѣдь доктора подаютъ надежду? Да?

Арнольдъ кивнулъ головой. «Что это за человѣкъ?» подумалъ онъ; слова Ханка удивили его, и все же что-то непонятное тянуло его къ нему. Ханка съ своей стороны смѣрилъ молодого человѣка испытующимъ взглядомъ и потомъ быстро опустилъ голову.

— Не зайдете ли какъ нибудь ко мнѣ, когда скучно станетъ?— спросилъ онъ, видимо дѣлая усиліе подыскать какую-нибудь задушевную фразу, которая послужила бы звеномъ между ними.

— Когда станетъ скучно?—переспросилъ Арнольдъ—Да почему же мнѣ можетъ быть скучно?—До этого онъ сидѣлъ сильно наклонившись впередъ, тутъ же откинулъ голову и задумчиво посмотрѣлъ прямо въ глаза Ханка.

— Вотъ кому можно позавидовать-то,—пробормоталъ гость и сталъ

искать другой темы для разговора.—Что подѣлываетъ господинъ Шпехтъ? послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ онъ.—Имѣете вы извѣстія о немъ?

Арнольдъ былъ увѣренъ, что вопросъ этотъ вызванъ вовсе не искреннимъ сочувствіемъ къ учителю. Для него имя Шпехта прозвучало какъ что-то далекое, нереальное, поэтому онъ промолчалъ.

— Говорятъ, онъ много занимался дѣломъ похищенія еврейской дѣвушки,—продолжалъ Ханка, которого молчаніе Арнольда задѣло за живое.—А въ какомъ собственно положеніи въ настоящій моментъ вся эта несчастная исторія? Какъ приверженцы, такъ и противники Аласcера совершенно сбиты съ толку.

— Императоръ произнесъ рѣшеніе—съ легкимъ безпокойствомъ, тѣнью пробѣжавшимъ по его лицу, проговорилъ Арнольдъ.

— О какомъ бы то ни было рѣшеніи я ничего не слыхалъ,—замѣтилъ Ханка, покачивая головой.—Да и что могъ бы тутъ рѣшить императоръ? Впрочемъ не знаю, все возможно.

Арнольдъ усмѣхнулся, точно ему все это было лучше извѣстно, и всталъ со стула.

Лицо Ханка приняло выраженіе утомленія, будто въ немъ шевельнулось сознаніе окружающей дѣйствительности и оно-то омрачило его дотолѣ столь добрый взглядъ. Простился онъ гораздо холоднѣе и сдержаннѣе нежели здоровался.

Вечеръ Арнольдъ провелъ у постели матери. Она вспомнила, какъ онъ ее приласкалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и теперь мысленно отвѣчала на ласки. Урсула, сидя у нея въ ногахъ, вязала чулокъ, молодой ассистентъ читалъ около лампы, и она, не спуская глазъ, смотрѣла на сына.

Сама она чувствовала приближеніе смерти, но ему старалась, точно поддерживаемая сверхъестественной силой, внушить увѣренность, что для нея настаетъ новая жизнь. Арнольдъ мысленно вслѣдъ за нею шелъ по той же тропѣ, по которой она безнадежно подвигалась впередъ, и на его лицѣ лежала ложь надежды. Такъ они взаимно обманывали другъ друга. Долгая совмѣстная жизнь обострила до послѣдней возможности все, что возникаетъ и проходитъ между людьми; тамъ же, гдѣ эти чувства выражаются словами, они уже утрачиваютъ глубину и искренность. Арнольда подавляло сознаніе, что онъ уже теперь думаетъ о томъ, что будетъ послѣ смерти матери, и оно поднимало въ его душѣ леденящее чувство одиночества. Съ затаенной заботой слѣдилъ онъ за измѣненіями столь хорошо знакомаго ему лица матери и при этомъ каждый разъ ему казалось, что оно принадлежитъ уже прошлому, что все это было очень давно; но это не мѣшало ему ощущать самое искреннее безпокойство и острое горе при мысли о предстоящей потерѣ. Больной было запрещено говорить, къ тому же она лишь по временамъ приходила въ себя и въ эти свѣтлые промежутки всецѣло отдавалась мечтамъ о безусловномъ покоѣ и полномъ отсутствіи стра-

даній; вслѣдствіе этого она все меньше и меньше замѣчала, что происходитъ въ душѣ сына.

Когда пріѣхала сидѣлка, ассистентъ профессора, давъ ей всѣ нужныя указанія, уѣхалъ; его поведеніе ни на минуту не выходило за предѣлы сдержанной вѣжливости. Арнольдъ презиралъ его, самъ хорошенько не зная за что; но даже и это чувство къ начиненной знаніями, но пустой головѣ, доставило ему не мало заботъ: оказывалось, что какъ только ему приходилось сознательно отнестись къ какому-либо жизненному явленію, или чему-нибудь уже отжившему, то онъ испытываетъ невыносимую боль, также какъ живое тѣло, только что покрывшееся молодой кожей, при треніи покрывается ранами. Онъ отправился къ Алассеру. Жена его была до приторности вѣжлива, даже слащава. Она показала Арнольду письмо, написанное еле разборчивымъ почеркомъ, присланное Юттой изъ монастыря Тарнобруцекъ. Дѣвочкѣ удалось сунуть эту записку какой-то добродушной торговкѣ, а та передала его имъ. Все письмо было сплошнымъ воплемъ о помощи.

Объ Алассерѣ не было ни слуху, ни духу.

За эти дни въ воздухѣ разлилось какъ бы предчувствіе ранней весны. Когда Арнольдъ вернулся домой и вошелъ къ матери, та потребовала, чтобы открыли окно, и стала смотрѣть съ своего низкаго матраца на небо, покрытое перистыми облаками, какія бываютъ только во время оттепели. Въ этотъ день впервые за много лѣтъ, она сильнѣе почувствовала и тѣснѣе слилась съ окружающей жизнью, какъ будто воздухъ вокругъ нея разрѣдился, она прозрѣла и вдругъ стала въ состояніи прослѣдить въ своемъ прошломъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій пережитаго ею. Потому-то ея лицо дышало добротою и Арнольдъ чувствовалъ, что она желала бы вызвать его на откровенный разговоръ. Но что было ему сказать ей? Я принимаю близко къ сердцу чужую судьбу? Что-то, въ чемъ я еще не въ состояніи разобраться, охватило все мое существо, вцѣпилось въ меня тысячью когтей? Какъ ему было сказать это? И развѣ съумѣлъ бы онъ объяснить свой страхъ, свое тревожное выжиданіе рѣшенія по дѣлу Алассеровъ, чтобы окончательно уяснить себѣ все, что творится вокругъ? Какъ разсказать ей о клокотавшемъ внутри него гнѣвѣ, о своемъ вдумчивомъ прислушиваніи? Вдругъ случилось нѣчто невѣроятное: мать взяла его руку, заглянула ему прямо въ глаза и, точно понявъ муки, все сильнѣе овладѣвавшія имъ, сказала:

— Есть одно мѣсто въ Библіи, котораго ты не долженъ забывать, Арнольдъ: «У кого руки ничѣмъ не запятнаны, у того и силы больше».

Потомъ она отвернулась. На вѣки ея пала тѣнь смерти. Когда сидѣлка заперла окно, она тихонько вздохнула.

21.

Утромъ сіяло солнце; воздухъ казался переполненнымъ влажными испареніями и вѣтеръ дулъ съ юга. Арнольдъ посвистывая вышелъ во дворъ, у забора стоялъ Алассеръ. Арнольдъ испугался и медленно подошелъ къ нему. Алассеръ неохотно дотронулся до шляпы съ отвислыми полями, потомъ сдѣлалъ обычный книксенъ и, показывая на тюкъ, спросилъ, не нужно ли чего госпожѣ мамашѣ?

— Уже вернулись, Алассеръ?—вмѣсто отвѣта въ свою очередь съ замираніемъ сердца спросилъ его Арнольдъ.

Еврей кивнулъ головой.

— Сегодня ночью,—сказалъ онъ.

Его взглядъ омрачился и онъ началъ дышать на свободную руку чтобы отогрѣть ее.

— А Ютта?—снова заговорилъ Арнольдъ, точно одно это слово замѣняло собою все остальное.

Алассеръ пожалъ плечами.

— Они мнѣ сказали, и господинъ министръ мнѣ сказалъ, хотите знать что? Онъ сказалъ мнѣ—вотъ какъ Богъ святъ, ниспосылающій на меня испытанія—онъ сказалъ мнѣ: «У ограды монастыря кончается наша власть». Вотъ онъ что сказалъ мнѣ, господинъ.

И Алассеръ съ безпокойствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, уставился на Арнольда, поблѣднѣвшаго, какъ смерть; ротъ его полуоткрылся, носъ побѣлѣлъ, губы тряслись, въ углахъ рта показалась пѣна. Еврей молча опустилъ голову и собрался уходить, но Арнольдъ вплотную подошелъ къ нему и заставилъ остановиться; тяжело опустивъ руку на плечо разносчика, онъ повторилъ необыкновенно медленно, съ искаженнымъ лицомъ:

— У ограды монастыря конецъ праву?

У Алассера не хватило силъ на отвѣтъ.

— Это вамъ было сказано?—все такъ же, словно окаменѣвъ, продолжалъ Арнольдъ. Въ то же время онъ чувствовалъ, что внутри его все содрогается и дрожитъ, сердце пылаетъ, а голова холодна; передъ глазами тоже разстилается холодъ.

— Да, да,—подтвердилъ Алассеръ, обрадованный, что молодой господинъ издаетъ хоть какіе-нибудь звуки, но нисколько не польщенный подобнымъ непонятнымъ сочувствіемъ. Онъ былъ глубоко огорченъ, но въ то же время довольно спокоенъ и совершенно лишенъ всякой воли и энергіи.

Не обращая больше вниманія на разносчика, Арнольдъ отвернулся. Его шаги ускорились, потомъ замедлились, потомъ вновь ускорились. Самъ не зная какъ, зашелъ онъ въ лѣсъ, бросился на мокрую землю и прижалъ лобъ и глаза къ ладонямъ руки. Въ припадкѣ невыносимой, мучительной злобы онъ зубами грызъ мохъ; сосновыя иглы впи-

вались въ его десна и изъ нихъ сочилась кровь. На языкѣ, въ мозгу въ горлѣ, въ глазахъ, въ сердцѣ, повсюду чувствовалъ онъ горечь, даже мускулы рукъ сокращались отъ избытка ея. Онъ снова поднялся съ мѣста и почти бѣгомъ бросился дальше. Лицо и одежда покрылись грязью, вѣтки хлестали его по лицу. «Возможно ли?» думалъ онъ, и его снова охватывала ужасная внутренняя дрожь. Передъ нимъ проносились дотолѣ еще никогда невиданныя лица — на нихъ лежала печать серьезности, ожесточенія, страданій и въ тоже время тупого равнодушія. Имъ было все равно, что дѣлалось вокругъ, ихъ помутившіеся взоры напоминали своею безжизненностью раковины. Дорогу пересѣкалъ ручей. Арнольдъ наклонился и жадно сталъ пить; но и вода кишѣла лицами и ужасными картинами жизни. Онъ дошелъ до какого-то крестьянскаго двора, очень далеко отъ Подолина, и, выходя изъ лѣсу, увидалъ, какъ работникъ, держа бѣлую кошку за хвостъ, изо всѣхъ силъ билъ ее кнутомъ; показалась кровь. Арнольдъ расхохотался, какъ безумный. Однимъ прыжкомъ очутился онъ около мужика (ихъ раздѣлялъ ровъ), обхватилъ его за талію, бросилъ на землю, ударилъ кулакомъ по бородатому лицу и до тѣхъ поръ бѣшено тузилъ, пока глубокій вздохъ не облегчилъ его грудь отъ тяжелаго гнета. Работникъ вопилъ, но никто не шелъ къ нему на помощь, потому что никого не оказалось дома.

— Молчать! — крикнулъ Арнольдъ, хватая его за волосы, и, поднявъ надъ нимъ кошку, изъ которой все еще текла кровь, далъ нѣсколькимъ каплямъ ея упасть на лицо работника. Тотъ весь содрогнулся... Этого Арнольду было достаточно, онъ отпустилъ его.

Работникъ медленно поднялся на одно колѣно, сдѣлалъ было движеніе бѣшенства, но тотчасъ же подавилъ его и остался на мѣстѣ. Арнольдъ удалился, прежде нежели отколоченный имъ человѣкъ успѣлъ пошевелиться. Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ, нетерпѣніе гнало его впередъ, въ виски стучало, точно онъ былъ пьянъ. «Спѣши, спѣши», казалось кричали ему камни. Спѣши, спѣши, торопили облака. Спѣши, свисталъ вѣтеръ. Всѣ прежнія колебанія казались ему подлыми, потому что онъ чувствовалъ себя безмѣрно обиженнымъ, раненымъ на смерть...

Всѣ, кто такъ или иначе, скрытно или явно побуждали его торопиться, всѣ они страдали. Боже, что за гнѣвъ овладѣвалъ имъ все съ новою и новою силой! Когда онъ останавливался, чтобы перевести дыханіе—а и это уже казалось ему преступленіемъ—каждая пора его кожи превращалась въ самостоятельный органъ слуха. «Развѣ вокругъ меня жизнь?—думалъ онъ.—Гдѣ я живу? Что дѣлается кругомъ? Развѣ это допустимо?» И снова камни, вода, воздухъ, облака кричали ему: «Спѣши!» Онъ боялся опоздать. Первый же человѣкъ, которому онъ повѣдаетъ о случившемся, вѣдь долженъ, подавленный стыдомъ, свалиться на землю и, скрежеща зубами, отказаться отъ употребленія пищи.

«Смотри, смотри, вотъ что случилось!» скажетъ онъ ему. Но нѣтъ, даже этого не нужно, зачѣмъ разсказывать? Намека, одного слова и то достаточно. Никто не промолчитъ, кругомъ раздадутся крики, всѣ возопіютъ: «Справедливость, право!» А въ противномъ случаѣ нельзя и жить. «Арнольдъ, скажетъ ему мать, ступай и не покладай рукъ, потому что иначе жить нельзя». И эти мысли наполняли всего его; горячо и гордо переливалась кровь по жиламъ, сами собою слагались пламенныя рѣчи и сладко ему было предвкушать успѣхъ и представлять себѣ ликованіе тѣхъ, что дотолѣ оставались равнодушными. Всѣ они спали, и онъ самъ спалъ, на всѣхъ лицахъ лежала дремота: Ханка, священника, Шпехта, Беаты, Урсулы, Барромео, работниковъ, жителей Подолина, всѣхъ... Конечно, всѣ они прекрасные люди, но они не сознаютъ, что надо дѣлать. Онъ же считалъ себя счастливымъ, чувствуя силу въ рукахъ, ощущая ее и свою молодость, и удовлетвореніе отъ того, что стряхнулъ съ себя сонъ. Теперь и тѣ подойдутъ и улыбаясь скажутъ ему: «А почему ты, Арнольдъ Анзорге, не выступилъ раньше?» «Зато теперь я уже не задремлю больше», отвѣтитъ онъ имъ и улыбнется и лицо его покроется румянцемъ. Всю дорогу домой онъ улыбался, а войдя въ комнату, въ которой лежала мать, увидалъ плачущую у дверей Урсулу, сидѣлку въ слезахъ, а у изголовья неподвижно стоящаго священника.

Арнольдъ сталъ у кровати. «Она умерла», думалъ онъ, но ни испуга, ни отчаянія не почувствовалъ. Улыбаясь, вполнѣ спокойно взялъ онъ руку усопшей и такъ посмотрѣлъ на нее, точно давалъ обѣтъ. Урсула, случайно взглянувшая на него въ эту минуту, громко вскрикнула и бросилась вонъ изъ комнаты.

— Она скончалась,—строго замѣтилъ ему священнослужитель. Арнольдъ, продолжая улыбаться, кивнулъ ему головой. Ему казалось, что даже лицо ксендза говоритъ ему: «Торопись, спѣши!» Улыбка сбѣжала съ его губъ и онъ отдалъ приказъ одной изъ рыдавшихъ у дверей служанокъ созвать въ комнату всѣхъ служащихъ на усадьбѣ. Но оказалось, что оба работника уже отправились на село въ шинокъ, а женщины, перепуганныя загадочнымъ поведеніемъ хозяина, бросились отъ него въ разныя стороны. Даже Урсула не рѣшалась болѣе войти. Отдавъ приказаніе, Арнольдъ простоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, точно во снѣ; но то, что происходило внутри его, вовсе не было похоже на сонъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ, наконецъ, ксендза, большое, тревожное и удивленное лицо котораго было обращено къ нему.

Священникъ отступилъ на шагъ, потомъ спряталъ молитвенникъ въ карманъ, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ, оглянулся и вышелъ изъ комнаты. Сидѣлка порывисто сорвала съ вѣшалки свое пальто и поспѣшила вслѣдъ за нимъ. Когда вдругъ наступила тишина, въ душѣ Арнольда вновь началось прежнее неопредѣленное, но сладостное бро-

женіе. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по узенькой комнаткѣ. Двери и окно стояли настежь, но поблизости не было ни души, всѣ разбрелись и попрятались, точно отъ злого духа. Наступили сумерки; небо, очищенное отъ облаковъ, постепенно окрашивалось луннымъ сіяніемъ; воздухъ и вѣтеръ затихли. Работница, та самая, что рыдала въ сѣняхъ, прокралась мимо окна, а Урсула съ женою садовника издали слушала, что дѣлается въ домѣ. Когда посланная на развѣдки женщина услыхала, что Арнольдъ что-то говоритъ самъ съ собою, ей почудилось, что онъ разговариваетъ съ покойницей, и, полумертвая отъ страха, она бросилась бѣжать. Урсула еще съ утра увѣдомила доктора Барромео; долгое отсутствіе Арнольда заставило ее дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, и теперь она съ минуты на минуту ждала, что его прибытіе положитъ конецъ всѣмъ ея опасеніямъ.

22.

Мѣсяцъ освѣщалъ тѣло покойницы; его успѣли обмыть и прибрать еще до полудня. Около него слѣдовало бы дежурить Урсулѣ съ сидѣлкой, но обѣ онѣ находились въ домикѣ садовника. Сидѣлка также не могла дождаться прибытія Барромео, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего разсчета. Въ десять часовъ Урсула, взявъ четыре восковыя свѣчи, купленныя въ деревнѣ, отправилась черезъ садъ и дворъ въ комнату покойницы. Арнольдъ сидѣлъ на подоконникѣ, слегка прислонившись спиною къ рамѣ и свободно скрестивъ на груди руки. Отыскавъ подсвѣчники, старуха засвѣтила по угламъ ложа четыре огня. Молодой человѣкъ равнодушно предоставлялъ ей дѣлать, что угодно, даже не возражалъ, когда она усѣлась на низенькую скамеечку, собираясь провести ночь около усопшей хозяйки. Но вскорѣ она заснула. Тогда Арнольдъ всталъ и затушилъ свѣчи.

Сомнѣнія исчезли, разладъ прекратился, его душевное состояніе походило на февральскую ночь, царившую наружи—какъ и тамъ, на душѣ было чисто и спокойно, также какъ эта ночь, онъ чутко прислушивался къ чему-то, что нарождалось въ немъ, и также молчалъ, предчувствуя, что что-то важное должно совершиться. И на границѣ полнаго сознанія—сонъ не могъ овладѣть имъ,—подобно тому, какъ изъ моря вдругъ выдвигаются новые материки, такъ и передъ нимъ намѣчались новые пути. Здоровая натура не дозволяла ему отдаваться во власть безмѣрно фантастическому; но въ то же время изъ каждаго уголка серебряной ночи все снова и снова раздавался призывъ торопиться. «Надо будетъ сходить къ тому-то и тому-то; скоро около тебя образуется группа друзей, трехъ, десяти, двадцати, тысячъ... Кто стоитъ передъ истиной, обрѣсти которую дается съ такимъ трудомъ?» Вотъ что раздавалось вокругъ и что онъ говорилъ себѣ; восторгъ и нетер-

пѣніе наполняли его душу, и глаза увлажнялись страстью. Какимъ тѣснымъ казался ему теперь узкій міръ его юности!

Прошло много часовъ, вѣроятно, было уже около четырехъ, когда раздался стукъ колесъ. Урсула проснулась, вскочила со скамейки и увидавъ, что свѣчи потухли, съ молитвой вновь зажгла ихъ. Только что она успѣла покончить съ этимъ, какъ въ комнату вошелъ Фридрихъ Барромео. Въ третій разъ пріѣзжалъ онъ за послѣдній мѣсяцъ и теперь казался еще болѣе утомленнымъ; нежели раньше. Онъ уже успѣлъ справиться съ первыми приступами горя и казался подготовленнымъ къ виду бездыханнаго тѣла сестры, но, тѣмъ не менѣе, когда онъ очутился около ея трупа, все его дѣланное самообладаніе постепенно исчезло, и хотя это выдалъ всего одинъ жестъ, но онъ-то какъ разъ и обрисовалъ всего человѣка.

Арнольдъ, и до того остававшійся въ тѣни, деликатно покинулъ комнату. Мѣдно-красный мѣсяцъ стоялъ уже на краю неба, туманъ заволакивалъ долины. Долго оставаться наружу онъ не былъ въ состояніи. Его рѣшенія принимали уже реальныя, практическія формы, побужденія не дѣйствовали слѣпо. Онъ попросилъ Урсулу привести въ порядокъ и уложить ему все нужное для продолжительнаго отсутствія, старушка отъ удивленія оцѣпенѣла на мѣстѣ.

Барромео искалъ Арнольда и засталъ его въ пустой кухнѣ, пристально глядящаго на пламя подъ плитой. Онъ пожалъ руку племянника и, желая скрыть чувство стѣсненія, которое его охватило, онъ также уставился на огонь. Молчаніе прервала Урсула. Близко подойдя къ Арнольду, она гнѣвно проговорила:

— До похоронъ-то ты, надѣюсь, останешься дома? Укладываться! Что выдумалъ! И куда только ты такъ торопишься?

Барромео съ удивленіемъ слушалъ ее. Послѣ небольшого молчанія онъ кротко спросилъ:

— Она о тебѣ говоритъ, Арнольдъ? Развѣ ты собираешься уѣзжать?

Вмѣсто отвѣта Арнольдъ тономъ, не допускающимъ возраженія, подкрѣпленнымъ еще самымъ рѣшительнымъ жестомъ, сказалъ:

— Все хозяйство поручаю вамъ Урсула; можетъ быть, потомъ можно будетъ подыскать управляющаго или инспектора на время моего отсутствія. А теперь ступайте, мнѣ надо поговорить съ дядей Барромео— и оба они отправились въ сосѣднюю комнату. Барромео шелъ впереди и несъ лампочку, его уже вновь сковывало мрачное чувство неловкости.

— Прежде всего я хочу спросить тебя, сколько у меня денегъ, а потомъ поговоримъ и объ остальномъ,—тотчасъ же приступилъ Арнольдъ къ разговору. Неожиданно для самого себя онъ ставилъ именно тѣ вопросы, которые самымъ прямымъ путемъ вели его къ цѣли, точно задавалъ ихъ не онъ, а демонъ, что заставилъ его встрепенуться. Долго выжидалъ этого момента тотъ неукротимый духъ, но теперь онъ поднялся во весь ростъ, выпрямился и испускалъ побѣдный ревъ.

*

Барромео опустилъ глаза; на лбу у него проступило выраженіе сильнѣйшаго неудовольствія.

— У тебя около 750 тысячъ гульденовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ бумагахъ,—холодно отвѣтилъ онъ. — Проценты получаются не слишкомъ высокіе, но зато бумаги вѣрныя. Можетъ быть, ты позволишь мнѣ обратить твое вниманіе на то обстоятельство, что до двадцати четырехъ лѣтъ я буду состоять твоимъ опекуномъ,—продолжалъ онъ чисто дѣловымъ тономъ,—и по нашимъ законамъ не только имѣть право, но даже обязанность руководить твоими поступками и управлять имѣніемъ.

Лицо Арнольда вспыхнуло.

— Развѣ ты можешь удерживать меня отъ того, что я обязанъ дѣлать?—спросилъ онъ.—Сегодня я хочу знать, а завтра, можетъ быть, захочу и бо́льшаго; можетъ быть, мнѣ понадобятся деньги, и ты долженъ будешь дать ихъ мнѣ—вѣдь это не для себя.

«Все это неутѣшительно»,—подумалъ Барромео и устало оглянулся вокругъ. Перспектива борьбы разстраивала его и вызывала неудовольствіе.

— Что ты затѣваешь?—утомленно и безъ особеннаго любопытства спросилъ онъ.

— Я долженъ вернуть жиду Алассеру его дочь,—отвѣтилъ Арнольдъ, медленно поднимая на него глаза.—Тебѣ, вѣрно, извѣстно, что онъ не можетъ добиться своего права. Говорятъ, что право падаетъ у ограды монастыря—постигаешь ты это, дядя? Ну, а такъ какъ никто и не думаетъ пошевелиться для его защиты, то теперь долженъ сдѣлать это я... Потому что я ни минуты не знаю покоя. Какъ это можно, чтобы ни въ чемъ неповинную дѣвочку отняли у родителей, а государство, законы, вся страна спокойно допускаютъ это! Самъ императоръ обѣщалъ и все-таки—скажи, тебѣ это понятно? Но вѣдь должна же существовать такая сила, не можетъ не совершиться правосудіе... И развѣ возможно жить безъ него? Поэтому-то я и хочу уѣхать отсюда, меня здѣсь ничто не держитъ. Я хочу самъ видѣть, самъ слышать, такъ ли это на самомъ дѣлѣ, или они попросту глупы? Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ не успѣли еще додуматься до этого? Но тогда каждаго человѣка безо всякаго труда можно будетъ убѣдить, что добро и есть добро. Не такъ ли?

«Словно колокольный звонъ», подумалъ Барромео и недовольство его смѣнилось умиленіемъ, которое постепенно охватило сердце. Дѣйствительно голосъ Арнольда звучалъ полно, точно струна, натянутая надъ цѣлою бездной резонанса. Растроганный Барромео всматривался въ дышащее неизъяснимымъ оживленіемъ лицо молодого человѣка и что бы ни говорилъ Арнольдъ, все казалось жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что выражали его мужественныя, рѣшительныя и дрожащія отъ жажды дѣла губы. Движеніе лобныхъ мускуловъ указывало на то,

что клокотало внутри его и о чемъ никакія слова не могли дать даже приблизительнаго понятія. «Вотъ такими, когда-то, всѣ мы были», думалъ Барромео, точно польщеный чуднымъ отраженіемъ самого себя. «Но что вышло изъ насъ? Были мы настоящими юношами, собирались завоевать небо, а куда дѣлся нашъ идеализмъ?»

Онъ безъ труда могъ бы найти возраженія на слова Арнольда, вѣдь сколько сору съ богатаго стола практическихъ людей попадаетъ въ хлѣбную корзину восторженныхъ?! Но въ ту же минуту, какъ онъ собрался приводить свои доводы, ему стало стыдно.

— Оставимъ этотъ разговоръ на сегодня,—сказалъ онъ, махнулъ рукой и вышелъ.

Только что разсвѣло, когда Арнольдъ отправился къ дому Аласcера. Но на этотъ разъ, входя въ знакомыя сѣни, онъ не чувствовалъ ни подавленности, ни пустоты своихъ ожиданій или обѣщаній, какъ раньше.

Его сразу оглушили крики и ругань. Посреди комнаты стоялъ Аласcеръ съ женой и какой-то крестьянинъ. Старшій мальчикъ очень спокойно собирался въ школу—ему приходилось выходить изъ дому очень рано, чтобы во время пройти далекій путь до Ломнитца, а Аласcеръ съ женой взапуски бранили крестьянина, не желавшаго имъ заплатить требуемой цѣны за обрывокъ холста. Мужикъ, смѣясь, отругивался. Аласcеръ ехидничалъ, чесалъ въ головѣ, ощупывалъ полотно и ломалъ руки.

Арнольдъ остановился на порогѣ и оставался такимъ образомъ въ тѣни—никто не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Послушавъ съ минуту, онъ повернулся уходить; одна изъ маленькихъ, полунагихъ дѣвочекъ шмыгнула мимо него въ открытую дверь, но, очутившись на улицѣ, отчаянно взвизгнула—отъ берега рѣки, по улицѣ, бѣжала, высунувъ языкъ и злобно вытаращивъ глазища большая, сѣрая собака мясника. Когда она остановилась передъ ребенкомъ, тотъ отъ ужаса присѣлъ къ землѣ и больше уже не двигался. Повинуясь странному побужденію, Арнольдъ взялъ дѣвочку на руки, съ умиленіемъ быстро поцѣловалъ въ лобъ, точно давая клятву и, прогнавъ собаку, пошелъ домой.

23.

Александръ Ханка оттягивалъ свой отъѣздъ изо дня въ день, отъ одной недѣли до другой. Не желая вслѣдствіе лѣни въ чемъ-либо дать себѣ отчетъ, онъ и тутъ внушалъ себѣ, что его удерживаетъ деревенскій воздухъ. Охотнѣе всего онъ съ закрытыми глазами послѣдовалъ бы какому-нибудь непреодолимому внушенію извнѣ.

«Вотъ такъ душевное состояніе для мужика», вздыхалъ онъ и дипломатически улыбался, когда Агнеса старалась отгадать причину его

вѣчныхъ колебаній. Время онъ заполнялъ чтеніемъ, прогулками, ѣдой и сномъ, и все это въ его же собственныхъ глазахъ носило отпечатокъ нѣкотораго тупоумія или философствованія. Вначалѣ онъ носился съ мыслью написать статью объ одиночествѣ, но вскорѣ бросилъ ее. «Хорошая мысль—коротка и дастъ матеріала не болѣе, какъ на три строки, говорилъ онъ себѣ;—раскатать же ее въ ширь, точно тѣсто для сладкаго пирога, и нечестно и не занимательно». Работа внушала ему отвращеніе и страхъ. Въ немъ текли рядомъ прозрачный и сильный источникъ пониманія вещей и узенькая, мутная струйка способности дѣйствовать. Онъ ненавидѣлъ свои собственныя привычки и въ тоже время не могъ отъ нихъ отдѣлаться; полупроизвольное пребываніе въ Подолинѣ далеко не принесло ему всѣхъ благъ тишины и уясненія себя; наоборотъ, одиночество имѣло на него разрушительное вліяніе: какъ воинъ, внезапно вынужденный покинуть лагерную жизнь и, благодаря этому, выбитый изъ колеи приподнятаго, праздничнаго настроенія, поставленъ въ необходимости обсудить всѣ случайности предстоящей битвы, такъ и онъ, жаждая забвенія, сталъ искать его въ неясномъ женскомъ образѣ, который, однако, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приковывалъ его къ себѣ.

За нѣсколько недѣль, протекшихъ со времени прибытія Ханка, Беата сильно измѣнилась. Она рѣдко уходила изъ дому, стала какъ-то тише, привѣтливѣе, больше работала... Въ обращеніи съ Ханкомъ, она выказывала понятливость, тактичность, довѣрчивость и ровную веселость. Въ то же время она съумѣла многое скрыть отъ него какъ въ отношеніи своихъ замашекъ, такъ и въ отношеніи темперамента. Все это должно было неизбѣжно завлечь такого человѣка, какъ Ханка, потому что въ его глазахъ имѣло цѣну лишь сдерживаемое чувство. Тонкій инстинктъ подсказалъ Беатѣ, что слѣдуетъ увѣрить опекуна въ своей покорности его вліянію, но въ то же время примѣшивать къ этому подчиненію легкую иронію, какъ будто между ними состоялось взаимное, тайное соглашеніе и пониманіе другъ друга. Все прошедшее она сбросила съ себя, какъ изношенное платье, и незамѣтно стала направлять всѣ наличныя силы, какъ тѣ, что до того только дремали въ ней, такъ и тѣ, что она испытывала уже и раньше, къ достиженію новой цѣли. Она съ удовольствіемъ замѣчала, какъ ежедневно растетъ ея власть; постепенно она окончательно постигла искусство отчасти проявлять, отчасти лишь давать надежду на существованіе того, что въ ней искали. Болѣе грубыя стороны ея натуры постепенно сглаживались, чувственность проявлялась болѣе утонченно. Она научилась сохранять невинный видъ, произнося самыя рискованныя вещи, умѣла казаться печальной вслѣдствіе невѣдѣнія, понятливой изъ чувства почтенія, веселой изъ благодарности. Увѣренное обращеніе, сверкающій взглядъ, мечтательную нерѣшительность, то упрямство, то робкое подчиненіе—всю эту смѣсь самыхъ противорѣчивыхъ качествъ она

выработала въ себѣ самовоспитаніемъ и хитростью; но одновременно съ этимъ она сама же всей душой увлекалась очаровательнымъ образомъ самой себя, созданнымъ ея умомъ, честолюбіемъ, волей и несбывшимися надеждами. А такъ какъ она стремилась нравиться человѣку благородному, то ей приходилось, почти помимо воли, и самой дѣлаться благороднѣе; въ этомъ крылась своеобразная иронія.

— Передо мною три пути—самъ съ собою разсуждалъ Ханка: — или я уѣду и больше не вернусь сюда, или она станетъ моей возлюбленной; или, наконецъ, я женюсь на ней. Первое я уже разъ испробовалъ и вполнѣ безуспѣшно; видно, уже и тогда чортъ держалъ меня за фракъ. Второе для меня было бы недурно. Но спекулировать на невѣдѣніе другихъ, нельзя назвать поступкомъ симпатичнымъ. Само собою разумѣется, что здоровая натура съумѣетъ приноровиться къ одному изъ самыхъ обыденныхъ положеній; но развѣ я для того до ея двадцатичетырехлѣтняго возраста разыгрывалъ роль ея Провидѣнія, чтобы теперь измѣнить самому себя? Точно человѣкъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выбрасывающій за окно пріобрѣтенное имущество. А если я, къ тому же, въ одинъ прекрасный день покину сей чудный міръ? Правда, я могу обезпечить ее; но развѣ деньги могутъ защитить отъ злобы общество? Слѣдовательно, остается самое нежелательное изъ всего—жениться на ней, т.-е. дать обѣщаніе на обезпеченіе, систематическое лишеніе свободы, сожитіе по привычкѣ и скуку вдвоемъ. Какъ въ лѣтнее время увеличивается количество багажа на желѣзныхъ дорогахъ, такъ возрастаетъ и багажъ жизни; послѣ перваго года любви наступаютъ долгіе годы подчиненія долгу. То же, что съ кондитерскими тортами изъ взбитыхъ сливокъ: чѣмъ они вкуснѣе, тѣмъ вреднѣе для желудка. Предположимъ еще, что у меня будетъ потомство... Развѣ я обладаю талантомъ воспитателя, терпѣніемъ учителя, нужными качествами, чтобъ служить примѣромъ? У меня нѣтъ пониманія дѣтей и любви къ нимъ и, слѣдовательно, я былъ бы отвратительнымъ отцомъ. Изъ этого ясно, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не суждено покрыть новой славой устарѣвшій институтъ брака. Посмотримъ теперь, какъ обстоятъ дѣла съ другой стороны, напримѣръ, со стороны любви. Любитъ она меня? Предположеніе не лишено изумительнаго комизма. А я ее? Со времени моего пребыванія въ гимназіи и увлеченія своей квартирной хозяйкой, обворожившей меня, я уже не испытывалъ болѣе подобныхъ рефлекторно-нервныхъ ощущеній. Итакъ какъ ни смотрѣть на все это, въ моемъ положеніи нѣтъ ничего вѣрнаго; просто какія-то паутинки, носящіяся въ солнечномъ воздухѣ.

На этомъ закончились серьезныя размышленія Александра Ханка. Ему стало тѣсно въ комнатѣ и даже домѣ, а потому онъ отправился гулять, хотя уже наступала ночь. Онъ еле могъ отличить дорогу отъ поля, по которому она шла. Небо еле-еле было видно и походило на сильно запотѣвшее молочнаго цвѣта стекло; все же остальное ка-

залось чернымъ, какъ уголь. Только вдали виднѣлось желто-сѣрое облачное пятно—это мѣсяцъ тускло просвѣчивалъ сквозь облака. Но ночная тьма казалась Ханкѣ самымъ подходящимъ временемъ для уясненія себѣ своего душевнаго состоянія. Но сколь честно онъ ни старался, ни къ чему опредѣленному придти не могъ—рядомъ съ настоящимъ Ханка небрежно выступалъ въ темнотѣ его двойникъ и дѣлалъ насмѣшливыя наблюденія надъ тѣмъ, какъ тотъ разлагаетъ свои чувства. На слѣдующее утро, заставъ Агнесу одну, онъ, по военному, широкими шагами направился прямо къ ней.

— Что бы ты сказала,—началъ онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, приблизивъ ротъ къ самому ея уху,—если бы я женился на Беатѣ?

Агнеса изумленно широко раскрыла голубые глаза. Переконфуженный Ханка судорожно сосалъ свою сигару, чесалъ лѣвою рукой правую половину головы и вдругъ, пытливо оглянувшись, вырвалъ изъ записной книжки листокъ бумаги и торопливо написалъ слѣдующее: «Ты должна согласиться, что это не слишкомъ-то благоразумно съ моей стороны. Женитьба, во всякомъ случаѣ, большая глупость; съ этимъ я совершенно согласенъ, но, по крайней мѣрѣ, я хорошо подготовленъ къ этой глупости. Во-вторыхъ, для меня бракъ является чѣмъ-то въ родѣ курса леченія. Я въ нее не влюбленъ, что въ сущности довольно печально, но зато полезно для подобнаго рода предпріятій. Ты можешь понять, что меня особенно привлекаетъ: я увѣренъ въ своемъ...»

Прислонившись плечомъ къ лѣвой рукѣ брата, Агнеса медленно читала написанное.

— Ну?—наивно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ выраженіемъ глубочайшей преданности спросила она, когда его рука остановилась.

Онъ пожалъ плечами и скомкалъ листокъ.

— Тебѣ лучше знать, Александръ,—сказала Агнеса, и ея глаза сразу увлажнились. Она смущенно опустила вѣки и задумчиво принялась за свои домашнія работы.

Ханка, недовольный собою и происшедшимъ, взялъ книгу, чтобы читать.

«Невозможно», думалъ онъ, «воспитать кого бы то ни было себѣ въ друзья или жены», и при этомъ онъ презрительно плюнулъ въ садъ, весь залитый солнечнымъ свѣтомъ черезъ открытое окно. «Но о поступкѣ можно судить лишь по послѣдствіямъ, я же не хочу предавать себя, потому что когда-то имѣлъ счастье быть идеалистомъ».

Когда же Беата вошла въ комнату, онъ нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ, потомъ состроивъ дѣланно-хитрое и въ то же время какъ будто очень разсудительное лицо, вдругъ заговорилъ съ нею необыкновенно низкимъ голосомъ:

— А что бы ты сказала, Беата,—повторилъ онъ ту же фразу, съ которой только что обращался къ сестрѣ.—Что бы ты сказала, если бы я сдѣлалъ тебѣ предложеніе?—На лбу у него появились морщины и

онъ казался раздосадованнымъ. А такъ какъ Беата неподвижно смотрѣла прямо передъ собою и, наконецъ, медленно вышла изъ комнаты, то онъ погрузился въ глубокую задумчивость и началъ потихоньку насвистывать, не поднимая, однако, глазъ отъ пола. Приблизительно часъ спустя онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку у подъѣзда. Проходя мимо него, она подняла голову и съ спокойною улыбкой произнесла: «да». Ханка съ сильно бьющимся сердцемъ отправился бѣгать по саду.

Извѣстіе о смерти госпожи Анзорге пришло къ Ханка еще поутру, но Александръ настойчиво протестовалъ противъ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ визита; весьма вѣроятно, что толчкомъ къ такому рѣзкому проявленію личныхъ чувствъ послужило поведеніе Арнольда въ послѣдній разъ. На слѣдующій день были назначены похороны, на которыхъ Ханка рѣшилъ присутствовать. Кладбище находилось довольно высоко на холмѣ. Несмотря на ясное послѣобѣденное время, бушевалъ страшный вѣтеръ. На могилахъ еще виднѣлись остатки снѣга, словно цвѣты, проглядывавшіе сквозь сухія вѣтки и землю. Ханка держался въ сторонѣ. Въ немъ странно перемѣшивалось чувство удивленія и недовѣрія къ Арнольду, за которымъ онъ наблюдалъ. Тотъ стоялъ около самой могилы и мечтательно, съ ясно-спокойнымъ лицомъ смотрѣлъ на дно четыреугольной ямы, когда въ нее опускали гробъ. Всѣ глядѣли на него, даже ксендзъ запнулся при произнесеніи своей заученной рѣчи и внезапно, дѣйствительно заволновавшись, оборвалъ ее и удалился. Урсула плакала, но громче ея кричали вороны, пролетавшія надъ головами присутствующихъ. Блѣдное лицо Барромео съ черною, какъ смоль, бородою производило впечатлѣніе лица привидѣнія. И его взоры также были устремлены на племянника, но въ нихъ не было ни испуга, ни упрека, ни негодованія.

Дома Ханка занялся приготовленіемъ къ отъѣзду, такъ какъ теперь ему стало необходимо какъ можно умнѣе распорядиться своимъ временемъ. Ему хотѣлось, чтобы въ этотъ вечеръ у него было свѣтлѣе на душѣ... Рано утромъ подали экипажъ, чтобы ѣхать на станцію. Черезъ полтара часа онъ уже находился на вокзалѣ, гдѣ увидѣлъ доктора Барромео и Арнольда, обоихъ одѣтыхъ по дорожному и, подобно ему, ожидавшихъ поѣзда. Ханка поклонился съ свойственною ему серьезною любезностью, но не подошелъ, а принялся ходить по крытому тесомъ перрону. Погода стояла чудная; воздухъ былъ тихъ, земля выдыхала влажныя испаренія. Далеко впереди на солнцѣ блестѣли рельсы и терялись въ сѣро-голубыхъ лѣсахъ долины.

Натали.

XXIV.

Фридрихъ Барромео предложилъ Арнольду поселиться у него въ домѣ, заявивъ, что половина верхняго этажа пустуетъ и онъ совершенно спокойно и нисколько не стѣсняясь можетъ имъ воспользоваться.

Арнольдъ согласился безъ всякихъ изъявленій благодарности. Не будь онъ даже такъ сильно и безпрестанно поглощенъ своими собственными мыслями, какъ теперь, все же счелъ бы любезность дяди слишкомъ естественной и незначительной, чтобы объ ней стоило разговаривать. Кромѣ того, Барромео дѣлалъ видъ, что Арнольдъ дѣлаетъ ему этимъ большое одолженіе, исполняетъ его страстное желаніе и будто вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ онъ поджидаетъ его къ себѣ. Сохраняя наружно видъ полнаго равнодушія и какъ бы представляя все собственному теченію, Барромео, однако, не переставая, хотя и молча, совѣтывался съ самимъ собою. Близость Арнольда возбуждала его и утомляла. Выраженіе лица племянника, какъ бы свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ собирается съ силами, его твердый, спокойный взглядъ, дѣлали его самого боязливымъ и молчаливымъ. Въ Барромео, давно уже утерявшемъ и вѣру, и силы, теперь шла странная внутренняя борьба между его настоящимъ и воспоминаніями прошедшаго.

Въ Вѣну они пріѣхали послѣ полудня и отправились съ вокзала въ открытомъ экипажѣ. Впервые очутившись на городской улицѣ и сразу оглушенный ея шумомъ и грохотомъ, Арнольдъ утерялъ способность продумать до конца хоть единую мысль. На него нашло какое то странное замѣшательство и ему стало казаться, что звуки возникаютъ какъ то сами по себѣ, безо всякой причины, и изо всѣхъ угловъ, точно воды изъ дырявыхъ сосудовъ, стекаются внизъ на улицу. Раздавались крики, возгласы кучеровъ, брань, приказанія; кругомъ гудѣло, стучало, гремѣло, щелкало, грохотало... Катились экипажи, дребезжали тачки, звонили колокольчики, стучали молотки... топотали, выли, стонали, шипѣли, скрипѣли. Бѣгали люди, одни широко размахивая руками, другіе, обливаясь потомъ; нѣкоторые съ судорожно искаженными лицами, а нѣкоторые, словно безумные, вперивъ взглядъ въ пространство и не смотря ни вправо, ни влѣво; были и такіе, что съ застывшими физіономіями ѣхали, развалясь въ великолѣпныхъ экипажахъ, и такіе, что болтали и смѣялись, въ то время какъ лица ихъ сохраняли странное страдальчески напряженное выраженіе. Даже самый воздухъ казался насыщеннымъ и какъ бы сгустился отъ раздававшихся словъ, шума и пыли. Тянулись длинные ряды однообразныхъ домовъ съ безчисленнымъ количествомъ оконъ; здѣсь и небо выглядѣло иначе, иначе плыли облака, иначе свѣтило солнце. По стѣнамъ висѣли лоскуты пестрой бумаги, на которой необыкновенно восхвалялись разныя мыла, вина, съѣстные припасы, газеты, мебель, концерты, платья, лѣчебныя средства и произведенія искусства. Безпокойно шныряли собаки, безсмысленно маршировали солдаты, изъ домовъ несся запахъ пива, кушанья и разныхъ товаровъ; за роскошными рѣшетками виднѣлись искалѣченныя деревца; все двигалось, торопилось, точно здѣсь не существовало ни сна, ни ночи, ни отдыха, ни времени, чтобы опомниться.

Скоро они доѣхали до дома Барромео. Онъ былъ старъ и расположенъ въ узкой, мрачной и кривой улицѣ, въ центрѣ города; окна узкими рядами близко тѣснились другъ къ другу, а само, почернѣвшее отъ старости, строеніе стройно, но безрадостно высилось кверху. Ихъ встрѣтилъ лакей, чтобы принять багажъ. Докторъ Барромео провелъ Арнольда прямо наверхъ, въ предназначенныя ему комнаты, онѣ были высокія, тихія, и также производили впечатлѣніе старости и заброшенности. Барромео сообщилъ, что въ прежніе годы здѣсь жилъ братъ его покойной жены, человѣкъ, котораго еще въ студенческіе годы загубило вино и женщины. Вдругъ Барромео оборвалъ свей однотонный и отрывистый разсказъ и медленно перевелъ взглядъ на двери, въ которыхъ появилась его жена. У нея была поистинѣ царственная наружность—лицо блѣдное, губы, на которыхъ играла привѣтливая, одинаково озарявшая всѣхъ улыбка, ярко-красныя. Почти того же огненно-краснаго цвѣта были роскошные волосы, причесанные въ видѣ короны. Каждый шагъ этой женщины сопровождался шуршаніемъ, казавшимся Арнольду чѣмъ-то чрезвычайно загадочнымъ. Съ удивленіемъ смѣшаннымъ съ любопытствомъ, повернулся онъ въ ея сторону и тотчасъ же услышалъ распространившійся по комнатѣ пронизывающій, безпокоившій его, ароматъ.

— Извините, господа, я никакъ не думала, что могу помѣшать...— произнесла она пѣвучимъ, какъ бы струящимся голосомъ и лицо ея приняло выраженіе свѣтскаго отчаянія.—Такъ вотъ онъ, племянникъ!— продолжала она и, шурша платьемъ, подошла ближе къ Арнольду, протянула ему руку и улыбнулась: беззаботно, матерински, участливо, слегка насмѣшливо, въ то же время съ непонятной смѣсью спокойствія и оживленія. Получалось впечатлѣніе, что какъ только она вошла въ комнату, такъ тотчасъ же завладѣла всѣмъ,—стѣнами, мебелью, свѣтомъ, воздухомъ и обоими мужчинами. Арнольдъ позабылъ даже пожать протянутую руку. Она засмѣялась, покачала головой и спросила мужа, не сойдетъ ли онъ къ ней напиться чаю. Получивъ отрицательный отвѣтъ, она попросила, чтобы онъ по крайней мѣрѣ предоставилъ въ ея распоряженіе племянника, который, навѣрное, проголодался съ дороги.

— Я съ нетерпѣніемъ поджидала васъ или тебя,—обратилась она къ Арнольду,—и приготовилась къ встрѣчѣ съ чѣмъ-то въ родѣ лѣсного человѣка, да и теперь еще жду того же. Конечно, въ самомъ благородномъ смыслѣ слова. Но не будемъ терять изъ-за этого времени. А здѣсь безъ насъ все приведутъ въ порядокъ, вѣдь я только сегодня утромъ узнала о вашемъ пріѣздѣ. Идемте!.. Идемъ, Арнольдъ.

Все это было произнесено съ необыкновеннымъ богатствомъ интонацій; для каждаго слова находился свой особый звукъ, настолько же неразрывно связанный съ нимъ, насколько мастерски сшитое платье сливается съ тѣломъ, которое плотно облегаетъ и съ неотразимой непринужденностью, присущей только развитому уму, или же обманчивому

подражанію ему. Арнольдъ простился съ Барромео, такъ какъ у него явилось чувство, будто его разлучаютъ съ нимъ надолго, причемъ холодная вѣжливость дяди его нѣсколько удивила. Затѣмъ онъ вслѣдъ за хозяйкой вышелъ въ корридоръ, спустился съ нею въ нижній этажъ и вошелъ въ большую, высокую и свѣтлую комнату. У заставленнаго чашками, стаканами, серебромъ, цвѣтами и разными яствами столомъ сидѣли три лица и о чемъ-то болтали. Молодую дѣвушку госпожа Барромео назвала Петрой Кёнигъ; старика съ чрезмѣрно утолщенной шеей, какъ будто у него былъ зобъ, барономъ Друзіусомъ; третій же былъ бѣлокурый и блѣдный молодой человѣкъ по имени Хиртль; необыкновенная, почти кукольная изысканность его костюма бросалась прямо въ глаза. При входѣ Арнольда онъ, словно ослѣпленный, уставился на его сѣрую рабочую куртку, старомодный воротникъ и тяжелыя, громадныя сапожища; юмористическая улыбка подергивала его безкровныя губы, точно онъ съ трудомъ подавлялъ въ себѣ цѣлый рядъ остроумныхъ замѣчаній. Барышня смотрѣла прямо передъ собою въ пространство съ дѣланнымъ выраженіемъ равнодушія, а старый баронъ окинулъ быстрымъ и острымъ взглядомъ хозяйку дома и Арнольда.

— Ну теперь мы благополучно залучили сюда нашего лѣсного человѣка,—насмѣшливо улыбаясь, сказала хозяйка—ее забавляло молчаніе гостей.—Я вѣдь разсказывала вамъ о немъ,—обратилась она къ Хиртлю.

— Слѣдовательно, наше общество будетъ имѣть возможность въ непродолжительномъ времени привѣтствовать новую восходящую звѣзду,—замѣтилъ баронъ звонкимъ, но немного рѣзкимъ голосомъ, съ видомъ дѣловитой серьезности. Голову и толстую шею онъ наклонилъ впередъ, а руки спокойно сложилъ на колѣняхъ. Борода цвѣта льна, перемѣшаннаго съ красноватыми волосами, придавала и безъ того необыкновенной важности лицу еще что-то такое, что напоминало привидѣнія.

— Что касается привѣтствованія, то я, при сношеніяхъ со звѣздами, ограничиваюсь подзорной трубой — отвѣтилъ Хиртль, причемъ его лицо слегка порозовѣло отъ удовольствія доставленнаго собственнымъ замѣчаніемъ. Но въ то же время онъ сохранилъ чрезвычайно скромный видъ и съ дѣланнымъ равнодушіемъ отхлебывалъ изъ своей чашки. Только когда Петра Кёнигъ засмѣялась сдавленнымъ, неловкимъ смѣшкомъ, черезчуръ явно изобличавшимъ, что она поняла его, онъ точно освободился отъ тягостнаго, тайнаго ожиданія. Положивъ щиколотку одной ноги на колѣно другой, немного сдвинувъ кверху панталоны, такъ что надъ лаковыми сапогами сталъ видѣнъ кусокъ фіолетовыхъ, шелковыхъ носковъ, онъ ловко вытащилъ изъ кармана золотой портсигаръ и вѣжливо попросилъ у хозяйки позволенія закурить. При этомъ онъ глубоко и грустно заглянулъ въ глаза госпожѣ

Барромео, такъ что Арнольдъ былъ очень удивленъ, услыхавъ слова, сопровождавшія этотъ взглядъ. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что на него смотритъ Петра Кёнигъ; но, замѣтивъ, что онъ видитъ это, она испуганно отвела глаза, принявшіе было болѣе спокойное и теплое выраженіе, и съ улыбкой ровно ничего не выражающей, протянула руку за печеніемъ на серебряномъ блюдѣ.

Баронъ Друзіусъ хрустнулъ пальцами и съ непонятнымъ для Арнольда участіемъ спросилъ:—Вы сельскій хозяинъ?

— До сихъ поръ былъ имъ—прервала его Анна Борромео.

Хиртль, которому новоприбывшій показался тупицей и дуралеемъ, уставился на него, причемъ его лицо съ каждой минутой принимало все болѣе и болѣе юмористическое выраженіе, даже губы дрожали отъ невысказанныхъ остротъ, но все же онъ напрасно старался отгадать, зачѣмъ Анна ввела въ свой салонъ этого удивительнаго человѣка? Въ концѣ концовъ онъ приписалъ это ея страсти дѣлать сюрпризы.

— По всѣмъ вѣроятіямъ вы пріѣхали въ городъ по дѣламъ—продолжалъ свои разспросы неутомимый Друзіусъ, думавшій доставить хозяйкѣ удовольствіе, если станетъ занимать нѣмого гостя.

— У него мать умерла,—вторично за Арнольда отвѣтила хозяйка. Она была неспокойна и раздражена противъ него, такъ какъ до сихъ поръ не слыхала отъ него ни единаго звука. Между бровей у нея залегла продольная морщина. Наливая Петрѣ чай, она въ то же время обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Какъ поживаетъ ваша сестраНатали?

— Хорошо,—отвѣтила молодая дѣвушка, причемъ ея взглядъ сдѣлался серьезнымъ, какъ всегда, когда рѣчь заходила о сестрѣ, а на лицѣ мелькнула снисходительная насмѣшка.

— Очаровательная женщина,—заявилъ баронъ и щелкнулъ языкомъ.—Настоящая фигурка въ стилѣ рококо, одна прелесть! И теперь онъ говорилъ съ такою же горячностью, какую только что передъ тѣмъ обнаружилъ въ разговорѣ съ Арнольдомъ. Хиртль, повидимому, скучалъ, его глаза покоились на лицѣ хозяйки не то съ грустнымъ, не то пытливымъ выраженіемъ.

— Какъ стоятъ на биржѣ акціи Монтона?—съ улыбкой спросила его Анна, снимая кончикомъ пальца крошку хлѣба со своего платья.

Арнольдъ разсматривалъ комнату, обои, ковры, картины и все съ бо́льшимъ и большимъ удивленіемъ прислушивался къ разговору. Онъ слышалъ слова, звуки которыхъ были ему какъ будто знакомы, но теперь они заключали въ себѣ непонятный для него смыслъ. Ему показалось, будто передъ нимъ люди, двигающіеся взадъ и впередъ въ самомъ густомъ туманѣ; они могли по своему желанію то показываться, то прятаться и благодаря этому ограждать себя отъ всѣхъ опасностей и нападеній. Выпивъ чай, въ который налилъ очень много молока, онъ поднялся съ мѣста, пододвинулъ свой стулъ совсѣмъ близко къ

столу, поблагодарилъ хозяйку и со словами: «А теперь я пойду умыться», съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица покинулъ салонъ.

Сначала произошло тягостное молчаніе; потомъ Анна Барромео улыбнулась, а за ней улыбнулся и Эммерикъ Хиртлъ, причемъ граціозно уперся руками въ бока. Друзіусъ и Петра Кёнигъ также улыбнулись. Потомъ Хиртлъ надулъ щеки, и имъ овладѣлъ настоящій пароксизмъ смѣха; между приступами его онъ, въ концѣ концовъ, съ трудомъ простоналъ, что никогда еще въ жизни такъ божественно не веселился. Анна Борромео шутливо погрозила ему пальцемъ.

25.

Арнольдъ отправился въ отведенныя ему комнаты. Въ передней отдѣленія его встрѣтилъ лакей, заявившій, что ожидаетъ приказаній молодого барина.—Какихъ приказаній?—останавливаясь спросилъ Арнольдъ. Въ немъ вдругъ пробудилась подозрительность. Человѣкъ улыбнулся и пристально посмотрѣлъ на него.—Можете идти,—сказалъ Арнольдъ и выждалъ, пока тотъ не закрылъ за собой дверей. «Что за странное помѣщеніе», думалъ онъ, проходя черезъ комнаты и разсматривая дорогія обои, тяжелыя драпировки, картины, вазы, ковры, мебель, книги. Онъ распахнулъ окно; стало нѣсколько свѣтлѣе и прохладнѣе. Улица была очень узка. Заглянувъ внизъ, онъ удивился высотѣ своего и близости противоположныхъ домовъ и безконечному ряду оконъ, которыя сплошь всѣ были закрыты. Затѣмъ онъ взглянулъ кверху и увидалъ лишь небольшой клочокъ потухающаго въ вечернихъ краскахъ неба. Надъ крышами съ крикомъ быстро пролетала стая птицъ. Во время этихъ наблюденій онъ другъ почувствовалъ сильный голодъ и, не долго раздумывая, взялъ шляпу, вышелъ изъ дому и отправился на поиски ближайшаго ресторана. Скоро онъ наткнулся на маленькій извозчичій трактирчикъ, вошелъ въ него и спросилъ себѣ вина, колбасы, сыру и съ аппетитомъ принялся закусывать. Въ низкомъ помѣщеніи, переполненномъ табачнымъ дымомъ, сидѣло множество народу, они ругались, кричали, смѣялись и играли въ различныя игры. Насытившись Арнольдъ заплатилъ и вышелъ. Онъ рѣшился прогуляться по улицамъ, но по природѣ осторожный и вовсе не склонный къ туманной мечтательности, онъ предварительно вернулся назадъ и старательно замѣтилъ улицу и домъ дяди. Свернувъ изъ тихой, боковой улицы на одну изъ главныхъ, онъ тотчасъ же очутился въ кипящемъ людскомъ потокѣ. Ослѣпительный свѣтъ высокихъ, бѣлыхъ фонарей окончательно разгонялъ вечерній сумракъ. Изъ всѣхъ магазиновъ и изъ каждаго окна чудныхъ дворцовъ лился такой же яркій свѣтъ и даже сама ночь какъ то нерѣшительно разстилала свой мракъ надъ крышами. Очутившись среди безконечной, ежесекундно возобновляющейся толпы, Арнольдъ подумалъ сначала, что окружающій его шумъ

ни что иное, какъ равномѣрный, боязливый шопотъ, который нельзя назвать ни громкимъ, ни тихимъ; это былъ ни говоръ, ни крикъ: иногда онъ напоминалъ непрерывно слѣдующіе одинъ за другимъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ глубокіе вздохи, чаще же вызывалъ представленіе о далекомъ смѣхѣ. Ничто не оставалось неподвижнымъ, все шумѣло на подобіе тяжелыхъ рѣчныхъ волнъ. Арнольдъ жался къ самымъ домамъ и лишь съ трудомъ подвигался впередъ. Ему не надоѣдало разсматривать встрѣчныхъ, онъ не могъ досыта наглядѣться на нихъ, улавливать выраженіе ихъ глазъ, вслушиваться въ ихъ смѣхъ... Одинъ высматривалъ пытливо и осторожно, другой о чемъ-то говорилъ съ раздраженіемъ, третій выглядѣлъ утомленнымъ... Вонъ та женщина переваливается, словно откормленная курица, та вотъ скользитъ, какъ привидѣніе, ея губы кривятся, а глаза ищутъ чего-то... Каждый, казалось, надѣлъ маску и какъ бы подвигался впередъ между невидимыми стѣнами. «Вотъ къ кому я обращусь», думалъ Арнольдъ, причемъ останавливался и оглядывался по сторонамъ, точно это надо было сдѣлать сейчасъ же. «Но что бы такое сдѣлать, чтобы заставить ихъ остановиться? Они заняты. Они или голодны, или идутъ къ друзьямъ, или спѣшатъ по дѣламъ... Ихъ много, тысячи... и они не слыхали еще того слова, что я собираюсь сказать имъ».

«Какъ странно торопится вонъ тотъ, точно боится опоздать къ супу... а этотъ стоитъ совершенно криво, того и гляди упадетъ; а тѣ, гордые, наслаждаются вечеромъ, не вѣдаютъ заботы... какъ хорошо они одѣты, лица ихъ сіяютъ, у нихъ, повидимому, вѣчный праздникъ: вонъ они же стоятъ передъ выставками товаровъ, глазѣютъ на нихъ, болтаютъ... Вотъ что было бы недурно, это подняться на воздухъ и крикнуть такимъ голосомъ, чтобы онъ сразу разнесся по всему городу. Надо бы напугать ихъ, чтобы они моментально пріостановились и стали слушать».

Сбитый всѣмъ видѣннымъ съ толку, не зная, что предпринять, точно въ угарѣ, смотрѣлъ Арнольдъ прямо передъ собою. Вновь въ немъ проснулось прежнее горячее желаніе, вновь раздавался прежній призывъ, но найдетъ ли онъ вѣрный путь—въ этомъ онъ сталъ почему-то сомнѣваться. Собственный голосъ казался ему теперь слабымъ, намѣченные пути негодными, руки безсильными, понятія дѣтскими. Основная мелодія внутренняго міра звучала теперь громче, чѣмъ когда либо, но внѣшній шумъ поглощалъ ее. Но одновременно съ чувствомъ безсилія, охватывавшемъ его со всѣхъ сторонъ, въ немъ все сильнѣе и сильнѣе пробуждалась и жажда могущества. Онъ видѣлъ предъ собою людей, и еще людей, все новыхъ и новыхъ... Но ни одного лица нельзя было запомнить, всѣ они расплывались въ туманѣ, точно въ салонѣ тетки Барромео. «У кого же можетъ хватить силъ руководить ихъ дикими инстинктами, объединить разнузданныя чувства»?

Необычайно взволнованный и взволнованный иначе чѣмъ обыкновенно, онъ покинулъ, какъ днемъ, залитыя свѣтомъ улицы и завернулъ въ болѣе темныя, гдѣ его собственная тѣнь то слабо и смутно сливалась съ мракомъ, то снова, когда онъ проходилъ подъ желтоватымъ, холоднымъ пламенемъ газоваго рожка, рѣзко вырисовывалась. Онъ не думалъ болѣе о цѣли и причинѣ своего странствованія, а шелъ себѣ, весь обратившись въ зрѣніе; его способность мышленія была будто парализована, все видѣнное казалось ему невѣроятнымъ, безпричиннымъ и противнымъ здравому смыслу. Зачѣмъ дома такъ тѣсно прижаты одинъ къ другому, такъ что кажется, будто они задыхаются? Зачѣмъ одна улица примыкаетъ къ другой и каждая наполнена одинаковымъ жужжащимъ шумомъ, даже если въ ней нѣтъ ни души? Почему одни окна пусты и темны, а въ другихъ свѣтится огонекъ, точно въ глазахъ человѣка, преисполненнаго надеждой? На каждомъ углу Арнольдъ останавливался и съ удивленіемъ всматривался въ неподвижной рядъ фонарей. Его тянуло дойти до конца и, не думая о возвращеніи, онъ вмѣстѣ съ толпой шелъ изъ одной улицы въ другую, одного переулка въ другой и, каждый разъ сворачивая въ новую улицу, думалъ, что вотъ-вотъ передъ нимъ откроется лѣсъ или раскинутся тихіе луга. Но эти ожиданія не сбывались и чувство удивленія все возрастало, все болѣе ошеломляло его... Этому еще способствовало сознаніе, что массы домовъ не только тянутся въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шелъ, но также расползаются во всѣ стороны, поднимаются къ небу и углубляются въ нѣдра земли. Онъ разсматривалъ вывѣски мелочныхъ лавокъ, трактировъ и безчисленныхъ магазиновъ, въ которыхъ, онъ думалъ, живутъ довольные и счастливые люди, такъ какъ блескъ свѣчей и пестрота вывѣсокъ вводили его въ заблужденіе; онъ останавливался передъ освѣщенными окнами кофеенъ и растерянно заглядывалъ въ нихъ, и онѣ казались ему разукрашенными, какъ для пира. Онъ видѣлъ громадныя зданія, которыя, повидимому, должны были служить для какихъ-то невѣдомыхъ ему, но возвышенныхъ цѣлей; церкви съ запертыми бронзовыми вратами и башнями, съ высоты которыхъ все же раздавался колокольный звонъ. Повсюду на взглядъ вѣяло покоемъ, порядкомъ, справедливостью и сотни разъ Арнольдъ при мысли о себѣ качалъ головой и ощущалъ недовольство, самъ не зная почему. Еще ни разу ему не приходилось испытывать такого чувства безотрадной усталости. «Куда теперь?» думалъ онъ и все продолжалъ идти впередъ, и, наконецъ, забрелъ въ пустынное предмѣстье съ вымершими улицами. Здѣсь дома были ниже, и поэтому небо казалось ближе. Въ подвальныхъ этажахъ онъ видѣлъ семьи, сидящія за ужиномъ; изъ трактировъ несся шумъ и крикъ, мимо шмыгали дѣвки и улыбались ему... и каждый отдѣльный звукъ и каждая картина вызывала въ Арнольдѣ ошеломляющее чувство безконечнаго разнообразія и безграничной распространенности. Онъ сталъ

казаться себѣ самому нѣсколько смѣшнымъ съ своими желаніями и своею настойчивостью; ему даже приходило въ голову, не слишкомъ ли ничтожно и слабо то, что еще вчера всецѣло поглощало его, въ сравненіи съ силами, что теперь во очію онъ видитъ передъ собою? Но эти думы скорѣе смахивали на цѣлый ураганъ вопросовъ, и съ горечью, почти съ страхомъ почувствовалъ онъ свою полную неопытность и напрасно старался увѣрить себя, что избытокъ внутреннихъ силъ въ состояніи всецѣло замѣнить ее. Отъ всего этого у него закружилась голова, такъ что онъ уже не шелъ, а скорѣе, шатаясь, подвигался впередъ. Ему казалось, что если онъ тутъ же не возвысится до какого-нибудь поступка, то начнетъ самъ себя презирать, хотя въ чемъ долженъ состоять этотъ поступокъ, для него самого съ каждой минутой становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. «Господи, сказалъ онъ себѣ, вѣдь это, пожалуй, кончится плохо», и вдругъ порывисто повернулъ обратно, причемъ въ немъ возникла странная увѣренность, какъ бы предчувствіе, что вскорѣ, благодаря какому-то внушенію извнѣ, мракъ вокругъ него разсѣется. Вѣжливо, почти робко, онъ разспрашивалъ встрѣчныхъ про дорогу, что указывало на его наивную и покорную сердечную готовность послѣдовать указаніямъ судьбы.

Послѣ многочасовой прогулки онъ, наконецъ, нашелъ дорогу и часамъ къ десяти вернулся къ дому Барромео. Человѣкъ проводилъ его до его комнаты, зажегъ тамъ лампы и спросилъ, не нужно ли чего? Арнольдъ покачалъ головою. Звукъ человѣческаго голоса казался ему чуждымъ. Не воспользовавшись ни однимъ изъ роскошныхъ стульевъ, онъ сѣлъ верхомъ на свой дорожный сундукъ и собрался хорошенько все обдумать. Дышалъ онъ часто; ему казалось, что онъ держитъ собственное сердце въ рукѣ и поворачиваетъ его то такъ, то эдакъ, но оно, попрежнему, остается нѣмо. Тогда онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, но ему въ ней стало казаться тѣсно. И вдругъ передъ нимъ точно открылось множество дорогъ, и каждая-то изъ нихъ вела именно туда, гдѣ безо всякаго труда можно было добиться справедливости. Но развѣ она, эта справедливость, дѣйствительно что-то уже столь великое? развѣ стоило изъ-за нея предаваться такому гнѣву и такъ томиться? Въ сущности это такъ немного—добиться справедливости, и Арнольду стало стыдно: ему представилось, что онъ похожъ на человѣка, который для того, чтобы дотащить домой мышонка, является за нимъ съ полкомъ. И то, что онъ намѣревался сдѣлать, показалось ему столь легкимъ и само собою понятнымъ... Онъ даже принялся насвистывать про себя, когда въ дверь постучали. Вошелъ Барромео.

— Добрый вечеръ, Арнольдъ,—сказалъ онъ своимъ обычнымъ, размѣреннымъ тономъ.—Устроился ли ты хоть немного?

Наружною стороною руки, онъ осторожно приподнялъ свою бороду, причемъ слегка наклонилъ голову къ плечу.

Арнольдъ подошелъ къ нему.

— Что мнѣ дѣлать? Съ чего начать?—быстро спросилъ онъ, засовывая кулаки въ карманы.—Вотъ я пріѣхалъ и уже прошелъ цѣлый день.

Барромео, продолжая любовно поглаживать бороду, опустилъ глаза и сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучали давно принятыя рѣшенія, сказалъ:

— Тебѣ придется еще обождать и даже не одинъ день. Не разсчитывай на окружающихъ, а на самого себя разсчитывай только въ такомъ случаѣ, когда ни на минуту не станешь сомнѣваться въ себѣ. Но тогда у тебя будетъ много времени, очень много.

Арнольдъ сразу, однимъ движеніемъ, повернулся къ дядѣ; выжидательно и упрямо смотрѣлъ онъ на него, а тотъ подошелъ къ столу, опустился на низенькое кресло и съ глубокою серьезностью выдержалъ взглядъ племянника.

— Я находилъ правильнымъ твой пріѣздъ въ городъ, Арнольдъ,— тихо продолжалъ онъ.—Ты хотѣлъ все самъ видѣть, да тебѣ и нужно все видѣть самому. Но дальше, пока, тебѣ ничего не слѣдуетъ предпринимать. Успокойся и выслушай меня! Вѣдь ты не знаешь, что я намѣренъ сказать тебѣ.

Наконецъ Барромео пересталъ поглаживать свою бороду, взялъ со стола разрѣзальный ножъ изъ слоновой кости, положилъ его на средніе пальцы обѣихъ рукъ и уже не спускалъ съ него глазъ все время, пока говорилъ. Свою рѣчь онъ сопровождалъ еле примѣтной улыбкой, скорѣе даже тяжелымъ движеніемъ челюстей и скептическимъ подергиваніемъ угловъ рта.

— Ты хочешь освободить Ютту Алассеръ?—продолжалъ онъ.—Мнѣ понятно подобное желаніе; понимаю также и его побудительные причины. Ты молодъ; въ тебѣ кипитъ вся чудная юность; но что ты сможешь сдѣлать одинъ? Не думай, Арнольдъ, что я собираюсь удерживать тебя, наоборотъ. Но еще не бывало случая, чтобы полководецъ одинъ, безъ войска, выигралъ сраженіе. Теперь я говорю съ тобою не въ качествѣ родственника. Представь себѣ на минуту, что я божество, стремящееся посредствомъ тебя осуществить цѣли, которыя оно себѣ поставило. Какъ твой дядя, я долженъ бы былъ сказать тебѣ, что это безполезно, что свѣтъ все едино не передѣлать, будешь ли ты кричать или спать. Исторія Алассера случайно послужила толчкомъ къ пробужденію твоего сердца; но вѣдь и милліоны другихъ случаевъ могли произвести на тебя тоже дѣйствіе. Возьмемъ хоть исключительно наше отечество, или даже одну Галицію: все тамошнее управленіе подгнило въ самомъ корню; промыслы доведены до крайняго упадка; члены денежной, да и родовой аристократіи, совершаютъ самыя невозможныя хищенія; ростовщичество процвѣтаетъ, какъ процвѣтало только въ средніе вѣка: мѣстный банкъ потерпѣлъ крахъ, потому что одинъ князь

и одинъ графъ съ помощью обмана довели его до разоренія. Слышалъ ли ты что-нибудь о князѣ Цирисковерѣ? Голодные рабочіе должны были смотрѣть, какъ акціонеры обкрадывали другъ друга, а директоръ обкрадывалъ ихъ на десятки тысячъ гульденовъ. Милліоны запаснаго капитала удерживаются у крестьянъ, влачащихъ самое жалкое существованіе среди голода и болѣзней; въ большихъ экономіяхъ работникамъ платятъ вмѣсто денегъ кусочкомъ картона. И что въ сравненіи со всѣмъ этимъ—твоя исторія заключенной въ монастырь дѣвушки? Посуди самъ..Ну, и оглянись теперь вокругъ себя—дѣла не мало. Учись, чтобы потомъ рѣшить, съ чего надо начинать. Человѣкъ, въ которомъ живетъ правда, можетъ помочь. Жажда правды привела тебя къ намъ и теперь все дѣло въ томъ, чтобы ты не сбился съ пути. Начиная съ сегодняшняго дня, пусть будетъ твоей задачей сохранить въ себѣ эту жажду истины. Не знаю почему, но я вѣрю въ тебя Арнольдъ; что-то вынуждаетъ меня къ этому. Я никогда не стану противодѣйствовать твоимъ желаніямъ, никогда не буду спрашивать, хорошо ли то, что ты дѣлаешь, исходя изъ мысли, что, что бы ты ни дѣлалъ, въ данномъ случаѣ лучшее. Я предоставляю тебѣ полную свободу располагать своимъ состояніемъ, временемъ и личностью. Но сначала рѣши, къ чему тебѣ слѣдуетъ приложить свои силы. Въ наше время нуженъ не только человѣкъ дѣльный, съ возвышенными чувствами и душевной чистотой, но и въ высшей степени практическій. Необходимы опытность и культура. Вотъ искусъ, черезъ который ты долженъ пройти. Наружно тебѣ слѣдуетъ походить на всѣхъ, одѣваться какъ всѣ, принять общіе всѣмъ обычаи и манеры, но руки твои должны оставаться чистыми, взглядъ яснымъ, душа незагрязненной. Но силу тебѣ пріобрѣсти необходимо, вотъ въ этомъ-то и задача. И тогда тебѣ уже будетъ нипочемъ освободить какую-нибудь Ютту Алассеръ. Пока же это невозможно для тебя, какъ и для всякаго другого. Повѣрь мнѣ, тебѣ не изыскать для этого иныхъ путей, нежели тѣ, которыми уже воспользовался ея отецъ, а растрачивать силы безъ толку, ради фантазіи, этого вѣдь ты и самъ не пожелаешь.

Первый разъ въ жизни Арнольда охватило что-то въ родѣ благоговѣйнаго чувства подданнаго къ своему монарху... Словно школьникъ, сидѣлъ онъ на своемъ сундукѣ, весь перегнувшись впередъ и благоговѣйно внимая каждому слову дяди, сказанному, повидимому, съ такимъ усиліемъ отъ усталости. Его глаза подернулись влагой, губы дрожали, точно отъ жажды.

— А съ чего тебѣ начать,—продолжалъ адвокатъ, какъ-то неопредѣленно наморщивъ лобъ,—это уже я предоставляю рѣшить тебѣ самому. Безъ программъ только. Ты долженъ все самъ придумать. Начни съ мелочей. Дѣйствуй по мелочамъ. Примыкай къ тому, гдѣ сама собою ясна необходимость этого. Я пришлю тебѣ наверхъ книги, съ которыми, по моему мнѣнію, тебѣ полезно познакомиться. Оставайся

какъ можно больше одинъ, но и въ этомъ отношеніи не хватай черезъ край. Ты долженъ жить вмѣстѣ со всѣми, не дозволяя никому въ отдѣльности завладѣть собою. Необходимость извѣстной правильности скоро сама собою выяснится для тебя. Учись познавать свѣтъ, въ которомъ живешь, и оцѣнивать его по достоинству. Въ тебѣ все есть, чтобы достичь цѣли. Итакъ, милѣйшій, я могу резюмировать все вышесказанное въ двухъ словахъ—сохрани въ себѣ, что имѣешь, и пріобрѣтай необходимое.

Было видно, что Барромео очень трудно говорить, такъ какъ кончилъ онъ съ видимымъ облегченіемъ и устало, медленно перевелъ взглядъ съ разрѣзальнаго ножа на свѣтъ. Арнольдъ положилъ голову на руки и закрылъ ими лицо. Что въ немъ бушевало и боролось, Барромео зналъ и именно это любилъ въ немъ. Вставъ съ мѣста, онъ подошелъ къ племяннику и положилъ ему руку на плечо.

— Ну?—коротко и ласково спросилъ онъ его.

Арнольдъ поднялъ глаза и, точно солдатъ, сорвался со своего мѣста. Щеки его пылали.

— Да,—сказалъ онъ и рѣшительно протянулъ руку дядѣ; тотъ кивнулъ головой.

— Я сознаю все это,—продолжалъ Арнольдъ, причемъ честно, прямо и гордо заглянулъ въ глаза Барромео.—Я все понимаю.

— Не все еще,—сказалъ тотъ.—Что ты не фантазеръ какой-нибудь—я зналъ заранѣе. Никогда я не былъ высокаго мнѣнія объ идеалистахъ безъ головъ. А теперь не отъужинаешь ли ты съ нами? Жена велѣла просить тебя.

Арнольдъ колебался. Ему хотѣлось побыть одному. Но въ то же время казалось, что слѣдуетъ побороть въ себѣ это желаніе, а потому и послѣдовалъ за дядей въ столовую.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мнѣ въ сумеркахъ, не знаю отчего
Такъ стало нынче странно—одиноко
И грустно, грустно... Точно издалека,
Невидимо, родное существо
Явилося и тихо улыбнулось,
И сердце вдругъ заныло и проснулось.
Взволнованный, я вышелъ на крыльцо
И въ садъ сошелъ по вымокшимъ ступенямъ
Сырымъ и терпкимъ воздухомъ весеннимъ
Обвѣяло мнѣ сразу все лицо,
И вѣтерокъ подулъ навстрѣчу ровно
И гладилъ щеки мягко и любовно.
Зеленовато-блѣдное, казалось
Такъ близко небо! Первая звѣзда
Прозрачнѣе, чувствительнѣе льда,
Дрожала въ немъ слезой и разливалась.
Свѣжѣло, и въ аллеѣ чьихъ-то ногъ
Остеклянѣлъ отчетливый слѣдокъ.
Изъ парниковъ, раскутанныхъ вчера,
Тянуло чѣмъ-то теплымъ, нездоровымъ,
Отъ срубовъ пахло деревомъ сосновымъ,
Откуда-то—дымкомъ, какъ отъ костра,
Отъ прѣлыхъ травъ—виномъ перебродившимъ,
А отъ земли—истлѣвшимъ и ожившимъ.
Паръ призрачно стоялъ между вѣтвей;
Онѣ тянулись къ небу нѣжно, кротко,
Рисуяся такъ тонко и такъ четко!
Ручей журчалъ напѣвами дѣтей,
И у ограды тополь недвижимо
Синѣлъ во тьмѣ прозрачнѣй, легче дыма.
Во всемъ я видѣлъ образъ дорогой.
Настала ночь... Въ туманѣ даль сѣдѣла.
Земля совсѣмъ остыла, отвердѣла.

Ледъ, какъ хрусталь, ломался подъ ногой.
Была суббота. Съ колокольни дальней
Плылъ мѣдный звонъ и дѣлалъ тишь печальнѣй.
Не онъ-ли былъ со мною, мой двойникъ,
Но только юный, сгубленный и милый?
Не онъ ли здѣсь дышалъ сырой могилой,
Тоскующій, къ груди моей приникъ
И звалъ меня загадочно куда-то,
Все обѣщалъ, чему ужъ нѣтъ возврата?..
И замеръ я, и долго такъ стоялъ,
И дивное мнѣ что-то въявѣ снилось.
Съ землей, въ слезахъ, душа моя молилась.
Я ждалъ чудесъ, невѣдомаго ждалъ,
И вдругъ, въ какомъ-то свѣтломъ откровеньи,
Поцѣловалъ я землю...

А. Ѳедоровъ.

ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Повѣсть въ письмахъ).

(*Продолженіе* *).

Ольховка, августъ 1864 года.

Пишу тебѣ, дорогая, наканунѣ отъѣзда, среди упакованныхъ уже вещей и того полнаго разгрома, который всегда наступаетъ въ домѣ предъ дальними переѣздами цѣлой семьей.

Завтра мы выѣзжаемъ въ Казань. Владиміръ, пріѣзжавшій за нами оттуда (онъ провелъ тамъ уже три мѣсяца, поѣхавъ предварительно одинъ, чтобы ознакомиться раньше съ городомъ и товарищами), уѣхалъ уже обратно въ Москву, гдѣ будетъ ждать насъ и гдѣ мы проведемъ еще около недѣли.

И вотъ повсюду стоятъ сундуки, валяются веревки и сѣно, двери распахнуты настежь и вѣтеръ, врываясь въ нихъ, свободно гуляетъ по комнатамъ... Всѣ ходятъ растерянные, заплаканные, и въ сердце все больше невольно закрадывается тоска... Что-то ждетъ насъ тамъ?

Тяжело отрываться отъ родного, цѣлыми поколѣніями насиженнаго гнѣзда; отъ самыхъ стѣнъ стараго дома, въ которомъ родился и выросъ, отъ всѣхъ этихъ людей, которыхъ зналъ еще ребенкомъ и связь съ которыми, помимо воли и сознанія, такъ глубоко вкоренилась въ душу, въ привязанность, въ самую жизнь даже...

Для меня это цѣлый Рубиконъ и рѣшаться на него мнѣ было и тяжело, и жутко, но за Владиміра я рада; ему опять возвращено любимое дѣло, опять открывается широкая дѣятельность, безъ которой онъ такъ томился въ своемъ вынужденномъ бездѣйствіи. Я видѣла, какъ мучительно скучалъ онъ всѣ эти полтора года, живя въ глуши нашей Ольховки, до которой даже письма и газеты доходятъ на третій и четвертый день; какъ тяготился своимъ «ничего недѣланіемъ», въ то время, когда такъ много было

*) См. февр. „Изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ“.

работы кругомъ, когда столько можно было бы сдѣлать и такъ страстно хотѣлось работать. Не находя себѣ исхода, его энергія и силы только даромъ потухали въ немъ, все больше и больше накапливая на душѣ его раздраженія и горечи. Видѣла все это и сама невольно страдала за него... Но что я могла сдѣлать для него? какъ помочь? То, что было въ моемъ распоряженіи, было не нужно ему, а то, что было нужно ему—было не въ моей власти! И вотъ, когда надъ нами опять немного просвѣтлѣло, и ему снова предложили каѳедру въ Казани, онъ точно воскресъ, точно проснулся изъ своей полуторагодовой спячки и опять весь ожилъ и повеселѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ ожила и я... И какъ ни больно отрываться отъ всего привычнаго, дорогого, любимаго, что приходится покидать на долгіе годы, но мысль, что я это дѣлаю *для него* и что *онъ* опять будетъ, быть можетъ, доволенъ и счастливъ, невольно за все вознаграждаетъ и со всѣмъ примиряетъ меня... Да, такъ распалась за эти годы наша семья, когда-то такая большая и дружная... Дядя умеръ, тетя и Петръ въ Сибири, Дмитрій въ Гейдельбергѣ... Сережа тоже бо́льше подлѣ матери и за эти два года, пожалуй, и двухъ мѣсяцевъ, не былъ съ нами...

А тутъ еще чуть не предъ самымъ отъѣздомъ меня постигло одно новое разочарованіе, доставившее мнѣ тоже не мало горькихъ мыслей и минутъ. Наши Алексѣй и Дуняша не ѣдутъ съ нами, а остаются въ Москвѣ и открываютъ тамъ табачную лавочку!

Не знаю—почему, но меня это прямо поразило и до сихъ поръ я не могу ни примириться, ни освоиться съ этою мыслью.

Я такъ привыкла считать ихъ совсѣмъ «своими», такъ глубоко преданными намъ казались они всегда, что мнѣ и въ голову не приходило, что они могутъ уйти отъ насъ когда нибудь!

Когда выяснился нашъ переѣздъ въ Казань, Алексѣй сталъ очень мраченъ, а Дуняша ходила постоянно заплаканною, но я приписывала это именно тому, что имъ приходится уѣзжать такъ далеко отъ всѣхъ родныхъ, и не удивлялась, испытывая и сама то же самое.

Но недѣли двѣ тому назадъ, въ одно прекрасное утро, Дуняша вдругъ съ рыданіемъ бросилась предъ мною на колѣни и, обнимая мнѣ ноги и цѣлуя руки, объявила, что они не поѣдутъ съ нами въ Казань, такъ какъ Алексѣй не хочетъ уѣзжать такъ далеко отъ Москвы.

Я была совсѣмъ поражена этимъ заявленіемъ и сначала даже не повѣрила ей, но заблужденіе мое, увы! длилось не долго, и самъ Алексѣй на мой вопросъ, «правда ли это», съ смущеннымъ и виноватымъ видомъ подтвердилъ слова жены.

И ни совѣты, ни уговоры всѣхъ насъ не привели ни къ чему. Онъ остался на своемъ, оправдываясь тѣмъ, что «Богъ ее знаетъ, что это за Казань еще такая, а въ Москвѣ у нихъ и родня вся, и самъ онъ сызмальства къ ней привыкъ; опять же и дѣти у нихъ теперь пошли, а съ дѣтьми что ужъ за житье въ людяхъ! ни себѣ, ни господамъ, одна помѣха!»

Не знаю, можетъ быть, онъ и правъ; конечно, каждому человѣку естественно стремиться къ тому, что ему представляется лучшимъ, но я была совсѣмъ потрясена этимъ новымъ разочарованіемъ. Сколько ихъ въ жизни ни встрѣчаешь, а все никакъ къ нимъ не привыкнешь, и каждое приноситъ свою боль. Дѣти моей Дуняши, на которую я глядѣла, почти какъ на младшую сестру, не казались мнѣ ни помѣхой, ни препятствіемъ къ дальнѣйшему служенію у насъ. Они росли въ одной дѣтской съ моими собственными, точно также какъ когда-то, въ свой чередъ, росли вмѣстѣ съ нею и мы сами. И вдругъ все это порвалось и рушилось такъ грубо, неожиданно и горько!..

И какъ ни плачетъ теперь моя Дуняша, разставаясь со мною, какъ ни цѣлуетъ мои руки и ни клянется, что никогда бы не оставила меня, если бы не Алексѣй, и какъ ни смущенъ, повидимому, и самъ Алексѣй собственнымъ поступкомъ, но я не могу уже подавить въ себѣ чувство невольной горечи противъ своихъ любимцевъ, которымъ когда-то такъ вѣрила и не могу уже вѣрить такъ же безгранично теперь.

Владиміръ отнесся къ этому гораздо спокойнѣе. Онъ находитъ вполнѣ естественнымъ со стороны Алексѣя заняться, наконецъ, своимъ самостоятельнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе теперь, когда завелась своя семья. Но мужчины всегда объективнѣе смотрятъ на вещи, отъ этого и отношеніе ихъ къ нимъ, если и справедливѣе, быть можетъ, зато и холоднѣе нашего.

Такимъ образомъ я ѣду только съ наемной няней да со старикомъ Дороѳеичемъ, который еще старѣе и ворчливѣе прежняго, но у меня не хватаетъ духа, въ свою очередь, поступить съ нимъ такъ, какъ поступили съ нами Алексѣй и Дуняша, когда онъ, повидимому, и мысли о томъ не допускаетъ.

Да, трудный предстоитъ переѣздъ! Какъ-то мы справимся съ этою тройкой крохотныхъ дѣтей. Моя послѣдняя крошка особенно заботитъ меня; бѣдняжка родилась такою больною и слабою, что хотя ей скоро уже два года, но она до сихъ поръ еще не ходитъ и даже не становится на свои слабенькія ножки, хоть мы испробовали уже всѣ средства и обращались ко всѣмъ докторамъ. Но все тщетно, и бѣдная моя дѣвочка, такая кроткая, тихая и прелестная, какими никогда не бываютъ здоровыя дѣти, чахнетъ у насъ на глазахъ. Порою мнѣ кажется, что это какой-то прекрас-

ный ангелъ, который слетѣлъ на короткій мигъ и не останется долго. Это главное горе моей жизни; я не могу видѣть ее безъ мучительнаго упрека себѣ. Сама себѣ кажешься виноватою въ чемъ-то предъ этою маленькою страдалицей, съ самаго рожденія уже обреченной на болѣзни и страданія. Да и могло ли быть иначе! Стоитъ только вспомнить то ужасное время, что переживали мы предъ ея рожденіемъ. Болѣзнь и смерть бѣднаго дяди Семена, судъ надъ Петромъ и его ссылка, запрещеніе «Москвича», даже отъѣздъ тети въ Сибирь—все какъ нарочно упало на то несчастное время! Мудрено ли, что ребенокъ родился такимъ больнымъ и слабымъ. Ольга и совсѣмъ потеряла своего, чуть-чуть не умеревъ при этомъ и сама!

Одна эта сцена послѣдняго прощанія съ тетей Луизой чего стоила! Кажется сколь бы ни прожила я, никогда не забуду этой ужасной минуты, когда уже за заставой Москвы мы вышли всѣ изъ экипажей, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ нею, и съ рыданіемъ обступили ея. Мы цѣловали ее лицо, грудь, руки, а она крестила насъ всѣхъ и что-то говорила намъ, но никто не слышалъ, что она говоритъ, мы только плакали и не могли оторваться отъ нея. Потомъ подошелъ ко мнѣ, помню, Сережа, провожавшій ее до самаго мѣста. Мы крѣпко-крѣпко обнялись съ нимъ и тоже перекрестили другъ друга на дальнюю трудную разлуку, и только въ эту минуту почувствовала я со всею ясностью, какого друга теряю въ немъ... Но съ нимъ еще была надежда на свиданіе впереди, тогда какъ бѣдную тетю, я чувствовала, что уже не увижу больше... И когда возокъ ея тронулся въ свой далекій трудный путь, мы не выдержали и снова бросились къ ней и бѣжали, какъ дѣти, подлѣ него, ловя ея руки, чтобы въ послѣдній разъ прижаться къ нимъ....

Одинъ этотъ глухой крикъ Дмитрія до сихъ поръ стономъ стоитъ въ моихъ ушахъ. Онъ бѣжалъ по дорогѣ протягивая къ матери руки, плача и крича, какъ маленькій: «мама, мама, мама!..»

И этотъ безпомощный крикъ, и лившіеся по лицу слезы почти пожилого уже человѣка, съ его сѣдѣющими уже волосами и бородой, были страшны и вчужѣ раздирали сердце.

Владиміръ почти силой удерживалъ его, умоляя успокоиться и не терзать хуже ни себя, ни мать, и онъ остановился, наконецъ, среди дороги, и долго, долго еще глядѣли мы, какъ протянувшаяся изъ окна кареты рука по воздуху крестила насъ, а бѣлый платокъ Сережи посылалъ намъ послѣднее прости...

Печально вернулись мы домой, не обмѣнявшись почти ни словомъ за всю обратную дорогу... Ольгу, ту замертво внесли потомъ.

Какъ же могло все это не отозваться? Но, Боже мой, есть какая-то жестокая несправедливость со стороны природы, что за наши бѣдствія платимся не только мы, но еще и наши дѣти! Кому, на что нужны страданія этихъ ни въ чемъ неповинныхъ существъ? Неужели мало еще нашего горя, нашего страданія и нужно, чтобы оно роковымъ образомъ передавалось еще и имъ? Когда думаешь объ этомъ, когда видишь всѣ эти несчастныя послѣдствія фатально сложившихся обстоятельствъ—невольно поднимается въ душѣ ропотъ на судьбу и на само Провидѣніе, допускающее такія вещи и дѣлающее дѣтей отвѣтственными и повинными на всю дальнѣйшую ихъ жизнь не только за ошибки ихъ родителей, но даже за самыя страданія ихъ! Но лучше не думать объ этомъ, тѣмъ болѣе,—тѣмъ болѣе, что пора уже кончать... Пока я писала, совсѣмъ стемнѣло, а надо сдѣлать еще нѣкоторыя приготовленія на завтрашній день.

Да, вотъ и послѣдняя ночь, что провожу я въ миломъ, старомъ домѣ... Когда-то опять придется вернуться въ него и какъ?.. и вернусь ли даже? Почемъ знать, какъ посмѣть заранѣе дать отвѣты на всѣ эти загадочные вопросы... Если бы можно было хоть предчувствовать будущее... но и этого не дано, да и къ лучшему, можетъ быть... Такая тишина сейчасъ кругомъ... Только садъ, весь облитый луной, полонъ какихъ-то своихъ ночныхъ шороховъ, да тѣни отъ листвы и пробѣгающихъ облаковъ беззвучно скользятъ по его дорожкамъ.... И кажется, что всегда, вѣчно такъ было и такъ будетъ, и такъ странно и жутко отдѣлить себя отъ всего этого родного, привычнаго, такъ слившагося съ существованіемъ.... Странно и жутко думать, что все это здѣсь такъ и останется, а насъ завтра же больше не будетъ уже тутъ... А впереди что-то новое, чуждое, смутное, къ чему еще надо будетъ привыкать... Владиміру, тому лучше... За тѣ три мѣсяца, что онъ провелъ тамъ одинъ, безъ насъ, онъ уже успѣлъ ознакомиться и съ товарищами, и съ молодежью, встрѣтившими его съ шумнымъ восторгомъ... успѣлъ завести даже и друзей; уже и теперь онъ возвращается туда почти съ удовольствіемъ, даже рвется скорѣй вернуться туда... Тамъ ждетъ его и дѣло, и товарищи, и молодежь,—а меня... меня ничего не ждетъ, я все здѣсь оставляю... Но не надо малодушествовать—Володя такъ не любитъ, когда я «раскисаю,»—и, конечно, онъ правъ; надо забрать себя въ руки и смотрѣть впередъ бодро и весело.... а на душѣ все-таки грустно... Итакъ, прощай, моя дорогая, такъ хотѣла бы сказать тебѣ «до свиданія», но когда-то оно будетъ, это свиданіе! Дай же хоть мысленно, крѣпко-крѣпко обниму тебя, мой дорогой, мой вѣрный другъ, и всею душой прижму тебя къ

груди предъ долгою, долгою разлукой... Не забывай же меня и хоть пиши чаще; теперь еще горячѣе и нетерпѣливѣе будетъ ждать вѣстей отъ тебя твоя Катя.

Казань, февраль 1866 г.

Ты все недовольна моими письмами, моя дорогая! Называешь ихъ «бѣлыми листами», увѣряешь, что я пишу ихъ только для очищенія совѣсти, думаешь, что я что-то скрываю отъ тебя, чего-то не договариваю, и требуешь самыхъ обстоятельныхъ подробностей обо всемъ. Хочешь знать, кто насъ окружаетъ, съ кѣмъ мы особенно сошлись, хочешь не только бѣглой характеристики всего этого, но чуть не тщательныхъ біографій и цѣлыхъ повѣстей! Задача не изъ легкихъ, особенно для меня, совсѣмъ не обладающей ни краснорѣчіемъ, ни остроуміемъ. Но изволь, разскажу, какъ съумѣю, если это все интересуетъ тебя.

Я писала тебѣ уже и раньше, что лично я ни съ кѣмъ особенно не сблизилась, хотя познакомилась, конечно, со многими. Живя въ провинціи, поневолѣ знаешь чуть не весь городъ, но сходиться съ людьми быстро и коротко послѣ 30 лѣтъ уже не умѣешь больше такъ же легко, какъ умѣлъ это въ двадцать!

Я не умѣю забыть прежнихъ друзей моихъ, среди которыхъ протекла лучшая часть моей жизни, и послѣ нихъ новые уже мало интересуютъ и удовлетворяютъ меня. Та дружба, въ которой такъ довѣрчиво и горячо идешь навстрѣчу другъ другу, приходитъ только въ молодости, пока въ характерѣ еще не успѣло накопиться ни сдержанности, ни осторожности, ни недовѣрчивости!

А въ наши годы всѣ даже самыя лучшія отношенія съ разными новыми людьми, въ сущности не болѣе, какъ просто пріятельскія отношенія, въ которыхъ нѣтъ ни глубины, ни прочности, не только уже былой горячности.

Вѣрно, это происходитъ оттого, что жизни слишкомъ долго идутъ разными путями; ихъ сталкиваетъ простая случайность, и ничто не связываетъ серьезно съ этими новыми людьми, которыхъ не зналъ еще годъ тому назадъ и, быть можетъ, опять не будешь знать еще чрезъ годъ.

Конечно, и тутъ, какъ и во всемъ, бываютъ исключенія, но они рѣдки и завязываются больше на почвѣ или одинаковаго горя, невольно сближающаго людей, или общей неудовлетворенности и одиночества, или, что еще чаще, на почвѣ любви съ одной изъ сторонъ, но это уже между мужчиной и женщиной.

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ; но понятно, что главнымъ образомъ все зависитъ отъ натуры. Вотъ мой Владиміръ принадлежитъ, напримѣръ, къ совершенно противоположнымъ на-

турамъ и служитъ какъ разъ обратнымъ доказательствомъ того, что я только что высказала.

Онъ старше меня почти на 11 лѣтъ, но это не мѣшаетъ ему сходиться съ людьми такъ же просто и легко, какъ и 15—20 лѣтъ тому назадъ. Тутъ есть одно семейство... кажется я какъ-то въ одномъ изъ писемъ уже упоминала тебѣ о немъ. Странное семейство, не съумѣю даже назвать тебѣ его фамиліи, потому что и мужъ, и жена, если ихъ только можно назвать мужемъ и женой, носятъ разныя фамиліи, и ее называютъ то по имени перваго мужа, съ которымъ она въ разводѣ, то по фамиліи второго, съ которымъ она живетъ теперь, не выходя почему-то за него замужъ.

Самое странное во всемъ этомъ то, что первый мужъ, котораго оставили ради второго, сохранилъ не только съ женой, но даже и со своимъ замѣстителемъ наилучшія и дружескія отношенія.

Они постоянно видаются, запросто бываютъ другъ у друга, всюду безъ стѣсненія показываются всѣ вмѣстѣ, втроемъ, и первый мужъ, говоря о своей женѣ, спокойно называетъ ее «женой Алексѣя Степановича»! И это безъ тѣни иронiи или горечи, а повидимому самымъ искреннимъ и серьезнымъ образомъ.

Онъ громко восхищается и ею, и ея поступкомъ, которымъ, казалось, ему естественнѣе было бы чувствовать себя оскорбленнымъ, и всюду кричитъ о своемъ глубокомъ уваженіи предъ этою женщиной, публично заявляя, что преклоняется предъ ея смѣлыми передовыми взглядами и убѣжденіями! Когда же имъ случается всѣмъ втроемъ являться въ театръ или собраніе, или просто даже на улицѣ—онъ имѣетъ чуть не торжествующій видъ вполнѣ счастливаго человѣка, гордаго уже однимъ сознаніемъ, что его поступки не расходятся съ словами и принципами, о которыхъ онъ готовъ кричать на всѣхъ перекресткахъ.

Отъ этого брака, т.-е. отъ брака съ первымъ мужемъ, у нихъ есть сынъ, мальчикъ уже 12-ти лѣтъ, отъ котораго они ничего не скрываютъ и воспитываютъ или, вѣрнѣе, воображаютъ, что воспитываютъ, тоже всѣ втроемъ, уже съ этихъ лѣтъ пичкая несчастнаго ребенка Боклемъ, Миллемъ, Дарвиномъ, благодаря чему онъ уже теперь не вѣритъ ни въ Бога, ни въ безсмертіе души, мечтаетъ о коммунѣ и всѣми силами старается изображать себя чѣмъ-то въ родѣ маленькаго Базарова или, вѣрнѣе, жалкой каррикатуры на него.

Вотъ это-то семейство, несчастною игрой случайности, и сдѣлалось намъ или по крайней мѣрѣ Владиміру самымъ близкимъ.

Онъ бываетъ у нихъ не только каждый день, но такъ какъ они живутъ всего чрезъ улицу отъ насъ, то даже и по нѣсколько разъ въ день. Познакомился онъ съ ними еще до моего пріѣзда:

они оба его коллеги, прекрасно знали его по имени и статьямъ и сразу встрѣтили его, по его словамъ, какъ родного. Тѣ мѣсяцы, что онъ жилъ тутъ одинъ безъ насъ, онъ бывалъ у нихъ ежедневно и такъ привыкъ къ этому, что теперь ему уже трудно провести день, не повидавъ ихъ. Конечно, въ этомъ странномъ тріо самымъ интереснымъ лицомъ является сама она.

Не знаю, чѣмъ очаровываетъ всѣхъ эта странная женщина, которая даже брошеннаго мужа съумѣла сдѣлать своимъ рабомъ!

Правда, она очень не глупа и довольно красива, хотя нѣсколько рѣзкою и жесткою красотой, а главное въ ней есть много... много... не умѣю подобрать другого, болѣе мягкаго слова, которое такъ же бы мѣтко характеризовало это ея свойство—много наглости, но неужели этого уже достаточно, чтобы совершенно порабощать въ мужчинахъ и умъ и волю и даже самую душу ихъ!

Зовутъ ее Юлія Сергѣевна. Это высокая, худощавая, жгучая брюнетка, лѣтъ за 30, съ непріятнымъ властнымъ выраженіемъ лица, обрамленнаго короткими жесткими волосами, которые она стрижетъ, какъ мальчикъ, и они вьются у нея на головѣ кудрявою густою шапкой.

Одѣвается она тоже съ нѣсколько мужскимъ пошибомъ и не только просто, но видимо желая подчеркнуть это, почти небрежно, хотя почему-то всегда такъ случается, что не смотря на то, одѣта именно такъ, какъ это всего болѣе идетъ къ ней.

Въ городѣ она слыветъ за самую умную, начитанную и передовую женщину; на мой взглядъ, она только ловко умѣетъ выхватывать фразы изъ того, что прочла, и поражать слушателя массой именъ различныхъ авторовъ, которые будто бы говорятъ то-то и то-то и въ которыхъ она часто, кажется, только и прочла, что ту самую странницу, которую цитируетъ. Иногда она стѣсняется еще менѣе и съ удивительнымъ апломбомъ приписываетъ этимъ авторамъ свои собственныя изреченія, только для того, чтобы придать имъ больше авторитетности предъ слушателями.

Оба ея мужа имѣютъ хорошія средства, но она, начитавшись должно быть Чернышевскаго, громогласно заявила, что не желаетъ быть ихъ содержанкой, а будетъ жить исключительно своимъ трудомъ, и открыла у себя при квартирѣ библіотеку, которая, кромѣ убытковъ, покрываемыхъ ея же мужьями, ничего не приноситъ, но зато даетъ ей право говорить, что она живетъ своимъ собственнымъ трудомъ.

Конечно, всѣ эти пріемы очень мелки и шиты бѣлыми нитками, но на многихъ они производятъ сильное впечатлѣніе, особенно на мужчинъ, которые, въ этихъ случаяхъ, гораздо легче насъ ловятся на такія удочки.

Ихъ гипнотизируютъ красивые глаза, нѣжное пожатіе руки

и тѣ задушевныя нотки въ голосѣ, которыми исповѣдуются предъ ними, открывая имъ будто бы всю душу и всѣ мысли свои, но только непремѣнно предъ каждымъ отдѣльно, потому что другому говорилось, смотря по его вкусу и характеру, или какъ разъ обратное, или точь-въ-точь то же самое... А вѣдь каждый долженъ воображать, что онъ одинъ только пользуется дорогою и рѣдкою привилегіей ея дружбы.

Но главное, чѣмъ она подкупаетъ, это, вѣроятно, та безцеремонная и часто даже грубая лесть, на которую женщины, подобныя Юліи Сергѣевнѣ, не скупятся предъ мужчинами, и которая, вскруживая имъ головы, заставляетъ ихъ въ какой-то непостижимой наивности принимать все за чистую монету.

Мы, женщины, гораздо быстрѣе распознаемъ такіе типы и, отлично понимая ихъ и зная имъ настоящую цѣну, инстинктивно сторонимся отъ подобныхъ женщинъ, не довѣряя и не симпатизируя имъ.

Мой Владиміръ Петровичъ находитъ эту Юлію Сергѣевну замѣчательною и выдающейся женщиною и, поклоняясь ей не меньше ея обоихъ мужей, почти оскорбляется моимъ мнѣніемъ о ней; каждый разъ, что я высказываю его, онъ такъ раздражается, что я теперь уже упорно молчу, когда разговоръ заходитъ о ней.

Онъ думаетъ, что я просто ревную его къ этой женщинѣ, у которой, по его словамъ, мнѣ слѣдовало бы чему-то учиться, и говоритъ, что ревность чувство недостойное и низкое для сколько-нибудь развитой и уважающей себя женщины.

Это вѣдь самый удобный способъ отвоевывать себѣ подобными изреченіями свободу и заставлять глядѣть сквозь пальцы на свои провинности. Вѣроятно, такими же фразами и Юліи Сергѣевнѣ удалось запугать своего перваго мужа, который, кстати, больше всего въ мірѣ боится прослыть отсталымъ человѣкомъ.

Ея вліяніе на Владиміра все увеличивается, и уже одно то, что у него, такого убѣжденнаго и горячаго славянофила, постоянно срываются теперь фразы, въ которыхъ такъ и чувствуется авторство Юліи Павловны, со всѣми тѣми идеями, противъ которыхъ онъ самъ же возставалъ до сихъ поръ, лучше всего доказываетъ, какъ сильно его увлеченіе ею. Иначе, чѣмъ же можно объяснить такую перемѣну всѣхъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій въ 45 лѣтъ!

Что же, быть можетъ, онъ и правъ; быть можетъ, это и дѣйствительно ревность съ моей стороны, потому что мнѣ дѣйствительно больно и горько видѣть, какъ онъ все больше остраняется отъ меня, а къ ней его влечетъ все сильнѣе.

Больно, когда я вижу, какъ онъ скучаетъ у себя дома и въ каждую свободную минуту спѣшитъ въ ихъ домъ. Больно, когда я чувствую, что со всѣмъ, что у него на душѣ, онъ идетъ

не ко мнѣ, женѣ своей, а къ этой чужой ему женщинѣ, съ которою у нихъ не истощается тема и всегда находятся какіе-то таинственные разговоры и сообщенія другъ для друга.

Когда они, отдѣлившись отъ всѣхъ, отходятъ вдвоемъ въ какой-нибудь отдаленный уголъ комнаты и оживленно шепчутся тамъ о чемъ-то, въ груди моей дѣйствительно закипаетъ такая боль и негодованіе, такая тоска и обида, что мнѣ стоитъ много труда, чтобы оставаться спокойною на видъ и не выдать ни предъ кѣмъ того мучительнаго страданія и униженія, котораго я стыжусь предъ самой собой.

Я часто думаю, что она дѣлаетъ это даже нарочно, чтобы только помучить и подразнить меня лишній разъ, потому что принадлежитъ къ тѣмъ страннымъ натурамъ, которымъ видъ чужого страданія и униженія доставляетъ почти наслажденіе, льстя ихъ самолюбію.

Сначала, когда мы только что познакомились, она старалась очаровать и меня и даже заискивала во мнѣ; но когда убѣдилась, что это не дѣйствуетъ на меня, и поняла, что я не вѣрю ей и хорошо понимаю ее, она сразу перемѣнила политику и теперь уже безъ стѣсненія игнорируетъ мое существованіе и, видимо, возненавидѣвъ меня, говоритъ со мною и обо мнѣ, не иначе, какъ тономъ снисходительнаго презрѣнія. Порой встрѣчаясь со мною, она съ плохо сдерживаемою и торжествующею въ то же время, иронической улыбкой спрашиваетъ меня, какъ будто безъ всякой задней мысли—знаю ли я, что Владиміръ Петровичъ задумалъ то-то или намѣренъ сдѣлать это, и я знаю, что она спрашиваетъ меня объ этомъ только для того, чтобы уколоть и доказать мнѣ лишній разъ, что все касающееся моего мужа, она знаетъ лучше меня, жены его, съ которою онъ не удостоиваетъ больше говорить ни о дѣлахъ, ни о мысляхъ своихъ, потому что у него есть такой развитой и понимающій его другъ, какъ она, Юлія Сергѣевна. И хотя въ эти минуты я блѣднѣю отъ обиды и боли, и мнѣ хочется закричать ей въ глаза, что она злая и фальшивая комедіанка, безъ сердца и правилъ, для которой ничего не стоитъ мучить людей по прихоти своей эгоистической, испорченной натуры, но я сдерживаюсь какимъ-то инстиктомъ самодостоинства и самозащиты и нахожу въ себѣ даже силу порой улыбаться и шутить ей въ отвѣтъ, чтобы только не дать ей злорадствовать и видѣть свое торжество надо мною.

Боже мой, неужели же онъ думаетъ, что я, жена его, готовая жизнь отдать за него, и въ продолженіи многихъ лѣтъ умѣвшая угадывать и схватывать, и разумомъ и сердцемъ, каждую мысль его, пойму его теперь меньше, чѣмъ эта чужая

женщина, для которой онъ въ сущности не болѣе, какъ одинъ изъ десяти поклонниковъ, которые уже столько разъ имѣли мѣсто въ ея жизни и столько разъ еще будутъ имѣть ихъ и послѣ него; самая дружба и вниманіе ея къ нему основаны лишь на томъ, что, какъ поклонникъ, онъ, благодаря своему положенію и популярности въ обществѣ, льститъ ея самолюбію. и ей пріятно выставлять на показъ всѣмъ свое вліяніе надъ нимъ!

Если бы я вѣрила въ искренность ея любви къ нему или даже хоть простого увлеченія имъ, я съумѣла бы найти въ сердцѣ своемъ оправданіе и снисхожденіе къ ней, и если бы не поборола вполнѣ свою ревность и враждебность къ ней, то по крайней мѣрѣ, они получили бы во мнѣ совсѣмъ другой характеръ; въ нихъ, можетъ быть, было бы больше отчаянія и горя, но за то и больше уваженія и жалости къ ней и къ ея любви, если бы таковая была. Но я знаю, что она лжетъ ему также, какъ и всѣмъ другимъ, и самыя средства порабощенія его своей власти и пріемы борьбы ея со мной—нечестны и не достойны порядочной женщины!

Я знаю, что она пользуется всякимъ случаемъ, чтобы выставлять меня предъ нимъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и постепенно, путемъ какъ бы случайно вырывающихся у нея фразъ и дружеской откровенности, съумѣла убѣдить его, что я хоть и недурная жена и мать, въ чемъ она всегда съ язвительной насмѣшкой отдаетъ мнѣ справедливость, но въ сущности женщина отсталая, ограниченная, малода же развитая и, конечно, ужъ не способная понять и оцѣнить такого выдающагося человѣка, какъ онъ, Владиміръ Петровичъ.

Она убѣдила его не только въ этомъ, но даже и въ томъ, что я будто бы отношусь къ нему страшно деспотически и стремлюсь лишь къ тому, чтобы совершенно поработить его себѣ, отнявъ у него всякую самостоятельность и свободу. Она внушаетъ это не одному ему, но пользуясь тѣмъ, что я почти нигдѣ не бываю и меня мало поэтому знаютъ, старается создать мнѣ подобную же репутацію и въ городѣ. И даже больше, и хуже того... Она не остановилась и предъ тѣмъ, чтобы загрязнить своимъ нечистымъ воображеніемъ и клеветой то, что было самымъ чистымъ и дорогимъ въ моей жизни, и мѣряя всѣхъ своей мѣркой, посмѣла бросить подозрѣніе на самую дружбу мою съ Сережей и заставить усомниться въ чистотѣ, ея даже моего собственнаго мужа...

Но самое странное и непонятное для меня во всей этой исторіи, это то, что Владиміръ, очевидно, такъ подпалъ подъ ея вліяніе, что увѣровалъ во все, что она ему доказываетъ, что и дѣйствительно началъ смотрѣть на меня въ тѣ очки, сквозь которыя Юліи Сергѣевнѣ угодно показывать ему меня.

Онъ не шутя воображаетъ меня теперь страшной деспоткой, а себя угнетеннымъ мужемъ, который долженъ будто-бы употреблять всѣ силы на то, чтобы не позволить окончательно забрать себя подъ башмакъ, и потому чуть не каждый день и по всякому случаю кричитъ мнѣ, что не позволитъ распоряжаться собой какъ пѣшкой и разъ навсегда проситъ меня оставить его въ покоѣ, не вмѣшиваясь въ его дѣла и во все, что касается лично его! А подъ этимъ «касающимся» будто «лично его» подразумѣвается чуть не вся наша жизнь, всѣ наши отношенія и все то, что было общимъ впродолженіи 10-ти лѣтъ, и что теперь въ угоду Юліи Сергѣевнѣ мы вдругъ должны вполнѣ разграничить.

Хуже всего то, что она начала уже вмѣшиваться даже и въ воспитаніе моихъ дѣтей, и не разъ уже предлагала Владиміру Петровичу по этому вопросу свои программы, съ которыми онъ не стѣснялся потомъ являться ко мнѣ.

Но я лучше соглашусь совсѣмъ оставить его и переѣхать съ дѣтьми обратно въ Ольховку, чѣмъ допущу ее распоряжаться даже и этимъ! Ужъ дѣти-то, по крайней мѣрѣ, должны принадлежать мнѣ вполнѣ, я ни съ кѣмъ не соглашусь дѣлить мои права на нихъ.

Онъ говоритъ, что все это моя фантазія, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго; что ему просто пріятно бывать въ домѣ, гдѣ люди пришлись ему по душѣ, и дружить съ женщиной, съ которой обо всемъ можно поговорить. Но вѣдь они всегда и всѣ такъ говорятъ, а почему-же въ такомъ случаѣ его такъ задѣваетъ малѣйшее порицаніе ей! Почему онъ оскорбляется всякимъ отзывомъ о ней, въ которомъ нѣтъ его обольщенія ею и его преклоненія предъ ней! И главное, почему-же я такъ мучительно, всѣмъ существомъ моимъ, чувствую его враждебность ко мнѣ! Ту страшную, новую въ немъ враждебность, одна мысль о которой обдаетъ меня холодомъ!

Если все это одна моя фантазія, почему-же я не чувствую больше его любви къ себѣ, той любви, которую чувствовала прежде, еще даже два-три года тому назадъ, хотя онъ и тогда уже не говорилъ мнѣ больше о ней и часто бывалъ рѣзокъ и грубъ со мной не меньше, чѣмъ и теперь. И все таки я знала тогда, что онъ любитъ меня, и его грубыя выходки со мной, хотя и обижали меня, но не мучили такой тоской и болью, какъ теперь. Тогда я знала, что все это происходитъ не отъ недостатка любви его ко мнѣ, а только отъ недостатка того стѣсненія съ своими женами, которое вообще такъ свойственно большинству нашихъ русскихъ мужей, и невольно прощала ему это, потому что въ каждой его грубости чувствовалось тогда все таки больше любви, чѣмъ теперь въ самой большой его ласкѣ.

Онъ говоритъ, что я придумываю себѣ все это только отъ ревности. Да, онъ правъ, я ревную, стыжусь этой ревности и все-таки ревную, все таки не могу подавить ее въ себѣ. Ревную, потому что слишкомъ люблю его, потому что слишкомъ свѣжа еще въ памяти его любовь и счастіе нашихъ первыхъ лѣтъ, и я не въ силахъ глядѣть теперь равнодушно и спокойно, какъ его всячески стараются оттолкнуть и отнять отъ меня и чѣмъ только возможно испортить наши отношенія съ нимъ.

Но что будто-бы, какъ обвиняетъ онъ, я на каждомъ шагу дѣлаю ему сцены и преслѣдую его этой ревностью—это ложь, опять-таки же внушенная ему все той-же женщиной, и подъ этимъ внушеніемъ онъ называетъ «сценами» всякій мой отказъ отъ лишняго посѣщенія ихъ дома и даже самое мое молчаніе при разговорахъ объ ней.

Ложь уже потому, что мнѣ стыдно самой этихъ недостойныхъ сценъ, стыдно собственнаго униженія, и какъ ни больно и не мучительно мнѣ все это въ душѣ, но наружно я отъ всѣхъ, а отъ него, быть можетъ, даже больше, чѣмъ отъ всякаго другого, затаиваю эту ревность въ себѣ, и только порой она прорывается во мнѣ наболѣвшимъ крикомъ, какъ вотъ сейчасъ съ тобой.

Что изъ того, что между ними нѣтъ «ничего, серьезнаго», какъ принято у насъ выражаться, т.-е. нѣтъ того, что общество привыкло называть «измѣной!» Да развѣ это порабощеніе всей его души и воли не во-сто кратъ хуже простой физической измѣны, въ которой часто играетъ роль увлеченіе одной минуты, о которомъ они сами-же потомъ стыдятся вспоминать.

Что изъ того, что физически (Боже какое гадкое, унизительное слово) онъ остается вѣренъ мнѣ, когда вся его душа и мысли принадлежатъ другой женщинѣ!

На что мнѣ эти холодныя, оффиціальныя ласки давно остывшаго ко мнѣ человѣка, которыя время отъ времени онъ точно считаетъ своею обязанностью оказывать мнѣ. Я стыжусь ихъ, этихъ вынужденныхъ ласкъ, и когда онъ входитъ въ мою комнату и я знаю, *зачѣмъ* онъ пришелъ, мнѣ дѣлается стыдно и гадко, вся кровь приливаетъ къ сердцу отъ того оскорбленія, которое онъ наноситъ мнѣ однимъ уже намѣреніемъ своимъ—онъ, полный желаній къ другой женщинѣ! Онѣ мнѣ кажутся такими же невыносимыми и безнравственными, какъ если бы я отдавалась чужому человѣку!

И потомъ еще это спокойное сознаніе какихъ-то неотъемлемыхъ правъ его на меня! Это наивное воображеніе, что я будто-бы не смѣю ни отказывать, ни даже понимать всей лицемѣрной фальши нашихъ отношеній.

О, каждый разъ, послѣ такой уступки ему, я долго еще пре-

зираю себя и... и почти ненавижу его! и... и въ то же время, Боже мой, такъ сложна психологія человѣческой души, что я, такъ глубоко оскорбляемая и унижаемая въ собственныхъ глазахъ этими постыдными, вынужденными ласками его, мучаюсь чуть не больше еще, когда онъ совсѣмъ перестаетъ оказывать мнѣ ихъ. Самая страстная ревность и мучительныя подозрѣнія закрадываются мнѣ тогда въ душу, и когда онъ снова, наконецъ, приходитъ ко мнѣ, я, измученная всѣмъ передуманнымъ, чувствую одновременно и радость, и презрѣніе, и какое-то непонятное мнѣ самой успокоеніе въ томъ, что онъ еще ищетъ и желаетъ меня, какъ женщину, и въ тоже время полное униженіе и отвращеніе къ самой себѣ и ненависть къ нему!

О нѣтъ, нѣтъ, ужасъ измѣны не въ томъ, въ чемъ принято видѣть это. Измѣна чувства и души гораздо страшнѣе простой измѣны тѣла, и она начинается съ того дня, когда впервые начнетъ исчезать душевная близость и потребность этой близости между двумя любившими другъ друга людьми.

Можно отнять тѣло и потомъ снова возвратить его такимъ же, какъ оно было, но нельзя отнять душу и потомъ опять возвратить ее прежнею. Эта душа, еще недавно такая близкая, такая дорогая и понятная, отдавшись хоть на время другому человѣку, вернется уже не прежнею, а почти такою же чужою, какимъ былъ для васъ и тотъ чужой человѣкъ, что отнялъ ее у васъ и владѣлъ ею, и пройдутъ, быть можетъ, долгіе трудные годы, прежде чѣмъ сотрется его слѣдъ, и она снова сольется съ вашею, снова станетъ для васъ близкою и открытой.

И ему ли упрекать меня въ ревности! Да онъ-то самъ развѣ не ревновалъ меня чуть не всю нашу жизнь! И ревновалъ смѣшно, дико, нелѣпо, потому что зналъ прекрасно, что я вся, всею душой, всякою мыслью своею принадлежу ему, и только ему, и все-таки же стоило кому-нибудь, не только ужъ дѣйствительно начать ухаживать за мною, но достаточно было ему самому вообразить это, какъ онъ немедленно начиналъ дуться и на меня и на того человѣка, котораго подозрѣвалъ въ томъ; не говорилъ съ нимъ, переставалъ бывать у него и даже при встрѣчахъ почти не кланялся съ нимъ, словомъ дѣлалъ все, чтобы вполнѣ прекратить знакомство, хотя бы раньше былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Боже, да онъ ревновалъ меня даже къ братьямъ, даже къ женщинамъ, даже къ собственнымъ дѣтямъ!

Едва я сходилась ближе съ кѣмъ-нибудь изъ женщинъ, какъ онъ тотчасъ же начиналъ на нее гоненіе; открывалъ въ ней всевозможные недостатки и пороки, находилъ ее не только уже не подходящею для меня, но даже вредною и опять-таки же не успо-

кивался до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не расхолаживалъ нашихъ отношеній.

Къ одной тебѣ онъ былъ снисходительнѣе, да и то вѣрно потому, что ты всегда была далеко. Самъ онъ послѣдніе годы почти уже не посвящалъ мнѣ ни времени своего, ни вниманія, но желалъ, быть можетъ даже безсознательно для себя, чтобы все мое время и все мое вниманіе было попрежнему сосредоточено на немъ одномъ, и когда онъ замѣчалъ, что я интересуюсь уже не только «кѣмъ-нибудь», но даже просто «чѣмъ-нибудь» помимо его, то это казалось ему чуть не провинностью и во всякомъ случаѣ такою непростительною небрежностью съ моей стороны по отношенію его особы, что онъ не считалъ даже нужнымъ скрывать отъ меня своихъ претензій и неудовольствія.

Такъ отчего же они такъ несправедливы къ намъ, отчего же они считаютъ своимъ правомъ и порабощать насъ, какъ своихъ крѣпостныхъ, и безъ стѣсненія оскорблять насъ уже однимъ своимъ обращеніемъ, которое часто бываетъ у нихъ гораздо лучше съ ихъ лакеями, чѣмъ съ ихъ женами, и своею ревностью, даже и тогда, когда мы не подаемъ имъ къ тому ни малѣйшаго ни повода, ни основанія; и мы, по ихъ мнѣнію, должны терпѣливо все это сносить и считаться со всѣмъ этимъ, какъ съ ихъ законнымъ правомъ и нашею святою обязанностью! Развѣ ихъ ревность къ намъ, въ большинствѣ случаевъ самая неосновательная и дикая къ тому же еще, не гораздо оскорбительнѣе для насъ, чѣмъ наша для нихъ! Вѣдь когда ухаживаютъ и измѣняютъ намъ они, то въ обществѣ принято глядѣть на это, какъ на маленькое и почти простительное легкомысліе, а когда измѣняетъ женщина, то на это смотрятъ, какъ на ея позоръ и чуть ли не преступленіе, за которое даже въ культурной и передовой Франціи законъ спокойно разрѣшаетъ мужу убить жену! Значитъ, ревнуя насъ, они заподозрѣваютъ и обвиняютъ насъ, не болѣе не менѣе, какъ въ позорныхъ преступленіяхъ, а когда ревнуемъ мы, то, вѣдь это слѣдовательно, не болѣе, какъ обвиненіе ихъ въ маленькомъ легкомыслiи, на которое, къ тому же, весь міръ расположенъ глядѣть очень снисходительно!

Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по создавшейся на этотъ счетъ общественной логикѣ, созданной впрочемъ, и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, опять-таки же ими, а нами, по какой-то непонятной покорности, принятой на вѣру.

Боже мой, Боже мой, но кто же далъ имъ право во всемъ такъ обезличивать насъ! Всѣ законы, всѣ нравы, всѣ обычаи создавали они одни, не спрашивая ни участія, ни согласія нашего! И они создали для насъ эти законы такими, что мы очутились

въ ихъ рукахъ безпомощными, во всемъ обездоленными и обезличенными пѣшками, которыми они, на основаніи этихъ придуманныхъ ими для насъ законовъ, могутъ распоряжаться какъ хотятъ, а мы имѣемъ только одно право — посвящать всю свою жизнь на служеніе имъ! И такъ продолжается уже цѣлыми вѣками и не измѣняется даже и теперь, когда они сами подняли вопросъ о равноправности женщины и кричатъ повсюду о женской эмансипаціи. О, право, вся эта эмансипація проповѣдуется ими такъ горячо, лишь пока она не вредитъ ихъ собственнымъ личнымъ интересамъ и удобствамъ, а разъ только они затронуты, они тотчасъ же измѣняютъ тонъ и начинаютъ допускать ее уже не иначе, какъ со всевозможными ограниченіями. И развѣ мы, женщины, можемъ вѣрить въ искренность ихъ теперешнихъ громкихъ фразъ, которыя большинство изъ нихъ повторяетъ только ради моды и изъ страха показаться отсталыми? Развѣ мы можемъ серьезно разсчитывать на ихъ помощь въ этой новой борьбѣ о нашей равноправности, на нихъ, порабощавшихъ насъ впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ и тысячелѣтій, на нихъ, которые пользуясь своею физическою силой взяли себѣ всѣ права, а намъ оставили однѣ обязанности; вѣдь даже на дѣтей своихъ, которыхъ мы рожаемъ въ страданіяхъ и мукахъ, мы не имѣемъ не только полныхъ но даже равныхъ съ ними правъ! И если мы расходимся, то не жена, а мужъ сохраняетъ права на нихъ и въ любую минуту, по первому капризу и желанію, можетъ отнять ихъ отъ нея! Гдѣ же тутъ справедливость уже не только государственная и общественная, но простая человѣческая! Ее нѣтъ, и покамѣсть женщина не будетъ допущена къ обсужденію и къ измѣненію хотя бы уже только законовъ, которые касаются непосредственно ея, никакого вопроса о равноправности ея быть не можетъ, и въ борьбѣ за эту равноправность не на нихъ, многовѣковыхъ враговъ и господъ нашихъ, должны разсчитывать мы, а только на самихъ себя. И до тѣхъ поръ пока, мы не проснемся вполнѣ, пока не сознаемъ всѣ вмѣстѣ, безъ различія націй и классовъ, сколько насъ есть, той страшной несправедливости всего нашего строя жизни, гдѣ всѣ преимущества только на ихъ сторонѣ, пока мы дружно не поднимемся всѣ вмѣстѣ и не потребуемъ себѣ новыхъ законовъ и правъ, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ ни свободы, ни равноправности, и великія слова эти, сколько бы ихъ ни повторяли, будутъ только тѣмъ пустымъ звукомъ, который умираетъ, едва прозвучавъ.

Казань. Май 1866 г.

Ты спрашиваешь меня, милая Варюша, какіе мои планы на это лѣто? Самые скромные и незамысловатые. Владиміръ Петро-

вичъ уѣзжаетъ на три мѣсяца, т.-е. почти на все лѣто, за границу, а я съ дѣтьми переѣзжаю за 10 верстъ отъ Казани, гдѣ намъ удалось найти свободную помѣщичью усадьбу, сдававшуюся очень недорого и вполнѣ намъ подходящую. Со мною ѣдетъ еще Лиза—сестра Ильи (мужа Ольги), славная, милая дѣвушка, только что окончившая курсъ въ нашемъ институтѣ и очень мнѣ симпатичная. Зимой она уѣдетъ въ Москву и поселится уже совсѣмъ у Ольги и брата, но лѣто проведетъ у меня. Кромѣ того, для подготовки Волика въ гимназію, Владиміръ Петровичъ захотѣлъ взять студента, одного изъ его слушателей, которому онъ немножко покровительствуетъ.

Въ сущности, я, конечно, отлично могла бы заниматься этимъ сама, какъ занималась уже и раньше, но юношѣ этому, дѣйствительно очень милому и симпатичному, рѣшительно некуда дѣваться, родныхъ у него нѣтъ, а дѣтямъ и Лизѣ все-таки будетъ веселѣе. Кромѣ того, по пути въ Сибирь, заѣдетъ опять Сережа и проживетъ у насъ вѣрно не меньше мѣсяца, такъ что, какъ видишь, я не буду уже совсѣмъ одна.

Ты удивляешься, съ чего Владиміру Петровичу вздумалось вдругъ ѣхать за границу... но ларчикъ, мой другъ, открывается очень просто. Юлія Сергѣевна со своимъ штатомъ переѣхала на постоянное жительство въ Женеву, и, конечно, Казань кажется теперь мужу опустѣвшею и скучною. Я знаю, что она взяла съ него слово пріѣхать къ нимъ этимъ же лѣтомъ, и не очень удерживаю его. Богъ съ нимъ, пускай ѣдетъ, если ужъ его такъ тянетъ къ ней, все равно за эти два года наши отношенія такъ испортились, что конечно не улучшатся, если я насильно буду держать его подлѣ себя... Да и что въ томъ толку, когда всей душою, всѣми мыслями онъ все равно будетъ тамъ, съ нею.

Пускай ѣдетъ, а тамъ... будетъ то, чему суждено быть.

Но ты интересуешься, почему Кладищевы вдругъ покинули Казань?

Видишь ли, всю эту зиму Юлія Сергѣевна, вообще, вела себя очень безтактно и точно нарочно напрашивалась на непріятности и подозрѣнія. Зачѣмъ она это дѣлала—Богъ ее вѣдаетъ, вѣдь эта женщина вся построена на эффектахъ и комедіяхъ, и мнѣ кажется, что ей просто хотѣлось добиться, для увеличенія своей популярности, хоть маленькаго ареста, чтобы потомъ имѣть право рисоваться имъ и кричать объ немъ.

Она даже не постѣснилась устроить, чуть не черезъ недѣлю послѣ этого ужаснаго покушенія на государя, которое потрясло у насъ весь городъ, вечеръ въ собраніи, на которомъ публично прочла нѣсколько запрещенныхъ стихотвореній вплоть до знаменитыхъ «Аѳинскихъ ночей».

Можешь себѣ представить, какой получился эффектъ!

Скандалъ вышелъ страшный. Одни неистово апплодировали, другіе такъ же неистово шикали, и цѣлый мѣсяцъ потомъ весь городъ только и говорилъ, что объ этомъ знаменитомъ вечерѣ.

Послѣ этого имъ предложили уѣхать за границу, и, конечно, она съумѣла и изъ этого извлечь для себя новые лавры и трофеи, потому что всѣ ея поклонники, которыхъ послѣ этого вечера прибавилось еще больше, прокричали ее героиней, даже мученицей и устроили ей такіе торжественные проводы, что они гораздо больше походили уже на демонстрацію.

Конечно, оба ея мужа поѣхали вмѣстѣ съ нею, а заодно она захватила съ собой еще и нѣкоего Курганова, очень богатаго и очень глупаго юношу, страшно влюбленнаго въ нее, который тоже спалъ и видѣлъ быть арестованнымъ.

Право, я чувствую сама, какъ становлюсь злою, говоря объ этой женщинѣ, но она причинила мнѣ столько горя и страданія, что въ сердцѣ моемъ уже не осталось для нея ни капли доброты.

Твоя Е. П.

Казань, сентябрь 1866.

Да моя дорогая, опять не писала тебѣ все лѣто и не отвѣчала даже и на твои письма. Такъ все спутанно и сложно было на душѣ, что страшно было касаться ее, страшно заглядывать въ нее... Зато теперь, когда уже все кончилось и прошло, я и сама чувствую страстную потребность все разсказать тебѣ, подѣлиться всѣмъ пережитымъ, какъ я это могу только съ тобой, моимъ лучшимъ другомъ. Это будетъ скорѣй моя исповѣдь, чѣмъ простое письмо, и знаю, писать его мнѣ будетъ трудно, мѣстами даже тяжело, но пусть это будетъ моимъ покаяніемъ, въ которомъ я ничего не скрою отъ тебя, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо, имѣющій право все знать обо мнѣ.

Итакъ я начинаю...

Вотъ видишь ли, когда Владиміръ собрался весной за границу, я видѣла, какъ онъ страстно рвется туда, какъ нетерпѣливо считаетъ каждый день разлучающій его съ нею, — на душѣ у меня стало такъ гадко, такое недоброе чувство поднялось въ ней, что я впервые еще почувствовала, что чужимъ сталъ не только онъ мнѣ, но и я сама ему.

Я вдругъ почувствовала, какая страшная стѣна выросла между нами за эти несчастные два года, и, понявъ это, впервые почувствовала также и то, что уже не только не хочу больше бороться съ этимъ, не только уже не мечтаю разрушить ея злую силу, но точно сама съ какимъ то страннымъ наслажденіемъ все выше и плотнѣе достраиваю эту стѣну и все дальше отхожу отъ него.

Молча, съ холоднымъ, недобрымъ лицомъ глядѣла я на всѣ его приготовленія и его оживленный, радостный, при одной мысли, что онъ ѣдетъ къ ней, видъ, такой мучительный мнѣ всегда прежде —уже не волновалъ и не терзалъ меня больше. Во мнѣ все точно застыло и одеревенѣло и мнѣ было все равно.

Все равно, что онъ ѣдетъ къ ней; все равно, что онъ любитъ ее, и не только разлюбилъ, но быть можетъ даже возненавидѣлъ меня; все равно, что мы стали такими чужими, почти ненужными больше другъ другу людьми; даже мысль, что можетъ быть это не только одно платоническое увлеченіе, но и давно уже самая близкая и прочная связь, не пугала меня больше, и я не чувствовала уже ни ревности, ни страданія, которыя такъ мучительно терзали меня эти два года, не давая мнѣ ни одного дня отдыха и спокойствія и будя даже по ночамъ какимъ-то злымъ и страшнымъ кошмаромъ.

Во мнѣ точно не работали больше ни мысль, ни чувство, и только жило еще одно сознаніе, что такъ продолжать жизнь нельзя и что отнынѣ она должна пойти какъ-то иначе, но какъ она пойдетъ—мнѣ тоже было все равно, и если бы мнѣ сказали тогда, что она должна тутъ кончиться, или наоборотъ тянуться еще долгіе годы—мнѣ тоже было-бы все равно, и это непонятное мнѣ самой равнодушіе ко всѣмъ и ко всему—это жуткое «все равно» было, быть можетъ, самое ужасное и самое уже неисправимое въ нашихъ отношеніяхъ.

Но онъ не понималъ этого и былъ, кажется, только доволенъ, что я оставила его въ покоѣ и ни въ чемъ не мѣшаю ему больше.

Разъ только онъ почувствовалъ, должно быть, что что-то не ладно; это было уже наканунѣ его отъѣзда.

— Вотъ,—сказалъ онъ мнѣ,—я составилъ тебѣ маршрутъ адресовъ, куда и когда мнѣ писать.

И онъ подалъ мнѣ какую-то бумажку, но я равнодушно, даже не взглянувъ на нее, взяла ее и положила на первый попавшійся столъ, такъ весь этотъ маршрутъ адрессовъ и самая его просьба «писать» казались мнѣ смѣшными и безсмысленными

Онъ замѣтилъ мою небрежность и она задѣла его.

— Что же,—спросилъ онъ уже съ неудовольствіемъ и ѣдкостью,—ты значитъ, и писать даже не намѣрена?

Я молча пожала плечами и ничего не отвѣтила; тогда это разсердило его еще больше и онъ съ еще большею раздражительностью повторилъ свой вопросъ.

— Зачѣмъ?—спросила я его въ свою очередь.

— Странный вопросъ,—сказалъ онъ насмѣшливо,—кажется, я мужъ тебѣ.

Тогда вся наболѣвшая во мнѣ горечь поднялась и я только взглянула на него.

— Ты уже давно не мужъ мнѣ,—сказала я ему и сама не узнала своего голоса въ томъ холодномъ и чужомъ, какимъ сказала эти слова.

И этотъ голосъ, такой еще новый для него, и самое лицо мое, вѣрно такое же холодное и чужое, внезапно открыли ему, должно быть, то, что произошло въ душѣ моей.

Но онъ не испугался и не смутился тѣмъ, что открылъ, а только возмутился, точно какою-то страшною несправедливостью и неблагодарностью съ моей стороны, и вмѣсто того, чтобы, понявъ то, что онъ понялъ въ этотъ короткій мигъ, раскаяться или хоть просто пожалѣть только о томъ, что ушло, и сдѣлать хоть какую нибудь попытку вернуть меня къ себѣ,—вдругъ пришелъ въ такую ярость, въ какой я еще никогда не видала его.

— Начинается!—закричалъ онъ почти въ неистовствѣ.—Опять начинается! Опять все тѣ же сцены и комедіи, тѣ же упреки и попреки. Когда же этому конецъ! Когда, когда, когда!?

Онъ затопалъ ногами, размахивая руками чуть не предъ самымъ моимъ лицомъ, и кричалъ, что я злая, подлая женщина, которую онъ дѣйствительно броситъ, потому что ничего лучшаго я не стою, и что онъ щадитъ и выноситъ меня только ради дѣтей, которыми я связала его, и осыпалъ меня другими оскорбленіями, такими незаслуженными, грубыми и недостойными, что я даже не хочу повторять ихъ.

Я слушала этотъ градъ оскорбленій, глядѣла на его искаженное отъ бѣшенства лицо, и стѣна все росла.... росла между всѣмъ что я любила, во что вѣрила, что было самымъ дорогимъ и прекраснымъ въ моей жизни въ прошломъ и что вдругъ превратилось въ такое безобразное настоящее... Наконецъ, онъ выбѣжалъ изъ моей комнаты, хлопнувъ дверью съ такой силою, что задрожали всѣ стекла въ окнахъ...

Я осталась сидѣть, какъ сидѣла, все также не двигаясь, какъ-то ничего не думая, почти даже ничего не чувствуя и сознавая только, что все кончилось, все... даже прошлаго не осталось... все точно умерло... И просидѣла такъ всю ночь.

Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ; у него былъ нѣсколько сконфуженный видъ и неувѣренный тонъ.....

— Ну, извини меня,—сказалъ онъ, беря мою руку и цѣлуя ее.—Я, кажется, вчера излишне погорячился и былъ, быть можетъ, немножко грубъ, но ты сама виновата...

Я невольно усмѣхнулась.

— Да,—сказала я,—конечно...

Онъ слегка поморщился, но пересилилъ себя на этотъ разъ.

— Ну, не сердись, — сказалъ онъ вторично, холодно цѣлуя мою руку,—я сознаю, что былъ неправъ и... немножко погорячился.—И, вѣроятно, найдя, что достаточно уже оправдалъ себя и въ моихъ и въ своихъ глазахъ, онъ поцѣловалъ меня уже въ лобъ и... попросилъ чаю.

Я встала и пошла въ столовую налить ему стаканъ. Но Боже мой, какъ все это просто у нихъ дѣлается! Они оскорбятъ женщину, предъ которою сами же виноваты и вся вина которой большею частью состоитъ только въ томъ, что она слишкомъ любила ихъ, слишкомъ пріучила къ постояннымъ и чуть ли уже не обязательнымъ съ ея стороны въ ихъ глазахъ жертвамъ, оскорбятъ ее въ самыхъ дорогихъ чувствахъ, разрушатъ точно въ какомъ-то дикомъ ураганѣ всѣ ея лучшія мечты, идеалы, иллюзіи, а потомъ придутъ, извинятся, что «слегка погорячились» и попросятъ налить имъ чая или супу, воображая, что этого вполнѣ достаточно, чтобы возстановить опять домашній миръ и всѣ поруганныя чувства въ ея душѣ!

Вечеромъ онъ уѣзжалъ. Весь день онъ, видимо, старался быть ласковѣе и со мной, и съ дѣтьми, какъ бы чувствуя нѣкоторый укоръ совѣсти за то, что послѣднее время такъ мало обращалъ на нихъ вниманія.

Я тоже была совершенно спокойна и машинально дѣлала все то, что нужно было дѣлать. Спокойно слушала его, когда онъ что-нибудь говорилъ, спокойно отвѣчала ему, спокойно смотрѣла на него, но онъ не понималъ, какое это страшное было спокойствіе; спокойствіе, быть можетъ, гораздо болѣе опасное для него и для жалкихъ остатковъ нашихъ отношеній, чѣмъ самыя бурныя сцены. Можетъ быть, онъ даже думалъ, что на меня подѣйствовало такъ отрезвляюще его вчерашнее внушеніе, и, кто знаетъ, видя его благіе результаты, онъ уже не только не упрекалъ себя теперь за него, но даже хвалилъ еще, быть можетъ.

Но я-то знала, что въ душѣ моей смерть; смерть всему, что я до сихъ поръ любила, во что вѣровала, смерть всѣмъ идеаламъ и мечтамъ, всему прошлому и настоящему. Смерть... и свобода! По крайней мѣрѣ, сознаніе какого-то точно освобожденія нравственнаго отъ всего прежняго, отъ всѣхъ обязательствъ и клятвъ, которыя когда-то давались съ такою глубокою вѣрой въ ихъ незыблемость и неизмѣнность. Бѣдныя человѣческія клятвы, и жалкіе люди, что даютъ ихъ; если бы вы знали, какъ мало онѣ зависятъ отъ васъ!

Вечеромъ, около шестичасовъ, пароходъ отходилъ и онъ попросилъ меня поѣхать его проводить. Я взяла Волика, и мы поѣхали.

На пароходѣ было довольно много знакомыхъ изъ тѣхъ, при встрѣчѣ съ которыми люди притворяются зачѣмъ-то чуть не друзьями и съ участіемъ разспрашиваютъ другъ друга о дѣлахъ. дѣтяхъ и т. д., а расходясь, забываютъ о существованіи одинъ другого.

- Но тутъ я обрадовалась даже и имъ; съ этими, по крайней мѣрѣ, мы имѣли право быть чужими, а подлѣ меня стоялъ человѣкъ, ближе котораго не должно бы было быть никого въ моей жизни, и тѣмъ не менѣе онъ былъ для меня болѣе чужой, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ, а я должна была лгать и притворяться и другимъ, и ему, и даже себѣ, что будто бы ничего этого нѣтъ, а есть только то, чему полагается быть между супругами: любовь, миръ и счастье, т.-е. именно то, чего не только не было, но чему даже и не вѣрили давно уже ни онъ, ни я, ни другіе.

И мы стояли среди всѣхъ этихъ чужихъ людей, ни на минуту не чувствуя потребности отдѣлиться отъ нихъ, чтобы хоть на мигъ остаться вдвоемъ, и я видѣла, какъ, по крайней мѣрѣ, половина изъ нихъ, прекрасно знавшая, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. исподтишка съ любопытствомъ наблюдала за нами, ища, вѣрно, на нашихъ лицахъ слѣды той внутренней драмы, которую угадывала въ сердцахъ нашихъ; но лгать и притворяться при всѣхъ легче, чѣмъ съ глазу на глазъ, и мы не только спокойно, но почти весело перебрасывались разными фразами и съ другими, и между собою.

Въ числѣ встрѣтившихся намъ на пароходѣ знакомыхъ, былъ... былъ... Вотъ тутъ и начинается моя исповѣдь. Былъ нѣкто N; пускай онъ останется для тебя подъ этою буквой. Зачѣмъ тебѣ его имя? Оно не скажетъ тебѣ ничего, а мнѣ не хотѣлось бы ни называть его, ни измѣнять.

Это былъ одинъ изъ коллегъ моего мужа по университету, гдѣ онъ считался однимъ изъ самыхъ молодыхъ и талантливыхъ ученыхъ.

Изрѣдка, очень изрѣдка онъ бывалъ у насъ, обмѣниваясь оффиціальными визитами съ Владиміромъ Петровичемъ.

На видъ, благодаря своей почти еще юношеской фигурѣ и тонкимъ чертамъ лица, онъ казался совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ всего лѣтъ на пять моложе моего мужа.

Въ его лицѣ съ легкимъ еврейскимъ типомъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ какой-то бабки, было что-то печальное и задумчивое, и оно нравилось мнѣ выраженіемъ какой-то удивительной мягкости въ глазахъ и улыбкѣ и въ то же время такой суровой складкой около рта, по которой невольно угадывался человѣкъ твердой воли и деспотической натуры.

Въ немъ было что-то не банальное, что-то невольно выдѣлявшее его отъ другихъ и, даже этотъ легкій семитическій типъ не портилъ его, а скорѣй шелъ къ нему.

Въ сущности я очень мало знала его; мы встрѣчались съ нимъ всего нѣсколько разъ въ годъ, то у общихъ знакомыхъ, то въ театрѣ или на улицѣ, и почти не говорили другъ съ другомъ, такъ что судить о немъ я могла больше по наслышкѣ, со словъ другихъ, знала, что его находили очень умнымъ и талантливымъ, но нѣсколько холоднымъ и слишкомъ замкнутымъ въ себѣ. Когда я не видѣла его, я совсѣмъ забывала объ его существованіи, но когда встрѣчалась съ нимъ или даже просто говорила объ немъ съ другими, онъ интересовалъ меня и каждый разъ мнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ нимъ и узнать его лучше. Но ты знаешь, какъ я неразговорчива съ мало знакомыми людьми, а съ этимъ человѣкомъ, котораго я находила одновременно и выдающимся, и страннымъ, я окончательно не находила темъ. То-есть не то, чтобы ихъ не было, но какъ-то не хотѣлось говорить съ нимъ о всѣхъ тѣхъ банальныхъ вещахъ, о которыхъ поневолѣ говоришь съ другими, а говорить о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ и интересномъ для насъ обоихъ не выпадало случая.

Но... но не знаю, есть ли въ тебѣ то же свойство—свойство угадывать своихъ людей; оно часто встрѣчается въ насъ, женщинахъ.

Я могу почти не обмѣняться съ человѣкомъ ни однимъ словомъ, почти не знать его и все-таки чувствовать «мой» онъ или «не мой». Т.-е. есть ли въ душѣ его или складѣ натуры и ума что нибудь близкое и интересное для меня, а во мнѣ самой для него.

И вотъ, несмотря на то, что мы почти не разговаривали съ N. и почти даже не встрѣчались, если не считать какихъ-нибудь мимолетныхъ и оффиціальныхъ встрѣчъ 5—6 разъ въ году, я все-таки же угадывала въ немъ «моего человѣка», для котораго я, въ свою очередь, не пустое пространство и не одна изъ тысячи.

Порой, въ одномъ пожатіи его руки и короткомъ взглядѣ, я чувствовала больше симпатіи и участія къ себѣ, чѣмъ въ длинныхъ и дружескихъ разговорахъ другихъ...

Онъ былъ женатъ на прелестной и милой на видъ женщинѣ, о которой всѣ говорили, какъ о необыкновенно мягкой и покорной ему во всемъ женѣ, и женатъ уже давно, потому что дочери его было уже лѣтъ 14. Но, повидимому, онъ не любилъ пускать всѣхъ людей безъ разбора ни въ свою душу, ни въ свой домъ, потому что они жили очень замкнуто, и его жена бывала въ обще-

ствѣ еще меньше, чѣмъ онъ самъ, тоже почти ни у кого не бывавшій.

Я нѣсколько разъ видѣла ее, всегда больше подъ руку съ дочерью, какъ-то странно походившей въ одно и то же время и на мать, отъ которой она унаслѣдовала ея прелестное лицо, и на отца, котораго напоминали суровымъ и печальнымъ выраженіемъ своего еще полудѣтскаго, но тоже уже страннаго и загадочнаго лица.

Были ли они счастливы, любили ли другъ друга, удовлетворяла ли его эта маленькая семья и самъ онъ былъ ли ихъ радостью, или ихъ горемъ, былъ ли онъ нѣжнымъ, любящимъ мужемъ и отцомъ, или же тѣмъ суровымъ деспотомъ въ семьѣ, какимъ многіе считали его, никто ничего не могъ сказать навѣрное, но въ лицахъ и мужа, и жены, и даже дочери было что-то печальное, а въ той замкнутости и сдержанности, съ которою они относились къ людямъ, чувствовалось скорѣй какое-то скрытое страданіе и неудовлетворенность, чѣмъ самодовольство и счастье.

И вотъ этотъ-то человѣкъ, какою-то властью судьбы, явился предо мною въ такую минуту, въ которую эта судьба, если бы она хоть сколько-нибудь заботилась о насъ, менѣе чѣмъ кого-либо должна была бы послать мнѣ... А можетъ быть, можетъ быть, то было ея возмездіе...

Его жена и дочь тоже уѣзжали за границу на томъ же самомъ пароходѣ, на которомъ ѣхалъ и мой мужъ, и онъ пріѣхалъ провожать ихъ.

Замѣчала ли ты, изъ какихъ ничтожныхъ и мелкихъ, часто почти неуловимыхъ причинъ, слагается порой судьба человѣка, и какъ всѣ мы мало замѣчаемъ это, не придавая имъ никакого значенія, а между тѣмъ, самая ничтожная изъ нихъ иногда измѣняетъ всю нашу жизнь.

И вотъ, когда я увидала N на пароходѣ, сердце мое какъ-то странно и тревожно забилось, въ предчувствіи не то какой-то радости, не то опасности, и я покраснѣла, сама не отдавая себѣ отчета почему.

Онъ тоже увидалъ насъ и подошелъ къ намъ, такой же сдержанный и слегка холодный на видъ, какъ и всегда, но въ его взглядѣ, который онъ на мигъ пытливо остановилъ на мнѣ, почудилось что-то близкое, что-то точно угадавшее мое горе и тоску подъ тою спокойною и веселою оболочкой, подъ которою я прятала ихъ отъ другихъ.

— Уѣзжаете, Владиміръ Петровичъ?—спросилъ онъ мужа и мнѣ показалось, что вопросъ этотъ не былъ совсѣмъ простымъ вопросомъ.

Владиміръ Петровичъ почему-то страшно обрадовался ему, сталъ жать его руки, говорилъ ему какія-то любезности. Но въ этой шумной радости было что-то неестественное и напряженное, точно его вдругъ что-то взволновало, или быть можетъ, ему стало стыдно и неловко подъ пытливымъ взглядомъ этого понявшаго его человѣка.

N познакомилъ меня съ женой и дочерью и опять, не знаю почему, я покраснѣла и какое-то странное волненіе охватило меня, когда мы впервые подали другъ другу руки съ этою блѣдною, красивой женщиной, съ такимъ милымъ и грустнымъ лицомъ.

Мы обмѣнялись съ нею нѣсколькими ничего не значущими фразами, а Владиміръ Петровичъ, узнавъ, что они тоже ѣдутъ за границу, обѣщалъ N всю дорогу усердно заботиться о нихъ, а его самого просилъ не забывать, въ свою очередь, меня и понавѣдаться къ намъ на дачу, пока онъ будетъ еще въ Казани.

N обѣщалъ и сказалъ, что, по всей вѣроятности, останется здѣсь еще весь іюнь. Но онъ такъ рѣдко бывалъ у насъ, что я не придала никакого значенія его словамъ и не думала, чтобы онъ дѣйствительно собрался.

Предъ послѣднимъ свисткомъ Владиміръ Петровичъ отвелъ меня съ Воликомъ въ сторону и, поочередно перекрестивъ насъ, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ сначала меня, а потомъ его и за все время, за весь этотъ послѣдній годъ, это былъ быть можетъ его единственный искренній порывъ къ намъ. Порывъ хоть и мимолетнаго, но искренняго, кажется, сожалѣнія и раскаянія въ эту послѣднюю предъ долгою разлукой минуту.

Въ глазахъ его блеснули даже слезы и онъ крѣпко пожалъ и поцѣловалъ мои руки... Но стѣна уже слишкомъ выросла между нами. Я вспомнила тотъ градъ оскорбленій, которыми онъ осыпалъ меня наканунѣ, вспомнила, *куда* и *зачѣмъ* онъ ѣдетъ, и въ сердцѣ моемъ уже ничто не откликнулось на запоздалую ласку его.

Потомъ мы сошли всѣ съ трапа на пристань и я глядѣла, какъ пароходъ сталъ медленно и грузно отчаливать отъ берега. Онъ былъ еще здѣсь, мой мужъ, которому когда-то такъ преданно и полно принадлежала душа моя, и онъ уѣзжалъ отъ меня и семьи такъ далеко и такъ надолго, а мнѣ... мнѣ было все равно!..

Боже мой, Боже мой, какое это жуткое чувство, какое ужасное сознаніе этого страшнаго «все равно»!

Я глядѣла, какъ онъ издали махалъ намъ шляпой, но глаза мои были сухи и въ сердцѣ моемъ я чувствовала только все ту же смерть, смерть всему прошлому и освобожденіе отъ всего!

И мнѣ казалось, что этотъ пароходъ отрываетъ отъ меня цѣ-

лую половину моей собственной жизни, со всѣмъ ея прошлымъ счастьемъ, прошлою любовью, прошлымъ страданіемъ...

Все стало прошлымъ, а впереди была какая-то бездонная пустота и неизвѣстность, отъ которой мнѣ самой дѣлалось жутко и страшно.

Когда пароходъ скрылся, наконецъ, изъ вида, я повернулась отъ рѣки, взяла все еще махавшаго платкомъ Волика за руку и сошла съ пристани.

На берегу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я опять увидѣла N. Онъ стоялъ подлѣ своихъ дрожекъ и, видимо, ждалъ насъ.

Когда онъ увидѣлъ, что я повернулась и схожу съ пристани, онъ пошелъ къ намъ навстрѣчу и предложилъ доѣхать до города въ его экипажѣ.

— Вамъ будетъ такъ удобнѣе, теперь уже поздно, — сказалъ онъ мнѣ своимъ мягкимъ и твердымъ въ то же время голосомъ, въ которомъ было что-то невольно заставлявшее ему повиноваться.

Я немного колебалась; но онъ спокойно подалъ мнѣ руку и помогъ сѣсть; потомъ подсадилъ моего Волика и пожалъ мнѣ на прощанье руку. И опять въ этомъ короткомъ, но крѣпкомъ и нѣжномъ пожатіи было столько ласки и участія, точно онъ дѣйствительно все прочиталъ въ душѣ моей и хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь утѣшить и успокоить меня... хоть этой простою ласкою чужого, но чѣмъ-то близкаго мнѣ человѣка.

— Соберитесь же къ намъ,—сказала я ему нерѣшительно.

— Да,—сказалъ онъ просто,—я непремѣнно пріѣду.

И на этотъ разъ я почувствовола въ его отвѣтѣ не одну простую любезность; я почувствовала, что онъ дѣйствительно пріѣдетъ, и на душѣ у меня стало точно отраднѣе и легче... точно ожило въ ней что-то прежнее, забытое, уже такое далекое, далекое, но... но все такое же прекрасное...

Когда я пріѣхала домой и вошла въ наши опустѣлыя комнаты, онѣ показались мнѣ такими одинокими и пустыми, точно изъ нихъ только что вынесли покойника; тоска опять сдавила меня, и я прошла въ свою комнату, сѣла тамъ у окна, не зажигая лампы, оглядѣлась кругомъ и такимъ одиночествомъ, такою тоской пахнуло на меня вдругъ отъ этихъ пустыхъ угловъ, тонувшихъ въ сумракѣ, что я не выдержала и зарыдала...

Весь вечеръ просидѣла я у себя. Дѣти только на минуту приходили проститься ко мнѣ на ночь, но я даже не пошла, какъ обыкновенно, къ нимъ въ дѣтскую укладывать ихъ.

Мнѣ не хотѣлось уходить изъ этой пустой, стемнѣвшей комнаты, изъ которой точно ушло все, что когда-то озаряло мою жизнь такимъ тепломъ и свѣтомъ. Я сидѣла одна, опять почти ни о

чемъ не думая, но слезы сами собою текли изъ глазъ моихъ и я не могла удержать ихъ.

Жизнь, собственная жизнь, уже прожитая и отошедшая куда-то въ безвозвратную даль, отрывочными но яркими картинами вставала въ моей памяти.

Я не вызывала ихъ, не старалась припоминать; онѣ сами собой, какой-то своей волей, помимо меня, вдругъ оживали и проходили предъ мной, такими яркими и отчетливыми, точно все это было только вчера.

Я видѣла себя то молодой дѣвушкой въ семьѣ дяди, такъ разбросанной теперь на разныхъ концахъ міра, то уже замужней женщиной, на нашей первой, милой московской квартиркѣ, такой маленькой и уютной и такъ не похожей на эту, въ которой я была сейчасъ! И отдѣльныя сцены и слова, тогда незначительныя и, быть можетъ, почти незамѣченныя, вставали теперь предъ мной, полныя глубокаго, какъ бы пророческаго смысла, полныя такого радостнаго счастья въ прошломъ и такой тоски, такого горя въ настоящемъ!..

И я невольно плакала; плакала наединѣ съ собой предъ этими дорогими отравленными воспоминаніями, точно пришедшими откуда-то издалека проститься со мной еще разъ, прежде чѣмъ исчезнуть уже навсегда и безвозвратно.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я думала тогда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Крестовская.

Поэма Гоголя „Мертвыя души“ и современная ей русская повѣсть.

(*Окончаніе* *).

II.

Отзывы критики о „Мертвыхъ Душахъ“; разногласіе отзывовъ и ихъ неполнота. — Сила впечатлѣнія, произведеннаго на общество сочиненіями Гоголя.—Отзывы „Сѣверной Пчелы“, „Библіотеки для Чтенія“, „Литературной Газеты“ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Вѣстника“, „Москвитянина“ „Сына Отечества“ и „Отечественныхъ Записокъ“.

Литературная критика старыхъ лѣтъ рѣдко была недовольна тѣмъ, что ей давала наша юная словесность, съ трудомъ отстаивавшая въ тѣ годы свое право на самобытность и независимость. Всякій разъ, когда критикъ, не желая говорить комплименты своимъ знакомымъ, относился болѣе или менѣе серьезно къ своему дѣлу—онъ начиналъ жаловаться на отсутствіе въ нашей литературѣ самобытной силы, на небрежное отношеніе писателя къ окружавшей его жизни. Онъ искалъ, какъ онъ выражался, «народности» въ литературѣ и не находилъ ея. Правда, онъ самъ не всегда могъ отвѣтить на вопросъ, въ чемъ эта «народность» должна заключаться, и потому часто бывалъ несправедливъ и къ крупнымъ талантамъ, и ко многимъ писателямъ средняго, дарованія, которые въ тѣ годы производили очень тщательныя наблюденія надъ русской жизнью, но не умѣли облечь ихъ въ достаточно художественную форму.

Такая несправедливость вполнѣ понятна, въ виду во-1-хъ, слишкомъ высокихъ требованій, которыя критикъ, воспитанный на красотахъ западной словесности, ставилъ словесности нашей, еще очень юной; и во-2-хъ, въ виду того безспорнаго факта, что лучшіе наши писатели начала XIX вѣка, дѣйствительно, обращали мало вниманія на *современную* имъ жизнь и въ своихъ твореніяхъ предпочитали прошлое или иноземное своему и настоящему. Критикъ имѣлъ нѣкоторое основаніе жаловаться на то, что Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и иные

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

сильные такъ мало успѣли сказать о той жизни, однимъ изъ лучшихъ украшеній которой они были.

Бѣлинскій былъ правъ, когда въ 1834 году, заявилъ категорически, что «у насъ нѣтъ литературы». Онъ отлично зналъ цѣну нѣкоторымъ высокохудожественнымъ произведеніямъ нашей словесности того времени, и онъ хотѣлъ сказать только, что связь этихъ произведеній съ нашей дѣйствительностью, съ нашей русской жизнью могла бы быть болѣе тѣсной.

Прошло десять лѣтъ съ того времени, какъ Бѣлинскимъ было сдѣлано это смѣлое заявленіе—въ которомъ онъ только повторилъ то, что до него говорили почти всѣ критики,—и передъ русскимъ читателемъ лежало полное собраніе сочиненій Гоголя. Какъ съ ними сосчиталась критика и удовлетворили ли они ее?

Пріемъ, оказанный сочиненіямъ Гоголя и въ особенности его «Мертвымъ Душамъ» свидѣтельствуетъ очень ясно и опредѣленно о необычайно сильномъ впечатлѣніи, какое новый художникъ произвелъ на своихъ современниковъ. Силу его таланта почувствовалъ каждый, и даже тѣ критики, которые встрѣтили Гоголя бранью, и они были поражены этой силой и, можетъ быть, потому то съ такимъ забвеніемъ здраваго смысла и выругались. Другіе, подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія, вознесли автора до небесъ.

Останавливаясь передъ этимъ рѣзкимъ разногласіемъ судей, одинъ критикъ писалъ: «Гоголь именно потому и является у насъ чѣмъ-то загадочнымъ, что наука, объемлющая всѣ стороны искусства его, едва по частямъ промелькнула передъ нами. Оттого одни смотрятъ на Гоголя съ энтузіазмомъ, другіе хулятъ его до нельзя» *).

На первый взглядъ, дѣйствительно, могло показаться, что критики разошлись въ эстетической оцѣнкѣ произведеній Гоголя: такъ много и такъ часто говорили они о красотѣ или безобразіи его языка и стиля, о законченности или неполнотѣ его образовъ, объ ихъ большей или меньшей типичности... Но на самомъ дѣлѣ источникомъ восторговъ или раздраженія критиковъ было вовсе не обманутое или удовлетворенное эстетическое чувство. Критики спорили, потому что никакъ не могли согласиться, что произведенія Гоголя на самомъ дѣлѣ «народны», что въ нихъ-то и кроется искомая и желанная народность, что въ нихъ правда жизни вполнѣ совпала съ правдой творчества. Эта главнѣйшая заслуга творчества Гоголя стала выясняться критикѣ лишь постепенно.

Нѣкоторымъ судьямъ, воспитаннымъ на сентиментальныхъ и романтическихъ традиціяхъ, реализмъ Гоголя, полный ироніи, былъ противенъ самъ по себѣ, какъ оскорбленіе, которое авторъ будто бы на-

*) „Современникъ“ 1842 г. XXVIII, стр. 82 „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя „Похожденія Чичикова“.

несъ искусству, и мало было вообще читателей, которые могли понять, какъ должно, глубокій и печальный смыслъ «этихъ каррикатуръ въ стилѣ Гольбейна», этой «пляски смертей», какъ кн. Вяземскій остроумно назвалъ «Мертвыя Души» *)? Но съ другой стороны нашлись и справедливые судьи, которые не успѣли только на первыхъ порахъ вполнѣ высказаться.

Перескажемъ нѣкоторые наиболѣе характерные критическіе отзывы о сочиненіяхъ Гоголя и преимущественно о «Мертвыхъ Душахъ», чтобы убѣдиться, насколько сильно были задѣты и поражены словами художника умы его читателей.

«Мертвыя Души» и первое полное собраніе сочиненій Гоголя увидѣли свѣтъ въ годы, мало благопріятные для критической мысли. Эта мысль въ двадцатыхъ годахъ и въ началѣ тридцатыхъ была менѣе опытна, но зато болѣе разнообразна. Къ 1842 году многіе органы, вносившіе большое оживленіе въ журналистику—прекратили свое существованіе.

Умерли естественной и насильственной смертью «Вѣстникъ Европы», «Московскій Телеграфъ», «Московскій Вѣстникъ», «Телескопъ» и «Молва», «Европеецъ» и «Московскій Наблюдатель». Нѣкоторые изъ критиковъ, писавшихъ въ этихъ журналахъ, продолжали свою дѣятельность въ иныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нѣкоторые совсѣмъ замолкли—и притомъ самые смѣлые и наиболѣе талантливые. Пушкинъ и Веневитиновъ скончались; Марлинскій и Кюхельбекеръ были сосланы; Кирѣевскій и Надеждинъ послѣ погрома «Телескопа» и «Европейца» замолчали на долгіе годы; Вяземскій писалъ очень мало и отъ боевой критики, въ которой онъ сыгралъ такую видную роль, сталъ сторониться. Смерть или молчаніе такихъ лицъ было большою потерей.

Возникли, правда, новые органы, но они старыхъ не замѣнили. Въ Москвѣ около «Москвитянина» сгруппировался кружокъ славянофильскій, и присяжнымъ критикомъ журнала сталъ Шевыревъ—прежній сотрудникъ «Московскаго Вѣстника» и «Московскаго Наблюдателя». Годы не выработали изъ него хорошаго критика: пылъ и жаръ, который отмѣчалъ его юныя статьи, слегка выдохся и патріотическая тенденція его образа мыслей возросла и очень мѣшала правильности его сужденій.

Петербургская журналистика была болѣе оживлена, хотя и она не могла похвастаться оригинальностью и силой: критическій отдѣлъ «Современника» со смертью Пушкина, съ отказомъ Гоголя вступить въ него, и при рѣдкомъ появленіи статей Вяземскаго былъ безцвѣтенъ; ни аромата, ни цвѣта не придалъ ему и Плетневъ своими статьями. «Библіотека для Чтенія», недавно основанная, была журналомъ очень популярнымъ и по разнообразію и группировкѣ матеріала вполнѣ заслужи-

*) *Кн. П. А. Вяземскій.* „Полное собраніе сочиненій", II, 315, въ статьѣ „Языковъ и Гоголь", 1847.

вала успѣхъ, но критическій отдѣлъ, который велъ самъ редакторъ Сенковскій, былъ совсѣмъ не на высотѣ своего призванія. Редакторъ—человѣкъ большого ума и большихъ знаній, считалъ, повидимому, критику дѣломъ совсѣмъ не серьезнымъ, и потому въ своихъ статьяхъ только шутилъ, остроумничалъ и паясничалъ, а иногда даже очень неучтиво ругался.

Этого же тона, но только съ меньшимъ талантомъ и остроуміемъ держался и Булгаринъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ».

Въ обновленномъ «Русскомъ Вѣстникѣ» работалъ заслуженный редакторъ «Московскаго Телеграфа» Полевой, попрежнему неутомимый и энергичный, но не способный возвыситься надъ своими старыми романтическими и сентиментальными симпатіями.

Какъ бы въ искупленіе всѣхъ прегрѣшеній тогдашней критики, въ обновленныхъ «Отечественныхъ Запискахъ» писалъ, и часто писалъ Бѣлинскій. Въ его статьяхъ заключена вся исторія нашей критической мысли за цѣлое десятилѣтіе (съ конца тридцатыхъ до конца сороковыхъ годовъ). Онъ одновременно былъ и лучшимъ теоретикомъ изящнаго въ искусствѣ, и первымъ публицистомъ.

Посмотримъ же, какъ всѣ эти судьи откликнулись на обращенную къ обществу рѣчь художника.

На сужденія Булгарина и Сенковскаго появленіе «Мертвыхъ Душъ» не оказало никакого вліянія. Гоголь остался для нихъ простымъ шутникомъ, веселымъ разсказчикомъ небылицъ; они не видѣли или не хотѣли видѣть разницы между первыми произведеніями писателя и его зрѣлыми созданіями. Булгаринъ говорилъ, что въ поэмѣ Гоголяесть и забавное, и смѣшное, и счастливо переданное; есть умныя рѣзкія замѣчанія насчетъ слабостей и глупостей человѣческихъ, но что все это утопаетъ въ странной смѣси вздору, пошлостей и пустяковъ. Въ «Мертвыхъ Душахъ» нѣтъ ни одного характера, писалъ онъ;—одна каррикатура и небывальщина. Дѣйствующія лица всѣ—одни дураки и воры. Передъ нами особый міръ негодяевъ, который никогда не существовалъ. Притомъ, добавлялъ критикъ,—вся поэма написана удивительно безвкуснымъ языкомъ и въ дурномъ тонѣ, и языкомъ мѣстами совершенно неприличнымъ. Во всякомъ случаѣ это—неглубокое и несерьезное произведеніе, не «поэма», а просто положенный на бумагу разсказъ замысловатаго мнимопростодушнаго малороссіянина. Гоголь могъ бы писать и хорошо и серьезно, но почему-то добровольно отказался отъ мѣста подлѣ образцовыхъ писателей романовъ, чтобы стать ниже Поль-де-Кока. Правда, этотъ легкій писатель пользуется теперь большимъ успѣхомъ, но это объясняется не его заслугами, а усердіемъ нѣкоторыхъ критиковъ, которые его захвалили, чтобы заставить публику отвернуться отъ другихъ сатирическихъ и юмористическихъ писателей *).

*) „Сѣверная Пчела“ 1842 г. №№ 137 и 279.

Въ такомъ же тонѣ, но съ большимъ ухарствомъ говорилъ о Гоголѣ и Сенковскій. У него не нашлось для «Мертвыхъ Душъ» иного названія, какъ «буффонада». Гоголь, доказывалъ критикъ, остался во всѣхъ своихъ произведеніяхъ авторомъ анекдотовъ, въ которыхъ пробивался возлѣ пріятнаго дарованія особенный провинціальный юморъ—малороссійское жартованіе. Отсутствіе художнической наблюдательности юмористъ замѣняетъ коллекціею гротесковъ, оригиналовъ, чудаковъ и плутовъ безъ всякой важности для философической сатиры. Стиль его грязенъ, картины—зловонны! Бѣдный писатель! Онъ Чичикова принимаетъ за жизнь. Онъ лелѣетъ такія созданія! О беззвучная трескотня! Бѣдный! Тысячу разъ бѣдный! Онъ могъ думать, что нарисованная имъ картина нравовъ и характеровъ есть поэма изъ русской жизни! А кого рисуетъ онъ? Какихъ людей! Какія понятія! И его слушаютъ! А почему? Потому что его захвалили тѣ люди, которымъ это было нужно сдѣлать изъ посторонникъ цѣлей. А въ сущности что такое Гоголь? Поль-де-Кокъ и по слогу, и по сюжету *).

Такъ писали о Гоголѣ люди, которымъ никакъ нельзя отказать въ литературной начитанности, въ писательской опытности и даже въ умѣ. Ихъ сужденія въ данномъ случаѣ настолько расходятся со здравымъ смысломъ, обнаруживаютъ такую узость пониманія, что невольно приходится заподозрить ихъ въ полной неискренности. Они не могли думать то, что̀ писали. Въ ихъ словахъ чувствуется задняя мысль и они, нападая на Гоголя, имѣли въ виду не оборону искусства, а защиту чего-то иного, для нихъ въ данномъ случаѣ болѣе дорогого. Не трудно догадаться, что̀ именно ихъ сердило; они открыли свои карты, когда такъ упорно настаивали на томъ, что Гоголя «захвалили» пріятели, что тщеславіе и самомнѣніе его обуяло, что его друзья и поклонники стараются отвлечь симпатіи публики отъ другихъ не менѣе достойныхъ писателей-юмористовъ и сатириковъ, т.-е. отъ нихъ самихъ, отъ Булгарина и Сенковскаго. Повышенность ихъ злобнаго тона объясняется успѣхомъ Гоголя и притомъ успѣхомъ въ средней публикѣ, той самой, которая до сихъ поръ зачитывалась именно ихъ романами и повѣстями. Такимъ образомъ, въ этихъ критическихъ отзывахъ совершенно ничтожныхъ по мысли, сохранено для насъ очень любопытное указаніе на расширеніе сферы вліянія сочиненій Гоголя—указаніе на захватъ ими цѣлой группы читателей, которые раньше довольствовались иными поставщиками. Булгаринъ и Сенковскій отлично понимали, что для болѣе или менѣе развитыхъ читателей ихъ брань на Гоголя ровно никакой цѣны не имѣетъ, и они хотѣли удержать за собою лишь тѣхъ, въ которыхъ съ полнымъ основаніемъ подозрѣвали наступающую перемѣну вкусовъ.

Дѣйствительно, по восторженному тону, какимъ о Гоголѣ стали го-

*) „Библіотека для Чтенія“ 1842 г. LIII, отд. VI, 24—54 и 1843 г. LVII, отд. VI, 21—28.

ворить журналисты не особенно видныхъ органовъ печати, можно было догадаться, что слава его растетъ необычайно быстро. Похвалы эти были очень общаго характера, но въ нихъ уже ясно проступаетъ сознаніе, что въ сочиненіяхъ Гоголя дано нѣчто въ высшей степени важное, что въ нихъ кроется громадная сила; въ чемъ она—объ этомъ критикъ говоритъ пока довольно глухо. «Мертвыя Души»—*ужасающая* картина современной жизни, писалъ одинъ изъ такихъ поклонниковъ Гоголя *),—цѣнившій въ немъ его рѣдкій даръ наблюдательности, его знаніе человѣческаго сердца, его умѣніе созидать характеры,—но въ чемъ заключался весь «ужасъ» картины—этого критикъ не поясняетъ. «Мертвыя Души»—картина вѣрная природѣ, хотя бойкость иногда приближаетъ автора къ карикатурѣ и рьяность заставляетъ его грѣшить противъ стилистики, замѣчалъ другой рецензентъ. Вся картина огромная, ярко расцвѣченная, фонъ которой составляетъ бытъ нашихъ провинціальныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Въ поэмѣ Гоголя намъ даны живыя лица изъ нашей «ветхой» жизни. Мы, живемъ дѣйствительно, двойной жизнью: юною, перелитою къ намъ изъ Европы, которая отражена въ такихъ типахъ какъ Чацкій, Евгеній Онѣгинъ и Печоринъ, и жизнью ветхой, унаслѣдованной отъ предковъ, которая представлена въ литературѣ семействомъ Простаковыхъ, Сквозникомъ-Дмухановскимъ, Хлестаковымъ и Чичиковымъ. Никогда талантъ Гоголя не производилъ творенія столь обширнаго въ своемъ объемѣ, столь поразительнаго по разнообразію и выдержанности, по оригинальности и новости характеровъ, по вѣрности и яркости красокъ, какъ его «Мертвыя Души». Въ заключеніе критикъ предрекалъ поэмѣ Гоголя блестящую участь **). Пусть въ своихъ предсказаніяхъ онъ ошибся, но въ различеніи «юной» и «ветхой» жизни, которой мы живемъ, онъ обнаружилъ безспорное пониманіе смысла гоголевской сатиры, хотя опять-таки мысль свою оставилъ безъ развитія.

Такая недосказанность въ сужденіяхъ о «Мертвыхъ Душахъ» была тогда явленіемъ общимъ; не только критики средней силы, но и критики уже опытные и очень даровитые грѣшили ею. Гоголь давалъ такъ много въ своей поэмѣ, что всякій желавшій высказать свое сужденіе о ней былъ подавленъ тѣми мыслями, которыя она вызывала и не могъ формулировать ихъ сразу вполнѣ опредѣленно и съ достаточной полнотой. Въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся по отзывамъ лицъ наиболѣе компетентныхъ въ судѣ надъ литературными памятниками.

Исключеніемъ среди всѣхъ такихъ компетентныхъ судей былъ Полевой. Престарѣлый романтикъ, которому надлежало теперь высказать свое сужденіе о лучшемъ представителѣ торжествующаго реализма, сказалъ откровенно, ясно и опредѣленно все, что онъ думалъ о «Мерт-

*) „Литературная Газета“ 1842 г. № 23, 470—476.

**) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1842 г. № 163—165. Сстатья *М. Сорокина.*

выхъ Душахъ» и о сочиненіяхъ Гоголя вообще. Это были жестокія и совершенно несправедливыя слова. Ихъ нужно отмѣтить въ виду ихъ характерности, но съ ними нѣтъ необходимости считаться, такъ какъ критикъ обнаружилъ полное непониманіе того, судить о чемъ онъ взялся. Это непониманіе было вполнѣ искреннее со стороны Полевого; для него сочиненія Гоголя были прямымъ отрицаніемъ всего, что онъ считалъ изящнымъ и художественно правдивымъ. Ругать Гоголя побудили его не личные, не редакціонные счеты, а сложившіеся его романтическіе вкусы и старая эстетическая теорія, отъ которой онъ не то чтобы не хотѣлъ, а не смогъ отступить. Ему — романтику и сентименталисту — откровенный реализмъ былъ противенъ.

Принимая на себя веденіе критическаго отдѣла въ обновленномъ «Русскомъ Вѣстникѣ», Полевой призналъ въ своей руководящей статьѣ *), что русская литература переживаетъ трудное время. Классицизмъ палъ, писалъ онъ, но теперь одно зло смѣнили другимъ. Невольно пожалѣешь о обломъ старомъ времени классическаго владычества. Старую теорію мы уничтожили, ну а создали ли мы новую? У насъ теперь масса трибуналовъ и полное безначаліе въ критикѣ. Такая же путаница и въ теоріяхъ ученыхъ и въ философіи. Толпа невѣрующихъ разрушителей нападаетъ на Гете, предпочитаетъ Энеидѣ—Нибелунги, Рафаэлю—византійскую живопись, отвергаетъ все въ Корнелѣ и Расинѣ, холодно смотритъ на творенія В. Скотта и любитъ уродливаго Диккенса. Нашъ вкусъ—страстность, наше прекрасное—дикость, наша страсть—новизна. Нужно выйти изъ этого хаоса, надо перейти къ времени мирному, къ новому тихому возсозданію прежнихъ положительныхъ идей человѣчества... Это будетъ новый классицизмъ, который съумѣетъ цѣнить Шекспира, отдавая справедливость Корнелю, Кондильяка замѣнитъ эклектизмомъ, безбожіе энциклопедистовъ уничтожитъ передъ свѣтомъ религіи, помиритъ романтизмъ и классицизмъ. Чтобы повернуть литературу на этотъ путь сліянія прежняго сухого классицизма и неистоваго романтизма (отъ котораго Полевой теперь отрекается), чтобы не позволить литературѣ одичать въ погонѣ за реализмомъ — нужна новая критика. Полевой обѣщаетъ ее въ своемъ журналѣ. «Эта критика, говоритъ онъ, не осудитъ безотчетно на позоръ прежнихъ условій искусства, но, дополняя ихъ новыми открытіями ума человѣческаго, возсоздастъ ихъ; не станетъ утверждать, что въ искусствѣ нѣтъ никакихъ условій и въ наукѣ существуетъ только слѣпой опытъ безъ теоріи, наконецъ такая критика пойметъ вполнѣ слово «народность» въ умѣ и наукѣ, сознавая, что при эклектизмѣ человѣчества каждый народъ долженъ жить своею самобытностью, хотя и не осуждая на безсмысліе и смерть всѣ другіе народы».

---

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г. № 1, статья *Н. Полевого*. „Нѣсколько словъ о современной русской критикѣ“.

Своимъ судомъ надъ сочиненіями Гоголя Полевой и попытался оправдать эту «новую» критику. Онъ любилъ Гоголя за его раннія произведенія, въ которыхъ реализмъ былъ такъ скрашенъ романтизмомъ, и онъ не терпѣлъ Гоголя за его послѣднія созданія за его комедіи и «Мертвыя Души», въ которыхъ видѣлъ торжество именно той дикости и той страстности, которая заставляла его жалѣть о погибшемъ классицизмѣ, нѣкогда имъ столь нелюбимомъ. Слѣдуя новой теоріи изящнаго, онъ въ первыхъ же номерахъ своего журнала забросалъ Гоголя неучтивыми упреками и обвиненіями. Онъ утверждалъ, что вся сила Гоголя въ одномъ малороссійскомъ жартѣ. Захваленный и вознесенный своими поклонниками, писалъ критикъ, Гоголь превратно смотритъ на свое назначеніе. Все, что составляетъ прелесть его твореній, теперь исчезаетъ, все, что губитъ ихъ—постепенно усиливается. «Мертвыя Души» бѣдны содержаніемъ, онѣ простое повтореніе «Ревизора», грубая каррикатура, которая перешла за предѣлъ изящнаго. И гдѣ въ ней прежнее добродушное жартованіе? Ужъ если писатель хочетъ дать намъ человѣка, то пусть онъ не показываетъ одну лишь его грязную сторону, а «Мертвыя Души»—это неопрятная гостинница—клевета на Россію. Сколько грязи въ этой поэмѣ! И приходится согласиться, что Гоголь родственникъ Поль-де-Кока. Онъ въ близкомъ родствѣ и съ Диккенсомъ, но Диккенсу можно простить его грязь и уродливость за свѣтлыя черты, а ихъ не найти у Гоголя. И авторъ могъ думать, что «Мертвыя Души»—нравственное поученіе?! Неужели въ каждомъ русскомъ можно видѣть зародыши Хлестакова и Чичикова? *).

Такія слова въ устахъ Полевого были одновременно и огульнымъ осужденіемъ Гоголя, и уступкой ему. Закоренѣлый романтикъ бранилъ бездоказательно нашего реалиста, не понимая его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подъ впечатлѣніемъ сочиненій Гоголя, сталъ догадываться, что романтизмъ въ литературѣ свое дѣло проигрываетъ и что если реализмъ Гоголя и вреденъ, то для борьбы съ нимъ нужно нѣчто иное, чѣмъ то, что онъ—Полевой—до сего времени считалъ въ искусствѣ правдивымъ и художественнымъ.

Если критика Полевого въ вопросѣ о литературной и общественной стоимости сочиненій Гоголя ровно никакой цѣны не имѣетъ, то и она—какъ видимъ—косвенно свидѣтельствуетъ о постепенно возроставшемъ его успѣхѣ.

Отзывы другихъ авторитетныхъ критиковъ были всѣ хвалебные и восторженные.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ хвалебныхъ рецензій—единодушныхъ, несмотря на разницу направленій тѣхъ журналовъ, въ которыхъ они были напечатаны—мы должны отмѣтить, прежде всего, ихъ непол-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г. № V и VI, 33—57.

ноту. Судьи всѣ въ восторгѣ; они поражены новизной явленія, поражены богатствомъ картинъ, типовъ и положеній, но никто изъ нихъ не рѣшается высказаться по существу и съ достаточной полнотой опредѣлить все значеніе «Мертвыхъ Душъ» для русской жизни, хотя каждый изъ нихъ и торопится сказать, что эта поэма въ общественномъ смыслѣ явленіе очень знаменательное. Очевидно, что на всѣхъ критиковъ «Мертвыя Души» произвели настолько сильное впечатлѣніе, что судьи не могли въ немъ сразу разобраться; и Гоголь былъ правъ, когда жаловался на читателя, который не откликнулся на его слова такъ откровенно и полно, какъ бы ему этого хотѣлось. Гоголя не удовлетворяли похвалы, онъ хотѣлъ критики, т.-е. всесторенней оцѣнки, и, главнымъ образомъ, не эстетической, а нравственной. Вмѣсто нея ему пришлось прочитать лишь восторженныя привѣтствія, искреннія, но слишкомъ общаго характера. «Другой мѣсяцъ или читаемъ васъ, или говоримъ о васъ, — писалъ Гоголю въ іюлѣ 1842 года старѣйшій членъ славянофильскаго московскаго кружка, С. Т. Аксаковъ. Никому не повѣрю, чтобъ нашелся человѣкъ, который могъ бы съ перваго раза вполнѣ понять ваши безсмертныя «Мертвыя Души». Это міръ Божій. Можно ли однимъ взглядомъ его разсмотрѣть? Какое надобно вниманіе и разумѣнье, чтобъ открыть въ немъ совершенство творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ, повидимому и не стоющихъ большого вниманія?.. Я прочелъ «Мертвыя Души» два раза про себя и третій разъ вслухъ для всего моего семейства; надобно нѣкоторымъ образомъ остыть, чтобъ не пропустить красотъ творенія, естественно ускользающихъ отъ пылающей головы и сильно бьющагося сердца» *).

Аксаковъ сказалъ правду: все, что было написано о «Мертвыхъ Душахъ» непосредственно послѣ ихъ выхода въ свѣтъ, грѣшило недосказанностью и неполнотой сужденія...

Въ «Москвитянинѣ» поэму Гоголя довольно подробно разобралъ Шевыревъ.

Его статья,—лучшая изъ всѣхъ его критическихъ статей—не лишена достоинствъ. Значеніе Гоголя, какъ реалиста-художника, въ ней понято и выяснено вѣрно. Но въ ней была одна задняя мысль, которая помѣшала критику подробно остановиться на оцѣнкѣ того, что было дано въ первой части «Мертвыхъ Душъ» и торопила его говорить о томъ, что авторъ намѣревался сказать въ будущемъ. Шевыревъ былъ друженъ съ Гоголемъ и зналъ, чѣмъ долженъ былъ закончиться разсказъ о похожденіяхъ Чичикова. Какъ руссофилъ и какъ критикъ, заявившій въ первыхъ же книжкахъ **) своего журнала открыто и вызывающе о

---

*) *С. Т. Аксаковъ.* „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“ 69, 70.

**) „Москвитянинъ“ 1842 г. № 1, статья *Шевырева.* „Взглядъ на современное направленіе русской литературы“.

своемъ патріотическомъ образѣ мыслей, Шевыревъ не сказалъ всего, что можно было сказать о тѣневой сторонѣ нашей дѣйствительности, и спѣшилъ утѣшить читателя обѣщаніями, что въ слѣдующихъ частяхъ поэмы Гоголя возсіяетъ вся красота и добродѣтель той русской жизни, о которой на первыхъ порахъ такъ много дурного сказалъ художникъ. «Всѣ мы, — писалъ онъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей, которая предшествовала его разбору «Мертвыхъ Душъ»,— всѣ мы, дѣйствующіе мыслью и словомъ на образованіе народное, по разнымъ вѣтвямъ поэзіи, словесности, науки, какъ бы ни раздѣлялись мнѣніями, должны помнить, что у всѣхъ насъ одна задача: выразить мысль всеобъемлющую, всемірную, всечеловѣческую, христіанскую въ самомъ русскомъ словѣ» *). Шевыревъ считалъ Гоголя художникомъ, призваннымъ выполнить именно эту задачу,—но конечно, въ будущемъ.

Если въ этомъ первомъ томѣ своей поэмы, говорилъ Шевыревъ, комическій юморъ Гоголя возобладалъ, и мы видимъ русскую жизнь и русскаго человѣка по большей части отрицательною ихъ стороной, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы фантазія Гоголя не могла вознестись до полнаго объема всѣхъ сторонъ русской жизни. Онъ самъ обѣщалъ намъ далѣе представить все несмѣтное богатство русскаго духа, и мы увѣрены заранѣе, что онъ славно сдержитъ свое слово. Къ тому же въ этой части, гдѣ самое содержаніе, герои и предметъ дѣйствія увлекали его въ хохотъ и иронію, онъ чувствовалъ необходимость восполнить недостатокъ другой половины жизни, и потому въ частыхъ отступленіяхъ, въ яркихъ замѣткахъ, брошенныхъ эпизодически, далъ намъ предчувствовать и другую сторону русской жизни, которую со временемъ раскроетъ во всей полнотѣ ея... Мы думаемъ также, что поэтъ способенъ дать своей фантазіи полетъ самый свободный и обширный, котораго достало бы на обхватъ всей жизни, и предполагаемъ, что, развиваясь далѣе, его фантазія будетъ богатѣть полнотою и обниметъ жизнь не только Руси. но и другихъ народовъ,—возможность къ чему мы уже видѣли ясно въ его «Римѣ».

Вдохновленный лиризмомъ Гоголя нашъ критикъ такъ говорилъ о томъ, что ожидаетъ читателя въ будущемъ: «Взгляните на вѣтеръ передъ началомъ бури,—писалъ онъ.—Легко и низко проносится онъ сперва; взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли; перья, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются; и скоро весь воздухъ наполняется его своенравнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи... Сверкнула молнія... Громъ раскатился по небу... Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вто-

*) „Москвитянинъ“ 1842 г. № 3, статья *Шевырева*. „Взглядъ на современную литературу“.

рая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ намъ *лирическое теченіе*, горизонтъ *раздающійся* и *величавый громъ другихъ рѣчей*?» *).

Въ ожиданіи этой бури и этого грома Шевыревъ нѣсколько небрежно взглянулъ на ту «пыль» и на ту «дрянь», которую съ земли подняли слова Гоголя.

Самое цѣнное въ статьѣ Шиперова,—это указаніе на торжество реализма въ нашемъ искусствѣ и на непосредственную связь сочиненій Гоголя съ тѣмъ, что мы вокругъ насъ видимъ. Если Шевыревъ не достаточно выяснилъ какъ велика была цѣна такихъ реальныхъ типовъ для нашей тогдашней жизни, то онъ все-таки понялъ, насколько они жизненны, и ему было ясно, что въ нихъ кроется глубокій смыслъ. «Давно уже поэтическія явленія не производили у насъ движенія столь сильнаго, какое произвели «Мертвыя Души», говорилъ онъ, и причину этого движенія онъ правильно усматривалъ въ необычайной близости того, что говорилъ художникъ, съ тѣмъ, что насъ окружало. Чичиковъ былъ для него истиннымъ героемъ нашего меркантильнаго прозаическаго времени. «Будьте же благодарны поэту за то, что онъ силою своего могучаго воображенія вызвалъ вамъ изъ какого-то отдаленнаго захолустья нашей отчизны такихъ земляковъ, такихъ странныхъ собратій вашихъ, о существованіи которыхъ если вы и имѣли кой-какія подозрѣнія, то позабыли вовсе въ своихъ великолѣпныхъ суетахъ и заботахъ, говорилъ критикъ. Повсюду важна связь искусства съ жизнью, но особенно важна она у насъ, какъ народа практическаго, не способнаго къ отвлеченностямъ. Только то произведеніе тронетъ у насъ за живое и возбудитъ участіе всѣхъ, въ которомъ существенная основа тѣсно связана съ корнемъ нашей жизни, въ хорошую ли, въ дурную ли ея сторону. Пора уже намъ отъ блестящей жизни внѣшней, которая насъ слишкомъ увлекаетъ, возвращаться къ внутреннему бытію, къ дѣйствительности собственно русской, какъ бы ни казалась она ничтожна и отвратительна намъ, увлекаемымъ незаслуженною гордостью чужого просвѣщенія, и потому каждое значительное произведеніе русской словесности, напоминающее намъ о тяжелой существенности нашего внутренняго быта, открывающее тѣ захолустья, которыя лежатъ около насъ, а намъ кажутся за горами потому только, что мы на нихъ не смотримъ, каждое такое произведеніе, заглядывающее вглубь нашей жизни, кромѣ своего достоинства художественнаго, можетъ по всѣмъ правамъ имѣть достоинство и благороднаго подвига на пользу отечества. Въ пышномъ вѣкѣ Екатерины Фонвизинъ раскрылъ одну изъ глубокихъ ранъ тогдашней Россіи въ семейномъ быту и воспитаніи. Въ наше время тотъ же подвигъ совер-

*) „Москвитянинъ“ 1842 г. № VIII, статья *Шевырева* „Похожденія Чичикова“ 369, 370, 372, 356.

шенъ былъ Гоголемъ въ «Ревизорѣ», и совершается теперь въ другой разъ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Какъ видимъ, мысли совершенно вѣрныя; и если бы Шевыревъ, вмѣсто того, чтобы въ патріотическомъ восторгѣ предвкушать будущее и тратить свои силы на не всегда вѣрное истолкованіе эстетической стороны творчества Гоголя, развилъ эту мысль о значеніи словъ Гоголя для нашего самосознанія, то его критическая статья была бы одною изъ лучшихъ.

Большую статью о «Мертвыхъ Душахъ» напечаталъ въ «Современникѣ» и другой пріятель Гоголя П. А. Плетневъ *). Статья была умная, но мало оригинальная, такъ какъ она утверждала то, съ чѣмъ почти всѣ болѣе или менѣе серьезные читатели были согласны. На вопросъ о значеніи творчества Гоголя не для искусства, а для жизни, статья Плетнева давала также отвѣтъ не полный. Плетневъ говорилъ, что въ настоящее время Гоголь нашъ первый писатель по таланту, что онъ весь проникнутъ жизнью; вышедши изъ своего уединенія мысли на поприще явленій жизни, онъ обязанность созерцателя перемѣнилъ на ощущеніе дѣйствующихъ; онъ возвелъ характеръ искусства въ поразительное явленіе самой жизни. Онъ весь проникнутъ сферою движущагося около него общества, дѣлитъ его образъ мыслей, говоритъ его языкомъ, признаетъ за истину всякую, самую ложную его идею—и такимъ образомъ ничто васъ не тревожитъ въ очарованіи созданной имъ дѣйствительности. Отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ... Его проницательный, вѣрный взглядъ возводитъ въ эстетическую сферу такія обстоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель не извлекъ бы ничего, кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ... Мы живемъ въ эпоху—продолжалъ Плетневъ—въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ ближайшаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнью и произведеніемъ искусства. Поэма Гоголя можетъ служить образцомъ такого соотношенія. Я могъ бы указать на каждый изъ выведенныхъ имъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями русской жизни»...

На эти явленія русской жизни критикъ обратилъ однако мало вниманія и смыслъ всей поэмы онъ увидалъ въ «великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго жалкими страстями». Основный замыселъ Гоголя сводился, дѣйствительно, къ исторіи возрожденія жалкой души, но вѣдь не въ этой интимной исторіи Чичикова заключался общественный смыслъ гоголевской поэмы. «Въ нашихъ рус-

*) „Современникъ“ XXVII, статья *П. А. Плетнева* „Чичиковъ или Мертвыя Души Гоголя“.

скихъ разговорахъ, мысляхъ и поступкахъ, говорилъ критикъ, есть особенности національныя, но въ нихъ нѣтъ того, что придало бы имъ цѣнность общую и приводило бы ихъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста поэмы Гоголя, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художническаго мастерства Гоголя, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Въ этомъ, конечно, Гоголь не виноватъ. Онъ возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само, да и притомъ у всѣхъ самыхъ великихъ писателей русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ». Но Плетневъ такъ довѣрялъ силѣ таланта Гоголя, что просилъ читателя подождать, когда его поэма будетъ закончена. Кто знаетъ, — думалъ онъ, очевидно, хотя и не высказалъ этого,—кто знаетъ, можетъ быть въ послѣдующихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ» и будетъ одержана эта великая побѣда и русскій романъ будетъ полонъ «общественнаго интереса» для читателя западнаго?

Въ этой тайной мысли Плетневъ сошелся съ открытымъ пророчествомъ Шевырева, но разошелся совершенно съ другимъ, въ то время чуть ли не самымъ авторитетнымъ критикомъ—съ Бѣлинскимъ.

Отъ Бѣлинскаго мы могли бы ожидать самаго вѣскаго и самаго исчерпывающаго слова о новомъ произведеніи Гоголя. Бѣлинскій былъ первымъ и самымъ смѣлымъ защитникомъ нашего писателя, когда этотъ писатель только начиналъ свою дѣятельность. Если кто помогъ читателю понять автора «Миргорода» и «Ревизора», то это былъ критикъ «Телескопа» и «Молвы», и затѣмъ «Отечественныхъ Записокъ». Ему по праву принадлежалъ рѣшающій голосъ и теперь, когда Гоголь сказалъ свое самое задушевное и серьезное слово.

Бѣлинскій откликнулся, но далеко не такъ, какъ этого могъ ожидать отъ него читатель. Поразила ли Бѣлинскаго глубина затронутыхъ Гоголемъ вопросовъ настолько, что онъ не сразу собралъ всѣ свои мысли, или по цензурнымъ условіямъ онъ не могъ эти мысли вполнѣ ясно выразить—только свое сужденіе о Гоголѣ, какъ объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ», Бѣлинскій отсрочилъ. Въ мелкихъ статьяхъ и рецензіяхъ, въ которыхъ ему приходилось говорить о Гоголѣ, онъ давалъ обѣщаніе, что въ ближайшемъ будущемъ онъ подробно, въ цѣломъ рядѣ статей, изложитъ свое сужденіе о всѣхъ сочиненіяхъ Гоголя по порядку. Своего обѣщанія Бѣлинскій однако не исполнилъ и мнѣній своихъ о Гоголѣ не свелъ воедино. Они остались разсѣянными въ разныхъ его статьяхъ, преимущественно въ его «Обзорахъ» и уже послѣ его смерти были сгруппированы Чернышевскимъ въ «Очеркахъ

гоголевскаго періода русской литературы (1855—1856 г.)». По всѣмъ вѣроятіямъ Бѣлинскому помѣшалъ окончательно высказаться самъ Гоголь, который обѣщалъ продолженіе «Мертвыхъ Душъ» и взамѣнъ ихъ неожиданно издалъ свои «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Но при всей ихъ неполнотѣ и случайности, сужденія Бѣлинскаго, высказанныя имъ тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ»— очень яркое свидѣтельство о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго этой картиной на одного изъ умнѣйшихъ и самыхъ чуткихъ читателей.

Въ первой своей краткой замѣткѣ о поэмѣ Гоголя *) Бѣлинскій прежде всего радуется успѣху Гоголя и торжествуетъ свою побѣду. Онъ первый предсказалъ блестящее развитіе этого таланта, который въ послѣднемъ своемъ произведеніи посрамилъ всѣхъ своихъ хулителей. Теперь, послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ», много найдется литературныхъ Колумбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великій талантъ, новаго великаго писателя русскаго—Гоголя... «Мертвыя Души»—твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое.

Бѣлинскій былъ въ такомъ восторгѣ отъ «Мертвыхъ Душъ», что съ одинаковой похвалой отнесся и къ способности автора объективно изображать дѣйствительность, и къ его собственной «субъективности», т.-е. ко всѣмъ романтическимъ порывамъ его души. Онъ привѣтствовалъ художника, у котораго такое горячее сердце, такая симпатичная душа и «духовно-личная самобытность». «Она заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу». «Мертвыя Души», — говорилъ критикъ, не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда не виданное произведеніе. «Мертвыя Души» требуютъ изученія».

Какъ рѣдко при первомъ чтеніи человѣкъ можетъ себѣ составить вѣрное понятіе о великомъ произведеніи, это доказалъ самъ Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ. «Мы не видимъ въ поэмѣ Гоголя ничего шуточнаго и смѣшного,—писалъ онъ;—ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга есть только экспозиція, введеніе въ въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги,

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., XXIII, № 7.

въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя Души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру...» и Бѣлинскій выписываетъ въ своей рецензіи всѣ знаменитыя «лирическія» мѣста поэмы, не исключая и ультра-патріотической картины несущейся во весь духъ тройки. «Грустно думать,—заканчиваетъ онъ свою выписку,—что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія (?), достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать отъ того, отчего у другого волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ...» Какъ бы въ смягченіе этихъ восторженныхъ словъ, а на самомъ дѣлѣ въ полное противорѣчіе съ ними (объяснимое только неопредѣленностью перваго сильнаго впечатлѣнія), Бѣлинскій въ той же рецензіи упрекнулъ Гоголя въ излишествѣ «непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося», которое сказалось на нѣкоторыхъ, къ несчастью рѣзкихъ, мѣстахъ, «гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чужихъ племенъ и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними».

Таковы были первыя слова, какими Бѣлинскій встрѣтилъ «Мертвыя Души». Все, что въ нихъ было сказано о художественныхъ пріемахъ Гоголя, объ историческомъ и общественномъ значеніи его вымысла, критикъ повторялъ затѣмъ неоднократно въ своихъ статьяхъ, такъ же кратко, сжато и безъ подробнаго развитія своей мысли, которую онъ надѣялся обставить доказательствами въ задуманной имъ, но не написанной, большой статьѣ о Гоголѣ. Что же касается взглядовъ на «субъективность» Гоголя, на его лирическій паѳосъ и на «гремящіе дифирамбы» то Бѣлинскій очень скоро взялъ всѣ свои слова назадъ, и весьма рѣшительно. На измѣненіе образа его мыслей повліяло отчасти болѣе спокойное отношеніе къ произведенію, которое его сразу такъ плѣнило, отчасти выходъ въ свѣтъ одной славянофильской брошюры, до небесъ восхвалявшей Гоголя.

Эта брошюра *) принадлежала перу К. С. Аксакова, великаго и страстнаго поклонника Гоголя. У Бѣлинскаго и его стараго друга, съ которымъ онъ въ это время уже разошелся, завязалась по поводу этой статейки длинная и рѣзкая полемика,—главнымъ образомъ потому, что Бѣлинскій въ своемъ спорѣ съ К. Аксаковымъ имѣлъ въ виду не столько Гоголя, сколько московскихъ славянофиловъ, на которыхъ начиналъ тогда сердиться.

---

*) *К. Аксаковъ.* „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя Похожденія Чичикова или „Мертвыя Души“. Москва. 1842, стр. 19.

Аксаковъ пришелъ отъ поэмы Гоголя въ неописанный восторгъ. «Явленіе ея такъ важно, — говоритъ онъ, — такъ глубоко и вмѣстѣ такъ ново-неожиданно, что она не можетъ быть доступною съ перваго раза». Самъ онъ однако, взялся судить о ней подъ первымъ чарующимъ впечатлѣніемъ. Онъ увидалъ въ «Мертвыхъ Душахъ» новое откровеніе искусства, оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы давно унижаемой: ему показалось, что въ «Мертвыхъ Душахъ» передъ нами возсталъ древній эпосъ. Гоголь напомнилъ ему Гомера, а его поэма—«Иліаду».

«Созерцаніе Гоголя, говорилъ Аксаковъ, древнее, истинное, то же, какое и у Гомера; изъ-подъ его творческой руки возстаетъ, наконецъ, древній, истинный эпосъ, надолго оставлявшій міръ, эпосъ самобытный, полный вѣчно свѣжей, спокойной жизни, безъ всякаго излишества. Чудное, чудное явленіе!»

Исчезновеніе этого эпоса, продолжалъ Аксаковъ очень чувствовалось въ европейской литературѣ. Вмѣсто возвышенныхъ эпическихъ сюжетовъ уже издавна выдвигались происшествія мелкія и мелѣюпція съ каждымъ шагомъ, и, наконецъ весь интересъ устремился на анекдотъ, который становился хитрѣе, замысловатѣе, занималъ любопытство, замѣнившее эстетическое наслажденіе, и эпосъ снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти. Гоголь актомъ своего творчества показалъ намъ, что это сокровище искусства—старинный эпосъ—не погибъ безвозвратно. Онъ явился теперь передъ нами съ новымъ содержаніемъ, съ содержаніемъ русскимъ. Какой же міръ объемлетъ собою поэма Гоголя? Хотя это только первая часть,—отвѣчалъ Аксаковъ,—хотя это еще начало рѣки, дальнѣйшее теченіе которой Богъ знаетъ куда приведетъ насъ и какія явленія представитъ, но мы, по крайней мѣрѣ, можемъ имѣть даже право думать, что въ этой поэмѣ обхватывается широко Русь; и уже не тайна ли русской жизни лежитъ, заключенная къ ней? не выговорится ли она здѣсь художественно? И Аксаковъ вѣрилъ, что она выговорится, и залогомъ этого считалъ все ту же картину несущейся тройки, рисуя которую Гоголь коснулся общаго «субстанціальнаго чувства русскаго, и вся сущность (субстанція) русскаго народа, тронутая имъ, поднялась колоссально, сохраняя свою связь съ образомъ, ее возбудившимъ».—«Здѣсь, восклицалъ Аксаковъ,—проникаетъ наружу и видится Русь, лежащая, думаемъ мы, тайнымъ содержаніемъ всей поэмы Гоголя».

Гоголь можетъ оправдать всѣ, самыя смѣлыя надежды. «Въ самомъ дѣлѣ, — спрашивалъ Аксаковъ, — у кого встрѣтимъ мы такую полноту, такую конкретность созданія? У немногихъ; только у Гомера и Шекспира встрѣчаемъ мы то же; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайной искусства. Гоголь не сдѣлалъ того теперь (кто знаетъ, что будетъ впередъ?), что сдѣлали Гомеръ и Шекспиръ, и потому, въ отношеніи къ объему творческой дѣятельности, къ содержанію ея, мы не говоримъ, что Гоголь то же самое, что

Гомеръ и Шекспиръ; но въ отношеніи къ *акту творчества*, въ отношеніи къ полнотѣ созданія—Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира, ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ. Мы далеки отъ того, чтобы унижать колосальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія они ниже Гоголя»...

Статья Аксакова, какъ видимъ, имѣла одно безспорное достоинство: она была до дерзости оригинальна; все остальное въ ней было сомнительнаго достоинства. Языкъ былъ тяжелый, напоминавшій трудныя страницы нѣмецкихъ эстетикъ, основная мысль была невѣрна, такъ какъ по «акту творчества» эпически спокойный разсказъ Гомера едва ли могъ быть сравниваемъ съ разсказомъ Гоголя, мѣстами возвышенно лирическимъ и насквозь пропитаннымъ ироніей, которая въ древнемъ эпосѣ совершенно отсутствовала. Наконецъ, возведеніе Гоголя въ Гомеры и Шекспиры со старшинствомъ передъ всѣми другими писателями міра могло быть оправдано только лишь патріотизмомъ Аксакова, патріотизмомъ почти слѣпымъ, который не желалъ замѣчать чужого богатства *).

Статья произвела сенсацію и скорѣе навредила Гоголю, чѣмъ превознесла его: она дала обильную пищу для шутокъ: недоброжелатели Гоголя могли лишній разъ прокричать о томъ, какъ друзья захваливаютъ своего кумира, какъ они искусственно муссируютъ его славу. И не только недоброжелатели, но даже и расположенныя къ Гоголю лица должны были быть непріятно поражены этимъ славословіемъ. «Описанія въ поэмѣ Гоголя живы, комическія черты мастерски схвачены, характеры обрисованы чрезвычайно удачно,—писалъ о «Мертвыхъ Душахъ» критикъ «Сына Отечества». Гоголь—талантъ необыкновенный, но его захвалили, и онъ, упоенный похвалами, теперь не видитъ уже своихъ недостатковъ. Онъ переходитъ границу вкуса, краски его бываютъ грязны, слогъ небреженъ, онъ слишкомъ много говоритъ о себѣ и своей поэмѣ», но какъ же ему и не говорить, если его провозглашаютъ Гомеромъ? «А вѣдь всѣ послѣдователи покойнаго, туманной памяти нѣмецкаго философа Гегеля, всѣ «гегелисты» непремѣнно и «гоголисты» *).

Статья Аксакова очень разсердила Бѣлинскаго, который и посвятилъ ей нѣсколько страницъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» **). Не называя автора по имени, Бѣлинскій наговорилъ ему колкостей, впрочемъ, на первый разъ довольно безобидныхъ. Онъ иронически отнесся къ сближенію Гоголя и Гомера, нѣсколько преувеличивъ это сопоставленіе сравнительно

---

*) Основная мысль статьи легко могла быть подсказана Аксакову самимъ Гоголемъ, который, если и не производилъ себя въ Гомеры, то мечталъ о „поэмѣ“, въ которой вся русская жизнь должна была найдти свое отраженіе.

**) „Сынъ Отечества“ 1842. III, № 6, стр. 1—30 статья *К. Масальскаго.*

***) „Отечественныя Записки“, 1842, XXIII, № 8.

съ тѣмъ, какъ оно было высказано у Аксакова. А главное—полемизируя не столько съ истолкователемъ Гоголя, сколько съ московскимъ патріотомъ, онъ заступился—и совершенно правильно—за честь униженныхъ западныхъ геніевъ. «Мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ должно быть содержаніе,—писалъ онъ.—Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ—высшая точка, зенитъ поэтической славы Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ и не быть міровымъ поэтомъ. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣетъ, въ созданіяхъ Гоголя, этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что бы сталось съ любымъ созданіемъ Гоголя, еслибъ оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Гдѣ же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ? Знаете ли, что мы сказали бы на ушко всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гете, или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ, и проч... И однакожъ мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его «Мертвыя Души»—великимъ произведеніемъ. Но Гоголь—великій русскій поэтъ, не болѣе; «Мертвыя Души» его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно великое значеніе.

«Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли на-что нибудь годиться: теперь настало другое время, когда намъ уже ни почемъ и Гомеры, и Шекспиры и Байроны, потому что мы успѣли уже позавестись своими—или чужихъ становимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа, и слѣва, и взадъ, и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумагѣ...

«Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта—аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники».

Аксаковъ обидѣлся этими словами и отвѣчалъ Бѣлинскому въ «Москвитянинѣ» *). Ничего новаго не сказалъ онъ въ этомъ отвѣтѣ, повторилъ всѣ свои положенія, упрекнулъ Бѣлинскаго въ умышленномъ искаженіи его словъ и мимоходомъ сказалъ ему также нѣсколько колкостей. Бѣлинскій въ долгу не остался и на вторую статью Аксакова отвѣтилъ довольно длинной филиппикой **). И въ этой второй своей статьѣ онъ также имѣлъ въ виду не столько Гоголя, сколько Аксакова и его разбушевавшійся патріотизмъ.

---

*) „Москвитянинъ", 1842. V, № 9, стр. 220—229.

**) „Отечественныя Записки", 1842, XXV, № 11, статья *Бѣлинскаго* „Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души".

Оставляя въ сторонѣ этотъ споръ западника и славянофила,—споръ, который не стоитъ въ прямой связи съ интересующимъ насъ вопросомъ, отмѣтимъ тѣ важныя поправки, которыя Бѣлинскій внесъ въ свою оцѣнку творчества Гоголя. Онѣ касаются его взгляда на дальнѣйшую судьбу поэмы и на тотъ патріотическій паѳосъ, который критику сначала такъ понравился. Бѣлинскій имѣлъ теперь время освободиться отъ перваго чарующаго впечатлѣнія и задуматься надъ очень серьезнымъ вопросомъ: а не повредитъ ли этотъ патріотическій паѳосъ правдивому изображенію русской жизни? и не осилитъ ли въ Гоголѣ романтикъ-патріотъ художника-бытописателя?

«Кто знаетъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ?» спрашивалъ въ своей статьѣ Аксаковъ. Именно такъ: «кто знаетъ это?» повторяемъ и мы,—отвѣчалъ Бѣлинскій.—Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его геніальныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а насчетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: кто знаетъ? Много, слишкомъ много обѣщано Гоголемъ въ лирическихъ страницахъ, которыя онъ вставилъ въ свою поэму), обѣщано такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими, по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т.-е. западные европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Но мы именно въ томъ-то и видимъ великость и геніальность Гоголя, что онъ своимъ артистическимъ инстинктомъ вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ, великою задачею—объектировать современную дѣйствительность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣвать на досугѣ то, до чего никому, кромѣ художниковъ и диллетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность такою, какой она никогда не бывала...»

Великая правда заключалась въ этихъ словахъ Бѣлинскаго: онъ предугадалъ всю душевную трагедію Гоголя. Со свойственной ему зоркостью критическаго взгляда, онъ предвидѣлъ то время, когда страсть къ обобщенію житейскихъ явленій заглушитъ въ Гоголѣ его умѣнье рисовать эти явленія безъ прикрасъ, когда желаніе философствовать о жизни затуманитъ ясность взгляда художника и потому понизитъ общественную стоимость его произведеній. И Бѣлинскій рѣшился предупредить Гоголя о грозящей ему опасности. «Главная сила Гоголя,—писалъ онъ,—заключается въ непосредственномъ творчествѣ, но эта сила, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она, такъ сказать, отводитъ

ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Надо желать, чтобы преобладаніе рефлексіи постепенно усиливалось въ немъ, хотя бы насчетъ акта творчества».

Слова Бѣлинскаго какъ будто противорѣчатъ тому, что онъ сейчасъ говорилъ о пафосѣ поэта, но это противорѣчіе кажущееся. Слова Бѣлинскаго ясны: онъ выражалъ пожеланіе, чтобы Гоголь, не отступая отъ правды русской жизни, отнесся бы къ этой дѣйствительности съ большей «рефлексіей» т.-е. болѣе критически, съ меньшей непосредственностью, съ болѣе сознательнымъ обличеніемъ. Понимая и чувствуя, что Гоголь вовсе не боевая натура, что онъ романтикъ, который мечту и желаемое способенъ всегда принять за дѣйствительное и настоящее, Бѣлинскій съ тревогою думалъ о томъ, что̀ скажетъ теперь, послѣ первой части «Мертвыхъ Душъ», его любимый писатель; и Бѣлинскій въ заключеніе своей статьи обратился къ русской критикѣ съ воззваніемъ, чтобы она помогла художнику выполнить его трудную задачу. «Истинная критика «Мертвыхъ Душъ»—говорилъ онъ—должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о тройкѣ, нѣтъ, истинная критика должна раскрыть пафосъ поэмы, который состоитъ *въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ*, досель еще таинственнымъ, досель еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія», т.-е. истинная критика должна показать, какъ не совпадаютъ факты русской реальной жизни съ тѣми надеждами, которыя дозволительно питать, когда думаешь о многихъ хорошихъ сторонахъ русскаго ума и сердца.

Въ длинномъ рядѣ статей Бѣлинскій хотѣлъ намъ дать образецъ такой истинной критики, но, какъ видимъ, онъ ограничился только намекомъ. Но этотъ намекъ среди всего, что тогда говорилось о Гоголѣ, былъ, пожалуй, самой цѣнной мыслью.

Къ числу лучшихъ статей, писанныхъ по поводу «Мертвыхъ Душъ», должна быть отнесена и статья Н. М. «Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», напечатанная въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» *). Статья выдѣлялась серьезностью своего взгляда одновременно и на художественную, и общественную стоимость поэмы. Авторъ обнаруживалъ большую начитанность и тонкій эстетическій вкусъ. Ссылками на мысли объ эстетикѣ Платона, Аристотеля, Тассо, Горація, Цицерона, Квинтиліана, Лонгина, Лабрюэра, Бэйля, Шиллера, Жанъ-Поля, вплоть до Виктора Гюго пытался критикъ обосновать свое сужденіе о красотѣ и жизненности творчества

*) „Отечественныя Записки“ 1843 г. Т. XXVII. Отд. V, стр. 27—28.

Гоголя. Онъ разбиралъ поэму Гоголя въ отношеніи къ ея содержанію, формѣ и идеѣ, указывалъ на гармоническое сочетаніе въ «Мертвыхъ Душахъ» всѣхъ этихъ трехъ сторонъ всякаго художественнаго произведенія и выносилъ полное оправданіе нашему писателю, какъ художнику, «произведеніе котораго не есть только вѣрная картина жизни, скопированная въ камеръ-обскуру, а представленіе жизни, какъ идеи въ возможности, настолько, сколько поэтъ проникнутъ ею, какъ идеей въ дѣйствительности».

Если такія философскія тонкости, въ которыя авторъ охотно въ своей статьѣ пускался, и были мало убѣдительны для большинства читателей, то иныя, не столь общія мысли, высказанныя въ той же статьѣ, были всѣмъ доступны, и читатель могъ не безъ пользы ознакомиться съ ними. Это были тѣ страницы, на которыхъ критикъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о художественномъ выполненіи поэмы, говорилъ объ ея значеніи для русской жизни. Онъ констатировалъ прежде всего, что въ далекой провинціи поэма Гоголя въ лучшемъ кругу читателей принята съ самымъ искреннимъ участіемъ. Какъ она понята однимъ изъ лучшихъ читателей—это должна была показать сама статья.

«Поэзія—зеркало, отражающее жизнь, повторялъ критикъ вслѣдъ за Платономъ и Жанъ-Полемъ, и твореніе Гоголя, которое всесторонне касается русской жизни требуетъ взаимнаго повсемѣстнаго къ себѣ участія. Гоголь оправдалъ слова Виктора Гюго, который говорилъ, что всякій истинный поэтъ, независимо отъ идей, имѣющихъ источникомъ собственную организацію, и идей, сообщаемыхъ ему вѣчной истиной, долженъ совмѣщать въ себѣ сумму идей своего времени». «Точно ли сфера содержанія поэмы Гоголя есть современная наша дѣйствительность, прозрачно отраженная свѣтлымъ зеркаломъ поэзіи? спрашивалъ критикъ и очень умѣло отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, доказывая, что всѣ разговоры и крики непонимающихъ людей, не желающихъ видѣть въ словахъ Гоголя правды, считающихъ его карикатуристомъ, что всѣ эти хулы на бытописателя вытекаютъ изъ неспособности нашей замѣчать то, что стоитъ къ намъ слишкомъ близко, что *мы сами*. Критикъ смѣло указывалъ, какъ много среди насъ—Маниловыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ, Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ: «Винить ли Гоголя за такую правду? говорить ли о недостаткѣ въ его душѣ патріотизма?—душѣ, которая излилась въ такихъ восторженныхъ пѣсняхъ во славу грядущей доблести и силы Россіи? Если правда то, что Гоголь писалъ въ лирическихъ отступленіяхъ своей поэмы, если, дѣйствительно, другимъ народамъ и государствамъ суждено посторониться и дать Россіи дорогу, то такая будущность возможна лишь при одномъ условіи—при полномъ сознаніи своей грѣховности». Авторъ заключалъ свою статью такими словами: «Все начинается съ сознанія и пока нѣтъ сознанія,

не можетъ быть и помину о возможности. Сознаніе — это свѣтлая заря, пророчествующая лучезарный востокъ дѣйствительнаго исполненія... Въ этомъ отношеніи національное значеніе поэмы Гоголя столь велико, что если оно можетъ скользнуть безпривѣтно по душѣ кого-нибудь изъ русскихъ, въ патріотизмѣ того, несмотря на всѣ патріотическіе возгласы въ нужныхъ случаяхъ, смѣло усомниться можно... Нѣтъ, сердце сердцу вѣсть даетъ, по выраженію одного изъ старыхъ нашихъ поэтовъ... И вся Русь православная, вопреки крикамъ нѣкоторыхъ критиковъ, давнымъ давно уже усвоила себѣ этотъ драгоцѣннѣйшій подарокъ ей одного изъ сыновъ ея, пламенѣющихъ къ ней, общей нашей матери, чистою, а не лицемѣрною, не безотчетною, а разумною любовью». Нашъ восторженный патріотъ, какъ видимъ, былъ менѣе дальнозорокъ чѣмъ Бѣлинскій.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ хулы и восторги, замѣтки и сужденія, какими были встрѣчены «Мертвыя Души». И отрицательные отзывы и хвалебные говорятъ ясно объ успѣхѣ, какой имѣло это произведеніе въ обществѣ, и каждый серьезный читатель, какъ видимъ, угадалъ съ перваго же раза, какъ велико должно быть значеніе этого памятника для русской жизни.

Со временъ Пушкина ни одинъ авторъ не заставлялъ говорить о себѣ такъ много, какъ Гоголь, и ни одинъ не возбуждалъ такихъ серьезныхъ споровъ. И, дѣйствительно, никто кромѣ Гоголя, и не заслуживалъ ихъ. Гоголь не только рисовалъ картины, которыя могли нравиться или не нравиться, онъ типичностью своихъ образовъ наводилъ читателя на мысли о такихъ вопросахъ, въ обсужденіи которыхъ единодушіе, конечно, не могло быть достигнуто. О самой сущности русской натуры, о ея идеалахъ, ея грѣхахъ, ея силѣ и слабости нужно было говорить, когда разговоръ заходилъ о поэмѣ Гоголя, и нельзя было надѣяться, что при этомъ разговорѣ не будутъ задѣты не только симпатіи и антипатіи, но настоящія страсти. Эти страсти и обнаружились, но только онѣ не нашли себѣ пока еще яснаго и опредѣленнаго выраженія въ печатномъ словѣ. Впрочемъ, могло ли и быть иначе? Чисто внѣшнія стѣсненія очень тормозили это печатное слово, и нѣтъ сомнѣнія, что не будь ихъ, критика, напр., «Отечественныхъ Записокъ» могла бы формулировать свои сужденія болѣе опредѣленно и точно. Но не въ этихъ стѣсненіяхъ надо искать главную причину той недосказанности, той неполноты въ оцѣнкѣ «Мертвыхъ Душъ», какая замѣтна во всѣхъ критическихъ отзывахъ. Слишкомъ общій характеръ этихъ отзывовъ объясняется трудностью самой задачи, которая выпала на долю судей. Литература не пріучала ихъ къ критикѣ окружающей дѣйствительности, и въ дѣлѣ развитія нашего историческаго и общественнаго самосознанія русская худо-

жественная словесность тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ сдѣлала чрезвычайно мало. Она почти не давала критику повода углубляться въ тѣ вопросы, которые и для словесности и для ея судей должны были бы быть самыми дорогими и цѣнными, т.-е. въ вопросы не частнаго, а общенароднаго значенія.

Дѣйствительно, если вспомнить, какъ бѣдна была литература николаевскаго царствованія именно такими мыслями, типами, характерами, описаніями, драматическими положеніями, въ которыхъ художникъ становился истолкователемъ цѣлаго историческаго момента, переживаемаго его родиною,—то недомолвки критики о твореніяхъ такого писателя, какъ Гоголь—вполнѣ понятны.

Пусть этотъ писатель былъ консерваторъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, но онъ былъ строгій моралистъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ. Онъ не только описывалъ грѣхъ и зло, которое попадалось ему на глаза, онъ разыскивалъ ихъ въ разныхъ слояхъ общества, и потому углублялся въ жизнь. Талантъ помогъ ему создать такую картину, глядя на которую каждый серьезный человѣкъ принужденъ былъ мыслить, и отъ ощущенія прекраснаго, отъ размышленія о нравственной проблемѣ долженъ былъ перейти незамѣтно для самого себя къ раздумью надъ широкими вопросами общественными, которые затѣмъ могли увлечь его и дальше.

Развитіемъ своего критическаго отношенія къ дѣйствительности читатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ во многомъ обязанъ Гоголю — автору первой широкой картины, реально воспроизводящей русскую жизнь—былъ обязанъ и тѣмъ чуткимъ людямъ, которыхъ эта необычная картина заставила высказаться, хотя бы не вполнѣ и на первый разъ очень кратко.

Н. Котляревскій.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

(*Продолженіе* *).

Глава XVII.

Герцогиня и Жюли долго задержались въ картинной галлереѣ въ Берлинтонъ-гоузѣ передъ великолѣпной картиной Тэрнера, до сихъ поръ не показывавшейся публикѣ; герцогиня тихонько на ухо Жюли читала въ каталогѣ примѣчанія къ этой картинѣ.

Она нашла Жюли дома одну, окруженную книгами и корректурами, за окончаніемъ статьи для доктора Мередита. Огорченная блѣдностью пріятельницы, герцогиня почти насильно вытащила ее изъ дому, гдѣ она сидѣла, какъ въ тюрьмѣ, взаперти, чтобы дать другое направленіе ея мыслямъ. Жюли смѣялась, колебалась, негодовала, но, въ концѣ концовъ, уступила, по всей вѣроятности, для того, чтобъ избѣжать новаго tête-à-tête съ своей бурной подругой. А теперь герцогиня не отпускала ее и всячески старалась ее развлечь.

Но это было не такъ просто. Жюли, такъ много знавшая и обыкновенно всѣмъ живо интересовавшаяся, столь опытная въ трудномъ искусствѣ смотрѣть картины вмѣстѣ съ друзьями, сегодня не обмолвилась ни однимъ изъ своихъ словечекъ и мѣткихъ замѣчаній. Правда, она старалась быть оживленной, но герцогиня, наблюдательная и быстро подмѣчавшая все, что касалось ея любимой Жюли, живо чувствовала разницу съ прежнимъ. «Какъ она устала, бѣдняжка! Какъ все это мало ее интересуетъ!» Въ душѣ Эвелина изумлялась все больше и больше.

«Слава Богу, что онъ завтра уѣзжаетъ, этотъ негодяй! Только бы онъ уѣхалъ, тогда опять все пойдетъ хорошо».

Между тѣмъ, Жюли отлично понимала, что за ней наблюдаютъ, угадываютъ ея душевное состояніе и жалѣютъ ее. Гордость ея возмущалась, но это не вызывало въ ней ничего, кромѣ пассивнаго со-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

противленія. У нея хватало силы не дать Эвелинѣ высказаться, но она не въ состояніи была владѣть собой настолько, чтобы герцогиня ничего не замѣтила. Дни тяжкой душевной борьбы, безсонныя ночи, вмѣстѣ съ напряженной умственной работой, необходимой при ея новыхъ занятіяхъ, оставили на ней свою печать. Притомъ же есть раны, нанесенныя человѣческому самолюбію и самоуваженію, которыя отравляютъ весь организмъ.

— Жюли, вы должны дать себѣ отдыхъ!—воскликнула герцогиня, когда онѣ присѣли отдохнуть. Жюли отвѣтила, что она вмѣстѣ съ m-me Борнье и дѣвочкой думаетъ съѣздить на недѣльку въ Брюгге.

— Да, но тамъ у васъ не будетъ никакихъ удобствъ. Это можно бы было устроить совсѣмъ иначе. У насъ столько домовъ въ провинціи, которые стоятъ пустые.

Жюли отказалась наотрѣзъ. Въ Брюгге она разыщетъ старыхъ друзей: тамъ ее всѣ будутъ носить на рукахъ; лучшаго нельзя и желать.

— Конечно, если вы уже рѣшили. Когда же вы ѣдете?

— Дня черезъ три-четыре—какъ разъ во-время, чтобы избѣжать пасхальной суеты. А вы?

— Мы поѣдемъ въ Шотландію удить рыбу. На что нибудь да надо же охотиться, безъ этого не обойдешься. Сколько же вы думаете пробыть въ отсутствіи, моя милочка?

— Около десяти дней.—Жюли пожала руку герцогинѣ, благодаря за ласковое слово и взглядъ.

— Кстати, лордъ Лэкинтонъ не приглашалъ васъ? Ахъ вотъ и онъ!

Невдалекѣ стоялъ лордъ Лэкинтонъ, сердито вглядываясь въ картину изъ его собственной коллекціи, которую сегодня утромъ какой-то дерзкій критикъ призналъ принадлежащей къ «венеціанской школѣ», но отнюдь не принадлежащей кисти самого дивнаго Джіорджіони. Онъ случайно отвелъ сердитые глаза отъ картины и увидалъ передъ собою герцогиню и Жюли.

Обѣ онѣ замѣтили, какъ онъ вздрогнулъ. Онъ не могъ скрыть своего удивленія: онъ до сихъ поръ еще не привыкъ спокойно встрѣчаться съ Жюли. Но, пожавъ ей руку и освѣдомившись о ея здоровьи, онъ тотчасъ же перешелъ къ разсказу о своей обидѣ, обрадовавшись, что у него нашлись слушатели.

— Нѣтъ, каково нахальство этихъ господъ газетчиковъ! Будетъ теперь меня помнить академія! Я ни одной тряпки не пошлю сюда на выставку. Скажите пожалуйста! Уши и мизинцы не такіе, какъ нужно. Идіоты! ослы!

Жюли улыбалась. Но герцогинѣ пришлось объяснить, что нѣкій мудрый критикъ, полунѣмецъ, полуитальянецъ, недавно предложилъ судить о подлинности картины по ушамъ и по особенностямъ изображенія мизинцевъ.

— Какой вздоръ!—зѣвнувъ, сказала герцогиня.—Будь я художникомъ, я бы ихъ всякій разъ писала иначе.

— Ну, это, положимъ,—сказалъ лордъ Лэкинтонъ, который, будучи самъ артистомъ въ душѣ, не могъ судить такъ ребячески-наивно.—Но какъ эти ослы нелѣпо преувеличиваютъ! Замѣтилъ какую-нибудь мелкую подробность и воображаетъ, что открылъ Америку!

И онъ продолжалъ кипятиться, пока искренній и неудержимый восторгъ обѣихъ дамъ передъ его Рембрандомъ, жемчужиной его коллекціи, повѣшенной на почетномъ мѣстѣ въ большой залѣ, не возвратилъ ему самообладанія.

— Да! Даже величайшій оселъ изъ нихъ прикусилъ язычокъ передъ *этимъ*. — Но позвольте, позвольте, это что же такое?

Онъ смотрѣлъ то на картину, висѣвшую рядомъ съ Рембрандомъ, то въ каталогъ, то на герцогиню.

— Эта картина—наша, пояснила герцогиня.—Не правда ли, какая прелесть? Это Леонардо да-Винчи.

— Леонардо—враки!—воскликнулъ лордъ Лекинтонъ.—Скажутъ тоже: Леонардо! Что за вздоръ! Право, герцогиня, вы бы посовѣтовали мужу внимательнѣе разсматривать свои покупки. Мы не должны играть въ руку этимъ господамъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?—возразила оскорбленная герцогиня.—Если это не Леонардо, такъ что же это такое?

— Плохая копія, ученическая работа, вотъ что. Посмотрите на глаза,—онъ вынулъ карандашъ и тыкалъ имъ въ картину,—посмотрите на шею, на пальцы!

Герцогиня надула губки.

— Вотъ видите! Значитъ, пальцы все-таки имѣютъ значеніе!

Лицо лорда Лэкинтона внезапно смягчилось и онъ расхохотался, какъ истый bon enfant, какимъ онъ и былъ по природѣ. Засмѣялась и герцогиня, но думала о другомъ и подъ предлогомъ разговора о картинѣ поспѣшила отвести его въ сторону.

— Я думала, вы пригласили ее на Пасху къ себѣ въ деревню,—сказала она, кивнувъ своей хорошенькой головкой въ сторону Жюли.

— Да—но, голубушка моя, Бланшъ не пріѣдетъ. Онѣ съ Эйлинъ все откладываютъ. Теперь она пишетъ, что намѣрена провести май въ Швейцаріи, — а можетъ быть, и все лѣто. Я разсчитывалъ, что Бланшъ будетъ у меня хозяйкой. Это ужасно нехорошо съ ея стороны. Я назвалъ гостей, а теперь все разладилось, и мы съ Вильямомъ,—онъ говорилъ о своемъ младшемъ сынѣ—уѣзжаемъ на двѣ недѣли къ Юрдэлю.

Лордъ Юрдэль, старшій сынъ лорда Лэкинтона, спортсменъ и сельскій хозяинъ, совершенно не страдавшій оригинальностью своего отца, хозяйничалъ въ другомъ фамильномъ помѣстьѣ, въ Герфордшайрѣ.

— А въ какомъ положеніи любовныя дѣла Эйлинъ?—неожиданно спросила герцогиня, заглянувъ ему въ лицо.

Лордъ Лэкинтонъ былъ видимо, удивленъ.

— Я ничего не знаю. Впрочемъ, онѣ мнѣ не говорятъ ничего. Я вѣдь рѣшето. А вы что нибудь знаете? Скажите мнѣ.—Онъ съ интересомъ нагнулся къ ней.—Люблю подразнить Бланшъ.

Такъ онъ ничего не знаетъ! — А между тѣмъ объ этомъ всѣговорятъ. Это, однако, очень характерно. Лордъ Лэкинтонъ всю жизнь не признавалъ ничего, кромѣ своихъ коньковъ: искусства, медицины, военной службы, а въ остальномъ жилъ, не замѣчая, что дѣлается вокругъ. Дѣти его не повѣряли ему своихъ тайнъ, а самъ онъ не умѣлъ угадывать.

— Какъ вы находите, есть сходство между Эйлинъ и Жюли?— спросила герцогиня.

Лордъ Лэкинтонъ удивился вопросу. Оба повернулись въ сторону Жюли, стоявшей поодаль отъ нихъ передъ женскимъ портретомъ,— быть можетъ, одной изъ герцогинь Эсте или Сфорца, приписываемымъ Амброджіо да Предисъ. Рядомъ съ этимъ тонкимъ блѣднымъ профилемъ Жюли, въ своемъ черномъ платьѣ, падавшемъ мягкими складками, скрывая ея необычайную худобу, въ маленькой шляпѣ, плотно сидѣвшей на ея роскошныхъ волосахъ — съ единственнымъ украшеніемъ въ видѣ тонкой и длинной цѣпочки, съ вставленными въ нее нешлифованными алмазами, преподнесенной ей наканунѣ лордомъ Лэкинтономъ, и букетикомъ фіалокъ на груди, только что приколотымъ герцогиней — сама казалась такой же рѣдкой и хрупкой картиной. Но она обернулась, и лордъ Лэкинтонъ невольно вскрикнулъ:

— О, Боже мой, никакого! Эйлинъ казалась какимъ-то эльфомъ, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ—а эта бѣдняжка!—Герцогиня, почему у нея такой грустный видъ — ни кровинки въ лицѣ?

Онъ спрашивалъ почти гнѣвно, нахмуривъ брови, искренно огорченный и разстроенный.

Герцогиня вздохнула:

— Мы съ вами должны сдѣлать для нея все, что въ нашей власти,—сказала она, радуясь, что Жюли отошла подальше, какъ бы довольная, что ее оставили одну.

— Но я готовъ сдѣлать все, что хотите!—воскликнулъ лордъ Лэкинтонъ.—Конечно, прошлаго не вернешь. Но я не далѣе, какъ вчера, предлагалъ обезпечить ее. Она отказалась. Бѣдное дитя! у нея ужасно донкихотскіе взгляды.

— Ничего, пусть поработаетъ сама пока. Это ей полезно. Но сказать вамъ секретъ?—Герцогиня посмотрѣла на него, сдвинувъ свои тонкія брови.

— Скажите мнѣ то, что мнѣ слѣдуетъ знать, не больше,—отвѣтилъ онъ серьезно и съ достоинствомъ, представлявшимъ странный

контрастъ съ его школьническимъ любопытствомъ по части любовныхъ дѣлъ другой внучки.

Герцогиня колебалась. Какъ разъ передъ ними была большая картина венеціанской школы, изображавшая св. Георгія, царицу Савскую и дракона. Царица, длинная и тонкая, съ наклоненной головой и связанными руками, напомнила ей Жюли. Драконъ—жадное, коварное созданье—ему не трудно было найти подобіе. Но въ голубой дали, благодаря Бога, видѣнъ спаситель. Силы небесныя, дайте ему крылья и мощь! Святой Георгій, спѣши скорѣе на помощь!

— Да,—выговорила она медленно,—я могу вамъ назвать человѣка, который очень преданъ Жюли и достоенъ ея. Пойдемте.

И продолжая шептать ему на ухо, она увела его въ другую комнату.

Когда они вернулись, у лорда Лэкинтона лицо было сіяющее. Онъ съ новымъ интересомъ вглядывался въ стоявшую поодаль Жюли, высокая фигура которой выдѣлялась изъ толпы. Герцогиня взяла съ него слово молчать, и онъ искренно намѣревался изобразить изъ себя воплощенную скромность. Но Джэкобъ Делафильдъ! Да, это, дѣйствительно, былъ бы исходъ. Гордость его была пріятно польщена; его уже сильно выросшая привязанность къ этой очаровательной дѣвушкѣ, родной ему по крови, его внучкѣ съ лѣвой руки, получила новый толчокъ. Теперь Жюли, бѣдняжка, грустна и не въ духѣ, конечно, все отъ этой гнусной исторіи съ леди Генри, которой онъ, кстати, откровенно высказалъ въ письмѣ свое мнѣніе. Ну, да современемъ это забудится, тѣмъ болѣе, что онъ и герцогиня съ своей стороны помогутъ. Не можетъ быть, чтобы она, въ концѣ концовъ, не сдалась на просьбы такого славнаго малаго. Это и невозможно, и было бы очень неразумно съ ея стороны. Нѣтъ, дочь Розы нужно осторожно вернуть въ то общество и къ тому положенію, которое занимала ея мать; тогда, наконецъ, будетъ искуплена трагическая участь бѣдной Розы. Какъ все это странно, романтично и неожиданно! Точно само Провидѣніе вмѣшалось въ это дѣло.

Въ такихъ мысляхъ онъ посвятилъ себя всецѣло Жюли. Онъ болталъ съ нею о картинахъ и разсказывалъ анекдоты объ ихъ авторахъ; извинялся за отсутствіе «этой шатуньи Бланшъ», взялъ съ Жюли слово, что она пріѣдетъ къ нимъ вмѣсто Пасхи на Троицу, и при этомъ шепнулъ ей на ухо: «Вы займете ея комнату!» Онъ окружилъ ее изысканнымъ и любезнымъ вниманіемъ, свойственнымъ человѣку свѣтскому par excellence, но къ этому вниманію примѣшивалось что-то интимное, порывистое, капризное, свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ признаетъ ее своей родной, близкой, принадлежащей къ его собственной семьѣ. Семьдесятъ пять лѣтъ! И такая поступь, осанка, такая живость въ движеніяхъ,—прямо смѣшно!

И Жюли не могла не отвѣчать ему тѣмъ же. Какое-то небывалое

чувство закралось въ ея сердце. Она должна любить этого старика, и любитъ его. Когда онъ, оставивъ ее, отошелъ къ герцогинѣ, ея глаза, эти грустные глаза, обведенные темными кругами, слѣдили за нимъ.

— Мнѣ пора,—объявилъ лордъ Лэкинтонъ, застегиваясь на всѣ пуговицы.—Это было развлеченіе, милыя дамы, теперь меня зовутъ обязанности. Почитайте завтра «Times». Я намѣренъ произнести громовую рѣчь. Я его въ порошокъ сотру.

— Монтрезора?—спросила герцогиня.

Лордъ Лэкинтонъ кивнулъ головой. Онъ намѣревался сегодня усѣять полъ палаты лордовъ обломками «дурацкихъ монтрезоровскихъ реформъ».

Вдругъ онъ чуть ли не подпрыгнулъ отъ удивленія.

— Герцогиня, обернитесь! Видите—эти двое въ проходѣ? Не кажется ли вамъ—ну, конечно, такъ и есть—это Чёдлей со своимъ мальчикомъ.

— Ну, да, это они, — сказала герцогиня и заволновалась. — Сдѣлайте видъ, будто не замѣчаете ихъ. Не подходите къ нимъ, не здоровайтесь. Джэкобъ умолялъ меня этого не дѣлать.

И она утащила своихъ спутниковъ подальше отъ дверей; затѣмъ, уже на порогѣ другой залы, остановилась и, указавъ на нихъ, шепнула Жюли:

— Теперь обернитесь. Это герцогъ и его бѣдный, бѣдный мальчикъ!

Жюли быстро окинула взглядомъ эти двѣ фигуры, но и видѣнныя мелькомъ, онѣ навсегда запечатлѣлись въ ея памяти, какъ самое трагическое зрѣлище.

Мужчина средняго роста, блѣдный и унылый, видимо, удрученный заботами, съ черными, какъ смоль, волосами и бородой, поддерживалъ тщедушнаго юношу, на видъ лѣтъ семнадцати, который цѣплялся за его руку и по временамъ кашлялъ. Отецъ двигался, какъ во снѣ, глядя на картины не видящими, потухшими глазами. Только, когда сынъ обращался къ нему съ вопросомъ, онъ улыбался, наклонялъ голову и отвѣчалъ, а затѣмъ снова впадалъ въ свою унылую пассивность. А юноша, съ полураскрытымъ ртомъ, откуда выглядывали его бѣлые зубы, съ широко раскрытыми голубыми глазами, съ интересомъ вглядывавшимися въ картины, съ яркимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ, былъ глубоко трогателенъ въ своемъ кроткомъ и терпѣливомъ страданіи.

Очевидно, отецъ и сынъ были всецѣло поглощены другъ другомъ. Время отъ времени мужчина усаживалъ мальчика на одно изъ креселъ посрединѣ залы, и тотъ, отдыхая, разговаривалъ со своимъ спутникомъ, стоявшимъ передъ нимъ. Затѣмъ снова продолжалъ свой обходъ залы, опираясь на руку отца. Очевидно, бѣдный юноша былъ обреченъ на смерть и, очевидно, отецъ безумно любилъ его.

— Вотъ иронія судьбы!—замѣтилъ лордъ Лэкинтонъ.—Одинъ владѣлецъ, другой наслѣдникъ великолѣпнѣйшихъ помѣстій въ Англіи. А Чёдлей съ радостью отдалъ бы ихъ всѣ, лишь бы сынъ его жилъ!..

Жюли отвернулась. Странныя мысли мелькали въ ея головѣ. Но она гнѣвнымъ усиліемъ воли отогнала ихъ. Что ей до наслѣдства Чёдлеевъ? Сегодня вечеромъ она должна сказать «прости» человѣку, котораго любитъ. Эти три ужасныя, жгучія недѣли миновали. Уорквортъ унесетъ съ собою въ Африку, въ пустыню ея сердце, ея жизнь. Какъ коротокъ казался этотъ періодъ страсти вначалѣ, а теперь, когда оглядываешься на него—цѣлая вѣчность! Но если вначалѣ она думала иногда, что власть или богатство могутъ ей возмѣстить потерю возлюбленнаго, сегодня ей было не до такихъ расчетовъ. Разлука была слишкомъ близка и мысль объ этомъ причинила ей слишкомъ острую боль.

— Завтра Джэкобъ отвезетъ ихъ въ Парижъ,—сказала герцогиня лорду Лэкинтону.—Онъ слышалъ, что тамъ есть какой-то новый докторъ...

Часъ или два спустя сэръ Уильфридъ Бёри, сидя въ курильной своего клуба, вынулъ письмо, полученное имъ утромъ отъ леди Генри Делафильдъ, и во второй разъ перечиталъ его.

«Итакъ, оказывается — и я, и mademoiselle ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: ея успѣхи въ свѣтѣ не такъ ужъ блистательны, какъ мы воображали. Я думала, что въ обществѣ больше глупцовъ, а она—ну, что-жъ, сознаюсь, я нѣсколько удивлена. Что она съ ума спятила, что ли? Я слышу, что она постоянно показывается вмѣстѣ съ этимъ господиномъ; что, несмотря на всѣ опроверженія, онъ, несомнѣнно, помолвленъ съ малюткой Моффатъ, и что, enbomme, эта исторія не принесла ей никакой пользы. Но, по крайней мѣрѣ, она блистательно доказала свое безкорыстіе. Бѣдняжка ничего не можетъ выиграть и, какъ мнѣ кажется, многимъ рискуетъ. Издали виднѣе, и я теперь положительно нахожу въ ея поведеніи что-то трогательное.

«Я слышала, что завтра состоится ея первая «пятница». «M-elle Ле-Бретонъ принимаетъ по пятницамъ»! Сознаюсь, это возбуждаетъ мое любопытство. Непремѣнно пойдите и потомъ опишите мнѣ все подробно. Мистеръ Монтрезоръ съ женою, конечно, будутъ. Мы съ нимъ, конечно, корреспондируемъ. Онъ жаждетъ убѣдить меня, что чувствуетъ себя какъ бы отвѣтственнымъ за положеніе mademoiselle, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ я удалила ее, и потому находитъ, что мнѣ слѣдуетъ предоставить ему полную свободу дѣйствій. Я не могу смотрѣть на это одинаково съ нимъ. Но, какъ я и говорила ему, перемѣна будетъ только выгодна для него. Онъ промѣнялъ ворчливую старуху, всегда готовую говорить ему горькую правду, на молодую женщину, которая сдѣлала изъ лести свою профессію.

Если ему нужно количество—этимъ она, конечно, можетъ взять; а что до качества—это ему не нужно, какъ я недавно въ томъ и убѣдилась.

«Лордъ Лэкинтонъ написалъ мнѣ дерзкое письмо. Она, должно быть, открылась ему, и теперь il s'en prend à moi—зачѣмъ я ему раньше не сказала и какъ смѣла прогнать его внучку. Я сочиняю ему отвѣтъ и это очень забавляетъ меня. Онъ можетъ обходиться съ своими родными, какъ ему угодно, но, когда молодая леди изъ рода Чантреевъ, все равно, съ правой или съ лѣвой стороны, снисходитъ до того, чтобы взять платное мѣсто, съ ней должны обращаться, какъ съ королевой, иначе лордъ Л. притянетъ васъ къ отвѣту. Когда ей было шестнадцать лѣтъ, онъ объявилъ: «Вотъ тебѣ сто фунтовъ въ годъ, и чтобы я больше о тебѣ не слыхалъ!» Тринадцать лѣтъ спустя, я беру ее къ себѣ и, уважая его желаніе, храню тайну. Она ведетъ себя скверно, и я удаляю ее. Въ чемъ же обида? Онъ самъ сдѣлалъ ее лектрисой, а потомъ жалуется, что отъ нея ждутъ исполненія ея обязанностей. Онъ самъ выключилъ ее изъ семьи, а теперь ворчитъ, что я не сразу навязала ее ему на шею. Онъ хочетъ оправдать собственную гнусность, норицая меня; но я не изъ кроткихъ и я заставлю его пожалѣть объ этомъ письмѣ.

«Что касается Джэкоба Делафильда, не трудитесь мнѣ сообщать дальнѣйшія свѣдѣнія объ немъ. Онъ оскорбилъ меня недаво такъ, что я ему это не скоро забуду. Правду ли говоритъ эта особа, что она отказала ему, я не знаю, да это и не имѣетъ значенія для меня, это безразлично, точно также какъ и его шансы наслѣдовать герцогу. Онъ изъ нынѣшнихъ умныхъ дураковъ, которые пренебрегаютъ старинными способами губить себя, но, въ концѣ концовъ, продѣлываетъ то же самое съ полнымъ успѣхомъ, только на другой манеръ. Онъ многимъ мнѣ обязанъ и одно время я тѣшила себя мыслью, что онъ способенъ и къ привязанности, и къ благодарности. Худо, вообще, быть женщиной и такія вещи самыя худшія. Мы одну за другой теряемъ всѣ иллюзіи; любовь—это только начало; затѣмъ ждетъ еще полдюжина иныхъ разочарованій.

«Вы будете меня бранить за горечь этихъ рѣчей. Что дѣлать, дорогой мой Уильфридъ—мнѣ здѣсь не весело живется. Здѣсь слишкомъ много женщинъ, слишкомъ много церковныхъ службъ, и я слишкомъ часто вижу своего доктора. Я тоскую по Лондону и не вижу, съ какой стати меня должна была изгнать оттуда какая-то интриганка. Пишите мнѣ, милый Уильфридъ. Я не такъ ужъ дурна, какъ выставляю себя. Вспомните, что у меня артритъ, что мнѣ стукнуло шестьдесятъ пять и что моя новая компаньонка, читая мнѣ вслухъ, гнусавитъ, и вы еще подивитесь моей сдержанности».

Сэръ Уильфридъ сложилъ письмо и спряталъ его въ карманъ. Въ этотъ самый день утромъ, за завтракомъ у леди Губертъ, онъ разспра-

шивалъ бѣлокурую Сюзанну Делафильдъ, сестру Джэкоба, о причинахъ ссоры ея брата съ леди Генри.

Повидимому, все вышло изъ-за денегъ. Получая большое вознагражденіе за веденіе дѣлъ герцога, Джэкобъ счелъ долгомъ откладывать и понемногу выплачивать леди Генри сумму, затраченную на его образованіе.

Его письмо со вложеніемъ было получено старухой въ первую недѣлю послѣ переѣзда ея въ деревню. По всей вѣроятности и написано оно было въ болѣе формальныхъ выраженіяхъ, чѣмъ это бывало до изгнанія миссъ Ле-Бретонъ.

— Не то, чтобы онъ защищалъ ее,—поясняла Сюзанна Делафильдъ, склонная сочувствовать леди Генри,—но вѣдь леди Генри сама не хотѣла принимать его послѣ этой исторіи, такъ съ чего же ему было разсыпаться въ любезностяхъ?

Какъ бы тамъ ни было, письмо и приложеніе къ нему довершили начатый разрывъ. Леди Генри жестоко обидѣлась, возвратила чекъ при оскорбительной запискѣ и теперь изливала свои щедроты на одинъ изъ лондонскихъ госпиталей.

Сэръ Уильфридъ подумалъ, что Джэкобъ могъ бы удачнѣе выбрать время, чтобъ доказать свою честность, и какъ разъ въ это время, поднявъ глаза, увидалъ возлѣ себя военнаго министра, разыскивавшаго газету.

— Освободились?—съ усмѣшкой спросилъ Бёри.

— Да, слава Богу. Лэкинтонъ, кажется, еще и по сіе время мечетъ на меня громы въ палатѣ лордовъ. Пускай! Его это забавляетъ, а мнѣ не вредитъ.

— Ваши резолюціи пройдутъ?

— О конечно! Безъ всякаго труда,—почти сердито отвѣчалъ министръ, кидаясь въ кресло и съ отвращеніемъ глядя на взятую имъ газету.

Сэръ Уильфридъ наблюдалъ за нимъ.

— Мы увидимся сегодня?

— Въ Гериберть-стритѣ? Я полагаю.

— Я только что получилъ письмо отъ леди Генри.

— Надѣюсь, оно пріятнѣе тѣхъ, которыя она пишетъ мнѣ. Такой безразсудной старухи...

Утомленный министръ заглянулъ въ «Punch» перевернулъ страницу и бросилъ газету.

— Вы идете?

— Не знаю. Леди Генри разрѣшаетъ, но именно потому я буду чувствовать себя какимъ-то шпіономъ.

— Ничего, идите. Madmoiselle Жюли нуждается въ поддержкѣ всѣхъ своихъ друзей. Къ сожалѣнію, о ней говорятъ не такъ хорошо, какъ я бы желалъ.

— Да. Оказывается, у леди Генри больше вліянія, чѣмъ мы предполагали.

— А у mademoiselle Жюли меньше такта. Ну скажите, Бога ради, зачѣмъ она всюду показывается и компрометтируетъ себя съ человѣкомъ, который помолвленъ съ ея кузиной? Кстати, вы знаете, что исторія ихъ родства всплываетъ наружу? Многіе, повидимому, уже знаютъ о ней.

— Что-жъ, это надо было предвидѣть. Какъ вы думаете, это въ пользу ей или во вредъ?

— Пока во вредъ. Пуристы задѣты, а большинство чувствуютъ себя обманутыми, и, во всякомъ случаѣ, этотъ флёртъ—большая ошибка съ ея стороны!

— Никто вѣдь не знаетъ навѣрное, помолвленъ этотъ господинъ съ малюткой Моффатъ, или нѣтъ. Опекуны воспротивились.

— И все-таки это ошибка—съ ея стороны. О *немъ* я не говорю, конечно. Онъ очень толковый малый...—Монтрезоръ вдругъ подтянулся, посмотрѣлъ на своего собесѣдника и не допускающимъ противорѣчія тономъ добавилъ:—данное ему порученіе онъ выполнитъ отлично.

— Посольство въ Мокэмбе?

Монтрезоръ утвердительно кивнулъ головой.

— За нимъ были большія заслуги, и онъ назначенъ исключительно на основаніи своего послужного списка. Всѣ сказки о вліяніи mademoiselle—напримѣръ, на меня—которыя распускаютъ леди Генри, нелѣпая выдумка, совсѣмъ или почти лишенная фактическаго основанія.

Сэръ Уильфридъ дружелюбно улыбнулся и перемѣнилъ разговоръ.

— Уорквортъ скоро уѣзжаетъ?

— Завтра онъ ѣдетъ въ Парижъ. Я рекомендовалъ ему повидаться тамъ съ однимъ человѣкомъ, который участвовалъ въ экспедиціи въ Мокэмбе пять лѣтъ тому назадъ.

— Выходитъ не такъ хорошо, какъ бы слѣдовало,—говорилъ д-ръ Мередитъ на ухо герцогини.

Они стояли въ дверяхъ маленькой гостиной Жюли. Герцогиня въ ослѣпительномъ бѣломъ съ серебромъ вечернемъ туалетѣ отъ божественной Клариссы недовольно оглянулась вокругъ.

— Какіе скучные люди! Почему они всѣ такъ рано уходятъ? И половина не пришла!—Мередитъ пожалъ плечами.

— Я вѣдь былъ тогда въ Чаттонъ -гоузѣ.

— Ну!

— Мнѣ покизалось, что тамъ произошло что-то въ родѣ демонстраціи.

— Противъ Жюли? Пусть-ка попробуютъ! — вызывающе воскликнула маленькая женщина.—Мы посильнѣе ихъ.

— Тутъ замѣшана лэди Генри. Признаюсь, я не думалъ, чтобы она могла быть такой злой и такой вліятельной.

— Жюли все—таки выйдетъ побѣдительницею.

— Конечно—она восторжествовала бы, еслибъ... — Герцогиня съ безпокойствомъ посмотрѣла на него.

— Вы, должно быть, душите ее работою. Отъ нея остались кожа да кости.

Д-ръ Мередитъ покачалъ головой.

— Напротивъ, я удерживаю ее. Но ей, повидимому, хочется заработать побольше.

— Это такая нелѣпость! Когда другіе были бы счастливы подѣлиться съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ!— грубовато прервалъ ее журналистъ.— Въ этомъ она права. И все было бы хорошо, будь она сама собой. Она бы скоро справилась съ леди Генри. Но... mademoiselle Жюли! — въ это время Жюли проходила мимо, и онъ возвысилъ голосъ. — Присядьте вы, отдохните. Не хлопочите такъ.

Она бросила имъ улыбку и поспѣшила дальше.

— Лордъ Лэкинтонъ уходитъ.

Лордъ Лэкинтонъ стоялъ въ центрѣ группы, гдѣ, между прочимъ, были и сэръ Уильфридъ Бери съ Монтрезоромъ.

—Ну прощайте, прощайте!— заторопился онъ, когда она подошла. — Мнѣ пора. Я совсѣмъ сплю.

— Устали бранить меня?—небрежно усмѣхнулся Монтрезоръ.

— Нѣтъ — усталъ ловить васъ, такъ вы ловко вывертываетесь,— весело поправилъ лордъ Лэкинтонъ и наклонился къ Жюли.

— Берегите себя. Возвращайтесь розовой и постарайтесь пополнѣть.

— Я совсѣмъ здорова. Позвольте, я провожу васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь.—Но она все-таки пошла за нимъ въ переднюю и отыскала его пальто. Ея маленькая вечеринка была обставлена очень просто и она этимъ гордилась. Madame Борнье и Тереза разливали чай и кофе въ столовой; онѣ принаняли только горничную; Жюли всюду поспѣвала сама. Ей припоминались вечера во французскихъ семьяхъ, и бѣдная комнатка ея матери въ Брюгге, съ интересной оживленной бесѣдой и самымъ скромнымъ угощеніемъ— жидкимъ чаемъ, стаканчиками eau sucrée и блюдомъ pâtisserie.

Нанятая горничная побѣжала кликнуть извозчика для кого-то изъ гостей, и Жюли сама помогла лорду Лэкинтону надѣть пальто, причемъ тотъ былъ очень смущенъ.

— Вамъ, пожалуй, не слѣдовало и приходить,—сказала она съ нѣжнымъ упрекомъ.—Отчего это вамъ сдѣлалось дурно передъ обѣдомъ?

— Кто это вамъ насплетничалъ?

— Сэръ Уильфридъ встрѣтилъ вашего сына, м-ра Чантрея...

— Билль никогда не умѣлъ держать языкъ за зубами. О, это пустяки—конечно, при надлежащемъ леченіи! Разумѣется, еслибъ я позволилъ аллопатамъ полосовать меня своими ножами!.. Но отъ этого

я, благодаря Бога, избавленъ... Такъ черезъ двѣ недѣли—да?—мы встрѣтимся снова здѣсь. До свиданья—я не люблю слова: прощайте!

Онъ взялъ обѣ ея руки.

— Мнѣ до сихъ поръ все это кажется такимъ страннымъ, такимъ страннымъ!

— На будущей недѣлѣ я увижу могилку мамы,—шепнула Жюли.—Положить цвѣточковъ отъ васъ?

Красивые голубые глаза, смотрѣвшіе на нее сверху, стали грустными. Старикъ нагнулся къ ней.

— Да. И пишите мнѣ. Возвращайтесь скорѣе. Вы увидите — все уладится; все устроится отлично, несмотря на леди Генри!

Въ тонѣ и жестѣ старика было столько интимности, желанія ободрить, прелестной шутливости, восторженной нѣжности—на нее вдругъ повѣяло тепломъ. Она была озадачена. Еще пожатіе руки—и онъ ушелъ. Она стояла и смотрѣла ему вслѣдъ. Стукъ колесъ отъѣзжавшаго экипажа кольнулъ её въ сердце. Уходило что-то близкое, родное, болѣе близкое, чѣмъ остающееся.

Когда она вернулась въ гостиную, ее поймалъ д-ръ Мередитъ.

— Вы хотите взять съ собою работу? Вы думаете—я пришлю вамъ книги? И не подумаю.

— Почему?

— Потому что вамъ необходимъ полный отдыхъ.

— Очень хорошо. Только тогда у меня не хватитъ на дорогу,— устало улыбнулась она.

— Вспомните, вамъ придется платить доктору, если вы заболѣете.

— Заболѣю! Я никогда не болѣю, — презрительно сказала она и медленно обвела взглядомъ комнату; потомъ посмотрѣла на своего собесѣдника.—Повидимому, общество не будетъ особенно утомлять меня,— этого нечего бояться, не правда ли.

Она даже не пыталась скрыть горечи, звучавшей въ этихъ словахъ.

— Другъ мой, вы только что устроились.

— Я здѣсь живу уже мѣсяцъ—критическій періодъ. Теперь самое время показать, кто за меня и кто противъ — n'est ce pas? Это мой первый вечеръ, новоселье! Приглашенія разосланы за двѣ недѣли впередъ. Я пригласила до шестидесяти человѣкъ — все хорошихъ знакомыхъ. Нѣкоторые совсѣмъ не откликнулись. Другіе отказались—многіе очень сухо. Да и изъ тѣхъ, кто принялъ приглашеніе, не всѣ пришли. И—Боже мой!—какая это была тоска!

Мередитъ смотрѣлъ на нее виноватыми глазами, не зная, что отвѣтить. Вечеръ, дѣйствительно, вышелъ скучный. Обоимъ вспомнились «пятницы» леди Генри, роскошныя гостиныя, блестящее разнообразное общество, вліяніе и уваженіе, которымъ была окружена компаньонка леди Генри.

Жюли пожала плечами.

— Я была глупа, ставя себѣ за образецъ французскую maîtresse

de salon—m-lle де-Л'Эспинассъ или madame Моль, воображая, что люди пойдутъ ко мнѣ на чашку чая въ надеждѣ пріятно провести часокъ-другой. Но въ Англіи людямъ, повидимому, надо платить, чтобы они говорили. Разговоръ превращается въ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы это передѣлаете,—возразилъ Мередитъ. Въ глубинѣ души онъ говорилъ себѣ, что Жюли въ этотъ вечеръ была сама на себя не похожа. Ея удивительные общественные таланты, понятливость, ловкость измѣнили ей. И натянутость хозяйки, ея напускная веселость дали тонъ всему собранію.

— Старая гвардія, во всякомъ случаѣ, при васъ,—оглянувшись, съ улыбкою сказалъ журналистъ. Въ маленькой гостиной сидѣли группами герцогиня, Делафильдъ, Монтрезоръ съ женой, генералъ Макъ Джиль, три, четыре другихъ старинныхъ habitués салона леди Генри. Былъ здѣсь и генералъ Фергусъ. Онъ пришелъ изъ первыхъ и оставался до конца.

Его открытое солдатское лицо, простая, веселая и въ то же время разумная рѣчь, при всей своей простотѣ возможная только въ устахъ человѣка, жизнь котораго тѣсно связана съ судьбами его страны,—все это очень помогло объединенію маленькаго общества. Взглядъ Жюли съ благодарностью остановился на немъ. Потомъ она обернулась къ Мередиту.

— М-ръ Монтрезоръ врядъ ли придетъ во второй разъ.

— Что это значитъ? Неблагодарная женщина! Монтрезоръ, пожертвовавшій ради вашихъ прекрасныхъ глазъ и леди Генри, и привычками, складывавшимися въ теченіе тридцати лѣтъ!

— Этого-то онъ и не проститъ мнѣ,—грустно сказала Жюли.—Онъ потѣшитъ свою гордость, а я—я теряю друга.

— Какая вы пессимистка! М-рсъ Монтрезоръ такъ дружески относится къ вамъ.

Жюли засмѣялась.

— Она, конечно, въ восторгѣ. До сихъ поръ ея мужъ никогда не принадлежалъ ей вполнѣ. Уже и тогда, когда она выходила за него замужъ, онъ былъ вѣрноподданнымъ лэди Генри. Но все это она скоро забудетъ, и о моемъ существованіи тоже.

— Не стану спорить. Вы отъ этого только еще больше упорствуете. Ага, еще гости!

Дверь отворилась, пропустивъ высокую фигуру майора Уорквортa.

— Я очень запоздалъ?—спрашивалъ онъ, съ удивленіемъ поглядывая на немногихъ гостей. Жюли подошла поздороваться съ нимъ; онъ извинился за поздній приходъ—его задержали на обѣдѣ, который начался часомъ позже, изъ-за опозданія одного министра.

Мередитъ изъ угла, гдѣ его оставила Жюли, внимательно наблюдалъ за молодымъ человѣкомъ. Сплетни, ходившія по городу, дошли и до него, но онъ не придалъ имъ особеннаго значенія. Ему казалось, что никто не имѣетъ свѣдѣній изъ первыхъ рукъ объ исторіи съ

Моффатами. Самъ же онъ никакъ не могъ повѣрить, чтобы Жюли Ле-Бретонъ могъ провести и обмануть мужчина.

Ей надо выйти замужъ, бѣдняжкѣ, разумѣется, ей надо выйти замужъ. Съ тѣхъ поръ, какъ для него выяснилось, что ему лично нечего ждать, этотъ умный и благородный человѣкъ дѣлалъ все возможное, чтобы заглушить въ себѣ всѣ мелкія и эгоистическія стремленія. Но этотъ человѣкъ! Безъ принциповъ, безъ души! Почему это умныя женщины такъ глупы!

Еслибъ она довѣрилась ему—старому, испытанному другу, онъ, можетъ быть, могъ бы помочь, уладить, повліять, не оскорбляя ее. Но онъ всегда страдалъ, глубоко страдалъ отъ ревнивой сдержанности, составлявшей оборотную сторону ея чарующаго обращенія, отъ ея врожденной склонности къ тайнамъ и интригамъ.

Она обмѣнялась всего нѣсколькими словами съ Уорквортомъ, но наблюдавшему за нею доктору Мередиту почудился какой-то тайный уговоръ. Какъ она вдругъ покраснѣла, какъ засіяли ея глаза!

Однако, наблюдать ему пришлось недолго. Уорквортъ повертѣлся въ гостиной, поболталъ понемножку съ каждымъ и подъ предлогомъ, что ему нужно выѣхать на другой день рано утромъ, снова подошелъ къ хозяйкѣ проститься.

— Ахъ, да, вы ѣдете завтра,—сказалъ Монтрезоръ, вставая.—Ну, желаю вамъ удачи и всякаго благополучія!

Подошелъ и генералъ Фергусъ. Всѣ гости, заинтересованные его отъѣздомъ, окружили молодого офицера. Даже герцогиня оттаяла немножко въ моментъ прощанья. Вѣдь все-таки этотъ молодой человѣкъ ѣдетъ отстаивать интересы своей родины.

— Его задача не шуточная, смѣю васъ увѣрить,—сказалъ ей генералъ Макъ Джиль.—Ему придется напречь всѣ силы и ума, и тѣла.

Стройный молодой человѣкъ, такой юношески элегантный въ своемъ безукоризненно сшитомъ вечернемъ костюмѣ, видимо былъ польщенъ устроенною ему маленькою овацією, хотя, какъ истый англичанинъ, и старался казаться равнодушнымъ. Онъ былъ очень блѣденъ, когда вошелъ. Но когда Монтрезоръ взялъ его за руку, когда оба генерала сердечно пожелали ему успѣха, сэръ Уильфридъ далъ ему шутливое порученіе къ британскому агенту въ Египтѣ, а дамы подарили его лестными и восхищенными взглядами, которые женщины берегутъ для храбрецовъ, кровь прилила къ его щекамъ, и онъ весь оживился.

Жюли не принимала большого участія въ этой овацiи. Она стояла поодаль и больше молчала.

«Они уже простились», съ невольной грустью подумала герцогиня.

— Въ Парижѣ три дня?—спросилъ сэръ Уильфридъ.—Затѣмъ недѣльки двѣ въ Денгѣ, а затѣмъ—черезъ сколько времени вы думаете отправиться внутрь страны?

— Я думаю, трехъ недѣль будетъ достаточно, чтобы запастись

провизіею и носильщиками. Конвой уже дрессируютъ. Мы вѣроятно выступимъ въ походъ въ половинѣ мая.

— Скверный мѣсяцъ,—сказалъ генералъ Фергусъ, пожавъ плечами.

— Къ несчастью, дѣло не ждетъ. Но я такъ наглотался хинина, что уже застрахованъ отъ лихорадокъ, или, по крайней мѣрѣ, буду застрахованъ къ тому времени, какъ попаду въ Денгу,—засмѣялся Уорквортъ.—Прощайте, прощайте!

Еще минута—и онъ ушелъ. Миссъ Ле-Бретонъ пожала ему руку и пожелала «счастливаго пути», какъ всѣ остальные.

Гости стали расходиться. Герцогиня съ особенною нѣжностью поцѣловала Жюли. Делафильдъ пожалъ ей руку и медлилъ уходить, не сводя съ нея своихъ глубокихъ добрыхъ глазъ, но она этого совсѣмъ не замѣтила. Мередитъ снова надавалъ ей полусердитыхъ, полулюбовныхъ совѣтовъ поберечь себя, хорошенько отдохнуть и развлечься; м-рсъ Монтрезоръ была въ мѣру любезна; только одинъ Монтрезоръ простился съ хозяйкою дома суховато и небрежно. Даже сэръ Уильфридъ былъ нѣсколько растроганъ, самъ не зная, чѣмъ; онъ далъ себѣ слово, что въ его завтрашнемъ письмѣ къ леди Генри не будетъ пищи къ злорѣчію, и въ душѣ простилъ mademoiselle Жюли всѣ ея прежнія вины.

Глава XVIII.

Прошло двадцать минутъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала послѣдняя карета. Жюли все еще ждала въ маленькой передней, шагая изъ угла въ уголъ по чернымъ съ бѣлымъ квадратнымъ мраморнымъ плитамъ.

Въ дверь тихонько постучали.

Она отворила. На порогѣ стояль Уорквортъ. Яркій свѣтъ луннаго свѣта ворвался въ полутемную комнату, гдѣ горѣла одна только свѣча. Жюли указала рукою по направленію къ гостиной.

— Я сейчасъ приду, пойду только попрошу Леони посидѣть еще немного.

Уорквортъ вошелъ въ гостиную. Жюли отворила дверь въ столовую. М-me Борнье перетирала и ставила обратно на полки старинный фарфоръ и хрусталь, на которыхъ подавалось скромное угощеніе.

— Леони! Ты еще не ложишься? Здѣсь майоръ Уорквортъ.

М-me Борнье не подняла головы.

— Онъ долго пробудетъ?

— Съ полчаса, можетъ быть.

— Уже за полночь.

— Леони, онъ завтра уѣзжаетъ.

— Très bien. Mais sais-tu, ma chère, ce n'est pas convenable, ce que tu fais là.

И Леони, выпрямившись, посмотрѣла прямо въ глаза своей молочной сестрѣ. Ея измятое лицо дышало тревогою сторожевого пса, угрю-

мою протестующею нѣжностью. Жюли подошла къ ней, безъ гнѣва, напротивъ, смиренно, съ умоляющимъ видомъ.

Обѣ женщины быстро обмѣнялись между собою нѣсколькими фразами вполголоса—Леони возмущалась, Жюли мягко настаивала на своемъ.

Затѣмъ m-me Борнье снова взялась за работу, а Жюли прошла въ гостиную.

При входѣ ея Уорквортъ вскочилъ со стула. Оба съ минуту медлили въ нерѣшимости. Затѣмъ онъ быстро подошелъ къ ней и грубо, властно привлекъ ее къ себѣ на грудь. Въ первый моментъ она отшатнулась, потомъ уступила и, обвивъ руками его шею, спрятало лицо у него на груди.

Такъ они стояли нѣсколько минутъ въ полномъ безмолвіи; слышно было только ея частое, тяжелое дыханіе.

— Жюли, какъ мы можемъ разстаться?—шепнулъ онъ, наконецъ.

Она освободилась изъ его объятія и, видя его разстроенное лицо, сдѣлала попытку овладѣть собою.

— Подите сюда, сядьте!

Она подвела его къ окну, которое онъ распахнулъ, войдя въ комнату, и они сѣли рядомъ, рука съ рукою. Въ окно свѣтила кроткая апрѣльская ночь. Влажный вѣтерокъ, налетая, ласкалъ имъ лицо, какъ ласкали глазъ туманные переливы свѣта и тѣни въ саду и на фасадѣ огромнаго дома напротивъ.

— Неужели навсегда?—тихимъ сдавленнымъ голосомъ говорила Жюли.—Прости навсегда?

Руки ея дрожали, она не смотрѣла на него; она какъ будто повторяла то, что давно уже сказала себѣ въ умѣ.

— Вы пробудете тамъ, быть можетъ, цѣлый годъ. Затѣмъ вернетесь въ Индію и тогда...

Она не докончила.

Уорквортъ физически ощущалъ въ своемъ карманѣ присутствіе письма отъ леди Бланшъ Моффатъ, полученнаго сегодня утромъ. Это было письмо знатной дамы, принужденной забыть о своемъ достоинствѣ и снизойти до упрековъ изъ страха—страха матери за жизнь и здоровье своего дитяти, нѣжнаго и хрупкаго, какъ дикая майская роза. До нея дошли слухи, но нѣтъ, это не можетъ быть правдою! Хорошо еще, что и тѣнь подозрѣнія пока не коснулась Эйлинъ. Но ей, матери, онъ долженъ сейчасъ написать и разувѣрить ее, иначе... Въ послѣдней части письма заключалась скрытая угроза, которую Уорквортъ отлично понялъ.

Нѣтъ, тутъ ничего измѣнить нельзя: его собственное поведеніе въ прошломъ связывало его по рукамъ и по ногамъ. Очевидно, на будущее время надо быть осмотрительнѣе.

Но какъ же порицать себя за свое теперешнее чувство къ Жюли Ле-Бретонъ, быть можетъ, самое сильное въ жизни такого человѣка, какъ онъ, не созданнаго для страсти. Это чувство нахлынуло на него

неожиданно; ихъ дружба незамѣтно перешла въ другое и теперь они оба готовы собственными руками подрѣзать въ корнѣ свои отношенія. Можно ли тутъ осуждать кого-либо изъ нихъ? Тутъ виновата сама судьба. Уорквортy даже льстилъ неподдѣльный трагизмъ его положенія; его возвышало въ собственныхъ глазахъ чувство, на которое онъ еще мѣсяцъ тому назадъ въ душѣ считалъ себя неспособнымъ.

Въ это послѣднее свиданіе съ Жюли онъ рѣшилъ не скрывать своихъ чувствъ. Когда она задала ему свой печальный вопросъ: «Неужели навсегда?»;—онъ схватилъ ея холодныя руки и началъ страстно цѣловать ихъ.

— Жюли! Еслибъ мы съ вами встрѣтились годъ тому назадъ, того, что произошло въ Индіи, никогда бы не случилось. Вы это знаете!

— Да? Но развѣ вы не понимаете, какъ мнѣ обидно такъ думать; вѣдь это все-таки существуетъ.

Она неожиданно повернулась къ нему.

— У васъ есть ея карточка?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Да.

— Здѣсь, при васъ?

— Зачѣмъ вы спрашиваете, дорогая? Этотъ вечеръ нашъ и только нашъ.

И онъ опять хотѣлъ привлечь ее къ себѣ. Но она настаивала:

— Я увѣрена, что она съ вами, покажите мнѣ ее.

— Жюли! Вы одна въ моихъ мысляхъ—вы и только вы!

— Такъ сдѣлайте же то, о чемъ я прошу.—Она съ мольбою склонилась надъ нимъ; ея губы почти касались его щеки. Онъ неохотно вынулъ изъ внутренняго кармана сюртука небольшой портфель, досталъ оттуда фотографическую карточку и подалъ ей.

Жюли съ жадностью впилась въ нее глазами. Передъ нею было лицо, сотканное, казалось, изъ снѣга и о́гня; нѣжное, хрупкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ полное чувства и выраженія; лицо ребенка, обрамленное легкими завитками русыхъ волосъ; верхняя губка слегка приподнята надъ мелкими, бѣлыми зубами, что придавало лицу выраженіе полудѣтскаго удивленія. Но сколько въ этомъ кроткомъ дѣтскомъ личикѣ поэтической, трагической чувствительности! Въ посадкѣ небольшой головы на тонкой шейкѣ было много дѣвически-застѣнчиваго достоинства; глаза, ясные и робкіе, какъ будто пугались и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣряли тому, кто смотрѣлъ на нихъ.

Жюли возвратила ему карточку и закрыла лицо руками. Уорквортъ долго съ тревогой смотрѣлъ на нее и, наконецъ, отвелъ ея руки.

— О чемъ вы думаете? Не прячьтесь отъ меня.

— Теперь я больше не ревную,—сказала она, глядя на него жалкими глазами.—Я ненавижу ее. И если бы она знала все, она тоже не могла бы не ненавидѣть меня.

— Ее нельзя ненавидѣть: она ангелъ. Но она не моя Жюли!— страстно воскликнулъ онъ и поспѣшилъ спрятать карточку.

— Скажите мнѣ,—начала она, помолчавъ, и коснулась его руки,— съ какихъ поръ вы стали думать обо мнѣ иначе? Всю зиму, когда мы встрѣчались такъ часто, вы не любили меня?

— Какъ же я въ моемъ положеніи могъ позволить себѣ думать о любви? Я зналъ только, что меня тянетъ видѣть васъ, говорить съ вами, писать вамъ. Не гордитесь такъ!—попробовалъ онъ пошутить — Вѣдь и вы не думали обо мнѣ какъ-нибудь особенно. Вы были слишкомъ заняты созданіемъ епископовъ, судей и академиковъ. Если бы вы знали, Жюли, какъ я боялся васъ вначалѣ!

— Въ первый же вечеръ, какъ мы встрѣтились,—страстно вырвалось у нея,—я нашла гвоздику, которая была у васъ въ петличкѣ. Я положила ее себѣ подъ подушку и ночью, въ темнотѣ, все дотрагивалась до нея, какъ до талисмана. Вы дважды заступились за меня передъ леди Генри. Вы улыбнулись мнѣ и пожали мнѣ руку, не такъ, какъ другіе, но такъ, какъ будто вы поняли *меня*, мою душу или, по крайней мѣрѣ, желали понять. А затѣмъ пришла великая радость. Я увидала, что могу кое-что сдѣлать для васъ. Какъ измѣнилась сразу моя жизнь! Когда я шла гулять, я не могла повернуть за уголъ, чтобы не подумать: «А вдругъ я сейчасъ увижу его!» При звукѣ вашего голоса я вся вздрагивала. Дружась, знакомясь съ кѣмъ-нибудь, я прежде всего спрашивала себя, не можетъ ли онъ быть *вамъ* полезенъ. Всякій разъ, когда вы входили въ комнату, у меня сердце прыгало отъ радости; я не могла уснуть, чтобъ не увидать васъ во снѣ. Когда вы уѣзжали, Лондонъ становился мнѣ ненавистенъ; при васъ онъ мнѣ казался раемъ.

Въ пылу признанія Жюли немного отодвинулась отъ Уорквортa, все еще не выпускавшаго ея рукъ; ея лицо, все ея тѣло трепетало страстью. Она сняла тонкіе золотые обручи, сдерживавшіе ея роскошные волосы, и они упали волнами на лобъ и тонкую, стройную шею. Эта черная масса волосъ, знойный блескъ глазъ, трагическая свобода позы придавали ей дикую, мучительную красоту.

Въ первый моментъ Уорквортъ былъ удивленъ; потомъ это даже оттолкнуло его, ему стало какъ-то жутко, но затѣмъ все это потонуло въ наплывѣ радости и признательности.

Слезы катились по его щекамъ.—Жюли, ты пристыдила меня, я совсѣмъ уничтоженъ!

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она не далась. Не ласкъ требовали эти глаза, лихорадочно блестѣвшіе при воспоминаніи о прошлыхъ грѣзахъ. Она рѣшительно отодвинулась отъ него, встала и затворила окно; потомъ перенесла лампу на другое мѣсто и привела въ порядокъ свои непокорные волосы.

— Мы должны быть благоразумнѣе,—сказала она съ нервной усмѣшкой, садясь поодаль отъ него.—Видите ли, для меня главный вопросъ

въ томъ, какъ мнѣ устроить свою дальнѣйшую жизнь. Для васъ будущее ясно Сегодня вечеромъ мы простимся. У васъ впереди карьера, женитьба. Я ухожу изъ вашей жизни совсѣмъ. Но для меня...

Она остановилась, напряженно вглядываясь въ пространство, словно человѣкъ, пытающійся разсмотрѣть дорогу въ темнотѣ.

— Ваши дарованія,—въ волненіи началъ Уоркворть,—ваши друзья, Жюли, до нѣкоторой степени наполнятъ вамъ жизнь. А потомъ вы, конечно, выйдите замужъ, должны выйти! О, вы скоро забудете меня, Жюли. Дай Богъ, чтобы вы меня забыли!

— Мои дарованія!—повторила она, не обративъ вниманія на остальное.—Я уже говорила вамъ, что они мнѣ больше не нужны. Мнѣ указали мое мѣсто—и я поняла.

— Герцогиня будетъ бороться за васъ.

Жюли засмѣялась.

— Герцогъ ей не позволитъ, да и я не позволю.

— Вы выйдите замужъ!—повторилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Вы найдете кого-нибудь, кто будетъ достоинъ васъ, кто дастъ вамъ то высокое положеніе, для котораго вы рождены.

— Это я могу имѣть когда угодно,—сказала она, спокойно глядя ему въ глаза.

Уоркворть отодвинулся, непріятно пораженный. Онъ говорилъ вообще, предсказывая, рисуя будущее съ той щедростью, съ какой мы всѣ это дѣлаемъ, потому что намъ это ничего не стоитъ. Но она—что она хочетъ сказать этимъ?

— Делафильдъ!—воскликнулъ онъ и ждалъ отвѣта, но она не отвѣчала. Зимою ему раза два приходила въ голову эта мысль, но она казалась ему смѣшной, и онъ отгонялъ ее. Потомъ, при первой ихъ ссорѣ, когда Жюли обошлась съ нимъ такъ сухо въ присутствіи Делафильда и выказала Делафильду явное предпочтеніе, это сильно укололо его. Но Жюли одинъ только разъ выставила напоказъ свою интимность съ Делафильдомъ, потомъ даже не упоминала о немъ, и ревность Уоркворта угасла за отсутствіемъ поводовъ къ ней.

Вѣдь Делафильдъ по отношенію къ Жюли былъ только тѣнью и агентомъ своей хорошенькой кузины, герцогини; рыцаремъ и защитникомъ угнетенныхъ. Какъ, этотъ будущій наслѣдникъ чѣдлейскихъ помѣстій и герцогскаго титула, одного изъ славнѣйшихъ въ Англіи, готовъ жениться на Жюли, когда даже онъ, бѣдный офицеръ, пробивающій себѣ дорогу, никогда не думалъ о такомъ бракѣ!

Но Жюли въ его восклицаніи слышалась только ревность, ласкавшая ея слухъ и сердце. Какъ истой женщинѣ, ей хотѣлось подразнить этимъ своего милого, но что-то властное и деликатное въ ея чувствѣ къ Делафильду не позволяло ей этого сдѣлать.

— Нѣтъ, вы не должны больше разспрашивать меня,—сказала она, гордымъ жестомъ какъ бы отстраняя отъ себя искушеніе.—Было бы мелочно хвастаться этимъ, но это правда. Мнѣ стоитъ только протя-

нуть руку, чтобы взять то, что вы называте высокимъ положеніемъ. Но я не протягиваю ее. Иногда, конечно, у меня является искушеніе. Но сегодня, напримѣръ, мнѣ это кажется такимъ жалкимъ и суетнымъ. Нѣтъ, когда мы скажемъ другъ другу прости, я начну жизнь сначала. И на этотъ разъ я буду жить по своему и для себя. Я очень устала! А потому «пойду, куда влечетъ меня моя природа, иныхъ вожатыхъ не хочу».

Выговоривъ громко и страстно эти слова, одной изъ историческихъ героинь, не признававшихъ цѣпей для своей души, Жюли вскочила на ноги, выпрямилась во весь ростъ, заложила руки за спину и быстро отошла.

Въ Уорквортѣ дрожалъ каждый нервъ. Его выводило изъ себя, во-первыхъ, ея непокорность, во-вторыхъ,—мысль, что все это время—и въ періодъ борьбы своей съ леди Генри, и въ своемъ теперешнемъ двусмысленномъ положеніи, — все время у нея былъ подъ рукой Делафильдъ, и черезъ Делафильда весь англійскій grand monde. Ей стоило только протянуть руку—и она отказалась! Эта женщина, безъ имени, безъ семьи, уже не первой молодости! Она отказалась?! Молодой человѣкъ съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

У него мелькала мысль:

«Неужели она способна на такое колоссальное безуміе изъ-за *меня?*»

Это волновало и опьяняло его, но не возвышало Жюли въ его глазахъ. Наоборотъ. Къ страсти, бушевавшей въ его крови, примѣшивался теперь—бѣдная Жюли!—оттѣнокъ неуваженія.

— Жюли!—онъ порывисто протянулъ къ ней руки.

— Подите ко мнѣ! Вы такъ удивительно хороши сегодня, въ этомъ бѣломъ платьѣ, словно муза. Я всегда буду представлять себѣ васъ такою. Идите сюда!

Она повиновалась, стала за его кресломъ и протянула ему обѣ руки, но въ головѣ ея все еще билась тревожная мысль.

— Быть свободной,—выговорила она почти шопотомъ,—свободной, какъ мои родители, отъ всѣхъ этихъ жалкихъ условностей!..

Она почуствовала его поцѣлуй на своихъ рукахъ, и выраженіе ея лица вдругъ измѣнилось.

— Какъ мы обманываемъ себя словами!—шепнула она, вздрогнувъ, и отвела назадъ съ его лба мягкіе завитки волосъ съ материнской нѣжностью, которая все время чувствовалась въ ея любви къ нему.

— Сегодня мы здѣсь вмѣстѣ въ послѣдній разъ. А завтравъ это время вы будете въ Парижѣ; быть можетъ, будете любоваться ярко освѣщенными улицами, толпой на бульварахъ, каштановыми деревьями. Они теперь только распускаются — я знаю! И молоденькіе листочки такъ весело блестятъ при свѣтѣ фонарей! И я буду тамъ, но все уже будетъ кончено—навсегда. Не все ли равно, свободна я или не свободна? Я буду *одна*—это все, что я знаю.

Голосъ ея замеръ. Уорквортъ всталъ и обнялъ ее; она не противилась.

— Жюли,—шепнулъ онъ ей на ухо,—зачѣмъ вамъ быть одной?

Наступило молчаніе.

— Я... я не понимаю,—выговорила она, наконецъ.

— Послушайте, Жюли! Въ Парижѣ я пробуду три дня, но мои дѣла я легко могу покончить въ одинъ. Что, если вы встрѣтите меня тамъ послѣзавтра? Что здѣсь дурного? Оба мы не младенцы. Мы понимаемъ жизнь. И кто тутъ имѣетъ право осуждать или вмѣшиваться? Жюли! Я знаю маленькую гостинницу въ долинѣ Бьевры, — совсѣмъ деревня: лѣсъ, поле, а между тѣмъ, рукой подать отъ Парижа. Англичане-туристы туда и не заглядываютъ, развѣ какой нибудь художникъ, да и то не въ это время года. Жюли! Почему бы намъ не провести тамъ наши послѣдніе два дня, вмѣстѣ, вдали отъ всѣхъ, прежде чѣмъ сказать прости другъ другу? Здѣсь вы боитесь каждаго встрѣчнаго, даже герцогини? А madame Борнье, — какъ она иногда косится на меня! Почему бы намъ не сбросить съ себя всѣ эти путы, не быть счастливыми? Никто никогда не узнаетъ—не можетъ узнать!

Онъ понизилъ голосъ и продолжалъ еще нѣжнѣе и вкрадчивѣе:

— Мы можемъ назваться братомъ и сестрой — это такъ просто. Вы, въ сущности, француженка. Я тоже говорю хорошо по-французски; никому и въ голову не придетъ заподозрить насъ. Весна тамъ мягкая и теплая. Вблизи лѣсъ, полный цвѣтовъ. Когда я былъ ребенкомъ, еще при жизни отца, мы однажды прожили изъ экономіи цѣлый годъ въ двухъ миляхъ оттуда, въ одной деревушкѣ. Я отлично знаю эти мѣста. Тихій, зеленый, прелестный уголокъ! Вы съ вашей поэтической натурой будете отъ него въ восторгѣ. Два дня! Бродить по лѣсамъ вмѣстѣ! Потомъ я посажу васъ на брюссельскій поѣздъ и пойду своей дорогой. Но зато до конца жизни мы будемъ помнить, Жюли, что эти два дня были *наши!*

Почти съ первыхъ словъ Жюли вырвалась изъ его объятій и, оттолкнувъ его обѣими руками, слушала его съ нѣмымъ изумленіемъ. Краска сначала сбѣжала съ ея лица, потомъ прилила волной къ щекамъ.

— Такъ вы презираете меня?—выговорила она, тяжело дыша.

— Нѣтъ. Я обожаю васъ.

Жюли упала на стулъ и прикрыла глаза рукой.

Онъ сначала стоялъ на колѣняхъ передъ ней, моля и убѣждая; потомъ сталъ ходить по комнатѣ, вполголоса, скороговоркой отстаивая и развивая свой планъ, пока онъ не выяснился передъ обоими во всѣхъ своихъ соблазнительныхъ подробностяхъ.

Жюли не смотрѣла на него и не прерывала его. Наконецъ, Уорквортъ, задыхаясь отъ собственнаго волненія и тревоги, растворилъ окно; онъ жаждалъ воздуха и прохлады. Изъ сада пахнуло запахомъ молодыхъ листьевъ и влажной земли. Этотъ запахъ, вѣтви деревьевъ, качавшіяся подъ окномъ, мягкіе тона горизонта—все это приносило

облегченіе. Молодой человѣкъ высунулся въ окно, подставляя горячій лобъ ночному вѣтерку. Какіе-то голоса смутно звучали въ его умѣ, но надъ всѣми господствовалъ одинъ, дерзко заглушавшій остальные.

«Что она, дѣвочка, что ли, что боится увлечься? Минута счастья,—кому отъ этого какое зло?» Онъ вернулся къ Жюли и, весь дрожа, коснулся ея плеча.

— Жюли!

Отвѣта нѣтъ. Неужели она навсегда отшатнулась отъ него? Ему казалось, что за эти нѣсколько минутъ онъ пріобрѣлъ огромный жизненный опытъ. Но развѣ изъ нихъ двухъ онъ не благороднѣе, не правдивѣе? Что тамъ толкуютъ моралисты!

— Жюли!—съ тоской повторилъ онъ.

Она подняла голову, и онъ увидѣлъ, что она плачетъ. Но въ лицѣ ея былъ огонь, страсть, желаніе, и это его успокоило. Она обняла его одной рукой и прижалась щекой къ его лицу. Онъ угадалъ, что и она много пережила и перечувствовала за эти минуты.

Весь горя радостью, онъ принялся опять уговаривать ее, лелѣя ея голову на своемъ плечѣ, до боли сжимая ея тонкія ручки.

А Жюли въ это время говорила себѣ:

«Или я сдѣлаю то, что онъ хочетъ, или черезъ нѣсколько минутъ я должна буду проститься съ нимъ навсегда».

Она прижималась къ нему, чувствуя теплоту его тѣла, и силы измѣняли ей. Въ эту минуту для нея не существовало ничего на свѣтѣ, кромѣ этой красивой кудрявой головы, рядомъ съ ея собственной, этого голоса, шептавшаго ей слова любви, этого превращенія его былой осторожности или честолюбія, или притворства въ эту пылкую нѣжность, этотъ страхъ разлуки...

— Слушай, дорогая,—шепталъ онъ ей.—Я успѣю окончить всѣ дѣла до твоего пріѣзда. Завтра вечеромъ я обѣдаю въ посольствѣ; на другой день завтракаю у военнаго министра, а потомъ, тысячу извиненій, но я долженъ спѣшить навстрѣчу друзьямъ въ Италію. Затѣмъ я улетучиваюсь изъ Парижа и въ теченіе двухъ дней принадлежу Жюли и она мнѣ. Скажи да, Жюли, моя Жюли!

Онъ наклонился къ ней, держа ея лицо въ своихъ рукахъ.

— Скажи: да,—молилъ онъ,—и тогда никто изъ насъ не будетъ одинокимъ!

Тихій голосъ его проникалъ въ ея сердце. Онъ все молилъ и ждалъ, пока напряженный слухъ его не уловилъ шопотомъ сказанныхъ словъ, наполнившихъ его душу безумнымъ торжествомъ и неожиданной радостью побѣды.

Леони въ угрюмомъ безмолвіи затворила за гостемъ дверь и прошла наверхъ, къ себѣ. Жюли была уже въ своей комнатѣ. Она сидѣла на кровати, свѣсивъ голову на грудь и заломивъ руки, словно Надежда, прислушивающаяся къ послѣднимъ звукамъ арфы жизни. При свѣтѣ свѣчки, стоявшей рядомъ на столикѣ, она видѣла всю

себя въ большомъ зеркалѣ напротивъ, свою изящную фигуру, падавшее красивыми складками бѣлое платье...

Она ждала реакціи. Но реакція не наступала. Подъемъ воли и энергіи не проходилъ. То, что она хотѣла сдѣлать, попрежнему казалось ей естественнымъ и законнымъ. Изъ-за мелкой щепетильности, условностей, приличій отказаться отъ яркаго момента въ жизни—вотъ это дурно, это позорно!

Ее манила романическая сторона положенія и тайная склонность къ внѣзаконнымъ путямъ, привитая ей тѣми, кого она любила и съ кѣмъ была дружна въ дѣтствѣ. Horror naturalis, предохранающій большинство женщинъ отъ полнаго ослѣпленія страстью, въ ней какъ-то ослабѣлъ или спалъ. Она была незаконной дочерью матери, поправшей законъ для любви, и никогда, ни на минуту, не забывала этого. Мысль о томъ, какъ будетъ толковать ея поступокъ вульгарный пошлый свѣтъ, внушала ей только глубокое презрѣніе.

— Что мнѣ за дѣло? Я сама себѣ госпожа, никому не обязана отдавать отчетъ. Сама рѣшу, сама и отвѣчу!

Когда, наконецъ, она встала, сначала распустивъ, потомъ свернувъ жгутомъ на затылкѣ свои роскошные волосы, ей показалось, что въ зеркалѣ отразилась другая женщина, съ другимъ выраженіемъ лица и осанкой. Она попрала ногами трусость и малодушіе, стряхнула съ себя «Was uns alle bändigt, das gemeine».

Затѣмъ, когда она остановилась передъ овальнымъ зеркаломъ въ старинной рамѣ, украшавшимъ собою каминъ бывшей спальни леди Мэри Лейстеръ, взглядъ ея случайно упалъ на небольшіе семейные портреты и фотографіи, висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ камина. На портретахъ были изображены леди Мэри и сестра ея—дѣтьми; ихъ некрасивыя лица робко выглядывали изъ бѣлыхъ платьевъ съ высокимъ воротомъ; рядомъ былъ портретъ матери леди Мэри, старушки въ бѣломъ чепцѣ, съ строгимъ и добрымъ лицомъ; съ другой стороны, священникъ, быть можетъ, братъ старушки, съ такимъ же типомъ лица, но болѣе ласковымъ выраженіемъ. А вверху и внизу картоны съ текстами и виньетками работы самой леди Мэри.

«Ты, Господи, вѣдаешь, когда бодръ духъ мой и когда немощенъ».

«Омоеши мя и паче снѣга убѣлюся».

«Не бойся, малое стадо, ибо отцу твоему благоугодно дать тебѣ царство».

Жюли смотрѣла на эти тексты сперва разсѣянно, потомъ съ непріязненнымъ чувствомъ. Этотъ англійскій піэтизмъ, упитанный, укрытый, мѣряющій всю вселенную на свой масштабъ, ей, почти католичкѣ, казался только хвастливымъ и лицемѣрнымъ. «Не такими силами,—думала она,—можно подчинять себѣ настоящихъ людей».

Отвернувшись, она замѣтила два маленькихъ католическихъ священныхъ изображенія, какія она въ монастырѣ вкладывала въ молитвенникъ, воткнутыхъ надъ текстами.

— Тереза,—сказала она себѣ, и у нея сжалось сердце.—Спитъ ли дѣвочка?—Она прислушалась. Изъ сосѣдней комнаты донеслось покашливанье. Жюли прошла туда.

— Thérèse, tu ne dors pas encore?

Нѣжный голосъ отвѣтилъ изъ темноты:

— Je t'attendais, mademoiselle.

Жюли подошла къ кровати, поставила на полъ свѣчу, нагнулась и поцѣловала дѣвочку. Тереза худенькой ручкой гладила ее по щекѣ.

— Какъ хорошо будетъ побыть въ Брюгге вмѣстѣ съ mademoiselle!

Жюли отшатнулась.

— Я буду завтра не въ Брюгге, дитя.

— Не въ Брюгге, oh, mademoiselle!

Тонкій голосокъ звучалъ жалобно.

— Я пріѣду къ вамъ туда. Но сначала мнѣ нужно побывать въ Парижѣ. Мнѣ... у меня тамъ есть дѣло.

— Но мама говорила....

— Да, я только сейчасъ передумала. Я скажу мамѣ завтра утромъ.

— И вы поѣдете однѣ, mademoiselle?

— Почему же нѣтъ, глупенькая?

— Vous êtes fatiguée. Я хотѣла бы поѣхать съ вами и носить за вами плащъ и зонтикъ.

— Ну, еще бы! А, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось бы нести и тебя въ придачу къ плащу и зонтику.

Она опустилась на колѣни возлѣ кроватки и обняла дѣвочку.

— Ты меня любишь, Тереза?

Та глубоко вздохнула, пряча свои худенькія ручки въ роскошныхъ волнахъ черныхъ волосъ Жюли.

— Любишь, Тереза?

Жюли почувствовала на щекѣ своей поцѣлуй.

— Ce soir j'ai beaucoup prié la sainte Vierge pour vous, — выговорила она шопотомъ, робко и торопливо.

Жюли не сразу отвѣтила. Она поднялась съ колѣнъ, не выпуская рукъ маленькой хромой.

— Это ты повѣсила картинки надъ каминомъ?

— Да.

— Зачѣмъ?

— На нихъ хорошо смотрѣть. Когда грустно, это облегчаетъ.

— Почему же ты думаешь, что мнѣ грустно?

Тереза съ минуту помолчала, потомъ обняла Жюли за шею своими худенькими ручками, и Жюли почувствовала, что она плачетъ.

— Ну, хорошо, я больше не буду грустной,—утѣшала ее Жюли.— Когда мы будемъ въ Брюгге, ты увидишь.

И, улыбнувшись Терезѣ, она тихонько опустила ее на подушку и вышла изъ комнаты.

Отъ этой нѣжной чистой привязанности она снова сразу перешла къ хаосу собственныхъ мыслей и плановъ. Всю ночь въ тревожномъ снѣ она видѣла своихъ родителей. Она была дочерью мятежницы и, когда она думала о предстоявшей ей встрѣчѣ, ей казалось, что она только вступаетъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ и что это было неизбѣжно съ самаго начала. Она чувствовала какой-то подъемъ, облегченіе, освобожденіе отъ путъ — ей казалось, что жизнь только теперь даетъ ей то, что должна была дать...

Промелькнула станція, огни, фонари и парижскій поѣздъ понесся дальше подъ вѣтромъ и дождемъ, перемѣшаннымъ со снѣгомъ—въ самомъ разгарѣ весны вдругъ вернулась зима.

До Сѣвернаго вокзала оставалось ѣзды еще полчаса. Жюли подъ густою вуалью сидѣла неподвижно въ своемъ уголкѣ. Она даже не волновалась особенно, она слишкомъ напрягала умъ, чтобы не позабыть ни одной изъ инструкцій Уоркворта. Съ Gare du Nord она должна была проѣхать прямо по Gare des Sceaux, гдѣ онъ ее встрѣтитъ. Затѣмъ они пообѣдаютъ въ маленькой гостинницѣ возлѣ вокзала и съ послѣднимъ поѣздомъ двинутся дальше въ маленькій городъ въ лѣсистой долинѣ Бьевры, гдѣ они рѣшили прожить два дня.

Жюли велѣла поставить свою корзину въ вагонъ, чтобы ее не задерживали въ таможнѣ.

Наконецъ! Парижскіе огни! Жюли, несмотря на дождь, выглянула въ окно. На душѣ у нея было радостно, словно она возвращалась на родину. Она любила французовъ, любила звукъ ихъ рѣчи и картины французской природы, и грязные дома предмѣстій, и объявленія, и видъ улицъ. Поѣздъ, подходя къ Сѣверному вокзалу, замедлилъ ходъ. Носильщики въ синихъ блузахъ толпились у дверей вагоновъ.

— C'est tout, madame? Vous n'avez pas de grands bagages?

— Нѣтъ, ничего. Снесите это прямо на извозчика.

На вокзалѣ была толпа народу. Жюли спѣшила къ выходу, соображая, что сказать, если встрѣтитъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. По счастью, въ дорогѣ она никого не встрѣтила, вѣроятно потому, что ѣхала во второмъ классѣ и по желѣзной дорогѣ, и на пароходѣ. Но на Сѣверномъ вокзалѣ всегда множество англичанъ и Жюли въ нервномъ страхѣ почти бѣжала.

— Миссъ Ле-Бретонъ!

Она круто повернулась. Въ бѣломъ свѣтѣ электрическихъ фонарей она въ первую минуту не узнала того, кто окликнулъ ее, потомъ узнала и отшатнулась. Сердце ея такъ и заколотилось. Передъ нею былъ Джэкобъ Делафильдъ.

Лицо его было необычайно оживлено и выраженіе его было какое-то особенное: ее какъ будто ждали!

— Миссъ Ле-Бретонъ! Какая поразительная и счастливая встрѣча! У меня къ вамъ порученіе отъ Эвелины.

— Отъ Эвелины? Жюли машинально подала ему руку.

— Погодите минутку, — сказалъ онъ, отводя ее въ сторону, по направленію къ гостиной, чтобы дать дорогу пассажирамъ, спѣшившимъ въ таможню. Затѣмъ онъ обернулся къ носильщику Жюли!

— Attendez un instant.

Тотъ сердито покачалъ головою, поставилъ чемоданъ Жюли на полъ и поспѣшилъ на поиски болѣе выгодныхъ пассажировъ.

— Я сегодня же ѣду назадъ, торопливо говорилъ Делафильдъ.— Какъ странно, что мы съ вами встрѣтились. Я вамъ привезъ печальную вѣсть. Съ лордомъ Лэкинтономъ нынче утромъ былъ ударъ, отъ котораго онъ уже не оправится. Врачи говорятъ, что онъ можетъ прожить самое большее двое сутокъ. Онъ настойчиво зоветъ васъ Я знаю это изъ длиннѣйшей телеграммы, полученной мною сегодня отъ герцогини. Но герцогиня думаетъ, что вы въ Брюгге. Она вамъ телеграфировала туда. Вы, конечно, вернетесь?

— Вернуться?—повторила Жюли, растерянно глядя на него.—Вернуться? Сегодня же?

— Поѣздъ отходитъ черезъ часъ съ небольшимъ. Я думаю, что вы еще застанете его въ живыхъ.

Она все еще съ недоумѣніемъ смотрѣла на него, на эти голубые глаза подъ тяжело нависшими бровями, на рѣзко очерченный ротъ съ такимъ властнымъ и въ то же время молящимъ или тревожнымъ выраженіемъ. Она чувствовала, что Делафильдъ съ замираніемъ сердца ждетъ ея отвѣта.

Жюли безпомощно правела рукой по глазамъ, словно стараясь закрыть ихъ, чтобы не видѣть толпы, станціи и этого молящаго, настойчиваго взгляда. Въ сердцѣ ея было отчаяніе. Какъ согласиться? Какъ отказать?

— А какъ же мои друзья,—пролепетала она,—къ которымъ я ѣду гостить? Они будутъ безпокоиться.

— Развѣ вы не можете дать имъ знать по телеграфу? Они поймутъ, конечно. Телеграфъ тутъ же, рядомъ.

Не зная, что дѣлать, она позволила увлечь себя въ телеграфную контору. Если бы она въ состояніи была наблюдать за человѣкомъ, который шелъ съ ней рядомъ, она замѣтила бы его блѣдность и страшное волненіе, скрывающееся подъ напускнымъ хладнокровіемъ.

— Дѣйствительно ли это такъ серьезно?—спросила она, все еще колеблясь.

— Это конецъ. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вы съумѣли глубоко затронуть его сердце. Эвелина пишетъ, что онъ жаждетъ васъ видѣть. А его дочь и внучка до сихъ поръ за границей,

во Флоренціи. Миссъ Моффатъ больна, у нея что-то въ родѣ дифтерита. При немъ только его сыновья. Вы поѣдете?

Даже въ своемъ смятеніи Жюли не могла не обратить вниманія на странность всего происшедшаго — его настойчивость, поразительная случайность, заставившая ихъ встрѣтиться, его властный, почти торжественный тонъ...

— Откуда вы узнали, что я здѣсь?

— Я не зналъ этого,—выговорилъ онъ медленно.—Но, благодареніе Богу, мы встрѣтились. Мнѣ страшно подумать, какъ вы устали, но вѣдь вамъ самой, навѣрное, пріятно будетъ увидѣть его въ послѣдній разъ, исполнить его послѣднее желаніе. Не такъ ли?—Голосъ его звучалъ умоляюще. — Вотъ и телеграфная контора. Хотите, я напишу за васъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я... мнѣ нужно еще придумать, какъ написать. Подождите меня, пожалуйста.

Жюли вошла одна. Когда она взяла карандашъ, съ губъ ея сорвался тихій стонъ. Господинъ, писавшій, стоя за сосѣдней конторкой, съ изумленіемъ обернулся. Жюли овладѣла собой и начала писать. Исхода нѣтъ; надо покориться. Все кончено!

Она послала телеграмму на имя начальника станціи, Gare des Sceaux, съ передачей Уоркворту, и другую, въ деревенскую гостинницу:

«Случайно встрѣтила на Сѣверномъ вокзалѣ м-ра Делафильда. Лордъ Лэкинтонъ умираетъ. Должна вернуться сегодня же. Куда писать? Прощайте».

Отправивъ телеграмму, она едва нашла въ себѣ силу выйти изъ конторы. Делафильдъ заставилъ ее взять его подъ руку.

— Вамъ надо что-нибудь съѣсть. Потомъ я возьму вамъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ до Калэ. Сегодня не будетъ тѣсно. А въ Калэ, если вы позволите, я зайду къ вамъ.

— Вы тоже ѣдете сегодня? — Губы ея съ трудомъ выговаривали слова.

— Да. Пріѣхалъ только вчера, съ моимъ кузеномъ.

Она больше не разспрашивала. Ей не бросилось въ глаза, что при немъ не было никакихъ вещей, ни мѣшка, ни саквояжа, никакихъ принадлежностей путешествія. Она такъ устала и чувствовала себя такой несчастной, что слушалась его безпрекословно. Онъ заставилъ ее проглотить нѣсколько ложекъ супу, потомъ выпить кофе. Прошло съ полчаса тягостнаго ожиданія; Жюли едва сознавала, гдѣ она и что дѣлается вокругъ нея.

Затѣмъ она очутилась въ спальномъ вагонѣ, въ отдѣльномъ купэ— одна. И снова мчался поѣздъ, разрѣзая мракъ. И каждая новая миля навсегда отдѣляла ее отъ Уоркворта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОРГАНЫ И ИХЪ ОТПРАВЛЕНІЯ.

Рѣчь **Марея**, члена Парижскаго Института.

Главная цѣль біологическихъ наукъ заключается, въ томъ, чтобы выяснить дѣятельность организмовъ животнаго и растительнаго міровъ. Внѣ этой задачи и зоологія, и ботаника представляютъ изъ себя только сухой перечень и сложныя номенклатуры; а зоологическіе музеи—безмолвныя кладбища, хранители тайнъ. Испытываешь впечатлѣніе точно отъ выставки недѣйствующихъ машинъ.

Физіологія оживляетъ всѣ эти живыя машины, показываетъ дѣятельность ихъ органовъ и открываетъ нашему уму чудную гармонію, которая царствуетъ повсюду между назначеніемъ живыхъ существъ и отправленіями, которыя они совершаютъ. Анатомія и физіологія нераздѣльны: одна — ничто безъ другой. А между тѣмъ, еще и въ настоящее время онѣ изучаются отдѣльно. Это происходитъ отъ того, что эти науки—не одного возраста: анатомія старше физіологіи на тысячи лѣтъ; она была въ большемъ почетѣ еще во времена Аристотеля, а экспериментальная физіологія, не считая нѣсколькихъ древнихъ попытокъ, выработалась только за послѣдніе три вѣка, въ періодъ между Гарвеемъ и Клодомъ Бернаромъ.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ физіологія встала на вѣрный путь; она поняла, что одно наблюденіе не можетъ охватить самыхъ существенныхъ фактовъ жизни — движеній, то медленныхъ, то быстрыхъ, но почти всегда очень сложныхъ, происходящихъ въ живыхъ организмахъ. Понявъ это, физіологія прибѣгла къ инструментамъ, похожимъ на тѣ, которые употребляются уже давно физиками, механиками, метеорологами. Она даже создала спеціальное орудіе для записыванія составныхъ частей движеній, которыхъ глазъ не можетъ схватить.

Сѣтчатка нашего глаза сохраняетъ нѣкоторое время образъ того предмета, который былъ передъ нимъ. Эта способность глаза удерживать изображенія является причиной множества иллюзій, сильно мѣшающихъ нашему наблюденію за движеніями. Записывающіе аппараты свободны отъ такого недостатка: они выражаютъ точно, съ помощью легкопонятной кривой, характеръ движенія, которое они записали. Физика

механика разрѣшили множество вопросовъ съ помощью графическаго метода; физіологи поступаютъ такъ же; первые записываютъ движенія паденія тѣлъ, фазы давленія пара въ машинахъ, быстроту военныхъ снарядовъ, вторые зарисовываютъ кривую сокращенія мускуловъ, измѣненій давленія крови въ кровеносныхъ сосудахъ, быстроту неизвѣстнаго агента, передающаго по нервамъ приказанія воли.

Фотографія также дала физіологамъ средство съ помощью цѣлаго ряда моментальныхъ снимковъ зафиксировать всѣ переходныя положенія животнаго въ движеніи, наблюдаемомъ черезъ равные и опредѣленные промежутки времени.

Для потребностей физіологіи я придумалъ методъ хронофотографіи, который, принимая различныя формы, смотря по преслѣдуемой нами цѣли, можетъ изобразить фазы движенія.

Мы можемъ накладывать на одну и ту же чувствительную пластинку изображенія, которыя легко сравниваются между собою, или придавая этимъ изображеніямъ форму геометрическаго чертежа, или же зарисовывая траэкторію одной премѣщающейся точки. Въ другихъ случаяхъ на длинной полосѣ чувствительныхъ фотографическихъ пленокъ хронофотографія закрѣпляетъ послѣдовательные снимки какой-нибудь сценки, затѣмъ, отбрасывая полученные снимки на экранъ волшебнаго фонаря, мы возстановляемъ картину этого движенія. Самое остроумное и популярное примѣненіе этого метода было сдѣлано Люмьеромъ въ его кинематографѣ.

Съ помощью могущественныхъ орудій, которыми располагаетъ физіологія, она можетъ теперь идти рука объ руку съ анатоміей.

Она не думаетъ, конечно, примѣнять свои методы ко всѣмъ животнымъ, но только къ нѣкоторымъ изъ нихъ, для того, чтобы найти общіе законы и выяснить съ помощью ихъ различные частные случаи.

Законъ, регулирующій у всѣхъ животныхъ отношенія между характеромъ движенія и мускуломъ его производящимъ, очень простъ и сводится къ слѣдующему: чѣмъ больше мускулъ, тѣмъ бо́льшую механическую работу онъ производитъ.

Но работа можетъ принимать различную форму: килограмометръ, будучи произведеніемъ силы на пройденный путь, не заключается всегда въ поднятіи килограмма на метръ высоты, это можетъ быть и поднятіе 10 килограммовъ на 1 дециметръ или $^1/_2$ килограмма на 2 метра.

Слѣдовательно, чтобы произвести одинаковую работу въ этихъ различныхъ формахъ, необходимо, чтобы и мускулъ самъ имѣлъ различныя формы; чтобъ произвести грубое усиліе, надо толстый мускулъ, для длиннаго движенія надо и мускулъ длинный.

Міографъ выясняетъ эти отношенія въ слѣдующемъ опытѣ. Возьмемъ длинный мускулъ лягушки и, подвѣсивъ его за верхній конецъ, прикрѣпимъ къ другому концу маленькое остріе, которое можетъ чертить по вращаемуся цилиндру. Раздѣлимъ мускулъ поперечными линіями на

четыре равныя части и будемъ раздражать только одну нижнюю часть; мы получимъ сокращеніе мускула, укороченіе его на извѣстное разстояніе. Если же мы будемъ раздражать двѣ нижнія части, то сокращеніе будетъ вдвое больше; оно будетъ втрое больше при раздраженіи трехъ частей и вчетверо больше при раздраженіи всего мускула цѣликомъ.

Такимъ образомъ длинный мускулъ совершаетъ движеніе на протяженіи большаго пространства; прибавимъ еще. что толстый мускулъ, т.-е. такой, у котораго поперечный разрѣзъ имѣетъ значительный размѣръ, развиваетъ значительную силу. Это происходитъ отъ самого состава мускула, который въ своей красной или сокращаемой части состоитъ изъ пучка волоконъ, изъ которыхъ каждый развиваетъ извѣстную силу и сокращается на одинаковый кусокъ, приблизительно на $^1/_3$ своей длины. Такимъ образомъ эти двѣ формы мускула не могутъ замѣнять одна другую; никогда тонкій мускулъ не можетъ проявить большого усилія, а толстый дѣйствовать на большомъ протяженіи.

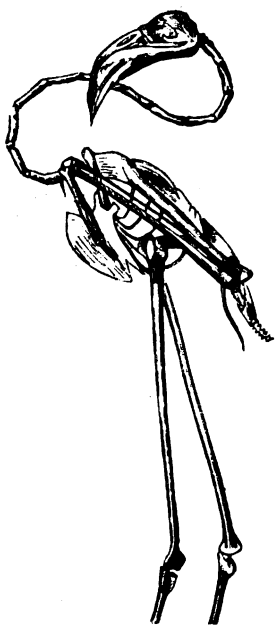


Рис. 1. Фламинго. Скелетъ его; крылья очень большія, грудная кость очень короткая и очень глубокая, что указываетъ на толщину и незначительную длину грудныхъ мускуловъ.

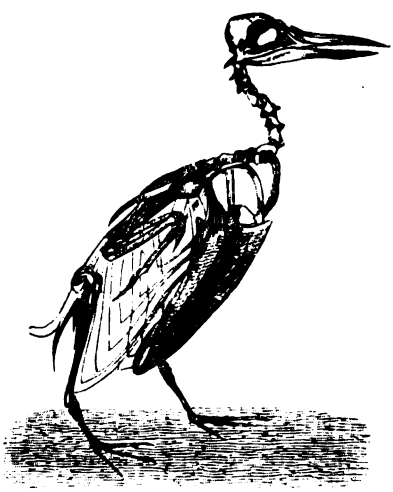


Рис. 2. Скелетъ пингвина, грудная кость очень длинная, крылья очень короткія.

Теперь, когда мы умѣемъ на живомъ животномъ измѣрять размѣръ движеній, которыя оно совершаетъ, мы можемъ угадать форму мускуловъ, участвующихъ въ движеніи. Впервые это отношеніе выяснилось для меня при изученіи полета птицъ. Хронофотографическія изображенія показываютъ ясно, что полетъ птицъ представляетъ два ясно выраженныхъ типа: однѣ птицы, снабженныя длинными крыльями, представляющими большую плоскость сопротивленія, дѣлаютъ небольшіе

взмахи; другія, съ маленькими крыльями, возмѣщаютъ слабость точки опоры размашистыми движеніями. Можно было предвидѣть, что первыя для приведенія въ движеніе своихъ широкихъ крыльевъ должны обладать толстыми и короткими мышцами, а вторыя — длинными и тонкими.

Вы поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я отправился въ Музей, чтобы провѣрить вѣрность этого предположенія, и какъ я былъ доволенъ, когда увидѣлъ, что законъ, регулирующій отношенія формы мускуловъ съ формою движеній, подтвердился на всѣхъ птицахъ, выставленныхъ въ роскошныхъ коллекціяхъ нашего Музея.

По скелету птицы легко составить представленіе о формѣ и объемѣ грудныхъ мускуловъ, управляющихъ движеніемъ крыльевъ, такъ какъ боковыя части грудной клѣтки заполнены почти исключительно этими мускулами.

Сравнимъ скелеты двухъ птицъ, принадлежащихъ къ двумъ противоположнымъ типамъ. Фламинго съ громадными крыльями (рис. 1) обладаетъ короткой и толстой грудной костью; у пингвина съ очень короткими крыльями грудная кость длинная и тонкая.

Среди птицъ лучше всѣхъ летаетъ фрегатъ, крылья его громадныхъ размѣровъ, а грудная кость его наиболѣе короткая и наиболѣе глубокая сравнительно съ ростомъ птицы.

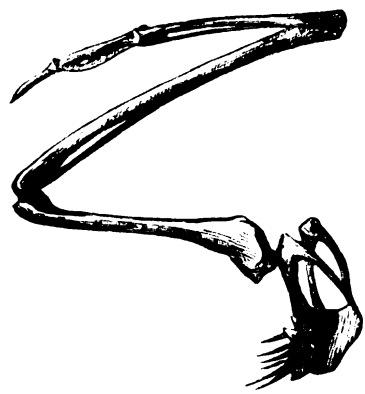


Рис. 3. Кости крыла фрегата и его грудная кость. Легко можно замѣтить, какъ незначительна длина грудной кости и какъ длинны крылья.

Какое бы животное мы ни взяли, мы повсюду наталкиваемся на полнѣйшую гармонію между формою мускуловъ и характеромъ регулируемыхъ ими движеній.

Одинъ разъ только мнѣ казалось, что я нашелъ исключеніе изъ этого правила. Это нога негра и нога бѣлаго; увѣряли, что нѣкоторые негры не имѣютъ икры. Дѣло въ томъ, что у нихъ мускулы не образуютъ, какъ у насъ, короткой и толстой икряной выпуклости, но вытягиваются въ видѣ тонкой ленты къ Ахиллесову сухожилью вблизи пятки.

Слѣдовало ли изъ этого заключить, что негры при ходьбѣ дѣлаютъ болѣе слабыя усилія, но зато болѣе длинныя движенія? Это было бы возможно только тогда, если бы пяточная кость была длиннѣе у негра, чѣмъ у бѣлаго. Но анатомія не указывала на такое различіе.

Я отправился въ антропологическое общество измѣрять на человѣческихъ скелетахъ длину пяточной кости.

У негровъ она, дѣйствительно, оказалась длиннѣе, и отношеніе выразилось въ цифрахъ 7 : 5. Громадная разница! Это сильно обрадовало меня. Законъ подтвердился на предполагавшемся исключеніи.

Такимъ образомъ, благодаря тѣсной связи данныхъ анатоміи съ данными физіологіи, мы нынѣ разрѣшаемъ такіе вопросы, которые не могли бы быть рѣшены этими науками въ одиночку.

Созерцаніе гармоническихъ отношеній между отправленіемъ и органомъ даетъ намъ не только чувство удовлетворенія, но и открываетъ новыя увлекательныя задачи для философіи природы.

Рис. 4. Нога негра.

Рис. 5. Нога бѣлаго человѣка.

Извѣстно, какое разногласіе существуетъ во взглядахъ на безконечное разнообразіе формъ живыхъ существъ. Я не буду говорить о знаменитыхъ спорахъ между тѣми, кто признаетъ созданіе существъ неизмѣнными въ ихъ свойствахъ, и тѣми, кто вѣритъ въ постоянное, безпрерывное измѣненіе органическаго міра, въ постоянное приспособленіе органическихъ существъ къ новымъ внѣшнимъ условіямъ.

Споръ этотъ до сихъ поръ былъ только обмѣномъ мнѣній безъ рѣшающихъ его доказательствъ; хотя трансформисты и имѣютъ въ пользу своей доктрины достаточное количество важныхъ аргументовъ, но все-таки пока имъ удалось доказать только большую вѣроятность своей теоріи, экспериментальныя доказательства отсутствовали.

Галилей, открывъ вращеніе земли, показалъ, что теорія эта гораздо проще и вѣроятнѣе объясняетъ кажущееся движеніе свѣтилъ, чѣмъ та, которая предполагала, что всѣ эти тѣла, плавающія въ безбреж-

номъ пространствѣ, вращаются вокругъ нашей скромной планеты ровно въ 24 часа. Наука ждала болѣе двухъ вѣковъ экспериментальныхъ доказательствъ теоріи Галилея.

Доказательство это было дано опытомъ Фуко въ Пантеонѣ.

Теорія трансформистовъ или эволюція органическихъ существъ требуетъ для своего подтвержденія тоже экспериментальныхъ доказательствъ. Если мы желаемъ получить ихъ, то мы должны съ помощью физіологіи и анатоміи показать:

1) Если органу приходится дѣйствовать въ новыхъ для него условіяхъ, то органъ этотъ измѣнитъ форму, чтобы гармонировать со своимъ новымъ отправленіемъ.

2) Измѣненіе это, происшедшее у одного индивидуума, можетъ передаваться по наслѣдству.

Въ нашемъ опытѣ дѣло идетъ о томъ, чтобъ нарушить существующую гармонію и вызвать новую. По ногѣ негра мы знаемъ, что длинная и плоская форма мускуловъ икры зависитъ отъ длины пяточной кости, и потому мы можемъ предполагать, что если мы уменьшимъ, отрѣзавъ кусокъ, пяточную кость, то произойдетъ укороченіе краснаго вещества мускула.

Рис. 6. Лапа кролика съ оперированной стороны.

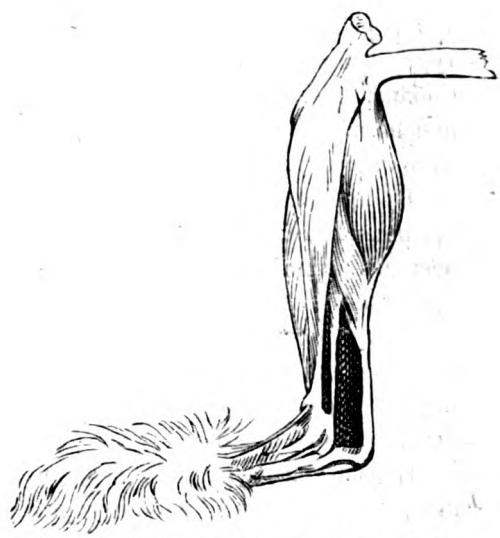


Рис. 7. Лапа кролика съ нормальной стороны.

Нѣкоторыя животныя, кроликъ, напримѣръ, имѣютъ очень длинную пяточную кость и потому икра у нихъ опускается очень низко. Вотъ я и выбралъ кролика объектомъ опыта. Я вырѣзалъ пяточную кость съ правой стороны, залѣчилъ рану и выпустилъ кролика въ общество другихъ, гдѣ онъ вернулся къ своей нормальной жизни, возвратилась и его прежняя живость. Черезъ четыре мѣсяца ожидаемое измѣненіе

стало замѣтно на ощупь и продолжало все увеличиваться; черезъ годъ кроликъ былъ убитъ, и на лапкахъ его оказались измѣненія, которыя я предвидѣлъ.

Съ оперированной стороны мясистая часть мускула укоротилась на треть; сухожиліе сдѣлалось длиннѣе и замѣнило исчезнувшую часть мускула. Это измѣненіе формы поражаетъ насъ, когда мы сравнимъ измѣненную форму мускула съ нормальной (р. 7). Я повторилъ этотъ опытъ и надъ другими животными и съ такимъ же успѣхомъ. Опытъ этотъ возбудилъ живой интересъ среди заграничныхъ физіологовъ. Въ Германіи Іахаимсталь производилъ опыты надъ кошкой и получилъ такіе же результаты; онъ мнѣ прислалъ фотографіи, а затѣмъ и самые анатомическіе препараты.

Другой нѣмецкій физіологъ Ру дѣлалъ наблюденія надъ людьми и нашелъ много примѣровъ подобнаго приспособленія длины мускуловъ. Есть люди, которые впродолженіи многихъ лѣтъ страдаютъ болѣе или менѣе полнымъ анкилозомъ членовъ; у такихъ людей размахъ движенія болѣе ограниченъ. Въ распоряженіе Ру было 50 такихъ труповъ и онъ вездѣ нашелъ уменьшеніе длины мускуловъ, уменьшеніе, пропорціональное сокращенію размаху движенія.

Провѣрка продолжается въ различныхъ формахъ. Фуксъ въ прошломъ году обнародовалъ очень интересный опытъ, гдѣ, не уродуя переднихъ конечностей, онъ заставилъ измѣниться ихъ мускулатуру, лишивъ собаку возможности пользоваться передними лапами. Собака, поставленная въ необычайныя для нея условія, обратилась поневолѣ въ прыгающее животное, и ея мускулатура пріобрѣла сходство съ мускулатурой кенгуру. Даже кости измѣнили свою форму и длину.

Въ противоположность господствующему мнѣнію, кость въ живомъ организмѣ является веществомъ пластическимъ, поддающимся механическимъ вліяніямъ, даже слабымъ, подъ условіемъ, чтобъ они были продолжительны. Мнѣ пришлось видѣть поразительный примѣръ такой ковкости кости. Хирургъ Вельпо попробовалъ согнуть подъ прямымъ угломъ анкилозный локоть. Рука была вставлена въ аппаратъ на шарнирахъ, причемъ стальная пружина, приведенная въ дѣйствіе, должна была согнуть локоть.

И дѣйствительно, постепенно рука стала сгибаться, и когда положеніе руки показалось удовлетворительнымъ, аппаратъ сняли. И что же оказалось? Анкилозъ локтя не измѣнился нисколько, но плечевая кость согнулась подъ прямымъ угломъ и тѣмъ вызвала перемѣну въ положеніи всего члена.

Съ тѣхъ поръ я убѣдился въ пластичности костнаго вещества. Вслѣдствіе нарушенія питанія, кость становится тоньше тамъ, гдѣ ее сдавливаютъ, вытягивается, когда ее тянутъ. Понятно поэтому, какимъ образомъ увеличеніе давленія въ аортѣ оказываетъ вліяніе на грудную кость и даже иногда разрушаетъ ее, какъ кровеносные сосуды мозга, соприкасаясь съ костями черепа, образуютъ на нихъ бороздки и т. п.

Стягиваніе корсетомъ измѣняетъ скелетъ женщины по капризу моды. У дикарей съ помощью извѣстнымъ образомъ расположенныхъ повязокъ измѣняютъ форму черепа у ребенка. Вотъ эта-то ковкость кости въ нормальныхъ условіяхъ жизни создаетъ на различныхъ частяхъ скелета углубленія и грани подъ давленіемъ мускуловъ, возвышенія съ помощью вытягиванія прикрѣпленныхъ къ нимъ сухожилій. Внимательное изученіе формы кости дастъ намъ возможность возстановить мускулатуру исчезнувшихъ животныхъ по ихъ ископаемымъ остаткамъ. Пластичность кости лучше всего проявляется въ суставахъ. Эти хрящевыя поверхности, форма которыхъ приспособлена къ извѣстнымъ движеніямъ, образовались частью подъ вліяніемъ самихъ этихъ движеній. Каждое животное обладаетъ по наслѣдству способностью исполнять различныя движенія, но способность эта совершенствуется съ годами. Такъ, если параличъ разбиваетъ половину тѣла ребенка, другая половина продолжаетъ расти и развиваться, и если такой ребенокъ проживетъ долго, то скелетъ его представляетъ поразительный контрастъ: одна половина, остановленная въ своемъ нормальномъ развитіи, не будетъ обладать тѣми приспособленіями, которыя развились въ другой половинѣ подъ вліяніемъ мускульной работы.

Хирургъ Геринъ описалъ недавно, что происходитъ при вывихѣ бедра, когда головка кости выскакиваетъ изъ предназначеннаго ей природой углубленія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ головка эта касается кости таза, образуется новое углубленіе, покрывается хрящемъ, полируется и получаетъ синовіальную перепонку; новое сочлененіе окружается связками и функціонируетъ почти въ совершенствѣ. Зная характеръ движеній, мы можемъ представить себѣ форму, степень изгиба и протяженіе суставныхъ поверхностей. Формы эти совершенно схожи съ тѣми, которыя мы получимъ отъ тренія по поверхности.

Мускулъ есть органъ, производящій механическую силу у живыхъ существъ, управляющій скелетомъ и приспособляющій различныя части къ лучшему исполненію движеній. Приспособленіями этими управляютъ простые законы; они даютъ возможность понимать, предвидѣть и вызывать экспериментальнымъ путемъ измѣненія формъ органовъ, измѣняя ихъ отправленіе. Самъ мускулъ регулируетъ свою величину и свою форму примѣнительно къ движеніямъ, которыя онъ производитъ привычнымъ путемъ. Но въ этомъ онъ только повинуется въ свою очередь нервной системѣ. Всѣ движенія организма задумываются, желаются, приказываются и регулируются въ нервныхъ центрахъ.

Что бы мы ни думали о дѣятельности нервной системы, не подлежитъ сомнѣнію, что жажда жизни и продолженіе рода внушаютъ людямъ большую часть поступковъ, которыя они совершаютъ. Вслѣдствіи постоянныхъ раздраженій, нервная система распоряжается мускулами, внушаетъ новыя движенія и, слѣдовательно, новыя формы.

Такимъ образомъ, когда зоологи открыли у морскихъ животныхъ (китообразныя) свойства, принадлежащія млекопитающимъ, они пришли

къ заключенію, что это прежнія земноводныя млекопитающія, которыя, найдя условія морской жизни болѣе удобными, постарались выучиться плавать и нырять.

Этотъ новый образъ жизни измѣнилъ ихъ органы, оставивъ въ рудиментарномъ состояніи ненужные для новой среды и развивъ, наоборотъ, необходимые. Не видимъ ли мы тоже самое и въ выше приведенныхъ опытахъ?

Чтобы доказать передачу по наслѣдству пріобрѣтенныхъ такимъ путемъ качествъ, мы наталкиваемся на особенныя затрудненія. Только время можетъ доказать это, потому что надо долгіе годы наблюдать за животными, подвергнутыми опыту.

Нѣсколько человѣкъ предприняли вмѣстѣ со мной подобные опыты. Предполагается прослѣдить нѣсколько поколѣній животныхъ, которымъ привили индивидуальныя измѣненія, и посмотрѣть на скелетахъ, передаются ли и совершенствуются ли эти измѣненія.

Трудно сомнѣваться въ успѣхѣ этихъ попытокъ. Аргументы, приводимые противъ передачи пріобрѣтенныхъ измѣненій, не выдерживаютъ серьезной критики. Говорятъ, напр., что животныя, подвергшіяся ампутаціи какого нибудь члена, производятъ совершенно нормальное потомство. Но вѣдь увѣчье не есть приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни.

Настоящее приспособленіе требуетъ цѣлаго ряда физіологическихъ дѣйствій, въ которыхъ активно участвуетъ нервная система, направляя приспособляющую дѣятельность органовъ. Замѣчательные опыты Броунъ-Секара установили, что пораненіе нервныхъ центровъ или нервовъ вызываетъ за собою измѣненіе мускуловъ и костей скелета и что измѣненія эти передаются по наслѣдству; ему удалось прослѣдить это на цѣломъ рядѣ поколѣній. Остается только узнать, не можетъ ли продолжительное усиліе воли животнаго, безъ калѣченья нервной системы, произвести подобныя измѣненія. Что касается нашей расы, то сохранившіеся слѣды человѣка древнихъ вѣковъ указываютъ намъ, какъ мы далеко ушли отъ нашихъ первобытныхъ предковъ. Мы измѣнились въ лучшую сторону и будемъ продолжать совершенствоваться, какъ и все существующее вообще.

Отдадимся ли мы потоку, который насъ увлекаетъ? Надо думать, что при свѣтѣ естественныхъ наукъ мы съумѣемъ лучше найти, въ чемъ заключается совершенство физическое, умственное и соціальное, и свѣтъ этотъ поможетъ намъ достигнуть быстрѣе осуществленія идеала.

Перев. съ французскаго **Л. А.**

ИЗЪ ЖИЗНИ ШКОЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ПЕРВАГО ПРИЗЫВА.

Русская пореформенная начальная школа въ первое же десятилѣтіе своей жизни прошла самый разнообразный путь административныхъ къ ней отношеній. Общество никогда не было ей мачихой. Послѣ краткаго періода, когда всѣ чувствовали, что «мы тронулись, что пошли и идемъ», наступилъ другой—періодъ колебаній, неувѣренности, шаткости, за нимъ третій—періодъ уже замѣтныхъ внѣшнихъ препятствій. Не касаясь вопроса о положеніи начальной школы въ настоящее время, напомнимъ только, что уставъ 1864 года, выработанный при министрѣ народнаго просвѣщенія Головинѣ, отнесшемся сочувственно къ земству, совершенно ясно и довольно послѣдовательно проводилъ простую и справедливую мысль: устраиваетъ и ведетъ школу тотъ, кто ее содержитъ. Иное отношеніе было проявлено преемниками Головина. Такъ, гр. Д. А. Толстой началъ съ учрежденія инспекціи въ 1868 г., а затѣмъ, въ 1871 г., обнародована «инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ», которая подчиняла школьную жизнь стороннему надзору.

При объявленномъ вслѣдъ затѣмъ положеніи 1874 года приходилось работать піонерамъ просвѣщенія въ тѣхъ захолустьяхъ Россіи, гдѣ царили вѣковая темь и тишина. Надо къ тому же принять во вниманіе, что деревня въ лучшемъ случаѣ была равнодушна къ вопросу о той или иной организаціи школы. По совершенно вѣрному замѣчанію знатока дѣла, В. Петрова, «та школа, которая (теперь) предлагалась народу, до нѣкоторой степени отвѣчала идеалу ея устроителей: но идеалъ этотъ создался подъ вліяніемъ такихъ условій жизни, которыя были совершенно почти неизвѣстны народу. Требовать, чтобы народъ сочувственно отнесся къ предлагаемымъ ему школамъ, значило требовать отъ него правильной оцѣнки тѣхъ условій жизни, съ которыми давно уже освоились другіе классы общества, но съ которыми народъ только что началъ знакомиться, будучи до этого отдѣленъ отъ нихъ стѣною крѣпостного права» *)... «На новгородскомъ съѣздѣ учитель В. Алексѣевъ, въ своемъ рефератѣ о положеніи сельскихъ

*) „Новое Слово“ 1896—18997 г. № 2.

учителей, ставя вопросъ: «чего ждутъ крестьяне отъ новой школы?» отвѣчаетъ: «того же, чего ждали и отъ старой школы, т.-е. простой выучки письму и чтенію. Больше этого крестьянинъ ничего не ждетъ, а отсюда и взглядъ ихъ на новую школу тотъ же, что и на старую, даже еще хуже, потому что въ старой школѣ ихъ заставляли читать псалтирь, а не сказки, да и розгами сѣкли, отчего они были «скромнѣе», чѣмъ теперь. На другомъ съѣздѣ недовѣріе крестьянъ къ новой школѣ объяснялось отчасти тѣмъ, что для нихъ совершенно не понятны новые способы преподаванія и весьма страннымъ кажется обученіе чтенію не по церковно-славянской печати, а по гражданской. чтеніе послѣ прохожденія букваря не часослова, а статей изъ книгъ, изданныхъ для перваго года обученія».

Итакъ, съ какой стороны ни взглянуть на дѣло, нельзя не признать, что работа народныхъ просвѣтителей перваго призыва была весьма не изъ легкихъ и во многомъ требовала даже подвига. Имъ пришлось расчищать тѣ дѣвственные лѣса невѣжества, которые взростило крѣпостное право; на ихъ долю выпалъ первый жаръ сраженій съ крѣпостниками-помѣщиками: къ нимъ еще больше, чѣмъ къ современнымъ кадрамъ, могутъ быть обращены прекрасныя слова М. А. Стаховича, сказанныя восемь лѣтъ тому назадъ собранію елецкихъ земскихъ учителей:

«Вспомните только, что въ среднемъ за 15 рублей въ мѣсяцъ народная учительница или учитель въ глуши чужой деревни, въ темной, тѣсной, часто холодной избѣ, день за днемъ оставляетъ свои молодыя силы, здоровье, свою жажду жизни, свою вѣру въ счастливую жизнь, т.-е. именно то, что дѣлаетъ человѣка въ молодости такимъ сильнымъ. Остается въ этой избѣ все, что не уносится въ могилу, иногда такую раннюю. Вспомните при этомъ одиночество учителя, вызываемое не высотою занимаемаго положенія, а обособленностью его... Волостныя и сельскія власти склонны скорѣе отдавать ему приказанія, чѣмъ слушать его распоряженія. Вспомните, наконецъ, какой упорный трудъ требуется отъ народнаго учителя самимъ дѣломъ, которому онъ служитъ.

«Итакъ, вотъ пассивъ учителя: за 15 рублей въ мѣсяцъ эта каторжная работа, эти безпрерывныя лишенія, эти безцѣнныя жертвы. Всякому ясно, что это жалованье не оцѣнка труда, а выраженіе ужасной невозможности для платящихъ заплатить больше. Скептики обыкновенно добавляютъ: и тоже невозможность для получающихъ получить больше. Это—близорукое сужденіе. Если-бъ это была только вынужденная служба, ярмо, надѣтое крайностью, его несли бы съ ненавистью и проклятіемъ, уныло опустивъ внизъ голову. Среди такихъ служащихъ не встрѣчались бы любящіе свое дѣло, бодро шагающіе по своей жесткой дорогѣ съ поднятой кверху головой. При перечисленныхъ выше условіяхъ учительское дѣло уже не служба, не дѣятельность, а прямой гражданскій и духовный подвигъ. Этимъ и объясняется,

почему рядомъ съ состраданьемъ корпорація народныхъ учителей достойна высшей зависти. Въ ея рукахъ самое большое русское дѣло, потому что съ обученіемъ всегда связано начальное просвѣщеніе. Недаромъ еще Ярославъ Мудрый и его преемники, собираясь вводить въ область христіанство, сперва строили школы, а ужъ черезъ нѣкоторый срокъ церкви. То, что вы вспашете умомъ и знаніемъ своимъ, вы же засѣете душою и чувствомъ. Ни одна нива не возвращаетъ такихъ урожаевъ. Народный учитель—это зерно, которое за 15 лѣтъ при 40—50 ученикахъ вознаграждается самъ 250. Народный учитель—это рабъ, который въ счетный день представитъ Господу сторицею порученный ему одинъ талантъ живого слова!» *)

Среди учащихъ перваго призыва была одна особенно интересная группа, теперь совершенно немыслимая, благодаря стороннимъ обстоятельствамъ, тогда довольно многочисленная. «Встрѣчались учителя, не проходившіе никакихъ «педагогическихъ курсовъ», учившіеся только въ бывшихъ волостныхъ школахъ. Это были просто грамотные люди, одаренные здравымъ смысломъ и добрымъ, любящимъ сердцемъ. Но они, эти педагогически невѣжественные люди,—сдѣлавшись учителями, стали настоящими педагогами, чутко понимавшими своихъ учениковъ и умѣвшими учить ихъ съ терпѣніемъ, кротостью и любовью» *). Этотъ контингентъ добровольцевъ особенно интересенъ, именно какъ показатель широкаго общественнаго настроенія, того остраго влеченія къ народу, которое, отличая почти весь учительскій персоналъ конца 60 и 70-хъ годовъ, въ нихъ отразилось наиболѣе ярко. Зная этихъ людей, мы знаемъ, какая была школа въ ту эпоху, какими внутренними достоинствами она блистала при всей своей бумажной «неустроенности». Съ этой точки зрѣнія мы и предлагаемъ подѣлиться съ читателемъ свѣдѣніями объ одной изъ такихъ дѣятельницъ перваго призыва.

Въ 1835 г., въ селѣ Березникахъ, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у крестьянина Тимофея Малоземова родилась дочь Евдокія потомъ всю свою жизнь даже въ печати называвшая себя просто Авдотьей. Я не имѣю данныхъ о ея дѣтствѣ, отрочествѣ и юности. Съ увѣренностью можно только сказать,что они были самыми обыкновенными для крѣпостной эпохи. 25-ти лѣтъ Малоземова, лишившись родителей и получивъ послѣ смерти кого-то изъ близкихъ родственниковъ наслѣдство, въ видѣ плохенькаго деревяннаго дома въ Петербургѣ, на 6-й ротѣ Измайловскаго полка, переѣзжаетъ въ столицу и здѣсь имѣетъ возможность заняться своимъ образованіемъ, скудно начатымъ еще въ родномъ селѣ у священника. Молодой умъ ищетъ знаній, юная душа—живой дѣятельности; появляются знакомые, какъ

*) „Русская Мысль“ 1896 г. № 12.
**) „Русская Школа“ 1899 г. № 7.

и водится въ Петербургѣ, самые разнообразные. Ближе всѣхъ она сходится съ Р. И. Доброхотовымъ, и тогда уже много работавшимъ членомъ интеллигентнаго общества; сердечное гостепріимство, встрѣченное ею въ семьѣ этого человѣка, помогло какъ нельзя лучше развитію голоднаго ума. Доброхотовъ принимаетъ въ Малоземовой самое дѣятельное участіе, снабжаетъ ее книгами, часто и подолгу съ ней бесѣдуетъ, самъ получая удовольствіе отъ духовной близости съ сильной, непосредственной натурой. Малоземова замѣтно растетъ. Крылья расправляются, хочется дѣла. Народное учительство—давнишняя мечта дѣвушки, не даетъ теперь ей покоя. Р. И. Доброхотовъ, ея «единственный другъ и благодѣтель», какъ онъ потомъ называется въ ея письмахъ, идетъ на встрѣчу этому желанію, и вотъ въ 1872 г. Малоземова принимаетъ школу въ имѣньи Т—на въ Лужскомъ уѣздѣ (Петербургской губ.). Ѣдетъ она туда съ совершенно пустымъ карманомъ: домъ давно проданъ, полученныя три-четыре тысчонки истрачены на помощь окружавшей ее бѣдноте, тоже ищущей дѣла. Кромѣ дыряваго платья и плохихъ сапогъ, ничего... Три года перваго учительства ее, однако, не удовлетворяютъ. Хочется работать при болѣе благоустроенной обстановкѣ. Р. И. устраиваетъ ей службу въ Царскосельскомъ земствѣ, и въ началѣ 1875 года Малоземова принимаетъ школу въ дер. Куровицахъ. Вотъ та атмосфера, гдѣ кровь начинаетъ циркулировать особенно быстро, гдѣ дѣло не даетъ спать больше четырехъ-пяти часовъ въ сутки... Постоянное общеніе съ Петербургомъ позволяетъ стать во главѣ иниціаторовъ двухъ обществъ для развитія образованія въ Россіи... Составляется «Букварь», пособіе для чтенія въ школѣ, пишутся статьи въ педагогическихъ журналахъ и нѣкоторыхъ газетахъ, издаются народныя брошюры... Жизнь кипитъ, захватываетъ безъ остатка. Иногда вздохнуть некогда... Желѣзный организмъ, однако, изъ живой ткани. Нѣтъ-нѣтъ да и сляжетъ беззавѣтная труженица.. А жить хочется, хочется страстно!.. Надо поправляться... Въ серединѣ 1879 г. Малоземова выходитъ въ отставку, но черезъ три мѣсяца возобновленныя кое-какъ силы не даютъ уже покоя. Трудно въ большой школѣ, надо взять поменьше – рѣшаетъ Е. Т. и съ конца того же года уже въ школѣ графа С. близъ села Орлина (Царскосельскаго уѣзда). Снова кипитъ работа... Послѣ трехъ учебныхъ годовъ врачи категорически запрещаютъ подобную дѣятельность, и, почти по требованію Р. И. она, внутренно разбитая, но все еще въ надеждѣ на будущую работу уѣзжаетъ на родину, гдѣ, пробывъ около году на постели, умираетъ 47 лѣтъ въ злѣйшей чахоткѣ...

Вотъ схема жизни этого человѣка, набросанная мною очень бѣгло только для того, чтобы въ дальнѣйшемъ не быть связаннымъ хронологическимъ способомъ изложенія массы деталей крайне интересной учительской жизни этой свѣтлой дѣятельницы перваго призыва. Воспроизведу ихъ преимущественно по громадной перепискѣ ея съ покойнымъ

Р. И. Доброхотовымъ, доставленной мнѣ его сыномъ. Кое-что собрано устно отъ ея хорошихъ знакомыхъ.

«Школа—храмъ», твердо вѣрила Малоземова и въ массѣ писемъ проводила этотъ взглядъ. Насколько глубока была эта вѣра, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста. «У меня къ вамъ есть большая просьба: не ходить въ шапкѣ въ школѣ у меня. Это сильно компрометируетъ меня, отнимаетъ свободу требовать, чтобы и парни, здѣшніе фабричные, снимали шапки, а что же будетъ за школа, если сберутся мальчишки и развалятся въ шапкахъ?! Отучая отъ этого, мнѣ часто приходится ссылаться на авторитетъ другихъ. Напримѣръ, въ воскресенье художникъ Крамской и всѣ другіе взрослые были у насъ посмотрѣть школу, и всѣ шапки сняли, а двое гимназистовъ были въ шапкахъ. Тутъ же были и мои ребята. Я сейчасъ же попросила Крамского, чтобъ оказалъ на нихъ вліяніе и сдѣлалъ замѣчаніе... Вразумляя своихъ, я иногда говорю: «Хорошіе люди вездѣ порядокъ сохраняютъ, а мелочь фонъ задаетъ». Поэтому мнѣ не хотѣлось бы, чтобы или я вру, или мои лучшіе знакомые мелочь...» Извѣстный художникъ Крамской посѣщалъ школу Малоземовой нѣсколько разъ по рекомендаціи знакомыхъ съ цѣлью посмотрѣть на образцовую ея постановку.

Послѣ этого будетъ понятна естественность той горячей, беззавѣтной любви къ своему дѣлу, которая проходитъ черезъ всѣ письма Малоземовой. «Теперь очень трудно заниматься: все разнознаніе, около 30 человѣкъ да новичковъ около этого же, а ожидается и больше. Не принимать въ школу—стремленіе подорвать! А занять нечѣмъ: до сихъ поръ не выслали пособій необходимыхъ. Всѣ письменныя принадлежности свои израсходовала, книгъ нѣтъ! Ждемъ! Ждемъ, надрываю горло, больше нечего дѣлать. Какъ жаль, что въ прежней школѣ осталось моихъ книгъ много: здѣсь есть большіе ученики, надо бы пріучать къ охотѣ чтенія и нечѣмъ!» «Вышла такая исторія, что я по усердію осталась безъ листа бумаги! Школа здѣсь заводится еще, прислали разныя премудрости высшихъ наукъ, а существеннаго нѣтъ, т. е. книгъ, бумаги. Ребятишки торчатъ въ школѣ, жаждутъ дѣла, утомляются безъ дѣла, а изъ школы уйти не хочется! Ну и пришлось раздать всю бумагу, какая была у меня». «Съ ребятами здѣсь я подружилась: они всѣ мнѣ стали свои, даже чухны, не знающіе ни слова по-русски. Съ понедѣльника начну съ ними, не знаю, какъ пойдетъ... Странно, какъ мнѣ любо здѣсь въ новомъ мѣстѣ, какъ рвется душа все, все сообщить ребятамъ, выучить ихъ». «Сама я, кажется, на Пасху не буду въ Питерѣ, потому что пріятно здѣсь, въ своей семьѣ, семья у меня здѣсь удивительно хорошая. Блаженное состояніе не измѣняется. Ребята учатся хорошо, даже пятилѣтніе очень изящно (для нихъ) пишутъ, но для этого требуется много матеріала, неловко просить все въ земствѣ, а потому позвольте у васъ попросить на общее благо. То-то тогда будетъ веселье!» «Скажите, что дѣлать,

чтобъ общество-то вызвать къ участію въ народной школѣ? Вѣдь срамъ, что общество знать ихъ не хочетъ!.. Да вотъ что, вы говорите, у васъ перья есть старые. Окажите ими милость, перешлите мнѣ черезъ извозчиковъ».

По просьбѣ Р. И. Доброхотова, Малоземова хотѣла подготовить на званіе учительницы одну дѣвушку. Та, идя не по призванію, все оттягивала свой пріѣздъ въ Куровицы, мотивируя расходами. Вотъ что пишетъ по этому поводу Е. Т.: «она сообщаетъ, что у меня ей придется жить на свой счетъ, значитъ, она живетъ теперь, не заботясь о насущномъ. Ну, вотъ и причина ея тянулости. По нашему, коли надо, такъ рубаху продадимъ, а поѣдемъ». А вотъ что она пишетъ, когда «барышня изволили пожаловать»: «смѣшно мнѣ, какъ она говорила, что я для школы керосинъ свой жгу, расходую много, и мнѣ подъ старость не скопить!... Въ отношеніи школы она говорила, что вѣдь есть назначенное время, часы занятій, а я все, день и вечеръ, съ ребятами. Ей недоступно, что въ школѣ нужна душа, а за одно исполненіе формальности учительницъ нужно провожать на свободу!..» «Увы, я ее бѣдную не щадила и говорила очень рѣзко, что сначала дѣло, а потомъ жалованье»! Когда болѣзнь стала сильно донимать энергичную труженицу, она замѣчаетъ: «чувствую, что я дѣлаюсь хуже, черствѣе и не такъ восторженно люблю ребятъ!.. порчусь! И стараюсь исправляться. Отдаю школѣ все: мысль, время, деньги, а за симъ и душа слѣдуетъ; прежде у меня душа шла впереди, а теперь сзади...» «Вы себѣ не можете вообразить, какъ это пріятно, когда вы десятки человѣчковъ втягиваете, напримѣръ, въ ариѳметику или въ пониманіе изящнаго слова. Какъ это они вначалѣ, будто въ преддверіи, смотрятъ, слушаютъ, какъ потомъ постепенно дверь отворяется и для нихъ уясняется, что за порогомъ этой двери видно хорошее, любытное, или за душу хватаетъ! хочется разглядѣть поближе и они всей толпой бросаются чрезъ порогъ, хватаются, теряются, находятъ, и жизнь духовная кипитъ! Да, это наслажденіе и его я не промѣняю ни на какую оперу! Конечно, все это часами непрочно: отставшій ученикъ скоро забываетъ радости и горе школы, но вѣдь иначе и быть не можетъ!»

И, конечно, только эта глубокая любовь къ своему дѣлу могла дать почетное мѣсто такимъ, какъ Малоземова, въ начинавшей трудную борьбу съ невѣжествомъ школѣ. Знанія этихъ людей были очень ограничены. Учащіе учились вмѣстѣ съ учениками. Это не красивая фраза, а точное констатированіе крайне знаменательнаго факта. Элементарныя знанія самыхъ элементарныхъ учебныхъ предметовъ—о наукахъ и рѣчи быть не можетъ; — безграничная любовь къ дѣтямъ; твердо сознанная и проникавшая все существо учащаго необходимость приподнять завѣсу, отдѣлявшую вчерашняго раба отъ всего остального міра; до болѣзненности ощущаемый долгъ передъ меньшимъ братомъ — вотъ отмѣтки, давшія имъ учительскіе дипломы. Земство и частныя

лица прекрасно понимали, что внесетъ такой учитель въ населеніе, и широко открывали ему двери только что устроенныхъ школъ. Документы, оставленные намъ Мамоземовыми, съ достаточной ясностью говорятъ о ихъ занятіяхъ. «Оказывается,—пишетъ Е. Т., принявшись за устройство вновь создаваемой и только что ею принятой куровицкой школы,—человѣкъ пять учениковъ, которыхъ прямо нужно готовить къ экзамену, а я не умѣю справиться съ дѣйствіями дробныхъ задачъ, но не думаю тужить: буду учить—выучу. Это не бѣда, а вотъ бѣда: прислали теллурій *), лунарій **), я ихъ первый разъ вижу и, увы! не имѣю понятія, и руководствъ никакихъ! Побаиваюсь сплоховать!» «Помогите мнѣ, Р. И., поучиться. Будьте благодѣтелемъ моего рвенія и 60 хорошихъ ребятишекъ, пришлите какое-нибудь руководство къ дробямъ, или Грубе, или есть руководства для уѣздныхъ училищъ изданія министерства. У меня есть задачникъ. Еще руководство по глобусу: я не смыслю объяснить градусы. Смерть хочется учиться. На нашей станціи почта, получаются и деньги, и книги. Ради Бога, помогите поскорѣе! Если увидите что и по другимъ предметамъ полезное, пожалуйста, пришлите. Надо бы мнѣ очень объяснить: день и ночь, зима и лѣто, я не знаю, отчего они, т.-е., какъ состояніе свѣтилъ и земли. Я все выучу, только бы было что учить». «Помогите поскорѣе рѣшить задачу: въ кассѣ парохода продано 120 билетовъ перваго и второго класса на 127 р. 8 к. Билетъ перваго класса стоитъ 1 р. 40 к., второго 78 к. Надо узнать, сколько продано билетовъ каждаго. Въ отвѣтѣ стоитъ 54 и 66. Не знаю, какъ дѣлать». «Рѣшать ваши задачи намъ не трудно, но изложить въ порядкѣ всѣ дѣйствія не умѣемъ. Напримѣръ, во время восьмидневной осады изъ каждой пушки сдѣлано въ день 75 выстрѣловъ, на порохъ издержано 90.720 руб. Пудъ пороха стоитъ 5 р. 60 к., на каждый зарядъ употреблено 4 ф. 16 лот. Сколько было орудій? Вотъ этакую штуку мы рѣшимъ, только у насъ въ одномъ углу умноженіе, въ другомъ сложеніе, а между ними кусочками и дѣленіе, и вычитаніе, и пр. Не вѣмы послѣдовательности въ изображеніи дѣйствій». «Не потрудитесьли написать мнѣ рѣшеніе двухъ задачъ на 4 или 5 дѣйствій. Я не умѣю по формѣ, не знаю, гдѣ цифры слѣдуетъ послѣдовательно-то. У меня все кусочками. Какія-нибудь, но не легкія на цѣлыя бы числа и на именованныя». «Нынче была нужда учить ребятъ дробямъ и грамматикѣ по формѣ, тоже боялась, что старость помѣшаетъ, но выучила себя и ребятъ по руководству». «Долго я не писала вамъ, потому что надо не было. Но явилось другое надо, ужъ будьте добры не откажите въ урокѣ вашей внимательной ученицѣ. Дѣло въ томъ, что надо писать сіятельству, чтобъ получить съ него слѣдуемыя деньги,

*) Приборъ для нагляднаго объясненія движенія земли вокругъ солнца.
**) Приборъ для нагляднаго объясненія движенія луны вокругъ земли.

не платитъ да и все. У меня какъ-то нѣтъ подходящихъ для этого выраженій, а ваши меня просто очаровали. Вотъ и прошу васъ написать мнѣ не позже перваго побольше всякихъ складныхъ словечекъ, а я ужъ пойму, гдѣ и какъ ихъ вставить».

Самообразованіе было постояннымъ дѣломъ трудовой жизни Малоземовыхъ. Послѣдніе гроши онѣ тратили на пріобрѣтеніе книгъ, журналовъ, газетъ, пособій, часто просто учебниковъ. Этимъ людямъ всегда было ясно, какъ много нужно знать, чтобы стоять на высотѣ человѣческаго достоинства... И труды ихъ не пропадали даромъ, они давали сочные плоды. Вотъ что мы находимъ въ докладѣ членовъ отъ земства царскосельскаго училищнаго совѣта собранію сессіи 1878 года: «Чтобы помочь этому горю (обученію у «унтеровъ») впредь до учрежденія въ этихъ мѣстностяхъ постоянныхъ или временныхъ школъ, мы предполагали бы оказать тѣмъ обществамъ, въ которыхъ находятся такія школы, нѣкоторыя пособія отъ земства. Напримѣръ, въ куровицкой школѣ (учительница Малоземова) и другихъ есть дѣти 14—15 лѣтъ, прошедшія курсъ въ той же школѣ, выдержавшія экзаменъ съ отличіемъ и во время школьныхъ занятій помогающія учительницамъ въ школахъ заниматься съ учениками. Такія дѣти были бы гораздо полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ въ занятіяхъ съ крестьянскими дѣтьми въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ школъ и гдѣ обучаютъ въ настоящее время упомянутые педагоги...»

Итакъ, Малоземовы выпускали учениковъ, формировали кадръ учителей и сами учились. Школа была тою лабораторіею, въ которой происходила постоянная внутренняя кипучая переработка сырыхъ продуктовъ народной нивы.

Какими же способами и путями достигали онѣ своихъ задачъ? Этотъ самъ собою напрашивающійся вопросъ представляетъ, разумѣется, большой интересъ. У этихъ піонеровъ не было знаній методикъ и дидактики, они не видѣли часто даже образцовъ въ собственномъ дѣлѣ, чувствовали на каждомъ шагу свою неподготовленность, но... у нихъ была душа, была безпредѣльная любовь и знаніе деревни. Вотъ ихъ помощники, если не всегда безошибочные, то во всякомъ случаѣ въ общемъ вполнѣ надежные. «Сейчасъ выдрала за волосы парня. Сегодня суббота, отпущены съ обѣда. Сколько толкую, чтобъ въ шапкахъ не были въ избѣ—все свое! Пришелъ къ хозяйкѣ одинъ за пилою, и я пришла. Сказала, чтобъ шапку снялъ, прошелъ въ другую комнату, гдѣ меня нѣтъ, и надѣлъ. Я подозвала и выдрала на память, даромъ что не мой ученикъ и взрослый, тѣмъ больше. Помню, какъ я пріѣхала, то стали ходить мимо школы да нарочно удаль свою показывать передъ новенькою. Но я разъ не обратила вниманія, другой, потомъ побесѣдовала съ ними и теперь краснѣютъ отъ простого замѣчанія и укоризны, а вѣдь всѣ взрослые, давно и школу забыли».

«До сихъ поръ у меня школа идетъ безъ пособій: только сегодня

получаются изъ Гатчино. Все пишутъ ребята. Или я очень хорошо объясняю, или ребята ужъ черезчуръ способны: въ недѣлю прошли предлоги, ъ, точки, на сколько я знаю, они уже знаютъ. Просто не знаю, чему учить. Ариѳметику старшіе знали хорошо по старинѣ: мертвыя цифры: я сдѣлала три примѣра, объяснила суть задачъ, и они теперь у меня квадр. и куб. мѣры валяютъ! Да еще просятъ не помогать, сами хотятъ добиться! Сознательное письмо и чтеніе имъ при предшественникѣ было невѣдомо, теперь идетъ! Ужасно ихъ прельщаетъ самодѣятельность, которую я старательно прививаю къ нимъ. Прежде учились битые, въ слезахъ, а теперь въ смѣхѣ, пѣсняхъ и волѣ... Какъ я чувствую недостатокъ своей учености!» «Деру ребятъ за волосы, хотя рѣдко и не до слезъ, а бываетъ, больше потому, что толковать-то некогда, да и малы для теоріи. По поводу сего одинъ старшій шустрякъ и острякъ сказалъ мнѣ: «Безъ воли Божьей власъ съ головы не упадетъ, а по волѣ Авдотьи Тимоѳеевны падаютъ...» Вообще, мнѣ везетъ, любятъ они меня». «Ребята у меня удивительно послушны, имъ и въ голову не приходитъ, что не моя власть за школою. Играли въ бабки. Двое оказались несправедливы, на нихъ пожаловались. Я сказала, чтобы они два праздника не смѣли играть, и совершенно забыла. Вдругъ сегодня приходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ, можно ли имъ играть... До того впилось въ нихъ сознаніе, что надо слушаться съ перваго слова! Вообще во всемъ удивительное направленіе и ровность такой большой семьи...» «Хорошо, что я мужицкаго рода! Очень полезны оказываются мои дѣтскія знанія, даже чтеніе псалтиря пригодилось, иначе вѣдь часто въ школу не заманишь, поневолѣ немного и его прочитываемъ».

«Теперь сообщить позвольте нѣкоторую оказію. Она не важна для васъ, пожалуй, но замѣтна. Вчера, т.-е. въ воскресенье, поѣхала я на трехъ лошадяхъ, вѣрнѣе на трехъ дровняхъ, съ 12-ю учениками за 15 верстъ въ село Орлино. Собралась со мною и другая учительница съ 6-ю ребятами. Изъ церкви мы, учительницы, пошли къ священнику, а взять всѣхъ ребятъ съ собою неудобно—много, а попъ не очень близкій знакомый. У нѣкоторыхъ ребятъ есть въ Орлинѣ родня, тѣ и ушли къ ней, другимъ на улицѣ холодно. Я дала имъ 20 коп. и велѣла въ трактирѣ купить поѣсть. Съ нами были два большіе парня, одинъ куритъ. Въ трактирѣ онъ предложилъ моимъ ребятамъ курить, четверо и покурили, одинъ изъ моихъ помощниковъ тоже курилъ, другой останавливалъ, но тѣ не послушались. Народу въ трактиръ собралось много и даже замѣтили, что куровицкіе школьники вотъ какъ! Надо вамъ сказать, что дома ребята не курятъ, а тамъ ихъ обуяло какое-то болванство. Какъ мнѣ быть, что мнѣ дѣлать? Сегодня объяснила старшему классу (40 чел.), что эта четверка положила пятно на честь нашей школы. Вѣдь наши ребята славятся улучшеніемъ, а оказалось?.. Младшая четверка порѣшила высѣчь другъ друга, стар-

шему, курившему, отказала отъ школы, старшему останавливавшему, но не достигшему цѣли, т.-е. допустившему зло, отказала отъ школы на недѣлю. Послѣ занятій сегодня младшая четверка принесла розги и сѣкли другъ друга, простить такъ я не считала возможнымъ. Оба старшіе начали просить, чтобы ихъ тоже высѣкли, некурившаго высѣкли всѣ курившіе по одному удару и удары не шуточные. Другой сильно былъ удрученъ, плакалъ и страдалъ со вчерашняго дня, я ему сказала наотрѣзъ вчера, чтобъ въ школу не ходилъ. Онъ просилъ уравнять его съ меньшими и тоже наказать. Простила его безъ наказанія именно за то, что сильно страдалъ... Ужасно все это неладно вышло. Ну, что мнѣ дѣлать, чувствую, что все это произошло не такъ, какъ бы слѣдовало, но не умѣю! Научите, мой дорогой, что мнѣ дѣлать въ такихъ случаяхъ».

Это мѣсто требуетъ особаго вниманія. Читателю совершенно ясно, что Малоземова по одному изъ коренныхъ вопросовъ воспитанія, вѣрнѣе—наказанія, стоитъ по ту сторону педагогики; ясно, что тѣлесными наказанія и она принижаетъ человѣческое достоинство своихъ учениковъ. Все это не можетъ не оставлять тяжелаго осадка въ душѣ при воспоминаніи о школѣ тогдашней эпохи. Да, но нельзя же забыть того, съ какой любовью она относится къ каждому малышу, какъ всѣми другими пріемами поднимаетъ въ нихъ человѣка. Въ результатѣ, я увѣренъ, читатель все-таки получитъ положительную величину, потому что надо же признать, что и до сихъ поръ тѣлесныя наказанія въ крестьянской семьѣ—способъ очень широко практикующійся. Малоземовы виноваты только въ томъ, что, сами будучи крестьянами, сами выросшія на режимѣ «таски» и розги, не съумѣли изгнать ихъ изъ школьной жизни и тѣмъ показать родителямъ ихъ ненадобность, но развѣ всѣмъ остальнымъ своимъ поведеніемъ онѣ не доказали, что̀ можетъ сдѣлать школа? Вотъ за это-то онѣ и не могутъ подлежать полному осужденію. Наконецъ, въ ихъ оправданіе говоритъ и собственное признаніе, что все это не такъ, но что другого онѣ не умѣютъ... Не умѣютъ — не значитъ же еще, что не хотятъ...

Вотъ что пишетъ Малоземова изъ куровицкой школы, начавшей занятія въ серединѣ учебнаго года: «Завтра выпускной экзаменъ и аминь! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Надорвала я и ребятъ-то до нервозности: вѣдь двухгодичный курсъ махнули въ 50 учебныхъ дней! Что-то будетъ! А ужъ хочется троихъ выпустить. Завтра все рѣшится. Ребята-то молодцы, но только я ихъ захватила вдругъ и наполняла всѣмъ въ погонку, боюсь, не освоились, а знать-то все знаютъ. Только крестьянскіе сыновья и дочери и могутъ выдержать, не лопнувъ, глотая священную исторію обоихъ періодовъ, практическія задачи и самостоятельность письменнаго изложенія статей да знаки препинанія...» Такому налету на курсъ тоже нечего придавать обвинительное значеніе, во-первыхъ, потому, что, по показанію знакомыхъ

Е. Т., она была положительно чародѣемъ въ области передачи знаній ученикамъ. Выучить, напримѣръ, въ полчаса весь классъ пяти-шести буквамъ съ возможностью сливать ихъ въ слоги и слова—для нея было совершенно просто. Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе требованія родителей, которые настаивали на прохожденіи курса за такой короткій срокъ, желая отдать ребятъ въ городское училище, что и дѣйствительно, было исполнено.

«Какъ ребята улучшились, узнать нельзя! Есть въ школѣ одна дѣвочка въ падучей болѣзни. Прежде, когда я еще не пріѣхала, какъ съ ней припадокъ, такъ всѣ окружатъ и смѣются. Нынче же припадокъ, и никто не шевельнется, напротивъ, участіе, уваженіе оказываютъ, а вѣдь этого не предвидѣлось, значитъ говорить и разъяснять не могла, не успѣла именно по этому поводу, а такъ ужъ: одно добро родитъ другое... Благодарное, святое наше учительское дѣло!»

«Дѣло въ томъ, что мои орлинцы малые черезчуръ воспріимчивы къ добру, не бывало еще примѣра у меня такого; годами достигалось то, что здѣсь часами! Вѣроятно, потому, что подготовлены, т.-е. была школа, но самая безобразная въ отношеніи жизни. Читаютъ-то бойко и ариѳметику знаютъ бывшіе и кончившіе въ прежней школѣ, но въ отношеніи жизни можете судить, что было, по слѣдующему факту. Учитель выдавалъ старшимъ ученикамъ листы бумаги и карандаши съ приказаніемъ толкаться у кабака, слушать все и записывать выдающіяся безобразіемъ бранныя слова! Что же могло быть въ такой школѣ!? Теперь же я боюсь, какъ бы мнѣ не впасть въ другую крайность, не наскучила бы имъ добродѣтель. Безъ размышленій поддаются, вѣрятъ на слово, сломя голову слѣдуютъ!.. Примѣры не ярки, все мелочные, но они глубоко чувствуются и сливаются въ цѣлое, составляющее громаду! Попробую, что помню, разсказать вамъ. Старшій классъ школы выходитъ окнами на улицу. Улица мимо школы идетъ въ гору съ озера. Изъ-за озера мужики возятъ дрова и прочее. Дорога растаяла, снѣгу почти нѣтъ, лошади тянутся, часто останавливаются, падаютъ, иногда бьются на землѣ. Я, конечно, объяснила, что ребята должны помогать, т.-е. толкать возъ, и при этомъ сказала, что кто больше заслужитъ «спасибо», тотъ лучше и добрѣе, и наоборотъ. И бросились мои ребята къ возамъ, человѣкъ двадцать подхватятъ его со всѣхъ сторонъ, и лошадь вбѣгаетъ въ гору легкимъ бѣгомъ! Вбѣгаютъ и мои ребята, отирая потъ съ лица, и съ восторгомъ повторяютъ, что мужикъ сказалъ много разъ «спосибо»... Словъ мало, надо видѣть ихъ искренній восторгъ! Довольство! На словахъ то у меня все это не описывается, но вѣдь я ихъ вижу! Конечно, здѣсь ужъ не имѣется въ виду потеря занятія: наше дѣло подождать и лучше часомъ затянуть, чѣмъ дѣлать изъ урока солдатское ученье... Но, что мнѣ очень, очень понравилось: стою у окна и вижу, дотянулся возъ

до школы и сталъ, мужикъ поглядываетъ въ окна да пальцемъ машетъ помощь... Еще. Въ школу, какъ я уже разъ писала вамъ, кажется, ходитъ дѣвочка, подверженная падучей болѣзни. При мнѣ у нея еще не было припадка, а въ прежней школѣ по три раза въ день было, и, какъ разсказываютъ ученики, когда съ ней конвульсіи, то ребята шумно подбѣгали и хохотали, смѣшно имъ было видѣть искаженіе. Недавно случился припадокъ, меня не было въ школѣ и никто не двинулся съ мѣста, только оглянулись и нѣкоторые съ содроганіемъ отвернулись, а двѣ дѣвочки стали поддерживать больную. Я съ ними по этому поводу совсѣмъ не бесѣдовала, какъ-то не успѣла, но тѣмъ лучшее доказательство общаго вліянія. Я попросила потомъ, когда вошла въ комнату, одного болѣе взрослаго мальца помочь намъ отнести больную на диванъ ко мнѣ, но малецъ сказалъ, что самъ дрожитъ, я взглянула на него, и вправду онъ былъ ужасно взволнованъ и глаза какъ-то блуждали. А прежде, еще мѣсяца три тому назадъ, онъ же больше всѣхъ хохоталъ. Конечно, не на всѣхъ удается дѣйствовать одинаково, но замѣчаютъ перемѣну въ себѣ и сами ребята. «Теперь мы совсѣмъ другія, насъ не узнать; прежде все щеголяли, кто хуже скажетъ да кто больше побьетъ дѣвчонокъ, а теперь такъ слушать тошно худыя слова, торопишься убѣжать поскорѣе»— вотъ что говорятъ мои ребята. Вошла въ силу поговорка: «Чѣмъ лучше быть—обиженнымъ или обидчикомъ?» и на ней самые озлобленные сокращаются, когда безсильный товарищъ вдругъ скажетъ: «А, ты хочешь быть обидчикомъ?!». Много такихъ искорокъ, которыя, сливаясь, составляютъ пламя, но всего не напишешь. Да, спасибо вамъ: шутя теперь удалось завести переплетную, и 10 книгъ уже готовы...»

Принявъ школу графа С. уже серьезно больной и разбитой, Малоземова принуждена была съ болью въ сердцѣ взять себѣ помощника. Первый оказался очень хорошимъ, но по какимъ то семейнымъ обстоятельствамъ уѣхалъ на родину, зато второй (ея дальній родственникъ) не мало доставилъ хлопотъ и огорченій. Изъ массы писемъ по этому поводу приведу только кое-что, наиболѣе характерное еще для обрисовки педагогическихъ пріемовъ Малозсмовой.

«Вечеромъ говорю съ дѣвочками, вдругъ одна заявляетъ, что у помощника моего тяжелая рука. Спрашиваю и узнаю, что безъ меня онъ всѣхъ бьетъ! Да какъ! Зуботычинами и ладонью по лбу, а своего братишку по щекамъ при всѣхъ, такъ что скверно, тошно глядѣть со стороны! Позвала потомъ его и начала. Ну ужъ и наговорила я ему—будетъ помнить! А онъ мнѣ вдругъ: «Да, какъ же ихъ заставить слушаться?» Это ужъ, говорю, твое дѣло, на то ты психологіи и педагогіи въ институтѣ училъ. «Да вы же, говоритъ, бьете.. » Ты еще не я! да и я худо дѣлаю, что бью, ты только худое-то и перенялъ!.. Толкуетъ, что я бью. Да, я бью, но никому больше

не дамъ этого; дѣти послѣ моей таски за волосы (это самое большое, что я себѣ позволяю) приходятъ и первые въ слезахъ просятъ прощенія. Одинъ мальчикъ сказалъ мнѣ, что когда я беру за волосы кого-нибудь, у меня дѣлается такое страдающее лицо, что они понимаютъ, что это я отъ души... Мнѣ кажется, это правда». «Я давеча вечеромъ была въ умиленіи и сама себѣ поклонилась! Пришли дѣвчонки и жалуются, что одинъ изъ подростковъ мальцевъ дѣлалъ передъ ними весьма неприличныя выходки, встрѣтясь съ ними въ сѣняхъ школы. Малецъ уже не ученикъ. Я позвала его къ себѣ и просто отъ души сказала, что запретить ему ничего не могу, а растолковать обязана; еще словъ десять моихъ и въ заключеніе: «Вѣдь, нехорошо сдѣлалъ, Вася?» «Нехорошо,— повторилъ онъ,—очень не хорошо» «Ты зналъ и раньше, но не подумалъ и теперь, конечно, не будешь больше?» Съ этимъ я подала ему руку (это у насъ всегдашній знакъ полнаго примиренія), онъ сказалъ: «Не буду», и обтеръ украдкой слезу... Эта слеза мнѣ страшно дорога, такъ дорога...»

Иллюстраціей задушевности и любви можетъ быть и такой разсказъ: «Вчера мнѣ ребята говорятъ, что малый мой ученикъ Андрюшка прибѣжалъ въ школу босой, неодѣтый и плачетъ, но не говоритъ, что случилось. Я позвала его и онъ сказалъ, что дома пролилъ масло, его хотѣли сѣчь, онъ и убѣжалъ. «Заступись за меня», заключилъ Андрюшка. Дѣло было къ вечеру. Я оставила его у себя, а сама пошла къ матери, сказала, что отдамъ масло, только бы мальчикъ не былъ наказанъ. На утро пришелъ его старшій братъ, принесъ одежду и вздумалъ пугать Андрюшку, что его выдерутъ. Мальчикъ вмѣсто дома побѣжалъ къ озеру, въ лѣсъ. Я послала сказать матери и поругала ее. Она едва догнала мальчика».

«Книга—вотъ лучшій другъ и воспитатель»—вѣрила Малоземова и всѣ силы прилагала, чтобы дать ученикамъ здоровое чтеніе. Но министерскіе каталоги и тогда не давали простору удовлетворенію вполнѣ нормальной потребности. «Прислали въ школу изъ управы книгъ, но ужасно мало и слабо. Старшіе ученики вѣдь выше сказочекъ, что я съ ними буду дѣлать?!» «Жаль! Книгъ нѣтъ народныхъ для развитія вкуса и любви къ чтенію, хромаетъ литература въ этомъ, а потребность-то какъ велика! Вѣдь просто волосы дыбомъ становятся, что здоровому уму дать нечего, вездѣ только и слышишь «нельзя, да нельзя». «Вначалѣ здѣсь читали кое-какъ сказки, а теперь вкусъ развился, чуютъ таланты и ужасно увлекаются Пушкинымъ, Григоровичемъ, все свободное время только и дѣлаютъ, что читаютъ... И каюсь, не могу я этихъ каталоговъ выдержать, вѣдь это же издѣвательства надъ духомъ человѣка!» «Вчера кончили читать «Василису Мелентьеву». Сегодня фабричные читаютъ, хоть не всѣ, но 6 человѣкъ, сидятъ и не скучаютъ въ школѣ, находятъ пріятнымъ. Это великое дѣло. Я нынче нахожу полезнымъ читать ребятамъ житія святыхъ, отчасти

потому, что считаю необходимымъ поддержать вѣру въ нихъ, а съ другой стороны, польза житій въ томъ, что тамъ все герои такъ или иначе, сила воли страшная, которой по каталожнымъ книжечкамъ нѣтъ. Да что тамъ есть, кромѣ счета ногъ да позвонковъ у животныхъ! Вообще, ужасно нечего читать ребятамъ и взрослымъ!..» «У меня притонъ молодежи и спѣвки. Все это безпокойно для бабъ, а очень полезно для молодежи; въ нихъ сглаживается неладное и даже кутежей, гульбы не стало въ селѣ. Споры о вольнодумствѣ указываютъ на броженіе умовъ. Читаютъ Бокля, Писарева, газеты... Всему этому я страшно рада».

Устраивались школьные спектакли. Ставился «Иголкинъ», «Женитьба» и нѣкоторыя другія пьесы. Вообще, развлеченіе учениковъ было одной изъ серьезныхъ и постоянныхъ заботъ Малоземовой. То отправляется съ ними въ экскурсію, то поѣдетъ въ Царское, то устроитъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, то съ помощью своей пріятельницы, Ю. А. Варгуниной (сестра покойнаго Н. А.), устроитъ въ школѣ елку и сама, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, пляшетъ вокругъ поочереди со всѣми ребятишками «своей» семьи...

Отношеніе земства къ школѣ и къ Малоземовой уже кое-гдѣ проглянуло, приведу еще нѣсколько черточекъ. «Земство съ дивнымъ довѣріемъ и почтеніемъ ко мнѣ относится». Такая фраза въ разныхъ варіаціяхъ попадается довольно часто. «19-го было открытіе новой школы. Членъ земской управы Т. былъ. Первая его фраза ко мнѣ: «Очень пріятно васъ видѣть и вѣрить, что вы у насъ служите». Такія отношенія земства, очевидно, были причиной устройства совѣщаній учащихъ уѣзда. «30-го мы собираемся въ Кузьминѣ, постараемся всѣмъ уѣздомъ и потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ и потомъ сообща представимъ свое мнѣніе въ земское собраніе. По моему, эта моя мысль должна найти живой отзвукъ въ товарищахъ и земцахъ». Какъ читатель уже знаетъ, благодаря болѣзни осенью, 1879 г. Малоземовой пришлось оставить царскосельское земство. «Земство наше привело меня въ умиленіе: я ушла изъ него, а оно мнѣ пожаловало 150 р. на поправку, т.-е., чтобы я могла отдохнуть. Посѣтили меня даже предсѣдатель управы и инспекторъ. Даже стыдно принимать такое къ себѣ участіе! Вѣдь воздать не смогу, если выздоровлю, ну а умереть веселѣе при такихъ обстоятельствахъ...» «Вчера я получила оффиціальную благодарность за учительство отъ царскосельскаго земскаго собранія. Сказано, что, по свидѣтельству членовъ училищнаго совѣта, собраніе постановило благодарить меня и выдать 150 р. за потерю здоровья на его службѣ. Писано это все отъ имени предводителя дворянства, онъ же предсѣдатель училищнаго совѣта». Немного спустя: «Знаете ли вы, что я превознесена паче всѣхъ, всѣхъ ученыхъ учительницъ и учителей: губернское собраніе назначило мнѣ пенсію въ 150 р. и единовременно 300 руб.! Небывалый примѣръ!... Положа руку на сердце, я

должна сказать, что есть лучшіе, достойнѣйшіе, есть и нужды больше моихъ, но страшно пріятно, что люди видѣли, какъ я изъ кожи лѣзла, пока могла!»

Иначе относилось къ ней духовенство. Малоземова была непріятна имъ своимъ рѣзкимъ, но всегда правдивымъ языкомъ и строгостью требованій аккуратнаго выполненія обязанностей законоучительства; она безъ всякихъ разговоровъ сообщала управѣ, что такому-то попу не платите, совсѣмъ не бываетъ въ школѣ. Вотъ, между прочимъ, что она пишетъ изъ школы графа С. «Сдурѣлъ мой попъ. 15-го числа созвалъ сходъ орлинцевъ и написали приговоръ, что учительница въ графской школѣ, т.-е. я, не хороша. Такъ, ни съ чего. Вся штука въ томъ, что всѣ ему кругомъ должны, а я не велѣла пускать въ школу его мальчишку...»

Сами же крестьяне не называли Малоземову иначе, какъ «наша благодѣтельница», и были совершенно правы. Мало того, что она творила великое благо въ стѣнахъ своего храма, она все время о комъ-нибудь хлопотала, въ каждомъ письмѣ за кого-нибудь просила, всегда кого-нибудь устраивала. То подастъ въ Воспитательный домъ прошеніе объ усыновленіи ею его воспитанника *), то проситъ принять дворникомъ, кухаркой Марью, горничной Степаниду, въ мастерскую Савелья, кучеромъ Николая и такъ безъ конца. То пишетъ прошенія и жалобы, составляетъ крестьянамъ письма, отписывается за старосту передъ становымъ. Тамъ растолкала священника отъ трехлѣтняго сна съ приходскимъ попечительствомъ и на собранныя деньги открыла негласно маленькую богадѣльню. Здѣсь обрыскала весь Петербургъ, чтобы пристроить въ пріютъ несчастнаго глухо-нѣмого. Одной барынѣ, взявшей изъ Куровицъ прислугу, но дурно съ ней обращавшейся, пишетъ: «У васъ жить порядочному человѣку нельзя. Вѣдь вы все, какъ и многіе, считаете прислугу машиной, не признаете, что у нея должна быть жизнь, хоть и трудовая, но вполнѣ человѣческая и разумная...» Много хлопотъ было положено на организацію изъ школьниковъ артели газетчиковъ на ст. Сиверской и Дивенской (Варшавской дороги), она

*) Воспитанникъ Петербургскаго Воспитательнаго дома Илларіонъ Ивановъ, родившійся 1862 года и находившійся въ домѣ подъ № 20, воспитывался въ д. Куровицы, Царскосельскаго уѣзда, Рождественской волости, въ настоящее время находится той же волости въ д. Лампово работникомъ у крестьянина. Зная Иванова уже 4 года, убѣдясь въ его нравственности и способностяхъ, я желала бы доставить ему возможность сдѣлаться черезъ два года сельскимъ учителемъ и дать ему для этого хотя въ нѣкоторой степени побольше знаній и образованія и практическаго навыка для занятій въ школѣ. Для достиженія этого необходимо исключеніе Иванова изъ числа воспитанниковъ дома. Я согласна усыновить его, а земство обѣщаетъ выдать мнѣ 50 руб. для представленія въ обезпеченіе будущаго Иванова, и, кромѣ того, земство нынѣ уже оставитъ его помощникомъ при моей школѣ съ небольшимъ содержаніемъ, если будетъ на это разрѣшеніе дома, о которомъ и прошу покорнѣйше".

же была и старостой ея. А какая масса просьбъ о платьѣ и сапогахъ для «своихъ» дѣтей! Почти въ каждомъ письмѣ къ Р. И. Доброхотову Е. Т. благодаритъ его за присланное: «По вашему, хламъ, по нашему, еще годъ носить можно, спасибо!» И вѣдь всѣ эти хлопоты вырисовывались на фонѣ полнаго безкорыстія и необыкновенной доброты. Уже самая исторія денегъ, полученныхъ за домъ, показываетъ, что этотъ человѣкъ не умѣлъ чего-нибудь жалѣть. Сколько разъ, бывало, ея послѣднія сорочки шли на пеленки, юбки—на кофты сосѣдкамъ и т. д. Кто видѣлъ Е. Т., тотъ всегда думалъ, что передъ нимъ совершенно обнищавшій человѣкъ, до того былъ плохъ ея собственный костюмъ. За все свое учительство Малоземова ни разу не пожаловалась на мизерное жалованье... Спартанскій образъ жизни не требовалъ большаго, были даже излишки... Къ ней собирается семья Р. И. на нѣсколько дней погостить въ деревнѣ. Вотъ что она пишетъ по этому поводу: «Тарелокъ у меня нѣтъ, чашекъ тоже, а то можно взять у кого-нибудь на время, вилка одна, ножъ одинъ, салфетокъ нѣтъ, кастрюли двѣ, простынь и подушекъ не водится, и я лишеній не чувствую...»

Нельзя умолчать о литературной дѣятельности Малоземовой. Какъ только она стала чувствовать подъ собою нѣкоторую почву, какъ только пріобрѣла опытъ въ своемъ дѣлѣ, такъ ее страшно потянуло дѣлиться кое-чѣмъ съ другими, дать выходъ своимъ думамъ и чувствамъ. Страсть къ писанію, но не графоманство, у нея иногда доходила до болѣзненности. Уже въ 1875 г., пользуясь знакомствомъ съ княземъ Оболенскимъ, владѣльцемъ типографіи, она выпускаетъ новой системы «Букварь для пособія въ сельскихъ школахъ при начальномъ обученіи грамотѣ» (Спб., цѣна 5 коп.), вполнѣ одобренный г. Рашевскимъ и другими замѣтными педагогами. Не мало съ нимъ было хлопотъ совершенно неопытной Малоземовой. Сначала «Букварь» былъ переданъ ея пріятельницѣ Марко-Вовчку (М. А. Марковичъ), благодаря ея участію, онъ и дошелъ до кн. Оболенскаго. Черезъ нѣкоторое время было составлено и другое пособіе для класснаго чтенія, переданное тоже г-жѣ Марковичъ, но ни въ бумагахъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, ни по личнымъ разспросамъ, ни въ публичной библіотекѣ я не нашелъ ни его, ни слѣдовъ его и потому не могу сказать что-нибудь опредѣленнѣе. Отношенія съ Марко-Вовчкомъ у Е. Т. были самыя пріятельскія. Почтенная писательница цѣнила ее, какъ въ высшей степени дѣятельную непосредственную натуру, какъ энергичную работницу на нивѣ народной... Разумѣется, первый удачный опытъ съ «Букваремъ» не могъ не окрылить надеждъ. «Пожалуйста,—пишетъ вскорѣ Малоземова Р. И. Доброхотову,—проведите меня на путь литературы!.. Не говорю настоящей, большой, но скромной, труженической, рядовой!.. Въ ожиданіи опредѣленія моего въ школу набросала исторійку, ее у меня купилъ Оболенскій за 15 руб. Видно, что я смогу,

но пути нѣтъ безъ вашихъ совѣтовъ и указаній...» Аналогичныя просьбы попадаются очень часто. Р. И., чѣмъ могъ, помогалъ Е. Т., много писалъ ей по поводу ея опытовъ, руководилъ нѣкоторыми ея работами... За послѣднія семь лѣтъ своей жизни Малоземова писала деревенскія сценки съ натуры, издававшіяся кн. Оболенскимъ подъ псевдонимомъ; составляла стихи къ дешевымъ народнымъ картинкамъ; сотрудничала, но тоже подъ псевдонимомъ или просто безъ подписи, въ «Семьѣ и Школѣ» г. Симашка, получая за это 30—40 руб. за листъ и всѣ эти деньги отдавала на школу; кое-что посылала въ «Недѣлю»; продавала кое-какіе народныя брошюры кн. Оболенскому и т. д. Благодаря ея скромности и застѣнчивости, ничего изъ ея произведеній за полной фамиліей мнѣ отыскать не удалось.

Въ одномъ изъ предпослѣднихъ писемъ, отъ 1880 г., читаемъ: «Въ одну ночь изъ трехъ послѣднихъ, когда я была здорова, мнѣ вздумалось написать стихи. Долго не удавалось начало, но все прилагаемое написала впродолженіи двухъ часовъ, надо бы кончить получше, не умѣю.

19 Февраля.

(19 февраля 1855 — 19 февраля 1880 гг.).

Великій день Россія ждетъ
И торжество давно готовитъ,
Дѣлами добрыми почтетъ,
Благодѣяньемъ славословитъ,
Какъ будто всѣ края земли
Родной Россіи необъятной
Однимъ лучомъ озарены
И теплотою благодатной!
Вездѣ готовы приношенья,
Чтобъ нужды, горе утолить,
И юности помочь въ ученьи,
И старость слабыхъ облегчить.
Примѣръ возвышенъ и великъ
Всѣхъ озарилъ, одушевилъ,
Единый духъ вездѣ проникъ,
Когда самъ царь его внушилъ.
Да, знаменита четверть вѣка,
Благословила насъ судьба,
Освободилъ царь человѣка,
Исчезло званіе раба!
Да, царь, раба освобождая,
Въ немъ человѣка признавалъ
И, равноправья достигая,
Въ рекрутствѣ всѣхъ онъ приравнялъ.
Самодержавною рукою
Онъ къ правдѣ двери отворилъ
И судъ, покрытый темнотою,
Зарею свѣта озарилъ.

При немъ рабовъ исчезли стоны,
Конецъ положенъ истязаній,
Явились милости законы
И нѣтъ тѣлесныхъ наказаній!

Не придавая этому стихотворенію никакого литерарурнаго значенія, мнѣ кажется, оно до нѣкоторой степени характеризуетъ автора, и, во всякомъ случаѣ, интересно при сопоставленіи его образовательнаго багажа. Оно интересно, какъ показатель настроенія и любви къ эпохѣ реформъ, которая возродила и автора, бывшую березниковскую крѣпостную.

Но и это все не удовлетворяетъ ярую поборницу народнаго просвѣщенія. Въ ея головѣ были грандіозные замыслы, хотѣлось разбудить русское общество, привлечь его къ служенію народу. Одинъ изъ плановъ особенно волновалъ Малоземову. Она прекрасно знала, какъ велика нужда народа и какъ все-таки незначительны средства, которыя земство можетъ дать на ея удовлетвореніе. Нужна широкая помощь общества. И вотъ зимой 1878 г. начинается работа. На послѣдніе гроши Малоземова еженедѣльно ѣздитъ въ Петербургъ, пишетъ массу писемъ тому, другому, третьему, и съ помощью Р. И. Доброхотова ей удается, наконецъ, съ организовать кружокъ для выработки проекта устава. Ближайшее участіе въ немъ принимали: Н. А. Варгунинъ, Ю. А. Варгунина, А. П. Философова, А. И. Кривцовъ, В. И. Герардъ и еще двое-трое. Собранія для выработки проекта происходили сначала на квартирѣ Р. И. Пріѣзжали и коллеги Малоземовой.

Приведу въ заключеніе два письма А. П. Философовой къ Р. И. Доброхотову, служащія къ освѣщенію дѣятельности этой замѣчательной личности.

«Пожалуйста, пришлите мнѣ какъ можно больше экземпляровъ проектируемаго устава. Послали ли къ городскому головѣ П. Л. Корфу? Мой совѣтъ заблаговременно разослать ко всѣмъ членамъ думы и земства, прося возвратить съ замѣчаніями. Пусть отсылаютъ ко мнѣ на квартиру или привезутъ въ собраніе. Главное теперь надо заинтересовать этимъ дѣломъ будущихъ членовъ общества, а только тогда заинтересуются, когда спросить совѣта: человѣческая слабость; знаю ее по опыту.» «Очень и очень благодарна вамъ за присылку уставовъ. Не угодно ли будетъ вамъ назначить засѣданіе нашего комитета въ среду, 14-го марта, къ 8 час. вечера. Ежели вы согласны, то разошлите приглашенія, указавъ мой адресъ для собранія: Мойка, 94, у Поцѣлуева моста. Чтобы подвинуть все это дѣло, я полагала бы передать уставъ въ руки надежнаго адвоката, какъ, напримѣръ, В. Н. Герардъ, который передъ собраніемъ просмотритъ еще уставъ съ юридической точки зрѣнія и предложитъ его въ окончательной формѣ. Градоначальнику я тоже дамъ знать о днѣ собранія, чтобъ не было придирокъ; онъ намъ тоже можетъ быть полезенъ въ этомъ великомъ дѣлѣ».

Въ результатѣ энергичной работы сплоченнаго кружка въ маѣ 1879 г. въ министерство народнаго просвѣщенія былъ представленъ печатный проектъ устава «Общества для вспомоществованія народнымъ училищамъ и для распространенія оныхъ». Цѣль общества состояла «въ подержаніи денежными или вещевыми пособіями всякаго рода школъ или училищъ для народа, которыя будутъ нуждаться въ томъ, а также въ содѣйствіи открытію таковыхъ вновь, и вообще въ оказаніи воспособленія дѣлу народнаго образованія». Для этого предполагалось: «а) доставленіе народнымъ училищамъ всякаго рода учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей; б) доставленіе средствъ на содержаніе учащихъ и для воспособленія учащимся къ посѣщенію училищъ; в) устройство при училищахъ библіотекъ для учащихся, а также для учащихъ и для взрослаго населенія; г) постройка и ремонтъ зданій для народныхъ училищъ или выдача на это денежныхъ и матеріальныхъ пособій и д) всякіе другія, не противныя законамъ и распоряженіямъ правительства, мѣры, клонящіяся къ успѣшному распространенію народнаго образованія». Каждый, уплатившій въ годъ 5 рублей, независимо отъ пола, состоянія и званія, считался членомъ общества. Совѣтъ находился въ Петербургѣ, филіальныя отдѣленія повсемѣстно въ провинціи. Какъ видитъ читатель, общество ставило себѣ цѣлью дополнить функціи комитетовъ грамотности.

Но не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать судьбу проекта у гр. Д. А. Толстого... Однако, первой неудачей нельзя было «осадить» Малоземову. Она снова начинаетъ бурлить и ворошить кружокъ, снова хлопоты, снова кипучая работа и вотъ незадолго до ея смерти, въ серединѣ 1881 г., въ министерство поступаетъ проектъ устава «Общества содѣйствія народному образованію въ Россіи». Къ предметамъ его дѣятельности относилось: «а) учрежденіе всякаго рода народныхъ училищъ и завѣдываніе ими; б) доставленіе средствъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ, доставленіе въ народныя училища классныхъ и учебныхъ пособій, а также пособія учащимъ и учащимся въ нихъ; в) устройство народныхъ чтеній, читаленъ и библіотекъ; г) всякія другія, не противныя законамъ и распоряженіямъ правительства, мѣры, содѣйствующія народному образованію». Тутъ нельзя не найти сходства съ тургеневскимъ проектомъ «Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія», внесеннымъ въ 1861 г. въ петербургскій комитетъ грамотности. Но и второй проектъ, болѣе детализированный и лучше кодифицированный, постигла та же участь...

Можно ли хоть на минуту усомниться въ отношеніяхъ къ Малоземовой учениковъ и деревни? Кто столько даетъ народу, тотъ не можетъ ничего не получить. Скромность Е. Т. причина того, что эту сторону ея жизни можно освѣтить лишь нѣсколькими отрывочными фразами не любила писать про себя хорошее покойница — да но

разсказамъ ея знавшихъ. Кое-что было приведено уже и выше. «Вчера я была на станціи и встрѣтился одинъ изъ попечителей школы, крестьянинъ, и такъ радушно, по родному, взялъ меня за плечи и спрашиваетъ: «Озябла, голубушка наша?» Все это мелочи, но въ нихъ душа и задушевность». «Расположеніе деревни теплое и полное, т.-е. все благо и любо живется...» «Только что пріѣхала въ Куровицы. Здѣсь уже отчаялись въ моемъ возвращеніи и очень обрадовались всѣ такъ, что это привело меня въ умиленіе». «Сегодня у меня въ школѣ первый разъ вся орлинская молодежь побывала, многіе весь день просидѣли. 16—18 лѣтніе парни—экая сила славная, если бы ихъ добру учить, какъ искренно подчиняются добру! Здѣсь около заводъ стеклянный есть, многіе ребята работаютъ на немъ. Сначала даже я боялась этихъ фабричныхъ: видъ наглый, манеры ухарскія... Но мало-по-малу они показывались въ школѣ по праздникамъ, а сегодня, въ Благовѣщеніе, пришлось убѣдиться, что они рады привѣту болѣе учениковъ и готовы вѣровать всему хорошему. Они по-дѣтски проводили праздникъ, возились съ маленькими ребятами, старались быть приличными, пѣли, читали, въ шапкахъ не сидѣли и даже пальто снимали, подражая школьникамъ. Вообще, очень милый народъ! Я спросила всѣхъ сегодня, гдѣ бы они день провели безъ школы? Отвѣчаютъ: въ кабакѣ или около...»

Многому, конечно, способствовало и самое происхожденіе Малоземовой. Оно помогало ей понимать тонко психологію мужика. Кстати, я не могу не упомянуть объ одномъ ея замѣчаніи. «Въ упрекъ же намъ, что школа не заставила крестьянина полюбить свое родное дѣло, а выучила стремленію изъ своей среды, видно сейчасъ петербургскихъ баръ, ни уха, ни рыла не разумѣющихъ въ деревнѣ и ея настроеніяхъ. Да что же ему любить-то? Вѣдь нѣтъ этого своего-то дѣла! Оно вѣдь только воображаемо! 20 лѣтъ назадъ семья была изъ двоихъ, четверыхъ и эту семью кормила полоса, а теперь 15—18 и даже 20 человѣкъ у той же полосы! Она ихъ не кормитъ, за что же ее любить? Одинъ-двое обработали эту полоску, а десять не знаютъ что дома дѣлать; вѣдь совсѣмъ нечего! Полоса не кормитъ, она держитъ человѣка впроголодь, держитъ въ деревнѣ, какъ же мы будемъ внушать къ ней любовь! Бредни все господъ нововременцевъ!»

Отношеніе товарищей по учительству къ Малоземовой было удивительно теплое, сердечное, она же пользовалась замѣтнымъ среди нихъ авторитетомъ. Не проходило недѣли, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не навѣстилъ ее, не просилъ посидѣть на урокѣ, послушать, поучиться. По праздникамъ въ скромной комнаткѣ Е. Т. часто собиралась почти вся учительская округа и каждому дѣлалось легко и весело въ присутствіи этой оригинальной женщины. Женщины... Многимъ не знавшимъ ея не хотѣлось вѣрить, что это суровое, чисто мужское, хмурое лицо, эта

фигура въ мужской куркѣ скрываетъ необыкновенно добрую, мягкую и чисто женскую душу.

Что особенно отличало работниковъ перваго призыва—это постоянное повышенное настроеніе духа, безусловное довольство своей тяжелой долей, такъ высоко и гордо поднятая голова, о которой говорилъ М. А. Стаховичъ. «Я начинаю чувствовать сильную признательность судьбѣ, строющей изъ меня орудіе блага». «Мнѣ все любо здѣсь, все. Прихожу въ умиленіе и считаю себя счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ!» «Право, хорошо! Чувствуешь себя двигателемъ людей, которымъ принадлежитъ будущее!» «Живу, благоденствую, наслаждаюсь жизнью вполнѣ!» «Живу и блаженствую»! «Мнѣ очень нравится эта жизнь». «Счастлива я вездѣ и всегда». Въ области этого постояннаго довольства изъ жизни Е. Т. выдѣляется одинъ курьезный случай. Она страшно увлекалась поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», но находила, что безъ положительнаго конца вещь очень много проигрываетъ. «Я пойду къ нему и скажу, кому дѣйствительно жить хорошо. Не вѣрите? Ей-Богу пойду!» говорила она какъ-то своимъ знакомымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ одинъ изъ ближайшихъ пріѣздовъ въ Петербургъ она отправляется къ Некрасову, говоритъ лакею: «Авдотья Малоземова, народная учительница», получаетъ свиданіе съ великимъ поэтомъ и проситъ объяснить, почему онъ не далъ ничего положительнаго? Не знаю точно, что отвѣчалъ ей Некрасовъ, но, повидимому, онъ ее не удовлетворилъ. Тогда Малоземова встала и говоритъ: «Забыли, дорогой Николай Алексѣевичъ, забыли насъ: единственно кому хорошо на Руси живется—это народному учителю; сладко и вольготно живется, душа свободна» Съ этими словами она распрощалась съ удивленнымъ Некрасовымъ...

Понятно, такое самочувствіе было исключительнымъ результатомъ кипучей дѣятельности Малоземовой. Не могу также не замѣтить, что Малоземова была счастлива именно только благодаря работѣ: она никогда не любила и оставалась дѣвушкой до самой смерти.

Когда чахотка начала давать себя сильно чувствовать, она писала: «Докторъ говоритъ, что если я буду беречься, то 10—15 лѣтъ еще проживу. Не хочу такъ долго! Два года, ну три, больше не надо!» Немного позже: «Начну письмо съ того, какъ водится начинать хворымъ да старымъ, т.-е. съ своего здоровья. Все было ладно, недѣли двѣ занималась одна и сдѣлала порядочно, время не пропало. Но теперь лѣкарство все вышло, и три дня я совсѣмъ свихнулась. Вчера впервые впала въ малодушіе и увы! повыла сама себѣ, ясно сознавая, что такъ не стоитъ жить! Чего же тянуть!? Значитъ, пора пришла... Но и плача вчера, я не считала себя несчастною, а только получающею напоминаніе, что я есть смертна. Отчасти я забыла это и думала, что я вѣчно живуща...» «Долго не отвѣчала,—начинаетъ Е. Т. свое послѣднее

письмо отъ 19-го декабря 1882 г.,—все ждала силы, чтобъ по старой памяти грянуть на двухъ листахъ многословіемъ. Но силы плохи. Теперь ужъ я не та! До нынѣшней зимы моя живучая натура боролась съ разрушеніемъ, а теперь сокрушилась. Разрушеніе идетъ медленно, но рѣшительно, и организмъ мой уже не борется, а все спускается къ неизбѣжному исходу... Наглоталась сейчасъ опіуму и пользуюсь временемъ написать вамъ, мой дорогой и единственный другъ, но я умру и даже хочу скорѣе, потому что ужасно жить не вставая. Не нужна я больше такая...»

Передъ самымъ наступленіемъ 1883 года свѣтлой труженицы перваго призыва не стало... Миръ праху ея и многихъ ей подобныхъ, давшихъ Россіи народную школу 70-хъ годовъ.

Мих. Лемке.

СТАРЫЯ СКАЗКИ.

Лѣсная царевна.

Мы въ старыя сказки не вѣримъ,
Не вѣримъ давно въ чудеса,
Но сказку я знаю: вотъ теремъ,
На вышкѣ — царевна-краса.

***

Царевна глядитъ на дорогу...
Не конница-ль мчится въ пыли?
Не вторитъ ли звонкому рогу
Бряцанье оружья вдали?

***

Ей грезятся пестрые стяги
И удаль безумная сѣчъ,
И витязь, исполненъ отваги,
И юная, пылкая рѣчь...

***

Но солнце восходитъ, заходитъ —
Все пусто и глухо въ лѣсу,
И жизнь, годъ за годомъ, уходитъ,
Минуя царевну-красу.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Очерки и разсказы“ Вл. Короленко, т. III.—Общее настроеніе третьей книги разсказовъ—вѣра въ жизнь и людей.—„Огоньки“ и „Сказаніе о Флорѣ“.—„Парадоксъ“ и другіе разсказы.

Выходъ третьяго тома произведеній Вл. Короленко, до сихъ поръ разсѣянныхъ на протяженіи почти пятнадцати лѣтъ («Сказаніе о Флорѣ» появилось еще въ концѣ 80-хъ годовъ въ «Сѣв. Вѣстн.») въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, является настоящимъ подаркомъ всѣмъ любителямъ родной литературы. И именно теперь этотъ прекрасный подарокъ такъ кстати, когда все наростающая волна новыхъ читателей съ такой жадностью поглощаетъ художественную литературу, ищетъ въ ней разгадки массы текущихъ явленій, не поддающихся анализу и не укладывающихся ни въ какія излюбленныя нѣкогда рамки. И авторъ имѣетъ что сказать этой ищущей отвѣта читательской массѣ и умѣетъ сказать такъ, что слово его находитъ доступъ въ самое очерствѣлое сердце и вызываетъ откликъ въ самой заглохшей душѣ, казалось, утратившей эту способность отзываться на чужую боль и чужую радость подъ бременемъ мелкихъ, неустанныхъ тяготъ обыденной жизни. Въ пьесѣ М. Горькаго «На днѣ» выведенъ странникъ Лука, который всякому умѣетъ сказать нѣчто, именно ему нужное, открывающее и для него какой-то если не выходъ изъ ямы, куда его засосала жизнь, то просвѣтъ, гдѣ онъ вдали, пусть даже и недосягаемой для него, видитъ яркую звѣздочку надежды, ободренія и вѣры и возможности лучшаго будущаго. Въ современной нашей литературѣ мы не знаемъ другого художника, который, какъ этотъ странникъ Лука, могъ бы подымать въ читателѣ вѣру въ человѣка, въ жизнь, въ идеалъ, такъ умѣлъ бы подойти къ опустившемуся и извѣрившемуся въ добро, указать ему съ истинно-материнскою лаской на маячащій впереди огонекъ, что, «пераливаясь и маня», стоитъ впереди, и съ недопускающей сомнѣнія убѣдительностью увѣрить его, что нѣтъ той силы, которая смогла бы погасить этотъ живительный огонекъ идеала. Пусть «жизнь течетъ въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла... но все-таки... все-таки впереди—огни!..»

Этими бодрящими словами начинается новая книга Вл. Короленки, и мысль, заключающаяся въ нихъ, простая и яркая, какъ и всякая вѣковѣчная правда, не та правда сегодняшняго дня, что завтра, быть можетъ, предстанетъ ложью, а та, что не съ нами родится и съ нами не умретъ, но передается изъ рода

въ родъ и «до скончанія вѣка пребудетъ», — живыми искрами сверкаетъ въ каждомъ разсказѣ, проблескиваетъ въ каждой строчкѣ и разгорается въ яркое пламя немеркнущаго свѣта жизнерадостнаго идеализма и человѣчности.

Неумирающая и неутолимая жажда правды—вотъ что, въ концѣ концовъ, руководитъ людьми, несмотря на всѣ нагноенія житейской грязи, несмотря на кровь и слезы, которыми такъ обиленъ путь человѣчества, и Вл. Короленко въ чудесныхъ образахъ заставляетъ насъ повѣрить этой истинѣ. И не только повѣрить, но и почувствовать жажду борьбы за нее, что и составляетъ безсознательный для художника и реальный результатъ истиннаго художественнаго произведенія для читателя. Какъ истинный художникъ, онъ не обращается къ нашему уму съ прямымъ призывомъ, не подчеркиваетъ своей мысли, которая не торчитъ, какъ шестъ, съ опредѣленнымъ знаменемъ, а даетъ рядъ образовъ, проникнутыхъ яснымъ настроеніемъ самого художника. Говоря «яснымъ», мы хотимъ подчеркнуть особенность субъективнаго творчества автора, въ которомъ преобладаютъ свѣтлые тона, чуждые всему мрачному, озлобленному или человѣконенавистническому. Это-то свойство творчества и дало, повидимому, поводъ одному изъ мрачныхъ критиковъ современности охарактеризовать настроеніе произведеній Вл. Короленки, какъ «примиреніе съ дѣйствительностью». Только глубочайшее непониманіе или полное неумѣніе проникнуть въ скрытый за художественной стороной смыслъ этихъ произведеній могло привести къ такому нелѣпому по существу заключенію. Мы очень рады, что третья книга разсказовъ даетъ именно самое яркое опроверженіе этого вывода относительно «примиренія съ дѣйствительностью», якобы вытекающаго изъ произведеній Вл. Короленко.

Да, авторъ, дѣйствительно, примиряетъ насъ, но не съ современной дѣйствительностью, а съ человѣкомъ. Въ каждомъ разсказѣ, въ каждомъ положеніи, въ самыхъ мрачныхъ картинахъ жизни онъ указываетъ нѣчто, способное примирить насъ съ жизнью,—идеальную сторону ея, тотъ «огонекъ», переливающійся и манящій, который свѣтитъ вдали.

Вслѣдъ за прелестнымъ стихотвореніемъ въ прозѣ «Огоньки», которое не уступаетъ по формѣ и глубинѣ содержанія лучшимъ стихотвореніямъ въ прозѣ Тургенева, авторъ въ «Сказаніи о Флорѣ, Агриппѣ и Менехемѣ, сынѣ Іегуды» даетъ страничку изъ самой мрачной трагедіи, когда-либо пережитой человѣчествомъ. Это—гибель Іерусалима подъ ударами внѣшней силы и отъ раздоровъ партій внутри. Предъ лицомъ надвигающагося неумолимаго врага въ народѣ рѣзко опредѣляются два настроенія—примирительное, стремящееся путемъ угодливаго смиренія укротить свирѣпость римлянъ, и боевое, призывающее къ борьбѣ во что бы то ни стало. Представителемъ послѣдняго выступаетъ Менехемъ, сынъ Іегуды Гамалліота, славнаго борца за свободу. Его сильная проповѣдь внушаетъ уваженіе даже врагамъ, но безсильна сплотить весь народъ, смущаемый рабской угодливостью, слезами и страхомъ главарей, первосвященниковъ и знатныхъ, съ царемъ Агриппой во главѣ. Менехемъ уходитъ изъ города съ своими приверженцами, рѣшивъ защищать родину самостоятельно. Онъ не обманывается относительно исхода борьбы, которая

должна привести и его къ гибели. Но онъ не боится такого исхода, такъ какъ все существо его проникнуто однимъ сознаніемъ,—онъ не можетъ примириться съ неправдой и насиліемъ, разъ понялъ, что такое правда и къ чему она обязываетъ. Кто прошелъ періодъ невѣдѣнія, для того скорбь и самая смерть теряютъ свою силу и власть,—и въ превосходной молитвѣ, обращенной къ Богу, Менехемъ выражаетъ вѣчный стимулъ борьбы за идеалъ, хотя бы и безъ надежды на побѣду въ данный историческій моментъ. Это прекрасное сказаніе, къ сожалѣнію, было до сихъ поръ похоронено на страницахъ мало распространеннаго журнала и потому мало знакомо читателямъ, по крайней мѣрѣ современнымъ, и потому они едва ли посѣтуютъ на насъ, если мы приведемъ конецъ этой боевой молитвы борцовъ за правду.

Гамилліотъ говоритъ, что предстоитъ послѣдняя борьба, и кому Богъ судилъ побѣду—угнетателямъ или угнетеннымъ, неизвѣстно,—но, заканчиваетъ онъ:

«Если Ты, въ безконечной мудрости, судилъ въ наше время гибель правому дѣлу и еще разъ дашь торжествовать насилію, и если намъ, защитникамъ, суждено погибнуть, а угнетители воздвигнутъ алтари торжества и нечестія на мѣстѣ Твоихъ алтарей,—да будетъ!..

«Но исполни же просьбу обреченныхъ, исполни нашу прюсьбу, Всевышній!

«Пусть никогда не забудемъ мы, доколѣ живы, завѣты борьбы за правду.

«Пусть никогда не скажемъ: лучше спасемся сами, оставивъ безъ защиты слабѣйшихъ.

«Пусть ни одинъ нашъ ударъ не будетъ направленъ противъ неповинныхъ въ насиліи.

«Пусть никогда не посягнемъ на святость чужихъ алтарей, помня поруганіе своихъ.

«Пусть мысли наши сохраняютъ ясность, дабы направлять стопы наши по пути правды, а удары рукъ на защиту, а не на утѣсненіе.

«И когда будутъ смежаться наши очи въ виду смерти,—не отыми у насъ, Адонаи, вѣру въ торжество праваго дѣла на землѣ.

«Чтобы мы знали, что законъ правды непреложенъ, какъ непреложенъ законъ природы: вотъ нынѣ грозное знаменіе (комета, бывшая въ то время. *А. Б.*) пламенѣетъ въ синевѣ неба, но оно пробѣжитъ и исчезнетъ. А кроткая луна, которая нынѣ мало замѣтна, будетъ восходить надъ землей въ свое время отъ вѣка до вѣка.

«Когда же пробьетъ часъ Твоей воли и мы погибнемъ, пусть ангелъ скорби осѣнитъ своимъ крыломъ наши могилы и повѣдаетъ о насъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ враговъ нашихъ, чтобы и наша смерть служила правому дѣлу.

«И я вѣрю, о, Адонаи, что на землѣ наступитъ Твое царство!..

«Исчезнетъ насиліе, народы сойдутся на праздникъ братства, и никогда уже не потечетъ кровь человѣка отъ руки человѣка!..

«Тогда ангелъ скорби, радостно взмахнувъ своими крылами, поднимется къ небу, а на землѣ будетъ радость и миръ.

«Пусть тогда люди вспоминаютъ о насъ, несчастныхъ, въ жестокое время проливщихъ свою кровь для дѣла защиты, а не для утѣсненія».

*

Это чудесное «Сказаніе» появилось въ восьмидесятые годы, въ періодъ толстовства, проповѣди малыхъ дѣлъ и того упадка духа, которымъ ознаменовано то скучное и мертвое время. «Сказаніе» прозвучало тогда, какъ рѣзкій диссонансъ въ тихой баюкающей мелодіи, и встрѣчено было, какъ призывъ къ бодрой дѣятельности, не ограниченной только интересами текущаго дня. Для пониманія идейной стороны таланта автора оно очень характерно по ясности мысли, не допускающей никакихъ толкованій, въ родѣ примиренія съ дѣйствительностью и смиренія. Для всякаго вдумчиваго читателя Вл. Короленки, положимъ, и безъ этого «сказанія» ясно, гдѣ коренятся симпатіи автора, каковы его чаянія и надежды. Но полнота художественнаго изображенія, съ которой авторъ рисуетъ жизнь, не дозволяя односторонняго освѣщенія, вникая въ глубину каждаго выводимаго имъ лица и предоставляя образамъ говорить за себя, не для всѣхъ, очевидно, доступна, если могло явиться и такое представленіе о немъ.

По идеѣ въ одной связи съ «Сказаніемъ» можно поставить и «Мгновеніе», небольшую картинку, появившуюся впервые въ сборникѣ «На славномъ пути». Идея та же, что и въ «Сказаніи»—«одинъ мигъ настоящей жизни стоитъ цѣлыхъ годовъ прозябанія». Долгіе годы томившійся въ одиночномъ заключеніи узникъ бѣжитъ на утлой лодчонкѣ въ жестокую бурю. При нѣкоторой искусственности построенія всего разсказа, въ немъ есть превосходные отдѣльные штрихи, какъ, напр., моментъ, когда бѣглецъ, истомленный долгимъ заключеніемъ, останавливается въ страхѣ передъ бушующей стихіей и робко возвращается въ свою одиночную келью. «Нѣтъ, онъ не можетъ бѣжать... на морѣ гибель... Онъ схватился руками за карнизъ, поднялся къ окну и остановился... Въ камерѣ было пусто и сравнительно тихо. Ровный желтоватый свѣтъ фонаря падалъ на стѣны, на вытоптанный полъ, на матрацъ, лежащій въ углу... Надъ изголовьемъ, вырѣзанная глубоко въ камнѣ, виднѣлась надпись: «Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль-Діацъ, инсургентъ. Да здравствуетъ свобода!» И всюду по стѣнамъ, крупныя и мелкія, глубокія и едва намѣченныя, мелькали эти же надписи... Далѣе потянулись цифры... Сначала онъ отмѣчалъ время днями, недѣлями, потомъ мѣсяцами... Десятый годъ былъ отмѣченъ простой цифрой безъ восклицаній... Далѣе счетъ прекращался... Только имя продолжало мелькать, вырѣзанное слабѣющей и лѣнивой рукой... И на все это безстрастно и ровно падалъ желтоватый свѣтъ фонаря... И вдругъ Діацу представилось, что на его постели лежитъ человѣкъ и спитъ тяжелымъ сномъ. Грудь поднимается тихо, съ тупымъ спокойствіемъ... Это онъ? Тотъ Діацъ, который вошелъ сюда полнымъ силъ и любви къ жизни и свободѣ?.. Діацъ отпустилъ руки и опять спрыгнулъ на берегъ...»

Что произошло съ нимъ, погибъ онъ или съумѣлъ спастись, для читателя безразлично. Художникъ съ рѣдкой силой далъ ему почувствовать, что одно мгновеніе жизни, настоящей жизни, выше томительнаго прозябанія, и пробудилъ щемящее чувство тоски по этой настоящей жизни, которая не всякому доступна, хотя и всякій къ ней призванъ. Если бы мы могли, какъ Діацъ, на мигъ вырваться изъ той душной тюрьмы, которую каждый безсознательно

самъ устраиваетъ себѣ, сколькіе изъ насъ удивились бы, увидя странное существо, которое «спитъ тяжелымъ сномъ, грудь поднимается тихо, съ тупымъ спокойствіемъ». Удивились бы и испугались,—неужели это мы, тѣ самые, что начали жить когда-то, полные силъ и любви къ жизни и свободѣ? Таковъ, напр., этотъ опустившійся, бывшій нѣкогда борцомъ за освобожденіе крестьянъ, земскій начальникъ, который ѣдетъ въ разсказѣ «Въ облачный день» и уныло вспоминаетъ прежнее, съ неумолчнымъ припѣвомъ, «а теперь... что же мы видимъ?» Рамки разсказа какъ бы сами собой раздвигаются, образъ Мигуэля-Діаца стушевывается и исчезаетъ за чѣмъ-то болѣе важнымъ и близкимъ, что поднимается въ глубинѣ души читателя и властно напоминаетъ о болѣе высокомъ существованіи, о цѣли жизни, объ идеальныхъ стремленіяхъ. Такъ и въ разсказѣ «Парадоксъ» бѣдный калѣка своимъ афоризмомъ возбуждаетъ въ окружающей его толпѣ простыхъ людей тѣ же мечты. «Человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета», пишетъ безрукое, изломанное, несчастное существо, и рѣзкое противорѣчіе между его видомъ и смысломъ его парадокса возбуждаетъ въ окружающихъ лучшія стороны ихъ души.

Идеализмъ писателя, проникающій всѣ его разсказы, придаетъ всему, чего онъ коснется, особый оттѣнокъ глубины и чарующей гуманности. Мы не можемъ подобрать лучшаго слова, какъ «очеловѣченіе» жизни, для этой особенности Вл. Короленки. Въ самыхъ темныхъ и печальныхъ сторонахъ жизни онъ умѣетъ указать то человѣчное, что таится тамъ, на днѣ, подъ грудой всякихъ наслоеній и, не умирая, лишь ждетъ момента, чтобы выбиться наверхъ и заставить всѣхъ вспомнить о себѣ. Реализмъ описанія, который у Вл. Короленки достигаетъ необычайной законченности, такъ что каждый штрихъ, каждая мимолетная картинка кажутся словно вычеканенными на металлѣ, смягчаются этой любовной, ласковой проникновенностью въ глубь явленія, и въ результатѣ получается не примиреніе съ жизнью и ея темными сторонами, а пониманіе ея, любовь къ этой бѣдной, полной страданій жизни, желаніе борьбы за тѣ скрытыя въ ней начала добра и правды, которыя освѣтилъ художникъ...

Большую часть третьяго тома составляютъ сибирскіе очерки, въ которыхъ до сихъ поръ Вл. Короленко не имѣетъ себѣ соперника въ русской литературѣ. Въ книгу вошли три разсказа—«Государевы ямщики», «Морозъ», «Послѣдній лучъ» и цѣлая повѣсть «Марусина заимка», всѣ изъ жизни далекой сибирской окраины, природу и обитателей которой, вольныхъ и невольныхъ, авторъ сроднилъ съ читателемъ и сдѣлалъ ихъ дорогими украшеніями нашей литературѣ. Въ разсказѣ «Государевы ямщики» онъ даетъ два новыхъ типа, которые по праву займутъ равное мѣсто наряду съ его «Убивцемъ» и «Соколинцемъ»: это идеалистъ Микеша и озлобленный жизнью и тяжкой несправедливостью судьбы ссыльно-поселенецъ, уніатъ Островскій.

Микеша прелестный типъ, излюбленный авторомъ и всегда описываемый имъ съ тонкимъ юморомъ и лаской. Онъ искатель новой жизни, протестантъ противъ сложившихся условій, которыхъ онъ не можетъ вполнѣ усвоить, и скорѣе чувствомъ постигающій, что такъ жить нельзя и не слѣдуетъ. Его

манитъ что-то невидимое, далекое и прекрасное, чуждое постылому окружающему міру, гдѣ все такъ низменно и глубоко несправедливо. Микеша то же «Государевъ ямщикъ», прикрѣпленный къ «камню» на Ленѣ, гдѣ изъ рода въ родъ гоняютъ ямщину, на лошадяхъ и водою, поддерживая сообщеніе между этимъ «гиблымъ» мѣстомъ и тѣмъ далекимъ міромъ, что смутно мерещится темной душѣ Микеши. Все ему здѣсь постыло и ленскій камень, отъ котораго некуда уйти, и гоньба, и ямщичій міръ, забитый, вымирающій и несчастный, который Микеша вполнѣ постигъ и злобно критикуетъ. Его попытки сбѣжать, куда глаза глядятъ, неудачны и дики. Въ концѣ концовъ онъ нарочно впутываетъ себя въ уголовное дѣло, лишь бы путемъ острога и ссылки завоевать себѣ свободу, отдѣлаться отъ дикаго камня и уйти туда, куда его непреодолимо тянетъ его безпокойная мятущаяся душа. «Да, всякія бываютъ мечты», задумчиво кончаетъ авторъ свой очеркъ, и приленскій мечтатель, «порченый» по мнѣнію «міра», становится намъ близокъ, какъ родная душа, гдѣ-то далеко-далеко бьющаяся надъ разрѣшеніемъ близкихъ и намъ вопросовъ, по существу имѣющихъ одинаковое значеніе и на Ленѣ, и въ Петербургѣ, ибо сущность ихъ все тѣ же мечты о добрѣ и правдѣ. И сколько такихъ Микешъ ищутъ дорогъ въ неизвѣстному свѣту среди непроницаемаго мрака и погибаютъ, не проявивъ и тысячной доли скрытой въ нихъ возможности творить добро и служить правдѣ. Но уже одно то, что они вездѣ есть, эти мечтатели, служитъ ободряющей надеждой, а наивная вѣра Микеши въ Бога, что «хоть худенькой худой, ну, все еще сколько-нибудь дѣламъ-те правитъ», убѣдительнѣе дѣйствуетъ на душу, чѣмъ самыя витіеватыя разсужденія на тему о «человѣкобогѣ и богочеловѣкѣ».

Рядомъ съ свѣтлой, хотя и нѣсколько юмористической фигурой Микеши трагическій образъ Островскаго выступаетъ съ удручающей силой, какъ безвинная жертва царящаго мрака и зла. Вообще, авторъ неохотно останавливается на такихъ мрачныхъ образахъ, и Островскому мы не находимъ аналогіи въ длинномъ ряду типовъ Вл. Короленки.

Кажется, какъ будто жизнерадостное, вѣчно и всюду стремящееся къ свѣту воображеніе художника съ нѣкоторою стыдливою боязнью обходитъ такія явленія, при видѣ которыхъ смолкаетъ голосъ ободренія и надежды, а въ возмущенной душѣ поднимается страшное чувство мести...

Встрѣча съ Островскимъ происходитъ послѣ того, какъ по дорогѣ авторъ и его спутники съ Микешей видѣли пожаръ заимки Островскаго, которую послѣдній самъ сжегъ, чтобы никому не доставалась. Фактъ этотъ поражаетъ и привлекаетъ Микешу своей грандіозностью.

«— Ча?—крикнулъ Микеша. — Погляди ты, какіе люди бываютъ: самъ юрту зажигалъ, амбаръ зажигалъ, городьбу что есть въ амбаръ бросалъ... У-у, дьяволъ!

«— Кто это?

«— Да кто иной: Островскій, говорю, уніатъ...

«И Микеша съ интересомъ и оживленіемъ сталъ разсказывать мнѣ исторію этого пожара.

«Она была проста и сурова, какъ эти берега и горы. Нѣсколько лѣтъ назадъ уніатъ Островскій былъ высланъ, кажется — за отпаденіе отъ православія и поселенъ на Ленѣ. За нимъ пришла молодая жена съ маленькой дѣвочкой. Якуты отвели ему надѣлъ въ широкой пади, между двумя скалами. Мѣсто показалось удобнымъ для земледѣлія, якуты оказали нѣкоторую помощь. Сравнительно не трудно было сбывать хлѣбъ на пріиски, и Островскій бодро принялся за работу. Якуты не сказали ему одного: въ этой лощинѣ хлѣбъ родился прекрасно, но никогда не вызрѣвалъ, такъ какъ его уже въ іюлѣ каждый годъ неизмѣнно убивали сѣверо-западные вѣтры, дувшіе изъ ущелья, какъ въ трубу, и приносившіе ранній иней. Якуты, не желавшіе вообще поселенцевъ на своихъ земляхъ,—имѣли свои виды, а сосѣди станичники, арендовавшіе у якутовъ покосы и, поэтому, зависимые, тоже не предупредили поляка, боясь разсердить якутовъ.

«Первые годы Островскій приписывалъ свои неудачи случайности и, глядя на необычайно буйные урожаи, все ждалъ, что одинъ годъ сразу поставитъ его на ноги. И онъ убивался надъ работой, голодалъ, заставлялъ голодать жену и ребенка, все расширяя свои запашки... Наконецъ, въ этомъ году жена умерла отъ цынги и горя, а осень опять дала одну солому. Островскій вырылъ могилу, безъ слезъ уложилъ жену въ мерзлую землю и заровнялъ ее... Потомъ онъ взялъ билетъ на пріиски и пособіе у якутовъ на дорогу. Якуты охотно дали и то и другое, въ разсчетѣ избавиться отъ поселенца и воспользоваться его домомъ и кое-какимъ имуществомъ. Но Островскій обманулъ эти наивно-хитрыя ожиданія: онъ снесъ все имущество въ избу и зажегъ ее съ четырехъ концовъ...

«— Все зажигалъ! Въ одинъ разъ кончилъ,—заключилъ Микеша свой разсказъ и потомъ спросилъ по своему задумчиво:—Уніатъ... Что такое уніатъ?.. Какой человѣкъ бываетъ?

«— Вѣра такая,—отвѣтилъ я.

«— То-то, и онъ говоритъ: вѣра. Въ одну церковь самъ не идетъ, въ другую не пускаютъ. Чего надо?..»

На станкѣ разказчикъ встрѣчаетъ и самого Островскаго. «Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ сильно загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ, настоящаго земледѣльца. На плечахъ онъ несъ нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ узловъ, образовавшихъ цѣлую гору, а за полу его суконнаго кафтана держалась дѣвочка лѣтъ 8 или 9-ти, тоненькая, блѣдная и, видимо, испуганная. Я встрѣтилъ его на площадкѣ и сразу угадалъ, кто это: въ глазахъ его какъ будто застыло охладѣвшее тяжелое горе...»

Островскій рѣшилъ круто порвать со всѣмъ, что составляло его жизнь до сихъ поръ — съ землею и людьми, которые обманули его. Онъ—отчаялся въ правдѣ, не найдя ее нигдѣ, и сталъ «отчаяннымъ человѣкомъ». «На пріиски иду. ...Если дорогой не пропаду, наймусь... А дѣвочку стану продавать господамъ...» Среди одичалыхъ, забитыхъ жизнею, станичниковъ онъ вызываетъ страхъ своей отчаянной, свирѣпой готовностью идти на все, разъ все рухнуло, и нѣтъ ничего для него на землѣ. Когда патріархъ станка думаетъ урезонить

его требовательность напоминаніемъ о вѣрѣ, за которую Островскій былъ сосланъ, вся накипѣвшая горечь противъ людей вырывается у него бѣшенымъ потокомъ.

«— Слушай, – сказалъ Островскій, отчеканивая слова.—Слушай и ты меня, старая со-ба-ка...

«— А-ахъ!—охнулъ Микеша при этомъ тяжкомъ оскорбленія станочнаго патріарха. Ямщики смолкли. Нѣсколько мгновеній слышно было только легкое потрескиваніе огня въ камелькѣ.

«— Помнишь ты,—продолжалъ Островскій,—какъ я въ первый разъ приходилъ къ тебѣ съ женой, какъ я кланялся твоимъ сѣдымъ волосамъ, просилъ у тебя совѣта? А-а, ты это забылъ, а о Богѣ вспоминаешь... Собака ты лукавая, всѣ вы собаки!—крикнулъ онъ почти въ изступленіи, отмахнувшись отъ дѣвочки, которая, не понимая, что тутъ происходитъ, потянулась къ отцу.— Вы—дерево лѣсное!.. И сторона ваша проклятая, и земля, и небо, и звѣзды, и...

«Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но остановился передъ кощунствомъ, и въ потемнѣвшей избушкѣ опять водворилось молчаніе, полное тяжелой подавленности и испуга...»

Фигура Островскаго вырастаетъ, какъ олицетвореніе подавленной и попранной справедливости, взывающей о мщеніи, и образъ этого человѣка, словно отлитый изъ бронзы, стоитъ съ угрозой предъ нашей совѣстью. И что мы могли бы ему сказать, какъ и эти напуганные станичники. «Ха!—сказалъ онъ, продолжая глядѣть на меня тяжелымъ взглядомъ.—За вѣру!... Бога вспомнили... Давно это было... Не хотѣлъ ребенка хоронить на православномъ кладбищѣ... Теперь жену зарылъ въ яму, завалилъ камнями, безъ креста, безъ молитвы... Лѣсъ, камни, и люди, какъ камни...»

Образъ уніата Островскаго, затерянаго среди этихъ «камней-людей», принадлежитъ къ числу лучшихъ типовъ Вл. Короленки, и одинокая фигура отчаяннаго человѣка, бредущаго по тайгѣ съ «тоненькой» дѣвочкой, вопіетъ къ чувству справедливости сильнѣе всякихъ трактатовъ о важности этого соціальнаго чувства.

По идеѣ можно сопоставить съ нимъ героя разсказа въ той же третьей книгѣ «Морозъ», о которомъ въ свое время мы уже говорили, почему, не останавливаясь на немъ, напомнимъ только эту чудную повѣсть о «замерзшей совѣсти» и ея пробужденіи. Разсказчикъ и его спутникъ на одномъ изъ перегоновъ встрѣчаютъ въ лютый морозъ въ тайгѣ затерянаго въ лѣсу путника, который только мелькнулъ мимо и исчезъ. Подъ вліяніемъ страшнаго холода путешественники почти не обратили на него вниманія, хотя имъ показалось, что онъ обращался къ нимъ съ чѣмъ-то. И лишь на станкѣ, въ теплой избѣ, ночью, оба разомъ вспомнили эту встрѣчу и поняли, что этотъ человѣкъ замерзалъ и просилъ ихъ о помощи. Совѣсть оттаяла и заговорила, товарищъ разсказчика не выдержалъ и бросился одинъ искать погибавшаго и самъ погибъ, «казнилъ себя, подлую человѣческую природу, въ которой совѣсть можетъ замерзнуть при пониженіи температуры тѣла на 2 градуса».

«Послѣдній лучъ» изъ той же серіи разсказовъ даетъ грустную, чудесно

написанную картинку умиранія цѣлаго рода, который считаетъ себя происходящимъ отъ декабриста, среди дикихъ камней Лены. Въ этомъ разсказѣ удивительно слита поэтичность описанія природы съ грустнымъ содержаніемъ, что производитъ впечатлѣніе настоящаго стихотворенія въ прозѣ, выдержаннаго до мельчайшихъ деталей. Благодаря этой гармоніи формы и содержанія, это лучшее по художественности произведеніе третьей книги. Дикая природа сѣвера какъ бы оживаетъ передъ нами, и щемящее, безысходное чувство грусти властно захватываетъ читателя, присутствующаго при прощаніи людей съ «послѣднимъ лучомъ» надолго закатившагося зимняго солнца. Такимъ же послѣднимъ лучомъ кажется и этотъ мальчикъ, потомокъ неизвѣстнаго борца за правду, сложившаго здѣсь свои кости. Среди ставшаго, какъ камни, населенія, мечтательный и грустный мальчикъ, «припадочный и хилый», по словамъ дѣда, такой же послѣдній догорающій лучъ человѣчности, которому не суждено уже никого освѣтить въ дикой пади на Ленѣ.

Самое большое по размѣрамъ произведеніе въ настоящей книги «Марусина заимка» совсѣмъ въ иномъ духѣ: тутъ жизнь кипитъ и бьетъ черезъ край. «Ухорѣзъ» Степанъ, смѣлая и жаждущая дѣятельности натура, эпическій представитель земли Тимоха и надломленная, но не падающая Маруся—такіе типы, которые выдержатъ спокойно сравненіе съ любыми героями прежнихъ разсказовъ автора, и даже выше ихъ, по нашему мнѣнію, по сжатости обрисовки и, если можно такъ выразиться, мужественности письма. Намъ кажется, что въ этомъ произведеніи талантъ автора сдѣлалъ значительный шагъ впередъ, избавившись отъ нѣкоторой излишней детальности въ описаніяхъ, что придавало его прежнимъ произведеніямъ нѣкоторую расплывчивость и чрезмѣрность красокъ, какую-то припухлость стиля. «Марусина заимка» совершенно свободна отъ такого недостатка: языкъ всюду сжатый и сильный, эпитеты яркіе, но скупо отпущенные каждому лишь постольку, сколько это необходимо для характеристики даннаго лица или положенія. Драма развертывается быстро, наростающее впечатлѣніе разсказа держитъ вниманіе читателя все время въ напряженномъ состояніи, не давая ослабнуть интересу ни на минуту. Въ стройной конструкціи разсказа нѣтъ ни одного отступленія, усложняющаго дѣйствіе, запутывающаго его и потому ослабляющаго общій эффектъ. Стремленіе Маруси къ порядку жизни, къ тому земледѣльческому укладу, который она впитала въ родномъ углу, и порывистость неудержимой натуры Степана, не укладывающейся въ рамки тихаго житія, съ первой страницы выясняютъ драму, какая разыгрывается на заимкѣ. Тяжелая неподвижность Тимохи, несокрушимая тяга его къ землѣ дѣлаютъ его настоящимъ хозяиномъ положенія, какимъ онъ и становится въ концѣ концовъ.

Разсмотрѣвъ всѣ произведенія третьей книги разсказовъ Вл. Короленки, мы не можемъ не сказать, что по художественности и глубинѣ содержанія они не уступаютъ нисколько его прежнимъ разсказамъ. Скорѣе напротивъ, талантъ художника словно окрѣпъ и возмужалъ, избавившись отъ прежняго излишества въ нагроможденія эпитетовъ и не утративъ утонченной чувствительности. Ни въ одномъ изъ новыхъ произведеній нѣтъ старой сентименталь-

ности, которая даетъ себя чувствовать даже въ такихъ превосходныхъ его вещахъ, какъ «Въ дурномъ обществѣ» и «Лѣсъ шумитъ». Художникъ достигъ въ авторѣ той зрѣлости таланта, которая даетъ намъ права ожидать отъ него новыхъ превосходныхъ твореній. Бодрый и жизнерадостный духъ, вѣющій свѣжестью и здоровьемъ отъ чудныхъ страницъ третьей книги разсказовъ, свидѣтельствуетъ, какая неисчерпаемая сила жизни таится въ художникѣ, каждое новое произведеніе котораго также богато возбудительнымъ содержаніемъ, также проникнуто идеалистическимъ стремленіемъ къ правдѣ, какъ и лучшія первыя его вещи, въ тоже время превосходя ихъ по совершенству формы. Оставаясь все тѣмъ же глубокимъ *идейнымъ* писателемъ, Вл. Короленко растетъ и какъ мыслитель, и какъ художникъ, неустанно работая надъ собой, о чемъ такъ красноречиво говорятъ его «Послѣдній лучъ», «Морозъ», «Марусина заимка» и его «Огоньки», въ которыхъ онъ символически изображаетъ смыслъ своей творческой работы:

«Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...»

И съ бодрой и свѣтлой душой онъ налегаетъ на весла...

А. Б.

НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

По благополучномъ закрытіи выставки акварелистовъ, не представившей въ нынѣшнемъ сезонѣ особаго интереса, открылись послѣдовательно выставки: «Современное искусство», журнала «Міръ Искусства», товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ и «Весенняя выставка» въ академіи художествъ. Собственно изъ живописцевъ на выставкѣ «Современнаго искусства» выступилъ только г. Сомовъ, признанный, вѣроятно, самымъ «modern» изъ «modern'овъ». Остальное содержаніе сводилось къ убранству комнатъ въ новомъ стилѣ, къ воспроизведенію старо-русскаго терема въ модернизованномъ пониманіи, къ экспозиціи ювелирныхъ издѣлій французскаго художника въ этой отрасли искусствъ, г. Лялика, наконецъ, къ дамскимъ нарядамъ. Послѣднія мы оставимъ въ сторонѣ и не рѣшимся подвергать критикѣ произведеній г-на Лялика: всѣ вещи уники; это ихъ первая цѣнность; вторая—необыкновенность замысла при намѣренно дешевомъ качествѣ матеріала (камни въ золотой оправѣ нарочно подобраны изъ недорогихъ сортовъ и не лучшаго качества) и, вѣроятно, не намѣренно колоссальныхъ цѣнахъ; третья подсказана намъ была одной изъ горячихъ почитательницъ этого «великаго» мастера на «скромныя» украшенія. Не можемъ удержаться отъ того, чтобы подѣлиться этимъ объясненіемъ для тѣхъ, которые, также какъ и мы, пришли бы въ нѣкоторое недоумѣніе по

поводу назначенія, напримѣръ, огромной стрекозы съ женскимъ бюстомъ и крыльями, по крайней мѣрѣ вершка по полтора каждое: брошь не брошь, аграфъ не аграфъ, не придумаешь куда приспособить; или, тоже весьма значительныхъ размѣровъ, пѣтушиной головы, или цѣлаго коллье изъ стрекозъ въ натуральную величину и т. п. «Это, говорятъ, составило бы великолѣпное украшеніе на темно-матовомъ фонѣ нагого тѣла негритянки...» Мы прекратили дальнѣйшіе разспросы, выслушавъ такое объясненіе. Къ сожалѣнію, однако, въ немъ заключается невольное осужденіе многому изъ выставленнаго въ «Современномъ искусствѣ», которое кажется стремится щегольнуть своей практической непримѣнимостью именно въ современномъ быту: теремъ для насъ такая же «диковина», какъ колье, которое умѣстно только на шеѣ нагой негритянки.

А вѣдь выставка въ цѣломъ должна отвѣчать запросу, въ которомъ несомнѣнно есть серьезная сторона, стремленію, съ особой настойчивостью заявляемому въ послѣднее время, чтобы искусство проникало возможно широко въ домашній бытъ, въ устроеніе жизни, во всѣ мелочи нашего обихода, неустанно напоминая о красотѣ и великомъ ея значеніи. Культъ красоты былъ выдвинутъ въ смыслѣ соціальнаго фактора, и естественно было ожидать въ этой, кажется, первой у насъ, попыткѣ создать выставку «современнаго искусства» въ его прикладномъ, житейскомъ значеніи, какихъ-нибудь откровеній въ этой области. «Откровеній» оказалось меньше, чѣмъ странностей, какъ и въ картинахъ г. Сомова, въ которыхъ и его восторженные апологеты признаютъ существенные недостатки. Таковы, напримѣръ: «*головное* (разсудочное?) стремленіе къ изысканности», «*преднамѣренно* слабый диллетантскій рисунокъ», «*придуманная* каррикатурная наивность» и т. п. Если оправданіемъ художника въ подобныхъ недостаткахъ является ихъ «преднамѣренность», то это можетъ служить лишь объясненіемъ въ родѣ бюста нагой негритянки для «шедевровъ» Лялика. Вѣдь есть же и у послѣдняго цѣлый рядъ безусловно изящныхъ, тонко задуманныхъ и превосходно выполненныхъ вещицъ, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ, и неужели назначеніе картинъ не въ ихъ непосредственномъ впечатлѣніи на зрителя, безъ объясненій что-де художникъ *могъ* сдѣлать иначе, но предпочелъ написать такъ, чтобы васъ «оттолкнуть» отъ его картины, посмѣиваясь себѣ въ усы или въ бороду? Намѣренная условность перестаетъ быть условностью, значеніе которой опредѣляется ея непроизвольностью и, такъ сказать, обязательностью. Для сюжетовъ, которые облюбовалъ г. Сомовъ,—воспроизведеніе сентиментально-романтическаго настроенія конца XVIII и начала XIX вв.,—нѣкоторая условность рисунка, пожалуй, обязательна и во многомъ должна быть непроизвольной и у художника, мысленно живущаго въ другой эпохѣ. Но онъ желаетъ быть въ то же время «moderne» и это въ наивысшей степени. Овладѣвъ техникой старинныхъ мастеровъ, онъ поддѣлывается подъ искусство прошлаго и искренняя наивность переходитъ у него въ намѣренную каррикатурность. Не обращается ли такимъ путемъ воспроизведеніе эпохи въ своего рода обличеніе? Предоставляемъ самому художнику отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Насъ во всякомъ случаѣ одна лишь виртуозность техники, въ смыслѣ овладѣванія чужими пріемами и произвольнымъ ихъ пользованіемъ, не удовлетворяетъ.

Обстановка комнатъ любопытна; стремленіе къ изящной простотѣ вызываетъ, конечно, сочувствіе; симпатична диванная комната, располагающая къ сосредоточенію мыслей или къ интимной бесѣдѣ. Въ столовой буфетъ напоминаетъ аптечку въ пріемныхъ покояхъ, а люстра угнетаетъ своимъ объемомъ и формой клѣтки; хороши фонарики въ амбразурахъ стѣнъ въ столовой. Возраженія можетъ вызвать и кабинетъ, и будуаръ, но если, вообще, подвергать анализу «обстановки», то въ этомъ отношеніи «нормирующій» характеръ новаго стиля подлежитъ, вообще, оспариванію съ точки зрѣнія индивидуальныхъ вкусовъ и особенностей. Излишне вдаваться въ эту тему. Когда мы смотримъ на уцѣлѣвшія до насъ обстановки жизни былыхъ временъ, мы населяемъ въ воображеніи эти комнаты, дворцы, домики людьми прошлаго и стараемся угадать въ обстановкѣ черты, напоминающія намъ о личностяхъ. Какого хозяина или хозяевъ можно себѣ представить въ комнатахъ типа «современнаго искусства»? По нѣкоторымъ признакамъ ихъ можно было бы себѣ вообразить. Но мы ограничимся, такъ сказать, ближайшимъ предположеніемъ, которое представляется и фактомъ, что эта обстановка отвѣчаетъ идеаламъ жизненнаго устройства группы художниковъ, создавшихъ ее. Она очень замкнута; преобладающее настроеніе «сѣрое»; чувствуется боязнь свѣта и вольнаго воздуха; дѣланная простота и утонченность нервной организаціи; надо «уходить въ себя». Все это очень любопытно. Устроители выставки дали намъ въ своемъ родѣ «историческій документъ» возможныхъ современныхъ вкусовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторой части общества. Слѣдовало бы умножить такія выставки: они досказываютъ многое въ жизни общества и служатъ иллюстраціей къ пониманію даже стремленій и идеаловъ жизни. Въ этомъ существенная разница этой выставки отъ магазинныхъ; оспаривая ея нормирующее значеніе, мы цѣнимъ въ ней выраженіе, въ нѣкоторомъ отношеніи даже типическое, сложившихся взглядовъ и вкусовъ небольшой группы молодыхъ художниковъ. Черезъ двадцать лѣтъ они, вѣроятно, представятъ намъ другую обстановку и тогда она тоже будетъ «современная». Ибо какъ понимать «современность»? Мы слышали такое опредѣленіе ей: «современно то, что не существовало вчера, и чего... не будетъ завтра». Вторую часть опредѣленія подсказалъ, очевидно, уже нѣкоторый шутникъ. Отнесемся къ вопросу серьезно, въ виду постоянныхъ споровъ объ отсталости «передвижниковъ», тѣмъ паче академистовъ, и «современности» произведеній, появляющихся на выставкахъ «Міра Искусства», котораго выставка «Современнаго искусства» является лишь филіальнымъ отдѣленіемъ. Ошибочное смѣшеніе терминовъ «современности» и «злободневности» очевидна, и разъяснять его излишне. Терминъ «новый» или «молодой», бывшій въ ходу въ западной Европѣ, привелъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, къ тому, что пришлось его провести по всѣмъ степенямъ neue-neure-neueste, или junge-jüngere-jüngste; теперь остается лишь начать съ начала. Думаемъ, что это было бы и вполнѣ правильнымъ. Настоящее значеніе понятія «новаго» въ исторіи нашей культуры восходитъ къ эпохѣ возрожденія, по сравненію съ міросозерцаніемъ среднихъ вѣковъ. Первымъ

дѣйствительно «новымъ» человѣкомъ принято считать Петрарку: онъ старѣйшій «модернъ», поскольку еще въ XIV вѣкѣ опредѣлился, какъ свободная, самосознающая личность, критически относящаяся къ традиціи и сильная своимъ индивидуализмомъ въ чувствахъ, такъ же какъ въ области мыслей, въ стремленіи создать свое міропониманіе и искать его выраженія въ своихъ формахъ. Итакъ, уже весьма не юнъ «новый» человѣкъ. За шесть вѣковъ существованія и культурное человѣчество конечно, прошло, черезъ многіе фазисы, причемъ были подъемы и пониженія, волна поднималась вверхъ и снова опускалась. Въ каждомъ изъ тѣхъ случаевъ, когда волна общественной мысли шла на ущербъ и въ то же время начинался новый подъемъ—можно ставить дату для возобновленія терминовъ въ частномъ пріуроченіи: новый—новѣйшій—самый новый. Это частныя подраздѣленія, которыя умѣщаются на общей міровой волнѣ прогресса. Надо надѣяться, что этой общей волнѣ не дано будетъ опуститься, а, скажемъ примѣрно, вольется она въ какой-нибудь стоящій надъ нами и еще нами невидимый резервуаръ, въ которомъ окажется окончательная стоянка жизни. Но не будемъ загадывать впередъ. Вопросъ пока, по отношенію къ художественнымъ выставкамъ, въ опредѣленіи «новаго» и «новѣйшаго», а также «современнаго». «Новыми» были передвижники тридцать лѣтъ тому назадъ, когда они обособились отъ академистовъ. Теперь ихъ признаютъ или хотятъ признать «отставшими» и знамя «современности» переходитъ въ другіе руки. Мы должны констатировать, однако, что на трехъ теперешнихъ выставкахъ (и не только на послѣднихъ) усматривается нѣкоторое сближеніе или даже смѣшеніе пріемовъ письма и выбора сюжетовъ, такъ что строгой, формальной грани провести между направленіями уже нельзя. Напримѣръ, «символическія» картины есть, и уже были, даже на академическихъ выставкахъ, также какъ тамъ теперь имѣются картины въ духѣ тѣхъ, которыя прежде считались какъ бы спеціальностью «передвижниковъ» (напр., картина г. Владимірова—«Помощь голодающимъ»). Три теченія встрѣтились, повліяли другъ на друга, и каждая группа художниковъ потеряла свой острый специфическій характеръ. Скорѣе можно указать отрицательнымъ путемъ—какія изъ помѣщенныхъ картинъ на одной выставкѣ были бы совершенно недопустимы на другой (напр., такъ же трудно себѣ представить картины г. Мѣсоѣдова у «передвижниковъ» на выставкѣ «Міра Искусствъ», какъ сомнительно, чтобы нѣкоторыя изъ произведеній молодыхъ художниковъ (причисляя къ нимъ, напримѣръ, Врубеля послѣдней формаціи) были допущены на академической выставкѣ или даже у «передвижниковъ»). Однако, цѣлый рядъ картинъ безразлично могъ бы быть на любой изъ трехъ выставокъ. А нѣкоторые художники какъ бы раздваиваются. Напримѣръ, у г. Бакста есть портретъ (графини Келлеръ), который представляется намъ внѣспорнымъ по своимъ художественнымъ качествамъ, и другой портретъ или картина («Ужинъ») и еще картина («Испанскій танецъ»), которыя возбуждаютъ только недоумѣніе и заставляютъ васъ вторично посмотрѣть въ каталогъ—не ошибка ли въ обозначеніи художника. Итакъ, и черная дама г-на Бакста, съ удивительнымъ

декольте и еще болѣе удивительными формами, чистящая апельсины передъ какою-то непонятной не то скатертью, не то простыней, и «испанка» суть специфическіе аттрибуты выставки «Міра Искусствъ». Несомнѣнный же и весьма недюжинный талантъ художника г. Бакста нѣчто гораздо большее и независимое отъ «specialité de la maison». Путемъ такого выдѣленія мы дойдемъ до нѣкоторыхъ выводовъ, быть можетъ, не безынтересныхъ.

Но сперва остановимся на «гвоздѣ» всѣхъ трехъ выставокъ, на произведеніи художника, который и понынѣ представляется намъ, независимо отъ пріобрѣтеннаго имъ уже и историческаго значенія, самымъ «современнымъ», только, конечно, не въ смыслѣ второй части приведенной фразы—«чего не будетъ завтра». Ея не было «вчера», этой великолѣпной волны И. Е. Рѣпина, стремительно набрасывающейся на льдину, неся щебень, кусочки льда и пѣны; не было этого свѣтового эффекта надъ гребнемъ другой, меньшей волны, позолоченной весеннимъ солонцемъ. Но все это будетъ и «завтра», какъ есть сегодня, и станетъ «вѣчнымъ». Впечатлѣніе отъ картины, названной «Какой просторъ!», несомнѣнно новое; она передаетъ что-то еще не виданное въ произведеніяхъ искусства, а что другое, кажется, уже море и ледоходъ въ тысячахъ видахъ изображались. Нависшія сѣрыя тучи клочьями, береговое очертаніе еще не оттаявшихъ льдинъ на отмеляхъ, клочья брызгъ, срываемыхъ вѣтромъ съ гребней волнъ, вздымающихся посреди полотна, и какъ разъ сзади самой большой, бурлящей между льдинъ, какъ водопадъ среди скалъ, во весь ростъ выписанной волны—двѣ свѣтлыя и жизнерадостныя фигуры студента и молодой дѣвушки, устремляющіяся впередъ, словно чувствуя поддержку въ свѣтлыхъ силахъ природы, чтобы въ союзѣ съ ними участвовать въ сокрушеніи зимнихъ оковъ. «Какой просторъ!»—эти слова настолько естественно вырываются, глядя на картину, что почти излишнимъ было ихъ подписывать. Однако, картина вызываетъ и нѣкоторое недоумѣніе. Въ ней заподозрили «аллегорію», которую самъ художникъ отрицаетъ. Первый показатель «аллегоріи» есть нѣкоторая искусственность. Здѣсь она чувствуется въ позахъ обоихъ молодыхъ людей, словно собирающихся въ порывѣ молодого чувства окунуться во встрѣчную волну, причемъ студента уже наполовину залило водой. Невольно думается, что вѣдь увлеченіе увлеченіемъ, а такъ можно и тифъ схватить: ни шинель съ бобровымъ воротникомъ у студента, ни мѣховая шапка и муфта у молодой дѣвушки въ зимней кофточкѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ о достаточномъ теплѣ въ воздухѣ для такой оригинальной ванны въ ледяной водѣ. Стало быть, это не спроста. Впрочемъ, мы должны повѣрить художнику, что представленная имъ сцена возможна, дѣйствительна, хотя и маловѣроятна. Пусть въ картинѣ нѣтъ «аллегоріи», для которой слишкомъ реалистичное письмо не подходитъ; въ ней все же есть нѣкоторая мысль; мысль, не поддающаяся точной формулировкѣ, неясная, какъ сами очертанія этихъ облаковъ и волнъ, несущихся на «просторъ» и разбивающихъ оковы; въ картинѣ столько движенія, въ ней такъ мощно воплощенъ порывъ стихійной борьбы, что впечатлѣніе все же получается неизгладимое: картину продолжаешь видѣть, лишь разъ взглянувъ на нее. Она не забудется.

Отъ Рѣпина перейдемъ не къ другимъ картинамъ «передвижниковъ», хотя есть интересныя вещи, но, пользуясь правомъ писать не отчетъ, а лишь бѣглыя замѣтки, перейдемъ прямо къ его ученику на другой выставкѣ—«Міра Искусства»—Малявину, съ его новой варіаціей на облюбованный имъ сюжетъ смѣющихся бабъ. На этотъ разъ ихъ только три; началъ г. Малявинъ съ одной, дошелъ до пяти, теперь съѣхалъ на три и разжаловалъ «картину» въ «этюдъ». Все то же, но по новому: настоящее полотно не повтореніе прежняго. Въ «этюдѣ» оказалось больше законченности; одна изъ бабъ—совсѣмъ хороша; двѣ другія, сходныя, какъ двѣ сестры, въ одинаковой позѣ и одинаково безобразныя, возвращаютъ насъ къ манерѣ недописанныхъ эскизовъ. Что и говорить, виртуозность кисти Малявина изумительна. Если художникъ усвоилъ отъ своего учителя умѣнье передавать движеніе, то въ выраженіи лицъ онъ возвелъ его въ кубъ: смѣхъ такъ и брыжжетъ на этихъ грубыхъ, загорѣлыхъ лицахъ, и вы чувствуете, что эти фигуры движутся, что ихъ платья колышатся, что изъ губъ вылетаютъ какіе-то звуки,—словомъ, эти фигуры полны жизни. Это много, но все ли это? Такихъ бабъ, какъ у Малявина, скажемъ тоже «вчера» не было, но будутъ ли онѣ «завтра»? Въ этомъ огромномъ полотнѣ ощущается лишь переходный моментъ къ чему-то болѣе значительному и болѣе законченному. Будемъ ожидать. Талантливый художникъ воспринялъ импульсъ къ творчеству отъ великаго мастера и пошелъ своимъ путемъ, остерегаясь рутины. Онъ поражаетъ своей смѣлостью и виртуозностью, но пока и только.

Въ противоположность «динамическому» характеру творчества г. Малявина, «статическимъ» по преимуществу является другой молодой художникъ, на выставкѣ академіи художествъ, г. Борисовъ, предпріимчивый путешественникъ по сѣвернымъ морямъ, уже пріобрѣтшій извѣстность оригинальностью выставленныхъ имъ картинъ, «изъ страны льдовъ», на прежнихъ выставкахъ, и особенно серіей эскизовъ, исполненныхъ въ его послѣднюю поѣздку на Новую Землю. Г. Борисовъ, хотя и въ другой области, идетъ по стопамъ Шишкина. Его картины—не пейзажи, а уголки природы, въ ея объективной величавости, безъ призмы особаго темперамента или индивидуальнаго настроенія. Для знакомства съ совершенно намъ чужой и неизвѣстной природой — объективность передачи есть, пожалуй, нѣкоторое преимущество. Въ нынѣшнемъ году г. Борисовъ выставилъ большое полотно, подъ названіемъ «Страна смерти»,—чисто полярный ландшафтъ, съ ледяными горами и черною водой; ни день, ни ночь; багряная полоса на горизонтѣ, подъ коричневымъ небомъ, темно-бурый цвѣтъ котораго оттѣняетъ синеву снѣговыхъ тѣней. Холодомъ и мракомъ вѣетъ отъ этой картины: цѣль художника въ этомъ отношеніи достигнута, но полнѣе впечатлѣніе сѣверной природы получалось отъ серіи его этюдовъ, въ которыхъ какъ-то непосредственнѣе отливалось день за днемъ однообразіе вѣчныхъ льдовъ, при разныхъ временахъ года и въ разные часы ночи и дня, которые на сѣверѣ чередуются, сливаясь.

Академическая выставка въ нынѣшнемъ году численностью превосходитъ двѣ другія: новыхъ впечатлѣній мало. Съ неизмѣннымъ удовольствіемъ смо-

тришь на «знакомые» ландшафты Крыжицкаго, Химоны, на болѣе плодовитаго, чѣмъ оригинальнаго Столицу. Есть нѣсколько лунныхъ и безлунныхъ ночей въ стилѣ Куинджи. «Страшныя» картины г. Катарбинскаго, который, прославившись сепіями, нынче изобразилъ голову Медузы уже въ маслянныхъ краскахъ и сообщилъ ей красныя крылья. И опять античные сюжеты въ сомнительной трактовкѣ, и неудавшійся Іуда... Есть нѣсколько совсѣмъ новыхъ именъ: недурная по настроенію картина г. Фармаковскаго «Схимники» и менѣе насъ удовлетворившая картина того же художника—«Три сестры», которымъ что-то читаетъ старая игуменья (хотя у одной изъ «сестеръ», принявшей уже облаченіе послушницы, сильно переданъ религіозный экстазъ). У передвижниковъ, тоже встрѣчаешь много знакомаго: чудесные пейзажи Жуковскаго, не столь интереснаго въ нынѣшнемъ году Дубовскаго, который ударился въ однообразную и скучную желтизну, временами и не жизненную («Сосны»); нѣсколько слащаваго по письму, но все же привлекательнаго Богданаго-Бѣльскаго, съ его характерными дѣтьми школьнаго возраста («Между уроками», «Сочиненіе») и выразительнымъ портретомъ С. А. Рачинскаго; опять Касаткина съ его драматичными сюжетами («Первенецъ», «Повѣнчалась?», «Дагомейки») и рядъ другихъ знакомыхъ именъ и произведеній—варіацій на прежнія темы, причемъ нынче нѣсколько крупныхъ художниковъ не представлены на выставкѣ. И въ общемъ жанръ «передвижниковъ» уже не отличается отъ экспонентовъ на академической выставкѣ: оба направленія смѣшались; только осталась фирма и два разныхъ помѣщенія. Оригинальнѣе, за указаннымъ ограниченіемъ, выставка «Міра Искусствъ»: портреты Сѣрова (къ сожалѣнію, не всѣ), ландшафты Пурвита, Переплетчикова (менѣе интереснаго въ нынѣшнемъ году), Виноградова и нѣкоторыхъ друг., могли бы, однако, фигурировать на любой выставкѣ. Въ ихъ произведеніяхъ чувствуется лишь освобожденіе отъ нѣкоторыхъ недостатковъ письма такихъ картинъ, которыя въ видѣ пережитковъ прошлаго обременяютъ двѣ другія выставки. Но затѣмъ—есть Врубель (тридцать пять нумеровъ), одинокій въ своей болѣзненной талантливости; есть опять Сомовъ, съ одной изъ самыхъ вычурныхъ своихъ картинъ; есть удивительное пано г. Грабаря—«Городокъ на сѣв. Двинѣ», которое словно нарочно поддѣлано подъ дѣтское малеваніе, и нужно пристально всматриваться, чтобы уловить несомнѣнную правдивость изображенія при намѣренно эксцентричномъ выборѣ точки зрѣнія, чтобы посмотрѣть на заборы и домики съ такого мѣста, откуда бы они производили самое странное впечатлѣніе; есть, наконецъ, подавляющее количество эскизовъ и набросковъ для декорацій и рисунковъ для обложекъ. Совмѣстное выставленіе набросковъ и картинъ, быть можетъ, здѣсь не безъ разсчета: благодаря первымъ, мы скорѣе убѣждаемся, что не все на выставкѣ лишь подготовительные этюды къ невыполненнымъ еще картинамъ. Все это «специфическіе аттрибуты» выставки «Міра Искусства». Представляются ли они дѣйствительными преимуществами? Мы, къ сожалѣнію, усматриваемъ зачатки того же, что случилось съ передвижниками въ тѣхъ произведеніяхъ, фигурирующихъ и на настоящей выставкѣ, въ качествѣ какого-то балласта, только въ иномъ направленіи. У «передвижниковъ» пренебреженіе къ вопросамъ техники, условность и «зализанность»

письма, исключительная погоня за выразительными сюжетами, все это привело бывшихъ «молодыхъ» къ преждевременной старости, и недавніе передовые превратились въ отсталыхъ. У экспонентовъ на выставкѣ «Міра Искусства» то же, но въ діаметрально противоположномъ направленіи: и у нихъ появились «балласты», характеризующіе «спеціальность фирмы», только они опредѣляются иными чертами. Техника выдвинута на первый планъ, при намѣренномъ отстраненіи интереса къ сюжету, даже въ выборѣ темъ для пейзажа; картины пишутся такъ, чтобы какъ можно меньше походили на правду жизни и въ то же время онѣ, съ извѣстнаго угла зрѣнія, все-таки были бы «взаправдошними». И въ концѣ концовъ отдыхаешь лишь на тѣхъ произведеніяхъ, которыя на каждой изъ трехъ выставокъ не составляютъ «спеціальности фирмы». Если мы назвали г. Рѣпина, къ которому, въ разныхъ отношеніяхъ примыкаютъ и г. Малявинъ, и г. Сѣровъ, все же и понынѣ самымъ «современнымъ» изъ художниковъ, а не только сохраняющимъ выдающуюся роль въ исторіи нашей живописи, то его художественная карьера во многомъ весьма поучительна: онъ своевременно обособлялся и отъ «передвижниковъ», когда почувствовалъ, что, продолжая въ прежнемъ направленіи, не пойдетъ впередъ, какъ художникъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но онъ быстро пережилъ различныя стадіи эволюціи художника, возвращаясь къ широкимъ задачамъ настоящаго искусства (то, что у французовъ называется le grand art), а участники «Міра Искусства» какъ бы склонны застыть на переходной ступени. Имъ грозитъ опасность совершенно отстать отъ всего значительнаго въ жизни и баловаться «пустыми» формами. Не пора ли, владѣя техникой, обратиться къ тому, что есть не только «сегодня», но можетъ остаться и «завтра», не гоняться лишь за курьезами и эксцентричностями, которыя уже начинаютъ казаться старомодными, и прежде всего приняться серьезно *мыслить* въ образахъ?

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Максимъ Горькій въ Тифлисѣ. Въ «Бакинскихъ Извѣстіяхъ» помѣщено воспоминаніе г. С. Вартаньянца о встрѣчѣ съ Максимомъ Горькимъ, въ бытность его въ Тифлисѣ.

«Въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ дней,—разсказываетъ г. Вартаньянцъ,—проходилъ я по улицѣ Панасевича, въ городѣ Тифлисѣ. То было въ 1891 году. Пройдя полъ-улицы, я собирался свернуть влѣво, въ переулокъ, какъ вдругъ вниманіе мое невольно остановилось на весьма типичномъ молодомъ человѣкѣ; онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и шелъ мнѣ навстрѣчу. Это былъ юноша высокаго роста, широкоплечій, атлетическаго сложенія, съ широкимъ, грубоватымъ, чисто русскимъ лицомъ, съ длинными волосами; шелъ онъ твердыми, увѣренными шагами, точно чувствовалъ, что онъ не изъ простыхъ смертныхъ. Онъ поравнялся со мною, я еще лучше могъ осмотрѣть его: лицо было не изъ веселыхъ, умные вдумчивые глаза его выражали силу и присутствіе большой воли; вся его мощная фигура и оригинальное лицо невольно приковывало къ себѣ вниманіе прохожихъ. Счастливый случай привелъ меня познакомиться съ нимъ на другой же день въ квартирѣ больного Ч—зе. Было 10 часовъ утра, когда на другой день пришелъ я къ больному. Каково же было мое удивленіе, когда, войдя въ комнату, я увидѣлъ моего незнакомца, такъ сильно заинтересовавшаго меня наканунѣ. Меня познакомили. Онъ назвался Пѣшковымъ. Широкоплечій, здоровый, нѣсколько сутоловатый, высокаго роста, въ блузѣ, подпоясанный ремнемъ, съ лицомъ невеселымъ, но рѣшительнымъ, онъ произвелъ на меня бодрящее впечатлѣніе, впечатлѣніе чего-то новаго, а главное оригинальнаго. Рѣзкій во мнѣніяхъ, оригинальный во взглядахъ на вещи и явленія, онъ былъ грубоватъ въ манерахъ и движеніяхъ, что, впрочемъ, шло къ нему. Никогда не забуду, какъ онъ, во время одного изъ дежурствъ, схватилъ своими сильными руками сумасшедшаго Ч—зе (тоже крупнаго сложенія), желавшаго удрать изъ дому, быстро уложилъ его на кровать, также быстро привязалъ къ ней, чтобы окончательно парализовать въ немъ желаніе бѣгства. Нужна была дѣйствительно большая мускульная сила, чтобы обезоружить не въ мѣру разошедшагося душевно-больного, и Пѣшковъ обнару-

жилъ въ данномъ случаѣ дѣйствительно рѣдкую силу. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ товарищей больного, я помню, оставшись очень недовольными подобной мѣрой со стороны Пѣшкова, стали осуждать ее, но послѣдній рѣшительно настаивалъ на необходимости примѣненія рѣзкихъ мѣръ въ подобныхъ случаяхъ. Никакія увѣщанія, никакія просьбы не успокоятъ не въ мѣру разбушевавшагося психическаго больного: нужна рѣшительность, рѣзко выраженная сила. Таково было тогда мнѣніе Пѣшкова, человѣка очень отзывчиваго къ чужимъ страданіямъ, къ чужому горю. Больной очень интересовалъ Пѣшкова; онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ его души и, если память мнѣ не измѣняетъ, свои наблюденія записывалъ въ тетрадь. Тетрадей, куда онъ заносилъ свои наблюденія и впечатлѣнія, было у него не мало. Писалъ онъ много, то стихами, то прозой. О своихъ писаніяхъ онъ мало съ кѣмъ говорилъ, можетъ быть потому, что отъ природы былъ одаренъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ качествъ человѣка—скромностью; все кричащее о себѣ вызывало въ немъ искреннее негодованіе. Онъ не скоро сближался съ людьми, но, сблизившись, оставался прекраснѣйшимъ товарищемъ; искренность, отсутствіе дѣланности и непосредственность составляли непремѣнные атрибуты его симпатичнаго характера; онъ былъ весьма интереснымъ собесѣдникомъ. Любовь къ скитальческой и нелюбовь къ осѣдлой жизни въ немъ были такъ же сильны, какъ во многихъ его герояхъ—босякахъ. Слова Тетерева—«лучше замерзнуть на ходу, чѣмъ гнить, сидя на одномъ мѣстѣ»—всецѣло примѣнимы и къ нему.

«Всего 1/2 года, кажется, какъ онъ жилъ въ Тифлисѣ, а между тѣмъ, къ лѣту 1892 года онъ уже собирался съ котомкой за плечами скитаться по россійскимъ деревнямъ, на этотъ разъ уже съ опредѣленной цѣлью—давать народные спектакли вездѣ, гдѣ только представлялась бы возможность. Для этого онъ уже въ апрѣлѣ вербовалъ людей, сочувствующихъ его идеѣ народнаго театра. Однимъ изъ такихъ былъ и я. Всѣхъ насъ для будущей группы странствующихъ актеровъ, было уже 5 чел., въ томъ числѣ самъ Максимычъ и одна женщина. По дорогѣ мы надѣялись увеличить составъ группы. Такъ зародилась идея о странствующей группѣ актеровъ, но, къ сожалѣнію, не осуществилась; а почему не осуществилась,—не могу ничего сказать, тутъ память мнѣ измѣнила.

«Я не знаю, какое впечатлѣніе оставлялъ Максимычъ (такъ звали мы его на другихъ рѣзкостью мнѣній, угловатостью манеръ, своеобразностью взглядовъ, но для меня онъ былъ чѣмъ-то особеннымъ, новымъ существомъ, вовсе не похожимъ на окружающихъ. Такимъ онъ мнѣ показался при первой встрѣчѣ, такимъ онъ оставался все время нашего знакомства. Интересно, что онъ не избѣгъ судьбы всѣхъ нашихъ крупныхъ поэтовъ, страстно увлекавшихся Байрономъ. Онъ любилъ Байрона, увлекался имъ. Не разъ онъ звалъ меня къ себѣ въ комнату (у него была отдѣльная комната) и съ особеннымъ увлеченіемъ читалъ мнѣ «Манфреда» и «Каина». Титанъ Манфредъ, гордо повелѣвающій стихіямъ и даже самому Ариману, поражалъ его своимъ величіемъ; о немъ онъ говорилъ не иначе, какъ въ восторженномъ, сильно повышенномъ тонѣ. Съ такимъ же восторгомъ онъ читалъ мнѣ «Каина». Въ этихъ произведеніяхъ

Максимыча поражала необычайная смѣлость полета мысли великаго поэта. Когда теперь воскрешаю въ памяти зимніе вечера 1892 года въ подвальномъ этажѣ, въ довольно просторной комнатѣ, но бѣдной обстановкой, и вижу передъ собою мощнаго по фигурѣ Максимыча, разсказывающаго свои мытарства и скитанія по обширной Россіи, полныя бѣдности, лишеній, страданій и борьбы, то становится мнѣ понятнымъ его восторженное увлеченіе Байрономъ: Байронъ поддерживалъ въ немъ уже теплившійся въ груди его духъ недовольства настоящимъ, духъ протеста и вмѣстѣ съ тѣмъ уносилъ его вмѣстѣ съ Манфредомъ въ заоблачные края».

Евреи-горнорабочіе. Года полтора или два тому назадъ екатеринославскимъ безплатнымъ бюро по пріисканію занятій былъ сдѣланъ опытъ привлеченія евреевъ-рабочихъ къ горнымъ работамъ на рудникахъ Донецкаго бассейна. Къ сожалѣнію, опытъ этотъ не далъ тѣхъ результатовъ, какіе можно было ожидать, судя по первымъ шагамъ. За единичными исключеніями, евреи-рабочіе оставили рудники, проработавъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Въ «Югѣ» находимъ слѣдующее объясненіе этого факта. Съ одной стороны, по мнѣнію названной газеты, причиной послужило то обстоятельство, что время это совпало съ рѣзко наступившимъ упадкомъ дѣлъ въ нашей горнопромышленности, когда многіе рудники совсѣмъ остановились, а многіе наполовину сократили работу и выбросили такимъ образомъ на рынокъ громадное число незанятыхъ рабочихъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда цѣны на рабочихъ сразу пали и когда для владѣльцевъ рудниковъ ялилась возможность имѣть аа дешевую цѣну опытныхъ горнорабочихъ, евреи-новички были, конечно, вытѣснены. Кто знакомъ съ характеромъ горныхъ работъ, тотъ знаетъ, какъ цѣнится въ этой отрасли труда навыкъ и техническая сноровка въ рабочемъ, а послѣднее пріобрѣтается только долголѣтней практикой. Съ другой стороны, причиной неудачи явилось много обстоятельствъ, на которыхъ стоитъ остановиться, если принять во вниманіе, что екатеринославское бюро преслѣдовало не только временныя цѣли, устроить нѣсколько десятковъ безработныхъ, а болѣе идейныя и широкія, какъ привлеченіе евреевъ-рабочихъ къ совершенно новой для нихъ отрасли труда въ Россіи и тѣмъ дать возможность въ будущемъ приложить свой трудъ сотнямъ людей, задыхающихся въ переполненныхъ городахъ черты осѣдлости въ тяжелой нуждѣ.

Но трудъ горнорабочаго и особенныя специфическія условія рудничной жизни такъ отличаются отъ условія быта чернорабочаго при какой-либо другой работѣ, что переходъ къ этой жизни свершается очень медленно. Среди селъ и деревень, окружающихъ рудники горнопромышленнаго района, до сихъ поръ встрѣчаются такія, населеніе которыхъ не идетъ на рудничныя работы, а занимается исключительно земледѣліемъ. Въ неурожайные годы жители часто бѣдствуютъ, а на рудники идутъ неохотно, несмотря на то, что трудъ горнорабочаго оплачивается сравнительно хорошо. Профессіональные горнорабочіе встрѣчаются только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже давнымъ-давно существовали рудники казенные или частные, при самомъ нарожденіи горнаго дѣла, большей

же частью населеніе вблизи рудниковъ занимается смѣшаннымъ трудомъ: въ свободное время или въ неурожайный годъ идетъ на рудники, а въ остальное время занимается земледѣліемъ. Обыкновенно въ такихъ селеніяхъ молодое поколѣніе уже съ дѣтства пріучается къ горному труду и уже обладаетъ тѣми свойствами, какія цѣнятся въ профессіональномъ горнорабочемъ. Часто бываютъ случаи, что пришлый изъ отдаленныхъ губерній рабочій, при первомъ же ознакомленіи съ рудничной жизнью и съ тѣми опасностями для жизни, какія представляетъ собою трудъ горнорабочаго, уходитъ искать другую работу, а вѣдь не радость загнала его въ поиски за кускомъ хлѣба. Изъ этого видно, какъ медленно приходится привыкать къ этому труду и жизни.

Теперь сравнимъ положеніе рабочаго новичка русскаго и еврея. Русскому рабочему приходится жить среди своихъ соплеменниковъ, чаще—среди односельчанъ, такъ какъ устраиваются рабочіе большей частью артелями; при первой же возможности онъ беретъ къ себѣ и семью; образъ жизни приходится вести вполнѣ сродный своей натурѣ и привычкамъ: питаться есть возможность тѣмъ же, что и дома, даже болѣе сытно, праздники онъ не работаетъ и имѣетъ возможность соблюдать всѣ религіозные обряды согласно своимъ убѣжденіямъ. Затѣмъ о семьѣ ему приходится мало заботиться. Большею частью дома остались и хозяйство, и земля, и свой домикъ. Какъ никакъ, а семья не оставлена на произволъ судьбы и имѣетъ чѣмъ поддержать свое существованіе, а если отецъ еще иногда пошлетъ пять, десять рублей, то онъ ужъ и совсѣмъ спокоенъ. Что же представляетъ собою еврей-рабочій и въ какомъ положеніи ему приходится жить на рудникѣ? Это большей частью изнуренный борьбой за существованіе житель черты, живущій настоящимъ днемъ, безъ всякой почвы подъ собой. Жизнь бросаетъ его то въ одну, то въ другую сторону: вотъ онъ мелкій торговецъ, вотъ факторъ, вотъ рабочій, вотъ нищій и т. д. Ни минуты жизнь не даетъ ему успокоиться, остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Сфера дѣятельности и труда ограничена, конкуренція такъ велика, что жизнь проходитъ въ вѣчно нервномъ напряженіи и въ борьбѣ изъ за куска хлѣба. Изо дня въ день приходится изобрѣтать все новые способы въ этой тяжелой борьбѣ. О своемъ домикѣ, хозяйствѣ, землѣ говорить и думать, конечно, нечего. Вмѣсто этого—нужда и большей частью семья непристроенныхъ дѣтей. Вотъ самый распространенный типъ еврея-рабочаго, ищущаго занятій. Такому рабочему приходится пріучать себя къ совершенно новой незнакомой отрасли труда горнорабочаго, да еще при какихъ же окружающихъ условіяхъ? Жить приходится среди чуждаго элемента, при совершенно чуждой обстановкѣ, подвергаясь, конечно, обычнымъ притѣсненіямъ и насмѣшкамъ окружающихъ; сразу же приходится произвести такую ломку убѣжденій и привычекъ, какъ, напримѣръ, работать по праздникамъ и субботамъ—иначе удалятъ съ рудника, питаться трефной пищей или жить впроголодь, какъ это и было на дѣлѣ, и, въ довершеніе всего, быть подъ вѣчнымъ страхомъ быть выселеннымъ.

Если же на какомъ-либо рудникѣ власти относятся снисходительно, то ужъ приходится мириться со всѣми невзгодами и неудобствами, такъ какъ Богъ

его вѣдаетъ, какой взглядъ имѣютъ въ другомъ мѣстѣ на сей счетъ. О томъ, чтобы съ семьей устроиться, не можетъ быть, конечно, и рѣчи при данныхъ обстоятельствахъ, ибо ежеминутно грозитъ опасность разоренія, сопряженная съ выселеніемъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ, что ожидаетъ еврея-рабочаго въ будущемъ? Какія надежды онъ можетъ имѣть, пріучая себя къ новому труду? Ровно никакихъ. Дома семья голодаетъ, или терпитъ нужду, самому приходится терпѣть и вдобавокъ получать за трудъ на первыхъ порахъ такую малую плату, что семьѣ буквально помочь нельзя.

Волей-неволей приходится чувствовать себя при этомъ занятіи перелетной птицей безъ всякой почвы подъ собой и при первой возможности—послѣ утомленія, острой нужды — остается опять обратиться въ поиски неопредѣленнаго лучшаго. Эти обстоятельства, какъ и показалъ опытъ, послужили главной причиной неудачи. Вдобавокъ наступившій поворотъ въ дѣлахъ къ худшему ускорилъ такой результатъ и затормозилъ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, этотъ маленькій опытъ даетъ возможность констатировать, по мнѣнію указанной газеты, фактъ, что евреи-рабочіе на первыхъ же порахъ обнаружили много выгодныхъ для дѣла сторонъ. Такъ, напримѣръ, они быстро ориентировались въ дѣлѣ, выказали сообразительность въ сложномъ механизмѣ рудничнаго дѣла, что такъ важно въ этомъ случаѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что, при другихъ окружающихъ условіяхъ и данныхъ, евреи со временемъ дали бы хорошихъ горнорабочихъ, но это могло бы произойти естественнымъ путемъ, при нормальныхъ правовыхъ и экономическихъ условіяхъ еврейской жизни.

Тайна почтовой корреспонденціи. Г. Скромный Наблюдатель жалуется въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» на порядки, или, вѣрнѣе, «безпорядки», которые наблюдаются за послѣднее время въ нашемъ почтовомъ вѣдомствѣ. Исчезновеніе писемъ по дорогѣ къ адресату, вскрытіе конвертовъ и нарушеніе такимъ образомъ тайны почтовой корреспонденціи является теперь самымъ обычнымъ фактомъ.

Г. Скромный Наблюдатель (какъ и многія другія лица, прибавимъ мы отъ себя) неоднократно имѣлъ случай получать адресованныя на его имя письма въ разорванныхъ конвертахъ; на нѣкоторыхъ, рукою неизвѣстнаго лица, были сдѣланы надписи, что-де конвертъ полученъ почтовой конторой въ такомъ рваномъ видѣ. Случаи полученія такихъ писемъ бывали особенно часты тогда, когда ему пришлось проживать въ провинціи. Заинтересовавшись тѣмъ, кто является авторомъ надписей на конвертѣ, указанный авторъ наводилъ нѣсколько разъ справки у тѣхъ лицъ, которыя писали письма, полученныя имъ въ изорванномъ видѣ. Правда, бывали случаи, что авторы этихъ писемъ опускали ихъ въ почтовые ящики черезъ прислугу, но еще чаще бывало такъ, что они относили ихъ въ почтовую контору самолично, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что письма получены были почтовымъ вѣдомствомъ въ самомъ опрятномъ видѣ и испортились гдѣ-то по дорогѣ. Но и на этой категоріи фактовъ «непорядки» въ почтовомъ вѣдомствѣ не останавлива-

ются. Что вы скажете, если вдругъ въ конвертѣ, адресованномъ на ваше имя и посланномъ изъ одного города, вдругъ вы находите письмо неизвѣстнаго вамъ человѣка, посланное изъ другого города? Что вы скажете, спрашиваетъ г. Скромный Наблюдатель, если, какъ это было въ 1896 г. во время нижегородской выставки, вы получаете письмо отъ сестры, гдѣ она пишетъ, что прилагаетъ при семъ свою карточку, а вмѣсто этой карточки сестры вы вынимаете, къ вашему удивленію, портретъ какого-то господина съ усами? Это— ужъ не «порядки»: это какія-то телепатическія превращенія, не предусмотрѣнныя не только сводомъ россійскихъ законовъ, но и другими распоряженіями, гдѣ-либо, когда-либо опубликованными. Правда, въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ, надо полагать, до сего времени кой-гдѣ еще не перевелись гоголевскіе почтмейстеры, но почему же таковыхъ явилось за послѣдніе годы особенно много? Или всѣ почтмейстеры сдѣлались теперь людьми, крайне интересующимися ходомъ русской общественной жизни? Или они, не довѣряя правдивости и откровенности подцензурной печати, рѣшили искать «настоящую правду» въ другихъ мѣстахъ? Было бы весьма желательно, чтобы само почтовое вѣдомство просвѣтило насчетъ всѣхъ этихъ вопросовъ насъ, скромныхъ обывателей, привыкшихъ видѣть въ почтовыхъ учрежденіяхъ одно изъ высшихъ благъ культуры и отъ всей души желающихъ довѣрять свои самыя интимныя тайны, дѣла и дѣлишки самой корректной скромности гг. почтовыхъ чиновниковъ... Вѣдь насъ, скромныхъ обывателей, просто ужасъ беретъ, когда мы только подумаемъ, что лицо постороннее залѣзаетъ къ намъ въ душу, смакуетъ наши личныя дѣла, хихикаетъ надъ нашими порывами души, и т. д. Если виноваты гг. любопытные чиновники, то не пора ли ихъ «подтянуть»? Если виноваты другія обстоятельства,—не пора ли ихъ выяснить? Въ заключеніе г. скромный обыватель обращается черезъ посредство газеты ко всѣмъ компетентнымъ людямъ, не разъяснятъ ли они его недоразумѣній о цѣляхъ и задачахъ почтоваго вѣдомства Россійской имперіи?

Чествованіе памяти А. Н. Островскаго. 14-го февраля Малый театръ въ Москвѣ торжественно чествовалъ пятидесятую годовщину перваго представленія произведенія А. Н. Островскаго. Театръ былъ полонъ. Торжество было открыто рѣчью М. П. Садовскаго.

По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», ораторъ воскресилъ въ памяти присутствующихъ извѣстный изъ біографіи А. Н. Островскаго эпизодъ, происшедшій 14-го февраля 1847 г. въ квартирѣ профессора С. П. Шевырева. Въ этотъ день передъ небольшимъ кружкомъ, состоявшимъ преимущественно изъ членовъ редакціи «Москвитянина», «мало извѣстный молодой человѣкъ, чиновникъ коммерческаго суда, читалъ свои первые литературные опыты, первыя драматическія сцены». Окончивъ чтеніе, онъ сидѣлъ со скромно опущенными глазами и ждалъ своего приговора; пока слушатели не рѣшались высказать своихъ сужденій, къ автору подошелъ хозяинъ дома, взялъ его за руку и сказалъ: «Поздравляю васъ драматическимъ писателямъ». Молодой человѣкъ этотъ былъ Александръ Николаевичъ Островскій. По его собственнымъ словамъ, онъ съ этой минуты повѣрилъ въ свое призваніе и бодро принялся за работу, резуль-

татомъ которой явилась четырехъ-актная комедія «Банкротъ» (впослѣдствіи названная «Свои люди—сочтемся»). Съ этимъ произведеніемъ начинающаго драматурга московское общество познакомилось еще до появленія его въ печати; артистомъ, «имя котораго съ этихъ поръ стало неразрывно связано съ именемъ Островскаго» (П. М. Садовскимъ), оно читалось по рукописи, и спросъ на эти чтенія былъ такъ великъ, «что были дни, когда приходилось читать въ четырехъ домахъ; комедію слушали съ одинаковымъ вниманіемъ и въ блестящихъ аристократическихъ гостиныхъ, и въ болѣе скромныхъ обиталищахъ Замоскворѣчья». Завѣтная мечта писателя увидѣть героевъ своей комедіи въ живомъ сценическомъ воплощеніи, осуществилась, однако, только черезъ десять лѣтъ, «да и то съ прибавленіемъ въ концѣ пьесы квартальнаго, совершенно исказившаго весь смыслъ комедіи». Кромѣ самаго произведенія, «цензурѣ подверглась и личность автора»,—онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сотрудниками «Москвитянина» былъ внесенъ въ списокъ лицъ неблагонадежныхъ. Переходя непосредственно къ знаменательному дню, чествуемому Малымъ театромъ, 14-го января 1853 г., г. Садовскій приводитъ слова автора комедіи «Не въ свои сани не садись» по поводу ея первой постановки на сценѣ: «Я счастливъ, моя пьеса сыграна», писалъ Островскій. Охарактеризовавъ ближайшее вліяніе первыхъ произведеній Островскаго на сцену и публику, ораторъ мимоходомъ остановился на критикахъ-«антагонистахъ» драматурга. «Эти близорукіе критики не понимали, какая огромная сила духа нарождалась на свѣтъ; они не предвидѣли, что по пути, указанному этою силой, будутъ идти ряды писательскихъ поколѣній; они не замѣчали, какъ у нихъ на глазахъ совершалось перерожденіе театра. Наряду съ антагонистами были и восторженные поклонники; они вѣрили новому вѣянію, съ надеждой смотрѣли на будущее и черезъ годъ, при представленіи комедіи «Бѣдность не порокъ», изъ райка раздался вдохновенный крикъ энтузіаста-критика А. А. Григорьева: «Умерла мелодрама! Шире дорогу,—Любимъ Торцовъ идетъ!..» «Какія бы ни являлись,—добавляетъ ораторъ,—новыя направленія, новыя настроенія, новыя формы литературы,—они не убьютъ твореній Островскаго».

Послѣ небольшого перерыва начался спектакль. Шла комедія «Не въ свои сани не садись» съ участіемъ г-жъ Садовской, Садовской 2-й, Никулиной, гг. Садовскаго, Рыбакова, Грекова, Яковлева и др. По окончаніи пьесы состоялась заключительная часть чествованія—«апоѳеозъ». Поднялся передній занавѣсъ и открылъ часть сцены, на которой съ одной стороны сгруппированы были артисты и артистки труппы Малаго театра и прибывшія депутаціи, съ другой—хоръ. М. Н. Ермолова, выйдя на авансцену, съ чувствомъ продекламировала стихотвореніе «Островскому», заканчивающееся слѣдующими строками:

„Островскій—это тотъ, кто первый пѣлъ такъ дивно
Гимнъ русской женщинѣ, правдивой и простой!..
Островскій—это тотъ, кто въ темномъ, душномъ мірѣ
Нашелъ отрадный лучъ, Островскій—это тотъ,
Кто первый кликнулъ кличъ: „Дорогу шире, шире,—
Любимъ Торцовъ идетъ!“

Чтеніе стихотворенія вызвало шумные аплодисменты. Послѣ этого поднялся

второй занавѣсъ и открылъ зрителямъ эффектно скомпанованную по рисунку А. П. Ленскаго живую картину; на фонѣ декораціи, изображающей видъ на Кремль и Замоскворѣчье, на высокомъ постаментѣ въ формѣ колонны, бюстъ А. Н. Островскаго; вокругъ колонны дѣйствующія лица изъ произведеній чествуемаго писателя. При звукахъ «Славы» и аплодисментахъ къ подножію бюста были положены вѣнки: отъ Малаго театра, отъ Общества драматическихъ писателей и отъ «Художественно-литературнаго кружка».

Учебныя руководства для народа. Въ краткомъ руководствѣ къ садоводству г. Николая Смирнова (одобренномъ училищными комитетами: при св. синодѣ для библіотекъ церк.-прих. школъ 1901 г., января 10-го дня и мин. нар. просв.—одноклас. и двухклас. училищѣ и особымъ отдѣломъ его—для безплатныхъ народ. читаленъ и библіотекъ апрѣля 1-го) на страницахъ 72 (изданія второго) значится: «Еще враги страшные черви. Начнутъ они ѣсть листъ на вишняхъ, крыжовникѣ и смородинѣ, ничего не оставятъ: сѣвшія на вѣткахъ ягоды неминуемо засыхаютъ и валятся; мало того, послѣ листа червь ѣстъ и ягоду ихъ. Чѣмъ спасаться отъ червей?»

Отвѣтъ: «Одной только молитвой, св. водой и заклинаніямъ св. муч. Трифона, положенными въ большомъ требникѣ. Когда читаешь эти его молитвы, всегда бываетъ великая польза: черви пропадаютъ (сохнутъ) на другой же день. Только при этомъ должно исполнять правило цер. устава: читая ихъ, упоминать не всѣхъ животныхъ, которыя значутся въ нихъ, а только одно то, которое вредитъ растенію въ данныя минуты. Напр., червь или мошку».

«Учебникъ» географіи тоже одобренъ, если и не оффиціальными комитетомъ мин. нар. просв., то во всякомъ случаѣ самими педагогами, ибо онъ выдержалъ уже 8 изданій. Полное его заглавіе таково: «*И. С. Штейнгауеръ.* Географія-первинка. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Съ обозначеніемъ удареній и рисунками въ текстѣ. Городъ Лодзь, 1902 г. Изданіе восьмое, исправленное. Цѣна въ папкѣ 25 коп.».

Чтобы дать понятіе о своеобразности этого географическаго катехизиса приведемъ изъ него нѣсколько строкъ:

Вопросъ. Кто губернáторомъ... губерній *)?

Отвѣтъ. Губернáторомъ... губерніи — егó превосходи́тельство... (имя, отчество и фамилія).

Вопросъ. Къ какóй учéбной дирéкціи причисляется нáше учи́лище?

Отвѣтъ. Нáше учили́ще причисля́ется къ... учéбной дирéкціи.

Вопросъ. Кто нача́льникомъ... учебной дирекціи?

Отвѣтъ. Нача́льникомъ... учéбной дирéкціи — его превосходительство дѣйстви́тельный ста́тскій совѣтникъ... (имя, отчество и фамилія (стр. 15).

Вопросъ. Кто генера́лъ-губернáторомъ Привíслянскаго края?

Отвѣтъ. Генера́лъ-губернаторомъ Привíслянскаго кра́я его высокопревосходи́тельство генералъ-губернáторъ генера́лъ-адъютантъ Михаи́лъ Ива́новичъ Черткóвъ.

---

*) Учитель долженъ самъ вставить недостающія свѣдѣнія.

Вопросъ. Кто попечи́телемъ Варша́вскаго уче́бнаго о́круга?

Отвѣтъ. Попечи́телемъ Варша́вскаго уче́бнаго о́круга...

Вопросъ. Кто помо́щникомъ попечи́теля Варша́вскаго уче́бнаго округа?

Отвѣтъ. Помо́щникомъ попечителя Варша́вскаго уче́бнаго округа — его превосходи́тельство дѣйстви́тельный ста́тскій сове́тникъ Никола́й Матве́евичъ Стефа́ни (стр. 35—36).

Такіе учебники и руководства ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждаются, и мы только констатируемъ ихъ существованіе.

Катастрофа въ шахтѣ близъ Юзовки. Спеціальный корреспондентъ «Перм. Вѣд.», какъ очевидецъ, передаетъ слѣдующія подробности пожара въ шахтѣ успенскаго общества, близъ Юзовки. «Загорѣлась камера паровой лебедки. Машинистомъ была опрокинута керосиновая лампа. Камера эта соединялась съ воздушнымъ просѣкомъ (штрекомъ), идущимъ на сбойку (возстающій штрекъ) къ вентиляціонной шахтѣ; находясь, слѣдовательно въ направленіи сильной входящей воздушной струи, она такъ быстро воспламенилась, что машинисту и смазчику оставалось только спасаться самимъ. Черезъ нѣсколько минутъ уже горѣло на главномъ откаточномъ штрекѣ. Рабочіе, находящіеся, главнымъ образомъ, въ отдаленныхъ забояхъ отъ мѣста пожара, не могли своевременно оставить работы, такъ какъ до нихъ признаки пожара могли достичь минутъ черезъ 20. Когда же они поняли, что находятся въ опасности, выхода для нихъ уже не существовало, такъ какъ тѣ штреки и ходокъ, по которымъ они могли выйти, были наполнены продуктами горѣнія. Надзоръ въ шахтѣ въ это время надъ 88 человѣками принадлежалъ 2 десятникамъ. Одинъ изъ нихъ до сихъ поръ не найденъ. Возможно, что онъ, желая вывести рабочихъ, сдѣлался самъ жертвой пожара. Для ослабленія пожара необходимо было прекратить струю входящаго воздуха черезъ вентиляціонную шахту, а для предупрежденія возможности пожара на стволѣ работающей шахты—закрыть одну предохранительную дверь. Это и было сдѣлано завѣдующимъ этой шахты г. Головинымъ. Но въ шахтѣ было еще 76 человѣкъ (12 успѣли спастись), достичь до нихъ тотчасъ же не было никакой возможности. Безусловно многіе изъ нихъ находились еще живыми, такъ какъ отъ мѣста пожара они были изолированы. Въ дѣлѣ оказанія немедленной помощи всѣ мы были безсильны. Всѣ, кто пытался проникнуть къ несчастнымъ, черезъ нѣсколько минутъ сами находились въ безсознательномъ состояніи отъ скопившихся вредныхъ газовъ. Былъ собранъ совѣтъ изъ инженеровъ, техниковъ и штейгеровъ. Рѣшено при перемѣнной вентиляціи и при устройствѣ всевозможныхъ перемычекъ и зашивокъ пускать свѣжую струю воздуха и двигаться самимъ за этой струей къ погибающимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы быть увѣреннымъ, и чтобы спасающіе сами не сдѣлались жертвами, пришлось удалить мѣсто пожара отъ ходка (по которому шли главныя работы по спасанію погибающихъ) на безопасное разстояніе. Удалось это сдѣлать всего на 3 саж., а для того, чтобы пожаръ не возобновился на этомъ мѣстѣ, была сдѣлана каменная перемычка.

«И вотъ медленно съ громадными препятствіями, шагъ за шагомъ, двигались по направленію струи къ погибающимъ. Рѣдкій выдерживалъ 2 часа: голова начинала кружиться, люди падали и ихъ уносили. На смѣну являлись новые рабочіе съ новыми распорядителями и съ ними повторялось то же самое.

«Черезъ 24 часа нашли 6 труповъ. Мы жаждали найти живыхъ людей, а нашли трупы. Около зданія шахты тысячная толпа ждала съ напряженнымъ нетерпѣніемъ плодовъ нашей работы. Каждый трупъ публика встрѣчала гробовымъ молчаніемъ. Время отъ времени раздавались только рыданія родственниковъ пострадавшихъ. Общее настроеніе гнетущее, подавляющее.

«Слѣдующіе 24 часа были болѣе «счастливыми» для насъ. Мы нашли 12 живыхъ человѣкъ и между ними 2 трупа. Еще бы 2—3 часа и этихъ людей не было бы (слова докторовъ), они спаслись благодаря своей догадливости. Эти рабочіе изолировали свой штрекъ отъ проникающаго къ нимъ испорченнаго воздуха и, слѣдовательно, находясь въ нѣкоторомъ воздушномъ пространствѣ, могли существовать только до полнаго истребленія ими кислорода.

«13 человѣкъ спасены. Это обстоятельство, конечно, усилило энергію спасающихъ. Каждой минутой нужно было дорожить. Но, увы, дальнѣйшее продолженіе работы находило все больше и больше препятствій. Особенно намъ вредилъ трупъ лошади, издававшій невозможный смрадъ. Огонь почти не горѣлъ. Съ большимъ трудомъ удалось засыпать трупъ углемъ. Наконецъ, еще черезъ 15 час. наткнулись на группу труповъ въ 12 чел. И такъ въ теченіе 3 сутокъ спасли только 13 чел. и вынесли 20 труповъ. Осталось еще 44 человѣка, которые, какъ извѣстно изъ телеграммъ, не были спасены».

Открытіе „Народнаго дома“ въ Харьковѣ. Это открытіе состоялось, по словамъ мѣстныхъ газетъ, 2-го февраля. Красивое трехъэтажное зданіе, выстроенное по планамъ акад. Г. Бекетова, служитъ украшеніемъ Старо-Московской ул. и гордостью всего харков. общества, трудами котораго, по иниціативѣ общ. грамотности, оно и возникло.

Прекрасное зданіе снаружи, оно не менѣе красиво и внутри. Эффектно устроенная сцена съ занавѣсомъ, представляющая собой копію памятника Императора Александра II-го въ Москвѣ—Освободителя крестьянъ, около котораго толпа крестьянъ и рабочихъ—будущихъ посѣтителей «дома», зрительный залъ въ 2 свѣта и 3 яруса, и напоминающая собой мѣстный драматическій театръ изящная отдѣлка, мягкіе, не бьющіе въ глаза, цвѣта и тоны, красиво разрисованный плафонъ, простыя деревянныя, но удобно расположенныя амфитеатромъ скамьи, просторная галлерея, курительныя комнаты, буфеты, чайныя—все подкупаетъ своей красотой, изяществомъ и удобствомъ. Тутъ же библіотека, читальный залъ, комнаты для оркестра, для хорового пѣнія и пр., и пр.

Однимъ словомъ «Народный Домъ» созданъ на славу и остается только пожелать ему того, что было такъ тепло и искренно высказано въ привѣтствіяхъ отъ разныхъ обществъ и лицъ.

Торжество началось молебствіемъ, послѣ котораго предсѣд. общ. грамотности г. Ковалевскій обратился съ привѣтствіемъ къ присутствующимъ. Привѣтствуя

иниціаторовъ и исполнителя грандіознаго дѣла, г. Ковалевскій пожелалъ «Народному дому» объединить всѣхъ его будущихъ посѣтителей. Здѣсь всѣ равны, здѣсь нѣтъ опредѣленнаго хозяина, хозяева этого дворца — всѣ, кто тутъ будетъ бывать, закончилъ свою рѣчь, г. Ковалевскій. Затѣмъ предсѣдатель строительнаго, комитета г. Раевскій, прочелъ исторію возникновенія и осуществленія «Народнаго дома». «Народный домъ» обошелся въ 154.853 руб., кромѣ оборудованія библіотеки и читальни. Сумма эта составилась, главнымъ образомъ изъ пожертвованія; такъ, 31.200 руб. дало общество трезвости, 36.000—пожертвовано разными лицами и выручено отъ лекцій, вечеровъ и пр., на 6.000 р. пожертвованы разные матеріалы для постройки, 51.000 ассигнованы министерствомъ финансовъ, 5.000 ассигнованы губ. земствомъ, и ежегодно будетъ отпускаться городск. общ. упр. по 2.000 руб. «Народному дому», въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Долгу «Народный домъ» имѣетъ 3.500 руб., которыя надѣется погасить не долѣе, какъ въ этомъ же году.

Затѣмъ г. Левенстимъ прочелъ «Исторію возникновенія народныхъ домовъ» въ Зап. Европѣ и у насъ, проф. Устиновъ о значеніи въ культурномъ отношеніи подобнаго рода учрежденій, облагораживающихъ и поднимающихъ значеніе человѣка въ его собственныхъ глазахъ, проф. Гродескулъ привѣтствовалъ новое учрежденіе отъ лица мѣстнаго юридич. общества.

Ректоръ университета Н. О. Куплевскій — отъ харьковскаго университета пожелалъ процвѣтанія новому просвѣтительному учрежденію—«народному университету». Затѣмъ шли привѣтствія отъ харьковск. общ. библіотеки и комитета общества народной грамотности—проф. Вагалѣй, отъ харьковскаго благотвор. общества, отъ воскресной школы, отъ общества взаимопомощи, занимающихся ремеслен. трудомъ, рѣчь, вызвавшая бурю долго не смолкавшихъ аплодисментовъ, отъ обучающихся на курсахъ для рабочихъ, отъ общества народнаго образованія и развлеченій и др. лицъ и обществъ. Получено свыше 50 привѣтственныхъ телеграммъ.

Врачъ-подвижникъ. «Русскія Вѣдомости» посвящаютъ теплыя строки памяти много потрудившагося на благо деревенскаго населенія врача С. И. Сычугова, имя котораго стало пріобрѣтать извѣстность съ половины 70-хъ годовъ. Его горячая живая дѣятельность сначала въ качествѣ уѣзднаго земскаго врача, а потомъ завѣдующаго санитарно-статистическимъ отдѣломъ цѣлой губерніи была замѣчена всѣми, кто интересовался земскою медициной. Съ конца 80-хъ годовъ, когда онъ, отказавшись отъ службы земству, рѣшилъ отдать всѣ силы поразительно скромной, но трудной и небывалой у насъ дѣятельности вольнаго деревенскаго врача,—извѣстность его уже перешла за предѣлы медицинской печати. О немъ заговорила общая печать. Его, яркая самобытная, выдающаяся личность, его самоотверженная дѣятельность среди народа въ послѣднія одиннадцать лѣтъ жизни производили на всѣхъ настолько сильное впечатлѣніе, что не могли остаться незамѣченными и неоцѣненными по достоинству.

Для этой цѣли онъ перебирается въ село Верховино, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, гдѣ живетъ только что овдовѣвшая родная сестра его, оставшаяся при малыхъ средствахъ съ цѣлою кучей дѣтей. Сычуговъ радуется, что судьба посылаетъ ему новыя заботы какъ бы для того, чтобы утѣшить его одинокую старость и, не задумываясь, беретъ на себя тяжелыя обязанности отца по отношенію къ осиротѣвшей семьѣ. Онъ строитъ по сосѣдству съ ними небольшой, но удобный для пріема больныхъ домъ и горячо принимается за дѣло.

Къ этому времени у него скопилось «нажитыхъ», какъ онъ выражается,—«буржуазнымъ трудомъ» денегъ болѣе 5.000 рублей, которыя онъ рѣшилъ истратить до копѣйки, чтобы доказать возможность существованія деревенскаго врача исключительно своимъ заработкомъ. Часть этихъ денегъ уходитъ на постройку дома, 1.300 рублей онъ отсылаетъ въ медицинскую кассу, 2.000 рублей отдаетъ сиротамъ племянницамъ, а остальныя откладываетъ на устройство и содержаніе народной библіотеки.

Дѣятельность Сычугова не только давала благодарный матеріалъ для обсужденія вопроса со спеціальной точки зрѣнія, но и затрогивала общіе вопросы жизни. Она вся проникнута искреннимъ горячимъ призывомъ въ деревню для борьбы съ народной нуждой и темнотой. О ней справедливо говорили читатели, что она «такъ и тянетъ къ добру». Сычугогъ былъ засыпанъ письменными обращеніями, то просто выражающими сочувствіе, то дѣловыми, съ просьбами посовѣтовать, разъяснить ту или другую подробность. Кромѣ того, ему пришлось написать по этому вопросу двѣ статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

Въ этой статьѣ Сычуговъ сообщилъ, что въ теченіе года онъ принялъ 7.200 человѣкъ больныхъ. Давая не только совѣты, но и лѣкарства изъ собственной аптеки, онъ находилъ возможнымъ брать, за исключеніемъ случаевъ, въ которыхъ употреблялись дорогіе медикаменты, ничтожную плату отъ 5-ти до 20-ти коп. Только для лицъ привилегированныхъ сословій, которыхъ весьма немного въ тѣхъ мѣстахъ Вятской губерніи, онъ назначалъ болѣе высокую плату. Но пострадавшіе отъ какихъ-либо несчастій вдовы, сироты, нищіе пользовались безплатно какъ его трудомъ, такъ и лѣкарствами. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, даже извѣстнаго процента на погашеніе капитала, затраченнаго на устройство амбулаторіи, по точнымъ его вычисленіямъ, оставалось чистаго дохода около 300 рублей, которыхъ, по его мнѣнію, достаточно, чтобы жить въ той мѣстности не только безъ нужды, но даже съ нѣкоторымъ комфортомъ, «понимая его въ смыслѣ простоты, удобства и гигіеничности». Отъ этой суммы онъ находитъ возможнымъ удѣлить еще нѣсколько десятковъ рублей на выписку журналовъ, газетъ и на постоянное пополненіе своей медицинской библіотеки. «Я положительно утверждаю,—говоритъ онъ,—что живу теперь ничуть не хуже, чѣмъ прежде, когда я получалъ и проживалъ почти безъ остатка слишкомъ 2.000 рублей».

Какъ ни странны покажутся многимъ приведенныя слова Сычугова, но въ искренности ихъ сомнѣнія быть не можетъ. Это была необыкновенно сильная

натура; вся дѣятельность его представляла собой рѣдкій примѣръ самопожертвованія. Такихъ людей на обыкновенный аршинъ мѣрить нельзя. Когда заговорили печатно о его подвижничествѣ, онъ съ полною искренностью отвѣчалъ на это такими словами: «Нѣкоторые органы печати въ такомъ обыденномъ фактѣ, какъ замѣна теплаго мѣста менѣе теплою деревенскою практикою, усмотрѣли подвижничество. Съ понятіемъ о подвигѣ соединяется понятіе о самопожертвованіи, самоотреченіи,—ничего подобнаго мнѣ приписать нельзя. Я хорошую жизнь замѣнилъ только лучшею; я пріобрѣлъ равновѣсіе силъ, уяснилъ себѣ цѣль жизни, нашелъ возможность снова служить начинавшимъ тускнѣть отъ житейской грязи идеаламъ юности, возвратилъ себѣ колебавшуюся было вѣру въ истину, добро и людей, убѣдился, что не даромъ копчу небо,—словомъ, достигъ возможнаго на землѣ счастья, какъ я его понимаю. Но гдѣ же тутъ подвижничество?»

С. И. Сычуговъ скончался 2-го февраля 1902 года.

Литературный юбилей. 15-го іюля нынѣшняго года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія нашего извѣстнаго писателя Владиміра Галактіоновича Короленко. Какъ извѣстно, Владиміръ Галактіоновичъ родился въ Житомирѣ, гдѣ отецъ его Галактіонъ Афанасьевичъ, занималъ должность уѣзднаго судьи.

Въ виду этого обстоятельства, одинъ изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ В. А. Бернацкій (чиновникъ особыхъ порученій казенной палаты) обратился къ житомирскому городскому головѣ А. Д. Давыдовскому съ заявленіемъ, въ которомъ проситъ внести въ городскую думу предложеніе о чествованіи 50-ти-лѣтія дня рожденія Владиміра Галактіоновича на его родинѣ.

«Мы не сомнѣваемся,—пишетъ «Волынь»,—что вопросъ о чествованіи одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей найдетъ въ сердцѣ городского общественнаго управленія и среди жителей самый живой откликъ».

Г. Бернацкій подалъ г. городскому головѣ слѣдующее заявленіе: «Въ нынѣшнемъ году, а именно 15-го іюля, исполняется 50-ти-лѣтіе со дня рожденія одного изъ наиболѣе выдающихся нашихъ художниковъ слова, писателя-беллетриста, бывшаго почетнаго академика, В. Г. Короленко.

«Этимъ именемъ, которымъ гордится Россія, нашъ Житомиръ, являющійся родиной писателя, можетъ гордиться по преимуществу.

«Здѣсь В. Г. провелъ свое дѣтство, съ 1853 года по 1866 г., въ здѣшней гимназіи онъ началъ учиться, съ Житомиромъ связаны его воспоминанія дѣтства. Волыни и, въ частности, Житомиру посвящены нѣкоторыя его произведенія («Парадоксъ», «Въ дурномъ обществѣ» и др.).

«Почтить полувѣковой день рожденія такого человѣка, который составляетъ нашу славу и гордость,—наша святая обязанность.

«Поэтому я покорнѣйше прошу васъ, м. г., принять на себя трудъ внести на обсужденіе нашего городского общества, въ лицѣ городской думы, предложеніе о чествованіи 50-ти-лѣтія дня рожденія В. Г. Короленко.

«Съ своей стороны, я нашелъ бы необходимымъ поднести В. Г. званіе почетнаго гражданина гор. Житомира, помѣстить въ залѣ городской думы его

портретъ, исходатайствовать разрѣшеніе учебнаго вѣдомства на помѣщеніе его портрета въ здѣшней 1-й гимназіи, открыть школу имени В. Г. Короленко, а если средства не позволятъ этого, учредить, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ мѣстныхъ учебныхъ учебныхъ заведеній стипендію имени писателя, наименовать одну изъ лучшихъ улицъ въ городѣ его именемъ, послать 15-го іюня писателю привѣтственную телеграмму отъ имени городского общества, устроить въ этотъ день народныя чтенія».

Вопросъ о дворянскихъ кассахъ въ собраніи тамбовскихъ дворянъ. Въ «Сарат. Дневникѣ» находимъ краткое изложеніе интересныхъ преній, происходившихъ въ собраніи тамбовскихъ дворянъ по поводу дворянскихъ кассъ, проектъ которыхъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ собранія. Послѣ рѣчи князя Цертелева, который выяснилъ значеніе кассъ для дворянства, проектируемыхъ ради сохраненія дворянскаго сословія, немедленно посыпались возраженія. Ю. А. Новосильцевъ (темниковскій уѣздный предводитель) указалъ на то, что касса не спасетъ экономически слабаго дворянства. В. М. Петрово-Соловово (тамбовскій уѣздный предводитель дворянства) доказывалъ, что врядъ ли стоитъ сохранять для службы государству наиболѣе слабые, наименѣе жизнеспособные элементы. Съ большою рѣзкостью возражалъ кн. Цертелеву С. И. Комсинъ (товарищъ предсѣдателя окружного суда), отмѣтивъ, что изъ смысла рѣчи князя Цертелева выходитъ, какъ будто правительство желаетъ купить дворянство учрежденіемъ кассъ; онъ находилъ, что нападать въ дворянскомъ собраніи на земство, которое не имѣетъ здѣсь оффиціальныхъ представителей, по меньшей мѣрѣ неудобно (тутъ С. И. былъ остановленъ предсѣдателемъ собранія). Л. Д. Брюхатовъ (членъ губернской управы) доказывалъ полную безцѣльность учрежденія въ настоящее время сословной дворянской кассы въ цѣляхъ поддержки дворянскаго сословія, какъ такового. Теперь роль дворянства, какъ дворянскаго сословія, уже сыграна: оно должно уступить мѣсто другимъ элементамъ. Дворянство уже не составляетъ преимущественно служилаго сословія. Въ этомъ отношеніи его давно уже сталъ замѣнять, а теперь и вполнѣ замѣнилъ, элементъ недворянскій, такъ называемый разночинецъ, зарекомендовавшій себя большею трудоспособностью, большею культурностью. Поддерживать отдѣльныхъ бѣдствующихъ дворянъ слѣдуетъ дворянской корпораціи, но, разумѣется, лишь на собственныя средства. Принципъ взаимопомощи,—принципъ желательный, но лишь тогда, когда онъ основывается на самодѣятельности. Предполагаемая организація кассы, именно, не удовлетворяетъ этому требованію. Болѣе 50 проц. средствъ кассы составляютъ не дворянскія деньги, а суммы, ничего общаго съ дворянскими сословными интересами не имѣющія. Хотя государственный бюджетъ нашъ и основывается, главнымъ образомъ, на косвенномъ обложеніи, но главными плательщиками косвенныхъ налоговъ являются крестьяне—элементъ, въ настоящее время оффиціально признанный экономически несостоятельнымъ. Каждая лишняя налоговая тяжесть, несомнѣнно, еще болѣе ухудшаетъ положеніе массы. Поэтому учреждать въ настоящее время сословную кассу на счетъ этой же

обездоленной массы будетъ крупною несправедливостью. Будущее принадлежитъ не сословному началу, а безсословному, и потому не слѣдуетъ стремиться къ упроченію сословныхъ перегородокъ: не слѣдуетъ осложнять взаимоотношенія еще продолжающихъ существовать сословныхъ группъ. А. Д. Брюхатовъ (земскій начальникъ) высказалъ, что онъ принципіально противъ того, чтобы одному сословію помогать за счетъ другихъ, но въ данномъ случаѣ надо взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія практической политики. Историческая эволюція, несомнѣнно, идетъ къ уничтоженію сословной организаціи, но для Россіи еще не наступилъ тотъ моментъ, когда роль сословнаго дворянства можно считать сыгранной. Пройдетъ 500—100 лѣтъ, появится безсословная сельская интеллигенція, подобная той, какая существуетъ теперь въ городахъ, и тогда не будетъ смысла поддерживать на средства казны сельское дворянство. Но въ настоящее время дворяне составляютъ главный контингентъ культурныхъ людей въ русской деревнѣ, и государству важно сохранить этотъ культурный элементъ. Говорятъ, что гибнутъ слабые, неспособные служить государству. Но зоологическій принципъ борьбы за существованіе долженъ смѣняться въ соціальныхъ отношеніяхъ принципомъ этическимъ. Слабые, которые гибнутъ въ борьбѣ,— не всегда худшіе. Поэтому ораторъ высказывается за учрежденіе кассы хотя бы съ пособіемъ отъ казны.

Голосованіе дало 117 голосовъ за и 77 противъ кассы. Такъ какъ для складки (посредствомъ обложенія дворянскихъ земель), которая необходима, чтобы учредить кассу, нужно $^2/_3$ голосовъ, то стало очевидно, что принципіальное постановленіе относительно кассы не получитъ практическаго осуществленія. Попробовали отдѣлить вопросъ о складкѣ (3 к. съ десятины въ первый годъ и 2 к. въ два послѣдующіе года) отъ принципіальнаго вопроса, но на другой день 18-го января противъ складки оказалось 90 голосовъ.

Собраніе рабочихъ. По словамъ «Од. Нов.», 2-го февраля въ Одессѣ состоялось многолюдное собраніе рабочихъ, служащихъ на крупнѣйшихъ мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, организованное съ разрѣшенія администраціи. Собранія рабочихъ происходятъ уже нѣсколько недѣль по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. На собраніяхъ, устраиваемыхъ съ цѣлью организаціи общества взаимопомощи нуждающихся ремесленниковъ и рабочихъ, въ теченіе послѣдняго мѣсяца вырабатывались основныя положенія учреждаемаго общества взаимопомощи. Проектъ устава общества рабочихъ разрабатывается примѣнительно къ бытовымъ условіямъ характерныхъ группъ учредителей - рабочихъ разныхъ заводовъ и фабрикъ. Послѣднія организованныя собранія привлекли болѣе 1.000 рабочихъ изъ района Пересыпи, Слободки-Романовки, Бугаевки, Молдаванки и Большого Вокзала. На собранія являлись не только ремесленники и спеціалисты фабричнорабочіе, но и группы чернорабочихъ кожевенныхъ, сахаро-рафинадныхъ, кирпичныхъ, маслобойныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ. Присутствовали и женщины-работницы заводовъ: пробочнаго, табачныхъ фабрикъ. Собранія носили оживленный характеръ и проходили при образцовомъ порядкѣ. Во время дебатовъ мнѣнія высказывались въ серьезной

общепонятной формѣ, толково и дѣльно. Собранія рабочихъ происходятъ въ особомъ помѣщеніи на Нарышкинскомъ спускѣ, въ д. Бруна. Представители фабричныхъ рабочихъ въ составѣ около 600 чел. на состоявшихся собраніяхъ детально выработали уставъ новаго общества взаимопомощи рабочихъ, который нынѣ посланъ на утвержденіе. Организованы отдѣльныя группы по цехамъ и спеціальностямъ. Каждая группа рабочихъ (цехъ или занятіе) избрала изъ своей среды 3 уполномоченныхъ въ совѣтъ общества. Уполномоченные состоятъ изъ предсѣдателя, кассира и секретаря каждой цеховой группы. Собраніе постановило, чтобы всѣ участники общества внесли единовременно по 50 коп. въ основной фондъ кассы и еженедѣльно отчисляли отъ своей получки по 20 коп. на цополненіе кассы взаимопомощи. Общество будетъ выдавать своимъ членамъ—заболѣвшимъ, увѣчнымъ и престарѣлымъ рабочимъ—единовременныя пособія, пенсіи, а также пособія вдовамъ и сиротамъ умершихъ членовъ общества. Учредители общества взаимопомощи уже внесли по 50 коп. для основанія фонда.

За мѣсяцъ. Высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору: «Согласно повелѣнію Нашему, объявленному въ рескриптѣ отъ 19-го февраля (4-го марта) 1902 года надлежало призвать 280 человѣкъ на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи 3-й стрѣлковый финскій батальонъ. Между тѣмъ, къ вынутію жеребія изъ 26.284 человѣкъ призывныхъ явилось только 11.886 человѣкъ. Такое уклоненіе подлежавшихъ къ призыву молодыхъ людей отъ исполненія возложеннаго на нихъ закономъ вѣрноподданническаго долга не должно остаться безъ взысканія. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ, не предавая суду уклонившихся отъ военной службы, принять слѣдующія мѣры: 1) состоящихъ на государственной службѣ въ правительственныхъ учрежденіяхъ уволить отъ оной въ порядкѣ, указанномъ въ Высочайшемъ постановленіи отъ 1-го (14-го) августа 1902 года; 2) отъ подлежавшихъ въ 1902 году призыву при поступленіи на государственную или общинную службу требовать представленія свидѣтельствъ о явкѣ къ исполненію воинской повинности; 3) въ теченіе пяти лѣтъ не выдавать уклонившимся заграничныхъ паспортовъ; 4) при разрѣшеніи общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ ссудъ и пособій изъ казенныхъ суммъ принимать въ соображеніе степень участія ихъ въ противодѣйствіи призыву и 5) всѣхъ уклонившихся зачислить въ ополченіе. Затѣмъ относительно докомплектованія финскаго гвардейскаго батальона Мы предоставляемъ вамъ привести въ исполненіе, на особо одобренныхъ Нами основаніяхъ, предположенныя вами мѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ Мы признали за благо разрѣшить вамъ тѣхъ изъ призывныхъ 1902 года, которые исполнили свой долгъ и по вынутіи жеребья своевременно поступили въ войска, обратить, безъ зачисленія въ ополченіе, въ первобытное состояніе, по мѣрѣ заполненія уклонившимися отъ призыва штата лейбъ-гвардіи 3-го стрѣлковаго финскаго баталіона.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

— Министромъ финансовъ были приняты рабочіе нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній г. Петербурга, просившіе о предоставленіи имъ возможности лично доложить министру о наиболѣе интересующихъ ихъ въ настоящее время пожеланіяхъ, а именно: объ организаціи среди рабочихъ особыхъ выборныхъ изъ ихъ среды для упорядоченія сношеній съ заводоуправленіями; объ учрежденіи больничныхъ и сберегательныхъ кассъ и проч. Выслушавъ рабочихъ, министръ финансовъ сказалъ имъ, что они должны съ полнымъ спокойствіемъ и довѣріемъ ожидать окончанія предпринятыхъ въ этомъ направленіи министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ работъ и имѣть въ виду, что правительство всегда относится съ должнымъ вниманіемъ къ назрѣвшимъ нуждамъ какъ ихъ, такъ и всѣхъ прочихъ классовъ населенія. Поднятые рабочими вопросы, въ виду ихъ сложности, требуютъ извѣстнаго времени для соотвѣтственнаго ихъ разрѣшенія и проведенія въ жизнь.

— 1-го декабря 1902 года въ Самарѣ, Витебскѣ, Двинскѣ, Кишиневѣ, Ярославлѣ, Казани и Ригѣ возстановленъ общій порядокъ управленія. Срокъ дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ продолженъ еще на одинъ годъ въ виленской губерніи, въ Полтавѣ, въ Саратовѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевѣ, Томскѣ, а также въ уѣздахъ полтавскомъ, константиноградскомъ, переяславскомъ, лубенскомъ, кременчугскомъ полтавской губерніи. Съ того же срока, какъ извѣстно, объявлено на одинъ годъ Положеніе объ усиленной охранѣ въ саратовской губерніи.

— Въ состоявшемся на-дняхъ засѣданіи нижегородскаго губ. комитета попечительства о народной трезвости состоялось важное постановленіе. Заслушавъ письмо товарища министра финансовъ о томъ, «не представляется ли по мѣстнымъ условіямъ возможнымъ, не учреждая въ Н.-Новгородѣ особаго городского комитета, передать дѣло попеченія о народной трезвости въ городѣ въ непосредственное вѣдѣніе городского самоуправленія, съ выдачей нѣкоторой субсидіи отъ казны и съ сохраненіемъ за губернскимъ комитетомъ лишь общаго надзора за употребленіемъ этой суммы», комитетъ, какъ это передаютъ мѣстныя газеты, постановилъ просить нижегородскаго городского голову внести на обсужденіе думы вопросъ о передачѣ дѣла попеченія о народной трезвости въ Н.-Новгородѣ въ непосредственное вѣдѣніе городскаго самоуправленія.

— Саратовскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ назначенъ на постъ товарища Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Некрологъ М. Песковскаго. 29-го января скончался въ домѣ призрѣнія душевно-больныхъ имени Императора Александра III на Удѣльной не безызвѣстный публицистъ-журналистъ Матвѣй Леонтьевичъ Песковскій. Покойный родился въ 1843 году. По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ петербургскаго университета началъ свою дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ и былъ преподавателемъ въ вятскомъ земскомъ училищѣ для распространенія сельскохозяйственныхъ, техническихъ и ремесленныхъ знаній и для приготовленія учителей. Поселившись въ Петербургѣ, онъ сталъ сотрудникомъ въ «Голосѣ», преимущественно по земскому отдѣлу, затѣмъ работалъ въ «Рус-

скомъ Обозрѣніи», «Молвѣ», Порядкѣ», «Новостяхъ»; писалъ статьи въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Русской Старинѣ»; принималъ близкое участіе въ изданіяхъ г. Вольфа и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльно имъ изданы «Роковое недоразумѣніе; еврейскій вопросъ, его міровая исторія и путь къ разрѣшенію», біографіи: К. Д. Ушинскаго и Н. А. Корфа и очерки «Въ глуши».

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Мысль"—январь.—„Журналъ для всѣхъ"—февраль.—„Русская Старина"—февраль).

Посредствующимъ звеномъ между писателемъ, излагающимъ свои мысли, чаще всего весьма неудобочитаемо, въ рукописи, и читателемъ, знакомящимся съ мыслями писателя уже въ то время, когда содержавшіе ихъ письменные знаки подверглись весьма существенной технической передѣлкѣ въ типографіи, является типографскій рабочій, или такъ называемый «печатникъ». Этому элементу принадлежитъ въ книгопечатномъ, журналопечатномъ и газетопечатномъ дѣлѣ (да проститъ насъ читатель за употребленіе двухъ послѣднихъ, обыкновенно не употребляемыхъ въ такомъ видѣ словосочетаній) весьма значительная роль. Уже одно это обстоятельство, казалось бы, давало право труженикамъ печатнаго дѣла на особое вниманіе къ ихъ положенію и судьбѣ со стороны литературы и общества, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, у насъ весьма мало знакомы съ этимъ положеніемъ и, что грѣхъ таить, далеко не въ достаточной мѣрѣ имъ интересуются. Было время, когда нашъ народный поэтъ, память котораго мы только что чествовали, останавливалъ свой глубоконаблюдательный взоръ на тяжкой долѣ «свинцовой арміи» и характеризовалъ ее такъ:

Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь,
И въ самыхъ рудникахъ
Тошнѣй труда не сыщешь.
Мы вѣчно на ногахъ:
Отъ частой недосыпки,
Отъ пыли, отъ свинца
Мы всѣ здоровьемъ хлипки,
Всѣ зелены съ лица...

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки прошло много лѣтъ, а много ли перемѣнъ къ лучшему внесли они въ положеніе нашихъ «печатниковъ»? Сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы дать не можемъ: никакой не только всероссійской, но даже захватывающей болѣе или менѣе крупный районъ Россіи, анкеты по этому поводу, кажется, не производилось, мы, по крайней мѣрѣ, о ней не слышали, а безъ этого какой же можетъ быть данъ на поставленный вопросъ обстоятельный отвѣтъ? Приходится ограничиваться частичными данными.

Въ ряду такихъ то данныхъ займетъ, безъ сомнѣнія, важное мѣсто напечатанная въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» статья г. Вас. Голубева,

*

подъ заглавіемъ: «Какъ живутъ и работаютъ наши книгопечатники». Матеріалы, которыми пользовался для своей статьи г. Голубевъ, не велики, они касаются одного только города Саратова, но такъ какъ послѣдній занимаетъ несомнѣнно одно изъ крупныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ провинціальныхъ городовъ, то по обрисованной г. Голубевымъ картинѣ быта книгопечатниковъ въ Саратовѣ, можно составить болѣе или менѣе точное представленіе о бытѣ ихъ и въ другихъ городахъ. Можно сказать даже a priori, что если и найдутся мѣста, гдѣ положеніе книгопечатниковъ лучше, нежели ихъ саратовскихъ собратьевъ, то найдется ужъ, конечно, еще больше такихъ, гдѣ положеніе этихъ рабочихъ несравненно хуже.

«Матеріаломъ для нашей замѣтки,—говоритъ г. Голубевъ,—послужили данныя, собранныя коммиссіей общества саратовскихъ санитарныхъ врачей въ 1899 году; коммиссіи этой поручено было произвести обслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи всѣхъ типографскихъ заведеній города. Матеріалы коммиссіи двоякаго рода: во-первыхъ, описаніе самихъ типографскихъ заведеній, а также результаты краткаго опроса рабочихъ о заработной платѣ, грамотности, возрастѣ и т. п.; во-вторыхъ, данныя опроса рабочихъ, по болѣе подробной программѣ, осмотра физическаго состоянія ихъ и измѣреній роста, вѣса, силы и проч. Данныя опроса по краткой программѣ имѣются слишкомъ о 500 рабочихъ, но болѣе же подробной программѣ только о 135».

Что же говорятъ эти данныя?

Въ годъ изслѣдованія въ Саратовѣ было 11 типографскихъ заведеній съ 629 рабочими. Изъ этого количества типографскихъ заведеній «два, а именно «Саратовскаго Листка» и «Саратовскаго Дневника», помѣщаются въ подвальномъ этажѣ, причемъ въ типографіи «Дневника» полъ помѣщенія опущенъ значительно ниже уровня двора, такъ что окна возвышаются надъ дворомъ не болѣе, какъ на $^1/_2$ аршина. Въ немного лучшемъ положеніи находится и помѣщеніе «Саратовскаго Листка». Въ типографіи губернскаго земства машинное отдѣленіе (гдѣ производится печатаніе) также находится въ полуподвальномъ этажѣ». Большинство остальныхъ типографій «какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны мало приспособлены къ своему назначенію». Вопросы о кубическомъ содержаніи воздуха въ типографіяхъ и о томъ количествѣ его, которое приходится на каждаго рабочаго, представляется въ такомъ видѣ:

«Вычислить кубическое содержаніе воздуха въ типографскихъ помѣщеніяхъ,—говоритъ г. Голубевъ, представляется довольно затруднительнымъ, вслѣдствіе множества различнаго рода предметовъ, находящихся въ помѣщеніи, занимающихъ извѣстный объемъ, но при весьма неправильной формѣ, напр., машины. Наибольшее значеніе въ типографскихъ помѣщеніяхъ со стороны кубическаго содержанія воздуха имѣютъ наборныя отдѣленія, такъ какъ въ нихъ больше всего скучивается рабочихъ... Въ этихъ отдѣленіяхъ значительный объемъ занимаютъ реалы, родъ высокихъ, обыкновенно сплошныхъ конторокъ. Эти реалы коммиссіей были измѣрены, и потому объемъ, занимаемый ими, можетъ быть высчитанъ и исключенъ изъ общаго кубическаго содержанія воздуха въ наборной. Произведя необходимыя въ этихъ случаяхъ вычисленія, получимъ

слѣдующіе результаты: изъ 10 типографій (въ 11-й типографіи, по случаю предполагавшагося ея закрытія владѣльцемъ, рабочихъ было крайне мало, и потому исчисленіе касается только десяти типографіи), въ 7 объемъ воздуха на каждаго рабочаго въ наборныхъ былъ болѣе 1 куб. саж. (отъ 1,1 до 1,4), въ трехъ остальныхъ менѣе 1 сажени (0,7—0,9)». Такъ какъ сколько-нибудь нормальнымъ даже для обычнаго жилого помѣщенія количествомъ воздуха считается 1,5 куб. саж. на человѣка, то отсюда слѣдуетъ, что ни одна изъ саратовскихъ типографій не удовлетворяетъ нормамъ промышленной гигіены. Но 1,5 куб. саж. воздуха на человѣка считается достаточнымъ лишь при условіи, чтобы воздухъ этотъ былъ чистъ и не отравлялся ничѣмъ, кромѣ естественныхъ продуктовъ дыханія, да, пожалуй, горѣнія свѣчей или лампъ. Въ данномъ же случаѣ чего стоитъ одно лишь постоянное выдѣленіе въ атмосферу металлической пыли и частицъ краски. Оттого и получаются такіе результаты: «при входѣ въ мастерскія,—говоритъ г. Голубевъ,—свѣжаго человѣка непріятно поражаетъ тяжелый, спертый воздухъ, сразу же чувствуется сильный запахъ краски, керосина, смѣшанный съ запахомъ человѣческаго пота. Пробывъ въ этихъ помѣщеніяхъ съ полчаса, становится душно и всюду чувствуется присутствіе пыли. По словамъ рабочихъ, въ мастерскихъ иногда по вечерамъ бываетъ такой спертый воздухъ, что «лампы тухнутъ». Очевидно, благодаря скученности рабочихъ и вслѣдствіе керосиноваго освѣщенія въ воздухѣ скопляется столько углекислоты, что горѣніе становится затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, конечно, дыханіе». Но и это еще не все, такъ какъ на здоровье рабочихъ не могутъ не оказывать самаго вреднаго вліянія сильные скачки въ температурѣ мастерскихъ, которые происходятъ тамъ постоянно въ теченіе дня. «Температура помѣщеній наблюдалась въ срединѣ дня болѣе или менѣе нормальная, а именно 15—16° по Р. Но эта температура далеко не равномѣрна въ разные часы дня, преимущественно, конечно, въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Колебанія температуры утромъ и вечеромъ, когда зажигаются лампы, весьма значительны, а именно отъ 9—10° утромъ до 20—25 и болѣе градусовъ вечеромъ. Такъ, по измѣреніямъ, сдѣланнымъ въ типографіи губернскаго земства, температура оказалась слѣдующая: въ 8 ч. утра 12°; съ 8 до 4 ч. около 15°; съ 4—6 ч. вечера, когда зажжены были лампы 22°; около реаловъ, т.-е. тамъ, гдѣ именно стоятъ и работаютъ наборщики, благодаря близости лампъ, температура съ 6—8 часовъ вечера равнялась 28°». Въ отношеніи вентилированія воздуха «всѣ типографіи обставлены были чрезвычайно плохо». Полы въ большинствѣ типографіи деревянные и некрашенные, а моются они «въ рѣдкихъ случаяхъ» разъ въ недѣлю, чаще разъ въ мѣсяцъ, въ одной типографіи два раза въ годъ и въ одной всего разъ въ годъ. Въ одной типографіи «коммиссіи приходилась видѣть полы, покрытые слоемъ липкой грязи». Слѣдуетъ еще отмѣтить, что «ни въ одной типографіи не было кипяченой воды для питья. Обыкновенно вода берется изъ подъ водопроводнаго крана, причемъ на всѣхъ рабочихъ имѣется одна, много двѣ кружки. Оказывается еще что рабочимъ запрещено пить вечерній чай. Начиная съ 3 часовъ дня, т.-е. послѣ обѣда, и до 8 часовъ вечера рабочіе должны довольствоваться холодной води-

цей, а между тѣмъ потребность въ питьѣ большая, благодаря усиленному потѣнію въ 20—25 градусной температурѣ».

Такова внѣшняя обстановка, въ которой приходится работать саратовскимъ печатникамъ. Сколько же именно времени приходится имъ въ ней работать и какъ велика ихъ заработная плата? На эти вопросы мы также найдемъ отвѣты въ статьѣ г. Голубева.

«Нормальный рабочій день, по показаніямъ завѣдующихъ,—пишетъ г. Голубевъ,—во всѣхъ типографскихъ заведеніяхъ Саратова 12 часовъ, включая въ это число и 2 часа на обѣдъ, т.-е., собственно, работа идетъ впродолженіи 10 часовъ... Но было бы ошибочнымъ считать этотъ 10-часовой рабочій день дѣйствительно обычнымъ, нормальнымъ днемъ. Обыкновенно рабочій день значительно длиннѣе. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ типографскихъ заведеніяхъ Саратова чрезвычайно распространены такъ называемыя сверхурочныя работы, въ особенности въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Эти сверхурочныя работы занимаютъ отъ 2 до 4 часовъ, начинаясь съ 8 часовъ вечера и оканчиваясь въ 10, а иногда и въ 12 часовъ ночи... Во всѣхъ типографіяхъ завѣдующіе показали, что сверхурочныя работы производятся по соглашенію и за полуторную или даже двойную сдѣльную плату. Обязательныя и ночныя работы являются только для газетныхъ рабочихъ. Но нельзя не замѣтить, что соглашеніе на сверхурочныя работы далеко не значитъ добровольное согласіе, а весьма нерѣдко является для рабочихъ безусловною необходимостью или подъ угрозою увольненія изъ заведенія, или подъ давленіемъ не менѣе серьезнаго побужденія — недостаточности обычнаго заработка».

А вотъ данныя о размѣрѣ заработной платы печатниковъ:

«Средній размѣръ ежемѣсячнаго жалованья учениковъ равняется 4 р. 53 к.; типографскихъ взрослыхъ рабочихъ всѣхъ категорій (наборщиковъ, печатниковъ и т. п.)—20 р. 54 к.; типографскихъ рабочихъ высшихъ категорій (метранпажей, старшихъ наборщиковъ) — 37 руб.; факторовъ, граверовъ — около 70—75 руб.

По отдѣльнымъ занятіямъ средняя заработная плата взрослыхъ такова: машинисты получаютъ 34 р. 9 к.; печатники — 24 р. 10 к.; наборщики— 20 р. 20 к.; накладчики—16 р. 50 к.; вертельщики—10 р. 70 к.; переплетчики—19 р. 65 к.

Плата 502 опрошенныхъ рабочихъ распредѣлялась такъ:

Работало безплатно (ученики)	5	1,0	
Зарабатывали отъ 1— 5 р.	124	24,8	56,1%
» » 5—15 »	152	30,3	
» » 15—25 »	168	33,5	
» » 25—40 »	44	8,7	
Свыше 40 рублей	9	1,7	
	502 раб.	100%	

Отсюда видно, что *большая часть* опрошенныхъ саратовскихъ типографскихъ рабочихъ вырабатываетъ maximum 15 руб. въ мѣсяцъ и всего лишь

10,4% получаютъ болѣе 25 рублей. «Чтобы яснѣе представить себѣ величину обычнаго средняго заработка типографскаго рабочаго,—говоритъ г. Голубевъ,—мы попробуемъ сдѣлать сопоставленіе съ заработкомъ въ нѣкоторыхъ другихъ производствахъ. По даннымъ Дементьева, рабочіе промышленныхъ заведеній Московской губерніи зарабатываютъ въ среднемъ: машиностроительные—23 р. 34 к.; съ лѣсопиленъ—20 р. 34 к.; мастеровые всѣхъ фабрикъ—18 р. 41 к. Итакъ, типографскіе рабочіе, трудъ которыхъ, какъ требующій большей подготовки, долженъ бы цѣниться сравнительно высоко, зарабатываютъ въ среднемъ (20 руб. 54 к.) меньше, чѣмъ рабочіе машиностроительные, и одинаково съ рабочими лѣсопиленъ». Но и этотъ скудный заработокъ типографскіе рабочіе получаютъ далеко не полностью, ибо въ саратовскихъ типографіяхъ «штрафная система практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ». У нѣкоторыхъ рабочихъ штрафовъ за годъ набирается на 10—20 рублей.

Мы не будемъ останавливаться на приводимыхъ г. Голубевымъ поучительныхъ расходныхъ бюджетахъ рабочихъ, ни на болѣе подробномъ разсмотрѣніи ихъ культурнаго уровня. Къ саморазвитію и самообразованію рабочіе стремятся довольно интенсивно, но недостатокъ времени, средствъ и другія обстоятельства въ значительной степени тормозятъ такое стремленіе.

«Со стороны владѣльцевъ типографій,—говоритъ г. Голубевъ,—для умственнаго развитія рабочихъ рѣшительно ничего не дѣлается, если не считать робкой попытки типографіи губернскаго земства, которая завела у себя библіотеку, на правахъ народныхъ библіотекъ, открытіе которой, кстати сказать, тянулось три года».

«Общество книгопечатниковъ является единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ жизни саратовскихъ типографщиковъ. Но, къ сожалѣнію, оно смогло привлечь только 1/4 часть всѣхъ типографскихъ рабочихъ и, несмотря на свое 10-лѣтнее существованіе, увеличеніе членовъ почти не замѣчается. Несомнѣнно одной изъ главныхъ причинъ слабаго роста членова общества служитъ необходимость дѣлать взносы. Очевидно, для многихъ рабочихъ 10% съ объявленнаго заработка—норма вступного взноса и 5% ежемѣсячныхъ представляется тяжелой».

На этомъ мы и покончимъ ознакомленіе нашихъ читателей съ интересной статьей г. Голубева.

Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» появилось «Журнальное обозрѣніе», написанное г. В. Г. Это очень цѣнное нововведеніе и мы бы желали видѣть его въ почтенномъ журналѣ и въ слѣдующихъ книжкахъ. На этотъ разъ мы отмѣтимъ только въ «Журнальномъ обозрѣніи» г. В. Г. одно маленькое обстоятельство, касающееся собственно нашего журнала. Авторъ этого обозрѣнія, между прочимъ, пишетъ:

«Странную, нехорошимъ тономъ написанную, рецензію за подписью г. Рыкачева прочли мы (въ «Мірѣ Божіемъ») о книгѣ проф. Озерова «Итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка». Мы остановились на этомъ потому, что видимъ какъ будто нѣкоторое новое броженіе въ симпатичномъ журналѣ. Въ особенности характерно, что критикъ «Міра Божія» г. А. Б. въ высшей степени сочувственно относится къ статьѣ г. Милюкова, который говоритъ («Разложе-

ніе славянофильства»): «Абсолютизмъ метафизическій и религіозный составлялъ и продолжаетъ составлять самую рѣзкую разграничительную черту между славянофильствомъ и современнымъ міросозерцаніемъ». Абсолютизмомъ въ метафизическомъ смыслѣ отмѣчается длинный рядъ статей, напечатанныхъ въ «Мірѣ Божіемъ».

Допустимъ, что въ «Мірѣ Божіемъ» и дѣйствительно напечатанъ «длинный рядъ статей», отличающихся «абсолютизмомъ въ метафизическомъ смыслѣ», хотя мы и совѣтывали бы г-ну В. Г. пересчитать, сколько же именно ихъ было на самомъ дѣлѣ, но все же позволительно спросить: почему г. В. Г., писатель, очевидно, мало опытный въ журнальномъ дѣлѣ, не обратился за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, можно ли допускать подобныя вещи въ журналѣ, къ г. В. Гольцеву, писателю въ этомъ дѣлѣ вполнѣ опытному. Тогда г. В. Гольцевъ, навѣрное, объяснилъ бы г-ну В. Г., что большой бѣды въ этомъ нѣтъ, и въ доказательство, навѣрное, сослался бы на авторитетныя слова Н. Г. Чернышевскаго, напечатанныя какъ разъ въ той же январьской книжкѣ «Русской Мысли», въ которой помѣщено и журнальное обозрѣніе г-на В. Г. Слова эти приведены въ замѣткѣ г. В. Гольцева объ Н. Г. Чернышевскомъ, называющейся «Изъ воспоминаній и переписки». Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли эту интересную замѣтку и въ особенности помѣщенный въ ней слѣдующій совѣтъ, данный Чернышевскимъ г. В. Гольцеву, о томъ, какъ слѣдуетъ вести журналъ. «Въ программу учено-литературнаго журнала,—писалъ Чернышевскій въ 1888 году г-ну В. Гольцеву,—не могутъ входить *никакія рѣшенія никакихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ общественной жизни націи* (курсивъ нашъ). Для него необязательно признавать или отрицать не то что дарвизнимъ, а хотя бы даже систему Коперника. По вопросамъ, *не относящимся къ текущимъ дѣламъ національной жизни*, журналъ того рода, какъ «Русская Мысль» или «Вѣстникъ Европы», или «Revue des deux Mondes», или «Fortnightly Rewiew», *не можетъ имѣть никакихъ редакціонныхъ мнѣній*» (курсивъ нашъ). Вотъ какъ ярко и отчетливо формулировалъ свой взглядъ на веденіе журнала Чернышевскій. Г. В. Гольцевъ, тѣмъ не менѣе, нисколько не затруднился не только пригласить сотрудничать расходившагося съ нимъ во взглядахъ по важнымъ научнымъ вопросамъ Чернышевскаго, но и послать ему письмо, на которое онъ скоро получилъ такой отвѣтъ: «Добрый другъ, Викторъ Александровичъ, душевно благодарю васъ за письмо отъ 24-го августа. Я не имѣлъ права ожидать, что оно будетъ такое милое; тѣмъ больше я порадовался ему». И Чернышевскій сталъ сотрудникомъ «Русской Мысли».

Очень можетъ быть, что весь этотъ интересный эпизодъ, нынѣ разсказанный г. Гольцевымъ, былъ совсѣмъ неизвѣстенъ г-ну В. Г., когда послѣдній писалъ свое «Журнальное обозрѣніе». Объ этомъ, конечно, можно только пожалѣть. Знай г. В. Г. это раньше, и его недоумѣніе относительно веденія дѣла «Міромъ Божіимъ», конечно, разсѣялось бы. Такимъ образомъ можно только пожелать, чтобы въ будущемъ г. В. Г. почаще обращался за

разъясненіемъ своихъ недоумѣній къ г. В. Гольцеву. Почтенный В. А. Гольцевъ, навѣрное, не откажетъ въ руководствѣ своему, видимо, еще молодому сотруднику г-ну В. Г.

Въ февральской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» помѣщена очень интересная статья г. М. Антоновича, называющаяся «Изъ воспоминаній о Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ». Намъ уже приходилось въ свое время отмѣчать интересныя воспоминанія того же автора о Добролюбовѣ. Не съ меньшимъ удовольствіемъ прочли мы и настоящія его воспоминанія о Некрасовѣ. «Шестидесятые годы» все болѣе и болѣе отходятъ въ вѣчность, страшно порѣдѣли ряды тѣхъ, кто принималъ въ то время активное участіе въ кипучемъ потокѣ общественной и журнальной дѣятельности и кто обладаетъ, поэтому, еще возможностью подѣлиться съ публикой своими воспоминаніями о дняхъ былыхъ; между тѣмъ интересъ къ шестидесятымъ годамъ у насъ, видимо, растетъ, и вотъ причина, въ силу которой статьи въ родѣ воспоминаній г. Антоновича о Добролюбовѣ или Некрасовѣ встрѣчаются интересующимися судьбами движенія нашей общественной мысли людьми всегда съ глубокою признательностью. Намъ кажется, что именно теперь, когда наша журналистика вступила уже въ третій вѣкъ своего существованія, составленіе ея дѣйствительной, основанной на «писаніяхъ», а не «преданіяхъ», исторіи является настоятельною необходимостью. А какъ составлять ее, не имѣя для того надлежащихъ матеріаловъ? Многое уже погибло, погибло, быть можетъ, навсегда и безвозвратно, но многое еще можно возстановить, если только явится у обладающихъ для того возможностью лицъ горячее желаніе пойти навстрѣчу несомнѣнно назрѣвшей въ этомъ потребности. Лично мы думаемъ, что выполненіе такого рода работъ должно составлять для старшаго поколѣнія русскихъ журналистовъ ихъ *прямой долгъ* передъ родиной.

Г. Антоновичъ далъ намъ кое-что изъ своихъ воспоминаній, и мы ему, конечно, за это признательны. Но то, что далъ онъ въ своихъ двухъ статьяхъ (о Добролюбовѣ и о Некрасовѣ), составляетъ, разумѣется, лишь малую долю того, что онъ, въ качествѣ одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ, *можетъ* и потому и *долженъ* еще дать...

Воспоминанія г. Антоновича о Некрасовѣ полны интереса къ проходящей въ нихъ подлинной «живой жизни» шестидесятыхъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты теплымъ, хорошимъ, добрымъ чувствамъ къ той приснопамятной эпохѣ русской жизни и ея дѣятелямъ. Г. Антоновичъ въ свое время рѣзко порицалъ Некрасова за всѣмъ нынѣ извѣстные его поступки; онъ не скрываетъ намъ и того, что хотя въ основѣ такого его отношенія къ Некрасову и лежали «серьезныя и общественныя причины», но что къ нимъ, конечно, присоединялись въ свое время и «элементы неважные, временные, личные, излишняя горячность и жаръ увлеченія». Съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ, все личное въ душѣ затихло и улеглось и отношеніе къ Некрасову явилось у г. Антоновича совсѣмъ другое. «И вотъ теперь,—говоритъ онъ,—когда я спокойно и объек-

тивно вспоминаю о Некрасовѣ, разсматриваю его издали, на разстояніи, такъ сказать, историческаго выстрѣла, то тѣ черты его личности, которыя когда-то казались недостатками, представляются теперь ничтожными и мелочными въ сравненіи съ основными крупными и доминирующими чертами ея, точно это будто родинки или пятнышки на красивомъ лицѣ, которыя нисколько не умаляютъ его красоты, точно пыль на хорошемъ портретѣ, которая замѣтна только при близорукомъ разсматриваніи и ни мало не вредитъ достоинству портрета при надлежащей точкѣ зрѣнія на него. Разсматриваемая съ исторической объективностью, въ общемъ и цѣломъ, личность Некрасова является предъ нами очень выдающеюся, мало того, очень замѣчательною, весьма крупною и чрезвычайно даровитою, не говоря уже о немъ, какъ о поэтѣ». Передавъ весьма обстоятельно всѣ тѣ положительныя качества, которыми обладалъ Некрасовъ, какъ поэтъ, какъ человѣкъ и, наконецъ, какъ редакторъ «Современника», г. Антоновичъ останавливается на тѣхъ несомнѣнно болѣе чѣмъ скользкихъ средствахъ, которыя пустилъ въ ходъ Некрасовъ, по всей вѣроятности, для спасенія своего журнала въ минуту жизни трудную отъ крушенія. Средство это не помогло, журналъ погибъ, а на памяти Некрасова осталось пятно.... Многіе подумали тогда, что Некрасовъ пожелалъ «перестроить свою лиру на иной ладъ», и подъ вліяніемъ такого настроенія, по словамъ г. Антоновича, онъ и Ю. Г. Жуковскій издали свою извѣстную полемическую брошюру противъ Некрасова. Бросая теперь взглядъ на этотъ эпизодъ, г. Антоновичъ пишетъ такія строки:

«Между тѣмъ, время шло; наши сомнѣнія и опасенія относительно Некрасова не оправдывались. Онъ и не думалъ перестраивать своей лиры на новый ладъ, но продолжалъ въ прежнемъ ладѣ пѣть пѣсни, столь же сильныя и энергичныя, столь же звучныя и возбуждающія, какъ и его прежнія пѣсни. Такимъ образомъ оказывается, что диссонансовыя стихотворенія Некрасова не выражали его искреннихъ чувствъ и убѣжденій, а были плодомъ его временнаго, минутнаго упадка силъ, мимолетнаго отреченія отъ себя и измѣны себѣ, шагомъ, сдѣланнымъ подъ гнетомъ необычайныхъ, ошеломляющихъ обстоятельствъ и, можетъ быть, подъ вліяніемъ желанія спасти свой журналъ, чего бы то ни стоило. Общимъ итогомъ и характеромъ своей поэтической дѣятельности Некрасовъ вполнѣ искупилъ какъ этотъ свой грѣхъ, такъ и другіе свои недостатки. Его огромныя заслуги во много кратъ превышаютъ и покрываютъ его однократное отреченіе; всею своею дѣятельностью онъ заслужилъ полное всепрощеніе. Въ исторіи мы нерѣдко видимъ примѣры людей выдающихся, съ характеромъ вообще твердымъ и стойкимъ, но подвергающихся временнымъ припадкамъ отреченія, даже неоднократнаго, что, однако, не умаляло цѣнности, важности и благотворности итога всей ихъ жизни, и исторія при своихъ приговорахъ и оцѣнкахъ игнорировала и совершенно забывала ихъ временныя колебанія и отреченія».

Мы не думаемъ, чтобы «примѣры», о которыхъ упоминаетъ г. Антоновичъ, были въ исторіи «нерѣдки». Нѣтъ, грѣхи «отреченій», да еще «неоднократныхъ», суть грѣхи въ высшей степени тяжкіе, и надо имѣть колоссальныя заслуги передъ страною, чтобы грѣхи эти даже *«не умалили»* цѣнности, важности и

благотворности итога всей жизни» подобныхъ лицъ. Примѣровъ такихъ, напротивъ, немного въ исторіи, но именно къ ихъ числу и принадлежитъ жизнь Некрасова. Заслуги его такъ велики, что даже тяжкіе грѣхи поэта, а самымъ главнымъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, являются тѣ «дисгармоническія» произведенія его музы, о которыхъ говоритъ г. Антоновичъ, не то, что *не умаляютъ* благотворность итога жизни Некрасова, этого нельзя сказать, —а, безъ сомнѣнія, *тонутъ* среди того положительнаго духовнаго наслѣдства, которое оставилъ поэтъ на благо цѣлыхъ поколѣній.

Да, оставленное Некрасовымъ духовное наслѣдство громадно, и это обстоятельство признавалось всегда *всѣми* прогрессивными элементами русскаго общества. Подчеркивая слово *всѣми*, мы хотимъ этимъ указать на полное несогласіе съ истиной слѣдующихъ словъ г. Михайловскаго въ январьской кн. «Рус. Бог.»:

«Какихъ-нибудь четыре-пять лѣтъ тому назадъ, когда у насъ были еще въ ходу словечки въ родѣ «деревенскій идіотизмъ», «мужикъ есть жалкій буржуа» и т. п., когда серьезно рекомендовалось забыть о существованіи крестьянства и сосредоточить вниманіе исключительно на фабричныхъ рабочихъ, —*могла бы* явиться (курсивъ здѣсь и далѣе нашъ) чрезвычайно интересная статья о Некрасовѣ. Тема ея была бы, конечно, та же самая, что и у г. Ашешова: Некрасовъ устарѣлъ. Но она *была бы* интересна своею прямолинейной опредѣленностью, своею наивною рѣзкостью и откровенностью. Къ сожалѣнію, тѣ словечки не дожили до двадцатипятилѣтія смерти Некрасова, когда приходится такъ или иначе высказаться о музѣ мести и печали, и, такимъ образомъ, *капризная судьба лишила насъ курьезнѣйшаго литературнаго эпизода.* «Міръ Божій» напечаталъ, правда, у себя статью о Некрасовѣ г. Кранихфельда, въ которой авторъ сообщаетъ намъ, что покойный поэтъ, «слѣдуя Карлейлю», «создалъ цѣлый культъ героевъ» изъ интеллигенціи (а вовсе не культъ мужика или «народа вообще», какъ говорятъ иные! прибавляетъ въ скобкахъ г. Михайловскій). Этотъ культъ героевъ «совершенно скрывалъ отъ него возможныя историческія перспективы». Такими скромными словами оканчивается статья г. Кранихфельда, и поневолѣ мечтаешь о тѣхъ молніяхъ мысли г. Тугана-Барановскаго или г. Струве, которыя засверкали бы по поводу годовщины смерти Некрасова на страницахъ того же «Міра Божія» всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ...» («Литература и жизнь». «Русское Богатство». Январь. 1903 г., стр. 92—93).

Итакъ, можно подумать, что «всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ», т.-е. въ разгаръ полемики между двумя ярко выдѣлявшимися тогда въ русской литературѣ направленіями, противники «Русскаго Богатства» никогда не высказывали сколько-нибудь опредѣленно своего отношенія къ Некрасову. Теперь, по случаю двадцатипятилѣтія со дня смерти поэта, имъ пришлось бы «такъ или иначе высказаться о музѣ мести и печали». Но вѣдь разгаръ полемики былъ всего какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ, а это время совпадало съ *двадцатилѣтіемъ* со времени смерти Некрасова. Неужели противниками того направленія, во главѣ котораго стоялъ г. Михайловскій, такъ-таки ничего не было высказано тогда о Некрасовѣ такого, что опредѣлило бы ихъ отношеніе

къ «музѣ мести и печали»? Двадцатилѣтіе со дня смерти Некрасова было въ декабрѣ 1897 года. «Новое Слово» не дожило до этого времени, правда, всего одинъ мѣсяцъ, но все-таки значитъ, не его въ томъ вина. Ну а другіе журналы? Тотъ же, напр., «Міръ Божій», на который указываетъ въ вышецитированныхъ строкахъ г. Михайловскій?

Раскрываемъ декабрьскую книжку «Міра Божія» за 1897 годъ и находимъ тамъ въ «Критическихъ замѣткахъ» г. А. Б. такія, между прочимъ, строки, посвященныя Некрасову по случаю двадцатилѣтней годовщины со дня его кончины:

«И съ перваго шага вплоть до могилы Некрасовъ не измѣнилъ избранному направленію, народъ и его страданія остались единственной темой его вдохновенной музы, «музы мести и печали...» Это, вообще, было удивительно мощное поколѣніе людей, къ которому принадлежали Некрасовъ и Щедринъ. Они всю жизнь словно росли, ихъ талантъ, несмотря на всякія случайности и удары жизни, только крѣпчалъ, развивался, становился шире и глубже (цитируемъ съ большими пропусками, содержащими, однако, тотъ же смыслъ)... Теперь, когда многое позабылось и даже раздаются порой голоса разныхъ гг. Льдовыхъ и имъ подобныхъ, отрицающихъ значеніе Некрасова, какъ поэта, для современнаго поколѣнія—не лишне напомнить въ общихъ чертахъ его жизнь и ту роль, которую сыгралъ Некрасовъ въ развитіи русской журналистики». Изложивъ то и другое въ общихъ чертахъ, авторъ заканчиваетъ свою статью воспроизведеніемъ извѣстнаго предсмертнаго обращенія Некрасова къ его музѣ, послѣ чего и подводитъ такой итогъ:

«Слова поэта оказались пророческими. За эти двадцать лѣтъ, протекшихъ со дня его смерти, многое измѣнилось, но «кровный союзъ» между поэтомъ и его читателемъ такъ же живъ, какъ живъ интересъ и любовь къ народу, несравненнымъ печальникомъ котораго до сихъ поръ остается Некрасовъ... Какія бы перемѣны ни настали въ общественномъ настроеніи, память Некрасова не исчезнетъ и не изгладится, и «муза мести и печали» навсегда останется дорога сердцу русскаго читателя. Можетъ мѣняться форма, въ которой выражается любовь къ народу въ зависимости отъ нашего пониманія его нуждъ и и потребностей, но основной тонъ отношенія къ народу, данный Некрасовымъ, неизмѣненъ».

Вотъ что говорилъ о Некрасовѣ и о его значеніи «Міръ Божій» «всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ». Несомнѣнно, что то же самое говоритъ онъ о томъ же предметѣ и теперь. Какого же «курьезнѣйшаго литературнаго эпизода» лишила насъ «капризная судьба»? Она лишила насъ многаго, но она не въ состояніи была лишить насъ того, чего, по самому существу дѣла, и быть не могло. Это ясно до очевидности, и трудно понять, почему г. Михайловскій остается объ этомъ предметѣ при особомъ мнѣніи?..

Отъ прошедшаго—къ давнопрошедшему, plusquamperfectum. Еще въ сентябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1901 годъ началась печататься чрезвычайно интересная статья неизвѣстнаго автора о «Цензурѣ въ царство-

ваніе императора Николая I». Продолженіе этой статьи помѣщено въ февральской книжкѣ того же журнала за текущій годъ. Рекомендуя эту, рѣдкую по обилію фактическихъ данныхъ, статью вниманію всѣхъ интересующихся судьбами отечественной журналистики, мы останавливаться на ней, тѣмъ не менѣе, не будемъ, а перейдемъ къ напечатанной въ той же книжкѣ «Русской Старины» тоже чрезвычайно интересной статьѣ г. Н. Д. подъ заглавіемъ «Николай Алексѣевичъ Полевой, его сторонники и противники по «Московскому Телеграфу». Судьба журнала Полевого хорошо извѣстна, но мало кому извѣстны обстоятельства, сопровождавшія попытку Полевого въ 1827 году издавать въ Москвѣ газету. Попытка эта сразу разбилась о посланное графу Бенкендорфу безымянными противниками Полевого «сообщеніе» о его личности и направленіи. Этотъ-то любопытный документъ и воспроизводитъ г. Н. Д. Мы приведемъ его, въ свою очередь, въ главныхъ частяхъ:

«Въ 1827 году,—говоритъ г. Н. Д.,—Н. А. Полевой отправился въ Петербургъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе издавать въ Москвѣ политическую газету. Узнавъ объ этомъ, безымянные противники его тотчасъ же отправили къ А. Х. Бенкендорфу слѣдующее сообщеніе:

«Издатель журнала «Московскій телеграфъ», купецъ Полевой, старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностью къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой по происхожденію своему принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ ими уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами. Въ «Московскомъ телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція... 2) Г. Полевой, по своему рожденію не имѣя мѣста въ кругѣ большого свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само собою разумѣется, одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ былъ опознанъ по одной стихотворной пьесѣ: «Негодованіе», служившей катехизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности. Сей-то Вяземскій есть меценатомъ Полевого и надоумилъ его издавать политическую газету. 3)

Москва есть большая деревня; тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ... Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя нынѣ находящіяся въ оборотѣ напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже «Думы» Рылѣева и его поэма «Войнаровскій», запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ... Сколько было промаховъ цо газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ... 4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина, находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать политику въ своемъ «Московскомъ телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ, и для предупрежденія ихъ, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить».

Сообщеніе, очевидно, воздѣйствовало и газета разрѣшена не была.

Такъ вотъ какіе добровольцы водились въ добрыя старыя времена. Исчезли ли они и во времена послѣдующія?..

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Германская общественная и политическая жизнь. Самоубійство одного значительнаго прусскаго чиновника въ Познани, ландрата фонъ-Виллиха, вызвало горячія пренія въ прусскомъ ландтагѣ и рейхстагѣ. Трагическая смерть фонъ-Виллиха явилась результатомъ преслѣдованій и притѣсненій, которымъ онъ подвергался со стороны всесильнаго аграрнаго союза. Чрезвычайно нервный и впечатлительный, фонъ-Виллихъ не выдержалъ разныхъ мелкихъ придирокъ, клеветъ и инсинуацій и покончилъ съ собою. Его смерть породила много толковъ въ печати, разоблачившей террористическое господство аграрной партіи въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, и въ парламентъ былъ внесенъ запросъ по поводу самоубійства Виллиха. Виллихъ былъ раньше членомъ аграрной организаціи, но вышелъ изъ нея, какъ только пришелъ къ убѣжденію, что она не дѣйствуетъ добросовѣстно, и какъ человѣкъ прямой и честный, не скрывалъ своихъ взглядовъ. Кромѣ того у него произошло личное столкновеніе съ однимъ изъ главарей аграрной партіи маіоромъ фонъ-Энделль, который вызвалъ его на дуэль. Виллихъ не принялъ вызова на томъ основаніи, что Энделль, бывшій казначеемъ мѣстной палаты земледѣлія, обвинялся въ растратѣ фондовъ и былъ даже назначенъ военный судъ чести для разсмотрѣнія этого обвиненія. Судъ оставилъ Энделля подъ сильнымъ подозрѣніемъ и постановилъ, что маіоръ фонъ-Энделль долженъ выйти въ отставку. Однако, къ удивленію общественнаго мнѣнія, императоръ Вильгельмъ отмѣнилъ это постановленіе суда чести и маіоръ Энделль «былъ оставленъ» на службѣ.

Противъ Виллиха была организована цѣлая компанія и, какъ это выяснилось въ парламентскихъ преніяхъ, мѣстныя власти отлично знали это, но не рѣ-

шались идти наперекоръ аграріямъ. Впрочемъ, даже германское правительство не рѣшалось взять подъ свою защиту фонъ-Виллиха, опасаясь вооружить противъ себя всесильную аграрную партію, поддержка которой ему такъ нужна теперь, въ виду предстоящихъ выборовъ. Виллихъ, какъ убѣжденный консерваторъ, возлагающій все свое упованіе на правительство, не хотѣлъ допустить даже мысли, что правительство можетъ его покинуть въ нуждѣ. Депутатъ Эрнстъ, членъ свободомыслящей партіи (Freisinnige Partei), лично знавшій Виллиха, отозвался о немъ какъ о человѣкѣ очень честномъ и убѣжденномъ, котораго онъ искренно уважалъ, хотя и расходился съ нимъ въ политическихъ взглядахъ. Виллихъ былъ строгій консерваторъ стараго закала и когда Эрнстъ спросилъ его, увѣренъ ли онъ, что правительство поддержитъ его въ борьбѣ съ всесильными аграріями, Виллихъ поблѣднѣлъ и сказалъ: «Ахъ, вы, злой либералъ, вы не можете даже понять, какъ велико довѣріе консерватора къ своему правительству! Моя вѣра въ него непоколебима, какъ скала». Но бѣдному консерватору пришлось, однако, убѣдиться, что правительство не рѣшается вступать въ борьбу съ аграріями и оставляетъ имъ на растерзаніе своего «вѣрнаго слугу!»

Министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейнъ, отвѣчая на запросъ по дѣлу Виллиха (Fall Willich), старался выгородить правительство и защищался «незнаніемъ» тѣхъ подробностей, которыя сообщались печатью. Печать, вообще, слишкомъ часто увлекается полемикою и поэтому вводитъ въ заблужденіе общественное мнѣніе. Это замѣчаніе министра вызвало горячія возраженія. «Если бы печать молчала объ этомъ дѣлѣ, то она не заслуживала бы того положенія, которое она занимаетъ теперь въ государствѣ. Заговорили бы камни, если бы газеты молчали!» воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ. Министръ продолжалъ свои оправданія и объясненія, которыя, однако, никого не удовлетворили.

Общественное мнѣніе Германіи также много занимается «дѣломъ Петерса». Докторъ Петерсъ—извѣстный африканскій путешественникъ, часто величающій себя «основателемъ германской колоніальной политики». Дѣйствительно онъ много содѣйствовалъ основанію нѣмецкой восточно-африканской колоніи и вслѣдствіе этого пользовался очень большимъ вліяніемъ въ колоніальной администраціи, но разоблаченія его дѣйствій въ Африкѣ сильно повредили его репутаціи. Оказалось, что этотъ «культурный дѣятель» совершалъ такія жестокости, передъ которыми могли даже поблѣднѣть дѣянія разныхъ «некультурныхъ» африканскихъ чернокожихъ царьковъ. Когда въ печати появились эти разоблаченія, вызвавшія запросы въ парламентѣ, то правительство волей-неволей вынуждено было назначить слѣдствіе, раскрывшее такія вещи, что Петерсъ вынужденъ былъ оставить свое мѣсто администратора колоніи. Петерса обвиняли въ томъ, что онъ велѣлъ повѣсить свою подневольную любовницу негритянку за то, что она предпочитала ему чернокожаго туземца, который также былъ повѣшенъ. Эта дикая расправа «культурнаго» администратора колоніи подтвердилась на судѣ и берлинскій судъ осудилъ Петерса, который, однако, во время укрылся въ Англіи и поступилъ на службу одного англійскаго колоніальнаго общества.

Прошло шесть лѣтъ и вдругъ теперь Петерсъ вздумалъ требовать своей реабилитаціи, что дало поводъ германской печати снова заговорить о немъ и его подвигахъ въ Африкѣ: сѣченіи женщинъ, казняхъ и т. п. Пожалуй было бы лучше Петерсу не напоминать о себѣ, такъ какъ, несмотря на то, что три депутата имперской партіи и между прочимъ пресловутый Кардорфъ, авторъ знаменитаго предложенія объ измѣненіи парламентскаго устава, горячо принимаютъ его сторону, общественное мнѣніе и рейхстагъ настроены все-таки крайне неблагопріятно для Петерса. Газеты находятъ, что теперь, какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, трудно будетъ найти оправданія для поступковъ Петерса.

Много толковъ въ Берлинѣ возбуждаетъ также публичная лекція профессора Делича, которую онъ прочелъ въ присутствіи императора и императрицы. Нѣкоторые взгляды, высказанные профессоромъ, говорившимъ о своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ въ Вавилоніи, возмутили ортодоксальныхъ пасторовъ, давно уже недовольныхъ тѣмъ, что въ послѣднее время «persona grata» при дворѣ сдѣлался профессоръ теологіи Гарнакъ, извѣстный своими либеральными взглядами. Интересъ, выказанный императоромъ къ лекціи проф. Делича, произвелъ поэтому большую сенсацію въ Берлинѣ. Піэтистскія газеты забили тревогу, предсказывая, что если взгляды, проповѣдуемые профессоромъ Деличемъ, проникнуть въ толпу, то авторитеты пошатнутся и соціализмъ восторжествуетъ! Однимъ словомъ: отечество въ опасности! И вотъ чтобы спасти его, придворный проповѣдникъ Дріандеръ, недовольный тѣмъ что императоръ Вильгельмъ показываетъ столько вниманія Гарнаку, пригласилъ американскаго профессора Гильпрехта изъ Филадельфіи прочесть лекцію, въ которой онъ долженъ былъ на основаніи своихъ собственныхъ научныхъ изслѣдованій, опровергнуть результаты научныхъ изслѣдованій Делича. Гильпрехтъ объявилъ, что онъ въ теченіи 14 лѣтъ производилъ раскопки въ Вавилоніи, но тотчасъ же былъ уличенъ авторитетными берлинскими учеными, профессорами ассирійскихъ наукъ, заявившими въ газетахъ, что Гильпрехтъ принималъ участіе только въ одной американской ученой экспедиціи въ Вавилонію и пробылъ тамъ всего два мѣсяца. «Эти два мѣсяца показались столь долгими почтенному американскому профессору, то онъ вполнѣ искренно былъ увѣренъ, что пробылъ нѣсколько лѣтъ!»—замѣчаетъ одна нѣмецкая газета. Однако это уличеніе во лжи не помѣшало Гильпрехту прочесть свою лекцію въ Берлинѣ, на которую Дріандеръ пригласилъ множество принцевъ, принцессъ и министровъ. Въ самый разгаръ полемики, въ газетахъ появилось очень длинное письмо императора Вильгельма къ адмиралу Гольману, члену совѣта германскаго общества оріенталистовъ. Въ этомъ письмѣ заключалось исповѣданіе вѣры императора Вильгельма, успокоившее ортодоксальныхъ консерваторовъ при дворѣ, возмущенныхъ религіознымъ свободомысліемъ профессора Делича. Какъ всегда, императоръ Вильгельмъ и тутъ выступилъ въ роли арбитра. Онъ рѣшаетъ религіозные вопросы такъ же безапелляціонно, какъ и политическіе, военные, экономическіе, соціальные, художественные и т. п. Конечно и тутъ дѣло не обошлось безъ тѣни «великаго прадѣда Вильгельма I», которую Вильгельмъ II при всякомъ удобномъ случаѣ неизмѣнно выдвигаетъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ,

письмахъ, воззваніяхъ и т. д. И на этотъ разъ онъ говоритъ, что Вильгельмъ I служилъ «орудіемъ божественнаго откровенія», что вызвало нѣкоторое недоумѣніе въ европейской печати, цитирующей его письмо. Впрочемъ, императоръ Вильгельмъ причисляетъ къ такимъ же «орудіямъ», кромѣ Моисея и Авраама, также и Гомера, Карла Великаго, Лютера, Шекспира, Гёте и Канта! Признавая заслуги ученыхъ изысканій Делича, императоръ, однако, высказываетъ ему порицаніе за то, что онъ обсуждаетъ нѣкоторые религіозные вопросы въ нѣсколько полемической формѣ и при этомъ слишкомъ популяризируетъ свои выводы, которые во всякомъ случаѣ, не должны были бы выходить изъ предѣловъ узкаго круга ученыхъ.

Какъ бы то ни было, но письмо императора Вильгельма, явившееся политическимъ актомъ и успокоившее ортодоксальные кружки при дворѣ, выдвинуло на сцену новый вопросъ. Вильгельмъ II высказывается въ немъ не только какъ глава государства, но и какъ «глава имперской церкви», а это можетъ не понравиться другимъ германскимъ принцамъ, которые ревниво оберегаютъ свои верховныя права надъ церковью въ своемъ государствѣ. Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ уже отмѣтили это.

Рабочій вопросъ въ Южной Африкѣ. — Передѣлка романа гр. Толстого «Воскресеніе» на англійской сценѣ. Въ Англіи уже давно не создаютъ себѣ никакихъ иллюзій и сознаютъ, что хотя война окончена, но организація Южной Африки будетъ дѣломъ далеко не легкимъ. Въ данный моментъ, между двумя фракціями англійскаго населенія въ побѣжденной странѣ, возникъ острый конфликтъ. Британскіе резиденты въ Преторіи, Іоганнесбургѣ и Блемфонштейнѣ открыто заявляютъ, что молодые чиновники, которыми окружаетъ себя лордъ Мильнеръ, никуда не годятся. Эти чиновники большею частью юные отпрыски англійскихъ аристократическихъ фамилій, которыхъотправили въ южную Африку дѣлать карьеру; тамъ къ нимъ относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и уже дали насмѣшливое прозвище: «Kindergarten». На банкетѣ въ Преторіи въ честь Чэмберлена, въ его присутствіи и въ присутствіи лорда Мильнера, было заявлено требованіе, чтобы въ Южной Африкѣ были скорѣе введены представительныя учрежденія. Въ толпѣ даже раздался возгласъ: «долой молокососовъ!» Но Чэмберленъ и остальные гости сдѣлали видъ, что не слышали этого.

Впрочемъ, не только англійское населеніе распалось на двѣ фракціи, враждующія между собою; бурская нація также раскололась на двѣ части. Многіе изъ бывшихъ воиновъ уже перешли на сторону побѣдителей и ими руководятъ Христіанъ Бота и Питъ Деветъ, но остальные, т.-е. большинство, возмущаются и осыпаютъ ихъ упреками и проклятіями. Христіанъ Деветъ и судья Герцогъ въ довольно рѣзкой формѣ высказали свои обвиненія Чэмберлену, заявляя, что «миръ не соблюдается, уплата вознагражденія была только обманомъ и ни одно изъ обѣщаній не было какъ слѣдуетъ выполнено англичанами, и поэтому надо ожидать теперь нравственнаго возмущенія буровъ, которое и создастъ Англіи новую Ирландію въ Южной Африкѣ».

Но это еще не все. Въ Южной Африкѣ теперь выдвигается новый важный вопросъ—рабочій или негритянскій вопросъ, который грозитъ весьма большими осложненіями. Въ колоніи насчитывается шесть милліоновъ негровъ и около 900 тысячъ бѣлыхъ. Негры довольствуются очень малымъ и такъ какъ потребности у нихъ не велики, то и работаютъ они очень неохотно, а если даже принимаются за работу, то лишь съ цѣлью заработать что нибудь, чтобы потомъ жить въ свое удовольствіе. Но дѣло въ томъ, что бѣлые считаютъ для себя унизительнымъ работать рядомъ съ негромъ и на равныхъ основаніяхъ съ нимъ, поэтому они и предоставляютъ неграмъ весь ручной трудъ, который тѣ выполняютъ довольно скверно и въ недостаточной степени. Притомъ же негръ, заработовъ нѣсколько сотъ франковъ, всегда норовитъ бросить свою работу и удрать въ свой «крааль», чтобы тамъ уже вести безпечальное существованіе, благодаря полученнымъ деньгамъ. До войны, въ Рандѣ работало сто тысячъ чернокожихъ, но, по вычисленію компетентныхъ лицъ, черезъ годъ или два рабочихъ понадобится вдвое больше. Для удовлетворенія нуждъ земледѣлія въ Капѣ, Наталѣ и Оранжевой колоніи также потребуется вдвое большее число рабочихъ. Однимъ словомъ, чтобы обезпечить полное и правильное развитіе Южной Африки, надо заставить работать все взрослое населеніе чернокожихъ и притомъ заставить ихъ работать такъ, какъ работаютъ бѣлые рабочіе, что, по мнѣнію знатоковъ края, совершенно недостижимо обыкновенными и мирными способами. И вотъ, подъ прикрытіемъ разныхъ теорій и во имя необходимости труда для всѣхъ, поднимается теперь вопросъ о введеніи въ Южной Африкѣ особаго налога, который чернокожіе обязаны будутъ выплачивать рабочими днями: 200—300 рабочихъ дней въ году. Разумѣется, будутъ при этомъ приняты мѣры, чтобы не допустить побѣговъ такихъ подневольныхъ рабочихъ.

Этотъ проектъ вызываетъ уже теперь горячіе споры въ англійской печати. Нѣкоторые органы прямо называютъ его «возстановленіемъ рабства» и предсказываютъ, если онъ будетъ осуществленъ, рядъ возмущеній и т. п. бѣды. «Но какъ же поступить съ чернокожими, если ихъ нельзя заставить работать?» возражаютъ они. Серьезные англійскіе журналы занимаются этимъ вопросомъ и предлагаютъ выселить всѣхъ чернокожихъ къ сѣверу отъ Замбезе Однако, выполненіе такого плана обставлено слишкомъ большими затрудненіями и также можетъ возмутить общественную совѣсть. Между тѣмъ, «негритянскій вопросъ» легко можетъ стать очень острымъ вопросомъ въ Южной Африки. Чернокожее населеніе размножается съ феноменальною быстротою. Умъ чернокожихъ также развивается, но этого нельзя сказать о его способности къ работѣ. Легко можетъ случиться, что, послѣ учрежденія объединенной христіанской церкви въ Южной Африкѣ, эта церковь превратится въ центръ національныхъ стремленій чернокожихъ. Если негръ останется такимъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, то онъ парализуетъ всякое развитіе Южной Африки. Если же онъ научится работать, то сдѣлается непреодолимымъ конкуррентомъ англичанъ и, въ концѣ концовъ, монополируетъ Южную Африку. Если онъ выучится мыслить, то будетъ въ ней господствовать. Этого именно и опасаются англи-

чане, не знающіе какъ разрѣшить дилемму, такъ какъ нельзя уничтожить, экспортировать или обратить въ рабство все чернокожее населеніе южной Африки. Организація новыхъ владѣній Англіи представляетъ такимъ образомъ весьма большія затрудненія. Буры и чернокожіе составляютъ такіе два элемента, съ которыми англичанамъ трудно сладить. Впрочемъ, англичане утѣшаются тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находятся время, деньги и пути сообщенія, ведущія во внутрь южной Африки. Однако въ англійской печати раздаются все-таки предостерегающіе голоса, что, кромѣ ирландскаго вопроса, Англіи грозитъ возникновеніе южно-африканскаго вопроса, быть можетъ еще болѣе сложнаго и болѣе чреватаго послѣдствіями.

Недавно на сценѣ лондонскаго театра «His Majesty» (его величества) была поставлена пьеса, передѣланная изъ романа гр. Толстого «Воскресеніе». Сначала этотъ романъ былъ передѣланъ французскими авторами Анри Батайлемъ и Мишель Мортономъ для французской сцены, а затѣмъ уже англичане воспользовались этою французскою передѣлкой и опять «передѣлали» ее для англійской сцены. Пьеса состоитъ изъ четырехъ актовъ, распадающихся на шесть сценъ: 1) старый помѣщичій домъ. Блестящій и красивый князь Нехлюдовъ, роль котораго исполнялъ самъ директоръ театра мистеръ Три, проѣздомъ на войну, посѣщаетъ своихъ тетокъ и соблазняетъ Катюшу. На сценѣ поетъ русскій хоръ и—по выраженію «Times'a»—«зрителямъ преподается урокъ московскаго фольклора». Такъ какъ дѣйствіе происходитъ во время Пасхи, то исполняются всѣ пасхальные обряды. 2) Совѣщательная комната присяжныхъ въ судѣ. Между первымъ и вторымъ актомъ проходитъ 10 лѣтъ. Присяжные собрались, чтобы вынести приговоръ Катюшѣ, обвиняемой въ отравленіи пьянаго, развратнаго купца. По отзывамъ англійскихъ газетъ это лучшая сцена въ пьесѣ. 3) Балъ въ домѣ Корчагиныхъ. 4) Тюрьма. 5) Тюремная больница. 6) Этапная тюрьма на пути въ Сибирь. Послѣднюю сцену англійская печать также очень похвалила за реализмъ постановки. Тутъ фигурируютъ простые и политическіе преступники, офицеры, солдаты, умирающіе люди, дѣти, разлученныя съ родителями и т. д. Всѣ детали этапнаго пункта воспроизведены съ большою точностью и именно эти детали сценической постановки, главнымъ образомъ, интересуютъ англійскую публику, которая одобряетъ антрепренёра за то, что онъ все устроилъ на «русскій ладъ». Что же касается самой пьесы, то хотя она имѣла большой успѣхъ, но «Times» и нѣкоторыя другія газеты называютъ ее «второстепенной». Романъ много теряетъ въ сценической передѣлкѣ, тѣмъ болѣе, что авторы хотя и придерживались его главныхъ эпизодовъ, но все-таки прибавили нѣсколько сценъ и діалоговъ собственнаго изобрѣтенія. Нравственная идея романа также не такъ ярко выражается на сценѣ и поэтому не производитъ такого впечатлѣнія на зрителей, какъ на читателей. На этомъ сходятся почти всѣ отзывы англійской печати объ этой сценической новинкѣ.

Мистеръ Три, дѣйствительно, употребилъ всѣ старанія, чтобы «русскій стиль былъ выдержанъ во всемъ, даже оркестръ игралъ только избранныя мѣста изъ русскихъ композиторовъ, а мебель, костюмы и вся обстановка были выписаны

изъ Россіи. Англійскія газеты очень хвалятъ мистера Три за «реальное изображеніе русской жизни». Изъ Лондона труппа отправится въ провинцію давать представленія во всѣхъ большихъ городахъ Англіи.

Промышленные короли въ Америкѣ.—Новое учрежденіе Карнеджи. Въ американскомъ дѣловомъ мірѣ до сихъ поръ еще господствуетъ мнѣніе, что лучше начинать съ самыхъ низкихъ ступеней общественной лѣстницы и постепенно добираться до ея вершины. Большинство американскихъ промышленныхъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ очень крупныхъ предпріятій, именно такъ и начали свою карьеру. Они и сами предпочитаютъ молодыхъ людей, которые прошли школу жизни и съ малыхъ лѣтъ занимались какимъ-нибудь трудомъ, хотя бы онъ заключался въ чисткѣ сапогъ, тѣмъ, которые прошли курсъ какой-нибудь спеціальной школы и заручились дипломомъ. Предсѣдатель стального трёста Швабъ недавно высказалъ эти взгляды въ импровизированной рѣчи, которую онъ произнесъ въ одномъ изъ «Boys club» (клубъ мальчиковъ) въ Нью-Іоркѣ. «Друзья,—сказалъ онъ имъ—я не зналъ, что много придется говорить и поэтому ничего не приготовилъ. Но я буду говорить съ вами, какъ съ тѣми маленькими мальчиками, которые приходятъ ко мнѣ въ бюро просить у меня совѣта. Знаете ли вы, въ чемъ заключается секретъ успѣха въ жизни? Надо стараться каждый день дѣлать свое дѣло немного лучше своего сосѣда. Возьмите мальчика, умѣющаго уже справляться со своими инструментами, и заставьте его работать съ 16-ти лѣтъ, и другого, который только что кончилъ университетъ и началъ работать съ двадцати лѣтъ. Несмотря на свой дипломъ, онъ не догонитъ того ученика, который работаетъ съ 16-ти-лѣтняго возраста. Онъ отсталъ на четыре года, а въ этомъ возрастѣ четыре года составляютъ такой большой срокъ, который невозможно наверстать... Мнѣ пришлось быть недавно въ собраніи сорока крупныхъ финансистовъ; тридцать восемь изъ нихъ учились только въ элементарной ремесленной школѣ и не переступали порога коллегіи... И вотъ, чтобы достигнуть успѣха, вамъ надо только дѣлать немного больше другихъ. Я зналъ одного стараго фабриканта, который обратился однажды къ надзирателю съ предложеніемъ указать ему лучшаго ученика, для того, чтобы его можно было перевести на лучшее мѣсто. Надзиратель отвѣтилъ, что всѣ ученики одинаково хороши. «Ну такъ вотъ что,—сказалъ фабрикантъ.—Теперь пять часовъ, время кончать работу. Объявите имъ, что работа будетъ продолжаться до шести». Сказано-сдѣлано. Ученики снова принялись за работу безъ всякаго ропота, но съ приближеніемъ шести часовъ, всѣ начали украдкой поглядывать на часы,—всѣ, за исключеніемъ одного! И вотъ этотъ самый ученикъ находится теперь во главѣ цѣлаго промышленнаго учрежденія, въ которомъ работаютъ 30.000 человѣкъ... Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я зналъ одного мальчугана, лѣтъ пятнадцати, обязанность котораго заключалась въ ношеніи воды для питья рабочимъ. Онъ такъ добросовѣстно исполнялъ эту обязанность и всегда приносилъ чистую, свѣжую воду, что обратилъ на себя вниманіе. Его повысили въ должности и перевели въ бюро, гдѣ онъ оказался такимъ же

исполнительнымъ и добросовѣстнымъ. Ну а теперь этотъ бывшій водоносъ состоитъ предсѣдателемъ одного общества Карнеджи и находится во главѣ 60.000 рабочихъ... Я былъ на дняхъ у одного банкира, когда маленькій газетный разносчикъ принесъ ему вечернія газеты. «Этотъ мальчуганъ,—сказалъ мнѣ банкиръ,—ежедневно, вотъ уже въ теченіе цѣлаго года, приноситъ мнѣ газеты ровно въ четыре часа и еще ни разу не запоздалъ, хотя я никогда не платилъ ему больше, чѣмъ сколько полагается за газету. Его аккуратность такъ мнѣ нравится, что я думаю помѣстить его у себя въ конторѣ. И знаете ли, я готовъ предсказать, что онъ современемъ станетъ во главѣ банка».

Карнеджи, также какъ и Швабъ, тоже нѣсколько разъ выставлялъ на видъ, что среди предсѣдателей банковъ и директоровъ промышленныхъ учрежденій, весьма немного такихъ, которые получили высшее образованіе. «Не бойтесь соперничества сыновей богатыхъ людей,—говоритъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ.—Обратите ваше вниманіе на мальчугана, вынужденнаго, по окончаніи курса элементарной школы, приниматься за какое-нибудь дѣло и начинающаго свою карьеру съ подметанія конторы. Не спускайте съ него глазъ, потому что многіе такъ начинали и брали призъ потомъ въ жизненной борьбѣ. Лучшіе годы для ученія—это 14—15 лѣтъ и въ то время, когда другіе мальчики изучаютъ исторію прошлыхъ временъ, будущій промышленный дѣятель закаляется въ школѣ жизни, пріобрѣтаетъ опытъ и знанія, которыя ему нужны для конечнаго торжества въ будущемъ».

Однако, несмотря на такія заявленія, Карнеджи все-таки самъ заботится объ увеличеніи числа ученыхъ инженеровъ и техниковъ, потому что пожертвовалъ 50 милліоновъ долларовъ на университетскія стипендіи. Впрочемъ, онъ нисколько не противорѣчитъ себѣ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Его идеалъ—это «студентъ-рабочій», т.-е. юноша, соединяющій въ себѣ практическій умъ ремесленника съ умомъ ученаго. Школьныя занятія должны чередоваться съ практическимъ трудомъ и въ этомъ заключается одно изъ условій успѣха. Карнеджи приводитъ примѣръ трехъ крупныхъ фабрикантовъ, которые прошли черезъ университетъ, но всѣ трое должны были прерывать свое ученіе для работы въ канцеляріи или мастерской.

Французское министерство торговли отправило нѣсколько времени тому назадъ въ Соединенные Штаты миссію со спеціальною цѣлью изслѣдовать программы и занятія въ спеціальныхъ школахъ, чтобы открыть секретъ, почему изъ американскихъ школъ выходятъ не только теоретики, но и практики. Но, разумѣется, тутъ главное значеніе имѣетъ то, что юный американецъ уже поступаетъ въ школу проникнутый практическимъ духомъ, и школа поддерживаетъ его въ этомъ направленіи.

Какъ извѣстно, въ американскихъ коллегіяхъ далеко не составляютъ исключенія студенты, которые въ вакаціонное время становятся мастеровыми, конторщиками или нанимаются кондукторами трамваевъ и т. п. Работники, обладающіе дипломами высшихъ учебныхъ заведеній, представляютъ въ Америкѣ, по мнѣнію Карнеджи, именно тотъ классъ, который, пожалуй, не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ мірѣ. Въ послѣднее время въ особенности замѣчается

стремленіе къ высшему образованію среди американскаго юношества и теперь, какъ говоритъ Карнеджи, въ Соединенныхъ Штатахъ не найдется, пожалуй, ни одного землекопа, который бы не мечталъ для своего сына объ университетскомъ дипломѣ. Но ученіе не отрываетъ юнаго американца отъ жизни, не вырываетъ его изъ той среды, въ которой онъ находится. Юноша, происходящій изъ неимущихъ классовъ, поступаетъ въ университетъ только тогда, когда онъ имѣетъ уже кое-какія сбереженія, такъ что можетъ заплатить за свое ученіе, или же онъ продолжаетъ работать и во время ученія, чтобы платить за себя. Во многихъ американскихъ университетахъ, по крайней мѣрѣ, треть студентовъ живетъ такимъ образомъ. Секретъ успѣха американцевъ на поприщѣ практической дѣятельности заключается, слѣдовательно, въ нравахъ демократіи, а никакъ не въ программахъ американскихъ высшихъ школъ.

Въ Вашингтонѣ открылось новое учрежденіе: «Институтъ для поощренія свободныхъ изслѣдованій въ наукѣ», основанный на деньги, пожертвованныя Карнеджи. Цѣль института—помогать ученымъ, не имѣющимъ стредствъ продолжать свои научные опыты, и уже многіе изъ американскихъ профессоровъ, обращавшіеся въ этотъ институтъ, получили довольно большія субсидіи для продолженія своихъ работъ.

Ярмарка дѣвушекъ въ Венгріи. Корреспондентъ «Kölnische Zeitung» описываетъ любопытный древній обычай, который до сихъ поръ сохраняется въ одномъ изъ венгерскихъ комитатовъ, въ общинѣ Бодони. Тамъ ежегодно, въ первое воскресенье послѣ 14-го сентября, устраивается «ярмарка дѣвушекъ», куда собираются всѣ парни изъ окрестныхъ деревень, со своими родителями, чтобы выбрать себѣ спутницу жизни. Нѣмецкій журналистъ случайно попалъ на такую ярмарку и говоритъ, что она представляетъ весьма оригинальное зрѣлище. По главной улицѣ деревни раскинуты палатки, гдѣ продаются разныя сласти, пряники, орѣхи, лимонадъ и т. п. Толпа наполняетъ эту улицу до ранняго утра. Парни, являющіеся на ярмарку, чтобы выбрать невѣсту, стоятъ по сторонамъ, вмѣстѣ со своими родственниками, и каждая деревня образуетъ отдѣльную группу. Вдоль улицы разгуливаютъ дѣвушки, нарядившіяся въ лучшіе свои костюмы и притомъ сильно намазанныя. Парни также принарядились и зорко поглядываютъ на дѣвушекъ, какъ будто не обращающихъ на нихъ вниманія. Наконецъ, которая-нибудь изъ дѣвушекъ останавливается передъ какою-нибудь лавочкой и спрашиваетъ о цѣнѣ пряниковъ. Но она дѣлаетъ это не столько съ цѣлью купить что-нибудь, сколько для того, чтобы дать парню возможность приблизиться и заговорить. Какъ только она остановилась у лавочки, то къ ней подходитъ парень, которому она приглянулась, и завязывается разговоръ. Парень говоритъ дѣвушкѣ «ты», но она говоритъ ему «вы». Онъ не позволяетъ ей заплатить за пряникъ и покупаетъ ей разныя сласти и лимонадъ. Знакомство сдѣлано. Когда дѣвушка пьетъ лимонадъ, то парень говоритъ ей: «Богъ долженъ отдать тебя мнѣ». Если парень нравится дѣвушкѣ, то она отвѣчаетъ: «Пусть будетъ такъ, какъ Богъ хочетъ». Послѣ этого дѣвушку обступаютъ родственники парня, разсматриваютъ ее хорошенько

и разспрашиваютъ обо всемъ. Такимъ образомъ составляются пары и начинается веселье въ деревнѣ, игры, пѣсни и танцы. Конечно, торговля при этомъ идетъ очень бойко. Особенно хорошо торгуютъ такъ называемыя «кухни Владислава», гдѣ, на глазахъ публики, на сковородахъ жарится свиное мясо. Такія кухни находятся во всѣхъ большихъ венгерскихъ городахъ, но, главнымъ образомъ они дѣйствуютъ на ярмаркахъ. Это также очень старинное учрежденіе и свое названіе «кухонь Владислава» онѣ получили оттого, что въ началѣ XVI-го вѣка король Владиславъ II, сильно задолжавшій, посылалъ за своимъ обѣдомъ въ такія кухни. Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, согласно обычаю, должны ѣсть съ одной тарелки въ такой кухнѣ, и это служитъ признакомъ ихъ полнаго взаимнаго согласія. Съ этого момента дѣвушка считается невѣстой. Веселье и танцы длятся довольно долго и только поздно вечеромъ крестьяне возвращаются по своимъ домамъ, въ свои деревни, но по дорогѣ долго еще слышится пѣніе и раздаются веселые голоса. Тотчасъ же послѣ этой ярмарки начинаются приготовленія къ свадьбамъ въ разныхъ деревняхъ и затѣмъ все затихаетъ, и жизнь снова входитъ въ свою обычную колею вплоть до слѣдующей ярмарки.

Монастырскіе порядки.—Кромѣ дѣла Эмберовъ и новыхъ разоблаченій по дѣлу Дрейфуса много толковъ во французской печати возбуждаетъ въ настоящее время процессъ Маріи Лекоане, предъявившей женскому монастырю «Добраго Пастыря» искъ въ 20.000 фр. вознагражденія за разстроенное здоровье и поврежденіе зрѣнія, сдѣлавшія ее неспособною къ труду. Въ первой инстанціи Марія Лекоане проиграла свое дѣло, но апелляціонный судъ отмѣнилъ это рѣшеніе и назначилъ новое слѣдствіе, которое должно было выяснить насколько вѣрно то, что говоритъ Марія Лекоане о монастырскихъ порядкахъ. Слѣдствіе продолжалось два года и вызвано было 15 свидѣтелей, раскрывшихъ дѣйствительно возмутительныя злоупотребленія въ монастырѣ.

Марія Лекоане давно уже пыталась возбудить дѣло противъ монастыря, какъ только глаза у нея отказались служить, но всѣ ея заявленія и жалобы оставлялись безъ послѣдствій, пока не вмѣшался епископъ Тюринацъ изъ Нанси. Онъ обратилъ вниманіе на то, что монастырь сооружаетъ постоянно новыя великолѣпныя зданія, а между тѣмъ въ монастырскомъ бюджетѣ, который ежегодно представлялся ему на утвержденіе, нигдѣ не показаны были источники доходовъ, которые могли бы давать средства для такихъ построекъ. Заинтересованный этимъ, епископъ назначилъ коммиссію для провѣрки монастырскаго бюджета, а самъ продолжалъ далѣе свое разслѣдованіе и выяснилъ такимъ образомъ, что монастырь обогащается работою молодыхъ дѣвушекъ. Но этого мало; онъ нашелъ, какъ онъ самъ выразился потомъ, что «во всей странѣ нельзя было бы найти болѣе безбожнаго работодателя, болѣе эксплуатирующаго своихъ работниковъ и работницъ, нежели монахини, которыя эксплуатируютъ своихъ питомицъ, подъ видомъ благотворительности».

Монастырь «Добраго Пастыря» имѣетъ 221 пріютъ, гдѣ, кромѣ 7.000 монахинь, находится еще 48.000 работницъ. Порядки въ этихъ пріютахъ

повидимому были вездѣ одинаково возмутительны, но монастырскія власти покрывали поведеніе монахинь, такъ какъ всѣ жалобы и заявленія епископа оставлялись безъ вниманія. Тогда онъ пожаловался на нихъ въ Римъ и пять архіепископовъ и 15 епископовъ поддержали его. Такимъ образомъ дѣло получило огласку. Депутатъ-соціалистъ Фурньеръ внесъ запросъ въ палату депутатовъ и министерство Вальдека-Руссо назначило административное слѣдствіе, которое собрало такое количество обвинительнаго матеріала, что Марія Лекоане могла уже спокойно воспользоваться этимъ и начать свой процессъ противъ монастыря, съ надеждою выиграть его.

На судѣ выяснилось, между прочимъ, что монахини пробовали подкупать свидѣтелей въ свою пользу. Монастырь принимаетъ сиротъ и кающихся дѣвушекъ; и тѣхъ и другихъ монахини заставляли работать вмѣстѣ, и работать какъ можно больше, не обращая вниманія ни на состояніе здоровья, ни на силы работницъ. Объ ученіи никто не заботился и дѣвочекъ даже не учили читать, а только заставляли ихъ работать. Кормили ихъ, какъ оказывается, очень плохо; даже хлѣба онѣ не получали вволю и, вслѣдствіе сильнаго переутомленія и плохого питанія, всѣ питомицы монахинь имѣли крайне изнуренный видъ и страдали малокровіемъ. Среди вышивальщицъ большинство имѣло больные глаза, но монахини никогда не призывали глазного врача; это онѣ находили излишнею роскошью и сами оказывали врачебную помощь заболѣвшимъ, насколько хватало умѣнья.

Марія Лекоане говоритъ, что она ни разу за все свое 22-хъ-лѣтнее пребываніе въ монастырѣ, не видала ни одного инспектора. Другія свидѣтельницы также не видали ни одного изъ нихъ. Обыкновенно тѣхъ дѣвушекъ, относительно которыхъ боялись, что онѣ могутъ пожаловаться инспектору, запирали, когда въ монастырѣ ожидали инспекціи, а другихъ, робкихъ и запуганныхъ, учили, какъ онѣ должны отвѣчать. Нѣкоторые изъ духовниковъ монастыря пробовали было вступаться за несчастныхъ питомицъ, но тогда монахини начинали противъ нихъ тайную войну, которая могла отравить имъ существованіе. Одинъ изъ этихъ духовниковъ, пробывшій десять лѣтъ въ одномъ изъ монастырскихъ пріютовъ, сравниваетъ свою службу тамъ съ пребываніемъ на каторгѣ. Монахини зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы въ публику не проникали никакія свѣдѣнія о монастырскихъ порядкахъ. По словамъ епископа Тюринаца, если даже воспитанницы монастыря обладали достаточною энергіею, чтобы добиться своего освобожденія, то все же потомъ, выпущенныя на свободу, рѣшительно безъ всякихъ средствъ, съ разстроеннымъ здоровьемъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было знаній, отупѣлыя, вслѣдствіе долголѣтней односторонней работы, потому что монахини заставляли ихъ постоянно исполнять одну и ту же работу, дѣвушки обыкновенно быстро погибаютъ. Вообще несчастныя питомицы монахинь были отрѣзаны отъ всего міра; монахини даже перемѣняли имъ имена и запрещали имѣть какія-либо сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Вполнѣ естественно, что теперь, когда все это выплыло наружу, въ обществѣ и печати раздаются негодующіе голоса и даже клерикальные органы не рѣшаются защищать порядки «Добраго Пастыря». Во всякомъ случаѣ этотъ сен-

саціонный процессъ пришелся очень кстати, чтобы показать защитникамъ конгрегацій, негодующимъ на дѣйствія французскаго правительства, какую пользу приносятъ обществу разныя монастырскія учрежденія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Женскій трудъ и феминизмъ.—Польза и вредъ алкоголя; его противники и защитники среди ученыхъ.—Уцѣлѣетъ ли Австрія въ своемъ теперешнемъ видѣ?—Американскія работницы.

Во всѣхъ промышленныхъ странахъ существуетъ спеціальное законодательство, имѣющее цѣлью покровительство малолѣтнимъ и юнымъ рабочимъ. Въ Англіи такое законодательство введено уже болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, и теперь всѣ европейскія страны, за исключеніемъ Греціи, Турціи и балканскихъ государствъ, а такъ же Соединеннные Штаты и Канада, запретили ночную работу и нѣкоторыя, особенно вредныя для здоровья, отрасли промышленнаго труда, юношамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста. Кромѣ того, крупныя промышленныя государства, Германія, Англія, Австрія, Бельгія, Франція, Голландія, Россія и Швейцарія, ввели еще спеціальное законодательство, касающееся взрослыхъ работницъ, ограничивающее число рабочихъ часовъ (минимумъ 11 часовъ) и запрещающее ночную работу. Въ нѣкоторыхъ странахъ притомъ введенъ обязательный отдыхъ для женщинъ до и послѣ родовъ.

«Это законодательство,—говоритъ г-жа Кэтъ Ширмахеръ въ «La Revue»,—вездѣ было вотировано парламентами, т.-е. собраніемъ исключительно состоящимъ изъ мужчинъ. Мнѣнія наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, т.-е. работницъ, не спрашивали, и когда эти законы обсуждались въ парламентѣ, то буржуазія выказала къ нимъ полное отсутствіе всякаго интереса. Теперь, однако, времена измѣнились; въ программахъ всѣхъ феменистскихъ собраній современной буржуазіи вопросъ о покровительствѣ женскому труду поставленъ на очередь и уже вызвалъ расколъ среди феминистовъ, раздѣлившихся на двѣ группы, за и противъ регламентаціи женскаго труда».

Въ Англіи уже организована настоящая оппозиція противъ регламентаціи женскаго труда. Въ 1898 году, когда въ Лондонѣ засѣдалъ международный женскій конгрессъ, сторонники и противники регламентаціи высказались на этотъ счетъ довольно опредѣленнымъ образомъ въ промышленной секціи. Делегаты работницъ, фабричныя инспектриссы и компетентныя въ этомъ вопросѣ женщины, какъ, напр., г-жа Сидней Веббъ, требовали распространенія и строжайшаго примѣненія «Factory Acts», англійская же, французкая и скандинавская оппозиціи объявили примѣненіе этихъ законовъ безполезнымъ и вреднымъ для интересовъ работницъ.

Въ 1900 году два международныхъ конгресса въ Парижѣ, аудиторія которыхъ состояла исключительнымъ образомъ отъ женщинъ буржуазіи—делегатокъ отъ работницъ было мало и не было ни одной фабричной инспектриссы—вотировали противъ какой бы то ни было спеціальной регламентаціи

женскаго труда, и сторонницы законнаго вмѣшательства, представительницами которыхъ были преимущественно нѣмецкія делегатки, потерпѣли полное пораженіе.

Въ 1901 году феминисты датской буржуазіи провалили, вопреки мнѣніямъ соціалистовъ и работницъ, законопроектъ, устанавливающій максимальный рабочій день для женщинъ, запрещающій ночную работу и принуждающій родильницъ къ пятинедѣльному отдыху (притомъ безъ всякаго вознагражденія), и такимъ образомъ въ области соціальной политики организованная оппозиція феминистовъ заставила отступить законодателей, желавшихъ ввести регламентацію труда.

Такое же точно движеніе обнаруживается въ данный моментъ и въ Норвегіи. И тамъ парламентъ проектируетъ регламентацію женскаго труда. Работницы относятся благопріятно къ этому проекту; но на этотъ разъ и буржуазныя феминистки въ своемъ послѣднемъ собраніи въ Христіаніи постановили предварительно запросить всѣхъ непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ и тогда уже опредѣлить свое отношеніе къ нему. До сихъ поръ скандинавскія феминистки были главнымъ оплотомъ всѣхъ противницъ регламентаціи труда, и это даже навлекло на нихъ упрекъ со стороны одной изъ лучшихъ скандинавскихъ писательницъ, Элленъ Кей.

Англійскія, французскія и скандинавскія феминистки возстаютъ противъ спеціальной регламентаціи женскаго труда во имя индивидуальной свободы и равенства половъ. Всякій законъ, нарушающій свободу, умаляетъ человѣческую индивидуальность, говорятъ онѣ. Нельзя приравнивать женщину къ ребенку, такъ какъ она знаетъ, что дѣлаетъ. Ограничительные законы лишаютъ ее работы, которая ей такъ нужна, такъ какъ хозяева, въ виду разныхъ неудобствъ, которыя представляетъ женскій трудъ, сокращеніе рабочихъ дней, запрещеніе ночной работы и частыя посѣщенія инспекторовъ, постараются повсюду замѣнить его мужскимъ трудомъ. Слѣдовательно, если женщины нуждаются въ особомъ покровительствѣ, то это покровительство должно быть создано ими самими и вызвано организаціей женскихъ синдикатовъ, а не законодательствомъ. Законы же должны быть одинаковы какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Но, къ сожалѣнію, женскіе синдикаты находятся еще въ зачаточномъ состояніи и въ Англіи напр., на 3—4 милліона промышленныхъ работницъ, неболѣе $1^1/_2$ милліона образовали синдикаты. Во Франціи 30.000 изъ 900.000 состоятъ въ синдикатахъ, а въ Германіи—20.000 изъ одного милліона. Всѣ тѣ, кто занимался организаціей синдикатовъ работницъ знаютъ, съ какими затрудненіями приходится бороться, главнымъ препятствіемъ является недостатокъ денежныхъ средствъ и общаго воспитанія работницъ. Г-жа Кэтъ Ширмахеръ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ чрезмѣрнаго усердія феминистокъ,—противницъ всякой регламентаціи труда, и заключаетъ свою статью словами Лакордера: «Въ отношеніяхъ, существующихъ между сильнымъ и слабымъ, богатымъ и бѣднымъ, свобода угнетаетъ, а законъ освобождаетъ».

Слѣдуетъ ли считать алкоголь питательнымъ средствомъ, такимъ же, какъ мясо, хлѣбъ, сахаръ, и можетъ ли онъ замѣнять другія питательныя вещества?

Вопросъ этотъ выдвинутъ теперь на очередь учеными, среди которыхъ онъ вызываетъ нѣкоторыя разногласія. Въ виду этого, журналъ «La Revue» обратился къ разнымъ выдающимся французскимъ ученымъ, чтобы они высказали свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Нѣсколько времени тому назадъ директоръ пастёровскаго института Дюкло высказался въ пользу питательныхъ свойствъ алкоголя, которыя были подтверждены такъ же опытами двухъ американскихъ физіологовъ, Атфатера и Бенедикта, замѣнившихъ въ своемъ питательномъ режимѣ, безъ всякаго ущерба для своего здоровья и физическихъ силъ, сахаръ и крахмалистыя вещества алкоголемъ. Дюкло не считаетъ алкоголь ядомъ для организма, если только онъ не употребляется въ довольно большой дозѣ. Среднею дозой онъ считаетъ литръ вина въ день, содержащій 10% спирта, но съ условіемъ пить его разбавленнымъ водой и не сразу, а въ теченіе цѣлаго дня. Кромѣ того, онъ принимаетъ во вниманіе индивидуальность; для нѣкоторыхъ организмовъ даже эта доза можетъ оказаться слишкомъ большой.

Знаменитые коллеги Дюкло, докторъ Ру и профессоръ Мечниковъ изъ пастёровскаго института, произносятъ строгій приговоръ алкоголю. Ру говоритъ, что если бы даже наблюденія американскихъ физіологовъ подтверждались, то все же борьба противъ алкоголя должна продолжаться попрежнему, такъ какъ тѣ, кто употребляетъ спиртъ, будутъ все-таки употреблять его въ концентрированномъ видѣ, и опыты американскихъ физіологовъ будутъ служить имъ лишь оправданіемъ ихъ роковой страсти. Однако, докторъ Ру допускаетъ все-таки употребленіе вина и говоритъ, что вѣковой опытъ надъ цѣлыми народами указываетъ, что умѣренное употребленіе виноградного вина не влечетъ за собою дурныхъ послѣдствій. Профессоръ Мечниковъ высказывается болѣе категорически: «Я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что алкоголь—это ядъ!»

Знаменитый химикъ Бертело такъ же высказывается противъ алкоголя. Онъ отрицаетъ его значеніе, какъ питательнаго вещества. Въ очень малыхъ дозахъ онъ можетъ быть полезенъ, какъ возбуждающее и только. «Исторія человѣческихъ расъ указываетъ, что злоупотребленіе алкоголемъ неминуемо влечетъ ихъ гибель, говоритъ Бертело.—Алкоголь является причиной исчезновенія дикихъ народовъ и служитъ такъ же элементомъ физическаго и нравственнаго упадка большинства европейскихъ націй. Спасеніемъ могутъ быть только очень энергичные законы противъ алкоголизма, какіе введены, напримѣръ, въ скандинавскихъ странахъ».

Шарль Рише присоединяется ко взглядамъ противниковъ потребленія алкоголя, хотя и не отрицаетъ, что онъ обладаетъ нѣкоторыми питательными свойствами. Но онъ болѣе приноситъ вреда, нежели пользы, и если бы можно было совершенно изъять изъ употребленія спиртные напитки, то этимъ была бы оказана великая услуга человѣчеству. Алкоголь великій факторъ нищеты, говоритъ Рише.

Практическіе врачи, проф. Беркгеймъ изъ Нанси, Лансеро и др., считаютъ алкоголь лекарствомъ, которое можетъ принести пользу въ извѣстныхъ случаяхъ и дозахъ, но, какъ и всякое лекарство, онъ представляетъ ядъ. Проф. Беркгеймъ находитъ, однако, что алкоголь не заслуживаетъ ни чрезмѣрнаго го-

ненія, ни чрезмѣрнаго восхваленія; алкоголь можетъ быть полезенъ въ однихъ случаяхъ и вреденъ въ другихъ, но никогда не можетъ быть полезенъ въ большихъ дозахъ. Въ общемъ, всѣ лица, за исключеніемъ Дюкло, къ которымъ обратился французскій журналъ съ вопросомъ насчетъ пользы или вреда алкоголя, отрицаютъ его значеніе какъ питательнаго вещества, хотя и признаютъ нѣкоторую пользу, которую онъ можетъ приносить организму при извѣстныхъ условіяхъ. Но такъ какъ все зависитъ отъ дозы и индивидуальнаго расположенія, то вредъ, который приноситъ алкоголь человѣчеству, гораздо больше той пользы, которую онъ могъ бы принести ему.

Англійскій журналъ «Montly Rehview» печатаетъ рядъ статей выдающихся австрійскихъ политиковъ о будущемъ габсбургской имперіи. Вождь христіанско-соціалисткой партій д-ръ Альбертъ Гессманнъ, вождь младочеховъ д-ръ Адольфъ Сперанскій и Францъ Кошутъ, глава венгерской независимой партіи, разбираютъ въ своихъ статьяхъ вопросы, возможно въ близкомъ будущемъ распаденіе австровенгерской имперіи на ея составныя части? Д-ръ Гессманнъ находитъ, что если бы Австріи не существовало, то ее пришлось бы создать, такъ какъ она выполняетъ функцію объединенія различныхъ соперничествующихъ расъ центральной Европы. По мнѣнію Гессманна, внутреннія распри различныхъ національностей Австро-Венгеріи не угрожаютъ ея цѣлости, потому что ни одна изъ этихъ національностей, добивающихся преобладанія, не стремится присоединиться къ которой-нибудь изъ сосѣднихъ имперій. Главнымъ же препятствіемъ къ распаденію габсбургской имперіи служитъ Венгерія, такъ какъ мадьяры первые воспротивились бы раздѣлу Австріи. Д-ръ Адольфъ Сперанскій, въ общемъ, высказываетъ такіе же взгляды. Какъ ни недовольно большинство австрійскаго населенія существующимъ положеніемъ вещей, но о распаденіи имперіи не можетъ быть и рѣчи. Ни одно изъ теченій, существующихъ въ настоящее время въ Австріи, не представляетъ серьезной опасности. Прежде всего даже государственныхъ дѣятелей Германіи испугала бы мысль о присоединеніи 12.000.000 австрійскихъ нѣмцевъ, такъ какъ это лишило бы протестантскую сѣверную Германію ея теперешней гегемоніи. Австрійскіе нѣмцы не замедлили бы примкнуть къ баварцамъ и этимъ нарушили бы существующее равновѣсіе въ германской имперіи.

Францъ Кошутъ высказывается сдержанно относительно вопроса о распаденіи имперіи. Онъ говоритъ только, что никакія перемѣны въ этомъ отношеніи не произойдутъ, пока живъ императоръ Францъ-Іосифъ. Тѣмъ не менѣе существующая внутренняя организаціи имперіи никуда не годится, и слѣдовательно, необходимо радикальное измѣненіе. Вопросъ, во всякомъ случаѣ, назрѣлъ и требуетъ своего разрѣшенія.

Г-жа Ванъ-Ворстъ описываетъ въ «Revue des deux Mondes» бытъ американскихъ работницъ. Желая ближе познакомиться съ ихъ жизнью, она сама вступила въ ряды работницъ, раздѣляя ихъ лишенія, удовольствія и труды. Не зная никакого ремесла, она, конечно, должна была начать свою карьеру ра-

ботницы съ самаго начала, въ качествѣ ученицы, но это ее не смущало. Она поступила на фабрику пикулей въ Питтсбургѣ и зарабатывала тамъ до трехъ шиллинговъ въ день. На фабрикѣ, кромѣ нея, работало еще 500 женщинъ и всѣ были заняты различными стадіями изготовленія пикулей. Яркими красками описываетъ г-жа Ванъ-Ворстъ вліяніе на человѣка этой однообразной и непрестанной работы, вызывающей сильное утомленіе и разстраивающей аппетитъ, такъ какъ почти всѣ работницы на этой фабрикѣ обнаруживаютъ особенную склонность къ раздражающимъ вкусовымъ веществамъ и ничего не могутъ ѣсть безъ такой приправы. Послѣ перваго дня непрерывной десятичасовой работы, г-жа Ванъ-Ворстъ почувствовала себя совершенно разбитой и должна была два дня отдыхать. Только постепенно пріучивъ себя къ работѣ, она могла выносить тотъ трудъ, который несетъ на себѣ американская работница, безъ особеннаго вреда для здоровья. Въ этой борьбѣ за существованіе побѣда принадлежитъ только сильному и наиболѣе интеллигентному рабочему, но и среди американскихъ работницъ, какъ и среди рабочихъ, замѣчается стремленіе къ улучшенію своего положенія, къ возвышенію. Это стремленіе составляетъ характерную черту всей американской дѣятельности и не допускаетъ отупѣнія работницъ, занятыхъ постояннымъ и однообразнымъ трудомъ.

Послѣ Питтсбурга, г-жа Ванъ-Ворстъ отправилась въ маленькую деревушку, близъ Буффало, гдѣ поступила на фабрику рубашекъ, а затѣмъ поселилась въ Чикаго среди рабочихъ, изучая условія ихъ существованія и живя ихъ жизнью. Среди американскихъ рабочихъ, по ея словамъ, можно встрѣтить людей самаго разнообразнаго соціальнаго положенія, разныхъ національностей и вѣроисповѣданія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковь имѣетъ довольно большое вліяніе на соціальную жизнь американскихъ рабочихъ, въ другихъ же это вліяніе равняется нулю. Г-жа Ванъ-Ворстъ говоритъ, что въ самомъ началѣ быть американскихъ рабочихъ, а въ особенности работницъ, произвелъ на нее угнетающее впечатлѣніе. Ей казалось, что это рабы, осужденные на физическую и нравственную смерть, но мало-по-малу она измѣнила свое мнѣніе, убѣдившись въ существованіи у нихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ стремленій. Глубокое сожалѣніе г-жи Ванъ-Ворстъ вызываетъ только полное отсутствіе въ жизненной обстановкѣ работницъ всего, что могло бы содѣйствовать развитію и удовлетворенію эстетическаго чувства, а также ихъ однообразный и притупляющій трудъ, зачастую мѣшающій развитію ума и природныхъ способностей. Но стремленіе расширить рамки своей жизни, заложенное въ душѣ каждаго американца, служитъ могучимъ стимуломъ, не допускающимъ американскаго рабочаго навсегда потонуть въ тинѣ отупляющаго однообразнаго труда.

ОПЕЧАТКА. Въ № 2, февраль, въ статьѣ „Малорусскій университетъ во Львовѣ“ (отд. II) вкралась слѣдующая опечатка: на стр. 78, строка 7 снизу напечатано: „тяжелое, несправедливое обвиненіе“; слѣдуетъ читать: „тяжелое, но справедливое обвиненіе“.

НАУЧНЫИ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Дѣйствіе различныхъ лучей на организмы. Измѣняемость видовыхъ признаковъ подъ вліяніемъ вѣшнихъ воздѣйствіе. Неорганическая искусственная протоплазма.

Два предыдущіе фельетона, посвященные цѣликомъ — первый основному вопросу современной «натуръ-философіи», второй — жгучей злобѣ дня современной физики, отвлекли насъ отъ обозрѣнія другихъ областей естествознанія и различныхъ открытій, сдѣланныхъ въ нихъ за послѣднее время. Теперь мы постараемся восполнить этотъ пробѣлъ.

Въ химическомъ процессѣ, въ разложеніи и синтезѣ вещества, которыя мы наблюдаемъ въ нашихъ лабораторіяхъ, мы объясняемъ явленія, главнымъ образомъ, различными видами матеріи, различной группировкой различныхъ веществъ; до послѣднихъ дней мы мало говорили о томъ, движутся ли матеріальныя частицы, или нѣтъ, для нашихъ цѣлей это было почти безразлично, такъ какъ мы не могли уловить въ нашихъ реакціяхъ слѣдствій этихъ движеній. Но вѣдь онѣ движутся, эти частицы, онѣ не могутъ не двигаться, а разъ это такъ, то должны быть и слѣдствія этихъ движеній. И въ сложныхъ химическихъ процессахъ организма, въ обмѣнахъ вещества, происходящихъ въ немъ, многое «необъяснимое физикой и химіей» объяснится, вѣроятно, когда химія станетъ на такую высоту, что ей необходимо будетъ принять въ разсчетъ и *движеніе* частицъ реагирующихъ другъ на друга тѣлъ. Еще гораздо больше «необъяснимаго» объяснится тогда, когда въ круговоротъ жизни организма введутся различные виды лучистой энергіи, конечно, здѣсь присутствующіе. Что организму нуженъ свѣтъ и теплота—фактъ, конечно, общеизвѣстный; что организмъ поглощаетъ эти колебанія эѳира—также извѣстно; но какова дальнѣйшая судьба этихъ эѳирныхъ волнъ въ организмѣ, каковы ихъ превращенія, какова ихъ работа,—вопросы существенные для объясненія процессовъ жизни, но вопросы до сихъ поръ почти нетронутые; больше касались ихъ въ ботаникѣ, чѣмъ въ зоологіи, но касались только потому, что нѣкоторые изъ этихъ лучей производили рѣзкое измѣненіе химическихъ веществъ. Между тѣмъ, колебанія эѳира въ той или иной формѣ должны оставаться въ организмѣ и производить въ немъ и болѣе тонкія измѣненія.

Что въ организмахъ, по крайней мѣрѣ высшихъ животныхъ, присутствуетъ тотъ видъ энергіи, который мы зовемъ электричествомъ, тоже фактъ настолько общеизвѣстный, что о немъ и распространяться нечего; у нѣкоторыхъ животныхъ и растеній находятся даже особые электрическіе органы—орудія защиты или освѣщенія. Какова роль, распространеніе, сила электрическихъ волнъ въ организмѣ извѣстно еще меньше, чѣмъ про свѣтовые и тепловые лучи. А между тѣмъ, если мы вспомнимъ, какое громадное вліяніе на движеніе частицъ вѣсомой матеріи имѣютъ волны эѳира, то даже съ современной, относительно грубой точки зрѣнія поймемъ всю важность этого вопроса.

Современная физіологія и біологія подходятъ уже къ этимъ вопросамъ, и можно напримѣръ, указать на большое число научныхъ работъ, изучающихъ вліяніе на тотъ или иной организмъ тѣхъ или иныхъ *опредѣленныхъ* лучей, какъ спектральныхъ, такъ и новыхъ, изъ группы катодныхъ. Мы не можемъ дать здѣсь историческаго обзора этихъ работъ и остановимся только на самыхъ послѣднихъ.

Въ одномъ изъ февральскихъ засѣданій парижской академіи наукъ была доложена работа *Данича* о физіологическихъ свойствахъ лучей радія. Оказывается, что радій, заключенный въ трубку и положенный на кожу, производитъ на ней, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, струпъ; при дальнѣйшемъ дѣйствіи, струпъ этотъ увеличивается, но черезъ сутки развитіе раны останавливается. Такая трубочка съ радіемъ, помѣщенная вдоль спинного хребта молодыхъ мышей, быстро вызывала у нихъ параличъ, у взрослыхъ мышей параличъ наступалъ только послѣ 7—8 дней дѣйствія радія. Эти опыты съ несомнѣнностью показываютъ, что лучи радія проникаютъ черезъ кости, но все же послѣднія ослабляютъ нѣсколько такое дѣйствіе этихъ лучей. Такъ, если вырѣзать кружочекъ кости изъ черепа кролика и приспособить къ обнаженному мозгу трубочку съ радіемъ, то у кролика быстро наступаетъ параличъ одной половины тѣла (гемиплегія). У личинокъ нѣкоторыхъ бабочекъ, при дѣйствіи на нихъ лучей радія въ теченіе 24 часовъ, также наступалъ параличъ, а затѣмъ и смерть.

Работы *Ашкинсона* и *Каспари* еще гораздо раньше показали, что такое же убійственное дѣйствіе оказываютъ лучи радія на бактерій. По крайней мѣрѣ, культуры Micrococus prodigiosus при 2—4-часовомъ дѣйствіи на нихъ лучей, исходящихъ изъ трубки съ заключеннымъ въ ней однимъ граммомъ радіоактивнаго бромистаго радія-барія, становились мертвыми.

Нужно замѣтить, что дѣйствіе беккерелевскихъ лучей проявляется только на незначительныхъ разстояніяхъ (не болѣе 4 — 10 милиметровъ) отъ радіоактивнаго препарата; оно и понятно, такъ какъ уже опыты Беккереля установили, что слой воздуха въ 6 сантиметровъ толщиной задерживаетъ распространеніе этихъ лучей.

Какъ всѣмъ извѣстно, знаменитый финзеновскій свѣтовой способъ леченія лупуса (волчанки) основанъ на подобномъ же дѣйствіи свѣтовыхъ лучей на бактерій, причемъ въ данномъ случаѣ активными лучами являются лучи съ

наиболѣе короткими волнами: синіе, фіолетовые и ультрафіолетовые, но, по всѣмъ видимостямъ, смертоносное дѣйствіе лучей радія на бактерій гораздо сильнѣе дѣйствія вышеупомянутыхъ спектральныхъ лучей. Не открываются ли здѣсь новыя возможности для борьбы съ заразными болѣзнями?!

Къ этой же области относятся и недавнія работы швейцарскихъ ученыхъ—*Фореля и Дюфура*. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ Леббокъ показалъ, что муравьи воспріимчивы къ фіолетовымъ и ультрафіолетовымъ лучамъ и всегда уносятъ свои личинки изъ сферы дѣйствія этихъ лучей.

Форель и Дюфуръ поставили болѣе точные опыты съ ультрафіолетовыми лучами, для насъ невидимыми. Въ закрытомъ ящикѣ были помѣщены муравьи съ ихъ личинками. Ящикъ «освѣщался» черезъ окошечко, закрытое тонкимъ листочкомъ желатины, ультрафіолетовыми лучами большого сильнаго спектра.

Муравьи тотчасъ же реагировали на дѣйствіе этихъ лучей и уносили своихъ личинокъ въ неосвѣщенныя части ящика. Опытъ съ рентгеновскими лучами далъ этимъ ученымъ пока отрицательные результаты, намъ кажется, главнымъ образомъ, потому, что авторъ подвергалъ муравьевъ дѣйствію этихъ лучей слишкомъ непродолжительное время (10 минутъ). Кромѣ того, врядъ ли можно предполагать, что рентгеновскіе лучи способны оказывать такое же дѣйствіе, какъ и спектральные: слишкомъ уже они далеки отъ послѣднихъ, да и дѣйствуютъ они, по всѣмъ вѣроятіямъ, не въ сферѣ молекулъ, а гораздо глубже—въ сферѣ атомовъ. Не здѣсь ли причина того факта, что рентгеновскіе лучи, равно какъ и родственные имъ катодные и лучи радіоактивныхъ веществъ, не воспринимаются органами, а убиваютъ живое вещество, разлагаютъ его частицы. «Воспріятіе», вѣроятно, для всѣхъ организмовъ ограничено только стектральными лучами, причемъ нѣкоторые виды воспріимчивы къ болѣе широкой области спектра, другіе къ болѣе узко одни реагируютъ сильнѣе на одни лучи, иные на другіе. По отношеніи къ человѣческому глазу давно уже доказано, что онъ чувствительнѣе всего къ зеленымъ лучамъ спектра. Недавнія работы *Пфлюгера* показали, что чувствительность нашего глаза къ различнымъ лучамъ, довольно сильно колеблется не только у разныхъ индивидуумовъ, но даже и у одного и того же въ различное время, но въ общемъ все же можно подтвердить прежній выводъ, что мы наиболѣе чувствительны къ зеленымъ лучамъ (точнѣе—къ лучамъ съ длиной волны отъ 49,5 милліонныхъ сантиметра до 52,5 мил. сант.); для лучей красныхъ чувствительность нашего глаза уменьшается въ 33 раза, а для фіолетовыхъ въ 60 разъ.

Такъ постепенно въ сферу біологическихъ изслѣдованій входитъ новый факторъ—воздѣйствіе на живое вещество различныхъ «лучей».

Не къ подобному ли же воздѣйствію сводится, въ концѣ концовъ, открытое недавно свойство серебра убивать микробовъ? Французскій химикъ *Ролэнъ*, работая съ культурами весьма распространенной плѣсени *Aspergillus niger*, случайно наткнулся на тотъ фактъ, что споры этой плѣсени не прорастаютъ въ серебряномъ сосудѣ, тогда какъ во всѣхъ другихъ развиваются прекрасно. Поставленные опыты показали Ролэну, что, дѣйствительно, достаточно, чтобы въ

питательной жидкости присутствовало всего $^{1}/_{1.600.000}$ по вѣсу ляписа (азотно-кислой соли серебра), чтобы споры Aspergillus niger не проростали. Генри Купэнъ поставилъ аналогичные опыты съ зернами пшеницы; оказалось, что и они не проростаютъ въ водѣ, въ которой находится $^{1}/_{134.482}$ часть по вѣсу ляписа. Даже присутствіе милліонныхъ долей солей серебра въ растворѣ оказываетъ задерживающее вліяніе на проростаніе зеренъ пшеницы; но наиболѣе сильное дѣйствіе серебро оказываетъ на бактерій. Такъ, г. Штраусъ показалъ, что туберкулезныя бациллы не развиваются, если питательная среда (бульонъ) сохраняется въ серебряномъ сосудѣ, а д-ръ Винсэнъ вычислилъ, что на серебряныхъ монетахъ находится въ 20 разъ меньше микробовъ, чѣмъ на мѣдныхъ, и въ 6 разъ меньше, чѣмъ на золотыхъ. Когда же онъ, прокаливъ монеты и, слѣдовательно, стерилизовавъ ихъ, помѣстилъ на каждую разводки бациллъ тифозной лихорадки, дифтерита и др., то оказалось, что всѣ эти разводки на серебряной монетѣ погибли черезъ 6 часовъ, тогда какъ на золотыхъ жили въ теченіе нѣсколькихъ дней. Эти факты обратили на себя вниманіе медиковъ и теперь начинаетъ входить въ употребленіе, какъ противомикробный препаратъ такъ называемое «коллоидальное» серебро. Но эти же факты наводятъ на мысль, что врядъ ли можно объяснять ихъ химическимъ дѣйствіемъ серебра: вѣдь растворы серебряныхъ солей во всѣхъ опытахъ такъ незначительны, а дѣйствіе ихъ такъ сильно. Не имѣемъ ли и здѣсь мы дѣло съ особымъ видомъ лучей, подобныхъ тѣмъ, которые испускаетъ радій, и, подобно имъ, также смертельныхъ для бактерій.

Интересное теченіе подмѣчается теперь въ бактеріологіи—это стремленіе къ синтезу, а не къ анализу, стремленіе слить, сблизить отдѣльные виды бактерій, какъ бы въ противовѣсъ излишнему дробленію на виды и разновидности. Такая тенденція проявлялась за послѣдніе годы по отношенію къ туберкулезной бациллѣ; многіе стремились показать, что бацилла эта—простой сапрофитъ *), весьма распространенный въ природѣ, и только при своемъ внѣдреніи въ организмъ нѣкоторыхъ животныхъ пріобрѣтающій всѣмъ извѣстныя ядовитыя свойства. Только что появившаяся работа *Курмона* и *Потета* представляетъ много данныхъ въ пользу этого предположенія. Уже давно было извѣстно, что коховская палочка (туберкулезная бацилла), окрашенная особымъ способомъ, не отдаетъ этой окраски, не обезцвѣчивается подъ дѣйствіемъ кислотъ. Нѣкоторое время думали, что это только свойство туберкулезной бациллы, но вскорѣ оказалось, что такъ же относятся къ кислотамъ и бациллы проказы и нѣкоторыхъ другихъ заразныхъ болѣзней; но все же такія «сопротивляющіяся кислотамъ» бациллы до 1896 г. были встрѣчены только у человѣка. Въ 1896 г. Кохъ и Петеръ показываютъ, что подобнымъ свойствомъ владѣютъ бактеріи, живущіе въ молокѣ и въ маслѣ, затѣмъ ихъ нашли въ растеніяхъ, въ пыли, въ организмѣ здороваго человѣка, въ легочной гангренѣ и т. д. Культивируя эти различные виды бактерій — гг. Курмонъ и Потетъ показали,

*) *Сапрофиты* называются растенія, живущія на разлагающихся органическихъ веществахъ, напр., большинство грибовъ.

что при нѣкоторыхъ условіяхъ морфологическій характеръ данныхъ бактерій (форма) становится совершенно подобнымъ формѣ туберкулезной бациллы. Послѣ прививки такихъ бациллъ, полученыхъ изъ масла или злаковъ, къ животнымъ, на послѣднихъ образовались раны, имѣвшія туберкулезный характеръ. Съ другой стороны можно получить культуры палочекъ Коха, въ которыхъ ядовитость будетъ столь же незначительна, какъ и у «сопротивляющихся кислотамъ» сапрофитовъ.

Вообще работы послѣдняго десятилѣтія все болѣе и болѣе подчеркиваютъ намъ значеніе пищи и нѣкоторыхъ внѣшнихъ факторовъ въ процессѣ измѣненія видовыхъ признаковъ и, что еще важнѣе, развертываютъ передъ нами перспективу опытнаго разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, опытной постановки подобныхъ вопросовъ.

Таковы, напримѣръ, работы *Арнольда Пиктэ*. Этотъ швейцарскій ученый въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ вліяніе, которое производитъ перемѣна обычной пищи гусеницы даннаго вида на морфологическіе признаки выходящей изъ нее бабочки. Онъ кормилъ гусеницъ нѣсколькихъ видовъ бабочекъ совершенно другими растеніями, чѣмъ тѣ, которыми они питаются, будучи предоставлены самимъ себѣ. Благодаря такому измѣненію пищи изъ гусеницъ выходили бабочки, крылья которыхъ были окрашены совершенно иначе и имѣли совершенно другіе рисунки, чѣмъ обычныя, типовыя формы. Нѣкоторыя же бабочки сильно уменьшались въ размѣрахъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. *Bombyx quercus;* обычная пища гусеницъ этого рода—розоцвѣтныя. Пиктэ кормилъ гусеницъ этой бабочки эспарцетомъ (Onobrychis sativa) и получилъ бабочекъ самцовъ, съ крыльями, украшенными необыкновенно широкой коричневой полосой, тянувшейся до внѣшняго края,—самокъ съ такою же полосою, но тѣсно ограниченной совнутри рѣзкой точечной линіей, а съ наружной стороны другой, болѣе свѣтлой полосой. Этой окраской данныя разновидности рѣзко отличались отъ типовыхъ бабочекъ даннаго вида, а также и отъ бабочекъ, гусеницы которыхъ питались листьями лавровишневаго дерева, между тѣмъ какъ обѣ эти искусственныя разновидности и «эспарцетовая» и «лавровая» были выведены изъ яицъ однихъ и тѣхъ же родителей.

Ocneria dispar; обычная пища—дубовыя листья. Пиктэ кормилъ гусеницъ этой бабочки листьями орѣшника и уже первое поколѣніе стало значительно мельче, самцы стали желтыми, вмѣсто коричневыхъ, типичный рисунокъ крыльевъ сталъ менѣе ясенъ. Послѣ двухъ поколѣній, взросшихъ на листьяхъ орѣшника, бабочки стали еще мельче, самцы—бѣлыми, рисунки на крыльяхъ почти совершенно исчезли и у самцовъ и у самокъ. Это поколѣніе потеряло уже способность размножаться и Пиктэ принужденъ былъ взять гусеницъ перваго покѣлѣнія и снова кормить ихъ дубовыми листьями, чтобы получить третье поколѣніе. Этихъ гусеницъ онъ кормилъ уже орѣшникомъ; вышедшія бабочки были еще меньше предыдущихъ, самцы совершенно бѣлые, съ едва замѣтными сѣрыми рисунками, а самки совершенно безъ рисунка.

Гусеницъ этой же бабочки *(Ocneria dispar)* Пиктэ кормилъ и эспарцетомъ и

получилъ бабочекъ тоже сильно отличавшихся отъ типовыхъ. Если послѣ перваго поколѣнія, вышедшаго изъ гусеницъ, вскормленныхъ листьями орѣшника, кормить гусеницъ одного или двухъ послѣдовательныхъ поколѣній эспарцетомъ, то вышедшія бабочки, будутъ нести на себѣ черты и поколѣнія «орѣшника» и поколѣнія «эспарцета». Если изъ гусеницъ вскормленныхъ орѣшникомъ вывести одно или два поколѣнія и кормить ихъ дубовыми листьями, то мало-по-малу снова проявляются типовыя черты «дубовой» формы, но и черты «орѣшниковой» еще сохраняются. Если же гусеницъ перваго поколѣнія кормить листьями орѣшника, второго—листьями дуба и третьяго—листьями эспарцета, то появляются индивидуумы, совмѣщающія черты всѣхъ трехъ разновидностей.

Пиктэ ставилъ подобные же опыты и съ другими видами бабочекъ и получалъ подобные же результаты.

Безспорно, самой сенсаціонной новостью въ области біологіи является работа *Герера* (Herera) объ искусственной протоплазмѣ. Протоплазма — студенистая масса, весьма сложнаго строенія, почти не поддающаяся микроскопическому анализу, масса, состоящая, главнымъ образомъ, изъ бѣлковыхъ веществъ, съ химической точки зрѣнія весьма мало изученныхъ. Искусственное полученіе этой «основы всего живого», конечно, должно привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе и вызвать всеобщее недовѣріе.

Уже давно многіе ученые пытались въ строеніи нѣкоторыхъ неорганизованныхъ веществъ найти аналогіи съ протоплазмой и съ клѣткой. Давно уже извѣстны, напримѣръ, слѣдующіе опыты.

Растираютъ масло съ сахаромъ и поваренной солью, взбалтываютъ эту смѣсь въ водѣ и разсматриваютъ капли ея подъ микроскопомъ. Въ такой каплѣ наблюдаются полости, наполненныя концентрированнымъ растворомъ солей и отдѣленныя другъ отъ друга тонкими слоями масла; вода проникаетъ въ эти полости, растягиваетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не придутъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и образуютъ плоскія шестистороннія или прямоугольныя клѣтки. Здѣсь мы наблюдаемъ, слѣдовательно, структуру, аналогичную *ячеистой* структурѣ живыхъ клѣтокъ организма. Подобныя «искусственныя клѣтки» получали и съ многими другими веществами, напр., съ растворомъ клея въ растворѣ танина, съ растворомъ хлористой мѣди въ желтой кровяной соли. и т. п. Достигали даже и искусственнаго «амебовиднаго» движенія, когда такія минеральныя образованія выпускали ложноножки, какъ живыя амебы, и передвигались въ окружающей ихъ жидкости. Но все это были только аналогіи, хотя и весьма поучительныя и полезныя для выясненія нѣкоторыхъ свойствъ живыхъ клѣтокъ. Герера же ставитъ вопросъ гораздо шире и, если можно такъ выразить, гораздо революціоннѣе: его «искусственная протоплазма», собственно говоря, отрицаетъ даже самое существованіе той бѣлковой протоплазмы, которую всѣ ученые и весь образованный міръ считаютъ основой жизни. Бѣлковая основа протоплазмы, по его мнѣнію, только питательные запасы, регуляторы осмоса, производящіе необходимое количество теплоты, и заключающіе въ себѣ различныя неорганическія вещества; эта бѣлковая основа не имѣетъ строенія, сама по себѣ, и проявленія

жизни зависятъ не отъ нея, а отъ неорганическаго вещества, въ ней заключеннаго вѣроятнѣе всего, по мнѣнію Гереры,—отъ *метафосфорной соли кальція* *). Читатель видитъ, что г. Геререъ нельзя отказать въ смѣлости: его теорія перевертываетъ вверхъ дномъ всѣ основы физіологической химіи. Вѣроятно, спеціалистами вскорѣ будетъ доказано, что онъ заблуждается, но все же работа Гереры, по нашему мнѣнію, не пройдетъ безслѣдно для нашихъ теоретическихъ воззрѣній, не говоря уже о томъ, что многія его наблюденія, безспорно, представляютъ интересъ и сами по себѣ

Въ своей работѣ, озаглавленной: «Протоплазма изъ метафосфорнаго кальція», авторъ указываетъ прежде всего, какимъ образомъ онъ получилъ неорганическую протоплазму изъ метафосфорной соли. Герера употребляетъ 2 способа; первый—наиболѣе вѣрный и состоитъ въ томъ, что уксусный, углекислый и хлористый кальцій въ избыткѣ растираютъ съ небольшимъ количествомъ метафосфорной кислоты.

При разсматриваніи метафосфорнаго кальція подъ микроскопомъ въ соленой водѣ наблюдаются, прежде всего, тѣла и шарики, своимъ строеніемъ совершенно напоминающіе естественную протоплазму и наполненные движущимися зернышками, затѣмъ тѣльца прозрачныя, однороднаго строенія, которыя постоянно измѣняютъ свою форму, медленно соединяются другъ съ другомъ или же удлиняются и дѣлятся на 2 части, которыя вскорѣ принимаютъ шаровидную форму. Наконецъ, тѣльца, наполненныя вакуолями **) и измѣняющія медленно свою форму, начиная съ краевъ, или же удлиняющіяся въ трубки съ расширеннымъ концомъ и дѣлящіяся на частички неправильной формы. Иногда въ тѣльцахъ этихъ замѣчаются сѣти и нити, состоящія изъ зернышекъ.

При прибавленіи соленой воды тѣльца становятся неподвижными и лопастными, со свѣтлой точкой на концахъ этихъ лопастей. Соленая вода останавливаетъ движеніе этихъ тѣлецъ, но если затѣмъ прибавить дистиллированной воды, то тѣльца снова начинаютъ двигаться, дѣлиться, а внутри ихъ появляются блестящія точки и вакуоли. Особенно поразительно появленіе круглыхъ тѣлецъ, наполненныхъ зернышками, которыя своей прозрачностью и многими другими признаками напоминаютъ простѣйшихъ животныхъ (Protozoa): они также окрашиваются зеленой метиловой краской и имѣютъ внутри одно или нѣсколько окрашивающихся ядеръ. Кромѣ этихъ тѣлецъ, подъ микроскопомъ видны темныя зернистыя нити, похожія на большія ядра (macronucleus) инфузорій.

Если дѣйствовать на углекислый кальцій метафосфорной кислотой до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ вся угольная кислота, то получившійся метафосфорный кальцій подъ микроскопомъ въ чистой водѣ является въ видѣ безформенныхъ

---

*) Метафосфорная кислота (HPO_3) обыкновенно получается при прокаливаніи пиро—или ортофосфорной кислоты въ видѣ стекловидной массы.

**) *Вакуолью* называется полость въ протоплазмѣ, наполненная водянистымъ содержимымъ.

неорганизованныхъ частичекъ; при прибавленіи же соляной кислоты въизбыткѣ частички набухаютъ и превращаются въ *пласмодій* *) со всѣми присущими ему признаками. Этотъ искусственный «пласмодій» медленно измѣняетъ свою форму имѣетъ лопасти, перетяжки въ видѣ прозрачныхъ нитей и пульсирующія ва куоли, которыя мало-по-малу совершенно исчезаютъ.

Когда метафосфорный кальцій, приготовленный описаннымъ выше способомъ, Герера смѣшивалъ съ горячей жидкостью Роляна, которую предварительно фильтровалъ, кипятилъ и разсматривалъ подъ микроскопомъ съ цѣлью убѣдиться, что въ ней не находится случайныхъ организованныхъ тѣлецъ, то получалъ слѣдующіе поразительные результаты. Подъ микроскопомъ появляются прежде всего шаровидныя и неправильныя тѣльца, которыя, перетягиваясь, быстро дѣлятся. Немного спустя появляется значительное количество овальныхъ тѣлецъ. Черезъ два часа нѣкоторыя тѣльца имѣютъ лучистое строеніе, другія мелкозернистое и, наконецъ, третьи 2,3 ряда маленькихъ полиэдрическихъ ячеекъ. Кромѣ того, наблюдаются и колоніи изъ овальныхъ клѣточекъ, похожихъ на дрожжевые грибки.

На основаніи вышеизложеннаго, Герера предлагаетъ слѣдующую теорію строенія организованныхъ тѣлъ.

Естественная протоплазма—это *метафосфорная соль*, пропитанная различными веществами, поглощенными или выдѣленными при извѣстныхъ осмотическихъ и электролитическихъ условіяхъ.

Фосфорнокислый кальцій существуетъ въ природѣ повсюду и можетъ превратиться въ метафосфорный кальцій подъ дѣйствіемъ жара или тѣхъ или иныхъ возстановителей.

Бѣлковыя вещества, по всей вѣроятности, выполняютъ разнообразныя функціи: предохраняютъ отъ слишкомъ сильной диффузіи, удерживаютъ нѣкоторыя неорганическія тѣла, запасаютъ фосфорную кислоту (нуклеины), вырабатываютъ, благодаря процессамъ окисленія, необходимую теплоту и т. д.

Герера подтверждаетъ свою гипотезу еще слѣдующими аргументами.

Во-первыхъ, протоплазма всегда содержитъ большое количество извести, магнезіи и фосфорной кислоты, а кальцій находится даже въ большомъ количествѣ въ тѣлѣ, во всѣхъ клѣточкахъ и жидкостяхъ тѣла. По Гартингу клѣточка «насыщена» солями кальція. Во-вторыхъ, давно извѣстно громадное значеніе кальція и фосфатовъ для жизни. Такъ, присутствіе солей кальція необходимо при сегментаціи **) яицъ низшихъ морскихъ животныхъ, а фосфаты для образованія бѣлка; клѣточки водорослей перестаютъ размножаться при отсутствіи неорганическихъ фосфатовъ; известь находится въ большомъ количествѣ въ зеленыхъ листьяхъ, она необходима для образованія хлорофилла, равно какъ

---

*) *Пласмодій*—пластъ протоплазмы, происходящій отъ сліянія амебъ слизистыхъ грибовъ и способный передвигаться.

**) *Сегментаціей* называется процессъ дробленія яйца, происходящій при его развитіи.

и для образованія оболочки клѣточки и пластидъ *); клѣточныя ядра и хлорофильныя зерна образованы изъ солей кальція и протеина (Löw); соль—наиболѣе необходимая для развитія яицъ морскихъ ежей—фосфорнокислый кальцій (Гербстъ).

Затѣмъ Герера обращаетъ вниманіе на слѣдующія факты. Искусственная протоплазма метафосфорнаго кальція окрашивается метиловой зеленью совершенно также, какъ и клѣточное ядро.

Отсутствіе въ клѣточкѣ кальція вызываетъ уменьшеніе и даже исчезновеніе ядра, а также и уменьшеніе хлорофилла.

Хлористый натрій, благодаря которому набухаетъ и начинаетъ двигаться метафосфорный кальцій, обладаетъ тоническимъ дѣйствіемъ даже на умирающихъ животныхъ, почти совершенно истекшихъ кровью.

Въ нуклеинѣ **) находится метафосфорная кислота, а фосфаты входятъ въ составъ всѣхъ тканей нашего тѣла, они необходимы для питанія ихъ и ихъ отсутствіе влечетъ за собой смерть.

Закончимъ нашъ біологическій обзоръ двумя «курёзами»: «доисторическими пигмеями» и «живородящей рыбой».

Нѣмецкій антропологъ Шиленіусъ доказываетъ, что пигмеи, которые встрѣчаются нынѣ только въ центральной Африкѣ, въ доисторическую эпоху были довольно распространены, по крайней мѣрѣ, въ части Европы. Къ этому выводу нѣмецкаго ученаго привело изслѣдованіе многочисленныхъ скелетовъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Бреславля въ Силезіи. Скелеты сохранились плохо, но все же даютъ полную возможность составить представленіе о ростѣ ихъ обладателей, жившихъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ростъ этотъ въ среднемъ не превышалъ 1 метра 42 сант. Пигмеи встрѣчались, повидимому, и въ другихъ областяхъ центральной Европы. Такъ, Кольманъ описалъ пигмеевъ Швейцаріи, ростъ которыхъ не превышалъ 1 метра 35 сант.; Гутманъ открылъ въ Нижнемъ Эльзасѣ, недалеко отъ Кольмара, пигмеевъ, которые не превышали 1 метра 20 сант. Эти карликовыя расы не были продуктами вырожденія и продолжали существовать вплоть до сравнительно близкой къ намъ эпохи: такъ, пигмеи Силезіи были, повидимому, современниками римлянъ и славянъ и существовали еще въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры. Въ настоящее же время утратились даже какія бы то ни было слѣды этихъ «маленькихъ людей», вытѣсненныхъ другими рассами.

Извѣстный еще со временъ Палласа видъ рыбъ Комафорусъ *(Comaphorus)*, водящихся въ Байкальскомъ озерѣ, судя по характеру строенія, долженъ быть отнесенъ къ обитателямъ глубоководныхъ бассейновъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и ярко желтая окраска тѣла этихъ рыбъ, и широкая усѣянная зубами, пасть, и большіе на выкатѣ глаза. Недавно проф. *Зографъ* нашелъ у одного изъ женскихъ.

---

*) *Пластиды*—бѣлковыя образованія въ растительной клѣткѣ, образующія крахмалъ.

**) *Нуклеинъ*—одно изъ бѣлковыхъ веществъ клѣточнаго ядра.

экземпляровъ этой рыбы яичные мѣшечки, наполненные крошечными (5—6 миллиметр.) рыбками. Желтковый мѣшочекъ ихъ уже почти совершенно исчезъ. Тѣльца рыбокъ были дважды согнуты въ видѣ зигзага. Изъ всего этого можно заключить, что комафоры принадлежатъ къ живородящимъ рыбамъ.

II.

Газы фумаролъ „Монъ-Пелэ". Гипотезы Готье и Зюсса. Международная анкета.

Мартиникская катастрофа, вѣроятно, долго еще будетъ служить объектомъ научныхъ изысканій. Когда подробности и причины этого изверженія выяснятся окончательно, нашъ журналъ посвятитъ ему болѣе обстоятельную статью, которая явится продолженіемъ очерка проф. Левинсона-Лессинга, напечатаннаго въ нашемъ журналѣ въ сентябрьской книжкѣ прошлаго года. Теперь же мы остановимся только на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

По изслѣдованіямъ *Муассана*, сообщеннымъ парижской академіи наукъ въ засѣданіи 15-го декабря прошлаго года, выдѣленія фумаролъ *) мартиникскаго вулкана Монъ-Пелэ содержитъ, кромѣ обычныхъ газовъ, выдѣляющихся при вулканическихъ явленіяхъ, еще значительное количество горючихъ газовъ: водорода, окиси углерода и метана, а кромѣ того, и нѣкоторое количество аргона. Большое содержаніе окиси углерода въ газахъ изверженія Монъ-Пелэ и является причиной гибели столькихъ тысячъ людей во время этой ужасной катастрофы. По поводу этого изслѣдованія Муассана *Арманъ Готье* въ одномъ изъ январьскихъ засѣданій той же академіи указалъ, что указанный составъ газовъ фумаролъ Монъ-Пелэ точь-въ-точь соотвѣтствуетъ смѣси газовъ, образующихся при накаливаніи до краснаго каленія первичныхъ кристаллическихъ породъ, такихъ наприм., какъ граниты, порфиры, офиты и др. Этотъ ученый развиваетъ мысль, что для объясненія образованія вырывающихся при вулканическихъ изверженіяхъ паровъ воды и горючихъ газовъ, равно какъ и поразительной взрывчатой силы ихъ, вовсе не нужно прибѣгать къ предположенію, что морская вода протекаетъ до расправленной магмы и производитъ тамъ различныя химическія реакціи. Эти изверженія газовъ и паровъ вызываются, по мнѣнію Готье, тѣмъ, что отложенія осадочныхъ горныхъ породъ, непрерывно разрушаясь на континентѣ и увеличиваясь на днѣ морей, распредѣляются по поверхности земного шара неравномѣрно; подъ вліяніемъ образующихся при этомъ давленій различной силы, формы внутреннихъ массивовъ также измѣняются, то постепенно, то внезапно, благодаря чему глубокіе пласты породъ при соприкосновеніи съ расплавленной магмой, проникающей черезъ образовавшіяся щели, сами нагрѣваются до температуры нѣсколько сотъ

*) *Фумаролами* называются такія мѣста мѣста ни поверхности еще не остывшей лавы, изъ которыхъ вырываются струи газовъ, главнымъ образомъ, водянаго пара.

градусовъ. При подобномъ нагрѣваніи, изъ породъ и выдѣляются газы, столь характерные для вулканическихъ изверженій.

Эта смѣлая гипотеза о причинахъ вулканическихъ взрывовъ поневолѣ заставляетъ вспомнить о не менѣе смѣлой теоріи, предложенной на послѣднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей знаменитымъ вѣнскимъ геологомъ *Зюссомъ* для объясненія образованія теплыхъ источниковъ.

Зюссъ возвращается къ старымъ воззрѣніямъ и дѣлитъ всѣ подземныя воды на двѣ группы: циркуляціонныя и первичныя. Первыя принадлежатъ земной поверхности; воды, просачивающіяся съ поверхности въ глубь земной коры, составляютъ одинъ изъ видовъ этихъ водъ.

Первичныя же воды, наоборотъ, связаны съ послѣдними фазами геологической эволюціи нашей планеты, онѣ поднимаются на поверхность только въ особыхъ случаяхъ, напримѣръ, при вулканическихъ изверженіяхъ. Карлсбадскіе источники—первичныя воды: они исходятъ изъ гранитной области; щелочныя и другія соли, содержащіяся въ нихъ, не являются продуктомъ разложенія этого гранита, это—остатки отъ тѣхъ реакцій при высокой температурѣ, которыя привели когда-то къ образованію въ этомъ гранитѣ металлическихъ жилъ и выдѣленію кремнекислоты; поваренная же соль, углекислота и другія *растворимыя* тѣла остались и донынѣ въ растворенномъ состояніи, хотя температура и понизилась значительно въ сравненіи съ первоначальной. Эти первичные источники имѣютъ весьма различную температуру, но независимую отъ времени года.

Дѣятельность вулкана Монъ-Пелэ все еще продолжается. Вотъ какъ *Лакруа* описываетъ явленія, наблюдавшіяся имъ въ январѣ текущаго года. Провалы вулканическаго конуса продолжаются, какъ и прежде, благодаря чему вмѣсто одной вершины появились два острыхъ зубца. Лакруа удалось наблюдать очень сильные провалы, не сопровождавшіеся, какъ обыкновенно, появленіемъ пылающихъ газовыхъ тучъ, что показываетъ, что тучи эти обусловливаются не обвалами конуса. 15 дней продолжалась эта относительная тишина, но 21-го и 22-го января изъ вулкана вырвались пылающія тучи. 25-го послѣдовало довольно сильное изверженіе. Пылающая туча слѣдовала по тому же пути, что и въ предыдущіе разы, но только выдѣлила боковую вѣтвь. Лакруа ясно видѣлъ, какъ эта густая туча вышла изъ вершины вулканическаго конуса, который потерялъ при этомъ изверженіи около 30 метровъ высоты; она достигла моря и покатилась по его поверхности. Онъ могъ непосредственно констатировать, какое громадное количество пепла извергнулось тогда въ море. Послѣ того, какъ туча разсѣялась, на поверхности моря остался длинный слѣдъ грязи, становившійся менѣе замѣтнымъ по мѣрѣ удаленія отъ берега. Слой пепла, оставленный этимъ изверженіемъ на берегу моря, у стараго устья рѣки Бѣлой, доходилъ до полуметра, а температура пепла, лежавшаго около моря, черезъ 48 часовъ послѣ изверженія была еще 95° Ц. Подобныя изверженія всегда рѣзко ограничены, и скорость распространенія пылающихъ тучъ такъ велика, что вѣтеръ оказываетъ вліяніе на ея направленіе

только въ концѣ ея пути, благодаря этому главная масса пепла остается въ бассейнѣ рѣки Бѣлой и ея продолженіи въ морѣ. Внѣ этой узкой полосы изверженія послѣднихъ 3 мѣсяцевъ ничѣмъ не отзывается въ остальной части острова.

Печальное богатство прошлаго 1902 года явленіями вулканическими и сейсмическими *) навело двухъ бельгійскихъ ученыхъ на мысль предложить бельгійскому геологическому обществу организовать международную анкету съ цѣлью собрать всѣ факты, касающіеся явленій сейсмическихъ, вулканическихъ, метеорологическихъ, явленій земного магнетизма и физики солнца за 1902 годъ. Такой фактическій матеріалъ далъ бы возможность выяснить вопросъ, существуетъ ли связь между всѣми этими явленіями и если существуетъ, то въ чемъ она проявилась. Подобнаго рода анкета была произведена, напр., послѣ знаменитаго изверженія Кракатау; плодомъ ея явилось капитальное произведеніе «The Eruption of Krakatoa and Subsequent Phenomena» («Изверженіе Кракатау и сопровождавшія его явленія»).

Бельгійское геологическое общество сочувственно отнеслось къ этому предложенію двухъ своихъ сочленовъ. и надо думать, что мартиникская, шемахинская и другія катастрофы 1902 года дождутся такого же полнаго описанія и выясненія, какъ и катастрофа Кракатау.

III.

Увеличеніе силы микроскопа. Спаиваніе стекла съ металлами. Искусственные рубины.

Изъ техническихъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, безспорно, первое мѣсто занимаетъ новый успѣхъ. *Маркони*—безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ, но этому вопросу мы не можемъ отвести въ нынѣшнемъ фельетонѣ достаточно мѣста и поэтому отлагаемъ его до слѣдующаго раза. Теперь же остановимся на интересномъ и важномъ открытіи, сдѣланномъ въ научно-технической лабораторіи фабрики оптическихъ инструментовъ Цейса (въ Іенѣ).

Извѣстно, что увеличительная способность самыхъ лучшихъ микроскоповъ ограничена и не можетъ простираться далѣе $^1/_{5.000}$ миллиметра. Впрочемъ, можно получить и большее увеличеніе, но при этомъ пропадаютъ детали микроскопической картины. Извѣстно, что въ комнатѣ, освѣщенной равномѣрно, не видно тѣхъ пылинокъ, которыя носятся въ воздухѣ, но если въ ту же комнату, нѣсколько затѣненную, ворвется черезъ окно или узкую щель пучокъ свѣта и если къ тому же наблюдатель будетъ смотрѣть сбоку луча (перпендикулярно къ его направленію), то пылинки въ воздухѣ станутъ видны, вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ сдѣлается источникомъ, центромъ отраженнаго свѣта.

---

*) Цѣлый рядъ землетрясеній, которымъ нашъ журналъ посвятитъ въ этомъ году отдѣльный очеркъ.

Значитъ, чтобы лучше видѣть и подробнѣе различать структуру, нужно смотрѣть впотьмахъ на предметъ, освѣщенный пучкомъ бокового свѣта. Въ способѣ, предложенномъ физиками оптическаго института Цейса, микроскопъ ставится въ абсолютно темной комнатѣ и препаратъ освѣщается сбоку помощью особаго конденсатора. При этомъ требуется, чтобы боковой пучокъ свѣта нигдѣ не отражался; для этого его нѣсколько разъ діафрагмируютъ, пропускаютъ черезъ узкую щель и двѣ большихъ стекляныхъ чечевицы и затѣмъ уже съ помощью конденсатора направляютъ сбоку на препаратъ. Авторы испытали свой методъ на такъ называемомъ «рубиновомъ» или «золотомъ» стеклѣ, приготовляемомъ растворенiемъ чистаго золота въ расплавленномъ стеклѣ. По остуженіи такой массы получается прозрачное, желтоватое стекло. Если это желтое золотое стекло нагрѣть вновь ниже температуры плавленія, то оно дѣлается рубиново-краснымъ. Изслѣдованія рубиново-краснаго золотого стекла въ самые сильные микроскопы говоритъ о его полной однородность. Между тѣмъ, самый способъ образованія рубиноваго стекла указываетъ на то, что окраска эта явилась, благодаря возстановленію бывшихъ въ стеклѣ солей золота въ металлическое золото, чрезвычайно размельченное. Это подтвердилось при примѣненіи описаннаго выше метода. Оказалось, что рубиновое стекло, дѣйствительно, содержитъ въ своей массѣ частички возстановленнаго металлическаго золота, которое и обнаруживается въ видѣ мелкихъ крупинокъ въ узкой свѣтовой полосѣ сходящихся лучей конденсатора.

Какъ же велики тѣ частички, которыя этотъ методъ позволяетъ видѣть? Оказывается, что минимальное, различимое въ данномъ случаѣ разстояніе между частицами=шести милліоннымъ милиметра. Эта величина въ 100 разъ меньше длины волны краснаго свѣта и немногимъ только выше размѣровъ молекулъ. Авторы полагаютъ, что, вѣроятно, молекулы бѣлка и молекулы фосфоресцирующихъ тѣлъ могутъ быть видимы при помощи этого метода. Читателямъ ясно, конечно, какое громадное значеніе имѣетъ это открытіе іенскихъ физиковъ. Уже одно то, что мы увидимъ молекулу, превратимъ ее изъ фикціи, изъ «педагогическаго пріема» въ настоящую, осязаемую реальность, ужъ одно это повлечетъ за собою неизмѣримыя послѣдствія. Не говоримъ уже о біологическихъ наукахъ: вся гистологія и эмбріологія могутъ совершенно обновиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Откроются новыя перспективы, новыя обобщенія, выработаются новые символы. А такъ еще недавно, на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, одинъ изъ виталистовъ и метафизиковъ выводилъ ограниченность человѣческаго познанія, между прочимъ, и изъ установленныхъ и, якобы, вѣчныхъ предѣловъ микроскопическаг изслѣдованія.

Другое техническое открытіе, которымъ мы хотимъ подѣлиться, съ читателемъ это—способъ спаивать стекло и фарфоръ съ металлами. Чтобы сообщить эту способность стеклу или фарфору ихъ предварительно металлизируютъ, послѣ чего они становятся способными при помощи олова прочно припаиваться къ металламъ. Платина, въ видѣ смѣси хлористой платины и ромашковой эссенціи наносится кисточкой на тѣ части стекла (предварительно слабо нагрѣтаго),

которыя подлежатъ спайкѣ. Эту смѣсь медленно испаряютъ, а затѣмъ нагрѣваютъ до темно-краснаго каленія; хлористая платина разлагается, и образующійся металлъ пристаетъ къ стеклу. Трубка, платинированная такимъ образомъ, погружается въ слабый растворъ мѣднаго купороса, черезъ который пропускаютъ слабый токъ отъ какого-нибудь элемента (напр., Даніэля). Мѣдь, которая при этомъ отлагается, становится ковкой и плотно пристаетъ къ стеклу.

Окончимъ нашъ фельетонъ сообщеніемъ изъ области искусственнаго полученія минераловъ. *Искусственные рубины*, полученные еще Эбельменомъ, Годэномъ, Фреми и Вернейлемъ, въ видѣ небольшихъ кристалловъ и шестиугольныхъ пластинокъ, вслѣдствіе своей миніатюрности были совершенно непригодны для примѣненія въ ювелирномъ дѣлѣ. Недавно *Муассанъ* сдѣлалъ докладъ въ парижской академіи о новѣйшихъ опытахъ Вернейля надъ полученіемъ искусственныхъ рубиновъ. Путемъ прибавленія глинозема къ расплавленнымъ натуральнымъ рубинамъ Вернейлю удалось постепенно увеличивать эти послѣдніе. Расплавленіе рубиновъ совершается въ гремучемъ газѣ при постоянной температурѣ въ ушкѣ тонкой алюминіевой проволоки. Образующуюся расплавленную каплю посыпаютъ постепенно порошкомъ глинозема, съ примѣсью незначительнаго количества хрома, до тѣхъ поръ пока, не получится масса въ нѣсколько граммовъ. Прибавленіемъ хрома достигается красивое красное окрашиваніе рубиновъ. Этимъ способомъ Вернейлю удалось получить рубины, по твердости и плотности ничѣмъ не отличающіеся отъ натуральныхъ и обладающіе великолѣпной красной флюоресценціей. Наиболѣе удачные образцы такихъ кристалловъ рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ натуральныхъ рубиновъ, даже на глазъ опытныхъ ювелировъ. Но такіе образцы получаются сравнительно очень рѣдко, большинство же кристалловъ выходятъ не совсѣмъ удачными—въ нихъ замѣтна слоистость, различимые подъ лупой пузырьки, а еще чаще свѣтлыя полосы въ мѣстахъ улетучившагося хрома. Если эти недостатки будутъ устранены, то получится возможность фабриковать одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ камней, который иногда цѣнится дороже алмаза одинаковой съ нимъ величины.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ . 1903 г.

Содержаніе: Критика и исторія литературы.— Публицистика.—Исторія всеобщая. — Логика и психологія. — Медицина и гигіена. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. Бѣлинскій. „Полное собраніе сочиненій". Т. VI. — *Ев. Бобровъ.* „Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX в.". — *Г. Брандесъ.* „Скандинавская литература". — *Эр. Ренанъ.* „Собраніе сочиненій". Т. VI.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12-ти томахъ подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова Т. VI. Спб. 1903. Стр. 637. Ц. 1 р. 25 к. Прекрасное изданіе сочиненій Бѣлинскаго, предпринятое г. Венгеровымъ, безостановочно подвигается впередъ, хотя и не съ тою быстротою, которая была предположена и обѣщана. Предполагалось все изданіе закончить въ два года, но по истеченіи двухъ лѣтъ мы имѣемъ всего только шесть томовъ.

Въ новомъ томѣ напечатано до шестидесяти статей, замѣтокъ и рецензій Бѣлинскаго, въ томъ числѣ такія крупныя вещи, какъ разборъ стихотвореній Лермонтова, статьи о Петрѣ Великомъ и о народной словесности, статьи, написанныя для «критической исторіи русской литературы» и др. Бо́льшая часть статей и рецензій (около сорока) напечатана полнѣе, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго. Въ большинствѣ случаевъ возстановлены выпущенныя Кетчеромъ въ изданіи Солдатенкова цитаты, но нѣсколько рецензій напечатаны впервые. Кое-что изъ вновь появившагося въ изданіи Венгерова заслуживаетъ вниманія. Такъ, напримѣръ, статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» предпослано примѣчаніе редакціи, составленное, несомнѣнно, какъ думаетъ г. Венгеровъ, Бѣлинскимъ. Въ этомъ примѣчаніи Бѣлинскій заявляетъ о своемъ намѣреніи издать критическую исторію русской литературы и даетъ программу задуманнойкн иги. Въ книгѣ должны были быть слѣдующія части: общее введеніе, эстетика, теорія русскаго стихосложенія, теорія словесности вообще, взглядъ на народную поэзію вообще, критическое разсмотрѣніе памятниковъ русской письменности отъ ея начала до времени Петра Великаго, исторія книжной русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина и отъ Пушкина «до 1841 года включительно». «Книга,— говорится въ концѣ примѣчанія—выйдетъ въ началѣ слѣдующаго 1842 года и будетъ состоять болѣе, нежели изъ тридцати листовъ комплектнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца, среднимъ и мелкимъ шрифтомъ. Издателемъ вызвался быть одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ» (стр. 64).

Срочная журнальная работа, какъ извѣстно, помѣшала Бѣлинскому исполнить свое намѣреніе, хотя онъ думалъ о немъ до конца своей жизни. Чуждый само-

обольщенія, Бѣлинскій сознавалъ недостаточность своихъ знаній, но и никто изъ тогдашнихъ ученыхъ не казался ему способнымъ написать такую книгу по исторіи русской литературы, въ которой нуждался интеллигентный читатель сороковыхъ годовъ. «Наша нука,—говоритъ Бѣлинскій въ одной изъ впервые перепечатанныхъ рецензій,—доселѣ идетъ какъ-то врознь съ жизнью и современностью. Отсюда необходимо вытекаетъ слѣдующее явленіе: люди, богатые фактическою ученостью, бѣдны мыслью—и ихъ никто не слушаетъ; люди, которымъ доступна идея, обнаруживаютъ недостатокъ въ положительномъ знаніи, безъ котораго умозрительное направленіе не имѣетъ достаточной силы. Но какъ же винить послѣднихъ? Они сами должны учиться» (стр. 356). Подъ первыми Бѣлинскій разумѣлъ ученыхъ педантовъ въ родѣ Шевырева, въ числѣ вторыхъ помѣщалъ, прежде всего, самого себя. Изъ другой впервые перепечатанной рецензіи Бѣлинскаго мы узнаемъ, что одновременно съ обѣщаніемъ издать исторію русской литературы знаменитый критикъ печатно заявилъ о своемъ намѣреніи «современемъ представить читателямъ большую критическую статью о русскихъ грамматикахъ вообще» (стр. 179).

Изъ остальныхъ рецензій, извлеченныхъ г. Венгеровымъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», слѣдуетъ упомянуть еще двѣ. Въ одной Бѣлинскій восхваляетъ заслуги книгопродавца Смирдина, который «произвелъ рѣшительный переломъ въ цѣнности книжнаго товара»; въ другой разносятся тогдашніе русскія азбуки съ ихъ нелѣпыми складами, пошлыми побасенками, лубочными картинками, вздорною моралью и при всемъ томъ чудовищно-огромной цѣной (до семи рублей ассигнаціями).

Примѣчанія редактора занимаютъ около ста страницъ и сами по себя представляютъ большой интересъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть цѣлый экскурсъ, посвященный той роли, которую Бѣлинскій сыгралъ въ литературной судьбѣ Лермонтова. «Во вдохновенномъ пересказѣ «Героя нашего времени»,—говоритъ г. Венгеровъ,—и въ выхваченныхъ съ необыкновенно тонкимъ чутьемъ цитатахъ изъ стихотвореній Лермонтова поэтъ и критикъ какъ бы сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Поистинѣ передъ нами алмазъ въ чудной золотой оправѣ, которая своимъ благороднымъ блескомъ еще больше поднимаетъ красоту драгоцѣннаго камня (с. 563)... Помимо огромной заслуги Бѣлинскаго въ установленіи того тона, который пріобщаетъ читателя къ музыкѣ жгучаго творчества Лермонтова, статьи Бѣлинскаго—по словамъ г. Венгерова,—замѣчательны и по силѣ психологическаго анализа. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ блестящій анализъ психологіи Печорина, который до сихъ поръ остается и самымъ полнымъ, и самымъ тонкимъ, и самымъ вѣрнымъ разборомъ этого сложнаго характера» (с. 564).

Заслуживаетъ вниманія и примѣчаніе редактора къ статьямъ Бѣлинскаго о народной поэзіи, которыя вызвали такъ много упрековъ по адресу знаменитаго критика. По совершенно справедливому замѣчанію г. Венгерова, «мы должны хорошенько проникнуться тѣмъ, что это, дѣйствительно, первая попытка обнять всю совокупность нашей народной словесности. И тогда мы, съ одной стороны, не сможемъ не приклониться предъ силою обобщающей мысли Бѣлинскаго, а съ другой, вполнѣ извинимъ тѣ грубые промахи, въ которые онъ впалъ, пролагая пути въ области абсолютно неизвѣданной (с. 626)... Въ общемъ, статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи, при всѣхъ своихъ недочетахъ, поражаютъ широтою пріемовъ. Такой всеобъемлющей картины всей совокупности русскаго народнаго творчества нѣтъ у насъ и до настоящаго времени. Сила обобщающей мысли Бѣлинскаго сказалась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ» (с. 630).

Въ остальныхъ примѣчаніяхъ нельзя пройти молчаніемъ заявленіе г. Венгерова о томъ, что Бѣлинскій будто бы неточно цитировалъ и «особенно не-

точенъ бывалъ часто въ передачѣ общаго смысла» (с. 583). Это очень важное заявленіе подрываетъ довѣріе къ рецензіямъ Бѣлинскаго, гдѣ сплошь и рядомъ излагается содержаніе книжонокъ и книгъ, извѣстныхъ только записнымъ библіографамъ. Это же заявленіе налагаетъ на г. Венгерова обязанность провѣрять рецензіи Бѣлинскаго и прочитывать разобранныя имъ книги. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ указаннаго примѣчанія напечатано заявленіе совершенно противоположнаго характера. На стр. 610 «одной изъ сильнѣйшихъ сторонъ критическаго дарованія Бѣлинскаго» признается «его замѣчательнѣйшее умѣніе излагать содержаніе разбираемыхъ произведеній».

Кромѣ примѣчаній, къ VI тому приложены портретъ Бѣлинскаго, нарисованный въ 1881 году художникомъ Астафьевымъ, и два снимка съ рукописи статей Бѣлинскаго о народной поэзіи. Слѣдуетъ упомянуть, что третья и четвертая статьи о народной словесности и статья «Идея искусства» напечатаны по подлиннымъ рукописямъ Бѣлинскаго. *С. Ашевскій.*

Проф. Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX го в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Казань, т. I. 1901 г., т. II и III 1902 г. Извѣстный казанскій профессоръ г. Е. Бобровъ давно работаетъ надъ исторіей просвѣщенія въ Россіи. Важнѣйшіе труды его въ этой области «Философія и литература» (Казань, 1898 г.) и «Философія въ Россіи» (Казань, вып. I—V, 1899—1901 гг.) содержатъ въ себѣ много чрезвычайно цѣннаго и интереснаго матеріала, если и не представляющаго собой стройнаго и объединеннаго однимъ научнымъ планомъ историческаго изслѣдованія, то, во всякомъ случаѣ, дающаго богатыя, часто новыя и не использованныя раньше свѣдѣнія для будущей исторіи развитія философскихъ и литературныхъ мнѣній въ Россіи.

Три тома не такъ давно появившихся и носящихъ выше выписанное заглавіе матеріаловъ отличаются тѣмъ же характеромъ чрезвычайно полно и интересно составленныхъ сборниковъ, научное значеніе которыхъ оцѣнитъ каждый спеціалистъ по исторіи русской литературы. Въ I-мъ томѣ, рядомъ со строго научнымъ, снабженнымъ цѣнными библіографическими указаніями и многочисленными пояснительными примѣчаніями, изслѣдованіемъ о поэзіи Д. В. Веневитинова, мы находимъ чрезвычайно интересные матеріаллы для біографіи одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей 1-ой половины минувшаго вѣка—проф. московскаго университета, а затѣмъ эмигранта и католическаго священника В. С. Печерина. Блестящій молодой ученый, протеже извѣстнаго профессора Грефе и министра нар. просв. Уварова, любимый студентами и страстно любившій науку, Печеринъ въ 1836 г. оставилъ службу въ московскомъ университетѣ и покинулъ Россію навсегда. Печеринъ кончилъ мрачнымъ фанатизмомъ средневѣкового монастырскаго пріора. «Среди кровавыхъ вѣстей походовъ и осадъ,—пишетъ Герценъ,—читаю я въ газетахъ, что тамъ-то въ Ирландіи отданъ подъ судъ rever father Vladimir Petcherine, native a Russian—за публичное сожженіе на площади протестантской библіи... Неужели ему легки эти вериги!.. Или онъ часто снимаетъ граненую шапку и ставитъ ее устало на столъ!» (Ibid., т. I, стр. 155).

Изъ другихъ статей и замѣтокъ проф. Е. Боброва заслуживаютъ особеннаго вниманія: цѣнное и проливающее новый свѣтъ на дѣло Полежаева сообщеніе о поэмѣ его «Ималъ Козелъ», интересный сводъ матеріаловъ къ біографіи инспектора студентовъ московскаго университета П. С. Нахимова и рядъ свѣдѣній о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго.

Б. Савинковъ.

Георгъ Брандесъ. Скандинавская литература. Съ портретомъ автора и вступительною статьей. Переводъ съ датскаго подъ редакціей М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1902 г. Широкая популярность въ Западной Европѣ нѣсколькихъ скандинавскихъ писателей, также какъ и нѣсколькихъ русскихъ, ставитъ ихъ въ довольно своеобразное положеніе: и критика, и читатели берутъ отъ нихъ только то, что въ нихъ есть общечеловѣческаго, почти совершенно игнорируя ихъ связь съ родною почвой. Связь эта, если и ощущается, то скорѣе всего, какъ препятствіе къ ясному пониманію, какъ своего рода прирожденный порокъ. Тургеневъ для французовъ, прежде всего, «новеллистъ» изъ кружка Флобера, одинъ изъ пяти участниковъ знаменитыхъ обѣдовъ Маньи, также какъ Ибсенъ, подобно Шекспиру, окончательно сталъ нѣмецкимъ писателемъ. Имѣя возможность по достоинству оцѣнить, какая ничтожная частица писательской личности, положимъ, того же Тургенева обнимается обозначеніемъ «членъ кружка Флобера», мы въ состояніи представить себѣ, какая громадная часть ибсеновскаго генія остается неоцѣненной, если разсматривать его только, какъ автора общечеловѣческихъ характеровъ, какъ изслѣдователя абстрактныхъ психологическихъ и философскихъ проблемъ. И онъ, и Бьернсонъ, и всѣ остальные болѣе или менѣе выдающіеся «сѣверные» писатели всѣми своими корнями сидятъ въ родной землѣ и въ своей литературной дѣятельности очень часто даже не думаютъ ни о какихъ другихъ читателяхъ, кромѣ тѣхъ, которые говорятъ съ ними на одномъ языкѣ. Поэтому книжка Брандеса получаетъ особое значеніе. Она составлена изъ критическихъ статей, собранныхъ на разстояніи тридцати пяти лѣтъ и далеко не одинаковаго достоинства. Ни одна изъ нихъ не даетъ окончательнаго, исчерпывающаго образа того или другого писателя, но зато критикъ стоитъ съ ними на одной, одинаково близкой имъ всѣмъ почвѣ и вводитъ читателя въ пониманіе условій умственной и духовной жизни той среды, которая породила, воспитала и служила объектомъ воздѣйствія для каждаго изъ разбираемыхъ талантовъ. Въ самой ранней статьѣ, относящейся къ 1867 году (это вмѣстѣ съ тѣмъ и первая въ европейской критикѣ попытка дать общую оцѣнку таланта Ибсена), кругозоръ самаго автора еще не выходитъ за предѣлы скандинавской, особенно датской литературы. Масштабомъ и образцомъ литературнаго величія для него еще служатъ Киркегордъ, Эленшлегеръ, Гейбергъ, Палюданъ-Мюллеръ и др., мало знакомые общеевропейской публикѣ писатели. Онъ не совсѣмъ еще пережилъ то романтическое представленіе о поэтичности, которому и Ибсенъ отдалъ обильную дань въ своихъ первыхъ драмахъ на исторически-легендарные національные сюжеты; такимъ образомъ, критикъ особенно восхищается «Претендентами на корону», драмой, которая теперь кажется нѣсколько старомодною, и не въ состояніи еще достаточно оцѣнить такихъ оригинальныхъ произведеній, какъ «Комедія любви» и «Брандъ». Въ позднѣйшихъ статьяхъ его горизонтъ расширяется, онъ вполнѣ овладѣваетъ своимъ методомъ анализа авторской психологіи на фонѣ данной общественной среды. Среда эта—маленькое, замкнутое въ себѣ норвежское общество, вполнѣ довольное своимъ наивнымъ филистерствомъ и глубоко увѣренное въ абсолютной истинѣ своего нравственнаго міровоззрѣнія, — среда эта выковала Ибсена, какъ свою антитезу. Норвегія и Ибсенъ, маленькое «компактное большинство» и крупная индивидуальность, не желающая уступить ни пяди изъ своихъ правъ абсолютной личности, очень рано очутились въ явномъ конфликтѣ. Мелкое лицемѣріе семейно-патріархальнаго быта, которымъ такъ гордится всякое мѣщанское общество, пробудило въ Ибсенѣ сатирика («Комедія любви»); осмѣянные филистры съумѣли отомстить за себя и систематически отравляли автору существованіе. Вскорѣ прибавилось еще одно разочарованіе: контрастъ между отважными патріотическими рѣчами и трусливо-«корректною» политикою по отношенію къ Даніи, когда Пруссія произвела надъ нею насиліе, дополнилъ чашу

негодованія и презрѣнія, и Ибсенъ рѣшилъ отряхнуть съ ногъ прахъ родины. Четверть вѣка велъ онъ жизнь изгнанника, думая, что онъ отнынѣ стоитъ въ мірѣ одинъ, никому ничѣмъ не обязанный, никакими узами не ограниченный въ своей духовной свободѣ. На самомъ дѣлѣ яркіе пейзажи Италіи не могли затмить въ немъ памяти о мрачныхъ и скудныхъ утесахъ Норвегіи; онъ продолжалъ болѣть душой, негодовать, презирать и волноваться. Въ одномъ стихотвореніи онъ признается въ этомъ: «Народъ мой, давшій мнѣ выпить до дна цѣлебный, горькій, укрѣпляющій напитокъ, оживившій поэта въ ту минуту, когда онъ стоялъ на краю могилы,—народъ мой, доставившій мнѣ посохъ изгнанника, возложившій на меня бремя горя и надѣвшій на мои ноги тяжелую обувь заботъ, грустное и торжественное снаряженіе для предстоящаго пути, я посылаю тебѣ издали свой привѣтъ, посылаю его вмѣстѣ со своею благодарностью за всѣ твои дары, съ благодарностью за всѣ испытанныя муки! Ночью и въ моихъ поэмахъ я принадлежу родинѣ». Онъ принадлежалъ ей и въ своихъ драмахъ. Жестокіе, бичующіе монологи Бранда не могли бы пылать такимъ мрачнымъ гнѣвомъ, если бы онъ имѣлъ въ виду малодушіе и эгоизмъ всего человѣчества, а не конкретной группы его. Презрительное мнѣніе дьявола о Перѣ Гинтѣ, котораго по его нравственному ничтожеству онъ находитъ даже недостойнымъ ада, несмотря на всѣ его преступленія, это злая эпиграмма на цѣлый норвежскій народъ. Едва ли во всей европейской литературѣ найдется писатель, который бы лучше умѣлъ изводить самодовольныхъ глупцовъ, чѣмъ Ибсенъ въ серіи своихъ несравненныхъ сатирическихъ драмъ («Союзъ молодежи», «Столпы общества», «Врагъ народа», «Кукольный домъ»), и дѣйствительно онѣ одинаково реальны почти на всемъ протяженіи Европы, но мишень, въ которую мѣтили эти отравленныя стрѣлы, находилась по ту сторону Зунда. Все, что сколько-нибудь возвышается надъ общимъ низменнымъ уровнемъ, претерпѣваетъ въ драмахъ Ибсена трагическую судьбу, на основаніи чего ему часто приписывается пессимистическое міровоззрѣніе. Но Брандесъ остроумнымъ анализомъ выясняетъ, что пессимизмъ Ибсена не имѣетъ общаго философскаго значенія, а заключенъ въ извѣстные предѣлы времени и мѣста: онъ очень дурного мнѣнія о данномъ обществѣ, но не о человѣчествѣ и не безнадежно смотритъ на его будущее. Произведенія послѣдняго періода, такъ называемыя символическія, конечно, не адресованы авторомъ спеціально въ Норвегію; въ нихъ онъ уже рѣдко бичуетъ, а чаще старается только анализировать тайны человѣческаго сердца, но какъ много и въ нихъ чисто норвежскаго, особенно въ женскихъ образахъ. «Женщина съ моря», конечно, не могла бы родиться ни въ одной другой странѣ, кромѣ Норвегіи. Гильда въ «Сольнессѣ» и «Гедда Габлеръ»—это разновидности тѣхъ воинствующихъ женщинъ, которыхъ такъ часто изображаютъ скандинавскія саги, а вслѣдъ за ними и самъ Ибсенъ въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» и другихъ своихъ романтическихъ драмахъ: это женщины, одаренныя могучими духовными силами, которымъ нуженъ исходъ, въ сторону добра или въ сторону зла—это ужъ зависитъ отъ обстоятельствъ.

Почти половина книги Брандеса посвящена Ибсену. Значительная часть по справедливости отдана Бьернсону. Если первый всегда стремился обособиться отъ всего мѣстнаго, такъ что порой нужно нѣкоторое вниманіе, чтобы подмѣтить, какъ это ему плохо удается, зато вся дѣятельность Бьернсона, литературная и общественная, непосредственно вхоитъ, какъ составная часть, въ жизнь норвежскаго общества. Задача критика въ данномъ случаѣ была гораздо легче: нужно было сообщить только тѣ факты в отношенія, къ которымъ примыкаютъ извѣстныя произведенія и дѣйствія Бьернсона. Сравнительно краткіе очерки нѣсколькихъ другихъ скандинавскихъ писателей (въ число ихъ включена и Софія Ковалевская) всѣ читаются съ живѣйшимъ интересомъ, но интересъ этотъ большею частью обусловливается не новизной и цѣлостностью общаго

взгляды на даннаго писателя, а скорѣе отдѣльными остроумными соображеніями, живостью изложенія и, главнымъ образомъ, какъ было уже сказано, рельефнымъ изображеніемъ мѣстной общественной и литературной жизни, безъ котораго характеристика писателя можетъ имѣть только весьма неясныя и гадательныя очертанія. *Е. Дегенъ.*

Собраніе сочиненій Эрнеста Ренана. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Н Михайлова. Томъ VI. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902 г. (Библіотека избранныхъ философовъ). 164 стр. 8°. Шестой томъ собранія сочиненій Ренана заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія: «Происхожденіе языка» (86 стр.) «Что такое нація?» и «Историческія статьи: 1) Участіе семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи. 2) Каѳедра еврейскаго языка въ collège de France. 3) Іудаизмъ, какъ раса и какъ религія. 4) Отрѣшеніе отъ должности профессора collège de France. 5) Письмо Адольфу Геру». Статья о происхожденіи языка (собственно, въ подлинникѣ это отдѣльная книга: мы пользовались 3-мъ изданіемъ 1859 года) занимаетъ добрую половину тома и потому на ней мы остановимъ, главнымъ образомъ, наше вниманіе. Впервые появилась эта работа въ 1848 году, слѣдовательно около 55 лѣтъ тому назадъ. Уже поэтому одному мы не можемъ предъявлять къ ней требованій современнаго языкознанія, какъ ни заманчиво было бы представить разборъ этой книги съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ воззрѣній. Конечно, можно было бы заранѣе сказать, что очеркъ Ренана во многомъ не удовлетворилъ бы современнаго ученаго; но такіе пріемы критики неумѣстны въ данномъ случаѣ. Даже болѣе того, такая критика граничила бы съ неблагодарностью по отношенію къ автору. Ренанъ въ этомъ своемъ очеркѣ не только совершенно правильно отражаетъ научныя воззрѣнія того времени на вопросъ о происхожденіи языка, но даже во многихъ случаяхъ, не соглашась съ господствовавшими тогда мнѣніями, оказывается гораздо ближе къ истинѣ. Большаго требовать отъ него мы не можемъ. Тѣмъ не менѣе современному русскому читателю, незнакомому по большей части съ языкознаніемъ и его исторіей въ истекшемъ XIX вѣкѣ, трудно разобраться самостоятельно въ этомъ вопросѣ и отдѣлить вѣрное отъ невѣрнаго, устарѣвшаго, а потому мы въ своей краткой рецензіи постараемся въ немногихъ словахъ охарактеризовать отношеніе современнаго языкознанія къ вопросу о происхожденіи языка и отмѣтить ошибочность основного воззрѣнія Ренана на этотъ вопросъ.

Происхожденіемъ языка первоначально занимались философы, которые и старались разрѣшить его чисто умозрительнымъ путемъ. Этотъ путь въ общемъ можно представить себѣ въ такомъ видѣ: предполагалось, что человѣкъ первоначально не имѣлъ языка, и затѣмъ ставился вопросъ, какимъ образомъ можно себѣ представить изобрѣтеніе человѣкомъ языка. Само собою разумѣется, что, съ одной стороны, первобытный человѣкъ представлялся обладающимъ способностью производить извѣстнаго рода звуки наравнѣ съ другими животными, съ другой стороны каждый изъ разрѣшавшихъ вопросъ имѣлъ нѣкоторое представленіе о знакомыхъ ему человѣческихъ языкахъ. Такимъ образомъ вопросъ сводился къ тому, какъ изобразить путь человѣка отъ первобытныхъ животныхъ звуковъ къ современнымъ словамъ. И здѣсь главное затрудненіе видѣли въ процессѣ соединенія звука съ опредѣленнымъ значеніемъ. Загадочнымъ представлялась эта именно связь. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему всѣ занимавшіеся вопросомъ о происхожденіи языка, въ большей или меньшей степени всегда были послѣдователями теоріи звукоподражанія. Дѣйствительно, многочисленные примѣры звукоподражательныхъ словъ легче всего поддаются объясненію: здѣсь предметъ называется тѣмъ звукомъ, который онъ издаетъ, и связь между словомъ и значеніемъ настолько ясна, что мы какъ бы видимъ передъ собою происхожденіе даннаго слова. Какъ легко, напр., представить себѣ

возникновеніе слова «кукушка» изъ крика «ку-ку.» Но что же дальше? Изслѣдователи ясно видѣли, что для объясненія возникновенія языка теоріей звукоподражанія необходимо, чтобы всѣ предметы въ мірѣ кричали, издавали звуки. А между тѣмъ, оказывалось, что звукоподражательныхъ словъ въ языкахъ сравнительно вовсе не такъ много. Мы не станемъ уже вдаваться въ подробности теоріи, которыя построялись для разрѣшенія этого труднаго вопроса. Достаточно сказать, что всѣ онѣ такъ или иначе стараются умалить значеніе этого затрудненія, либо расширяя значеніе звукоподражанія даже на такіе случаи, гдѣ предметъ, обозначаемый словомъ, никакого звука не издаетъ, либо съуживая количество первобытныхъ словъ, изъ которыхъ уже далѣе легко могъ развиться современный словарь. Все это не обходится, конечно, безъ натяжекъ, которыя обыкновенно прекрасно подмѣчаются самими изслѣдователями другъ у друга.

Введеніе сравнительнаго метода въ изученіе языковъ и блестящіе результаты основаннаго Францомъ Боппомъ сравнительнаго языкознанія перемѣнили отношеніе ученыхъ къ этому вопросу. Сравнительное языкознаніе дало возможность установить нѣкоторые факты изъ доисторическаго періода существованія языковъ, дало возможность предположить извѣстную послѣдовательность въ развитіи человѣческихъ языковъ вообще, и съ этой точки зрѣнія стало представляться возможнымъ разрѣшеніе вопроса о происхожденіи языка не умозрительнымъ только, а индуктивнымъ путемъ. Центръ тяжести въ вопросѣ о происхожденіи языка перемѣстился на изученіе строенія и исторіи существующихъ языковъ: изученіе силъ, дѣйствующихъ въ языкѣ и на нашихъ глазахъ, гораздо болѣе приближаетъ насъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи языка, нежели построеніе новой теоріи его возникновенія, какъ бы остроумна она ни была. Естественнымъ слѣдствіемъ такого отношенія къ вопросу явилось охлажденіе къ нему. Работы, трактующіе этотъ вопросъ, стали появляться все рѣже и рѣже и къ концу XIX вѣка почти вовсе исчезли изъ обихода. Это не значитъ однако, чтобы вовсе исчезъ интересъ къ вопросу о происхожденіи языка; напротивъ, едва ли найдется хоть одинъ языковѣдъ, который бы не старался выяснить свое отношеніе къ нему, рѣшить его для себя или, по крайндй мѣрѣ, поставить; неблагодарною стала казаться лишь литературная обработка вопроса въ особыхъ трактатахъ: прибавить что-нибудь новое къ высказаннымъ предположеніямъ было уже трудно, а *матеріалъ* для рѣшенія вопроса о происхожденіи языка находился во всѣхъ отдѣлахъ языкознанія. Такимъ образомъ, почти всѣ вопросы языкознанія прямо или косвенно сводились къ вопросу о происхожденіи языка.

Въ предисловіи къ своему очерку Ренанъ самъ характеризуетъ свое, такъ сказать, переходное отношеніе къ вопросу о происхожденіи языка. Онъ задается цѣлью согласовать предшествующія ему теоріи съ послѣдними данными сравнительнаго изученія языковъ. Ренанъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія, но онъ чувствуетъ ясно, что данныя языкознанія еще недостаточны для установленія послѣдовательныхъ стадій развитія языка. Понимаетъ онъ также и то, что при переходѣ отъ одной стадіи къ другой, по эволюціонной теоріи извѣстнаго пошиба, должно понемногу, мало-по-малу прибавляться нѣчто новое. Но откуда же можетъ браться это новое, если его не было раньше? Теорія эволюціи этого не можетъ объяснить. Это затрудненіе и заставляетъ Ренана и на первобытныхъ стадіяхъ языка находить въ немъ все то, что является въ языкѣ позднѣйшемъ. Мысль свою Ренанъ поясняетъ сравненіемъ съ зерномъ, въ которомъ въ возможности уже заключено цѣлое растеніе. Съ этой точки зрѣнія и вопросъ о происхожденіи языка разрѣшается для Ренана очень просто. Въ сущности и вопроса этого для Ренана не существуетъ: языкъ возникъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и человѣкъ немыслимъ безъ языка, какъ соловей немыслимъ безъ своей пѣсни. Въ сущности такое воззрѣніе, какъ видитъ читатель, прямо уничтожаетъ все значеніе эволюціонной теоріи, такъ какъ уже въ самой пер-

вобытной стадіи предполагается то, что нужно вывести эволюціоннымъ путемъ; а въ такомъ случаѣ эта теорія превращается въ простой фокусъ. Однако, спасаютъ эту теорію при помощи другой теоріи, теоріи *органическаго* развитія, по аналогіи съ растеніями и животными. Мы видѣли, что и у Ренана есть зародышъ этой органичвской теоріи въ сравненіи развитія языка съ ростомъ зерна. Полнаго расцвѣта эта теорія достигаетъ нѣсколько позже (напр., у Спенсера).

Таково отношеніе Ренана къ вопросу о происхожденіи языка. Оно, конечно, не можетъ быть признано правильнымъ. То затрудненіе, которое, повидимому, заставляетъ Ренана предполагать возникновеніе языка сразу, вмѣстѣ съ человѣкомъ, въ сущности не существуетъ. Говорить о возникновеніи чего-то новаго не значитъ еще предполагать созданіе этого новаго изъ ничего. И здѣсь, какъ и вездѣ, рѣчь идетъ собственно о превращеніи формъ и вопросъ о происхожденіи языка въ этомъ смыслѣ сводится къ вопросу объ установленіи первоначальной формы языка: а смѣну формъ въ языкѣ мы наблюдаемъ непрерывно. Поэтому мы должны весьма скептически относиться къ теоріи Ренана о происхожденіи языка. Лишь нѣкоторые факты изъ жизни языковъ, установленные тогдашнимъ языкознаніемъ, которыхъ касается Ренанъ въ своей работѣ, можно признать совершенно правильными, а на большинство изъ нихъ въ настоящее время взгляды уже измѣнились. Указать всѣ эти устарѣвшіе взгляды мы, конечно, не можемъ по недостатку мѣста и потому ограничиваемся только общимъ предостереженіемъ читателя не полагаться на мысли Ренана, помня, что съ тѣхъ поръ прошло около 55 лѣтъ, въ теченіе которыхъ языкознаніе далеко ушло впередъ.

Другихъ статей Ренана, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами томѣ, мы коснемся только слегка. Статья «Что такое нація?» представляетъ изъ себя не столько научно-историческое выясненіе этого вопроса, сколько вдохновенную проповѣдь націонализма. «Нація—это душа, духовный принципъ... Нація—это великая солидарность, устанавливаемая чувствомъ жертвъ, которыя уже сдѣланы и которыя расположены сдѣлать въ будущемъ». Въ отдѣлѣ «историческихъ статей» далеко не всѣ соотвѣтствуютъ этому названію. Изъ нихъ мы хотимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя, имѣющія значеніе для біографіи Ренана. «Каѳедра еврейскаго языка въ collège de France» и «Отрѣшеніе отъ должности профессора collège de France»—относятся къ кратковременному профессорству Ренана въ 1862—1864 годахъ, закончившемуся его отрѣшеніемъ отъ должности. Написанныя подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, статьи эти читаются съ большимъ интересомъ.

Что касается самаго перевода на русскій языкъ, то его читать можно, и мысли въ общемъ онъ передаетъ правильно; но нерѣдки и довольно грубые промахи: напр., «части разговора» вмѣсто частей рѣчи (52 стр.), «грегоріанскій» языкъ вмѣсто грузинскаго (54 стр.), «названія чиселъ» вмѣсто числительныхъ (70 стр.), языкъ «пельви» вмѣсто пехлеви (71 стр.) и другія искаженія собственныхъ именъ. Особенно хороша слѣдующая фраза: «Подъ короной св. Этіенна маджары и славяне остались...» (92 стр.), и т. п. *Д. Кудрявскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Голубевъ. „Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи".—*Е. Некрасова.* „Народныя книги въ ихъ 25-лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями".—*Г. Уэльсъ.*—„Предвидѣнія."

П. А. Голубевъ. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Краткій историко-статистическій очеркъ культурной дѣятельности вятскаго зем-

ства въ связи съ дѣятельностью всѣхъ русскихъ земствъ (съ приложеніемъ историко-статистическихъ таблицъ земскихъ бюджетовъ за 1868—1900 гг. по 34 земскимъ губерніямъ и за 1893—1900 гг. по 16 неземскимъ, а также таблицы о грамотности новобранцевъ за 25-лѣтіе, 1874—1898 гг. по каждой изъ 50 губерній). Изданіе вятскаго губернскаго земства. Ц. 50 к. Дополненное русское изданіе книги г. Голубева, первоначально напечатанной на французскомъ языкѣ для парижской выставки 1900 года, является какъ нельзя болѣе своевременнымъ и умѣстнымъ не только потому, что наша литература о земствѣ отличается крайнею скудостью обобщающихъ изслѣдованій, но и по соображеніямъ злободневнаго характера. Теперь, когда земская среда пробуждается отъ тяжелаго сна и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, нападки на земскія учрежденія становятся особенно многочисленными и страстными,—строго объективные цифровые итоги земской работы пріобрѣтаютъ громадное практическое значеніе, какъ самый убѣдительный и достойный отвѣтъ на разнообразныя измышленія реакціонеровъ. Такой отвѣтъ и даетъ трудъ г. Голубева. Авторъ съ обычнымъ искусствомъ разработалъ обильный статистическій матеріалъ по вопросу о культурной дѣятельности русскаго земства и, постоянно оставаясь на почвѣ безстрастныхъ и безспорныхъ цифръ, въ живомъ изложеніи съумѣлъ показать, какую огромную энергію способна развить, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, общественная самодѣятельность. По вѣрному замѣчанію г. Голубева, на долю земства, при его возникновеніи, выпала гигантская работа, требовавшая не одной хозяйственной опытности, но и организаторскихъ талантовъ и даже творчества. Приходилось не столько обновлять старое, сколько пересоздавать все заново, такъ земскія учрежденія получили ничтожное по части капиталовъ и хозяйственнаго опыта и громадное, почти неизмѣримое—по части нуждъ народа. Но и съ положительнымъ наслѣдствомъ было не легко справиться. Капиталы были разбросаны по различнымъ вѣдомствамъ; учрежденія, больницы, богадѣльни находились въ самомъ жалкомъ и безпорядочномъ состояніи; повинности лежали исключительно на крестьянскомъ населеніи и отбывались «натурою»... Такова была область такъ называемой обязательной дѣятельности земства, но еще больше предстояло ему созидательной работы въ области, по закону для него необязательной: школьное дѣло, народное здравіе, борьба съ эпизоотіями, развитіе промышленности, торговли, земледѣлія и т. п. задачи культурнаго характера открывали первымъ земскимъ дѣятелямъ необозримое и совершенно невоздѣланное поле для приложенія силъ и знаній. Въ этой области земскіе люди должны были проявить уже не столько хозяйственную опытность и обширныя свѣдѣнія, сколько убѣжденность и твердую вѣру въ наступленіе лучшаго порядка вещей. И земство не остановилось предъ тяжелыми матеріальными жертвами, чтобы создать и развить тѣ учрежденія, которыя носятъ въ себѣ залогъ дальнѣйшаго прогресса и силы. Просматривая таблицу земскихъ бюджетовъ съ 1868 по 1900 гг., мы видимъ, что культурныя потребности народа постепенно занимаютъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ земскихъ расходныхъ смѣтахъ. Мы приведемъ только нѣкоторыя цифры изъ обширной таблицы, составленной г. Голубевымъ, но и этихъ цифръ вполнѣ достаточно для того, чтобы выяснить направленіе, въ которомъ эволюціонируютъ земскіе бюджеты.

Земскіе расходы въ процентныхъ отношеніяхъ.

Годы	Обязательн. расходы	На народн. здравіе общественн. призрѣніе	На народное образованіе.
1868	86,7	8,2	5,1
1880	63,4	21,7	14,9
1890	56,5	27,7	15,3
1900	53,3	29,3	17,4

Такимъ образомъ, необязательные по закону, но необходимые по условіямъ народной жизни расходы земскихъ учрежденій непрерывно возрастаютъ на счетъ такихъ обязательныхъ, но малопроизводительныхъ затратъ, какъ содержаніе крестьянскихъ учрежденій, оплата квартирныхъ помѣщеній чиновъ полиціи и т. п. Не входя въ болѣе детальный анализъ земскихъ бюджетовъ, мы остановимся только на тѣхъ средствахъ, которыя земство затрачиваетъ на распространеніе народнаго образованія. Въ этой области земское самоуправленіе занимаетъ первое мѣсто. Изъ общаго расхода въ 25 милліоновъ рублей, которымъ выражается ежегодная стоимость начальнаго народнаго образованія въ Россіи, земство даетъ 30 проц.; затѣмъ слѣдуютъ сельскія общества и волости (21 проц.), государство (14 проц.), города (13 проц.) и т. д. Слѣдовательно, земство тратитъ на начальную школу только въ 34 губерніяхъ почти въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ государство на всю имперію. Въ результатѣ, земскія губерніи значительно превосходятъ неземскія по степени грамотности и даже нѣкоторой образованности населенія. Г. Голубевъ разработалъ, кромѣ обычныхъ данныхъ школьной статистики, очень любопытный матеріалъ статистики новобранцевъ, которая указываетъ точное число призываемыхъ молодыхъ людей, дипломированныхъ свидѣтельствами объ окончаніи курса начальной школы. Итоги разработки сгруппированы авторомъ въ слѣдующей таблицѣ.

	Показатель образованія (учащихся на 1.000 насел.)				Дипломированныхъ новобран. (% къ ихъ общему числу)			
	1869 г.	1885 г.	1896 г.	1898 г.	1874 г.	1884 г.	1894 г.	1898 г.
Земскія 34 губ.	5,8	28,1	34,1	40,2	0,42	3,10	10,50	13,24
Неземскія 13 губ.	5,6	16,1	24,8	30,8	0,28	2,30	3,20	5,77

Эта таблица чрезвычайно ярко рисуетъ картину благотворнаго воздѣйствія общественнаго самоуправленія. Въ 1869 году показатель образованія и въ земскихъ, и въ неземскихъ губерніяхъ стоялъ приблизительно на одинаковомъ уровнѣ, но уже черезъ пятнадцать лѣтъ губерніи, гдѣ населеніе самостоятельно стало удовлетворять мѣстныя нужды, далеко обогнали губерніи, оставшіяся подъ бюрократическою опекою. Тотъ же выводъ даютъ и цифры о новобранцахъ. Изъ земскихъ губерній идетъ въ армію почти втрое больше молодыхъ людей, получившихъ хотя и низшее, но законченное образованіе. Слѣдовательно, не только по числу школъ, по количеству учащихся, по степени обезпеченности учащихъ, но и по степени успѣшности просвѣтительной работы самодѣятельность населенія стоитъ гораздо выше административнаго попеченія. И чѣмъ больше слои народа получаютъ возможность принимать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, тѣмъ успѣшнѣе и шире культурная работа общественныхъ учрежденій. Въ послѣдующее время, когда вопросъ о мелкой земской единицѣ заставилъ подумать объ общественной цѣнности крестьянства, неоонократно высказывалось опасеніе, что сельскій обыватель окажется слишкомъ темнымъ, чтобы правильно понять свои истинные интересы. Дѣятельность вятскаго земства, которому г. Голубевъ посвятилъ главную часть своего труда, совершенно опровергаетъ недовѣрчивое отношеніе къ крестьянской массѣ. Какъ извѣстно, вятское земство отличается отъ другихъ нѣкоторыми своеобразными чертами: въ составѣ земскихъ гласныхъ почти всѣхъ 11-ти уѣздовъ преобладаютъ крестьянскій, мелкопомѣстный и отчасти служилый элементы; послѣдній безъ личнаго ценза, а по довѣренностямъ землевладѣльцевъ, большею частью не живущихъ въ губерніи. По земскому «положенію» 1864 года изъ 218 уѣздныхъ гласныхъ Вятской губерніи 107 являлись представителями сельскихъ обществъ. «Положеніе» 1890 года еще болѣе усилило крестьянское представительство: теперь, при общемъ числѣ уѣздныхъ гласныхъ — 190, крестьяне даютъ 100 гласныхъ. Много крестьянъ и мѣщанъ находится также и въ составѣ гласныхъ отъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ.

Такой же характеръ земское представительство носитъ и въ губерніяхъ Пермской, Вологодской и Олонецкой. Казалось бы, что мужицкія земства глухихъ, не столь отдаленныхъ, но и не близкихъ къ культурнымъ центрамъ мѣстностей будутъ служить только примѣромъ неудачнаго веденія земскаго хозяйства и непониманія широкихъ задачъ самоуправленія. Однако, въ дѣйствительности, дѣло обстояло и обстоитъ далеко не такъ, какъ кажется защитникамъ культурныхъ классовъ и ихъ преобладающей роли. Крестьянскія земства съ первыхъ же лѣтъ особенное вниманіе начали обращать на удовлетвореніе народныхъ нуждъ въ просвѣщеніи, медицинѣ и на экономическія мѣропріятія, касающіяся, главнымъ образомъ, крестьянства. Такъ, уже въ первый годъ своего существованія вятскія земства затрачивали на медицину и народное образованіе 12 и 12,6 проц. своего бюджета, между тѣмъ какъ общій расходъ по всѣмъ 33-ти земствамъ, изъ которыхъ 28 существовали тогда уже 4-ый годъ, равнялся: на народное образованіе только 5,1 проц. и на медицину—8,3 проц. Дальнѣйшая дѣятельность вятскаго земства шла въ томъ же направленіи усиленнаго вниманія къ первостепеннымъ нуждамъ большинства населенія. Въ настоящее время Вятская губернія занимаетъ среди земскихъ губерній пятое мѣсто сверху по числу дипломированныхъ новобранцевъ и четвертое—по суммѣ расходовъ на народное образованіе, падающей на 1 душу населенія.

Въ процентномъ же отношеніи расходы вятскаго земства на просвѣщеніе народа до сихъ поръ, какъ и раньше, превышаютъ расходы другихъ русскихъ земствъ. Кромѣ того, вятское земство дѣлаетъ энергичныя усилія и къ внѣшкольному образованію народа. Безплатныя библіотеки-читальни, учрежденіе книжной торговли въ уѣздахъ, воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и картинами,—всѣ эти обычныя средства внѣшкольнаго образованія дополняются въ Вятской губерніи безплатной раздачей книгъ населенію и изданіемъ земствомъ народной газеты («Вятская Газета»). За пять лѣтъ, съ 1895 по 1900 г.г., земство безплатно пустило въ крестьянскую среду болѣе 120 тысячъ экземпляровъ различныхъ изданій, содержаніе которыхъ не только доставляетъ читателямъ эстетическое наслажденіе, но и способствуетъ разсѣянію деревенской темноты. Ту же цѣль изслѣдуетъ и земская газета, программа которой заключаетъ, а) правительственныя распоряженія, б) хозяйственную жизнь губерніи и Россіи, в) земское хозяйство, продовольственное и страховое дѣло, г) статьи по медицинѣ и ветеринаріи, д) народное образованіе, е) историко-литературный отдѣлъ. Газета печаталась въ 1899 г. въ количествѣ 7.267 экземпляровъ. Крестьяне, какъ показали спеціальные опросы читателей, относятся съ самымъ живымъ сочувствіемъ къ изданію, которое знакомитъ ихъ съ жизнью окружающаго міра. Мы не будемъ касаться дѣятельности вятскаго земства въ области распространенія профессіональнаго образованія и содѣйствія сельскохозяйственной и кустарной промышленности, хотя и здѣсь работа крестьянскаго земства отличается энергіей, оригинальностью и жизненностью. Но использовать въ краткой рецензіи огромный цифровой матеріалъ, собранный г. Голубевымъ, нѣтъ возможности. Мы надѣемся, что сказанное вполнѣ выяснятъ характеръ и значеніе разсматриваемаго труда.

Въ заключеніе, мы только отмѣтимъ ненужную, по нашему мнѣнію, и несправедливую народническую оцѣнку культурности населенія промышленныхъ губерній. Изъ того факта, что число дипломированныхъ новобранцевъ въ Вятской губерніи превышаетъ число ихъ во Владимірской, Московской, Костромской, Тверской и многихъ другихъ фабричныхъ губерніяхъ, г. Голубевъ считаетъ возможнымъ дѣлать выводы о болѣе правильномъ и естественномъ развитіи народной жизни въ земледѣльческой Вятской губерніи, о пріобрѣтеніи ея населеніемъ болѣе прочныхъ знаній и т. п. Однако, если мы примемъ во вниманіе, что по числу грамотныхъ фабричныя губерніи стоятъ далеко впереди Вят-

ской, то едва ли признаемъ какія-либо преимущества за тѣмъ экономическимъ типомъ, который представляетъ вятское крестьянство. Притомъ дипломъ начальной школы, какъ и другіе дипломы, является слишкомъ сомнительнымъ показателемъ «прочности» знаній. Дѣти фабричныхъ, принужденныя съ раннихъ лѣтъ стать за работу, не окончили школы и не получили диплома только по невозможности продолжать образованіе. Дѣти «хозяйственнаго мужичка» прошли весь курсъ и увѣнчаны желаннымъ свидѣтельствомъ IV-го разряда. Но культурный уровень тѣхъ и другихъ и даже запасъ ихъ свѣдѣній вовсе не опредѣляется дипломомъ. Впрочемъ, старо-народническое послѣсловіе г. Голубева нисколько не обезцѣниваетъ его выдающейся работы, единственнымъ серьезнымъ недостаткомъ которой является форма отрывочныхъ очерковъ, препятствующая послѣдовательному развитію общихъ взглядовъ автора на земскую дѣятельность и нѣсколько затрудняющая ознакомленіе съ матеріаломъ. *Ник. Іорданскій.*

Е. Некрасова. Народныя книги для чтенія въ ихъ 25-ти лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Вятка. Ц. 40 к. Разсматриваемая брошюра представляетъ воспроизведеніе статьи, напечатанной г-жой Некрасовой въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ («Сѣверн. Вѣстн.» 1889, кн. 5, 6 и 7). Авторъ не сдѣлалъ для отдѣльнаго изданія никакихъ измѣненій и дополненій. Такимъ образомъ, г-жа Некрасова совершенно не даетъ свѣдѣній о послѣднемъ пятнадцатилѣтнемъ періодѣ народнаго книгоиздательства, который является наиболѣе оживленнымъ и поучительнымъ. Въ сущности, этотъ пробѣлъ настолько серьезенъ, что мы даже затрудняемся опредѣлить мотивы, побудившіе г-жу Некрасову выпустить въ свѣтъ свою устарѣвшую статью; повидимому, ея появленіе объясняется только тѣмъ, что авторъ не только набрасываетъ историческій очеркъ народной литературы, но и выставляютъ программу какъ издательской, такъ отчасти и общественной дѣятельности. Очевидно, г-жа Некрасова полагаетъ, что ея программа до сихъ поръ сохраняетъ жизненное зчначеніе, очевидно, такое мнѣніе раздѣляется и другими: вѣдь, нашлись же издатели, найдутся, вѣроятно, и читатели... Поэтому, мы считаемъ нелишнимъ остановиться на предложеніяхъ и призывахъ, съ которыми авторъ обращается къ русскому обществу и русской интеллигенціи. Бѣглый обзоръ народныхъ изданій съ 1861 по 1889 гг. приводитъ г-жу Некрасову къ неутѣшительнымъ выводамъ. Вопреки распространенному мнѣнію о недостаточномъ количествѣ книгъ для народнаго чтенія, оказывается, что такихъ книгъ существуетъ уже больше нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Петербургскій и московскій комитеты грамотности, общество распространенія полезныхъ книгъ, коммиссіи народныхъ чтеній, наконецъ, частныя издательскія предпріятія выпустили за 25 лѣтъ очень много народныхъ книгъ, только всѣ эти книги не могли конкурировать съ лубочною литературою и, за немногими исключеніями, страдаютъ весьма существенными недостатками. Даже «Посредникъ», при всемъ его успѣхѣ, не далъ народу той книги, которая наиболѣе нужна, и не вытѣснилъ лубочныхъ изданій. Гдѣ же и въ чемъ лежитъ причина неудачи двадцатипятилѣтняго похода противъ лубочниковъ? По словамъ г-жи Некрасовой, основная причина неудачи та же, что и всѣхъ другихъ нашихъ благихъ начинаній: отсутствіе хорошо, основательно выработаннаго плана, незнакомство съ дѣломъ, незавидная русская способность быстро воспламеняться и еще быстрѣе охладѣвать. «У насъ не хватаетъ постоянства, нѣмецкаго упорства, терпѣнія на борьбу, которой требуетъ всякое новое дѣло». Кромѣ того, въ незначительныхъ результатахъ народнаго книгоиздательства виновата и интеллигенція, которая, «хотя и признавала дѣло торговли народною книгою благороднымъ дѣломъ, но больше теоретически, спуститься же до положенія офени, чтобы въ самомъ дѣлѣ взвалить на плечи коробъ и идти по деревнямъ—все же не хватало отваги». Прелесть этого упрека въ недостаткѣ отваги станетъ особенно ясною,

если мы укажемъ, что г-жа Некрасова говоритъ здѣсь о семидесятыхъ годахъ, этомъ героическомъ періодѣ въ исторіи русской интеллигенціи. Какъ бы то ни было, но интеллигенція конца восьмидесятыхъ годовъ кажется г-жѣ Некрасовой болѣе отважной и, для окончательнаго пораженія лубочниковъ, она рекомендуетъ «взять всецѣло дѣло изданія и торговли народною книгою въ руки интеллигенціи... не брезгуя ни стояньемъ за прилавкомъ, ни даже хожденіемъ по деревнямъ въ качествѣ офени». «Теперь для многихъ дѣлъ торговли народною книгою кажется не только не грязнымъ, а скорѣе «святымъ» дѣломъ. Охотниковъ найдется не мало... Итакъ, съ Богомъ! За то великое дѣло, которое такъ давно ждетъ своего осуществленія!» заканчиваетъ г-жа Некрасова свою статью.

Эти слова были написаны въ 1889 г., мы знаемъ, что они были голосомъ въ пустынѣ, и убѣждены, что, если авторъ разсчитываетъ повтореніемъ призыва въ 1903 году достигнуть иныхъ результатовъ, то его опять ждетъ разочарованіе. Самая постановка вопроса у г-жи Некрасовой страдаетъ непоправимымъ недостаткомъ. Вытѣсненіе лубочной литературы не можетъ быть цѣлью; оно должно явиться косвеннымъ слѣдствіемъ борьбы, и самой широкой борьбы, съ народнымъ невѣжествомъ, съ народнымъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ. Только въ восьмидесятые годы, въ прославленную эпоху малыхъ дѣлъ и незамѣтныхъ героевъ, борьба съ лубочниками могла вырасти во что-то великое и святое. Къ счастью, то время прошло. Лубочная литература вовсе не стоитъ теперь въ ряду враговъ русскаго народа, и не противъ нея ведетъ теперь борьбу русская интеллигенція. Мы даже склонны думать, что вопросъ о народномъ книгоиздательствѣ, бывшій такимъ жгучимъ въ восьмидесятыхъ годахъ, если не разрѣшенъ, то уже близокъ къ разрѣшенію. Дѣло въ томъ, что г-жа Некрасова, очевидно, не представляла себѣ ясно, что литературное произведеніе—одинъ изъ фактовъ соціальной жизни, судьба котораго опредѣляется отношеніемъ къ нему соціальной среды даннаго момента и даннаго развитія.

Напримѣръ, г-жа Некрасова очень недовольна успѣхомъ народныхъ сочине-Л. Н. Толстого. «Они не только не двигаютъ впередъ ни мысль, ни чувство, они отвращаютъ человѣка отъ жизни... Не противься врагу... молчи... терпи... Отъ тебя требуется одна добродѣтель—терпѣніе и пассивность!» Г-жа Некрасова замѣчаетъ, что такіе принципы обращаютъ самую жизнь въ смерть, живого человѣка—въ автомата. Между тѣмъ, разсказы Л Н. Толстого—единственныя произведенія художественной литературы, которыя побиваютъ лубочныя изданія. Причины этого лежатъ, конечно, совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г-жа Некрасова, а въ особенностяхъ народнаго міросозерцанія. Г. Лохтинъ, въ своемъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства, прямо называетъ современныхъ сельскихъ обывателей «манекенами», самодѣятельность которыхъ подавлена средневѣковыми формами быта. Слѣдовательно, успѣхъ проповѣди пассивной морали, какъ и успѣхъ лубочной литературы, кстати сказать, эксплуатирующей преимущественно мотивы средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ, объясняется средневѣковымъ уровнемъ развитія русскаго народа. Поскольку сельское и городское населеніе освобождается отъ ветхихъ узъ, поскольку оно пріобщается къ современной культурѣ, постольку оно забываетъ лубочную стряпню и научается находить лучшую духовную пищи, постольку и лубочные издатели измѣняютъ характеръ своей дѣятельности, что отмѣтила уже и сама г-жа Некрасова. Народное книгоиздательство послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, не разсмотрѣнныхъ г-жа Некрасовой, вполнѣ подверждаетъ нашу мысль. Изданія гг. Рубакина, Слѣпцовой, Раппа и Головкина, вятскаго земства и мн. другихъ далеко не похожи на жалкія поддѣлки подъ народный языкъ прежняго времени. По словамъ г-жи Алчевской («Рус. Б.» январь, 1903), народился «новый читатель, чувствующій и мыслящій точно такъ же, какъ и

мы». Это наступающее единство народной и интеллигентной мысли и чувства только одно способно разрѣшить вопросъ о народной литературѣ, такъ какъ, при разницѣ міропониманія, ни интеллигенція не можетъ понять народа, ни народъ—ее. Итакъ, не борьба съ лубочниками и подворотными издателями, а широкая борьба съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ народной массы, съ отжившими формами быта,—вотъ та задача, которая стоитъ предъ современной интеллигенціей и процессъ разрѣшенія которой, несомнѣнно, отвлечетъ послѣднюю отъ «святого» стоянья за прилавкомъ и ношенія короба за плечами, предлагаемыхъ во второй разъ неутомимою г-жою Некрасовой.

Ник. Іорданскій.

Г. Уэльсъ. Предвидѣнія. Переводъ съ англійскаго А. Карринъ. Москва. 1902 года. Цѣна 1 р. 50 к. Уэльсъ—талантливый авторъ фантастическихъ произведеній, посвященныхъ изображенію жизни человѣческаго общества въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Яркій полетъ фантазіи, всегда, однако, ограниченной рамками возможнаго, блестящій соціальный и психологическій анализъ, своеобразный реализмъ, подсказанный тонкимъ художественнымъ чутьемъ, наконецъ, недюжинное литературное дарованіе, всѣ эти качества доставили Уэльсу широкую популярность не только въ Англіи, классической странѣ фантастическихъ произведеній, но и на континентѣ; почти всѣ его произведенія переведены также и на русскій языкъ. Въ новой своей книгѣ Уэльсъ рѣшительно отказывается отъ беллетристической формы, которая не удовлетворяетъ его своей несовмѣстимостью съ серьезными индуктивными предсказаніями будущаго; свой эскизъ того грядущаго, для котораго «люди живутъ и умираютъ», англійскій авторъ предполагаетъ построить, опираясь на строго научныхъ данныхъ. Точное заявленіе его книги таково: «Предвидѣнія о воздѣйствіи прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль».

Предвидѣнія Уэльса обнимаютъ будущую жизнь со стороны технической, соціальной, политической и психологической; наиболѣе интересными являются у него предвидѣнія характера соціальнаго. Соціальное разслоеніе будущаго человѣческаго общества (рѣчъ идетъ о 2000 годѣ) представляется англійскому писателю въ такомъ видѣ: 1) акціонеры—безотвѣтственные собственники-капиталисты, классъ непродуктивный, неорганизованный, безполезный, обреченный на гибель; 2) «затонувшая» часть общества—пролетаріатъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, безпомощные бѣдняки, образующіе ту широкую базу необученныхъ рабочихъ, въ которыхъ, благодаря чрезвычайно развитой техникѣ, не будетъ болѣе существенной надобности,—классъ неорганизованный, обреченный на гибель; 3) инженеры, техники, вообще люди, обладающіе широкой спеціальной и общей подготовкой,—классъ болѣе или менѣе способныхъ людей, сознательно примѣняющихъ къ общимъ нуждамъ накопляющіеся запасы знаній, классъ, стремящійся организоватся въ систему взаимно-солидарныхъ образованныхъ классовъ съ общими цѣлями, удача или неудача которыхъ составляетъ вопросъ будущаго, и 4) торговцы, чиновники и др.—многочисленный классъ людей, живущихъ непроизводительнымъ трудомъ, благодаря общественной неурядицѣ.

Классы эти безсознательно образуются уже и теперь, но развитіе ихъ стѣсняется еще старыми традиціями; въ будущемъ, въ силу естественнаго хода вещей, всѣ эти общественные элементы придутъ въ столкновеніе друга съ другомъ, ближайшимъ поводомъ къ чему можетъ послужить большая европейская война.

По мысли Уэльса, побѣда останется за третьимъ изъ указанныхъ выше классовъ, который и перестроитъ общественную жизнь по своему плану. Классъ этотъ опрокинетъ перегородки политическія и національныя, перекроитъ карту земного шара, преобразуетъ внѣшнія сообщества людей согласно удобствамъ производства и транзита. Внутреннія отношенія людей между собою также преобразу-

ются, причемъ въ основу этого преобразованія будетъ положена абсолютная автономія личности, граничащая съ анархіей. Полноправными членами будущаго общества явятся люди всѣхъ расъ земного шара, способные проявить качества, которыми характеризуется указанный третій классъ, остальные люди обречены на вымираніе, чему будутъ способствовать нѣкоторые обычаи и законы новаго общеста.

Прогнозъ будущаго, предложенный Уэльсомъ въ своей книгѣ, нельзя не признать нуждающимся въ очень обстоятельныхъ коррективахъ. Недостатокъ его предвидѣній состоитъ прежде всего въ томъ, что имъ взята слишкомъ узкая база для созданія синтеза грядущей общественности: онъ учитываетъ лишь «воздѣйствіе прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль»; все прочее у него остается въ тѣни. Изреченіе: «Homo hominі res sacra»—не входитъ составной частью въ катехизисъ Уэльса, его будущее человѣчество довольствуется другимъ изреченіемъ: «Homo hominі lupus». Несмотря, однако, на свою односторонность, «Предвидѣнія» Уэльса читаются съ большимъ интересомъ и способны сыграть роль возбудителя многихъ чрезвычайно полезныхъ и поучительныхъ мыслей. *М. Славинскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Фер. Грегоровіусъ. „Исторія города Рима въ средніе вѣка“.—*Эразмъ Ротердамскій.* „Похвала глупости“.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V по XVI столѣтія). Съ 4 нѣмецкаго изданія съ дополненіями по новому (1900 г.) итальянскому переводу. Перевелъ М. П. Литвиновъ. Т. I й. Съ портретомъ автора и 79 иллюстраціями. Спб. 1903. 447 стр. Ц. 2 р. 50 к. Три года тому назадъ нашъ журналъ отмѣтилъ появленіе русскаго перевода «Исторіи Аѳинъ въ средніе вѣка» того же автора (см. «М. Б.», 1900 г., апрѣль). Мы не могли не замѣтить тогда, что историческая роль Аѳинъ *въ средніе вѣка* была такъ ничтожна, что для неспеціалистовъ подробная исторія ихъ особаго интереса не можетъ представить. Совсѣмъ иное нужно сказать о средневѣковой исторіи Рима. Римъ въ средніе вѣка явился духовнымъ объединителемъ полуварварскаго, разноплеменнаго европейскаго человѣчества. Для историка европейской культуры «святы» его старые *камни* (пользуемся этимъ выраженіемъ, которое—совершенно независимо другъ отъ друга—употребляли Рескинъ и Достоевскій, одинъ примѣняя его къ Венеціи, другой—устами Версилова въ «Подросткѣ»,—вообще, къ Европѣ). Камни Рима говорятъ о многовѣковыхъ историческихъ наслоеніяхъ, о цѣлыхъ огромныхъ отдѣлахъ всемірной исторіи, — и одинъ изъ этихъ отдѣловъ обстоятельно былъ разработанъ покойнымъ нѣмецкимъ ученымъ. Первый томъ новаго русскаго перевода его знаменитаго труда лежитъ теперь предъ нами. Будетъ ли г. Литвиновъ счастливѣе перваго переводчика, В. И. Савина, не окончившаго начатаго предпріятія въ концѣ 80-хъ гг.? Въ интересахъ русскаго читающаго общества, отъ души пожелаемъ г. Литвинову благополучно перевести всѣ томы «Исторіи Рима». Переводъ г. Савина былъ имъ изданъ всего въ 500 экземплярахъ, и то за два года во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга разошлось всего «десятка два экземпляровъ» (см. «Ист. гор. Рима», переводъ В. И. Савина. Спб. 1888. Т. I, предисловіе переводчика, стр. I). Будемъ надѣяться, что теперь книга Грегоровіуса встрѣтитъ у насъ болѣе достойный ея пріемъ. Это произведеніе отличается не только художественностью изложенія, не только значительностью темы, не только всѣми достоинствами первокласснаго изслѣдованія по исторіи

культуры, но и тою особенною, *внутреннею* красотою, которая дается только искреннею любовью автора къ своему дѣтищу. Грегоровіусъ—энтузіастъ Рима и римской исторіи, для него слова «Roma caput mundi» etc.—полны глубокаго смысла. Въ частности, первый томъ посвященъ археологическому и топографическому описанію города въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, и исторіи вторженій въ него варварскихъ племенъ вплоть до появленія въ предѣлахъ полуострова лонгобардскихъ полчищъ. Полтора столѣтія слишкомъ (отъ V в. до половины VI) крови, бѣдствій, крушеній прошлаго, мучительныхъ нарожденій чего-то новаго, неизвѣданнаго,—провалъ и смерть всемірной имперіи, молодыя варварскія государства—все это въ живомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ясномъ, незатемненномъ калейдоскопѣ проходитъ предъ читателемъ на фонѣ страданій и конвульсій «вѣчнаго города». Впрочемъ, рекомендовать Грегоровіуса совершенно излишне, — онъ въ этомъ вовсе не нуждается: онъ нуждается только въ томъ, чтобы его взяли въ руки и начали читать, — а тамъ ужъ каждая страница его будетъ говорить за себя сама.

Скажемъ только нѣсколько словъ о русскомъ изданіи книги. Оно сдѣлано, въ общемъ, хорошо,—и переводъ намъ показался литературнымъ. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, есть въ немъ и недостатки. У насъ для сличеній было подъ руками не то именно нѣмецкое изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ, — но все же мы усомнились въ точности кое-какихъ мѣстъ. Напр., въ нашемъ изданіи Грегоровіусъ (въ началѣ 2-й главы) говоритъ: «Waren die Tempel Rom's nur verödet und ihre Götter hinter verschlossenen Thüren in die Einsamkeit der Zellen verbannt?» А въ русскомъ переводѣ читаемъ: «Были ли храмы Рима только забыты и покинуты и ихъ боги стояли одинокими за закрытыми дверями, какъ заключенные въ тюрьму?» Слова подлинника «was Rom verschönte» (въ той же 2-ой главѣ) переведены (стр. 57) такъ: «что служило къ публичному (?) украшенію Рима». Дополнять подлинникъ тутъ вполнѣ излишне. Слова (въ 3-ей главѣ): «Seit dem Triumfzug des Diokletian und des Maximian im Jahre 303 *war die Stadt nicht von gleich grosser Freude bewegt gewesen*», переведены (стр. 107): «Со времени тріумфальнаго шествія Діоклетіана и Максиміана въ 303 году городъ *не видѣлъ ничего подобнаго*». Это очень ужъ далеко отъ точности... Въ концѣ 4-ой главы очень неточно. съ пропускомъ цѣлыхъ выраженій и словъ («verblichner Name», «mysteriöse», «heiligen») переведено очень художественное, образное мѣсто (см. 150 стр. перевода отъ словъ «послѣ перваго своего паденія» etc.). Замѣтили мы и еще 7—8 неточностей и пропусковъ, которыхъ не приводимъ, не желая слишкомъ расширять эту замѣтку. Можно съ положительностью сказать, что изъ двухъ главныхъ достоинствъ всякаго перевода—русскому изданію Грегоровіуса свойственна въ большей степени литературность, нежели строгая точность. Въ общемъ же, переводъ г. Литвинова лучше стараго перевода г. Савина, читается легко, и за эту легкую, изящную прозу читатели будутъ ему благодарны.

Русскій переводъ снабженъ примѣчаніями, взятыми изъ послѣдняго итальянскаго изданія Грегоровіуса. Это — пріемъ, показывающій, какъ внимательно г. Литвиновъ отнесся къ своей задачѣ: послѣ смерти Грегоровіуса археологическое и историческое разслѣдованіе Рима продолжалось непрерывно, и кое въ какихъ пунктахъ «Società editrice nazionale» весьма существенно дополнила Грегоровіуса выдержками изъ новѣйшихъ трудовъ по литературѣ предмета. Но при перенесеніи въ русскій переводъ—итальянскихъ примѣчаній тоже кое-чего слѣдовало избѣжать. Напр., почему трудъ Гризара г. Литвиновъ называетъ «Storia di Roma e dei papi etc.» (стр. 42),—когда Гризаръ писалъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ и его книга называется «Geschichte Roms und der Päpste im Mittelalter» (изд. Freiburg im Breisgau, 1901)? Итальянцы почему-то

сослались на итальянскій переводъ Гризара, но зачѣмъ это было дѣлать русскому переводчику? Далѣе. Книга Гризара, разсчитанная на шесть томовъ, и уже начавшая выходить въ свѣтъ, является, въ уже вышедшей части, дѣйствительно, общепризнаннымъ послѣднимъ словомъ археологіи и исторіи средневѣковаго Рима; первый ея томъ (855 страницъ большого формата) охватываетъ періодъ времени только немного большій, нежели I-ый томъ Грегоровіуса, содержащій всего 484 страницы, притомъ формата почти вдвое меньшаго, нежели форматъ Гризара).

При такихъ условіяхъ, кромѣ небольшихъ отрывочныхъ примѣчаній, перенесенныхъ изъ итальянскаго изданія, не мѣшало бы дать русскому читателю общую характеристику значенія труда Гризара, а также и работъ великаго Росси, можно сказать, *создавшаго* римско-христіанскую археологію. Тогда—и только тогда,—конечно, ясно стало бы и читателю-неспеціалисту, что сдѣлали Грегоровіусъ, Росси и Гризаръ для исторіи гибели древняго Рима и первыхъ вѣковъ христіанства. Съ другой стороны, довольно много незначительныхъ примѣчаній безъ всякого ущерба можно было бы изъ итальянскаго изданія въ русское не переносить: этимъ можно было бы съэкономить гораздо больше мѣста, нежели сколько нужно для общей вводной замѣтки о Грегоровіусѣ, Росси и Гризарѣ.

Пожелаемъ же г. Литвинову успѣшно довести до конца почтенный, хорошо начатый трудъ перевода «Исторіи Рима». *Евг. Тарле.*

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіями, введеніемъ и примѣчаніями П. Н. Ардашева, проф. юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1902 г. Стр. 172. Ц. 1 р. Сатира Эразма Роттердамскаго, написанная около 400 лѣтъ тому назадъ, продолжаетъ быть интересной до сихъ поръ не только потому, что она и теперь доставляетъ большое эстетическое удовольствіе своимъ живымъ и тонкимъ остроуміемъ, но также потому, что въ ней ярко и опредѣленно отразились взгляды и настроенія общественной группы, оцѣнка которой представляетъ для настоящаго времени особый интересъ. Эта группа—свѣтская интеллигенція, только что нарождавшаяся въ эпоху Эразма, а теперь достигшая такой огромной силы, хотя, конечно, еще не сказавшая своего послѣдняго слова. Непризнанная преемница средневѣковой духовной власти, свѣтская интеллигенція унаслѣдовала свои задачи отъ своихъ предшественниковъ, которые превратились въ ея враговъ. Она продолжала ихъ учительскую дѣятельность, продолжала поучать народъ и бороться съ мірскимъ зломъ, пользуясь въ борьбѣ силою внутренняго убѣжденія, въ противоположность внѣшнимъ принудительнымъ средствамъ государственной власти. Но борьба приняла у новыхъ людей новый характеръ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе у первыхъ представителей свѣтской интеллигенціи болѣе бодрый, свѣтлый, радостный тонъ. Чувствуется освобожденіе отъ суровыхъ, тяжелыхъ формулъ средневѣковья, слышится вздохъ облегченія и радостный привѣтъ живой природѣ, замѣнившей унылую тюремную атмосферу прежняго духовнаго рабства. Самое зло, съ которымъ борются новые учителя, стало менѣе страшно и безнадежно и менѣе противорѣчитъ естественному желанію жить и наслаждаться жизнью. Свѣтская интеллигенція чувствуетъ себя свободнѣе и веселѣе въ своей борьбѣ съ мірскимъ зломъ и сама относится къ нему мягче, дорѣе, гуманнѣе. Въ «Рѣчахъ Заратустры» есть слѣдующее, проникнутое глубокимъ чувствомъ гуманности наставленіе: «Врагъ» должны вы говорить, а не «злодѣй»; «больной», а не «плутъ»; «глупецъ», а не «грѣшникъ». Послѣдняя часть этого наставленія въ буквальномъ смыслѣ исполнена Эразмомъ въ сатирѣ, о которой у насъ идетъ рѣчъ. Все то, что средневѣковое духовенство клеймило именемъ грѣха, Эразмъ добродушно, иногда съ грустью, иногда и съ горечью, записываетъ на счетъ человѣческой глупости. Въ безконечной свитѣ и безчислен-

ныхъ поклонникахъ богини Глупости, которую Эразмъ заставляетъ говорить панегирикъ самой себѣ (вся сатира написана именно въ формѣ такого панегирика), мы можемъ узнать всѣхъ грѣшниковъ дантова Ада, но только безъ казней, безъ ужасовъ загробной жизни, а такъ, какъ мы ихъ наблюдаемъ въ здѣшней земной жизни—жалкими, бѣдными глупцами и безумцами, не вѣдающими, что творятъ. И не только въ видѣ іроніи, но иногда совершенно искренно Эразмъ защищаетъ глупцовъ противъ слишкомъ умныхъ и слишкомъ строгихъ моралистовъ. Защищая глупцовъ, онъ въ то же время защищаетъ свое право на беззаботный смѣхъ, право тѣшиться людскими слабостями и тѣшить людей изображеніемъ ихъ собственной глупости. «Похвала глупости»—это какъ бы самооправданіе смѣха, философія сатиры. Смѣхъ съ полнымъ правомъ сталъ на мѣсто грозныхъ проповѣдей, во-первыхъ, потому, что огромная масса людей страдаетъ вовсе не отъ сознательнаго нарушенія великихъ нравственныхъ законовъ, а отъ мелочности, самодовольства и привязанности къ пустымъ забавамъ будничной жизни, отъ неспособности подняться надъ областьюмелочныхъ личныхъ утѣхъ, а во-вторыхъ, потому, что и сами проповѣдники такъ же безсильны и мелочны, какъ ихъ паства. Глупцы по своему счастливы и нарушить ихъ самодовольный сонъ болѣе способенъ сдержанный смѣхъ мудреца, мирно бесѣдующаго съ народной толпой, чѣмъ отвлеченная проповѣдь непопятнаго моралиста. То язвительно, то благодушно высмѣиваетъ Эразмъ забавное самодовольство людей всѣхъ классовъ и состояній. «Безъ моего вмѣшательства,—говоритъ Глупость,—не выносилъ бы народъ государя, господинъ не выносилъ бы раба, а служанка—госпожи; не выносили бы пріятель пріятеля, жена—мужа, домохозяинъ—квартиранта, сожитель—сожителя, товарищъ—товарища, если бы только они не заблуждались взаимно, не расточали бы взаимно лести, не потакали бы слабостямъ другъ друга, не мазали бы другъ друга по губамъ медомъ глупости...» (52) «Попробуйте обойтись безъ меня—и вы не только другъ другу омерзѣете, но самъ себѣ каждый сдѣлается противенъ, гадокъ, ненавистенъ... Съ другой стороны, питая отвращеніе къ самому себѣ, ты никогда не произведешъ чего-либо прекраснаго, изящнаго, пріятнаго... Надо, чтобы человѣкъ любовался самъ собой, и тогда только можетъ онъ разсчитывать понравиться другимъ, когда предварительно понравится себѣ самому. Наконецъ, вѣдь благополучіе состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ хочешь; а это послѣднее доставляется моей Филавтіей (самолюбіемъ). Она такъ устраивать, что человѣкъ доволенъ своей наружностью, своимъ умомъ, своимъ происхожденіемъ, своимъ положеніемъ, своею судьбой, своею родиной—до такой степени, что ирландецъ не помѣнялся бы своей жизни съ итальянцамъ, ѳракіецъ съ аѳинянпномъ, скиѳъ—съ обитателемъ блаженныхъ острововъ» (52—53). «Какое умилительное зрѣлище представляетъ собою пара муловъ, любовно почесывающихъ другъ другу спины своими мордами! Не въ этомъ ли почесываніи состоитъ главная заслуга краснорѣчія, въ еще большей степени—медицины и еще больше—поэзіи?... Словомъ, лесть это—медъ и приправа всякаго общенія между людьми...» (89).

Но облегченіе совѣсти, свобода мысли, право на смѣхъ и на забаву, на беззаботное общеніе съ простыми грѣшными людьми — это только одна сторона въ томъ переворотѣ, который созданъ былъ возникновеніемъ свѣтской интеллигенціи. Кромѣ этой свѣтлой стороны, существовала и существуетъ еще и темная. Не даромъ далось освобожденіе изъ средневѣковыхъ формъ жизни. И не одна только забава и благодушіе слышатся въ смѣхѣ Эразма. Слышится въ немъ и грусть, и тоскливое чувство безсильнаго одиночества. Вѣдь въ сознаніи новыхъ людей ко всему людскому безумію, которое изобличалось средневѣковой духовной интеллигенціей, присоединилось еще новое безуміе—безуміе самихъ обличителей. Весь міръ обратился въ сплошной

океанъ безумія, правда, жалкаго, достойнаго сожалѣнія и снисходительной улыбки, но все-таки безнадежнаго и безпросвѣтнаго безумія. И въ этомъ океанѣ снисходительные благодушные мудрецы оказались одинокими, безпомощными странниками, «лишними людьми». Самодовольная власть прежнихъ проповѣдниковъ отвергнута, какъ самообманъ. Но что же дано взамѣнъ этой власти? Исчезли мрачные образы грѣшниковъ, но вмѣстѣ съ ними исчезла и власть надъ народомъ. И остался опять мудрецъ, какъ въ древнемъ классическомъ мірѣ, одинъ-на-одинъ съ своею мудростью, окруженный непонимающей, чуждой толпой, съ которой можно вмѣстѣ смѣяться, но съ которой нельзя вмѣстѣ дѣлать серьезнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи между гуманистами и философами грекоримскаго міра существуетъ близкое духовное родство. Въ нашей сатирѣ не только постоянныя литературныя ссылки и миѳологическія названія, которыми пестритъ каждая страница, но и самое содержаніе и настроеніе свидѣтельствуютъ о близости автора къ мудрецамъ классической древности. Вѣдь и древніе мудрецы, также какъ Эразмъ, отожествляли добродѣтель съ мудростью, а порочность—съ неразумiемъ и безумiемъ. И они чувствовали себя безсильными передъ неразумѣніемъ толпы, и они стояли въ сторонѣ отъ власти и отъ исторіи. Эразмъ смѣется надъ всѣмъ, что видитъ вокругъ себя: надъ сильными и слабыми, надъ властителями и подвластными, надъ невѣждами и учеными, надъ частной, общественной и политической жизнью. Глубокую тоску долженъ испытывать человѣкъ, взобравшійся на высокую вершину, съ которой одинаково маленькимъ кажутся и мелкое и великое, и толпа и герои, а будничная жизнь и грандіозныя историческія силы. И тоска невольно прорывается то тамъ, то здѣсь среди веселаго беззаботнаго смѣха. Конечно, Эразмъ, какъ и другіе гуманисты, могъ отчасти заимствовать отъ древнихъ философовъ и ихъ духовный аристократизмъ, ихъ равнодушіе къ мірскимъ печалямъ, ихъ способность удовлетворяться своимъ гордымъ одиночествомъ на холодныхъ вершинахъ мудрости. Но лучшіе представители новой свѣтской интеллигенціи все же не могли замѣнить этой холодной древней мудростью все то, что было пережито и выстрадано въ средніе вѣка. Распрощавшись съ средними вѣками, они взяли отъ нихъ въ вѣчное наслѣдство себѣ и своимъ будущимъ наслѣдникамъ демократическія чувства и демократическую вѣру христіанства. Были, разумѣется, люди, которые, смѣясь надъ средневѣковымъ духовенствомъ, смѣялись и надъ всякой вѣрой, смѣялись надъ всѣмъ святымъ. Но не таковы были лучшіе люди; не таковъ былъ и Эразмъ. Въ его сатирѣ есть прочувствованныя мѣста, въ которыхъ говоритъ уже не юмористъ, а возмущенный защитникъ поруганнаго идеала. Рисуя картину страшнаго суда, ради котораго заранѣе обезпечили себя глупыми, хвастливыми оправданіями разные вервеносцы, бенедиктинцы, бернардинцы и прочіе, которымъ «недостаточно ихъ имени христіанъ», нашъ авторъ говоритъ: «А какъ прерветъ Христосъ этотъ безконечный потокъ бахвальства, да какъ скажетъ: Откуда этотъ новый родъ іудеевъ? Единственный законъ признаю я истинно моимъ, но о немъ-то я до сихъ поръ ни слова не слышу. А вѣдь открыто, безъ всякой аллегоріи или притчи, обѣщалъ я въ свое время наслѣдіе Отца моего—не капюшонамъ, не молитвословіямъ, не постамъ, но дѣламъ любви. Не хочу я знать людей, которые слишкомъ хорошо знаютъ свои подвиги...» (116).

Законъ любви, полученный свѣтской интеллигенціей въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ, помѣшалъ ей «слишкимъ хорошо знать» подвиги своей мудрости, помѣшалъ ей погрузиться въ самодовольство одинокаго созерцанія человѣческой глупости. Онъ обрекъ ее на тяжелую горькую долю, ибо былъ ей данъ безъ власти, безъ возможности творить дѣла любви. Власть, сила, организація остались у другихъ. Оковы, отъ которыхъ освободились новые люди, сохранили свою власть надъ умами и продолжали по своему дѣлать исторію. А интелли-

генціи оставалось только встать въ сторону и наблюдать. Конечно, и наблюденія могутъ доставить большое удовлетвореніе. Наблюдать на свободѣ все-таки лучше, чѣмъ томиться въ тюрьмѣ. Забавляться великимъ царствомъ глупости легче, чѣмъ содрогаться передъ ужасами дантова ада. Но у среднихъ вѣковъ, кромѣ подземнаго ада, были еще чистилище и небесный рай. А свѣтская интеллигенція, выйдя изъ подземелья, нашла на землѣ только блаженныхъ мучениковъ глупости, но не нашла земного рая. Въ душѣ ея сохранилась вѣра въ обѣтованную землю, но долгое время это была пустая мечта, потому что власть надъ народомъ, блуждавшимъ по пустынѣ, была въ чужихъ, враждебныхъ рукахъ. Пріятель Эразма, Томасъ Моръ, которому нашъ авторъ посвятилъ свою сатиру, предложилъ было нѣчто похожее на проектъ земного рая, но его «Утопія» такъ и сдѣлалась нарицательнымъ названіемъ для всѣхъ послѣдующихъ безпочвенныхъ мечтаній интеллигенціи. Между тѣмъ, потребность учить и управлять умами продолжала жить и въ свѣтской интеллигенціи и искала безъ устали новыхъ путей для своего удовлетворенія. Прямые пути были заказаны, оставались обходныя дорожки, косвенные способы воздѣйствія. Интеллигенція стала учиться проповѣдывать иносказаніями, исправлять забавляя. Смѣхъ сталъ любимымъ орудіемъ борьбы въ ея рукихъ. Но это уже не беззаботный смѣхъ забавляющагося мудреца, это—горькій смѣхъ обиженнаго своей безпомощностью учителя жизни. Это—средство, чтобы проводить въ жизнь свои идеи, не отпугивая суевѣрной толпы и не дразня гусей. Это—забава, омраченная горькимъ сознаніемъ, что приходится пользоваться людскими слабостями и мириться съ людской пошлостью. Это—смѣхъ страшный не только тѣмъ, кто боятся быть смѣшными, но и всѣмъ тѣмъ, у кого совѣсть не совсѣмъ чиста. Сатира Эразма не мало страха и боли и не мало пользы доставила глупцамъ и глупымъ умницамъ, ее читавшимъ. Наряду съ безпечнымъ благодушнымъ смѣхомъ въ ней нашелъ мѣсто и язвительный смѣхъ, бичующій пороки, срывающій маску съ злостныхъ лицемѣровъ. Богиня глупости незамѣтно для себя забываетъ свое природное добродушіе, когда переходитъ отъ простыхъ и прямодушныхъ дѣтей міра сего, «которыя,—какъ она выражается,—чтутъ меня попросту, безъ прикрасъ, съ откровенностью и прямотой, достойною благородныхъ людей»,—къ «неблагодарнымъ лицедѣямъ, такъ лицемѣрно замалчивающимъ мои благодѣянія къ нимъ и такъ подло разыгрывающимъ изъ себя святошъ» (122).

Сосѣдство безпечнаго смѣха съ тяжелыми мыслями о великихъ общественныхъ недугахъ коробитъ иногда читателя, желающаго соблюдать правило: дѣлу время, потѣхѣ часъ. Но вѣдь оно коробитъ и должно коробить и самого автора-сатирика. Этого не нужно забывать при оцѣнкѣ общественнаго значенія сатирическаго смѣха. Только тотъ смѣхъ можетъ быть средствомъ поученія и исправленія современниковъ, который коробитъ автора, только то вышучиванье пороковъ можетъ быть оправдано, отъ котораго горько становится самому обличителю, только тѣ сатирики полезны, которые сознаютъ всю безпомощность сатиры, которые хотѣли бы помогать людямъ прямо, безъ иносказаній, да не могутъ, которымъ зажимаютъ ротъ, когда они пробуютъ говорить неприкрашенную смѣхомъ правду. И чѣмъ больше растутъ силы свѣтской интеллигенціи, чѣмъ больше получаетъ она доступъ къ положительному дѣлу, чѣмъ болѣе осуществляется ея объединеніе и организованное властвованіе надъ умами, тѣмъ болѣе теряетъ свое значеніе горькій смѣхъ сатирика. Въ наше время грозныя проповѣди, безпощадныя прямыя обличенія имѣютъ уже больше обаянія, чѣмъ хлесткая насмѣшка. Это значитъ, что силы интеллигенціи выросли въ значительной степени, что она созрѣла для смѣлаго самостоятельнаго творчества. Какъ ни какъ, а вѣдь сатирикъ—это какъ бы придворный шутъ общественнаго мнѣнія, смѣлый и дерзкій, полезный при дворѣ, гдѣ все полно

лестью, ложью и раболѣпствомъ, но все же шутъ и все же узникъ придворной лицемѣрной жизни. Чтобы имѣть возможность сказать одну дерзкую истину, которая смутитъ жестокаго повелителя, которая стоила бы жизни всякому иному, кромѣ шута, онъ долженъ наговорить десятокъ пошлостей. Если шутъ искренно хочетъ быть полезнымъ и дѣйствительно любитъ правду, мы простимъ ему его пошлости, а тѣмъ болѣе его веселый простой смѣхъ, которымъ онъ разгоняетъ скуку окружающей жизни. Но все-таки мы пожелаемъ ему когда-нибудь снять шутовской нарядъ и смѣяться только для смѣха, а горькую правду говорить только для горькой правды.

Не скоро мы дождемся того времени, когда всѣ истины, которыя, смѣясь, говоритъ богиня глупости, будетъ возможно говорить безъ вынужденнаго содѣйствія этой вліятельной особы. Однако, Эразмъ во многомъ могъ бы позавидовать уже и нашему времени...

Переводъ (съ латинскаго) въ литературномъ отношеніи очень хорошъ, а за точность его ручается званіе и имя переводчика. *А. Рижачевъ.*

ЛОГИКА И ПСИХОЛОГІЯ.

Т. Липпсъ:. „Основы логики".—*Д. М. Балдвинъ*. „Введеніе въ психологію".

Т. Липпсъ. Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Лосскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Цѣна 1 руб. «Логика уже съ древнѣйшихъ временъ вышла на твердую дорогу науки; это видно изъ того, что она со времени Аристотеля не сдѣлала ни одного шага назадъ... Но замѣчательно и то, что она до сихъ поръ не могла сдѣлать ни одного шага впередъ и повидимому вполнѣ заключена и закончена». Такъ писалъ Кантъ въ своемъ предисловіи ко второму изданію. «Критики чистаго разума». Однако онъ самъ, съ такою увѣренностью утверждающій полную законченность логики, болѣе вчѣмъ кто-либо изъ другихъ мыслителей, способствовалъ ея коренному преобразованію. Принципы, положенные имъ въ основу своей философіи, не замедлили оказать вліяніе и на логику и въ корнѣ расщатать ея старый фундаментъ. Въ логикѣ, такъ долго стоящей на точкѣ замерзанія, жизнь забила ключомъ. На сцену выдвинулись новые вопросы, то или другое разрѣшеніе которыхъ породило въ области логики различныя направленія, часто враждующія другъ съ другомъ. Центральный пунктъ, около котораго вращаются всѣ эти направленія, сводится къ двумъ кардинальнымъ вопросамъ: во-первыхъ, какъ относится логика къ теоріи познанія, и, во-вторыхъ, каковъ характеръ логики, должно ли познаніе быть обосновано субъективно или объективно? Тотъ или другой отвѣтъ на эти вопросы опредѣляетъ то или другое проведеніе логики.

Опредѣляя логику, какъ науку о законахъ и формахъ мышленія и допуская вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякое знаніе есть завершеніе мышленія, авторъ вышепомѣченной книги рѣшаетъ первый изъ поставленныхъ вопросовъ въ томъ смыслѣ, что формальная логика необходимо должна быть соединена съ теоріей познанія, что послѣдняя необходимо входитъ въ составъ логики, дѣйствительно выполняющей свою задачу. Однако, представляя собою синтезъ прежней формальной логики и теоріи познанія, истинная логика, полагаетъ авторъ, въ основѣ должна сохранять тотъ же характеръ, что и формальная: она должна быть психологическою дисциплиною, ибо знаніе дается въ душѣ и мышленіе есть психологическій процессъ. Слѣдовательно, второй изъ упомянутыхъ вопросовъ Липпсъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что логика должна давать субъективное обоснованіе познанія. Согласно такому разрѣшенію двухъ основныхъ логическихъ вопросовъ, проведеніе логики у него въ существенныхъ чертахъ при-

ближается къ проведенію формальной логики. Такъ какъ она, подобно формальной, имѣетъ психологическій характеръ и такъ какъ ея задача также сводится къ изслѣдованію, въ какихъ формахъ знаніе является въ субъектѣ, какими субъективными законами регулируется оно, то естественно, она удерживаетъ за основныя тѣже формы и законы мышленія, что и формальная логика: объектъ ея изслѣдованія—сужденіе, понятіе и умозаключеніе. Отклоненіе же логики Липпса отъ формальной состоитъ лишь въ томъ, что при изслѣдованіи этихъ основныхъ элементовъ познанія она сообразуется отчасти съ теоретико-познавательными интересами. Въ то время какъ формальная логика намѣренно отказывается отъ всякой оцѣнки значенія сужденій, понятій и умозаключеній для познанія и имѣетъ дѣло просто съ ихъ формальною возможностью, Липпсъ, изслѣдуя изъ этихъ элементовъ знанія лишь тѣ, которые обладаютъ объективнымъ значеніемъ, вноситъ въ ученіе о нихъ оцѣнку. Благодаря этому, съ одной стороны, традиціонное дѣленіе сужденій и умозаключеній, проводимое обычно въ формальной логикѣ, у него получаетъ отчасти иной смыслъ и освѣщеніе; съ другой стороны, на ряду съ обычнымъ дѣленіемъ онъ вводитъ новыя подраздѣленія какъ въ области сужденій, такъ и умозаключеній: такъ сужденія подраздѣляются въ логикѣ Липпса на формальныя, утверждающія безусловную необходимость опредѣленной связи представленій, и матеріальныя, постулирующія объективную необходимость связи самихъ объектовъ; на субъективныя, высказывающія объективную необходимость опредѣленной связи, проистекающей изъ упорядочивающей дѣятельности нашего мышленія, и объективныя, утверждающія безусловную необходимость связи, проистекающей изъ самихъ объектовъ; на апріорныя и апостеріорныя и т. д. Не входя въ дальнѣйшія детали проведенія авторомъ его логики, разсмотримъ и критически изслѣдуемъ тѣ основныя положенія, которыя онъ полагаетъ въ ея основу.

Соглашаясь съ тѣмъ, что всякая логика должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ теоріею познанія, мы не можемъ признать, что она должна имѣть психологическій характеръ, что ея задача—дать субъективное обоснованіе знанія. Всякая попытка обосновать познаніе на спеціальной наукѣ, на психологіи, въ корнѣ уничтожаетъ логику. Логика сравнительно съ другими науками обладаетъ преимущественнымъ значеніемъ; она трактуетъ о знаніи и поэтому въ своемъ обоснованіи не можетъ зависить ни отъ какой спеціальной дисциплины: истинность законовъ всякой другой науки опредѣляется по логическимъ законамъ. Поэтому или нѣтъ совсѣмъ логики, или она въ концѣ-концовъ должна покоиться на самой себѣ. Однако субъективное обоснованіе познанія не только уничтожаетъ логику, но и вообще объективный характеръ знанія и сводитъ его къ простой иллюзіи. слѣдовательно, оно идетъ въ разрѣзъ съ притязаніями всѣхъ наукъ на объективную значимость своихъ законовъ. Самъ Липпсъ сознавалъ это. Признавая, что познаніе черпаетъ свою объективность изъ закономѣрности нашего мышленія или точнѣе, изъ закономѣрности нашего духа, онъ, однако, въ опытныхъ сужденіяхъ наряду съ этимъ источникомъ объективности допускаетъ еще другой, отъ него не зависящій: объективность воспріятій и эмпирическихъ ассоціацій онъ обосновываетъ путемъ допущенія трансцендентнаго міра вещей въ себѣ. Этотъ первый шагъ, сдѣланный ради спасенія объективности знанія, необходимо приводитъ и къ дальнѣйшему допущенію, что закономѣрность нашего мышленія и опыта есть обнаруженіе законосообразности міра вещей въ себѣ, въ другихъ отношеніяхъ непознаваемаго. Не касаясь того, что постулированье законосообразнаго, но непознаваемаго міра вещей въ себѣ, какъ показалъ ходъ исторіи философіи, произвольно и никакимъ путемъ не можетъ быть обосновано, мы во всякомъ случаѣ должны признать его за свидѣтельство недостаточности психологической точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе вопроса объ обоснованіи знанія приводитъ насъ къ признанію, что логика въ концѣ концовъ должна покоиться на самой себѣ, должна искать обоснованіе знанія объективнымъ путемъ. т.-е. въ содержаніи знанія, а не въ его отношеніи къ субъекту. Такъ какъ содержаніе знанія состоитъ изъ опредѣленій, т.-е. понятій, то, слѣдовательно, задача логики сводится къ тому, чтобы изложить и развить систематически тѣ основныя понятія и законы, которые регулируютъ все наше познаніе и изъ которыхъ послѣднее черпаетъ свою объективность. Поэтому изъ всего содержанія формальной логики новая логика можетъ удержать лишь тѣ формы, которыя не только являются формами нашего мышленія, но и опредѣленіями самихъ объектовъ. Въ этомъ отношеніи логика Липпса, какъ изслѣдующая основные элементы знанія съ теоретико-познавательной точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ сравнительно съ формальной логикой. Однако, удержавъ въ своей логикѣ чисто-психологическую основу, Липпсъ не съумѣлъ построить ее сообразно требованіямъ современнаго научнаго знанія. *N. N.*

Джемсъ Маркъ Бальдвинъ. Введеніе въ психологію. Переводъ съ англійскаго подъ ред. Н. Н. Спиридонова. Ц. 1 р. Небольшая книжка американскаго профессора Бальдвина даетъ обзоръ главныхъ отдѣловъ психологіи. Указавъ тѣ источники, откуда мы можемъ черпать свѣдѣнія о душѣ, Бальдвинъ кратко излагаетъ суть интроспективной психологіи и переходитъ затѣмъ къ тѣмъ отдѣламъ науки о душѣ, которые пользуются объективными методами. Главы, трактующія о физіологической и экспериментальной психологіи, даютъ ясное представленіе о томъ, что такое экспериментъ въ психологіи. Излагая объективные методы и результаты, добытые психологіей при ихъ помощи, авторъ, однако, недостаточно ясно подчеркнулъ тотъ фактъ, что всѣ они, въ концѣ-концовъ, опираются на методъ самонаблюденія, что о душѣ ребенка, животныхъ и т. д., мы можемъ знать только постольку, поскольку предполагаемъ у нихъ психологическую жизнь, сходную съ нашею. Какъ недостатокъ книги, слѣдуетъ указать и то, что она не знакомитъ читателя съ основными направленіями въ психологической наукѣ. Книга написана доступно, живо и интересно и можетъ быть рекомендована, какъ подспорье при чтеніи сочиненій, носящихъ болѣе теоретическій характеръ.

Переведена книга удовлетворительно, если не считать нѣкоторыхъ промаховъ въ слогѣ, напр.: «я не буду пытаться *этого* сдѣлать», «подъ руководствомъ лучшихъ *проводниковъ*» (стр. 6). *А. Ш.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Д-ръ А. К. Скребицкій. „Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ“.—*Д-ръ Ф. М. Блюменталь.* „Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ.—*Н. Ф. Гамалѣя* „Чума и крысы“.—*Л Мороховецъ* „Исторія и соотношенія медицинскихъ знаній“.

Докторъ А. И. Скребицкій. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ. Обширный трудъ г. Скребицкаго задуманъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, когда автору послѣ турецкой волны пришлось, по порученію Главнаго Попечительства о семействахъ воиновъ, посѣтить различныя мѣстности Россіи для личнаго осмотра ослѣпшихъ солдатъ и непосредственно ознакомиться и съ равмѣрами и съ причинами распространенности слѣпоты среди населенія. Оказалось, что изъ общаго числа осмотрѣнныхъ солдатъ не болѣе 5 проц. лишилось зрѣнія отъ вражескаго оружія; большинство же ослѣпло отъ болѣзней заразнаго свойства, вынесенныхъ съ родины. «Не турки были повинны въ слѣпотѣ солдатъ, а наши внутренніе враги: невѣжество, бѣд-

ность, врачебная безпомощность населенія». Сознаніе этой истины и было точкой отправленія послѣдующей общественной дѣятельности доктора Скребицкаго на пользу слѣпыхъ. Но опубликованіе результатовъ первыхъ наблюденій автора не встрѣтило сочувствія въ офиціальномъ органѣ попеченія о русскихъ слѣпыхъ и вызвало многолѣтнюю борьбу, которая, однако, подтвердила и выводы и цифры г. Скребицкаго. Изложеніе этой борьбы занимаетъ очень видное мѣсто въ разсматриваемой книгѣ. Такимъ образомъ, содержаніе труда доктора Скребицкаго распадается, собственно, на три части: положеніе слѣпыхъ въ Западной Европѣ, положеніе слѣпыхъ въ Россіи и исторія долговременной борьбы автора съ тѣми лицами, которыя упорно отстаивали старый предразсудокъ, будто у насъ все обстоитъ благополучно даже по отношенію къ состоянію зрительныхъ органовъ народа. Такое обиліе матеріала въ одной книгѣ представляется намъ весьма нежелательнымъ. Оно до крайности расширяетъ объемъ изданія и увеличиваетъ его стоимость. Немногіе будутъ въ состояніи заплатить 6 р., которые стоитъ книга г. Скребицкаго.

Между тѣмъ, авторъ ставитъ своею цѣлью, между прочимъ, ознакомить лицъ, готовящихся къ занятію должностей въ школахъ слѣпыхъ съ предстоящею имъ областью дѣятельности и дать родителямъ, которыхъ постигло несчастье имѣть въ своей семьѣ слѣпого ребенка, руководство для его воспитанія и образованія. Эта задача вполнѣ разрѣшается отдѣльными главами разсматриваемаго труда. Г. Скребицкій отчасти расплывчатъ и съ излишними подробностями, но живымъ и очень популярнымъ языкомъ съумѣлъ передать главнѣйшія свѣдѣнія физіологіи и психологіи слѣпыхъ и тѣ пріемы, которые въ настоящее время выработаны спеціалистами для того, чтобы путемъ правильно поставленнаго воспитанія и образованія несчастныхъ дать имъ возможность принимать хотя неполное участіе въ жизни общества. Обстоятельныя описанія различныхъ учрежденій Западной Европы, гдѣ положеніе слѣпыхъ уже давно привлекаетъ общественную заботливость и вниманіе, дополняетъ и объясняетъ чисто учебную часть книги. Общіе взгляды автора проникнуты искреннею любовью къ несчастнымъ и отличаются плодотворною широтою. Г. Скребицкій отвергаетъ спасительное значеніе той филантропіи, которая отдѣлывается подаяніемъ, и признаетъ обязанность общества дать возможно всестороннее развитіе каждому человѣку, даже лишенному какого-либо изъ обычныхъ качествъ и свойствъ. По отношенію же къ слѣпотѣ, г. Скребицкій указываетъ на ея характеръ бытовой болѣзни и настаиваетъ на необходимости раціонально организованной системы мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію коренныхъ причинъ недуга. Въ Россіи, гдѣ крайній недостатокъ воздуха, скученность, сожительство съ животными, крайняя нечистоплотность, бѣдность и невѣжество составляютъ отличительныя черты быта громаднаго большинства населенія, распространенность слѣпоты объясняется, главнымъ образомъ, болѣзнетворными бытовыми условіями. Никакіе летучіе отряды, въ родѣ разсылаемыхъ попечительствомъ о слѣпыхъ, и т. п. «летучія» мѣры не могутъ принести существенныхъ результатовъ, пока деревня остается въ безпроевѣтной темнотѣ и личность крестьянина подавлена всевозможными неблагопріятными вліяніями. Народное образованіе, оздоровленіе жизненной обстановки, доступная для всѣхъ медицинская помощь — вотъ тѣ предупредительныя мѣры, которыя, по мнѣнію спеціалистовъ, должны играть первую роль въ борьбѣ съ распространеніемъ слѣпоты. Современная офтальмологія располагаетъ средствами спасти громадный процентъ больныхъ отъ потери зрѣнія, и нужно стремиться, чтобы завоеванія науки не оставались достояніемъ немногочисленной группы обезпеченныхъ людей, но обращались на благо широкихъ слоевъ населенія.

Та часть книги, которая посвящена борьбѣ доктора Скребицкаго съ оффиціальными и частными поклонниками теоріи ненарушимаго всероссійскаго благо-

получія, какъ мы уже сказали, могла бы быть выдѣлена въ самостоятельное цѣлое. Но, являясь лишнимъ въ руководствѣ для обученія слѣпыхъ, эта часть представляетъ значительный интересъ, какъ одна изъ картинъ родной дѣйствительности. Г. Скребицкій очень убѣдительно показалъ, какія послѣдствія влечетъ бюрократизація всякаго дѣла. Дѣятельность нашего попечительства о слѣпыхъ, по словамъ автора, отличается вялостью и непроизводительностью. Призрѣніе, воспитаніе, образованіе слѣпыхъ, изданіе для нихъ книгъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Мы даже не имѣемъ точной статистики этихъ несчастныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ городамъ и селамъ обширной страны. Тѣмъ не менѣе, когда г. Скребицкій сдѣлалъ на амстердамскомъ конгрессѣ 1885 г. докладъ о положеніи слѣпыхъ въ Россіи, то дѣлопроизводитель Совѣта Попечительства г. Адеркасъ ополчился на автора и счелъ возможнымъ заявить о «взлетѣ» (Aufschwung) образованія слѣпыхъ въ Россіи. Мы не приводимъ остальныхъ подробностей этой поучительной исторіи.

Резюмируя свое мнѣніе по поводу труда доктора Скребицкаго, мы должны сказать, что предпочли бы видѣть учебной матеріалъ выдѣленнымъ въ особую книгу вмѣстѣ съ описаніемъ западноевропейскихъ учрежденій для призрѣнія и воспитанія слѣпыхъ. Разсказъ же о «русскихъ дѣлахъ», при его несомнѣнномъ интересѣ, могъ также появиться самостоятельнымъ изданіемъ. При такихъ условіяхъ, полезная книга г. Скребицкаго сдѣлалась бы болѣе доступной широкой публикѣ и пріобрѣла бы практическое значеніе, которое теперь она едва-ли будетъ имѣть. *Ник. Іорданскій.*

Д-ръ Ф. М. Блюменталь. Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи и о значеніи ихъ въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ. С.-Петербургъ. 1902 г. (Оттискъ изъ газеты «Практическій Врачъ»). Общее признаніе того факта, что въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью, какъ съ большимъ соціальнымъ зломъ, однихъ врачебныхъ силъ и средствъ далеко недостаточно, что тутъ нужна совмѣстная работа и врачей, и общества—признаніе этого факта оправдываетъ появленіе въ общемъ журналѣ замѣтки по поводу такой повидимому спеціальной брошюры, какой является только впрочемъ, по заглавію брошюра д-ра Блюменталя, одного изъ лучшихъ у насъ знатоковъ того, что дѣлается въ Европѣ въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Заслуга д-ра Блюменталя состоитъ въ томъ, что всѣ его сообщенія, брошюры, книжки и т. д. являются результатомъ личныхъ наблюденій, личнаго тщательнаго изученія дѣла на мѣстѣ.

Въ послѣдней своей работѣ д-ръ Блюменталь сообщаетъ о новомъ орудіи въ борьбѣ съ туберкулезомъ въ видѣ амбулаторій, которымъ, повидимому, предстоитъ большое будущее. Дѣло въ томъ, что наблюдавшееся до послѣдняго времени увлеченіе санаторіями начинаетъ какъ будто нѣсколько остывать, что уже замѣтно было на послѣдней международной конференціи въ Берлинѣ осенью прошлаго года. Противъ санаторій выставляется то, что онѣ дорого стоятъ и что врядъ ли получаемые результаты оправдываютъ большіе расходы на устройство и содержаніе санаторій. Такъ ли оно или нѣтъ—сказать трудно, такъ какъ статистика туберкулеза разработана всюду чрезвычайно слабо и мы не располагаемъ твердыми данными для сужденія о томъ, какъ прочно и продолжительно излеченіе въ томъ или другомъ случаѣ, при томъ или другомъ способѣ борьбы съ болѣзнью.

Какъ бы то ни было, теперь начинаютъ увлекаться амбулаторіями, которыя имѣютъ одно несомнѣнное преимущество предъ санаторіями: ихъ легче устраивать, устройство и содержаніе ихъ обходится сравнительно дешево, а польза, приносимая ими, повидимому, довольно значительна.

Въ Германіи, покрытой цѣлою сѣтью народныхъ санаторій, амбулаторіи, по выраженію проф. B. Fränkel'я, играютъ роль иррегулярныхъ войскъ, а санаторіи

представляютъ собою регулярную армію. Въ Германіи главной цѣлью амбулаторіи является возможно раннее распознаваніе заболѣванія и направленіе заболѣвшихъ въ санаторіи. Параллельно съ этой идетъ и другая цѣль амбулаторіи—воспитаніе чахоточнаго въ духѣ анти-туберкулезной профилактики.

Во Франціи, далеко отставшей отъ Германіи въ дѣлѣ развитія санаторій, горячимъ поборникомъ амбулаторій является проф. Calmette изъ Лиля, нашедшій многихъ послѣдователей и во Франціи, и въ Бельгіи, тоже небогатой санаторіями. По мысли Calmette'a, не надо ждать, пока одержимый чахоткой рабочій обратится къ врачу, а надо идти навстрѣчу къ нему и оказать ему помощь гораздо раньше, нежели онъ самъ почувствуетъ, что серьезно боленъ. Для практическаго осуществленія своего проекта Calmette создаетъ слѣдующій планъ: въ каждомъ городѣ устраивается необходимое число амбулаторій, дѣятельность которыхъ должна заключаться въ слѣдующемъ: во-первыхъ, въ томъ, чтобы вступать въ сношенія съ директорами фабрикъ и заводовъ, хозяевами и завѣдующими мастерскими и вообще со всѣми учрежденіями, въ которыхъ заняты рабочіе, во-вторыхъ чтобы при ихъ содѣйствіи освѣдомляться о подозрительныхъ въ отношеніи туберкулеза рабочихъ, привлекать ихъ въ амбулаторіи, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить больного въ лучшія гигіеническія условія и предохранить отъ зараженія близкихъ ему лицъ, съ которыми онъ не желаетъ и не можетъ разстаться.

Организацію амбулаторій, по справедливому мнѣнію Calmette'a, должны взять на себя органы городского и общественнаго (земскаго) самоуправленія.

Такого рода амбулаторіи открываютъ широкое поприще для разумной общественной благотворительности, которая въ данномъ дѣлѣ можетъ проявиться крайне разнообразно: можно перемѣнить для больного плохую квартиру на лучшую, можно позаботиться объ улучшеніи его питанія, можно позаботиться о членахъ его семьи, входя съ ними въ болѣе тѣсное общеніе, изучая условія жизни городской бѣдноты. Нечего говорить о томъ, что вспомоществованіе это должно производиться въ крайне деликатной формѣ, причемъ всячески должны щадиться самолюбіе какъ самого больного, такъ и его близкихъ.

У насъ пока такихъ амбулаторій нѣтъ и открытіе ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ было бы очень и очень желательно. *Врачъ В. И. Б—ъ.*

Н. Ф. Гамалѣя. Чума и крысы съ приложеніемъ наставленія къ истребленію крысъ. Одесса. 1902 г. Цѣна 50 коп. Съ тѣхъ поръ, какъ установлена почти съ несомнѣнностью связь между заболѣваніями чумой грызуновъ и людей, крысы стали интересовать и врачей, и публику, и не проходитъ почти дня по крайней мѣрѣ въ послѣднее, тревожное по чумѣ время, чтобы не предлагалось то или иное средство, та или иная ловушка для истребленія крысъ. Д-ръ Гамалѣя, стоявшій, между прочимъ, во главѣ дѣла крысоистребленія въ Одессѣ во время послѣдней вспышки чумной эпидеміи въ этомъ городѣ, въ своей брошюрѣ излагаетъ всѣ болѣе или менѣе вѣрные пріемы, предложенные до сихъ поръ для этой цѣли. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, произведенный въ Одессѣ большой опытъ массового истребленія крысъ бактеріальнымъ способомъ не увѣнчался блестящимъ успѣхомъ — слишкомъ невелико было число погибшихъ крысъ по сравненію съ затраченными на то силами и средствами. По личному опыту здѣсь, въ Петербургѣ, мы знаемъ, что борьба съ крысами чрезвычайно трудна, что, между прочимъ, объясняется большою хитростью, сообразительностью этихъ непріятныхъ животныхъ: стоитъ имъ только замѣтить, что нѣсколько ихъ сородичей въ данномъ мѣстѣ погибло, какъ они перекочевываютъ въ другое мѣсто и, во всякомъ случаѣ, стараются не попадаться на ту удочку, которая вызвала гибель ихъ менѣе осторожныхъ товарищей.

Единственное дѣйствительное средство для уменьшенія числа крысъ въ данномъ мѣстѣ это—уничтоженіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ жизнь ихъ удоб-

ной, и здѣсь на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе строжайшей чистоты во всемъ обиходѣ, какъ въ помѣщеніяхъ для людей, такъ и во всякихъ амбарахъ, кладовыхъ, во дворахъ, на улицахъ и площадяхъ и т. д.

Само собой разумѣется, что при царящей у насъ повсюду грязи соблюденіе чистоты представляется очень труднымъ... Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Левъ Мороховецъ, проф. московскаго университета. Исторія и соотношеніе медицинскихъ знаній. Съ 527 рисунками въ текстѣ и хромолитографской таблицею XVI+391. Ц. 2 р. 50 к. М. 1903 г. Съ трудомъ одолѣли мы эту большую книгу. И не потому, конечно, что предметъ ея былъ бы сухимъ и требующимъ напряженнаго вниманія; наоборотъ: исторія медицинскихъ знаній, связанная съ исторіей народовъ, измѣненіями въ ихъ бытѣ и вѣрованіяхъ, вытекающая изъ развитія философскихъ системъ и общихъ знаній, сама по себѣ завлекательно интересна, какъ и исторія мысли вообще. Но мало интересна та исторія, которая заключается въ рецензируемой нами книгѣ, загроможденной плохосвязанными одни съ другими именами и фактами, неудачно и въ плохой системѣ изложенными.

Книга раздѣлена на четыре главныхъ отдѣла: морфологія, феноменологія, врачеваніе, врачъ и общественное его положеніе; каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется на нѣсколько еще, и почти въ каждомъ подотдѣлѣ начинается исторія сначала. И авторъ совершенно искусственно отдѣляетъ науки, вначалѣ совсѣмъ не отдѣлявшіяся одна отъ другой анатомію, гистологію, эмбріологію, физіологію, патологію, разрывая то, что было связано неразрывно. Обрывки ученій Гиппократа, Галена, Платона, да и другихъ болѣе новыхъ философовъ и медиковъ, когда знаніе уже спеціализировалось, разбросаны по всей книгѣ и это не даетъ возможности охватить воззрѣній главнѣйшихъ ученыхъ въ цѣломъ и прослѣдить эволюцію знанія, со всѣми тѣми муками, въ которыхъ родилась современная медицина. Принятая авторомъ система заставляетъ его, кромѣ того, повторяться.

Обильный фактическій матеріалъ изложенъ въ книгѣ такъ, что трудно выдѣлить главное отъ неважнаго и видѣть то мѣсто, которое занимаютъ въ исторіи различные крупнѣйшіе дѣятели и ихъ творческая мысль. Обо многомъ существенномъ упомянуто вскользь. Пирогову, напр., удѣлено всего на всего лишь двѣ, совершенно не исчерпывающія его значенія и заслугъ передъ наукою, строки (онъ «извѣстенъ не только своимъ искусствомъ и операціей на стопѣ, но и прекраснымъ атласомъ топографической анатоміи»). О Петтенкоферѣ сказано лишь, что онъ «отецъ современнаго намъ академическаго образованія», и больше ни слова. Такимъ образомъ, у автора не нашлось мѣста цѣлымъ теоріямъ и методамъ, которыми постепенно овладѣвала научная медицина. Многіе отдѣлы страдаютъ удивительной неполнотой. Почти ничего не сказано о развитіи общественной гигіены, имѣющей свою длинную исторію (взять хотя бы предписанія моисеева закона, забытыя г. Мороховцомъ); профессіональная гигіена вовсе обойдена, а она уже въ началѣ XVIII-го столѣтія имѣла своихъ представителей и обстоятельные трактаты; совсѣмъ мало говорится также о предупреждающихъ заболѣванія средствахъ и вовсе не выяснены ихъ принципы.

А между тѣмъ современному и несовременному шарлатанству отведено много страницъ и зачѣмъ то приведены портреты Каліостро, Кнейпа и тому подобныхъ обирателей невѣжественной публики. Сравнительно длинно также описаніе жизни, кутежей и дуэлей заграничнаго студенчества. Значительную часть книги, въ ущербъ ея научной сторонѣ занимаетъ фразистое и безсодержательное многословіе постоянныхъ разсужденій автора, только утомляющихъ читателя, но ничего ему не дающихъ. Вообще, изложена книга удивительно витіевато. Вотъ одинъ изъ образцовъ ея напряженнаго пафоса (приводимыя строки имѣютъ въ виду враждебное отношеніе общества къ врачамъ): «Но гдѣ та

мощная труба, которая протрубила бы общій отбой? Гдѣ тотъ мощный голосъ, который могъ бы остановить братоубійственную войну: «Стой! Смирно! Подъ знамена! Подъ знамена вашихъ лучшихъ упованій! Подайте другъ другу руку, въ единомысліи рѣшайте вопросъ, «какъ быть» и на томъ «цѣлуйте крестъ». Для своихъ напыщенныхъ образовъ г. Мороховецъ не оставляетъ въ покоѣ и художественную литературу, отъ которой онъ, повидимому, слишкомъ далекъ. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи, устанавливая то положеніе, что болѣзни познаются по сравненію съ здоровымъ состояніемъ, онъ говоритъ: «Если и признавалъ Гоголь за болѣзненное явленіе шишку у тунисскаго бея, то только потому, что по штату не полагается быть таковой на носу у здороваго человѣка» (стр. 102). Какъ удивился бы Гоголь, если бы узналъ, какое употребленіе сдѣлано изъ заключительнаго возгласа сумасшедшаго Поприщина («А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка»). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 288) авторъ, не смущаясь, пишетъ: «2-го мая 1453 года грянулъ громъ турецкаго нашествія и погибла греческая культура (и тутъ, конечно, неправда: греческая культура погибла, т.-е. изжила самое себя, много раньше; но не въ этомъ дѣло. В. Х—овъ), крикнувъ въ предсмертной агоніи западу, *какъ (!?) старый Бульба* «слышишь, сыну!..» «слышу, батько», отдалось далекое эхо только что народившихся, едва брезжущихъ свѣточей западной науки и знанія...» Такъ перевираетъ г. Мороховецъ стонъ *Остапа* въ рукахъ палачей: «батько! Гдѣ ты! Слышишь ли все это», и отвѣтъ *Тараса* «слышу»...

Да и вообще въ разсматриваемой исторіи медицинскихъ знаній можно много найти мѣстъ, рискованныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. На стр. 57 мы узнаемъ, что у насъ «геніевъ оказывается слишкомъ много, они остаются не у дѣлъ». Но стр. 170 сказано, что фагоциты «грызли» слоновыя клинья... На стр. 367 сообщается, что врачъ Кене основалъ «школу экономистовъ *или* (!) физіократовъ». Разница между Платономъ и Аристотелемъ, по мнѣнію автора, «лишь относительнаго, такъ сказать, количественнаго характера, но не качественнаго» (стр. 43). Далѣе, витализмъ на стр. 86 совершенно незаконно сопоставляется съ христіанствомъ: «Почему мы должны отдавать преимущество бреднямъ виталистовъ передъ христіанскимъ ученіемъ? Тамъ безграничная фантазія, придумывающая какія угодно положенія ad hoc, драпируясь притомъ въ ученую тогу, а когда нужно и матерію готова превратить въ духъ, здѣсь же опредѣленные догматы, удерживаемые въ опредѣленныхъ предѣлахъ глубокою вѣрою, легко и съ лихвою прикрывающіе всѣ объясненія виталистовъ. Подъ ученой тогой виталистовъ сплошь и рядомъ скрывается, прячется христіанинъ...» И т. д.

Послѣднія 100 страницъ книги трактуютъ о врачѣ и его общественномъ положеніи. Но напрасно было бы искать тамъ какихъ бы то ни было отвѣтовъ на больные вопросы современности. На страницахъ этихъ авторъ, главнымъ образомъ, морализируетъ, наполняя ихъ фразистой неправдой. Напримѣръ, онъ увѣряетъ насъ, что никто изъ поступающихъ на медицинскій факультетъ не смотритъ на избранный путь, какъ на орудіе наживы. «Ели бы даже, говоритъ онъ,—кто изъ студентовъ и пошелъ на медицину ради будущихъ матеріальныхъ выгодъ, то въ круговоротѣ университетской жизни, въ томъ непрерывномъ праздникѣ науки, гдѣ мысль на каждомъ шагу поражается успѣхами знаній въ лучшихъ толкованіяхъ, въ примѣненіи къ страданіямъ человѣчества, гдѣ все посвящено благоденствію человѣчества, гдѣ и больные служатъ своею болѣзнью общему благу, гдѣ все и всѣ имѣютъ задачей служить человѣчеству, тамъ нѣтъ мѣста матеріальнымъ соображеніямъ, а если таковыя и возникаютъ, то они быстро гибнутъ въ самомъ корнѣ» (стр. 373). Однимъ словомъ нѣтъ болѣе зла благодаря безупречнымъ въ своей хрустальной чистотѣ университетамъ! О томъ, что «все и всѣ» въ университетахъ безконечно добродѣтельны, авторъ

не забываетъ, но о вліяніи ихъ черезъ нѣсколько страницъ совсѣмъ уже не такъ сладко поетъ: «Наши университеты не могутъ потушить еще не только тьму недостатковъ въ каждомъ изъ насъ, такъ легко подавляющую и закрывающую все доброе, что мы не только по окончаніи университета «возвращаемся въ первобытное состояніе», т.—е. въ то, въ которомъ состояли до университета, но даже въ университетѣ, къ крайнему прискорбію, иногда отдаемся во власть пороковъ и даже преступленій» (стр. 276). Послѣ увѣренія на стр. 273 въ чистотѣ помысловъ студенчества авторъ изображаетъ ощущенія окончившаго студента, который, «какъ послѣ волшебнаго сна», глядитъ на себя и «отчаяно кричитъ». «Да я тотъ, что и всѣ вокругъ меня, да я тотъ, что и былъ до университета... Не сонъ ли? Сонъ чудный! Нѣтъ, не сонъ!.. Вотъ у меня дипломъ, вотъ и знаніе со мною, но гдѣ та дивно чудная мечта, о которой восторженно я пѣлъ подъ пѣсенку almae matris». (Стр. 374). Но довольно уже многословнаго пустословія автора, пора кончать съ его книгой.

Представляя изъ себя плохой учебникъ для студентовъ, она тѣмъ болѣе не можетъ считаться подходящимъ изданіемъ для широкой публики. А жаль. Популярная исторія медицины, изложенная вдумчиво и научно, дѣйствительно воспроизводящая послѣдовательное развитіе медицинскихъ знаній, могла бы сдѣлать большое дѣло, во первыхъ, содѣйствуя исчезанію тѣхъ невѣжественныхъ представленій, которыя приводятъ публику къ кнейповскому леченію, гомеопатіи, электрогальваническимъ поясамъ и тому подобной ерундѣ, и, во-вторыхъ, способствуя установленію у общества правильнаго взгляда на врача и пониманію тѣхъ предѣловъ, въ какихъ можно предъявлять къ послѣднему требованія.

Отмѣтимъ въ заключеніе то цѣнное, что имѣется въ книгѣ г. Мороховца. Это обиліе рисунковъ, довольно хорошо иллюстрирующихъ исторію медицины. Но и опять-таки среди нихъ много лишняго, напримѣръ, на той страницѣ (349), гдѣ авторъ взываетъ къ цѣломудрію студенчества, помѣщенъ рисунокъ (самъ по себѣ хорошій), изображающій Іосифа, соблазняемаго женою Пентефрія. Быть можетъ, онъ и поучителенъ для студентовъ, но какое же отношеніе все это имѣетъ къ «исторіи медицины и соотношенію медицинскихъ знаній?..»

Врачъ *В. Х—овъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го января до 15-го февраля.

Соловьевъ-Несмѣловъ. Среди людей. Оч. и разск. Т. I. Спб. Изд. Сойкина. Ц. 1 р.

То же, т. II.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

П. Д. Боборыкинъ. Вѣчный городъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Сѣрошевскій. Въ сѣтяхъ. Мск. «Книжное Дѣло». 1903 г. Ц. 80 к.

Элиза Ожешко. Т. XII. Нѣсколько словъ о женщинахъ. Кіевъ. Изд. «Фукса». Ц. за 12 т. 5 руб.

Т. Осадчій. На службѣ обществу. Мск. «Книжное Дѣло». 1902 г. Ц. 75 к.

Луве де-Куврэ. Любовныя похожденія кавалера Фоблаза. Спб. 1903 г.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. Бѣглецъ. Спб. Сойкина. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Короленко. Безъ языка. Спб. «Русское Богатство». 1903 г. Ц. 75 к.

А. Зариньъ. Спиритъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.

А. Измайловъ. Рыбье слово. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Сизова. Ярче свѣтъ—мрачнѣе тѣни. «Б-ка Дѣтскаго Чтенія». Ц. 30 к.

Л. Андреевъ. Баргамотъ и Гараська. Мск. Б-ка «Народнаго Блага». 1903 г. Ц. 5 к.

О. Уальдъ. Баллада Ридингской тюрьмы. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

Г. Барманъ. Апостолъ. Драма. Мск. 1903 г. Ц. 75 к.

М. Метерлинкъ. Монна Ванна. Пьеса въ 3 дѣйств. Мск. Скирмунтъ. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Дегтяревъ. Пѣсни юности. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

Бенедиктъ. На жизненномъ базарѣ. Юмор. стихотв. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Ив. Буниновъ. Стихотворенія. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.

Его же. Разсказы. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Спб. «Знаніе». Ц. 1 р.

Н. Телешовъ. Разсказы. Т. I. «Знаніе». Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Купринъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.

С. Юшкевичъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.

Л. Андреевъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». Ц. 1 р.

А. Серафимовичъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». Ц. 1 р.

М. Горькій. На днѣ. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 60 к.

Его же. Разсказы. Т. I, II, III, IV и V. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. кажд. тома 1 р.

Е. Чириковъ. Пьесы. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 60 к.

Его же. Разсказы. Т. I, II и III. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. кажд. тома 1 р.

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Съ иллюстр. перев. И. Бунина. Спб. 1903 г. «Знаніе». Ц. 2 р.

Шелли. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д Бальмонта. Т. I. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 2 р.

Символистъ. Басни. Мск. «Трудъ». 1903 г. Ц. 60 к.

Н. Лейкинъ. Конецъ пришелъ. Спб. 1903 г. Ц. р. 50 к.

И. Стешенко. Степови мотивы. Кіевъ. 1902 г. Ц. 30 к.

Современные армянскіе поэты. Подъ ред. Л. Уманца и Ар. Дервишъ. Моск. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Никитинъ. «Прощенный демонъ» и друг. стихотвор. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Гинцбургъ. Басни. Вит. 1903 г. Ц. 20 к.

Ив. Бунинъ. Стихотворенія. Т. II. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.

Е. Свѣшникова. Кузьма Мининъ. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 9 к.

Ф. Сморгонскій. Новые мотивы. Стихотв. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

М. Твэнъ. Приключенія Тома. Спб. «Всходы» 1902 г.

К. Фламмаріонъ. Маленькая астрономія. Спб. Изд. Лавровой и Поповой. 1902 г.

А. Федоровъ-Давыдовъ. Маленькія героини. Разск. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 40 к.

Его же. Чернушкина доля. Шуточн. поэма. Мск. Лидертъ. 1903 г. Ц. 60 к.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды. Спб. О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 80 к.

А. Федоровъ - Давыдовъ. Адъютантъ безъ мяса. Мск. 1903 г. Ц. 60 к.

Э. Демольдеръ. Сердце бѣдныхъ. «Б-ка для дѣтей и юношества» Горбунова-Посадова. Мск. 1903 г. Ц. 60 к.

Е. Свѣшникова. Любимая книга. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 3 к.

В. П. Острогорскій. Наталья Борисовна Долгорукая. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 6 к.

А. Сизова. Мать русскаго богатыря. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 25 к.

Ив. Ивановъ. Разсказы о старинѣ. Культ.-ист. очерки. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 25 к.

А. А. Федоровъ - Давыдовъ. Грозный царь

Иванъ Васильевичъ. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 30 к.

М. Лацарусъ. Этика юдаизма. Одс. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Основныя начала христіанск. воспитанія. Сост. В. Д. Харьк. 1902 г. Ц. 90 к.

Н. Рубакинъ. Знаменитые русскіе работники. Кн. I. Симферопо. «Синани». 1903 г. Ц. 18 к.

М. Москаль. Два пути къ счастью—христіанство и соціализмъ. Мск. Карбасникова. 1903 г. Ц. 25 к.

Д-ръ Н. Шиповъ. О материнскомъ инстинктѣ. Смол. 1903 г. Ц. 90 к.

Н. Карѣевъ. Главныя обобщенія всемірной исторіи. пос. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

Н. Новомбергскій. По Сибири. Сборн. статей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Файгингеръ. Ницше, какъ философъ. Мск. Скирмунтъ. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Ермиловъ. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. Мск. 1903 г. Ц. 15 к.

Р. Эйслеръ. Основныя положенія теоріи познанія. Кіевъ. 1902 г. Ц. 50 к.

М. Князева. Природа. Мск. С. Курнинъ. 1903 г. Ц. 35 к.

Л. Богдановичъ. 5 лѣтъ въ гостяхъ у Джонъ-Буля. Т. I. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

Эр. Роттердамскій. Похвала глупости. Юрьевъ. 1903 г. Ц. 1 р.

Т. Лубенцъ. Педагогическія бесѣды. Спб. Луковникова. 1903 г. Ц. 1 р.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Т. I. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій. Культурно-историч. картины изъ жизни Западн. Европы IV—XVIII вв. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

И. Стешенко. Ив. Петр. Котляревскій. Кіевъ. 1902 г. Ц. 30 к.

Анри Мишель. Идея государства. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гр. де-Волланъ. Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Спб. 1903 г.

Д. Янчевецій. У стѣнъ недвижнаго Китая. Спб. 1903 г. Ц. 8 р.

Е. Марковъ. Очерки Крыма. Спб. М. Вольфъ. 1903 г. Изд. 3-е. Ц. 5 р.

В. Азанчевскій. Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Ковнеръ. Систематизація употр. ариом. задачъ. Лодзь. 1902 г. Ц. 60 к.

Гельмгольцъ. Два изслѣдованія по гидродинамикѣ. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Е. Варбургъ. О кинетической теоріи газовъ. Мск. 1903 г. Ц. 15 к.

Van't Hoff. Химическое равновѣсіе. Мск 1902 г.

A. Slaby. Безпроволочный телеграфъ. Мск. 1902 г.

П. Безобразова. О среднемъ и высшемъ образованіи. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

А. Яблоневъ. Воздухоплаваніе. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Первовъ. Жители крайняго сѣвера. Мск. 1903 г. Ц. 15 к.

Н. Комаровъ. Графическая грамотность. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Л. Богдановичъ. Борьба съ торговлей женщинами. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.

І. Литинскій. Петербургскія болѣзни. 1) Малокровіе и блѣдная немочь. Ц. 25 к. 2) Современная «чума» — чахотка. Ц. 40 к. 3) «Болѣзнь вѣка» — неврастенія. Ц. 30 к. Спб. 1903 г.

Э. Лависсъ. Основные моменты политич. исторіи Европы. Мск 1903 г.

М. Покровская. По подваламъ, чердакамъ и и угловымъ квартирамъ Петербуга. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

То же. О жертвахъ общественнаго темперамента. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Г. Эрастовъ. Искусство чтенія. Спб. Митюрникова. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Молчанскій. Больной вопросъ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Владиміръ-Красное Солнышко. Спб. Митюрникова. 1903 г.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. X. Мск. П. Юргенсонъ. 1903 г.

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III. Мск. П. Юргенсона.

Статистическія таблицы и личные списки по Импер. юрьевскому университету. 1802—1901 г.

Е. Пѣтуховъ. Императорскій юрьевскій университетъ за 100 лѣтъ его существованія.

Иллюстрированный Сіонистскій альманахъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Біографическій словарь профес. и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго Университета. Т. I. Подъ ред. Левицкаго. Юрьевъ. 1902 г.

Крестьянскіе промыслы Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губ. Вып. I. Петроз. 1902 г.

Н. Харузинъ. Этнографія. Спб. 1903 г. Ц. I и II вып. 2 р.

Кустарные промыслы крестьянъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ. Петрозав. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. Романовскій. Очерки изъ Грузіи. Тифл. 1902 г. Ц. 3 р.

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Ч. II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Международный конгрессъ по рыболовству и рыбоводству. 1902 г. Въ С.-Петербургѣ.

Н. Дружининъ. Какая нужна намъ средняя школа? 1903 г. Яросл. Ц. 35 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*A Child Mind*» *by R. H. Bretherton* (*John Lane*) *Price: 3 s. 6 d.* (*Душа ребенка*). Интересная и оригинальная книга, въ особенности полезная для родителей и воспитателей, такъ какъ она даетъ имъ возможность проникнуть въ тайны души ребенка. (Athaeneum).

«*Das Verbrechen und seine Bekämpfung*». *Kriminalpsychologie für Mediciner, Juristen und Sociologen von Professor D-r G. Aschaffenburg. Heidelberg* (*Karl Winter*). (*Преступленіе и борьба съ нимъ*). Авторъ этой книги—старшій врачъ отдѣленія для наблюденія за психически больными преступниками, собралъ и обработалъ огромный матеріалъ, относящійся къ соціальнымъ и индивидуальнымъ причинамъ преступленій. Онъ подвергаетъ подробному анализу вліяніе временъ года, расы, религіи, соціальнаго положенія, народныхъ обычаевъ, суевѣрія, спиртныхъ напитковъ, азартныхъ игръ и т. д. на развитіе преступленій. Къ индивидуальнымъ причинамъ преступленій онъ причисляетъ происхожденіе, воспитаніе, образованіе, возрастъ, полъ и т. д. Анализируя эти причины, авторъ говоритъ, что вліяніе образованія на такъ называемую преступность до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено. Авторъ подвергаетъ критикѣ существующую уголовную систему и говоритъ о необходимости реформы уголовнаго законодательства.

(Berliner Tageblatt).

«*Vorgeschichte des Rechts — prähistorisches Recht*» *von Paul Wilutzki. I Band. Mann und Weib, die Eheverfassungen. Breslau* (*Eduard Trewendt*). (*Первобытная исторія права — доисторическое право*). Обладающій большою эрудиціей, авторъ изслѣдуетъ происхожденіе права, первые зачатки котораго зародились въ тяжелой и ожесточенной борьбѣ, ознаменовавшей ранніе періоды существованія человѣчества. Въ этой первой части своего труда авторъ говоритъ о происхожденіи брака и брачномъ правѣ, поліандріи и полигаміи и материнскомъ правѣ. Несмотря на строго научный характеръ своихъ изслѣдованій, авторъ такъ излагаетъ свой предметъ, что онъ становится доступнымъ большому кругу образованныхъ читателей.

(Kölnische Zeitung).

«*The Forests of Upper India and their inhabitants*» *by Thomas W. Webber* (*Edward Arnold*). (*Лѣса верхней Индіи и ихъ обитатели*). Очень интересное описаніе красотъ и разнообразія лѣсовъ, покрывающихъ склоны Гималаевъ, и дикихъ обитателей, населяющихъ ихъ. Авторъ разсказываетъ свои охотничьи похожденія и приключенія въ этихъ лѣсахъ и увлекаетъ читателя своими художественными картинами природы Индіи.

(Nature).

«*Nietzsche et l'Immoralisme*» *par Alfred Fouillée* (*Librairie Alcan*) *5 fr.* (*Ницше и безнравственность*). Въ этомъ новомъ трудѣ извѣстный французскій писатель изслѣдуетъ современное философское движеніе и въ особенности тѣ его стороны, которыя стремятся поколебать основы традиціонной нровственности.

(Journal des Débats).

«*André Chenier*» *par E. Faguet. Paris* (*Librairie Hachette*). (*Андре Шенье*). Очень интересно и живо написанная біографія французскаго поэта Андре Шенье, который умеръ 28 лѣтъ на эшафотѣ во время революціи. Авторъ этой біографіи, хорошо извѣстный французскій критикъ и публицистъ, яркими чертами изобразилъ трагическую судьбу молодого поэта, талантъ котораго обѣщалъ влить новую свѣтлую струю во французскую лирическую поэзію. Но молодой поэтъ и самъ не сознавалъ силы своего таланта, такъ какъ онъ почти ничего не печаталъ и только черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти были изданы его стихотворенія и, такъ сказать, «былъ открытъ его талантъ». Очень хороши и полны драматическаго интереса тѣ главы его біографіи, въ которыхъ авторъ разсказываетъ о послѣднихъ дняхъ жизни поэта.

(Journal des Débats).

«*The Story of the Mormons*» *by William Alexander Linn* (*Macmillan*). *Price: 17 s.* (*Исторія мормоновъ*). Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ поставилъ себѣ цѣлью написать безпристрастную, основанную лишь на фактахъ и послѣдовательную исторію мормоновъ, начиная отъ перваго ихъ появленія до настоящаго времени. Надо отдать справедливость автору, что онъ хорошо справился

со своею задачей, и передъ, читателями дѣйствительно, возникаетъ чрезвычайно яркая и опредѣленная картина той трагикомедіи, которую описываетъ авторъ, и главныхъ ея актеровъ.

(Times).

«Henrik Ibsen» von Rudolph Solthar. Leipzig (Seemann). (*Генрихъ Ибсенъ*). Трудная задача, которую поставилъ себѣ авторъ—изобразить жизнь великаго норвежскаго писателя и помочь читателю разобраться въ его произведеніяхъ, разрѣшена имъ блестящимъ образомъ. Въ своемъ разборѣ произведеній Ибсена авторъ указываетъ на тѣсную духовную связь, существующую между ними, и его оригинальнымъ отношеніемъ къ жизни и искусству.

(Frankfurt. Zeitung).

«Development and Evolution» Including Psychophysical Evolution, Evolution by Orthoplasy and the Theory of Genetic Modes, by Tames Mark Baldwin. London (Macmillan). (*Развитіе и эволюція*). Теорія «органическаго подбора» составляетъ главный предметъ этого научнаго изслѣдованія, представляющаго попытку, примирить между собою двѣ противоположныя теоріи: наслѣдственности и эволюціи, раздѣлившія ученыхъ біологовъ на два лагеря. Врядъ ли, однако, цѣль эта достигнута авторомъ, но и помимо этого книга его представляетъ большой научный интересъ.

(Times).

«The Rise of Religious Liberty in America» by Sanford H. Cobb (Macmillan). 17 s. (*Возникновеніе религіозной свободы въ Америкѣ*). Книга, по существу, распадается на двѣ части. Въ первой авторъ излагаетъ исторію религіозныхъ учрежденій англо-американскихъ колоній до и послѣ объявленія независимости и въ особенности останавливается на отношеніяхъ различныхъ правительствъ штатовъ къ религіознымъ вопросамъ. Вторую часть авторъ посвящаетъ соціальной и политической философіи и высказываетъ свои взгляды на отношенія различныхъ общинъ и сектъ къ религіи.

(Times).

«The true History of American Revolution» by Sydney George Fisher (Lippincott) 10 s. 6 d. (*Истинная исторія американской революціи*). Эта исторія, написанная американцемъ, изображаетъ американскую революцію въ совершенно новомъ свѣтѣ и реабилитируетъ Англію, которая, по словамъ автора, выказывала терпѣніе, уступчивость и снисходительность по отношенію къ колоніямъ. Революція, однако, явилась непосредственнымъ результатомъ продолжительнаго и свободнаго роста колоній; она была подготовлена меньшинствомъ, но приведена въ исполненіе, главнымъ образомъ, буйною толпой. Авторъ постоянно ссылается на оригинальные документы и источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свѣдѣнія объ американской революціи. Онъ сообщаетъ малоизвѣстные факты и хотя съ комментаріями его можно не соглашаться, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать оригинальности его взглядовъ и выводовъ.

(Daily News).

«Am 19 Jahrhunderts Neige in Japan, China und Java» von Globetrott. Zwei Bände. Braunschweig (George Westermann). (*Въ Японіи, Китаѣ и Явѣ въ концѣ XIX-го вѣка*). Несмотря на то, что послѣ китайскихъ событій число литературныхъ произведеній, относящихся къ востоку Азіи, все возрастаетъ, вышеназванная книга, вслѣдствіе своей оригинальности и занимательности, должна все-таки обратить на себя вниманіе читателей. Авторъ называетъ себя туристомъ и въ качествѣ туриста онъ разсказываетъ лишь то, что видѣлъ, и передаетъ свои личныя впечатлѣнія. Но именно простота и непосредственность его разсказа составляютъ главную привлекательность его книги, такъ какъ читатель невольно увлекается его описаніями и переносится въ новый, чуждый ему, міръ, переживая вмѣстѣ съ разсказчикомъ то, что тому пришлось пережить во время его странствованій по азіатскому востоку.

(Frankfurt. Zeitung).

«Die Genesis unserer Kultur» von Stephan v. Czobel. Leipzig (Lotus Verlag). (*Генезисъ нашей культуры*). Въ первой части этой книги авторъ говоритъ о развитіи религіозныхъ понятій, какъ основы прогрессивной религіи. Авторъ разсматриваетъ религіозныя понятія, также какъ и соціальныя условія, съ точки зрѣнія общихъ законовъ развитія, стараясь найти доказательства, что тѣ же самые психологическіе законы, которые вызываютъ развитіе формъ внутренней культуры, религіи и искусства, автоматически производятъ также и всѣ внѣшнія формы культурной жизни, а именно: политическія и соціальныя условія. Вторую часть своего крайне интереснаго и цѣннаго изслѣдованія въ области исторіи нашей культуры, авторъ посвящаетъ изученію развитія соціальныхъ условій и высказываетъ при этомъ свои соціально-политическіе взгляды.

(Neue Freie Presse).

«Bettina von Arnim und Friedrich-Wilhelm IV» von Ludwig Geiger Frankfurt (Rütten und Loning) (*Беттина фонъ-Арнимъ и Фридрихъ-Вильгельмъ IV*). Названная книга заключаетъ въ себѣ много интереснаго и новаго матеріала, бросающаго любопытный свѣтъ на отношенія, существовавшія между Беттиной Арнимъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, личность котораго, въ такомъ освѣщеніи, становится болѣе понятной и болѣе симпатичной. Авторъ

книги, проводя параллель между Беттиной и королемъ, говоритъ, что Беттина обладала почти мужскимъ характеромъ и рѣшительностью, тогда какъ король представлялъ прямую противоположность, и въ характерѣ его преобладали чисто женскія черты. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ узкомъ кругѣ предразсудковъ своего сословія, тогда какъ она становилась все свободнѣе и независимѣе и все болѣе проникалась демократическими воззрѣніями, являясь заступницей бѣдныхъ и угнетенныхъ. Личность Беттины и эпоха, которую описываетъ авторъ, настолько интересны, что, безъ сомнѣнія, каждый читатель, взявшій эту книгу, не положитъ ее на мѣсто, пока не прочтетъ до конца.

(Berliner Tageblatt).

«*Weltgeschichte seit des Völkerwanderung*» *von Th. Lindner. Stuttgart. Berlin.* (*Cottasche Buchhandlung*) (*Міровая исторія со времени переселенія народовъ*). Вышелъ второй томъ этого обширнаго труда, который будетъ состоять изъ девяти томовъ. Авторъ довелъ его до паденія исламитской и византійской культуры и образованія европейскихъ государствъ. Онъ стремится объединить отдѣльные факты міровой исторіи и предоставить общую картину историческаго развитія, охватывающую все пространство отъ крайняго азіатскаго востока до западныхъ границъ Европы и отъ скандинавскаго сѣвера до знойныхъ степей Средней Азіи.

(Frankfurter Zeitung).

«*My life in two Hemispheres*» *by Sir Charles Gavaon Duffy. Two Volumes* (*Fisher Unwin*). *Price: 7 s.* (*Моя жизнь въ двухъ полушаріяхъ*). Это новое популярное изданіе автобіографіи выдающагося ирландскаго журналиста, который былъ членомъ «молодой Ирландіи» и бунтовщикомъ на своей родинѣ, но, переселившись въ Австралію, сдѣлался выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, представляетъ очень интересную главу изъ исторіи ирландскаго движенія. «Это было національное движеніе чистѣйшаго типа», говоритъ авторъ. Католики и протестанты соединились вмѣстѣ въ борьбѣ за свободу, но результатъ оказался печальный: неудавшееся возмущеніе и судъ. Обманутый въ своихъ лучшихъ надеждахъ, авторъ покинулъ свою несчастную родину, которой онъ не могъ служить такъ, какъ бы этого хотѣлъ. Но въ Австраліи онъ нашелъ вторую родину, которой и посвятилъ всѣ свои силы. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ идеи австрійской федераціи.

(Daily News).

«*True Tales of Mountain Adventure*» *by M-r Aubrey Le Blond (T. Fisher Unvin). 10 s. 4 d.* (*Правдивые разсказы о приключеніяхъ въ горахъ*). Очень занимательная книга, въ особенности для тѣхъ, кто мечтаетъ о странствованіяхъ по ледникамъ и горамъ. Авторъ описываетъ образованіе и движеніе глетчеровъ и лавинъ, опустошенія, которыя производятъ эти послѣднія на своемъ пути, и разсказываетъ исторію знаменитыхъ альпійскихъ проводниковъ, чудесные случаи спасенія и т. д., а также исторію нѣсколькихъ замѣчательныхъ восхожденій. (Daily News).

«*History in Biography*» *by H. L. Powell. With Illustrations* (*A. C. Black*) (*Исторія въ біографіяхъ*). Это четвертый выпускъ изданія, имѣющаго цѣлью представить исторію въ видѣ цѣлаго ряда біографій выдающихся мужчинъ и женщинъ. Авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію и умѣнье распорядиться огромнымъ матеріаломъ, который у него находился въ рукахъ. (Bookseller).

«*Heroines of Daily Life*» *by Frank Mundell* (*Sunday School Union*). (*Героини повседневной жизни*). Дешевое, популярное изданіе, доказывающее, что въ обыденной жизни и обстановкѣ героизмъ проявляется иногда съ не меньшею силой, чѣмъ въ критическіе моменты, когда даже обыкновенный человѣкъ становится героемъ. Но герои и героини обыденной жизни незамѣтны и только присмотрѣвшись къ ихъ жизни, можно бываетъ убѣдиться въ томъ, что они часто совершаютъ настоящіе подвиги.

(Daily News).

«*Heroines of Travel*» *by Frank Mundell* (*Sunday School Union*) (*Героини путешествій*). Интересная книга, описывающая подвиги женщинъ путешественницъ въ разныхъ частяхъ свѣта.

(Daily News).

«*Human Evolution*» *by G. Rome Hall* (*Swan Sonnenschein*). *Price: 7 s. 6 d.* (*Человѣческая эволюція*). Эта книга представляетъ попытку разрѣшить нѣкоторые изъ самыхъ жгучихъ современныхъ вопросовъ и изобразить эволюцію соціализма на научныхъ основаніяхъ. Авторъ хорошо справился со своею задачей.

(Daily News).

«*The Village Problem*» *by G. F. Millin. Social Science Series* (*Swan Sonnenschein*). *Price: 2 s. 6 d.* (*Проблема деревни*). Авторъ изучаетъ причины обезлюдѣнія деревней и стремленія сельскаго населенія переселяться въ городъ. Онъ говоритъ о попыткахъ возстановить прежнюю деревенскую жизнь и изслѣдуетъ причины, вызвавшія неудачу этихъ попытокъ, также какъ и многихъ экономическихъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью спасеніе деревни.

(Daily News).

ПИСЬМО ГЕОРГА БРАНДЕСА.

(по поводу статьи д-ра Жбанкова).

Сообщила **В. Спасская.**

Въ редакцію было доставлено г-жою В. Спасской нижеслѣдующее письмо Георга Брандеса въ отвѣтъ на приписанное ему мнѣніе о бракѣ, какъ «законномъ страхованіи для непрерывнаго полового наслажденія», которое приведено д-ромъ Жбанковымъ въ статьѣ «О врачахъ» (см. «Міръ Божій» 1902 г., № 6) со ссылкой на журналъ «Врачъ» 1899 г., № 12. Въ свою очередь во «Врачѣ» сдѣлана ссылка на книгу Нордау и на отзывъ д-ра Böing'а о взглядахъ Брандеса. Оказывается, что они переданы ошибочно. Вотъ что пишетъ извѣстный датскій критикъ, публицистъ и общественный дѣятель, г-жѣ В. Спасской въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ:

«Я никогда не слыхалъ имени *Böing* и не знаю, кто это такой. Но само собою разумѣется, что я никогда не говорилъ и не писалъ *ни одной строки* изъ тѣхъ глупыхъ и гнусныхъ росказней, которыя изъ меня «цитируютъ». Онѣ взяты изъ книги Нордау «Вырожденіе» («Entartung»), гдѣ онъ разсказываетъ обо мнѣ эту ложь.

«*Можетъ быть*, началомъ этому послужило слѣдующее: когда-то, кажется въ 1885 г., когда на меня напали за то, что въ статьѣ объ Арне Гарборгѣ я высказалъ сожалѣніе по поводу аскетизма, въ которомъ заставляютъ жить незамужнихъ женщинъ высшихъ сословій, я отвѣтилъ маленькимъ изображеніемъ точки зрѣнія *Лютера* на бракъ и безбрачіе и показалъ, какого низменнаго взгляда на бракъ держался *Лютеръ*. Чтобъ я самъ раздѣлялъ этотъ взглядъ, я, сочиненія котораго были всегда исполнены сильнѣйшаго идеализма въ воззрѣніи какъ на половыя отношенія, такъ и на всѣ другіе вопросы,— это такъ нелѣпо, что не заслуживаетъ обсужденія».

Не наше дѣло входить въ разборъ, почему и какъ Нордау счелъ возможнымъ приписать Георгу Брандесу взгляды, которыхъ онъ, повидимому, не только никогда самъ не высказывалъ, какъ онъ это категорически заявляетъ, но и не сочувствуетъ имъ: ограничиваемся помѣщеніемъ настоящаго разъясненія въ виду того, что д-ръ Жбанковъ, также какъ и сотрудникъ «Врача», какъ многіе другіе, читавшіе книгу Нордау, введены въ заблужденіе ошибочными свѣдѣніями, сообщаемыми нѣмецкимъ писателемъ, пріобрѣтшимъ не по заслугамъ шумную извѣстность.

Въ дополненіе къ сказанному считаемъ умѣстнымъ лишь привести, по указанію г-жи Спасской, слѣдующее мѣсто изъ инкриминируемой статьи Брандеса объ Арне Гарборгъ: «Не велико искусство требовать цѣломудрія,—писалъ Брандесъ.—Не изъ любви къ пороку качаютъ на это головой зрѣлые люди, а потому, что они знаютъ, что шаткая добродѣтель всегда во много разъ естественнѣй и здоровѣй неестественнаго порока, а при настоящемъ уровнѣ развитія человѣчества приходится обыкновенно выбирать или то, или другое. Пусть воспитаніе, путемъ незамаскированнаго изображенія половыхъ отношеній, сдѣлаетъ свое, чтобъ удержать инстинкты въ естественныхъ предѣлахъ; но не будемъ воображать, что ихъ можно подавить или искоренить, не вызвавъ въ

человѣкѣ дефектовъ или отупѣнія. Аскетизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ въ данную минуту практикуется почти исключительно значительнымъ большинствомъ незамужнихъ женщинъ высшихъ сословій, есть несчастье, противоестественная вещь, жертва, зачастую приносимая ничтожному предразсудку. Жизнь инстинкта есть и остается въ такой же мѣрѣ почвой для цвѣтка фантазіи и красоты, какъ и для ядовитыхъ и зловонныхъ растеній. Если духовныя преимущества покупаются порой слишкомъ дорого принесеніемъ въ жертву чистоты и невинности, то дѣйствительная чистота, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ только кажущаяся, тоже можетъ быть куплена слишкомъ дорогой цѣной, если ведетъ за собой снѣдающую тоску и всю ограниченность умственнаго безплодія и затаенныхъ томленій» и т. д.

Указывая, вполнѣ правильно, на отрицательныя стороны аскетизма, которыхъ игнорировать нельзя, Брандесъ въ другомъ мѣстѣ («Главн. теченія въ литерат. XIX-го в.», глава о Бональдѣ) напоминаетъ, что «идеалъ, который никогда не забудется и порою все же достигается, конечно, заключается въ томъ, чтобы два человѣческихъ существа, соединившихся на всю жизнь, любили другъ друга до самой смерти,—больше того: любили другъ друга такою любовью, которая длится и за предѣлами смерти. Но этотъ идеалъ есть слѣдствіе рѣдкаго и счастливаго выбора, а не принудительныхъ мѣръ». Итакъ, счастливый бракъ, при свободномъ выборѣ, разрѣшаетъ наилучшимъ образомъ, по мнѣнію Брандеса, сложные вопросы о цѣломудріи, объ аскетизмѣ и «шаткой добродѣтели», которая пріобрѣтаетъ устойчивость при удовлетворенномъ чувствѣ. Не будучи строгимъ и педантичнымъ моралистомъ, датскій писатель считаетъ, что и Бьернсонъ слишкомъ обострилъ требованія къ мужскому цѣломудрію, предъявляемыя во имя брака, и хотя считаетъ послѣдовательную моногамію желательнымъ явленіемъ, откровенно признается, что у него нѣтъ опредѣленныхъ мнѣній относительно того, что можетъ произойти на землѣ черезъ нѣсколько тысячелѣтій. Его больше интересуетъ вопросъ о непосредственныхъ, невольныхъ жертвахъ внѣбрачныхъ отношеній, т.-е. вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ: «Разумный и желательный прогрессъ,—пишетъ Брандесъ въ статьѣ о «Мартинѣ Лютерѣ, безбрачіи и бракѣ»,—я вижу въ томъ, чтобы эротически-брачный вопросъ сдѣлался совершенно частнымъ дѣломъ, и чтобы развитіе достигло въ то же время такихъ предѣловъ, чтобы никто не бросалъ своихъ дѣтей.

«Въ наши дни есть два рода рожденій и одинъ родъ смерти. Рожденія частью законны, частью незаконны; смерть всегда законна. Въ будущемъ, можетъ быть, будутъ знать одинъ родъ рожденія, какъ и одинъ родъ смерти. Въ вѣчность нашихъ учрежденій я не вѣрю, но вѣрю, что человѣчество преодолѣетъ трудности, кажущіяся намъ неразрѣшимыми на настоящей ступени нашей культуры». *Ред.*

ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ.

Въ пользу школы **В. П. Острогорскаго** въ Валдаѣ поступило въ контору редакціи съ 20-го ноября 1902 г. до 20-го февраля:

Отъ А. Д. Б.	2	р.	—	к.
» Д-ра А. А. Киселя изъ Москвы	10	»	—	»
» В. Ѳ. Лебедева	2	»	—	»
» N.	1	»	—	»
» Е. Соловьева	—	»	50	»
» Тимоѳеева	1	»	—	»
» Н. Алякритскаго	—	»	50	»
» В. Алякритскаго	—	»	50	»
» N.	—	»	50	»
» Побѣдимскаго	—	»	50	»
» Сигорскаго	1	»	—	»
» Скворцова	3	»	—	»
» Побѣдимскаго	1	»	—	»
» Свящ. Г. Крутикова	1	»	—	»
» Б. Ш.	13	»	—	»
Итого	37	»	50	»
А всего съ прежде поступившими	**705**	»	**91**	»

Кромѣ того поступили въ контору редакціи,

1. Отъ Ю. Е. Золотарева въ пользу школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова 5 »
2. Черезъ учителя И. И. Зиннера изъ Покровска Самар. губ. отъ учащихся усть-караманской земской школы и разныхъ лицъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая финляндцевъ. . . . . 3 » 14 »

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Годъ XII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 27-го марта 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр
1.	О СОВРЕМЕННОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ. Леонидъ Андреевъ. **М. Невѣдомскаго.**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЛѢСУ. **А. Лукьянова.**	43
3.	ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. Разсказъ. **Вацлава Сѣрошевскаго.**	44
4.	ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. III. Устройство общества въ кіевской Руси. **Н. Рожкова.**	74
5.	МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** Переводъ съ нѣмецкаго. (Продолженіе). **Л. Горбуновой**	96
6.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ***. **Л. Василевскаго.**	116
7.	ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ. (Повѣсть въ письмахъ). (Окончаніе). **М. Крестовской.**	117
8.	БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ. Д-ра **Л. Шейниса.**	168
9.	«ИСПОРТИЛАСЬ». Очеркъ. **Евгенія Чирикова.**	188
10.	РАБОЧІЕ ИНСТИТУТЫ ВЪ ШВЕЦІИ. **К. Грэнхагена.**	202
11.	ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гэмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе)	213
12.	КОМЕТЫ ВЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ. **К. Покровскаго.**	235
13.	ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. Академика **И. П. Бородина.**	257
14.	СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЪ. SCHWANSEE. **Сергѣя Маковскаго.**	272

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Беллетристическіе сборники гг. Серафимовича, Телешова, Куприна, Юшкевича.—«Трусъ», г. Куприна.—Изъ текущей беллетристики—«Не страшное» г. Короленки.—Истинно-русскія рѣчи гг. Сигмы, Меньшикова, Энгельгардта и др.—Иллюстрація «добрыхъ газетныхъ нравовъ» въ дѣлѣ Чермана, Рамма и Ѳ. Булгакова.—«Милые бранятся—только тѣшатся». **А. Б.**	1

стр.

16. О ДОБРОВОЛЬНОМЪ РАБСТВѢ. По поводу: Ек. Лѣтковой «Рабъ». 1903 г. **Ѳ. Батюшкова.** 17
17. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. Вселенная-организмъ и «новые лучи». — Золото и фосфоръ въ метеоритахъ. II. Успѣхи техники: безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ; кататипія. **В. Агафонова.** 26
18. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Постановленія новгородскаго губернскаго комитета. — Земскія учрежденія въ степномъ краѣ. — Алкогольная статистика. — Бюджетъ крестьянина Саратовской губ. — Положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ. — Сухумская санаторія. — За мѣсяцъ. — Некрологи. 39
19. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русское Богатство» — февраль. — «Вѣстникъ Воспитанія» — январь. — «Вѣстникъ Европы» — мартъ. — «Образованіе» — мартъ). 55
20. **За границей.** Положеніе консервативной партіи въ Англіи. — Упадокъ земледѣльческой Англіи. — Протестъ противъ театральной цензуры. — Профессоръ Гарнакъ и императоръ Вильгельмъ. — Изъ области женскаго движенія. — Школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ въ Швеціи. 64
21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Фламандская литература. — Погребенный городъ въ пескахъ пустыни и покинутый городъ въ Индіи. — Императоръ Вильгельмъ съ психологической точки зрѣнія. — Турецкій султанъ и его докладчикъ. . . 73
22. «НА ДНѢ» М. ГОРЬКАГО ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ТЕАТРѢ. **Э. П.** 79
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія русская. — Право. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Медицина и гигіена. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 90
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ПЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Продолженіе). 89
26. ЗЕМНАЯ КОРА. Проф. **Карла Запперъ.** Съ многочислен. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 89

О СОВРЕМЕННОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ.

Г. Леонидъ Андреевъ.

Странное время мы переживаемъ... Что сказалъ бы русскій читатель лѣтъ 15—20 назадъ, если бы ему попалась въ руки книга въ родѣ сборника г. Андреева?—Помилуйте, никакой идеи, никакого положительнаго міросозерцанія. Мы до сихъ поръ гордились нашими беллетристами, цѣня въ нихъ именно тотъ духъ общественности и гуманности, которымъ проникнуты всѣ лучшія ихъ созданія,—тотъ духъ, которымъ наша родная литература такъ выгодно отличается отъ современной литературы Запада. А тутъ, въ этомъ Андреевѣ, что вы въ немъ найдете? Болѣзненное, злобное, предвзято-пессимистическое настроеніе; все, на подборъ, типы уродливыхъ, оторванныхъ отъ жизни, больныхъ и озлобленныхъ людей, которые трактуются не въ связи съ окружающей средой и породившими ихъ условіями, а такъ, сами по себѣ, да въ качествѣ таковыхъ, повидимому, и занимаютъ автора. Реализмъ, горькая, жестокая правда и обличенія—желательны и прекрасны. Давайте ихъ намъ, давайте побольше; но давайте ихъ такъ, какъ давалъ Достоевскій: озаряйте всѣ эти картины болѣзни и ожесточенія свѣтомъ любви и состраданія или протестующаго чувства; пусть отрицательная правда, вами изображенная, пробуждаетъ въ душѣ читателя скорбь и тоску по правдѣ положительной, пусть картины уродства и низости вызываютъ мечту о высотѣ и совершенствѣ и даже намѣчаютъ пути къ этой высотѣ и совершенству... А тутъ—ничего подобнаго... Ничего положительнаго ни въ общественномъ, ни въ моральномъ отношеніи. Скорѣе даже напротивъ: многія мысли, не только героевъ, выводимыхъ г. Андреевымъ, но и самого автора надо безусловно назвать нравственно-отрицательными. Конечно, нельзя отнять у автора значительнаго и самобытнаго художественнаго дарованія; но вѣдь тѣмъ хуже—тѣмъ опаснѣе его писанія...

Такъ высказался бы, вѣроятно, читатель 70-хъ и 80-хъ годовъ о повѣстяхъ г. Андрееева. Такъ, или почти такъ, высказались бы и критики. А если бы они могли предвосхитить прекрасную формулу Л. Н. Толстого, столь кратко и точно резюмирующую взглядъ того времени на

пскусство, они бы сказали: никчёмная литература, ничуть не служащая добру, не объединяющая, а разъединяющая людей,—вредная литература. И они были бы правы по своему: *добра* въ повѣстяхъ г. Андреева, добра въ томъ смыслѣ, какъ принято употреблять это слово,—въ смыслѣ гуманности, морали, общественности,—такого добра въ повѣстяхъ г. Андреева очень мало, оно почти отсутствуетъ въ нихъ; а если и присутствуетъ кое-гдѣ, то не къ выгодѣ этихъ повѣстей, какъ мы постараемся доказать ниже.

И что же? Этотъ почти абсолютно лишенный добра сборникъ г. Андреева раскупается черезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ печати, а затѣмъ, въ теченіе какого-нибудь года, выдерживаетъ 4 изданія. Очевидно, съ русскимъ читателемъ произошла значительная перемѣна...

Измѣнилась, впрочемъ, и критика. Вспомните судьбу А. Чехова. Онъ тоже мало содержалъ *добра* въ произведеніяхъ первой половины своей дѣятельности. И какъ долго пришлось ему завоевывать то мѣсто, которое онъ занялъ теперь, какъ долго не хотѣли признавать его! Теперь, во имя «идейности» его послѣднихъ очерковъ, критика уже смилостивилась и произнесла надъ нимъ свое «прощаю и отпускаю». Правда, читатель, и особенно молодой, довольно давно, вопреки критикѣ, привыкъ его читать и, какъ это ни странно, полюбилъ его именно въ періодъ его расцвѣта—въ періодъ, лишенный *добра*... Что касается г. Андреева, то путь ему, очевидно, былъ уже проторенъ, и критика, — та самая, которая не хотѣла раньше признавать г. Чехова,—встрѣтила его, съ первыхъ же его шаговъ, болѣе чѣмъ благосклонно *). Не этимъ однако долженъ быть объясненъ его успѣхъ у читателя... Властителей думъ, Бѣлинскихъ, у насъ въ настоящую минуту нѣтъ: время теперь другое, гораздо болѣе сложное; на всѣхъ не угодишь, всѣхъ за собой не поведешь даже въ той сравнительно однородной средѣ, гдѣ законодательствовалъ Бѣлинскій. Читатель, несомнѣнно, эмансипируется отъ критиковъ; онъ какъ будто начинаетъ убѣждаться, что имѣетъ право мыслить на свой собственный ладъ, за собственный счетъ и страхъ. И при этомъ, онъ теперь не «почитываетъ» только то, что «пописываетъ» писатель, какъ сравнительно еще недавно сѣтовалъ Щедринъ; нѣтъ, онъ читаетъ серьезно и жадно,

---

*) Въ послѣднее время, главнымъ образомъ на столбцахъ „Нов. Врем.“, начался ожесточенный походъ противъ г. Андреева, за „безнравственность“, изъ-за двухъ-трехъ натуралистическихъ сценъ въ его очеркахъ. Но такъ какъ началъ походъ г. Буренинъ, который давно занялъ особую позицію по отношенію къ нашей современной литературѣ, какъ бы exprofesso усматривая въ ней „все только лишь навозъ да соръ“; такъ какъ привѣтствовавшая его фельетонъ гр. С. Толстоя ограничила свой отзывъ о произведеніяхъ г. Андреева одними цитатами буренинскаго фельетона, а третій обвинитель,г. Розановъ уже разъяснилъ, что грѣхи г. Андреева проистекаютъ отъ „неуваженія къ полу“ (sic), то... все это къ дѣлу совершенно не относится.

читаетъ все, читаетъ не для препровожденія времени, а съ цѣлью использовать по своему писательскія мнѣнія. (Одно изъ фактическихъ доказательствъ тому—огромное количество серьезныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ, ежегодно поступающихъ на книжный рынокъ). Да, сложное время мы теперь переживаемъ, сложное и интересное.

Подобно Чехову и Горькому, г. Андреевъ несомнѣнно *самъ* завоевалъ, нашелъ себѣ читателя, или былъ найденъ читателемъ.

Чѣмъ завоевалъ, почему былъ найденъ?—вотъ вопросъ, на который мы хотѣли бы отвѣтить.

Но можетъ быть отвѣтъ, и самый естественный, напрашивается самъ собой... Г. Андреевъ художникъ: живой изобразительный талантъ, сочная кисть, образная, крылатая рѣчь, въ родѣ М. Горькаго,—одного этого уже достаточно, чтобы завоевать читателя, особенно въ наше время, столь скудное именно такими талантами.

Посмотримъ же, что представляетъ собою г. Андреевъ, какъ художникъ? Сначала займемся его внѣшними пріемами, его техникой, а затѣмъ и внутренней стороной его творчества. Въ первомъ отношеніи онъ является вполнѣ современнымъ художникомъ. Онъ широко пользуется тѣми техническими средствами, которыя созданы европейской беллетристикой, и, благодаря особенно Мопассану, широкой волной захлынули и къ намъ. Подобно Горькому и отчасти Чехову, онъ рѣшительный импрессіонистъ. Каждый тонъ, каждый штрихъ онъ накладываетъ не съ заботой о протокольно-вѣрномъ воспроизведеніи дѣйствительности, а *по впечатлѣнію*:—рѣзко намѣчая только наиболѣе яркую сторону того ощущенія, которымъ намѣренъ «заразить» читателя, и отбрасывая остальное. Всегда и вездѣ не детальный чертежъ, а характеръ въ линіи, впечатлѣніе въ краскѣ—вотъ импрессіонизмъ. Этотъ пріемъ нельзя регламентировать никакими общеобязательными, для всѣхъ и всюду примѣнимыми правилами. Субъективная впечатлительность художника подсказываетъ каждый разъ выборъ: въ одномъ случаѣ это будетъ моторное ощущеніе, впечатлѣніе выпуклости, впадины, величины, объема, движенія; въ другомъ—зрительное, въ третьемъ—слуховое. Можно сочинить цѣлые эстетическіе трактаты для руководства въ дѣлѣ этого выбора, но научить его дѣлать, научить писать по импрессіонистки—все равно кистью, перомъ ли—нельзя.

Приведемъ нѣсколько образчиковъ импроссіонистской живописи г. Андреева. Вотъ прелестныя первыя строки очерка «Бездна»,—чудная, можетъ быть лучшая по живописи, сценка во всемъ сборникѣ.

„Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замѣчали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологомъ холмѣ, темнѣла небольшая роща, и сквозь вѣтви деревьевъ краснымъ раскаленнымъ угломъ пылало солнце, зажигало воздухъ и весь его превращало въ огненную золотистую пыль. Такъ близко и такъ ярко было солнце, что все кругомъ словно исчезало, а онъ только одно оставалось, окрашивало дорогу и равняло ее. Глазамъ идущихъ стало больно, они повернули назадъ, и сразу передъ ними все потухло, стало

спокойнымъ и яснымъ, маленькимъ и отчетливымъ. Гдѣ-то далеко, за версту или больше, красный закатъ выхватилъ высокій стволъ сосны, и онъ горѣлъ среди зелени, какъ свѣча въ темной комнатѣ; багровымъ налетомъ покрылась впереди дорога, на которой теперь каждый камень отбрасывалъ длинную черную тѣнь, да золотисто-краснымъ ореоломъ свѣтились волоса дѣвушки, пронизанные солнечными лучами. Одинъ тонкій вьющійся волосъ отдѣлился отъ другихъ и вился и колебался въ воздухѣ, какъ золотая паутинка.

„И то, что впереди стало темно, не прервало и не измѣнило ихъ разговора. Такой же ясный, задушевный и тихій, онъ лился спокойнымъ потокомъ и былъ все объ одномъ: о силѣ, красотѣ и безсмертіи любви. Оба они были очень молоды: дѣвушкѣ было всего семнадцать лѣтъ. Нѣмовецкому на четыре года больше, и оба они были въ ученической формѣ: она въ скромномъ коричневомъ платьѣ гимназистки, онъ въ красивой формѣ студента-технолога. И какъ и рѣчь, все у нихъ было молодое, красивое и чистое: стройныя, гибкія фигуры, словно пронизанныя воздухомъ и родныя ему, легкая упругая поступь и свѣжіе голоса, даже въ простыхъ словахъ звучавшіе задумчивой нѣжностью, такъ, какъ звенитъ ручей въ тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ темныхъ полей".

«Весь воздухъ — огненная *золотистая пыль...*», «*Близкое* яркое солнце», а потомъ—«багровый *налетъ* на дорогѣ» и длинныя тѣни; золотистый ореолъ волосъ, *пронизанныхъ* солнечнымъ лучомъ, и тонкая «золотая паутинка» отдѣлившагося волоска — все это зрительный импрессіонизмъ—настоящая живопись: два, три характерныхъ тона, и глазъ уже дорисовываетъ остальное и видитъ лучше, чѣмъ если бы ему былъ представленъ обстоятельный рапортъ. А въ концѣ цитированнаго мѣста уже смѣшанный пріемъ: передается цѣлостное впечатлѣніе отъ двухъ юныхъ существъ и зрительными, и звуковыми, и моторными ощущеніями: стройныя, гибкія фигуры, легкая упругая поступь... И особенно покоряетъ васъ зрительный символъ: «словно пронизанныя воздухомъ и *родныя* ему». Вся сила въ какихъ-нибудь двухъ словахъ, которыя надо было только выбрать. Смѣемъ увѣрить читателя, что это мопассановское *умѣніе выбирать* онъ съ трудомъ найдетъ у Тургенева и его сверстниковъ, почти не встрѣтитъ у Толстого и совсѣмъ не найдетъ у Гоголя. А вотъ звуковая картина изъ «Набата»:

„Я открылъ глаза и сразу понялъ, что это набатъ, и что горитъ ближайшее село—Слободищи. Въ комнатѣ было темно, и окно закрыто, но отъ страшнаго зова она вся, съ своей мебелью, картинами и цвѣтами, какъ будто вышла на улицу, и не чувствовалось ни стѣнъ, ни потолка.

„Не помню, какъ я одѣлся, и не знаю, почему я побѣжалъ одинъ, а не съ людьми...

„Теперь звуки были ясны и точны и летѣли съ безумной быстротой, какъ рой раскаленныхъ камней. Они не кружились въ воздухѣ, какъ голуби тихаго вечерняго звона, они не расплывались въ нихъ ласкающей волной торжественнаго благовѣста—они летѣли прямо, какъ грозные глашатаи бѣдствія, у которыхъ нѣтъ времени оглянуться назадъ, и глаза расширены отъ ужаса.

„— Бамъ! Бамъ! Бамъ!—летѣли они съ неудержимой стремительностью, и сильные обгоняли слабыхъ, и всѣ вмѣстѣ впивались въ землю и пронизывали небо".

«*Не чувствовалось ни стѣнъ, ни потолка*», у звуковъ «нѣтъ времени оглянуться назадъ, *и глаза расширены отъ ужаса*», они «впивались въ землю и пронизывали небо»—вотъ рядъ мастерскихъ мазковъ, съ изумительной силой воспроизводящихъ состояніе ужаса, доходящаго до своихъ крайнихъ предѣловъ, которое вызываетъ въ душѣ набатъ.

Л. Толстой говоритъ въ своемъ «Что такое искусство?», что тайна художественности состоитъ въ умѣніи найти на струнѣ математически точно ту точку, при нажимѣ которой получится вѣрный тонъ. Совершенно невѣрное опредѣленіе для музыки, оно ничего не даетъ и вообще: дѣло не въ объективной точности и вѣрности звука, не въ математической точкѣ, которую надо нащупать пальцемъ; иначе величайшимъ художникомъ пришлось бы признать какой-нибудь механическій органъ съ очень точнымъ механизмомъ, это орудіе пытки для всякаго музыкальнаго уха! Вся суть и вся тайна внѣшнихъ пріемовъ художественнаго творчества коренится не въ объективной точности, а въ безусловно субъективномъ и *произвольномъ* выборѣ той точки, на которую долженъ нажать палецъ, говоря фигурально;—въ произвольномъ выборѣ той стороны явленія, которая сразу посвятитъ зрителя, читателя, слушателя въ переживаемое художникомъ настроеніе. Само собою разумѣется, что произволъ здѣсь только кажущійся. Если выборъ точки и не подлежитъ никакой регламентаціи, если онъ есть дѣло полубезсознательнаго художественнаго чутья, то все же въ каждомъ данномъ случаѣ выборъ долженъ остановиться на чемъ-нибудь одномъ и обязательно только на этомъ. Въ такомъ смыслѣ «точка» выходитъ, дѣйствительно, *математической*. И это единственная математическая точка, единственная правда и точность, возможныя и нужныя въ искусствѣ. Новое искусство хорошо это поняло, и потому распрощалось съ фотографіей и протоколомъ и стало импрессіонистскимъ.

Приведемъ еще образецъ сложнаго импрессіонизма, со смѣшаннымъ, комбинированнымъ выборомъ «математической точки», отмѣчая курсивомъ интересующія насъ выраженія.

Алексѣя Степановича, механика на мельницѣ (очеркъ «На рѣкѣ»), будитъ работникъ Никита (механикъ заснулъ послѣ мрачныхъ размышленій объ отношеніяхъ къ нему жителей слободы, парни которой недавно побили его за амурныя похожденія). На дворѣ первый весенній день.

„Полный *темными* впечатлѣніями ночи Алексѣй Степановичъ неохотно повернулся отъ стѣны и былъ ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ, наполнявшимъ комнату. Въ окно *падалъ золотой столбъ* солнечнаго свѣта и *въ немъ* весело поблескивалъ пыхтѣвшій самоваръ; а снаружи неслись бодрые звуки голосовъ и *отчаянно звонкое* щебетаніе воробьевъ. Никита, подававшій самоваръ, открылъ форточку, и оттуда несло *ароматнымъ тепломъ, ласкавшимъ горло* и щекотавшимъ въ носу. Первый разъ за недѣлю выглянуло солнышко, и все радовалось ему“.

Повторяемъ, такъ пишетъ Горькій, отчасти Чеховъ, и пріемы эти почти вовсе были чужды нашему художеству предшествующаго періода. Особенно, если говорить о прозѣ. У стихотворцевъ, конечно у лучшихъ изъ нихъ, и прежде всего у Пушкина, можно найти этотъ пріемъ. Оно и естественно. Истинное искусство всегда отправляется отъ непосредственнаго впечатлѣнія и идетъ къ впечатлѣнію же, перефразируя извѣстную поговорку: въ немъ всегда впечатлительность впечатлительности вѣсть подаетъ. А поэзія стихотворная давно у насъ стала искусствомъ въ большей степени, чѣмъ прозаическая беллетристика, которая всегда (до самыхъ послѣднихъ дней) содержала въ себѣ изрядную примѣсь морали, педагогики, публицистики. Кромѣ того, стихотворцы прямо технически были заинтересованы въ пріисканіи методовъ, дающихъ концентрированность выраженія, экономію средствъ, и имъ естественно было выбирать «математическую точку».

Кромѣ импрессіонисткой живописи, въ пріемахъ г. Андреева есть еще два новшества: синтетическое трактованіе предмета и окружающей среды и драматическій методъ повѣствованія. Первый пріемъ заключается въ томъ, что обстановка изображается, не какъ фонъ только, на которомъ выступаютъ дѣйствующія лица, а трактуется въ связи съ этими лицами: прослѣживается постоянно воздѣйствіе ея на нихъ, какъ бы прослѣживаются тѣ рефлексы, которые она отбрасываетъ на ихъ фигуры. Новыхъ примѣровъ намъ приводить не нужно; прекрасными образцами этого пріема могутъ служить недавно приведенныя цитаты: одна изъ «Бездны», изображающая «пронизанныя воздухомъ» фигуры двухъ влюбленныхъ юнцовъ, а другая изъ очерка «На рѣкѣ»—сцена пробужденія машиниста при яркомъ свѣтѣ весенняго солнца. Этотъ пріемъ вы найдете и въ началѣ очерка «Въ подвалѣ», гдѣ въ сумерки «изъ темныхъ угловъ медленно поднимается смерть, сторожащая больного» героя очерка; въ послѣдней вещи г. Андреева «Въ туманѣ» («Журналъ для всѣхъ» 1902 г., № 12) самое заглавіе какъ бы устанавливаетъ связь между пейзажемъ и судьбою злополучнаго героя. Г. Андреевъ вообще нигдѣ не измѣняетъ этому пріему. Подобно импрессіонизму онъ занесенъ къ намъ сравнительно недавно изъ Европы, и еще Тургеневъ, напримѣръ, не зналъ его: у него вы постоянно чувствуете отсутствіе связи между фономъ и фигурами; пейзажу у него то и дѣло отводится особое мѣсто и онъ тщательно занимается имъ, какъ чѣмъ-то самостоятельнымъ, самодовлѣющимъ. Пріемъ, названный нами драматическимъ методомъ повѣствованія, имѣетъ своимъ источникомъ тотъ же импрессіонизмъ, туже экономію и концентрированность средствъ, о которыхъ мы только что говорили; но здѣсь дѣло идетъ не о статикѣ изображаемаго типа или явленія, а о выясненіи ихъ генезиса, ихъ прошлаго. Тургеневъ мало-по-малу, къ концу своей дѣятельности, освобождался отъ старинаго пріема давать curriculum vitae и даже родословную своихъ ге-

роевъ (составлять «протоколъ» ихъ прошлому). Толстой всегда начинаетъ ex abrupto, драматически; но часто затѣмъ возвращается къ прошлому, къ исторіи. Мопассанъ, а за нимъ Чеховъ всегда начинаютъ драмой и продолжаютъ драмой, на самихъ фактахъ, въ разговорахъ или въ дѣйствіяхъ, вскрывая передъ нами личность героя. Даже о внѣшности, о манерахъ, и интонаціяхъ голоса они даютъ намъ представленіе, лишь исподволь, мимоходомъ вставляя тотъ или иной штрихъ среди дѣйствій и разговоровъ, такъ сказать, подъ шумокъ ихъ.

Г. Андреевъ вездѣ и неизмѣнно слѣдуетъ этому пріему. Онъ часто даже не называетъ по именамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ началѣ очерка, а такъ и начинаетъ съ мѣстоименій третьяго лица.

„*Они* играли въ винтъ три раза въ недѣлю",— такъ начинается „Большой шлемъ".

„Уже кончался день, а *они* двое все шли" („Бездна").

„*Онъ* сильно пилъ, потерялъ работу" („Въ подвалѣ").

„Ты лжешь, я знаю ты лжешь... И здѣсь *она* лгала..." („Ложь").

И ужъ всегда съ самыхъ первыхъ словъ вводитъ въ самое сердце драмы, изображаемой очеркомъ.

„Я и другой прокаженный, мы осторожно подползли къ самой стѣнѣ и посмотрѣли вверхъ. Отсюда гребня стѣны не было видно; она поднималась, прямая и гладкая, и точно разрѣзала небо на двѣ половины. И наша половина неба была буро-черная, а къ горизонту темно-синяя, такъ что нельзя было понять, гдѣ кончается черная земля и начинается небо.

Это начальныя строки очерка «Стѣна»: въ нихъ содержится какъ бы проспектъ всего очерка.

«Молчаніе» начинается съ драматической мольбы попадьи: «Отецъ, пойдемъ къ Вѣрочкѣ»—пойдемъ, чтобы разрѣшить ту загадку, которую Вѣрочка уноситъ съ собою въ могилу, чтобы разрушить то молчаніе, которое составляетъ трагедію и проклятіе всего дальнѣйшаго существованія отца Игнатія.

Благодаря такому пріему, читатель сразу входитъ въ интимные интересы героя или героевъ, сразу окунается въ ту атмосферу, которой они дышатъ, и съ первыхъ строкъ уже какъ бы закупленъ: какъ бы участвуетъ въ ихъ жизни, «зараженъ» ею. Наивная средневѣковая драма не обходилась безъ прологовъ; прологи и введенія еще недавно процвѣтали въ романахъ. Теперь художники открыли, что самое лучшее введеніе—это именно сразу *ввести* въ дѣйствіе. Много лѣтъ понадобилось для такого простого открытія; но вѣдь и все простое открывалось длиннымъ путемъ отбрасыванія лишняго, усложняющаго. Загляните хотя бы въ исторію физики и вы убѣдитесь въ этомъ, какъ нельзя нагляднѣе.

Этимъ импрессіонизмомъ въ литературной живописи, да синтетическимъ и драматическимъ пріемами повѣствованія, и исчерпываются, на нашъ взглядъ художественные *плюсы* г. Андреева. Къ нимъ, впрочемъ, надо еще прибавить прекрасный, умный, точный, словно изъ

стали отточенный языкъ и тщательную обработку стиля — качества, которыми г. Андреевъ выгодно выдѣляется изъ большинства современныхъ беллетристовъ. Все это конечно большіе плюсы; мы думаемъ даже, что въ наше время иначе писать нельзя, что вкусъ публики уже установился въ этомъ отношеніи, что эти пріемы являются обязательными для всякаго беллетриста, желающаго теперь сказать что. нибудь современному культурному человѣку. Въ большей или меньшей степени вы можете усмотрѣть эти пріемы у всѣхъ современныхъ беллетристовъ. Нѣкоторые, даже за сравнительно недолгое время своей дѣятельности, мѣняются именно въ этомъ направленіи. Такъ В. Вересаевъ, начавшій съ пріемовъ тургеневской эпохи постепенно пришелъ къ новой манерѣ. Въ этомъ отношеніи, его маленькіе разсказы, печатавшіеся въ «Мірѣ Божьемъ» за 1901 г. и особенно послѣдній изящный очеркъ «Паутина» («Образованіе», № 11 за 1902 г.) рѣзко отличаются отъ его первыхъ вещей. Но какъ бы ни были велики эти чисто внѣшніе плюсы г. Андреева, какъ бы ни ярокъ былъ его живописный талантъ, уступающій изъ молодыхъ беллетристовъ только одному Горькому, для насъ несомнѣнно, что не одной этой внѣшней стороной опредѣляется его успѣхъ. Не беллетристическіе пріемы его повинны въ томъ, что, по выраженію г. Савича (въ замѣткѣ о г. Андреевѣ въ «Revue»), русскіе люди одно время не иначе встрѣчали другъ друга, какъ вопросомъ: «Читали Андреева?» Не эти пріемы вызвали и рядъ рефератовъ о немъ, какъ, напримѣръ, въ петербургскомъ кружкѣ имени Полонскаго или въ научно-литературномъ обществѣ въ Одессѣ: въ этихъ рефератахъ меньше всего удѣлялось мѣста именно эстетической сторонѣ его творчества.

Покончивъ съ плюсами, переходимъ къ минусамъ.

Прежде всего, даже въ указанномъ отношеніи, въ примѣненіи новыхъ художественныхъ пріемовъ, г. Андреевъ далеко не безупреченъ. Извѣстная преднамѣренность, искусственность, даже манерность постоянно замѣчаются въ его живописи. Часто чувствуется, что импрессіонизмъ его пускается въ ходъ глубоко сознательно и планомѣрно, является разсчитаннымъ, лишеннымъ непосредственности, а иногда переходитъ въ эффектничаніе. Мы привели, дѣйствительно, избранные образцы изъ его очерковъ. Въ цитированныхъ мѣстахъ нельзя усмотрѣть только что указанныхъ недостатковъ. Приведемъ теперь образчики и другого рода.

Рядомъ съ приведенной выше звуковой картиною изъ «Набата» есть такое мѣсто:

„Была ночь и я безпокойно дремалъ, когда въ мое ухо вошелъ тупой и отрывистой звукъ, какъ будто шедшій изъ подъ пола, вошелъ и застылъ въ мозгу, какъ круглый камень. За нимъ сорвался другой, такъ же короткій и тяжелый, и головѣ сдѣлалось тяжело и больно, словно густыми каплями на нее капалъ расплавленный свинецъ“.

Этотъ избытокъ конкретно-чувственныхъ поясненій для передачи психическаго ощущенія, весь этотъ арсеналъ болетворныхъ орудій представляется намъ искусственно нагроможденнымъ и черезъ мѣру эффектнымъ, а посему и не производящимъ никакого эффекта. Въ этомъ очеркѣ читатель легко найдетъ еще не одинъ подобный образчикъ импрессіонизма, пущеннаго въ ходъ a froid, по мѣткому слову Л. Толстого, и отсутствія чувства мѣры. Сюда надо отнести самый образъ съумасшедшаго, на котораго натыкается разсказчикъ на пути къ мѣсту пожара. Казалось бы, и такъ слишкомъ достаточно всякихъ ужасовъ: «камней», «расплавленныхъ капель» и т. п. Нѣтъ, понадобился еще сумасшедшій, у котораго «лицо было блѣдно, и мокрая, не засохшая еще кровь покрывала щеку и блестѣла, отражая огонь»; онъ бѣжитъ слѣдомъ за мальчикомъ и поетъ все «громче и веселѣе», передразнивая набатъ: «Бамъ, бамъ, бамъ»!!... Это уже не яркость образовъ и красокъ, а *красочность*, не здоровый и тонкій импрессіонизмъ, а либо холодно-разсчитанное и лишенное вкуса исканіе эффектовъ, либо какое-то патологическое стремленіе терзать нервы и себѣ, и читателю. Такимъ же нагроможденіемъ ужасовъ является вся жизнь отца Игнатія (въ очеркѣ «Молчаніе») съ момента самоубійства его дочери. Вотъ что онъ, по увѣренію г. Андреева, переживалъ на кладбищѣ, послѣ долгой и тщетной мольбы къ покойной о раскрытіи тайны ея смерти:

„И о. Игнатій, еще разъ оглянувшись кругомъ, отстранилъ волосы отъ уха и прилегъ имъ къ жесткому, колючему дерну.

„— Вѣра, скажи!

„И съ ужасомъ почувствовалъ о. Игнатій, что въ ухо его вливается что-то могильно-холодное и студитъ мозгъ, и что Вѣра говоритъ, — но говоритъ она все тѣмъ же долгимъ молчаніемъ. Все тревожнѣе и страшнѣе становится оно, и когда о. Игнатій съ усиліемъ отдираетъ отъ земли голову, блѣдную, какъ у мертвеца, ему кажется, что весь *воздухъ дрожитъ и трепещетъ отъ гулкаго молчанія, словно на этомъ страшномъ морѣ поднялась дикая буря.* Молчаніе душитъ его; оно ледяными волнами перекатывается черезъ его голову и шевелитъ волосы; оно разбивается о его грудь, стонущую подъ ударами“.

Подъ тирадой, которую мы отмѣтили курсивомъ, не отказался бы подписаться самъ г. Валерій Брюсовъ или кто-нибудь изъ его соратниковъ: дикая буря на страшномъ морѣ гулкаго молчанія!

Но геркулесовыхъ столповъ вычурности и чрезмѣрности г. Андреевъ достигаетъ въ символическомъ очеркѣ «Стѣна». Уже не говоря о томъ, что на авансцену, въ качествѣ представителей измученнаго, но жаждущаго идеала и счастья—человѣчества, выведены «я и еще одинъ прокаженный», у коего «голосъ былъ гнусавый и зловонный, такой же, какъ у меня», даря г. Андрееву эти дѣланные, тривіальные, искусственно-мучительные образы, нельзя не оцѣпенѣть передъ такими экцессами мучительства надъ читателемъ и такой извращенной фантазіей, какъ сцена танцевъ прокаженнаго со здоровой дѣвушкой.

«Я обнималъ ее, а она смѣялась, и зубки у нея были бѣленькіе, бѣленькіе, и щечки розовенькія, розовенькія. Это было такъ пріятно»! Танецъ заканчивается тѣмъ, что оба танцующіе начинаютъ, здорово живешь, безъ всякихъ видимыхъ основаній «грызть другъ друга и убивать».

До сихъ поръ мы брали картины, которымъ авторъ придаетъ характеръ ужаснаго, устрашающаго. A la guerre comme à la guerre, скажутъ пожалуй иные: здѣсь всѣ средства хороши. Но тѣ же недостатки мы найдемъ и въ изображеніи совсѣмъ мирныхъ картинокъ и сценъ. Въ очеркѣ «Большой шлемъ» есть подробность, опредѣляющая все его содержаніе: четверо людей въ теченіе шести лѣтъ, трижды на каждой недѣлѣ собираются вмѣстѣ для игры въ карты, и ровно ничего другъ про друга не знаютъ, даже адресовъ не знаютъ. Только внезапная смерть одного изъ игроковъ и затрудненіе, какъ извѣстить его домашнихъ, побуждаетъ хозяйку дома справиться у другого сотоварища по зеленому полю: «А вы, Яковъ Ивановичъ, все на той же квартирѣ?» Этой справкой и заканчивается очеркъ. Согласитесь, что это слишкомъ эффектно, или, попросту, совершенно фальшиво. Отношеніе Сашки и его отца къ восковому «ангелочку» (въ очеркѣ того же названія) грѣшитъ тѣмъ же недостаткомъ. Каковъ бы ни былъ предвзятый субъективизмъ зрителей, но можно ли слѣдующимъ образомъ рисовать впечатлѣніе отъ простой игрушки, елочнаго украшенія (которыя, какъ извѣстно, изготовляются не въ мастерскихъ Фидіевъ и Праксителей, а продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и мелочныхъ лавкахъ): «Все добро, сіяющее надъ міромъ, все глубокое горе и надежду тоскующей о Богѣ души впиталъ въ себя ангелочекъ, и оттого онъ горѣлъ такимъ мягкимъ божественнымъ свѣтомъ, оттого (!) трепетали безшумнымъ трепетаніемъ его прозрачныя стрекозиныя крылышки». Къ тому же разряду «мирныхъ» дефектовъ надо отнести и письмо канцеляриста Андрея Николаевича («У окна») къ его возлюбленной: чтобы показать до чего вывѣтрилась и высохла душа героя, г. Андреевъ заставляетъ его сочинить настоящій рапортъ въ балаганно-канцелярскомъ стилѣ, напоминающемъ извѣстные куплеты писаря въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»; сюда же относится, пожалуй, весь очеркъ «Ложь», почти сплошь состоящій изъ склоненія по падежамъ этого слова и спряженія глагола «лгать»...

Г. Андреевъ доходитъ до нѣкоторой вычурности и въ примѣненіи того пріема, которой мы назвали драматическимъ. Мы уже выписали выше рядъ первыхъ строчекъ его очерковъ, начинающихся съ мѣстоименій третьяго лица. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ злоупотребляетъ этимъ, что и здѣсь обнаруживается искусственность, битье на эффектъ.

Но довольно о внѣшнихъ минусахъ г. Андреева. Есть въ его творчествѣ дефекты и внутренняго свойства, и гораздо болѣе серьезные.

Еще Бѣлинскій устанавливалъ различіе, впослѣдствіи, къ сожалѣ-

нію, у насъ забытое, между двумя типами художниковъ, двумя родами художественнаго творчества. Или художникъ отправляется отъ непосредственныхъ переживаній и путемъ полу-ирраціональнаго процесса художественной интуиціи доходитъ до возсозданія существеннаго, общаго, типичнаго. Тогда онъ изображаетъ жизнь, какъ она есть, даже вѣрнѣе, чѣмъ она есть, ибо очищаетъ ее въ своемъ воспроизведеніи отъ всего случайнаго и преходяще-частнаго. Онъ истолковываетъ намъ жизнь посредствомъ своихъ конкретныхъ образовъ, но не резюмируетъ, не подводитъ итога, а лишь подсказываетъ намъ его своими образами. Не подводитъ онъ итога, не формулируетъ его потому, что не въ силахъ этого сдѣлать ни онъ и никто изъ его современниковъ, стоящихъ на одномъ съ нимъ уровнѣ жизнепониманія и культуры. Но тотъ синтезъ, къ которому онъ лишь подводитъ сегодня своими полуиррацiональными, художественными путями, завтра будетъ сформулированъ человѣчествомъ съ философской опредѣленностью и раціональностью. Такой художникъ предтеча философа. Его дѣятельность есть истинно художественное творчество, одна изъ важнѣйшихъ отраслей культуры и соціальнаго жизнестроительства, совершенно самостоятельная область, равная или даже высшая по своему значенію съ наукой, съ моральной философіей.

Или художнику кажется, что онъ владѣетъ уже готовой отвлеченной истиной или истинами, и онъ иллюстрируетъ ихъ въ своихъ образахъ, дабы сдѣлать ихъ понятными и доступными другимъ, дабы пріобщить къ нимъ этихъ другихъ. Это не художникъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а беллетристъ-иллюстраторъ. У художниковъ перваго типа процессъ идетъ отъ впечатлѣнія къ обобщенію и укладывается въ сумму индуктивной работы человѣческаго духа; при этомъ онъ логически какъ бы не доводится до конца, а доброй половиной своей остается въ области подсознательнаго. У второго типа готовое обобщеніе лишь аналитически облекается въ наглядныя, удобопонятныя формы. Въ первомъ случаѣ предчувствуется и подсказывается новый синтезъ, новая истина, художникъ является провидящимъ и формующимъ новую правду, какъ бы пророкомъ (Карлейль именно такъ и называетъ его); во второмъ онъ лишь популяризаторъ. Степень дарованія, количественная сторона его не играетъ при этомъ никакой роли: все дѣло въ качествѣ. И небольшой талантъ можетъ быть «пророкомъ», если только онъ искренній, чуткій созерцатель, ибо и онъ можетъ подводить свой художественный итогъ жизни. И каждый честный посильный итогъ внесетъ свою индивидуальную ноту въ общій хоръ, свою лепту въ работу человѣческаго самопознанія и окажется «пророчествомъ»: художественные итоги, сводимые въ данную эпоху, всегда въ силу вещей, благодаря новому воздуху, которымъ дышитъ художникъ, отличаются отъ итоговъ предшествующей эпохи (которые уже сформулировны, которыми всѣ живутъ и которыми заниматься уже

нечего) и содержатъ въ себѣ элементы будущаго. Обращаясь къ частнымъ случаямъ, мы замѣтимъ, что г. Вересаевъ, напримѣръ, съ внѣшней стороны не столь одаренный, какъ г. Андреевъ, долженъ быть зачисленъ въ категорію «пророковъ», ибо онъ прежде всего честный созерцатель, въ лучшихъ своихъ вещахъ отправляющійся отъ наблюденій и переживаній, вдумчивый искатель итоговъ; даже его «Записки врача», представляющія такую неизящную смѣсь художества съ публицистикой и антропологіей, говорятъ о томъ же его свойствѣ, какъ художника. Г. Андреевъ же, несомнѣнно, принадлежитъ къ художникамъ второго, низшаго типа, къ беллетристамъ, по терминологіи Бѣлинскаго. Указанные два типа рѣдко наблюдаются въ цѣльномъ и чистомъ видѣ; художники въ своемъ творчествѣ по большей части идутъ смѣшаннымъ путемъ, и потому лишь приближаются одни къ первому типу, другіе ко второму. Г. Андреевъ очень яркій, безпримѣсный представитель своего типа, типичный беллетристъ-иллюстраторъ. Онъ всегда работаетъ на готовую тему, которой задался впередъ: мысль его почти всегда опредѣленна и ясна: пусть это будетъ вопросъ, которому онъ еще не нашелъ рѣшенія, но это не предвкушеніе синтеза, а анализъ, именно *мысль*. Мы беремся доказать, что у него нѣтъ почти ни одного художественнаго типа, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, почти ни одного характера; нѣтъ бытового элемента, нѣтъ, словомъ, художественнаго воспроизведенія жизни.

Что такое художественной типъ или характеръ? Это, образъ, соединяющій въ себѣ сумму внѣшнихъ и психическихъ данныхъ, внутренно связанныхъ между собою, психологически опредѣляющихъ одно другое, а въ совокупности своей опредѣляющихъ одну изъ тѣхъ жизненныхъ разновидностей, на которыя раскладается человѣчество, одну изъ тѣхъ категорій, на которыя человѣчество по мѣрѣ своего развитія и роста самопониманія медленно и постепенно, но все съ большимъ и большимъ совершенствомъ научается подраздѣлять себя. Это подраздѣленіе, эта классификація, служащія дѣлу тѣхъ жизненныхъ итоговъ, о которыхъ мы только что говорили и столь же жизненно необходимыя, были и остаются всецѣло достояніемъ искусства. Научныя, вполнѣ раціоналистическія данныя для такой классификаціи еще отсутствуютъ. Путемъ безсознательно накопленнаго психологическаго опыта мы по двумъ-тремъ даннымъ уже отгадываемъ остальныя, дорисовываемъ всего человѣка, ибо чувствуемъ ту внутреннюю связь, то соотношеніе въ какомъ эти данныя находятся. Художники и здѣсь, подобно тому, какъ они *выбираютъ* въ техникѣ, умѣютъ выбрать именно тѣ данныя, которыя облегчатъ намъ наше отгадываніе, наше *пониманіе* всего типа. И вотъ заполучивъ такую художественно *выбранную* часть, мы понимаемъ цѣлое, мы какъ бы умѣемъ становиться на мѣсто изображаемаго человѣка; намъ кажется, что мы можемъ мыслить и чувствовать за него, говорить его голосомъ,

дѣлать его жесты. Такъ относимся мы къ тѣмъ огромнымъ категоріямъ, на которыя разбили человѣчество Шекспиры, Пушкины, Гоголи; такъ понимаемъ мы Рудина, Базарова, Лизу. Великій художникъ нашъ Л. Толстой, совмѣщающій въ себѣ и творца-пророка, и беллетриста, и моралиста, среди проповѣдей своихъ успѣлъ поставить передъ нами живьемъ не одну такую категорію, въ родѣ Каратаева, Нехлюдова, княжны Эллень, Карениной, Каренина. Хмурые, недоговоренные, не совсѣмъ ясные образы А. Чехова все же даютъ намъ обрывки того же пониманія, намеки на тѣ же категоріи. Большими по своему захвату обобщеніями прокидываются среди неукротимой моральной пропаганды Максима Горькаго образы Шакро («Спутникъ»), отца и сына («На плотахъ»), Маякина и Ѳомы («Ѳома Гордѣевъ»). У г. Андреева мы съ трудомъ отыщемъ два-три образа, которые могли бы стать рядомъ съ только что названными не только въ качествѣ художественно-равноцѣнныхъ, но даже въ качествѣ однородныхъ по своей художественной сущности.

Въ цѣлой серіи его очерковъ мы находимъ только одинъ дѣйствительно художественный, т.-е. непосредственно воспроизводящій жизнь: это «Жили-были». И двѣ фигуры, выведенныя въ немъ, фигура купца Кошевѣрова и его антитезы, сосѣда по больничной койкѣ, діакона, являются, пожалуй, единственными у г. Андреева вполнѣ живыми реалистическими образами. Всю жизнь растратившій въ одинокомъ озлобленіи, «безъ нужды, безъ пользы, безъ радости», въ молодые годы на воровство у хозяина подъ угрозой жестокихъ побоевъ, а затѣмъ «душившій своимъ капиталомъ маленькихъ людей» и, въ свою очередь, жестоко бившій тѣхъ, кто попадался ему въ воровствѣ, «богатый и одинокій» купецъ Кошевѣровъ лежитъ въ больницѣ; онъ принялъ мѣры, чтобы избавиться отъ всякихъ посѣтителей, и лежитъ со своимъ опухшимъ животомъ на койкѣ, съ угрюмымъ стоицизмомъ дожидаясь смерти. А діаконъ живая, слезливо-восторженная натура, суетится рядомъ съ нимъ, ко всякому слову приговаривая «за милую душу», объясняется въ любви всѣмъ окружающимъ и страшно не хочетъ умирать, ибо ему «солнушка жалко»: «Ахъ отецъ, отецъ! Солнушка жалко. Кабы ты зналъ... какъ оно у насъ... въ Тамбовской губерніи свѣтитъ. За ми .. за милую душу!» Въ этихъ двухъ фигурахъ, несомнѣнно, много заправдашней жизненности. Съ особенной полнотою обрисованъ Кошевѣровъ. Каждый изъ насъ сталкивался съ подобными дѣятелями прилавка, отгородившими себя этимъ прилавкомъ отъ людей и заугрюмѣвшихъ въ своей оторванности до потери самой элементарной общительности, самой элементарной способности сочувствовать. Аналогичный съ кое-чѣмъ ранѣе въ этомъ родѣ писаннымъ (напомнимъ итоги купецкаго житья, которые подводитъ Луневъ въ «Троихъ» Горькаго), этотъ свѣжій, сильный и законченный образъ заставляетъ забывать своихъ предшественниковъ именно въ силу своей законченности.

Здѣсь читатель получаетъ полное *пониманіе* и до того роднится со злой и угрюмой душой, заключенной въ нѣкогда могучее, а теперь обезображенное болѣзнью тѣло «богатаго и одинокаго» купца, что возмутительная, циничная выходка Кошевѣрова въ концѣ очерка не вызываетъ въ немъ негодованія: кажется, что и самъ, на его мѣстѣ, такъ же отнесся бы къ суетливому оптимисту, придавилъ бы его подслушанной у врачей новостью, что ему жить уже недолго.

Но если образъ Кошевѣрова—полный и цѣльный образъ, если въ немъ звучатъ всѣ ноты того аккорда, который представляетъ собою всякое живое существо съ человѣческимъ обликомъ, то остальныя фигуры, нарисованныя г. Андреевымъ, напоминаютъ не аккордъ, не хоръ, а въ отдѣльности тѣхъ крестьянъ-рожечниковъ, которые всю жизнь тянутъ каждый одну ноту, лишь вмѣстѣ составляя хоръ. Это не типы, не характеры, а лишь *положенія*. И люди, которыхъ авторъ ставитъ въ эти положенія, послушно тянутъ каждый свою, одну только—ноту. Въ самомъ дѣлѣ, попытайтесь, напримѣръ, стать на мѣсто которагонибудь изъ четверыхъ игроковъ въ «Большомъ шлемѣ», ухитритесь послѣ шестилѣтняго знакомства не знать ни рода занятій, ни общественнаго положенія, ни даже мѣста жительства своихъ партнеровъ!.. Это вамъ не удастся, и именно по той причинѣ, что игроки эти не живые люди, а лишь рожечники, тянущіе каждый порученную ему авторомъ ноту, впрочемъ въ данномъ случаѣ даже всѣ вчетверомъ—одну ноту, ибо почти никакими индивидуальными признаками авторъ ихъ не надѣлилъ... Но зато невозможно не разслышать той унылой ноты, которую они всѣ вчетверомъ тянутъ, она ясна и очевидна: это мысль г. Андреева о полной разобщенности, царящей въ нашей жизни, объ одиночествѣ, возможномъ даже на людяхъ, вчетверомъ. Мы не знаемъ толкомъ, что это за люди, какая обстановка, какія жизненныя условія довели ихъ до этой разобщенности и равнодушія другъ къ другу; въ картинѣ нѣтъ ничего реалистическаго, она утрирована, вымышлена; но, какъ символъ, ярко и ясно передающій намъ мысль автора, она дѣлаетъ свое дѣло. Нужно было умереть одному изъ игроковъ, чтобы другой задумался надъ жизнью, продѣлалъ силлогизмъ «Кай—человѣкъ и проч.» и какъ бы умозаключилъ отсюда, что у него есть что-то общее съ покойнымъ партнеромъ, помимо зеленаго поля:

„Никогда,—медленно, по слогамъ, произнесъ Яковъ Ивановичъ, чтобы убѣдиться, что такое слово существуетъ и имѣетъ смыслъ (онъ соображаетъ, что Николай Дмитріевичъ умеръ и никогда не узнаетъ, что у него на рукахъ былъ вѣрный большой шлемъ). Такое слово существовало и имѣло смыслъ, но онъ былъ до того чудовищенъ и горекъ, что Яковъ Ивановичъ снова упалъ въ кресло и безпомощно заплакалъ отъ жалости къ тому, кто никогда не узнаетъ, и отъ жалости къ себѣ, ко всѣмъ, такъ какъ страшное и безсмысленно-жестокое будетъ и съ нимъ, и со всѣми. Онъ плакалъ—и игралъ (въ одиночествѣ) за Н. Д. его картами и бралъ взятки одну за другой“...

Вы видите, даже, тутъ, въ моментъ озарившаго его сознанія, онъ

остается картежникомъ прежде всего и... рожечникомъ прежде всего, и тянетъ свою ноту.

«Большой шлемъ» самая характерная для г. Андреева вещь. Относительно ея врядъ ли можетъ быть два мнѣнія: воспроизведенія жизни въ ней нѣтъ совсѣмъ. Если очеркъ и имѣетъ видимость рисунка съ натуры, если мысль автора и облечена въ лоскутья реальной правды, то вся ненатуральность его по существу и полное отсутствіе типовъ и бытового элемента не дадутъ читателю впасть въ заблужденіе.

Двѣ только что охарактеризованныя вещи можно назвать типичными крайностями, двумя полюсами: между ними располагаются всѣ остальные очерки. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ чисто беллетристическимъ полюсомъ, очеркомъ «Большой шлемъ», находятся: «Стѣна», «Молчаніе», «Ложь», «Бездна», «Мысль» («Міръ Божій», іюль 1902г.)и т. д. Ближе другихъ къ художественному «Жили-были» встанутъ послѣднія вещи г. Андреева, помѣщенныя въ декабрьскихъ №№ «Журнала для всѣхъ» и «Русскаго Богатства»: «Въ туманѣ» и «Иностранецъ», а изъ прежнихъ—«Въ темную даль» и, пожалуй, «Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ». Какъ ни очевидна *мысль* г. Андреева и въ этихъ вещахъ, но въ нихъ все же больше тѣхъ лоскутьевъ и обрывковъ реальной правды, присутствіе которыхъ мы отмѣчали даже въ «Большомъ шлемѣ. Если основывать сужденіе на написанномъ г. Андреевымъ до сихъ поръ, можно думать, что ему знакомы сколько-нибудь близко только больница и студенческая среда, да развѣ еще жизнь юнцовъ изъ богатыхъ домовъ (на это указываютъ очерки «Въ туманѣ» и «Въ темную даль»), да кое-какія черты подонковъ городской культуры, золоторотцевъ и проститутокъ. А все прочее, вся остальная жизнь, извѣстна ли она непосредственно нашему автору? Мы сомнѣваемся. Герои г. Андреева вообще мало разговариваютъ, онъ, видимо, предпочитаетъ самъ говорить за нихъ, подробно излагая ихъ мысли, филіацію переживаемыхъ ими настроеній. Не показываетъ ли это, что г. Андреевъ какъ бы и самъ не особенно заботится о замаскированіи своихъ «рожечниковъ?» Мы не будемъ далѣе аргументировать свое утвержденіе объ отсутствіи у него типовъ. Напомнимъ только, что подобно картежникамъ «Большого шлема», не пустятъ насъ встать на свое мѣсто и остальные его герои,—въ родѣ мономана отца Игнатія, все существованіе котораго сводится къ мучительной загадкѣ о «молчаніи» его погибшей дочери; или доктора Керженцева, героя очерка «Мысль»: въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли за все время существованія міра нашелся хоть одинъ человѣкъ, продѣлавшій такія вещи, какъ кража денегъ у нуждающихся товарищей-студентовъ, или развратъ съ горничной, любовницей покойнаго папаши, въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ стоитъ тѣло умершаго, а затѣмъ убійство пріятеля, и все это—въ цѣляхъ главнымъ образомъ теоретическихъ, для морально-психологическихъ экспериментовъ надъ самимъ собою! Тоже надо ска-

зать и о героѣ «Бездны», попавшемъ въ такое ужасающее, исключительное, почти не представимое положеніе и уже по одному этому не типичномъ; и о мономанѣ, спрягающемъ и склоняющемъ «ложь» и «лгать», умертвившемъ лживую женщину, которая ему измѣняла, но «не умертвившемъ лжи», и о другомъ мономанѣ канцеляристѣ изъ очерка «У окна», который «сидѣлъ въ своей комнаткѣ, и стѣны и потолокъ обнимали его и защищали отъ жизни и людей»: страхъ жизни—вотъ единственная нота, которую тянетъ этотъ рожокъ *)...

Въ итогѣ, мы должны придти къ выводу совершенно отрицательному. Даже къ двумъ отрицательнымъ выводамъ.

У г. Андреева нѣтъ типовъ, нѣтъ воспроизведенія жизни въ томъ смыслѣ, какой указанъ нами выше. Нѣтъ, стало быть, истиннаго художества—это разъ. Но помимо этого, его нельзя признать и беллетристомъ-иллюстраторомъ, въ силу ирреальности, одноцвѣтности,—я готовъ сказать, отвлеченности—формъ, въ которыя онъ облекаетъ свою мысль. Иллюстрація должна уяснять и доказывать мысль художника именно конкректностью своей, близостью къ жизни. Беллетристическій образъ не есть истинное воспроизведеніе жизни; по сравненію съ дѣйствительно художественнымъ образомъ, онъ всегда есть частность. Но онъ долженъ быть имитаціей жизни и, какъ всякая имитація, долженъ обладать, хотя бы на одной поверхности, свойствами оригинала. Таковы иллюстраціи къ теоріи наслѣдственности, которыя далъ въ серіи своихъ романовъ Золя (онъ, какъ извѣсто, не написалъ ни одного романа безъ предварительныхъ этюдовъ съ натуры, будь то хотя бы недѣля изученія Вѣчнаго города). Такъ Болеславъ Маркевичъ молилъ Шеншина описать кого-нибудь изъ знакомыхъ семинаристовъ «побезобразнѣе», ибо такой типъ былъ ему нуженъ для создаваемаго имъ романа; сюда же относятся всѣ идейные разсказы Осиповича-Новодворскаго, Каронина, Цебриковой и мн. др. Всѣ эти писатели, совершенно несравнимые по своему таланту и значенію, принадлежатъ къ типу беллетристовъ-реалистовъ. Г. Андреевъ къ нему не принадлежитъ. Его образы слишкомъ близки къ тѣмъ идеямъ, которыя должны воплощать. Это не конкретные образы, а, за немногими исключеніями,—*символы*. Выражаясь фигурально и переворачивая вверхъ ногами гегелевскую теорію эстетики, которой слѣдовалъ и Бѣлинскій, можно сказать, что *идеи-матери*, какъ ихъ назвалъ Гёте, на самомъ дѣлѣ являются идеями-*внучками* истинно-художественныхъ образовъ, и даже не рожденными еще внучками, внучками in spe. Беллетристическій образъ является, наоборотъ, внукомъ идеи; а беллетристическій символъ состоитъ съ идеей въ еще болѣе близкомъ родствѣ — это ея сынъ, и такой же безплотный и почти

*) Г. Михайловскій въ своей статьѣ объ Андреевѣ („Рус. Бог." 1901 г. № 11) сводитъ къ этой ноты, къ *страху жизни*, всѣ мотивы г. Андреева. Намъ это обобщеніе кажется и невѣрнымъ, и слишкомъ неопредѣленнымъ, и формальнымъ.

столь же лишенный жизненныхъ соковъ реальности, какъ его родительница. Таковы именно образы г. Андреева: онъ *беллетристъ-символистъ*. И если бы символизмъ его былъ цѣлостный и, такъ сказать, откровенный, мы бы ничего не могли возразить противъ него. Но дѣло въ томъ, что онъ представляетъ изъ себя какое-то соединеніе, какой-то сплавъ символизма съ реализмомъ и даже грубымъ натурализмомъ. И вотъ эта двойственность его концепціи и является тѣмъ внутреннимъ минусомъ, который мы очень и очень подчеркиваемъ. Должно быть, обиліе «плоти» въ его символахъ, обиліе реалистическихъ чертъ повело къ тому, что представители нашей критики, принадлежащіе къ господствующему до сихъ поръ теченію строгаго реализма, какъ-то просмотрѣли эту двуликость г. Андреева и такъ горячо безъ оговорокъ привѣтствовали его выступленіе на литературное поприще. *) Мы придерживаемся другого принципа. Для насъ важно лишь то раздѣленіе на истинное художество и беллетристику, которое мы установили выше, развивая мысль Бѣлинскаго. Беллетристика реалистическая представляется намъ совершенно равноправной съ символистической въ художественномъ отношеніи. Но ужъ если говорить символами, то надо вести весь разговоръ въ одномъ тонѣ, дѣлать все построеніе въ одной плоскости, на одномъ уровнѣ условности. Символистическіе разсказы и поэмы Эдгара По, драмы Метерлинка (прежнія; «Монна Ванна» сюда не относится) вполнѣ удовлетворяютъ этому требованію. Золоторотцы, насилующіе дѣвушку (въ очеркѣ «Бездна»), поповскія рясы, чиновничьи вицмундиры и пиджаки на герояхъ г. Андреева и всѣ подчасъ очень яркія и правдивыя краски реальнѣйшей, а то и тривіальнѣйшей, внутренней психологической и внѣшней правды, которыми онъ то и дѣло расцвѣчаетъ свои символистическіе контуры, даютъ въ результатѣ какое-то нелогичное и неэстетическое сочетаніе конкретнаго съ отвлеченнымъ, ариѳметики съ алгеброй. Въ качествѣ символовъ, въ символистическомъ произведеніи, мы бы признали вполнѣ законными и воскового «ангелочка», «впитавшаго все добро, сіяющее надъ міромъ и отъ того трепетавшаго своими стрекозиными крылышками»; признали бы неудавшееся «покушеніе на убійство лжи» и даже «бурю молчанія»; но когда всѣ эти фантастическія вещи вставлены въ рамку вполнѣ реальной обстановки, вырисованной любовно и обстоятельно, когда онѣ перемежаются страницами глубоко реалистической психологіи, намъ чувствуется какой-то диссонансъ... Символы, облеченные въ ризы реальной и даже, именно какъ у Андреева, тривіальной правды, были любимымъ пріемомъ покойнаго великаго сатирика нашего Щед-

*) За исключеніемъ одного г. Протопопова. Въ своей статьѣ („Русск. Мысль“, 1901 г., № 3) онъ приходитъ къ совершенно отрицательной оцѣнкѣ, что и естественно, ибо онъ примѣнялъ къ г. Андрееву требованія реалистической школы. Онъ даже заканчиваетъ свою статью грубоватымъ совѣтомъ „бросить живопись и заняться фотографіей съ натуры“.

рина. Напомнимъ «пропавшую совѣсть», изображенную въ видѣ тряпицы, или «Галилеевъ», стукающихся лбами объ стѣну въ «Господахъ Молчалиныхъ». Но одно дѣло сатира и публицистика, и другое дѣло — художество.

Вообще, минусовъ у г. Андреева столько и они такъ серьезны, что, повторяемъ, объяснять его успѣхъ одной художественной стороной намъ кажется невозможнымъ. Слишкомъ великъ этотъ успѣхъ, слишкомъ непропорціоналенъ художественной цѣнности этихъ писаній. Но есть же, конечно, и объясненіе этому успѣху и оправданіе его, такъ сказать. Мы, именно, къ рѣшенію этого вопроса и подошли теперь вплотную. Оговоримся: мы совсѣмъ не сторонники того взгляда, что успѣхъ художественнаго произведенія уже является свидѣтельствомъ въ пользу его достоинствъ и значительности. Успѣхъ можетъ ничего не доказывать. Самое лубочное изъ произведеній Сенкевича «Quo vadis» имѣло исключительный, громадный, міровой успѣхъ, не доставшійся на долю его же гораздо лучшимъ произведеніямъ, какъ «Безъ догмата», напримѣръ. Успѣхъ есть вопросъ психологіи массы, der viel zu vielen, какъ говорилъ Нитцше, а не художественной критики. И если мы въ своей статьѣ выдвинули на первый планъ вопросъ объ успѣхѣ г. Андреева и его причинахъ, то руководились при этомъ особымъ соображеніемъ. Намъ представляется, что этотъ успѣхъ знаменуетъ собой очень интересныя явленія нашей культурной жизни и мысли и обусловленъ нѣкоторыми особенностями писаній г. Андреева. Эти особенности являются у насъ совершенной новостью, и мы горячо привѣтствуемъ ихъ, считаемъ огромнымъ плюсомъ наравнѣ, а то и—выше его внѣшнихъ плюсовъ: импрессіонистской живописи и синтетическаго и драматическаго пріемовъ въ повѣствованіи.

Мы неоднократно указывали, что въ творчествѣ г. Андреева преобладаетъ *мысль*. Всѣ его символическіе персонажи лишь услужливые «рожки» — вѣрные глашатаи его мыслей, плоды философскаго раздумья, популяризаторы сдѣланныхъ итоговъ. Посмотримъ же, каковы эти мысли, эти итоги.

Чтобы удобнѣе разобраться въ идеяхъ г. Андреева, мы распредѣлимъ его очерки на двѣ категоріи: въ первую войдутъ тѣ, которые содержатъ въ себѣ *добро*, имѣютъ какую-нибудь моральную тенденцію; во вторую—тѣ, которые отъ такой тенденціи свободны и представляютъ лишь философское раздумье надъ жизнью или разрабатываютъ чисто психологическія темы.

Первая категорія чрезвычайно небогата. Къ ней относятся цѣликомъ разсказы «На рѣкѣ» и «Иностранецъ», и затѣмъ лишь отчасти «Валя» и «Петька на дачѣ». Моральныя тенденціи во всѣхъ этихъ вещахъ чрезвычайно элементарны, до того элементарны, что становится немного обидно за тонкаго и умнаго, прежде всего умнаго,—

автора. Очевидно, морализированіе есть сфера совершенно чуждая г. Андрееву: этимъ, вѣроятно, и объясняется количественная и качественная бѣдность этой категоріи его очерковъ. Въ очеркѣ «На рѣкѣ» машинистъ на мельницѣ, Алексѣй Степановичъ, жившій сначала, *какъ всѣ* живутъ, занимавшійся амурными похожденіями съ крестьянками сосѣдней слободы и недавно побитый за это парнями, въ одинъ день проникается любовью къ страждущему человѣчеству. Увлекаясь по дорогѣ живописью и давая по обыкновенію чудные пейзажи, г. Андреевъ разсказываетъ, какъ въ великую субботу рѣка прорвала плотину и затопила слободу. Машинистъ цѣлый день до самой ночи разъѣзжаетъ на лодкѣ, спасая семьи тѣхъ самыхъ слобожанъ, которые недавно намяли ему бока. И вотъ эта работа перерождаетъ его. Послѣ урока, полученнаго отъ парней, онъ двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ, а затѣмъ «шесть дней не умывался и не причесывался». Но теперь съ нимъ полный переворотъ, о которомъ авторъ повѣствуетъ въ слѣдующихъ громкихъ терминахъ: «До сихъ поръ онъ не зналъ, что любитъ людей и солнце и не понималъ, почему они теперь такъ измѣнились въ его глазахъ и почему ему хочется смѣяться и плакать, глядя въ испуганное лицо дѣвочки или подставляя зажмуренные глаза солнечному лучу, желтому и теплому». Одна эта сантиментальная аналогія чего стоитъ: такая элементарная вещь какъ сочувствіе къ утопающимъ людямъ съ ихъ ребятишками и—солнце! И не забудьте: чтобы довести своего героя до пониманія столь удивительнаго чувства, автору не только понадобилось дѣйствіе весенняго солнца и цѣлодневной работы на пользу несчастнымъ, но еще надо было причалить лодку машиниста къ уединенному дому, въ которомъ уже четыре дня спасались на чердакѣ отъ наводненія разбитый параличемъ старикъ, титулярный совѣтникъ, и молодая дѣвушка Оля, затмѣвающая своею идеальной самоотверженностью даже знаменитую Соню Мармеладову Достоевскаго. Титулярный совѣтникъ оказался содержателемъ притона съ дѣвушками, «отъ которыхъ сторонились самые небрезгливые, такъ онѣ были грязны, оборваны и дешевы». Дѣвушки всѣ разбѣжались, но Оля осталась при живомъ, издающемъ смрадъ трупѣ, несмотря на то, что онъ раньше билъ ее, а теперь ругаетъ черезъ два слова на третье. Понятно, что такой высокій примѣръ окончательно вразумляетъ нашего мизантропа; а тутъ еще, какъ нарочно, раздается со всѣхъ колоколенъ торжественный пасхальный благовѣстъ: «И Алексѣю Степановичу почудилось, что душа его такой же звукъ и было страшно, что не выдержитъ тѣло ея высокаго полета».—Положительно, надо признать существованіе какой-то спеціально литературной Немезиды: какъ только человѣкъ начинаетъ произносить неискреннія, но, по его мнѣнію, возвышенныя рѣчи, она, Немезида эта, подсовываетъ подъ перо *фразу*.

«Иностранецъ»—студентъ, заурядный юноша, болѣзненный и работящій. У него есть одна idée fixe: уѣхать изъ Россіи, которую онъ

не любитъ за некультурность, въ Европу. Онъ становится разговорчивымъ, лишь когда рѣчь заходитъ объ его будущей поѣздкѣ, на которую онъ три года копитъ деньги, откладывая отъ своихъ грошовыхъ уроковъ. Послѣ трудового дня онъ заходитъ въ компанію товарищей, дѣйствительно некультурныхъ студентовъ: они проводятъ цѣлые дни въ пьянствѣ, пѣніи, пляскѣ подъ бубенъ и удивляются, что герой разсказа считаетъ оскорбленнымъ одного изъ нихъ, когда другой, человѣкъ съ атлетическими наклонностями и мускулами, въ пьяномъ видѣ разбиваетъ ему челюсть. Герой не можетъ пристать къ этой компаніи, а они прозвали его «иностранцемъ» и смѣются надъ нимъ. Герой и безтолковое житье русской студенческой богемы очерчены очень хорошо. Мы уже указывали на этотъ разсказъ, какъ на одинъ изъ немногихъ реалистически написанныхъ. Но конецъ, выдвигающій идею автора, портитъ все дѣло. Оказывается, что г. Андреевъ написалъ очеркъ во славу идеи національности. Въ числѣ товарищей былъ сербъ, Райко Вуичъ, незначительный, смѣшной человѣчекъ. Получивъ однажды письмо, извѣщавшее, что «на-дняхъ серба одного, Боіовича, на границѣ зарѣзали, Турци зарѣзали», Райко тоскуетъ о родинѣ и мраченъ; онъ уходитъ отъ товарищей и запирается у себя въ комнатѣ, гдѣ поетъ гортаннымъ голосомъ «пѣсню, похожую на вой или крикъ о помощи». «Иностранецъ» чувствуетъ угрызенія совѣсти. Онъ идетъ къ Райко и послѣ незначительнаго разговора перерождается подобно машинисту въ «На рѣкѣ». У него нѣтъ родины. Онъ пробуетъ пѣть, какъ Райко, и тоже пѣть о родинѣ; но пѣсня не удается:

„— Боже мой! Боже мой!—шепчетъ онъ въ ужасѣ.— Да какъ же это? Вѣдь я хорошій человѣкъ! Я хорошій человѣкъ!

„И онъ подумалъ, что скорѣе найдетъ то, что нужно, если станетъ писать. Ломая спички, дрожащими руками онъ зажегъ свѣчу, яростно сбросилъ со стола нѣмецкій учебникъ и задумался надъ листомъ чистой бумаги. И нерѣшительно, запинаясь, рука его вывела—се левъ, а не собака...то бишь—„родина, родина, прости меня...“

И съ этой минуты онъ забылъ и думать о своей поѣздкѣ.

Какъ видитъ читатель, конецъ этотъ столь же фальшивъ и назидателенъ и столь же элементаренъ, какъ и конецъ предыдущаго очерка. Немезида, очевидно, и здѣсь не помиловала г. Андреева.

Два очерка «Валя» и «Петька на дачѣ», повидимому, имѣютъ цѣлью доказать, какой вредъ или затрудненіе порождаетъ обычай нѣкоторыхъ господъ брать къ себѣ пріемышей изъ бѣдныхъ семей или хотя бы на время позволять имъ гостить у себя. Первый содержитъ много граціозныхъ подробностей дѣтской психологіи и хорошо рисуетъ добродушныхъ пріемныхъ родителей Вали; но оканчивается опять совершенно ложно и сентиментально. Валя—шестилѣтній бутузъ; мать по суду хочетъ отнять его у воспитателей, нечающихъ въ немъ

души; Валя привязанъ къ своимъ мнимымъ родителямъ и сначала ненавидитъ мать и боится ея, даже заболѣваетъ отъ страха; но когда процессъ въ первой инстанціи ею проигранъ, и пріемные родители, торжествуя свою побѣду, начинаютъ на словахъ жалѣть «бѣдную», въ немъ пробуждается интересъ къ ней и жалость; вскорѣ затѣмъ вторая инстанція присуждаетъ ребенка матери, и вотъ въ первый же вечеръ у нея, увидавъ ея горе и убожество ея обстановки, Валя обѣщаетъ любить ее и читать ей сказки. Опять моментальный переворотъ, и опять сентиментальность и фраза вмѣсто правды. «Петька на дачѣ» написанъ проще и правдивѣе; содержаніе непритязательное, да и моральная тенденція не особенно ощутительна; а судьба мальчика Петьки, который изъ плохенькой парикмахерской попалъ на «дачу» къ матери (кухаркѣ у богатыхъ господъ), даетъ возможность г. Андрееву нарисовать яркую антитезу между жизнью столичной улицы, съ шумомъ и грязью подонковъ городской цивилизаціи, и жизнью среди природы на волѣ. Возвращаясь въ парикмахерскую—въ духоту, въ грязь и въ рабство къ хозяину, Петька разумѣется, страдаетъ еще больше прежняго... Всѣ эти разсказы, впрочемъ, очень незначительны и мало интересны, и мы такъ подробно остановились на нихъ лишь съ цѣлью доказать высказанную въ началѣ статьи мысль: какъ только г. Андреевъ займется *добромъ*, это не ведетъ къ добру для его очерковъ. Если бы онъ писалъ только разсказы въ родѣ сейчасъ охарактеризованныхъ, мы увѣрены, его писанія не всплыли бы надъ пучиной банальной, будничной беллетристики, а его имя потонуло бы въ массѣ тѣхъ, кому настоящее и собирательное имя—посредственность.

Нѣчто совершенно иное представляетъ собою его «предвзято пессимистическая», лишенная добра, философствующая, символическая беллетристика. Она прежде всего *интересна*. Мыслей у г-на Андреева много, мыслей глубокихъ, роковыхъ, такъ сказать,—поднимающихъ громадные, вѣчные, для всякой эпохи современные вопросы. И надо отдать ему справедливость, онъ умѣетъ поднимать эти вопросы, умѣетъ популяризировать ихъ.

Въ сущности, и наиболѣе художественный изъ очерковъ, «Жили-были», трактуетъ одну изъ основныхъ темъ г. Андреева. Лейтмотивомъ его является одиночество, разобщенность людская, наша разрозненность, наше непониманіе другъ друга. «Богатый и одинокій» купецъ своей тяжелой, угрюмой фигурой хорошо проводитъ этотъ лейтмотивъ. Изъ разобщенности и одиночества проистекаетъ, какъ непосредственный результатъ, та безслѣдность, та безрезультатность жизни, которая является проклятіемъ всякаго малокультурнаго и неживущаго общественной жизнью народа, а у насъ достигаетъ поистинѣ трагическихъ размѣровъ. Сколько силъ, сколько дарованій гибнетъ, не выносится на свѣтъ Божій, сколько натуръ извращается въ конецъ, или погибаетъ въ одиночествѣ, непонятыя, безъ опоры и

помощи, неподхваченныя общимъ культурнымъ движеніемъ, какъ бы задыхаясь безъ воздуха и свѣта общественности! Люди рождаются, живутъ, перестаютъ жить, какъ бы мелькая только на время, не оставляя по себѣ ничего, никакого вклада въ историческую жизнь, никакого напоминанія о себѣ. Намъ вспоминаются исполненныя горечи страницы Салтыкова о «конягахъ» и «мякинныхъ людяхъ», *не подлежащихъ вѣдѣнію исторіи*... «Жилъ, говорятъ, былъ, говорятъ, діаконъ», «жилъ, говорятъ, былъ купецъ»—въ такихъ словахъ передаетъ діаконъ ту схематически ей сухую, достаточную для цѣлей медицины характеристику, которую врачи дѣлали ему и Кошевѣрову на лекціи, во время демонстраціи ихъ студентамъ. Дѣйствительно, «жили-были»—вотъ все, что можно сказать объ этихъ двухъ существованіяхъ... Г. Андреевъ не обнаруживаетъ своего отношенія къ этому явленію; вы не увидите въ его изображеніи ни особенной скорби, ни желанія обобщить фактъ, поставить его въ зависимость отъ реальной общественной почвы; не усмотрите ни морали, ни публицистики. Но впечатлѣніе выражено такъ ярко, что обобщеніе напрашивается само собой.

Мы уже говорили объ *одиночествѣ на людяхъ*, о возможности этого жизненнаго парадокса, какъ главной идеѣ, которая символизируется въ очеркѣ «Большой шлемъ».

Очерки «Смѣхъ» и «Ложь» изображаютъ нѣсколько иное одиночество и ту тайну, которую представляетъ собою чужая душа,—въ символахъ какъ бы навѣянныхъ чтеніемъ Мопассана, а пожалуй и Ницше. Оба очерка не отличаются тонкостью: контуры ихъ какъ бы слишкомъ тяжелы и прямолинейны; но мысль опять интересна. Смѣшная маска на влюбленномъ и страдающемъ юнцѣ (въ «Смѣхѣ») какъ бы говоритъ намъ о томъ, какъ мало даетъ для человѣческаго общенія наше лицо: оно немногимъ лучше маски... Съ другой стороны, есть ли что-либо трагичнѣе этой «лжи» между любящими другъ друга людьми, этой невозможности навѣрное, ручаясь за каждое слово, за каждое душевное движеніе, знать того человѣка, который весь какъ бы принадлежитъ вамъ? Пусть въ очеркѣ г. Андреева взятъ слишкомъ частный, рѣзкій, грубый случай; пусть очеркъ «Ложь» является однимъ изъ самыхъ неудачныхъ его произведеній; но вѣдь то явленіе, которое здѣсь грубо и рѣзко символизируется,—до ужаса общее явленіе и, можетъ быть, ни гдѣ оно такъ болѣзненно не ощущается какъ именно въ общеніи мущины съ женщиной, въ этомъ самомъ тѣсномъ изъ людскихъ союзовъ... Герой г. Андреева скорбитъ, что онъ не убилъ *лжи;* но онъ не ложь не убилъ, а нѣчто гораздо болѣе страшное—разрозненность, разобщенность душъ человѣческихъ, этотъ всечеловѣческій фактъ, простирающій свою власть даже на подобную близость, приводящій къ этому *одиночеству вдвоемъ*.

Два очерка изображаютъ то неизбѣжное явленіе, когда потокъ растущей культуры и усложняющейся жизни какъ бы взламываетъ,

раскалываетъ на-двое зданіе семьи и разноситъ въ разныя стороны ея обломки. Объ одномъ очеркѣ мы уже упоминали—это «Молчаніе». Противъ воли родителей, отца Игнатія и его попадьи, Вѣра отправилась *туда*, въ Петербургъ, въ этотъ «страшный и непонятный городъ». Вернулась и молчитъ, снѣдаемая какой-то тоской. На усиленные разспросы родителей она отвѣчаетъ ничего не значущими фразами; а вскорѣ бросается подъ поѣздъ и умираетъ, унося съ собой свою тайну. Эта тайна, это молчаніе дочери становится мученіемъ отца Игнатія. Авторъ въ нѣсколько раздутыхъ образахъ, разработываетъ психологію человѣка, удручаемаго такой совершенно для него неразрѣшимой загадкой. Личная тайна, личная драма Вѣры, остается неизвѣстной и читателю; но не въ ней суть—основная разгадка ясна: этимъ, столь близкимъ по крови людямъ нечего сказать другъ другу, какъ нельзя и жить вмѣстѣ. По всему строю мыслей они принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ, отстоящимъ одна отъ другой, можетъ быть, на столѣтіе, но сведеннымъ русской жизнью до соприкосновенія. Истолкованіе это безспорно приложимо и къ другому очерку, озаглавленному «Въ темную даль». Эту вещь мы назвали бы самой изящной символической картинкой изъ всѣхъ, нарисованныхъ г. Андреевымъ,—вотъ почему мы и займемся ею нѣсколько подробнѣе. Двойственность реализма и символизма здѣсь почти не чувствуется: грубыхъ натуралистическихъ подробностей нѣтъ совсѣмъ, на всемъ какая-то дымка, обобщающая и смягчающая контуры, и даже самая обстановка участвуетъ въ символизаціи, и очень удачно.

„Уже четыре недѣли жилъ онъ въ домѣ и четыре недѣли царили въ домѣ страхъ и безпокойство... Никто не называлъ его по имени, а просто „онъ“ и такъ какъ всѣ каждую минуту думали о немъ, то это неопредѣленное названіе представлялось болѣе яснымъ, чѣмъ полное имя, и никогда не заставляло переспрашивать...“

«Онъ»—это властная и непокорная натура, сынъ богатаго домовладѣльца и заводчика, вернувшійся въ семью изъ долгой, безвѣстной отлучки. Послѣ какой-то исторіи, онъ былъ уволенъ изъ технологическаго института; при горячемъ объясненіи съ нимъ, вспыльчивый отецъ ударилъ его, и въ тотъ же вечеръ онъ ушелъ изъ дому и вернулся только теперь. «—Я видѣлъ у тебя кошелекъ заграничной работы. Ты былъ за границей?—спрашиваетъ отецъ.—Былъ,—коротко отвѣчаетъ Николай,—но довольно, отецъ». Этимъ кончается попытка родныхъ узнать что-нибудь о скитаніяхъ Николая. Другой разговоръ уясняетъ взаимное отношеніе представителей двухъ міросозерцаній, не соединимыхъ, не совмѣстимыхъ, отрицающихъ одно другое.

„— Ты сказалъ когда-то, что ненавидишь всю нашу жизнь,—раздѣльно выговаривая каждое слово, спрашивалъ отецъ.—Ты и теперь ненавидишь ее?

„Такъ же размѣренно и медленно звучалъ серьезный отвѣтъ Николая.

„— Да, я ненавижу ее отъ самаго дна до самаго верху. Ненавижу и не понимаю.

„— Ты нашелъ лучше?

„— Да, нашелъ. Да, нашелъ,—твердо повторилъ Николай.

„— Останься съ нами.

„— Это немыслимо, отецъ. И ты это знаешь.

„— Николай!—прозвучалъ гнѣвный окрикъ Александра Антоновича. И черезъ минуту напряженнаго молчанія тихій и немного грустный отвѣтъ Николая:

„— Ты все тотъ же, отецъ. Вспыльчивый и—добрый".

Отъ остраго, холодно отрицающаго взгляда Николая все въ домѣ съеживается и меркнетъ... Мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать цѣликомъ относящееся сюда прекрасное символистическое мѣсто.

„Теперь онъ былъ одѣтъ очень хорошо, но и въ изысканномъ платьѣ онъ не сливался съ пышнымъ великолѣпіемъ комнатъ, а стоялъ особнякомъ, какъ что-то чужое и враждебное. И если бы всѣ эти дорогія вещи могли чувствовать и говорить, онѣ сказали бы, что умираютъ отъ страха, когда онъ приближается или беретъ одну изъ нихъ въ руки и разсматриваетъ съ страннымъ любопытствомъ. Онъ никогда ничего не роняетъ и ставитъ вещь на мѣсто, какъ разъ такъ, какъ она стояла, но какъ будто прикосновеніе его руки отнимало у изящной статуэтки всю ея цѣнность, и послѣ его ухода она стояла пустой и ни на что ненужной. Ея душа, созданная искусствомъ, таяла въ его рукахъ, и оставался только ненужный кусокъ бронзы или глины".

Несчастная, недовольная своей жизнью, хрупкая и впечатлительная сестренка Николая, не забыла и любитъ его еще съ дѣтскихъ лѣтъ; но не встрѣчаетъ въ немъ ничего, кромѣ холодной безучастности: она рисуетъ акварелью, участвуетъ въ нѣсколькихъ обществахъ помощи бѣднымъ, ведетъ дневникъ—этого довольно, чтобы сдѣлать ее совершенно неинтересной въ глазахъ «отрицателя». Въ день Рождества вся семья, одинъ за другимъ, упрашиваетъ Николая окончательно помириться съ отцомъ и остаться. Старая больная бабушка, сестренка, самъ отецъ со слезами молятъ его объ этомъ. Онъ на минуту сдается. «Да! Да!» твердитъ онъ имъ въ отвѣтъ, уже чувствуя, какъ въ душѣ его вырастаетъ грозное и неугомонное, краткое и тупое «нѣтъ!». Вечеромъ того же дня онъ съ чернаго крыльца уходитъ въ «темную даль»...

Повторяемъ, мы считаемъ этотъ очеркъ лучшимъ произведеніемъ г. Андреева и по идеѣ, и по изяществу. Въ немъ много тонкихъ психологическихъ деталей и намековъ, рисующихъ борьбу суроваго отрицателя съ самимъ собою: воспоминанія о годахъ дѣтства, проведенныхъ въ этомъ домѣ, невольно просыпающіяся въ его душѣ, воскресшая нѣжность къ старухѣ-бабушкѣ, невольная дрожь при мысли о томъ, что ждетъ его въ «темной дали», и что уже отчасти извѣдано имъ... Въ итогѣ, подобно Вѣрѣ изъ «Молчанія», еще образъ одиночки, оторваннаго отъ своей среды, вѣчный россійскій образъ—лишняго для *своей* среды человѣка. Мы подчеркиваемъ для *своей* среды, а отнюдь не для жизни: для жизни эти люди далеко не лишніе...

Характерная черта. Почти всѣ герои г. Андреева во-первыхъ, одиночки, а во-вторыхъ, необыкновенно хорошо и много мыслятъ. Самое лучшее для нихъ опредѣленіе это—*мыслящіе одиночки* *). Въ силу той двойственности, о которой мы немного выше говорили, г. Андреевъ постоянно озабоченъ реализмомъ; вотъ почему ему приходится прибѣгать къ слѣдующему пріему. По примѣру всѣхъ реалистовъ, онъ беретъ своихъ героевъ изъ самой сѣрой, будничной среды и описываетъ ихъ, какъ заурядныхъ ея представителей. Но заурядные люди обыкновенно мыслятъ неинтересно, у зауряднаго человѣка и философія заурядная; и вотъ, дабы вложить въ ихъ души и умы свои интересныя мысли, онъ ставитъ своихъ сѣренькихъ одиночекъ въ какія нибудь экстренныя, по большей части трагическія положенія. Смертей натуральныхъ, и самоубійствъ, и убійствъ въ его очеркахъ очень много и въ каждомъ случаѣ имъ предшествуютъ мысли о жизни и смерти, подробная мотивировка: въ подобные моменты правдоподобнѣе допустить, что и заурядная душа поднимается на извѣстную философскую высоту, и сѣрый одиночка превратится на время въ одиночку мыслящаго и даже интересно мыслящаго. Экстреннымъ событіемъ, впрочемъ, не всегда является смерть. Въ очеркѣ «У окна» сѣрый, «боящійся жизни» одиночка-канцеляристъ (слишкомъ близко напоминающій и Прохарчина, и Душечкина изъ повѣстей Достоевскаго) начинаетъ особенно хорошо мыслить и выражать свою философію въ моментъ, когда влюбляется въ дѣвушку, отъ которой, впрочемъ, отказывается изъ того же страха жизни. Въ очеркѣ «Въ подвалѣ» такимъ моментомъ для больного, умирающаго въ углу человѣка служитъ появленіе среди населенія подвала новой «маленькой жизни». Смерть уже сторожила его, и каждое утро его тяготило «безпощадно свѣтлое сознаніе, что пришелъ новый день и что скоро ему нужно вставать, чтобы бороться за жизнь безъ надежды на побѣду». Но вотъ несчастная дѣвушка, убѣжавшая изъ дому въ родильный пріютъ и родившая тамъ, является въ подвалъ со своимъ младенцемъ. Все населеніе подвала начинаетъ нянчиться съ нимъ, купать его. Ночью герой очерка заплакалъ облегчающими душу слезами, а потомъ улыбнулся даже: «онъ видѣлъ ребенка, который родился, и ему казалось, что это родился онъ самъ для новой жизни и жить будетъ долго, и жизнь его будетъ прекрасна. Онъ любилъ и жалѣлъ эту новую жизнь и это было такъ радостно, что онъ засмѣялся...» Авторъ не избѣгъ нѣкоторыхъ сантиментальныхъ эффектовъ: увлеченіе этой публики младенцемъ кажется нѣсколько преувеличеннымъ; кромѣ того,

*) Г. Кранихфельдъ („Образованіе“, 1902 г., № 11) очень мѣтко указалъ, что одиночество есть couleur locale всѣхъ очерковъ г. Андреева. Онъ же отмѣчаетъ несомнѣнное вліяніе нѣкоторыхъ идей Ницше на нашего автора, о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже. Вообще статья г. Кранихфельда является лучшей характеристикой г. Андреева изъ всѣхъ, какія намъ привелось просмотрѣть.

очеркъ грѣшитъ подражательностью: страстный вопль проститутки Дуняши, у которой какъ бы проснулся материнскій инстинктъ, при видѣ ребенка, ея требованіе прикоснуться къ нему, хоть двумя пальцами,— напоминаетъ кое-какія картинки въ этомъ родѣ у Мопассана. Но идея опять очень интересная и глубокая. Это идея о какой-то таинственной, скрытой въ глубинѣ нашего «я», біологической или зоологической солидарности между людьми. Ощущеніе ея спасаетъ отъ окончательнаго отчаянія умирающаго одиночку.

Въ очеркѣ «Ангелочекъ», объ эстетическихъ недочетахъ котораго мы уже говорили, схематически нарисованы «волчонокъ» Сашка, исключенный гимназистъ, съизмалѣтства озлобленный противъ всего и всѣхъ, и отецъ его, бывшій статистикъ и домашній учитель, женатый на грубой бабѣ, запившій съ горя и больной: «онъ лежитъ за перегородкой молчаливый, съежившійся отъ постояннаго озноба и думаетъ о несправедливости и ужасѣ человѣческой жизни». И вотъ эти два одиночки, одинъ — еще протестующій съ мальчишеской дерзостью (приглашенный на елку къ благодѣтелямъ, онъ не упускаетъ случая выстрѣлить пробкой изъ игрушечнаго ружья въ носъ хорошенькому хозяйскому мальчику «въ бархатныхъ штанишкахъ и съ большимъ откладнымъ воротничкомъ»), а другой — уже «съежившійся», оба одиночки на минуту забываются при видѣ воскового ангельчика, принесеннаго Сашкой съ елки: ангельчикъ символизируетъ то, «чего не хватало въ картинѣ ихъ жизни и безъ чего кругомъ было такъ пусто, словно окружающіе люди не живые». Ихъ мрачное существованіе на минуту озарено мечтой объ идеалѣ, можетъ быть и недостижимомъ, для нихъ-то ужъ навѣрное... Восковой «идеалъ», повѣшенный у горячей печки въ грязной и темной каморкѣ, таетъ и исчезаетъ; но они все-таки жили имъ цѣлый вечеръ. Идея слишкомъ ясна: она напоминаетъ Ростановскую «Принцессу Грезу» — это роль идеала, мечты, даже не осуществимой, мечты, какъ стимула жизни.

Мы уже указывали, что у самого г. Андреева нѣтъ или почти нѣтъ экскурсій въ область морали и публицистики. Если его идеи и наводятъ насъ на размышленія именно такого характера, то самъ авторъ какъ бы не заботится объ этомъ. Онъ нигдѣ не проповѣдуетъ. Онъ просто размышляетъ объ отношеніяхъ, созданныхъ жизнью, резюмируетъ и иллюстрируетъ ихъ... Можетъ быть, потому его очерки и представляютъ цѣнность именно въ публицистическомъ и моральномъ смыслѣ? Мы полагаемъ, что да, но объ этомъ немного ниже. Сейчасъ мы переходимъ къ явно символистическому очерку «Стѣна». Удовлетворяя художественному требованію, выставленному выше, являясь открыто символистическимъ, этотъ очеркъ, тѣмъ не менѣе представляетъ одну изъ самыхъ неудачныхъ вещей г. Андреева. Мысль затемнена черезчуръ искусственными и туманными образами, въ многосложности которыхъ мы положительно отказываемся разобраться.

Идею «Стѣны», повидимому, составляетъ та же мечта, недостижимость которой для злополучныхъ одиночекъ изображена въ растаявшемъ «ангелочкѣ». Но здѣсь она уже обобщена на все человѣчество, а тонъ очерка до того мучительно-пессимистическій, и символы до того кроваво-смрадны, что вмѣсто ужаса и боли за человѣчество при чтеніи получается впечатлѣніе какого-то художничанья, позы, риторики. — Высокая стѣна поднимается къ самому небу, какъ бы разрѣзая его на двѣ половины. По сю сторону, надъ метущимся въ страданіяхъ человѣчествомъ—ночь, небо буро-черное, мрачное; по ту сторону—неизвѣстность, въ которой человѣчеству чудится голубая лазурь желаннаго счастья. Человѣчеству кажется, что только стѣна отдѣляетъ его отъ этого счастья и судорожными усиліями оно старается разрушить преграду. Но ни вопли гнѣвныхъ упрековъ, ни проклятія, ни стоны, ни приступы цѣлой массы безоружныхъ нагихъ людей, грудью набрасывающихся на чудовище, не ведутъ ни къ чему:

„И глубоко вздохнула черная ночь, и, словно море, подхваченное ураганомъ и всей своей тяжкой ревущей громадой брошенное на скалы, всколыхнулся весь видимый міръ и тысячью напряженныхъ и яростныхъ грудей ударилъ о стѣну. Высоко, до самыхъ тяжело ворочавшихся тучъ брызнула кровавая пѣна и окрасила ихъ, и стали онѣ огненныя и страшныя, и красный свѣтъ бросили внизъ, туда, гдѣ гремѣло, рокотало и выло что-то мелкое, но чудовищно многочисленное, черное и свирѣпое. Съ замирающимъ стономъ, полнымъ несказанной боли, отхлынуло оно—и непоколебимо стояла стѣна и молчала...

„Но, умирая каждую секунду, мы были безсмертны, какъ боги. И снова взревѣлъ мощный потокъ человѣческихъ тѣлъ и всей своей силой ударилъ о стѣну. И снова отхлынулъ, и такъ много, много разъ, пока не наступила усталость, и мертвый сонъ и тишина. А я, прокаженный, былъ у самой стѣны и видѣлъ, что начинаетъ шататься она, гордая царица, и ужасъ паденія судорогой пробѣгаетъ по ея камнямъ.

„— Она падаетъ!—закричалъ я.—Братья, она падаетъ!

„— Ты ошибаешься, прокаженный,—отвѣтили мнѣ братья".

Все изображенное здѣсь понятно Образъ ясенъ, силенъ, грандіозенъ даже. Но что обозначаетъ, напримѣръ, образъ «четверыхъ кружащихся въ безконечномъ танцѣ»? Почему герой очерка, являющійся какъ бы героемъ и этой толпы, оказывается прокаженнымъ, «съ гнусавымъ голосомъ и смраднымъ дыханіемъ?» Ужъ не сказывается ли въ выборѣ такого героя отрицательное отношеніе къ тѣмъ представителямъ культурныхъ классовъ, которые берутъ на себя роль подобныхъ героевъ, пессимистическій взглядъ на культурные классы вообще? Вотъ, право, пессимизмъ, не знающій мѣры и края... Но тогда, что же означаетъ смѣхъ этого героя и его товарища надъ «голоднымъ?» Что за экивокъ надо видѣть въ фигурахъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ старается продолбить стѣну головой и скоро оказывается повѣшеннымъ на крюкѣ, вбитомъ въ эту самую стѣну, а другой подбодряетъ его къ работѣ, а послѣ гибели его поетъ веселыя пѣсенки?

И почему это герою-прокаженному *смѣшно*, что «тотъ умеръ за голоднаго, а голодному даже куска отъ ноги не досталось», ибо «другіе, сильные опередили его и пожрали трупъ?» Если подъ всѣмъ этимъ скрыта опредѣленная житейская или историческая подкладка, то образы надо признать изъ рукъ вонъ грубыми и неправдивыми; если же подобной подкладки нѣтъ, то все это является какимъ-то ненужнымъ балластомъ, уснащеніемъ, и затемняетъ основные контуры очерка. А контуры эти, какъ это видно хотя бы изъ одной сдѣланной нами цитаты, полны значительности и силы. Въ итогѣ надо признать, что даже это неудачное произведеніе г. Андреева тѣмъ не менѣе богато содержаніемъ. Отмѣтимъ еще, что и здѣсь ясно слышится лейтмотивъ автора. Заключительныя строки очерка опять говорятъ объ *одиночествѣ*: взывающій къ борьбѣ прокаженный оглядывается «съ веселой надеждой» и видитъ однѣ спины—«равнодушныя, жирныя, усталыя»...

Намъ осталось охарактеризовать три очерка г. Андреева съ ницшеанскими темами и послѣднее его произведеніе «Въ туманѣ». Надъ послѣднимъ мы останавливаться не будемъ. Во-первыхъ, содержаніе его уже знакомо читателямъ «Міра Божія» по статьѣ г. А. Б. въ февральской книжкѣ журнала; во-вторыхъ, это, можетъ быть, единственная вещь г. Андреева, не наводящая на обобщенія. Въ ней въ яркихъ, до боли яркихъ, чертахъ отмѣчается ужасный фактъ нашей культурной жизни—фактъ, о которомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Очеркъ г. Андреева констатируетъ его, безъ умолчаній, безъ малѣйшей утайки. Очеркъ—вообще одинъ изъ лучшихъ и именно въ смыслѣ реалистическаго воспроизведенія дѣйствительности. Жестокая правда обнажена до конца, ни тѣни сентиментальности, идеализированія, какихъ-нибудь смягченій. Въ этомъ смыслѣ онъ гораздо выше аналогичныхъ по темѣ вещей Гаршина и Чехова («Надежда Николаевна» и «Припадокъ»). Не знаемъ, нуженъ ли былъ тотъ кровавый конецъ, который далъ очерку г. Андреевъ... Во всякомъ случаѣ, можно было не съ такими подробностями рисовать отвратительную сцену убійства. Но отсутствіе мѣры и жестокость по отношенію къ себѣ и къ читателю, какъ мы уже отмѣчали, постоянное свойство автора. Г. Буренинъ опрокинулся на этотъ конецъ и обвинялъ автора въ жаждѣ скандала и порнографіи. Это, разумѣется, совершенно несправедливо. Г. Андреевъ, правда, никогда не останавливается передъ тѣмъ, что у насъ не принято описывать въ подробностяхъ, не прибѣгаетъ къ флёру или къ многоточіямъ; можно также признать въ немъ какое-то болѣзненное стремленіе эффектничать мучительными сценами. Но порнографіи у него нѣтъ. У него вездѣ серьезная мысль, а это—вещь не совмѣстимая съ порнографіей, со «смакованіемъ грязи и причмокиваніемъ» an und für sich, о которыхъ распространяется въ своемъ фельетонѣ авторъ «Мертвой ноги» и другихъ столь же неблагоухающихъ именно въ порнографическомъ смыслѣ вещей. Не остановимся

мы долго и надъ «Бездной»,этимъ не ницшеанскимъ, а вѣрнѣе—антиницшеанскимъ очеркомъ г. Андреева. Мы предпочитаемъ называть такъ всѣ его очерки на ницшеанскія темы потому, что, несомнѣнно свидѣтельствуя о вліяніи на автора нѣкоторыхъ идей знаменитаго философа-художника, они еще несомнѣннѣе обнаруживаютъ или отрицательное отношеніе къ этимъ идеямъ, или такое вульгарное ихъ пониманіе, которое граничитъ съ искаженіемъ. Прекрасный въ первой своей половинѣ и по живописи, и по психологіи двухъ юныхъ влюбленныхъ, очеркъ «Бездна» до ужаса натуралистиченъ въ концѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ не уступаетъ только что охарактеризованной вещи Андреева, въ которой живопись также безподобна (въ очеркѣ «Въ туманѣ» есть, напримѣръ, описаніе лѣса въ осенній вечеръ, гдѣ герой, спрятавшись за деревьями, пропускаетъ мимо себя молодую компанію: это истинный шедевръ живописи). Но если конецъ «Бездны» натуралистиченъ, это не значитъ, что онъ натураленъ. Намъ видится прямая клевета на человѣческую природу въ томъ эпизодѣ, который вскрываетъ мысль автора. Намъ думается, что самый заурядный по своимъ нравственнымъ качествамъ юноша, послѣ того, что пережилъ Нѣмовецкій — изнасилованія его возлюбленной тремя босяками,—только и могъ бы думать, что о помощи ей, если она еще жива, только и ощущалъ бы, что ужасъ и отчаяніе, когда, послѣ долгихъ поисковъ, наткнулся на растерзанную, обнаженную, еле живую дѣвушку. Поступокъ Нѣмовецкаго, продолжающаго дѣло золоторотцевъ, не только омерзителенъ, но и психологически немыслимъ. Авторъ какъ будто самъ это чувствовалъ: не даромъ понадобилось предварительно оглушить героя кулаками золоторотцевъ... Но зачѣмъ же вообще все это понадобилось г. Андрееву? Дѣло въ томъ, что очеркъ является иллюстраціей къ «ницшеанской» мысли о слабости интеллекта передъ темными, скрытыми отъ сознанія, силами нашего организма. Присоединяясь къ мысли Ницше, авторъ, повидимому, дѣлаетъ изъ нея глубоко пессимистическіе выводы. Крушеніе всего идеалистическаго и чистаго, что было въ Нѣмовецкомъ, подъ напоромъ этихъ темныхъ силъ — вотъ идея очерка. И авторъ съ какимъ-то злорадствомъ, напоминающимъ кошмарныя страницы Достоевскаго, не скупится на краски, изображая сначала всю привлекательность юноши, чтобы затѣмъ все это свергнуть въ «бездну». Этотъ пессимизмъ, однако, ничего общаго со взглядами Нитцше не имѣетъ. Онъ гораздо ближе къ его антиподамъ—къ христіанству, къ аскетизму, съ ихъ излюбленнымъ противоположеніемъ добраго духа злому тѣлу. Ницше дальше кого бы то ни было отъ такого противоположенія. Онъ считалъ, что всѣ проявленія наши, какъ идеалистическія, такъ и самыя низменныя, диктуются намъ «*самимъ*», «великимъ разумомъ», т.-е. всѣмъ нашимъ существомъ въ его цѣломъ. Онъ говорилъ, что если уже признавать душу, то онъ согласенъ признавать не одну, а милліарды

душъ, помѣщающихся въ милліардахъ молекулъ нашего тѣла. Но такая психологія совсѣмъ не обязываетъ къ пессимизму. Огонь даетъ и смерть, и всѣ блага жизни. Такъ точно и инстинкты наши могутъ быть и зломъ (и тогда ужъ это ничѣмъ не поправимое зло), и величайшимъ благомъ. Если воспитаніе личное, педагогическое и общественное, пріобрѣтаемое въ практикѣ общественности, будетъ опираться на инстинкты, не бороться съ ними будетъ, а воспитывать ихъ, утилизируя ихъ, какъ техника утилизируетъ силы природы, то никакому пессимизму мѣста не останется. Мораль опирающаяся на инстинктъ, положительная мораль Ницше развертываетъ передъ человѣкомъ прекрасное будущее. Воспитаніе же, основанное на борьбѣ съ инстинктами, дѣйствительно можетъ привести всякаго мыслящаго человѣка лишь къ самымъ пессимистическимъ выводамъ. Въ этомъ смыслѣ, имѣя въ виду лишь современное, господствующее въ «культурныхъ» слояхъ обществѣ обученіе идеализму и прочимъ хорошимъ вещамъ, г. Андреевъ, пожалуй, правъ. Но пессимизмъ его, повидимому, цѣлитъ дальше.

Какъ бы дополненіемъ къ «Безднѣ» является очеркъ «Мысль». Если «Бездна» показываетъ, что дѣлаетъ съ человѣкомъ инстинктъ, освобожденный отъ регулирующей дѣятельности интеллекта, то «Мысль» излагаетъ печальную судьбу интеллекта, не опирающагося на инстинкты, не питающагося ими, а существующаго за свой собственный страхъ и счетъ. Психологія опять ницшеанская: «малый разумъ», оставшійся безъ помочей «великаго разума», на которыхъ онъ привыкъ ходить мало того, поставившій себѣ задачу — эмансипироваться отъ этихъ помочей, терпитъ страшное крушеніе, какъ бы самъ поѣдаетъ себя, надѣлавъ предварительно массу гадостей. Докторъ Керженцевъ именно представляетъ собою типъ человѣка безъ инстинктовъ совершенно лишеннаго здоровыхъ непосредственныхъ чувствъ. Сильный, воспитанный въ позитивной школѣ біологическихъ и медицинскихъ наукъ интеллектъ поглотилъ все существо его и претендуетъ на сверхчеловѣческое величіе и имморализмъ. Записки доктора, написанныя имъ въ психіатрической больницѣ въ видѣ документа для экспертовъ, переполнены тирадами изъ Ницше, которыя Керженцевъ, впрочемъ, дѣлаетъ отъ своего имени: одинъ талантъ это—«то, что оправдываетъ въ человѣчествѣ существованіе тысячъ негодяевъ и пошляковъ». «Точно Богъ—не видя, я видѣлъ, не слушая—я слушалъ, не думая—я сознавалъ». «Для меня нѣтъ судьи, нѣтъ закона, нѣтъ недозволеннаго. Все можно» и т. д. Но если самъ Керженцевъ и мнитъ себя имморалистомъ ницшеанскаго типа, то не слѣдуетъ вѣрить ему на слово: на самомъ дѣлѣ онъ полная противоположность тому, о чемъ мечталъ Ницше. Сверхчеловѣкъ прежде всего тѣмъ и привлекателенъ, что представляетъ собою психику, въ которой дѣятельность интеллекта органически вытекаетъ изъ инстинктовъ: ин-

стинкты у него сильные, разнообразные, изощренные; таковъ же и интеллектъ. Докторъ Керженцевъ весь ушелъ въ голову, онъ истый «головастикъ», какъ онъ самъ опредѣляетъ судящихъ его экспертовъ. Справедливо говоритъ онъ о себѣ: «Какъ я чуждъ всѣмъ этимъ людямъ, и одинокъ въ мірѣ, - я навѣки заключенный въ эту голову, въ эту тюрьму». Съ другой стороны, Ницше интересенъ и привлекателенъ именно сочетаніемъ глубокаго позитивизма съ высочайшимъ *идеализмомъ*; это самая характерная, почти исчерпывающая его физіономію черта. Докторъ Керженцевъ вульгарнѣйшимъ манеромъ выхватилъ изъ всего Нитцше лишь отрицаніе догмъ и нормъ морали, лишь ученіе о томъ, что «ничего обязательнаго нѣтъ, все дозволено». Но эта формально вполнѣ правильная постановка вопроса о морали ничуть не исключаетъ самыхъ высокихъ моральныхъ вкусовъ и идеаловъ, доказательствомъ чему служитъ самъ Ницше, направлявшій именно по адресу подобныхъ Керженцеву имморалистовъ слѣдующія слова Заратустры:

«Ты себя свободнымъ называешь? Я мысль, тобой владѣющую, хочу знать, а не о томъ, сбросилъ ли ты ярмо.

«Изъ тѣхъ ли ты, что имѣютъ право сбросить ярмо? Такихъ вѣдь не мало, которые, освободившись отъ своего рабства,—освободились тѣмъ самымъ и отъ единственнаго, что только было въ нихъ цѣннаго» *).

Сухой эгоистъ онъ беззавѣтно влюбленъ въ себя и особенно въ свою «твердую, свѣтлую, точно выкованную изъ стали и безусловно ему послушную» мысль. Онъ очень начитанъ, и съ какимъ-то благоговѣніемъ относится къ своей библіотекѣ. Ничтожный по натурѣ человѣкъ, онъ съ мелкимъ тщеславіемъ культивируетъ свой интеллектъ и исполненъ глубокаго презрѣнія къ людямъ; въ притворствѣ передъ ними онъ находитъ неизсякаемый источникъ наслажденія. Постоянно доказывая себѣ, что его мысль свободна и «что ничего обязательнаго нѣтъ: все дозволено», онъ продѣлалъ тѣ гнусности, о которыхъ мы уже говорили выше и, наконецъ, доработался до мысли убить пріятеля, женатаго на любимой имъ женщинѣ. *Любимой*, впрочемъ, не подходящее слово, когда рѣчь идетъ о подобныхъ типахъ: вся бѣда не въ томъ, что она не отвѣчаетъ его чувству, а въ томъ, что она засмѣялась когда-то въ отвѣтъ на его объясненіе въ любви. Вотъ онъ и мститъ ей, и месть была первымъ стимуломъ къ преступленію, но отнюдь не главнымъ, она вскорѣ отошла на задній планъ, а осталось вотъ что:

„Но развѣ нельзя допустить, что убійствомъ Алексѣя я просто хотѣлъ попытать свои силы? Вѣдь вы свободно допускаете существованіе людей, которые взлѣзаютъ, рискуя жизнью, на неприступныя горы, и т. д.“.

И вотъ экспериментъ продѣланъ, пріятель убитъ; но результаты —

*) „Also sprach Zarathustra“, S. 192.

совершенно неожиданные. Оказалось, что даже въ разсудочно-эгоистической натурѣ Керженцева были скрыты таинственные инстинкты любви къ человѣку, отвращенія къ крови и смерти. Онъ узналъ объ ихъ существованіи только послѣ совершенія убійства; и голосъ этихъ инстинктовъ такъ силенъ, что «страшнѣе и каторги, и сумасшествія».

„Вы понимаете, гг. эксперты, какъ это ужасно сложилось. Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя, а въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любятъ и пошляки—я любилъ свою человѣческую мысль, свою свободу...

„*И мнѣ измѣнили.* Подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы—и мысли...

„Подлая мысль измѣнила мнѣ, тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и ее любилъ. Она не стала хуже: та же свѣтлая, острая, упругая, какъ рапира, но рукоять ея ужъ не въ моей рукѣ. И меня, ея творца, ея господина, она убиваетъ съ тѣмъ же тупымъ равнодушіемъ, какъ я убивалъ ею другихъ.

„Наступаетъ ночь, и меня охватываетъ бѣшеный ужасъ... Зловѣщее одиночество, когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу, когда въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, моей мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые *они*.

„Такъ жить нельзя. А міръ спокойно спитъ, и мужья пѣлуютъ своихъ женъ и ученые читаютъ лекціи, и нищій радуется брошенной копѣйкѣ. Безумный, счастливый въ своемъ безуміи міръ, ужасно будетъ твое пробужденіе!

„Кто сильный дастъ мнѣ руку помощи? Никто. Никто. Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ *я*? Нигдѣ. Нигдѣ".

Приведенныя цитаты исчерпываютъ основную мысль повѣсти. Самодовлѣющая, отрѣшившаяся отъ здоровыхъ чувствъ и инстинктовъ мысль—безплодна и безсильна. Мы не знаемъ, какой выводъ дѣлаетъ отсюда г. Андреевъ. Для насъ ясно, что мысль есть только формальная способность, что содержаніе ея опредѣляется всецѣло чувствами и впечатлѣніями, что стало быть расчитывать на *свободу* мысли въ смыслѣ свободы отъ чувствъ и инстинктовъ нашихъ, психологически нелѣпо, ибо это значитъ разсчитывать на фикцію, на нѣчто лишенное содержанія. Въ повѣсти трагедія, переживаемая Керженцевымъ при постепенномъ крушеніи его и злюбленной мечты о «свободной» мысли, переплетается съ психо-патологическими подробностями. Керженцевъ заподозрѣнъ въ психической ненормальности; онъ и самъ не знаетъ навѣрное, здоровъ ли онъ психически. Граница между нормальнымъ и ненормальнымъ состояніемъ почти неуловима — этой темѣ удѣлено не мало мѣста. Но намъ сдается, что эта психо-патологія играетъ здѣсь роль тѣхъ кулаковъ, которыми г. Андреевъ оглушалъ своего героя въ «Безднѣ»: она, повидимому, введена лишь для того, чтобы сдѣлать правдоподобнѣе невѣроятные сами по себѣ эксперименты героя. Отмѣтимъ еще, что авторъ указываетъ въ Керженцевѣ одну наивную черту. Онъ какъ-то робѣетъ и пасуетъ передъ исполненной простого мило-

сердія и религіозности сидѣлкой Машей и еще при одномъ воспоминаніи: еще до преступленія, въ ясный, солнечный день онъ увидалъ однажды старуху няню, къ которой прижалась дѣвочка, напуганная собачонкой, и вотъ улыбка няни и вся сцена еще тогда показались ему «разгадкою чего-то, а задуманное имъ убійство показалось холодной ложью изъ какого-то другого, совсѣмъ особаго міра».

„И то, что обѣ онѣ, и дѣвочка, и собачонка, были такія маленькія и милыя, и что онѣ смѣшно боялись другъ друга, и то, что солнце такъ тепло свѣтило— все это было такъ просто и такъ полно кроткой и *глубокой мудростью*, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія. Такое было чувство. И я сказалъ себѣ: „Надо объ этомъ какъ слѣдуетъ подумать“—*но такъ и не подумалъ*“.

Это размышленіе Керженцева отлично поясняетъ мысль автора, но оно какъ-то наивно откровенно, и элементарно. Бѣдный докторъ Керженцевъ, какъ рапирой владѣвшій своей великолѣпной мыслью, не удосужился вникнуть въ смыслъ столь простого впечатлѣнія! Намъ невольно вспоминаются содержащіе *добро* очерки г. Андреева... Странное дѣло: какъ только онъ займется добромъ, онъ тотчасъ становится элементарнымъ. Въ результатѣ надо сказать, что и эта совсѣмъ не художественная диссертація на психологическую тему очень богата содержаніемъ. Помимо основной мысли, много интереснаго разбросано мимоходомъ въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Такова характеристика либеральнаго адвоката, отца героя, у котораго «было много знаній, много мыслей и еще больше словъ; и слова, и мысли, и знанія часто комбинировались очень удачно и красиво, но онъ самъ ничего въ этомъ не понималъ». Герой «часто сомнѣвался даже существуетъ ли онъ». «Онъ постоянно говорилъ, что если бы онъ не сдѣлался знаменитымъ адвокатомъ, то былъ бы знаменитымъ писателемъ или художникомъ». «Къ сожалѣнію, это правда», прибавляетъ Керженцевъ-сынъ... Только намеками очерченная фигура жены убитаго хорошо объясняетъ, по контрасту, всю несостоятельность героя: она безотчетно привязана къ своему мужу и безотчетно же чувствуетъ недовѣріе къ Керженцеву. «А развѣ вамъ можно вѣрить?»— этимъ вопросомъ, вѣщимъ вопросомъ (ибо, въ концѣ концовъ, Керженцевъ самъ убѣждался въ правдѣ ея словъ) она какъ бы даетъ нравственную оцѣнку героя. Керженцевъ сумѣлъ прослыть правдивымъ и искреннимъ среди умныхъ людей, но было два разряда «низшихъ существъ», которыхъ провести онъ не могъ: женщины и собаки...

«Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ», повидимому, доказываетъ непригодность ученія Ницше для сѣрыхъ, заурядныхъ, *среднихъ* людей. Но въ то же время это единственный очеркъ г. Андреева сколько-нибудь причастный идеалистическимъ элементамъ міросозерцанія Ницше. Сергѣй Петровичъ погибъ, будучи не въ силахъ вмѣстить слово о сверхчеловѣкѣ. Но подъ вліяніемъ этого слова, онъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ такой интенсивной, сознательной человѣческой жизнью, такъ глу-

боко заглянулъ въ неправду жизни, попирающей подобныхъ ему людей, годныхъ лишь для статистики да для благополучія сильныхъ, преуспѣвающихъ, что существованіе его пріобрѣло значительность и моральную цѣнность, какихъ никогда бы не имѣло при другихъ условіяхъ. И еще вопросъ: не надо ли предпочесть такую гибель благополучному существованію «акцизнаго чиновника» (такую карьеру готовилъ себѣ Сергѣй Петровичъ)—«плоской, мелкой и тусклой, какъ болотный ручей» жизни? Сергѣй Петровичъ напоминаетъ щедринскаго «Барана непомнящаго», котораго погубило сновидѣніе о счастливой и справедливой жизни. Но баранъ не только не помнилъ, но и не понималъ,—онъ только не хотѣлъ страдать и мечталъ о счастьѣ; а мысль Сергѣя Петровича поднялась на такую высоту, когда его *я* рѣшило порвать оковы тусклой жизни и осуществить идею Заратустры: «Если жизнь не удастся тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся смерть». Видѣніе сверхчеловѣка озарило его именно въ такую пору, когда онъ уже готовъ былъ примириться съ жизнью. Онъ кое-какъ, по нѣсколькимъ главамъ Заратустры познакомился съ его ученіемъ. Но толчокъ былъ данъ, и мысль заработала. Страницы, гдѣ несчастный *средній* человѣкъ начинаетъ сознавать свое положеніе въ жизни—прямо блестящи. Рѣшивъ сначала: «А что имѣютъ другіе, на то имѣю право и я», Сергѣй Петровичъ сталъ мысленно примѣрять къ себѣ всевозможные способы всплыть въ разрядъ сильныхъ и благополучныхъ, и въ каждомъ случаѣ неизмѣнно приходилъ къ одному выводу: «а я бы не могъ». Передъ нимъ была одна перспектива:

„Онъ уже представлялъ себя, какимъ онъ будетъ — честнымъ, исполнительнымъ, трудолюбивымъ. Онъ видѣлъ, какъ съ медлительною и строгою постепенностью движется онъ по лѣстницѣ повышеній и, достигнувъ средней ступеньки, останавливается, разбитый годами, нуждою и болѣзнями. Онъ понималъ, что заслуги его передъ жестокостями жизни будутъ оцѣнены, и онъ будетъ праздновать свой тридцатилѣтній юбилей, какъ недавно праздновалъ его отецъ. На юбилеѣ будутъ говориться рѣчи, и онъ будетъ слушать ихъ и плакать отъ умиленія, какъ плакалъ его отецъ, и цѣловаться съ такими же, какъ и онъ, старенькими, сѣденькими, изгрызенными жизнью бывшими и будущими юбилярами. Потомъ онъ умретъ съ мыслью, что оставляетъ послѣ себя десятокъ такихъ же дѣтей, какимъ онъ былъ самъ, и въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ будетъ напечатано коротенькое жизнеописаніе, въ концѣ котораго будетъ сказано, что умеръ полезный и честный работникъ“.

Сергѣя Петровича эта перспектива не соблазнила, онъ предпочелъ умереть сейчасъ. Страницы, посвященная его самоубійству, полны глубокой художественной правды: это однѣ изъ лучшихъ страницъ во всемъ, что написано г. Андреевымъ. Даже героическое рѣшеніе свое Сергѣй Петровичъ исполняетъ, какъ средній человѣкъ. Въ самую послѣднюю минуту стклянка со стрихниномъ пугаетъ его, онъ уже готовъ сдаться, физическая стихійная жажда жизни опять дѣлаетъ его рабомъ жизни; но не надолго. Проснувшись на другой день, онъ

сразу съ удвоенной ясностью вспомнилъ все, что привело его къ его рѣшенію. Со стыдомъ и ужасомъ вспоминаетъ онъ, что послалъ наканунѣ письмо къ товарищу съ сообщеніемъ о смерти. Онъ не вынесетъ самопрезрѣнія, не можетъ жить, и этотъ жгучій стыдъ служитъ послѣднимъ толчкомъ. Онъ выпиваетъ ядъ. *Я* средняго человѣка побѣдило...

„И Сергѣю Петровичу казалось, что онъ чувствуетъ въ себѣ мощный ростъ этого я, чувствуетъ, какъ поднимается оно въ высь, и громовые раскаты его голоса заглушаютъ жалкій *писк тѣла,* сильнаго только ночью. Пусть сгибаются тѣ, кто хочетъ, а онъ ломаетъ свою желѣзную клѣтку. И *жалкій,* тупой и несчастный человѣкъ, въ эту минуту онъ поднимается выше геніевъ, королей и горъ, выше всего, что существуетъ высокаго на землѣ, потому что въ немъ побѣждаетъ самое чистое и прекрасное въ мірѣ—смѣлое, свободное и безсмертное человѣческое *я*! Его не могутъ побѣдить темныя силы природы, оно господствуетъ надъ жизнью и смертью—смѣлое, свободное и безсмертное *я!*“

Мы забыли упомянуть, что Сергѣй Петровичъ студентъ-естественникъ; что онъ одинокъ среди своихъ товарищей, которые считаютъ его зауряднымъ и безличнымъ существомъ и не обращаютъ на него никакого вниманія. Сблизился съ нимъ одинъ только Новиковъ, самолюбивая и талантливая натура; но и тотъ сдѣлалъ изъ него какую-то пѣшку въ своихъ рукахъ. Новиковъ, впрочемъ, увѣрялъ, что заурядный по внѣшности Сергѣй Петровичъ способенъ къ глубокимъ чувствамъ и не такъ неинтересенъ, какъ кажется; но могло быть, что онъ только рисовался дружбой съ такимъ ничтожествомъ... И въ одинокой душѣ Сергѣя Петровича разыгралась трагедія средняго человѣка, подавленнаго красотой того «непостижимаго, но человѣческаго существа, которое осуществило всѣ заложенныя въ него возможности и полноправно владѣетъ силою, счастьемъ и свободою». Товарищи, какъ водится, объяснили все его ненормальной психикой... Въ данномъ случаѣ пессимизмъ г. Андреева, повидимому, у мѣста: если образъ, нарисованный Ницше, дѣйствительно привлекателенъ и можетъ служить идеаломъ, то среднему человѣку онъ ничего не даетъ, кромѣ героизма самоуничтоженія. Но такъ ли это? Идеалъ ли Ницше тутъ виноватъ, или тѣ формы современной нашей жизни, которыя не только эксплуатируютъ средняго человѣка, не только не подхватываютъ и не развиваютъ тѣ крупицы талантовъ, которыя, быть можетъ заложены, въ немъ, но еще окончательно обезличиваютъ его, карная и притупляя всякій ростокъ дарованія, всякій признакъ индивидуальности? Разумѣется, найдутся такія пѣшки, изъ которыхъ никакими средствами не добудешь ничего на потребу жизни. Но это скорѣе исключенія, чѣмъ правило. Самъ Сергѣй Петровичъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: при всемъ отсутствіи яркости и талантливости, онъ надѣленъ способностью глубоко и честно мыслить и чувствовать, можетъ быть, гораздо въ большей мѣрѣ надѣленъ, чѣмъ формально-талантливый, яркій и смѣлый Новиковъ. И вотъ иныя формы жизни вмѣсто того, чтобы

измолоть его, какъ жернова зерно, подхватили бы и вынесли бы на свѣтъ Божій и на общую пользу этотъ талантъ безталаннаго человѣка. И во всякомъ живомъ человѣкѣ нашелся бы такой талантъ, такая индивидуальная черта, которая могла бы пойти на потребу жизни общей; и использованіе ея давало бы смыслъ его жизни, ибо и онъ вносилъ бы свою лепту въ дѣло созиданія высшаго типа...

Когда мы приступали къ разбору мыслей, вложенныхъ г. Андреевымъ въ его очерки, мы не ожидали, что придется посвятить этому цѣлыхъ 16 страницъ... Но читатель самъ видитъ, до чего велико обиліе, разнообразіе и серьезность этихъ мыслей. При этомъ необходимо отмѣтить, что мы останавливались лишь на самыхъ основныхъ темахъ, опуская массу содержательныхъ деталей и эпизодовъ. И все это авторъ съумѣлъ умѣстить въ какомъ-нибудь полутора десяткѣ небольшого размѣра очерковъ. Ясно, что обиліе мысли является основнымъ плюсомъ творчества г. Андреева. Его писанія интересны, его писанія умны. Если г. Буренинъ и преувеличиваетъ злостно успѣхъ и популярность г. Андреева, утверждая, будто они уже превысили успѣхъ и популярность М. Горькаго, то фактъ большого успѣха тѣмъ не менѣе налицо. И это не успѣхъ «скандала», какъ старается увѣрить насъ критикъ-нововременецъ, а естественный, дѣлающій честь нашему читателю, успѣхъ серьезной мысли. Мы видѣли, что темы, разрабатываемыя г. Андреевымъ, очень современныя темы. Таковъ вопросъ о личности, подавляемой и съѣдаемой своимъ одиночествомъ, своимъ сиротствомъ среди той разрозненности, которая до сихъ поръ замѣняетъ у насъ живой обмѣнъ общественныхъ элементовъ, общественную солидарность и искусственно поддерживается наперекоръ все громче раздающемуся голосу жизни. Таковы «ницшеанскія» темы, которыя въ послѣдніе годы пріобрѣли въ Россіи громадную популярность. Г. Андреевъ не единственной беллетристъ, разрабатывающій послѣднія. Въ «Мірѣ Божіемъ» не такъ давно печаталась повѣсть Вересаева, трактовавшая вопросъ о власти «великаго разума» надъ міросозерцаніемъ человѣка: мы разумѣемъ повѣсть «На поворотѣ», которая далеко не оцѣнена нашей критикой, занявшейся исключительно первой ея половиной, характеристикой современной идейной молодежи, и совершенно просмотрѣвшей основную тему—тяжелую душевную драму, которую переживаетъ герой повѣсти Токаревъ, стоящій на томъ страшномъ *поворотѣ*, когда хладѣющіе инстинкты, дряхлѣющее безсознательное *я* уже отказываютъ въ своей поддержкѣ вѣрѣ и идеализму молодой поры... Небывалый у насъ до сихъ поръ писательскій успѣхъ М. Горькаго, помимо другихъ его правъ на этотъ успѣхъ, обусловленъ несомнѣнно тѣми элементами его міросозерцанія, которые такъ сближаютъ его съ Ницше—до совпаденія даже иныхъ образовъ и формулъ. Кстати: писательскій обликъ Максима Горькаго

какъ нельзя лучше оттѣняетъ положеніе г. Андреева по отношенію къ нитцшеанству. Горькій близокъ къ Нитцше не только по психологическимъ своимъ взглядамъ на человѣка, но и по безудержному, неукротимому и жизнерадостному своему идеализму. Г. Андреевъ, раздѣляя психологическія воззрѣнія нѣмецкаго философа, совершенно чуждъ его идеализма и свѣтлаго взгляда на жизнь. Въ этомъ смыслѣ онъ анти-Ницше, анти-Горькій.

Но помимо указаннаго интеллектуальнаго интереса и помимо тѣхъ художественныхъ техническихъ плюсовъ, о которыхъ мы довольно обстоятельно говорили выше, успѣхъ г. Андреева, думается намъ, объясняется еще однимъ его свойствомъ. Мы уже отмѣчали, что онъ совершенно чуждъ всякихъ экскурсій въ область публицистики и почти чуждъ экскурсій въ мораль. Но онъ не только чуждъ подобныхъ экскурсій, не только не перемежаетъ своего повѣствованія сужденіями общественно-моральнаго характера, а какъ бы намѣренно чуждается подобныхъ сужденій даже въ своихъ замыслахъ, въ концепціи своихъ произведеній. Очерки его всегда представляютъ изъ себя мысль, облеченную въ беллетристическій символъ. Но эта мысль не публицистическая, не моральная, а философская. Быть можетъ, преднамѣренности у него въ этомъ и нѣтъ; быть можетъ, это выходитъ само собою, въ силу того свойства, за которое мы окрестили его анти-Ницше, — въ силу отсутствія идеалистическихъ элементовъ въ его духовной физіономіи... Пусть такъ. Но мы врядъ ли ошибаемся полагая, что успѣхъ его въ изрядной степени обусловленъ именно этой особенностью его творчества. Она—совершенная новость въ нашей художественной литературѣ, эта особенность...

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши художники по духу давно моралисты и публицисты. Идея моральная или гражданская какъ будто росла въ однихъ пеленкахъ съ русскимъ художественнымъ словомъ. Даже Пушкинъ, классическая, всеобъемлющая, пантеистическая душа, воздвигалъ себѣ памятникъ не за художественныя пророчества свои, не за идеальную красоту и глубокую жизненную правду своихъ твореній, а за то, что «въ нашъ жестокій вѣкъ возславилъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ». Писаревъ, самая свободная голова изъ всѣхъ русскихъ публицистовъ, сказалъ какъ-то въ разговорѣ съ Шелгуновымъ, что русскій человѣкъ и мыслить имѣетъ право лишь постольку, поскольку голодный станетъ отъ этого сытымъ. *Мыслить*—а ужъ про художественное творчество и говорить нечего! Съ самыхъ 40-хъ годовъ держится у насъ царство морали и публицистики *). У насъ были по-

*) Мы знаемъ только одно крупное исключеніе—Тургенева. Онъ стоитъ одиноко, какъ вечерняя звѣзда на вечернемъ небѣ, сознательно исповѣдуя свой художественный принципъ — *концентрированнаго воспроизведенія жизни*. Правда, что, подобно вечерней звѣздѣ, онъ и жилъ на западѣ...

борники «чистаго искусства», Майковы, Тютчевы. Но они всѣ принадлежали къ лагерю обскурантовъ, и ихъ искусство оставалось чистымъ лишь до того момента, когда касалось жизни: чуть коснувшись ея, оно мигомъ превращалось въ тоже искусство гражданское, идейное и «нечистое» въ настоящемъ значеніи этого слова.

Жюль Леметръ говоритъ въ своей статьѣ «Literatures du Nord», что русская и скандинавская художественная литература всегда поражала его одной особенностью: при чтеніи ему всегда слышался рядомъ съ голосомъ художника еще голосъ *проповѣдующаго священника*. Замѣчаніе очень мѣткое и заслуживающее серіознаго вниманія. Европейское ухо вѣрно уловило отличительную ноту нашего художественнаго творчества. Не начинаетъ ли эта нота утомлять ухо современнаго читателя?

Авторъ «Что такое искусство?» и его единомышленники должны съ чувствомъ нѣкоторой зависти вспоминать о жрецѣ, который у древнихъ являлся одновременно и творцомъ художественныхъ произведеній—гимновъ и вокальнымъ ихъ исполнителемъ, да еще сопровождалъ свое пѣніе пляской. Такое синтетическое художество, разумѣется, имѣетъ свою привлекательность. Но вѣдь надо же признать, что всѣ роды дѣятельности, которые совмѣщалъ въ себѣ этотъ древній художникъ, были достаточно элементарнаго свойства, въ соотвѣтствіи со столь же примитивными потребностями среды. Усложнившаяся до неузнаваемости жизнь давно отрицаетъ это совмѣстительство. Спеціальности пѣвца и танцора давно уже отдѣлились отъ спеціальности поэта. Но элементъ «жречества», моральнаго учительства до сихъ поръ не дифференцируется отъ художественнаго творчества. Въ Европѣ эта дифференціація до извѣстной степени уже совершившійся фактъ. Не даромъ мы такъ кичимся передъ Западомъ «идейностью» нашей литературы.

Намъ представляется, что пора для этой дифференціаціи настала и у насъ. Моральную проповѣдь надо предоставить философамъ-моралистамъ; гражданскія идеи—достояніе публицистовъ; у художественной литературы, какъ и у художества вообще, найдутся *свои задачи*.

Мы уже говорили объ этихъ задачахъ, когда развивали мысль Бѣлинскаго о двухъ типахъ художественнаго творчества. Намъ представляется, что единственное истинное назначеніе искусства есть то воспроизведеніе типическаго въ жизни, тотъ интуитивный итогъ ея, который пророчески подготовляетъ итоги моральныя и философскія. Художникъ долженъ созерцать жизнь и воспроизводить свое пониманіе ея, а не проповѣдывать. Онъ не долженъ себѣ ставить ни моральныхъ, ни гражданскихъ цѣлей. Его нравственность—это художественная правдивость и непосредотвенность, отсутствіе предвзятости, не затемняемое умысломъ созерцаніе. Приведемъ прекрасное мѣсто на эту тему изъ одной статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ, относящейся къ 1835 г.:

«И вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть... Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ, вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однако-жъ, не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно, только талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ:

«Не заботьтесь о нравственности, но творите, а не дѣлайте—и будете нравственны, даже на зло самимъ себѣ, даже усиливаясь быть безнравственными!»

Какъ извѣстно, Бѣлинскій и самъ позднѣе нѣсколько отступилъ отъ этой точки зрѣнія. Нетерпѣливая, требовательная жизнь брала свое и принуждала къ публицистикѣ. Послѣдующая критика цѣликомъ ушла въ борьбу съ поддерживаемой реакціонерами теоріей «чистаго искусства» и видѣла въ идеѣ, въ гражданской проповѣди главное назначеніе искусства. Задача искусства, какъ мы ее понимаемъ, гораздо шире и значительнѣе, а кромѣ того это специфическая задача искусства, для него одного исполнимая, представляющая его права и преимущества передъ всѣми остальными родами человѣческой дѣятельности. Но права и преимущества обязываютъ. Оно обязано зачинать въ своемъ таинственномъ лонѣ тѣ элементы будущихъ представленій и понятій, безъ которыхъ не было бы новаго пониманія жизни, новыхъ итоговъ, новой жизни, стало быть. Область искусства, это міръ еще не рожденныхъ, еще не попавшихъ въ философскія категоріи интуитивныхъ образовъ. Зачинать ихъ, подготовлять ихъ рожденіе—вотъ философская и соціальная роль художественнаго творчества. Мы сказали бы, что лишенное соціальной «цѣли» искусство именно съ соціальной точки зрѣнія выше и значительнѣе гражданской проповѣди въ художественномъ облаченіи. Истинно моральнымъ, истинно соціальнымъ будетъ искусство асоціальное, аморальное — «безцѣльное», какъ выражался Бѣлинскій.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одной замѣткѣ мы выставили принципъ такого искусства и предложили его назвать не «гражданскимъ» и не «чистымъ», а *свободнымъ* искусствомъ. Мы вели рѣчь именно объ искусствѣ непосредственнаго созерцанія и художественныхъ итоговъ. Г. Михайловскій напалъ на насъ, доказывая, что мы либо непослѣдовательны, либо, предлагая новое слово, новую кличку, въ сущности, придерживаемся старой идеи чистаго искусства. Дѣло это давнишнее, но вопросъ настолько серьезенъ, что стоитъ вспомнить

объ этой полемикѣ. Лагерь идейнаго искусства, очевидно, не можетъ допустить ничего третьяго между указанными двумя художественными принципами. Для насъ ясно, что оба лагеря—и «идейный», и «чистый»—стоятъ на одинаково неправильной точкѣ зрѣнія, неправильность которой обусловлена непониманіемъ философскаго значенія искусства, спеціальныхъ его задачъ. Итакъ, мы выдвигаемъ принципъ *свободнаго* искусства, какъ единственно серьезнаго, единственно творческаго, пророческаго даже. Художникъ можетъ и долженъ высказываться *обо всемъ, чѣмъ живетъ его духъ*, но требовать отъ него можно только одного: истинно художественнаго, непосредственно-свободнаго отношенія къ изображаемому предмету и красоты формы. Предвосхищая возможное обличеніе въ явно выраженной симпатіи къ идеализму М. Горькаго, мы подчеркиваемъ наши слова: *обо всемъ, чѣмъ живетъ его духъ*. А для окончательной ясности прибавимъ, что къ художнику можно примѣнить ту формулу, которой Контъ опредѣлялъ хорошаго соціолога:« соціологъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ и затѣмъ писать соціологію». Мы скажемъ: «художникъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ и затѣмъ аморально творить». Тогда въ сферу его созерцанія и воспроизведенія войдетъ все, чѣмъ живетъ человѣчество, все многообразіе проявленій его психики.

Произведенія свободнаго, аморальнаго и аполитическаго искусства, разумѣется, представляютъ собою гораздо болѣе серьезный и благодарный матеріалъ именно для публицистической критики. Публицистическая критика иллюстрацій къ публицистическимъ идеямъ—вѣдь въ ней очевиденъ какой-то логическій кругъ, тотъ самый, что и въ теоріи экспериментальнаго романа Золя. Доказывать справедливость біологической теоріи, создавая иллюстраціи къ этой теоріи, не то же ли самое, что дѣлать публицистическіе выводы изъ иллюстрацій къ тѣмъ же публицистическимъ мыслямъ? Наша критика постоянно игнорировала художественную оцѣнку разбираемыхъ произведеній. Она спѣшила къ своимъ выводамъ. Но какая же цѣна можетъ быть у вывода, если онъ построенъ на основаніи романа, повѣсти, не представляющихъ истиннаго воспроизведенія жизни? Это будетъ выводъ безъ основанія, зданіе, построенное на пескѣ или даже висящее въ воздухѣ. Классическимъ образцомъ такой критики можетъ служить статья Добролюбова о слабыхъ, ничтожныхъ по художественному содержанію повѣстяхъ Марка-Вовчка... Въ то «публицистическое» время нельзя было иначе мыслить и писать. Вся общественная мысль и жизнь сосредоточивались въ литературѣ. Внѣ литературы русскіе люди не жили, можно сказать. Литература служила суррогатомъ гражданской жизни, литературные факты были единственными общественными фактами. Въ послѣдовавшіе затѣмъ боевые годы литература должна была идти въ шагъ съ передовой интеллигенціей. Интеллигенція мыслила только публицистически и литература стала публицистической. Въ наи-

болѣе талантливыхъ своихъ представителяхъ она являлась вѣрнымъ выраженіемъ той идеологіи, которой существовали лучшія силы общества. Но лучшія силы создавали и осуществляли въ жизни эту идеологію, а общество еще не жило.

Въ наше время, когда представители старой идеологіи констатируютъ какую-то духовную *смуту* и общественный индифферентизмъ, только изрѣдка въ совершенно новыхъ фактахъ нашей общественности усматривая возвращеніе къ ихъ излюбленной «публицистикѣ», въ наше время — вещи значительно измѣнились.— Для насъ очевидно, что общественность пробуждается, что «гражданская» мысль работаетъ такъ интенсивно, какъ, можетъ быть, никогда у насъ не работала... И въ этой жадности, съ которой современный читатель поглощаетъ огромное количество книгъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ; и въ этомъ интересѣ къ художеству самому по себѣ, къ философіи самой по себѣ, вообще къ высшимъ запросамъ духа самимъ по себѣ — мы видимъ не признаки индифферентизма общественнаго, а пробужденіе новаго сознанія, новаго ощущенія... Русскіе люди чувствуютъ, что уже не въ одной только литературѣ бьется пульсъ общественной жизни, что общественная жизнь тронулась впередъ, что мы можемъ теперь позволить себѣ нѣкоторую роскошь — отдохнуть отъ художественной публицистики, что мы уже имѣемъ право на все то достояніе, которымъ питается цѣльно и всесторонне развивающаяся человѣческая личность. Долой публицистику въ художествѣ, zum Teufel die Moral!—какъ говорилъ Ницше—это значитъ, что публицистика и мораль уже осуществляются въ жизни, а художество можетъ заняться своими спеціальными задачами, служа съ гораздо большимъ совершенствомъ тѣмъ же великимъ цѣлямъ. Г. Гриневичъ въ «Русскомъ Богатствѣ» недавно съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтилъ, что некрасовская муза «мести и печали» теперь, послѣ долгаго затишья, опять громче, внятнѣе запѣла и находитъ себѣ все большее число слушателей въ рядахъ новой, нарождающейся читательской массы... Некрасовъ не только вѣрный сынъ своего времени, поэтъ-публицистъ, но и истинный большой поэтъ. Его лиризмъ гражданской совѣсти – истинное художественное вдохновеніе, специфическій его даръ, выдѣляющій его совершенно изъ всѣхъ нашихъ пѣвцовъ, а можетъ быть и всѣхъ европейскихъ, съ аналогично настроенной лирой. Въ спеціальной области этой лирики онъ большой художникъ и въ этомъ его право на вѣчное вниманіе и любовь. Поэтому и мы можемъ только привѣтствовать возрожденіе интереса къ нему, если только фактъ, что этотъ интересъ когда-нибудь ослабѣвалъ. Мы усомнимся, пожалуй, лишь въ томъ, что содержаніе его лирики, что его идеи и мораль именно тѣ, которыя особенно нужны новому нашему читателю... Но мы полагаемъ, что не только истинное художество Некрасова, а и морально-публицистическая *беллетристика*, мораль, политика, и педагогика въ формѣ художественной популяриза-

ціи еще нужны, и еще долго будутъ нужны, и будутъ находить своего читателя. Вѣдь и дѣтская литература также нужна и имѣетъ своего читателя. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что она высшій родъ художественной литературы.

Именно новое сознаніе или ощущеніе нарождающейся общественности и извѣстная усталость отъ «идейнаго» искусства, съ его напередъ извѣстными поученіями и мыслями, объясняетъ, на нашъ взглядъ, успѣхъ г. Андреева въ наиболѣе интеллигентной средѣ нашего общества. Именно здѣсь слѣдуетъ искать разгадку пристрастія читателя къ лишенному добра творчеству г. Андреева. Г. Андреевъ не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы выставили, какъ основу истиннаго художества. Онъ беллетристъ-символистъ, а не художникъ-пророкъ. Но онъ мыслящій беллетристъ, и мысль его свѣжа, глубока и свободна отъ морали и публицистики. Его облеченныя въ символическія ризы идеи, въ силу послѣдняго обстоятельства, въ силу этого столь новаго у насъ свойства, особенно заинтересовываютъ и привлекаютъ; а благодаря прекрасной импрессіонистски-реалистической живописи, могутъ, при бѣгломъ чтеніи, сойти за аморальное по цѣли, но моральное по существу—истинное художество: одинъ общій признакъ съ этимъ художествомъ у нихъ есть—свободное, не предвзятое отношеніе къ жизни, *свободная* мысль.

Г. Протопоповъ, какъ мы упоминали, закончилъ свою критику совѣтомъ г. Андрееву бросить живопись и заняться фотографіей съ натуры. Мы съ своей стороны выскажемъ иное пожеланіе. Судя по чудесной живописи и обрывкамъ реалистическаго творчества, которыя мы находимъ въ его очеркахъ, мы полагаемъ, что онъ могъ бы стать истиннымъ художникомъ въ томъ смыслѣ, какой мы установили за этимъ терминомъ. Пожелаемъ ему, прежде всего, освободиться отъ болѣзненнаго пристрастія къ мучительнымъ, тривіальнымъ сценамъ и нагроможденію ужасающихъ эффектовъ—это разъ. А затѣмъ прибавимъ еще одно, болѣе серьезное, пожеланіе. Можетъ быть, источникомъ его символизма является недостатокъ наблюденій, жизненнаго матеріала для творчества... Пожелаемъ ему въ такомъ случаѣ выйти изъ одиночества, изъ «тюрьмы собственной головы» и воспроизводить то, что онъ тогда увидитъ, но не фотографически, а художественно, и тогда онъ «силою своей мысли и своего таланта будетъ,—по выраженію героя очерка «Мысль», — творить новую жизнь».

М. Невѣдомскій

Въ лѣсу.

Вокругъ меня сумрачный лѣсъ,
И вѣетъ тоской тишина...
Отъ нѣжныхъ, вечернихъ небесъ
Мнѣ только полоска видна.

* * *

Не встрѣтивъ улыбки весны,
Зачахъ одинокій цвѣтокъ,—
И желтыя иглы сосны
Лежатъ, какъ могильный песокъ.

* * *

Пусть сосны и льютъ ароматъ,
Мнѣ душно въ ихъ тѣсномъ кругу!—
А тамъ еще свѣтитъ закатъ—
На пышно цвѣтущемъ лугу!

* * *

И жаждетъ увидѣть мой взоръ
Сквозь жесткую зелень вѣтвей—
Широкій свободный, просторъ
Въ сіяньи вечернихъ лучей!

А. Лукьяновъ.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Разсказъ.

— Анна! . Слышишь, Анна!.. Пришли... Вотъ онѣ!.. Ѣдемъ... Вѣрно ѣдемъ! Теперь уже... несомнѣнно ѣдемъ!.. — вскричалъ блѣдный отъ волненія мужчина, врываясь съ бумагами въ рукахъ въ юрту Молодая женщина съ испугомъ вскочила съ лавки, на которой она сидѣла съ работой въ рукахъ, и схватила въ объятья играющаго у ногъ ея ребенка?..

— Кто пришелъ? Что такое?

— Да... бумаги! Разрѣшеніе... Вотъ оно!

Онъ совалъ ей въ руки желтоватый печатный бланкъ, но она, казалось, не замѣчала его, пока, наконецъ, сознаніе не сверкнуло въ ея широко раскрытыхъ, испуганныхъ глазахъ, и тогда она свободной рукой медленно закрыла вспухшее вдругъ отъ слезъ. лицо.

Удивленный ребенокъ повернулся къ матери всѣмъ корпусомъ и сталъ пальчиками съ настойчивой серьезностью буравить ея судорожно сжатые пальцы а мужъ обнялъ плачущую и сдавленнымъ голосомъ нѣжно успокаивалъ ее.

— Милая... голубка... Перестань... Вѣдь, прошло, все прошло... конецъ...

— Когда же, когда?—спросилъ Анна вытирая слезы.

— Сегодня, сейчасъ... Лёва пишетъ, что пароходъ уходитъ завтра вечеромъ. Чтобы поспѣть, мы должны двинуться немедленно... Я уже распорядился, чтобы Бётюгётъ выпрягъ лошадей изъ плуга и наладилъ телѣгу. Мѣшкать нельзя ни минуты! Брось все и примись за укладку.

— Ахъ, Степа, Степа!.. Какъ это все у тебя всегда выходитъ неожиданно?!

— Развѣ я виноватъ? Въ этомъ случаѣ я ужъ никакъ не виноватъ,—оправдывался мужчина.

Жена тонко улыбнулась и поставила ребенка на землю, приговаривая:

— Я знаю, Саша хорошій! Саша будетъ паинька и не будетъ мѣшать мамѣ...

Саша въ отвѣтъ засунулъ голову въ складки ея платья и ухватился крѣпко ручонками за нихъ. Онъ еще не плакалъ, но торжественно приготовлялся къ этому.

— Только оставь, Саша, свои затѣи!.. Это не поможетъ, а выйдетъ очень некрасиво... Отецъ занятъ, мамѣ необходимо укладываться, а Саша, такой большой мальчикъ, вдругъ хнычетъ, точно маленькій... Саша, лучше послушай, что я тебѣ скажу... Мы сядемъ на телѣгу и уѣдемъ далеко... далеко... на югъ, гдѣ цвѣтутъ розы, гдѣ поютъ птички и гдѣ будетъ много-много маленькихъ дѣтей...

Она ловко освободила свою юбку изъ рукъ милаго деспота и и повернулась къ мужу...

— Ей-Богу, Степа, въ головѣ у меня такой кавардакъ, что не знаю, за что и приняться?! Ты бы лучше самъ распорядился.

Тотъ не отвѣчалъ; онъ, какъ стоялъ въ шляпѣ на головѣ, сѣлъ къ столу и быстро-быстро писалъ письмо.

— Эй! Бётюгётъ!..

Въ открытыхъ дверяхъ на фонѣ голубыхъ небесъ и далекихъ, позлащенныхъ солнцемъ лѣсовъ появилось на зовъ смуглое лицо молодого якута.

— Письмо понесешь сейчасъ русскому «тоёну» на Бѣлое озеро!— сказалъ Степанъ по якутски.—Только торопись!.. Что, лошадямъ далъ ячменю?

— Далъ. Всё сдѣлалъ, какъ вы приказали.

— Такъ двигай! Ты спрашиваешь, съ чего начнемъ, — обратился онъ къ женѣ,— очень просто: начнемъ вотъ съ чего: я принесу изъ амбара ящики, а ты, между тѣмъ, выбирай необходимыя вещи и платье и складывай въ кучу... Послѣ посмотримъ, какъ ихъ распредѣлить. Только не бери черезчуръ много, а то денегъ намъ не хватитъ на билетъ и багажъ...

— Черезчуръ много! — возмутилась Анна. — Когда же это было ихъ у насъ черезчуръ много?.. Да и куда дѣнемъ остатки?

— Подаримъ... сосѣдямъ,—отвѣтилъ спокойно, помолчавъ минуту, Степанъ.

Анна пыталась что-то возразить, но онъ уже всталъ и, не слушая, вышелъ на дворъ, гдѣ вскорѣ заскрипѣли двери раскрываемаго амбара и застучали ящики. Молодая женщина развела съ улыбкой руками и, напѣвая, принялась собирать посуду, платье и домашнія мелочи.

Степанъ обстоятельно укладывалъ все. Такъ проработали они нѣсколько часовъ среди пыли и непріятнаго запаха залежавшихся книгъ и тканей. Саша, восхищенный обиліемъ разбросанныхъ

на полу предметовъ, велъ себя, сверхъ ожиданія, тихо, зато ежеминутно тащилъ что-нибудь въ уголъ или клалъ себѣ въ ротъ.

Вечерѣло. Въ открытыя двери пахнуло холодомъ. Золотой блескъ солнечнаго сіянія померкнулъ на дальнихъ лѣсахъ и смѣнился мѣднымъ блескомъ заката. Зарево зари сквозь окна проникло въ избу и окрасило багрянцемъ ея сумерки.

Анна затопила каминъ и поставила ужинъ. Не безъ странной грусти касалась она грубыхъ горшковъ и измятыхъ кастрюль, такъ долго раздѣлявшихъ ихъ долю.

Степанъ увязывалъ ящики веревками.

— Эй, Бётюгётъ, ты уже вернулся? Иди сюда!—крикнулъ онъ, замѣтивъ сквозь двери сизую тѣнь на сѣрой глинѣ двора.

— Это я!—отвѣтилъ высокій, плотный мужчина, сгибаясь при входѣ. Онъ медленно снялъ съ плѣшивой головы облѣзлую мѣховую шапку и такъ же медленно повѣсилъ её на вѣшалкѣ вмѣстѣ съ перчатками и двустволкой.

— Какой вы молодецъ, что пришли. Вы умѣете поторопиться, когда желаете!.. А мы уже отчаялись, что не успѣемъ съ вами проститься... Вѣдь мы черезъ полъ-часа, самое большее черезъ часъ—ѣдемъ!—разсказывалъ Степанъ.

— Знаю: вы писали, но что такъ вдругъ? Зачѣмъ такая стремительность? Впрочемъ, это въ твоемъ вкусѣ, Степанъ!

— Не въ томъ дѣло. Пойми, иначе намъ нельзя. Пароходъ уходитъ завтра вечеромъ и намъ необходимо сдѣлать въ двадцать четыре часа сто слишкомъ верстъ... Если мы опоздаемъ, придется ждать зимняго пути, такъ какъ не могу же я подвергать жену и ребенка риску верховой ѣзды... А это грозитъ намъ на нѣкоторыхъ приленскихъ переѣздахъ... Къ тому же у насъ хватитъ денегъ на пароходъ, но ни въ какомъ случаѣ не хватило бы ихъ на проѣздъ на почтовыхъ!

— Если бы вы помедлили, вамъ, можетъ быть, удалось бы продать домъ да кой-что изъ хозяйства... Да, можетъ быть, кто-нибудь купилъ бы право посѣва на вспаханныхъ вами земляхъ... Да и вообще, многое могло бы случиться, что позволило бы вамъ устроиться пообстоятельнѣе, а то... вѣдь пріѣдете туда, полагаю, безъ гроша!

Степанъ усмѣхнулся.

— Конечно, хорошо бы... но все это ни къ чему не приведетъ. Земли съ момента объявленія бумаги отбираются въ улусъ. Нѣтъ даже надежды запродать право на посѣвы, хотя они и вспаханы мною. Разъ якуты узнали, что я уѣзжаю, никто не купитъ. Они уже теперь считаютъ все мое хозяйство своей собственностью. Они прямо сказали мнѣ: «ты жилъ среди насъ, пользовался нашей землею и нашей защитой, ты долженъ насъ уважить!» Третьяго

дня я приказалъ Бётюгёту разобрать на топливо кусокъ моего же забора—не стоило мнѣ въ виду возможнаго отъѣзда заготовлять дровъ. Что-жъ ты думаешь: князь прислалъ якута съ выговоромъ, зачѣмъ порчу «общественную городьбу»... Смѣшно... а все таки они до нѣкоторой степени правы. Собственность можно оправдать только владѣніемъ и дѣйствительной потребностью въ данномъ предметѣ... Нѣтъ, я ничего не продамъ. Усадьбу я такъ брошу на произволъ судьбы,—пусть съ ней возится общество, а хозяйственныя орудія и другое барахло подарю Бётюгёту. Онъ нѣсколько лѣтъ работалъ вмѣстѣ со мною и я съ удовольствіемъ оставлю ему кой-что. Мнѣ пріятно подумать, что такимъ образомъ я помогу парню стать на ноги, превратиться изъ пролетарія въ независимаго хозяина... Здѣсь для этого нужно такъ немного...

— Гм... Что слышу? Поддерживаемъ третье сословіе на счетъ четвертаго!..—шутилъ гость, наблюдая съ интересомъ за маневрами Саши, стремящагося помѣшать кнутикомъ въ горшкѣ съ кипящимъ супомъ.

Анна взяла сына на руки.

— Нѣтъ!—возражалъ серьезно Степанъ.—Не надо быть доктринеромъ!.. Я просто хотѣлъ бы оставить именно здѣсь, гдѣ я прожилъ столько лѣтъ, хорошій слѣдъ... какое-нибудь вещественное доказательство моего сочувствія этимъ людямъ... Доставить кому-нибудь изъ нихъ мнѣ лично извѣстному возможность чаще смѣяться и благодушествовать... А что я выбралъ моего работника, это, кажется, понятно... Я не сентиментальничаю, нѣтъ!.. Мнѣ просто надоѣли абстракціи... Человѣчество, конечно, вещь почтенная... Мы въ эту пропасть успѣемъ еще много спустить!.. Но ты не повѣришь, Карлъ, какъ страстно я въ этотъ послѣдній годъ жаждалъ реальныхъ дѣйствій, хорошихъ реальныхъ ощущеній... А тутъ все эта борьба изъ за насущнаго хлѣба и сознаніе единственной заслуги въ томъ только, что существуешь. Я этого конечно не связываю съ моимъ ничтожнымъ подаркомъ Бётюгёту, а только говорю такъ, къ слову...—быстро-быстро разсказывалъ Степанъ.

Карлъ грустно молчалъ.

— Да, мнѣ кажется, я тебя понимаю,—проговорилъ онъ неуклюже,—и сказалъ я мою фразу не затѣмъ, чтобы тебя задѣть въ сердцѣ, но мнѣ просто хотѣлось, по старой памяти, подзадорить тебя, вызвать на споръ, но тебѣ некогда. Я это вижу... Мнѣ жутко подумать, что вотъ черезъ часъ, два васъ здѣсь... не будетъ... Не будетъ никого... Не будемъ больше спорить и ругаться... Столько лѣтъ... привыкъ!

Голосъ гостя чуть охрипъ и порвался. Степанъ пересталъ затягивать узлы у ящика и быстро взглянулъ на товарища.

— Прости, Карлъ... Мы, я не сомнѣваюсь, встрѣтимся на югѣ!—проговорилъ онъ сердечно.

— Не знаю. Жутко думать о будущемъ. Тоска и мертвящая безсодержательность жизни подчасъ кажутся мнѣ невыносимымъ бременемъ. Раньше, когда онѣ донимали меня, я приходилъ къ вамъ, чтобы вы раздѣлили ее со мной. Человѣкъ вообще достаточно подлая скотина и любитъ утѣшать себя тѣмъ, что и другіе страдаютъ... Ты, Карскій, такой жизнерадостный, крѣпкій, тебѣ это ни почемъ.

Анна съ ребенкомъ подсѣла къ гостю.

— Другъ мой, побейте вы насъ, умоляю!.. Мы такъ счастливы, что мнѣ просто и стыдно, и страшно...

— Мы будемъ вамъ писать...—проговорилъ Степанъ, присаживаясь съ другой стороны возлѣ товарища, но тутъ же онъ спохватился и съ испугомъ взглянулъ на часы.

— Пора, пора! Анна, давай ужинать, а затѣмъ одѣвай ребенка! Эй, Бѣтюгѣтъ, запрягай!

Часъ спустя нагруженная чемоданами телѣга быстро катилась по широкой, глинистой дорогѣ, затвердѣвшей, какъ кирпичъ, отъ лѣтняго зноя. Колеса плавно вертѣлись на свѣже смазанныхъ желѣзныхъ осяхъ, сдерживаемыя Бѣтюгѣтомъ лошади бѣжали бодро и ровно. Рыжая пыль взлетала туманомъ изъ-подъ колесъ и копытъ и долго носилась въ тихомъ вечернемъ воздухѣ. На телѣгѣ сидѣлъ Карскій съ семьей и Карлъ съ двустволкой на спинѣ.

Всѣ молчали.

Молчала и тайга по бокамъ, подернутая розовымъ ночнымъ сумракомъ, благоухающая отъ крѣпкаго аромата смолы, перегрѣтой дневною жарою. Молчали лѣсные луга, молчали озера, спящія среди высокихъ травъ подъ легкой пеленой мглы. Молчали попутныя юрты; дымъ не струился изъ ихъ косыхъ трубъ и не было свѣта въ оконцахъ. Спали стада, расположившись пестрыми кучками на влажныхъ отъ росы пастбищахъ. Спалъ вѣтеръ, притаившись среди цвѣтовъ, злаковъ и вѣтвей. Примолкла волна, не шелестили листья, не шумѣли нивы...

Все точно сговорилось усилить въ отъѣзжающихъ ощущеніе безпредѣльнаго отчужденія. Ничто здѣсь не рыдало по нихъ, не звало ихъ къ себѣ, не жалѣло ихъ, исключая того товарища, который страдалъ только потому, что оставался здѣсь.

А вверху проплывала беззвучно и равнодушно бѣлая, полярная, беззвѣздная, лѣтняя ночь.

— Зачѣмъ я ѣду?—проговорилъ, наконецъ, Карлъ.—Остановись, Бѣтюгѣтъ! Прощайте!..

Они крѣпко пожали другъ другу руки, затѣмъ телѣга покатила дальше, а охотникъ повернулъ въ лѣсъ и исчезъ въ чащѣ.

Когда спустя минуту Анна оглянулась, никого уже не было на дорогѣ.

— Несомнѣнно, Степа, я скверная эгоистка, но я ничего не могу подѣлать! Мнѣ ни крошки не грустно и я никого жалѣть теперь не способна!..—говорила молодая женщина, склоняя голову на плечо мужа.—Въ душѣ моей клокочетъ радость и поетъ побѣдныя пѣсни!.. Если-бъ мнѣ не было стыдно и я не боялась разбудить Сашу, я громко кричала бы, ревѣла бы во всю глотку... Наконецъ, опять... жизнь... люди... совмѣстный смѣхъ и совмѣстныя слезы!.. Какія-то зори загораются впереди... въ концѣ минувшей длинной, многолѣтней ночи!.. И грустно, и весело, и какъ-то... жутко, но сладко, обаятельно сладко... Сердце бьется согласно съ движеніемъ колесъ, точно толкаетъ ихъ, а кони кажутся мнѣ нашими крыльями...

— Пусти ихъ немного, Бѣтюгѣтъ! Ты ихъ черезъ-чуръ осаживаешь... Пусть побѣгутъ!..—приказалъ Карскій.

— Сытыя онѣ—задохнутся!

— Ничего! Пусти, пусти!.. Остановимся подъ горой, передохнутъ!

Дорога равномѣрно спускалась съ бугра. Нечего было опасаться промоинъ и корней, такъ какъ рубежъ лѣса далеко ушелъ въ обѣ стороны, открывая величественный видъ на луга, спускающіеся къ рѣкѣ постепенно блѣднѣющими ступенями, на синія горы, замыкающія горизонтъ.

Якутъ отпустилъ возжи, чуть привсталъ, нагнулся и гикнулъ. Лошади дрогнули, подобрались, распустили съ фырканьемъ хвосты и гривы, подхватили и понесли, какъ вѣтеръ. Колеса зашумѣли, какъ вспугнутые ястреба, телѣга запрыгала отчаянно и покатилась...

Этотъ бѣшеный бѣгъ подѣйствовалъ на путниковъ, какъ крѣпкое вино. У нихъ засверкали глаза, черты обострились, румянецъ вспыхнулъ на щекахъ. Они плотно прижались другъ къ другу, чуть наклонившись впередъ, и прижали бережно къ груди спящее дитя. Такъ они долго неслись стремглавъ, точно большой двуглавый грифъ.

И они летѣли бы такъ все время.

Но подъ горой ямщикъ остановилъ лошадей, спрыгнулъ съ облучка, вытеръ вспотѣвшихъ животныхъ сухой травой, позволилъ имъ перевести духъ, далъ перекусить по горсточкѣ сѣна и двинулъ тихо въ гору. Самъ онъ пошелъ пѣшкомъ. Карскій тоже соскочилъ съ сидѣнія и пошелъ съ другой стороны телѣги.

По крутому подъему они взобрались на дикое, лѣсистое плоскогоріе. Дорога врѣзалась въ самыя нѣдра дремучей, нежилой тайги. Мѣстами только разнообразили ее пространныя болота, поросшія

кочкарникомъ, осоками и ситнякомъ. Черныя озера сверкали мрачно въ тѣни деревьевъ и кустовъ. Но даже рыба не плескалась въ нихъ и птица не прилетала къ ихъ берегамъ. Кругомъ царила сонная тишина. Ни звука. Только ободья колесъ мѣрно постукивали по сѣткѣ жилистыхъ корней, выползшихъ на дорогу, или наигрывали унылый маршъ на круглякахъ гатей, проложенныхъ сквозь топи. Путешественники совершали тогда на сидѣніяхъ нѣкое подобіе негритянской увеселительной пляски, а лошади скучно брели, старательно выбирая среди неровностей удобныя мѣста для копытъ.

Въ полдень, на полъ-пути путешественники остановились на отдыхъ въ якутской юртѣ, единственномъ пристанищѣ на всемъ этомъ протяженіи.

Карскій все тревожился и рвался впередъ, но необходимо было покормить лошадей и самимъ кстати поѣсть.

— Отсюда путь хорошій, поѣдемъ скоро!—утѣшалъ его Бётюгётъ.

Карскій прекрасно зналъ дорогу, зналъ, что «хорошій путь» представлялъ только новую комбинацію затвердѣлой глины, затхлыхъ болотъ и летучаго песку.

Когда, наконецъ, путники достигли крутого спуска, ведущаго въ долину той-же рѣки, надъ которой они жили, солнце склонялось къ закату. Сквозь вѣтви и вершины деревьевъ, стремительно уходящія внизъ, виднѣлась синяя даль, поля, луга, усадьбы и деревни съ узкой, блѣдной лентой дороги, вьющейся среди нихъ.

Карскій жадно глядѣлъ туда, далеко, гдѣ надъ серебристой нитью воды вспыхивали въ лучахъ заката слабыя искорки городскихъ золоченыхъ церковныхъ главъ. Онъ искалъ дыма на пароходной пристани, но осталось еще слишкомъ тридцать верстъ и подробности утопали въ дымкѣ тумана и разстоянія.

Путешественники спустились по откосу съ быстротой привычныхъ къ головоломной ѣздѣ сибиряковъ. Лошади опять взбѣсились и взыграли.

— Дай имъ волю. Дорога хорошая! — приказывалъ Степанъ.

— Далеко еще!—неохотно отвѣчалъ Бётюгётъ, щадя подаренную лошадь. Но такъ какъ подарокъ былъ условный и въ условіи хитро была вставлена необходимость попасть къ пароходу, то бѣдный парень самъ съ тревогой посматривалъ на солнце и случалось всё чаще понукалъ лошадей.

Тѣ бѣжали полной рысью. Карскій любилъ лошадей и зналъ въ нихъ толкъ. Во время продолжительнаго проживанія въ этомъ краѣ онъ изучилъ здѣшнихъ лошадей и подобралъ себѣ пару, прослывшую во всемъ околодкѣ. Теперь животныя какъ будто стремились расплатиться съ нимъ за его доброту, любовь къ себѣ

и попеченіе: они мчались по ровной дорогѣ съ грохотомъ набѣгающей грозы, и грохотъ ихъ копытъ внятно повторяло горное эхо. Путники быстро миновали шумящія колосьями хлѣба, огороженныя безконечными заборами, миновали открытыя пастбища, откуда уже возвращались домой стада, миновали неряшливыя якутскія юрты съ голыми ребятишками у порога и стаями надоѣдливыхъ, мохнатыхъ псовъ; молніей проносились они сквозь богатыя, хорошо застроенныя селенія скопцовъ, вызывая удивленіе на сонныхъ, обрюзглыхъ, бабеобразныхъ лицахъ.

Нѣкоторые изъ сектантовъ узнавали Карскаго, кланялись ему и что-то кричали въ догонку, чего онъ не могъ разобрать за громомъ колесъ. Разъ только онъ приказалъ придержать лошадей, чтобы спросить возвращающагося изъ города лавочника, не ушелъ-ли еще пароходъ?

— Не ушелъ, но бытто собирается!

— Гони, гони, Бѣтюгётъ! Во весь духъ... пусть падутъ... я денегъ дамъ тебѣ...—вскричалъ Карскій.

— Зачѣмъ имъ падать?.. Если падутъ, тогда совсѣмъ станемъ!..—хладнокровно замѣтилъ якутъ.

Карскій перебрался на козлы и отнялъ у него вожжи.

Лошади почувствовали хозяина, пріободрились и нѣкоторое время неслись попрежнему, но мало-по-малу силы ихъ истощались. Старшій Сивко—вѣрный товарищъ первыхъ самыхъ трудныхъ для Карскаго дней—сильно ослабъ.

Карскій съ болью сердечной первый разъ за все время сожительства стегнулъ его кнутомъ. Благородное животное дрожало и отчаянно дергало постромки, но уже не поспѣвало за младшимъ своимъ товарищемъ. Тотъ—Вороной, съ рыбьими глазами, некрасивый и злой, но чрезвычайно выносливый, продолжалъ бѣжать все такъ же ровно, какъ въ началѣ пути, и только кусалъ злобно при всякомъ удобномъ случаѣ своего сотрудника. Обѣ лошади таяли и худѣли на глазахъ.

— Тотъ, Вороной, сирягась, упадетъ, а не ослабить бѣга!—восхищался Бѣтюгётъ.

Каждыя пять верстъ путники останавливались, давали лошадямъ передохнуть и подкармливали ихъ сухимъ ячменемъ. И все-таки, несмотря на всѣ усилія, они пріѣхали въ городъ только къ полуночи.

— Есть ли еще пароходъ? — спросили перваго попавшагося прохожаго.

— Есть!—отвѣтилъ тотъ.

Карскій свободно вздохнулъ, вытеръ вспотѣвшее и почернѣвшее отъ пыли лицо и отдалъ вожжи повеселѣвшему Бѣтюгёту.

— Поворачивай къ пристани.

*

Вскорѣ путники миновали бѣлый, каменный, окруженный стѣной монастырь и выѣхали на рѣку. Мощная серебристо-сѣрая лента воды, розовая отъ розовой ночной зори, тихо плыла въ потемнѣвшихъ берегахъ. Смутно отражались въ ней городскія строенія, кучи бревенъ на берегу, бѣлыя облака и блѣдное небо. У пристани, наскоро сбитой изъ досокъ, ближе къ городу стояли ряды судовъ, на толстыхъ причалахъ, крѣпко натянутыхъ и постоянно дрожащихъ отъ напора теченія. Парохода нигдѣ не было видно. Карскій не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ спрыгнулъ съ телѣги и побѣжалъ вдоль берега, туда, гдѣ рѣка поворачивала за бѣлую монастырскую стѣну... Предъ нимъ раскрылась водяная гладь еще болѣе ясная, безпредѣльная и пустынная... И только на краю горизонта, низко надъ водой рѣяло тонкое облако тающаго тумана или дыма...

— Степа! А я какъ разъ ищу тебя? Что же это вы опоздали? Ушелъ часъ тому назадъ...—кричалъ ему идущій навстрѣчу изъ города мужчина.

Карскій обернулся къ нему, узналъ Лёву, но не въ силахъ былъ что-либо отвѣтить. Онъ долго стоялъ, какъ одурѣлый. Вдали, на лугу Бётюгётъ тихо водилъ подъ уздцы истощенныхъ лошадей съ телѣгой, на которой сидѣла блѣдная отъ волненія Анна съ ребенкомъ.

II.

Матрена Хринсанфьевна, толстая хозяйка такъ называемой «общей квартиры», встрѣтила пріѣхавшихъ потоками медовыхъ рѣчей. Она всегда встрѣчала такимъ образомъ всѣхъ своихъ гостей, въ разсчетѣ, что вызванная ея «жалкими» словами жалость къ себѣ и всему міру, заставитъ ихъ отнестись снисходительнѣе къ грязи, къ неряшеству, къ дурной пищѣ, къ не совсѣмъ точнымъ счетамъ и другимъ изъянамъ пристанища ввѣреннаго ея попеченію.

Карскаго пробовала Матрена Хринсанфьевна убѣдить, что онъ не только ничего не потерялъ, опоздавъ на пароходъ, но даже выигралъ:

— Потому я, вѣрьте мнѣ, знаю, какъ бываетъ на пароходѣ. День и ночь гомонъ, гудки, гуляніе—ни выспаться, ни поѣсть... А главное, дорого! А то бываетъ и крушеніе... Повѣрьте мнѣ, старой, бывалой женщинѣ, нѣтъ лучше, какъ съ обратными судовщиками: тихо, вольготно, неопасно... Захотитё, они васъ на берегъ высадятъ, вы себѣ по бережку пойдете, ягоды да кедровыя шишки пособираете... А не захотитё, такъ можете въ лодкѣ сидѣть и тяхонько, плавно впередъ двигаться... Утонуть невозможно, по той причинѣ, что норовятъ они къ самому берегу, чай по землѣ

иной разъ скользятъ. Только скажите, баринъ, слово, а мой Андрей вамъ боцмановъ отыщетъ... У него, правда, времени мало, но это ужъ мое дѣло: я его попрошу уважить моимъ гостямъ... Чего чего только я не согласна сдѣлать, были бы только мои господа довольны, вспоминали бы меня, старуху, хорошо... Вотъ была, молъ, у насъ Матрена, толстая, добрая, услужливая... Охъ, охъ...

Къ концу разговора обыкновенно въ открытыхъ дверяхъ являлся рыжій Андрей съ выжидающей улыбкой на синихъ губахъ.

— Мало осталось боцмановъ въ городѣ. Уѣхали. Найти можно, понятно—найти можно!.. За деньги, вѣдь, и черти пляшутъ!..— поучалъ онъ Карскаго.

Карскій мрачный бродилъ по городу, собирая свѣдѣнія о всевозможныхъ путяхъ сообщенія, но толку пока было мало. Каждый совѣтовалъ ему другое, а всѣ проекты ничего не стоили и, главное, требовали много денегъ.

Лёва совѣтовалъ ѣхать на почтовыхъ.

— Правда, это самый дорогой способъ, но и самый скорый.

— Но пойми же, у меня не хватитъ денегъ даже на прогоны. А кушать должны же мы во время трехнедѣльныхъ странствованій!.. Конечно, я желаю уѣхать поскорѣе, но разсудка я еще не лишился...

Лёва расхаживалъ по комнатѣ съ обиженнымъ видомъ и насвистывалъ.

— Деньги—пустяки. Всегда можно занять!—сказалъ онъ рѣшительно и взялъ фуражку. Онъ убѣгалъ отъ друга самымъ постыднымъ образомъ, такъ какъ кредитъ его давно уже исчерпался. Но въ одиночествѣ своей холостой квартиры, лежа на кровати, онъ усердно предавался поискамъ новыхъ финансовыхъ комбинацій.

Между тѣмъ, Анна ежедневно передъ сномъ умоляла мужа:

— Ѣдемъ... ѣдемъ куда-нибудь и какъ-нибудь! Здѣшняя грязь, вонь и пыль ужасаютъ меня! Саша чахнетъ. Вдобавокъ оказывается, что въ городѣ свирѣпствуютъ эпидеміи... По временамъ меня охватываетъ отчаяніе... Все противъ насъ!.. Нѣтъ, мы никогда, никогда не увидимъ родины... Это кажется мнѣ далекимъ... почти недостижимымъ!.. Мы тратимъ попусту время, а что оно несетъ намъ въ ближайшемъ будущемъ—неизвѣстно. Стукнетъ ли, или зазвенитъ въ корридорѣ ночью, зашумятъ ли на улицѣ, мнѣ сейчасъ кажется, что это идутъ отнять у насъ наши бумаги... Развѣ это не случалось? Ѣдемъ, милый! Ѣдемъ кой какъ, только бы поскорѣе, только бы двинуться съ мѣста...

Въ глубинѣ души Степанъ раздѣлялъ ея тревоги и не разъ вдругъ блѣднѣлъ, замѣтивъ издали незнакомое лицо, направляющееся къ «общей квартирѣ». Онъ незамѣтно ощупывалъ по

нѣсколько разъ въ день мѣшочекъ на груди, гдѣ у него были спрятаны деньги и паспортъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, не находя ничего лучшаго, онъ остановился на предложеніи Матрены, далъ рубль Андрею «за труды» и въ тотъ же день въ сопровожденіи послѣдняго отправился на пристань.

Пристань грузовыхъ судовъ находилась у городской набережной, застроенной оптовыми складами, длинными, унылыми зданіями съ широкими, крѣпко окованными входами и маленькими рѣшетчатыми окошками. Самый заливъ представлялъ небольшую, мелкую, тихую старую рѣчную «курью», куда въ обычное время обыватели сваливали соръ въ разсчетѣ, что половодье унесетъ его. Половодье всегда только отчасти оправдывало ихъ надежды и въ виду этого «курья» все мелѣла и распространяла невыносимое зловоніе. Съ началомъ навигаціи «курью» заполняли суда.

Теперь она уже густо вымощена была всевозможными палубными, полу-палубными и непалубными потомками Ноева Ковчега. Огромныя верховыя «паузки», прибывшіе съ высокой весенней водой, построенные по стариннымъ казацкимъ образцамъ изъ толстыхъ бѣлесыхъ сосновыхъ брусьевъ, большущіе, тяжелые, неуклюжіе—они походили на трупы мамонтовъ, выброшенные разливомъ на тинистый берегъ и засосанные тамъ безнадежно Волна уже не управляла ими, а только лизала ихъ кормы и бока, сквозь широко раскрытыя окна, двери и ходы видны были опустѣлыя внутренности. Тутъ же рядомъ съ «паузками» стояли болѣе легкіе и ловкіе: каюки, баржи, шитики, двойные и ординарные дощанники—пустые и полные ящиковъ, бочекъ, мѣшковъ, связокъ желѣза, вороховъ кожи, канатныхъ свертковъ, тюковъ пеньки, жестяной и мѣдной посуды...

Кой-гдѣ цѣпь сѣрыхъ, трудовыхъ плавучихъ сооруженій нарушала претенціозная, купеческая, «гулевая» барка, выкрашенная въ бѣлый цвѣтъ, съ красными или голубыми по краямъ разводами, съ якоремъ на носу, съ галлереей у кормы и мачтой по серединѣ. Ихъ относительная чистота и ржавость ключинъ ясно свидѣтельствовали о ихъ безполезности.

Вездѣ сновали люди въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубахахъ, въ широчайшихъ плисовыхъ шароварахъ, въ шведскихъ курткахъ на малиновой подкладкѣ, въ картузахъ, шляпахъ и мѣховыхъ гладкихъ или треухихъ шапкахъ, лихо заломленныхъ на затылокъ или надвинутыхъ на бекрень. Все это были по большей части фигуры крупныя, плотныя, размашистыя, иногда босыя, но всегда вооруженныя подвязаннымъ съ боку ножомъ. Все это были по большей части лица суровыя, съ чертами грубыми, обрюзгшими, съ взглядомъ неопредѣленныхъ мутныхъ, жесткихъ глазъ. Изрѣдка

мелькали среди нихъ оливковыя рожицы якутовъ съ зоркими щелевидными глазками или являлось румяное, дебелое, какъ сдобная булка, лицо городского купчика, одѣтаго въ культурное «пальто» и «котелокъ».

Толпа двигалась, галдѣла и по преимуществу ругалась. Въ то же время набережная дрожала подъ колесами нагруженныхъ товаромъ телѣгъ. Стучали перекатываемыя съ мѣста на мѣсто ящики, бочки и фляги. Внутри судовъ гудѣло, точно тамъ бились взаперти рои крупныхъ шмелей. Разломываемые на брусья «паузки» охали подъ ударами топоровъ, какъ большущіе барабаны. Крупныя связки полосового желѣза и десяти-листового лязгали то и дѣло пронзительно на всю рѣку. А всю эту внушительную, неровную пѣсню труда пронизывалъ не столь громкій, но несмолкаемый стонъ работающихъ людей, то подымающихъ, то сбрасывающихъ съ себя непосильную тяжесть.

Вездѣ пахло рѣчнымъ иломъ, смолой, древесными стружками и человѣческимъ потомъ.

Позади пристани, дальше простирался свѣтлый лоскутъ голубого неба и изсиня-серебристой рѣки. Отъ «курьи» отдѣляла послѣднюю лишь узенькая, низкая коса желтаго песку. Мощная, пустынная Лена, равнодушная къ людской сутолокѣ, неслась мимо съ сдержаннымъ говоромъ, какъ бы напѣвая вслухъ про себя мечтанія, скрытыя въ свѣтозарной, холодной дали океана. По зеркальной груди рѣки, чуть тронутой мѣстами нѣжной рябью и нитями блестящихъ струй, отъ дальнихъ туманныхъ береговъ перебирались наискось къ городу махонькія, мѣстныя одновеслыя лодочки, похожія на стрекозъ, тяжело перегребали неуклюжіе «карбасы», ворочая широкими, ластовидными лопатами; плыли щеголеватые «каюки», подъ бѣлыми парусами, вздутыми незамѣтнымъ на сушѣ вѣтеркомъ.

Вслѣдъ за Андреемъ, Карскій пробрался сквозь толпу и вошелъ въ городъ судовъ, соединенныхъ узенькими, воздушными мостиками. Имъ пришлось пройти длинную цѣпь палубъ, пока, наконецъ, они достигли на половину уже облупленнаго съ обшивки «паузка», съ торчащими вверхъ ребрами дугъ, точно остовъ свѣже ободраннаго на салотопнѣ кита. Внутри «паузка» двигались лѣниво рабочіе съ топорами, долотами и клешнями. Кучка ихъ сидѣла у костра, горящаго по серединѣ на глиняномъ «шесткѣ». Это были тѣ же размашистыя фигуры въ цвѣтныхъ рубахахъ, въ широчайшихъ шароварахъ, съ ножами у боковъ. Они даже не оглянулись на посѣтителей и продолжали, разговаривая, грѣть колѣни и руки у огня. Когда Андрей подошелъ къ нимъ и спросилъ, гдѣ Демьянъ Ивановичъ, кто-то нехотя отвѣтилъ, что «Демьяна нѣтъ, остался только Козьма».

Похоже было на шутку, и спрашивающіе ушли «подальше отъ грѣха» къ одинокому, смирнаго вида мужичку, который, перегнувшись черезъ бортъ, черпалъ старательно грязную, густую, какъ супъ, воду въ небольшой котелокъ.

— Не знаете, гдѣ тутъ Черныхъ, по прозванію Демьянъ?

Мужикъ повернулъ къ нимъ грустное, длинное, темное лицо отшельника, съ длинной двускладной бородой.

— Не знаю. Вамъ что?

— Да вотъ, оказывается, пришелъ тотъ господинъ, что хочетъ съ нимъ ѣхать!

Мужикъ не выказалъ большого интереса, не взглянулъ даже на Степана, погруженный всецѣло въ вылавливаніе изъ котелка стружекъ и кусковъ бумажныхъ фабричныхъ этикетокъ.

— Слышалъ я. Однако, не знаю, выйдетъ ли что-нибудь!..—пробурчалъ онъ, наконецъ.

— Какъ такъ? Почему?

— *Они*, сказываютъ, ѣдутъ съ барыней. А купцы, что раньше у насъ мѣсто взяли, не согласны. Говорятъ, имъ не подходяще, скучно будетъ.

— Кто же вы такой?

— Я товарищъ Демьяна.

— Значитъ, вы Кузьма?

— Нѣтъ, я Проскуринъ, Василій Иванычъ.

— А гдѣ же Кузьма?

— Да вотъ я какъ будто Козьма. Такъ насъ прозываютъ: Козьма и Демьянъ, оттого, должно быть, что все собща ѣздимъ. Давно ѣздимъ. Да я ничего. Я на все согласенъ. Только бы не было хуже!..

— А купцы кто такіе? Нельзя ли ихъ уговорить, повидаться съ ними.

— Это, однако, можно. Пусть рѣшитъ Демьянъ. Не сдѣлать бы хуже... отъ грѣха!—задумчиво проговорилъ Кузьма, подымая на Степана свой монашескій ликъ. Онъ всталъ, вздохнулъ и понесъ котелокъ къ костру. Андрей и Степанъ остались на мѣстѣ.

— Что-жъ вы разсказывали, что отыскали мѣсто? Оказывается, нѣтъ мѣста.

— Подождите. Лодочники всегда фордыбачатъ. Что онъ знаетъ?. Можетъ быть, онъ вретъ... Мы вѣдь и не слышали, что существуетъ ли какой такой Козьма. Подождемъ Демьяна. Съ нимъ я разговаривалъ.

Но оказалось, что Кузьма не вралъ. Толстый, красный Демьянъ, вскорѣ явившійся, подтвердилъ сообщеніе о купцахъ и позвалъ старика для совѣщанія. Тотъ немедленно послушался и въ мрачномъ молчаніи простоялъ все время около разговаривающихъ.

— Если купцы согласуются,—обратился вычурнымъ слогомъ Демьянъ къ Степану, — то даже это будетъ лучшимъ для васъ исходомъ. Купцы общественные люди: Василій Митричъ Брылкинъ, Иванъ Иванычъ Губкинъ и Алеша Климентичъ Терешкинъ. Если они скажутъ: да, дѣло—выходитъ въ шляпѣ. Для васъ даже превосходно, что вы пропустили пароходъ. Пароходчики, навѣрное, къ тому времени многократно на меляхъ заштопорятся. А мы потихоньку-по-легоньку все будемъ выдвигаться... Случалось, и пароходъ обганивали. Помнишь, Козьма, въ прошломъ году у Пьянаго Быка распустили мы паруса и... мое почтеніе!..

— Только бы купцы!..—вздохнулъ Козьма, кивая головой.

— Пойдемъ, однако, къ нимъ, что ли?—совѣтовалъ Демьянъ.

— А сколько вы съ меня возьмете за все это удовольствіе?—спросилъ Карскій.

— Вы сначала поговорите съ купцами. Что впередъ толковать? Правда, Козьма?

Они втроемъ отправились въ городъ на постоялый дворъ къ купцамъ. Застали они ихъ чаюющихъ при открытомъ окнѣ, потныхъ и красныхъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

Самый старшій—Брылкинъ—былъ крупный солидный старикъ, средній—Губкинъ былъ и тѣломъ средній, а младшій—Терешкинъ представлялъ нѣчто въ родѣ набитаго саломъ пузыря.

Послѣ долгихъ переговоровъ, упрашиваній и торговъ, купцы согласились, выговоривъ себѣ право пить водку и пѣть громко, когда имъ заблагоразсудится.

— Это одна пустиковина! Спать на лодкѣ можно хоть полныя сутки. Это не пароходъ, что все ерзаетъ и гудитъ...

— Мы движемся тихохонько... ходъ у насъ лебяжій!..—утѣшалъ Карскаго Демьянъ.

— Сколько же вы требуете за мѣсто на кормѣ?

— Тридцать рублей!

— Что-о? Въ три раза больше, чѣмъ на пароходѣ?!

— Пароходъ особая статья. Онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Бѣгъ у него шальной и онъ все садится на мель, а мы движемся чинно, благородно, опасливо, безъ остановки. Мы по старинѣ. Какъ отцы наши хаживали. Какое съ пароходомъ сравненіе. Развѣ пароходъ высадитъ васъ на берегъ, гдѣ вамъ угодно? Развѣ онъ остановится для васъ? Я вамъ скажу: пароходъ удобенъ для... капитана: капитанъ сидитъ въ будкѣ и распоряжается. Впрочемъ, не хотите—не надо. У меня охотниковъ прорва... Я не печалюсь... А вы ждите парохода!.. Или поѣзжайте по почтѣ; одни прогоны больше ста рублей... А я вѣдь вамъ и пищу свою даю!.. Впрочемъ, я знаю, вы изъ господъ, и я бы взялъ васъ хоть задаромъ... да вотъ Козьма... твердый онъ...

молчитъ, но не соглашается...—закончилъ онъ свои доказательства.

Послѣ жестокаго торга съ уходомъ, возвращеніемъ и божбой, лодочникъ понизилъ цѣну до двадцати рублей. Карскій согласился. Другія лодки уходили много позже; жизнь въ городѣ быстро уменьшала его средства, и ждать не было никакого разсчета.

— Очень прекрасно! Останетесь довольны. Одно сумнительно и жалко, что вы не договорились съ купцами насчетъ... одѣянія. Люди они рыхлые, сырые, любуются въ прохладѣ... Могутъ выйти недоумѣнія...

— Не думаю, чтобы они раздѣвались... Это само собою подразумѣвалось, что будутъ вести себя прилично.

Демьянъ потянулъ носомъ воздухъ и надулъ щеки.

— Это не полагается, но... вблизи воды разныя мысли приходятъ въ голову...

День прошелъ у Карскаго въ покупкѣ и упаковкѣ всевозможныхъ консервовъ, чаю, сахару, сухарей...

Вечеромъ явился сіяющій Лёва.

— Знаешь, я нашелъ капиталиста, который соглашается учесть всѣ мои векселя, съ тѣмъ, что я выдамъ ему одинъ общій съ небольшой надбавкой. Онъ готовъ добавить немного чаю и ситцу... Дѣло теперь только въ надежномъ поручителѣ..

— Благодарю тебя. Я уже заключилъ условіе съ боцманами. Завтра я уѣзжаю. Милый другъ, повѣрь, твой чай и ситцы немного принесутъ тебѣ барыша... Сомнѣваюсь, чтобы ты продалъ ихъ за наличные, даже если и удастся тебѣ розыскать надежнаго поручителя...

Лёва огорчился не на шутку, но такъ какъ онъ не выносилъ унынія, то скоро оправился и принялъ живое участіе въ укладкѣ вещей.

III.

Встало теплое лѣтнее утро, золотистое и голубое.

Даже убогій, обтрепанный городъ похорошѣлъ въ его лучахъ. Темные торговые ряды у пристани, надъ ними золоченыя главы церквей, бѣлый монастырь за лужкомъ на зеленомъ мысу, сіяющіе и просвѣтленные — перебросивъ свои отраженія, какъ бы перегнувшись черезъ мостъ судовъ и песчаную косу, глядѣли задорно въ самую глубь мчавшейся мимо Лены.

Ярмарка въ «курьи» еще не проснулась.

Большинство судовъ спало заперто наглухо. Немногочисленныя фигуры людей рисовались отчетливо въ утреннемъ, отстояв-

шемся воздухѣ. Люди потягивались, расправляли отекшіе во время сна члены, другіе умывались, стирали бѣлье или мирно курили трубки, пили чай, сидя у крошечныхъ огней, сизые дымки которыхъ тонкими струями подымались къ небу.

Въ сторонѣ, у выхода изъ «курьи», отбившись отъ недавнихъ своихъ товарокъ, стояла готовая въ путь лодка. По серединѣ ея подымался большой полукруглый кузовъ, обтянутый брезентомъ: вся она была старательно осмолена, подобрана, подвязана и невысокая мачта стояла ближе къ носу, прободая парусину полога. Два причала—съ кормы и съ носа—придерживали лодку у берега, а быстрое теченіе все толкало ее и уходило прочь съ глухимъ говоромъ, точно звало судно съ собою. Отъ этихъ ласкъ лодка дрожала и покачивалась, пробуя повернуться по теченію. Путешественники давно уже сидѣли на мѣстахъ. Среднюю часть кузова—палатки заняли купцы. Они опустили надъ входомъ занавѣсь и громко разговаривали внутри, позванивая бутылками. Въ кормовой части помѣстился Карскій съ женой. Анна сидѣла подъ навѣсомъ со спящимъ Сашей на колѣняхъ и вопросительно глядѣла на мужа. Тотъ стоялъ сердитый на кормовой палубѣ и глазъ не сводилъ съ носовой части лодки, гдѣ приподнятый край брезента обнаруживалъ полнѣйшую пустоту. На днѣ валялось только нѣсколько кульевъ муки, стояла кадушка съ солониной, но никакихъ «дорожныхъ» вещей, необходимыхъ самому невзыскательному человѣку, тамъ не оказывалось. Между тѣмъ, это было помѣщеніе для рабочихъ. Людей—ни души. Только маленькій, тщедушный поваръ Спиридонъ вертѣлся на самомъ носу лодки и переставлялъ безтолково посуду у низенькаго очажнаго шестка, сложеннаго на скорую руку изъ кирпича. По временамъ поваръ выпрямлялся, обдергивая на себѣ сбивающіяся постоянно то вверхъ, то внизъ лохмотья и поглядывалъ робко въ сторону, гдѣ на берегу лежала старая, обернутая вверхъ дномъ баржа, превращенная волею начальства въ сухопутное строеніе. Въ ней были пробиты окна и двери, да на крышу проведена изнутри желѣзная труба. Изъ баржи, то вспыхивая, то затихая, несся неумолчно многоголосый шумъ. Два водяныхъ стражника, съ желтыми бляхами и шашками въ черныхъ ножнахъ, гуляли выжидательно вблизи.

— Чего еще ждать? Гдѣ хозяинъ? Гдѣ рабочіе?—спросилъ Карскій громко повара.

— Не зна-ю! Должно быть... тамъ!—отвѣтилъ тотъ, кивая въ сторону берега.

Карскій сталъ прислушиваться къ долетающимъ оттуда звукамъ, даже одинъ изъ купцовъ высунулъ изъ за холста жирное лицо и спросилъ:

— А что?

Въ это время какъ разъ двери баржи раскрылись. изъ нихъ выскочилъ Демьянъ, кивнулъ значительно на одного изъ стражниковъ, шепнулъ ему что-то, и оба юркнули немедленно обратно въ баржу.

Карскій сошелъ на берегъ и отправился за ними; Спиридонъ побѣжалъ слѣдомъ за нимъ.

— Вотъ, видите, господинъ, я такъ думаю, что кому слѣдуетъ, то ему слѣдуетъ!—доказывалъ онъ, тяжело дыша.—Я давно находился бы вмѣстѣ со всѣми, но мое дѣло сторона, мое положеніе—поварское, огневое... Бродить по водѣ мнѣ не придется, значитъ и бродни мнѣ не нужны, ни онучи... Такъ если я тамъ явлюсь, меня спросятъ вдругъ: «Спиридонъ, ты здѣсь зачѣмъ? Ты бунтовщикъ?! Ты безъ нужды сюда пришелъ, только по любви къ безпорядкамъ!.. Подавай свой паспортъ...» И дѣлу точка! Къ тому же ужасно мятеженъ я и большой драчунъ... У меня безъ разговору: сейчасъ въ зубы! И должонъ я остерегаться всякаго волненія...

По пути попался имъ Лёва, бѣжавшій быстро изъ города.

— Вотъ и прекрасно! Вы еще не уѣхали... Я запоздалъ. Вчера вечеромъ пріѣхалъ изъ улуса Макаръ и мы всю ночь проспорили съ нимъ. Макаръ тоже хотѣлъ придти попрощаться, но такъ крѣпко уснулъ, что я никакъ не могъ разбудить его. Знаешь, Карскій, завидую тебѣ, ты возвращаешься въ Европу въ такой удивительный моментъ... Куда это ты такъ торопишься?

— Скандалъ! Вопросъ еще, уѣду ли я?.. Кажется они устроили стачку...—отвѣтилъ сухо Карскій.

— Стачку?.. Здѣсь стач-ку!.. Что ты говоришь... Вотъ оказія? Гдѣ же это?..—воскликнулъ восхищенный Лёва.

Карскій указалъ на баржу.

Когда друзья вошли туда, галдѣніе затихло. Стражникъ чуть подтянулся, Демьянъ опустилъ руку, протянутую съ угрозою къ врагамъ. Сарай полонъ былъ рабочихъ; ихъ было много больше, чѣмъ ихъ нанялъ Демьянъ; очевидно, посторонніе собрались поглядѣть на заранѣе подготовленное зрѣлище. Нѣкоторые сидѣли, большинство стояло, живописно размѣстившись группами вдоль стѣнъ. Впереди толпились бичевщики Демьяна.

— Подойдите, господа, подойдите.. Милости просимъ!.. Посмотрите, какъ обижаютъ беззащитныхъ, бѣдныхъ людей, а затѣмъ все это въ газетахъ... пропечатайте!—обратился къ вошедшимъ крѣпкій приземистый бродяга съ краснымъ лицомъ, большимъ синимъ носомъ, бурыми глазами и рыжей вихрастой щетиной волосъ надъ низкимъ лбомъ. Онъ стоялъ впереди другихъ и, видимо игралъ первую роль.

— Вотъ этотъ кровопивецъ обѣщалъ намъ двѣ пары бродней натуральной повинности, а какъ пришло что къ чему, нате вамъ, молъ, пару обутокъ и половину тряпокъ... Нѣтъ, шалишь... Есть и на васъ законъ!

— Да врешь, все врешь!—кипятился Демьянъ.—Дамъ все, не отказываюсь... дамъ въ половинѣ пути, въ Олёкмѣ, а теперь не дамъ—пропьете! Первый ты снесешь ихъ въ кабакъ! Знаю я тебя, варнака, ты ихъ всѣхъ смутилъ... Напрасно я не послушался Черевикова: не бери, сказывалъ, Индюка, онъ тебя такъ же ухлопаетъ, какъ меня въ прошломъ году...

— И ухлопаю, уложу... коль скоро заслужишь!.. Проучу... Я варнакъ бездомный, а проучу тебя!.. Думаешь, законовъ мы не знаемъ... Бывали тоже и другіе прочіе изъ варнаковъ въ университетахъ... Ты намъ подавай, что наше, а что съ этимъ мы сдѣлаемъ, такъ ужъ это не твое дѣло!.. Да, можетъ быть, я голяшки-то на прощаніе моей дѣвкѣ захочу подарить, чтобы она себѣ перчатки сшила... или собаку свою хочу обуть, чтобы уберечь ее отъ насморка.. Ты почемъ знаешь, чего вольная душа желаетъ... Ты брюханъ и сердце-то у тебя въ портмонетѣ... Ну и оставайся съ обутками... Мы не пойдемъ... Мать собственную въ лямку впряги, а то еще... Гурана пристегни!.. Ловко поѣдешь!..

— Ты что мною-то себѣ ротъ полощешь, шушера!..—обрушился на оратора солидный, прилично одѣтый мужикъ—сибирякъ.

— А что? Развѣ не чѣмъ?..—спросилъ Индюкъ, окидывая насмѣшливымъ взглядомъ мускулистую фигуру Гурана.

Присутствующіе разсмѣялись.

— Идемъ, братцы! Эй, Обухъ, снимайся съ якоря!

Бродяга обернулся къ столу, за которымъ сидѣлъ рослый бѣлобрысый рабочій съ правильными чертами лица, съ голубыми глазами и серебряной серьгой въ мочкѣ. Рабочій не разслышалъ зова и продолжалъ сидѣть, упершись ладонью лѣвой руки въ щеку.

— Нѣтъ, братцы! Не слушайте его. Онъ васъ въ заблужденіе вводитъ, ему вѣдь все равно, лишь бы поближе къ кабаку... Я обѣщаю вамъ всё отдать на первой ночевкѣ, на первомъ островѣ... Поняли! Здѣсь я ничего больше дать не могу... Безъ того вы уже пропили половину денегъ... Скоро пропили бы все... Тогда гдѣ я стану искать съ васъ? Да вамъ бы не было и интересу идти ко мнѣ!.. Вникните въ мое положеніе... И у рубля вѣдь двѣ стороны: одна отъ пріемщика, другая отъ подателя,—доказывалъ примирительно Демьянъ.

— Ахъ ты, Демьянова уха! Да онъ съ вами братцы на островѣ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ!.. Куда вы дѣнетесь?..

Рабочіе колебались.

— Можетъ и согласиться! Пусть дастъ теперь по гривеннику

на брата или по шкалику опохмелиться!..—шепнулъ высокій, худой рабочій, прозываемый Большимъ Жиганомъ.

— Такъ и быть! Пусть дастъ по пятіалтынному!..—поддержалъ предложеніе товарищъ Жигана ростомъ поменьше.

— Шпанка!.. Жиганьё!.. Вы хуже Іуды!.. Вы бы и Христа продешевили!..—отплевывался Индюкъ.—Вѣрьте ему, соловью разбойнику!.. Онъ васъ, собака, выведетъ въ пустыню и будете вы плясать тамъ, какъ онъ засвиститъ!.. Извѣстное дѣло!.. Знаемъ мы васъ, желтобрюхихъ челдоновъ *): до окончанія работы вы бы всякому готовы ноги лизать, дочку родную подарите, а послѣ работы въ омутъ столкнете... изъ-за старыхъ онучъ!..

— Не слушайте вы его, добрые люди!.. Пёсъ онъ!.. Пустозвонъ!.. Вѣдь тамъ на рѣкѣ весь каюкъ въ вашемъ будетъ вѣдѣніи! Что порѣшите, то и будетъ... Вѣдь себя, то, главнымъ образомъ везете, а мы только какъ будто придача... Вѣдь васъ-то вдвое больше, чѣмъ насъ... Что сказалъ, до крошки исполню... Небось, знаете меня... Не первый годъ ходимъ...—доказывалъ Демьянъ.

— Такъ-то такъ... А бывали и другіе примѣры... Ты намъ лучше выдай!..—гудѣли рабочіе.

— Для достовѣрности я могу съ вами на первый островъ проѣхать!..—вставилъ политично стражникъ.

Но предложеніе его встрѣчено было враждебнымъ молчаніемъ. Даже Демьянъ не поддержалъ союзника. Взамѣнъ лодочникъ воззвалъ къ Карскому и Лёвѣ:

— Урезоньте ихъ, господа!

— Ну нѣтъ!.. Зачѣмъ же?. Они въ правѣ ставить свои условія и отказывать вамъ въ кредитѣ... Насколько я понимаю, вы требуете, чтобы они работали впередъ... какъ это водится въ Европѣ, но здѣсь другой обычай—обстоятельно отвѣтилъ Лёва. Карскій дернулъ его за рукавъ, но уже было поздно. Бурлаки зашумѣли и задвигались.

— Какъ? впередъ?.. Я имъ дамъ по рублю на рыло... Не пущу—отдавайте задатокъ... Филлипъ Ѳерапонтычъ не пускайте ихъ—кричалъ Демьянъ стражнику загораживая выходъ!..

— Развѣ мы нарушили уговоръ?.. Ты его не исполнилъ.—Двигай, ребята!..

— Вѣрно сказалъ господинъ: употребимъ свой кредитъ... Поворачивай на право!..—командовалъ Индюкъ.

Рабочіе дружно направились къ выходу.

— Ну, идите, идите!.. Чортъ съ вами!—вдругъ какъ-то ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ Демьянъ.

---

*) Прозвище, даваемое бродягами сибирскимъ крестьянамъ.

Но на дворѣ рабочихъ встрѣтили купцы, и дѣло приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ.

— Пустяки!.. Не все ли равно съ кѣмъ пойдете? Вѣдь идтить вы должны!..—властно проговорилъ старшій, Брылкинъ.

— Жертвую ведро на артель!.. Вотъ деньги. Староста вашъ тутъ сбѣгаетъ къ цѣловальнику, а вы тѣмъ временемъ поворачивайте къ лодкѣ.

Рабочіе помялись, выторговали еще добавочныхъ нѣсколько бутылокъ, которыя обязался поставить сейчасъ же Демьянъ и которыя рѣшили распить въ моментъ отъѣзда.

Только Индюкъ протестовалъ и, жестоко ругаясь, направился въ городской кабакъ.

Лева не безъ сожалѣнія встрѣтилъ этотъ конецъ.

— Конечно, дурно. Но вѣдь иначе я бы никогда не уѣхалъ!— утѣшалъ друга смущенный Карскій.

IV.

Лодка на веслахъ обогнула песчаную стрѣлку, затѣмъ лямочники выскочили на берегъ. Козьма бросилъ имъ съ носа конецъ длинной веревки. Это собственно не была бичева, такъ какъ, торопясь уйти изъ города, хозяева забыли послѣднюю продернуть черезъ конецъ мачты. Бурлаки, немного пьяные и возбужденные, расположились въ рядъ у воды. Гуранъ крѣпко приналегъ на руль. Кузьма въ маленькой «душегубкѣ» зашнырялъ то съ той, то съ другой стороны лодки. Купцы усѣлись на носу съ бутылками и рюмками въ рукахъ, на самомъ рулѣ помѣстился верхомъ Спиридонъ съ намѣткой въ рукѣ.

— Трогай!.. Во имя Отца и Сына и Святого Духа!.. Эй!

Бурлаки наклонились впередъ и зашагали; веревка натянулась, лодка дрогнула, заколыхалась и поплыла, откладывая носомъ по обоимъ бокамъ два уса серебристыхъ бурлящихъ волнъ.

Карскіе вышли изъ своей клѣти на кормовую палубу и глядѣли на уходящій за густыя заросли тальника городъ. Кудрявая чаща, точно большой ползущій вдоль берега змѣй, глотала исподволь дома съ горѣвшими въ лучахъ солнца окнами, церкви съ грушевидными главами, судна, украшенныя флагами и маленькія фигуры людей на пристани... Городской стукъ и говоръ замиралъ, сливался съ рокотомъ рѣки и всплескомъ волнъ, хлещущихъ сердито вслѣдъ за проходомъ лодки въ пологіе пески.

Лева, явившійся, наконецъ, Макаръ, стояли на кучѣ сложенныхъ бревенъ и махали шапками. Анна съ ребенкомъ на рукѣ отвѣчала имъ платочкомъ, мокрымъ отъ слезъ.

— Бѣдняжки!..—шептала она.

Ой, Якутской городъ знатный,
Только дѣвки въ емъ превратны...

затянули на носу купцы.

Ой, дубинушка, ухнемъ, да,
Ой, зеленая, сама пойдетъ,
Подернемъ, подернемъ...
Да у-ухнемъ!

отвѣтили лямочники.

Мужики въ емъ вѣчно пьяны,
Неумыты, не чесаны...

продолжалъ купецъ.

Ой, дубинушка, ухнемъ, да!

. . . . . .

отвѣчалъ хоръ.

Наконецъ, исчезъ за зеленой ширмой кустовъ и бѣлый монастырь на крайнемъ мысу. Нѣкоторое время поверхъ вѣтокъ и тонкихъ листьевъ тальника виднѣлись еще колокольни собора да крыша губернаторскаго дома, но вскорѣ и они исчезли, и мощная, серебристая рѣка окаймленная желтыми песками и блѣдной зеленью лозы, завладѣла судномъ исключительно.

— Эй, берегись!.. Ссоривай!.. Ссо-ри-вай! Наметывай справа!.. гремѣлъ то и дѣло Гуранъ.

На зовъ послѣдній лямочникъ подбѣгалъ къ кустамъ, за которые цѣплялась бичева, и сталкивалъ ее съ вѣтвей или, ухватившись за нее руками, отводилъ въ сторону отъ торчащихъ изъ воды занозъ, отъ кокоръ плавнику, освобождалъ встряхиваніемъ отъ мелкаго водяного сору, отъ водорослей и палокъ, вылавливаемыхъ веревкой изъ воды.

Лодка шла все поодаль отъ земли.

— Пять! Три!.. Два съ половиной... Два... Пять!.. восклицалъ однообразно Спиридонъ, погружая наметку въ рѣку. Кузьма на душегубкѣ «ретманилъ» — плылъ впереди и указывалъ дорогу. Демьянъ остался въ городѣ покончить разсчеты.

Бурлаки, согнувшись дугой, съ лямкой на плечѣ, тяжело брели по заметамъ сыпучаго песку, напѣвая и покрикивая все время. Скоро, однако, лодка повернула въ узкую протоку и углубилась въ необозримыя тальниковыя «плави».

Тогда пѣсня умолкла. Исчезли удобныя свободныя отъ кустовъ отмели, пришлось ломиться прямо сквозь чащу, гдѣ связанные веревкой люди путались и вязнули въ гибкихъ вѣтвистыхъ тенетахъ. Лодка медленно подвигалась извилистыми, какъ ручьи, каналами среди острововъ въ неопредѣленныхъ берегахъ. Вездѣ тальникъ, и тальникъ—густой и прямой какъ тростникъ, но высокій и крѣпкій какъ бамбукъ. Мѣстами онъ подымался прямо

изъ воды; мѣстами теченіе пробивалось сквозь него съ рокотомъ шивера, и подобно вѣтру колыхало зелеными кистями кустарника. Тогда всѣ садились въ лодку и двигались впередъ на веслахъ или подтягиваясь руками за крѣпкіе, упругіе стебли.

Болѣе всѣхъ работалъ все время Кузьма. Онъ постоянно перевозилъ съ берега на берегъ людей и веревку, провѣдывалъ протоки, «ссоривалъ» бичеву въ мѣстахъ недоступныхъ для брода. Его «душегубка» кружилась непрерывно кругомъ судна, точно маленькій утенокъ вокругъ попавшей въ бѣду старки.

— Козьма... а Козьма!.. Пора бы и остановиться!..—кричали ему и купцы, и лямочники, но старикъ угрюмо молчалъ.

Солнце закатилось за ивнякъ: туманныя холодныя сумерки наполнили просвѣты каналовъ, почернѣла въ нихъ вода и кусты по бокамъ.

— Будетъ! Не пойдемъ дальше!—рѣшили рабочіе.

— Еще черточку!.. Что тутъ? Тутъ ничего нѣтъ!.. Одна тина!.. Не разгуляешься... Спать даже негдѣ... Волоките хоть къ тому острову... Тамъ Демьянъ приказалъ ждать... Тутъ онъ и не найдетъ насъ... А безъ него что же будетъ? Спиртъ-то вѣдь у него!..—проговорилъ, наконецъ, Кузьма.

Лямочники неохотно плелись въ указанномъ направленіи.

Избранный Кузьмой островокъ представлялъ плѣшивый песчаной сугробъ, окруженный узкой каймой тальниковъ. Онъ находился на самомъ краю «плавей» и по ту сторону его глухо шумѣлъ материкъ рѣки. Открытый плёсъ ея упирался на томъ берегу въ крутой и лѣсистый обрывъ. Оттуда несло холодомъ и ядреной сыростью многоводной струи.

Карскій вышелъ на берегъ и съ вершины бугра оглядѣлъ окрестности. Прежде всего поразила его близость города. Ему показалось, что они ничуть не ушли отъ него, что они все на томъ же мѣстѣ на рѣкѣ, напротивъ него. Купола церковныхъ колоколенъ все още свѣтились въ лучахъ заката.

Вечерній дымъ густо струился изъ городскихъ трубъ и, смѣшиваясь съ рѣчнымъ туманомъ, набрасывалъ на ближайшую долину, на дальнія горы и дальній небосклонъ лиловыя, нѣжныя тѣни. Выше на небѣ слоями легли алыя и сизыя полосы зари, а еще выше въ бирюзовомъ просторѣ мерцали блѣдныя звѣзды.

Между городомъ и островомъ щетинились ровные, какъ шерсть, и, какъ шерсть, спутанные тальники.

Карскій пристально вглядывался въ хорошо знакомые ему дальніе «увалы», отыскивая среди нихъ нѣкоторыя мѣста, чтобы обозрѣть ихъ еще разъ—послѣдній. Среди крутыхъ горныхъ скатовъ онъ искалъ прежде всего того дальняго подъёма, по которому взбиралась вверхъ *его* дорога. Онъ вспоминалъ свои дорожныя при-

ключенія, товарища, убитаго подъ горою неизвѣстнымъ злодѣемъ, нападеніе грабителей на его собственный обозъ съ мукою, вспомнилъ свою усадьбу, свои труды въ полѣ, пахоту, косьбу, жниво... и ему жаль стало, что всего этого уже нѣтъ и не будетъ... Но тутъ же онъ вспомнилъ страшную тоску, одолѣвавшую его по зимамъ, когда холодъ и мракъ запирали его въ заключеніе, вспомнилъ послѣдствія этой тоски, болѣзнь Анны, отъ которой исцѣлила ее только блеснувшая неожиданно надежда на возвращеніе... Дальше вспомнилъ Карскій добрыя, милыя лица товарищей, одиноко вкрапленныхъ въ чуждую имъ жизнь и тайгу...

Онъ вздохнулъ и взглянулъ на мирно покачивающуюся у острова лодку.

Анна съ закутаннымъ въ платокъ Сашей шла оттуда къ нему. Карскій взялъ у жены ребенка, обнялъ ее за талью и прижалъ къ себѣ... Женщина склонила голову на его плечо и направила взоръ въ ту же сторону, куда глядѣлъ недавно онъ самъ.

— Милый! Были и тамъ у насъ дни счастья!

— Вернулась бы ты?..

— Ни за что!

— А вѣдь неизвѣстно, что насъ ждетъ. Пріѣдемъ, по всей вѣроятности, безъ гроша. О занятіяхъ трудно будетъ и подумать, я отвыкъ отъ умственнаго труда, а къ землѣ пристроиться тамъ и мечтать нечего...

Грудь женщины заколыхалась.

— Тамъ—смерть!—шепнула она.—Тамъ мы исподоволь тлѣли!.. Я чувствовала, какъ изо дня въ день во мнѣ что-то навѣки угасаетъ, какъ жить остается всё меньше, и страшно, невѣроятно боялась, что вдругъ всё потухнетъ, что тьма безпросвѣтная окутаетъ меня, и я никогда уже, никогда не взгляну на родину сознательнымъ взглядомъ... Нѣтъ ничего мучительнѣе этого ужаса... Я не боюсь смерти, но я страстно желаю увидѣть тебя и сына въ родной средѣ и разъ, еще разъ... взглянуть самой на родину... затѣмъ я уйду въ вѣчность уже безъ сожалѣнія...

— Зачѣмъ уходить!? Вотъ глупости!.. Вѣдь ты теперь здорова!? Я говорилъ о трудностяхъ такъ себѣ!.. Всё это устранимо, разъ мы будемъ здоровы... Все въ сущности пустяки... Всё устроится прекрасно...—доказывалъ горячо Карскій, стыдясь недавней своей слабости.

Онъ опять обнялъ жену и привлекъ къ себѣ. Анна качала головой.

— Ты не притворяйся: я знаю, вначалѣ будетъ намъ трудно, очень трудно, но вѣдь возвратъ невозможенъ... Мнѣ чудится ужасное тамъ... за нами чудовище, леденящее и засосывающее.. туманный кощей съ бѣлыми глазами... Всё мнѣ кажется, что онъ

протягиваетъ къ намъ свои хищныя лапы и... я бы... всё бѣжала... безъ оглядки... бѣжала бы, не ѣла, не пила, уходила бы. Но намъ не везетъ. Тихо мы пойдемъ, вотъ увидишь... тихо пойдемъ. Девятьсотъ слишкомъ верстъ—это ужасъ!.. Столько дней, столько дней страха!? Взгляни, милый, не потерялъ ли ты паспорта!.. Я ужъ никакъ не успокоюсь раньше конца... Не вѣрю я, чтобы эти люди дотащили насъ... Какой-то сбродъ...

— Здѣсь всѣ они такіе, а вѣдь плаваютъ суда! Смотри, какъ красиво... Зажгли костеръ и усѣлись кругомъ... Слѣдовало бы и намъ вскипятить чайникъ!—замѣтилъ спокойно Карскій.

— Знаешь, поставь самъ... Я пойду въ лодку уложить Сашу... Я ихъ боюсь!

Когда Карскій подошелъ съ чайникомъ къ огню, Спиридонъ взялъ предупредительно посуду у него изъ рукъ и повѣсилъ на палкѣ около котловъ. Бурлаки подвинулись и предоставили Карскому мѣсто въ своемъ кругу. Всѣ они, видимо, интересовались имъ, только одинъ Обухъ, бѣлобрысый красавецъ съ серьгой въ ухѣ, не обратилъ, повидимому, на него вниманія и не отвелъ взгляда, неподвижно уставленнаго въ пламя.

Карскій еще до отъѣзда замѣтилъ красавца и теперь невольно опять залюбовался имъ.

«О чемъ думаетъ этотъ здоровякъ?..» размышлялъ онъ, скользя взглядомъ по крѣпкому угловатому черепу парня.

Какъ разъ Обухъ въ это время очнулся, поднялъ голову, зѣвнулъ и потянулся.

— Что же?.. Чего ждемъ ребята? А?..

— Демьяна все нѣтъ!

— Гм!..

— Ужо онъ ѣдетъ!..—успокоилъ ихъ Кузьма.—Слышете?

Въ «плавяхъ» далеко мѣрно плескались весла. Маленькія стаи утокъ, вспугнутыхъ плывущими, по временамъ взлетали надъ почернѣвшими тальниками и, свистя крыльями, кружились въ сумеречномъ воздухѣ.

Бурлаки повеселѣли. «Жиганы» ушли за хворостомъ и вскорѣ притащили двѣ большущія охабки сухого тальнику. «Обухъ» съ «Майданьщикомъ», мрачнымъ и скуластымъ сибирякомъ, отправились къ водѣ и приволокли оттуда толстую колоду плавнику.

— Ай-да молодцы!.. — хвалили ихъ купцы, возсѣдающіе важно у костра.

— Силища у васъ!—замѣтилъ Терешкинъ, тщетно пробуя поднять колоду.

Обухъ взглянулъ на него и сдержанно улыбнулся.

— Хватитъ на всю ночь!..—обстоятельно вставилъ Гуранъ.

— Тепло будетъ!

*

— Дерево и есть дерево!.. Не то что валежникъ!..

Всѣ солидно разговаривали, не подавая виду, что вниманіе ихъ направлено въ другую сторону, гдѣ все явственнѣе плескались весла. Только купцы, у которыхъ была «своя водка», повидимому, интересовались содержаніемъ разговора.

— Да, валежникъ необстоятеленъ: вспыхнетъ и тутъ весь!— сказалъ Терешкинъ.

— О-г-е-й!—окликнули ихъ съ воды.

— Здѣсь!..—отвѣтили дружно лямочники.

Дно причалившей лодки зашуршало о песокъ. Часть лямочниковъ бросилась навстрѣчу пріѣзжимъ. У костра остались купцы, Обухъ, Майданщикъ, молодой татаринъ Ахметка и поваръ Спиридонъ, занятый стряпней, а съ нимъ такой же, какъ онъ невзрачный, старикъ бродяга, прозываемый почему-то Нѣмцемъ. Оба они ухаживали бережно за котлами, помѣшивали въ нихъ и подкладывали огонь.

Вскорѣ въ кругу свѣта появился Демьянъ въ сопровожденіи Большого Жигана. Послѣдній несъ нѣжно на рукахъ, точно ребенка, флягу со спиртомъ, вкусно облизывался и мяукалъ по-кошачьи.

— Ужинъ готовъ?

— Есть, есть!.. Садитесь и сказывайте, что слышно въ городѣ,

— Давайте спервоначалу, какъ подобаетъ, пить чай!..

Кузьма роздалъ рабочимъ по горсти сухарей и куску сахару Нѣмецъ розлилъ чай въ поставленные передъ каждымъ кубки и чашки. Демьянъ подсѣлъ къ купцамъ, которые приказали принести себѣ съ судна «свою ѣду»—бѣлые калачи, масло, копченую рыбу и ветчину

— А что же... тотъ?—спросилъ Брылкинъ, мотая головой въ сторону лодки.

— Предпочитаю одиночество... вдвоемъ съ женой!.. — пискнулъ Терешкинъ

Всѣ разсмѣялись и принялись острить по этому поводу. Терешкинъ смѣшно закатывалъ глаза, вздыхалъ и ржалъ, какъ лошадь.

Въ это время Спиридонъ, исчезая въ облакахъ дыма и пара, вылавливалъ изъ котла куски мяса и складывалъ ихъ на жестяной котельной крышкѣ. Майданщикъ ловко переливалъ спиртъ изъ бочоночка въ бутылки и разбавлялъ его водой. Демьянъ подалъ первую бутыль старшему купцу...

— Счастливый путь, ребята! Поздравляю васъ съ началомъ! Чтобы везло намъ, чтобы вѣтеръ все дулъ въ корму, чтобы мы благополучно миновали всѣ мели, шивера, быки и сколы... Чтобы избѣгли мы злоключеній и злыхъ людей... Хаимъ!.. Къ тебѣ пью, хозяинъ!..—проговорилъ торжественно купецъ, перекрестился, выпилъ и крякнулъ.

— Сюлимъ! За ваше здоровье, честные гости, и ваше, ребята-лямочники!—отвѣтилъ Демьянъ, принимая полную рюмку.

Когда рюмка обошла полный кругъ, купецъ придержалъ бутылку и обратился къ Демьяну.

— А все-таки не годится. Онъ пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ, а мы должны уважить старинный обычай и попросить его... Иди, Демьянъ... скажи, молъ, такъ и такъ: усиленно просятъ не портить полноты...

Карскій тихо разговаривалъ съ женой, облокотившись на край судового навѣса. Саша спалъ въ ихъ помѣщеніи, завѣшенномъ платкомъ. Прозрачная полярная ночь повисла надъ затуманенной гладью рѣки. Молочныя воды сливались съ блѣднымъ небосклономъ, и только темные острова плавей да темные вдали берега нарушали опаловое однообразіе воздуха и земли.

— Я знаю, нѣтъ «такой обители», гдѣ бы мы обрѣли миръ. По возвращеніи начнется то же самое. Въ пустынѣ мы жаждемъ людей, стремимся къ нимъ и проклинаемъ спокойствіе; среди людей ждетъ насъ вѣчная борьба и тревоги и тщетное стремленіе къ успокоенію!—говорила Анна.

Степанъ молчалъ, искалъ словъ утѣшенія и не находилъ ихъ. Онъ самъ чувствовалъ затаенный страхъ передъ лицомъ той кипучей, многосложной жизни, отъ которой онъ отвыкъ и которая вновь открыла передъ нимъ свои таинственныя пучины.

— Авось... какъ нибудь!..—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Почтенные господа пассажиры!.. — раздался вблизи нихъ хриплый голосъ.

Анна вздрогнула и схватила мужа за руку.

— Не согласитесь ли вы удостоить насъ вашимъ пожеланіемъ и не выпьете ли вы съ нами за успѣхъ начинанія...—проговорилъ Демьянъ, появляясь изъ за судна.

— Иди, Степа! Я лягу спать, я сильно устала!... — рѣшила Анна.

Немного спустя Карскій сидѣлъ въ кругу бурлаковъ и съ любопытствомъ присматривался къ живописнымъ, хотя и обтрепаннымъ ихъ фигурамъ. Онъ не пилъ и чувствовалъ себя здѣсь не у мѣста.

— Не хотите!? Какъ угодно!.. Намъ больше останется!—сказалъ съ обидой купецъ, принимая обратно налитую рюмку.

Карскій зашевелилъ губами, но не нашелъ отвѣта; пробовалъ улыбнуться, но улыбка его вышла неестественной и осталась безъ отзвука.

Бурлаки глядѣли на него выжидательно и недружелюбно.

— Желаю вамъ успѣха!—выговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ и подалъ руку Демьяну.

Карскій, по природѣ нелюдимый и конфузливый, былъ крайне смущенъ и своимъ отказомъ, и своей ненаходчивостью и чрезвычайно обрадовался, когда неожиданные голоса съ рѣки привлекли въ ту сторону вниманіе присутствующихъ.

— Кто-то плыветъ!

— Пусть плыветъ. Эй, ребята, принимайтесь... Ждать станете, утра дождетесь... Хотите мяса, господинъ пасс-са-жиръ?

Карскій кивнулъ головой и ему подали кусокъ мяса на деревянномъ рожнѣ. Онъ, по примѣру другихъ, вынулъ изъ чехла свой ножъ и, поддерживая рожонъ въ рукѣ, сталъ обрѣзать кругомъ мясо. Другіе уже работали прилежно ножами и зубами, обгрызая съ шумомъ кости и чмокая громко губами. Рюмка гуляла изъ рукъ въ руки, лица краснѣли, глаза разгорались.

— А жаль, нѣтъ Индюка! Веселый онъ парень!—сказалъ съ сожалѣніемъ Брылкинъ.

— Типунъ вамъ на языкъ, Василій Митричъ... Упаси Богъ... Боюсь, въ недобрый сказали вы часъ... А я то на радостяхъ свѣчку Миколаю Угоднику, водяному заступнику, рѣшилъ поставить, что онъ меня отъ него, смутьяна и супостата, избавилъ!..—заговорилъ жалобно Демьянъ.

— Опасный человѣкъ!..—согласился Козьма.

Бурлаки ухмылялись и помалкивали.

— О, да, опасный человѣкъ!—поддакнули только оба жигана. Впрочемъ, они тутъ же оглянулись нерѣшительно на рѣку, откуда все явственнѣе доносились удары веселъ.

— О-г-е-й!—окрикнули ихъ снова.

— Сюда!.. Кто такіе!

— А вы чьи?

— Козьмы и Демьяна!

— Они самые!.. Причаливай!..

Всѣ ждали съ вытянутыми шеями, не спуская глазъ съ кустовъ, гдѣ копошилась причаливающая лодка. Мгновеніе спустя шальники раздвинулись и оттуда вышелъ... Индюкъ въ сопровожденіи перевозчика якута.

— Откуда? Что такое?

— Стосковался я по васъ!.. Сердце разболѣлось!..—говорилъ серьезно Индюкъ съ рукой на груди.—Сейчасъ послѣ вашего отъѣзда я загрустилъ, да такъ загрустилъ, что тутъ же сѣлъ письмо писать, добра желать милымъ дружкамъ... да вспомнилъ, что почта за вами не ходитъ и для полной достовѣрности самъ письмо то привезъ... Вотъ оно! Пріймите въ придачу въ вашъ кругъ и товарища, поелику раскаялся онъ!..

Бродяга вытащилъ изъ за пазухи грязный конвертъ и пода-

валъ его ближайшимъ товарищамъ, но всѣ отстранялись со смѣхомъ, подозрѣвая въ этомъ новую неприличную шутку.

— Сознайся, старый пьяница, что пронюхалъ ты выпивку! Вѣрно говорю!?—шутилъ ласково Брылкинъ.

— Зачѣмъ нюхать? Я зналъ навѣрно: ваше степенство всегда угадаетъ. Я воочію видѣлъ, какъ этотъ Іюда-предатель выносилъ изъ кабака флягу... Показалась мнѣ она достаточной для передвиженія... И даже тотъ, малый, соблазнился ею и привезъ меня въ надеждѣ воспользоваться кой чѣмъ по случаю...

— А только ты, Индюкъ, не забывайся здѣсь... Опять меня Іудой назвалъ... Слышали!?—обрушился на оратора Демьянъ.— Тутъ не городъ, тутъ тебя живо сократятъ!

Индюкъ посмотрѣлъ на судовщика ехидно сощуренными глазами, послѣ чего быстро выпилъ поданную косушку водки и вытеръ рукою усы.

— Охъ, Демьянъ, Демьянъ! Глупъ ты, право! Судьбѣ угодно предложить тебѣ отборнаго, стараго лямочника, а ты пренебрегаешь... Развѣ, братцы, васъ больше, чѣмъ слѣдуетъ? Развѣ лодка кажется вамъ слишкомъ легкою? Зналъ я, Демьянушка, что ты прогонишь меня, и не за этимъ пришелъ я, чтобы служить тебѣ, а пришелъ за тѣмъ, чтобы отдать тебѣ твой задатокъ... Не могъ бы прожить съ твоимъ рублемъ на совѣсти, а жизни я лишаться не желаю. Но въ наказаніе я отдамъ тебѣ его только завтра.. Слышите!

За исключеніемъ Демьяна, всѣ покатывались со смѣху.

— Ловкій!.. Вотъ, песъ его съѣшь, что выдумалъ!

— Хорошо, хорошо! Разсчетъ завтра!.. А сегодня давайте, ребята, пѣть! Ну, Индюкъ, начинай!..—рѣшили купцы.

— Подождите, ваше степенство, горло раньше маненько продеру... Полную грудь набралъ рѣчного туману!..

Купецъ поднесъ ему уже не рюмку, а чайную чашку водки.

Индюкъ выпилъ, шапку на ухо надвинулъ, руками уперся въ колѣни и, нагнувшись впередъ, запѣлъ высокимъ, рѣзкимъ теноромъ:

Ой, по морю, морю синему

. . . . . .

Ой, по морю, морю синему

отвѣтилъ хоръ низко и гулко.

Плыла лебедь, лебедь бѣлая

. . . . . .

Плыла лебедь, лебедь бѣлая...

гудѣлъ хоръ...

Карскій ушелъ въ сторону и легъ на тепломъ пескѣ навзничъ. Высоко въ молочно-голубомъ небѣ дрожали чуть замѣтныя звѣзды,

кругомъ глухо шумѣли быстрины, вѣтерокъ шелестилъ въ тальникахъ, предвѣщая наступающее утро. Бѣлая мгла плыла надъ рѣкою, стараясь поспѣть за теченіемъ, ласкающимъ ея волочащіяся по водѣ космы...

Среди этого величья на маленькомъ островкѣ у крошечнаго огня выли дикую пѣсню и прыгали подъ ея звуки лохматыя, оборванныя фигуры, а дымъ и полыхающее пламя то чернило ихъ копотью, то красило кровью.

Охъ вы, дѣвушки-вострушки,
Издали вы просто душки...
. . . . . .
Ой Дербентъ, Дербентъ, Калуга!
Дербентъ, Ладога моя!
Ой лю-ли, лю-ли-ля!
Дербентъ родина моя!

Впереди хора сидѣлъ Индюкъ и управлялъ имъ при помощи ножа, схваченнаго за конецъ лезвія. Пока онъ пѣлъ съ рукой приподнятой вверхъ, остальные пѣвцы сосредоточенно молчали, но лишь только куплетъ кончался и рука падала внизъ, все оживало—лица перекашивались, рты раскрывались, головы покачивались, руки размашисто двигались, хлопали и пощелкивали, а ноги глухо притопывали... Звуки, точно сорвавшись съ цѣпи — бурные, торжествующіе, смѣшиваясь и опережая другъ друга, неслись неудержимо въ высь и въ ширь...

Каждый иначе пѣлъ и помогалъ себѣ инымъ движеніемъ, но всѣхъ соединяло тождественное для всѣхъ волненіе, всѣхъ опьяняло временное сліяніе ихъ чувствъ въ нѣчто единое и мощное...

Карскій слушалъ съ удовольствіемъ; вскорѣ, впрочемъ, сознаніе, что пора спать, заставило его уйти къ лодкѣ. У воды онъ замѣтилъ двѣ тѣни, мечущіяся съ глухими восклицаніями.

— Пшолъ!.. Говорю тебѣ... Отчаливай... отъ грѣха!—шептала одна фигура.

— Я нанятой... я безъ него... не могу... Ты пошто толкаешься?!—шумѣла другая.

Карскій безъ труда узналъ Кузьму и якута перевозчика. Когда онъ подошелъ поближе, спорщики перестали драться.

— Въ чемъ дѣло?

— Дрянь!.. Тварь!.. Налакался и ѣхать не хочетъ!..

— Я человѣка привезъ!. —настаивалъ якутъ.

— Уходи, уходи!.. Не искушай людей!..—ворчалъ Кузьма, подталкивая якута къ его лодкѣ.

— Тоёнъ!.. тоёнъ!..—обратился якутъ къ Карскому; тотъ не уходилъ, но сочувствія своего ему не выражалъ, такъ какъ якутъ

дѣйствительно былъ пьянъ и задоренъ. Тогда туземецъ вдругъ сдался, полѣзъ въ лодку и, взявшись за весло, потребовалъ табаку.

— На, бери и... убирайся! Чтобы духу твоего тутъ не было!— провожалъ его Козьма.

— Завтра пріѣду!—говорилъ лодочникъ, уплывая.

— Ужо, ужо!.. Ладно!.. Мы тутъ тебя встрѣтимъ!.. Какъ же?.. Далеко ли до грѣха!.. Да тутъ такая бы пошла кутерьма, когда-бъ назавтра эти собаки проѣздъ въ городъ почуяли, что не приведи Богъ... Одинъ, два бы убѣжало, а всѣ бы взбунтовались... Знаю я!.. Слыхивалъ... Не хотимъ, молъ, идти.... вези насъ обратно... условіе нарушено... мало насъ... не смогимъ... и прочье... прочье... Мало ли наговорить способенъ варнакъ, когда опохмелиться хочетъ...

— Какъ же Индюкъ-то?

— Пойдетъ и Индюкъ! Куда дѣнется—кругомъ вода. Конечно, лучше бы безъ его... Но что-жъ подѣлаешь: не топить же его... Чему быть—того не миновать... Будемъ остерегаться... А вы почто не спите?

— Вотъ иду.

— Идите вправду, а то завтра шибко рано двинемъ... День трудный... Перебивать придется на ту сторону... Отдыхайте съ Богомъ... Покойной ночи!

Карскій еще разъ оглянулся назадъ, гдѣ на плѣши бугра у костра двигались тѣни и неровно билась грубая пѣсня, тщетно порываясь къ небу. Кузьма исчезъ. Степанъ скользнулъ осторожно къ себѣ подъ навѣсъ.

— Ты не спишь еще, Анна?—спросилъ онъ, заслышавъ вздохи жены.

— Этотъ вой мертвыхъ въ состояніи поднять!.. Ужасные люди и... какія... неприличныя слова!? Столько дней вмѣстѣ!.. И какъ я назавтра выйду къ этимъ... мужчинамъ? Какъ взгляну имъ въ лицо послѣ всего, что сегодня слышала?.. Вѣдь они знаютъ, что я слышала!..—жаловалась Карская.

Карскій молчалъ.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Устройство общества въ кіевской Руси.

Основной вопросъ соціальной исторіи, т.-е. исторіи общественнаго строя, заключается въ томъ, какъ дѣлится общество. Вообще говоря, можно представить себѣ только двоякое дѣленіе общества—на классы и на сословія. *Классомъ* называется такая общественная группа, участники которой соединены между собою однимъ занятіемъ, занимаютъ одинаковое положеніе въ процессѣ производства и обмѣна хозяйственныхъ благъ. *Сословіе*—это общественная группа, связью между членами которой служитъ общность правъ или обязанностей. Классовое дѣленіе общества покоится такимъ образомъ на экономической основѣ, сословное же его дѣленіе—на основѣ юридической. Замѣтимъ еще, что нужно различать сословія свободныя и сословія крѣпостныя: если въ основаніи сословнаго дѣленія лежитъ принципъ *права*, то мы имѣемъ *свободныя сословія*, еслиже преобладаетъ начало *обязанности*, то получаются *сословія крѣпостныя*.

Итакъ прежде всего существовало ли въ кіевской Руси дѣленіе на классы? Другими словами: различались ли тогда отдѣльныя группы общества по занятіямъ, существовало ли хотя бы первоначальное раздѣленіе труда? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ значительной степени уже ясенъ для насъ благодаря предварительному изученію экономическихъ условій: мы видѣли, что до VIII, отчасти даже до IX вѣка, въ сущности всѣ восточные славяне занимались однимъ и тѣмъ же: добывающей промышленностью и скотоводствомъ, отчасти также земледѣліемъ и еще меньше того обрабатывающей промышленностью; болѣе или менѣе замѣтнымъ раздѣленіе труда становится лишь въ VIII сто-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1903 г.

лѣтіи и усиливается въ IX, когда, какъ мы убѣдились, появилась внѣшняя торговля, сдѣлавшаяся исключительнымъ достояніемъ высшихъ слоевъ населенія и проведшая такимъ образомъ между этими послѣдними и народной массой довольно ясную экономическую грань. Очевидно, эти высшіе слои общества, занятые второстепенной въ то время отраслью промышленности, были не особенно многочисленны и вліятельны. Таковы выводы, непосредственно вытекающіе изъ данныхъ, намъ уже извѣстныхъ. Они вполнѣ подтверждаются наблюденіями за смысломъ разнаго рода соціальныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ нашихъ источникахъ. Главный изъ этихъ терминовъ — это терминъ «смердъ». Что такое смердъ въ кіевскій періодъ русской исторіи? Два основныхъ нашихъ источника даютъ намъ на это достаточно опредѣленныя и ясныя указанія. По занятіямъ своимъ смердъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Русская Правда, — пчеловодъ и скотоводъ: говорится о конѣ его и о борти. Начальная лѣтопись въ извѣстномъ разсказѣ о съѣздѣ князей у Долобскаго озера пополняетъ эту характеристику указаніемъ, что къ числу обычныхъ занятій смердовъ принадлежало въ XII вѣкѣ и земледѣліе. Другіе термины — «гость» или «купецъ», «купчина», встрѣчающіеся въ нашихъ источникахъ, отмѣчаютъ другой, позднѣе появившійся классъ древнѣйшаго русскаго общества, занятый торговлей, по преимуществу внѣшней: это видно и изъ самаго смысла указанныхъ терминовъ и изъ текста Русской Правды и Начальной лѣтописи, особенно изъ помѣщенныхъ въ послѣдней договоровъ съ греками. Тѣ же договоры и сочиненіе Константина Багрянороднаго свидѣтельствуютъ, что и бояре или княжескіе дружинники также торговали, экономически не отличались отъ купцовъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока съ XI вѣка въ рукахъ боярства не стали накопляться земли: появленіемъ боярскаго землевладѣнія проведена была хозяйственная грань между боярами и гостями. Наконецъ, мы знаемъ, что значило слово «огнищанинъ»: смыслъ этого термина былъ чисто экономическій: огнищанинъ—рабовладѣлецъ.

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ кіевской Руси началось уже образованіе экономическихъ классовъ, сдѣланы были первые рѣшительные шаги въ направленіи раздѣленія общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ. Спрашивается: существовало ли сословное дѣленіе, и если существовало, то въ какой степени было развито? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ изученію правъ и обязанностей различныхъ общественныхъ группъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ поводъ пополнить наши свѣдѣнія о соціальной терминологіи источниковъ русской исторіи кіевскаго періода. Каковы были прежде всего *права смердовъ*? Изучая правовое положеніе народа, мы должны всегда строго различать личныя и корпоративныя права, т. е. права свойственныя не отдѣльному физическому лицу, а лицу юридическому, корпораціи. Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ необходимо изслѣдовать особо права

гражданскія и политическія. Личныя гражданскія права смердовъ были очень обширны. Прежде всего юридическій обычай того времени гарантировалъ имъ личную свободу, признавалъ смерда лицомъ свободнымъ и граждански правоспособнымъ. Такой выводъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ цѣлаго ряда наблюденій надъ источниками. Прежде всего уже въ Начальной лѣтописи «смердъ» и «свободный человѣкъ»—синонимы: такъ по извѣстному разсказу о появленіи волхвовъ въ Бѣлозерской волости, занесенному въ лѣтопись подъ 1071 г., княжескій посадникъ Янъ спросилъ волхвовъ, чьи они смерды, т.-е. подданные какого князя? Здѣсь, очевидно, разумѣются подданные—свободные люди; затѣмъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1096 году князья Святополкъ Изяславичъ кіевскій и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ переяславскій отправили посольство къ Олегу Святославичу черниговскому со словами: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ»; Олегъ на это отвѣтилъ: «нѣсть мене лѣпо судити епископомъ, ли игуменомъ, ли смердомъ». Очевидно, смердами здѣсь названы бояре и люди градскіе, т.-е. свободное населеніе. Еще болѣе убѣдительны данныя, почерпаемыя изъ Русской Правды. Смердъ, по Русской Правдѣ, признавался преступникомъ и потому наказывался штрафомъ въ пользу князя или такъ называемой *продажей*: «то ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажею», читаемъ въ пространной редакціи Правды. А между тѣмъ въ томъ же источникѣ есть прямое указаніе, что холоповъ «князь продажею не казнить, *зане суть не свободни*»; слѣдовательно, продажѣ подлежали только свободные люди, а такъ какъ смерды ей подлежали, то, значитъ, они свободны. Въ другой статьѣ говорится о «мукѣ» (т.-е. объ истязаніи) огнищанина и смерда: за истязаніе перваго назначается продажа въ 12 гривенъ, а за истязаніе второго—въ 3 гривны: здѣсь огнищанину рабовладѣльцу противополагается простой свободный—смердъ. Затѣмъ Русская Правда признаетъ за смердами имущественныя права: упоминается о принадлежащихъ смерду конѣ и борти и о наслѣдствѣ послѣ смерда. Всѣ эти данныя съ несомнѣнностью указываютъ, что «смердъ» и «свободный человѣкъ»—синонимы. Но нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что смердъ—не просто свободный, а крестьянинъ-арендаторъ княжеской земли, отбывавшій на князя барщину и получавшій отъ него пнвентарь. Это объясненіе опирается на слѣдующія соображенія: 1) за убійство смерда и холопа назначено въ Русской Правдѣ 5 гривенъ: не можетъ быть, чтобы свободный человѣкъ сравненъ былъ съ рабомъ; 2) смерда нельзя было подвергать мукѣ безъ княжа слова, значитъ—онъ зависѣлъ отъ князя не какъ отъ государя, а какъ отъ хозяина; 3) противопоставляются конь княжъ и конь смерда, а также борть княжеская и борть смерда: очевидно, эти кони и борти могли

быть смѣшаны, т.-е. находились въ предѣлахъ одного хозяйства; 4) наконецъ, смердъ могъ передавать свое имущество по наслѣдству лишь сыновьямъ; если же у него были однѣ только дочери, то онѣ не получали наслѣдства: все оно переходило къ князю; причина этого заключается въ томъ, что «дочь, какъ женщина, не могла исполнять всѣ тѣ обязанности, которыя лежали на ея отцѣ, а слѣдовательно, и не могла имѣть правъ на отцовское имущество, которое было пріобрѣтено на землѣ, изъ земли и для земли, полученной ея отцомъ отъ князя». Ни одно изъ этихъ соображеній, при ближайшемъ разсмотрѣніи, не выдерживаетъ, однако, критики. Въ самомъ дѣлѣ: статья «а въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривенъ» говоритъ не о вирѣ и продажѣ, т.-е. не о штрафѣ въ пользу князя, а о частномъ вознагражденіи за убійство смерда и чужого холопа: это видно уже изъ того, что штрафъ за убійство чужого холопа равнялся, по «Русской Правдѣ», 12-ти гривнамъ; за убійство же смерда платилась вира въ 40 гривенъ, какъ и за убійство всякаго свободнаго; а въ томъ, что за смерда частное вознагражденіе, поступавшее его семьѣ, равнялось частному вознагражденію, получавшемуся господиномъ холопа за убійство послѣдняго, нѣтъ ничего удивительнаго: въ XVI-мъ вѣкѣ честь высшихъ боярскихъ холоповъ цѣнилась впятеро выше чести свободныхъ крестьянъ. Такъ падаетъ первое соображеніе. Переходя ко второму, посмотримъ прежде всего, что разумѣется въ Русской Правдѣ подъ словомъ «мука». «Мукой» въ одной изъ статей «Правды» называется испытаніе желѣзомъ, одинъ изъ видовъ суда Божія или ордаліи, употреблявшійся въ судебномъ процессѣ того времени. Это испытаніе не могло производиться безъ княжа слова. Очевидно, что князь тутъ дѣйствовалъ не какъ хозяинъ, а какъ государь, какъ судья. Но если даже понимать подъ мукой не только испытаніе желѣзомъ, а вообще всякое истязаніе, то и въ такомъ случаѣ статья о мукѣ смерда не можетъ быть объяснена въ смыслѣ особой хозяйственной зависимости его отъ князя: она органически связана со слѣдующей статьей—о мукѣ огнищанина, а никто не рѣшится толковать эту послѣднюю въ томъ смыслѣ, что огнищанинъ былъ лицомъ, зависимымъ отъ князя подобно холопу. Неосновательнымъ является—далѣе—и третье соображеніе: статьи о конѣ и о борти вовсе не свидѣтельствуютъ ни о какомъ смѣшеніи имуществъ князя и смерда; изъ нихъ ясно только одно: собственность князя цѣнится выше собственности смерда; слѣдовательно, статьи эти скорѣе указываютъ на раздѣльность той и другой собственности, нежели на ихъ смѣшеніе. Замѣтимъ, что высшая оцѣнка княжескаго имущества—не единственная гражданская привилегія князя: Русская Правда признаетъ еще за княземъ право первому получать сполна долгъ съ несостоятельнаго должника при конкурсѣ. Что касается, наконецъ, факта отсутствія наслѣдственныхъ правъ у замужнихъ дочерей смерда—незамужнія получали часть, при переходѣ всего остальной

ного князю, если не было сыновей,—то самый этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но его объясненіе въ томъ смыслѣ, что земля, на которой работалъ смердъ, принадлежала князю,—надо признать ошибочнымъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, замужнія дочери не наслѣдовали въ классѣ смердовъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ совершенно ясенъ, если мы обратимъ вниманіе на характеръ завѣщанія въ эпоху, нами изучаемую. Завѣщаніе, по «Русской Правдѣ», вовсе не римское testamentum, гдѣ господствуетъ исключительно личная воля, а «рядъ», т. е. договоръ, взаимное соглашеніе всѣхъ членовъ семьи подъ руководствомъ отца, выраженіе коллективной воли всего семейнаго союза. Соотвѣтственно этому, обычной формой завѣщанія была словесная, устная: «*безъ языка* ли оумреть», говорится въ источникѣ о смерти матери безъ завѣщанія. Роль завѣщателя—отца семейства ограничивалась лишь распредѣленіемъ семейнаго имущества между готовыми, законными наслѣдниками, и то по совѣту съ членами семьи. Итакъ, субъектомъ имущественныхъ правъ являлся среди смердовъ цѣлый семейный союзъ, а не отдѣльное лицо; поэтому и право наслѣдованія принадлежало лишь тѣмъ членамъ семьи, которые не порывали съ ней связи, которые были «въ дому», по выраженію «Русской Правды». При такихъ условіяхъ замужнія дочери смерда, порвавшія старую семейную связь и вступившія въ новую семью, естественно, теряли право наслѣдованія.

Итакъ ясно, что смердомъ въ кіевской Руси назывался всякій свободный въ противоположность, съ одной стороны, несвободнымъ и полусвободнымъ, съ другой—княжеской дружинѣ и духовенству. Слѣдовательно, чтобы полнѣе и яснѣе изобразить юридическое положеніе смердовъ, мы имѣемъ полное право воспользоваться всѣми статьями «Русской Правды», трактующими о правахъ свободныхъ людей.

Уже изъ только что изложенныхъ соображеній видно, что къ числу личныхъ гражданскихъ правъ смердовъ принадлежитъ право личной свободы. Это подтверждается также рядомъ статей «Русской Правды», трактующихъ о наказаніяхъ за разныя преступленія. За *убійство* смерда въ XI-мъ вѣкѣ, какъ и раньше, полагалась кровная месть; если же никто изъ родственниковъ не мстилъ, то убійца платилъ виру или штрафъ князю въ 40 гривенъ. Сыновья Ярослава во второй половинѣ XI-го вѣка отмѣнили кровную месть и установили денежный выкупъ: виру въ 40 гривенъ князю и головничество, т.-е. частное вознагражденіе семьи убитаго, опредѣленное, какъ мы видѣли, для смердовъ въ 5 гривенъ. Этими постановленіями ограждалась, слѣдовательно *жизнь* свободныхъ людей. Ограждалось затѣмъ также и ихъ *здоровье*: за тяжкое увѣчье—отсѣченіе руки или такую рану въ нее, которая лишала потерпѣвшаго возможности владѣть этимъ органомъ человѣческаго тѣла, краткая, древнѣйшая правда, составленная въ XI вѣкѣ, назначала 40 гривенъ виры; но если вмѣстѣ съ тѣмъ была отсѣчена

нога или повреждена настолько, что потерпѣвшій сталъ хромать, то за такое увѣчье мстятъ дѣти потерпѣвшаго; по пространной Правдѣ XII вѣка, за лишеніе руки, ноги, глаза и носа назначено полувирье—20 гривенъ и 10 гривенъ потерпѣвшему за увѣчье. За всѣ остальныя преступленія противъ здоровья свободныхъ людей—за побои до синяковъ и крови, отсѣченіе пальца и ударъ мечомъ, не причинившій смерти,—платилась продажа князю въ 3 гривны и частное вознагражденіе (урокъ) потерпѣвшему въ 1 гривну. Впрочемъ, краткая Правда за побои до синяковъ и крови допускала месть. Наконецъ, при дракѣ зачинщикъ ея долженъ былъ платить 60 кунъ продажи, причемъ однако, если бы зачинщикомъ оказалось лицо, получившее синяки или окровавленнное въ дракѣ, то оно свободно отъ платежа продажи. Юридическій обычай того времени ограждалъ—далѣе—*честь* свободныхъ людей: 12 гривенъ продажи назначалось за ударъ необнаженнымъ мечомъ или рукояткой, палкой, жердью, рукой, чашей, рогомъ, кулакомъ, за вышибленный зубъ и вырванный клокъ бороды или усъ; трехгривенной продажей оплачивались истязанія смерда и толчки. Затѣмъ *свобода* смерда ограждалась постановленіемъ, по которому за продажу въ рабство безъ законныхъ тому основаній, помимо, конечно, возвращенія правъ свободнаго человѣка потерпѣвшему, была назначена продажа въ 12 гривенъ. Наконецъ, за каждымъ свободнымъ человѣкомъ признавалось *право быть свидѣтелемъ на судѣ*: «ты тяжи всѣ судять послухи свободными», говоритъ «Русская Правда».

Мы уже отмѣтили раньше и второе гражданское право смердовъ—право собственности на движимое и недвижимое имущество, причемъ характеризовали и природу этого права: въ сущности, оно принадлежало не лицу, а семейному союзу, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло ужъ не съ личнымъ, а корпоративнымъ гражданскимъ правомъ, принадлежащимъ извѣстной группѣ лицъ изъ корпораціи. Мы знаемъ также, что къ числу такихъ корпоративныхъ гражданскихъ правъ принадлежало тогда и право верви на занятую ею территорію. Въ подтвержденіе того, что имущественныя права ограждались обычнымъ правомъ того времени, можно указать еще на разныя наказанія за нарушеніе правъ собственности: за поджогъ и конокрадство назначались потокъ и разграбленіе, т.-е. смертная казнь или изгнаніе и конфискація имущества; продажею въ 12 гривенъ наказывались уводъ холопа или рабы, кража бобра, злоумышленное истребленіе чужого скота, уничтоженіе знака собственности на борти, уничтоженіе бортной или пашенной межи или перегораживаніе тыномъ дворной межи, срубка «знаменнаго» (т.-е. со знакомъ собственности) или межнаго дуба; 3 гривны или 3 гривны и 30 кунъ продажи назначалось за кражу хлѣба съ гумна или изъ ямы, скота изъ хлѣва, пса, ястреба и сокола изъ перевѣса, за похищеніе пчелъ и меда, посѣченіе перевѣсной веревки, посѣченіе борти, злонамѣренный неплатежъ долга и поль-

зованіе чужимъ конемъ безъ спроса хозяина. Свобода считалась, наконецъ, необходимымъ условіемъ заключенія всякаго рода договоровъ, что̀ также подтверждаетъ права собственности смердовъ. Заканчивая обзоръ личныхъ и корпоративныхъ *гражданскихъ* правъ смердовъ, мы должны теперь задать себѣ вопросъ, поскольку отразились въ нихъ начала, свойственныя родовому быту, съ одной стороны, и семейному—съ другой? Матеріалъ, намъ уже извѣстный, вполнѣ достаточенъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, служащаго предметомъ разногласія между разными изслѣдователями. Мы видѣли остатки родового быта только въ верви и наблюдали, какъ они поблѣднѣли и отступили на второй планъ среди смердовъ передъ семейнымъ началомъ. Родъ, очевидно, разложился уже, по крайней мѣрѣ въ области хозяйства и въ сферѣ гражданскаго права, на отдѣльныя семьи. Чрезвычайно характерно также, что личность, какъ субъектъ гражданскаго права, не выдѣлилась, по крайней мѣрѣ, въ области имущественныхъ отношеній, изъ семьи.

Переходя къ изученію *политическихъ* правъ смердовъ, я не буду останавливаться на *личномъ* политическомъ правѣ каждаго свободнаго человѣка—главы семейства—въ кіевской Руси—участвовать въ вѣчѣ: рѣчь о немъ пойдетъ тогда, когда мы будемъ изслѣдовать политическій строй древнѣйшей Россіи. Отмѣтивъ здѣсь, такимъ образомъ, только фактъ существованія этого права, я остановлюсь подробнѣе лишь на вопросѣ о томъ, имѣло ли свободное населеніе кіевской Руси *корпоративныя* политическія права? При этомъ пока рѣчь пойдетъ только о сельскомъ свободномъ населеніи—о горожанахъ мы будемъ еще имѣть возможность поговорить. Вопросъ, если его такъ поставить, сводится, въ сущности, къ разсмотрѣнію политическихъ правъ верви. Представляла ли собою вервь, въ основѣ происхожденія которой лежала, какъ мы знаемъ, кровная связь, самоуправляющуюся единицу, имѣла ли она какія-нибудь политическія права? Другими словами: сохранились ли остатки родового или, точнѣе, задружнаго быта въ политическихъ правахъ смердовъ, или они и здѣсь исчезли, какъ и въ хозяйствѣ, и въ сферѣ гражданскаго права? Намъ отчасти уже извѣстно судебное значеніе верви: мы знаемъ, что вервь платила такъ называемую дикую виру тогда, во-первыхъ, когда въ ея предѣлахъ было найдено тѣло убитаго человѣка, когда притомъ убійца былъ неизвѣстенъ, а вервь отказывалась принять участіе въ поискахъ преступника по слѣдамъ преступленія; во-вторыхъ, тогда, когда убійца принадлежалъ къ верви, и преступленіе было совершено въ ссорѣ или на пиру, а не умышленно; наконецъ, намъ извѣстно, что вервь должна была участвовать въ слѣдствіи по дѣламъ объ имущественныхъ преступленіяхъ, когда преступникъ былъ неизвѣстенъ, а въ предѣлахъ вервной территоріи остались слѣды преступленія; если вервь въ этомъ случаѣ уклонялась отъ участія въ слѣдствіи, то была обязана уплатить пеню князю

(продажу) и частное вознагражденіе потерпѣвшему. Все это несомнѣнные остатки древняго задружнаго быта, но, внимательно разсматривая эти постановленія, не трудно придти къ выводу, что судебное значеніе верви тутъ ограничивается почти исключительно обязанностью участвовать въ слѣдствіи, обязанностью, отъ которой вервь могла и откупиться. Правда, надо замѣтить, что судебное значеніе верви проявлялось иногда и на самомъ судѣ: члены верви выступали иногда въ видѣ «послуховъ»: послухи это не очевидцы преступленія, не свидѣтели въ собственномъ смыслѣ слова — такіе свидѣтели назывались тогда «видоками»,—послухи въ извѣстныхъ случаяхъ приводились обвиняемымъ на судъ, какъ свидѣтели о его добромъ поведеніи, являлись его защитниками, близко подходившими къ coniuratores, «соприсяжникамъ» варварскихъ Правдъ начальнаго средневѣковья. И это нельзя разсматривать иначе, какъ остатокъ древняго задружнаго быта. Но мы тщетно стали бы искать въ нашихъ источникахъ какихъ-либо слѣдовъ собственно-вервной юстиціи, суда верви для разбора тяжбъ между членами вервнаго союза. Само собою разумѣется, что на практикѣ—особенно по болѣе мелкимъ дѣламъ— въ то время должны были часто прибѣгать къ третейскому, частному суду, потому что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, позднѣе третейской судъ примѣнялся очень часто, но выборъ судей дѣлался, повидимому, для каждаго отдѣльнаго случая особо, и существованіе сколько-нибудь организованной вервной юстиціи предполагать нельзя. Такимъ образомъ можно признать, что корпоративныя политическія права смердовъ не были значительны.

Чтобы закончить рѣчь о юридическомъ положеніи смердавъ, остается сказать о ихъ обязанностяхъ. Одной изъ такихъ обязанностей была, несомнѣнно, военная служба свободныхъ людей. Въ IX-мъ, X-мъ вѣкахъ и позднѣе упоминаются «вои», отличающіеся отъ княжеской дружины и составлявшіе, повидимому, ополченіе свободныхъ людей. Въ разсказѣ о съѣздѣ князей у Долобскаго озера прямо говорится о томъ, что смердовъ для похода на половцевъ приходилось отрывать отъ ихъ обычной работы. Вторая обязанность смердовъ—это давать дань князю. Впрочемъ, эта обязанность, какъ и первая, военная служба, возникла не съ появленіемъ князей, а раньше: дань платили варягамъ на сѣверѣ и хозарамъ на югѣ, а защищаться, воевать приходилось и до князей. Какъ видно изъ грамоты князя Ростислава смоленскому епископу 1150 г., князь при сборѣ дани и объѣздѣ для этого своей земли получалъ особые дары на собственное содержаніе, такъ называемое «полюдье даровное». На обязанности смердовъ лежалъ еще кормъ различныхъ должностныхъ лицъ во время исполненія ими обязанностей—посадниковъ, вирниковъ, городниковъ, мостниковъ и т. д. Когда эти кормы получали опредѣленный, отвержденный разъ навсегда размѣръ, теряли характеръ произвольнаго дара, они назывались оброками или уроками. Далѣе платились торговыя пошлины (гостинная дань—съ

личности купца, торговая, за права торговли), мытъ, т.-е. пошлина за провозъ товаровъ, и рядъ различныхъ судебныхъ пошлинъ. Всѣ эти данныя почерпаются главнымъ образомъ изъ «Русской Правды» и Ростиславовой грамоты. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ достаточныхъ объективныхъ данныхъ для того, чтобы судить о степени тяжести этихъ обязанностей. но, по свидѣтельству предисловія къ одной изъ позднѣйшихъ лѣтописей, такъ называемому «Софійскому Временнику», составленному въ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ XIII-го столѣтія, древніе князья не отличались «несытствомъ», не брали много дани, виръ и продажъ. Это даетъ намъ право думать, что обязанности смердовъ въ кіевской Руси, вообще говоря, особенной тяжестью не отличались.

Все, что было сейчасъ сказано о смердахъ, относится только къ свободнымъ мужчинамъ. Для полноты картины мы должны обратить вниманіе также на юридическое положеніе свободной женщины. Надо замѣтить, что не всѣ изслѣдователи одинаково понимаютъ это положеніе, и разногласіе происходитъ главнымъ образомъ оттого, какъ толкуется очень важная для даннаго вопроса статья пространной «Русской Правды» «о женѣ». Вотъ текстъ этой статьи: «Аже кто оубиеть жену, то тѣмь же судомь судити, якоже и мужа; аже будеть виноватъ (въ другихъ спискахъ: «виновата»), то полвиры, 20 гривенъ». О комъ здѣсь говорится? По мнѣнію однихъ, полувирье платится за убійство женщины вообще, а не жены въ смыслѣ супруги. Если бы это было такъ, пришлось бы признать, что женщины пользовались ограниченной правоспособностью, что ихъ жизнь ограждалась вдвое слабѣе, чѣмъ жизнь мужчинъ. Но каково основаніе этого взгляда? Оно состоитъ вотъ въ чемъ: указываютъ, что за статьей «о женѣ» слѣдуетъ статья: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть», гдѣ говорится о платежѣ урока господину убитаго холопа, т.-е. о платѣ за убійство чужого, а не своего холопа; значитъ, и предыдущая статья говоритъ объ убійствѣ посторонней женщины, а не своей жены. Это основаніе чрезвычайно шатко: система въ «Русской Правдѣ» есть, но чисто внѣшняя, и невозможно предположить вниманіе составителя сборника къ такимъ тонкостямъ. Кромѣ того, въ какомъ же смыслѣ нужно въ такомъ случаѣ понимать выраженіе «тѣмъ же судомь судити?» Очевидно, если въ разбираемой статьѣ рѣчь идетъ о женщинѣ, а не о супругѣ, то слово «судъ» можно понимать лишь въ смыслѣ судебнаго присутствія или судебнаго учрежденія. Но такое пониманіе невозможно: во-первыхъ, «Русская Правда», какъ увидимъ въ свое время, есть сборникъ судебныхъ рѣшеній или приговоровъ; содержаніемъ приговора не могъ быть вопросъ о подсудности, потому что при возникновеніи такого вопроса и приговоръ не могъ состояться; во-вторыхъ, и это главное, слово «судъ» въ «Русской Правдѣ» имѣетъ значеніе только «приговора», «судебнаго рѣшенія»: сказано «судъ Ярослава Владиміровича», т.-е. его приговоры, судебныя рѣшенія. Значитъ, выраженіе «тѣмъ

же судомъ судити» слѣдуетъ перевести: «подвергать тому же наказанію, какъ и за убійство мужчины». А если такъ, то первая половина статьи находится въ непримиримомъ противорѣчіи со второй. Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на то, что по другимъ славянскимъ законодательствамъ и по позднѣйшему русскому праву, убійство женщины и мужчины наказывается одинаково. Итакъ, въ разбираемой статьѣ говорится о женѣ-супругѣ и ее слѣдуетъ перевести слѣдующимъ образомъ, принявъ за правильное чтеніе «виновата»: «Если кто-нибудь убьетъ свою жену, то подвергать тому же наказанію, какъ и за убійство мужчины; если она виновата (т.-е. нарушила супружескую вѣрность), то полвиры, 20 гривенъ». Ясно такимъ образомъ, что жизнь свободной женщины защищалась юридическимъ обычаемъ не меньше, чѣмъ жизнь мужчины. То же самое относится, конечно, и къ другимъ преступленіямъ противъ личности. Весьма важное значеніе имѣетъ для пониманія юридическаго положенія женщины вопросъ о бракѣ. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи въ кіевской Руси наблюдалось много такихъ явленій. которыя представляютъ собою остатокъ старины, когда положеніе женщины отличалось многими темными чертами. Почитаніе рода съ рожаницами, т.-е. родоначальника съ его женами, указываетъ на многоженство не только въ княжеской средѣ, но и среди массы населенія. Безъ сомнѣнія, кромѣ законныхъ, такъ называемыхъ «водимыхъ» женъ, были у смердовъ и наложницы, особенно изъ рабынь: «Русская Правда» предусматриваетъ случай, если окажутся у свободнаго человѣка дѣти отъ рабы: она лишаетъ ихъ наслѣдства послѣ отца, но даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Наконецъ, самый обычай брачнаго «умыканья» съ платой вѣна за невѣсту—несомнѣнный остатокъ стараго похищенія и покупки женщинъ, а отсутствіе всякаго «стыдѣнья» передъ родственницами у большинства восточныхъ славянъ, по свидѣтельству лѣтописца, указываетъ на преобладаніе кровосмѣсительныхъ браковъ. И съ принятіемъ христіанства дѣло въ массѣ населенія не измѣнилось: по словамъ посланія митрополита Іоанна монаху Іакову смерды вступали въ бракъ безъ церковнаго обряда, не вѣнчались, а брали себѣ женъ «съ плясаніемъ, гудѣніемъ и плесканіемъ» и имѣли по двѣ и по три жены. Въ былинахъ Владимірова цикла многоженство оставило свои слѣды: напр., у Ильи Муромца, по былинамъ, были дѣти отъ разныхъ женщинъ: Авдотьи Горынчанки, Омельфы Тимоѳеевны, бабы Латыгорки.

Таковы темныя стороны въ положеніи женщины, ставившія ее, какъ личность, въ низшее сравнительно положеніе, чѣмъ мужчину. Но имущественныя права женщины тщательно ограждались обычнымъ правомъ кіевскаго періода и это относится какъ къ дѣвушкѣ, такъ и къ замужней женщинѣ и вдовѣ. «Если кто, умирая, раздѣлитъ свое имущество между дѣтьми, то этого и держаться; если же умретъ безъ завѣщанія, то всѣмъ дѣтямъ, а часть дать на поминъ души его самого».

*

Кого здѣсь слѣдуетъ разумѣть подъ дѣтьми, сыновей и дочерей вмѣстѣ, или только однихъ сыновей? Несомнѣнно, только однихъ сыновей, потому что нѣсколько ниже въ той же «Русской Правдѣ» читаемъ: «Если будетъ сестра въ семьѣ, то ей не получать наслѣдства, но братья, сообразно съ своимъ достаткомъ, снабдятъ ее приданымъ при замужествѣ». Итакъ, хотя незамужняя дѣвушка при братьяхъ не получала равной съ ними доли въ наслѣдствѣ, очевидно, потому, что у нея не было своей семьи: имѣніе тогда, какъ мы знаемъ, было семейной собственностью,—однако, ей обезпечивалось достаточное по средствамъ братьевъ приданое при замужествѣ. Мы имѣли уже возможность раньше изслѣдовать вопросъ о наслѣдованіи дочерей въ классѣ смердовъ при отсутствіи сыновей и видѣли, что незамужнія дочери не наслѣдуютъ въ такомъ случаѣ всего имущества, бо́льшая часть котораго переходитъ къ князю, но получаютъ все-таки часть наслѣдства. Къ этому надо прибавить, что замужнія дочери не наслѣдовали послѣ отца ничего, были ли у нихъ братья или нѣтъ, все равно. Но ошибочно было бы выводить отсюда, что ихъ имущественное положеніе было совершенно не обезпечено; изъ приведенныхъ уже сейчасъ статей «Русской Правды» видно, что при замужествѣ дѣвушки всегда получали приданое изъ состава семейнаго имущества. Приданое было, однако, только одной изъ составныхъ частей имущества замужней женщины, кромѣ него «Русская Правда» знаетъ еще другую составную часть этого имущества: то, что ей мужъ передалъ, вѣроятно, вѣно, платившееся прежде женихомъ за невѣсту въ семью послѣдней. Этимъ имуществомъ замужняя женщина не могла распоряжаться при жизни мужа: оно входило въ составъ семейной собственности, и мужъ-вдовецъ, послѣ смерти жены, пользовался имъ на общихъ основаніяхъ; но если онъ женился во второй разъ, то имущество первой жены шло только *ея* дѣтямъ, а не дѣтямъ отъ второй жены. Въ этомъ постановленіи нѣтъ ничего удивительнаго или трудно объяснимаго: мы знаемъ, и это не разъ уже отмѣчалось нами, что имущество было семейной собственностью, а съ вступленіемъ вдовца во второй бракъ основывалась новая семья, которая, естественно, лишь постольку пріобрѣтала права на имущество прежней семьи, поскольку это послѣднее имущество принадлежало непосредственно отцу, составлявшему связующее звено между обѣими семьями. Особаго вниманія заслуживаетъ имущественное положеніе вдовы. Здѣсь надо различать два случая: во-первыхъ, когда дѣти были совершеннолѣтними, и во-вторыхъ, когда они совершеннолѣтія еще не достигли. Въ первомъ случаѣ вдова получала часть наслѣдства и то, что ей далъ мужъ при жизни. Во второмъ вдова дѣлалась домоправительницей и распоряжалась всѣмъ имѣніемъ дѣтей, если не выходила замужъ во второй разъ, и даже по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія могла остаться въ домѣ, пользуясь своей долей наслѣдства, но не управляя уже семейнымъ имѣніемъ. Эта роль домоправительницы свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, о довольно хорошемъ поло-

женіи женщины въ кіевской Руси, объ отсутствіи полнаго приниженія и безправія. Наконецъ, характерно, что вдова могла совершенно свободно распоряжаться своей долей имѣнія: «часть матери не принадлежитъ всѣмъ дѣтямъ,—говоритъ «Русская Правда»,—но взять ее тому, кому дастъ мать; если она дастъ всѣмъ, то всѣ раздѣлятъ; если умретъ безъ завѣщанія, то взять тому, у кого она была въ домѣ, и кто ее кормилъ». И это постановленіе находится въ органической связи съ общимъ положеніемъ имущественнаго права того времени, гласящимъ, что имѣніе принадлежитъ семьѣ: вдова, переставъ быть домоправительницей, не имѣла уже семьи послѣ раздѣла сыновей и потому могла свободно распоряжаться своей частью; въ случаѣ смерти ея безъ завѣщанія, ея часть, естественно, поступаетъ въ ту семью, членомъ которой она фактически была, въ которой жила послѣднее время. Все это категорически подтверждается еще одной статьей «Русской Правды», указывающей вмѣстѣ съ тѣмъ, что долю матери-вдовы могла получить и дочь, даже и при наличности сыновей; вотъ эта статья: «мать отдастъ свое имѣніе тому сыну, который къ ней добръ, будь онъ отъ перваго мужа или отъ второго: если всѣ сыновья будутъ дурно съ ней обращаться, она можетъ дать имѣніе даже дочери, которая ее кормитъ».

Чтобы опредѣлить истинное значеніе полученныхъ нами выводовъ о юридическомъ положеніи смердовъ въ кіевской Руси, мы должны разрѣшить теперь вопросъ о томъ, насколько широкъ былъ кругъ лицъ, къ которымъ могло быть примѣнено названіе смердъ, или иными словами, какіе соціальные термины нашихъ источниковъ по своему значенію могутъ быть подведены подъ общее родовое понятіе «смердъ»? Уже изъ предыдущаго ясно, что «свободные люди»—терминъ, не разъ встрѣчающійся въ «Русской Правдѣ», тоже что̀ смерды. Но есть и прямое свидѣтельство Русской Правды», въ этомъ смыслѣ, тамъ, гдѣ говорится, что послухомъ можетъ быть лишь свободный. Совершенно соотвѣтствуютъ по своему значенію слову «смердъ» также выраженія «люди» и «людинъ»: «это видно изъ того, что пространная правда назначаетъ за убійство людина виру въ 40 гривенъ, какая платилась и за убійство смерда. Впрочемъ очень можетъ быть, что людьми въ болѣе тѣсномъ смыслѣ назывались свободные горожане въ противоположность смердамъ, сельчанамъ: по крайней мѣрѣ выраженію «старцы *градскіе*» въ нѣкоторыхъ спискахъ начальной лѣтописи соотвѣтствуетъ выраженіе «старцы *людскіе*». Наконецъ, купецъ, русинъ, славянинъ и изгой были также обыкновенными смердами, убійство которыхъ наказывалось такъ же, какъ и лишеніе жизни всякаго свободнаго человѣка. Различіе въ смыслѣ этихъ терминовъ, несомнѣнно существующія, не означаютъ, что лица, къ которымъ эти термины могутъ быть примѣнены, составляли какія-либо особыя *сословныя* группы. Купецъ или «купчина», «гость», терминъ чисто экономическій, классовой, обозначающій извѣстныя занятія; русинъ и славянинъ чисто этнографическіе термины

русинами—объ этомъ мы еще будетъ имѣть случай поговорить—назывались норманны; кто были славяне, ясно изъ самаго слова. Точное и полное опредѣленіе изгоевъ находится въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила, относящемся къ 1135 году: вотъ что здѣсь сказано: «изгои трои; поповъ сынъ грамотѣ неумѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаеть; асе и четвертое изгойство о себѣ приложимъ: еще князь осиротѣетъ». Изгои были, значитъ, люди, отбившіеся отъ прежняго своего состоянія, вышедшіе изъ него и не примкнувшіе ни къ какой другой общественной группѣ или союзу; слово «изгой» производится отъ древняго глагола «гоить», т.-е. «жить», и значитъ «изжившій человѣкъ». Единственнымъ юридическимъ преимуществомъ изгоевъ можно было бы признать подсудность ихъ и преступленій противъ нихъ церковному суду; но это невозможно, потому что, во-первыхъ, Русская правда устанавливаетъ виру за убійство изгоя, а Правда составилась изъ рѣшеній свѣтскаго суда; во-вторыхъ, грамота смоленскаго князя Ростислава епископу въ 1150 г., устанавливающая пространство церковнаго суда, не отдаетъ изгоевъ въ руки церковной юстиціи. Свидѣтельство церковнаго устава 1135 года о подсудности изгоевъ церковному суду является исключеніемъ.

Но, можетъ быть, сословіемъ, т.-е. группой, обладающей спеціальными правами, слѣдуетъ признать княжескую дружину? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо замѣтить, что дружина не была единымъ, недѣлимымъ цѣлымъ, что въ ней различались два слоя: во-первыхъ, княжіе мужи или бояре и, во-вторыхъ, отроки или дѣтскіе. Различіе между тѣмъ и другимъ слоемъ касалось прежде всего занятій. Наиболѣе кратко и ясно занятія бояръ формулируются образнымъ языкомъ «Слова о полку Игоревѣ», которое, называя бояръ иногда «былями», говоритъ о «боярахъ думающихъ и мужахъ храборствующихъ»: «думать», т.-е. давать совѣтъ князю, и «храборствовать», т.-е. воевать, вотъ главныя занятія бояръ или княжихъ мужей, которые въ награду за услуги получали долю въ княжескихъ доходахъ и вели торговлю черезъ княжскихъ «словъ» илиословъ. Позднѣе, когда у насъ пойдетъ рѣчь о боярской думѣ, мы увидимъ, что дачу боярами совѣта князю никакъ нельзя понимать въ смыслѣ постояннаго сословнаго права. Съ другой стороны мы знаемъ, что на войну отправлялись не только княжіе мужи, но и простые смерды. Отроки или дѣтскіе, повидимому, не участвовали въ думѣ, не были княжескими совѣтниками; занятія ихъ, какъ видно изъ источниковъ, сводились къ исполненію всякаго рода служебныхъ порученій: отроки или «гриди» были тѣлохранителями князя и его дворцовыми слугами; дѣтскіе или отроки присутствовали на судѣ и вѣдали полицейски-исполнительную дѣятельность по порученію главнаго судьи: дѣлили наслѣдство по судебному рѣшенію, ловили и связывали бѣглыхъ холоповъ и т. д.

Итакъ ясно, что какихъ-либо особыхъ *политическихъ* правъ личныхъ и корпоративныхъ мы тщетно стали бы искать, разсматривая

юридическое положеніе княжеской дружины въ кіевской Руси. Но можетъ быть у дружинниковъ того времени существовали какія-нибудь спеціальныя *гражданскія* права? Что касается отроковъ, то у нихъ такихъ спеціальныхъ гражданскихъ правъ не было почти совершенно: ихъ жизнь, здоровье, честь, имущество ограждались тѣми же штрафами и вообще уголовными карами, какъ и соотвѣтствующія личныя права смердовъ; общія, извѣстныя уже намъ нормы гражданскаго права—права наслѣдованія и договоровъ—примѣнялись безъ всякихъ ограниченій, но и безъ какихъ-либо преимуществъ ко всѣмъ членамъ младшей княжеской дружины. Единственнымъ зародышемъ нѣкоторой привилегіи можно признать только повышенный уровень головничества при убійствѣ отрока: тогда какъ при убійствѣ смерда головничество равнялось всего 5 гривнамъ, при убійствѣ отрока оно достигало 40 гривенъ. Но это трудно признать сословной привилегіей, потому что за высшихъ княжескихъ холоповъ частное вознагражденіе доходило до 80 гривенъ, что, однако, не создаетъ имъ особаго сословнаго положенія: высота частнаго вознагражденія, какимъ было головничество, опредѣлялась, очевидно, не сословнымъ положеніемъ лица, а степенью близости его къ князю. Оставляя поэтому въ сторонѣ преимущество бояръ относительно головничества—за нихъ оно платилось въ размѣрѣ 80 гривенъ—мы обратимъ вниманіе на другія особенности ихъ гражданско-правового положенія. Прежде всего вира за убійство боярина или княжого мужа въ XII-мъ вѣкѣ простиралась до 80 гривенъ, тогда какъ лишеніе жизни смерда оплачивалось вирой только въ 40 гривенъ. Это несомнѣнный зародышъ аристократической привилегіи, юридически отдѣляющій бояръ отъ массы свободныхъ. Но нельзя забывать, что такая привилегія дѣло сравнительно поздняго времени, потому что Правда XI-го вѣка не знаетъ 80 гривенной виры, а при Ярославлѣ за убійство всегда полагалась месть, такъ что господствовало полное равенство. Вторымъ зародышемъ аристократической привилегіи надо признать болѣе сильное огражденіе чести боярина, чѣмъ чести смерда: при истязаніи смерда платилась продажа только въ 3 гривны, а при истязаніи огнищанина въ 12 гривенъ. И такъ было еще въ XI-мъ вѣкѣ. Наконецъ, въ области наслѣдственнаго права, по крайней мѣрѣ, въ XII-мъ вѣкѣ можно наблюдать третью гражданскую привилегію у бояръ и даже быть можетъ всей княжеской дружины (т.-е. и у отроковъ): «Если относительно бояръ и дружины, то князю наслѣдство не идетъ,—говоритъ пространная «Русская Правда», но если не будетъ сыновей, то дочери возьмутъ». Мы видѣли, что при отсутствіи сыновей у смерда его имущество переходило къ князю, и только незамужнія дочери получали часть. Но мы видѣли также и причину этого: имѣніе было не личной собственностью смерда, по обычному праву того времени, а собственностью всей семьи; такъ какъ со смертью отца, при отсутствіи сыновей, семья прекращала свое существованіе, то имѣніе и считалось выморочнымъ, почему его и получалъ князь,

какъ органъ власти. Это даетъ намъ теперь ключъ къ пониманію того новаго явленія, съ которымъ мы только что познакомились: очевидно, дочери боярина, даже при отсутствіи сыновей, наслѣдовали именно по той причинѣ, что въ боярскомъ классѣ личность въ отношеніи своихъ имущественныхъ правъ успѣла уже выдѣлиться изъ семейнаго союза, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени и притомъ въ XII-мъ вѣкѣ.

Итакъ невозможно отрицать существованіе зародышей сословнаго строя въ древнѣйшей Россіи. Но, во-первыхъ, эти зародыши были весьма немногочисленны, во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ образовались поздно, въ-третьихъ, наконецъ,—и это въ данномъ случаѣ особенно важно—не было никакихъ юридическихъ преградъ къ переходу изъ одного состоянія въ другое. Всякій смердъ могъ, если хотѣлъ и былъ въ состояніи, переселиться въ городъ для занятія торговлей и даже поступить въ княжескую дружину, сдѣлаться старшимъ дружинникомъ, бояриномъ. Припомнимъ характерный въ этомъ отношеніи разсказъ «Начальной лѣтописи» о Янѣ Усмошвецѣ: однажды, когда Владиміръ вышелъ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ дружины и «воевъ», т.-е. народнаго ополченія, навстрѣчу печенѣгамъ, передъ битвой выѣхалъ впередъ печенѣжскій богатырь громаднаго роста и сталъ вызывать кого-либо изъ русскихъ на единоборство; охотниковъ не находилось, и князь опечалился; тогда къ нему подошелъ простой воинъ-смердъ изъ ополченія и сказалъ, что у него остался младшій сынъ необычайной силы: однажды, когда онъ мялъ руками кожу, отецъ за что-то разбранилъ его; тотъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что разорвалъ пополамъ кожу; князь, выслушавъ этотъ разсказъ, обрадовался и тотчасъ послалъ за молодымъ силачомъ; Янъ Усмошвецъ—такъ звали силача—безъ труда справился съ печенѣжскимъ богатыремъ и *сдѣлался послѣ этого подвига дружинникомъ князя Владиміра*. Какъ бы низко мы ни цѣнили достовѣрность самаго преданія,—одна возможность того, что оно сложилось именно въ такомъ смыслѣ, показываетъ, что поступленіе смерда въ бояре или старшую княжескую дружину было зауряднымъ въ то время явленіемъ: была бы только для этого надлежащая удаль и сила; юридическихъ преградъ не существовало. А если такъ, то нельзя не признать, что въ кіевской Руси едва лишь мелькали слабые зародыши будущаго сословнаго строя, въ сущности же общественный строй тогда почти всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе классы — и то въ сущности не развитые и слабо сплоченные,—но не было политическихъ сословій.

Все до сихъ поръ сказанное о соціальномъ строѣ древнѣйшей Россіи касается только свободнаго большинства населенія. Но существовало еще несвободное и полусвободное меньшинство, — *холопы* и *закупы*. Мы должны теперь заняться изученіемъ ихъ юридическаго положенія.

Не всѣ изслѣдователи одинаково понимаютъ *юридическій источ-*

никъ закупничества. Нѣкоторые считаютъ такимъ источникомъ договоръ *найма*, что́ доказывается слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, закупъ въ «Русской Правдѣ» прямо называется наймитомъ, т.-е. наемнымъ рабочимъ; во-вторыхъ, «купить» въ старину значило «нанять», а вмѣсто «купить» говорилось «купить въ дернь, въ вѣкъ, въ прокъ»; въ-третьихъ, закупъ получалъ плату или купу. Самое серьезное изъ этихъ доказательствъ первое: закупъ, дѣйствительно, называется въ «Русской Правдѣ» наймитомъ, но, во-первыхъ, существуетъ мнѣніе, что терминъ «наймитъ» заимствованъ, представляетъ собою переводъ греческаго μισθωτος, а во-вторыхъ, если бы даже онъ былъ и оригиналенъ,—изъ одного факта его примѣненія къ закупу нельзя было бы заключать еще о юридической природѣ закупничества, и самый большій выводъ, на который насъ уполномочиваетъ этотъ фактъ, заключался бы лишь въ томъ, что въ кіевскій періодъ русской исторіи наемъ сливался иногда съ другими гражданскими сдѣлками, плохо отъ нихъ различался. Второе доказательство совершенно не выдерживаетъ критики: въ той же «Русской Правдѣ» слово «купить» употребляется всегда въ обычномъ смыслѣ, въ томъ же, какъ и теперь, а вовсе не въ значеніи «нанять»; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить такія выраженія, какъ «паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу», «аже начнеть не знати, оу кого купилъ», «познаеть ли надолзѣ, оу кого то купилъ», «а то есть не скотъ, нѣлзѣ рчи: не вѣдаю оу кого есмь купилъ», «но такоже вывести ему послухи либо мытника, передъ кимь же купивше» и т. д. Наконецъ въ-третьихъ, купа—вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупомъ, что подтверждается и словомъ «прикупъ», означающимъ, между прочимъ, то, что человѣкъ «срѣзить», т.-е. прибыль отъ роста, отъ дачи въ долгъ.

Уже это объясненіе слова «купа» даетъ намъ право присоединиться къ объясненію источника закупничества изъ договора займа, обезпеченнаго самозалогомъ: свободный человѣкъ заключалъ заемъ и обязывался его отработать; занявъ деньги и взявъ на себя такое обязательство, онъ становился закупомъ. Весьма убѣдительныя наблюденія подтверждаютъ такую теорію. Прежде всего «купа» въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Русской Правды» замѣняется словомъ «куны»; такъ закупъ имѣлъ право «искать кунъ»; при незаконной продажѣ закупа господиномъ его въ холопство, «наймиту свобода во всѣхъ кунахъ». Подъ «кунами» здѣсь нельзя разумѣть плату, жалованье потому что послѣднее называлось въ «Русской Правдѣ» «милостью»; слово «куны» употребляется въ «Русской Правдѣ» только въ трехъ значеніяхъ: въ смыслѣ денегъ вообще, въ значеніи опредѣленной денежной единицы (сначала $^1/_{25}$, потомъ $^1/_{50}$ части гривны), наконецъ въ смыслѣ долга или суммы, отданной въ долгъ: напр., «аще кто взищеть кунъ на друзѣ», «аще кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чужеземець, а не вѣдая запустить зань товаръ,—а опять начнетъ не дати части кунъ» и т. д. Итакъ закупъ могъ идти и искать займа на

сторонѣ; его заемъ погашался фактомъ посягательства господина на его свободу: оба постановленія возможны лишь при томъ условіи, если источникъ закупничества — заемъ. Что «закупъ» значило «заложившійся человѣкъ», т.-е. обезпечившій свой заемъ самозалогомъ, это видно еще изъ купчихъ грамотъ позднѣйшаго времени (XVI в.), убѣждающихъ насъ, что «закупъ» тогда еще значило «залогъ»: «воленъ Дмитрей и его дѣти село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити, и въ закупъ дати».

Такимъ образомъ, источникомъ закупничества былъ договоръ займа, обезпеченнаго самозалогомъ должника. Этимъ вполнѣ объясняется *юридическое положеніе закупа* и отношеніе его къ господину. Господину принадлежали слѣдующія права по отношенію къ закупу: во-первыхъ, право бить закупа за дѣло, т.-е. если онъ провинится: «аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть», говоритъ «Русская Правда»; во-вторыхъ, право обратить закупа въ обельнаго (т.-е. полнаго) холопа за его бѣгство отъ господина или за кражу, совершенную имъ у третьяго лица; въ послѣднемъ случаѣ господинъ могъ, не оставляя закупа у себя, продать его въ рабство для уплаты за кражу: «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель»; «аже господинъ выведетъ что, то господинъ въ немь; но аже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатить господинъ его зань или что будеть ино взялъ, а ему холопъ обельныи, а паки ли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будеть чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ»; въ-третьихъ, наконецъ, господинъ имѣлъ право привлекать закупа къ судебной отвѣтственности за причиняемые имъ убытки: за потерю военнаго коня закупъ, правда, не платилъ, но онъ долженъ былъ оплатить утрату принадлежащихъ господину плуга и бороны, если только они не потерялись тогда, когда господинъ услалъ его по своему дѣлу; точно также закупъ не платитъ въ случаѣ кражи кѣмъ-либо скота изъ хлѣва, но если онъ потеряетъ скотъ въ полѣ, не вгонитъ его во дворъ и не запретъ тамъ, гдѣ велитъ господинъ, или потеряетъ скотъ вслѣдствіе того, что занятъ былъ своимъ дѣломъ, а не работой на господина, то долженъ платить. Таковы были права господина по отношенію къ закупу: они были велики, но не безпредѣльны и поставлены подъ защиту общаго права. Но на господинѣ въ его отношеніяхъ къ закупу лежали, кромѣ того, еще и обязанности, нарушеніе которыхъ влекло за собою уголовную кару и даже прекращеніе закупническихъ отношеній. Первая изъ этихъ обязанностей формулируется «Русской Правдой» въ слѣдующей статьѣ: «аже господинъ переобидить закупа, а оувередить купу его іли отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ». Что такое купа,—намъ извѣстно: это сумма, даваемая закупу въ долгъ для отработки. Смыслъ слова «отарица» открывается изъ грамоты суздальскаго архіепископа Діонисія псковскому Снѣтогорскому монастырю, гдѣ «отарица» означаетъ то же,

что греческое πεκούλιον, т.-е. земельный участокъ, уступаемый господиномъ въ пользованіе несвободному человѣку. Слѣдовательно, приведенныя слова «Русской Правды» надо перевести такъ: «если господинъ обидитъ закупа, а именно: уменьшитъ даваемую ему въ долгъ денежную сумму или земельный участокъ, уступаемый ему въ пользованіе, то онъ обязанъ возвратить все это, а за обиду заплатить 60 кунъ продажи». Стало быть, первая обязанность господина по отношенію къ закупу состояла въ томъ, чтобы заплатить закупу сполна условленную сумму, даваемую ему въ долгъ для отработки, равно какъ и снабдить его опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ. Затѣмъ господинъ обязанъ былъ не лишать закупа личной свободы и ничѣмъ ея не стѣснять: онъ не могъ ни передавать третьему лицу свои права на закупа, ни продавать закупа въ холопы безъ законныхъ основаній: «паки-ли прииметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи, продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажи». Далѣе господинъ былъ обязанъ уважать личность закупа, не оскорблять его чести: онъ не могъ его бить безъ достаточныхъ основаній: «биеть-ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то, якоже въ свободномъ платежъ, такоже и въ закупѣ». Наконецъ, на господинѣ лежала обязанность отвѣчать передъ судомъ за нарушеніе правъ закупа: если закупъ, говоритъ «Русская Правда», «къ судьямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не робять его, но дати емоу правдоу». Сказанное сейчасъ объ обязанностяхъ господина въ отношеніи къ закупу показываетъ, что личныя и имущественныя права закупа ограждались юридическимъ обычаемъ того времени, что закупъ не былъ несвободнымъ человѣкомъ и можетъ быть признанъ только лицомъ съ ограниченной правоспособностью, полусвободнымъ. Ограниченная правоспособность закуповъ ясно выступаетъ на видъ также въ постановленіи «Русской Правды», по которому закупъ могъ быть свидѣтелемъ лишь «по нуждѣ», т.-е. за отсутствіемъ лицъ вполнѣ свободныхъ, которыя могли-бы выступить въ качествѣ свидѣтелей.

«Холопьство обельное трое: аже кто хотя купить до полугривны. а послухи поставить, а ногату дасть передъ самѣмъ холопомь. А второе холопьство: поіметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоять. А се третье холопьство: тивуньство безъ ряду или привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду; съ рядомь-ли, то тако ся будеть рядилъ, на томъ-же стоять». Въ этихъ словахъ «Русской Правды» отмѣчены три важнѣйшихъ источника полнаго или обельнаго (отъ «облый» — круглый) холопства: продажа въ рабство, женитьба на рабѣ безъ договора и поступленіе въ тіуны, т.-е. приказчики, также безъ договора. Но эти указанія юридическихъ источниковъ холопства въ кіевской Ручи далеко не полны. Сама же «Русская Правда», а также «Начальная лѣтопись», указываютъ еще и на другіе источники несвободнаго состоянія, въ то время существовавшіе. Къ

числу ихъ принадлежитъ, несомнѣнно, рожденіе отъ несвободныхъ родителей, отъ брака обельнаго холопа съ рабой: «Русская Правда» говоритъ о принадлежности отдѣльнымъ лицамъ «отъ челяди плода». Таковъ четвертый юридическій источникъ холопства. Пятымъ надо признать незаконное бѣгство закупа отъ господина безъ расплаты съ нимъ и кражу, закупомъ совершенную: мы уже видѣли, что въ этихъ случаяхъ закупъ обращался въ полнаго холопа. Наконецъ, существовалъ еще шестой источникъ холопства, — плѣнъ: въ лѣтописяхъ нерѣдки извѣстія о томъ, какъ князья во время своихъ междуусобій уходили послѣ побѣды, «ополонившись челядью».

Обращаясь къ изученію юридической сущности древнѣйшаго русскаго холопства, мы должны нѣсколько ограничить существующій у нѣкоторыхъ изслѣдователей взглядъ, что холопы не признавались лицами и не имѣли ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ. На самомъ дѣлѣ холопъ не былъ вполнѣ безправенъ; онъ былъ только лицомъ съ чрезвычайно ограниченными правами, несравненно болѣе еще ограниченными, чѣмъ закупъ. Правда, холопъ былъ совершенно лишенъ личной свободы, но юридическій обычай того времени все-таки признавалъ его личность: такъ, по «Русской Правдѣ», если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, то отвѣчаетъ не только господинъ, который, если не хочетъ его выдать, платитъ 12 гривенъ потерпѣвшему, но и холопъ, котораго потерпѣвшій, при встрѣчѣ съ нимъ, могъ убить, по закону Ярослава, а по закону его сыновей—связать, бить, раздѣвши, или взять гривну кунъ «за соромъ« (т.-е. за безчестіе); уже здѣсь признается личность холопа, потому что *законъ* назначаетъ *опредѣленную* кару ему за преступленіе; то же признаніе личности холопа видно и въ постановленіи о его значеніи, какъ свидѣтеля на судѣ: во-первыхъ, за отсутствіемъ свободныхъ свидѣтелей, можно было сослаться на «боярскаго тіуна на дворскаго», т.-е. на холопа высшаго ранга; во-вторыхъ, свидѣтельство обыкновеннаго, рядового холопа, какъ очевидца преступленія, не имѣя полной силы, не считаясь вполнѣ достовѣрнымъ, могло, однако, навести на подозрѣніе, и отвѣтчикъ могъ быть на этомъ основаніи подвергнутъ испытанію желѣзомъ. Но если личность холопа признавалась, хотя и въ очень слабой степени, то имущественныхъ правъ у него совершенно уже не было: все имущество, пріобрѣтенное холопомъ, принадлежало господину; холопъ самостоятельно не могъ заключать долговыя обязательства: если ему давали въ долгъ, зная, что онъ холопъ, то кредиторъ лишался денегъ; дѣйствительнымъ считался только долгъ, сдѣланный холопомъ отъ имени господина, если послѣдній поручилъ холопу веденіе своихъ торговыхъ дѣлъ; кража, совершенная холопомъ, не признавалась уголовнымъ преступленіемъ: за нее не платилась продажа князю; за нее отвѣчалъ господинъ, уплачивая частное вознагражденіе потерпѣвшему.

Въ «Русской Правдѣ» есть нѣкоторыя указанія на разныя занятія холоповъ: кромѣ обыкновенныхъ рабочихъ, холопы могли быть повѣ-

ренными своихъ господъ по торговымъ дѣламъ, завѣдывали хозяйствомъ, служа въ тіунахъ, занимались ремеслами, холопы бывали дядьками-воспитателями, а рабы кормилицами.

Остается замѣтить, что и холоповъ, и закуповъ трудно назвать политическими сословіями. Закупы — въ сущности экономическій классъ, притомъ классъ, такъ сказать, текучій, постоянно мѣнявшійся въ своемъ составѣ. Особенности ихъ юридическаго положенія вытекаютъ всецѣло изъ хозяйственной нужды, нашедшей себѣ правовое выраженіе въ договорѣ займа, обезпеченнаго самозалогомъ должника. Холопы, строго говоря, не имѣли мѣста въ соціальной лѣстницѣ, такъ какъ за ними едва начинали признавать личность; съ юридической точки зрѣнія они разсматривались, какъ вещи, принадлежавшія своимъ господамъ на правѣ полной собственности, какъ живой хозяйственный инвентарь господскаго имѣнія; въ сущности, изучая положеніе холоповъ, мы почти не выходимъ изъ сферы частнаго права.

Невозможно дать точный отвѣтъ на вопросъ, велико ли было количество холоповъ и закуповъ въ кіевской Руси. Несомнѣнно только слѣдующее: во-первыхъ, закупы явленіе довольно позднее: въ развитомъ состояніи ихъ можно наблюдать только въ XII-мъ вѣкѣ; во-вторыхъ, до X-го и даже до XI-го вѣка холоповъ было немного, и положеніе ихъ было не тяжело: всѣ писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о первобытныхъ славянахъ,—таковы по преимуществу писатели византійскіе,—оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю; въ-третьихъ, наконецъ, съ XI-го вѣка и особенно въ XII-мъ столѣтіи число холоповъ на Руси стало быстро расти.

Произведенное нами изслѣдованіе соціальныхъ отношеній въ древнѣйшей Россіи приводитъ къ такимъ главнымъ заключеніямъ: 1) Общество того времени почти совершенно лишено было сословныхъ началъ, и нѣкоторое значеніе имѣло лишь дѣленіе его на классы, возникшее съ IX-го вѣка и къ XII-му вѣку сдѣлавшее нѣсколько шаговъ впередъ. 2) Основнымъ классомъ, наиболѣе многочисленнымъ и вліятельнымъ, притомъ юридически-полноправнымъ, были смерды. 3) Общая тенденція соціальнаго развитія въ изучаемый періодъ сводится къ постепенному и медленному возрастанію численности и значенія купцовъ и особенно бояръ. 4) Этому соотвѣтствовали образованіе класса закуповъ и развитіе холопства къ концу періода.

Согласно принятому нами плану мы должны теперь связать эти общія явленія соціальнаго процесса съ прежде изслѣдованными явленіями природы страны и распредѣленія населенія, съ одной стороны, и съ явленіями хозяйственной жизни—съ другой. Въ какой мѣрѣ на соціальномъ процессѣ отразились процессы естественный, колонизаціонный и экономическій, и какъ на эти процессы повліяли соціальныя явленія,—вотъ капитальный, коренной вопросъ. Я думаю, что при самомъ напряженномъ вниманіи, при самомъ страстномъ желаніи найти

хоть какой-либо слѣдъ непосредственнаго вліянія внѣшней природы и колонизаціи на строй общества кіевской Руси, такая попытка можетъ кончиться только неудачей: просто нельзя найти ни одного элемента въ природѣ, который своими особенностями предустановилъ бы хотя бы одну изъ отмѣченныхъ нами основныхъ чертъ общественнаго строя того времени. Зато не подлежитъ сомнѣнію нѣкоторое непосредственное, хотя и второстепенное, вліяніе соціальныхъ явленій на процессъ колонизаціи въ XII-мъ вѣкѣ: мы уже видѣли, что этотъ послѣдній процессъ совершался подъ главнымъ вліяніемъ хозяйственныхъ явленій—преобладанія добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія и экстенсивной системы хозяйства; теперь къ основному вліянію можно присоединить другое, второстепенное, развитіе несвободныхъ и полусвободныхъ соціальныхъ отношеній, тяжелыхъ для тѣхъ, которые въ нихъ попадали, и, естественно, вызывавшихъ реакцію въ видѣ ухода на новыя мѣста. Что это было такъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ та же «Русская Правда»: она строго наказываетъ попытку закупа уйти безъ расплаты, обращая его въ такомъ случаѣ въ холопы; точно опредѣляетъ наказаніе за укрывательство бѣглаго холопа, снабженіе его хлѣбомъ, указаніе ему пути, назначаетъ награду за «переемъ» бѣглаго холопа и т. д.

«Русская Правда»—сборникъ, главнымъ образомъ, судебныхъ рѣшеній; она, слѣдовательно, точно отражаетъ дѣйствительность: не было бы въ дѣйствительности частыхъ случаевъ побѣга закуповъ и холоповъ, не вошли бы въ «Правду» и указанныя сейчасъ постановленія.

Разсматривая взаимныя отношенія между соціальными и экономическими явленіями, мы приходимъ къ совершенно иному выводу. Мы уже видѣли, что экономическія явленія удовлетворительно объясняются изъ одного основного элемента—плотности населенія. Классовый общественный строй, господство смердовъ, ростъ купечества, боярства, холопства и закупничества не могутъ оказывать вліяніе на плотность населенія и происходящее отсюда преобладаніе добывающей промышленности: слѣдовъ такого вліянія нѣтъ въ нашихъ источникахъ, и трудно даже представить себѣ, какъ оно могло бы проявиться. Зато мы безъ труда можемъ указать, опираясь на положительныя данныя, какъ повліяли хозяйственныя явленія на процессъ соціальнаго развитія кіевской Руси. Уже одинъ тотъ фактъ, что общество этого періода долгое время было однороднымъ и лишь впослѣдствіи подверглось расчлененію, но притомъ не сословному, а классовому, указываетъ на великое вліяніе экономическихъ явленій. Самое сложное изъ этихъ экономическихъ явленій—это, какъ мы видѣли, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Ему принадлежитъ наиболѣе универсальное воздѣйствіе на соціальный строй: оно положило основу классовому принципу, проведя рѣзкую разграничительную черту между обладателями полезныхъ, реальныхъ хозяйственныхъ благъ массой смердовъ—и обладателями денежныхъ капиталовъ—купцами и боярами; достаточная обезпечен-

ность смердовъ реальными хозяйственными благами создала ихъ преимущественное, свободное положеніе въ обществѣ, обезпечила за ними политическую и гражданскую правоспособность; третье и четвертое соціальныя явленія даннаго періода—ростъ купечества и боярства и развитіе холопства и закупничества также отчасти опредѣляются распредѣленіемъ хозяйственныхъ благъ: бояре и купцы возвышались и умножались вслѣдствіе накопленія въ ихъ рукахъ денежныхъ капиталовъ, а холопы и закупы множились, какъ видно уже изъ произведеннаго нами изученія юридическихъ источниковъ этихъ состояній, подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, которыхъ почти не имѣла масса смердовъ. Но, будучи универсальнымъ, охватывая всѣ основныя явленія соціальной жизни, вліяніе распредѣленія хозяйственныхъ благъ далеко не было исключительнымъ: и другія, простѣйшія, менѣе сложныя явленія экономической жизни оказывали свое непосредственное вліяніе на отдѣльныя стороны устройства общества. Такъ, перемѣны въ формахъ хозяйства и формахъ землевладѣнія—зарожденіе владѣльческаго хозяйства и частнаго землевладѣнія—вызвали къ жизни потребность въ несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ. Старая семейная форма хозяйства наложила свою властную руку на имущественныя право смердовъ, сдѣлавъ ихъ имѣніе собственностью не лица, а семьи. Наконецъ, господствующая отрасль хозяйства—добывающая промышленность—подчеркнула преобладаніе смердовъ, потому что отъ добывающей промышленности зависѣла и внѣшняя торговля, дававшая боярамъ и купцамъ средства, необходимыя для ихъ соціальныхъ успѣховъ. Такъ какъ мы знаемъ, что основнымъ экономическимъ элементомъ является именно господствующая отрасль производства, безъ непосредственнаго вліянія которой не обходится ни одно явленіе хозяйственной жизни, то, очевидно, и въ соціальныхъ отношеніяхъ этой экономической силѣ принадлежитъ преобладающее положеніе. Опираясь на этотъ выводъ, можно построить такую окончательную схему соціальныхъ явленій въ ихъ связи съ экономическими въ первый періодъ исторической жизни русскаго народа. Основнымъ, наиболѣе древнимъ и устойчивымъ соціальнымъ явленіемъ было тогда *господство класса смердовъ, слагающееся подъ совокупнымъ вліяніемъ преобладанія добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія, домашней формы производства и равномѣрнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ между отдѣльными семьями.* Позднѣйшія, менѣе характерныя соціальныя явленія — *развитіе классовъ бояръ и купцовъ и ростъ числа холоповъ и закуповъ вызваны къ жизни примѣсью внѣшней торговли, зарожденіемъ личнаго землевладѣнія и владѣльческихъ формъ хозяйства и, наконецъ, сосредоточеніемъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ торговавшаго меньшинства.*

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(Продолженіе) *).

26.

Арнольдъ побывалъ у портного Барромео и по прошествіи двухъ дней уже имѣлъ четыре модныхъ костюма; все необходимое изъ бѣлья было пріобрѣтено еще до того. Нерѣшительно и кропотливо облекся Арнольдъ въ новое платье, сконфуженно подошелъ къ зеркалу и сталъ разсматривать свое отраженіе, точно передъ нимъ былъ незнакомый ему человѣкъ.

— Ага,—мысленно говорилъ онъ,—такъ вотъ ты каковъ, братецъ! Немного странно выглядишь, точно кумъ на свадьбѣ.

При этомъ онъ сдѣлалъ гримасу и долго не рѣшался выйти изъ своей комнаты, хотя еще съ утра рѣшился побывать въ публичной библіотекѣ.

Когда, наконецъ, онъ поборолъ въ себѣ это чувство и съ необычайной медленностью спускался по лѣстницѣ, то увидалъ въ корридорѣ Анну Барромео, разговаривающей съ какой-то дамой. Поспѣшно сдѣлавъ ему знакъ приблизиться, она въ то же время сказала своей гостьѣ:

— А вотъ и мой племянникъ. Анзорге.—Въ этотъ день она не казалась такой свѣжей и ослѣпительной, какъ обыкновенно, да и въ лицѣ у нея замѣчалась какая-то подавленность, точно оно было подернуто безпокойствомъ. Арнольдъ остановился на второй ступенькѣ; Анна Барромео окинувъ его насмѣшливо-одобрительнымъ взглядомъ, назвала ему свою маленькую гостью:—мадамъ Натали Остербургъ.

Молодой человѣкъ по привычкѣ сейчасъ же протянулъ той руку и былъ пораженъ крохотностью ручонки, что ему пришлось пожать. Маленькая дамочка вскрикнула отъ боли, потомъ засмѣялась и сказала, чтобы онъ выпустилъ ея руку; Анна улыбалась.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1903 г.

— Такъ вотъ вы какой?—сказала Натали Остербургъ, повернувъ къ нему свое дѣтское личико, подъ черной вуалью, горящее любопытствомъ.—Петра разсказывала мнѣ про него, а по моему такъ онъ далеко не дуренъ. Не такъ ли?

И точно крайне заинтересованная подтвержденіемъ своего мнѣнія, она посмотрѣла на хозяйку; та въ отвѣтъ шутливо, но сдержанно пожала плечами. Арнольдъ, несмотря на то, что его всѣ эти вопросы, пребываніе въ корридорѣ, ожиданіе чего-то и улыбки смущали и казались безсмысленными, все же почувствовалъ что-то въ родѣ влеченія къ новой знакомой, а потому безъ дальнихъ околичностей на ея приглашеніе посѣтить ее въ назначенный день и часъ отвѣтилъ утвердительно.

Она еще о чемъ-то толковала Аннѣ Борромео, причемъ слова ея журчали словно плескъ фонтана; смѣялась, съ дѣтской серьезностью спрашивала о самыхъ незначительныхъ вещахъ; говорила, что глубоко несчастна, потому что по всѣмъ вѣроятіямъ пойдетъ дождь; сообщила, что страшно спѣшитъ домой; затѣмъ, тотчасъ же позабывъ объ этомъ, спросила Арнольда, умѣетъ ли онъ ѣздить верхомъ.

— Я себѣ представляла васъ въ видѣ какого-то дикаго охотника, подумайте, какъ смѣшно,—сказала она и со смѣхомъ нагнулась впередъ верхнею частью корпуса, потомъ поспѣшно распрощалась и хозяйка, повидимому, была очень довольна ея уходомъ.

Арнольдъ замѣтилъ это по скрытой игрѣ ея глазъ, и ему стало досадно на любезную улыбку, на свѣшиваніе черезъ перила и помахиванье рукой, которыми тетка провожала свою гостью.

Натали Остербургъ, несмотря на свои тридцать два года, все еще была хорошенькой женщиной. Фигурка у нея была чисто кукольная, и всѣ движенія напоминали удивленнаго любопытнаго ребенка. Восторженность и любопыство — вотъ два чувства, которыя всецѣло владѣли ею.

Она могла одинаково восторгаться какимъ-нибудь особеннымъ паукомъ и необыкновенно возвышенной философіей. Несмотря на это, благодаря симпатичности и сердечности, а также и гибкости ума, она не утомляла людей. Къ тому же у нея было и чутье она, и сама знала это; но къ несчастью, то, что выказывала, было всегда фальшиво и обманчиво. Характеръ у нея былъ веселый и часто это обнаруживалось, когда никакъ уже нельзя было ожидать; такимъ образомъ она неразъ срывала какой-нибудь разумный разговоръ и сбивала съ толку не одного серьезнаго человѣка.

Наталй гордилась своими маленькими ножками и ручками; была тщеславна, болтлива, лакомка, преисполнена жажды наслажденій, но зато имѣла то преимущество передъ своими порицателями, что сама же признавалась во всемъ и трунила надъ собою. Говорила ли она, шла ли, смѣялась ли, или сидѣла, ея глаза такъ свѣтились радостью, отъ

того что можно было такъ говорить, ходить, сидѣть и смѣяться. При приступахъ восхищенія или удивленія, она не находила достаточно сильныхъ словъ или слишкомъ восторженнаго выраженія лица; въ продолженіи какой-нибудь минуты она была способна безумно интересоваться сплетней или дрожать отъ нетерпѣнія, потому что позабыла сонъ, имя или заглавіе прочтенной книги. У нея было двое дѣтей, дѣвочки 10 и 8 лѣтъ и она любила съ шутливымъ удивленіемъ разсказывать объ этомъ, точно имѣть дѣтей большая рѣдкость и точно ея дѣти самыя необыкновенныя на свѣтѣ.

Вернувшись домой, Наталі спросила служанку, гдѣ баринъ. Въ гостиной,—послѣдовалъ отвѣтъ. Подошла—Петра и прошептала сестрѣ нѣсколько словъ на ухо.

Наталі поблѣднѣла, закрыла глаза и закинула голову на спину. Петра глядѣла на нее съ состраданіемъ, а потомъ повернулась къ дѣтямъ, прибѣжавшимъ вслѣдъ за ней и здоровавшимся съ матерью въ нѣжныхъ и смѣшныхъ выраженіяхъ. Въ гостиной не оказалось Левина Остербурга; зато изъ спальной, рядомъ, несся какой-то необыкновенный шумъ. Наталі съ театральною медлительностью распахнула туда двери и увидала своего мужа, обнаженнаго чуть ли не до пояса. Онъ какъ разъ умывался и сильно растиралъ свою кожу, точно она была вымазана дегтемъ; при этомъ онъ фыркалъ, плескался, стоналъ и шипѣлъ, какъ машина, сѣвшая на мель. Наталі смотрѣла на него съ безграничнымъ удивленіемъ и полунапускнымъ презрѣніемъ. Левинъ, продолжая дѣлать видъ, что находится въ комнатѣ одинъ, производилъ какія-то странныя движенія и, придавая своему лицу выраженіе досады и озабоченности, кряхтя, растиралъ фланелевымъ полотенцемъ волосатую грудь и спину.

— Такъ вотъ въ какомъ положеніи мы вновь очутились, и вотъ каковы твои вѣрныя предпріятія!—прошептала Натали.

Левинъ вдѣвалъ въ это время запонки въ одну изъ своихъ новыхъ фрачныхъ сорочекъ, но затѣмъ не надѣлъ ее, а такъ какъ былъ полуголый, легъ на оттоманку. Слегка приподнявъ ногу, онъ сталъ разсматривать лаковую ботинку, потомъ глубоко вздохнулъ; сразу, точно его подбросила пружина, поднявшись съ мѣста и мрачный, переконфуженный, произнесъ:

— Да, да! Богатство вотъ единственно чего стоитъ добиваться!

— Идіотъ!—пробормотала Натали. Левинъ впалъ въ раздумье, похожее на столбнякъ, причемъ озабоченно ощупывалъ свое ожирѣвшее брюшко. Лишь почувствовавъ холодъ, онъ подумалъ, что нужно одѣваться.

— Я разоренъ,—глухо произнесъ онъ.

— Къ этому тебѣ не привыкать стать—отвѣтилъ Натали, прикусивъ губу и постукивая кончикомъ ботинка по ковру.

Левинъ состроилъ безумные глаза, протянулъ кулаки къ потолку и закричалъ:

— Клянусь всѣмъ свѣтомъ, что черезъ три недѣли у меня будетъ полмилліона, или... и онъ пророчески показалъ куда-то въ пространство.

Но когда Натали спокойно и какъ бы ожидая чего то посмотрѣла на него, онъ смолкъ точно собака, которую побили. Натали встала и быстрыми шагами направилась въ комнату дѣтей.

— Дорогая Петра,—крикнула она,—я ѣду къ мама!

— Ну что?—спросила ее Петра съ присущимъ ей спокойствіемъ и пожала сестрѣ руку, маленькую, узенькую, дѣтскую ручонку.

Натали неувѣренно посмотрѣла на нее и разсѣянно отвѣтила:

— Да, да! Но ты знаешь, я вѣдь велѣла портнихѣ пріѣхать къ мама, чтобы Левинъ не увидалъ новаго платья. Ѣдемъ скорѣе, а то я опоздаю къ примѣркѣ.

И она мимоходомъ, наскоро поцѣловала дѣтей. Петра отошла къ сторонѣ, на ея лицо легла саркастически покорная улыбка.

Какъ только Левинъ замѣтилъ, что одинъ, такъ тотчасъ же всталъ, съ досадой покачалъ головой и почмокалъ губами. Потомъ отправился въ кухню и спросилъ кухарку, что ей заказано. Стоя у плиты, онъ меланхолически уставиться на сковороду. Кухарка по пальцамъ перечла ему, что будетъ готовить, и Левинъ, повидимому огорченный, побрелъ вонъ изъ кухни. Его занимала въ настоящую минуту лишь одна единственная мысль открыть такой новый источникъ денежныхъ доходовъ, чтобы можно было загребать золото лопатами, во чтобы то ни стало, какимъ бы то ни было способомъ, и ему сдавалось, что для него золото обязательно должно валяться гдѣ-нибудь на улицѣ и ему надо только пойти туда и поднять его.

Левинъ Остербургъ былъ человѣкомъ, проведшимъ жизнь въ вихрѣ удовольствій и дожившимъ такимъ образомъ до сѣдинъ. Взглядъ у него былъ какой то безпокойный, охватывавшій все съ одинаковымъ удовольствіемъ; лицо не выражало ни бѣшенства, ни смущенія, ни шутовства, ни предпріимчивости и даже ничего, что бы могло занять промежуточное между этими качествами мѣсто. Въ разговорѣ онъ казался напыщеннымъ и несдержаннымъ; любилъ бранить вещи, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и которыя даже совершенно не интересовали его. Лицо его въ этихъ случаяхъ становилось багрово-синимъ, глаза выступали изъ орбитъ, онъ кричалъ, перескакивалъ съ предмета на предметъ, потомъ сразу обрывалъ рѣчь и робко заявлялъ, что у него начинается чахотка.

Если при этомъ онъ замѣчалъ у кого-либо тѣнь улыбки, то вновь впадалъ въ неописуемый гнѣвъ и снова изливался потоками словъ для того, чтобы отстоять свои болѣсти, число которыхъ, точно мухи по осени, все увеличивалось. Каждую свою глупость, сказанную или совер-

шенную, онъ забывалъ съ необыкновенной быстротой и былъ увѣренъ, что и посторонніе забыли о ней столь же быстро Предложенія онъ никогда не договаривалъ до конца и лишь слегка скользилъ по предметамъ, къ которымъ нельзя было не отнестись серьезно.

Когда Натали и Петра пріѣхали къ матери, старушка объявила имъ, что въ Левинѣ, по ея мнѣнію, произошла какая-то перемѣна.

— Онъ величайшій дуракъ на свѣтѣ, мама!— отвѣтила Натали съ наивнымъ негодованіемъ.

— Но вѣдь ты вышла за него замужъ, дитя мое,—возразила мать, направляясь къ своему стулу. Въ сущности она не шла, а подвигалась впередъ. Верхнюю часть туловища она перегибала назадъ, вслѣдствіе чего она казалась лишь еле-ле прикрѣпленной къ ногамъ, а всѣ движенія получали что-то автоматическое. При каждомъ шагѣ она кивала головой, точно голубь. На ея безцвѣтномъ лицѣ, напоминающимъ песчанникъ, размытый и изъѣденный водою, никогда не появлялось иного выраженія, какъ выраженія напыщенности и добродушія.

Въ общемъ у нея былъ видъ развѣнчанной королевы, посѣдѣвшей раньше, чѣмъ успѣли сбыться ея притязанія на престолъ. Падкая на самую грубую лесть, она въ одно и то же время была зла и добродушна, вынослива и хрупка, ворчлива и любвеобильна.

Эта женщина испортила чистоту своей расы, она внесла въ нее скверную примѣсь и лишила такимъ путемъ правильности и прозрачности кристалловъ.

— Какъ ты думаешь, мама, свѣтло-зеленый цвѣтъ не сдѣлаетъ меня слишкомъ блѣдной? — спросила Натали, съ нетерпѣніемъ ожидавшая платья.

Петра высоко подняла брови.

— Не подумать ли тебѣ о своемъ мужѣ, Натали? пробормотала она. — Въ мое время браки были не такіе,—сказала госпожа Кёнигъ скрипучимъ голосомъ,—тогда только и слышно было, что о согласіи, мирѣ и взаимныхъ уступкахъ. Я часто говорю Петрѣ—не правда ли Петра?

— Потчиссеръ пріобрѣлъ римскую статую изъ Спалото, — обратилась Наталія къ сестрѣ,—статую Антонія. Говорятъ чудная вещь, лучшихъ временъ, увѣряетъ Анна Барромео.

Такимъ образомъ каждая изъ трехъ женщинъ толковали о своемъ и несмотря на это, онѣ повидимому, понимали другъ друга. Онѣ двигались, словно круги на водѣ, образовавшіеся вокругъ одного и того же центра, но никогда не могущіе коснуться другъ друга.

27.

Въ воскресенье, пріемный день Остербурговъ, уже съ пяти часовъ ихъ комнаты наполнились посѣтителями. Левинъ, одѣтый въ сѣрый сюртукъ, держалъ себя кротко и сдержанно: какъ будто съ души у

него сдунули всю пыль. Онъ стоялъ около группы улыбающихся молодыхъ людей и разсказывалъ о томъ, какъ лошадь, на которую никто въ цѣлой Европѣ не ставилъ кромѣ его, Левина Остербургъ, пришла первой. Когда кто-то усумнился въ этомъ, онъ указалъ еще только на двухъ людей, которые также играли на нее.

Но когда другой господинъ замѣтилъ, что эта побѣда еще задолго до того, какъ была одержана, стала публичной тайной, то Левинъ облекся въ чувство собственнаго достоинства и холоднаго презрѣнія, вслѣдствіе чего какъ бы сдѣлался на нѣсколько сантиметровъ выше, сѣдые же, торчащіе, словно щетина, волосы, казалось, превратились въ знаки восклицанія отъ испытываемаго негодованія. Но въ слѣдующую же минуту онъ опять сдѣлался любезенъ, поздоровался съ входящимъ Эммерихомъ Хиртлемъ, высокимъ, торжественнымъ до сходства съ пророкомъ человѣкомъ по имени докторъ Борней, и Арнимомъ Потчиссеромъ, тѣмъ самымъ Потчиссеромъ, котораго всѣ боялись. Потчиссеръ былъ биржевикомъ, издателемъ газеты, другомъ народа, другомъ правительства и прежде всего неизмѣримо богатъ.

Онъ всталъ у буфета съ разставленными закусками и питіями, и мужчины тотчасъ же окружили его, точно тычинки пестикъ.

Вошелъ Арнольдъ Анзорге; на его быстромъ лицѣ лежало выраженіе холодной рѣшительности и въ тоже время крайняго удивленія; этотъ часъ назначила ему сама Натали, а вмѣсто нея онъ увидалъ теперь громадную толпу незнакомыхъ людей. Дверь осталась за нимъ открытой и разукрашеная, какъ нѣкое сказочное животное, старуха, за которой слѣдовали двѣ молодыя дѣвушки отодвинула Арнольда къ сторонѣ и съ шумомъ вошла въ залъ. Натали замѣтила Арнольда и, сконфузившись, пошла къ нему навстрѣчу; она не ожидала увидѣть его у себя уже въ этотъ день и раскаивалась въ своемъ приглашеніи, потому что по разсказу Хиртля опасалась встрѣтить въ немъ чуть ли не чудище. Смущенная, вслѣдствіе обуревавшаго ее любопытства, она подала ему руку, попросила слѣдовать за собою и подвела его къ Петрѣ, сидѣвшей въ уголку вдвоемъ съ Хиртлемъ.

— Простите,—сказала она,—я привела къ вамъ рѣдкаго гостя.

Арнольдъ молча усѣлся. До его ушей со всѣхъ сторонъ долетало какое-то шипѣнье, смѣхъ, жужжанье, бормотанье... Воздухъ былъ разгоряченъ.

— Развѣ здѣсь сборище?—спросилъ онъ, вопросительно взглянувъ на Петру.

Молодая дѣвушка покраснѣла, засмѣялась, удивилась и не знала что отвѣтить. Хиртль, возсѣдавшій точно сама воплощенная важность, мгновенно утратилъ видъ равнодушія и его лицо, большею частью казавшееся жалкимъ и безцвѣтнымъ, преобразилось. Онъ любезно произнесъ:

— Не смущайтесь, всѣ эти господа собрались здѣсь только потому, что видя, какъ скучаютъ другіе, забываютъ собственную скуку.

Петра, тронутая вѣжливымъ вниманіемъ, съ которымъ Арнольдъ прислушивался къ словамъ Хиртля, улыбнулась, причемъ ея глаза неожиданно приняли при свѣтѣ лампъ чудный темно-синій оттѣнокъ.

Къ нимъ подошелъ молодой человѣкъ съ желтымъ цвѣтомъ лица и черными наглыми, безпокойными глазами.

— Дружище Хиртль почему-то имѣетъ сегодня очень многозначительный видъ,—сказалъ онъ съ явнымъ пренебреженіемъ.

— Каждый мой волосокъ имѣетъ значеніе,—отвѣтилъ Хиртль, пытаясь подтрунить надъ самимъ собою.

— Въ такомъ случаѣ, вы, повидимому, съ годами теряете очень много значенія,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Хиртль засмѣялся, не то добродушно, не то съ досадой, причемъ пренебрежительная гримаса перекосила его лицо. Оба въ высшей степени презирали другъ друга. Петра въ это время играла своей цѣпочкой отъ часовъ.

«Что они говорятъ? — подумалъ ошеломленный Арнольдъ. Онъ посмотрѣлъ на Петру, окинулъ взглядомъ комнату, потомъ перевелъ взоръ на окно и снова подумалъ:—что они говорятъ?»

Подошла Натали. Она раскраснѣлась и оживилась отъ разговоровъ, слушанья, улыбокъ. Съ легкимъ оттѣнкомъ близости положила она руку на плечо Арнольда, но тотъ съ удивленіемъ поднялъ голову, вслѣдствіе чего рука соскользнула съ плеча.

— Пойдемте,—сказала Натали.

Онъ пошелъ за ней, думая, что она собирается дать ему какія-нибудь объясненія, но она подвела его къ Левину и сказала:

— Вотъ онъ!

Левинъ щелкнулъ языкомъ, тотчасъ же взялъ Арнольда подъ руку, сунулъ въ ротъ бутербродъ съ икрой и, жуя, сказалъ:

— Правда ли, что вы до сихъ поръ жили въ пещерѣ? Весь свѣтъ говоритъ объ этомъ.

Арнольдъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не зналъ, что ему съ нимъ дѣлать, затѣмъ нагнулся, чтобы поднять блестѣвшую на коврѣ иголку, причемъ его охватилъ словно вѣтеръ, несущій съ собою лихорадку. Медленно направился онъ къ дверямъ, вышелъ въ переднюю, отыскалъ свое пальто и на лѣстницѣ глубоко вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ.

Внизу въ сѣняхъ онъ обогналъ Эммериха Хиртля, который ушелъ еще до него и теперь съ трудомъ направлялся какой-то развинченной, дѣланно-эластичной походкой къ улицѣ, гдѣ ждалъ его экипажъ. Фигура этого человѣка бросалась въ глаза; казалось, что къ искусственнымъ ногамъ было приставлено деревянное туловище и все это превосходно выполнено, но каждая часть сама по себѣ лишена жизни и какъ-то неопредѣленна. Эта расплывчатость, вздутость, блѣдность и искусственность замѣчались и въ лицѣ Хиртля. Даже и голова каза-

лась искусственно ввинченной въ плечи, а слишкомъ короткая шея исчезала въ воротникѣ шубы. Во всѣхъ движеніяхъ, въ каждомъ взглядѣ выражалась давящая скука и безнадежный покой.

— Не прикажете ли подвести васъ куда-нибудь, господинъ Анзорге?—вѣжливо и съ благоволеніемъ спросилъ онъ Арнольда и подошелъ къ лошадямъ, похлопавъ ихъ по спинѣ, причемъ на лицѣ у него отразилось чисто мальчишеское тщеславіе.

Арнольдъ широко раскрытыми глазами слѣдилъ за движеніями Хиртля; вдругъ онъ почувствовалъ любопытство разсмотрѣть этого человѣка изнутри или же, по крайней мѣрѣ, увидѣть его безъ платья, хоть спящимъ, но, во всякомъ случаѣ тогда, когда онъ думалъ, что находится одинъ.

— Какимъ образомъ вы попали въ Остербургъ?—спросилъ Хиртль.

Открывъ дверцу кареты, онъ ловко поставилъ ногу на подножку и закурилъ папиросу; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желалъ проявить достоинство и снисходительность, послѣдняя неизбѣжно появлялась у него во рту.

— Это довольно любопытная семейка,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на молчаніе Арнольда,—то, что вы видѣли у нихъ, рѣшительно все—сплошной маскарадъ. Эти люди кругомъ въ долгахъ; на мебели и картинахъ висятъ закладныя печати. Стулья, на которыхъ они сидятъ, принадлежатъ не имъ. Каждая чашка чая, что мы пили у нихъ, лишній камешекъ въ одолѣвающихъ ихъ кучѣ заботъ. Видите ли, я очень хорошо знаю эту семью. Въ сущности, ихъ общество не годится для васъ, разъ вы пріѣхали издалека и такимъ еще нетронутымъ. Вотъ Петра, признаюсь, прекрасный человѣкъ, совсѣмъ особенная дѣвушка. Натали старается позолотить лохмотья, а Левинъ надуваетъ жену. Развѣ не безуміе созывать такое множество гостей, только для того, чтобы замаскировать дѣйствительное положеніе вещей?

Все это Хиртль выкладывалъ съ величайшимъ самодовольствомъ причемъ наслаждался своимъ превосходствомъ. Полный самыхъ хорошихъ чувствъ, онъ протянулъ Арнольду руку, крѣпко пожалъ ее, сѣлъ въ экипажъ и красивымъ движеніемъ подалъ кучеру знакъ трогать. Что до Арнольда, то теперь всѣ его думы были обращены на домъ, который онъ только что оставилъ. Его не только занялъ, но прямотаки захватилъ разсказъ Хиртля и онъ ощутилъ бурное желаніе снова подняться наверхъ и все подробно разсмотрѣть. Странно! Ему хотѣлось самому видѣть, что тамъ прилипло къ стѣнамъ, какія маски надѣты на всѣхъ лицахъ; у него явилось чувство, будто его обманули въ очень важномъ дѣлѣ и онъ нетерпѣливо хотѣлъ собственными глазами убѣдиться въ истинѣ. Торопливо взбѣжавъ по ступенямъ и сбросивъ свое пальто на цѣлую груду другой одежды, онъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, выражавшимъ исканіе чего-то, вновь вошелъ въ пріемныя комнаты. Между другихъ головъ и плечъ, точно въ расще-

лину ограды увидѣлъ онъ лицо Наталіи. Кожа на ея щекахъ была чрезвычайно разгорячена. Замѣтивъ Арнольда, она улыбнулась ему, какъ близкому другу. То, что онъ уходилъ и вернулся, она и не замѣтила.

Арнольду хотѣлось какъ-нибудь добраться до нея, но вдругъ онъ услыхалъ за собою ея голосъ: — Представьте себѣ, что мнѣ сейчасъ сообщили, говорила она съ ликующимъ смѣхомъ, преисполненнымъ удивленія, какой-то дамѣ:—Ханка женился...

Арнольдъ повернулся. На ея лицѣ онъ не могъ прочесть ничего кромѣ радости, любезности и удовольствія.

28.

Онъ хотѣлъ понять, о чемъ всѣ эти толкавшіеся здѣсь люди говорятъ: вѣдь каждое лицо было лихорадочно оживлено, глаза блистали участіемъ, руки двигались, выражая благоволеніе, губы усердно шевелились, чтобы болтать, смѣяться, звать; многіе мужчины казались крѣпкими и видными; другіе такими истощенными, точно изъ нихъ выжали весь жиръ и всю кровь. Женщины производили впечатлѣніе, будто у нихъ на языкѣ вмѣсто словъ необыкновенныя сладости. Казалось здѣсь каждый естественный порывъ убивается въ самомъ зародышѣ. Арнольду бросилась въ глаза голова съ громадной бѣлой бородой и совершенно круглыми очками; лицо выражало жестокость и въ то же время какъ-то зловѣще смѣялось. Онъ пошелъ дальше, но кто-то взялъ его за руку—оказалось это баронъ Друзіусъ выражаетъ свою радость по поводу встрѣчи съ нимъ. Онъ подвелъ Арнольда къ молодой дѣвушкѣ со шрамомъ на щекѣ.—Сестра моя,—сказалъ старикъ.

Дѣвушка мелькомъ поклонилась ему, мелькомъ, точно въ лихорадкѣ, улыбнулась и снова повернулась къ доктору Берней, съ которымъ разговаривала; а тотъ стоялъ около въ величественно небрежной позѣ и походилъ на человѣка, преисполненнаго сознаніемъ своего неограниченнаго могущества и подавляющаго умственнаго превосходства, но изъ ложной скромности желающаго скрыть и то, и другое.

— О, докторъ Берней—великая сила! — прошепталъ Друзіусъ Арнольду. — Онъ собирается основать государство свободныхъ людей, гдѣ бы не существовало ни налоговъ, ни городовъ, словомъ, благославенную страну. Съ этой цѣлью онъ уже собралъ компанію на акціяхъ для покупки земли въ Америкѣ.

Затѣмъ Друзіусъ увидалъ другого знакомаго, а къ Арнольду подошла Петра. Выдающаяся верхняя губа придавала ея умному лицу выраженіе вдумчивости и умѣнія владѣть собой. Потомъ подошли опять новые незнакомые и снова началось непонятное произнесеніе именъ, поклоны, пожиманіе рукъ. «Кто они?»—думалъ Арнольдъ.—Что все это значитъ?

Нѣкоторые изъ нихъ были съ нимъ любезны, точно съ человѣкомъ, на котораго возлагаются большія надежды, и Арнольдъ ломалъ голову почему они съ нимъ любезны, когда вовсе его не знаютъ; почему они сначала держатъ себя очень холодно, а потомъ, вдругъ, обмѣнявшись поклонами и пожатіемъ рукъ принимаютъ, довѣрчивый, преувеличенно-любезный тонъ. Всѣ эти люди вытягивали губы, выворачивали шеи, казались взволнованными какими-то тайнами и нерѣдко въ ихъ глазахъ вспыхивали боязливые или враждебные огоньки, но рѣчи продолжали звучать ласково и пусто. Арнольдъ чувствовалъ безпокойство, потому что ему все время приходилось раздумывать о вещахъ, которыя ускользали отъ него въ пространствѣ. Вдругъ подбѣжала къ нему Наталѝ съ такою поспѣшностью точно за нею гнались.

— Вѣдь вы изъ Подолина, господинъ Анзорге? Не знали ли вы тамъ доктора Ханка? Анна Борромео сказала мнѣ, что вы пріѣхали изъ Подолина, слѣдовательно знакомы съ Ханка? А съ его женой, Беатой, вы тоже знакомы? Да? Такъ разскажите мнѣ про нее, пожалуйста разскажите!

Все это Наталѝ выпалила сразу, не давая себѣ времени даже перевести дыханіе. Она обливалась потомъ отъ любопытства и кусала губы отъ досады, что ей раньше не пришло въ голову спросить объ этомъ Арнольда! Арнольда отталкивала ея навязчивость; задумчиво помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ потомъ тряхнулъ головой, этотъ жестъ странно выдѣлилъ его среди другихъ—и сказалъ:

— Докторъ Ханка могъ бы найти лучшую женщину. Беата испорченное существо.

Наталѝ поблѣднѣла, испуганно оглянулась, приложила палецъ къ губамъ и смущенно пробормотала:

— Что вы дѣлаете, странный вы человѣкъ! Вѣдь подобныя вещи не говорятъ открыто. Берегитесь, чтобы Ханка когда-нибудь не узналъ объ этомъ. Вѣдь онъ воспиталъ Беату для себя.

Недовѣрчиво и холодно разглядывалъ Арнольдъ Наталѝ. Онъ хотѣлъ говорить, но ни одно изъ тѣхъ словъ, которыя ему подвертывались на языкъ, не казалось ему подходящимъ и достаточно опредѣленнымъ.

Наталѝ механически взяла его подъ руку и повела въ сосѣдній маленькій будуаръ. Тамъ у окна сидѣли два пожилыхъ господина и о чемъ-то разговаривали, но тотчасъ же при ихъ входѣ поднялись и вышли. Вдругъ Арнольдъ, повернувшись къ Наталѝ произнесъ:

— Послушайте, вы живете среди лжи! Какъ вы можете выносить это? У васъ нѣтъ денегъ, а вы бросаете ихъ, какъ же это возможно! Мнѣ разсказалъ одинъ человѣкъ... Я сначала было не повѣрилъ, да по всѣмъ признакамъ видно, что такъ, я чувствую это.

Натали съ ногъ до головы задрожала.

Съ ужасомъ, вопросительно посмотрѣла она на Арнольда, но не

была въ состояніи выдержать его взглядъ. Дѣтскіе глазки наполнились слезами, и вытащивъ платокъ, она закрыла имъ лицо.

— Теперь я пойду,—съ облегченіемъ произнесъ Арнольдъ и протянувъ Натали руку. У него явилось чувство, что онъ легкомысленно тратитъ время, а оно бѣжитъ у него точно песокъ изъ дыряваго мѣшка.

Ему не было жаль Натали, но теперь она снова стала ему симпатична.

— Что же, начнете теперь жить по другому? — сердечно спросилъ онъ.

— Прощайте, странный вы человѣкъ,—отвѣтила Натали, поднимая лицо и улыбаясь ему сквозь слезы.—До свиданья, приходите скорѣе и тогда, когда я буду одна.

На обратномъ пути Арнольдомъ овладѣло сильнѣйшее сомнѣніе: были ли тѣ выраженія, что онъ употреблялъ въ разговорѣ съ Натали, подходящими, нужно ли было употреблять именно ихъ, а не какія-нибудь другія; ни однимъ болѣе, ни однимъ менѣе? Странно, но ему чудилось, что онъ совершилъ безцѣльный поступокъ, и внутренній голосъ, что такъ властно толкалъ его на это, нѣкоторымъ образомъ ввелъ его въ заблужденіе.

Но, можетъ быть дѣло не въ томъ, можетъ быть, онъ разсчитывалъ повліять на Наталію сильнѣе нежели пришлось. Она спрятала лицо въ платокъ и улыбнулась сквозь слезы. И не нашла иного отвѣта, какъ «странный человѣкъ». Что страннаго въ его поступкѣ? Повидимому, слова его, Арнольда, заключали въ себѣ что-то для нея, пожалуй, даже привлекательное и изъ-за новизны она не вникла даже въ ихъ значеніе. Ему стало стыдно за Натали, а что касается его самого, то онъ чувствовалъ почти что разочарованіе и рѣшилъ еще разъ сходить къ ней и уже наединѣ переговорить и выяснить, что она изъ себя представляетъ по существу и чего она ищетъ въ немъ.

Ужиналъ онъ въ этотъ день у Барромео.

— Какъ ты провелъ время, Арнольдъ?—спросила его Анна.

Подумавъ нѣсколько секундъ, онъ сказалъ:

— Я не хотѣлъ бы *проводить* время, а удерживать его.

Хозяйка засмѣялась.

— Слышишь, Фридрихъ!—воскликнула она.

Борромео погладилъ бороду.

— Онъ совершенно правъ, сказалъ онъ. — Слѣдовало бы всегда хватать подобныя выраженія на лету до тѣхъ поръ пока они не сдѣлаются излишними за ненадобностью.

Арнольдъ прислушивался къ скучному разговору дяди и тетки и поперемѣнно поглядывалъ то на того, то на другого.

Они разговаривали точно черезъ стѣну — слова проникали не въ ухо, а падали на тарелку, расплывались въ воздухѣ. При этомъ они

никогда не взглядывали другъ на друга безъ того чтобы, въ глазахъ у нихъ не появилось что-то въ родѣ неудовольствія, трусости или выработаннаго большими усиліями терпѣнія. Еще наканунѣ Арнольдъ не замѣтилъ бы всего этого, ничего не заподозрилъ бы и оставался спокойнымъ и довольнымъ, тогда какъ сегодня смутная догадка заставляла его быть на сторожѣ. Было мгновеніе, когда онъ вздумалъ раскрыть и освѣтить загадочность и неясность, царившую между этими двумя людьми честнымъ и прямымъ вопросомъ. И то что онъ не смогъ этого сдѣлать, что понялъ, что и не долженъ этого дѣлать, дали ему толчокъ къ дальнѣйшимъ размышленіямъ.

Гдѣ бы онъ ни стоялъ, гдѣ бы ни сидѣлъ, куда бы ни влекло его сердце—вездѣ точно изъ земли передъ нимъ выростала необходимость стать инымъ, поднималась какая-то роковая сила, протягивающая руки за тѣмъ, чѣмъ ему казалось онъ уже свободно владѣетъ.

29.

Свадьба Ханка была отпразднована совершенно тихо. На первое время онъ съ молодой женой остался въ городѣ и лишь осенью собирался въ Парижъ. Беата не противорѣчила. Она думала, что когда настанетъ осень, будетъ виднѣе. Какъ всѣ мѣщаночки, выросшія въ преувеличенныхъ мечтахъ о свадебномъ путешествіи и довольствующіяся тѣмъ, что переѣзжая съ мѣста на мѣсто, выставляютъ на показъ свое, признанное обществомъ, счастье, такъ и она грезила о поѣздкѣ въ Италію. Насколько было въ силахъ, она старалась быть довольной въ прекрасныхъ помѣщеніяхъ, отдѣланныхъ Ханка въ виллѣ около Дёблина.

Но бывали минуты, когда она тайно признавалась себѣ, что, въ сущности, уже испытала жизнь въ уединенномъ домикѣ и устала отъ одиночества; что ей, наконецъ, хочется видѣть людей, улицы, балы и театры. Но она дѣлала видъ, что счастье Ханка для нея выше всего, притворялась, будто читаетъ книги, которыя онъ ей рекомендовалъ, любуется бюстами, гравюрами и разными objets d'art, которыми, благодаря своему вкусу и художественному пониманію, онъ окружилъ ее; казалась ошеломленной своимъ молодымъ счастьемъ, упоенной страстью; притворялась будто забыла весь свѣтъ и что рай, въ которомъ она живетъ, породилъ въ ней чувство молчаливаго благоговѣнія. Развѣ не бываетъ рукъ, которыя, ощипывая цвѣтокъ, какъ бы приносятъ въ то же время жертву Богу. Ханка чувствовалъ себя хорошо.

Втихомолку онъ даже сравнивалъ себя съ пуделемъ, лежащимъ на солнцѣ и хватающимъ на лету мухъ, такъ какъ принадлежалъ къ числу людей, что находятъ себя комичными въ счастьѣ. Онъ занимался историческими и политико-экономическими изслѣдованіями; съ отвращеніемъ вспоминалъ о прежней жизни, надѣялся на такое же свѣтлое будущее, какъ свѣтелъ залитый солнечными лучами горизонтъ надъ

моремъ. Черты лица Беаты сдѣлались здоровѣе и энергичнѣе. Подбородокъ закруглился, а вокругъ дугообразно изогнутыхъ губъ появилась самоувѣренная улыбка. Большею частью она находилась въ какомъ-то безпрерывномъ волненіи и движеніи, такъ что наблюдательному глазу это могло бы показаться даже болѣзненнымъ.

Иногда вдругъ казалось, что она какъ бы стыдится даже своихъ ногъ, рукъ, шеи и тогда у нея и на лицѣ появлялась такая же чувственно-стыдливая улыбка. Иногда она произносила такія вещи, въ которыхъ казалось таится какая-то упрямая и злобная мысль. Ханка продолжалъ казаться ей громаднымъ и серьезнымъ животнымъ, забавнымъ по своей важности. Она считала себя выше его, такъ какъ его образованность мало цѣнила, а свойство ума ей были непонятны. Изъ всѣхъ знакомыхъ, которые наполняли, по мнѣнію Ханка, вражескій станъ, онъ дѣлалъ исключеніе для одной только Натали. Къ ней у него осталось расположеніе дѣдушки и иногда даже появлялось желаніе послушать ея сбивчивую болтовню. Онъ обѣщалъ Беатѣ познакомить ее съ ней, но сначала хотѣлъ побывать тамъ одинъ, чтобы одному выслушать всѣ навязчивые вопросы и добродушно отвѣтить на нихъ. Въ этомъ заключалась частица трусости. Онъ засталъ Натали и Петру дома. Натали, уже здороваясь съ нимъ, прямо таки выходила изъ себя отъ любопытства и притворнаго негодованія. Казалось, тысячи вопросовъ, одинъ другого важнѣе, жгутъ ей небо. Ханка развалился въ креслѣ, посмѣиваясь, заложилъ ногу на ногу и состроилъ терпѣливо-комичное лицо. Натали не могла дольше выдержать.

— Докторъ!—воскликнула она.—Развѣ такъ женятся? И развѣ можно такъ являться ко мнѣ? Гдѣ Беата?

— Сначала мнѣ нужно произвести развѣдки, дорогая моя,—съ юморомъ отвѣтилъ Ханка.—Впрочемъ я очень радъ видѣть васъ.

Петра разсмѣялась; она часто смѣялась, когда повидимому не было ни малѣйшей причины для этого. Большею частью это случалось, когда молча составленное ею мнѣніе о какомъ-нибудь человѣкѣ вдругъ подтверждалось, и по существу этотъ смѣхъ былъ какъ бы легкимъ хваставствомъ ея знанія людей.

Вошла горничная и доложила о какомъ-то господинѣ Анзорге. Натали удивленно и сконфуженно кивнула головой и сейчасъ же послѣ этого вошелъ Арнольдъ. Ханка былъ страшно удивленъ. Онъ поочередно смотрѣлъ то на одного, то на другого изъ присутствующихъ, что привело Натали въ восхищеніе. Она показалась себѣ очень важной и сама начала находить въ посѣщеніи Арнольда что-то таинственное. Пока она здоровалась съ нимъ, Петра давала удивленному Ханка необходимыя разъясненія. Арнольдъ сѣлъ; онъ былъ молчаливъ и скупо отвѣчалъ на вопросы. Онъ надѣялся повидать Натали съ глазу на глазъ и теперь ему сдавалась, что вообще ее никогда нельзя застать одну. Натали чутьемъ угадывала это или что-то въ родѣ этого,

а потому смутилась. Она побаивалась мнѣнія о себѣ, что мало-по-малу втихомолку слагалось у Арнольда.

— А вы быстро освоились здѣсь,—сказалъ Ханка,—я не ожидалъ встрѣтить васъ въ самомъ центрѣ общества.

Несмотря на то, что ему было извѣстно какимъ образомъ это произошло, все-таки присутствіе Арнольда казалось ему необъяснимымъ и настолько же страннымъ, какъ если бы ему пришлось увидѣть пальму среди покрытаго льдомъ поля. Онъ привыкъ говорить съ Натали не иначе какъ сухо шутливымъ тономъ, вѣдь у каждаго человѣка имѣется для каждаго изъ своихъ друзей особое лицо.

Натали по своему объясняла себѣ это обращеніе и одобряла его.

Оба они умѣли за словами, которыми какъ бы играя, старались ввести другъ друга въ заблужденіе, угадывать настоящее обоюдное настроеніе, вслѣдствіе чего они не скучали вдвоемъ и не утомлялись. Сегодня же эта игра не улыбалась Ханкѣ. Безсознательно онъ стряхнулъ съ себя настроеніе настоящей минуты и впалъ въ прежнее, точно благодаря этому могъ стать ближе къ Арнольду. Такимъ образомъ случилось, что всѣ трое, не отдавая себѣ даже отчета въ этомъ, прислушивались къ молчанію Арнольда. Даже звукъ его голоса, когда онъ давалъ короткіе отвѣты, и то уже какъ бы мѣшалъ чему то. Но такъ какъ Натали была ненаходчива и инертна, то не смѣла окончательно подчиниться новому вліянію. Съ наивнымъ отчаяньемъ вглядывалась она въ лицо Арнольда, находила его носъ страннымъ, ротъ некрасивымъ, волосы слишкомъ гладкими и кончила тѣмъ, что робко, по дѣтски разсмѣялась, находя своихъ гостей слишкомъ спокойными и каждаго занятымъ своими мыслями. Петра многозначительно вздохнула. Она еще не утеряла способности иногда трясти рѣшетку своей клѣтки. Ханка поднялся и Арнольдъ рѣшилъ уйти вмѣстѣ съ нимъ. Натали попросила его посидѣть еще, но онъ, улыбаясь, покачалъ головой. Теперь онъ зналъ, что безполезно давать Натали то, съ чѣмъ онъ шелъ къ ней. Она подойдетъ къ зеркалу и если сказанное ей къ лицу, такъ украсится имъ, нѣтъ—такъ отбросить его въ сторону; поэтому онъ распрощался съ ней. Только оставшись наединѣ съ Ханка у него явилось чувство, что передъ нимъ тотъ же человѣкъ, котораго онъ зналъ въ Подолинѣ, раньше же Ханка ему казался какимъ-то чуждымъ и новымъ.

— Что вы, въ сущности, дѣлали?—спросилъ его тотъ на улицѣ.

Арнольдъ не зналъ, что отвѣтить.

Не умомъ, но инстинктивно всѣмъ своимъ существомъ онъ презиралъ и избѣгалъ все опошленное, ходовое. Развѣ возможно было въ короткомъ или даже длинномъ отвѣтѣ объяснить то, чего онъ хотѣлъ? И развѣ его желанія съ каждымъ днемъ не охватывали все болѣе широкіе горизонты, такъ какъ расширяется поле зрѣнія человѣка, восходящаго на гору. Но Арнольдъ всегда старался составить себѣ

самое ясное и опредѣленное понятіе о малѣйшихъ своихъ стремленіяхъ и тотчасъ же провѣрять значеніе всего, что жизнерадостно шевелилось въ его душѣ. Быть человѣчнымъ—вотъ что онъ считалъ для себя человѣчнымъ; послѣ этого, думалъ, важнѣе всего достигнуть сознательности и находилъ, что познать самому въ тысячу разъ полезнѣе, нежели быть понятымъ.

Что-то влекло его къ Ханка, потому что онъ чувствовалъ въ немъ выдающійся умъ, но у него не было въ распоряженіи никакихъ вспомогательныхъ средствъ, чтобы перекинуть мостъ между собою и имъ. Поэтому они разстались неувѣренные другъ въ другѣ и чуждыми. Правда, у Ханка осталось чувство, что онъ, томимый жаждой, прошелъ мимо колодца, не утоливъ ее. Вернулся онъ домой задумчивый. Беата лежала, развалившись въ chaise longue и неподвижно уставясь въ пространство.

— Беата, ты спишь? — отечески спросилъ ее Ханка.

Она съ усиліемъ закатила глаза и отвѣтила, нетерпѣливо подергивая подъ платьемъ ногами:

— Мнѣ скучно, скучно мнѣ!

Ханка былъ пораженъ и молчалъ. Беата встала, зѣвая, подняла руки и, точно для объятія, нехотя протянула ихъ передъ собой. На спокойное предложеніе Ханка прокатиться, она волнуясь стала переодѣваться и вскорѣ уже съ праздничнымъ лицомъ сидѣла въ экипажѣ рядомъ съ мужемъ. На ея просьбу сообщить ей о Наталй, онъ принялся разсказывать.

Въ то время какъ онъ обстоятельно и вдумчиво излагалъ свои мысли, Беата глазами пожирала прохожихъ на улицѣ и не замѣтила даже, когда Ханка вдругъ оборвалъ рѣчь и добродушно насмѣшливо усмѣхнулся. «Она молода, полна жизни и жаждетъ ея», подумалъ онъ про себя, почувствовавъ къ ней приливъ нѣжности; затѣмъ положилъ ногу на ногу и пустилъ въ свѣжій весенній воздухъ дымъ сигары, словно сельскій священникъ, преисполненный примиряющихъ чувствъ. Беата прижалась къ нему, какъ будто ей хотѣлось выказать ему свою благодарность, а между тѣмъ, она съ безграничной хитростью придумывала, какимъ бы способомъ вынудить у него разныя обѣщанія. Но то, чего ей хотѣлось, она не съумѣла бы назвать, такъ какъ у нея было больше желаній, нежели мыслей. На что бы ни направлялось ея воображеніе, но, въ концѣ, концовъ оно всегда сводилось къ какимъ-нибудь желаніямъ; даже во снѣ по ея лицу пробѣгали тѣни ихъ, такъ что оно походило на облачное небо въ бурную лунную ночь. Чтобы найти себѣ занятіе, она придумывала, какъ бы придраться къ прислугѣ, писала письма людямъ, созданнымъ ея собственной фантазіей, разсказывала романтическіе сны, часто по дѣтски сочиненные ею, бывала жестока съ нищими, клеветала на людей, съ которыми обмѣнялась всего нѣсколькими словами. Какъ-то обнаружилось, что она въ бе-

сѣдкѣ повѣсила за ноги кошку. Ханка сталъ упрекать ее за это. Когда послѣ онъ взялъ книгу и началъ читать, она порывисто обняла его и укусила за ухо. Ханка, широко раскрывъ глаза и поймавъ ея сверкнувшій нетерпѣніемъ, почти даже ненавистью взглядъ, безмолвно уставился на нее. Она сдѣлалась мрачной, схватила книгу журнала и стала ее безцѣльно перелистывать. Она и не помышляла о томъ, что нужно выяснить себѣ характеръ человѣка, съ которымъ живешь. Все въ немъ казалось ей столь близкимъ, что умъ ея, такъ сказать, ничего не могъ видѣть въ немъ, а лишь ощупывать.

Ей хотѣлось, чтобы около нея разыгрывались страсти, а она съ спокойнымъ невиннымъ видомъ наблюдала бы ихъ, хотѣлось бы ударами кнута заставить плясать вокругъ себя даже мертвые камни.

Ханка, само собою, чувствовалъ себя господиномъ. Жить иначе было для него немыслимо. Быть счастливымъ по его мнѣнію, значило быть независимымъ и быть въ состояніи давать самостоятельную оцѣнку не только собственному чувству, но и чувству другихъ. А такъ какъ онъ настойчиво стремился къ душевной ясности и внутренней увѣренности, то въ дѣлахъ чисто внѣшнихъ часто выказывалъ излишнюю довѣрчивость. Струнка, которую скорѣе всего открываютъ и на которой чаще всего играютъ люди, не заслуживающіе довѣрія.

Ночью Ханка не могъ спать. Онъ отвернулъ кнопку электрической лампочки и попробовалъ читать, но каждое слово въ отдѣльности выступало изъ рамокъ предложенія, а то, что хотя и воспринималось сознаніемъ, оказывалось чѣмъ-то туманнымъ и безсмысленнымъ. Тогда онъ облокотился на руку и сталъ разсматривать лицо Беаты. И вдругъ оно показалось ему до такой степени чуждымъ, что онъ даже слегка испугался. Судорожно сжатыя вѣки заставляли еле замѣтно дрожать темныя полосы рѣсницъ. Выпуклый лобъ былъ влаженъ, бѣлые виски содрагались подъ напоромъ крови. Губы шевелились, произнося неслышныя слова, придававшія, можетъ быть, лицу его скрытное и грубое выраженіе. Чтобы избавить ее отъ мучительнаго сна, Ханка слегка дотронулся до ея плеча. Проснувшись и посмотрѣвъ на него влажными, сонными глазами, она сейчасъ же обхватила его шею руками и и такъ крѣпко прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ, что онъ даже одеревенѣлъ и не рѣшался шевельнуться.

— Ахъ, Александръ, — шептала молодая женщина измѣнившимся голосомъ,—ты долженъ мнѣ сдѣлать одинъ подарокъ. Купишь, да?

Ей хотѣлось имѣть цѣпочку съ жемчугомъ, которую она видѣла у ювелира.

— Я никогда и ничего больше не стану у тебя просить, если ты купишь мнѣ эту цѣпочку,—сказала она.

Ханка обѣщалъ. Но потомъ задумался и замолчалъ. Въ немъ шевельнулось недовольство. Страсти могли вызвать въ немъ настроеніе податливости, но когда онѣ просачивались до его сознанія, то ихъ

ждалъ холодный анализъ и безпощадная оцѣнка. И все-таки во всѣхъ своихъ помыслахъ онъ считалъ Беату величайшей драгоцѣнностью своей жизни. Что онъ самъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ безсознательной силы, уже очень рано связалъ свою судьбу съ ея—казалось ему особенно утѣшительнымъ указаніемъ судьбы.

30.

Къ Пасхѣ Барромео былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена Франца-Іосифа. Онъ отнесся къ этому знаку отличія вполнѣ хладнокровно и даже, какъ человѣкъ, не любящій быть предметомъ общественнаго вниманія, чувствовалъ себя сконфуженнымъ. Онъ даже не показывался въ то время, когда его жена принимала безчисленныхъ визитеровъ. Въ немъ охладѣла любовь къ обществу. Какъ-то послѣ обѣда Арнольдъ вошелъ въ гостиную Анны Барромео и засталъ тамъ Потчиссера и Хиртля. Онъ спросилъ хозяйку, что ей отъ него угодно, такъ какъ она за нимъ посылала. Она отвѣтила, что желаетъ его познакомить съ господиномъ Потчиссеромъ. Арнольдъ не зналъ, какъ ему отнестись къ этой женщинѣ. Ея показная (всегда ровная) веселость не позволяла заглянуть ей въ душу. Она двигалась, улыбалась, говорила и молчала, какъ человѣкъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зеркалами. Госпожу Барромео вызвали изъ комнаты. Ее спрашивалъ какой-то биржевой агентъ, имѣющій до нея безотлагательное дѣло. Потчиссеръ разсказывалъ о большомъ обѣдѣ, который намѣревался дать, и обратился къ Арнольду со словами:

— Я надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя?

Въ немъ меньше всего было самоувѣренности золотого туза, а скорѣе чувствовалось что-то вибрирующее,—свойство, присущее счастливымъ игрокамъ. Онъ игралъ брелоками своихъ часовъ съ тою же невыдержанною серьезностью, съ какою обдѣлывалъ и свои разнообразныя дѣла.

Анна Барромео вернулась и съ обманчивою живостью произнесла:

— Я сейчасъ узнала нѣчто очень интересное, друзья мои, завтра въ парламентѣ будетъ сдѣлана интерпеляція по дѣлу Алассера.

— Поздно. Сенсація, вызванная имъ, уже давно улеглась,—мечтательно произнесъ Хиртль.

— Даже обѣщаютъ маленькій скандалъ,—замѣтилъ Потчиссеръ съ своей обычной разсѣянно-веселой улыбкой.

— Ну, Арнольдъ, вѣдь это нѣчто для тебя. Въ Подолинѣ, ты навѣрно, кое-что слышалъ объ этомъ?—Анна Барромео втянула губу между зубовъ. Было ясно, что ее волновало не это, для нея совершенно безразличное, обстоятельство, а нѣчто другое, что она хотѣла скрыть.

Арнольдъ обхватилъ колѣно своими большими руками, съ которыхъ еще не успѣлъ сойти деревенскій загаръ. Онъ совершенно спо-

койно рѣшилъ, что пойдетъ въ парламентъ, гдѣ будутъ говорить объ Алассерѣ. Хиртль откланялся.

Такъ какъ Арнольдъ также поднялся съ мѣста и стоялъ вблизи дверей, то онъ ему какъ-то необыкновенно сердечно пожалъ руку и сказалъ:

— Пришли бы вы какъ-нибудь на часочекъ ко мнѣ. Я такъ скучаю.

Эти немногія слова звучали въ высшей степени искренне. Арнольдъ посмотрѣлъ ему въ глаза, дружески улыбнулся и обѣщалъ зайти.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ слѣдующаго утра. Когда онъ явился въ парламентъ и занялъ на галлереѣ одно изъ предназначенныхъ для слушателей мѣстъ, внизу было еще совершенно пусто. Но мало по малу ряды наполнялись, да и вокругъ него мѣста занимались слушателями. Если въ первую минуту получалось впечатлѣніе торжественности, въ значительной степени вызванное красотой помѣщенія и знаменитымъ соразмѣрнымъ освѣщеніемъ, то потомъ когда уже ясно можно было разглядѣть большинство сидящихъ въ залѣ фигуръ членовъ парламента, а наверху зрителей—впечатлѣніе совершенно исчезало, потому что всѣ лица были искажены, точно какими-то инструментами пытки придали имъ выраженіе издѣвательства, жадности, страсти, отсутствіе даже намека на что-либо духовное, злобнаго выжиданія, невѣжества, скуки, недоброжелательства и фанатической ненависти. Но пока Арнольдъ довольствовался сознаніемъ, что здѣсь собрались законодатели страны и частица самого этого народа, желающаго узнать своихъ отцовъ и судей; слѣдовательно, лучше послушать, что они скажутъ, нежели разсматривать, и подождать, прежде, чѣмъ осуждать. Сначала нужно видѣть и поучиться, думалъ онъ, прислушиваясь къ началу преній; вдругъ его поразилъ внизу страшный шумъ точно во время собранія въ крестьянскомъ кабакѣ.

Дѣло въ томъ, что какъ только было произнесено имя Алассера, такъ тотчасъ же поднялся оглушительный крикъ, посыпался градъ ругательствъ и издѣвательствъ, многіе поднялись съ мѣстъ, жестикулировали и ревѣли. Даже сосѣди Арнольда начали хохотать и свистать, взбирались на скамейки и всячески оскорбляли жидовъ и имъ подобныхъ. Разумѣется, вожаки противной партіи тоже не уступали и съ своей стороны пробовали силу своихъ легкихъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ добился слова; но онъ заговорилъ совсѣмъ не о томъ, чего требовало дѣло и данный случай. Никто не понималъ, какимъ образомъ доберется онъ до сути—да никто и не обращалъ вниманія на то, что онъ говорилъ. Посреди его бранной беззастѣнчивой рѣчи вдругъ опять раздался громкій хохотъ, многіе снова начали кричать, свистать, шикать и это продолжалось по меньшей мѣрѣ съ четверть часа, такъ что нельзя было разобрать ни единаго слова. Лицо Арнольда залила краска стыда. Онъ громко сказалъ что-то толстяку, сидѣвшему рядомъ съ нимъ, со лба котораго скатывались крупныя

капли пота, но оказалось, что толстякъ спитъ. Арнольду стало противно. Онъ покинулъ галлерею, пробѣжалъ по лѣстницѣ и корридорамъ и очутился въ чудномъ украшенномъ колоннами залѣ, гдѣ неожиданно къ нему подошелъ изысканно одѣтый молодой человѣкъ, протянулъ ему руку и съ выраженіемъ величайшаго удивленія воскликнулъ:

— Арнольдъ Анзорге!

Арнольдъ посмотрѣлъ и узналъ въ немъ Максима Шпехта. Но всѣ его чувства такъ были заняты только что видѣннымъ и слышаннымъ, что онъ разсѣянно и безучастно взглянуть на знакомое, но уже нѣсколько забытое лицо бывшаго учителя.

Шпехтъ смѣялся и, повидимому, былъ очень доволенъ своими сатирическими замѣчаніями по поводу парламентскаго засѣданія. Онъ казался какъ бы начиненнымъ разными новостями и извѣстіями, а также любопытствомъ, довольствомъ, жизнерадостностью и знаніемъ людей. Арнольдъ, по его просьбѣ, сообщилъ ему свой адресъ и потомъ они разстались. Уже на улицѣ Арнольдъ больше не думалъ объ этой встрѣчѣ. Пульсъ его лихорадочно бился. Многое, въ чемъ еще наканунѣ онъ былъ такъ увѣренъ и къ чему такъ стремился, теперь возбуждало въ немъ лишь тягостное недовѣріе.

Около часа сидѣлъ онъ за книгами, когда за нимъ прислала Анна Барромео. Горничная провела его въ маленькую комнатку. Убранство ея, какое-то изнѣженное, и тѣснота отъ множества вещей произвели на него непріятное впечатлѣніе. Анна лежала на оттоманкѣ; на ней было бѣлое, широкое, покрывавшее ей ноги и свѣшивавшееся сбоку, точно исполинскій лепестокъ, одѣяніе.

Голова ея была запрокинута назадъ и глаза закрыты. При входѣ Арнольда она медленно подняла вѣки и сдѣлала ему знакъ рукой подойти ближе. Тотчасъ послѣ этого она повернула голову, и лучистые глаза ея блеснули сѣро-голубымъ свѣтомъ.

— Ты видишь меня въ величайшемъ затрудненіи и страхѣ, Арнольдъ,—начала она спокойнымъ голосомъ.—Я обращаюсь къ тебѣ, потому что ты можешь помочь мнѣ;—она оперлась на локоть, приподнялась и выжидательно посмотрѣла на него.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Арнольдъ.—я охотно помогу.

— Этого не достаточно,—отвѣтила она враждебно и, притянувъ къ себѣ шлейфъ платья сѣла и скрестила на груди руки.—Мнѣ не только нуженъ человѣкъ, который помогъ бы, но и человѣкъ, который потомъ съумѣлъ бы молчать объ этомъ. Ну, что до этого, такъ ты съумѣешь помолчать, ты скрытенъ, ты мужчина. Но и этого еще мало; надо, чтобы даже долгъ не могъ принудить тебя нарушить это молчаніе. Почему ты не садишься, Арнольдъ?

Арнольдъ опустился въ одно изъ низенькихъ, мягкихъ креселъ.

— Сначала я долженъ знать, въ чемъ дѣло,—холодно замѣтилъ

онъ, и губы его продолжали шевелиться и послѣ того, какъ онъ кончилъ говорить. Ему не нравились выраженія, употребляемыя Анной Барромео.

— Мнѣ еще сегодня необходимо имѣть 20 тысячъ гульденовъ,— сказала она и неподвижно уставилась ему прямо въ глаза. Онъ замѣтилъ, какъ на ея лицѣ проступила забота, и невольно его собственное становилось мягче и добрѣе.

«Деньги!»—съ удивленіемъ подумалъ онъ.—«Ну эту-то помощь я могу оказать».

Анна Барромео продолжала:

— Я задолжала на биржѣ, всю эту недѣлю играла несчастливо. Долгъ этотъ мучаетъ меня; впрочемъ, тебѣ не понять этого, Арнольдъ! А все-таки...—Она встала и все еще со скрещенными на груди руками принялась ходить взадъ и впередъ по тѣсной комнаткѣ.

— Я охотно дамъ тебѣ деньги,—спокойно сказалъ Арнольдъ.—Ты сегодня же получишь ихъ.

Анна Барромео продолжала ходить взадъ и впередъ, точно не разслышала. Потомъ остановилась около него и положила ему руку на правое плечо. Его точно толкнуло что-то. Обернувшись къ ней онъ увидалъ близко-близко надъ собою ея бѣлый подбородокъ и ярко красныя губы, но все это казалось ему лишь страннымъ и онъ внутренно желалъ, чтобы она поскорѣе отошла отъ него.

— Барромео не долженъ знать объ этомъ,—произнесла она съ тѣмъ же враждебнымъ выраженіемъ, какъ и раньше. Теперь она отошла къ окну, точно не желая мѣшать ему, такъ какъ видѣла, что наступила рѣшительная минута.—Раньше чѣмъ отвѣтить мнѣ, Арнольдъ, подумай хорошенько,—сказала она на этотъ разъ довольно ласково. Арнольдъ поднялся. Подойдя къ столу, онъ вырвалъ листокъ изъ своей чековой книжки, которую носилъ въ карманѣ, взялъ перо, подписался на немъ и подалъ его Аннѣ. Она поблагодарила и онъ ушелъ. Придя къ себѣ, онъ растворилъ окно, сѣлъ верхомъ на стулъ и задумчиво сталъ смотрѣть на небо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
*

...И годы идутъ—не потоки шумливые,
А капли нѣмыя дождя,
И гаснутъ, и таютъ мечты горделивыя,
За ними навѣкъ уходя.

И силы уходятъ—въ тоскѣ ожиданія,
Не въ бодромъ и славномъ бою,
И радости мелки, и блѣдны страданія,
И больно за юность свою.

И все же—да здравствуетъ жизнь и движеніе,
И счастья далекій приходъ,
И тайна, и вѣчно-живое стремленіе
Куда-то впередъ и впередъ!

Да здравствуютъ слезы и радость нежданная,
И солнечный лучъ сквозь туманъ,
И вѣчно живая надежда туманная,
И этой надежды обманъ.

Да здравствуетъ жажда безсмертно-живущая
Кипѣть, волноваться и жить!
Тебѣ моя пѣсня! Тебя, всемогущая,
Хочу я любить!

Л. Василевскій.

ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Повѣсть въ письмахъ).

(*Окончаніе* *).

Чрезъ нѣсколько дней мы переѣхали на дачу.

Моя молодежь—Лиза, сестра Ильи, и нашъ студентикъ—переѣхали вмѣстѣ со мной и съ ними мнѣ было точно легче.

Они оба такіе молодые, такъ нетронуты еще жизнью и жизнь эта кажется имъ еще такой радостной, такой прекрасной... такой же, какой казалась когда-то и мнѣ самой.

Лизѣ еще только 17 лѣтъ, но на видъ ей можно дать всѣ 20, такая она рослая, крупная, съ пышной грудью, яркимъ румянцемъ и длинною, густою, руссою косой—настоящая русская красавица. И глаза у нея такіе славные, свѣтлые, большіе, веселые и никакой мысли въ нихъ еще не чувствуется. Просто глядятъ они на міръ Божій и радуются. Радуются всему, что видятъ, все имъ еще ново и интересно. Когда ей что нибудь кажется особенно забавно, она начинаетъ смѣяться такимъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ, что, глядя на нее, поневолѣ дѣлается веселѣе на душѣ и жизнь начинаетъ казаться отраднѣе.

Я очень люблю мою Лизу; она, сама того не подозрѣвая, точно спрыснула меня живой водой, о которой поется въ старыхъ сказкахъ.

Студентикъ тоже попался премилый и тоже такой еще юный, что почти не научился еще ходить, какъ ходятъ взрослые люди, а все еще предпочитаетъ бѣгать въ прискочку, какъ бѣгаютъ 12-лѣтніе мальчики. Онъ не можетъ видѣть равнодушно ни одной канавы, чрезъ которыя его ноги, какъ то уже сами собой, непремѣнно перепрыгиваютъ. Но тѣмъ не менѣе онъ уже изъ «почитывающихъ и размышляющихъ», какъ онъ самъ о себѣ выражается и съ такимъ же азартомъ кричитъ и споритъ о Боклѣ и Миллѣ, съ какимъ по вечерамъ играетъ съ Лизой и дѣтьми въ пятнашки.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ 1903 г.

Конечно, вся эта компанія быстро сдружилась; они съ Лизой еще такъ молоды, что дѣти не только не мѣшаютъ имъ, но скорѣй даже дополняютъ ихъ самихъ.

Разумѣется и то, что студентикъ немедленно же влюбился въ Лизу, а она слегка въ него; но Лиза простая институтка, и въ своей наивности еще не дошла до прелести пониманія Бокля и Дарвина и рѣшенія міровыхъ вопросовъ, а потому нашъ студентикъ «считаетъ своей нравственной обязанностью» не столько ухаживать за ней, сколько развивать ее, но и ухаживаніе, и развиваніе идутъ плохо, потому что въ душѣ каждому изъ нихъ нравится еще гораздо больше бѣгать взапуски чрезъ канавы и задавать невообразимые концерты, передразнивая всѣхъ деревенскихъ кошекъ и собакъ, чѣмъ «мыслить и любить».

Съ этой маленькой компаніей, которая уже однимъ своимъ присутствіемъ вноситъ столько шуму и оживленія въ мою тихую, однообразную жизнь, стало легче на душѣ и у меня.

Я старалась ни о чемъ не думать, про все забыть, ничего не вспоминать, а просто глядѣть только на мою молодежь и хоть сколько-нибудь заражаться ея жизнерадостностью.

Въ томъ шумѣ, который они создавали вокругъ меня своимъ бѣганьемъ, крикомъ, споромъ, смѣхомъ и звонкими пѣснями, до которыхъ оба они, обладая очень недурными голосами, были страстными охотниками, это удавалось довольно легко, и все то первое время я жила какой-то чисто внѣшнею жизнью, такъ сказать «поверхностью души», не заглядывая и не прислушиваясь къ глубинѣ ея—куда заглядывать было и больно, и жутко.

Усадьба намъ попалась тоже чудесная. Немножко ветхая и запущенная, но зато надъ самой Волгой и съ огромнымъ старымъ садомъ, спускающимся по крутому обрыву прямо къ рѣкѣ.

Этотъ домъ, старинной постройки съ зелеными ставнями и бѣлыми колоннами, уже полусгнившими и покосившимися теперь, этотъ заросшій садъ напоминали мнѣ мою милую Ольховку, а когда пріѣхалъ къ намъ еще и Сережа, прогостившій у насъ мимоѣздомъ въ Сибирь больше мѣсяца, — иллюзія Ольховки стала еще полнѣе.

Часто бывало садились мы съ нимъ по вечерамъ на крылечкѣ или уходили къ обрыву надъ рѣкой и просиживали тамъ цѣлыми часами, смотря на затихавшую Волгу съ ея задумчивыми въ вечерній часъ берегами, съ которыхъ вѣяло такою тишиной, такимъ просторомъ, терявшимся гдѣ-то далеко, далеко за сливавшимся съ нимъ горизонтомъ; и охваченной, бывало, этимъ мирнымъ покоемъ, мнѣ невольно начинало казаться, что я не въ чужомъ городѣ, къ которому все не могла привыкнуть, а опять въ своихъ родныхъ милыхъ мѣстахъ... Такъ же задумчиво сгущались въ саду

сумерки, такъ же пышно цвѣли яблони, такъ же пѣли въ кустахъ сирени соловьи, такъ же сидѣлъ опять подлѣ меня мой Сережа и только въ душѣ моей была какая-то странная пустота и свобода... точна она никому не принадлежала, точно никого никогда не любила и только смутно ждала теперь чего-то...

И вотъ разъ, когда мы съ нимъ такъ сидѣли, надъ этимъ обрывомъ, вдали на дорожкѣ, ведшей къ намъ, показался N.

Онъ шелъ прямо къ намъ и первый его увидалъ Сережа.

— Смотри, Катюша,—сказалъ онъ мнѣ,—кто-то идетъ сюда, кто это?

Я обернулась, узнала N и опять, какъ тогда и на пароходѣ, вспыхнула вдругъ совсѣмъ безпричинно и неожиданно для себя самой.

— Это,—сказала я, чувствуя сама что-то смущенное въ своемъ голосѣ,—это N, товарищъ мужа по университету.

Мнѣ показалось, что Сережа какъ-то особенно внимательно посмотрѣлъ на меня при этомъ, и, вообразивъ это, я покраснѣла еще больше, досадуя на себя и на этого, въ сущности, чужого мнѣ человѣка, о существованіи котораго я совсѣмъ забывала, не видя его, но присутствіе котораго каждый разъ заставляло меня какъ-то странно волноваться и смущаться.

Но размышлять объ этомъ было уже поздно. N былъ уже совсѣмъ недалеко отъ насъ. Мы поднялись и пошли къ нему на встрѣчу.

— Мнѣ сказали,—заговорилъ N, подойдя къ намъ,—что вы въ саду у обрыва; я пошелъ наугадъ и вотъ нашелъ васъ.

— Да,—сказала я, для того только, чтобы что нибудь сказать и скрыть свое глупое смущеніе,—это наше любимое мѣсто.

И я познакомила ихъ съ Сережей. Они молча, безъ большой готовности протянули другъ другу руки и довольно пытливо осмотрѣли при этомъ одинъ другого.

Потомъ мы повернули всѣ вмѣстѣ къ дому, и я придумывала, чѣмъ бы мнѣ, разъ что онъ уже пріѣхалъ, занять этого, почти незнакомаго и, къ тому же, судя по его репутаціи, такого труднаго еще человѣка, и рѣшительно не знала, что намъ съ нимъ дѣлать и о чемъ говорить.

Но онъ шелъ рядомъ съ нами такъ просто и говорилъ такъ спокойно, точно привыкъ бывать у насъ каждый день, и мало-помалу успокоилась и я сама.

Въ домѣ насъ встрѣтила молодежъ и старшія дѣти, сначала тоже слегка примолкнувшія при чужомъ.

Борисъ, видимо уже успѣлъ разсказать Лизѣ о своемъ молодомъ профессорѣ, и она исподтишка, но съ большимъ любопытствомъ разсматривала его.

Сначала всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, и разговоръ не клеился, какъ это бываетъ почти всегда, когда въ маленькую, тѣсно сплотившуюся между собой компанію, неожиданно является новое, постороннее лицо. Къ тому же N вообще слылъ за человѣка малопривѣтливаго и неразговорчиваго. Говорили, что онъ одушевляется только на каѳедрѣ, на которой весь преображается, и читаетъ, особенно, когда бываетъ въ ударѣ, такъ сильно и интересно, что вся аудиторія заслушивается его, и студенты, въ обыкновенное время скорѣй побаившіеся, чѣмъ любившіе его, благодаря его холодному, сдержанному виду, такъ охотно ходятъ на его лекціи, что онѣ всегда бываютъ переполнены.

Зато въ обществѣ, сколько мнѣ ни приходилось встрѣчать его, онъ всегда говорилъ мало, больше односложно и въ рѣчи его чувствовалась та неопредѣленность и неохота, съ которой говорятъ вообще люди, не любящіе не только высказываться, но даже просто говорить.

На этотъ разъ, онъ, однако, разговаривалъ, если не много, то все-таки довольно охотно, и дѣти были первыя, которыя перестали дичиться его и забыли объ его присутствіи; за ними разговорились Борисъ, нашъ студентикъ, и Лиза, а черезъ часъ мы всѣ уже бесѣдовали такъ весело и непринужденно, точно, дѣйствительно, были старые знакомые, и я уже удивлялась, почему онъ мнѣ раньше казался такимъ суровымъ и труднымъ, что несмотря на всю ту симпатію, которую чувствовала къ нему въ душѣ, я почти испугалась, когда онъ пріѣхалъ.

Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ если не изъ тѣхъ, которые умѣютъ занимать, то изъ тѣхъ, которыхъ не надо занимать; къ тому же у насъ всѣхъ оказался съ нимъ одинъ общій, невольно сближающій всегда стимулъ: музыка.

Онъ былъ страстный музыкантъ и все свободное свое время посвящалъ музыкѣ.

Это разомъ сблизило его съ Лизой, у которой былъ прекрасный, свѣжій, хотя и мало еще обработанный голосъ, и она страстно любила пѣть.

Подъ конецъ, когда онъ самъ предложилъ ей аккомпанировать, она уже такъ расхрабрилась, что охотно обѣщалась ему пѣть въ слѣдующій разъ, а онъ обѣщалъ привезти ей изъ города новыя ноты.

Вечеръ прошелъ совсѣмъ незамѣтно и когда онъ собрался уѣзжать, мы всѣ удивились, какъ быстро прошло время, и пожалѣли, что онъ уже ѣдетъ. Я даже предложила ему остаться ночевать, но онъ пріѣхалъ верхомъ и не могъ остаться.

— Лучше я скорѣй сберусь къ вамъ вторично, если позволите,—сказалъ онъ намъ на прощанье.

Конечно, я поспѣшила сказать ему, что мы всѣ будемъ этому очень рады, и онъ уѣхалъ.

Но и послѣ него мы разошлись еще не скоро.

Онъ точно взбудоражилъ насъ всѣхъ и выбилъ изъ обычной колеи. Почему-то онъ всѣхъ заинтересовалъ и по его отъѣздѣ всѣ стали разспрашивать о немъ Бориса, который, впрочемъ, и самъ почти ничего не зналъ и такъ плохо удовлетворялъ наше расходившееся любопытство, что Лиза даже разсердилась и объявила, что не стоитъ его слушать, потому что онъ самъ толкомъ ничего не знаетъ и только фантазируетъ.

Тогда Борисъ разсмѣялся и сказалъ:

— Да вотъ подите-ка, разберите его сами, коли вы такая любопытная, а у насъ еще никто его не раскусилъ.

— Почему же?—спросила я.

— Да Богъ его знаетъ почему,—сказалъ Борисъ, пожимая плечами,—загадка онъ какая-то ходячая. Ужъ больно изъ своей скорлупки выходить не любитъ.

— Эти загадки,—сказалъ вдругъ молчавшій все больше Сережа какимъ-то непріязненнымъ тономъ,—часто бываютъ похожи на пустой орѣхъ: грызешь, грызешь, никакъ кажется не разгрызть, а разгрызъ, наконецъ, и оказывается, что внутри одна пустота, ничего нѣтъ!

Лиза обидѣлась за N и разсердилась на Сережу за такой отзывъ о немъ. Меня эти слова тоже немного покоробили и я съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Мнѣ еще съ первой же минуты почудилось въ Сережѣ какое-то предубѣжденіе противъ N, и онъ одинъ былъ весь этотъ вечеръ неразговорчивъ и даже точно не въ духѣ.

Меня это удивило и огорчило; обыкновенно Сережа отличался необыкновенной мягкостью и деликатностью ко всѣмъ людямъ и склоненъ былъ приписывать имъ скорѣе лучшія качества, чѣмъ худшія, и вдругъ теперь такъ, безъ всякой причины относится видимо враждебно и несправедливо къ человѣку, котораго даже не зналъ.

— Не знаю,—сказала я ему тоже немного сухо,—чѣмъ N заслужилъ такое странное сравненіе!

И мы разошлись, слегка какъ будто недовольные другъ другомъ.

Но я долго еще не могла заснуть. Ночь была душная и беззвѣздная; въ воздухѣ чувствовалась гроза, которую я всегда предчувствую заранѣе, на небѣ изрѣдка вспыхивали отдаленныя молніи, а гдѣ-то вдали грохоталъ глухо громъ. Я лежала съ открытыми глазами, машинально прислушиваясь къ нему, и опять жизнь рядами картинъ стала проходить предо мною, какъ въ тотъ

вечеръ, когда я вернулась домой одна, проводивъ мужа. Но теперь онѣ, эти картины былого, уже не волновали и не трогали меня почему-то, какъ тогда. Онѣ точно уже отошли отъ меня еще дальше и я смотрѣла на нихъ, когда память воскресала ихъ предо мною, спокойно, почти какъ посторонній зритель.

Точно все это было не со мною, а съ кѣмъ-то другимъ, про кого я только все знала.

— Да, говорила я себѣ, вотъ это все было, все это я уже знаю и оно уже пережито и ушло, а что же будетъ теперь и потомъ дальше еще?

И сознаніе того невѣдомаго, что поджидало меня гдѣ-то впереди, охватывало какимъ-то жуткимъ, тревожнымъ ожиданіемъ, хотѣлось отгадать, хотѣлось заглянуть въ эту неизвѣстность, и точно страшно было, и я говорила себѣ: «не надо, не надо», и не хотѣла прислушиваться къ тому инстинкту, который точно что-то подсказывалъ мнѣ!

На другой день, едва мы всѣ собрались, разговоръ опять перешелъ сейчасъ же на N. Снова поднялись споры, догадки и разсужденія о немъ, которые заводили Борисъ и Лиза, а я слушала ихъ съ какимъ-то страннымъ удовольствіомъ и... и нарочно старалась наводить ихъ на эту тему.

Такъ прошла недѣля, и въ эту недѣлю я уже не забыла о существованіи N, какъ забывала раньше.

Мысль моя сама собой, помимо моей воли возвращалась къ нему. Я ловила на томъ себя и мнѣ было и досадно, и пріятно думать о немъ и въ то же время какъ-то точно слегка совѣстно предъ самой собою, а главное предъ Сережей, съ которымъ я не говорила объ N ни одного слова; но онъ вѣрно самъ угадывалъ всѣ мои мысли и смущалъ меня своими пытливыми и грустными взглядами, которые я все чаще и чаще чувствовала на себѣ.

Чрезъ недѣлю N пріѣхалъ и хотя я была почти увѣрена, что онъ пріѣдетъ опять, если ужъ пріѣзжалъ разъ, но когда онъ вошелъ, я вспыхнула еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и сердце забилось такъ сильно и радостно при видѣ его, что я даже не смогла скрыть своего удовольствія.

Всѣ встрѣтили его радостными восклицаніями, а Лиза покраснѣла еще сильнѣе меня; но не странно ли, какъ только намъ женщинамъ начинаетъ кто-нибудь серьезно нравиться, мы сейчасъ же превращаемся въ какихъ-то дѣвочекъ и начинаемъ вспыхивать и смущаться и въ 34 года такъ же легко, какъ и въ 17 лѣтъ.

Я старалась притворяться спокойной и равнодушной, но чувствовала сама, какъ нервное оживленіе, охватившее меня при входѣ его, невольно прорывается въ каждомъ движеніи, и въ звукахъ голоса и въ горячемъ румянцѣ, которымъ вдругъ разго-

рѣлось мое лицо, и въ той предательской радостной улыбкѣ, которую я никакъ не могла согнать съ своего лица, а глаза мои вѣрно такъ блестѣли, что сидѣвшій рядомъ со мною Воликъ вдругъ выдалъ меня еще больше.

— Ахъ, мама,—сказалъ онъ съ тою наивною откровенностью, которою дѣти такъ часто ставятъ насъ въ ужасное положеніе,—какіе у тебя сегодня глаза блестящіе, точно хрустальные!

Всѣ засмѣялись и поневолѣ обратили вниманіе на мои несчастные предательскіе глаза, которыми я до сихъ поръ не научилась владѣть какъ слѣдуетъ, начали и поддразнивать меня, и шутить на мой счетъ, чѣмъ еще больше приводили меня въ смущеніе.

Но и самъ N тоже казался не такимъ, какъ всегда; судя по прежнимъ нашимъ встрѣчамъ я даже не думала, что онъ можетъ быть такимъ милымъ и оживленнымъ; онъ такъ весело шутилъ съ Борисомъ и Лизой, такъ искренно смѣялся съ ними и съ дѣтьми, что даже обычное выраженіе его лица совсѣмъ измѣнилось, и я рѣшительно не узнавала его.

Со мною онъ почти не говорилъ, но какъ-то такъ выходило, что всѣ его рѣчи, такъ или иначе, касались непремѣнно меня, точно я была единственной темой, и когда онъ на минуту останавливалъ на мнѣ глаза свои, они свѣтились такой нѣжностью и лаской, что мнѣ вдругъ дѣлалось такъ радостно и весело на душѣ, какъ это бывало только въ ранней молодости!

Въ тотъ день онъ пріѣхалъ рано и до обѣда мы всѣ пошли гулять.

Но вотъ тоже странная черта, которую я подмѣтила въ себѣ въ то время: ты вѣдь знаешь, какъ я люблю моихъ дѣтей; но каждый разъ при N мнѣ было непріятно видѣть ихъ подлѣ себя и я инстинктивно искала предлога удалить ихъ, конечно, кромѣ Волика, который уже почти всегда тамъ, гдѣ я.

И вотъ мы вышли тогда всей нашей маленькой компаніей въ садъ пройтись немного передъ обѣдомъ.

Былъ яркій солнечный день, но утромъ предъ тѣмъ прошелъ проливной дождь и на дорожкахъ сада мѣстами, еще оставались дождевыя лужи, въ которыхъ весело играло солнце и отражалось голубое небо. Это былъ Духовъ день, мы съ Лизой обѣ были въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, и въ этихъ свѣтлыхъ платьяхъ, въ этихъ блестѣвшихъ подъ солнцемъ яркихъ лужахъ, и даже въ самыхъ непросохшихъ еще послѣ дождя, дорожкахъ сада, на пескѣ которыхъ отчетливо вдавливались наши слѣды, было что-то молодое, радостное и точно обновленное.

Лиза съ Борисомъ дурачились и, наклоняя вѣтки деревьевъ, со смѣхомъ обдавали другъ друга дождевыми каплями, и мнѣ смотря на все это тоже хотѣлось дурачиться и шалить вмѣстѣ съ ними;

хотѣлось пѣть, смѣяться, говорить стихи и я сама себѣ казалась молодой дѣвушкой, въ свѣтломъ платьѣ, лѣтнимъ днемъ, и когда мой Воликъ подбѣгалъ ко мнѣ и кричалъ «мама, мама», мнѣ было странно, что онъ зоветъ меня матерью и что я, дѣйствительно, его мать; мнѣ казалось, что жизнь только еще начинается...

N шелъ рядомъ со мной; порой мы отставали немного отъ другихъ и что-то говорили другъ другу; но я почти не помню теперь, о чемъ мы говорили тогда; важны были не слова, которыми мы ничего не могли сказать, важенъ былъ только самый звукъ голоса, такой нѣжный и точно вливавшійся въ сердце; важны были только тѣ взгляды, которые мы порой невольно останавливали другъ на другѣ, невольно задерживая ихъ на мигъ, точно жалѣя отвести... О, эти первые взгляды едва зарождающейся любви! любви, которой почти еще не вѣришь, которой почти не сознаешь въ себѣ еще ясно... Что можетъ быть для насъ женщинъ прекраснѣе ихъ и не въ нихъ ли вся поэзія нашей женской жизни!..

Я помню, какъ сорвала вѣтку бѣлой сирени, тоже еще влажную отъ дождя, и, играя ею, нечаянно уронила ее на землю.

N поднялъ ее и когда я машинально протянула за ней руку, онъ слегка отклонился отъ меня, и не отдавъ мнѣ ее, продолжалъ самъ играть ею точно такъ же, какъ играла ею я, и даже такъ же прикусывалъ губами ея бѣлые цвѣты, какъ только-что передъ тѣмъ дѣлала я.

Инстинктъ, все тотъ же инстинктъ, который подсказывалъ мнѣ почему онъ пріѣзжаетъ, почему такъ хмуръ Сережа, подсказалъ мнѣ и то, почему онъ не отдалъ мою вѣтку; но мнѣ хотѣлось яснѣе сознать это, сильнѣе почувствовать въ душѣ его то, что вдругъ такимъ ликующимъ свѣтомъ залило мою, и я опять протянула руку за этой вѣткой, которая точно сближала насъ, и сказала:

— Отдайте мнѣ мою вѣтку.

Но онъ, улыбаясь, покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Нѣтъ...

Тогда все спавшее во мнѣ женское кокетство вдругъ словно проснулось, и я лукаво спросила его:

— Почему нѣтъ?—хотя уже отлично знала сама, «почему».

— Отгадайте,—сказалъ онъ тихо.

Мы остановились на минуту посреди дорожки и, стоя другъ противъ друга, смотрѣли одинъ на другого сіявшими помимо нашей воли глазами.

— Отгадайте...—повторилъ онъ настойчиво.

Но я уже давно отгадала. Отгадала по его глазамъ, съ такою радостною нѣжностью смотрѣвшими на меня; по его голосу, совсѣмъ особенному со мной, чѣмъ со всѣми другими; отгадала въ томъ собственномъ влеченіи, которымъ такъ неудержимо влекло

меня къ нему... отгадала... но все это было еще такъ ново и странно, такъ непривычно или, вѣрнѣе, такъ забыто уже, что мнѣ было и жутко, и сладко, и радостно, и какъ-то неловко, и я, въ свою очередь, отрицательно покачала головой и отвела отъ него глаза, боясь, что онъ прочтетъ въ нихъ то, что я прочла уже въ его.

— Вы не хотите отгадать?..—спросилъ онъ тихо.

Но въ эту минуту меня окликнула Лиза, ушедшая впередъ съ другими, и, вмѣсто отвѣта ему, я откликнулась ей, но такъ радостно и звонко, точно мнѣ, дѣйствительно, было всего еще 17 лѣтъ и я впервые услыхала слова любви!..

И вотъ какъ краситъ и молодитъ насъ, женщинъ, любовь! Я чувствовала, что иду ей навстрѣчу, и вся молодѣла душой отъ одного ожиданія этой любви.

Я видѣла, что онъ любуется мной, что онъ смотритъ на меня полувлюбленными глазами, и хорошѣла подъ этими взглядами, смутно сознавая это сама, а Лиза вдругъ почувствовала ко мнѣ какое-то институтское обожаніе и, цѣлуя меня каждую минуту, удивленно разсматривала меня своими большими глазами, наивно спрашивала: «отчего я стала такая прелестная и совсѣмъ, совсѣмъ особенная!»

Даже сама я, когда подошла потомъ къ зеркалу и увидѣла въ немъ свою отразившуюся фигуру, казавшуюся тонкой и стройной въ этомъ свѣтломъ, дѣвическомъ платьѣ, свое лицо, горѣвше яркимъ румянцемъ, свои глаза, блестѣвшіе опять, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, я не узнала самое себя, и мнѣ казалось, что какое-то чудо сбросило съ моихъ плечъ эти послѣднія десять лѣтъ. Десять лѣтъ разочарованій, горя, болѣзней, и вновь превратило въ молодую, довѣрчивую дѣвушку, съ свободной и радостной душой.

Его глаза слѣдили за мной, куда бы я ни шла, куда бы ни смотрѣла, и мы невольно улыбались другъ другу, встрѣчаясь взглядами, и не могли не встрѣчаться ими, потому что какая-то власть, болѣе сильная чѣмъ мы, влекла насъ къ тому, и въ однихъ уже этихъ встрѣчающихся поминутно взглядахъ была такая прекрасная, обновленная жизнь, такое захватывающее счастье, отъ котораго невольно кружилась голова и почти утрачивалась власть надъ собой...

И вотъ, даже теперь, когда все это уже разсѣялось, какъ дымъ, и ушло безслѣдно, когда мы вновь такъ близки съ мужемъ, и я уже давно и вполнѣ успокоилась и опять цѣлыми недѣлями не вспоминаю о существованіи N, я все таки ни въ чемъ не раскаиваюсь, и одно воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, такихъ прекрасныхъ и необычныхъ, на которыхъ точно сосредоточилась вся поэзія моихъ послѣднихъ лѣтъ, вызываетъ въ душѣ моей какое-то сладкое и совсѣмъ особенное волненіе.

Пусть я на мигъ измѣнила своей привязанности къ мужу, пусть увлеклась я, какъ дѣвочка въ мои 34 года, пусть я даже уронила себя тѣмъ въ глазахъ другихъ, но я все-таки не чувствую никакихъ угрызеній совѣсти и только благодарна судьбѣ, давшей мнѣ вновь пережить всѣ эти чудныя, волнующія ощущенія молодости, въ которыхъ, быть можетъ, таится лучшее или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сильно ощущаемое счастье человѣческой жизни и его молодости,—увы, уже клонящейся къ закату, на который она точно бросила свои послѣдніе, яркіе лучи... и какъ сѣръ, какъ тусклъ и печаленъ былъ бы этотъ закатъ безъ тѣхъ лучей...

И, должно быть, въ тѣхъ дняхъ, промелькнувшихъ, «какъ мигъ волшебной сказки», было, дѣйствительно, что-то особенное, потому что они вліяли даже и на другихъ, которыхъ мы точно заражали своимъ настроеніемъ, по крайней мѣрѣ, Борисъ, раньше больше дурачившійся, чѣмъ серьезно ухаживавшій за Лизой, вдругъ тоже страстно влюбился въ нее, а сама Лиза стала пѣть такъ, какъ не пѣла еще никогда.

N аккомпанировалъ ей и въ его игрѣ была такая страсть и сила, такое глубокое пониманіе музыки, такая чарующая нѣжность и захватывающее страданіе, что онъ невольно увлекалъ своей игрой даже такую нетронутую еще жизнью душу,—какъ Лиза, и аккомпанируя ей, онъ точно велъ ее за собой, какъ зрячій ведетъ слѣпого, а она, вдохновляясь его силой, послушно шла за нимъ и преображалась вся сама.

Много разъ послѣ того она пѣла тѣ же вещи, которыя онъ самъ выбиралъ тогда для нея, пѣла все тѣмъ же своимъ свѣжимъ серебристымъ, молодымъ голосомъ, но... но это было уже совсѣмъ не то!

И часто, спокойно слушая ее потомъ и вспоминая, какъ пѣла она тогда,—я невольно спрашивала самое себя, что же это такое значитъ! Была ли просто моя собственная душа такъ воспріимчива въ тотъ вечеръ ко всякому впечатлѣнію и чувству, что, улавливая одинъ намекъ на нихъ, она уже съ утроенною силой отражала ихъ въ себѣ, или, дѣйствительно, въ самомъ N была какая-то особенная власть, которой онъ невольно дѣйствовалъ на другихъ, точно какимъ-то внушеніемъ, и даже простую, не искусившуюся Лизу, еще не знавшую ни любви, ни горя, ни страданія, съумѣлъ заставить на мигъ понять все это и даже передать съ такою силой, съ такимъ глубокимъ выраженіемъ въ звукахъ ея чистаго, какъ кристалъ, но обыкновенно совершенно холоднаго и не захватывающаго голоса.

Помню, какъ я тогда глядѣла на нее, слушала ее и, не узнавая, поражалась.

Она была блѣдна почти такъ же какъ самъ N, и когда онъ, точно

желая заставить ее лучше понять его мысль, взглядывалъ на нее,—она блѣднѣла еще сильнѣе и ея глаза, эти свѣтлые, безпечные глаза полуребенка, вдругъ вспыхивали и темнѣли; она вдругъ какъ бы созрѣвала на нашихъ глазахъ и такъ вѣрно угадывала его мысль, такъ сильно передавала ее, что казалось, это поетъ не она, наша беззаботная и равнодушная еще ко всему Лиза, а женщина, уже все испытавшая, уже изстрадавшаяся въ мукѣ и страсти любви, уже пережившая свои лучшіе чувства и мечты...

Когда она уставала, онъ игралъ одинъ, и его игра была еще прекраснѣе и сильнѣе ея пѣнія.

Мы слушали его, какъ завороженные, съ блѣдными, взволнованными лицами, и никто изъ насъ не рѣшался говорить, точно жаль было нарушить словами грубыхъ голосовъ очарованіе этихъ звуковъ, уносившихъ въ какой-то волшебный міръ.

Я сидѣла, какъ зачарованная, на своей качалкѣ, въ углу, невдалекѣ отъ рояля, и мнѣ казалось, что я не въ силахъ ни говорить, ни двигаться, ни думать даже... Я могла только слушать безъ конца эти чудные звуки, полные то страстной любви, то глубокой тоски, и они звали съ собой, эти звуки, они обѣщали какое-то невѣдомое, дивное счастье, и манили волшебный міръ любви, со всѣмъ ея страданіемъ, счастьемъ и мукой,—въ тотъ міръ, изъ котораго я ушла уже такъ давно, въ которомъ была такъ недолго и въ который никогда уже не думала больше вернуться...

И вотъ какая-то власть, чарующая и страшная, власть болѣе сильная чѣмъ я сама, снова влекла меня туда, завораживая и опьяняя страстными, томительными желаніями, дразня неясными и неопредѣленными, какъ эти звуки безъ словъ, мечтами, и когда онъ, отрываясь на мигъ отъ рояля, взглядывалъ на меня своими горящими глазами и я чувствовала на себѣ этотъ безмолвно все говорившій мнѣ взглядъ — я точно теряла сознаніе и послѣднюю власть надъ собой и въ какомъ-то сладкомъ полузабытьи сознавала только одно, что если бы онъ, подойдя сейчасъ ко мнѣ, сказалъ бы «пойдемъ за мной», я пошла бы покорно, безъ словъ, безъ сопротивленія, безъ мысли, съ однимъ только жуткимъ и сладкимъ наслажденіемъ—покоряться ему, и пошла бы за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ меня, хоть на край свѣта, и ни мужъ, ни даже, кажется, самыя дѣти не остановили бы меня тогда...

Поздно разошлись мы въ тотъ вечеръ, былъ уже третій часъ, когда мы опомнились; никто изъ насъ не замѣтилъ какъ пролетѣло полъ ночи, и жаль было расходиться и обрывать этотъ вечеръ и эти звуки..

Сережа опомнился первый.

— N долженъ завтра уѣзжать рано утромъ, пора расходиться, Катя,—сказалъ онъ подходя ко мнѣ.

Но я все еще была, какъ во снѣ, и не сразу поняла, про что онъ говоритъ мнѣ. Я видѣла только, что и его лицо блѣдно, и взволнованно, а глаза точно заплаканы, и вспомнила, что онъ весь вечеръ просидѣлъ одинъ, въ отдаленномъ темномъ углу.

И эти словно заплаканные глаза поразили меня и укоромъ ударили въ сердцѣ.

— Сережа, милый, о чемъ ты... о чемъ ты плакалъ?—хотѣла я сказать ему, но не рѣшилась, угадавъ сама...

Онъ нахмурился и отвернулся, замѣтивъ, что я гляжу на него.

— Пора расходиться, поздно уже,—повторилъ онъ и еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы знали другъ друга, въ его словахъ, обращенныхъ ко мнѣ, прозвучало что то рѣзкое и суровое. Онъ сейчасъ же отошелъ отъ меня къ Лизѣ и Борису, вѣроятно для того, чтобы и имъ сказать то же самое.

А мнѣ... мнѣ вдругъ стало стыдно. Стыдно его, стыдно собственнаго настроенія. Очарованіе разомъ слетѣло. Я поспѣшно стала прощаться, и когда очередь дошла до N и моя рука очутилась въ его небольшой, горячей рукѣ, я, не отвѣчая на его пожатіе, въ которомъ чувствовала особенную нѣжность, нарочно не подняла на него глазъ, чтобы не встрѣтиться съ его глазами, этими странными глазами, подъ вліяніемъ которыхъ я точно утрачивала надъ собой всякую власть. Но и не поднимая ихъ, я все-таки почувствовала въ его лицѣ удивленіе, тревогу и точно грусть, и рука его, сначала какъ бы желавшая дольше задержать мою руку въ своей, холодно разжалась и безъ словъ и тоже почти безъ пожатія, выпустила ее...

Я прошла къ себѣ въ комнату и машинально остановилась посреди нея.

— Зачѣмъ, зачѣмъ я это сдѣлала! Зачѣмъ обидѣла его вдругъ, за что! что онъ сдѣлалъ, что давало бы мнѣ право на то!— говорила я себѣ уже съ раскаяніемъ и съ такой мучительной жалостью за N, что готова была броситься назадъ и чуть не просить у него прощенія.

Но ко мнѣ вошла Лиза.

Она все еще была блѣдна и вздрагивала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ахъ, тетя,—сказала она шопотомъ—что же это такое? Какъ онъ играетъ!

И она взяла мою руку своими холодными, какъ ледъ, пальчиками и до боли стиснула ее.

Я поцѣловала ее и перекрестила на ночь.

— Иди, дѣточка, ложись, — сказала я ей,—тебѣ тоже надо отдохнуть, видишь, какъ ты устала.

— Нѣтъ, ничего, сказала Лиза, какъ во снѣ—я рада, что устала...

И она вышла отъ меня, слегка шатаясь.

На востокѣ узкой, розовой полоской уже брезжилъ разсвѣтъ, и снизу отъ рѣки, въ раскрытое окно тянуло предутреннимъ холодкомъ; но мѣсяцъ еще стоялъ высоко на небѣ, и въ темныхъ аллеяхъ сада была еще ночь.

Я вспомнила, что не заходила, какъ всегда, на ночь къ дѣтямъ, и грустное, точно молча укоряющее меня лицо Сережи опять встало предъ мной; опять почувствовала я себя виноватой и тихонько, съ какимъ-то неловкимъ чувствомъ прошла въ дѣтскую.

Они спали, мои крошки, эти маленькія существа, въ которыхъ еще такъ недавно сосредоточивалось для меня все счастье, весь смыслъ жизни и которыхъ сегодня... я чуть не забыла даже перекрестить!

Я подошла къ кроваткѣ каждаго изъ нихъ, оправила ихъ одѣяльца и подушки, перекрестила, какъ всегда... но въ первый еще разъ за всю мою жизнь я дѣлала это разсѣянно, и губы только машинально читали обычную молитву... Въ душѣ же не было ея... Въ душѣ стояло блѣдное, страстное лицо N, съ его горячимъ, точно преслѣдовавшимъ меня взглядомъ, и молитва замирала на губахъ, и я сама себѣ казалась недостойной ея ..

Съ тоской и точно съ ощущеніемъ какой-то кары надъ собой вернулась я къ себѣ.

— Боже мой, что же это! что? спрашивала я самое себя? Неужели любовь? Любовь опять, въ мои годы, вмѣстѣ съ 18-лѣтней Лизой! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть! говорила я себѣ; но въ душѣ чувствовала, что можетъ, можетъ; что это уже есть, есть, и сознаніе ее, вмѣсто того, чтобы возмущать меня, какъ я ждала и хотѣла того сама, только охватывало меня какой-то ликующей радостью.

— Любовь, любовь опять, какъ тогда!—говорила я почти съ восторгомъ и закрывала глаза, чтобы лучше видѣть предъ собой лицо N, это странное, но уже милое мнѣ лицо, такое суровое и печальное и такое нѣжное въ то же время, и одно воспоминаніе о немъ наполняло меня уже какимъ-то сладкимъ трепетомъ.

— Боже мой, но что со мной! А мужъ! подсказывала я себѣ; но сейчасъ же кто-то другой, точно поселившійся во мнѣ и уже властно распоряжавшійся мной отвѣчалъ, оправдывая меня въ собственныхъ глазахъ: Что же мужъ, онъ теперь у своей Юліи Павловны...

И одна эта фраза успокаивала меня, словно сводя съ нимъ всѣ счеты и давая свободу и мнѣ самой.

— Но тебѣ 35-й годъ, у тебя трое дѣтей, и *онъ* женатъ; зачѣмъ тебѣ эта любовь, теперь, когда не осталось почти уже и самой молодости!

Но опять кто-то другой во мнѣ поспѣшно успокаивалъ меня. «Такъ что же, что 35-й годъ, что же что дѣти!»

И какъ ни безсмысленъ былъ этотъ аргументъ, ничего, въ сущности, не доказавшій и не оправдывавшій, но въ немъ таилась какая-то сила успокоенія, и онъ точно все самъ собой разрушалъ и упрощалъ...

Я говорила себѣ «такъ что же?» и тотчасъ же успокоивалась, и все начинало казаться мнѣ простымъ и возможнымъ.

Я какъ бы добровольно не хотѣла выходить изъ своего очарованія, а всѣ смутно поднимавшіеся еще во мнѣ укоры совѣсти отгоняла отъ себя, какъ докучныя, непріятныя мысли, только мѣшавшія мнѣ думать объ N.

— Но вѣдь это позоръ или несчастье, это постыдно или ужасно!..—говорила я себѣ

Но сколько я ни повторяла себѣ «позоръ, постыдно», какъ ни пугала себя несчастьемъ и ужасомъ этой любви, желаніе ея и очарованія ея не уменьшались отъ того; я желала ее съ какой-то болѣзненной страстью, съ какимъ-то бредомъ полусознанія, желала вопреки всему, и одна мысль, что *онъ* можетъ любить меня,— *меня*, какъ я есть, съ моими послѣдними молодыми годами, съ моими тремя дѣтьми, казалась мнѣ такой прекрасной, охватывала меня такимъ сладкимъ, совсѣмъ еще новымъ восторгомъ, что всѣ несчастья и даже самый позоръ блѣднѣли предъ ней, и я говорила себѣ почти безсознательно: «а все равно, все равно, пусть несчастіе, пусть позоръ, только пусть любитъ!»

И этотъ отвѣтъ, такой грубый и неожиданный для меня самой, поражалъ и возмущалъ меня и я почти не вѣрила себѣ, не вѣрила, что такъ думать могу я, и все-таки же это была я и такъ думала я!

Но вдругъ я вспомнила, что рано утромъ онъ уѣзжаетъ и неизвѣстно, пріѣдетъ ли еще, потому что ему пора было уже уѣзжать за границу, гдѣ ждали его жена и дочь. Тогда мысль, что онъ уѣдетъ и все кончится само собой, кончится, едва начавшись, и я даже не увижу его опять долгіе мѣсяцы, сжала меня такой тоской и болью, что я застонала, какъ отъ дѣйствительной боли, и быстро вскочила съ постели, на которой не сомкнула глазъ всю ночь.

— Нѣтъ,—сказала я себѣ,—нѣтъ, я должна его видѣть, хоть одинъ еще разъ, хоть только проститься съ нимъ!

Былъ уже 6-й часъ, а онъ уѣзжалъ въ 7! Я поспѣшно поднялась и стала одѣваться. Но какъ ни боялась я опоздать и пропустить его отъѣздъ, а инстинктъ все-таки заставилъ меня одѣваться дольше, чѣмъ всегда. Все послѣднее время, такое грустное и тяжелое для меня, гдѣ горе и разочарованіе смѣнялись только

болѣзнями моими и дѣтей, я почти перестала заботиться о себѣ и своей внѣшности. Я подходила къ зеркалу одинъ разъ въ день, по утрамъ, когда одѣвалась, и то почти машинально, больше для того, чтобы не криво пробрать проборъ и правильно застегнуть лифъ, и мнѣ было все равно, какъ я выгляжу. Я замѣчала, что кожа моя желтѣетъ, а въ волосахъ, такихъ густыхъ и мягкихъ прежде, засеребрились уже кое-гдѣ бѣлыя нити; но жизнь давала столько другого горя и заботъ, что это не казалась важнымъ, и я почти не думала о томъ, что стала старѣть а когда думала, то даже не огорчалась тѣмъ!

Мнѣ казалось, что личная жизнь уже такъ давно кончилась и что смыслъ и радость ея оставались теперь только въ дѣтяхъ, а они любили меня съ сѣдѣющими волосами такъ же, какъ и молодую, и красивую, и, быть можетъ, еще больше, потому что я сама жила уже больше для нихъ, чѣмъ для себя. Но теперь я опять страстно желала вернуть и молодость, и красоту; и хотя настоящей красоты быть можетъ, не было никогда, но я знала, что прежде было что-то другое, что замѣняло ее и привлекало ко мнѣ, и вотъ я снова тревожно вглядывалась въ себя, ища это «что-то», что влекло ко мнѣ прежде, и боясь, что оно уже исчезло въ годахъ, болѣзняхъ, дѣтяхъ и пережитомъ горѣ.

Но, должно быть, человѣкъ такъ привыкаетъ къ своему лицу, что почти не замѣчаетъ того, какъ оно мѣняется, или жизнь, дѣйствительно, старитъ душевно скорѣй и больше, чѣмъ тѣлесно... А можетъ, лицо мое, точно опять расцвѣтшее и помолодѣвшее, красили та радость, тотъ свѣтъ, что снова вспыхнули въ душѣ моей!

Я надѣла свой бѣлый капотъ, надъ которымъ когда-то трудились еще бабушкины крѣпостныя, и который, я знала, больше всего идетъ ко мнѣ, и сошла внизъ. Въ залѣ никого не было. Всѣ еще спали, но N уже всталъ и ушелъ пройтись по саду, пока гребцы готовили лодку.

Утро было чудное; все точно обмытое и освѣженное за ночь дождемъ, и солнце милліонами блестящихъ капель играло на каждомъ листѣ и яркими пятнами трепетало сквозь листву деревьевъ на песчаныхъ дорожкахъ сада.

Я взяла зонтикъ и пошла наугадъ по большой аллеѣ.

Я шла, колеблясь и говоря себѣ, что это неловко, что этого не слѣдуетъ дѣлать, но какая-то сила толкала меня впередъ, и я продолжала идти, хоть и говорила себѣ все это.

На поворотѣ я увидала N.

Оно шелъ, задумчиво склонивъ голову, и не замѣтилъ меня сразу, но когда я окликнула его, и вздрогнувъ, онъ поднялъ голову

и увидѣлъ меня, лицо его, за минуту еще пасмурное и холодное, вдругъ оживилось и разомъ повеселѣло.

— Вы?--сказалъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.—И такъ рано!

Онъ взялъ мою руку и поцѣловалъ ее, задержавъ на мигъ у губъ своихъ.

Это былъ еще первый поцѣлуй руки и въ немъ было что-то такое нѣжное и еще болѣе сближавшее насъ, что сердце у меня радостно забилось, и я опять вся вспыхнула, какъ и вчера, когда онъ взялъ мою вѣтку.

— Зачѣмъ вы такъ рано встали?—спросилъ онъ съ ласковымъ укоромъ, не сразу выпуская мою руку изъ своей.

— Отгадайте...—сказала я полушутя и тѣмъ же тономъ, какимъ онъ самъ сказалъ мнѣ это вчера, когда я спросила его, зачѣмъ ему моя сирень.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, но ничего не отвѣтилъ, и мы оба машинально повернули назадъ и пошли рядомъ.

— А если... если я отгадаю?—сказалъ онъ чрезъ минуту тихо и точно нерѣшительно.

Но я уже испугалась намека, который сдѣлала, испугалась собственнаго кокетства и того, что онъ, дѣйствительно, догадался обо всемъ и сразу измѣнила тонъ.

— Это не трудно,—сказала я нарочно холодно и даже слегка насмѣшливо,—это мой долгъ хозяйки.

N быстро искоса взглянулъ на меня, по лицу его скользнула тѣнь разочарованія, и оно опять приняло свое обычное холодное и сдержанное выраженіе, по которому ничего нельзя было ни прочесть, ни догадаться.

— Ахъ да, я забылъ о рускомъ гостепріимствѣ,—сказалъ онъ тоже полунасмѣшливо,—но я такъ долго жилъ за границей, что совсѣмъ отвыкъ отъ него.

Мы оба замолчали и продолжали идти уже молча, и мнѣ стало страшно жаль, зачѣмъ какимъ-то рѣзкимъ и ненужнымъ диссонансомъ, я опять добровольно нарушила то прекрасное настроеніе какого то очарованія, которое только что было въ насъ обоихъ... Мнѣ стало жаль его и страшно, что я сама испортила его, и оно уже больше не вернется.

— Тѣмъ болѣе... тѣмъ болѣе, что вы вѣдь уѣзжаете совсѣмъ и мы... мы больше не увидимъ васъ...—сказала я опять уже совсѣмъ иначе и инстиктивно дѣлая шагъ къ прежнему.

— Да, сказалъ онъ словно грустно,—мнѣ надо ѣхать.

— Развѣ это такъ необходимо?—спросила я нерѣшительно.

— Да,—сказалъ онъ тихо,—если не для меня, то... то для тѣхъ, которые ждутъ меня тамъ.

Я вспомнила, «кто» ждетъ его тамъ, и сердце больно заныло во мнѣ.

— И вы... вы не могли бы остаться... еще на нѣсколько времени?..—спросила я, невольно заикаясь, и сейчасъ же мнѣ самой стало стыдно этого вопроса, и блѣдное, прекрасное и печальное лицо его жены промелькнуло въ моей памяти и точно съ укоромъ взглянуло на меня издалека.

Мы остановились среди аллеи, по которой шли, и я машинально чертила своимъ зонтикомъ какіе-то узоры на пескѣ.

Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ и молча стоялъ предъ мной, а я почти боялась глядѣть на него, но когда я, наконецъ, подняла на него глаза, онъ тоже уныло смотрѣлъ въ землю, и лицо его показалось мнѣ сумрачнѣе и печальнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Нѣтъ—сказалъ онъ наконецъ какъ-то особенно твердо и рѣшительно,—нѣтъ, я долженъ ѣхать... и... и мнѣ лучше ѣхать скорѣй...

Я не спросила его, «почему». Я сама уже знала, «почему ему лучше ѣхать скорѣй», и тѣмъ ужаснѣе казалась мнѣ мысль, что онъ уѣдетъ, и я больше не увижу его...

— А если... если я очень попрошу васъ о томъ...

«Зачѣмъ, зачѣмъ я это говорю, Боже мой, что со мной, что я дѣлаю?» почти съ ужасомъ пронеслось у меня въ головѣ, но было уже поздно, слова уже слетѣли съ моихъ губъ, и я уже чувствовала на своемъ пылающемъ лицѣ его пристальный взглядъ.

— А вы... развѣ желали бы этого? — спросилъ онъ, точно не вѣря моимъ словамъ и упорно смотря на меня.

Я смутно сознавала, что наступаетъ какая-то рѣшительная и жуткая минута, и что, можетъ быть, все будетъ зависѣть отъ того, что я отвѣчу ему, но прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь отвѣтить, мы увидѣли Сережу, который, видимо, искалъ насъ и шелъ прямо къ намъ.

И я почти обрадовалась ему; обрадовалась, что минута отдалена, и мнѣ ничего не надо отвѣчать,и въ то же время, при видѣ его, меня опять охватили смущеніе и стыдъ оттого, что онъ, какъ школьницу, поймалъ меня на мѣстѣ преступленія, какъ и вчера вечеромъ, когда подошелъ ко мнѣ говоря, что пора расходиться.

— Лодка уже готова и гребцы ждутъ васъ,—сказалъ Сережа N, здороваясь съ нимъ и со мной.

— Да, — сказалъ N тоже съ легкимъ смущеніемъ, вынимая часы,—уже 8-й часъ, пора ѣхать.

И мы уже всѣ вмѣстѣ, перебрасываясь отрывочными короткими фразами, которыя каждый изъ насъ говорилъ, кажется, только для того, чтобы не молчать, пошли обратно къ дому.

Молодежь наша все еще не выходила, и захвативъ вещи N, мы направились къ рѣкѣ одни, но Сережа все время шелъ рядомъ съ нами, и мы ничего не могли сказать другъ другу.

Когда мы спустились уже внизъ по обрыву, Сережа подошелъ къ гребцамъ и сталъ о чемъ-то толковать съ ними; мы съ N остались нѣсколько въ сторонѣ, и онъ вдругъ тихо, такъ тихо, что одна я могла это слышать, сказалъ мнѣ:

— Вы такъ ничего и не отвѣтили мнѣ на мой вопросъ.

— И вы мнѣ тоже ничего не отвѣтили, — сказала я такъ же тихо.

— Но вы ни о чемъ и не спрашивали меня?

— Нѣтъ,—сказала я,—я спрашивала, пріѣдете ли вы еще разъ... если я очень попрошу васъ о томъ...

— Что ты говоришь, Катюша? — спросилъ Сережа, подходя опять къ намъ.

Это было уже точно нарочно, и я отвѣтила ему почти съ вызовомъ:

— Я прошу N пріѣхать къ намъ еще разъ и привезти съ собой віолончель.

— Да,—сказалъ сказалъ Сережа разсѣянно и холодно, — это будетъ очень пріятно.

— Не знаю,—замѣтилъ N, отвѣчая какъ будто Сергѣю,—не знаю, это будетъ очень трудно...

И онъ уже хотѣлъ садиться въ лодку и началъ прощаться съ нами, но съ обрыва вдругъ долетѣли звонкіе, веселые голоса, и въ ту же минуту на верху его показалась наша молодежь, Лиза, Борисъ и мой Воликъ.

— Подождите, подождите насъ! — кричали они и быстро со смѣхомъ и крикомъ сбѣжали къ намъ внизъ на перегонки другъ съ другомъ и точно все разомъ наполнили собой.

Даже солнца стало словно еще больше.

Оно горѣло на Лизиномъ голубомъ платьѣ, на ея розовыхъ, разгорѣвшихся отъ бѣга, щекахъ, на красной рубашкѣ моего Волика, на свѣтлыхъ, точно золотомъ перепутанныхъ, волосахъ Бориса, на желтомъ песчаномъ обрывѣ, съ котораго сыпался подъ ихъ ногами чистый свѣтлый песокъ, и мы съ N невольно умолкли, а я вдругъ показалась себѣ такой старой, такой отжившей уже по сравненію съ ними и впервые еще съ какой-то страшной и неумолимой ясностью почувствовала вдругъ, что міръ, съ его любовью, пѣснями, радостями и счастьемъ, принадлежитъ уже не намъ, а имъ, что настоящіе его хозяева уже не мы усталые, отжившіе и уходящіе уже куда-то въ тяжелую, сѣрую мглу, почти уже только посторонніе зрители его, а они, молодые, сильные, еще не жившіе и пришедшіе теперь смѣнить насъ..

А если это такъ, то какой смыслъ въ этой новой любви! Къ чему она теперь, когда уже подходитъ нашъ чередъ уступать дорогу другимъ, и что дастъ она намъ? Намъ съ нашими надорванными силами, съ нашимъ невольно все отравляющимъ, во все извѣрившимся разочарованіемъ и нашей полуразрушенной вѣрой и въ нее, и въ людей, и въ самую жизнь!

Къ чему эти миражи добровольнаго самообмана, которымъ, очевидно, суждено оставаться только одними дразнящими миражами еще работающаго воображенія и никогда не перейти въ дѣйствительность, уже хотя бы потому, что ихъ нѣтъ и не можетъ быть въ этой дѣйствительности, въ которой дѣйствуемъ уже не мы, а другіе, пришедшіе на смѣну намъ!

Они что-то разсказывали, перебивая другъ друга своими звонкими, смѣлыми голосами, точно наполнявшими собой весь воздухъ, о чемъ-то весело смѣялись; и глаза Лизы, еще болѣе свѣтлые и голубые отъ отражавшагося въ нихъ неба, радостно блестѣли, а лицо все ярко вспыхивало, каждый разъ что N обращался къ ней или она сама говорила съ нимъ.

И это оживленіе, такъ преображавшее ее, эта наивная, молодая влюбленность, невольно прорывавшаяся въ каждомъ взглядѣ ея, въ самой улыбкѣ, не сбѣгавшей съ лица и точно освѣщавшей ее всю, такъ цѣльно и гармонично сливались со всѣмъ ея молодымъ, здоровымъ, радостнымъ существомъ, такъ необычайно красили ее, что меня вдругъ поразила мысль, отъ которой сердце сжалось и заныло острой болью.

— Боже мой,—сказала я себѣ,—но съ чего же я все это взяла? Съ чего приписала себѣ? Можетъ быть, это вовсе не я, а Лиза!

И недоброе, почти враждебное чувство къ этой Лизѣ, такой милой и симпатичной мнѣ раньше, охватило меня такъ сильно, что я даже отодвинулась отъ нея, а къ самому N почувствовала вдругъ такую горечь обиды, точно онъ только что смертельно оскорбилъ меня.

Я отошла отъ нихъ въ сторону и встала нарочно такъ, чтобы N, уже сидѣвшій въ лодкѣ, не могъ бы больше проститься со мной.

— Пріѣзжайте же скорѣй опять,—говорила ему Лиза,—и привезите съ собой віолончель...—и сама того не подозрѣвая, она повторяла ему почти мои же слова, и даже голосъ ея при этомъ походилъ на мой собственный: такой же умоляющій и такой же влюбленный.

N улыбался ей и тоже повторялъ почти то же самое, что отвѣчалъ предъ тѣмъ и мнѣ самой:

— Не знаю, наврядъ ли... это будетъ очень трудно...

И мнѣ вдругъ все стало противно, и болѣе всего противна я сама.

N подалъ въ послѣдній разъ всѣмъ руку, и взглядомъ искалъ меня.

Но я издали сухо поклонилась ему, и лицо мое, холодное и враждебное, вѣроятно, поразило его, потому что я видѣла, какъ въ глазахъ его мелькнуло опять недоумѣніе и тревога, и взглядъ невольно остановился на мнѣ.

Но гребцы дружно взмахнули веслами, и лодка, тихо качнувшись, плавно пошла по рѣкѣ.

Всѣ кланялись N, что-то кричали ему вслѣдъ, а мой Воликъ и Лиза махали ему даже платками, и онъ тоже кланялся имъ, но взглядъ его, грустный и точно спрашивающій о чемъ-то, смотрѣлъ только на меня.

Тогда я нарочно перешла совсѣмъ на другую сторону, и глаза его, эти глаза, за каждый нѣжный взглядъ которыхъ я уже готова была чуть не возненавидѣть бѣдную Лизу, тоже повернулись за мной.

Это уже не казалось мнѣ, это уже не могло быть ни ошибкой, ни самообманомъ: онъ глядѣлъ, глядѣлъ на меня одну, глядѣлъ печально и упорно, точно прощаясь, точно прося послѣдняго привѣта.

И лицо мое невольно освѣтилось опять улыбкой ему, и эта улыбка сейчасъ же, какъ въ зеркалѣ, отразилась и въ его лицѣ.

— Пріѣзжайте же!—невольно вырвалось у меня. Онъ, молча, все съ той же радостной и нѣжной улыбкой, кивнулъ въ отвѣтъ мнѣ головой, и я опять забыла все и видѣла предъ собой только это заворожившее меня лицо, и оно улыбалось мнѣ, и эти темные, горячіе глаза, отъ взгляда которыхъ я утрачивала власть надъ собой, не отрываясь глядѣли на меня, пока лодка не скрылась вдали, и міръ любви, съ его счастьемъ, радостями и пѣснями, точно вновь открылъ для меня свои волшебныя двери и впустилъ меня къ себѣ...

На долго-ли, когда чередъ ужъ близокъ! На мигъ, быть можетъ! Но что изъ того, когда и мигъ прекрасенъ!

Я обняла Лизу, нѣжно прижала ее къ себѣ и со счастьемъ въ душѣ, со счастьемъ въ лицѣ, которое я чувствовала прорывается помимо моей воли, стала вмѣстѣ съ ней подниматься на гору.

Съ этой минуты общество Лизы и Бориса стало для меня самымъ привлекательнымъ, тогда какъ присутствіе Сергѣя только тяготило. Я чувствовала въ немъ скрытый укоръ и осужденіе, которыхъ не желала, и инстинктивно избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ, избѣгая не только былыхъ задушевныхъ съ нимъ разговоровъ, но даже встрѣчаться съ нимъ глазами.

Это огорчало меня самое, и я не понимала, какъ могло случиться, что Сережа, такой милый и близкій мнѣ всегда, съ которымъ мы такъ полно и глубоко понимали другъ друга: Сережа, какъ бы дополнявшій прежде меня самое, сталъ для меня вдругъ точно чужимъ и непріятнымъ человѣкомъ, отъ котораго я инстинктивно стремилась быть дальше.

Зато моя молодежь, съ ея жизнерадостностью и влюбленностью, стала мнѣ особенно близка и понятна. Съ ними я и себя чувствовала моложе и радостнѣе, и моя любовь, такая поздняя и стыдившая меня самое въ присутствіи Сережи, при Лизѣ и Борисѣ казалась мнѣ естественной и прекрасной.

Они оба были такъ молоды, такъ полны сами этой любовью и мыслями о ней, такъ желали ее для себя и искали въ другихъ, что невольно заражали своимъ настроеніемъ другихъ и дѣлали ее желанной и простой для всѣхъ соприкасавшихся съ ними.

А для меня ихъ общество было еще тѣмъ привлекательнѣе, что N вообще сталъ любимой темой ихъ разговоровъ.

Лиза стремилась говорить о немъ потому, что была, быть можетъ, не сознавая ясно того сама, влюблена въ него своею, первою юною любовью, а Борисъ потому, что при имени N разговоръ сейчасъ же уже какъ-то самъ собой переходилъ на любовь, которой подъ вліяніемъ музыки и настроенія послѣднихъ дней онъ самъ весь былъ охваченъ къ Лизѣ. N точно сталъ для насъ какимъ-то синонимомъ любви и въ то-же время все какимъ-то непонятнымъ образомъ стало такъ или иначе касаться и напоминать его.

Знаешь, это въ родѣ того, какъ бываетъ съ ушибленнымъ мѣстомъ, съ которымъ какъ-то такъ уже выходитъ всегда, что ежеминутно затрогиваешь и разбережаешь его.

Такъ было теперь для меня и съ N. Мысль моя, словно порабощенная и завороженная имъ, ежеминутно искала повода вернуться къ нему.

Пѣла ли Лиза—я вспоминала, какъ она пѣла при немъ; входилъ ли Сережа—я вспоминала, что онъ угадываетъ все, что творится въ душѣ моей и... и начинала думать объ N; плыла ли лодка по рѣкѣ, стояла ли я надъ обрывомъ, надъ которымъ стояла съ нимъ, выходила ли въ садъ, глядѣла ли на сирень, или просто при мнѣ заговаривали о музыкѣ, объ университетѣ и профессорахъ, о заграницѣ, гдѣ теперь ждала его жена, упоминали ли самое имя Казани, гдѣ онъ жилъ—все тотчасъ же напоминало мнѣ его, а напомнивъ сосредоточивало, на немъ всѣ мысли.

Порой я сама почти съ ужасомъ спрашивала себя,—до чего же это дойдетъ, и старалась какъ-нибудь образумить себя напоминаніемъ о дѣтяхъ, о мужѣ, о своемъ долгѣ; но умъ мой

получилъ вдругъ совсѣмъ новую и несвойственную ему гибкость и на все находилъ возраженіе и оправданіе.

Я сама не понимала, куда дѣвались всѣ тѣ правила, которыя я считала такъ глубоко вкоренившимися въ моей душѣ, тѣ убѣжденія, по которымъ я жила до сихъ поръ, по которымъ думала прожить всю жизнь, по которымъ мѣрила и судила грѣхи другихъ! Правила, въ непреложность и истину которыхъ я такъ вѣровала, пока дѣйствительность не вздумала посмѣяться надъ мной теперь, и въ которыхъ такъ искренно воображала спасеніе всякой женщины, пожелающей только напомнить ихъ себѣ.

И вотъ я могла напоминать ихъ себѣ хоть двадцать разъ въ день, и они все-таки ни въ чемъ не убѣждали меня и ничто уже не измѣняли, точно разомъ утративъ весь свой смыслъ и значеніе, и вмѣсто спасенія и истины я чувствовала въ нихъ теперь только фальшь и лицемѣріе, и чувство, которое съ такой силой и властью развилось вдругъ въ душѣ моей, было гораздо краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе ихъ.

Я говорила себѣ, прикрываясь какъ щитомъ отъ самой себя. «дѣти!» — этотъ стимулъ такой могучій моего существованія до сихъ поръ, предъ которымъ блѣднѣло все остальное, которому все приносилось въ жертву. И вотъ я говорила себѣ теперь: «дѣти», и совсѣмъ новыя и непривычныя для меня самой мысли являлись откуда-то въ головѣ моей и все упрощали.

Что же, что дѣти! развѣ имъ будетъ хуже оттого, что я полюблю! Они еще такъ малы, что ничего не поймутъ, да и развѣ потомъ у нихъ не будетъ своей собственной жизни, въ которой они, вѣроятно, не пожертвуютъ для меня не только большой любовью, но даже маленькимъ увлеченіемъ!

У нихъ будетъ современемъ своя жизнь, какъ у меня теперь своя, и разъ что они не будутъ ничѣмъ страдать, то почему же ради нихъ я должна отказываться отъ того, что, быть можетъ, составитъ все счастье и радость моихъ послѣднихъ молодыхъ лѣтъ!

«Мужъ»! Но онъ менѣе чѣмъ кто-либо можетъ осуждать меня! Не онъ ли первый и натолкнулъ меня на эту любовь? Боже мой, да развѣ что-нибудь подобное могло бы случиться при нашихъ прежнихъ отношеніяхъ! Развѣ могла бы зародиться эта новая любовь, если бы душа моя по прежнему была полна къ нему той глубокой преданностью и нѣжностью, которыя онъ такъ мало цѣнилъ и такъ мало желалъ сберечь для себя. Что могъ бы онъ сказать мнѣ, узнавъ, что я полюбила другого, онъ, два года любившій уже самъ другую? Онъ, не стѣснявшійся даже унижать и оскорблять меня ради нея! Онъ, пренебрежительно называвшій мои слезы и мольбы къ нему и самое горе мое «бабьей ревностью и комедіями!»

Можетъ быть, сама судьба пожелала теперь отмстить ему за меня, заставивъ самого пережить то, что такъ мучительно, съ такими униженіями заставлялъ переживать меня онъ впродолженіи всѣхъ этихъ двухъ лѣтъ. Не онъ ли самъ постепенно разрушилъ мою вѣру въ него, такую страстную и глубокую прежде, не самъ ли онъ точно съ намѣреніемъ старался отталкивать меня отъ себя своимъ обращеніемъ, которымъ задѣвалъ и оскорблялъ меня чуть не на каждомъ шагу? Не онъ ли пошатнулъ и всѣ тѣ, быть можетъ, наивные, но свѣтлые и чистые идеалы въ душѣ моей, въ которые я такъ вѣрила, по которымъ такъ желала жить, и не ему теперь судить и обвинять меня! Ему, у котораго къ тому же была цѣлая жизнь до меня, въ которой были уже и женщины, и любовь, и увлеченія, и ошибки, и измѣны, и, кто знаетъ, сколько уже разъ все это уже было, и сколько разъ все это еще будетъ!

А вся моя любовь сосредоточивалась только на немъ одномъ, и внѣ его у меня не было ни воспоминаній, ни увлеченій. Отчего же они могутъ любить и ошибаться, и увлекаться по многу разъ въ своей жизни, а мы, не любя никого до нихъ и полюбивъ ихъ, хотя бы и ошибившись въ нихъ и разочаровавшись въ лучшихъ своихъ чувствахъ и мечтахъ, не смѣемъ даже мысленно отойти отъ нихъ; не смѣемъ, не вызывая всеобщаго осужденія, даже думать о вторичной любви, и самое слово «любовь» не въ примѣненіи къ нимъ, кажется и имъ, и даже чуть ли уже не намъ самимъ какой-то низостью и преступленіемъ? Для нея даже придумали спеціальное слово, позорящее и пугающее женщину уже однимъ произнесеніемъ его надъ нею, «паденіе». Но развѣ мы не такія же люди, какъ и они! Развѣ въ насъ не та же кровь, не тѣ же нервы, не таже страстность? И почему они, любя въ своей жизни по десяти разъ, не только не падаютъ, но чуть ли даже не возвышаются въ глазахъ общества, съ завистью называющихъ ихъ тогда «Донъ-Жуанами», а мы, осмѣлясь полюбить вторично, неминуемо «падаемъ» въ глазахъ не только этого пристрастнаго и несправедливаго общества, но даже и чуть ли не въ своихъ собственныхъ!

Видитъ Богъ, что я не хотѣла ни обманывать его, ни измѣнять ему, и очень можетъ быть, что во имя тѣхъ же предразсудковъ, которые, помимо моей воли, помимо даже моего признанія ихъ, вкоренились въ меня, пошла бы скорѣй на добровольную смерть, чѣмъ на то, что они называютъ нашимъ «паденіемъ» и, не ради него, а ради самой себя и той любви, которую не хотѣла загрязнить въ собственныхъ глазахъ, боролась бы противъ того до послѣдней сознательной мысли своей, но я хотѣла во всякомъ случаѣ, *имѣть право* на нея, и потому рѣшила все сказать ему по его возвращеніи. Сказать не отъ того, что считала себя обязанной сдѣлать это (моя любовь къ N была еще такъ чиста, такъ не опре-

дѣленна даже, что ни къ чему не обязывала меня пока), но сказать уже потому, что я считала его обязаннымъ дать и мнѣ хоть часть той нравственной свободы, которой онъ такъ широко пользовался самъ; потому что хотѣла заставить его признать и за мной то нравственное право любви, въ которомъ не отказывалъ онъ себѣ. Я думала, да и думаю, что это наше естественное право. въ которомъ они не смѣютъ отказывать намъ, когда сами не съумѣли или не захотѣли сберечь ни нашей любви къ себѣ, ни своей собственной вѣрности къ намъ.

И мнѣ стоило только вспомнить его Юлію Сергѣевну, у которой онъ былъ теперь, вспомнить все, что онъ заставилъ меня вынести и пережить изъ-за нея, вспомнить ту ужасную, безобразную сцену между нами наканунѣ его отъѣзда, которую я никогда не научусь вспоминать безъ содроганія, и всякое сознаніе своей вины предъ нимъ за эту любовь, перешедшую съ него на другого, исчезало изъ души моей вмѣстѣ съ послѣдними угрызеніями совѣсти.

Нѣтъ, нѣтъ, не ему обвинять и судить меня. Гораздо болѣе смущало меня, вызывая чувство отвѣтственности и вины, это жена N, хотя я почти не знала ее. Но каждый разъ, что я вспоминала ся грустное лицо, укоръ совѣсти невольно охватывалъ меня съ новой силой. Я живо вспоминала все, что выстрадала сама, и мнѣ было больно и стыдно думать, что я тоже самое, быть можетъ, причиняю теперь другой.

Положимъ, я знала, что никогда не позволю себѣ относиться къ ней такъ, какъ, не стѣсняясь, относилась ко мнѣ Юлія Сергѣевна. Я предпочла бы лучше совсѣмъ не видѣться съ N, чѣмъ сдѣлать ей еще больнѣе и тяжелѣе то, что уже само по себѣ такъ мучительно больно для насъ, женщинъ.

Скорѣй я не пощадила бы собственаго мужа, который самъ столько разъ не щадилъ меня, чѣмъ хоть какъ-нибудь задѣла бы и оскорбила бы жену N.

Сама не знаю почему, но эта женщина, которую я едва знала, и при томъ жена того самаго человѣка, которымъ такъ сильно увлеклась я сама, внушала мнѣ какую-то глубокую нѣжность и симпатію, и даже сознаніе, что мы любимъ съ ней одного и того же человѣка не отталкивало меня отъ нея, а скорѣй точно еще больше сближало, и она казалась мнѣ словно милой сестрой.

Даже мысль, что онъ уѣдетъ къ ней, не отталкивала меня отъ нея, хотя сама по себѣ казалась ужасной, ужъ однимъ сознаніемъ, что я не увижу его нѣсколько мѣсяцевъ, и что въ эти долгіе мѣсяцы все само собой кончится, и онъ вернется снова такимъ же чужимъ, какимъ былъ до этой весны.

Иногда мнѣ казалось, что онъ уже уѣхалъ, и тогда я приходила чуть не въ отчаяніе: но я вспоминала его послѣдній, долгій

взглядъ, когда я крикнула ему «пріѣзжайте», и не вѣрила, не могла вѣрить, что онъ уѣдетъ, не увидавшись еще разъ, и ждала его, ждала каждый день, каждый часъ, и кто бы ни входилъ въ комнату, кто бы ни проѣзжалъ мимо по дорогѣ, которая видна была съ нашего балкона, я вздрагивала и блѣднѣла отъ одной надежды, что это, можетъ быть, онъ.

Я ходила, разговаривала, гуляла, смѣялась, все какъ во снѣ, больше машинально и только внѣшнимъ проявленіемъ воли надъ собой, а все существо мое было поглощено имъ однимъ и не было почти секунды, когда бы я не думала о немъ.

Это превращалось уже въ какую-то болѣзненную idie fixe, которая не покидала меня даже во снѣ, и я засыпала и просыпалась прямо съ мыслью о немъ, и не потому, чтобы я хотѣла этого а потому что уже *не могла* не думать о немъ, и мысли эти являлись и работали въ моемъ больномъ разгоряченномъ мозгу уже помимо моей воли.

Но день шелъ за днемъ, прошла уже почти недѣля, а онъ все не ѣхалъ и, наконецъ, я стала думать, что онъ уже, дѣйствительно, не пріѣдетъ больше, и тогда на меня напала такая тоска, что мнѣ было стыдно за нее предъ самой собой.

Но вотъ, когда я однажды стояла такъ на крыльцѣ нашего дома, притворяясь предъ другими, что вышла просто подышать воздухомъ, и жадно смотрѣла на дорогу, поджидая по обыкновенію его, на дорогѣ показался экипажъ, и черезъ минуту я почувствовала, что это онъ.

Не поняла, не увидала, не догадалась, а именно *почувствовала* это всѣмъ существомъ.

Вся кровь прилила мнѣ къ сердцу, оно забилось и затрепетало отъ радости, точно хотѣло разорваться и не сознавая, зачѣмъ и какъ я бросилась обратно въ залу, гдѣ Лиза разбирала какую-то новую пьесу, а Борисъ стоялъ подлѣ рояля и философствовалъ.

— Что? что?—воскликнули они оба вмѣстѣ, увидѣвъ меня.

— Что? что такое!—спрашивали они, не понимая, въ чемъ дѣло.

Но я только безсознательно засмѣялась имъ въ отвѣтъ, счастливымъ, радостнымъ смѣхомъ, который невольно вырвался изъ груди моей и все также стремительно и быстро, почти не чувствуя шаговъ своихъ, такъ легки вдругъ сдѣлались они, пробѣжала мимо нихъ къ себѣ наверхъ по лѣстницѣ

Я чувствовала, что должна бѣжать отсюда, бѣжать отъ самой себя, бѣжать дальше отъ этихъ дверей, въ которыя онъ сейчасъ войдетъ, чтобы только не выдать себя окончательно... и не броситься къ нему навстрѣчу.

Но на лѣстницѣ мнѣ попался Сережа, онъ шелъ внизъ изъ

дѣтской, и я не могла ни миновать его, ни спрятаться отъ него, какъ инстинктивно подумала о томъ на мигъ.

Мой сіяющій видъ поразилъ, вѣрно, и его, какъ за минуту предъ тѣмъ уже поразилъ Бориса и Лизу, потому что такъ же, какъ и они, онъ воскликнулъ, увидѣвъ меня:

— Что, что такое?

И вдругъ (теперь я сама не понимаю, какъ это случилось, какъ *могло* это случиться), я бросилась къ Сергѣю и припала къ нему на грудь.

— Онъ пріѣхалъ... Сережа, пріѣхалъ...—проговорила я почти безсознательно, и я до сихъ поръ не понимаю, какъ могла рѣшиться сказать это и кому же — Сергѣю! *Ему*, отъ котораго болѣе чѣмъ отъ кого-либо, желала скрыть свою любовь, одно присутствіе котораго уже смущало меня, *ему*, который самъ любилъ меня!

Но тогда я была какъ во снѣ, я ни о чемъ не разсуждала, ничего не соображала, и мысль, что *онъ тутъ*, что я сейчасъ увижу его, точно опьяняла меня, и я утрачивала всякую власть надъ собою. И все-таки я увидѣла, какъ при моихъ словахъ лицо Сережи разомъ стало печально, но онъ нѣжно привлекъ меня къ себѣ и заглянулъ мнѣ прямо въ глаза:

— Такъ это правда, Катюша?—сказалъ онъ тихо, безъ укора, который мнѣ все время чудился въ немъ, а только съ печалью:— ты *такъ* любишь его!

«Боже мой, что я сдѣлала, что я сдѣлала!» промелькнуло вдругъ въ головѣ моей, и я опомнилась на мигъ и поняла, что я сказала что-то ужасное, чего никому и никогда не должна бы была говорить.

— Не знаю... не знаю сама... но, Боже мой, что ты будешь думать обо мнѣ теперь, Сережа!—воскликнула я, и мнѣ стало такъ страшно отъ одной мысли лишиться его любви, его уваженія, что я чуть не зарыдала.

— Ничего, родная, не буду думать,—сказалъ онъ все такъ же тихо, и нѣжно, точно ребенка, гладя меня по головѣ:—ничего дурного во всякомъ случаѣ. . Что же тутъ дѣлать, люби, коли уже полюбила...

Боже мой, а я—я все время, какъ чужого, избѣгала его, тяготилась имъ! А онъ даже и теперь не нашелъ въ сердцѣ своемъ для меня ни укора, ни осужденія!

И мнѣ стало такъ стыдно и больно предъ нимъ, что даже восторгъ охватившій меня при одной мысли свиданія съ N, точно уменьшился и поблѣднѣлъ.

Но едва внизу послышались радостные голоса Бориса и Лизы, встрѣчавшіе его тамъ, и среди нихъ я различила его спокойный,

негромкій голосъ, все снова всколыхнулось во мнѣ, сердце снова забилось какою-то сладкою болью.

— Не выходи къ нему сейчасъ...—сказалъ мнѣ Сережа:—ты такъ взволнована, побудь минутку у себя...

И нѣжно попрежнему поцѣловавъ меня, онъ началъ спускаться внизъ, а я поднялась на послѣднія ступени; но шаги мои уже не были теперь такъ легки и стремительны какъ за минуту предъ тѣмъ, и я уже чувствовала ихъ.

Я вошла къ себѣ въ комнату и машинально остановилась среди нея.

— Что же это, что?—спрашивала я, не понимая самое себя:—счастье ли это огромное, прекрасное, могучее счастье, которое за все наградитъ, все скраситъ или что-то ужасное, какое-то страшное несчастіе, которое все погубитъ, все разрушитъ; и отъ котораго надо куда-то бѣжать, какъ-то спасаться?

Я сама не понимала это ясно, и мнѣ хотѣлось одновременно рыдать отъ восторга и рыдать отъ ужаса.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса моихъ дѣтей, но я прислушивалась къ нимъ почти съ удивленіемъ, точно не узнавая ихъ и не вѣря, что это *мои дѣти*, и самая мысль, что онѣ есть у меня, что я дѣйствительно ихъ мать, опять казалась мнѣ почему-то дикою и невѣроятною.

Но вдругъ на лѣстницѣ послышались легкіе, быстрые шаги Лизы, и чрезъ минуту она вбѣжала ко мнѣ, вся раскраснѣвшаяся и съ радостно блистающими глазами.

— Ахъ, тетя,—заговорила она, съ восторгомъ обнимая меня,—это N пріѣхалъ! И віолончель привезъ съ собою! Пойдемте скорѣй, онъ уже спрашивалъ о васъ, спрашивалъ отчего васъ не видно!

Она говорила это быстро, быстро почти въ такомъ же полусознаніи, въ какомъ была и я сама; но мнѣ уже удалось овладѣть собою, и я заговорила съ ней почти спокойно,

Лиза подбѣжала къ моему зеркалу и съ кокетливымъ инстинктомъ влюбленной женщины стала оправлять свои густые, слегка растрепавшіеся волосы.

Я тоже подошла поправиться, и мы смотрѣлись съ нею въ одно зеркало съ одинаково блистающими глазами, съ одинаково пылавшими лицами и даже смѣялись одинаковымъ счастливымъ и радостнымъ смѣхомъ влюбленныхъ женщинъ, она въ свои 17, а я въ мои 34 года!

Потомъ мы спустились съ нею внизъ, и первое лицо, которое я увидѣла, было лицо Сережи, тревожно слѣдившее за мною. Онъ видимо боялся за меня, но я уже настолько овладѣла собою, что поздоровалась съ N почти спокойно.

— Какъ это мило съ вашей стороны, что вы опять заглянули къ намъ!— сказала я ему съ оффиціальной любезностью, и только рука моя была холодна, какъ ледъ и слегка дрожала, когда я протянула ему ее.

Но я сознавала, что все мое самообладаніе лишь до тѣхъ поръ, пока я не взглянула на него и всячески избѣгала встрѣтиться съ нимъ взглядами, хотя мнѣ именно этого-то больше всего и хотѣлось, тѣмъ болѣе, что я чувствовала, какъ его глаза, молча съ упрекомъ, не понимая меня и удивляясь мнѣ, слѣдятъ за мною.

Но когда мы сѣли пить чай, N неожиданно очутился подлѣ меня и пользуясь тѣмъ, что подъ общій говоръ его словъ не было слышно другимъ, вдругъ тихо проронилъ.

— Какъ непривѣтливо встрѣтило меня сегодня «Нагорное» (такъ зовутъ нашу усадьбу).

— Отчего вамъ это кажется?—спросила я, слегка краснѣя.

— Не знаю,—сказалъ онъ все такъ же тихо,—но идетъ дождь, небо хмурое, въ воздухѣ холодно и кажется, что съ прошлаго раза прошла не одна недѣля, а цѣлое лѣто.

«О, милый, милый,—подумала я,—неужели же ты ничего не понимаешь, неужели же ты не чувствуешь, что творится въ душѣ моей...»

И я сказала ему:

— Недѣля большой срокъ, иногда она можетъ показаться очень долгой...

— Это правда?—спросилъ онъ быстро; но Борисъ окликнулъ его, что-то спрашивая, и нашъ маленькій разговоръ à parт, полный какой-то особенной прелести и значенія, оборвался и больше уже не возобновлялся.

На этотъ разъ даже Сережа былъ очень оживленъ и милъ съ N, чѣмъ кажется немножко удивилъ того, и разговоръ, сдѣлавшійся общимъ, почти уже не прерывался.

Послѣ чая рѣшили тотчасъ же заняться музыкой, и молодежь съ Сережей принялись устраивать все подлѣ рояля, а N вышелъ въ сосѣднюю комнату, которая почему-то называлась у насъ кабинетомъ, гдѣ онъ оставилъ свою віолончель.

И вдругъ меня охватило такое страстное желаніе хоть на мигъ остаться съ нимъ вдвоемъ, что я не могла больше удерживаться и, почти не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ я это дѣлаю, и только повинуясь опять какой-то чужой силѣ, увлекавшей меня, перешла чрезъ всю залу и остановилась на порогѣ той комнаты, въ которую вошелъ N. Онъ, вынимая изъ футляра віолончель, стоялъ на другомъ концѣ; но услыхавъ, должно быть, шорохъ моихъ шаговъ, приподнялъ голову и взглянулъ на меня.

Мигъ, одинъ мигъ, быть можетъ, нѣсколько секундъ, мы молча

глядѣли одинъ на другого, и если взглядомъ можно все сказать, сказать больше, чѣмъ словами, все понять въ немъ, если можно отдать себя однимъ взглядомъ, то мы все сказали имъ другъ другу, и столько любви, столько влеченія одного къ другому было въ этомъ нѣмомъ, страстномъ взглядѣ, что, казалось, мы должны были бы во имя его, забывъ все на свѣтѣ, броситься другъ къ другу... но мы оба не двинулись съ мѣста... Я опомнилась первая и, невольно опустивъ глаза, молча отошла отъ дверей назадъ въ зало.

И помню, что когда я повернулась и переходила отъ дверей къ своему любимому мѣсту на качалкѣ, я шла почти безъ сознанія; ноги дрожали, и голова такъ кружилась, что мнѣ казалось я не дойду и упаду въ какомъ-то странномъ полуобморокѣ среди этой кружившейся комнаты.

Но усиліемъ воли я дошла до качалки; машинально опустилась на нее, и, закрывъ глаза, просидѣла такъ молча нѣсколько минутъ, не двигаясь, въ все въ томъ же какомъ-то полусознаніи.

Когда я затѣмъ открыла глаза, N былъ уже въ залѣ и настраивалъ віолончель; но струны не слушались его замѣтно дрожавшихъ пальцевъ, и одна изъ нихъ вдругъ лопнула и жалобно зазвенѣла разрѣзавъ воздухъ стонущимъ звукомъ.

Я подозвала къ себѣ знакомъ Сережу, заботливо слѣдившаго за мною издали глазами, и попросила его принести мнѣ сверху мой теплый пуховый платокъ Я точно озябла и заледенѣла вся, и мнѣ какъ будто хотѣлось дремать.

N началъ играть, но я слушала его, какъ въ полуснѣ, и чувствовала только такую слабость и апатію, какая бывала со мной только при самой сильной усталости или послѣ болѣзни. Казалось, вся, моя любовь къ этому человѣку, вся та страсть, что сжигала меня послѣдніе дни, дошла до своей кульминаціонной точки въ этомъ послѣднемъ взглядѣ и точно упала послѣ того!

По крайней мѣрѣ, я уже не чувствовала больше ни того нервнаго возбужденія, ни той волнующейся радости, которая до сихъ поръ каждый разъ охватывала меня въ его присутствіи!

Вѣрно, я была очень блѣдна, потому что Сережа, принеся мнѣ платокъ, тревожно спросилъ меня, не дурно ли мнѣ.

— Нѣтъ,—сказала я ему тихонько,—это такъ, я просто устала.

И я, дѣйствительно, устала отъ того напряженнаго, нервно приподнятаго настроенія, какого-то кошмара любви, въ которомъ жила все послѣднее время.

Когда N кончилъ играть, и всѣ стали апплодировать ему и восторгаться, я едва принудила себя проговорить какую-то банальную похвалу.

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня, и на всеобщія просьбы

сыграть еще что-нибудь сказалъ, что не знаетъ, что бы ему еще выбрать.

— Что бы вы хотѣли?—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Но я ничего не хотѣла; въ моей душѣ была только усталость, и музыка, которую я всегда такъ любила, точно еще больше утомляла меня теперь.

— Не знаю,—сказала я такъ равнодушно, что мнѣ самой стало неловко,—не знаю... мнѣ все равно...

Мои слова были, видимо, непріятны N, и онъ съ легкимъ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

— Можетъ быть, на сегодня довольно?—нерѣшительно замѣтилъ онъ. Но всѣ такъ горячо запротестовали, что онъ поневолѣ сталъ продолжать.

Но, моя апатія казалось, передалась и ему; онъ игралъ вяло, неохотно, точно насилуя себя, и сыгравъ еще одну вещь, рѣшительно отставилъ отъ себя віолончель.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—сегодня что-то не идетъ, лучше бросить...

И какъ ни упрашивали его, онъ уже не сталъ больше играть и ограничился только тѣмъ, что предложилъ аккомпанировать Лизѣ.

Но и съ Лизой они исполнили всего двѣ-три вещи и тоже бросили. Музыка положительно не шла; я точно всѣхъ заразила своею вялостью, и всѣ казались усталыми, блѣдными, и даже разговоръ не клеился.

Мнѣ было непріятно, что я такъ нарушила весь этотъ вечеръ, который могъ бы выйти такимъ же прекраснымъ, какъ и прошлый, но ничего не могла подѣлать съ собой.

Я видѣла, что всѣ бросаютъ на меня удивленные взгляды, а N нѣсколько разъ мелькомъ, но пытливо взглядывалъ на меня.

Наконецъ, онъ поднялся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ Лизѣ, съ отчаяніемъ умолявшей его еще «немножко посидѣть»,—хозяйкѣ надо дать отдохнуть; музыку можно отложить до завтра. У васъ совсѣмъ усталый и больной видъ, вамъ надо лечь!—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку, и хотя я больше изъ вѣжливости слабо протестовала, но Сережа тоже присоединился къ N, и мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Какъ только я пришла къ себѣ, я сейчасъ же быстро раздѣлась, съ наслажденіемъ легла въ постель и заснула почти тотчасъ же немного тяжелымъ, но такимъ крѣпкимъ сномъ, точно не спала предъ тѣмъ нѣсколько ночей.

На утро я проснулась позже обыкновеннаго, но не освѣженная за ночь и не бодрая, какой вставала обыкновенно послѣ хорошо проведенной ночи, а все съ той же вялостью и усталостью во всѣхъ членахъ, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

Солнце свѣтило ярко и радостно, но мнѣ не хотѣлось вставать.

Я знала, что N всегда встаетъ рано, что теперь онъ, вѣрно уже въ саду и, быть можетъ, даже ждетъ меня тамъ, но это не преодолѣвало мою лѣнь, и я продолжала лежать равнодушно съ закрытыми глазами.

Я даже нарочно говорила себѣ:

— Онъ тутъ!

И сердце не билось отъ того сильнѣе.

Я вспоминала тотъ прекрасный взглядъ любви, которымъ мы обмѣнялись съ нимъ вчера и въ мигъ котораго пережили, быть можетъ, больше, чѣмъ за другой годъ, но и тутъ моя апатія не исчезала, и въ душѣ не зажигалось желаніе повторить его...

Да онъ и не могъ повториться!

— Но что же это значитъ?—спрашивала я съ удивленіемъ, не понимая самое себя?—Неужели же все прошло! И такъ вдругъ, безъ всякой причины, сейчасъ же вслѣдъ за моментомъ наибольшаго проявленія этой любви!

— Не можетъ быть, не можетъ быть!—говорила я себѣ чуть не съ огорченіемъ, и мнѣ было и досадно, и обидно, и стыдно предъ самой собой, еще вчера чуть не сходившей съ ума отъ страстной любви къ этому человѣку, а сегодня уже думавшей о немъ чуть не съ полнымъ равнодушіемъ. А главное... главное было жаль того прекраснаго настроенія, въ которомъ я чувствовала себя такой молодой, такой обновленной, такъ полной жизни!

Настроеніе, въ которомъ каждый мигъ былъ разнообразенъ и прекрасенъ, и вдругъ все это исчезло, такъ само по себѣ, такъ же неожиданно и внезапно, какъ и пришло; такъ же мало подчиняясь законамъ всякой логики, всякаго здраваго смысла въ своемъ исчезновеніи, какъ и въ своемъ возникновеніи; такое же причудливое, капризное и полное неожиданностей для меня самой теперь, какъ и тогда...

— Но почему же. почему же это?—спрашивала я себя почти съ негодованіемъ.—И что же это было въ такомъ случаѣ? Любовь? Но развѣ можетъ любовь пройти такъ легко и быстро, безъ всякой причины! Значитъ... значитъ... только страсть! Та роковая страсть, которую, говорятъ, переживаетъ почти каждая женщина послѣ 30-ти лѣтъ!

И мнѣ было стыдно, стыдно себя; я закрывала лицо руками и, пряча его въ подушки, чувствовала сама, какъ горячая краска стыда заливаетъ его...

Влюбиться такъ страстно, такъ безразсудно, какъ дѣвчонка и вдругъ разомъ остыть! Право, въ этомъ есть что-то оскорбительное и унижающее въ собственныхъ глазахъ.

*

И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, это просто первый симптомъ подкрадывающейся старости!

— Развѣ могло бы случиться что-нибудь подобное съ 20-ти лѣтней дѣвушкой или женщиной!

Можетъ быть въ этомъ порывѣ вспыхнулъ послѣдній запасъ молодыхъ силъ, таившійся гдѣ-то въ глубинѣ души; вспыхнулъ и... потухъ просто потому, что необходимаго для такого горѣнія матеріала хватило только на начало, а я такъ неожиданно для самой себя, нашедшая его въ себѣ, словно пораженная и обрадованная этимъ открытіемъ, поспѣшно и неразсчетливо сожгла его весь разомъ, любуясь какъ дѣвочка яркимъ пламенемъ.

И вотъ онъ «весь вышелъ», какъ говоритъ наша няня,—вышелъ прежде, чѣмъ я поняла это сама, точно какой-то бенгальскій огонь, который вспыхнулъ, озарилъ все вокругъ себя волшебнымъ, свѣтомъ, прогорѣлъ одну минуту и погасъ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ жалкой горсточки пепла, который самъ собой разлетится во всѣ стороны и безслѣдно исчезнетъ!

— Но я все еще не вѣрила себѣ и думала, что мнѣ просто это такъ кажется, а увижу его, и все снова воскреснетъ въ душѣ, и я нарочно вызывала въ памяти вчерашнюю сцену въ кабинетѣ, чтобы вновь подпасть подъ обаяніе ея, но вмѣсто того, въ этой памяти возникла вдругъ сама собой, другая тождественная сцена, поразившая меня страннымъ сходствомъ съ этой.

Мнѣ вспомнился морозный, зимній день, съ бѣлой пеленой искрившагося за окнами на солнцѣ снѣга, съ гулко разливавшимся въ воздухѣ благовѣстомъ сосѣднихъ церквей, и наша свѣтлая, большая зала-столовая въ дядиномъ московскомъ домѣ, въ которой ярко топятся по угламъ бѣлыя изразцовыя печи.

И я сама, еще такая молодая, такая довѣрчивая и къ жизни, и къ людямъ, и тоже влюбленная... но такъ свѣтло, такъ беззавѣтно, такъ чисто, какъ-то совсѣмъ *иначе*, чѣмъ это было теперь...

Я иду по этой свѣтлой комнатѣ, за какой-то книгой въ кабинетъ Дмитрія и думаю «о немъ», и на сердцѣ у меня такъ радостно; я жду, жду всѣмъ существомъ своимъ чего-то прекраснаго, и хоть онъ и не говорилъ мнѣ еще о любви своей, но я уже чувствую ее; чувствую ее въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ его, которые онъ все дольше и дольше останавливаетъ на мнѣ... И это внутреннее сознаніе ея, наполняетъ меня всю такимъ счастьемъ, такой любовью и къ нему, и къ жизни, и къ людямъ, и ко всему міру, который кажется мнѣ прекраснымъ, уже потому, что въ этомъ мірѣ есть онъ.

И вотъ я вхожу въ кабинетъ, и вижу — его! И пораженная, не ожидавшая того, я невольно, съ радостно бьющимся сердцемъ, останавливаюсь на порогѣ, какъ остановилась и вчера...

И онъ тоже, какъ и тотъ вчера, поднимаетъ голову, и мигъ мы молча смотримъ другъ на друга, и моя радость точно переходитъ на него и освѣщаетъ все лицо его, и онъ вдругъ протягиваетъ мнѣ руки, эти милыя мнѣ руки, которыхъ я такъ давно, такъ горячо ждала, и съ тихимъ воплемъ счастья и восторга я бросаюсь къ нимъ на встрѣчу, и онѣ прижимаютъ меня къ своей груди такъ крѣпко и нѣжно, точно на вѣкъ хотятъ удержать меня на ней...

О какой растроганный восторгъ былъ на лицахъ насъ обоихъ, когда мы потомъ, сквозь слезы, сквозь лучшія слезы жизни нашей, взглянули другъ на друга!

Этой минутой мы точно, дѣйствительно, отдали жизни свои другъ другу, соединивъ ихъ навсегда до послѣднихъ дней, въ общія радости, въ общее горе...

Такъ, по крайней мѣрѣ, горячо вѣровали мы оба въ это *тогда*.

Тотъ мигъ тоже былъ, быть можетъ, наивысшимъ проявленіемъ любви нашей, но не охлажденіе и усталость вызвалъ онъ собой, а только еще большую силу этой любви, еще большее проникновеніе ею и вѣру въ нее.

И эта сцена, припомнившаяся мнѣ вдругъ изъ далекаго прошлаго, шевельнула въ душѣ что-то далекое, почти уже забытое, но такое безконечно милое и близкое мнѣ, что мнѣ казалось, что это было не 11 лѣтъ тому назадъ, а годъ, мѣсяцъ, недѣлю И прошлое, то прошлое, которое, я думала, что уже совсѣмъ убито въ душѣ моей, съ которымъ все казалось мнѣ порваннымъ снова выплыло откуда-то, точно изъ какого-то тумана, скрывавшаго его отъ меня, и охватило меня такимъ теплымъ, такимъ хорошимъ чувствомъ къ себѣ, предъ которымъ поблѣднѣли всѣ пережитыя невзгоды, отодвинулось все, что разъединяло, и мнѣ показалось, что если бы мужъ былъ бы здѣсь или какимъ-нибудь чудомъ вдругъ вошелъ бы сейчасъ сюда, я бросилась бы къ нему съ такой радостью и... и почти съ прежнею любовью!

Онъ вдругъ ожилъ въ душѣ моей со всѣмъ пережитымъ вмѣстѣ счастьемъ, съ пережитымъ вмѣстѣ горемъ, и я вновь почувствовала его безконечно близкимъ себѣ и такъ слившимся съ существованіемъ меня самой, такъ неотдѣлимымъ отъ дѣтей моихъ—«нашихъ дѣтей», что я даже не понимала теперь, какъ могла я думать, что будто бы все порвано и кончено между нами навсегда.

Да развѣ «это», скрѣпленное и переплетенное между собой такими безконечными нитями, которыя безъ мучительной, а можетъ быть даже и смертельной боли, нельзя ни порвать, ни сбросить съ себя, можно разорвать и кончить, пока не кончилась самая жизнь одного изъ насъ!

Но я вспомнила также и то, какъ далеко отошли мы за послѣднее время, какими чужими стали другъ для друга, и сердце сжалось тоской.

— Боже мой, Боже мой,—сказала я себѣ почти съ ужасомъ,—но какъ же могло это случиться? Какъ могли мы такъ уйти другъ отъ друга, и неужели же это уже непоправимо?

И въ первый еще разъ мнѣ пришло въ голову, что въ этомъ страшномъ отчужденіи виновата, быть можетъ, я, такъ же, какъ и онъ.

Можетъ быть, я сама мало берегла нашу любовь, мало цѣнила наше счастье и умѣла только требовать и возмущаться, а не умѣла и не хотѣла ни понимать, ни прощать. А кто знаетъ, можетъ быть, истина любви не въ требованіи, а въ прощеніи, не въ эгоизмѣ собственнаго «я», которое все покрываетъ для насъ, а въ пониманіи и снисхожденіи къ тому другому «я», которое должно быть выше, важнѣе своего собственнаго, и въ которое мы, занятыя своимъ чувствомъ, своими страданіями, такъ рѣдко даемъ себѣ трудъ заглянуть, понять и оправдать!

Кто знаетъ, можетъ быть, если бы я съ самаго начала нашла бы для него въ сердцѣ своемъ больше мягкости и снисхожденія, мы не ушли ли бы такъ далеко по пути того страшнаго отчужденія, которое какъ неразумныя дѣти, сами не вѣдающія, что творятъ, къ чему идутъ, мы такъ усердно старались раздувать другъ въ другѣ, вмѣсто того, что бы всѣми силами бороться противъ того!

Мнѣ вспомнилось торжествующее лицо Юліи Сергѣвны, всѣ ея злыя выходки противъ меня, всѣ наши унизительныя ссоры изъ-за нея съ мужемъ, и на мигъ въ душѣ моей опять вспыхнуло негодованіе и на нея, и на мужа, но тотчасъ же изъ-за ея образа выплылъ другой образъ—образъ N, и я невольно сказала себѣ:

— А ты сама!

— Да—повторила я себѣ,—«а я сама», и проснувшееся было негодованіе опять стихло, и въ душѣ все сильнѣе разросталось желаніе «примиренія».

— Я напишу ему, говорила я себѣ, и припомнивъ тѣ нѣсколько писемъ, холодныхъ и оффиціальныхъ, которыми мы обмѣнялись съ нимъ за это время, я почувствовала, что *теперь* я напишу уже иное... какое, *что* именно напишу—я еще неясно сознавала сама, но желаніе «написать» было такъ сильно, что мнѣ хотѣлось сейчасъ же приняться за это письмо; но пришла Паша, моя горничная, и сказала, что всѣ давно уже встали и дожидаются меня внизу.

Я опомнилась; было, дѣйствительно, уже поздно, и стала поспѣшно одѣваться; но мысль сойти внизъ и увидѣть опять N была мнѣ точно непріятна.

Я чувствовала въ этомъ неизбѣжно предстоявшемъ мнѣ сви-

даніи какую-то фальшь и неловкость; но дѣлать было нечего, надо было все-таки выйти.

Когда я спустилась, всѣ встрѣтили меня громкими восклицаніями, и даже N сказалъ: «наконецъ!»

И это маленькое, невольно, видимо, вырвавшееся у него восклицаніе невольно смутило меня еще больше и заставило слегка вздрогнуть.

«Неужели въ немъ это еще держится?» подумала я почти съ удивленіемъ, потому что разъ, потухнувъ во мнѣ, это неизбѣжно, казался мнѣ, должно было отразиться и въ немъ.

Я съ любопытствомъ взглянула въ его лицо; въ немъ было слегка точно смущенное, но довольное выраженіе, и глаза его глядѣли на меня все съ той же нѣжной радостью, какъ и вчера.

Я улыбнулась ему, сама не знаю зачѣмъ; но сейчасъ же отвела взглядъ въ сторону и уже все время избѣгала встрѣчаться съ нимъ глазами; но не потому уже, что эти встрѣчавшіеся взгляды нашихъ глазъ заставляли меня терять надъ собой волю, а только потому, что, встрѣчаясь съ ними, я чувствовала какой-то стыдъ...

Лиза съ Борисомъ заявили, что они дожидались только меня, чтобы отправиться гулять, и что теперь самая пора идти.

Мы вышли всѣ въ садъ и пошли по обыкновенію къ рѣкѣ.

Сначала мы шли всѣ вмѣстѣ, но N старался держаться ближе комнѣ; мнѣ было пріятно и весело, какъ бываетъ это иногда послѣ удачной прогулки или хорошаго спектакля, впечатлѣніе отъ которыхъ еще не вполнѣ улеглось.

Я незамѣтно приглядывалась къ N, и мнѣ было пріятно сознаніе, что если ужъ мнѣ суждено было увлечься, что я увлеклась именно имъ. Въ немъ было что-то выдѣлявшее его для меня изъ толпы даже и теперь. Мнѣ нравилось его лицо съ мягкимъ выраженіемъ глазъ и суровой складкой нѣсколько чувственнаго рта; нравилась его почти юношеская фигура, всѣ движенія которой были полны изящной простоты, его манера носить волосы откинутыми къ верху со лба, который отъ этого казался еще прекраснѣе и благороднѣе, а главное нравился тотъ особенный отпечатокъ культуры, который бываетъ только у людей съ очень развитою духовною жизнью и много работающихъ умомъ; но его легкій еврейскій типъ теперь казался мнѣ уже гораздо сильнѣе и слегка точно уже портилъ его.

Я шла съ нимъ рядомъ почти весело, спокойно перебрасываясь и съ нимъ, и съ другими разными короткими фразами и замѣчаніями, но когда Сережа, желавшій, вѣроятно, доставить мнѣ тѣмъ удовольствіе, увелъ впередъ Лизу съ Борисомъ, и мы съ N очутились вдвоемъ, мое пріятное настроеніе духа разомъ

испортилось, и я почувствовала такую напряженную неловкость отъ этого ненужнаго намъ tête-a-tête, что это передалось даже и N.

Опять я не знала, о чемъ говорить съ нимъ, чѣмъ занимать его, а тѣ маленькіе разговоры наши à part, которые мы умудрялись вести съ нимъ подъ говоръ другихъ, точно утратили всякій смыслъ и прелесть, и я больше всего боялась, какъ бы онъ опять не началъ ихъ.

Но онъ не начиналъ. Онъ шелъ, почти не разговаривая, и это еще больше увеличивало мою неловкость, тѣмъ болѣе, что я видѣла, какъ порой онъ мелькомъ, но съ удивленіемъ взглядывалъ на меня, и по мѣрѣ того, какъ мы шли съ нимъ такъ вдвоемъ, его лицо, сначала такое оживленное и ласковое, дѣлалось все пасмурнѣе и холоднѣе.

Я чувствовала, что онъ опять «уходитъ въ себя», и одновременно радовалась этому и жалѣла о томъ, но нарочно выбирала все такія банальныя темы, которыя теперь, послѣ того, что было, казались еще скучнѣе и холоднѣе и еще больше отодвигали насъ другъ отъ друга.

Когда мы подошли, наконецъ, къ обрыву, у котораго уже сидѣли наши, я вздохнула почти съ облегченіемъ.

Я вспомнила, какъ на этомъ мѣстѣ мы провожали его въ послѣдній разъ... Какъ онъ, уже сидя въ лодкѣ, прощался со мной своимъ нѣжнымъ долгимъ взглядомъ,—какъ я крикнула ему «пріѣзжайте!»

И казалось, что все это было уже давно! Даже весь вчерашній вечеръ, казалось, отошелъ уже такъ далеко и столько уже отдѣляло насъ отъ него... Мы молча смотрѣли на рѣку, которая горѣла и рябилась на солнцѣ, какъ расплавленное серебро.

Она катилась предъ нами могучая, свободная, легко и широко уходя въ даль, за мѣловые утесы, которые мягкими, лиловатыми контурами вырѣзывались на безоблачномъ яркомъ небѣ.

Но эта могучая красота окружавшей насъ природы слишкомъ сильно и наглядно дисгармонировала, съ тѣмъ упадкомъ настроенія, который былъ теперь въ нашихъ душахъ, и мы предъ ней словно казались еще меньше, еще ничтожнѣе, еще безсильнѣе....

Я взглянула украдкой на N; онъ стоялъ вблизи меня, задумчиво, почти сурово глядя на разстилавшуюся предъ нами даль, и казался такимъ одинокимъ и печальнымъ.

Мнѣ стало жаль его... а главное, жаль того, что ушло изъ моей души къ нему, захотѣлось подойти къ нему, взять его руку, что-то сказать ему...

Но что сказать? Сказать было нечего, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ примолкли. Точно всѣмъ было не то грустно, не то скучно, не то просто неловко, и всѣ не знали зачѣмъ пришли сюда.

— Пойдемъ лучше въ комнаты...—сказала тихо Лиза, и всѣ машинально поднялись и лѣниво повернули назадъ.

Но и въ комнатахъ, также какъ и здѣсь, какъ и въ паркѣ, стало какъ-то нечего дѣлать, точно изъ всего окружающаго изчезла какая-то соединявшая насъ всѣхъ связь, какой-то внутренній смыслъ...

Сережа опять увелъ отъ насъ впередъ свою маленькую компанію. Онъ не понималъ еще, что это было уже совсѣмъ лишнее, и что чѣмъ больше было вокругъ насъ съ N постороннняго народа, еще вчера такъ мѣшавшаго намъ, тѣмъ намъ съ нимъ было удобнѣе.

Мы шли съ нимъ рядомъ, но я чувствовала его такимъ чужимъ, такимъ уже далекимъ отъ себя.

— И такъ вы уѣзжаете?—спросила я только для того, чтобы не молчать, но сейчасъ же подумала, что именно этого-то и не слѣдовало спрашивать.

Онъ слегка вздрогнулъ, оторвался отъ какихъ то мыслей, и поднявъ на мгновеніе голову, сейчасъ же опустилъ ее опять.

— Да,—проговорилъ онъ спокойно,—уѣзжаю.

Тогда во мнѣ вдругъ шевельнулось какое-то недоброе чувство къ нему; захотѣлось какъ-то уколоть его, и я спросила его съ маленькой ироніей:

— На этотъ разъ уже навѣрное?..

Его лицо вспыхнуло густой краской рѣдко краснѣющаго человѣка, и онъ взглянулъ на меня оскорбленнымъ взглядомъ.

— Да,—сказалъ онъ почти рѣзко,—теперь меня уже ничто не задерживаетъ.

Тогда почувствовавъ въ его словахъ умышленную обиду себѣ, покраснѣла, въ свою очередь, я, и мнѣ захотѣлось сказать ему что-нибудь злое и скорбительное.

Я подняла на него глаза и вдругъ встрѣтилась съ его... Это продолжалось какъ и вчера, одинъ лишь мигъ, но и въ этотъ короткій мигъ я успѣла замѣтить въ его глазахъ, еще вчера улыбавшихся мнѣ и искавшихъ встрѣчи съ моими, такое холоное и враждебное выраженіе, отъ котораго въ сердцѣ моемъ еще сильнѣе закипѣло острое чувство обиды.

Мы точно мстили теперь другъ другу за что-то, вѣрно за ту минутную слабость, которой оба допустили захватить себя, и этимъ взглядомъ затаенной вражды и обиды точно отплатили за тотъ взглядъ любви, что вырвался у насъ вчера. И больно мнѣ стало отъ этого недобраго взгляда, и такая тоска вдругъ заныла на сердцѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ это?—сказала я себѣ съ упрекомъ.—За что мы мстимъ другъ другу? Зачѣмъ это желаніе какъ-то задѣть и оскорбить одинъ другого? Нужели только оттого, что одинъ мигъ мы любили другъ друга? Но развѣ можно за это мстить, развѣ

можно *за это* возненавидѣть? Зачѣмъ же мы добровольно портимъ то, что, въ сущности, было только прекрасно?..

Я сознавала, что тонъ этой странной вражды, первая взяла я и раскаявалась теперь въ томъ, чувствуя, какъ испортила тѣмъ все впечатлѣніе не только въ своей, но и въ его душѣ.

Молча, съ холодными скучающими лицами шли мы другъ подлѣ друга, и когда были уже совсѣмъ близко отъ дома, я, охваченная своимъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ къ тому, что сама же испортила, остановилась на мгновеніе и спросила, не глядя на него:

— И вы... вы не могли бы остаться еще?...

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его я почуствовала такой холодъ и равнодушіе, что невольно повторила за нимъ про себя:

— Зачѣмъ!..

Да, конечно, зачѣмъ бы все это было теперь? Что-то порвалось между нами, что-то улетѣло изъ нашихъ душъ, точно та электрическая искра, которая пробѣгала въ насъ при каждомъ взглядѣ нашемъ другъ на друга, вдругъ потухла и исчезла, и не въ нашей власти было вернуть все это снова, даже если бы мы и захотѣли того!

Все равно не вышло бы уже ничего, кромѣ натяжки и фальши.

Когда мы вошли въ домъ, N почти тотчасъ же обратился къ Сережѣ съ просьбой о лошадяхъ.

Онъ говорилъ, что ему необходимо ѣхать сейчасъ же послѣ обѣда, такъ какъ въ 6 часовъ ему будто бы надо было уже быть въ городѣ.

По лицу Сережи пробѣжало удивленное выраженіе; и онъ съ недоумѣніемъ и растеряно поглядѣлъ на меня и на N; но ничего не сталъ возражать и сказалъ, что сейчасъ же всѣмъ распорядится.

Лиза тоже растерялась, поблѣднѣла и стала такая жалкая, что мнѣ даже жаль ее стало.

Она чувствовала вѣрно, что случилось что-то, вдругъ нарушившее вокругъ нея ту атмосферу любву, въ которой ей жилось такъ радостно, и только глядѣла на насъ несчастными, словно въ чемъ-то укоряющими насъ глазами, но ничего не понимала.

Обѣдъ прошелъ тихо и вяло; всѣ были не въ духѣ, но всѣ старались скрыть это и, какъ возможно, поддержать поминутно обрывавшійся разговоръ.

Время отъ времени мы перебрасывались съ N короткими фразами, но тщательно избѣгали при этомъ глядѣть другъ на друга. Въ душѣ моей наростало еще какое-то новое чувство, точно сознаніе какой-то вины предъ нимъ. Вина за то, что было, и еще больше за то, что это «что-то» прошло такъ скоро и внезапно.

Черезъ часъ послѣ обѣда N уѣхалъ, и когда онъ въ послѣдній разъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ на прощаніе мою руку, въ душѣ моей вдругъ опять проснулось къ нему что-то и къ тому, *что* онъ далъ пережить мнѣ, и охватила такая жалость, что это порвалось такъ безслѣдно, и онъ уже никогда не вернется сюда тѣмъ «моимъ», какимъ я чувствовала его все это время, такъ сильно охватила меня, слезы, неожиданно для меня самой, чуть не брызнули изъ глазъ моихъ.

Вѣрно, то же чувство было и въ его душѣ, потому что, когда онъ поднялъ голову, въ его поблѣднѣвшемъ лицѣ было опять нѣжное и печальное выраженіе, точно и онъ съ чѣмъ-то мысленно прощался въ эту минуту, что-то опять любилъ.

И мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ нимъ отлетаютъ и послѣднія мечты моей послѣдней молодости, и что въ этихъ послѣднихъ дняхъ ярко вспыхнули и догорѣли послѣднія силы ея.... А подлѣ меня стояла Лиза, тоже вся блѣдная и несчастная, и свѣтлые глаза ея были полны слезъ... первыхъ слезъ первой любви...

И N уѣхалъ... а мы еще долго стояли на крыльцѣ и глядѣли ему вслѣдъ, каждый занятый своими мыслями, но всѣ такъ или иначе выбитые имъ изъ обычной повседневной колеи своей.

Странно было у меня на душѣ.... И грустно какъ-то, и жаль чего-то, и въ то же время точно какая-то тяжесть, угнетавшая меня все это время, упала наконецъ, съ моихъ плечъ...

Когда N совсѣмъ скрылся, я взяла Сережу подъ руку, и мы спустились съ нимъ въ садъ.

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня и, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Чтоже все это значитъ, Катюша?

— Что это значитъ?—повторила я за нимъ,—это значитъ, что все прошло!

— Но почему же, отчего же? Я ничего не понимаю!—сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Не знаю,—сказала я,—сама не знаю, отчего, почему... знаю только, что все кончилось...

— Кончилось, едва начавшись! Странный конецъ, въ которомъ почти не было начала! сказалъ онъ, съ удивленіемъ пожимая плечами.

— Нѣтъ,—сказала я,—начало было, и оно было прекрасно!—и невольно думала, что въ любви самое прекрасное, быть можетъ, только и есть, что это начало.

Развѣ не было прекрасно начало нашей любви съ мужемъ? А между тѣмъ, къ чему пришли мы съ нимъ потомъ? Къ какому полному охлажденію, къ какому унизительному поруганію этой любви! Не тоже-ли самое ждало насъ впереди и съ N! Не тоже-ли разочарованіе только еще гораздо болѣе унизительное и мучительное.

не тоже ли страшное, но почти неизбѣжное охлажденіе, не тѣ же ли обманъ, ложь и страданіе. И кто знаетъ, не горечь ли уже пережитого остановила во мнѣ эту новую начинавшуюся любовь, невольно подорвавъ вѣру въ ея возможность, въ ея прочность, въ ея счастье.

Да и можетъ ли въ наши годы, если мы несвободны, начаться новая жизнь сердца!

Не было ли бы это только простымъ самообманомъ, миражемъ счастья, да и то или украденнаго нечестной измѣной, точно убійство изъ-за угла, или же тяжелой драмой, въ которой каждая минута этого завоеваннаго счастья отравлялась бы сознаніемъ горя другихъ и своими собственными страданіями! Дѣвочки, какъ Лиза, не знающія еще жизни, могутъ не понимать того, не думать о томъ и находить свое счастье вопреки всему и всѣмъ; но мы уже все пережившія, все понявшія—мы уже не можемъ безнаказанно наслаждаться такимъ счастьемъ и рано или поздно, но заплатимъ за него судьбѣ, у которой насильно взяли его. Я думала обо всемъ этомъ, и меня вдругъ охватила жажда признанія во всемъ, что пережила я за эти мятежные дни. Я все еще была такъ полна впечатлѣніемъ ихъ, что мнѣ хотѣлось еще разъ снова пережить ихъ... разобраться въ самой себѣ уже спокойнѣе и сознательнѣе и уяснить самой себѣ, какъ все это началось, какъ выросло въ душѣ моей, какъ захватило ее всю какимъ-то сладкимъ опьянѣніемъ и какъ вдругъ потухло, такъ неожиданно для меня самой, почти въ тотъ самый мигъ, когда эта страсть, казалось, всего сильнѣе завладѣла мною.

Мы ушли съ Сережей къ обрыву, моему излюбленному мѣсту и просидѣли тамъ вплоть до сумерекъ и все, что такъ смущенно скрывала я отъ него, о чемъ мнѣ стыдно и непріятно было даже думать при немъ, все это я теперь разсказала ему съ такой легкостью, съ такой полной откровенностью, которыя даже удивили меня самое.

Но я знала, что никто не пойметъ меня такъ, какъ умѣлъ понимать меня всегда онъ, и хотя сама любовь казалась уже совсѣмъ замерла во мнѣ, но говорить о ней и объ N все еще доставляло мнѣ какое-то странное наслажденіе.

Былъ уже почти вечеръ, когда мы съ нимъ вернулись въ домъ и вернулись, кажется, еще болѣе близкіе другъ другу, чѣмъ когда бы то ни было, потому что *то, что* я разсказала ему, еще больше сблизило насъ.

Лизу съ Борисомъ мы застали все на томъ же крыльцѣ, съ котораго проводили N.

Она сидѣла на ступенькахъ его, грустно склонившись головой на руку и задумчиво смотрѣла въ небо, гдѣ уже загорались пер-

вья, вечернія звѣзды, а Борисъ стоялъ подлѣ нея, облокотившись на выступъ крыльца и что-то громко и съ жаромъ разсказывалъ ей.

И хотя лицо ея все еще было грустно и блѣдно, но она прислушивалась къ его словамъ уже съ видимымъ интересомъ, а глаза ея еще разсѣянные и печальные уже взглядывали на него порою, съ какимъ-то удивленіемъ и любопытствомъ, точно она впервые только замѣтила его. И я невольно подумала: «какая славная пара выйдетъ изъ нихъ».

Вечеромъ, прощаясь съ дѣтьми, я долго ласкала и крестила ихъ и уже не холодно и машинально, какъ все это время, а съ вновь проснувшейся теплой вѣрой, которую такъ тщетно искала въ себѣ все это время.

Я вглядывалась въ ихъ милыя личики и цѣловала ихъ съ такою растроганною нѣжностью, точно не видѣла ихъ все это время, точно они только что вернулись ко мнѣ откуда-то издалека.

И мой Воликъ словно угадалъ, что творится въ душѣ моей. Онъ пытливо всматривался въ меня своими задумчивыми глазами и вдругъ тихонько спросилъ у меня:

— Муся, N совсѣмъ уѣхалъ?

Я вздрогнула и вспыхнула вся отъ этого простого вопроса, въ которомъ мнѣ почудилось что-то особенное.

— Совсѣмъ, дѣточка,—сказала я слегка смущенно.

— И ужъ больше не пріѣдетъ къ намъ на дачу?—продолжалъ онъ, какъ-то странно вглядываясь въ меня, и я чувствовала сама, какъ все больше смущаюсь подъ этимъ пытливымъ, дѣтскимъ взглядомъ, который точно силился проникнуть въ самую глубь души моей и угадать въ ней то, что, можетъ быть, ему лучше бы было не угадывать никогда.

— Вѣрно ужъ не пріѣдетъ,—отвѣтила я, невольно отводя свои глаза отъ его.

— А папа скоро пріѣдетъ?

— Не знаю, дѣточка...

— Ну такъ напиши ему, чтобы онъ скорѣй пріѣзжалъ бы...— сказалъ онъ мнѣ на ухо и вдругъ, точно чего-то застыдившись, обхватилъ мою шею руками и, крѣпко прижавшись ко мнѣ всѣмъ своимъ худенькимъ, теплымъ тѣльцемъ, спряталъ головку на моемъ плечѣ.

О мой милый, дорогой мальчикъ!—Если бы онъ зналъ, какъ совпали наши желанія!

— Напишешь, мусинька?..—прошепталъ онъ.

— Напишу, мой дорогой,—сказала я ему тоже тихонько.

— Когда,—спросилъ онъ,—завтра?..

Я молча кивнула ему головой, и все его личико вспыхнуло ра-

достью; онъ еще крѣпче обхватилъ меня руками, и нѣсколько минутъ мы молча осыпали одинъ другого поцѣлуями и глядѣлись въ глаза другъ друга съ такой чистою и нѣжною любовью, предъ которой моя потухшая страсть, казалась мнѣ еще грѣшнѣе... еще ничтожнѣе...

Но что думалъ онъ, мой мальчикъ, что угадывалъ своей чуткой, дѣтской душой, что пережилъ, быть можетъ, про себя за это время! Мнѣ припомнилось, что всѣ эти дни онъ точно не былъ со мной такъ простъ и непосредственъ, какъ всегда... Особенно при N. Онъ точно сторонился его, и всегда такой ласковый и привѣтливый со всѣми, съ N особенно послѣднее время былъ, какъ то нервенъ и капризенъ, и хотя обыкновенно почти не отходилъ отъ меня, но какъ только N пріѣзжалъ, Воликъ куда-то скрывался и не показывался по нѣсколько часовъ. Что если онъ, дѣйствительно, что-нибудь понялъ, что-нибудь угадалъ? Я содрогнулась отъ страха и робко взглянула въ его глаза, эту самую чуткую совѣсть моей души.

И какъ они похожи на отцовскіе! Мнѣ казалось, что это онъ, Владиміръ, мой Владиміръ прежнихъ лѣтъ, глядитъ на меня ими; глядитъ изъ того прекраснаго прошлаго, когда въ нихъ еще было столько любви ко мнѣ... когда они еще отражали въ себѣ каждую улыбку мою, и мнѣ чудился въ нихъ теперь и укоръ, и радость, и возвратъ... да, да, мой мальчикъ, помири насъ съ отцомъ, ты, вѣдь, все то лучшее, что было въ насъ самихъ; вся наша любовь, всѣ наши лучшіе мечты и идеалы, всѣ самыя чистыя и высокія стремленія, которыми такъ полны были мы тогда, все воплотилось въ тебѣ и все что не съумѣли и не смогли сдѣлать мы, сдѣлаешь, быть можетъ, за насъ ты и, дастъ Богъ, ты будешь лучше, честнѣе и добрѣе насъ!

Крѣпко заснула я въ ту ночь и на утро проснулась такая бодрая и свѣжая, точно только что выкупалась въ холодной рѣчной водѣ, и въ первый еще разъ за весь этотъ мѣсяцъ образъ N не всталъ сейчасъ же предъ мной и не смутилъ мнѣ дня съ первой же минуты его.

Я сейчасъ же прошла опять къ дѣтямъ, подняла ихъ еще сонныхъ и парныхъ съ постелей, сама помогла имъ одѣться, наслаждаясь ихъ близостью и тѣмъ, что я опять съ ними и, главное, опять *хочу быть съ ними*.

И они точно чувствовали инстинктомъ, что я снова *вернулась* къ нимъ, и съ веселымъ, радостнымъ лепетомъ ласкались ко мнѣ, и своими ласками и той любовью, которой опять полно было къ нимъ все существо мое, какъ бы невольно сближали меня съ мужемъ. Они смотрѣли на меня «его» глазами, въ звукахъ ихъ голосовъ мнѣ слышался *его* голосъ; каждый изъ нихъ напоминалъ

мнѣ чѣмъ нибудь его; въ каждомъ оживала какая нибудь страница пережитой вмѣстѣ жизни, и своими ласками, своимъ лепетомъ, они точно звали меня къ своему отцу и ко всему тому хорошему, что было въ нашемъ прошломъ съ нимъ... и лаская ихъ, я точно, дѣйствительно примирялась съ нимъ и возвращалась душой опять къ нему, еще сильнѣе сознавъ теперь, какая это страшная и нераздѣлимая связь—общія дѣти.

— Ты написала, мамуся?—спросилъ меня тихонько опять мой Воликъ.

— Нѣтъ еще,—сказала я ему тоже на ухо,—но напишу.

— Сегодня?—спросилъ онъ.

— Сегодня,—сказала я, улыбаясь, ему, и онъ бросился цѣловать меня, а другіе дѣти, видя, что мы о чемъ то съ нимъ шепчемся, заинтересовались и спрашивали меня:

— Мама, что онъ тебѣ сказалъ?—скажи намъ.

Но Воля руками закрывалъ мнѣ ротъ и говорилъ.

— Нѣтъ, мусинька, нѣтъ, не надо, пусть это только намъ съ тобой, пусть это *наше* только, не говори больше никому!

И я видѣла, какъ онъ былъ счастливъ этой общей тайной со мной, которую знали только мы съ нимъ и... и сама была счастлива вмѣстѣ съ нимъ.

— Да,—говорила я себѣ радостно,—я напишу ему, напишу сегодня же!—и я уже не вѣрила больше во власть надъ нимъ Юліи Сергѣвны, одно имя которой отталкивало его отъ меня прежде; я даже не думала о ней больше, а думала только о немъ и о возвратѣ нашихъ прежнихъ теплыхъ отношеній, если ужъ не прежней любви, къ которымъ невольно стремилось теперь все существо мое.

Утромъ за чаемъ я шепнула Сережѣ:

— Знаешь, я напишу Володѣ...

— Что ты напишешь?—спросилъ Сережа съ легкой тревогой.

— Не знаю,—сказала я,—сама еще не знаю, только непремѣнно напишу.

Но едва я ушла къ себѣ и сѣла за это письмо, какъ пришла почта, и черезъ минуту Воликъ уже бѣжалъ ко мнѣ, высоко держа надъ головой письмо съ заграничнымъ штемпелемъ:

— Мама, мама,—кричалъ онъ еще снизу,—тебѣ письмо отъ папы!

Это было точно какое-то предзнаменованье; я вскочила со стула, бросилась на встрѣчу и дрожащими пальцами быстро разорвала конвертъ.

«Дорогая моя!» стояло на первой же строчкѣ, и отъ этихъ первыхъ словъ, отъ этого такъ знакомаго мнѣ почерка, одинъ видъ кот раго будилъвъ душѣ столько воспоминаній, сердце мое ра-

достно забилось, и въ душѣ поднялось такое хорошее, такое теплое чувство къ тому, кто написалъ эти строки.

Отъ волненія я почти не разбирала словъ и плохо улавливала смыслъ ихъ, угадывая только больше инстинктомъ, что отъ письма этого вѣетъ той же теплотой и нѣжностью, какая была и въ моей собственной душѣ.

За полтора мѣсяца нашей разлуки онъ писалъ мнѣ раза три, но тѣ письма были такія холодныя и чужія, писавшіяся, видимо, только изъ чувства долга, и читая ихъ, я только еще горше и яснѣе сознавала, какъ далеки стали мы другъ другу, и это письмо было первымъ еще, отъ котораго повѣяло опять чѣмъ-то теплымъ и хорошимъ.

Въ немъ чувствовалась точно грусть и одиночество. Очевидно, оно было писано подъ впечатлѣніемъ его первыхъ разочарованій въ этой женщинѣ и подъ вліяніемъ его въ душѣ его, такъ же какъ и въ моей, началъ совершаться такой же поворотъ къ прошлому, къ семьѣ, гдѣ когда-то онъ былъ такъ счастливъ и любимъ, пока самъ не ушелъ отъ нея...

О, милое, милое прошлое, мы сами не знаемъ, какую силу имѣетъ оно надъ нами! Какъ тяжело, съ какими сомнѣніями и колебаніями разрываемъ мы съ нимъ и какъ легко возвращаемся къ нему, этому пережитому, милому и сильному надъ нами уже одной привычкой своей.

Много разъ перечитала я потомъ это письмо и много и долго думала надъ нимъ.

Да, думала я, вотъ мы чуть совсѣмъ не ушли другъ отъ друга, и я думала, что съ прошлымъ уже все кончено и порвано въ душѣ моей, и вотъ достаточно было одной картины изъ него, воскресшей въ памяти, достаточно одного теплаго письма, и оно вновь все ожило и проснулось въ душѣ опять такимъ милымъ и близкимъ опять такъ слившимся съ моимъ собственнымъ существованіемъ такъ нераздѣльнымъ отъ того, что было самымъ лучшимъ и святымъ въ немъ, дѣтьми моими, что я поражалась теперь, какъ могла думать, что будто бы оно могло кончиться, могло порваться Порваться, когда вся наша жизнь переплелась такими нераздѣльными и безконечными нитями, что казалось обѣ наши жизни точно слились въ одну. Но если это такъ, то какъ могли мы дойти до такого полнаго разлада! Дойти до той ненависти почти другъ къ другу, которая порой подъ вліяніемъ этихъ страшныхъ ссоръ и оскорбленій охватывала насъ обоихъ.

И опять мнѣ пришло въ голову, что въ этомъ кроется, быть можетъ, такая же вина съ моей стороны, какъ и съ его, хотя на видъ виновнымъ былъ только онъ одинъ, а я какъ будто была ни въ чемъ не виновата!

Быть-можетъ, если бы съ самаго начала, вмѣсто осужденія и негодованія противъ него, я нашла бы въ сердцѣ своемъ для него больше пониманія и снисхожденія,—мы не разошлись бы такъ далеко, какъ теперь, и самая любовь его къ этой женщинѣ была бы, быть можетъ, гораздо меньше и не отняла бы его отъ меня до такой степени, какъ это случилось теперь.

Но тогда я, гордая своей мнимой добродѣтелью, умѣла больше возмущаться, чѣмъ понимать, и, переставъ быть его любовницей, вмѣсто того, чтобы остаться другомъ его, чуть не сдѣлалась его врагомъ!

Но было ли у меня право на эту вражду и такое полное осужденіе?

Судьба точно посмѣялась надо мной и показавъ на мнѣ же самой, какъ легко увлекаются люди, а разъ увлекшись, какъ уже не трудно придти имъ къ тому, что мы называемъ измѣной и паденіемъ!

Что изъ того, что я осталась «чистой»! Любовь моя все-таки не была чиста уже потому, что преобладающимъ ея элементомъ была *страсть*! И если совѣсть можетъ не упрекать меня, зато сознаніе не можетъ обманывать, и я знаю, что когда 12 лѣтъ тому назадъ я чистою молодою дѣвушкою полюбила моего мужа, то любовь моя къ нему была не меньше той, которая охватила меня теперь, но я лучше владѣла собой тогда, и самый характеръ той любви былъ совсѣмъ иной, болѣе высокій и благородный, потому что каждый помыселъ ея былъ тогда чистъ и ясенъ!

А теперь,—теперь не только сама я, но всякая мысль моя была точно затуманена какимъ-то опьяненіемъ, сладкимъ, но недостойнымъ, и одинъ взглядъ N зажигалъ меня большею страстью, чѣмъ тогда самые страстные поцѣлуи моего мужа.

Я помню, какимъ высокимъ и прекраснымъ идеаломъ представлялся мнѣ мой будущій мужъ! Онъ казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ героя или полубога, во всякомъ случаѣ прекраснѣйшимъ изъ людей, призваннаго въ міръ только для того, чтобы открыть ему какіе-то высшіе идеалы и выполнить въ нихъ какую-то высокую миссію. Каждому его слову я внимала чуть не съ благоговѣніемъ, вѣрила въ него такъ горячо, такъ страстно ждала отъ него какихъ-то подвиговъ, откровеній и указаній къ какому-то новому пути, на который по первому его слову съ восторгомъ готова была броситься сама, и жадно искала въ немъ той высшей правды, къ которой такъ горячо рвется сердце въ двадцать лѣтъ!

И понадобилось много лѣтъ, много обидъ, мелкихъ и крупныхъ, много горечи и разочарованій, прежде чѣмъ онъ пересталъ быть въ моихъ глазахъ богомъ и остался только тѣмъ «однимъ изъ лучшихъ людей», котораго я любила уже, не благоговѣя, уже не

снизу вверхъ, а какъ вѣрный другъ и равный товарищъ его, знавшій всѣ его слабости и недостатки и уже не ждавшій отъ него больше ни подвиговъ, ни откровеній, но все еще готовый отдать за него свою жизнь...

А чего же искала и ждала я отъ N! Онъ не представлялся мнѣ ни богомъ, ни героемъ, ни даже «лучшимъ изъ людей»; я не воображала, что онъ внесетъ какіе-то лучшіе и высшіе начала въ мою жизнь. И не потому, чтобы думала, что *въ немъ нѣтъ ихъ*, а потому, что сама была уже *не тѣмъ полна*, искала въ немъ только его самого да той влюбленной страстности, которую инстинктивно жаждало во мнѣ въ послѣдній разъ мое женское существо и подъ опьяненіемъ которой я забывала обо всемъ и не думала и не желала думать ни о чемъ, что мѣшало ей.

И вотъ, если я заслуживала за то наказанія, то оно явилось само собою въ этомъ сознаніи, за которое краснѣла теперь наединѣ съ собою.

Но развѣ могла я съ этимъ сознаніемъ на душѣ судить теперь моего мужа? Не я ли сама говорила, что ужасъ измѣны не въ физическомъ ея проявленіи, а въ душевномъ; а если это такъ, то развѣ я не измѣнила ему—я, блѣднѣвшая отъ одного взгляда этого человѣка, я, засыпавшая и просыпавшаяся все съ тою же мыслью о немъ!

О, нѣтъ, не осужденіемъ, не презрѣніемъ, какъ прежде, и не негодованіемъ была полна теперь моя душа къ нему, а только жаждою полнаго примиренія съ нимъ, полнаго возврата къ нему, полнаго прощенія другъ къ другу...

Не помню уже теперь ясно, что я тогда писала ему, но помню то растроганное нѣжное чувство, которое было во мнѣ при этомъ; помню тѣ слезы, что катились изъ глазъ моихъ, пока я писала это письмо, въ которомъ все разсказала ему... О, какъ хотѣлось мнѣ скорѣй заставить долетѣть до него это письмо; какъ долги казались мнѣ тѣ три недѣли, раньше которыхъ я не могла разсчитывать получить отъ него отвѣтъ. Но я получила его раньше. Прошло всего десять дней, какъ мнѣ привезли изъ Казани телеграмму, гдѣ французскими буквами стояло всего нѣсколько русскихъ словъ... но какихъ хорошихъ, какихъ нѣжныхъ и искреннихъ, вырвавшихся у него, видимо, прямо изъ души.

Онъ телеграфировалъ мнѣ:

«Сейчасъ получилъ письмо, дорогая моя, всѣмъ сердцемъ благодарю и обнимаю тебя за него. Пишу тебѣ сегодня же. Цѣлую крѣпко тебя и дѣтей. Твой всегда Владиміръ». О, сколько разъ перечитала я эту милую мнѣ телеграмму! Сколько любви, восторга и вѣры—вѣры въ будущее, вѣры въ прошлое, подняло оно снова въ душѣ моей. И міръ, и жизнь, и наша любовь снова стали ка-

заться мнѣ такими свѣтлыми и прекрасными и всей пережитой горечи, всѣхъ тяжелыхъ разочарованій точно и не было никогда.

Я показала депешу Сережѣ, и когда онъ прочелъ ее, въ глазахъ его также заблестѣли слезы.

— Ну, слава Богу!—сказалъ онъ, горячо обнимая меня.—Вотъ это лучше, Катюша...

— Чѣмъ что?—спросила я...

— Чѣмъ то, что было начиналось...—сказалъ онъ тихонько и, точно испугавшись, что обидѣлъ меня или дотронулся до того, до чего можетъ быть не слѣдовало дотрогиваться, еще нѣжнѣе обнялъ меня и поцѣловалъ мои руки.

— Теперь я уѣду спокойно,—продолжалъ онъ,—а къ вамъ, Богъ дастъ, вернется снова все прежнее, хорошее.

Милый мой Сережа, вотъ онъ умѣетъ любя не думать о себѣ и забывать о своемъ счастьи, о своихъ страданіяхъ, для счастья тѣхъ, кого онъ любитъ... Но онъ уже родился съ этимъ даромъ...

Чрезъ нѣсколько дней пришло и письмо, и какое письмо! Слезы, счастливыя, радостныя слезы хлынули изъ глазъ моихъ, когда я прочитала его, и мой Володя, мой милый прежній мужъ, съ которымъ мы были такъ счастливы, такъ любили другъ друга, ожилъ весь въ душѣ моей и точно звалъ меня къ себѣ издалека этихъ прошлыхъ дней всею силою нашей прежней любви.

Съ этого дня между нами началась самая горячая переписка и, быть можетъ, лучшая за всю нашу жизнь, потому что первые хорошіе годы наши мы почти не разлучались, а когда начали разлучаться, чувство было уже подорвано.

Теперь же, въ этихъ письмахъ, мы точно стремились все простить одинъ другому, все забыть и только вернуться другъ къ другу всей душой, какъ это было когда-то прежде, и казалось, что это переписываются не мужъ съ женою, женатые уже больше 10 лѣтъ и уже успѣвшіе дать другъ другу много горя и разочарованія, а нѣжно и глубоко влюбленные, еще страстно вѣрующіе въ свою любовь.

Въ началѣ августа я получила отъ него телеграмму объ его возвращеніи уже изъ Нижняго, и это вмѣсто середины сентября, какъ предполагалось раньше.

Когда я прочла ее и поняла, что наутро онъ будетъ уже здѣсь, въ Казани, и мы свидимся наконецъ, я не сомкнула глазъ всю ночь и она казалась мнѣ такой долгой, такъ измучила меня ожиданіемъ, что я едва дождалась разсвѣта и въ 6 часовъ была уже готова.

Но мучительнѣе всего былъ тотъ послѣдній часъ, который я провела на пристани въ ожиданіи парохода. Мнѣ казалось, что я никогда не дождусь его и каждую минуту напряженно и нетер-

пѣнливо вглядывалась я вдаль и сердце билось и замирало отъ одной мысли, что сейчасъ, сейчасъ онъ опять будетъ здѣсь подлѣ меня; сейчасъ я снова увижу его, снова, какъ прежде давно, давно прижмусь къ груди его и выплачу на ней все горе, всю накопившуюся боль всего, что разъединило насъ.

И вотъ вдали показался, наконецъ, бѣлый корпусъ парохода. Все ближе, ближе; вотъ уже воздухъ колыхнулся отъ его густого могучаго рева; вотъ кто-то взмахнулъ на немъ бѣлымъ платкомъ и я почувствовала, что это онъ, онъ, мой Володя, мой мужъ, и рука сама собою поднялась ему радостнымъ привѣтомъ, а чрезъ минуту онъ уже торопливо сходилъ по трапу и тоже съ блѣднымъ отъ волненія, но счастливымъ лицомъ протягивалъ мнѣ руки, и я... я бросилась навстрѣчу имъ почти съ тѣмъ же восторгомъ, съ тѣмъ же глубокимъ счастьемъ, какъ и тогда въ первый разъ въ Москвѣ.

Отъ волненія мы ничего не могли сказать и только молча крѣпко прижимались другъ къ другу и слезы невольно лились у насъ у обоихъ изъ глазъ, слезы полнаго возврата, полнаго примиренія...

О, кто бы могъ думать, когда мы разставались весною и я провожала его на этой самой пристани съ такою убитою душою, съ такимъ застывшимъ горемъ на сердцѣ, кто, кто могъ думать, что мы *такъ* встрѣтимся потомъ!

И вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ онъ вернулся, а мы все еще переживаемъ нашъ новый медовый мѣсяцъ.

Мы давно уже переѣхали опять въ городъ, только перемѣнили тамъ квартиру—слишкомъ уже много наболѣло воспоминаній въ старой.

Теперь мы наняли небольшой домъ-особнякъ, въ одной изъ крайнихъ улицъ, спускающейся прямо крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ, по другую сторону которой далеко разстилаются луга, заливаемые весною разливомъ.

Нашъ домикъ, весь спрятавшійся въ небольшомъ, но густо разросшемся саду, стоитъ какъ разъ послѣднимъ надъ этимъ обрывомъ, и мы съ Володей любимъ, по вечерамъ, предъ закатомъ солнца, бродить въ нашемъ маленькомъ садикѣ и порою подолгу простаиваемъ надъ обрывомъ его, смотря на разстилающуюся предъ нами задумчивую даль луговъ и на бѣлые контуры дальняго монастыря, съ котораго на зарѣ и по вечерамъ доносится къ намъ тихій благовѣстъ.

На дворѣ давно уже осень, но погода все еще стоитъ почти лѣтняя. Я люблю эту осеннюю пору, когда кажется, что лѣто еще не ушло, еще не остыло; люблю ея послѣдніе, солнечные, теплые дни и эту оранжевую и пурпурную окраску листвы, яркими пятнами вырисовывающуюйся на побѣднѣвшемъ, но

все еще синемъ небѣ; эти тонкія паутинки, висящія повсюду въ воздухѣ и мягкое шуршанье опавшихъ листьевъ подъ ногою, которые легко, точно золотистыя бабочки, летаютъ по дорожкамъ сада...

Есть во всемъ этомъ что-то задумчивое и сладкое, что-то полное тихихъ воспоминаній и въ то же время что-то свѣжее и ободряющее, какъ эти первые морозные утренники ея...

И вотъ, когда мы съ Володей порою стоимъ такъ надъ этимъ обрывомъ или бродимъ по дорожкамъ чащего осыпающагося сада и я чувствую, какъ его теплая рука крѣпко и нѣжно прижимаетъ меня къ себѣ и онъ тихимъ и ласковымъ голосомъ разсказываетъ мнѣ что-нибудь о себѣ, о своей поѣздкѣ, о своихъ планахъ и мечтахъ на будущее, мнѣ начинаетъ казаться, что мы опять въ нашей милой Ольховкѣ, что предъ нами снова еще цѣлая непочатая, еще ничѣмъ непорченная жизнь...

Я знаю, что мы съ нимъ уже не тѣ, что много сѣдыхъ волосъ провели эти 10 лѣтъ въ темныхъ волосахъ моего мужа, и сама я уже зябко кутаюсь въ теплый платокъ, а все-таки снова чему-то вѣрится, снова ожидаешь чего-то свѣтлаго и хорошаго и невольно забываешь всѣ пережитыя невзгоды... Конечно, не разъ случалось говорить намъ и о томъ, что я разсказала тебѣ.

Когда мы въ первый разъ заговорили о томъ, Володя сказалъ мнѣ:

— Это я во всемъ виноватъ, я самъ, никто другой,—взволнованно проговорилъ онъ и крѣпко, точно прося за что-то прощенья, прижалъ меня къ груди своей.

— Нѣтъ, милый,—сказала ему я,—ты не виноватъ, это просто жизнь, а мы только не понимали того, что съ нею надо считаться!

Да и, дѣйствительно, кто знаетъ? Можетъ, все это—наши волненія, увлеченія, ошибки—все это не болѣе, какъ законъ природы, не дающей человѣку угаснуть сразу! Можетъ быть, это сама природа сохраняетъ въ немъ какія-то жизненныя силы, которыя бурлятъ и бродятъ въ немъ, ища себѣ въ чемъ-нибудь выхода, и порой невольно толкаютъ его на то, чего онъ самъ не ожидаетъ и не хочетъ для себя.

Можетъ быть, весь вопросъ только въ томъ, у кого сколько сохранилось этихъ бурлящихъ, не покойныхъ силъ молодости и кому сколько дано силы воли и характера для борьбы съ ними.

Одни могутъ бороться и побѣждать себя, направляя силы свои на что-нибудь иное, болѣе разумное и высокое, и находить удовлетвореніе въ какомъ-нибудь отвлеченномъ дѣлѣ или идеѣ которымъ отдаются такъ же пылко, какъ любви; другіе борятся искренно и страстно, но, не умѣя побѣдить себя, кончаютъ какой-нибудь тяжелой драмой, и, наконецъ, третьи, болѣе слабые характе-

ромъ и болѣе богатые этой живучей молодостью, не умѣютъ бороться и отдаются своимъ страстямъ...

Но есть ли у насъ право судить и презирать ихъ за то? И кто можетъ поручиться за себя, какъ поступилъ бы на мѣстѣ ихъ? Мы, такъ мало, въ сущности, знающіе себя и не знающіе никогда, чѣмъ и какъ кончимъ нашу жизнь, къ чему придемъ въ ней и чрезъ что проведетъ она насъ!

Не есть ли вся наша добродѣтель, которой часто мы такъ неосновательно гордимся и съ мнимой высоты которой такъ строго судимъ грѣхи и ошибки другихъ, вопросъ простого темперамента и дѣло случая, иногда покровительствующаго ей, иногда же разрушающаго ее вопреки воли насъ самихъ! Но чтобы понять все это, я должна была пережить и испытать это все на самой себѣ и имѣть мужество искренно проанализировавъ себя, откровенно во всемъ сознаться себѣ, на собственномъ опытѣ отрѣшившись отъ тѣхъ доктринъ, которыя создавались, быть можетъ, такими же слѣпорожденными и не прозрѣвшими до конца, какъ и мы, а мнѣ онѣ казались живыми законами живой жизни.

Ну вотъ теперь я все разсказала тебѣ, моя дорогая, и пора, наконецъ, кончать мою исповѣдь, которую я писала почти двѣ недѣли, въ каждую свободную минуту, и разсказывая тебѣ все это, точно снова все пережила, если не такъ сильно и страстно, какъ тогда, за то сознательнѣе и глубже...

Въ этой исповѣди я не утаила отъ тебя ни одного слова, не слукавила ни въ одной мысли—я разсказала тебѣ все, не только какъ моему лучшему другу, но какъ самой себѣ, и станешь ли ты теперь меньше любить, меньше уважать меня? Мнѣ такъ больно думать это, что хочется думать совсѣмъ иное—думать, что, любя и понявъ меня, тебѣ легче будетъ понимать и другихъ, а я... я все-таки повторю, что, несмотря ни на что, я все-таки ни въ чемъ не раскаиваюсь, ничего не хочу вычеркивать, и мнѣ было бы жаль, если бы тѣхъ пережитыхъ дней не было бы вовсе въ моей жизни.

Старость, та старость, которая, разрушивъ во мнѣ женщину, оставитъ только человѣка, уже близко, и есть въ этой мысли что-то горькое и печальное, а въ воспоминаніяхъ пережитыхъ въ послѣдній разъ молодыхъ дней что-то прекрасное.

Хотя кто знаетъ, быть можетъ, таже старость, которая сначала съ непривычки кажется такой жуткой, разрушая лучшее въ нашей тѣлесной оболочкѣ, освобождаетъ въ то же время наше лучшее духовное человѣческое я, очищая его отъ всего плотскаго, грубаго и бурливаго, такъ часто искажающаго насъ, такъ часто мѣшающаго намъ своими страстями въ дни молодости.

А можетъ быть, ты хочешь знать, что же собственно охладило Владиміра къ Юліи Сергѣвнѣ. Не знаю,—я не распрашивалъ по-

дробности, да онѣ и не важны, но изъ девяти недѣль проведенныхъ имъ заграницей, онъ 6 провелъ съ ними и эти недѣли открыли ему на нее глаза лучше, чѣмъ я могла бы сдѣлать это въ нѣсколько лѣтъ. Онъ признался, что все ея поведеніе заграницей такое странное и вызывающее, что она шокировала имъ даже такого преданнаго и ослѣпленнаго ею человѣка, какъ Владиміръ, который теперь иначе не называетъ ея какъ: «хлыстовская богородица», и говоритъ о ней немного, но съ такой горечью и раздраженіемъ, что очевидно, что разочарованіе въ ней ему тѣмъ горче и больнѣе, чѣмъ сильнѣе было ослѣпленіе ею прежде. Во всякомъ случаѣ онъ хорошо излечился отъ нея.

За то совсѣмъ иначе кончилось у нашей третьей пары, быть можетъ, самой симпатичной изъ всѣхъ, хотя бы уже потому, что она самая нормальная. Это у Бориса съ Лизой.

На-дняхъ они уѣхали оба въ Москву—Лиза къ брату, а Борисъ въ университетъ, въ который перевелся изъ Казанскаго.

Конечно, къ концу лѣта она была уже совсѣмъ побѣждена имъ и влюблена въ него не меньше, чѣмъ онъ въ нее.

N и та любовь, которою онъ нечаянно, не желая и не зная того самъ, точно пробудилъ ея дѣтски покойную и безмятежную до того душу, разъ проснувшись, уже не могла больше заглохнуть и невольно искала примѣненія и исхода себѣ. N былъ далеко; онъ совсѣмъ скрылся съ нашего горизонта, и самое имя его, такъ часто звучавшее среди насъ прежде, не произносилось больше, точно по какому-то молчаливому соглашенію. А Борисъ былъ здѣсь, всегда подлѣ и любилъ самъ... Не мудрено, если и любовь Лизы, начавшись съ N, перешла потомъ на него! Порой мнѣ даже кажется, что если бы не эта вспышка къ N, впервые разбудившая въ ней женщину,—она не полюбила бы и Бориса.

Кажется мнѣ иногда еще и то, что если бы мы съ мужемъ не прошли сквозь горнила того горя и страданія къ нашему теперешнему счастью, то, кто знаетъ, наслаждались бы имъ еще такъ? Чувствовали бы въ такой мѣрѣ всю радость возвращенія его?..

Быть можетъ, хорошо все именно такъ, какъ оно выходитъ, а произшедши иначе, оно было бы уже совсѣмъ инымъ и, кто знаетъ? не гораздо ли худшимъ для насъ?..

О жизнь, жизнь кто пойметъ твои загадки?..

Прощай же, моя дорогая, и если можешь, найди въ своемъ сердцѣ столько любви къ твоему старому другу, чтобы не слишкомъ строго судить ее...

Твоя всегда Е. П.

М. Крестовская.

Конецъ.

БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

I.

Вопросомъ о преступности очень долгое время интересовались только съ отвлеченной точки зрѣнія—въ древности философы, въ средніе и новые вѣка богословы и юристы. Что же касается собственно вопроса о *факторахъ преступности*, то правильнѣе будетъ сказать, что очень долгое время такого вопроса вовсе не существовало, ибо на преступленіе и на преступника имѣлся вполнѣ опредѣленный взглядъ, опиравшійся на извѣстныя религіозныя и правовыя убѣжденія, которыя не допускали никакихъ возраженій, никакихъ споровъ. Для теологовъ преступленіе являлось самовольнымъ уклоненіемъ отъ пути добродѣтели, и приблизительно такъ же смотрѣли на дѣло и юристы, исходя изъ того положенія, что всякое—преступное или непреступное—дѣяніе человѣка представляетъ не что иное, какъ продуктъ его свободной воли.

Законъ причинности, который, по мѣрѣ развитія научнаго мышленія, распространялся на все болѣе и болѣе широкій кругъ явленій, проникъ, въ концѣ концовъ, и въ ту, казалось, навсегда закрытую для него область *аномалій*, гдѣ все носило какъ будто исключительный, случайный характеръ, ничего общаго не имѣющій съ обычнымъ ходомъ вещей. Біологія давно уже признала, что уклоненія отъ нормы подчиняются тѣмъ же основнымъ общимъ законамъ, которые управляютъ органической жизнью въ ея нормальномъ состояніи. Внимательное изученіе сущности и причины болѣзненныхъ явленій наглядно доказало, что за патологическими процессами нѣтъ никакого права на автономію и что патологія, въ конечномъ счетѣ, есть только частный случай физіологіи. Мало того, именно изученіе чисто патологическихъ явленій не разъ проливало полный свѣтъ на ту или иную, туго поддававшуюся прямому познаванію, область нормальныхъ явленій—для примѣра достаточно будетъ указать хотя бы на то, что физіологія центральной нервной системы почти цѣликомъ создана изъ анатомо-клиническихъ наблюденій надъ больнымъ человѣкомъ или надъ животными съ искусственно вызванными пораженіями нервной системы.

Какъ бы осторожно мы ни относились къ аналогіямъ во вкусѣ

школы Спенсера, мы въ правѣ, однако, думать, что и въ соціологіи изученіе анамалій призвано сослужить свою службу. Правда, родственная связь анормальнаго съ нормальнымъ далеко еще не такъ наглядно установлена въ общественныхъ наукахъ, какъ она установлена въ біологіи. Но и здѣсь уже громко раздаются голоса соціологовъ, утверждающихъ, что даже такое, на первый взглядъ, совершенно анормальное явленіе общественнаго механизма, какъ преступленіе, «далеко не будучи паразитарнымъ элементомъ, какимъ-то инороднымъ тѣломъ, введеннымъ въ нѣдры общества, является, напротивъ, правильнымъ агентомъ общественной жизни» *), до того правильнымъ агентомъ этой жизни, что Дюркгеймъ изъ постояннаго существованія преступленій въ прошломъ заключаетъ объ ихъ постоянствѣ и въ будущемъ—выводъ, къ которому мы еще вернемся, когда у насъ будетъ рѣчь о соціальныхъ факторахъ преступности. А пока воспользуемся этимъ фаталистическимъ пророчествомъ Дюркгейма, чтобы отмѣтить мимоходомъ одну чрезвычайно любопытную особенность детерминистическаго направленія въ общественныхъ наукахъ. Явившись полнымъ противовѣсомъ теоріи свободы воли, ошибочно понятый на первыхъ порахъ детерминизмъ не оставлялъ, казалось, мѣста для человѣческой личности въ колоссальной и сложной сѣти причинъ и слѣдствій: эта сбитая со своего пьедестала и развѣнчанная личность подчинялась закону quasi-механической причинности такъ же слѣпо, какъ подчиняется ему «равнодушная природа», причемъ совершенно упускалось изъ виду, что человѣческая личность съ ея сознаніемъ, убѣжденіями и стремленіями не только опредѣляется извѣстными факторами, но и, въ свою очередь, является не менѣе дѣйствительнымъ причиннымъ агентомъ. Отсюда тотъ роковой характеръ непреложной необходимости, которымъ проникнуты крайнія детерминистическія ученія, характеръ, до извѣстной степени оправдывающій парадоксальную мысль Фирканда, что современный фатализмъ и пессимизмъ, покоясь на сознаніи ничтожности личности и безсилія духа передъ всесокрушающей матеріальной дѣйствительностью (ein gewisses Gefühl der Wertlosigkeit des Individuums und der Ohnmacht des geistigen Elements gegenüber der materiallen Wirklichkeit), представляютъ не болѣе, не менѣе, какъ переживанія доисторическаго періода, когда представленія о неумолимой «судьбѣ», о всемогущемъ «рокѣ» играли такую видную роль въ мысли человѣка **).

Отсюда и тотъ характеръ суровой жестокости, которымъ запечатлѣны ученія, стремящіяся подвести условія существованія человѣческихъ обществъ подъ принципы, установленные современнымъ есте-

*) Durkheim. „Les règles de la méthode sociologique", стр. 89. Парижъ, 1895.

**) Alfred Vierkandt. „Naturvölker und Kulturvölker", стр. 147—149. Лейпцигъ 1896.

ствознаніемъ и, главнымъ образомъ, подъ теорію естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Вотъ почему, вслѣдъ за Тардомъ, по мнѣнію котораго «распространеніе дарвиновой теоріи было прямымъ возвращеніемъ къ языческому духу», такъ что «успѣхъ дарвинизма содѣйствовалъ ужасающему возрожденію милитаризма и затормозилъ движеніе противъ смертной казни», и г. Спасовичъ указываетъ на Дарвина и на Спенсера, какъ «на стволъ дерева, изъ котораго выросли, въ видѣ вѣтокъ, капитальныя произведенія итальянской школы криминалистовъ»,—школы, говоритъ г. Спасовичъ, «суровой, соотвѣтствующей научному духу изслѣдованія, свойственному нашему вѣку... желѣзному вѣку господства грубой силы, торжествующей съ цинизмомъ» *).

Мимоходомъ будь сказано, самъ Дарвинъ весьма мало повиненъ въ примѣненіи принциповъ дарвинизма къ человѣческимъ обществамъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно ли дарвинизмъ представляетъ «стволъ», изъ котораго выросли произведенія Ломброзо и его послѣдователей, или нѣтъ, фактъ тотъ, что, вопреки пословицѣ, яблоко на этотъ разъ упало далеко отъ яблони, ибо эти произведенія, по крайней мѣрѣ, самыя раннія изъ нихъ, сводящія почти весь вопросъ о преступности къ наслѣдственности или, вѣрнѣе, къ одной изъ формъ наслѣдственности, къ атавизму, проникнуты такимъ фатализмомъ, который, въ концѣ концовъ, совершенно идетъ въ разрѣзъ съ духомъ эволюціонной теоріи, такъ какъ послѣдняя, наряду съ наслѣдственностью, выдвигаетъ и другой не менѣе важный факторъ—*приспособленіе* къ условіямъ внѣшней среды,—факторъ, который, такъ сказать, отнимаетъ у наслѣдственности ея консервативный характеръ и дѣлаетъ ее, напротивъ, могучимъ орудіемъ прогресса.

Разсмотримъ, однако, ученіе итальянской школы криминалистовъ по существу, независимо отъ его весьма сомнительной, на нашъ взглядъ, родственной связи съ дарвинизмомъ. Каковы бы ни были недостатки этого ученія, а ихъ, мы увидимъ, очень много, оно заслуживаетъ вниманія, какъ первая, по времени, серьезная попытка примѣненія закона причинности къ явленіямъ преступности, попытка, которая, вызвавъ, въ силу своей оригинальности, чрезвычайный интересъ къ вопросу о преступности, заставила подвергнуть серьезной критикѣ общепринятыя положенія классической школы уголовнаго права и искать объясненія преступности не въ метафизическихъ представленіяхъ о свободѣ воли, а въ условіяхъ дѣйствительности. Правда, въ результатѣ этой критической работы мысли оказалось, что вмѣстѣ съ основными положеніями криминалистовъ-классиковъ надо сдать въ архивъ и значительную часть едва только народившагося ученія самихъ же

*) В. Д. Спасовичъ. „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права", стр. 9—10. Москва. 1898.

итальянскихъ криминалистовъ и что центръ тяжести вопроса лежитъ вовсе не въ біологическихъ факторахъ, выдвинутыхъ Ломброзо и его учениками, но въ условіяхъ общественной среды. Но, такъ или иначе, толчкомъ для этой плодотворной работы мысли послужили труды Ломброзо и потому они, повторяю, заслуживаютъ вниманія. Они заслуживаютъ вниманія, наконецъ, еще и потому, что, несмотря на цѣлый рядъ пораженій, которыя ученіе Ломброзо понесло почти на всѣхъ конгрессахъ криминальной антропологіи, начиная со второго, засѣдавшаго въ 1889 году въ Парижѣ, и вплоть до послѣдняго, собравшагося въ Амстердамѣ осенью прошлаго года—это ученіе, значительно упрощенное и искаженное, стало своего рода ходячей формулой, принимаемой на вѣру. Съ антропологической теоріей преступности повторилось то, что такъ часто происходитъ въ наше время вообще съ новыми научными теоріями по мѣрѣ роста ихъ популярности.

Когда какое-нибудь новое ученіе становится предметомъ модныхъ разговоровъ въ великосвѣтскихъ салонахъ и буржуазныхъ гостиныхъ, когда наряду со спеціальными и неспеціальными серьезными органами печати ему удѣляютъ вниманіе въ ущербъ «интереснымъ происшествіямъ», биржевой хроникѣ и метеорологическому бюллетеню уличные листки, когда имя автора этого ученія передается изъ устъ въ уста и пріобрѣтаетъ почти такую же широкую популярность, какъ имена достигшихъ апогея своей славы оперныхъ теноровъ или знаменитыхъ балеринъ, то тутъ же обнаруживается и оборотная сторона медали: по мѣрѣ того, какъ вызванное «новинкой» волненіе распространяется все шире и шире, первоначальный смыслъ ученія все болѣе и болѣе искажается и отъ него, въ концѣ концовъ, остаются только какіе-то безформенные клочки, жалкія лохмотья...

То, что произошло, напримѣръ, съ дарвинизмомъ, должно было постигнуть антропологическую теорію преступности тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя была сметана на живую нитку изъ обширнаго, но слишкомъ односторонняго и односторонне разработаннаго матеріала. По странному недоразумѣнію, эту теорію многіе (и въ особенности въ Россіи) сочли предвѣстницей эры самаго гуманнаго отношенія къ преступникамъ, и именно съ этой точки зрѣнія одни отнеслись къ ней съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, другіе крайне враждебно. Одни приходили въ умиленіе при мыслѣ о томъ, что на преступниковъ будутъ отнынѣ смотрѣть, какъ смотритъ на нихъ нашъ народъ, т.-е. какъ на «несчастненькихъ», другіе возмущались такой сентиментальностью и съ ужасомъ утверждали, что она обезпечиваетъ злодѣямъ полнѣйшую безнаказанность и, слѣдовательно, только развязываетъ имъ руки. Чтобы показать, насколько всѣ эти разсужденія были, въ сущности, далеки отъ того, что проповѣдывалъ Ломброзо, достаточно будетъ упомянуть, что въ предисловіи къ 4-му изданію «Uomo delinquente», итальянскій профессоръ, отмѣтивъ возраженія сдѣланныя противъ его

теоріи различными учеными, говоритъ затѣмъ слѣдующее: «но есть возраженіе, пущенное въ ходъ людьми, гораздо ниже стоящими въ смыслѣ знанія и добросовѣстности, и которое, несмотря на то, что оно анонимно, неопредѣленно, какъ-бы неосязаемо и мало заслуживаетъ отвѣта, далеко не самое безопасное: это то, что я назову возраженіемъ-легендою. Если вѣрить легендѣ, эти труды (т.-е. труды итальянской школы) стремятся уничтожить уложеніе о наказаніяхъ, предоставить полную волю разбойникамъ и подорвать человѣческую свободу... Кто же не видитъ, однако, что если мы и умаляемъ отвѣтственность одной группы преступниковъ, то мы тѣмъ не менѣе далеко не претендуемъ облегчить ихъ участь, а требуемъ для нихъ вѣчнаго заключенія!» (Стр. XVIII и XIX французскаго изданія). Правда, со свойственной ему сбивчивостью Ломброзо нѣсколькими строками дальше увѣряетъ, что новыя предлагаемыя его школою мѣры наказанія, въ сущности, гармонируютъ съ духомъ нашего времени, евангеліемъ котораго стало изреченіе г-жи Сталь—«tout connaître est tout pardonner» («все понять—все простить»). Въ дѣйствительности, однако, антропологическая теорія преступности шла въ разрѣзъ съ такимъ «всепрощеніемъ» и вела, напротивъ, къ крайне суровымъ и неутѣшительнымъ практическимъ выводамъ, которыхъ часто и не подозрѣваютъ люди, продолжающіе принимать эту теорію за непреложную истину.

II.

Изслѣдуя преступниковъ съ точки зрѣнія ихъ физической организаціи, подвергая ихъ краніометрическимъ и всевозможнымъ инымъ измѣреніямъ, изучая ихъ тѣлосложеніе, пульсовыя кривыя, степень чувствительности къ боли, къ низкимъ и къ высокимъ температурамъ и къ различнымъ возбуждающимъ и т. п., Ломброзо пришелъ къ тому заключенію, что тѣлесная организація преступниковъ отмѣчена характерными особенностями, позволяющими выдѣлить этихъ субъектовъ въ особый видъ, именуемый *преступнымъ человѣкомъ* или *человѣкомъ-преступникомъ* (uomo delinquente).

Этотъ выводъ былъ, казалось, обставленъ импозантнымъ научнымъ аппаратомъ *точнаго* изслѣдованія. Не мѣшаетъ, однако, тутъ же замѣтить, что, когда говорятъ о точныхъ способахъ изслѣдованія, употребляемыхъ въ біологіи, то совершенно упускаютъ изъ виду, что эти способы изслѣдованія, точность которыхъ, къ тому же, зависитъ отъ большаго или меньшаго совершенства техники, могутъ дать только матеріалъ для умозаключеній, нисколько не исключая тѣхъ методологическихъ ошибокъ, которыя одинаково могутъ встрѣчаться и въ «точныхъ» наукахъ, и въ наукахъ, не имѣющихъ чести называться этимъ именемъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что такихъ методологическихъ ошибокъ не избѣгъ и Ломброзо, а пока обратимся къ дальнѣйшем

изложенію антропологической теоріи преступности и спросимъ себя, прежде всего, чѣмъ же объясняется существованіе *человѣка-преступника*, какъ особо стоящей въ человѣчествѣ низшей категоріи.

По мнѣнію Ломброзе, дѣло представляется какъ нельзя проще и объясняется наслѣдственностью. Извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что наряду съ прямою наслѣдственностью наблюдается и наслѣдственность непрямая или возвратная, *атавизмъ*, когда наслѣдующимъ является не непосредственно слѣдующее поколѣніе, а поколѣніе болѣе или менѣе отдаленное и когда такимъ образомъ осуществляется возвратъ къ дѣдовскимъ или прадѣдовскимъ качествамъ. Преступный человѣкъ не что иное, какъ результатъ такого атавизма. Это—облеченный въ плоть и кровь живой анахронизмъ, запоздавшій на цѣлый рядъ столѣтій дикарь, воспроизводящій характерныя черты какого-нибудь обитателя пещеръ и, какъ таковой, онъ не можетъ не быть преступникомъ, ибо то, что мы теперь считаемъ преступленіемъ, нарушеніемъ правила, было для дикаря, напротивъ, обычнымъ образомъ дѣйствій. Иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *прирожденнымъ* преступникомъ, обреченнымъ на преступленіе въ силу «желѣзнаго закона» наслѣдственности и какъ бы отмѣченнаго «печатью проклятія» въ видѣ цѣлаго ряда органическихъ дефектовъ.

Подобно героямъ греческихъ трагедій, погибавшимъ въ безсильной борьбѣ съ неумолимымъ рокомъ, онъ весь въ рукахъ той же безжалостной ἀναγκὴ («судьбы», «рока»), переименованной въ атавизмъ. И тѣмъ не менѣе, въ противоположность героямъ Эсхила и Софокла, прирожденный преступникъ не внушаетъ намъ состраданія: тамъ мы видимъ ожесточенную, мучительную борьбу между элементами человѣческимъ и сверхъестественнымъ и сверхчеловѣческимъ, мы съ болью въ сердцѣ слѣдимъ за всѣми перипетіями этой мучительной для человѣка борьбы, потому что кровныя узы родства не перестаютъ насъ связывать съ злосчастной жертвой чуждаго нашему внутреннему міру рока; здѣсь все представляется въ діаметрально противоположномъ видѣ, здѣсь уже нѣтъ никакой такой коллизіи: мѣсто сверхъестественной и чуждой намъ судьбы занялъ законъ «естества», и чуждымъ оказывается для насъ не этотъ законъ, а самъ преступникъ, этотъ облеченный въ плоть и кровь живой анахронизмъ, не укладывающійся въ рамки нашей современной жизни и только слѣпо выполняющій предначертанныя въ Книгѣ Судебъ дѣянія, не помышляя ни о какой борьбѣ. Тутъ умѣстно не состраданіе, а *искорененіе*. Это единственно возможный выводъ и итальянская школа не только не отступаетъ передъ нимъ, но даже особенно настаиваетъ на строго искореняющемъ характерѣ, который должно было бы носить уложеніе о наказаніяхъ. По мнѣнію барона Гарофало, разъ у субъекта, совершившаго, хотя бы въ первый разъ въ жизни преступленіе, обнаружены аномаліи, позволяющія отнести его къ преступному типу, мы можемъ заранѣе быть увѣрены, что имѣемъ

дѣло съ *неисправимымъ* преступникомъ, и должны такъ или иначе изъять его навсегда изъ общежитія. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ искорененія прирожденныхъ преступникомъ была бы, конечно, смертная казнь, но разъ послѣдняя плохо мирится съ современными нравами, то итальянскіе криминалисты готовы сдѣлать уступку духу времени и ограничиться требованіемъ «вѣчнаго тюремнаго заключенія», необходимость котораго, какъ мы видѣли, утверждаетъ Ломброзо.

Посмотримъ, однако, каковы тѣ органическіе дефекты, на которые ссылается Ломброзо, и дѣйствительно ли они представляютъ настолько постоянныя и настолько рѣзкія уклоненія отъ нормы, чтобы мы вправѣ были говорить о преступномъ типѣ въ антропологическомъ смыслѣ слова.

Типъ долженъ опредѣляться извѣстными характерными признаками, по которымъ можно было бы безошибочно установить, принадлежитъ ли къ нему подлежащій нашему изслѣдованію субъектъ или нѣтъ. Ломброзо и пытался опредѣлить эти признаки сначала исключительно путемъ примѣненія антропологическаго метода, тщательно измѣряя у осужденныхъ преступниковъ и у «честныхъ» (т.-е. суду не подвергавшихся) людей вмѣстимость черепной полости, отмѣчая отношеніе ширины черепа къ его длинѣ, чрезмѣрное развитіе у преступниковъ надбровныхъ дугъ и скулъ, отсутствіе симметричности въ расположеніи правыхъ и лѣвыхъ частей черепа и лица, прогнатизмъ, сильный откосъ лба, неправильное строеніе ушной раковины и т. п. анатомическіе «изъяны». Но результаты всѣхъ этихъ измѣреній и сравнительныхъ изслѣдованій оказались настолько неудачными, что, за невозможностью выработать точную анатомическую формулу человѣка-преступника, самъ Ломброзо призналъ необходимость пополнить анатомическій критерій, положенный имъ въ основу своего ученія, новыми элементами, заимствованными изъ физіологіи, патологіи и, главнымъ образомъ изъ психики преступныхъ субъектовъ.

Начать съ того, что сейчасъ перечисленныхъ признаковъ очень много и встрѣчаются они очень часто у людей нормальныхъ; признакамъ этимъ нельзя, слѣдовательно, придавать значеніе, пока они встрѣчаются отдѣльно—нужно совпаденіе болѣе или менѣе значительнаго числа такихъ признаковъ, а между тѣмъ болѣе чѣмъ у половины изслѣдованныхъ имъ преступниковъ Ломброзо не удалось найти это совпаденіе, фактъ уже самъ собою весьма умаляющій значеніе біологическаго элемента въ вопросѣ о преступности. Но и при самомъ опредѣленіи признаковъ преступнаго типа на каждомъ шагу возникали весьма серьезныя противорѣчія и разногласія. Да и могло ли быть иначе, когда анатомическая антропологія до сихъ поръ оказывается въ совершенно безпомощномъ состояніи даже при классификаціи *расъ* и когда антропологамъ не удалось еще сговориться хотя бы насчетъ относительной важности крупныхъ подраздѣленій человѣческаго рода, въ основу которыхъ кладется то форма черепа, то носовой показатель,

то строеніе волосъ и т. д., слѣдствіемъ чего являются десятки классификаціонныхъ системъ! Въ уголовной антропологіи дѣло обстоитъ, конечно, не лучше. Идетъ ли, напримѣръ, вопросъ о вмѣстимости черепной полости, Бенедиктъ утверждаетъ, что эта вмѣстимость у преступниковъ ниже, чѣмъ у нормальныхъ людей, тогда какъ, по изслѣдованіямъ другихъ авторовъ (Бордье, Даллеманъ и др.), среди преступниковъ вмѣстимость черепа въ 1.500—1.700 куб. сант. (т.-е. выше средней) встрѣчается чаще, чѣмъ среди не-преступниковъ. Мало того, у одного и того же изслѣдователя получаются любопытныя противорѣчія, непредвидѣннымъ образомъ осложняющія дѣло. Оказывается, напримѣръ, что среди убійцъ господствуетъ короткоголовый типъ, тогда какъ у воровъ преобладаетъ длинноголовый. Приходится, слѣдовательно, либо допустить, что въ преступномъ типѣ нѣтъ единства, разъ два его подраздѣленія такъ рѣзко отличаются одно отъ другого, либо просто признать, что между формою черепа и преступленіемъ нѣтъ никакой внутренней связи, ибо вопросъ еще, можно ли признать за непреложную истину хотя бы утвержденіе, будто короткоголовый типъ характеризуетъ убійцъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на бѣду ископаемые человѣческіе остатки въ родѣ прободенныхъ кремневыми топорами женскихъ череповъ, найденныхъ въ Кро-Маньонѣ и въ гротѣ Сордъ, заставляютъ думать, что именно тѣ двѣ первобытныя палеолитическія расы (Канштадтская и Кро-маньонская), которыя отличались самыми воинственными и свирѣпыми нравами, принадлежали къ длинноголовому типу, между тѣмъ какъ у короткоголовыхъ пещерныхъ жителей Лессы не было никакого оружія.

Согласовать всѣ эти противорѣчивыя данныя въ единой чисто анатомической характеристикѣ преступнаго типа невозможно, и, отказавшись отъ этой задачи, перейдемъ вмѣстѣ съ Ломброзо къ другимъ, неанатомическимъ, признакамъ этого типа.

Собственно говоря, тутъ уже часто даже и рѣчи не можетъ быть о *признакахъ*, такъ какъ принимаются во вниманіе и такія черты, которыя не поддаются вполнѣ точному опредѣленію и могутъ разными изслѣдователями оцѣниваться весьма различно. Таковы, напримѣръ, выраженіе глазъ и лица, черты характера, мстительность, жестокость, лѣность и т. п. Допустимъ даже, что наблюденія, произведенныя Ломброзо въ этой области, вполнѣ вѣрны; допустимъ, напримѣръ, что у убійцы потухшій и неподвижный взглядъ, тогда какъ у вора глаза безпокойно перебѣгаютъ съ предмета на предметъ. Но развѣ не очевидно, что, если тутъ и есть какая-нибудь связь, то она можетъ быть истолкована лишь въ томъ смыслѣ, что профессіональное воровство кладетъ извѣстный отпечатокъ на внѣшній обликъ человѣка, но нельзя же допустить, чтобы выраженіе глазъ свидѣтельствовало о прирожденной преступности, уже хотя бы потому, что это выраженіе весьма измѣняется съ возрастомъ и съ обстоятельствами жизни.

Едва ли заслуживаютъ быть принятыми въ разсчетъ и такіе признаки, какъ распространенный среди преступниковъ обычай татуировать кожу или существованіе особаго условнаго языка — *арго*. Хотя Ломброзо и видитъ въ томъ и въ другомъ явленіи слѣды атавизма, но понятно, что нельзя же серьезно обвинять наслѣдственность въ такихъ *обычаяхъ*. Какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ, тутъ можетъ быть только рѣчь о традиціи, а никакъ не объ атавизмѣ.

Не говоря уже о томъ, что между экспрессивной, почти художественной разрисовкой лица и тѣла нѣкоторыхъ дикарей и рисунками или надписями—большей частью скабрезнаго содержанія,—покрывающими конечности или туловище тюремныхъ обитателей, весьма мало общаго, не говоря уже объ этомъ, ясно, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ извѣстнаго рода модой, которая, къ тому же, одно время и даже весьма недавно была въ ходу и среди самой фешенебельной аристократіи Лондона. Спеціальныя условія тюремной и казарменной жизни достаточно объясняютъ живучесть этой моды среди заключенныхъ и среди солдатъ или матросовъ: это — чисто профессіональная черта и уже потому въ ней не можетъ быть ничего прирожденнаго.

То же самое можно сказать и о пресловутомъ арго, въ которомъ Ломброзо видитъ лингвистическій типъ низшаго порядка, приближающійся къ первобытнымъ языкамъ. Но бьющій на показъ цинизмъ, гаерство и т. п. черты этого своеобразнаго жаргона—которыя, между прочимъ будь сказано, ужъ, конечно, несвойственны ни одному изъ языковъ дикарей, характеризуютъ опять-таки не преступника, какъ біологическую единицу, а ту общественную группу, въ которой онъ вращается.

Именно въ этомъ смыслѣ Тардъ, критикуя ученіе Ломброзо, не отрицаетъ, однако, существованія преступнаго типа: «развѣ — говоритъ онъ—на всемъ протяженіи Европы или даже цѣлаго міра вы не отличите крестьянина, военнаго или священника, какъ таковыхъ, къ какой бы они расѣ и національности ни принадлежали?» *). И дѣйствительно, существованіе соціальныхъ *типовъ* съ опредѣленной физіономіей въ моральномъ и физическомъ смыслѣ, типовъ, которые вырабатываются одинаковымъ родомъ занятій и одинаковымъ общественнымъ положеніемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя въ этомъ отношеніи французскій соціологъ заходитъ слишкомъ далеко, когда онъ утверждаетъ, что, помимо «одинаковыхъ мышечныхъ и нервныхъ привычекъ, порожденныхъ рутиной одного и того же занятія и капитализированныхъ, такъ сказать въ видѣ пріобрѣтенныхъ физическихъ чертъ», «нѣкоторыя прирожденныя анатомическія особенности, чисто біологическаго, а не соціальнаго происхожденія, также входятъ въ составъ примѣтъ, свойственныхъ каждой крупной профессіи, если не

*) G. Tarde. „La criminalité comparée“, 3-е изд., стр. 51. Парижъ. 1894.

каждому крупному соціальному классу» **), такъ что въ pendant къ прирожденнымъ преступникамъ Тардъ не прочь, пожалуй, допустить и существованіе «прирожденныхъ адвокатовъ», призванныхъ защищать этихъ преступниковъ.

Оставляя въ сторонѣ провиденціальныхъ «прирожденныхъ адвокатовъ», я думаю, что такое черезчуръ широкое толкованіе соціальныхъ типовъ на самомъ дѣлѣ только съуживаетъ значеніе соціальнаго фактора въ дѣлѣ образованія типа. Во всякомъ случаѣ, даже если мы будемъ имѣть въ виду исключительно профессіональный типъ, то и тогда это понятіе едва ли окажется вполнѣ примѣнимымъ ко всей совокупности преступниковъ, распадающейся въ дѣйствительности на весьма разнообразные виды, далеко не связанные между собою сходствомъ условій жизни.

Итакъ, не касаясь пока другихъ недочетовъ ученія о преобладающемъ значеніи біологическихъ факторовъ въ дѣлѣ преступности, мы видимъ, что противъ существованія «прирожденнаго преступника», какъ особой разновидности человѣческаго рода, говорятъ весьма многіе факты и главнымъ образомъ—спорность всѣхъ признаковъ этого «типа», многочисленность ихъ, вслѣдствіе которой они могутъ имѣть значеніе только при совмѣстномъ существованіи многихъ изъ нихъ у одного и того же субъекта и, наконецъ, отсутствіе такого совпаденія у 60% общаго числа преступниковъ наряду съ его существованіемъ у болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ, суду не подвергавшихся.

Неудивительно поэтому, что, еще на конгрессѣ 1889 года, противъ ученія о прирожденномъ преступникѣ рѣшительно возстали такіе авторитеты, какъ Мануврье, Топинаръ и др. Отъ участія въ брюссельскомъ конгрессѣ 1892 года итальянскіе криминалисты воздержались, но, четыре года спустя, имъ пришлось на женевскомъ конгрессѣ выслушать весьма рѣзкія возраженія, на этотъ разъ отъ нѣмецкихъ ученыхъ и, наконецъ, на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Ломброзо, проф. Ферри, стараясь выяснить, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе «прирожденный преступникъ», настаивалъ на томъ, что понятіе о прирожденномъ преступникѣ не предполагаетъ непремѣнно неизбѣжности преступленія и что послѣднее является продуктомъ равнодѣйствующей многихъ разнообразныхъ факторовъ **). Да и самъ Ломброзо не разъ отступалъ

---

*) *Ibidem.*

**) Настоящая статья уже была готова, когда въ „Revue Scientifique“ (15-го марта 1902 г.) появился отчетъ объ амстердамскомъ конгрессѣ, составленный проф. Ферри, который пытается доказать, что ученіе Ломброзо было ошибочно понято и что Ломброзо *всегда* настаивалъ на значеніи соціальныхъ факторовъ преступности: первое изданіе „Uomo delinquente“ состояло изъ двухъ частей—антропологической и соціологической, но . . . въ послѣдующихъ (вплоть до 5-го)

отъ своего первоначальнаго ученія, то перестраивая антропологическую теорію преступности въ новую «антрополого-психіатрическую», о которой у насъ будетъ рѣчь впереди, то признавая, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, что даже когда дѣло идетъ о преступленіи, которое совершилъ субъектъ, принадлежащій къ преступному типу, «причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій, могутъ быть несравненно важнѣе причинъ индивидуальныхъ, органическихъ».

Послѣ этого можно только удивляться той непослѣдовательности, съ которою итальянская школа еще удерживаетъ терминъ «прирожденный преступникъ», и тому—прямо сказать—легкомыслію, съ которымъ она его примѣняетъ. Не далѣе, какъ въ іюнѣ 1900 года, въ издаваемомъ подъ редакціей Ломброзо журналѣ «Archivio di psichiatria scienze penali ed antropologia criminale» была, напримѣръ, напечатана статья д-ра Mariani подъ заглавіемъ «I criminali russi e la teoria di C. Lombroso» («Русскіе преступники и теорія Ломброзо»). Матеріаломъ для этой статьи послужили присланныя профессору Ломброзо 27 фотографій преступниковъ, содержавшихся въ Ломжинской тюрьмѣ. Къ статьѣ приложены шесть изъ этихъ фотографій, взятыя, замѣтьте, не какъ-нибудь случайно, а съ выборомъ, какъ самыя характерныя, и заканчивается статья слѣдующими словами, направленными по адресу проф. Оршанскаго, выразившаго сомнѣніе въ существованіи преступнаго типа среди русскихъ преступниковъ: «Достаточно бросить бѣглый взглядъ на приложенную къ этому очерку таблицу и обратить вниманіе на звѣрское лицо № 7, на ассимметрическія лица №№ 5-го и 25-го, на отталкивающія физіономіи (fisionomie ripugnanti) 21, 26 и 27 номеровъ, чтобы можно было легко убѣдиться, что и между заключенными въ русскихъ тюрьмахъ, конечно, не отсутствуетъ преступный типъ со всѣми стигматами вырожденія, открытыми ломброзовской школой».

Итакъ, достаточно бросить взглядъ на «отталкивающія» физіономіи, чтобы убѣдиться... Но, позвольте, стоило ли нагромождать измѣренія надъ измѣреніями, окружать себя краніометрическими приборами, сфигмографами, эстезіометрами и т. п. орудіями *точнаго* изслѣдованія только для того, чтобы, въ концѣ концовъ, давать заключенія по субъективнымъ впечатлѣніямъ о «физіономіи»,—заключенія, которыя были бы подъ стать и послѣднему изъ представителей сыска!

Къ тому же, разсмотрѣвъ фотографіи, на которыя указываетъ итальянскій авторъ, вы убѣдитесь, что, вопреки его мнѣнію, рекомендуемый имъ упрощенный пріемъ совершенно недостаточенъ, уже хотя

изданіяхъ соціологическая часть *была выпущена*. Изъ этого мы вправѣ заключить, что, вопреки мнѣнію Ферри, ей *не всегда* приписывалось большое значеніе; самый терминъ „прирожденный преступникъ“, къ тому же, достаточно свидѣтельствуетъ, что центръ тяжести вопроса о преступности лежалъ для Ломброзо не въ соціальныхъ условіяхъ, а въ антропологическихъ.

бы потому, что между—выражаясь субъективной и мало научной терминологіей автора—*отталкивающими физіономіями* №№ 21, 26 и 27, въ сущности, весьма мало сходныхъ чертъ, которыя позволили бы отнести эти «номера» къ одному и тому же типу.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ разсмотрѣнію того болѣе поздняго варіанта ученія Ломброзо, который можетъ быть названъ антропологo-психіатрической теоріей преступности.

III.

Еще задолго до Ломброзо было признано, что преступленія могутъ иногда являться результатомъ психическихъ аномалій, какъ доказываетъ хотя бы терминъ *monomanie homicide* (мономанія человѣкоубійства), введенный въ науку французскимъ психіатромъ Эскиролемъ. Зависимость нѣкоторыхъ преступленій отъ психическихъ болѣзней вполнѣ понятна, если обратить вниманіе на то, что эти болѣзни ведутъ къ *отчужденію* субъекта отъ его *я*, откуда и какъ нельзя болѣе вѣрный французскій терминъ «aliénation mentale», т.-е. умственное или психическое отчужденіе,—отчужденіе личности не только отъ общества, но и отъ себя самой.

Эта идея уже давно получила и законодательную санкцію, болѣе или менѣе ясно выраженную въ уголовномъ законодательствѣ различныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, 64-я статья французскаго уголовнаго кодекса гласитъ: «Il n'y a ni crime, ni délit si le prévenu était en état de démence au moment de l'action»—«нѣтъ ни преступленія, ни проступка, разъ обвиняемый находился, въ моментъ совершенія дѣйствія, въ состояніи умопомраченія». По 95-й статьѣ нашего «Уложенія о наказаніяхъ», «преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняются имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему въ то время, не могъ имѣть понятія о провозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія». Въ германскомъ законодательствѣ вопросъ нѣсколько осложняется отвлеченнымъ критеріемъ свободы воли: невмѣняемость ставится въ зависимость отъ такого психическаго состоянія, «которое исключаетъ свободу воли». Но такъ или иначе, съ тѣми или иными ограниченіями, возможная причинная связь между психозами и преступными дѣйствіями признается всѣми современными законодательствами.

Со свойственной ему наклонностью къ столь же широкимъ, сколько и поспѣшнымъ обобщеніямъ, Ломброзо перенесъ это положеніе, вѣрное только по отношенію къ извѣстной небольшой категоріи преступниковъ и преступныхъ дѣяній, на преступность вообще. Мало того, казалось бы, что между этимъ взглядомъ и ученіемъ Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ, какъ продуктѣ атавизма, не только не можетъ быть никакой связи, но что они прямо исключаютъ другъ друга. Въ самомъ

дѣлѣ, если видѣть въ преступникѣ, такъ сказать, портретъ праотцевъ, то можно еще, пожалуй, допустить, — хотя, какъ мы увидимъ, и это подлежитъ большому сомнѣнію,—что среди нашихъ праотцевъ жестокость была обычнымъ явленіемъ но нельзя же серьезно утверждать, что на зарѣ человѣческой жизни психопатія тоже была нормальнымъ явленіемъ. Тѣмъ не менѣе, Ломброзо признаетъ, какъ гласитъ и само заглавіе одной изъ его работъ по этому поводу, «тожественность эпилепсіи, нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности».

Остановимся на этомъ тезисѣ и въ особенности на тожественности эпилепсіи съ прирожденной преступностью.

Эпилепсія или падучая болѣзнь, въ своей наиболѣе извѣстной формѣ, есть неврозъ, выражающійся обыкновенно въ болѣе или менѣе частыхъ характерныхъ конвульсивныхъ припадкахъ. Но на ряду съ этой конвульсивной эпилепсіей, діагнозъ которой не представляетъ никакихъ затрудненій, существуютъ такія проявленія того же невроза, сущность которыхъ долго ускользала и отъ врачей. Эти аномальныя формы эпилепсіи могутъ обнаруживаться какъ у больныхъ, подверженныхъ конвульсивнымъ припадкамъ, такъ и при полнѣйшемъ отсутствіи послѣднихъ. Онѣ какъ бы замѣняютъ собою конвульсивные припадки и называются поэтому *эпилептическими эквивалентами.*

Эти эквиваленты могутъ быть двигательнаго, чувствительнаго или, наконецъ, психическаго характера. Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ и потому уже давно обратившимъ на себя вниманіе эпилептическимъ эквивалентомъ слѣдуетъ считать явленіе, которому французскіе клиницисты дали названіе *absence*: среди какого-нибудь дѣла, оживленнаго разговора, судебныхъ преній и т. п. на говорящаго или работающаго субъекта вдругъ находитъ какое-то затменіе, въ которомъ онъ самъ нисколько не отдаетъ себѣ отчета. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній его *я* какъ будто совершенно отсутствуетъ, затѣмъ онъ возобновляетъ прерванное имъ дѣло, нисколько не подозрѣвая того, что произошло за эти нѣсколько секундъ. Мало того, во время отсутствія этого сознательнаго и разумнаго *я* въ человѣкѣ могутъ совершаться безсознательные и полусознательные психическіе процессы, и именно въ силу бездѣйствія высшихъ задерживающихъ центровъ такіе процессы могутъ даже выразиться въ какихъ-нибудь внѣшнихъ дѣйствіяхъ, способныхъ носить болѣе или менѣе предосудительный характеръ. Это временное отчужденіе личности, эта прорѣха въ сознаніи представляетъ одну изъ простѣйшихъ формъ такъ называемой *психической эпилепсіи.* Но та же болѣзнь можетъ облекаться въ несравненно болѣе сложныя формы, въ которыхъ нерѣдко бываетъ трудно отличить эпилепсію. Такъ, напримѣръ, эта послѣдняя можетъ выразиться исключительно въ видѣ галлюцинацій, религіознаго бреда, бреда преслѣдованій и т. п. Мы имѣемъ тутъ дѣло со своего рода метаморфозой, въ силу которой данная болѣзнь выражается не въ обычно

свойственной ей симптоматологической формулѣ, а въ формулѣ другого патологическаго типа, откуда и названіе *скрытой эпилепсіи (épilepsie larvée).*

Эта скрытая эпилепсія играетъ большую роль въ ученіи Ломброзо: она, какъ я уже упоминалъ, приравнивается къ прирожденной преступности, и Ломброзо готовъ видѣть во всѣхъ преступникахъ если не сумасшедшихъ *(matti)*, то, по крайней мѣрѣ, *сумасшедшеподобныхъ (mattoidi).* Преступникъ, говоритъ итальянскій профессоръ, это — эпилептикъ, у котораго болѣзненный припадокъ длится всю жизнь.

Такое широкое обобщеніе не выдерживаетъ критики, но что придаетъ ему нѣкоторую правдоподобность—это тотъ роковой характеръ неизбѣжности, который лежитъ на преступленіяхъ, совершаемыхъ эпилептиками въ силу присущихъ имъ навязчивыхъ идей и болѣзненныхъ импульсовъ. Тутъ дѣйствительно есть нѣчто фатальное, толкающее на преступленіе. Это вся та темная психическая работа, которая совершается внѣ дѣйствительнаго контроля личности, всѣ тѣ, часто весьма сложныя, комбинаціи психическихъ актовъ, которыя, при всей своей сложности, не выходятъ однако за предѣлы *психическаго автоматизма.*

Психологія очень долгое время удѣляла свое вниманіе только сравнительно высшимъ формамъ самосознательной психической дѣятельности, но новѣйшія изслѣдованія обнаружили, что внѣ нашего сознанія или едва доходя до него, въ бездонной глубинѣ психики, идетъ постоянная автоматическая работа. Этотъ психическій автоматизмъ, играющій извѣстную роль въ повседневной жизни самыхъ нормальныхъ субъектовъ, можетъ въ патологическомъ состояніи пріобрѣтать огромное значеніе и принимать самыя разнообразныя формы: то онъ выразится въ видѣ такъ называемаго амбулаторнаго автоматизма, который заставляетъ больного переходить или переѣзжать съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ и даже изъ страны въ страну, не отдавая себѣ въ этомъ никакого отчета, пока проснувшееся вдругъ сознаніе не застанетъ несчастнаго странника поневолѣ въ совершенно незнакомомъ ему городѣ, далеко отъ родины, причемъ онъ не въ состояніи дать ни себѣ, ни другимъ отчетъ, какимъ образомъ онъ попалъ сюда; то этотъ автоматизмъ приметъ не менѣе необъяснимыя, но предосудительныя съ общественной точки зрѣнія формы наклонности къ воровству часто совершенно ненужныхъ и непремѣнно однѣхъ и тѣхъ же вещей *(клептоманія)*, наклонности къ поджогамъ *(пироманія)*, къ самоубійству и т. д.

Большей частью такія преступныя дѣйствія на психопатической почвѣ не трудно отличить отъ настоящихъ преступленій уже по самой ихъ безцѣльности: преступникъ совершаетъ преступленіе для достиженія какой-нибудь цѣли, тогда какъ для психопата преступное дѣяніе является не средствомъ, а самодовлѣющей цѣлью. Клептоманъ крадетъ

не для того, чтобы извлечъ какую-нибудь выгоду изъ украденнаго: онъ просто собираетъ цѣлыя коллекціи вещей, иной разъ лишенныхъ всякой цѣнности, и нисколько не помышляя о томъ, чтобы какъ-нибудь утилизировать ихъ; пироманъ поджигаетъ дома, не руководимый при этомъ никакими враждебными чувствами къ ихъ хозяевамъ и т. д., и т. д.

Вообще говоря, психопатическое «преступленіе» характеризуется, по Легранъ-де-Солю, слѣдующими признаками: «отсутствіе мотива, отсутствіе преднамѣренія, внезапность и энергія въ рѣшеніи дѣйствій; жестокость въ ихъ выполненіи; необыкновенная сила и многочисленность ударовъ; отсутствіе какого бы то ни было скрывательства при покушеніи и послѣ преступленія; обсолютная индифферентность; отсутствіе всякихъ угрызеній совѣсти; забвеніе или, по крайней мѣрѣ, только смутное и частичное воспоминаніе о совершенномъ поступкѣ; отсутствіе соучастниковъ».

Слѣдуетъ, однако, прибавить, что эта, въ общемъ, вѣрная характеристика не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ случаяхъ психической эпилепсіи происходитъ раздвоеніе, расколъ личности: нормальное *я* совершенно отлично отъ того *я*, которое выступаетъ на сцену во время психическаго припадка, но далеко не всегда удается опредѣлить точный моментъ этого замѣщенія, этого перехода въ такъ называемое второе состояніе (condition seconde), такъ что преступное дѣяніе, совершенное подъ вліяніемъ болѣзненнаго импульса, можетъ и не носить внезапнаго характера, можетъ быть или, вѣрнѣе, можетъ казаться подготовленнымъ, заранѣе обдуманнымъ и совершеннымъ съ извѣстной цѣлью, хотя въ этой подготовкѣ нормальное и отвѣтственное *я* не принимаетъ никакого участія и цѣль преступленія остается ему совершенно чуждой.

Съ другой стороны, подобно тому какъ обыкновенный конвульсивный припадокъ эпилепсіи не всегда возникаетъ безъ видимой причины и является иногда слѣдствіемъ какой-нибудь сильной эмоціи, такъ и—эквивалентъ этого припадка—преступный импульсъ можетъ быть вызванъ раздраженіемъ, ссорой, гнѣвомъ и т. п. моментами, что̀ опятъ-таки способно придать преступному дѣйствію преднамѣренную окраску. Мало того, разъ вызвавшая преступный бредъ причина можетъ впослѣдствіи оказывать, съ механической правильностью, постоянно аналогичное дѣйствіе на того же субъекта: это своего рода рефлексъ, а между тѣмъ, при недостаточно внимательномъ отношеніи къ дѣлу именно повторный характеръ преступнаго дѣянія можетъ быть сочтенъ отягощающимъ вину обстоятельствомъ.

Далѣе, обыкновенному эпилептическому приступу очень часто предшествуетъ, въ видѣ предвѣстника, такъ называемая *аура*—своеобразное ощущеніе въ области двигательной, чувствительной или въ области органовъ чувствъ и внутреннихъ органовъ или, наконецъ, въ области психики (дрожанія, боль, шумъ въ ушахъ, галлюцинаціи зрѣнія или

слуха и т. п.): по этому ощущенію, выражающемуся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, больной уже знаетъ, что съ нимъ скоро будетъ приступъ. Точно такъ же и приступу психической эпилепсіи можетъ предшествовать аура, заставляющая больного чувствовать надвигающуюся на него автоматическую силу импульса, противъ велѣній котораго онъ, однако, не можетъ устоять, какъ не можетъ предотвратить конвульсивный припадокъ обыкновенный эпилептикъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы и во время самого психическаго приступа имѣемъ дѣло не съ полнымъ отсутствіемъ сознанія, а только съ болѣе или менѣе значительнымъ психическимъ помраченіемъ, которому итальянскій психіатръ Оттоленги далъ вполнѣ подходящее названіе «état crépusculaire» (сумерочное состояніе). Съ другой стороны, подъ именемъ «secondo stato epilettico» (второе эпилептическое состояніе) тотъ же авторъ отличаетъ случаи, въ которыхъ сумерочное состояніе продолжается въ теченіе извѣстнаго болѣе или менѣе долгаго періода, такъ что больной, дѣйствуя сознательно, совершаетъ *цѣлый рядъ* преступныхъ поступковъ, совершенно не вяжущихся, однако, съ его прошлой жизнью.

Вотъ вкратцѣ изложенные, наиболѣе главные изъ тѣхъ моментовъ, которые нѣсколько умаляютъ сдѣланное нами раньше разграниченіе между преступленіями, собственно говоря, и преступными актами психопатовъ. Но они умаляютъ это разграниченіе только съ точки зрѣнія легкости дифференціальнаго распознованія актовъ той и другой категоріи; въ дѣйствительности же это разграниченіе остается во всей силѣ.

Конечно, скрытую эпилепсію не трудно было обратить въ своего рода Прокрустово ложе, къ которому тѣмъ легче удается пригвоздить любого преступника, что Ломброзо не затрудняется ставить діагнозъ эпилепсіи на основаніи самыхъ скудныхъ и недостаточно провѣренныхъ данныхъ. Но даже сторонники ученія Ломброзо признаютъ, что число несомнѣнныхъ эпилептиковъ между преступниками не превышаетъ 5%! Что же касается скрытой эпилепсіи, то итальянскій профессоръ усматриваетъ ее во всѣхъ субъектахъ, представляющихъ такъ называемые стигматы вырожденія, т.-е. тѣ пресловутыя анатомическія аномаліи, которыя сами по себѣ, какъ мы видѣли, уже хотя бы въ силу ихъ многочисленности имѣютъ весьма относительную цѣнность и едва ли способны пріобрѣсти большее значеніе только оттого, что къ нимъ пристегивается ничѣмъ недоказанная скрытая эпилепсія.

Съ другой стороны, если преступныя дѣянія, совершенныя въ зависимости отъ скрытой эпилепсіи, и носятъ характеръ непреложной необходимости, то это еще не значитъ, чтобы преступникъ-эпилептикъ былъ непремѣнно прирожденнымъ преступникомъ. Патологическое состояніе, выражающееся въ наклонности къ преступленію, можетъ быть и пріобрѣтеннымъ. А тотъ фактъ, что эпилептикъ стремится обыкно-

венно къ повторенію однихъ и тѣхъ же преступныхъ актовъ, нисколько не говоритъ, чтобы въ самой психо-физической организаціи преступника были заложены вполнѣ опредѣленныя преступныя влеченія, подходящія подъ ту или другую статью уголовнаго законодательства. Во первыхъ, есть психопаты, у которыхъ не замѣчается такой спеціализаціи въ преступныхъ импульсахъ и у которыхъ приступы пироманіи чередуются съ клептоманіей, съ покушеніями на убійство или самоубійство и т. п. Во-вторыхъ, въ механическомъ повтореніи однихъ и тѣхъ же преступныхъ актовъ нужно видѣть не вліяніе какихъ-то врожденныхъ преступныхъ инстинктовъ, а просто-на-просто выраженіе автоматическаго процесса, пробѣгающаго торный путь, проложенный межу разъ навсегда и прочно ассоціировавшимися низшими мозговыми центрами.

Въ самомъ дѣлѣ, наряду съ преступными дѣяніями, у психопатовъ—да и не у однихъ психопатовъ—постоянно повторяются одни и тѣ же безразличные импульсы, но эти послѣдніе, само собою, не обращаютъ на себя такого вниманія, какъ преступные импульсы, исключая развѣ тѣ случаи, когда они пріобрѣтаютъ черезчуръ странный характеръ, какъ это было, напримѣръ, у того сановника, исторію котораго повѣствуетъ Легранъ-дю-Соль: черезъ 40 или 50-дневные промежутки времени съ этимъ почтеннымъ пятидесятилѣтнимъ мужчиной случались приступы, выражавшіеся въ томъ, что онъ бросался на землю въ смѣшной и постоянно одной и той же позѣ, начиналъ лаять, ругать самыми неприличными словами свою жену... Выраженные въ менѣе рѣзкой формѣ импульсы встрѣчаются очень часто въ видѣ такъ называемыхъ умственныхъ или психическихъ тиковъ (*tics mentaux*), повторяющихся съ такою же автоматическою необходимостью, съ какою повторяются у нѣкоторыхъ субъектовъ судорожныя подергиванія мышцъ лица и т. п. Тотъ же Легранъ-дю-Соль разсказываетъ о больной, которая, уходя отъ него, сказала: «у васъ, на этомъ столѣ 44 книги, а на васъ жилетъ съ 7-ью пуговицами. Простите, это невольно, но необходимо, чтобы я считала». И такіе умственные тики существуютъ у очень многихъ, повидимому, совершенно нормальныхъ людей: одни испытываютъ непреодомимую потребность считать, сколько буквъ въ каждомъ словѣ какой-нибудь вывѣски, другіе при входѣ въ желѣзнодорожный вагонъ непремѣнно начинаютъ соображать, дѣлится ли номеръ вагона на три, на шесть и т. п.

Во всемъ этомъ, какъ и въ преступныхъ импульсахъ, нѣтъ ничего врожденнаго, и скрытая эпилепсія такъ же мало говоритъ за существованіе прирожденной преступности, какъ и атавизмъ.

По теоріи Ломброзо, какъ мы видѣли, классъ прирожденныхъ преступниковъ комплектуется путемъ возвращенія къ типу дикаря, для котораго преступность (или то, что мы теперь называемъ преступностью) была, такъ сказать, постоянной атмосферой. Представленіе о такомъ

дикарѣ, несомнѣнно, слишкомъ схематично и далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не такъ давно г. Энгельгардтъ написалъ книгу «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости», въ которой онъ пытался доказать, что, вопреки общепринятому представленію о прогрессѣ, какъ о процессѣ постепеннаго смягченія нравовъ, человѣчество, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, по мѣрѣ роста умственнаго и техническаго прогресса, все болѣе и болѣе удалялось отъ первобытной мягкости нравовъ. Тезисъ, конечно, парадоксальный и которымъ Руссо, какъ извѣстно, прельстился лишь въ силу этой парадоксальности, да и то только послѣ того, какъ его надоумили на это. Но, даже не вдаваясь ни въ какія попытки реабилитировать далекое прошлое и нисколько не стараясь превратить преданіе о «золотомъ вѣкѣ» въ своего рода историческую истину, мы не должны все-таки упускать изъ виду, что, по вполнѣ достовѣрнымъ наблюденіямъ путешественниковъ, жестокость далеко не составляетъ *общей* отличительной черты первобытныхъ племенъ, а, по мнѣнію Спенсера, и высшіе аттрибуты человѣчества гораздо болѣе свойственны дикимъ народамъ, живущимъ изолированными парами въ своихъ лѣсахъ, чѣмъ членамъ «обширной, прекрасно организованной націи, имѣющей чудесно выработанныя искусства, обширныя и глубокія знанія и безчисленныя примѣненія ихъ къ благосостоянію».

Къ тому же, если обратить вниманіе на тѣ возмутительныя звѣрства, которыя европейскіе цивилизаторы позволяютъ себѣ въ далекихъ заморскихъ странахъ по отношенію къ чернымъ и желтымъ людямъ, то станетъ яснымъ, что о постепенномъ смягченіи нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи можно говорить никакъ не въ абсолютномъ, а только въ относительномъ смыслѣ. Факты заставляютъ думать, что какъ для первобытнаго дикаря, такъ и для современнаго «искателя новыхъ рынковъ», завоевателя или колонизатора сдерживающимъ стимуломъ, въ проявленіи жестокости, является одно и то же разграниченіе людей на *своихъ* и *чужихъ*: то, что вполнѣ позволительно по отношенію къ чужому, преступно по отношенію къ своему. Съ осложненіемъ общественной и международной жизни это дѣленіе на своихъ и чужихъ идетъ, такъ сказать, въ двухъ направленіяхъ—этническомъ и соціальномъ: съ одной стороны, развивается солидарность родовая, племенная, національная и т. д.; съ другой стороны, не менѣе, если не болѣе, рѣзко выступаетъ солидарность на почвѣ классовыхъ интересовъ. Получается, если хотите, двойная система концентрическихъ круговъ, причемъ одна изъ нихъ какъ бы пересѣкаетъ другую, подобно тому, какъ пересѣкаются круги долготы и широты на географической картѣ. Люди, принадлежащіе къ одной и той же національности, могутъ такимъ образомъ оказаться, однако, разъединенными въ силу враждебности ихъ соціальныхъ интересовъ, и, наоборотъ, представители различныхъ національностей могутъ быть связаны крѣпкими узами общности клас-

совыхъ интересовъ. Такъ, сильно развитое классовое самосознаніе можетъ, напримѣръ, заставить итальянскихъ рабочихъ оказать дѣятельную помощь забастовавшимъ французскимъ рабочимъ, и, наоборотъ, отсутствіе сознанія общности ихъ соціальныхъ интересовъ при сильно развитомъ чувствѣ національной обособленности можетъ заставить тѣхъ же итальянскихъ рабочихъ выступить въ данномъ случаѣ въ качествѣ конкурентовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ за низшую заработную плату, чѣмъ та, которой добиваются ихъ французскіе товарищи. Намъ придется считаться съ этими обстоятельствами впослѣдствіи, при обзорѣ соціальныхъ факторовъ преступности и въ особенности такъ называемой коллективной преступности, а пока вернемся къ вопросу о процессѣ смягченія нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи.

Процессъ этотъ, въ концѣ концовъ, не подлежитъ сомнѣнію, но сводится онъ, въ сущности, къ тому, что понятіе *свой* все болѣе и болѣе расширяется. Альтруистическія чувства или, по крайней мѣрѣ, чувства, тормозящія проявленіе грубаго и жестокаго эгоизма, сначала обнаруживаются только въ предѣлахъ семьи, затѣмъ рода, племени, націи или соціальнаго класса и т. д. Внѣ этихъ постоянно расширяющихся концентрическихъ круговъ—все чужіе, враги, варвары или какъ бы ихъ тамъ ни называли, по отношенію къ которымъ спасительный тормазъ перестаетъ функціонировать, и вся разница между первобытнымъ дикаремъ и свирѣпымъ цивилизаторомъ, «просвѣщающимъ» цвѣтныхъ людей огнемъ и мечомъ, только въ томъ, что чувство солидарности человѣка съ себѣ подобными распространяется теперь на несравненно большій кругъ людей. Но если въ наше время не третируютъ инородца, иноплеменца или иновѣрца хуже животнаго (да и всегда ли не третируютъ?), то нисколько не стѣсняются третировать такъ представителей якобы *низшихъ расъ*, по отношенію къ которымъ носитель цивилизаціи, не замѣчая всего ужаса своей непослѣдовательности, позволяетъ себѣ самыя невѣроятныя варварства.

А разъ это такъ, разъ какой-нибудь англійскій джентльменъ или французскій homme du monde, являющіеся каждый въ своемъ отечествѣ образцомъ корректности, разъ эти сыны европейской культуры въ далекихъ колоніяхъ преобразуются въ варваровъ, ни на минуту не переставая, однако, считать себя представителями цивилизаціи, то это только доказываетъ, до какой степени понятіе о преступленіи лишено, такъ сказать, біологической подкладки и построено цѣликомъ на почвѣ общественныхъ отношеній. Европеецъ считаетъ для себя обязательными юридическіе законы, пока онъ находится въ привычныхъ для него общественныхъ условіяхъ, но, очутившись лицомъ къ лицу съ какими-нибудь неграми, онъ считаетъ себя совершенно свободнымъ распоряжаться ими, какъ ему вздумается, и при случаѣ убиваетъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Это не значитъ, чтобы физико-психической

организаціи европейца или вообще человѣка было присуще какое-то предопредѣленіе ко злу въ противоположность тому предопредѣленію къ добру, какое допускалъ въ человѣкѣ св. Августинъ. Психофизической организаціи человѣка, какъ таковой, не свойственно ни то, ни другое, а двойственное отношеніе европейца къ людямъ, смотря по тому, бѣлые ли они или черные, доказываетъ только, во-первыхъ, что выработанная его соціальнымъ кругомъ и усвоенная имъ мораль въ сущности весьма невысокаго качества и, во-вторыхъ, что юридическія нормы, созданныя тѣми или иными общественными формами, не представляютъ изъ себя ничего абсолютнаго.

Не касаясь этической стороны вопроса, которая не подлежитъ здѣсь нашему обсужденію, мы не можемъ не обратить вниманія на другую сторону, на относительность юридическихъ нормъ, которая послужитъ намъ какъ бы переходомъ къ разсмотрѣнію соціальныхъ факторовъ преступности. Мы увидимъ, въ самомъ дѣлѣ, что понятіе о преступности есть понятіе чисто юридическое, постоянно мѣняющееся, и потому совершенно несовмѣстимое съ біологическими понятіями наслѣдственности, атавизма, врожденности. Мы увидимъ, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ общество наказывало смертной казнью за преступленія, которыя даже не упоминаются въ современныхъ уголовныхъ законодательствахъ; мы увидимъ также, что наряду съ измѣненіями во времени понятіе о преступленіи мѣняется и въ пространствѣ, что преступленія противъ вѣры, совершенно непризнаваемыя, напримѣръ, французскимъ законодательствомъ, въ другихъ государствахъ считаются одними изъ самыхъ важныхъ, за которыя виновные лишаются всѣхъ правъ состоянія и подвергаются ссылкѣ въ каторжныя работы. Мы увидимъ, наконецъ, что существуетъ цѣлая категорія преступленій, которыя оказались для теоріи Ломброзо камнемъ преткновенія, и что итальянскій профессоръ и самъ долженъ былъ признать здѣсь за соціальными факторами гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ за строеніемъ черепа и неправильностями ушной раковины.

Переходя затѣмъ къ обзору этихъ соціальныхъ факторовъ преступности, мы разсмотримъ, дѣйствительно ли *законы подражанія*, на значеніи которыхъ настаиваетъ Тардъ, играютъ въ преступности ту преобладающую роль, которую приписываетъ имъ французскій соціологъ, и не отражаются ли на преступности, главнымъ образомъ, экономическія причины и классовая борьба, за которыми идущая зигзагами криминологія еще недавно не признавала никакого значенія... И тогда для насъ станетъ яснымъ, что преступникъ не пасынокъ природы, не продуктъ біологическаго атавизма, а плоть отъ плоти и кость отъ кости современнаго ему общества.

Д-ръ Л. Шейнисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„ИСПОРТИЛАСЬ".

Очеркъ.

I.

Бухгалтеръ уѣзднаго казначейства, Иванъ Степановичъ Бородкинъ, отдыхалъ въ постели послѣ обѣда. Газета «Свѣтъ» лежала у него на животѣ непрочитанная, потому что Ивану Степановичу лѣзли въ голову самыя мрачныя мысли.

— М-да!..—время отъ времени произносилъ онъ и отдувался, словно хотѣлъ освободить грудь свою отъ лежащаго на ней камня.

Произошло въ жизни Ивана Степановича что-то скверное и непонятное, и чувствовалось такъ отвратительно, словно въ душѣ нарывало, и тупая упорная боль дергала за сердце, мѣшая установиться прежнему равновѣсію. Какъ все это произошло? Что именно произошло? Чѣмъ все это кончится?

— М-да!

За обѣдомъ было накрыто два прибора, но одинъ такъ и простоялъ безъ употребленія, упорно напоминая о томъ, что Марья Николавна отсутствуетъ, что онъ—одинъ и что порядокъ жизни нарушенъ. И теперь на кровати лежатъ двѣ подушки рядомъ, но одна остается безъ употребленія, и это упорно напоминаетъ все о томъ же безпорядкѣ жизни. День медленно угасалъ за окнами, и сѣренькій свѣтъ вливался со двора въ комнату, дѣлая ее печальной и скучной. Проклятый шарманщикъ наигрывалъ гдѣ-то грустный вальсъ, любимый Маничкинъ вальсъ, и Ивану Степанычу казалось, что шарманка выговариваетъ слова: «потерялъ я ее, потерялъ навсегда». Онъ прикрылъ свое лицо газетой, но глаза его продолжали смотрѣть и подъ газетой съ напряженнымъ вниманіемъ въ глубь собственной души, гдѣ все сильнѣе нарывало безпокойство. Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Степановичъ женился, прошло шесть лѣтъ. Каждый день въ теченіе этихъ шести лѣтъ Иванъ Степанычъ ложился послѣ обѣда отдыхать въ эту самую кровать и всегда испытывалъ чувство полнаго успокоенія,

которое вливалось въ его душу какъ бы вмѣстѣ со съѣденнымъ обѣдомъ. Кромѣ газеты, тутъ же рядомъ лежала обыкновенно Машуха, какъ называлъ Иванъ Степанычъ въ послѣобѣденное время жену, а въ ногахъ укладывался дымчатый котъ и тихо мурлыкалъ, прикрывъ себѣ голову лапкой; Иванъ Степановичъ прочитывалъ газету и испытывалъ такое удовольствіе, словно, лежа въ кровати, онъ вмѣстѣ съ Машухой и съ котомъ, и со всей привычной обстановкой жизни, путешествовалъ по разнымъ странамъ и городамъ, присутствовалъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ изъ жизни королей и министровъ, видѣлъ нѣсколько катастрофъ, убійствъ, самоубійствъ. А пока онъ читалъ, Машуха успѣвала обыкновенно задремать и сладкимъ похрапываніемъ напоминала Ивану Степановичу, что онъ, слава Богу, дома, и что все у нихъ въ порядкѣ, чинно, благородно, однимъ словомъ— хорошо. Изъ дѣтской слышалось или монотонное, усыпительное «баю-баю-баюшки», или веселенькое «пришла коза рогатая», сопровождаемое звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Хорошо! Иванъ Степанычъ, бросивъ газету, какъ бы съ птичьяго полета обозрѣвалъ этотъ моментъ своей жизни: Машуху, кота, ребячій смѣхъ, тиканье часовъ, и чувствовалъ, что все у него есть и ничего ему больше не надо, и что все это такъ хорошо и прочно устроилось, что можно маленько и всхрапнуть... Онъ закрывалъ лицо газетой, и въ душу его снисходила благодать: тамъ становилось такъ спокойно и гладко, какъ бываетъ въ тихій, лѣтній вечеръ на маленькихъ, скрытыхъ въ молчаливомъ лѣсу, озерцахъ и болотцахъ. И съ улыбкой подъ усами Иванъ Степановичъ засыпалъ безмятежнымъ сномъ, полный благодарности къ жизни и ея радостямъ...

А теперь онъ лежалъ одинъ и не могъ заснуть, потому что чувствовалъ непріятный, безпокоящій диссонансъ въ своей жизни и видѣлъ, какъ угрожающій безпорядокъ съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подходитъ къ его семейному благополучію.

Тихо ступая по полу босыми ногами, въ комнату заглянула кухарка Палагея. «Экое горе-то!» прошептала она и осторожно пошла прочь. Иванъ Степанычъ слышалъ, но не шевельнулся, потому что ему не хотѣлось разговаривать съ Палагеей. Кто-то пришелъ: Палагея два раза повторила: «я ничего не знаю, барыни нѣтъ, а баринъ почиваетъ».

— Когда вернется?

— А кто ее знаетъ, всяко случается...

Кто-то пожалѣлъ и посѣтовалъ на Марью Николавну: «сама велѣла прійти, а ушла», и Иванъ Степановичъ молча добавилъ, что, дѣйствительно, никакого порядку теперь у нихъ нѣтъ. Когда дверь въ кухнѣ хлопнула, онъ всталъ съ постели, чтобы посмотрѣть въ окно, кто это приходилъ. Приходила баба, которая

стираетъ у нихъ бѣлье. Больше Иванъ Степанычъ не ложился. Онъ ходилъ въ однихъ чулкахъ по комнатамъ, останавливался у оконъ и смотрѣлъ на дворъ, вздыхалъ, произносилъ «м-да!» и думалъ. Подвернется какой-нибудь прохвостъ, въ родѣ этого актера, и перевернетъ вверхъ ногами всю твою жизнь. Рожа бритая, вся въ складкахъ, ходитъ безъ калошъ, въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ брюкахъ и въ старомъ пиджакѣ съ хлястикомъ позади; на головѣ уродливая шляпа, измятая, какъ его рожа.... Неужели онъ, Иванъ Степанычъ, хуже этого актера, похожаго на голодную бродячую собаку? Иванъ Степанычъ подошелъ къ жениному туалетному столику и сталъ смотрѣться въ зеркало; онъ смотрѣлъ долго и думалъ, что онъ гораздо красивѣе актера, потомъ покрутилъ усы, повелъ бровями и крякнулъ. На столѣ стояла раскрытая шкатулочка, и Иванъ Степанычъ остановилъ на ней свое вниманіе Бросила, даже не закрыла. Въ шкатулкѣ—подвязка, пузырекъ съ духами, клочокъ волосъ, перевязанный голубой ленточкой: это волосы умершаго ребенка, которому когда-то нянька пѣла «баю-баю-баюшки». Иванъ Степанычъ взялъ въ руки эти мягкіе, какъ пухъ, золотистые волосики и ему сдѣлалось такъ грустно, словно Вовочка только вчера умеръ. Тутъ же пуховка, цвѣтные карандаши, которыми Марья Николаевна гримируется, выступая въ любительскихъ спектакляхъ. Иванъ Степанычъ смотрѣлъ на шкатулку и она представилась ему олицетвореніемъ того угрожающаго безпорядка, который подступалъ со всѣхъ сторонъ, незамѣтно подтачивая семейное благополучіе. Завернувъ Вовочкины волосики въ бумагу, Иванъ Степанычъ положилъ ихъ въ поминанье. Потомъ онъ поправилъ сползшую съ ломбернаго столика вязаную скатерть и, махнувъ рукою, отошелъ.

— М-да!—произнесъ онъ и покачалъ головой.

II.

Было около десяти часовъ вечера, а жена не возвращалась. Иванъ Степанычъ сидѣлъ за самоваромъ съ газетой въ рукахъ. Но ему не пилось и не читалось. На столѣ стояла безъ употребленія красивая чашка съ золотой надписью «въ день ангела», и эта чашка упорно напоминала о безпорядкѣ. Ивану Степанычу казалось, что чашка выглядитъ легкомысленно и насмѣшливо улыбается, глядя на стоящій рядомъ стаканъ. Стаканъ съ чашкой напоминали теперь Ивану Степанычу ихъ законный бракъ: стаканъ это—онъ, Иванъ Степановичъ, а чашка—Манюся. Онъ не любилъ, когда женщины пили чай изъ стакановъ, потому что стаканъ присвоенъ мужчинѣ, а женщинѣ—чашка. Шелъ дождикъ, безконечный осенній дождикъ, и Ивану Степанычу казалось, что

гдѣ-то ходятъ по обвалившимся листьямъ, загребая ихъ ногами. Онъ подходилъ къ окну, закрывалъ руками лицо, чтобы не мѣшалъ свѣтъ лампы, и вглядывался въ темноту ночи, туда, откуда должна была придти Марья Николавна. Нѣтъ, не идетъ. И опять въ голову Ивана Степаныча лѣзли мрачныя мысли, и онъ спрашивалъ себя: чѣмъ все это кончится?.. Не надо было соглашаться въ первый разъ. А теперь поздно. Эти спектакли вскружили ей голову, и когда ихъ нѣтъ, ей скучно, словно она что-то теряетъ тогда и груститъ о потерянномъ. Чего хорошаго? Непонятно. Иванъ Степанычъ такъ и зналъ. Эти любительскіе спектакли, онъ чувствовалъ, добромъ не кончатся. Въ комнатахъ было тихо, и казалось, что лампа съ зеленымъ тюльпаномъ и чашка съ надписью «въ день ангела» о чемъ-то сосредоточенно думаютъ вмѣстѣ съ Иваномъ Степанычемъ и слушаютъ, какъ на дворѣ шепчетъ дождь, и какъ вода, стекающая съ крыши, звенитъ водосточной трубою. Шорохъ дождя то стихалъ, то усиливался, и вдругъ въ этомъ шорохѣ прозвучалъ веселый женскій смѣхъ. Она смѣется... Идетъ, наконецъ! Съ кѣмъ это?...

Иванъ Степанычъ крякнулъ и принялъ такую позу, словно его нисколько не интересовало, кто тамъ подъ дождемъ смѣется, шлепая ногами по лужамъ. Въ сѣняхъ затопали, опять прозвучалъ смѣхъ и затѣмъ вздрогнулъ звонокъ. Иванъ Степанычъ съ серьезнѣйшимъ лицомъ вышелъ въ переднюю и сдернулъ крючекъ съ петли, а затѣмъ моментально удалился и опять сѣлъ къ столу и углубился въ газету.

— Зайдите на минуточку!

— Не поздно?

— Ничего, ничего! У насъ самоваръ!..

— Ноги надо въ порядокъ привести....

— Промочили?

И опять смѣхъ. Почему ей смѣшно и весело? Странно. Пора спать, а у нихъ—гости! Полнѣйшій безпорядокъ.

— Ты попиваешь чаекъ? Это хорошо. Позволь тебѣ представить....

Иванъ Степанычъ поднялъ голову и увидалъ гостя. Онъ самый, человѣкъ съ бритой рожей въ клѣтчатыхъ брюкахъ, концы которыхъ были такъ грязны, словно ихъ нарочно окунули въ лужу.

— Очень пріятно,—сухо сказалъ Иванъ Степанычъ.

— Ну и погодка, знаете...—со смѣхомъ проговорилъ гость, подсаживаясь къ самовару, положилъ ногу на ногу и обнялъ колѣнку руками. Иванъ Степанычъ смотрѣлъ на ноги въ клѣтчатыхъ брюкахъ и думалъ, что человѣкъ этотъ неряха: чего стоило взять да подвернуть брюки?

— Вы что же, долго проживете въ нашемъ городѣ?

— Пожалуй, зазимую... Отбился отъ стаи: товарищи улетѣли, а я пролежалъ въ больницѣ, тифомъ хворалъ...

— У насъ скучно, никакихъ увеселеній...—угрюмо произнесъ Иванъ Степанычъ.

— Ничего, ничего... Будемъ ставить спектакли... Теперь энженю имѣется, а это—главное....

— Какое-съ энженю?

— Ваша супруга! У ней прямо талантъ! Ей-Богу!

— Полноте пожалуйста!—вспыхнувъ отъ удовольствія, сказала Марья Николавна и весело подпрыгнула около мужа и наклонилась, чтобы посмотрѣть ему въ лицо. А лицо Ивана Степаныча было глубокомысленно и хмуро.

— Пойдешь на спектакль на меня посмотрѣть?

— Что я, не видалъ, что ли, тебя?

— Да не меня, а Ольгу Ранцеву. Ольгу я буду играть....

— Эта роль выйдетъ у васъ, Марья Николавна, вотъ какъ! замѣтилъ гость и поцѣловалъ кончики пальцевъ.

— Охота ломаться!—тихо, какъ бы размышляя вслухъ, сказалъ Иванъ Степанычъ.

Марьѣ Николаевнѣ сдѣлалось неловко и за мрачный видъ мужа, и за себя и, стараясь скрыть свою неловкость напускной веселостью, она сказала:

— Ваня не любитъ, когда я играю въ любительскихъ спектакляхъ. Онъ не любитъ искусства....

— Искусство!—промычалъ Иванъ Степанычъ и сразу, какъ говорится, убилъ Марью Николавну:—Ты бы лучше пуговицы къ штанамъ мнѣ пришила!..

Господинъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ сказалъ, что штаны дѣло неважное и заболталъ ногой. Марья Николавна спряталась отъ гостя за самоваръ: она прокраснѣла и готова была заплакать отъ такой неделикатности. А Иванъ Степанычъ, не отрывая взора отъ газеты, началъ ворчать, говорить о семьѣ, о безпорядкѣ, о шкатулкѣ, которая стояла на туалетномъ столикѣ...

— Хоть бы посторонняго человѣка постыдились!—прошептала Марья Николавна и ушла въ сосѣднюю комнату.

— Женщина должна посвятить себя семьѣ, мужу, хозяйству, а онѣ хвосты треплютъ по разнымъ спектаклямъ.

Гостю было неловко. Онъ качалъ ногою и слегка ухмылялся.

— Если ты актеръ—играй, если жена—занимайся хозяйствомъ, чиновникъ—служи, купецъ—торгуй! Ясно, кажется, какъ Божій день...

— Что же тутъ дурного? что?—прозвучалъ голосъ Марьи Николавны изъ другой комнаты.

— Да и хорошаго-то мало!—отвѣтилъ Иванъ Степанычъ.

Гость началъ было говорить что-то объ искусствѣ, но Иванъ Степанычъ круто оборвалъ:

— Какое тамъ искусство! Шныряютъ по уборнымъ, въ щелочки подглядываютъ, подъ предлогомъ разныхъ представленій, съ чужими женами цѣлуются и прочее такое..

— Я думаю, Николай Михалычъ, вамъ дико такія слова слушать? Вы извините! — сказала Марья Николавна, выйдя изъ своего убѣжища. Лицо у ней было виноватое, но въ походкѣ и въ позѣ проглядывало горделивое сознаніе превосходства. Она ходила по комнатѣ съ заложенными за спину руками и смотрѣла впередъ, прикрывъ глаза длинными рѣсницами.

— Вовочкины волосы, мазилки разныя, теперь у насъ все въ кучу свалено,—вполголоса проворчалъ Иванъ Степанычъ.

Гость всталъ и началъ прощаться.

— Посидите, —сказалъ Иванъ Степанычъ, подавая ему руку.

— Далеко мнѣ шагать.

— А гдѣ изволите квартировать?

— У чертей на куличкахъ!

— Прощайте, Николай Михалычъ! Извините ужъ насъ!— сказала Марья Николавна и крѣпко пожала руку гостю.

Актеръ ушелъ. Супруги долго молчали и не смотрѣли другъ на другъ.

— Экое безобразіе! Какъ въ кабакѣ!—прошепталъ вдругъ Иванъ Степанычъ и куда-то пошелъ. Онъ вернулся съ половою щеткою въ рукахъ и сталъ затирать на полу слѣды отъ грязныхъ и мокрыхъ ногъ ушедшаго гостя.

— Калошъ нѣтъ, а тоже искусство!

Марья Николавна молчала. Поджавъ губы, она смотрѣла на подтиравшаго полъ Ивана Степаныча, а потомъ вдругъ расхохоталась на всѣ комнаты, расхохоталась обидно какъ-то для Ивана Степаныча, оскорбительно.

— Смѣшно?—спросилъ онъ, оглянувшись на жену, и понесъ щетку въ кухню.

— Спать вы намѣрены?—спросилъ онъ, когда часы пробили одиннадцать.

— Спите!

— А ужинать вы намѣрены?

— Ужинайте!

Полнѣйшій безпорядокъ въ жизни! Все пошло кувыркомъ. Иванъ Степанычъ сѣлъ за столъ и, облокотясь обѣими руками, задумался. Передъ нимъ стояла чайная посуда: чашка съ надписью: «въ день ангела» и два стакана; изъ одного стакана пилъ актеръ, а изъ другого—онъ, Иванъ Степанычъ; и его стаканъ стоитъ въ сторонѣ, а чашка и стаканъ актера—рядышкомъ...

— М-да!..—вздохнувъ, произнесъ Иванъ Степанычъ.

Долго Иванъ Степанычъ сидѣлъ за столомъ, подперевъ голову руками. Чѣмъ все это кончится? Какъ остановить этотъ угрожающій безпорядокъ? Часы пробили двѣнадцать. Онъ вздохнулъ, всталъ и, заискивающе посмотрѣвъ въ передній уголъ, гдѣ висѣлъ образъ Николая-Угодника, пошелъ въ спальню

Здѣсь, на столикѣ, горѣла свѣча. У столика стояло старое кресло и въ немъ сидѣла, откинувъ голову на спинку, Марья Николавна. Руки ея покоились на колѣняхъ и держали тетрадку, въ которой была выписана роль Ольги Ранцевой. Глаза у Марьи Николавны были закрыты. Спитъ? А можетъ быть, прикинулась, что спитъ, не желая лечь на свое мѣсто? Теперь все пошло кувыркомъ... Иванъ Степанычъ раздѣлся и легъ въ постель. Покряхтѣлъ, прошепталъ «Господи, Боже мой!» и прикрылъ лицо одѣяломъ. Но между подушкою и одѣяломъ осталась щелочка, въ которую онъ и смотрѣлъ, желая убѣдиться, спитъ или притворяется Марья Николавна. А Марья Николавна, дѣйствительно, дремала. Она забылась и ей чудилось, что оркестръ играетъ и сейчасъ поднимется занавѣсъ. Въ дырочку, которую любители продѣлали въ занавѣсѣ, видно всю публику: полна зала! Тутъ и исправникъ, и почтмейстеръ съ женою и дочерьми, и аптекарь, и казначей съ семействомъ, и секретарь полиціи, всѣ гарнизонные офицеры и даже самъ воинскій начальникъ!.. Въ залѣ говоръ, смѣхъ, улыбки, шелестъ платьевъ и бряцаніе шпоръ... Вонъ казначейша обмахивается вѣеромъ и любезничаетъ съ воинскимъ начальникомъ. Потомъ тихо-тихо... Сотня глазъ вперилась въ Марью Николавну и весь клубскій залъ словно замеръ... А потомъ взрывъ рукоплесканій, оглушительное «браво» и единодушный крикъ «Маля-вину! Маля-вину!..» Это она—Малявина, по сценѣ... Сердце трепещетъ въ груди, хочетъ выпрыгнуть отъ радости, лицо горитъ и хочется плакать и смѣяться...

— Ма-ля-вину! Браво!

Потомъ приходятъ за кулисы, благодарятъ, жмутъ руки и удивляются:

— У васъ несомнѣнный талантъ! Вамъ надо, голубушка, на сцену!..

— Марья Николавна! Милая! Я плакала, вы меня растрогали до слезъ!..

Кто-то цѣлуетъ Марью Николавну и ей такъ хорошо, что и у самой у ней теплыя слезинки вдругъ запрыгали съ рѣсницъ и покатились по щекамъ...

Иванъ Степанычъ тихо вылѣзъ изъ-подъ одѣяла, спустилъ босыя ноги на коврикъ и о чемъ-то подумалъ. Потомъ онъ подошелъ къ столику, чтобы загасить свѣчу. Сама не спитъ и людямъ

спать мѣшаетъ. Приблизивъ лицо къ свѣчкѣ, Иванъ Степанычъ бокомъ посмотрѣлъ на жену и увидалъ, что по щекамъ ея катятся слезы, а губы вздрагиваютъ отъ улыбки...

— Послушай! Машуха!.! Никакъ ты плачешь?..

Марья Николавна раскрыла глаза. Мужъ въ бѣломъ стоитъ посреди комнаты и нѣтъ никакой публики... Широко раскрывъ глаза, она долго смотрѣла впередъ и не могла стряхнуть съ себя чары дивнаго сновидѣнія...

— Ложись, Машуха! Право!.. Выкинь изъ головы дурь-то! право...

Марья Николавна закрыла лицо тетрадкой и ничего не отвѣтила.

— По ночамъ люди спятъ, а у насъ шиворотъ-на-выворотъ...— проговорилъ Иванъ Степанычъ и, ввалившись въ кровать, отвернулся къ стѣнкѣ.

III.

Однажды вечеромъ, когда Иванъ Степанычъ одиноко сидѣлъ за чайнымъ столомъ и думалъ, чѣмъ все это кончится, на дворѣ заскрипѣла телѣга, и въ темнотѣ грубый мужицкій голосъ протянулъ «т-п-ру!» Иванъ Степанычъ посмотрѣлъ въ окно и побѣжалъ встрѣчать: по темному силуэту человѣка, сидящаго въ телѣгѣ, онъ узналъ тестя, отца Николая.

— Палагея! Огня! Папаша пріѣхалъ... Подогрѣй самоваръ!

— Батюшки мои! Гдѣ спички-то?...

Началась суматоха. У крыльца фыркала уставшая лошадь, мужикъ въ кафтанѣ копошился около телѣги, вытаскивая поклажу: мѣшки, пещеръ, узлы, а отецъ Николай безпокойно кричалъ: «яица-то не разбей, яица-то!» Палагея стояла около телѣги и свѣтила, прикрывая ладонью руки пламя огарка, а Иванъ Степанычъ съ крыльца спрашивалъ:

— Грязная дорога, папаша?

— Бѣды! Не вылѣзу, вѣдь, я... Одѣяло-то вытащи! Ноги запутались...

Отецъ Николай съ трудомъ вылѣзъ изъ телѣги и, прихрамывая, пошелъ къ крыльцу.

—.Ногу отсидѣлъ. Ну, здравствуй! Все ли въ добромъ здоровьи?..

— Здравствуйте, папаша... Ничего, живемъ...

— Яица-то осторожнѣй! Тамъ, въ пещерѣ, яичекъ мать прислала...

Въ сѣняхъ они крѣпко поцѣловались.

*

— Мокрая у меня борода-то!..

— Ничего, папаша... Пожалуйте!

Мужикъ таскалъ вещи въ кухню и Палагея кричала на него, чтобы не топталъ половика грязными лаптями.

— Безъ этого нельзя, бабынька хорошая!..

— А мы васъ завтра ждали, папаша—произнесъ Иванъ Степановичъ, чувствуя неловкость передъ тестемъ.

— А гдѣ Машенька? Здорова она?

— Ничего... Она придетъ.

— А гдѣ она?

— Тутъ.. въ одномъ мѣстѣ... придетъ.

Ивану Степанычу не хотѣлось прямо сказать, что жена въ клубѣ, на репетиціи. Какъ-то сразу-то нехорошо выйдетъ. Папаша можетъ разсердиться, потому что онъ этихъ фокусовъ не любитъ.

— Здорова ли мамаша?—спросилъ Иванъ Степанычъ.

— Здравствуетъ... Кланяется. Все внучка ждетъ... Есть ли толкъ-отъ? — спросилъ отецъ Николай и добродушно засмѣялся, похлопавъ Ивана Степаныча по плечу.—А? Какъ дѣла-то?

— Покуда не ожидается,—конфузливо отвѣтилъ Иванъ Степанычъ и пошелъ въ кухню поторопить Палагею съ самоваромъ. Отецъ Николай, оставшись одинъ, сталъ прохаживаться по комнатамъ и съ любопытствомъ заглядывалъ и туда и сюда, стараясь по внѣшнимъ признакамъ опредѣлить положеніе семейнаго союза. Посмотрѣлъ въ спальню и, выйдя оттуда, любовно похлопалъ опять по плечу зятя.

— Скоромное кушаете, папаша?

— Нѣтъ. Что ты, Господь съ тобой!

Отецъ Николай замахалъ руками.

— Чѣмъ же я васъ угощать буду?... Селедочку приготовимъ, огурчиковъ соленыхъ...

— Вотъ это хорошо! Какъ нынче удались огурчики-то?

Иванъ Степанычъ сообщилъ, что нынче они не солили, то же самое и относительно капусты: не рубили. Отецъ Николай искренно удивился и сказалъ, что за это поругать Машеньку надо, потому что это дѣло бабье, а когда баба свое дѣло забываетъ — это нехорошо. Палагея принесла самоваръ, потомъ селедку, пару соленыхъ огурцовъ, купленныхъ въ ближайшей лавочкѣ, и графинчикъ съ водкой.

— Эхъ, съ устатку-то хорошо!—весело сказалъ отецъ Николай, выпивъ рюмку водки и отирая усы салфеткой.—У васъ тоже казенная?—спросилъ онъ.

Вошелъ мужикъ и спросилъ, можно-ли ночевать на дворѣ съ лошадью? Отецъ Николай вопросительно посмотрѣлъ на Ивана

Степаныча. Ругаться хозяева будутъ. Отецъ Николай вынулъ изъ кармана кошель и забрянчалъ мѣдяками: пусть ночуетъ на постояломъ, спокойнѣе, за свои денежки.

— Вотъ тебѣ пятакъ на ночевку. Поди, пятака будетъ?

Отецъ Николай опять посмотрѣлъ на Ивана Степаныча и потомъ добавилъ къ пятаку еще три копѣйки.

— Восемь, поди, хватитъ? Нынче дороги деньги-то.

— А на хлѣбъ?.. Чайку испить?—сипло произнесъ мужикъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Чаи да булки! Больно избаловались. Туманныя картины да театры, сапоги со скрипомъ... На!

Мужикъ ушелъ. Они пили чай и перебрасывались словами, время отъ времени булькала наливаемая въ рюмки водочка, и отецъ Николай крякалъ и отиралъ усы салфеткой.

— Ты что-то невеселый, братъ? Ладно ли живете?—спросилъ онъ, глядя на Ивана Степаныча, который не умѣлъ скрыть своего камня на сердцѣ.

— Раньше лучше жили—глухо отвѣтилъ Иванъ Степанычъ.

— А ты мнѣ прямо скажи: не чужой вѣдь!

Иванъ Степанычъ опустилъ глаза и молчалъ. Онъ былъ въ страшномъ затрудненіи, потому что въ сущности не могъ выразить словами, что именно случилось. На душѣ у него наболѣло отъ постоянныхъ мрачныхъ думъ, отъ неопредѣленной тревоги, которая неотступно держала его въ своей власти, и отъ безвыходности положенія. Онъ чувствовалъ, что всѣ устои жизни шатаются, но передать этого не могъ, потому что онъ это больше чувствовалъ, чѣмъ понималъ. Пьютъ чай врозь и обѣдаютъ врозь, не рубили капусты, не солили огурцовъ—по отдѣльности все это пустяки, а все дѣло въ томъ, что шатается что-то болѣе важное, чего не видать и не покажешь.

Отецъ Николай испытующе глядѣлъ въ лицо Ивана Степаныча, а тотъ молчалъ, не поднимая глазъ.

— Ссоритесь, что ли, или еще что... хуже?

Ссорились и раньше,—не въ этомъ дѣло. Безъ ссоръ не проживешь. Поссорятся, бывало, а потомъ такъ помирятся, что душа ликуетъ. А теперь ссоръ такихъ нѣтъ, а есть что-то другое, хуже всякихъ ссоръ.

— Перемѣна въ ней большая,—промычалъ Иванъ Степанычъ.

Отецъ Николай насторожился. Вотъ оно что!.. Какая — такая перемѣна? Почему?

Палагея помогла Ивану Степанычу. Она бѣгала въ клубъ за барыней—сказать, чтобы она шла скорѣй домой, потому что пріѣхалъ папаша.

— Представленіе у нихъ идетъ—объявила Палагея—не пускаютъ ихъ.

— Какое представленіе?—удивленно спросилъ отецъ Николай, глядя въ лицо зятю.

— Играетъ она нынче... Спектакли разные, репетиціи...

— Какъ-же это такъ?—тихо спросилъ отецъ Николай и развелъ руками.

— Я вотъ про то и говорю—прошепталъ Иванъ Степанычъ и, вставъ съ мѣста, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что-же это такое означаетъ? Какъ такъ?—спрашивалъ отецъ Николай упавшимъ голосомъ.—Что то я не пойму этого дѣла... Машенька?.. Кто же ей позволилъ этими пустяками заниматься? Какъ это? Что такое? Въ епархіальномъ училищѣ скромнѣе Машеньки не было....

Отецъ Николай пожалъ плечами. И оба долго молчали.

— Гм!

— М... да!...

— Поговорить надо! — глубоко вздохнувъ, сказалъ отецъ Николай. Иванъ Степанычъ махнулъ рукой.—Ничего не подѣлаешь. Пробовалъ.

— Какъ же это такъ?

— Смутили...

— Кто?

— Тутъ... одинъ... актеръ у насъ завелся...

— Ну?!

— Онъ...

— А ты что же глядѣлъ? Шутки, что ли, это? а?—спросилъ, возвысивъ голосъ, отецъ Николай.

Зять молчалъ. Отецъ Николай размашисто покачалъ головой и съ глубокой укоризною посмотрѣлъ на Ивана Степаныча.

— Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ,—печально качая головой, сказалъ отецъ Николай послѣ долгаго обоюднаго молчанія.

— Какъ же она домой-то?.. Ночь, одна...

— Провожаютъ ее.

— Вотъ какъ?!

Опять замолчали. Въ комнатѣ было тихо, и въ тишинѣ было слышно, какъ тяжело, со свистомъ, дышалъ отяжелѣвшій отецъ Николай. Временами онъ кашлялъ и, вынимая пестрый носовой платокъ, отиралъ имъ все лицо. И потомъ опять наступала тишина, томительная, словно заряженная напряженностью безвыходныхъ думъ этихъ двухъ молчащихъ людей. Кто-то засмѣялся на дворѣ. Оба они вздрогнули. Отецъ Николай всталъ и, тяжело ботая сво-

ими грубыми сапогами, началъ ходить, сцѣпивъ пальцы рукъ на лоснящемся животѣ. Иванъ Степанычъ отперъ дверь и сказалъ: «папаша пріѣхалъ, а ея собаками не сыщешь»

— Здраствуйте, папашенька!—весело сказала Марья Николавна и поцѣловала отца въ щеку.—Здоровы

— Слава Богу.

— А мамашенька?

— Тоже слава Богу... Ты гдѣ же это пропадала?

Марья Николавна по тону вопроса почувствовала, что здѣсь былъ уже разговоръ про нее и про спектакли. Она вспыхнула и весело отвѣтила:

— Знаете, папаша, я участвую въ спектакляхъ... играю... Я очень люблю играть!.. Ваня не любитъ, но я не понимаю, что тутъ дурного?!

— Не понимаешь... Гм! Вотъ то-то оно и плохо, если не понимаешь... Ты поди-ка сюда, поближе! Погляди мнѣ въ глаза!

Марья Николавна расхохоталась принужденнымъ смѣхомъ и, встряхнувъ головой, встала передъ отцомъ.

— Гляди въ глаза!

Марья Николавна остановила взоръ на лицѣ отца. Съ этого лица на нее смотрѣли съ тоской и укоромъ два знакомыхъ родныхъ глаза, окруженные цѣлой сѣткой мелкихъ морщинъ, и, казалось, хотѣли проникнуть въ самое дно ея души. Марья Николавна вдругъ покраснѣла и заморгала глазами, отецъ Николай вздохнулъ, покачалъ головой и произнесъ:

— Вотъ то-то и есть! Стыдно, Марія. Образумись!

— Папаша! Да что вы?! Что вы думаете про меня?... — съ дрожью въ голосѣ выкрикнула Марья Николавна и, выхвативъ изъ кармана платокъ, закрыла имъ глаза....

— Вотъ то-то и есть!

— Вы совершенно... напрасно... обижаете...—сквозь слезы зашептала Марья Николавна.

— Ты вотъ что: ты не плачь... Помни: «яко же и мы оставляемъ долги наша»... Все простится.

Отецъ Николай подошелъ къ Марьѣ Николавнѣ и, положивъ на ея вздрагивающее плечо свою полную, тяжелую и теплую руку, добавилъ:

— Брось это, Марія! Нехорошо! Стыдно. А мы поминать про это не будемъ... Господь Богъ ничѣмъ тебя не обидѣлъ: у тебя мужъ—хорошій, трезвый и добрый человѣкъ, нѣтъ ни въ чемъ недостатку, Богъ дастъ тебѣ сынка, а намъ внучка... О чемъ плакать? Будетъ! Мать вонъ тебѣ гостинца прислала: двѣ сотни яичекъ, масленца полъ-пудика... Слушай-ка!

— Вы мнѣ скажите.... скажите мнѣ, папашенька....

— Ну?

— Вы мнѣ... папашенька .. скажите, что я сдѣлала...—сквозь слезы, не открывая лица, шептала Марья Николавна.

— Марія! Не идетъ оно намъ, не подходитъ!—протяжно, вразумительно и громко сказалъ отецъ Николай, разводя руками.

Марья Николавна встала и ушла въ спальню. Иванъ Степанычъ стоялъ, отвернувшись къ окну, и не оборачивался. Отецъ Николай ходилъ по комнатѣ, сцѣпивъ пальцы рукъ на животѣ. Ивану Степанычу было жалко жену и онъ придумывалъ, какъ бы облегчить все это дѣло. Онъ втягивалъ носомъ воздухъ и покрякивалъ, а отцу Николаю казалось, что Иванъ Степанычъ плачетъ потихоньку, чтобы никто не слыхалъ, и онъ думалъ, что хорошо это, что они оба плачутъ; значитъ, дѣло еще поправимое.

— Ничего, ребятишки... Богъ дастъ все перемелется... Простить надо. Господь прощалъ и намъ прощать велѣлъ...

Чуть слышно брякнулъ звонокъ въ передней. Иванъ Степанычъ тронулся было съ мѣста, но, услыхавъ топотъ босыхъ ногъ Палагеи, остановился.

— Отопретъ Палагея.

— Кто тамъ еще? Чего надо?.. Кому какое дѣло?

Палагея вошла въ комнату съ тетрадкой въ рукахъ.

— Гдѣ у насъ барыня-то?—спросила она и пошла въ спальню.

— Что такое?

— Ахтерикъ принесъ; барынѣ велѣлъ отдать, позабыла она, говоритъ...

— Опять?! Вотъ я ему покажу...

— Да ушелъ ужъ онъ... Отдалъ въ дверь да ушелъ...

— Отдайте! Это мнѣ!—сказала Марья Николавна, появившись въ комнатѣ съ заплаканными глазами.

— Марія! Брось! Нехорошо!..

— Отдайте. Ну, отдайте же!—плаксиво и жалобно вымолвила Марья Николавна, протянувъ руку.

— Марія! Брось это дѣло! Не идетъ оно тебѣ!

— Не брошу, папаша, не брошу, не брошу!..—повторила Марья Николавна.

— Что ты говоришь? Опомнись!

— Не брошу... Отдай же!—крикнула она Ивану Степанычу который держалъ за спиною роль Ольги Ранцевой.

— Гдѣ у тебя Вовочкины волосы? Гдѣ они? Папаша! Вы спросите у ней, гдѣ... Не отдамъ!

Иванъ Степанычъ скомкалъ тетрадку, потомъ сталъ рвать ее въ клочки и приговаривать:

— На! возьми! На! возьми!

Марья Николавна замерла въ полномъ отчаяніи. Она смотрѣла, какъ падали на полъ клочки рукописи, и не могла двинуться съ мѣста. Потомъ, когда все было кончено, Марья Николавна тихо вышла изъ комнаты. Опять наступила тишина и опять было слышно, какъ тяжело, со свистомъ дышетъ отяжелѣвшій отецъ Николай. Палагея пришла за самоваромъ, унесла его и вернулась со щеткою, чтобы подмести полъ, гдѣ бѣлѣли клочки бумаги. Когда она подметала полъ, въ дверяхъ показалась Марья Николавна. Лицо у ней было блѣдное, но спокойное, и глаза ея смотрѣли изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ гордо, почти презрительно, въ сторону сидѣвшаго у стола Ивана Степаныча.

— Дуракъ,—тихо и кротко произнесла Марья Николавна.— Ты думаешь, что нельзя написать все это снова?..

Сказала и исчезла за дверью.

Отецъ Николай широко раскрылъ глаза, посмотрѣлъ вопросительно на Ивана Степаныча, потомъ на дверь, куда ушла Марья Николавна, и прошепталъ:

— Это она, жена... мужу!.. Что же это такое?! Какъ же это такъ?

Иванъ Степанычъ отвернулся къ окну. Онъ долго молчалъ, глядя въ темноту ночи, гдѣ желтымъ дрожащимъ пятномъ колыхался во мракѣ ночи огонь уличнаго фонаря, потомъ вдругъ прерывающимся шопотомъ человѣка, готоваго разрыдаться, сказалъ:

— Вы спросите, гдѣ у ней Вовочкины волосы!.. Она все забыла... Она совсѣмъ... окончательно испортилась...

Евгеній Чириковъ.

РАБОЧІЕ ИНСТИТУТЫ ВЪ ШВЕЦІИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Швеціи назрѣла потребность въ высшемъ народномъ образованіи и началось повсемѣстное насажденіе крестьянскихъ академій, протекло уже тридцать четыре года. Въ теченіе этого промежутка времени высшая народная школа оказала весьма осязательное содѣйствіе не только въ поднятіи общаго уровня народнаго образованія, но также въ улучшеніи нравовъ, народнаго быта и экономическаго положенія Швеціи. Стремленіе къ повышенію народнаго образованія, этого главнѣйшаго источника всѣхъ жизненныхъ благъ, не могло ограничиться проявленіемъ особой заботливости исключительно лишь въ районахъ сельской осѣдлости и, такъ или иначе, должно было распространиться на многочисленный классъ городскихъ рабочихъ. Городъ, со всѣми его жизненными условіями, содѣйствуетъ болѣе быстрому, нежели деревня, развращенію низшихъ слоевъ общества, а потому борьба со всѣми трудностями и соблазнами, встрѣчающимися здѣсь почти на каждомъ шагу, требуетъ отъ городского населенія значительно большаго запаса знаній и большей нравственной устойчивости.

Быстрый ростъ промышленности образовалъ въ Швеціи многочисленный городской пролетаріатъ, причемъ только на фабрикахъ общее число рабочихъ въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ возросло болѣе, чѣмъ въ пять разъ. По статистическимъ даннымъ 1898 г., общее число всѣхъ рабочихъ составляло $5^2/_3\%$ населенія Швеціи *). Соціальное положеніе шведскихъ рабочихъ лѣтъ двадцать тому назадъ было весьма незавиднымъ, благодаря полной его неопредѣленности и зависимости отъ различныхъ случайностей. Этому способствовали отчасти сами рабочіе, отличавшіеся крайнимъ невѣжествомъ. Ихъ бытъ и экономическое положеніе вступили на путь улучшеній спустя только де-

*) Въ 1861—1865 гг., въ Швеціи насчитывалось до 2.465 фабрикъ, при 30.000 рабочихъ и общей производительности на сумму 74.693.000 кронъ. Въ 1897 г. число фабрикъ возросло до 5.297 при 161.500 рабочихъ и производительности въ 467.000,000 кронъ. Въ 1898 г. всѣхъ индустріальныхъ рабочихъ, включая сюда женщинъ и дѣтей, въ Швеціи насчитывалось до 275.000 человѣкъ, что составляло $5^2/_3\%$ всего населенія (сюда включены также работающіе въ рудникахъ).

сятки лѣтъ, въ теченіе которыхъ было потрачено много труда, направленнаго къ просвѣщенію темной рабочей массы. Въ теченіе этого же промежутка времени повседневная печать и спеціальныя изданія настойчиво отмѣчали необходимость учрежденія для рабочихъ особыхъ высшихъ школъ, подобныхъ высшимъ народнымъ школамъ. Однако, за отсутствіемъ энергичнаго иниціатора, эта идея долгое время не получала практическаго осуществленія.

Первымъ учредителемъ въ Швеціи высшей школы для рабочихъ считается докторъ А. Нюстрэмъ, основавшій въ 1880 году первый рабочій институтъ. Будучи долгое время однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества трезвости, онъ близко присмотрѣлся къ нуждамъ трудящагося класса и пришелъ къ убѣжденію, что борьба съ пьянствомъ, нищенствомъ и многими другими общественнымъ недостатками, можетъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ, единственномъ, случаѣ, когда въ основу ея войдетъ стремленіе искоренять невѣжество путемъ постояннаго воздѣйствія на духовное развитіе городского пролетарія. Мѣры, ограничивающія продажу вина, наказанія и денежные штрафы, налагаемые за нарушеніе тишины и порядка въ нетрезовомъ видѣ, все это, по его мнѣнію, лишь полумѣры, имѣющія значеніе палліатива. Даровыя или дешевыя зрѣлища, предлагаемыя рабочему исключительно въ цѣляхъ доставленія ему развлеченій, не могутъ содѣйствовать ослабленію пьянства и улучшенію положенія и быта трудящагося класса. Не заполняя умственной и душевной пустоты и не пробуждая въ рабочемъ желанія стремиться къ самосовершенствованію, всѣ, подобнаго рода, зрѣлища сводятся лишь къ непроизводительной тратѣ времени и денегъ. Принося въ иныхъ случаяхъ весьма незначительную пользу, они въ то же время развращаютъ народъ, развивая въ немъ вредную чувственность и страсть къ наслажденіямъ. Кромѣ того, подобнаго рода зрѣлища пріучаютъ его къ бездѣлію и не только ограничиваютъ кругъ его серьезныхъ жизненныхъ интересовъ, но больше того—пробуждаютъ въ немъ желаніе жить исключительно для «хлѣба и зрѣлищъ». Живое слово и наука—вотъ единственныя силы, содѣйствующія пробужденію мысли. Только они дадутъ народу необходимый запасъ знаній, раздвинутъ шире его умственный кругозоръ, внесутъ свѣтъ и любовь въ его жизнь и научатъ благоразумному пользованію свободнымъ временемъ.

Проникнутый сознаніемъ необходимости поспѣшить на помощь невѣжественной массѣ, докторъ Нюстрэмъ проявилъ необычайную энергію при осуществленіи своихъ благородныхъ замысловъ и тѣмъ самымъ въ короткое время привлекъ на свою сторону симпатію общества. Ему одному принадлежитъ не только сама идея учрежденія рабочаго института, но и организація всего дѣла, начиная съ собиранія средствъ для постройки собственнаго зданія и кончая составленіемъ весьма обстоятельной программы занятій.

Въ настоящее время почти всѣ, наиболѣе населенные, промышленные центры Швеціи обзавелись рабочими институтами и число ихъ, въ виду несомнѣнной пользы подобныхъ учрежденій, растетъ съ каждымъ годомъ. Быстрому росту рабочихъ институтовъ и прочихъ, подобныхъ имъ учрежденій, содѣйствуетъ въ высшей степени для этого благопріятный законъ о свободѣ всякихъ сборищъ, лекцій и учрежденія обществъ. Шведскій законъ предоставляетъ каждому гражданину право учить, читать лекціи, организовывать общества, сходиться гдѣ угодно, съ кѣмъ угодно и въ какомъ угодно числѣ, безъ надобности всякій разъ испрашивать на то разрѣшеніе подлежащихъ властей.

Шведскіе рабочіе долгое время держались совершенно въ сторонѣ отъ политической жизни, главнымъ образомъ благодаря своему невѣжеству. Въ Швеціи, говоритъ Нюстрэмъ, какъ и вездѣ, невѣжество всегда служило тормазомъ и содѣйствовало неблагопріятному разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ. Наше прошлое, богатое многочисленными опытами, наглядно доказываетъ, что значительное улучшеніе быта рабочихъ можетъ быть достигнуто лишь однимъ путемъ и именно путемъ широкаго распространенія въ народѣ знаній. Дѣйствительно, только въ этомъ случаѣ рабочій классъ окажется вполнѣ подготовленнымъ къ воспріятію самыхъ широкихъ реформъ. Въ настоящее время сравнительно только небольшая часть шведскихъ гражданъ можетъ считаться вполнѣ зрѣлою и подготовленною, а потому неудивительно, что шведское общество озабочено насажденіемъ рабочихъ институтовъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ. Оно чувствуетъ приближеніе момента, когда рабочій вопросъ долженъ обостриться, и заблаговременно подготовляетъ условія, при которыхъ онъ разрѣшится естественнымъ путемъ, тихо и на почвѣ взаимныхъ соглашеній. Просвѣщенность народной массы будетъ служить тому лучшей гарантіей уже потому, что научныя знанія прежде всего укрѣпляютъ душевныя силы человѣка, облагораживая его характеръ и пробуждая въ немъ чувство гуманности. Настойчивое стремленіе шведскихъ рабочихъ къ самообразованію служитъ поэтому доказательствомъ ихъ благонамѣренности и должно внушать къ нимъ только одно довѣріе. Въ этомъ послѣднемъ имъ не отказываютъ ни власти, ни само шведское правительство.

Плодотворная дѣятельность рабочихъ институтовъ принесла уже благіе результаты, отразившись съ наибольшею отчетливостью на рабочемъ сословіи большихъ городовъ. Этими учрежденіями былъ данъ могучій толчокъ, отъ котораго воспрянули даже самые убогіе труженики, бывшіе въ загонѣ у своихъ же товарищей, такихъ же обездоленныхъ бѣдняковъ. Вся эта темная, невѣжественная масса людей пробудилась отъ долгаго сна и, озаренная лучами правды и знанія, поняла всю необходимость стремленія къ болѣе разумной и нравственной жизни. Она ожила, пріободрилась и увѣровала въ возможность достиженія лучшаго положенія, съ которымъ примирялось бы

чувство человѣческаго достоинства. Каждый, хоть изрѣдка слѣдившій за текущею и прошлою жизнью, говоритъ Г. Магнуссонъ, долженъ признаться, что современный шведскій рабочій далеко уже не тотъ, чѣмъ былъ его собратъ по труду лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ недоволенъ теперь и жаждетъ наслажденій, говорятъ обыкновенно наиболѣе алчные фабриканты. Подумайте, продолжаютъ они, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ нашъ рабочій всегда отличался скромностью, довольствовался только хлѣбомъ и селедкой и въ то же время обладалъ такою силой, что безъ ущерба своему здоровью могъ ежедневно работать по четырнадцати часовъ въ сутки. Оглянемся назадъ и вспомнимъ прежняго шведскаго рабочаго въ гавани. Онъ былъ простымъ поденьщикомъ, оборванцемъ и справедливо назывался «пугаломъ гавани». Ему и въ голову не приходило, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе люди, претендующіе на самое вѣжливое съ ними обращеніе. Онъ жилъ только дневнымъ заработкомъ, не думая о своей будущности и ютясь въ послѣднихъ притонахъ, гдѣ пропивалъ и проигрывалъ послѣднюю свою одежду. Онъ никогда не обижался, даже и въ томъ случаѣ, когда съ нимъ обращались по-скотски. Теперь рабочіе въ гавани представляютъ собою тѣсно сплоченный и прекрасно организованный союзъ. Прежній «пугало гавани» теперь съ живѣйшимъ интересомъ читаетъ газеты, посѣщаетъ вечернія лекціи, всецѣло проникнутъ духомъ законности, защищаетъ свои права въ риксдагѣ, подавая многочисленныя петиціи, требуетъ закрытія всѣхъ городскихъ притоновъ и, взамѣнъ этихъ вертеповъ, открытія обширныхъ и прилично обставленныхъ столовыхъ безъ продажи крѣпкихъ напитковъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ «пугало гавани» тоже считался грамотнымъ, рабочіе союзы также существовали и все же, несмотря на это, общество оказывало лишь едва замѣтное воздѣйствіе на духовное развитіе городского пролетарія. Очевидно, что рабочіе институты и однородныя съ ними учрежденія, появившіяся въ Швеціи двадцать лѣтъ тому назадъ, имѣли значеніе рычага, повернувшаго къ лучшему весь бытъ рабочихъ.

Рабочій институтъ имѣетъ цѣлью привлекать въ свои стѣны лишь взрослыхъ людей, преимущественно изъ рабочаго класса. Здѣсь, за минимальную плату, бѣднѣйшая часть городского населенія посѣщаетъ вечернія лекціи, заполняя, такимъ образомъ, многочисленные пробѣлы своего образованія. Популярныя лекціи читаются удобопонятнымъ языкомъ, вслѣдствіе чего посѣтители весьма легко усваиваютъ научныя истины и обстоятельно знакомятся съ новѣйшими изобрѣтеніями. Рабочій институтъ ограничивается открытіемъ теоретическихъ курсовъ, не обучая своихъ посѣтителей различнымъ ремесламъ и не давая имъ технической подготовки. Практическія цѣли преслѣдуютъ существующія въ Швеціи многочисленныя спеціальныя учрежденія для рабо-

чихъ. Главнѣйшею цѣлью рабочаго института служитъ преподаніе рабочему люду только научныхъ истинъ и тѣхъ знаній, которыя могутъ благопріятно отразиться на его трудѣ и здоровьѣ. Народная школа, по мнѣнію Нюстрэма, озабочена просвѣщеніемъ души въ періодѣ дѣтства, а потому, хотя бы и обладала совершеннѣйшей организаціей, не въ силахъ, однако, оказывать столь осязательное воздѣйствіе на духовное развитіе, какъ оказываетъ рабочій институтъ. Взрослый рабочій не можетъ не чувствовать настоятельной потребности въ духовной пищѣ. Нерѣдко онъ удѣляетъ умственному труду все свободное время, отчасти въ виду удовлетворенія жажды знаній, отчасти же, во избѣжаніе празднаго времяпрепровожденія или нежеланія проводить время въ дурномъ обществѣ. Именно предъ такими людьми рабочій институтъ стремится широко распахнуть свои двери. Осуществленіе рабочаго института было вызвано необходимостью. Спросъ на образованіе среди рабочихъ такъ великъ, что наличность всѣхъ рабочихъ институтовъ удовлетворяетъ въ настоящее время только незначительную часть этой обширной среды. Нюстрэмъ говоритъ: у насъ слишкомъ очевидна потребность въ просвѣщеніи, которое укрѣпляло бы душевныя силы и расширяло умственный кругозоръ бѣднѣйшаго класса населенія. Цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію общаго уровня образованія среди рабочихъ доказываетъ намъ, что въ Швеціи не боятся широкаго распространенія образованія во всѣхъ слояхъ населенія и не боятся, конечно, потому, что у шведовъ, какъ и другихъ просвѣщенныхъ народовъ, наука имѣетъ точно такое же значеніе, какое имѣютъ въ жизни истина и правда, безъ которыхъ немыслимо сколько-нибудь сносное существованіе человѣчества.

Немаловажное значеніе имѣетъ рабочій институтъ также и для женщины, выступающей на новой аренѣ труда и въ послѣднее время съ успѣхомъ выполняющей въ домѣ многочисленныя обязанности мужчины. Счастливые браки и семьи, говоритъ докторъ Нюстрэмъ въ своемъ обращеніи къ посѣтителямъ рабочаго института, возможны лишь тогда, когда интересъ ко всему возвышенному будетъ проявляться въ семьѣ одинаково — какъ у мужчины, такъ и у женщины. Идя навстрѣчу желаніямъ женщины подняться до уровня умственнаго развитія мужчины, рабочій институтъ расширилъ для нея программу занятій и ввелъ систематическое чтеніе лекцій по многимъ предметамъ, могущимъ содѣйствовать облегченію ея материнскихъ обязанностей.

Докторъ Нюстрэмъ придаетъ рабочему институту значеніе неизсякаемаго источника, изъ котораго родители могутъ постоянно черпать самыя разнообразныя свѣдѣнія, необходимыя для передачи дѣтямъ. Нельзя также не согласиться съ нимъ, что подобныя учрежденія имѣютъ для молодежи огромное значеніе въ воспитательномъ отношеніи. Открывая двери молодымъ людямъ, рабочій институтъ, тѣмъ са-

мымъ, оберегаетъ ихъ отъ многаго дурного, что такъ часто бродитъ въ юныхъ головахъ въ часы досуга и за отсутствіемъ полезнаго и интереснаго дѣла.

Озабоченный распространеніемъ популярно-научныхъ знаній, рабочій институтъ стремится также удовлетворять эстетическія потребности своихъ посѣтителей и весьма обстоятельно поэтому знакомитъ ихъ съ разновидными отраслями искусства. Преподаваніе ведется въ формѣ популярныхъ лекцій, съ систематическимъ распредѣленіемъ ихъ по курсамъ, причемъ на всѣхъ лекціяхъ пользуются многочисленными и нерѣдко дорого стоющими учебными пособіями. Къ чести шведскаго общества надо сказать, что чтеніе лекцій въ рабочемъ институтѣ берутъ на себя даже выдающіеся ученые Швеціи или безвозмездно, или же за весьма скромное вознагражденіе.

Въ стокгольмскомъ рабочемъ институтѣ лекціи читаются по слѣдующимъ предметамъ: по математикѣ, астрономіи, метеорологіи, физикѣ, химіи, анатоміи и физіологіи, гигіенѣ, общественному здравію, естественной исторіи, географіи, исторіи культуры, исторіи Швеціи, исторіи искусства, государствовѣдѣнію, законовѣдѣнію, педагогикѣ, живымъ языкамъ и веденію хозяйства.

Насколько, въ общемъ, разнообразна и обширна программа, принятая въ рабочихъ институтахъ, можно судить по объему каждаго, взятаго въ отдѣльности, предмета, пройденнаго 1899 — 1900 г. въ стокгольскомъ рабочемъ институтѣ *).

Математика (докторъ Карлсонъ). Прочитано 29 лекцій на слѣдующія темы: вступленіе въ ариѳметику; десятичный счетъ; простыя дроби; сложеніе, вычитаніе умноженіе и дѣленіе; тройное правило; вычисленіе процентовъ; учетъ векселей; правило товарищества; правило смѣшенія; вычисленіе площадей прямолинейныхъ фигуръ; вступленіе въ алгебру; сложеніе вычитаніе, умноженіе и дѣленіе; многочисленныя уравненія; алгебраическія дроби; уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ и задачи; уравненія второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ; задачи на движенія тѣлъ и извлеченіе корней.

Метеорологія (г. Лундбергъ). Прочитано 14 лекцій: метеорологическіе инструменты; давленіе воздуха и барометръ; влажность воздуха и атмосферные осадки; лавины и глетчеры; теченія въ воздухѣ, происхожденіе вѣтровъ, пассаты и муссоны; вихрь, циклонъ и антициклоны; электричество въ воздухѣ; оптическія явленія въ воздухѣ. Кромѣ того было прочитано: о первыхъ попыткахъ движенія по воздуху, воздушные шары и попытка урегулировать ихъ движеніе; полетъ птицъ и сущность задачи свободнаго летанія человѣка.

Геологія (профессоръ Де-Гееръ). Прочитаны три лекціи: нѣкоторыя

*) Перечисляемъ только нѣкоторые предметы.

основныя данныя о природѣ Швеціи; образованіе горъ и ледниковый періодъ.

Зоологія (профессоръ Лехэ). Прочитано 13 лекцій: простѣйшіе виды организмовъ; развитіе, наблюдаемое въ царствѣ животныхъ; развитіе человѣка, по позднѣйшимъ теоріямъ; сложеніе и устройство человѣческаго тѣла; первобытный человѣкъ; развитіе сердца и проч., проч.

Анатомія, физіологія, болѣзнь и гигіена (докторъ А. Нюстрэмъ). Прочитано 30 лекцій: инфекціонныя болѣзни прежде и теперь; проказа, моровая язва, оспа, скарлатина, корь, дифтеритъ, холера, ея распространеніе и средства противъ нея; нервная горячка, лихорадка и проч., проч. болѣзни. Происхожденіе въ природѣ организмовъ отъ неорганическихъ веществъ; зачатокъ жизни и простѣйшія жизненныя формы; жизнь животныхъ и растеній; строеніе человѣческаго тѣла; пища и ея питательность; питательность растительной и мясной пищи; пищевареніе; органы пищеваренія; зубы и уходъ за ними; слюна, желудочный и кишечный соки; дѣйствія печени и легкихъ; о количествѣ пищи, потребной для рабочаго и минимальная доза ея; жажда и голодъ; болѣзни пищеварительныхъ органовъ—желудочный катарръ, желудочныя раны и желудочный ракъ; чистота воздуха въ помѣщеніяхъ и необходимость вентиляціи. Кромѣ того были прочитаны 8 лекцій по физіологіи (профессоръ Тичерстедтъ)—строеніе сердца, кровообращеніе, теплота человѣческаго тѣла, вліяніе алкоголя на организмъ и проч. и двѣ лекціи по патологіи (профессоръ Валлисъ)—разрушеніе внутреннихъ органовъ человѣческаго тѣла при злоупотребленіи спиртными напитками.

Химія (инженеръ Нордстрэмъ). Прочитано 29 лекцій: введеніе въ химію, строеніе матеріи, молекулы и молекулярныя силы, атомы и простѣйшія тѣла; химическія формулы; водородъ и кислородъ; известь, хлоръ и бѣленіе; галоиды—іодъ, ціанй; происхожденіе сѣры и ея особенности, сѣрый цвѣтъ, сѣрнокислыя и сѣрноватисто-кислыя соединенія, сѣрная кислота; амміакъ, нашатырный спиртъ; фосфоръ и его соединенія съ другими тѣлами; мышьякъ и его соединенія; уголь, сухая перегонка; углеродныя и углекислыя соединенія; составъ воздуха; олово, поташъ, сода, селитра, кальцій, аллюминій, магнезій и цинкъ; желѣзо, чугунъ, выдѣлка стали, марганецъ и хромистыя соединенія; кобальтъ, никель и мѣдь; ртуть, свинецъ и драгоцѣнные металлы.

Исторія (докторъ Нюстремъ). Прочитано 30 лекцій: Россія и Польша, обзоръ славянскаго міра; славяне въ древнѣйшія времена; русская національность; вторженіе въ Россію монголовъ и сохранившіеся до послѣдняго времени въ русской жизни слѣды монгольскаго ига; времена величія Польши и ея войны съ Россіей; Швеція и Польша временъ Густава II Адольфа и Карла X; Россія при Петрѣ I; послѣдніе дни величія Польши, Собѣсскій; Карлъ XII и война съ Польшей; паденіе Польши и ея раздѣлъ; какимъ образомъ взошла на престолъ

Екатерина II, ея роль въ раздѣлѣ Польши и значеніе всесильныхъ временщиковъ; возстанія 1830 и 1863 гг. и современныя Польша и Россія. Карлъ XII, его дѣтство и восшествіе на престолъ; манія войнъ у Карла XII, критическій разборъ его военныхъ дѣйствій; психологическій анализъ его душевныхъ способностей; общее порицаніе его жизни; чьей пулей былъ убитъ Карлъ XII—шведской или норвежской? Мирное время, Ульрика-Элеонора и Фредрика I. Непріязненныя отношенія Россіи къ Швеціи въ XVIII столѣтіи; Россія и Швеція временъ Екатерины II и Густава III.

Исторія шведской литературы (госпожа Е. Кей). Прочитано 27 лекцій: вступленіе ко времени Густава III; Чэльгрэнъ, Торильдъ, Линдеръ и Эренсвэрдъ; драма временъ Густава III; Леннгрэнъ; печать временъ Густава III, школа романтиковъ; Аттербомъ; готическая школа; Гейеръ, Тегнэръ, Стагнеліусъ, Виталисъ, Никандеръ, Альмквистъ и Гунебергъ; обзоръ литературы второй половины девятнадцатаго столѣтія; Франценъ, Валеріусъ и Валлинъ—эти три лекціи были прочитаны госпожой Н. Лундбергъ.

Англійскій языкъ. Прочитано 12 лекцій, причемъ за каждую отдѣльно взималась дополнительная плата въ размѣрѣ 25 эре (12 коп.). Кромѣ того, 100 слушателей прошли языкъ эсперанто.

Исторія Швеціи. Прочитано 15 лекцій о главнѣйшихъ событіяхъ XIX вѣка.

Исторія искусства (кандидатъ правъ Лауринъ). Прочитано 26 лекцій: искусство въ Ассиріи, Персіи, древней Греціи и римской имперіи; искусство послѣ введенія христіанства и искусство въ Византіи; искусство у магометанскихъ народовъ; романскій и готическіе стили; эпоха возрожденія.

Кромѣ всего перечисленнаго, читались лекціи по физикѣ (29), 4 лекціи о Данте и его «Божественной комедіи», 3 лекціи о развитіи искусства въ Швеціи, 4 лекціи о страхованіи жизни рабочихъ, 2 лекціи о странѣ, гдѣ не бываетъ стачекъ, и сходство и различіе ея съ Франціей», 1 лекція объ историческомъ развитіи сословій и классовъ въ Швеціи, лекція о подводныхъ лодкахъ и много другихъ лекцій по вопросамъ общественнаго и государственнаго устройства Швеціи.

Администрація рабочаго института рекомендуетъ каждому посѣтителю начинать курсы съ самаго начала, дабы облегчить ему возможность усвоенія послѣдующихъ лекцій и такимъ образомъ возбудить въ немъ еще большее стремленіе къ удовлетворенію своей любознательности. Пособіями къ лекціямъ служатъ чертежи, рисунки, изображенія на классной доскѣ, приборы, аппараты, картины, гравюры и проч., проч. предметы, которые, кстати замѣтить, разсматриваются посѣтителями всегда съ большимъ интересомъ. Дорого стоющіе приборы или коллекціи нерѣдко предлагаются рабочему институту частными лицами или учрежденіями для временнаго пользованія ими. Отсутствіе

въ продажѣ книгъ, спеціально приноровленныхъ къ подобнымъ лекціямъ, зачастую вынуждаетъ лекторовъ издавать отдѣльныя брошюры или составлять записки, вмѣщающія въ себѣ весь, необходимый для слушателей, матеріалъ, извлеченный изъ различныхъ, нерѣдко дорого стоющихъ источниковъ.

Рабочій институтъ располагаетъ прекрасной библіотекой болѣе чѣмъ въ 3.000 томовъ и состоящей преимущественно изъ лучшихъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки. Въ обширномъ помѣщеніи читальни имѣются энциклопедическій, географическій и историческіе словари, большія географическія карты, журналы, иллюстрированныя изданія и ежедневныя газеты. Помѣщенія библіотеки и читальни ежедневно открыты для посѣтителей съ 1—9 ч. вечера, причемъ всѣмъ слушателямъ курсовъ, при ежемѣсячномъ дополнительномъ взносѣ въ размѣрѣ 25 эре, разрѣшается брать книги также и на домъ. Прочіе посѣтители читальни уплачиваютъ за каждое посѣщеніе 5 эре, за недѣлю 25 эре и за мѣсяцъ 50 эре. По желанію, рабочимъ отпускаются книги и записки по пониженнымъ цѣнамъ и въ разсрочку. Въ читальнѣ имѣется книга заявленій, поставлены письменные приборы и придѣланъ къ стѣнѣ ящикъ, для опусканія туда вопросныхъ листовъ, на которые лекторы даютъ соотвѣтствующія вопросамъ разъясненія въ аудиторіи института. Посѣтители вечернихъ лекцій платятъ за входъ 10 эре и пользуются правомъ безплатнаго посѣщенія читальни. Каталоги выдаются безплатно.

По воскресеніямъ въ $7^1/_2$ ч. вечера устраиваются концерты съ входной платой въ размѣрѣ 25 эре. Слушателямъ курсовъ отдается предпочтеніе при выборѣ мѣста, однако, въ случаѣ непредъявленія въ кассу взятыхъ билетовъ до $7^1/_2$ ч. вечера, мѣста продаются постороннимъ лицамъ. Въ концертахъ, помимо любителей, нерѣдко участвуютъ наиболѣе крупныя музыкальныя силы, привлекающія въ стѣны института многочисленную публику.

Изданія рабочаго института продаются отдѣльными тетрадями по 5 эре каждая. Для ознакомленія читателя съ содержаніемъ этихъ тетрадей, достаточно привести послѣднюю серію, изданную въ 1900—1901 г. Тетрадь I: a) цѣль рабочихъ институтовъ; b) рѣчь, произнесенная въ рабочемъ институтѣ. Тетрадь II: a) мысли о гармоніи души: b) трудъ (стихотвореніе). Тетрадь III: a) потребность въ высшихъ школахъ для рабочихъ; b) просвѣщеніе для всѣхъ (стихотвореніе). Тетрадь IV: a) значеніе зубовъ и уходъ за ними. Тетрадь V: объясненіе иностранныхъ словъ въ шведскомъ языкѣ. Тетрадь VI: образованіе для рабочаго класса и популяризація науки.

Институтъ управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ десяти лицъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя, которому ввѣрятся общее руководительство и ближайшее наблюденіе за порядкомъ въ институтѣ. При рабочемъ институтѣ имѣется особый союзъ изъ 90 лицъ, на

обязанности которыхъ лежитъ пріисканіе средствъ, необходимыхъ для существованія этого учрежденія. Въ послѣднее время обязательный взносъ уменьшился и члены союза вносятъ ежегодно только самую незначительную денежную сумму, благодаря большей обезпеченности института и болѣе правильному поступленію доходовъ. Въ 1901 году имущество института оцѣнивалось 131.592 кронами, причемъ изъ этой суммы на зданіе приходится 99.592 кроны, на библіотеку, учебныя пособія и инвентарь 22.000 кр., а остающіяся 10.000, дарованныя частнымъ лицомъ, отчислены въ неприкосновенный фондъ. Все недвижимое имущество застраховано въ 60.000 кронъ. За 1900—1901 отчетный годъ общее движеніе суммъ было слѣдующее. Случайныя поступленія: 2.465 кр. по завѣщанію частнаго лица, 1.000 кр. также отъ частнаго лица для покупки органа; пожертвованія частныхъ лицъ 700 кр. 84 эре и членскіе взносы 475 кр.; итого 1.640 кр. 84 эре. Обыкновенныя поступленія: субсидія отъ государства 2.400 кр., субсидія отъ города 6.000 кр., суммы поступившія отъ взносовъ за слушаніе лекцій, посѣщеніе читальни и доходы съ концертовъ 7.194 кр. 98 эре; арендныхъ 1.995 кр. и рента съ неприкосновеннаго фонда 500 кронъ; итого весь приходъ за 1900—1901 гг. составляютъ 22.724 кроны 82 эре. Расходы: директору института жалованіе 2.500 кр., плата лекторамъ 5.775 кр. 75 эре, сторожу и его помощнику 1.400 кр., освѣщеніе и отопленіе 1.643 кр. 43 эре, учебныя пособія 312 кр. 70 эре, библіотека 1.048 кр. 96 эре, объявленія и прочіе типографскіе расходы 1.064 кр. 80 эре, устройство концертовъ 2.385 кр., ремонтъ зданія 1.008 кр. 54 эре, на увеличеніе основного фонда 3.462 кр. 94 эре, страхованіе и прочіе расходы 901 кр. 20 эре; итого весь расходъ за 1900—1901 отчетный годъ составляютъ 22.724 кр. 82 эре.

Впродолженіи учебнаго сезона 1900—1901 гг. было прочитано 207 лекцій, на которыхъ присутствовали 35.000 слушателей Въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ число слушателей увеличилось на 7.300 человѣкъ. Изъ библіотеки, въ теченіе этого сезона, было выдано 360 лицамъ 4.050 томовъ, число посѣтившихъ читальню возрасло до 4.054 и на 30 народныхъ концертахъ, устроенныхъ въ помѣщеніи института, было 11.750 посѣтителей.

За все время дѣятельности рабочаго инетитута въ теченіе 21 года (1880—1901) въ немъ было прочитано 5.342 лекціи, на которыхъ присутствовали 435.500 слушателей. Въ теченіе этого же промежутка времени почему-то не установлено общее число прочихъ посѣтителей, вслѣдствіе чего приводимъ указанія, начиная съ 1894 года. Съ 1894—1901 г. число посѣтителей концертовъ достигло 91.300 и читальни—24.600 человѣкъ. Принимая во вниманіе, что 85% всѣхъ посѣтителей составляли рабочіе, можно себѣ представить, какую огромную пользу приносятъ государству подобныя учрежденія. Если предположить, что въ каждомъ изъ 50 рабочихъ институтовъ и имъ подоб-

ныхъ учрежденій, разбросанныхъ по всей Швеціи, ежегодное число слушателей будетъ въ четыре раза менѣе числа слушателей въ стокгольмскомъ рабочемъ институтѣ, то тогда впродолженіи десяти лѣтъ получится весьма почтенная цифра рабочихъ, прослушавшихъ нѣсколько курсовъ *).

Зданіе рабочаго института построено въ древне-скандинавскомъ стилѣ и вмѣщаетъ въ себѣ огромную аудиторію, примѣрно, на 400 человѣкъ. Въ конструктивномъ отношеніи оно удовлетворяетъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ. Много свѣта, обиліе и чистота воздуха, калориферы и усовершенствованная вентиляція—все свидѣтельствуетъ о предусмотрительности и заботливости все того же основателя института, А. Нюстрэма. Куда бы ни обратился взоръ, всюду видишь явныя доказательства его любовнаго отношенія къ дѣлу. Институтъ—это его родное дѣтище, въ которое онъ вложилъ всю свою душу и для котораго безпрерывно, въ теченіе двадцати лѣтъ не жалѣлъ ни силъ, ни трудовъ своихъ.

Безсмѣнно двадцать лѣтъ стоитъ онъ на стражѣ интересовъ самаго бѣднѣйшаго класса населенія. Онъ видѣлъ, какъ въ грязи и въ непроницаемомъ мракѣ копошились эти люди, безнадежно простирая свои объятія къ свѣту. Онъ слышалъ ихъ стоны, видѣлъ ихъ безсиліе. Одинъ, безъ всякихъ средствъ, двинулся онъ къ нимъ на помощь, только во имя одной любви къ ближнему и состраданія къ нему. Онъ побѣдилъ, и его могучій призывъ возымѣлъ свое дѣйствіе: возникли рабочіе институты. Но онъ не успокоился и продолжаетъ попрежнему призывать народъ къ просвѣщенію... «Рабочіе!—раздается его мощный голосъ. Помните, что каждое сбереженіе, каждыя 10 эре, каждая крона, пожертвованныя вами ради просвѣщенія, предлагаемаго вамъ вашимъ же институтомъ, принесетъ вамъ гораздо больше сбереженій, нежели какіе-нибудь другіе матеріальные разсчеты, и въ особенности, если вы будете искренно стремиться къ облагораживанію душевныхъ силъ. Честь и хвала тому рабочему, который, стремясь къ самосовершенствованію, склонитъ къ тому же своего товарища. Пусть болѣе просвѣщенные рабочіе станутъ вліять на своихъ слабыхъ товарищей, пусть они будутъ имъ вожаками въ ихъ жизненномъ пути. Только такимъ образомъ мы возвысимъ нашъ народъ и облагородимъ его. Итакъ, друзья впередъ! Объединяйтесь скорѣе и дружно идите впередъ, къ свѣту, навстрѣчу лучшимъ временамъ. Тамъ ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ».

К. Грэнхагенъ.

---

*) Полагая, что каждый рабочій посѣтитъ 50 лекцій, получимъ въ 10 лѣтъ 50.000 рабочихъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.**

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

(*Продолженіе* *).

Глава XIX.

Поѣздъ мчался черезъ лѣса Шантильи. Взошелъ блѣдный мѣсяцъ, и при невѣрномъ свѣтѣ его лѣсныя дороги, прямыя и нескончаемо длинныя, казалось, уходили въ безконечную даль. Купы молоденькихъ наливающихся почками деревьевъ мелькали мимо, словно клубы зеленоватаго пара; мелькали бѣленькія, уже затихшія на ночь деревушки; станціи съ огнями фонарей и человѣческими фигурами; огромныя груды дровъ и бревенъ вдоль линіи. А поѣздъ мчался все дальше и дальше.

Делафильдъ, сидя въ вагонѣ второго класса, не спалъ и даже не пытался уснуть. Ночь была страшно холодная, а на немъ только легкое пальто, въ которомъ онъ вышелъ изъ Hôtel du Rhin прогуляться послѣ обѣда, и ни плаща, ни пледа въ запасѣ. Но поглощенный своими мыслями, онъ не чувствовалъ холода и даже не замѣчалъ его.

Событія двухъ послѣднихъ дней, ихъ значеніе, его собственный образъ дѣйствій и его возможныя послѣдствія—вотъ надъ чѣмъ лихорадочно работалъ его умъ, комбинируя, толкуя, дѣлая выводы то въ одномъ направленіи, то въ другомъ. Въ душѣ его было и волненіе, и страхъ, но это не могло побороть его обычнаго настроенія—спокойствія, мужества, непоколебимой рѣшимости.

Онъ только наканунѣ выѣхалъ изъ Лондона со своимъ кузеномъ-герцогомъ и его больнымъ сыномъ. Они ѣхали въ Парижъ на консультацію къ новому врачу, и Джэкобъ вызвался сопровождать ихъ. Несмотря на цѣлую свиту слугъ и курьеровъ, постоянно окружавшую ихъ, въ дорогѣ они всегда казались Джэкобу ужасно безпощными и жалкими, и онъ зналъ, какъ они дорожатъ его обществомъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 3, мартъ, 1903 г.

По дорогѣ въ Парижъ, въ Кале, онъ видѣлъ въ буфетѣ Генри Уоркворта и мимоходомъ обмѣнялся съ нимъ кивкомъ головы. Тотъ еще наканунѣ вечеромъ, у Жюли, сказалъ ему, что они могутъ встрѣтиться на пароходѣ.

На слѣдующій день, день пріѣзда Жюли, рано утромъ, въ тревожномъ ожиданіи возвращенія своихъ спутниковъ съ консультаціи у знаменитаго врача, Делафильдъ бродилъ по Rue de la Paix и возлѣ отеля Мирабо почти столкнулся съ человѣкомъ, въ которомъ тотчасъ узналъ Уоркворта.

Изъ вѣжливости пришлось обмѣняться нѣсколькими фразами, хотя тайный антагонизмъ между этими двумя людьми обозначился съ первой же встрѣчи ихъ въ гостиной леди Генри. Каждое слово ихъ краткаго разговора запечатлѣлось въ памяти Делафильда.

— Вы долго здѣсь пробудете?—спросилъ Уорквортъ.

— Да, дня два. Мы встрѣтимся завтра въ посольствѣ?

— Нѣтъ. Я обѣдалъ тамъ вчера. Мои дѣла уже покончены. Вечеромъ я ѣду въ Римъ.

— Счастливецъ! Теперь туда, кажется, идетъ новый скорый поѣздъ?

— Да. Чрезвычайно удобно. Въ 7 ч. 15 м. вечера вы садитесь на поѣздъ на Ліонскомъ вокзалѣ, а черезъ день, утромъ въ Римѣ.

— Великолѣпно! Отчего не всѣ могутъ ѣхать? Ну прощайте, желаю вамъ успѣха!

Они обмѣнялись небрежно рукопожатіемъ и разстались.

Это было около полудня. А за завтракомъ пришла телеграмма отъ герцогини, на которую откликнулись всѣ струны сердца Делафильда. Ему живо вспомнился послѣдній разговоръ съ Жюли, ея странная безпомощность и кротость, ея жалобный молящій взглядъ. Онъ всѣмъ сердцемъ надѣялся, что она застанетъ старика въ живыхъ, что его сыновья отнесутся къ ней хорошо, и потомъ, когда все кончится, окажется, что старикъ обезпечилъ какъ слѣдуетъ свою внучку.

Но ему некогда было предаваться подобнымъ мыслямъ. Результатъ консультаціи былъ неутѣшителенъ и кузены Джэкоба нуждались въ его участіи и ободреніи. Подъ вечеръ онъ перевезъ ихъ въ отель de la Terrasse въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Герцогъ, нервный ипохондрикъ, не выносилъ парижскаго уличнаго шума и могъ спать только въ этомъ излюбленномъ своемъ отелѣ, въ особомъ помѣщеніи, которое такъ и оставляли для него. Около шести часовъ Джэкобъ простился съ ними и вернулся въ Парижъ. Онъ обѣщалъ обѣдать въ кафе Gaillard съ однимъ атташе—старымъ товарищемъ по Оксфорду. Онъ переодѣлся, надѣлъ пальто и въ половинѣ восьмого пошелъ пѣшкомъ въ улицу Гальяръ. Проходя мимо отеля Мирабо, онъ увидалъ у подъѣзда экипажъ съ вещами. Изъ подъѣзда вышелъ мужчина въ сопровожденіи консьержа. Къ великому своему удивленію, Джэкобъ узналъ въ немъ Уоркворта.

Молодой офицеръ былъ замѣтно не въ духѣ и очень спѣшилъ. Онъ прыгнулъ въ экипажъ, не обративъ вниманія на двухъ лакеевъ и консьержа, стоявшихъ тутъ же въ ожиданіи франковъ, и когда консьержъ очень сухо освѣдомился, куда ѣхать, Уорквортъ, высунувшись въ окно торопливо крикнулъ кучеру:

— D'abord à la Gare des Sceaux! Puis, je vous dirai. Mais dépêchez vous!

Экипажъ тронулся; Делафильдъ пошелъ дальше.

На всѣхъ парижскихъ колокольняхъ пробило половина восьмого. Давеча Уорквортъ говорилъ, что онъ въ 7 ч. 15 м. уѣзжаетъ въ Римъ съ ліонскаго вокзала. А теперь онъ въ 7 ч. 30 м. мчится на Gare des Sceaux, откуда ни одному разумному человѣку не придетъ въ голову отправиться въ вѣчный городъ.

D'abord à la Gare des Sceaux.

Такъ онъ никуда не ѣдетъ? Или во всякомъ случаѣ, торопится не къ поѣзду. У него тамъ какое-то дѣло. Можетъ быть, онъ просто хочетъ свезти туда на храненіе свои вещи?

Вдругъ въ умѣ Делафильда мелькнула мысль, подозрѣніе, отъ котораго сердце его тяжело заколотилось въ груди. Впослѣдствіи онъ часто дивился, какъ ему могла придти въ голову эта мысль, и еще больше тому, что она сразу такъ властно завладѣла его душой. Въ минуты мистическаго подъема онъ потомъ втайнѣ вѣрилъ, что самъ Богъ внушилъ ему эту мысль.

Какъ бы тамъ ни было, онъ тотчасъ нанялъ извозчика и, забывъ объ условленномъ обѣдѣ, погналъ его во весь духъ на Сѣверный вокзалъ. Въ то время поѣздъ изъ Кале приходилъ ровно въ восемь. Джекобъ пріѣхалъ на вокзалъ за нѣсколько минутъ до срока. Когда поѣздъ наконецъ пришелъ, въ толпѣ пассажировъ, высыпавшей на платформу Делафильдъ сразу различилъ высокую, изящную фигуру Жюли Ле-Бретонъ.

Острая боль пронзила ему сердце. Онъ молился объ одномъ—чтобы разсудокъ его остался яснымъ. По дорогѣ на вокзалъ онъ придумалъ планъ—что дѣлать, если его безумное подозрѣніе окажется сколько-нибудь основательнымъ.

Оно оправдалось—настолько, что Жюли Ле-Бретонъ въ Парижѣ, а не въ Брюгге, какъ предполагала съ ея словъ герцогиня. Когда же она повернула къ нему изумленное растерянное лицо,—то, что онъ считалъ безуміемъ, превратилось въ увѣренность.

«Amiens, cinq minutes d'arrêt», Делафильдъ вышелъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по платформѣ. Онъ проходилъ мимо закрытыхъ завѣшенныхъ оконъ спальнаго вагона и въ его ненормальномъ возбужденіи ему казалось, что онъ стоитъ возлѣ нея, наклоняется къ ней и говоритъ:

— Мужайтесь! Благодаря Бога, вы спасены!

Мимо прошелъ мальчикъ изъ буфета, развозившій на тележкѣ чай и кофе. Делафильдъ съ жадностью выпилъ чашку кофе и сунулъ руку въ карманъ за деньгами. Тамъ оказалось три франка и билетъ. Расплатившись, онъ изслѣдовалъ свой кошелекъ. Въ немъ было всего полкроны.

У него какъ разъ хватило денегъ, чтобы взять себѣ билетъ второго класса, ей перваго и заплатить за мѣсто въ спальномъ вагонѣ. И то еще счастье, такъ какъ его деньги, вмѣстѣ съ обратнымъ билетомъ, остались въ несессерѣ въ Hôtel du Rhin.

«En voiture! En voiture, s'il vous plait»

Поѣздъ опять мчался дальше, а Делафильдъ сидѣлъ въ своемъ углу и думалъ. Онъ переживалъ вновь ихъ странную встрѣчу на Сѣверномъ вокзалѣ, блѣдное лицо напротивъ за столомъ, ея растерянность и огорченіе, котораго она не въ состояніи была скрыть, ея спазмодическія попытки поддержать разговоръ, нѣсколько безсвязныхъ словъ о лордѣ Лэкинтонѣ и герцогинѣ, и безконечныя паузы, и эти большіе усталые глаза, то блуждающіе, то глядѣвшіе, не видя, въ пространство. Онъ зналъ, что всѣ ея мысли съ Уорквортомъ, что все ея существо возмущается противъ его присутствія здѣсь и того, что онъ заставилъ ее сдѣлать.

Самъ онъ отлично понималъ, какую дилемму онъ ставитъ передъ нею. Она должна или покориться и вернуться къ смертному одру старика дѣда, или же сознаться въ своемъ уговорѣ съ Уорквортомъ.

А если онъ ошибся? Что-жъ изъ того? Телеграмма отъ герцогини, дѣйствительно, получена; лордъ Лэкинтонъ, дѣйствительно, умираетъ, и, помимо всякихъ вопросовъ чувства, друзьямъ Жюли естественно желать, чтобы старикъ передъ смертью призналъ ее своей внучкой въ присутствіи обоихъ своихъ сыновей и съ ихъ согласія обезпечилъ ее.

Но, увы! онъ не ошибся! Онъ вспомнилъ ея испуганный поспѣшный отказъ, когда онъ предложилъ отправить вмѣсто нея телеграмму ея парижскимъ «друзьямъ», вспомнилъ, какъ онъ самъ, вдругъ сконфузившись, поспѣшилъ отвернуться, чтобы не видѣть этого милаго лгущаго лица, чтобъ она не догадалась, что онъ подозрѣваетъ ее.

Онъ только-только успѣлъ послать съ посыльнымъ записку пріятелю въ кафе Gaillard и другую въ отель, гдѣ онъ остановился, прежде чѣмъ усадить ее въ вагонъ.

Какой у нея былъ жалкій видъ, когда она съ недоумѣніемъ повернулась къ нему.

— А мой билетъ?

— Вотъ одинъ и другой. О, это пустяки. Мы сочтемся въ городѣ. Постарайтесь уснуть. Вы, должно быть, очень устали.

И тутъ ему показалось, что ея губы дрожали, какъ у огорченнаго ребенка, и ужъ навѣрное она замѣтила, какъ неистово бился его пульсъ.

Проскользнула мимо Булонь. Вотъ и Сомма, отливающая блѣднымъ

серебромъ при лунномъ свѣтѣ—страна дюнъ и низкорослыхъ сосенъ и огромныхъ приморскихъ болотъ, надъ которыми носится рокотъ моря. Потомъ и море осталось позади; теперь направо и налѣво тянулись роскошные луга богатой Пикардіи. Тамъ и сямъ въ коттэджахъ и виллахъ свѣтились огоньки, быть можетъ, огни рожденія или смерти, спутники надежды или отчаянія.

Кале.

Поѣздъ медленно подошелъ къ пристани. Делафильдъ выскочилъ на платформу. Изъ спальняго вагона уже выходили пассажиры. Онъ скоро различилъ въ толпѣ маленькую, черную шляпку съ вуалемъ и стройную фигуру въ темномъ дорожномъ платьѣ.

«Что съ нею? Она, кажется, готова упасть въ обморокъ».

Подходя къ Жюли, онъ замѣтилъ, что она пошатнулась, и носильщикъ, несшій ея вещи, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. Въ одинъ мигъ онъ подхватилъ ее подъ руку и поддержалъ.

— Въ вагонѣ было очень жарко, а я такъ утомлена. Мнѣ нужно только побыть на воздухѣ.

Они взошли на палубу.

— Вы сойдете внизъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нуженъ воздухъ,—слабо выговорила она. Делафильдъ увидѣлъ, что она еле держится на ногахъ.

Они прошли на защищенную навѣсомъ верхнюю палубу, обыкновенно полную пассажировъ. Теперь она была совершенно пуста. Ночь была холодная, бурная, и пассажиры предпочитали сидѣть внизу, въ каютъ-компаніи. Жюли опустилась на первый попавшійся стулъ. Делафильдъ поспѣшилъ развернуть пледъ, захваченный ею съ собою и закутать ее плотнѣе.

— Переѣздъ будетъ трудный,—шепнулъ онъ ей на ухо.—Хорошо ли вамъ оставаться здѣсь, на палубѣ?

— Я привыкла къ морю. Позвольте мнѣ остаться здѣсь.

Глаза ея закрылись. Делафильдъ съ тревогой наклонился къ ней. Въ это время подошелъ одинъ изъ служащихъ на пароходѣ.

— Madame ferait mieux de descendre, monsieur. La traversée ne sera pas bonne.

Делафильдъ объяснилъ, что этой дамѣ нуженъ свѣжій воздухъ, и что она привыкла къ морю. Затѣмъ онъ сунулъ въ руку этому человѣку свои послѣдніе три франка и велѣлъ ему принести коньяку и что-нибудь, чѣмъ укрыться. Тотъ неохотно повиновался.

Сквозь всю суету, сопровождающую отправленіе парохода, Делафильдъ видѣлъ только неподвижную, безжизненную фигуру Жюли, слышалъ только невнятныя слова, которыя она время отъ времени пыталась произнести, чтобы показать ему, что она не въ безсознательномъ состояніи.

Принесли коньякъ, но лакей, принесшій его, снова потребовалъ, чтобы

Жюли сошла въ каюту. Делафильдъ не обратилъ на это вниманія. Онъ старался заставить Жюли проглотить нѣсколько капель.

Наконецъ, они тронулись. Не успѣли они выйти изъ старой гавани, какъ началась сильная качка.

Чей-то голосъ надъ самымъ его ухомъ вывелъ Делафильда изъ забытья.

— Дамѣ нельзя здѣсь оставаться, сэръ. Въ дамскихъ каютахъ мѣстъ сколько угодно.

Делафильдъ поднялъ глаза и узналъ капитана, того самого, который 36 часовъ тому назадъ такъ ухаживалъ за герцогомъ Чедлеемъ и его спутниками.

— А! Капитанъ Уиттэкеръ!

Загорѣлый, толстый капитанъ съ удивленіемъ поднялъ брови.

Делафильдъ отвелъ его въ сторону. Послѣ минутнаго разговора, капитанъ приподнялъ фуражку и отошелъ, сказавъ нѣсколько словъ младшему офицеру, который обратилъ его вниманіе на присутствіе Жюли на палубѣ. Послѣ того ихъ больше не безпокоили, а тотъ же самый офицеръ принесъ подушку и полосатое одѣяло, говоря, что это можетъ пригодиться леди. Вскорѣ Жюли уже лежала на диванѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ. Уже изъ деликатности ея спутнику неудобно было оставаться возлѣ нея.

Джэкобъ быстро шагалъ взадъ и впередъ, чтобы сколько-нибудь согрѣться; руки и ноги его окоченѣли отъ холода. Время отъ времени онъ останавливался посмотрѣть на огни уходившаго въ даль французскаго берега, на его сѣрыя призрачныя очертанія, то выступавшія, когда луна выходила изъ-за тучъ, то скрывавшіяся подъ густою завѣсой дождя. Волны ревѣли, обдавая палубу пѣной и брызгами. Небольшой пароходъ страшно качало; даже нѣсколько мужчинъ, сидѣвшихъ сначала на палубѣ, теперь исчезли.

Делафильдъ со страннымъ волненіемъ вглядывался въ блуждающія волны. Рѣзкій вѣтеръ и соленыя брызги, попадавшія ему въ лицо, бодрили его и поддерживали въ немъ тотъ подъемъ пылкой рѣшимости, благодаря которому онъ могъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Обыкновенный свѣтскій человѣкъ не осмѣлился бы этого сдѣлать, большинство свѣтскихъ людей, онъ зналъ, осмѣяли бы или осудили его. Но для человѣка, который судитъ жизнь и поступки людей съ точки зрѣнія вѣчности, это казалось довольно естественнымъ.

Вѣтеръ былъ страшно рѣзкій и холодный. Делафильдъ подошелъ къ Жюли. Къ удивленію его, она ужъ не лежала, а сидѣла, прижавшись въ уголокъ дивана и откинувъ вуаль.

— Вамъ лучше?—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней, такъ, чтобы она могла его разслышать сквозь шумъ волнъ.—Вамъ не слишкомъ непріятенъ этотъ шумъ?

Она отрицательно покачала головой. Онъ придвинулъ раскидной

стулъ и сѣлъ рядомъ съ ней. Она неожиданно спросила его, который часъ. Его поразила ея блѣдность, разсѣянное выраженіе ея глазъ. О чемъ она думаетъ?

Онъ вынулъ часы.

— Около четырехъ. Вы видите, уже начинаетъ свѣтать.

И онъ указалъ на небо, уже свѣтлѣвшее, какъ это обыкновенно бываетъ передъ зарею, и вдаль на море, тоже свѣтившееся какимъ-то свинцовымъ блескомъ, разгонявшимъ мрачную смѣну тьмы и луннаго свѣта.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея глаза устремлены на него.

Чтобы вынуть часы, онъ разстегнулъ свое длинное пальто, забывъ, что открываетъ такимъ образомъ фракъ, въ который онъ облекся, отправляясь обѣдать въ кафе Гальяръ.

Онъ поспѣшно застегнулся на всѣ пуговицы и опять повернулся лицомъ къ морю, но въ это время услыхалъ ея голосъ и принужденъ былъ подойти къ ней совсѣмъ близко, чтобы разслышать слова.

— Вы отдали мнѣ свой плэдъ, — выговорила она съ усиліемъ.—Вы простудитесь.

— Вовсе нѣтъ. На васъ вашъ собственный плэдъ, а другой присланъ капитаномъ. Мнѣ тепло и отъ движенія.

Оба смолкли. Его опять охватила тревога. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которымъ легко притворяться. Но, зайдя такъ далеко, нужно уже было умѣть хранить тайну.

Самое лучшее было держаться вдали, и онъ хотѣлъ отойти, но она знакомъ остановила его. И опять онъ нагнулся къ ней совсѣмъ близко, чтобы разслышать ея голосъ.

— Почему вы во фракѣ?

— Я шелъ обѣдать съ пріятелемъ. Переодѣться не было времени.

— Такъ вы не собирались уѣзжать сегодня?

Онъ помедлилъ, словно придумывая отвѣтъ.

— Въ то время, какъ одѣвался нѣтъ. Но потомъ получилъ извѣстіе, которое заставило меня рѣшиться.

Ея голова тяжело откинулась назадъ на спинку дивана, глаза закрылись.

Думая, что она, можетъ быть, уснетъ, онъ хотѣлъ было встать и уйти, но она прикосновеніемъ руки удержала его. Онъ остался на мѣстѣ, и она приняла руку.

Волны теперь не такъ уже ревѣли. Чѣмъ ближе къ англійскому берегу, тѣмъ вѣтеръ становился мягче, и море уже не такъ громко торжествовало побѣду. Сквозь тучи пробивался первый слабый лучъ разсвѣта. Ея лицо теперь прояснилось, глаза были широко раскрыты. Делафильдъ въ первый разъ отважился заглянуть въ нихъ и испугался. Въ нихъ было безумное подозрѣніе. Онъ насторожился и внутренно подтянулся, чтобы встрѣтить ударъ.

— Мистеръ Делафильдъ, вы мнѣ сказали всю правду?

Она выпрямилась смертельно блѣдная и нетерпѣливой рукой сбросила съ себя окутывавшіе ее плэды. Ея лицо требовало отвѣта.

— Конечно, я сказалъ вамъ правду.

— Но всю ли? Мнѣ кажется, что вы не собирались въ путь, что тутъ есть какая-то тайна, которой я не понимаю, оскорбительная для меня.

— Какая же тайна? Увидѣвъ васъ, я, конечно, вспомнилъ о телеграммѣ Эвелины.

— Я хотѣла бы видѣть эту телеграмму.

Онъ колебался. Будь онъ искуснѣе въ мелкой будничной лжи, безъ которой не обходится жизнь, онъ просто сказалъ бы, что забылъ ее въ гостинницѣ. Но онъ пропустилъ случай, да въ эту минуту и не соображалъ, почему именно ее не слѣдуетъ показывать. Телеграмма была у него въ карманѣ, и онъ подалъ ее Жюли.

При слабомъ свѣтѣ мерцающей керосиновой лампочки, съ трудомъ удерживая въ рукахъ бумажку, которую трепалъ вѣтеръ, она скорѣе угадывала слова, чѣмъ прочла. Потомъ вѣтеръ вырвалъ у нея изъ рукъ телеграмму и унесъ ее за бортъ. Делафильдъ всталъ и, прислонившись къ одному изъ столбовъ, поддерживающихъ навѣсъ, смотрѣлъ на Жюли сверху внизъ. Онъ чувствовалъ, что приближается торжественная минута.

— Зачѣмъ вы поѣхали со мной?—настаивала она, не умѣя скрыть своего волненіе.—Вы, очевидно, не собирались ѣхать. Съ вами нѣтъ вещей, вы во фракѣ. И, какъ я припоминаю теперь, вы отправили съ вокзала двѣ записки съ посыльными.

— Я не хотѣлъ отпускать васъ одну.

Она остановила его почти презрительнымъ жестомъ.

— Зачѣмъ вы вообще пришли на вокзалъ? Вѣдь Эвелина сказала вамъ, что я въ Брюгге. И вы собирались гдѣ-то обѣдать. Я не понимаю!

Она нахмурила брови; она говорила властно, словно королева; въ ея тонѣ не было ни смущенія, ни сознанія своей вины.

Внутренній голосъ шепталъ Делафильду: «скажи ей!»

Онъ наклонился къ ней ближе.

— Миссъ Ле-Бретонъ, у какихъ друзей вы собирались гостить въ Парижѣ?

Она дышала тяжело и часто.

— Я, кажется, не школьница, чтобы мнѣ задавали такіе вопросы.

— Но отъ вашего отвѣта зависитъ мой.

Она съ удивленіемъ смотрѣла на него. Его обычной мягкости не осталось и слѣда. Она видѣла передъ собой не того Джэкоба Делафильда, котораго она знала, а другого, котораго она съ самаго начала угадывала подъ сдержанностью и учтивостью свѣтскаго человѣка, Джэкоба Делафильда, котораго она боялась, какъ сама говорила герцогинѣ.

Но страсть заставила ее забыть обо всемъ. Въ безсильномъ бѣшенствѣ она только теперь замѣтила, что далась въ обманъ.

— Мистеръ Делафильдъ,—начала она, стараясь говорить спокойно:— я не понимаю вашего поведенія, но насколько я понимаю его, я нахожу его возмутительнымъ. Если вы обманываете меня...

— Я не обманываю васъ: лордъ Лэкинтонъ умираетъ.

— Но вѣдь вы не за этимъ пріѣхали на вокзалъ! Зачѣмъ вамъ было встрѣчать англійскій поѣздъ?

Ея глаза, теперь ясные, властно искали его взгляда.

И опять внутренній голосъ шепнулъ ему: «говори, отбрось всякія условности, говори прямо, душой душѣ»!

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, не подымая глазъ отъ полу. Потомъ вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ ей прямо въ лицо.

— Миссъ Ле-Бретонъ! Вы ѣхали въ Парижъ, чтобы встрѣтиться съ майоромъ Уорквортомъ.

Она отшатнулась и вызывающе кивнула:

— А если бы и такъ!

— Я долженъ былъ помѣшать этому,—только.

Тонъ его былъ спокоенъ и рѣшителенъ.

— Кто—кто далъ вамъ такія права надо мной?

— Спасать можно даже насильно. Я слишкомъ цѣню васъ, чтобы позволить вамъ сгубить себя.

Его грустный взоръ, полный глубокаго состраданія, приковался къ ея лицу. Онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то нечеловѣческую силу, ту силу, которая въ высшей своей степени сдѣлала св. Франциска «великимъ укротителемъ душъ».

— Кто васъ просилъ быть нашимъ судьей? Ни я, ни майоръ Уорквортъ ничѣмъ вамъ не обязаны!

— Нѣтъ. Но *я* обязанъ былъ вамъ помочь, какъ мужчина, какъ другъ вашъ. Я самъ не знаю, какъ мнѣ открылась истина. Вы рисковали своей честью—я сталъ на вашемъ пути.

Каждое его слово выводило ее изъ себя.

— Что вы могли знать о нашемъ рѣшеніи?—выкрикивала она прерывающимся голосомъ.—Это непростительно, это оскорбленіе! Вы ничего, ничего не знаете—ни о немъ, ни обо мнѣ!

Она жалкимъ и вмѣстѣ величественнымъ жестомъ прижала руки къ груди, словно защищая своего возлюбленнаго и свою любовь. Подъ ея взглядомъ онъ опустилъ глаза.

— Я зналъ, что вы много страдали, но вы страдали бы несравненно больше, еслибъ...

— Еслибъ вы не вмѣшались! — Вуаль спустилась ей на лицо, она нетерпѣливо откинула ее назадъ.—Мистеръ Делафильдъ, я могу обойтись безъ вашихъ попеченій!

— Но не безъ уваженія къ себѣ,—выговорилъ онъ медленно.

Жюли вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Уйдите,—простонала она,—уйдите!

Онъ ушелъ на другой конецъ парохода, глядя въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ открываться берегъ, но ничего не видя. Завѣса тьмы со всѣхъ сторонъ поднималась кверху, и вдали уже сверкало что-то бѣлое—Дувръ. Все его существо было потрясено тѣмъ ощущеніемъ, которое такъ рѣдко выпадаетъ на долю поверхностныхъ и занятыхъ людей—внутренней борьбы одной человѣческой личности съ другой. Ему казалось, что онъ недостоинъ былъ испытать это.

Нѣсколько времени спустя, когда до пристани оставалось только четверть часа ходу, онъ вернулся къ Жюли.

Она сидѣла совершенно неподвижно, заломивъ руки, закрывъ лицо вуалью.

— Можно вамъ сказать два слова,—выговорилъ онъ мягко.

Она не отвѣтила.

— То, что я сказалъ вамъ ночью, конечно, останется между нами. Забудемъ это, какъ будто это никогда не было сказано. Я заставилъ васъ страдать. Отъ всей души прошу у васъ прощенія, но въ то же время,—голосъ его дрогнулъ, — благодарю Бога, что у меня хватило мужества это сдѣлать!

Она мелькомъ взглянула на него, и онъ замѣтилъ, какъ дрожали ея губы, и какъ она вся поблѣднѣла отъ сдержаннаго волненія.

— Я знаю, что вы считаете себя правымъ, — выговорила она глухо,—но отнынѣ мы можемъ быть только врагами. Вы поступили со мной деспотически во имя идеаловъ, которые вы чтите, а я не признаю. Я могу только просить васъ на будущее время не вторгаться въ мою жизнь.

Онъ ничего не сказалъ. Она, шатаясь, поднялась на ноги. Пароходъ быстро приближался къ берегу.

Съ холоднымъ отчужденіемъ человѣка, чувствующаго, что достойнѣе покориться, чѣмъ бороться, она позволила ему помочь ей высадиться на берегъ. Онъ усадилъ ее въ вагонъ, и самъ сѣлъ во второй классъ.

Когда они шли рядомъ по платформѣ, она сказала ему:

— Вы очень обяжете меня, сообщивъ Эвелинѣ, что я вернулась. Я отправлюсь къ ней сейчасъ же.

Она вдругъ остановилась, и онъ увидѣлъ, что она растерянно смотритъ на ночныя телеграммы, вывѣшенныя на стѣнѣ. Въ заголовкѣ одной изъ нихъ крупными буквами значилось: «Критическое состояніе лорда Лэкинтона».

Онъ не зналъ, позволитъ ли она ему теперь даже разговаривать съ ней, но она была такъ блѣдна, и въ каждой чертѣ ея лица читалось такое изнеможеніе, что невозможно было не предложить ей помощи.

— Теперь слишкомъ рано, чтобы идти узнавать о его здоровьѣ. Это значило бы поднять на ноги весь домъ, но часа черезъ два,— вокзальные часы показывали четверть седьмого,—если вы позволите, я доставлю вамъ утренній бюллетень.

Она колебалась.

— Вамъ надо отдохнуть, иначе у васъ не хватитъ силъ ходить за нимъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же осторожнымъ тономъ.—Но, можетъ быть, вы предпочитаете послать кого-нибудь другого.

— Мнѣ некого послать,—сказала она и повела рукой по лбу, безмолвно признаваясь въ своемъ полномъ безсиліи и беззащитности.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пойти, — сказалъ онъ мягко.

Она была до такой степени физически истощена, что, казалось, не въ силахъ была отвѣтить ни согласіемъ, ни отказомъ. Онъ посадилъ ее на извозчика и сказалъ кучеру, куда ѣхать. Она нерѣшительно посмотрѣла на него, но онъ не протянулъ руки. Его голубые глаза бросили ей одинъ только пронизывающій взглядъ — мужественный, умоляющій, грустный; затѣмъ онъ приподнялъ шляпу и отошелъ.

Глава XX.

— Джэкобъ! Почему вы такъ скоро вернулись?

Герцогиня вбѣжала въ комнату, миніатюрная и изящая въ своемъ утреннемъ голубомъ съ бѣлымъ капотикѣ; позади нея бѣжалъ крошечный шпицъ.

— Я зашелъ сказать вамъ, что получилъ вчера вашу телеграмму, а вечеромъ, по счастливой случайности, встрѣтилъ въ Парижѣ миссъ Ле-Бретонъ...

— Вы встрѣтили Жюли? въ Парижѣ?—съ изумленіемъ повторила герцогиня.

— Она хотѣла погостить тамъ нѣсколько дней у знакомыхъ, прежде чѣмъ отправиться въ Брюгге. Я сообщилъ ей о болѣзни лорда Лэкинтона, и она тотчасъ же вернулась. Она была очень утомлена и разстроена, а ночь обѣщала быть бурной. Поэтому я усадилъ ее въ спальный вагонъ, а самъ поѣхалъ съ нею, на всякій случай. На пароходѣ мое присутствіе, дѣйствительно, оказалось не лишнимъ. Насъ страшно качало.

— Такъ Жюли была въ Парижѣ?—повторяла герцогиня, словно не слыша ничего остального.

Голубые глаза герцогини, казавшіеся такими огромными на этомъ крошечномъ личикѣ съ неправильными чертами, искали глазъ кузена, стараясь разгадать ихъ выраженіе.

— Она, кажется, въ послѣднюю минуту приняла это рѣшеніе. И это большое счастье, что я ее встрѣтилъ.

— Но какъ? и гдѣ?

— Теперь не время объ этомъ распространяться,—нетерпѣливо возразилъ Делафильдъ.—Я зналъ, что вамъ будетъ пріятно узнать о ея возвращеніи, и зашелъ сказать. Мы пріѣхали въ шесть. А около девяти я заходилъ на Сентъ-Джемсъ-скверъ, узнать о здоровьи лорда Лэкинтона. Ему немного легче.

— Видѣли вы лорда Юрдэля? Говорили вы съ нимъ о Жюли?

— Я только справился о здоровьи, чтобы сообщить послѣдній бюллетень миссъ Ле-Бретонъ. Не возьмете ли вы на себя повидаться съ Юрдэлемъ и устроить это? Вѣдь вы, навѣрное, вчера видѣлись съ нимъ?

— Конечно. Какъ это курьезно вышло вчера, лордъ Лэкинтонъ только что сказалъ имъ. Посмотрѣли бы вы, какія у нихъ были лица!

— У сыновей?

Герцогиня кивнула головой.

— Не по вкусу имъ это пришлось. Они надулись, точно аршинъ проглотили. Но они сдѣлаютъ все, что нужно. Они сразу поняли, что ее необходимо обезпечить. И когда онъ сталъ звать ее, они сами просили меня телеграфировать, если только я съумѣю ее найти. Но какъ это все необычайно!

Герцогиня опять какъ-то странно посмотрѣла на него, и на обѣихъ ея щечкахъ выступили красныя пятнышки. Но Делафильдъ не замѣтилъ этого. Онъ задумчиво шагалъ взадъ и впередъ.

— Что, если бы вы сами свезли ее туда?—сказалъ онъ, внезапно останавливаясь передъ нею.

— На Сентъ-Джемсъ-скверъ? Что вы ей сказали?

— Что ему немного лучше, и что вы пріѣдете къ ней.

— Да, ей было бы тяжело тамъ одной...—Герцогиня посмотрѣла на часы.—Позвоните, пожалуйста, Джэкобъ.

Маленькая женщина велѣла закладывать и снова принялась за разспросы. Что Жюли? Очень она утомлена своимъ двойнымъ путешествіемъ? Она была одна въ Парижѣ, или вмѣстѣ съ madame Борнье?

Джэкобъ полагалъ, что madame Борнье съ дочерью отправились прямо въ Брюгге.

Герцогиня опустила глазки, потомъ посмотрѣла на него.

— А... а маіора Уорквортa вы не встрѣчали?

— Да, я видѣлъ его минуту въ rue de la Paix. Онъ уѣзжалъ въ Римъ.

Герцогиня отвернулась, словно пристыженная своимъ вопросомъ, и велѣла подавать экипажъ. И только тутъ обратила вниманіе на лицо своего кузена.

— Какъ вы блѣдны, Джэкобъ! Не хотите ли чего-нибудь выпить? вина?

Делафильдъ отказался, говоря, что ему нужно только соснуть часокъ-другой.

— Завтра я опять уѣзжаю въ Парижъ, — сказалъ онъ на прощанье.—Вы будете дома вечеромъ? Можно мнѣ зайти?

— Увы! Сегодня вечеромъ мы уѣзжаемъ въ Шотландію. И то еще счастье, что вы теперь застали меня. Берти страшно торопитъ съ отъѣздомъ.

Делафильдъ помедлилъ минутку, затѣмъ рѣшительно пожалъ ей руку и вышелъ.

— Ему хочется знать, что произойдетъ на Сентъ-Джемсъ-скверѣ,— догадалась герцогиня и побѣжала за нимъ внизъ по лѣстницѣ.—Джэкобъ! Если вы не боитесь невкуснаго обѣда, приходите—мы съ Берти будемъ обѣдать вдвоемъ, вѣдь дадутъ же намъ что-нибудь поѣсть. Такъ, около восьми. Приходите. Что-нибудь все-таки найдется—котлетка или бифштексъ.

Делафильдъ засмѣялся, отнѣкивался, но, въ концѣ концовъ, сказалъ, что придетъ.

Герцогиня вернулась въ гостиную возбужденная и недоумѣвающая.

— Это очень, очень странно!—говорила она себѣ.—Что такое творится съ Джэкобомъ?

Полчаса спустя она уже подъѣзжала къ великолѣпному дому на Сентъ-Джемсъ-скверѣ, гдѣ умиралъ лордъ Лэкинтонъ.

Она спросила лорда Юрдэля и сказала, что будетъ ждать его въ библіотекѣ.

Юрдэль былъ высокій, широкоплечій мужчина, съ бѣлокурыми, уже посѣдѣвшими волосами и разсѣяннымъ, безстрастнымъ выраженіемъ лица.

При видѣ его, глаза герцогини наполнились слезами. Она бросилась къ нему въ порывѣ сочувствія, столь свойственнаго ея мягкой натурѣ.

— Ну, какъ отецъ?

— Ему немного легче, хотя врачи говорятъ, что этому улучшенію нельзя вѣрить. Но онъ въ полномъ сознаніи—узнаетъ всѣхъ. Я только что читалъ ему вслухъ парламентскіе дебаты.

— Вы говорили мнѣ вчера, что онъ спрашивалъ миссъ Ле-Бретонъ?—сказала герцогиня, приподымаясь на цыпочки, словно для того, чтобы онъ лучше могъ разслышать ея пониженный голосъ.—Она здѣсь, т.-е. я хочу сказать—въ городѣ. Она сегодня ночью вернулась изъ Парижа.

Лордъ Юрдэль не обнаружилъ никакого волненія при этомъ извѣстіи. Волненіе было, вообще, не въ его характерѣ.

— Въ такомъ случаѣ отецъ будетъ радъ видѣть ее,—сказалъ онъ съ своей обычной сухостью, рѣзнувшей слухъ сентиментальной герцогини.

— Когда же мнѣ привезти ее?

— Теперь ему стало получше! У васъ сейчасъ есть время?

Герцогиня объявила, что она сейчасъ же отправится въ Гериберт-стритъ. Въ то время, какъ лордъ Юрдэль провожалъ ее до экипажа, съ лѣстницы сбѣжалъ молодой человѣкъ, приподнялъ шляпу и скрылся.

Лордъ Юрдэль объяснилъ, что это мужъ красавицы м-рсъ Деларей, портретъ которой писалъ лордъ Лэкинтонъ въ то время, какъ съ нимъ случился припадокъ. Герцогинѣ было извѣстно, что лордъ Лэкинтонъ, талантливый художникъ и свѣтскій человѣкъ, всю жизнь свою платоническій поклонникъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, заканчивалъ теперь портретную галлерею изъ ста портретовъ, изображавшихъ всѣхъ красавицъ страны. М-рсъ Деларей предстояло въ этой галлереѣ быть сотой.

— Онъ уговаривался съ мужемъ этой дамы насчетъ того, когда кончить портретъ,—сказалъ лордъ Юрдэль,—онъ все время говоритъ объ этомъ.

Герцогиня слегка вздрогнула.

— Онъ знаетъ, что ему не удастся его кончить.

— Знаетъ.

— И все-таки онъ думаетъ о такихъ вещахъ?

— Да, и о политикѣ. Я послалъ за м-ромъ Монтрезоромъ. Отцу желательно обсудить съ нимъ нѣкоторые вопросы.

— И онъ нисколько не волнуется, не боится?

— Ничуть. Онъ будетъ вамъ очень признателенъ, если вы привезете миссъ Ле-Бретонъ.

— Жюли! Родная! Вы въ состояніи ѣхать со мной?

Герцогиня сжимала подругу въ своихъ объятіяхъ, лаская и утѣшая ее. Какимъ унылымъ и заброшеннымъ казался маленькій домикъ съ этой мебелью въ чахлахъ, въ это дождливое весеннее утро! И Жюли среди всего этого уныніа стояла блѣдная, какъ привидѣніе, слушая, но не отзываясь ни звукомъ на слова нѣжности, и участія, и на новости, которыя расточала передъ ней герцогиня.

— Ну что же, ѣдемъ? Я готова.

Она высвободилась изъ любящихъ объятій, надѣла шляпу и перчатки.

— Вамъ надо бы въ постель, — сказала герцогиня. — Какъ это ужасно ѣхать ночью! Даже у Джэкоба совсѣмъ несчастный видъ. Но какое счастье, Жюли, что Джэкобъ совершенно случайно разыскалъ васъ. Какъ вы встрѣтились?

— На Сѣверномъ вокзалѣ,—сказала Жюли, не оборачиваясь. Она прикалывала вуаль передъ зеркаломъ.

Герцогиня инстиктивно не предлагала больше вопросовъ. Когда онѣ сѣли въ экипажъ, Жюли откинулась на спинку сидѣнья и сказала:

— Вы не разсердитесь, Эвелина, если я буду молчать. У меня все еще море шумитъ въ ушахъ.

Герцогиня нѣжно посмотрѣла на нее, сжала ея руку, и экипажъ покатился. Но передъ тѣмъ, какъ свернуть на Сентъ-Джемсъ-скверъ, Жюли быстро поднесла пальцы герцогини къ губамъ и поцѣловала ихъ.

— О, Жюли!—съ упрекомъ сказала герцогиня.—Я не люблю, когда вы это дѣлаете.

Она покраснѣла и нахмурилась: это ей можно дѣлать, но никакъ не Жюли.

— Отецъ, миссъ Ле-Бретонъ здѣсь.

— Пусть войдетъ, Джэкъ, и герцогиня тоже.

Лордъ Юрдэль подошелъ къ двери, и въ ту же минуту въ нее неслышно проскользнули двѣ фигуры, герцогиня впереди, держа руку Жюли въ своихъ.

Лордъ Лэкинтонъ лежалъ въ постели высоко на подушкахъ, тяжело и часто дыша, но когда онѣ подошли, онъ улыбнулся имъ.

— Пришла пора проститься, милая герцогиня, — шепнулъ онъ ей, когда она наклонилась къ нему, и въ глазахъ его мелькнулъ проблескъ былой веселости.—Съ моей стороны было бы гнусно ворчать. Жизнь прошла очень пріятно. А, Жюли!

Жюли тихонько опустилась на колѣни и прижалась щекой къ его рукѣ. При имени ея, лицо старика омрачилось, какъ будто мысли, вызванныя имъ, противорѣчили только что сказанному имъ герцогинѣ Онъ слабо протянулъ ей руки, и на минуту въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Юрдэль!

— Да, отецъ.

— Это дочь Розы.

Онъ поднялъ глаза, чтобы встрѣтить взглядъ сына.

— Я знаю, отецъ. Если миссъ Ле-Бретонъ разрѣшитъ намъ, мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы быть ей полезными.

Младшій братъ медленно наклонилъ голову, какъ бы подтверждая это. Оба сына лорда Лэкинтона были уже въ лѣтахъ: младшему за сорокъ. Оба они были непохожи лицомъ на отца и совершенно лишены его обаятельности. Оба были истые англичане, хорошо одѣтые, хорошо воспитанные, ничему не удивляющіеся и совершенно неспособные выказывать публично какія бы то ни было чувства, но въ то же время люди добрые и справедливые. Когда Жюли переступила чрезъ порогъ ихъ дома, оба торжественно пожали ей руку, какъ бы сразу заявляя о своей рѣшимости избѣгать всего сентиментальнаго и въ то же время о готовности сдѣлать все, чего отъ нихъ можно законнымъ образомъ требовать. Жюли почти не слышала маленькой рѣчи лорда Юрдэля. Она ничего не видѣла и не слышала, кромѣ дѣда. Когда она опустилась на

колѣни передъ нимъ и припала лицомъ къ его рукѣ, ледъ въ ея сердцѣ растаялъ, разсѣялась нѣмая, напряженная тоска, въ которой она жила съ той минуты, когда она на Сѣверномъ вокзалѣ поняла и оцѣнила значеніе торопливыхъ словъ Делафильда, и мѣсто ея заступила другая боль. Неужели она сразу лишится всего? И возлюбленнаго, и этого милаго старика, къ которому такъ рвалось ея разбитое, обливающееся кровью сердце.

Лорду Лэкинтону показалось, что она плачетъ.

— Не горюйте, дорогая моя,—прошепталъ онъ.—Должно же это когда-нибудь кончиться, cette charmante promenade à travers la réalité!

И онъ улыбнулся ей, до конца радуясь, что у нея такое прекрасное французское произношеніе, такая прекрасная память, и что оба они способны цѣнить эти преимущества одинъ въ другомъ. Затѣмъ онъ обернулся къ Эвелинѣ:

— Герцогиня, вы знали эту тайну раньше меня. Но я прощаю вамъ. Вы были очень добры къ моей внучкѣ. Жюли говорила мнѣ, да я и самъ замѣчалъ...

— О, милый лордъ Лэкинтонъ, довѣрьте ее мнѣ!

Эвелина нагнулась къ нему, и все ея милое личико дышало желаніемъ облегчить и усладить его послѣднія минуты.

Онъ улыбнулся.

— Вамъ и...

Онъ не докончилъ и сдѣлалъ рукою движеніе, которое герцогиня поняла. Она поцѣловала его руку и, плача, отошла.

— Сидѣлка! Гдѣ сидѣлка?

Подошли сидѣлки и докторъ, стоявшіе поодаль, въ сторонѣ отъ семейной группы.

— Докторъ! Дайте мнѣ немножко силы!—съ трудомъ выговорилъ старческій голосъ, все еще сохранившій былой капризный оттѣнокъ.

Онъ протянулъ руку къ молодому гомеопату; тотъ вспрыснулъ ему стрихнинъ, потомъ посмотрѣлъ на сидѣлку.

— Коньяку! И подымите меня!

Все было исполнено.

— Теперь выйдите, пожалуйста,—сказалъ онъ сыновьямъ.—Я хочу быть одинъ съ Жюли.

Нѣсколько минутъ, показавшіяся Жюли безконечными, лордъ Лэкинтонъ лежалъ, молча. Коньякъ и стрихнинъ сдѣлали свое дѣло, вызвали блескъ въ его глазахъ и лихорадочный румянецъ въ лицѣ. Онъ собрался съ силами и положилъ руку ей на плечо.

— Тебѣ нельзя быть одной,—выговорилъ онъ повелительно, и лицо его приняло тревожное выраженіе. Сердце Жюли сжалось смутнымъ страхомъ, и она стала увѣрять его, что у нея есть добрые друзья, и что ея работа дастъ ей средства къ жизни.

Больной нахмурился.

— Это не годится!—сказалъ онъ почти сердито.—У тебя большія дарованія, но ты слаба; ты женщина,—ты должна выйти замужъ.

Жюли смотрѣла на него, еще больше блѣднѣя, безсильная отвратить то, что она предвидѣла.

— Джэкобъ Делафильдъ влюбленъ въ тебя — тебѣ надо выйти за него замужъ, непремѣнно надо!

Вся комната поплыла передъ ея глазами. Она видѣла ясно только лицо больного, его покраснѣвшія губы и щеки, настойчивый ясный взглядъ и красивый лобъ съ короной сѣдыхъ кудрей.

Жюли призвала на помощь все свое самообладаніе и стала торопливо объяснять ему, что онъ ошибается, совершенно ошибается. Мистеръ Делафильдъ, дѣйствительно, дѣлалъ ей предложеніе, но помимо того, что она сама не хочетъ идти за него замужъ, она имѣетъ основаніе думать, что его чувства къ ней совершенно измѣнились. Онъ и не любитъ ея, и мнѣнія о ней невысокаго.

Лордъ Лэкинтонъ слушалъ ее терпѣливо, но съ упорнымъ недовѣріемъ, и, наконецъ, прервалъ ее.

— Ты сама себя въ этомъ увѣрила, но это неправда. Делафильдъ преданъ тебѣ, я знаю!

Онъ ласково и властно кивнулъ ей головой и, прежде чѣмъ она успѣла найти слова для отвѣта, продолжалъ:

— Онъ можетъ дать тебѣ высокое положеніе въ свѣтѣ. Намъ аристократамъ-англичанамъ, все-таки живется недурно.

Проблескъ юмора блеснулъ въ его взглядѣ; онъ коснулся ея руки.

— Милая Жюли, почему ты не хочешь?

— Если бы вы спросили его, — съ отчаяніемъ воскликнула она,— онъ сказалъ бы вамъ то же, что я!

И въ ея смятенной душѣ мелькнули два сливавшіеся одинъ съ другимъ образа: Уорквортъ, ожидающій ее напрасно на вокзалѣ des Sceaux, и мучительный укоръ во взорѣ Делафильда, когда онъ прощался съ нею на зарѣ этого страннаго, этого невѣроятнаго дня.

А ея милый болтунъ, дѣдъ съ деспотизмомъ умирающаго, тяжело дыша, прерывающимся голосомъ продолжалъ убѣждать ее — просить, бранить, давать совѣты. Она чувствовала, что онъ истощаетъ свои послѣднія силы, умоляла разрѣшить ей позвать сидѣлку и доктора. Но онъ только качалъ головой, и когда у него уже не хватало голоса, жалъ ея руку и смотрѣлъ ей въ глаза не отрывающимся настойчивымъ, торжественнымъ взглядомъ.

Духъ ея боролся и противился, но оказывался безсильнымъ передъ этой смертельной слабостью, этой любовной заботливостью умирающаго.

У нея мелькнула мысль: почему не исполнить его желаніе? Вѣдь ея обѣты умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ зачѣмъ же противиться, когда такъ жестоко отказывать ему въ словахъ—въ пустомъ обѣщаніи.

— Я... я сдѣлаю все, что вы хотите!—сказала она и вдругъ раз-

рыдалась, припавъ головой къ подушкѣ.—Конечно, если онъ еще разъ попроситъ моей руки—ради васъ—я подумаю. Милый, дорогой, вы довольны?

Лордъ Лэкинтонъ съ минуту помолчалъ, потомъ улыбнулся.

— Это обѣщаніе?

Жюли приподнялась и посмотрѣла на него; сердце ея болѣзненно сжалось. Онъ ждалъ ея отвѣта, слабо сжимая ея руку.

— Да,—выговорила она едва слышно, и опять спрятала лицо въ подушку.

Нѣкоторое время умирающій лежалъ, не шевелясь и не говоря ни слова.

Наконецъ Жюли разслышала:

— Я прежде боялся смерти, пока не наступила старость. Какъ я мучился по ночамъ!.. Но теперь—вотъ ужъ много лѣтъ—совсѣмъ не боюсь... Байронъ—лордъ Байронъ — говорилъ мнѣ однажды, что не хотѣлъ бы ничего измѣнить въ своей жизни, но предпочелъ бы совсѣмъ не жить. Я не могу сказать этого о себѣ. Я насладился жизнью. Богатство, знатность, картины, политика, общество—у меня было все! Можетъ быть, это нехорошо. На свѣтѣ столько бѣдняковъ!

Жюли прижала его руку къ губамъ. Но въ ея памяти вдругъ встала картина смерти ея матери. Какой горькій стоицизмъ тамъ — какое спокойствіе и самодовольство здѣсь.

Но въ этомъ самодовольствѣ было много доброты. Онъ поспѣшилъ увѣрить ее, что она будетъ обезпечена. — Юрдэль и Билль возьмутъ это на себя. Они славные. Частенько они считали меня немножко полоумнымъ; но всегда были добры ко мнѣ!

Онъ опять помолчалъ, затѣмъ приподнялся въ постели съ такой силой, какой она не ожидала отъ него, посмотрѣлъ на нее и шопотомъ спросилъ, вѣритъ ли она въ будущую жизнь.

— Да,—сказала Жюли. Но уклончивый, небрежный тонъ ея отвѣта видимо весьма огорчилъ его. Онъ нахмурился.

— Ты должна вѣрить. Намъ слѣдуетъ вѣрить.

— Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь свидѣться снова съ вами и мамой,—сказала она, улыбаясь ему сквозь слезы.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какова она будетъ,—прошепталъ онъ, потомъ сдѣлалъ ей знакъ приблизиться и шепнулъ ей на ухо:

— Твоя бѣдная мать, Жюли, никогда не была счастлива—никогда. Видишь ли, законы церкви и религіозные обряды, все это необходимо. Ужъ такъ мы скверно устроены! Моя жена, умирая, взяла съ меня слово, что я буду ходить въ церковь и молиться. И знаешь ли, безъ этого я былъ бы дурнымъ человѣкомъ. Это не мѣшало мнѣ быть иногда скептикомъ, ничуть! Твои бѣдные родители возстали противъ всего этого. И они страдали, страдали... Но ты благородная женщина, ты все искупишь!..

Онъ положилъ руку ей на голову. Она ничего не говорила, но мысленно переживала все происшедшее въ послѣдніе дни.

Еслибъ не странный случай, благодаря которому Делафильдъ сталъ на ея пути, — этотъ случай такъ и остался для нея непонятнымъ, — гдѣ бы она была теперь? Что было бы съ ней? Опозоренная, быть можетъ, съ постыдной тайной, которую нужно всю жизнь скрывать отъ людей, оторванная, какъ ея мать, отъ всего, что живетъ открыто въ предѣлахъ законности...

Прикосновеніе старческой руки къ ея головѣ пробудило въ ней первый проблескъ реакціи, первое сомнѣніе въ себѣ, въ томъ порывѣ, который привелъ ее въ Парижъ. Оставшись одна послѣ ухода Делафильда, она поспѣшила излить свою душу въ несвязномъ, страстномъ письмѣ къ Уоркворту. Въ тѣ минуты, когда она писала его, она не сомнѣвалась въ томъ, что любовь все оправдываетъ.

Но здѣсь, подъ ледянымъ дыханіемъ смерти, оглядываясь назадъ, на трагедію жизни своей матери, она содрогнулась передъ тѣмъ, что хотѣла сдѣлать. Ея гордость не хотѣла признать, что она запятнала себя, внушала ей ненависть и презрѣніе къ своему избавителю. Но изъ глубины души поднималось другое, прирожденное чувство, наслѣдіе дальнихъ предковъ... Ей вдругъ стало страшно, какъ бы не упала завѣса, скрывающая ея истинное *я* отъ этого старика, въ которомъ накопилось столько неподозрѣваемой нѣжности къ ней. Но черезъ минуту она уже сама возмутилась противъ своего страха. Неужели же она такъ слаба, что раскается и будетъ въ концѣ концовъ благодарна Джэкобу Делафильду? Сердце ея протестовало и съ тоской рвалось къ Уоркворту.

Поглощенная своими мыслями, она не замѣтила, какъ долго длится молчаніе.

— Онъ, кажется, уснулъ,—сказалъ возлѣ нея тихій голосъ.

Жюли обернулась и увидѣла доктора, а рядомъ съ нимъ лорда Юрдэля. Она тихонько сняла руку умирающаго съ своей, поцѣловала его въ лобъ и поднялась на ноги.

Больной вдругъ открылъ глаза и, словно только теперь замѣтивъ стоявшихъ возлѣ него, опять приподнялся на подушкахъ. Черты его вдругъ оживились.

— Броугэмъ не приглашенъ!—выговорилъ онъ съ удивленіемъ.— Это не шутка?

Сынъ и докторъ переглянулись между собой. Лордъ Юрдэль подошелъ къ постели.

— Куда не приглашенъ, отецъ?

— На балъ во дворцѣ, конечно. Какъ странно!

Начинался бредъ.

Провожая Жюли внизъ, въ швейцарскую, лордъ Юрдэль сказалъ ей:

— Фостеръ думаетъ, что онъ можетъ прожить еще сутки.

— Если онъ опять спроситъ меня,—сказала Жюли, снова закрывая лицо густой черной вуалью,—вы пришлете за мной?

Онъ серьезно наклонилъ голову, но когда онъ заговорилъ, тонъ его былъ оффиціальный, словно онъ невольно дѣлалъ разницу между нею и своими законными родственниками.

— Какая жалость, что моя сестра, леди Бланшъ, и дочь ея не могутъ пріѣхать.

— Онѣ въ Италіи?

— Во Флоренціи. Моя племянница заболѣла дифтеритомъ. Она не можетъ ѣхать, и сестра не можетъ оставить ее.

Въ швейцарской онъ остановился и выговорилъ тихо, не безъ смущенія.

— Отецъ, вѣроятно, сообщилъ вамъ, что онъ сдѣлалъ приписку къ своему завѣщанію?

Жюли отшатнулась.

— Я не просила его объ этомъ и не желаю этого.

— Вполнѣ понимаю васъ. Но не можете же вы огорчить его отказомъ.

— Нѣтъ. Но впослѣдствіи я буду свободна поступить, какъ мнѣ вздумается.

— Мы не можемъ взять того, что намъ не принадлежитъ,—возразилъ онъ почти рѣзко.—Братъ и я назначены вашими опекунами. Повѣрьте, мы сдѣлаемъ все по совѣсти.

Изъ библіотеки вышелъ младшій братъ проститься съ Жюли. Она чувствовала себя предметомъ критическаго наблюденія, хотя въ сѣрыхъ глазахъ обоихъ братьевъ нельзя было прочесть и тѣни любопытства. На помощь ей пришла гордость, и она не стала уклоняться отъ бесѣды, которой, видимо, желали оба брата. Усадивъ Жюли въ карету, братья вернулись въ швейцарскую, и младшій сказалъ старшему:

— Она умѣетъ держать себя, Джонни! И они переглянулись, заложивъ руки въ карманы, потомъ каждый слегка кивнулъ головой,— словно авгуры, принимая въ свою семью этого новаго непредвидѣннаго члена.

— Да, у нея прекрасныя манеры,—сказалъ Юрдэль.—Положительно, въ виду сказокъ, распространяемыхъ леди Генри, это говоритъ въ ея пользу.

— Леди Генри всегда была злюка. Это-то ерунда.

Братья Чантрей не принадлежали къ кругу habitués леди Генри. Для нея они были скучными сыновьями милаго отца. Они знали это, и сами надъ этимъ трунили, но въ душѣ немножко сердились на нее.

— Да,—сказалъ Юрдэль, наморщивъ лобъ.—Но какъ же насчетъ «дѣла Уорквортa»? Если правда то, что разсказываютъ, это чертовски непріятно.

Билль Чантрей свистнулъ.

— Не везетъ бѣдняжкѣ Эйлинъ! И надо же было, чтобы ея соперницей оказалась ея собственная кузина. Кстати,—онъ наклонился къ столу, на которомъ разложены были письма,—здѣсь есть письмо отцу отъ Бланшъ. Я сегодня тоже получилъ отъ нея письмо, гдѣ она пишетъ, что все разсказала папашѣ. Она говоритъ, что Эйлинъ слишкомъ больна, чтобы ей перечить, и проситъ отца поговорить съ опекунами. Я думаю, Джонни, что намъ теперь не слѣдуетъ безпокоить этимъ папашу?

Онъ взглянулъ на брата.

— Конечно, нѣтъ, со вздохомъ сказалъ Юрдэль.—Я видѣлъ вчера одного изъ опекуновъ, Эндервуда. Онъ говоритъ, что Бланшъ и малютка еще больше прежняго влюблены въ него. Очень возможно, что все это сплетни и ложь. А если и нѣтъ, я надѣюсь, что у этой госпожи хватитъ такта прекратить разговоры. Отецъ поручилъ мнѣ написать Бланшъ и разсказать ей всю исторію бѣдной Розы и этой новоявленной племянницы. Бланшъ, повидимому, тоже ничего не знала, какъ и мы.

— Если сплетни дойдутъ до нея, не знаю, обрадуется ли она такой племянницѣ! Ну да ничего! Я вѣрю въ силу денегъ. Это звучитъ некрасиво, но если дѣвочкѣ такъ ужъ хочется его, надо ей это устроить. Кстати, онъ теперь въ Африкѣ, пробудетъ тамъ по крайней мѣрѣ годъ, за это время миссъ ле-Бретонъ успѣетъ забыть его. Нельзя сказать, чтобы они оба были особенно деликатны. Впрочемъ, можетъ быть, она ничего не знала объ Эйлинъ,—это весьма возможно.

— Ну, только меня не проси позондировать ее.—сказалъ Юрдэль. Она горда, какъ императрица.

Билль повелъ плечами.—И въ тоже время, клянусь св. Георгіемъ, у нея такое лицо, какъ будто она очень и очень способна влюбиться. Какіе великолѣпные глаза! Я намѣренъ присмотриться поближе къ нашей новой племянницѣ.

Въ эту минуту его окликнули. Съ лѣстницы быстро спускался докторъ.

— Его сіятельство кого-то зоветъ, но я не могу разобрать имени. Онъ очень возбужденъ.

Братья поспѣшили наверхъ.

Въ этотъ день Джэкобъ Делафильдъ долго бродилъ по Сентъ-Джемскому парку, по временамъ присаживаясь отдохнуть и своей задумчивостью обращая на себя вниманіе прохожихъ. Подъ вечеръ онъ, все также углубленный въ свои мысли, ничего не видя вокругъ, вернулся домой и здѣсь нашелъ письмо, которое поспѣшилъ вскрыть.

«Милый Джэкобъ, Жюли вернулась сегодня домой около часу. Я ждала ее; сначала она показалась мнѣ совсѣмъ спокойной. Но вдругъ, когда мы сидѣли и разговаривали, она ни съ того ни съ сего упала

въ обморокъ, и я страшно перепугалась. Сейчасъ же послала за докторомъ. Онъ только головой качаетъ и находитъ всѣ признаки физическаго и мозгового переутомленія. Не удивительно! — бѣдненькая Жюли! О, какъ я ненавижу нѣкоторыхъ людей! Теперь она слегла, madame Борнье нѣтъ, и никого нѣтъ возлѣ нея. Я прямо не могу уѣхать въ Шотландію. На кого же я ее оставлю? А Берти съ ума сходитъ. Джэкобъ, миленькій, подите вы, пообѣдайте съ нимъ сегодня и утѣшьте его. Онъ клянется, что не поѣдетъ въ Шотландію безъ меня. Можетъ быть, я смогу уѣхать завтра. Сегодня же бросить Жюли мнѣ прямо таки невозможно.

«Она проболѣетъ, можетъ быть, нѣсколько недѣль. Въ сущности слѣдовало бы увезти ее заграницу. Она ужасно мила и добра, но, о Джэкобъ! Я чувствую, что сердце ея разбито. И это не изъ-за лорда Лэкинтона, о нѣтъ!—хотя я увѣрена, что она любитъ его. Будьте милымъ, подите къ Берти!»

— Ну, ужъ это дудки!—сказалъ Делафильдъ со смѣхомъ, застрявшимъ у него въ горлѣ, и бросилъ письмо.

Онъ попробовалъ было отвѣтить, но не могъ связать и двухъ фразъ. Потомъ сталъ ходить по комнатѣ и шагалъ изъ угла въ уголъ, пока въ изнеможеніи не упалъ въ кресло, совершенно истощенный безсонной ночью и мучительнымъ днемъ. Когда пришелъ лакей подать ему одѣться, онъ нашелъ своего господина крѣпко спящимъ, и герцогъ въ Кроуборо-гоузѣ обѣдалъ одинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОМЕТЫ ВЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ кометы пользовались исключительнымъ вниманіемъ. Различныя внѣшнія особенности являются причиной этого. Въ общемъ случаѣ комета—совершенно случайная нежданная, негаданная гостья на нашемъ небѣ. Богъ знаетъ, откуда она явилась, откуда пришла. Погоритъ она нѣсколько дней, недѣль и опять скроется навсегда. При этомъ видъ ея тоже необычный. Какая-то округлая туманная масса, сравнительно большихъ размѣровъ (такъ называемая голова), а за нею длинный придатокъ—хвостъ, какъ бы пучокъ волосъ, откуда пошло и самое названіе свѣтила—*волосатая* звѣзда, по-гречески комета (κομήτης ἀστὴρ)! И все это подвержено измѣненіямъ. Хвостъ растетъ и потомъ уменьшается, онъ можетъ измѣнять и свою общую форму, вмѣсто изогнутаго рогомъ, на нѣкоторое время дѣлается, напримѣръ, болѣе прямымъ. Онъ тянется иногда на огромное число градусовъ по небу, покрывая собой звѣзды, но не затемняя ихъ. Комета движется по небу, переходя отъ одной звѣзды къ другой. Часто ея перемѣщенія громадны...

Все это импонируетъ наблюдателю. Откуда появилось это страшное свѣтило? Куда оно несется? Зачѣмъ показалось оно? Не предвѣщаетъ ли оно своимъ страшнымъ видомъ чего-либо ужаснаго? невольно спрашиваетъ себя смертный, пораженный удивительнымъ зрѣлищемъ на небѣ. И онъ пытается какъ-нибудь отвѣтить на эти вопросы.

Изъ народовъ сѣдой старины наиболѣе интересовались кометами халдеи и китайцы. У первыхъ мы находимъ два воззрѣнія. Одни считаютъ кометы явленіями атмосферными, своего рода вихрями, высокими ураганами, другіе, наоборотъ, относятъ ихъ къ числу планетъ—свѣтилъ движущихся, допуская, что онѣ лишь только на нѣкоторое время уходятъ въ глубину небеснаго пространства, а потомъ вновь возвращаются.

Китайцы были слишкомъ наивны въ своихъ воззрѣніяхъ на отношенія небесныхъ свѣтилъ другъ къ другу, но они аккуратно записывали все, что поражало, что особенно интересовало ихъ, и этимъ они оказали наукѣ громадную услугу. Имъ мы обязаны болѣе, чѣмъ кому-

либо другому, и нашими свѣдѣніями о кометахъ. Ихъ записи идутъ изъ глубокой древности.

«За три дня до кончины Маѳусалема появилась комета въ знакѣ Рыбъ надъ планетой Юпитеромъ, въ теченіе мѣсяца или 29 дней она прошла 12 знаковъ Зодіака, исчезла 16-го апрѣля». Вотъ древнѣйшая изъ кометъ, о которой упоминается въ исторіи. Свѣдѣнія о ней даются въ довольно опредѣленной формѣ, но имъ, конечно, нельзя приписывать точнаго значенія. Комета оказывается древнѣе потопа.

Въ 2196 году до Рожд. Хр., по китайскимъ лѣтописямъ, была другая комета, съ которой и начинается уже довольно опредѣленный рядъ. Китайскій астрономъ Ма-Туанъ-Линъ собралъ всѣ наблюденія до 1222 г. нашей эры.

Пингре, воспользовавшись переводомъ этого труда, сдѣланнымъ де-Гинемъ, включилъ весь матеріалъ въ свой каталогъ. Въ новѣйшее время Вильямсъ сопоставилъ китайскія наблюденія кометъ, начиная съ 611 года до Рожд. Хр. и кончая 1640 г. по Рожд. Хр. Оказалось, 372 кометы зарегистрированы и описаны китайцами за этотъ періодъ времени.

Оба воззрѣнія халдеевъ на кометы, только въ нѣсколько измѣненной формѣ, находимъ мы и у грековъ, они повторяются даже въ новой исторіи до начала XVIII-го вѣка.

Пиѳагоръ училъ, что кометы подобны планетамъ, онѣ движутся по неизмѣннымъ путямъ, въ ближайшихъ частяхъ которыхъ являются доступными наблюденію, а на отдаленныхъ остаются невидимыми. Къ сожалѣнію, это ученіе было не больше, какъ догадка, ни на чемъ не основанная. Потому вмѣстѣ съ нимъ возможны были и другія предположенія. Демокритъ повторилъ гипотезу Анаксагора о млечномъ пути. Анаксагоръ считалъ млечный путь состоящимъ изъ массы мелкихъ звѣздъ, подобно этому и кометы, думалъ Демокритъ, могутъ представлять собой собраніе нѣсколькихъ планетъ, случайно встрѣтившихся.

Аристотель рѣшительно стоялъ за атмосферное происхожденіе кометъ. Онъ думалъ, что испаренія поднимаются съ земли на большую высоту, тамъ они сгущаются и воспламеняются.

Особенно ревностными поборниками идеи, что кометы суть свѣтила, движущіяся по своимъ орбитамъ, подобно планетамъ, являются Аполлонъ Миндій, изучавшій астрономію у халдеевъ, а потомъ Сенека въ Римѣ. Послѣдній съ увѣренностью говорилъ: «Придетъ время, когда наши потомки будутъ удивляться, что мы не знали такихъ простыхъ вещей». Онъ отмѣчаетъ также важную особенность строенія кометъ, которая имѣетъ существенное значеніе для теоріи кометныхъ явленій: «Comae radios solis effugiunt». Хвосты кометъ бѣгутъ отъ солнечныхъ лучей, говоритъ онъ. Другими словами, хвостъ кометы всегда откинутъ въ сторону, противоположную солнцу.

Но мнѣніе Аристотеля все-таки нашло больше послѣдователей. Оно явилось господствующимъ. Въ средніе вѣка ничего не хотѣли знать, чего не было у Аристотеля. Поклоненіе авторитету Аристотеля продолжается и позднѣе. Когда іезуитъ Шейнеръ въ мартѣ 1611 года усмотрѣлъ на дискѣ солнца пятна, его церковный начальникъ посовѣтовалъ ему не вѣрить собственнымъ глазамъ, разъ наблюденіе противорѣчитъ авторитету Аристотеля. Относительно кометъ распространяются только одни суевѣрія, ведущія свое начало отъ Плинія. Послѣдній считалъ кометы за особыя предзнаменованія, стараясь по формѣ и цвѣту разгадать ихъ значеніе. Такъ, онъ различалъ кометы съ бородой, кометы въ видѣ меча, диска, бочки, факела и пр. По его мнѣнію, комета—ужасная звѣзда, предвѣщающая кровопролитіе.

Это мнѣніе, эти страхи при неожиданномъ появленіи неизвѣстнаго, страннаго по формѣ и движеніямъ свѣтила оказались очень заразительными, естественными для темнаго невѣжественнаго народа. Чего только ни стали приписывать кометамъ? Онѣ, какъ оракулъ, предсказывали войны, мятежи, междоусобные раздоры, голодъ, чуму и другія эпидеміи, кончину правителя, землетрясенія, свѣтопреставленіе...

Духовенство съ церковной каѳедры грозитъ кометами, ссылаясь на слова пророка Іереміи: «И было слово Господне ко мнѣ: «что видишь ты, Іеремія». Я сказалъ: «вижу жезлъ миндальнаго дерева». Господь отвѣтилъ мнѣ: «это вѣрно, ибо я бодрствую надъ словомъ Моимъ, чтобы Оно скоро исполнилось» (I, 11—12), и совершенно игнорируя другое изреченіе того же пророка: «Такъ говоритъ Господь: «не учитесь путямъ язычниковъ и не страшитесь знаменій небесныхъ, которыхъ язычники страшатся» (X, 2).

Въ 942 году явилась комета и вслѣдъ за ней начала свирѣпствовать страшная чума на скотъ. Очевидно, комета предвѣщала это несчастье.

Въ 1477 году наблюдалась комета и вскорѣ гордый Карлъ Бургундскій былъ убитъ передъ Нантцигомъ.

Когда сіяли кометы въ 1531, 1532, 1533 гг., дьяволъ высиживалъ еретиковъ-анабаптистовъ.

Въ 1667 г. Станиславъ Лубиницкій издалъ «Theatrum cometicum»—каталогъ кометныхъ явленій, подобный тѣмъ, которые выходили и раньше. Онъ дѣлаетъ въ немъ подсчетъ событій, совпадавшихъ съ появленіемъ кометъ, и приходитъ къ заключенію, что комета не приноситъ вообще несчастія, что бояться ея нѣтъ основанія, но все таки и онъ несвободенъ отъ предубѣжденія, что комета имѣетъ вліяніе на жизнь человѣческую. На заглавномъ листѣ его труда нарисована комета съ радугой и рука, въ которой находится пальмовая вѣтвь, а наверху надпись: «bona bonis» (благо добрымъ). На другой сторонѣ наоборотъ молнія и рука съ розгой подъ словами: «mala malis» (горе грѣшнымъ). Своего максимума суевѣрія достигли при появленіи кометы 1680 г., т.-е. въ концѣ XVII вѣка.

Естественно ждать, что и въ нашихъ лѣтописяхъ всякое упоминаніе о кометѣ должно сопровождаться толкованіемъ, на что указываетъ комета, что она предвѣщаетъ. И дѣйствительно, лѣтописецъ, какъ дитя своего времени, отмѣчая появленіе кометы, иногда называетъ ее знаменіемъ Божіимъ, страшнымъ предзнаменованіемъ какого-либо несчастья, но, что весьма интересно, не всегда придаетъ этому какъ будто особенное значеніе, часто не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, но почти всегда даетъ точное цѣнное описаніе наблюдавшагося явленія. Лѣтописецъ и въ этомъ случаѣ остается вѣренъ себѣ. Не мудрствуя лукаво, правдиво, добросовѣстно записывалъ онъ все, что видѣлъ, и русскія лѣтописи поэтому, какъ оказывается, являются богатымъ, цѣннымъ матеріаломъ для исторіи кометъ и другихъ астрономическихъ явленій. Можно пожалѣть только, что онѣ въ этомъ отношеніи остались неиспользованы. Уже по однимъ записямъ русскаго лѣтописца можно было, пожалуй, вывести тѣ общія характерныя особенности кометъ, которыя имѣютъ большое значеніе для построенія теоріи образованія кометныхъ формъ; во многихъ случаяхъ русскія лѣтописи могутъ дать свой голосъ для разъясненія недоразумѣнія относительно той или другой изъ древнихъ кометъ. Въ этомъ отношеніи онѣ могутъ имѣть значеніе и теперь. Я рѣшился поэтому сопоставить все, что находимъ мы о кометахъ въ различныхъ лѣтописяхъ.

Первая комета, о которой упоминаетъ лѣтописецъ, относится къ 6419 г., т.-е. къ 911 г. нашей эры. Въ различныхъ спискахъ лѣтописи Нестора читаемъ: «Въ лѣто 6419 явися звѣзда велика на западѣ, копійнымъ образомъ». Повидимому, это извѣстіе взято непосредственно изъ греческихъ хроникъ, и внѣшній видъ кометы на подобіе копья указанъ прямо по переводу слова ξιφιας. Но въ годѣ есть неточность. Комета наблюдалась въ Византіи въ 912 г. во время царствованія императора Александра (11-го мая 911 г. до 7-го іюня 912). Ошибка на одинъ годъ, конечно, была вполнѣ возможна, такъ какъ хронологія даннаго времени очень сомнительна. Но нѣтъ никакой нужды, какъ дѣлаетъ Шлецеръ, а за нимъ и Карамзинъ, допускать здѣсь ошибку въ 6 лѣтъ, предполагая, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду комету 905 г. Кругъ совершенно резонно замѣчаетъ, что и указаніе на внѣшній видъ кометы должно имѣть въ этомъ случаѣ большое значеніе, такъ какъ для кометы 905 г. византійскіе хроникеры даютъ только время наблюденія, но ничего не говорятъ о ея видѣ. Лѣтописецъ упоминаетъ о кометѣ непосредственно передъ договоромъ Олега съ греками, и относитъ ее ко времени предшествующему самому походу Олега на Царьградъ (907), нѣтъ никакого основанія.

Договоръ состоялся, какъ признается теперь, въ сентябрѣ 911 г. Возможно, что лѣтописецъ упомянулъ о кометѣ раньше, чѣмъ о договорѣ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы не прерывать своего послѣдовательнаго разсказа.

Въ 1061 г. Русь впервые потерпѣла отъ половцевъ и съ этого времени начинается цѣлый рядъ бѣдствій, которымъ предшествовали различныя предзнаменованія. Между прочимъ, въ 1064 г. отмѣчено появленіе кометы: «Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имуща акы кровавы, въсходяща съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дній, се же проявляше не на добро: посемъ бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровипролитье».

И въ этомъ случаѣ возможна небольшая неточность относительно года. По всей вѣроятности, лѣтописецъ указываетъ на блестящую комету 1066 г., время появленія которой приходится за годъ до второго страшнаго нашествія половцевъ (6575 г.). Въ Европѣ эту комету какъ разъ замѣтили на западной части небосклона во второй половинѣ апрѣля. Въ Китаѣ ее видѣли раньше, когда она восходила еще на востокѣ рано утромъ передъ солнцемъ. Комета шла на небѣ съ правой руки къ лѣвой. До 24-го апрѣля она находилась къ западу отъ солнца и восходила раньше его, послѣ она перешла къ востоку отъ него и стала доступна наблюденію уже вечеромъ, на закатѣ солнечномъ. Китайцы указываютъ положеніе кометы, размѣры и направленіе ея хвоста съ большими подробностями, но и у нихъ въ этомъ случаѣ есть неясности и противорѣчія, которыя происходятъ или отъ ошибокъ самыхъ наблюденій, или отъ ошибки при перепискѣ. Тѣмъ болѣе возможна неточность относительно года у нашего лѣтописца. Положеніе кометы на небѣ и время, въ теченіе котораго она была видна, указаны вполнѣ опредѣленно. Но въ данномъ случаѣ лѣтописецъ касается внутренней стороны дѣла, пытается указать на значеніе явленія, какъ дурного предзнаменованія. По поводу этой кометы онъ излагаетъ свой общій взглядъ на различныя чудеса и небесныя явленія. «Се же бываютъ сице знаменья не на добро, мы бо посему разумѣемъ. Якоже древле, при Антіосѣ, въ Іерусалимѣ, случися внезапу по всему граду за 40 дній являтися на вздусѣ на коних рищющимъ, въ оружьи, златы имуща одеждѣ, и полкы обоявляемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахожденье Антіохово на Іерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ цари въ томъ же Іерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ; се же проявляше нахожденье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цари, звѣзды возсія на западѣ, испущающы луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающа дній 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ, яко падаютъ звѣзды, и пакы солнце безъ лучь сіяше; се же проявляше крамолы, недузи, человѣкомъ умертвіе бяше. Пакы же при Мавракіи цари бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и безъ руку; въ чересла бѣ ему рыбій хвостъ приросъ; и песъ родися шестоногъ; въ Африкѣ же 2 дѣтища

родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другый о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ, оттораху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухѣ възміяся повелику. Въ Суріи же бысть трусъ великъ, земли разсѣдшися трій поприщь, изиде дивно изъ землѣ мъска, человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитье языка; еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси ли звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли стеромъ чимъ, не благо бывають: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли граду, ли смерть проявляють».

Согласно Ипатьевской лѣтописи, «въ лѣто 6653 (слѣд. 1145) посла Всеволодъ по братью свою, по Игоря и Святослава, и по Давыдовича по Володимира и Изяслава, и придоша Кіеву; и тогда явися звѣзда превелика на западѣ, испущающи луча . . . . . ».

Эта комета была наблюдаема во многихъ мѣстахъ въ маѣ. Первое наблюденіе относится къ 15-му апрѣля, въ Китаѣ ее замѣтили 27-го апрѣля. 14-го мая комета находилась въ созвѣздіи Оріона, ея хвостъ имѣлъ 10 градусовъ въ длину и направлялся къ сѣверо-востоку. Комета появлялась на западной части небосклона, потомъ къ 9-му іюня она перемѣстилась налѣво внизъ въ созвѣздіе Чаши и пропала изъ глазъ наблюдателей 14-го іюля.

Чрезвычайно скудныя свѣдѣнія даются у Пингре о кометѣ 1223 года. По указанію одной старой французской хроники, онъ говоритъ, что явилась она въ началѣ іюля, какъ предвѣстница смерти короля Филиппа Августа, скончавшагося 14-го іюля 1223 года.

Ее видѣли впродолженіи 8 дней на западѣ въ вечерней зарѣ. О внѣшнемъ видѣ никто не говоритъ ничего. Русскія лѣтописи отдаютъ явленію большое вниманіе. Въ Лаврентіевской лѣтописи тотчасъ послѣ описанія пораженія русскихъ при рѣкѣ Калкѣ (31 мая) читаемъ: «того же лѣта явися звѣзда на западъ, и бѣ отъ нея луча не возракъ человѣкомъ, но яко къ полуденью по двѣ восходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и бѣ величьствомъ паче инѣхъ звѣздъ; и пребысть тако 7 дни, и по 7 дни явися луча та отъ нея ко востоку, пребысть тако 4 дни, и невидима бысть». Въ Новгородской четвертой появленіе кометы отмѣчено 1224 годомъ и поставлено раньше упоминанія о битвѣ при Калкѣ. Но это извѣстіе очевидно заимствованное, передается оно въ общей формѣ съ двойнымъ повтореніемъ обычнаго эпитета кометы: «Явися звѣзда глаголемая докитъ, рекше яко копіе простираемая отъ востока до запада копійнымъ образомъ, и пребысть за 17 дней». Въ Никоновской лѣтописи о кометѣ упоминается два раза. Сначала подъ годомъ 1223, какъ въ Лаврентьевской почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и вмѣстѣ съ тѣми же ужасными особенностями жаркаго лѣта, которыя тамъ перечисляются: «Того же лѣта явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ неа лучи не во зракъ человѣкомъ,

но яко къ полуденью, возъхожаше же съ вечера по заходѣ солнечномъ, и бѣ величествомъ паче инѣхъ всѣхъ звѣздъ, и пробысть такъ до 7 днiй, и по седьмѣмъ дни явишася лучи тѣ къ востоку, и тако пребысть четыре дни, и потомъ невидима бысть». А потомъ подъ годомъ 1225 передъ запоздавшимъ описаніемъ Калкскаго побоища, какъ въ Новгородской лѣтописи: «того же лѣта явися звѣзда, глаголемая копіе, простираема отъ востока до запада кошйнымъ образомъ, и пребысть за седмьнадесять днiй».

Въ Воскресенской лѣтописи то же, что дано въ Лаврентьевской, только съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ выраженій, и наконецъ, въ лѣтописи Авраамки подъ годомъ 1224 упоминается о кометѣ. Здѣсь указывается время года, когда наблюдалась комета, но, повидимому, безъ особеннаго основанія. Годъ тоже мало вѣроятенъ. Разъ сказано, что комета наблюдалась осенью, то понятно, что номеръ года повышенъ, потому что въ сентябрѣ начало новаго года. Но по нашему счету это и будетъ 1223 годъ. Извѣстіе о кометѣ находится непосредственно передъ описаніемъ нашествія татаръ и битвѣ при Калкѣ, о которой почему то было упомянуто еще раньше разъ, подъ годомъ 1223.

Основнымъ источникомъ, во всякомъ случаѣ, является для насъ Лаврентьевская лѣтопись. И какое красивое, полное описаніе находимъ мы въ ней! Комета впродолженіи семи дней появлялась на западѣ вечеромъ по заходѣ солнечномъ, отъ нея поднимались два луча, два хвоста. Очевидно, для историковъ остается непонятнымъ выраженіе «не возракъ». Въ словарѣ И. Срезневскаго на это нѣтъ никакого толкованія, а только выписано мѣсто. Я, конечно, тоже не смѣю рѣшать вопроса, но обращаю вниманіе, что вслѣдъ за словами «не во зракъ человѣкомъ» стоятъ слова: «но яко къ полуденью». Тутъ есть сопоставленіе. Какъ будто бы отмѣчено, что хвостъ стоитъ не прямо, а отклоненъ къ югу какъ разъ такъ, какъ требуетъ правило Сенеки. Замѣчательно, что комета имѣетъ два хвоста—интересная подробность. Комета перемѣщалась. Черезъ 7 дней лучи ея уже оказываются направлены къ востоку и спустя еще 4 дня комета пропадаетъ изъ глазъ наблюдателя. Это чрезвычайно цѣнныяи, нтересныя свѣдѣнія о кометѣ, почти не наблюдавшейся въ другихъ странахъ.

Послѣ этого весьма страннымъ является игнорированіе нашими лѣтописями блестящей кометы 1264 г. Лишь въ прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи мы находимъ замѣчаніе: «Въ лѣто 6772. Явися звѣзда страшная, свѣтящи презъ мѣсяцевъ три, луча ку полудню испущающи; и потомъ бысть великій моръ во скотѣхъ». А комета была дѣйствительно интересная, съ хвостомъ болѣе, чѣмъ въ 90 градусовъ. Когда она восходила на востокѣ, хвостъ, направляясь къ югу, переходилъ черезъ меридіанъ на западъ. Комета, какъ отмѣчено и въ нашей лѣтописи, наблюдалась три мѣсяца: іюль, августъ и сентябрь, при этомъ она шла попятнымъ движеніемъ отъ востока къ западу. Августа

1-го она восходила за два часа передъ солнцемъ, въ двадцатыхъ числахъ сентября передъ зарей она стояла уже въ меридіанѣ. Комету такъ много наблюдали и такъ опредѣленно указывали ея положенія на небѣ, что оказалось возможнымъ съ нѣкоторой долей вѣроятія вычислить ея орбиту.

Возможно, что другое свидѣтельство, которое мы находимъ въ самой Ипатьевской лѣтописи подъ 1265 годомъ: «Въ лѣто 6773. Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы, си же звѣзда нарѣчается власатая; отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ объя вся человѣкы и ужасть, хитреци же смотрѣвше тако рекоша: «оже мятежь великъ будеть въ земли»; но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничтоже»,—являющееся также и у Волынскаго лѣтописца, относится къ той же кометѣ 1264 года, тѣмъ болѣе, что въ Хлѣбниковомъ и Ермолаевомъ варіантахъ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто «въ лѣто 6773» сказано «въ та же лѣта», а слѣдовательно свидѣтельство относится къ предыдущему году.

Но и въ слѣдующемъ 1265 году осенью въ теченіе сентября, октября и ноября наблюдалась также блестящая комета. Къ сожалѣнію, въ западно-европейскихъ хроникахъ о ней больше говорятъ, какъ о предзнаменованіи различныхъ событій, и мало отмѣчаютъ характерныхъ особенностей. Только въ одной итальянской хроникѣ упоминается, что поднималась она послѣ полуночи и сіяла весь остатокъ ночи. Въ теченіе долгаго времени передъ зарей она стояла на томъ мѣстѣ неба, гдѣ бывало солнце въ три часа дня, т.-е. къ западу отъ меридіана.

Совершенно невозможно отнести ни къ этой кометѣ, ни къ сомнительной кометѣ слѣдующаго 1266 года, наблюдавшейся въ августѣ на востокѣ, указаніе, которое находимъ мы въ прибавленіи къ Ипатьевской лѣтописи подъ годомъ 6774 (1266): «Тоей жъ зимы явися звѣзда, а хвостата, по тринадесять нощій». И еще болѣе подробное подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи: «Тоѣ же зимы явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ нея лучь дологъ аки хвостъ къ полуденной странѣ, и бысть нощей 13, и по семъ невидима бысть», и въ Тверской «тоя же зыми явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ неа луча долга, яко хвостъ, къ полудниной странѣ; пребысть нощей 13, и паки не видѣна бысть посемь».

Какъ будто бы здѣсь отмѣчено особое неизвѣстное западу явленіе. Наши лѣтописи опредѣленно говорятъ, что комета наблюдалась зимой, впродолженіи 13 дней, на западѣ и имѣла хвостъ отогнутый къ югу, какъ и нужно по закону направленія кометныхъ хвостовъ.

Въ 1301 году въ сентябрѣ была большая комета, воспѣтая Пахимеромъ даже въ стихахъ. По наблюденіемъ китайскихъ астрономовъ, она прошла по созвѣздіямъ: Рака, Большой Медвѣдицы, Сѣверной Короны, Геркулеса и Стрѣльца, и имѣла сначала хвостъ длиною въ 5 градусовъ, а потомъ въ 10. Но записи западно-европейскихъ

хроникъ даютъ противорѣчивыя и во всякомъ случаѣ неопредѣленныя указанія. Въ нашихъ хроникахъ о кометѣ упоминается три раза и всегда подъ 1302 годомъ (начало новаго года съ сентября). Въ Лаврентьевской лѣтописи: «Того же лѣта, во осенинѣ, явися звѣзда на западѣ, луча имущи яко и хвостъ къ горѣ, къ полуденью лиць». Въ Никоновской: «Того же лѣта бысть знаменіе на небеси: явися звѣзда на западѣ, луча вверхъ испущая яко хвостъ, къ полудню ниць», и въ прибавленіи къ Ипатьевской: «Явися звѣзда страшная, свѣтящи и луча испущающи».

Хотя эти свѣдѣнія кратки, но они весьма правдоподобны и даже опредѣленны, если принять во вниманіе, что записаны они неспеціалистомъ. Комета въ сентябрѣ могла появляться на западѣ и хвостъ ея долженъ былъ бы направляться къ югу.

Въ Никоновской, Новгородской IV-й и въ лѣтописи Авраамки отмѣчено появленіе кометы 1368 года: «Того же лѣта явися звѣзда хвостата». Къ сожалѣнію, никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній о ней нигдѣ больше нѣтъ. По китайскимъ наблюденіямъ комета находилась въ мартѣ мѣсяцѣ около Плеядъ въ сѣверо-западной части горизонта, наблюдалась она въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Страшное Тахтамышево нашествіе предвѣщала комета 1382 года. Новгородская IV-я лѣтопись съ этого продзнаменованія и начинаетъ свое повѣствованіе «О плѣненіи и о прихожденіи Тахтамыша царя, и о московскомъ взятьи». «Бысть нѣкое проявленіе, по многіи нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ предъ раннею зарею, звѣзда нѣкая аки хвостата и якоже копейнымъ образомъ, овогда вечерней зарѣ, овогда же въ утренней, тоже многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тахтамышево на рускую землю, и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны». Почти въ той же редакціи лишь съ выпускомъ главнаго слова: «звѣзда хвостата», это извѣстіе находится и въ лѣтописи Авраамки. Въ Тверской лѣтописи отмѣчено время года, когда появлялась комета: «Той же зыми знаменіе проявляшеся на востокѣ...»

На основаніи свидѣтельства Воскресенской и Никоновской лѣтописей мы должны заключить, что комета была видима впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ зимнихъ, такъ и весеннихъ. Въ Воскресенской въ концѣ 6889 года читаемъ: «Тое же зимы и тоя весны явльшеся нѣкое знаменіе на небеси: на въстоцѣ предъ раннею зарею аки столпъ огненъ и звѣзда копейнымъ образомъ». Почти совершенно то же самое и подъ тѣмъ же годомъ находимъ мы въ Никоновской лѣтописи. Но въ Воскресенской о кометѣ упоминается еще разъ. Подъ годомъ 6890 есть вставка: «О московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земля рускіи», которая начинается такъ же, какъ цитированное выше повѣствованіе Новгородской лѣтописи.

Во всякомъ случаѣ во всѣхъ спискахъ опредѣленно указывается

*

на комету, которая въ теченіе долгаго времени появлялась на востокѣ передъ утренней зарей, повидимому, раньше или позднѣе она находилась на западѣ. Мы имѣемъ указаніе на движеніе кометы, она обошла солнце, являясь сначала съ одной стороны отъ него, потомъ съ другой. Комета была доступна наблюденію впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ западныхъ хроникахъ и даже въ китайскихъ наблюденіяхъ. Въ сопоставленіи Пингре подъ годами 1381, 1382 и 1383 приведено нѣсколько краткихъ отрывочныхъ и неопредѣленныхъ свѣдѣній, повидимому, о нѣсколькихъ кометахъ, среди которыхъ одно только подходитъ къ кометѣ, отмѣченной русскими лѣтописцами. Оно указываетъ на комету, появлявшуюся на западѣ въ теченіе болѣе пятнадцати дней.

Весьма картинно и точно описано во многихъ спискахъ появленіе блестящей первой кометы 1402 года.

Въ Новгородской I-й: «Въ лѣто 6910. Явися знаменіе на небеси, звѣзда хвостата, на западѣ лучь имуще свѣтелъ; и пребысть мѣсяцъ мартъ весь».

Въ Новгородской IV-й подъ тѣмъ же годомъ:

«Въ великое говѣніе, мѣсяца марта явльшеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зорю на западѣ, звѣзда немала аки копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ весь той мѣсяць такъ восходящю. Се же является грѣхъ ради нашихъ...»

Въ Софійской второй: «Въ лѣто 6910, мѣсяца марта, являшеся на западѣ, въ вечерней зарѣ, звѣзда немала копейнымъ образомъ, верху же ея аки луча сіяше; на востоцѣ восходяща, на лѣтнемъ западѣ являшеся по 12 дній».

Въ Псковской I-й дается другой годъ:

«Въ лѣто 6911. Явися звѣзда хвостата на западной странѣ, мѣсяца февраля, а погибе мѣсяца марта въ Вербную суботу».

Въ лѣтописи Авраамки то же, что въ Новгородской I-й.

Въ Воскресенской сообщеніе выдѣлено въ особую рубрику «Знаменіе»: «Въ лѣто 6910, мѣсяца марта, явльшеся, на западѣ, въ вечернюю зорю, звѣзда немала копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, на въстоцѣ въсходяща и на лѣтнемъ западѣ явльшеся, иже видѣхомъ, по 12 дній тако въсходящу и сіающу».

Также и въ Никоновской: «Знаменіе. Тоѣ же зимы въ великое говѣніе, марта мѣсяца, явися знаменіе на западѣ, въ вечерней зари, звѣзда велика зѣло копейнымъ образомъ, верху ея лучь великъ сіаше, обходящи, юже видѣхомъ за дванадесять дній на возстоцѣ возходящу и на западѣ лѣтнемъ въ вечернѣй зарѣ сіающу; се убо прояви звамение, понеже возсташа языци воеватися другъ на друга и т. д.».

Есть о кометѣ и въ «Изборникѣ славянскихъ и русскихъ статей изъ хронографовъ», изд. Попова: «Въ лѣто 6910 явися на небеси зна-

меніе: въ вечернее время на западѣ яко огнь звѣзда копейнымъ образомъ, верху ея лучь сіяя, иже на востоцѣ восходяща и на западѣ являющися».

Эти описанія не представляютъ собою простыхъ повтореній и почти каждое отмѣчаетъ какую-нибудь особую подробность. Сопоставляя ихъ всѣ вмѣстѣ, мы получаемъ довольно много свѣдѣній о кометѣ. Она наблюдалась въ 1402 году въ февралѣ и мартѣ до Вербной субботы по вечерамъ, тотчасъ по заходѣ солнца на западѣ. Комета была очень яркая съ хвостомъ, поднимающимся вверхъ и загнутымъ, какъ указываетъ слово «обходящи». Правда, раньше говорится явилась звѣзда «копейнымъ образомъ». Но послѣднее выраженіе едва ли указываетъ на особенность явленія, а повторено по обычаю, безъ особаго значенія. Всегда почти въ извѣстіяхъ о кометѣ говорится, что явилась она копейнымъ образомъ. Она перемѣщалась. Въ теченіе двѣнадцати дней или нѣсколько больше ее видѣли уже восходящей на востокѣ и въ то время она являлась на западѣ тамъ, гдѣ заходитъ солнце лѣтомъ, т.-е. въ сѣверо-западной части горизонта.

Русскія лѣтописи даютъ подтвержденіе реальности парадоксальнаго явленія, которое обнаруживалось и противорѣчивыми показаніями западно-европейскихъ хроникъ—именно, что комета въ одну и ту же ночь наблюдалась на востокѣ и на западѣ. Наши лѣтописцы очень хорошо говорятъ, что сначала комета наблюдалась въ вечерней зарѣ на западѣ, потомъ она восходила на востокѣ и *являлась* (но не заходила) на западѣ. Повидимому, комета шла обратнымъ движеніемъ (т.-е. слѣва направо) къ солнцу, слѣдуя въ суточномъ движеніи за нимъ, тогда она наблюдалась по вечерамъ на западѣ. Потомъ, когда она приблизилась къ солнцу, голова ея заходила одновременно съ нимъ, но яркій хвостъ поднимался прямо вверхъ въ сѣверо-западной части небосклона. Хвостъ этотъ видѣнъ по вечерамъ въ томъ же мѣстѣ небосклона и тогда, когда комета прошла мимо солнца, когда она очутилась отъ него по правую сторону и восходила вся уже на востокѣ передъ восходомъ солнечнымъ. Такъ было нѣсколько дней (12), говорятъ наши лѣтописи.

Послѣ того, какъ комета прошла мимо солнца, она сдѣлалась настолько яркою, что хвостъ ея на нѣкоторомъ протяженіи былъ замѣтенъ даже днемъ при блескѣ солнца. Цѣлая масса хроникъ отмѣтила появленіе этой кометы, хотя по большей части кратко, многія считаютъ ее предзнаменованіемъ смерти герцога миланскаго Jean-Galeas Visconti. Наблюдалась она и въ Японіи, весною въ двадцатый годъ царствованія Гокоматца. Непонятно только, почему молчатъ о немъ китайскіе источники.

Очень интересныя и цѣнныя свѣдѣнія даютъ наши лѣтописи о двухъ кометахъ, наблюдавшихся зимой 1471—1472 гг.

Подъ годомъ 6980 въ Новгородской IV-й: «Тое же зимы, по Рож-

дествѣ Христовѣ, явися звѣзда велика, а отъ нея лучь долгъ, велми толстъ и свѣтелъ, свѣтлѣе самые звѣзды; а восхождаше о 6-мъ часѣ нощи, съ лѣтнего всхода солнечнаго грядяще къ западу къ лѣтнему же, а лучь отъ нея впреди идяше, а конець лучя того аки птичь хвостъ распростертъ. Того же мѣсяца генваря явися звѣзда хвостата надъ лѣтнимъ западомъ, хвостъ же ея тонокъ, и недобрѣ дологъ, вверхъ къ той звѣздѣ концомъ; а первые звѣздѣ лучь темные, но первая звѣзда за 3 часа до всхода солнечнаго на коемъ мѣстѣ ставилася, а та звѣзда другая по захоженіи солнца толко же часовъ, а о томъ же мѣстѣ явися». Тоже въ Псковской I-ой 6980 годъ начинается словами: «Въ лѣто 6980. Тогда явися звѣзда на небесѣхъ съ хвостомъ», но это извѣстіе обрывается и дальше слѣдуетъ пустое мѣсто. Ниже послѣ указанія на назначеніе архіепископа Ѳеофила говорится уже о второй кометѣ: «Того же мѣсяца генваря явися на небеси звѣзда хвостатая, и была генварь мѣсяць весь да съ недѣлю была февраля, и изгибла; а шествіе той звѣздѣ предивно велми, а овогда бо преди власи ея, а овогда назади, а шествіе творяше не по обычаю инѣхъ звѣздъ, а може хотяше тудѣ шествіе творяше, овогда къ полудню, овогда къ полунощію, а видѣніе ея блѣдовидно, такоже и власы ея овогда мали, овогда велицы отъ нея; тѣмбо по всѣмъ странамъ ея не всей Руси, и въ нѣмцѣхъ видѣвше».

Въ Псковской II-ой подъ годомъ 6980 стоитъ только одно извѣстіе: «Явися на небесѣхъ звѣзда, и протяже, отъ себе испусти свѣтлы луча аки хвостъ».

Въ Софійской I-ой упомянуто кратко: «Въ лѣто 6980. Явися звѣзда на небеси съ хвостомъ».

Но въ Софійской II-ой опредѣленно указывается направленія хвостовъ обѣихъ кометъ: «Тое же зимы явися на небеси звѣзда копейнымъ образомъ, юже зовяху человѣци хвостата, на востоцѣ, простираема луча отъ нея на западъ, бывши дни многи погибе; и другая явися на западѣ, простирая луча на востокъ».

Въ Прибавленіи къ Ипатьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6980. Явися звѣзда страшная, луча испущающа, презъ два мѣсяца; посемъ многа зла быша въ землѣ, гладъ, моръ и брани».

Въ Воскресенской приблизительно то же, что имѣемъ въ Новгородской IV-ой, съ интереснымъ дополненіемъ относительно суточнаго движенія второй кометы: «*Знаменіе.* Того же (6980) мѣсяца декабря, по Рожествѣ Христовѣ, явися на небеси звѣзда велика, а лучь отъ неа дологъ велми, тлъстъ, свѣтелъ, свѣтлѣе самое звѣзды, а въсхожаше о 6-мъ часѣ нощи съ лѣтнего въсхода солнечнаго, и идяше къ западу лѣтнему же, а лучь отъ неа впредь протяжеся, а конець луча того, аки хвостъ великіа птицы, распростреся. *Знаменіе же.* Мѣсяца того же генваря, по Крещеніи, другая звѣзда явися хвостата надъ лѣтнымъ западомъ; хвостъ же ея тонокъ, а не добрѣ дологъ, а пер-

вые звѣзды луча темнѣе, но первая звѣзда за 3 часы до въсхода солнечнаго на кое мѣсто приходила, а сіи другаа по захожденіи солнца 3 часы на томъ же мѣстѣ являшеся да къ западу же идяше». И, наконецъ, въ Никоновской, также какъ въ Воскресенской, подъ рубрикой «О звѣздѣ».

Нельзя не подивиться добросовѣстности, съ которой описывали лѣтописцы наблюдавшіяся явленія. Очевидно, они интересовались ими непосредственно. Лишь одинъ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить, что вслѣдъ за кометой явилось много зла на землѣ. Остальные имѣютъ въ виду только самыя кометы. И какую интересную и полную картину рисуютъ они! Въ концѣ декабря 1471 года по Рождествѣ Христовѣ начала появляться въ шестомъ часу ночи въ сѣверо-восточной части небосклона (лѣтній восходъ солнца) большая комета, которая въ своемъ суточномъ движеніи направлялась къ сѣверо-западу туда, гдѣ заходитъ лѣтомъ солнце. Впереди, т.-е. къ западу отъ нея, поднимался лучъ, какъ хвостъ огромной птицы, длинный, широкій, свѣтлый, свѣтлѣе головы. Въ январѣ, послѣ Крещенія показалась другая комета, которая наблюдалась на противоположной сторонѣ, на западѣ или, лучше, на сѣверо-западѣ. Она много уступала по величинѣ первой, ея хвостъ тоньше, короче и темнѣе. Онъ поднимается вверхъ къ востоку. И что особенно интересно въ описаніи лѣтописца, вторая комета три часа спустя послѣ захода солнечнаго находится на томъ же мѣстѣ неба, гдѣ первая стоитъ за три часа до восхода солнца. Жаль, конечно, что не указано точнѣе, къ какому приблизительно числу относится такое расположеніе кометъ, но вѣроятнѣе къ первымъ днямъ видимости второй кометы, когда она при наличности первой должна была оставлять большее впечатлѣніе. Эта вторая комета, очевидно, перемѣщалась на небѣ прямымъ движеніемъ отъ запада къ востоку.

Въ суточномъ движеніи она, конечно, опускалась на западѣ все ниже и ниже, идя впередъ головой, но между звѣздами она шла въ противоположномъ направленіи (прямомъ), впередъ хвостомъ, что повидимому, и отмѣчаетъ съ удивленіемъ псковскій лѣтописецъ. При этомъ, конечно, долженъ былъ измѣняться и хвостъ кометы. Сначала онъ былъ больше, можетъ быть даже нѣкоторое время возрасталъ, но потомъ, съ удаленіемъ кометы отъ солнца постепенно уменьшался.

Первая комета наблюдалась много дней (Софійская II-ая), какъ отмѣчаетъ Ипатьевская лѣтопись, впродолженіи двухъ мѣсяцевъ.

Вторая, по свидѣтельству псковскаго лѣтописца, оставалась видима весь январь и одну недѣлю февраля.

Вотъ какія богатыя подробности о двухъ кометахъ 1471—1472 г. передаютъ наши лѣтописи. Ничего подобнаго не находимъ въ западно-европейскихъ хроникахъ. Правда, Регіомонтанъ, оставилъ довольно точныя указанія о движеніи первой кометы по небу, по кото-

рымъ послѣ была вычислена Галлеемъ ея орбита, но Регіомонтанъ былъ астрономъ, въ общихъ же хроникахъ имѣются только краткія, мало опредѣленныя упоминанія. Относительно же второй кометы было даже сомнѣніе, дѣйствительно ли она существовала. Хотя нѣкоторые историки и отмѣтили ея появленіе, но время указываютъ различное: январь, мартъ, даже май, и не выясняютъ ея отношенія къ первой. Одинъ историкъ заставляетъ вторую комету идти по небу какъ разъ такъ, какъ должна была перемѣщаться первая.

Свидѣтельства нашихъ лѣтописей въ этомъ случаѣ являются, дѣйствительно, очень цѣнными.

Одиноко стоитъ указаніе псковскаго лѣтописца на комету въ 1520 году. «Въ лѣто 7028. Бысть знаменіе на небеси: явися на сѣверѣ звѣзда хвостата и свѣтла». Или въ другомъ варіантѣ: «Явися на небеси звѣзда хвостатая; сія бо знаменія являются не на добро, но на зло, или на моръ, или на разратіе, или на гладъ» (Псковская I-ая). Въ Софійской I-ой изъ этой послѣдней записи уцѣлѣло только четыре слова: «Явися... или на гладъ».

Трудно сказать, дѣйствительно ли отмѣчаетъ въ данномъ случаѣ лѣтописецъ комету. Въ западно-европейскихъ хроникахъ есть тоже одно указаніе на комету 1520, но возможно, что наблюдатель назвалъ кометой метеоръ, пролетѣвшій по небу.

Карамзинъ въ своей «Исторіи госуд. Россійскаго» утверждаетъ, что упомянутыя выше кометы 1531, 1532 и 1533 годовъ приводили во всей Россіи народъ въ ужасъ. Но лѣтописи не подчеркиваютъ этого ужаса. Согласно выпискамъ Карамзина изъ Архив. лѣтописи: «Въ лѣто 1531 явися звѣзда великая надъ лѣтнимъ восходомъ солнечнымъ по многія заутреннія; лучи отъ нея сіяша велики, и вверхъ идяше не по обычному теченію на полунощную страну, и послѣ являшеся на вечерней зарѣ червленнымъ образомъ надъ лѣтнимъ западомъ»... «Октября (1532) явися звѣзда за два часа до свѣта надъ зимнимъ восходомъ; лучь сіяше отъ нея великъ на полдни; являшеся на единомъ мѣстѣ отъ 1-го дни октября до 9-го ноября»... «Іюля (1533) являшеся звѣзда отъ 4 часъ нощи надъ западомъ, а лучь отъ нея дологъ и широкъ на зимній востокъ по многія нощи». Въ Ростовской лѣтописи сказано, что эта комета показывалась дней 30 и болѣе.

Въ Воскресенской лѣтописи и въ лѣтописи по Никонову списку изд. академіи наукъ 1790 г. объ этихъ трехъ кометахъ находимъ еще нѣкоторыя дополнительныя подробности, а также въ Прибавленіи къ «Софійскому Временнику» изд. П. Строева (1820 г.).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, комета 1531 года появлялась въ августѣ въ теченіе многихъ дней по утрамъ въ утреннія зори на востокѣ, тамъ, гдѣ восходитъ солнце лѣтомъ, т.-е. въ сѣверо-восточной части небосклона, и хвостъ ея направлялся кверху. Комета шла не по обычному теченію свѣтилъ въ ихъ су-

точномъ движеніи, съ востока на западъ, а перемѣщалась отъ дня ко дню все дальше и дальше на сѣверъ, а потомъ стала появляться въ сѣверо-западной части небосклона, по вечерамъ тотчасъ по закатѣ солнечномъ, имѣя въ своемъ блескѣ красноватый оттѣнокъ, и хвостъ ея попрежнему былъ направленъ кверху.

Это была знаменитая періодическая комета Галлея въ одномъ изъ своихъ появленій. Наиболѣе точныя наблюденія ея того времени, послужившія для вычисленія орбиты, принадлежатъ астроному императоровъ Карла V-го и Фердинанда I-го—Апіану. Но этотъ наблюдатель даетъ положенія кометы только съ 13-го августа, когда комета уже появляется на западѣ. Въ своихъ наблюденіяхъ онъ указываетъ на интересный и очень важный фактъ—хвостъ кометы всегда обращенъ въ сторону, противоположную солнцу, но русскіе лѣтописцы и раньше, какъ было отмѣчено уже много разъ, констатировали такое расположеніе кометныхъ хвостовъ, хотя, быть можетъ, и не придавали ему особеннаго значенія.

Многіе наблюдатели не поняли, что кометы, наблюдавшіяся въ 1531 году на востокѣ и западѣ, представляютъ собой одно свѣтило. Существовало подозрѣніе, что осенью 1531 г. наблюдалось двѣ кометы, тѣмъ болѣе, что итальянскій астрономъ, врачъ по профессіи, Фракасторо оставилъ описаніе кометы, наблюдавшейся въ сентябрѣ, сначала утромъ, потомъ вечеромъ на западѣ. Въ его описаніе очевидно, вкралась ошибка, вездѣ приходится поставить «августъ», гдѣ стоитъ сентябрь.

Комета Галлея была признана періодической послѣ появленія въ 1682 году, когда Галлей, другъ Ньютона, вычислилъ по формуламъ послѣдняго орбиту этой кометы, сопоставивъ ее съ орбитами кометъ, наблюдавшихся раньше. Онъ съ удивленіемъ констатировалъ сходство элементовъ, т.-е. величинъ, опредѣляющихъ положеніе и размѣры орбиты, этой кометы съ элементами кометъ 1607 и 1531 гг. У него явилось предположеніе, что это одна и та же комета, возвращающаяся къ солнцу періодически черезъ 75—76 лѣтъ, онъ вводитъ такимъ образомъ новую идею, новый взглядъ на кометы, которыя, оказывается, могутъ быть не только случайными гостями въ нашей солнечной системѣ, но также и членами ея, обращаясь около солнца по опредѣленнымъ замкнутымъ орбитамъ, какъ планеты. Слѣдующее возвращеніе кометы въ 1758 году, предвычисленное французскимъ астрономомъ Клеро вмѣстѣ съ г-жей Лепотъ, послужило блестящимъ доказательствомъ справедливости закона всемірнаго тяготѣнія, открытаго Ньютономъ. Въ 1835 г. комета вновь оказываетъ наукѣ огромную услугу. Бессель съ большой точностью наблюдалъ истеченія изъ ядра ея при приближеніи къ солнцу. Онъ вычисляетъ скорость этихъ истеченій и силу, съ которой отбрасывались частицы въ хвостъ. Кладется начало теоріи образованія кометныхъ формъ. Скоро ожидается комета опять. Она

должна появиться въ 1910 году. При русскомъ астрономическомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ было организовано особое вычислительное бюро подъ руководствомъ проф. Жданова для вычисленія всѣхъ отклоненій, которыя должна претерпѣть комета въ своемъ движеніи отъ притяженія различныхъ планетъ, и предвычисленія времени ея приближенія къ солнцу.

Комета 1532 г., хотя кратко, но тоже вполнѣ опредѣленно и точно описана лѣтописцемъ. Время ея появленія съ 1-го октября по 9-ое ноября указано почти предѣльное. Только спеціалисты видѣли комету раньше и прослѣдили ее дальше. Комета, дѣйствительно, стояла приблизительно «на единомъ мѣстѣ», она мало смѣщалась въ октябрѣ на небѣ. Цѣнное замѣчаніе дано о формѣ хвоста и его направленіи къ югу. Долгое время существовало предположеніе, что комета 1532 г. тожественна съ кометой, наблюдавшейся въ 1661 году, но изслѣдованія Ольберса не подтверждаютъ этого. Во всякомъ случаѣ, между элементами кометъ большое сходство и это обстоятельство чрезвычайно интересно. Оно должно обратить на себя вниманіе новыхъ изслѣдователей.

Въ выпискѣ Карамзина изъ Архив. лѣтописи относительно кометы 1533 года чувствуется описка, сказано, что появлялась она «надъ западомъ». Разъ комета восходила передъ утренней зарей, она, конечно, была на востокѣ, какъ сказано и въ «Софійскомъ Временникѣ». Направленіе хвоста «на зимній востокъ», т.-е. къ юго-востоку или просто къ югу («на полъдени») согласно съ этимъ. Западно-европейскія и китайскія наблюденія говорятъ, что комета появилась въ концѣ іюня въ созвѣздіи Тельца близъ Плеядъ или въ созвѣздіи Персея, въ теченіе іюля она шла попятнымъ движеніемъ по созвѣздіямъ Кассіопеи и Лебедя. Она, дѣйствительно, сначала должна была появляться по утрамъ на востокѣ или, лучше, на сѣверо-востокѣ. Ея хвостъ долженъ былъ тянуться направо, и не указываютъ ли слова лѣтописца, что онъ былъ направленъ «на зимній востокъ», на его изогнутую форму? Если хвостъ поднимался на сѣверо-востокѣ дугой, то продолженіе этой дуги, дѣйствительно, загибало бы на зимной востокъ. Повидимому, очень неопредѣленно и кратко описано движеніе кометы 1556 г., о которой находимъ свѣдѣнія только въ Псковской I-ой лѣтописи: «Въ лѣто 7064, мѣсяца марта явилась звѣзда копейнымъ образомъ съ теплаго вѣтра межи полудни и запада, и днію и нощею хожаше къ востокъ и непомногу поступаше къ сѣверу весь мѣсяцъ мартъ». Но если сопоставить это общее описаніе съ наблюденіями спеціалистовъ, то увидимъ, что направленіе движенія указано совершенно вѣрно. Комета появилась въ созвѣздіи Дѣвы, которое въ мартѣ мѣсяцѣ бываетъ на югѣ около 12 часовъ ночи. Отсюда она постепенно перемѣщалась къ полюсу эклиптики, т.-е. къ сѣверо-востоку по созвѣздіи Пастуха и Дракона. Потомъ комета проходитъ черезъ созвѣздьямъ Цефея, Андромеды къ Овну, опи-

савъ почти цѣлую половину большого круга, подобно тому, какъ недавно на нашихъ глазахъ прошла по небу комета 1902 года. Вторая такъ же, какъ и послѣдняя комета 1556 года, въ серединѣ всего видимаго пути имѣла чрезвычайно быстрое движеніе. Она проходила до 15 градусовъ въ сутки, что обусловливалось перспективой, земля проходила подъ орбитой кометы. Комета наблюдалась и въ апрѣлѣ, когда она, приблизившись къ солнцу, восходила передъ нимъ.

Въ Никоновской лѣтописи (изданіе академіи наукъ 1791 года) отмѣчено и искривленіе хвоста: «Тое же зимы (1556) въ великое говение бысть знамение на небеси, звезда хвостата восходила съ востока хвостомъ на западъ, а была недѣли здвѣ».

Существовало подозрѣніе что комета 1556 года тождественна съ кометами 1264 и 975 г. Но тщательныя, насколько только оказалось возможнымъ, изслѣдованія Гёка дѣлаютъ невѣроятнымъ это предположеніе.

Послѣдняя комета о которой мы находимъ свѣдѣнія въ «Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей», изданномъ археографической коммиссіей, есть комета 1580 года. О ней въ Псковской I-й лѣтописи сказано кратко: «Въ лѣто 7088. Явися знаменіе звѣзда копейнымъ образомъ». Эта комета открыта была астрономомъ М. Мёстлинымъ 2-го октября; Гагецій въ Прагѣ и знаменитый датскій астрономъ Тихо-Браге усмотрѣли ее 10-го. Наиболѣе точны наблюденія Тихо-Браге. Особенностью орбиты кометной является большое наклоненіе къ плоскости движенія земли. Въ ближайшемъ отъ солнца разстояніи комета находилась 28-го ноября, но такъ какъ это разстояніе все таки было очень значительно, около 0,6 разстоянія земли отъ солнца, т.-е. приблизительно 90.000.000 верстъ, то очень длиннаго и яркаго хвоста не могло развиться. 12-го ноября, по наблюденію Тихо-Браге, онъ не превосходилъ трехъ градусовъ. Можно удивляться, что эта комета отмѣчена лѣтописцемъ.

Карамзинъ картинно разсказываетъ о кометѣ 1584: «Въ сіе время (зимой 1584 г.) явилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церковью Іоанна Великаго и Благовѣщенія; любопытный царь вышелъ на красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ «вотъ знаменіе моей смерти». Тревожимый сею мыслью, онъ искалъ, какъ пишутъ, астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ Лапландіи, собранныхъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего Бѣльскаго толковать съ ними о кометѣ и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить, а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть черезъ нѣсколько дней, именно 18 марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозой сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны...» Силы покидали Іоанна, но 17 марта послѣ теплой ванны ему стало лучше, такъ что на другой день онъ сказалъ Бѣльскому: «объяви казнь лжецамъ астрологамъ:

нынѣ по ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрѣе. «Но день еще не миновалъ»,—отвѣтствовали ему астрологи».

Карамзинъ приводитъ эти подробности по запискамъ Горсея, англійскаго посла при дворѣ Іоанна Грознаго. Въ русскихъ источникахъ о кометѣ сказано короче. Въ «Новомъ лѣтописцѣ» по списку кн. Оболенскаго я нашелъ подъ годомъ 7092 слова: «Тое же зимы явися на небеси знаменіе надъ Москвою между церквей Благовѣщенія пресвятыя Богородицы и Іоанна списателя лѣствицы крестъ да звѣзда съ хвостомъ; возвѣстиша же о томъ царю и великому князю Ивану Васильевичу, онъ же изшедъ и видѣвъ рече къ предстоящимъ: «сіе знаменіе являетъ смерть мою».

Въ варіантѣ, составляющемъ восьмую часть Русской лѣтописи по Никонову списку изданія академіи наукъ 1792, говорится, что звѣзда появилась «межь Благовещенія и Ивана великого», что «царь Іванъ выде на *красное* крыльцо»...

Странно, что въ иностранныхъ хроникахъ ничего не упоминается объ этой кометѣ. Было высказано предположеніе, что въ данномъ случаѣ наблюдалась не комета, а метеоръ, но эта догадка, конечно, имѣетъ мало вѣроятія. Метеоръ явленіе мгновенное. Его видятъ случайно, а здѣсь царю Іоанну докладываютъ о кометѣ. Онъ выходитъ на крыльцо и долго смотритъ. Ясно, что наблюдавшееся явленіе продолжалось не одну и не двѣ секунды. Въ англійскомъ журналѣ «The Observatory» недавно (1900 г. февр.) была помѣщена замѣтка Lynn'a о кометѣ, предсказанной въ 1584 году. Lynn сопоставляетъ разсказъ о кометѣ по книгѣ «Pember'a Life of Ivan the Terrible» (приблизительно то же, что приведено выше) съ замѣчаніемъ Пингре относительно предсказанія Леовитія о появленіи кометы въ 1584 г. которое, какъ говоритъ Пингре, не исполнилось. Онъ дѣлаетъ справку у самого Леовитія, чтобы выяснить мотивы къ предсказанію. Оказывается, Леовитій впередъ разсчиталъ, что въ маѣ 1583 г. должно было случиться соединеніе верхнихъ планетъ, т.-е. Марса, Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ, а на слѣдующій годъ въ концѣ марта и началѣ апрѣля почти всѣ планеты должны находиться въ созвѣздіи Овна. Однимъ изъ слѣдствій такого исключительнаго явленія, по его мнѣнію и должно было быть появленіе кометы: «Изъ такого расположенія свѣтилъ, когда оно случается въ огненномъ знакѣ, я усматриваю появленіе большой кометы. Отсюда происходятъ различныя предзнаменованія и различныя многія явленія отъ многихъ причинъ». Lynn прибавляетъ, что часто мы принимаетъ то, что должно быть, уже за свершившійся фактъ. Онъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ была допущена ошибка.

Все можетъ быть. Но меня лично смущаетъ опредѣленность указанія «Новаго Лѣтописца», по свидѣтельству котораго комета наблюдалась зимой между церквами Благовѣщенія и Іоанна Великаго. «Новый Лѣтописецъ» по духу родственъ старымъ лѣтописямъ. Это

струя прежняго теченія среди потока новыхъ историческихъ произведеній, сказаній, повѣстей и записокъ. Повидимому, мы можемъ отнестись къ нему съ такой степенью довѣрія, какъ и вообще къ лѣтописямъ. Можно, конечно, еще сомнѣваться, что описанное явленіе было дѣйствительно комета (можетъ быть это было гало, оптическое явленіе въ нашей атмосферѣ при освѣщеніи облаковъ луной), но что оно дѣйствительно было, это, кажется, нужно принять за фактъ.

Въ новыхъ формахъ историческаго повѣствованія, повидимому, рѣже отмѣчаются такіе внѣшніе факты, какъ небесныя явленія. Пересчитать ихъ всѣ я не хотѣлъ, да и трудно было бы это сдѣлать. Указателей не существуетъ. Для XVII-го вѣка поэтому ограничиваюсь тѣми свѣдѣніями, которыя я нашелъ у нашихъ историковъ въ двухъ варіантахъ «Новаго Лѣтописца», и въ Сводной галицко-русской лѣтописи. Среди мнимыхъ чудесъ, мутившихъ народъ во время царствованія Бориса Годунова, Карамзинъ упоминаетъ подъ годомъ 1604 и о кометѣ: «Лѣтомъ въ свѣтлый полдень возсіяла на небѣ комета, и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи (Лифляндіи), объявилъ Дьяку Государственному (Власьеву), что Царству угрожаетъ опасность». Беръ въ своей повѣсти о Гр. Отрепьевѣ говоритъ, что комета явилась въ 1604 г. послѣ Троицына дня во второе воскресенье, въ самый полдень, другіе относятъ явленіе къ 3-му октябрь. Повидимому, послѣднее вѣрнѣе. Въ данномъ случаѣ о кометѣ, конечно, рѣчи быть не можетъ. Вѣроятно, здѣсь отмѣчено появленіе знаменитой *Новой* звѣзды въ созвѣздіи Змѣеносца, которую увидалъ раньше другихъ ученикъ Кеплера Бруновскій въ Прагѣ 30-го сентября 1604 г. Кеплеръ наблюдалъ эту звѣзду, и оставилъ намъ описаніе «О новой звѣздѣ въ ногѣ Змѣеносца», хотя сначала и онъ счелъ было ее за комету.

Въ сентябрѣ 1618 г. королевичъ Владиславъ, продолжая называть себя царемъ Московскимъ, подошелъ къ Москвѣ. 20-го числа онъ расположился въ знаменитомъ селѣ Тушинѣ. Его союзникъ, гетманъ Сагайдачный, появился у Донского монастыря и началъ пропускать свои обозы для соединенія съ королевичемъ. Московскія войска хотѣли было помѣшать этому соединенію, но не могли; ужасъ объялъ ихъ великій. Онъ усиливался кометой. «Новый лѣтописецъ» повѣствованіе о годѣ 7127 начинаетъ словами:

«Явися же на небеси надъ самымъ градомъ Москвою знаменіе сицево: звѣзда величествомъ яко же и прочія, свѣтлостію же паче иныхъ, отъ нея же протяжеся яко хвостъ, величествомъ яко на поприще, главою же стояше оная звѣзда надъ самымъ градомъ Москвою, а хвостомъ протяжеся къ Полской и къ Нѣмецкимъ землямъ. Царь же и вси людіи зрящи помышляху, яко имать Москва отъ Королевича взята быти, и прочая неполезная чаяху надъ Московскимъ Государствомъ: понеже въ то время Королевичъ стояше подъ Москвою и быша

вси во страхѣ. Начаша же о ней мнозіи людіе мудріи разсуждати, глаголюще: сія звѣзда когда явится надъ которымъ Государствомъ главою стоящая, являетъ тамо вся благая, тишину и благоденствіе, а идѣже протяжется хвостъ въ тѣхъ странахъ являетъ быти нестроенію, кровопролитію, междоусобной брани и великимъ войнамъ, и исполнися оное разсужденіе тако напослѣди».

Это такъ называемая первая комета 1618 г., появившаяся въ концѣ августа послѣ этого какъ она уже прошла близъ солнца. Сначала она наблюдалась на востокѣ утромъ, причемъ ея хвостъ было откинутъ къ западу, потомъ она попятнымъ движеніемъ поднялась въ созвѣздіе Большой Медвѣдицы и была всю ночь. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы проходитъ для Москвы какъ разъ въ зенитѣ, такъ что комета дѣйствительно стояла головой надъ городомъ, направляя хвостъ свой въ страны польскія и нѣмецкія, т.-е. къ западу.

Въ варіантѣ, помѣщенномъ въ Никоновой лѣтописи, изданной академіей наукъ въ 1792 г., даются интересныя подробности относительно строенія хвоста и головы.

Голова кометы, какъ оказывается, была небольшая, не превосходила своими размѣрами видимой величины звѣздъ, но она была очень ярка. Отъ нея тянулся хвостъ, сначала узкій, потомъ постепенно расширяясь, и растянулся этотъ хвостъ «яко на поприще».

Возможно, что къ этой кометѣ относится замѣчаніе въ дополненіи къ Сводной галицко-русской лѣтописи подъ годомъ 1619: «Въ томъ году былъ большой трусъ земной въ городѣ Львовѣ около Св. Покрова и появилась на небѣ метла» («Лит. Сборникъ», изд. галицкорусской матицею. 1872 — 1873, стр. 428). Но, можетъ, быть здѣсь имѣется въ виду и другая комета.

Эта вторая комета, большая, красивая, съ необыкновенно длиннымъ хвостомъ была видима въ Европѣ съ конца ноября 1618 г. до двадцатыхъ чиселъ января 1619 г., хотя въ январѣ она была уже слаба. Она наблюдалась тоже по утрамъ на востокѣ, въ южныхъ широтахъ была видима еще въ октябрѣ. Наибольшей яркости она достигла 29-го ноября.

Картинно разсказываетъ Соловьевъ по Гиббенету (Дѣло патріарха Никона) о финалѣ неожиданнаго появленія Никона въ Успенскомъ соборѣ во время заутрени въ ночь съ 17-го на 18-ое декабря 1664 года:

«Въ третій разъ отправился митрополитъ Павелъ съ боярами въ соборъ и объявилъ Никону: «Письмо твое великому государю донесено: онъ, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патріархъ изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему». Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. «Оставь посохъ», говорили ему бояре. «Отнимите силою», отвѣчалъ Никонъ и вышелъ изъ церкви. Еще оставался часъ до свѣта; на небѣ горѣла хвостатая комета. Садясь въ сани, Никонъ началъ

отрясать ноги, произнося евангельскія слова: «Идеже аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилипшій къ ногамъ вашимъ, отрясите въ свидѣтельство на ня». Стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать Никона, сказалъ: «Мы этотъ прахъ подметемъ!» «Да размететъ Господь Богъ васъ иною божественною метлою, иже является на дни многи!» отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету. Сани двинулись».

Объ упоминаемой здѣсь кометѣ говорится и въ «Изборникѣ» Попова: «Въ лѣто 7173 декабрѣ мѣсяцѣ явися на небеси знамение звѣзда хвостоватая».

Это была очень яркая комета. Она наблюдалась астрономами съ конца ноября 1664 года болѣе, чѣмъ до половины марта 1665 г. Комета шла попятнымъ движеніемъ, 25-го ноября стар. стиля она была наиболѣе близка къ солнцу и въ первые дни декабря поднималась передъ утренней зарей на востокѣ. Соображая положеніе кометы дня 17-го декабря, можно разсчитать, что въ то время, когда Никонъ выходилъ изъ Успенскаго собора, она должна была стоять уже на юго-западѣ, т.-е. приблизительно въ той сторонѣ отъ соборовъ, гдѣ теперь Каменный мостъ и храмъ Христа Спасителя. Она могла быть только очень низко надъ горизонтомъ.

Можетъ быть, былъ видѣнъ лишь ея хвостъ. Эта комета наблюдалась нѣсколькими астрономами, для нея вычислена довольно хорошо орбита, особенностью которой является очень малое приближеніе къ солнцу. Послѣднее удивительно въ томъ отношеніи, что комета была яркая. Обыкновенно, только тѣ кометы развиваются и обращаютъ на себя вниманіе публики, которыя подходятъ къ солнцу на очень близкое разстояніе.

Въ прибавленіи къ Сводной галицко-русской лѣтописи напечатанной въ «Литер. Сборникѣ» изд. галицко-русской матицею. 1872—1873 гг. подъ годомъ 1678 стоитъ: «Въ томъ году комета великая показалася, т.-е. звѣзда, зимою, съ хвостомъ, а килька недель тревала». Жаль, что время наблюденія кометы указано слишкомъ обще. Вѣроятно, это сентябрьская комета которая шла по созвѣздію Водолея прямымъ движеніемъ. Ея исторія очень интересна. Комета, какъ оказывается, теперь, періодическая съ временемъ обращенія всего въ $5^1/_2$ лѣтъ. Но послѣ появленія въ 1678 году ея не видѣли почти двѣсти лѣтъ. Только въ 1844 году патеръ Де-Вико въ Римѣ нашелъ ее, не предполагая что онъ наблюдаетъ комету, уже ранѣе обращавшую на себя вниманіе астрономовъ. Комету Де-Вико наблюдали хорошо, скоро выяснили, что она идетъ по небольшому эллипсу, и впередъ разсчитали, когда она должна опять вернуться къ солнцу. Но ни въ 1850 году, ни въ какое другое изъ слѣдующихъ возвращеній къ солнцу ея не находили. А въ 1894 американскій астрономъ Свифтъ вновь открываетъ совершенно неожиданно комету, которая оказывается тожественной съ потерянной

кометой Де-Вико и кометой 1678 года. Почему комета наблюдалась только три раза и въ теченіе длинныхъ промежутковъ скрывалась отъ взоровъ наблюдателей даже при спеціальныхъ розыскахъ по вычисленной впередъ таблицѣ ея положеній на небѣ, остается непонятнымъ. Является подозрѣніе, что въ кометѣ происходятъ какіе то внутренніе процесса, вліяющіе на ея яркость. Указаніе лѣтописца, что комета 1678 года была велика и имѣла хвостъ, получаетъ особенное значеніе.

Въ той же галицко-русской лѣтописи, только въ другомъ томѣ «Литературнаго Сборника» именно 1889—1890 гг. находимъ свѣдѣнія о кометѣ 1697 года: «Въ томъ же году въ Москвѣ со страхомъ замѣчали являвшуюся на небѣ комету (звѣзду съ хвостомъ)». Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, ошибочно указанъ годъ. Была комета въ 1698 году въ сентябрѣ. Она находилась въ созвѣздіи Кассіопеи и, слѣдовательно высоко поднималась надъ горизонтомъ Москвы. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего неизвѣстно о внѣшнемъ ея видѣ. По замѣткѣ лѣтописца можно думать, что она была довольно яркая съ хвостомъ; она внушала страхъ народу.

XVII столѣтіемъ я оканчиваю свое сопоставленіе. Не имѣя времени и физической возможности прочитать сплошь всѣ памятники русской исторіи, я, конечно, кое-какіе свидѣтельства пропустилъ. Быть можетъ, кому-нибудь изъ историковъ какъ нибудь случайно попадется описаніе кометы, которое осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Я очень просилъ бы указать его. Но и тѣхъ выписокъ, которыя я сдѣлалъ, надѣюсь, достаточно, чтобы признать наши лѣтописи весьма цѣннымъ источникомъ для исторіи кометъ. Относительно кометъ 1223, 1266, 1382, 1402, 1471—1472, 1584, 1618 и 1678 годовъ онѣ даютъ безусловно интересныя данныя, которыя не отмѣчены западными хрониками. Въ другихъ случаяхъ находимъ подтвержденіе наблюдавшимся также въ другихъ мѣстахъ явленіямъ. Интересны записи о кометахъ и для характеристики лѣтописца, какъ аккуратнаго вдумчиваго наблюдателя, не вполнѣ поглощеннаго предубѣжденіемъ къ кометамъ и интересующагося небесными явленіями непосредственно. Быть можетъ, сопоставленіе записей лѣтописца о кометахъ со свидѣтельствами спеціальныхъ источниковъ пригодится и русскому историку, для разъясненія недоразумѣнія въ хронологіи или происхожденіи памятника.

К. Покровскій.

ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Академика **И. П. Бородина.**

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1896 году появилась вторымъ изданіемъ моя популярная книжка, озаглавленная «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» и печатавшаяся отдѣльными статьями въ «Мірѣ Божьемъ», наука, разумѣется, не дремала. Можно даже сказать, что въ той области, которой я посвятилъ названный мною трудъ, наблюдалось особенное оживленіе; и это неудивительно въ виду захватывающаго интереса, представляемаго тайною оплодотворенія во всемъ органическомъ мірѣ. Открытія слѣдовали за открытіями, и открытія настолько важныя, что они смѣло могли претендовать на вниманіе не однихъ только спеціалистовъ, но и всего образованнаго общества; такъ глубоко пытались они проникнуть въ сокровенную суть жизненныхъ явленій. Нѣкоторыя изъ этихъ открытій уже изложены во второмъ изданіи моего «Курса анатоміи растеній», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1900 году, но отсылать читателя къ руководству, предназначенному для студентовъ, было бы и жестоко, и неостроумно. Къ тому же и упомянутый курсъ успѣлъ уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣть,—такъ быстро развивается наука.

Въ предлагаемыхъ здѣсь очеркахъ я попытаюсь ознакомить любознательнаго читателя въ общедоступномъ изложеніи съ новѣйшими успѣхами ботаники по отношенію къ процессу оплодотворенія; временами, впрочемъ, мнѣ придется вторгаться и въ область зоологіи, въ виду того, что при разработкѣ столь фундаментальнаго для всего органическаго міра процесса, какъ оплодотвореніе, ботаники и зоологи по необходимости работаютъ дружно, зорко слѣдя за всякимъ успѣхомъ сосѣда-біолога.

Разумѣется, я не въ правѣ требовать и даже ожидать, чтобы читатель, прежде чѣмъ приступить къ моимъ очеркамъ, прочиталъ или перечиталъ мой «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ». Зато и онъ да не сѣтуетъ на меня за нѣкоторыя неизбѣжныя для

большей ясности повторенія. Никакихъ предварительныхъ глубокихъ знаній въ читателѣ я не предполагаю, но разсчитываю на то, что ему извѣстно общее устройство цвѣтка и что такія слова, какъ тычинка, завязь, клѣточка, протоплазма, ядро и т. п. для него не «звукъ пустой».

Первый очеркъ я посвящаю вопросу о живчикахъ у высшихъ растеній и о любопытнѣйшемъ «двойномъ» оплодотвореніи.

I.

Какъ извѣстно, у всѣхъ такъ называемыхъ высшихъ растеній, имѣющихъ цвѣты, конечною цѣлью цвѣтенія является образованіе сѣмянъ. За крайне рѣдкими исключеніями, о которыхъ будетъ рѣчь впослѣдствіи, сѣмя является результатомъ полового акта, процесса оплодотворенія, разыгрывающагося въ цвѣткѣ. Зачатки будущихъ сѣмянъ, называемые яичками или сѣмяпочками, можно найти уже во время цвѣтенія, если вскрыть завязь пестика, которая представляетъ собою не что иное, какъ зачатокъ будущаго плода. Но для того, чтобы этотъ зачатокъ, дѣйствительно, превратился въ плодъ, а содержащіяся въ немъ сѣмяпочки въ сѣмена, необходимо участіе особой пыли, развивающейся въ тычинкахъ. Эта пыль—пыльца или цвѣтень—должна попасть на вершину пестика, на его рыльце, и только вслѣдъ за такимъ опыленіемъ разыгрывается, обыкновенно вскорѣ, уже внутри завязи дѣйствительный процессъ оплодотворенія. Такимъ образомъ, всякій цвѣтокъ, не содержащій пестика, а, напр., однѣ только тычинки, какъ это бываетъ у растеній съ такъ называемыми однополыми цвѣтами, или имѣющій пестикъ, но не получившій почему-либо на свое рыльце плодотворной пыли изъ тычинокъ, неминуемо является пустоцвѣтомъ.

Сравнивая эти явленія съ тѣмъ, что извѣстно для животнаго царства, мы не можемъ не придти къ заключенію, что тычинка представляетъ собою мужской, а пестикъ—женскій органъ цвѣтка. Такое заключеніе и было сдѣлано еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія, на основаніи строгихъ опытовъ, Камераріусомъ, истиннымъ творцомъ ученія о полахъ въ растительномъ царствѣ, хотя окончательно утвердилось это ученіе лишь къ половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Дѣло въ томъ, что сороковые годы прошлаго вѣка явились эпохою броженія не только въ политическомъ мірѣ, но и въ нашемъ вопросѣ, съ политикою ничего общаго не имѣющемъ. На основаніи невѣрно истолкованныхъ наблюденій, знаменитый ботаникъ Шлейденъ выступилъ съ революціоннымъ, не долго продержавшимся ученіемъ, извращавшимъ прежнее понятіе о распредѣленіи половъ у растеній; по мнѣнію Шлейдена, оплодотворяющимъ, т.-е. мужскимъ органомъ является будто бы пестикъ, а тычинка служитъ женскимъ, оплодотворяемымъ.

Я не стану снова останавливаться здѣсь подробно на любопытной

и въ высшей степени поучительной исторіи занимающаго насъ вопроса, а отошлю читателя къ вышеназванной книгѣ моей. Однако, для правильнаго уразумѣнія того, что сдѣлано въ этой области за послѣднее время, необходимо возстановить въ памяти важнѣйшіе этапы, пройденные наукою послѣ Камераріуса.

Итакъ, уже къ началу XVIII-го столѣтія выяснилась необходимость опыленія рыльца плодотворною пылью изъ тычинокъ, для того, чтобы цвѣтокъ могъ достигнуть своего назначенія и образовать плодъ съ заключенными въ немъ сѣменами. Но какъ и на что собственно дѣйствуетъ пыльца? Въ этомъ отношеніи XVIII-е столѣтіе не дало намъ ничего и только въ началѣ XIX-го итальянскій ученый Амичи открываетъ такъ называемыя пыльцевыя трубочки. Пылинка, попавъ на рыльце, не лопается тамъ, выпуская какое-то гипотетическое оплодотворяющее вещество, какъ представляли себѣ дѣло до Амичи, а развиваетъ нѣжную трубочку, на манеръ того, какъ пускаетъ ростокъ грибная спора. и эта пыльцевая трубочка, возрастая своимъ концомъ, проникаетъ чрезъ нерѣдко длинный столбикъ, на которомъ сидитъ рыльце, во внутренность завязи; мало того, конецъ этой трубочки забирается въ самую сѣмяпочку, пользуясь для этого особымъ, имѣющимся въ сѣмяпочкѣ каналомъ, носящимъ названіе сѣмявхода. Оплодотвореніе, слѣдовательно, произойдетъ внутри сѣмяпочки. Это былъ, безъ сомнѣнія, огромный шагъ впередъ. Весь интересъ переносился съ рыльца, куда первоначально попадаетъ пылинка, на внутренность сѣмяпочки, гдѣ продуктъ пылинки—пыльцевая трубочка, наконецъ, оказываетъ свое воздѣйствіе. Предстояло рѣшить, на что, собственно, она тамъ дѣйствуетъ и чѣмъ именно дѣйствуетъ. Эти два вопроса и составили предметъ тщательныхъ и кропотливыхъ изслѣдованій въ истекшемъ XIX-мъ столѣтіи и къ началу XX-го мы получили на нихъ вполнѣ опредѣленные отвѣты. Сначала удалось рѣшить, что подвергается оплодотворенію, а затѣмъ уже, значительно позже, чѣмъ производится оплодотвореніе.

Будущее сѣмя уже въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ завязи во время цвѣтенія, т.-е. въ видѣ ожидающей оплодотворенія сѣмяпочки, оказывается имѣющимъ весьма сложное строеніе. Мы уже упоминали о сѣмявходѣ, которымъ пользуется пыльцевая трубочка, чтобы проникнуть внутрь сѣмяпочки. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, отмѣтимъ, что уже первымъ микроскопистамъ бросилась въ глаза большая полость во внутренности сѣмяпочки. Полость эта получила характерное и вполнѣ правильное названіе зародышнаго мѣшка, такъ какъ самая важная часть всякаго сѣмени—его зародышъ, т.-е. зачатокъ новаго растенія, возникаетъ (послѣ оплодотворенія) внутри этой полости. Не удивительно, что на зародышномъ мѣшкѣ сосредоточивается главнѣйшій интересъ, связанный съ изученіемъ сѣмяпочки,—все остальное въ ней, нѣкоторымъ образомъ, только аксессуары. Въ

сущности, этотъ зародышный мѣшокъ не что другое, какъ очень крупная клѣточка среди другихъ, несравненно болѣе мелкихъ. Какимъ путемъ она возникла въ сѣмяпочкѣ это вопросъ, очень любопытный, но прямо къ дѣлу не относящійся, и мы его минуемъ. Долгое время думали, что въ этомъ зародышномъ мѣшкѣ до оплодотворенія ничего особенно замѣчательнаго не содержится, а есть лишь то, чему полагается быть въ каждой клѣточкѣ, пока она жива,—есть протоплазма, клѣточное ядро да водянистый клѣточный сокъ. Вотъ при такомъ-то состояніи нашихъ свѣдѣній о природѣ зародышнаго мѣшка и могла возникнуть упомянутая выше странная теорія Шлейдена, объявлявшая мужскимъ то, что считалось до тѣхъ поръ женскимъ, и наоборотъ. Шлейденъ утверждалъ, что конецъ пыльцевой трубочки, вонзившись въ зародышный мѣшокъ, самъ превращается въ новое растеніе, образуя зародышъ сѣмени. Въ такомъ случаѣ, конечно, роль сѣмяпочки сводилась къ простому возбужденію развитія въ пыльцевой трубочкѣ и послѣднюю приходилось разсматривать, какъ материнскій, женскій организмъ.

Но вотъ въ 1843 году тотъ же Амичи, которому мы обязаны открытіемъ пыльцевыхъ трубочекъ, выступаетъ съ новымъ блестящимъ открытіемъ, имѣвшимъ огромныя послѣдствія. Внутри зародышнаго мѣшка, именно въ томъ концѣ ея, который обращенъ къ сѣмявходу, слѣдовательно, какъ разъ тамъ, откуда подойдетъ къ зародышному мѣшку вторгнувшаяся въ сѣмяпочку пыльцевая трубочка, уже до оплодотворенія находятся двѣ маленькія, голыя, т.-е. лишенныя оболочки, крайне нѣжныя, легко расплывающіяся при малѣйшемъ поврежденіи и потому ускользнувшія отъ вниманія прежнихъ изслѣдователей—клѣточки. Амичи назвалъ ихъ зародышными пузырьками и утверждалъ, что пыльцевая трубочка своимъ прикосновеніемъ оплодотворяетъ ихъ, послѣ чего одинъ изъ (равноправныхъ) зародышныхъ пузырьковъ и начинаетъ разростаться въ зародышъ. Положимъ, что Амичи, какъ выяснилось значительно позже, изъ изслѣдованій Страсбургера, несомнѣнно навѣянныхъ пребываніемъ его въ Петербургѣ и знакомствомъ съ безвременно погибшимъ, талантливымъ и симпатичнѣйшимъ русскимъ ботаникомъ—Розановымъ, нѣсколько ошибся, но ошибся въ подробностяхъ. Теперь мы знаемъ, что на указанномъ Амичи мѣстѣ въ зародышномъ мѣшкѣ находятся не двѣ, а три клѣточки, и знаемъ, что онѣ неравноправны: изъ этихъ трехъ клѣточекъ только одна подвергается оплодотворенію и даетъ начало зародышу, прочія же двѣ клѣточки играютъ какую-то второстепенную, окончательно еще не выясненную роль, содѣйствуя оплодотворенію третьей. Эта послѣдняя, наиболѣе важная клѣточка, соотвѣтствующая животному яйцу, получила названіе яйцеклѣточки или даже, просто, яйца, а прочія двѣ довольствуются пока смутнымъ названіемъ вспомогательныхъ клѣточекъ. Но все же это только подробности, хотя и очень интересныя. Суть же

дѣла раскрыта была Амичи. Онъ первый указалъ намъ на существованіе въ зародышномъ мѣшкѣ такой клѣточки, которая подвергается оплодотворенію и даетъ начало зародышу, т.-е. новому экземпляру того же растительнаго вида.

Открытіе зародышныхъ пузырьковъ нанесло смертельный ударъ теоріи Шлейдена. Приверженцы послѣдней пробовали нѣкоторое время, не отрицая существованія названныхъ клѣточекъ въ зародышномъ мѣшкѣ, отрицать, однако, всякое отношеніе ихъ къ будущему зародышу, но должны были вскорѣ сложить оружіе. Пыльцевая трубочка оказалась попрежнему органомъ оплодотворяющимъ, тычинка, слѣдовательно, мужскимъ, а пестикъ—женскимъ органомъ растенія.

Такимъ образомъ, благодаря Амичи, найденъ былъ, наконецъ, у высшихъ растеній тотъ зачатокъ, изъ котораго возникаетъ новый организмъ, настоящее яйцо, вполнѣ соотвѣтствующее яйцу въ животномъ царствѣ. Это настоящая клѣточка, правда, безъ оболочки, но съ протоплазмою и клѣточнымъ ядромъ. Оставалось выяснить, въ чемъ заключается таинственное воздѣйствіе на нее пыльцевой трубочки.

Къ тому времени, когда окончательно было установлено существованіе яйцеклѣточки въ зародышномъ мѣшкѣ у высшихъ растеній, т.-е. къ половинѣ XIX-го столѣтія, накопились любопытнѣйшія данныя касательно того, какъ совершается процессъ оплодотворенія у растеній, не имѣющихъ цвѣтовъ и не дающихъ сѣмянъ. Это тѣ растенія, которыя мы съ полнымъ основаніемъ называемъ низшими или, иначе, споровыми растеніями, такъ какъ вмѣсто сѣмянъ они даютъ мелкія крупинки—споры, лишенныя всякаго зародыша и обыкновенно представляющія простыя клѣточки. Таковы грибы, водоросли, мхи, хвощи, папоротники, плауны. За исключеніемъ большинства грибовъ и нѣкоторыхъ водорослей, всѣ эти растенія обнаруживаютъ рѣзко выраженныя половыя явленія, имѣютъ настоящій процессъ оплодотворенія. Внутри женскаго органа ихъ, который у водорослей называется оогоніемъ, а у всѣхъ прочихъ архегоніемъ, лежитъ почти всегда одна (только у водорослей бываетъ ихъ и нѣсколько) голая клѣточка, состоящая изъ протоплазмы и клѣточнаго ядра; это яйцеклѣточка или, короче, яйцо, подлежащее оплодотворенію. Какъ же оно оплодотворяется? Мужской органъ у всѣхъ споровыхъ растеній одинаково носитъ названіе антеридія. Это мѣшокъ, который, созрѣвъ, лопается и выпускаетъ изъ себя мелкія тѣльца, движущіяся въ водѣ при помощи особыхъ рѣсничекъ—знаменитые живчики или сперматозоиды. Смотря по растенію, антеридій производитъ живчиковъ то тысячами, какъ у мховъ, то десятками какъ у папоротниковъ, а не то и еще меньше, вплоть до парочки. Каждый живчикъ представляетъ, въ сущности, подобно яйцу, тоже голую клѣточку, но гораздо меньшихъ размѣровъ, нежели яйцо, причемъ главную массу его составляетъ клѣточное ядро. Благодаря своей подвижности, живчикъ забирается во внутрь женскаго органа, пользуясь обра-

зовавшимся въ немъ отверстіемъ или каналомъ, прикасается къ яйцу и... сливается съ нимъ, причемъ, какъ выяснилось въ послѣднее время, клѣточное ядро живчика сливается съ клѣточнымъ ядромъ яйца. Почти всегда это сліяніе живчика съ яйцомъ происходитъ внутри женскаго органа и только у нѣкоторыхъ морскихъ водорослей зрѣлыя яйца выбрасываются изъ оогонія, подобно живчикамъ, и процессъ оплодотворенія разыгрывается внѣ материнскаго организма—въ окружающей водѣ. Такимъ образомъ, у споровыхъ растеній процессъ оплодотворенія состоитъ въ сліяніи двухъ клѣточекъ—сравнительно крупнаго, неподвижнаго яйца съ гораздо болѣе мелкимъ, но подвижнымъ живчикомъ. А это, ви дать, ни взять, тоже самое, что и въ животномъ царствѣ—тѣ же яйца, тѣ же живчики, то же сліяніе ихъ между собою, сопровождающееся и тамъ сліяніемъ двухъ клѣточныхъ ядеръ.

Возвратимся теперь къ высшимъ растеніямъ. Долгое время не могли найти у нихъ ничего, что соотвѣтствовало бы живчикамъ животныхъ и низшихъ растеній. Ни въ пылинкѣ, ни въ пыльцевой трубочкѣ не обнаруживалось, повидимому, ничего замѣчательнаго. Конецъ пыльцевой трубочки, вонзившись въ сѣмяпочку, правда, плотно прикладывается къ оболочкѣ зародышнаго мѣшка, обыкновенно какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совнутри прикрѣпленъ половой снарядъ, т.-е. группа изъ трехъ мелкихъ клѣточекъ—яйцо и двѣ вспомогательныя клѣточки, но только прикладывается и этого, какъ будто, совершенно достаточно, чтобы побудить яйцо къ развитію въ зародышъ. Такимъ образомъ пришлось, скрѣпя сердце признать, что высшія растенія по отношенію къ процессу оплодотворенія построены по особому плану: у нихъ яйцо не нуждается въ матеріальномъ воспріятіи оплодотворяющаго элемента, въ сліяніи съ нимъ, а довольствуется простымъ прикосновеніемъ. Но такой дуализмъ рѣшительно не удовлетворялъ мыслящаго ума. Возможное ли дѣло, чтобы въ такомъ фундаментальномъ процессѣ, какъ оплодотвореніе, въ которомъ водоросль не отличается отъ окуня, а папоротникъ отъ собаки, всѣ высшія растенія вели бы свою особую линію? И весь ученый міръ вздохнулъ свободнѣе, когда конецъ девятнадцатаго вѣка блестяще уничтожилъ прискорбный дуализмъ и установилъ на его развалинахъ желанную гармонію: нѣтъ, простого прикосновенія недостаточно,—необходимо матеріальное сліяніе и пыльцевая трубочка доставляетъ яйцу не какую-нибудь гипотетическую оплодотворяющую жидкость, а оформленный элементъ, вполнѣ соотвѣтствующій живчику.

Собственно говоря, еще въ 1866 году знаменитый лѣсоводъ и весьма выдающійся ботаникъ, Теодоръ Гартигъ *) замѣтилъ, что внутри

*) Сынъ его, Робертъ Гартигъ, недавно скончавшійся мюнхенскій профессоръ, блестяще поддержалъ славу своего отца на обоихъ родственныхъ поприщахъ—ботаники и лѣсоводства.

пылинки творится что-то неладное: вмѣсто одного ядра, которому полагается быть въ каждой порядочной клѣткѣ, въ зрѣлой пылинкѣ ихъ постоянно оказывается почему-то два, да еще часто неодинаковой формы. Это интереснѣйшее наблюденіе прошло однако въ свое время совершенно незамѣченнымъ, подобно многимъ другимъ открытіямъ Гартига. Присяжные ботаники всегда смотрѣли на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на лѣсовода, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ на особомъ своемъ языкѣ, упорно до старости употребляя свои собственные, наукою не принятые термины. Лишь много лѣтъ спустя вспомнили объ этихъ наблюденіяхъ Гартига, дававшихъ ключъ къ разъясненію крайне важнаго вопроса. Въ восьмидесятыхъ годахъ, благодаря въ особенности изслѣдованіямъ Страсбургера и Бѣляева, мы нѣсколько разобрались во внутренности пылинки и... нашли давно искомое, т.-е. оформленные оплодотворяющіе элементы. Пылинка оказалась какъ бы особаго рода антеридіемъ, производящимъ парочку, положимъ, не настоящихъ живчиковъ, но все же очень съ ними сходныхъ, хотя и неподвижныхъ клѣточекъ, при половомъ актѣ играющихъ ту же роль, какъ и живчики споровыхъ растеній и животныхъ организмовъ. То второе ядро, которое было замѣчено въ пылинкѣ Гартигомъ, оказалось, въ сущности, цѣлою клѣточкою, которая впослѣдствіи распадается дѣленіемъ на двѣ равноправныя клѣточки; онѣ-то и представляютъ самое существенное въ пылинкѣ. По мѣрѣ развитія пыльцевой трубочки эта парочка клѣточекъ, называемыхъ генеративными, выносится изъ пылинки и бережно доводится до мѣста назначенія. Послѣ того какъ конецъ пыльцевой трубочки упрется въ зародышный мѣшокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ знакомый намъ половой снарядъ, генеративныя клѣточки протискиваются *) сквозь размягченную оболочку зародышнаго мѣшка и... одна изъ генеративныхъ клѣточекъ попадаетъ въ яйцеклѣточку, причемъ происходитъ сліяніе ихъ ядеръ: въ этомъ и состоитъ оплодотвореніе,—генеративная клѣточка сыграла роль живчика!

Итакъ, оплодотворяющіе элементы были найдены, наконецъ, и у высшихъ растеній. То обстоятельство, что они оказались лишенными рѣсничекъ и неподвижными, слѣдовательно, не могли быть названы живчиками, не должно было представляться особенно страннымъ. Для чего имъ, въ сущности, двигаться? У низшихъ растеній—другое дѣло! Тамъ антеридій лопается и безъ церемоніи выбрасываетъ оплодотворяющіе элементы, предоставляя имъ самимъ искать дорогу къ подлежащему оплодотворенію яйцу. Но высшія растенія выработали себѣ особый, очевидно, болѣе цѣлесообразный пріемъ: развивая изъ пы-

*) Выскользаніе генеративной клѣточки изъ конца пыльцевой трубочки было впервые подмѣчено московскимъ профессоромъ Горожанкинымъ у сосны, а затѣмъ уже это открытіе подхватилъ и обобщилъ Страсбургеръ.

линки пыльцевую трубочку, они посредствомъ этой трубочки доставляютъ свои оплодотворяющіе элементы на самое мѣсто ихъ дѣйствія.

Указанное различіе между низшими и высшими растеніями отразилось даже на систематикѣ. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей послѣдней, берлинскій профессоръ Энглеръ, безъ особой, надо сознаться, надобности, предложилъ замѣнить общеупотребительные термины споровыя и сѣмянныя растенія новыми, заимствованными отъ способа оплодотворенія тѣхъ и другихъ. Споровыя растенія онъ называетъ зоидіогамными, сѣмянныя — сифоногамными; первыя оплодотворяются зоидіями, т.-е. подвижными, на манеръ животныхъ, элементами, а вторыя—сифономъ, т.-е. трубкою. Новшество это представлялось уже въ то время не только излишнимъ, но и плохо обоснованнымъ. Дѣло въ томъ, что сифонъ или трубочка (рѣчь идетъ, конечно, о пыльцевой трубочкѣ) отнюдь не соотвѣтствуетъ зоидіямъ. Если можно сказать о споровыхъ, что у нихъ оплодотвореніе производится зоидіями, то нельзя сказать: а у сѣмянныхъ—сифономъ. Зоидіямъ соотвѣтствуютъ, какъ мы видѣли, тѣ генеративныя клѣточки, которыя скрыты въ пылинкѣ и доставляются сифономъ; оплодотвореніе производится, слѣдовательно, не пыльцевою трубочкою, а лишь при ея посредствѣ. Такимъ образомъ уже логически нововведеніе Энглера представлялось плохо обоснованнымъ; дальнѣйшее же развитіе науки нанесло ему смертельный ударъ.

Въ 1897 году, какъ громомъ, поразило ученый міръ извѣстіе, что японцамъ, только что выступившимъ на научное поприще, удалось открыть несомнѣнные живчики у двухъ высшихъ растеній изъ числа такъ называемыхъ голосѣмянныхъ, общеизвѣстнымъ типомъ которыхъ служатъ наши хвойныя деревья. Икено и Хиразе! Навѣкъ прославлены въ наукѣ ваши имена и страна восходящаго солнца, васъ породившая! Икено открылъ живчики у саговника—Cycas revoluta, а Хиразе—у японскаго хвойнаго Ginkgo biloba. Первое растеніе, хотя тропическое, знакомо каждому, такъ какъ его листъ подъ неправильнымъ названіемъ пальмовой вѣтви часто фигурируетъ на похоронахъ, а Ginkgo совершенно исключительное, когда-то широко распространенное, нынѣ вымирающее растеніе съ характерными широкими, длинно стебельчатыми листьями, ничуть не напоминающими иглы нашихъ хвойныхъ породъ. Почти одновременно съ японцами американскій ботаникъ Уэбберъ также открылъ живчики и тоже у саговника, но изъ другого рода—Zamia. Появившіяся въ 1898 году вслѣдъ за краткими предварительными сообщеніями подробныя, снабженныя рисунками, работы трехъ названныхъ ученыхъ не оставили и тѣни сомнѣнія въ реальности ихъ блестящихъ открытій. Живчики были налицо, да еще какіе живчики! Это не тѣ обычныя, мизерныя по своимъ размѣрамъ, подвижныя тѣльца, которыя замѣтны лишь при сильномъ увеличеніи микроскопа. Нѣтъ, это въ своемъ родѣ колоссы, которымъ позавидо-

валъ бы слонъ. Ужъ японскіе живчики поражали своими размѣрами, но Америка побила и этотъ рекордъ. Шутка сказать,—живчикъ Zamia имѣетъ болѣе полумиллиметра въ діаметрѣ, а потому совершенно отчетливо замѣтенъ простымъ глазомъ. Если представить себѣ крупнѣйшее яблоко съ заключенными въ немъ сѣменами, то по относительнымъ размѣрамъ можно уподобить все яблоко живчику Zamia, а отдѣльное сѣмя—живчику обычнаго типа, напримѣръ живчику папоротника. Эти гигантскіе живчики развиваются у всѣхъ трехъ названныхъ растеній внутри пыльцевой трубочки въ числѣ двухъ, совершенно подобно генеративнымъ клѣточкамъ высшихъ растеній. Они обильно снабжены рѣсничками, которыя опоясываютъ ихъ неуклюжее тѣло цѣлыми кольцами или спиральными линіями,—такую махину не легко сдвинуть съ мѣста. А что они движутся, не подлежитъ сомнѣнію, — Уэбберъ непосредственно видѣлъ это движеніе. Къ тому же имъ и есть, гдѣ двигаться. У всѣхъ растеній, о которыхъ идетъ рѣчь, передъ подлежащими оплодотворенію женскими органами яичка (у голосѣмянныхъ растеній яичко построено по особому типу, на которомъ мы не станемъ останавливаться) находится особая полость, занятая водянистымъ сокомъ. Дойдя до этой полости пыльцевая трубочка лопается и выбрасываетъ свою парочку живчиковъ, предоставляя имъ воспользоваться своими рѣсничками, чтобы проплыть ничтожное пространство, отдѣляющее ихъ отъ цѣли.

Такимъ образомъ, названныя три растенія оказываются въ одно и то же время зоидіогамными, по Энглеру, такъ какъ оплодотворяются живчиками, и сифоногамными, такъ какъ имѣютъ пыльцевую трубочку. Несостоятельность предложенныхъ Энглеромъ названій становится очевидною.

Cycas, Zamia и Ginkgo принадлежатъ, какъ уже сказано выше, къ группѣ голосѣмянныхъ растеній, а эта группа занимаетъ въ растительномъ царствѣ совершенно исключительное положеніе, являясь какъ бы переходною отъ споровыхъ къ сѣмяннымъ. Голосѣмянныя, въ сущности, высшія растенія, такъ какъ цвѣтутъ и даютъ сѣмена, но у нихъ еще нѣтъ пестика, слѣдовательно нѣтъ ни рыльца, ни завязи, а потому они не даютъ и плодовъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: у нихъ получаются лишь голыя сѣмена, то буквально голыя, какъ у названныхъ трехъ растеній, то, какъ въ шишкахъ нашихъ хвойныхъ, прикрытыя особыми чешуями, но только прикрытыя, а не замкнутыя со всѣхъ сторонъ въ томъ вмѣстилищѣ, которое, развиваясь изъ завязи, дастъ то, что мы называемъ плодомъ. Въ процессѣ оплодотворенія голосѣмянныхъ растеній наблюдаются замѣчательныя особенности, которыя становятся понятными лишь при сравненіи ихъ съ тѣмъ, что происходитъ у самыхъ высшихъ представителей споровыхъ растеній. Тѣсная связь, соединяющая послѣднихъ съ голосѣмянными, была раскрыта еще въ половинѣ прошлаго столѣтія изслѣдованіями и геніаль-

ными теоретическими соображеніями Гофмейстера. Между голосѣмянными всего ниже стоятъ саговники, къ которымъ относятся Cycas и Zamia. Хвойныя уже нѣсколько выше ихъ, т.-е. ушли нѣсколько дальше отъ папоротниковъ и т. п., но между хвойными опять-таки Ginkgo занимаетъ особенно низкое мѣсто. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ три высшихъ растенія, у которыхъ до сихъ поръ найдены живчики, стоятъ особенно низко, всѣ они, такъ сказать, между высшими низшія. Вотъ почему было бы нѣсколько поспѣшно изъ факта нахожденія настоящихъ подвижныхъ живчиковъ у названныхъ растеній заключать, что генеративныя клѣточки и другихъ высшихъ растеній не только соотвѣтствуютъ, но суть настоящіе живчики. Вполнѣ возможно, напротивъ, что подвижность оплодотворяющихъ элементовъ сохранилась лишь у низшихъ представителей сѣмянныхъ растеній, всего ближе стоящихъ къ высшимъ споровымъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ японскихъ открытій, ученые стали подозрительно смотрѣть и на генеративныя клѣточки настоящихъ высшихъ растеній, а нѣкоторые, болѣе храбрые, даже прямо называютъ ихъ живчиками. Когда внутри пыльцевой трубочки, напримѣръ, грецкаго орѣшника, формируется парочка оплодотворяющихъ элементовъ, то, по наблюденіямъ Навашина, получается картина, поразительно напоминающая возникновеніе парочки живчиковъ въ антеридіяхъ высшихъ споровыхъ растеній, а когда генеративныя клѣточки проникнутъ изъ пыльцевой трубочки въ зародышный мѣшокъ, то онѣ нерѣдко принимаютъ такую характерную форму штопорообразно изогнутыхъ червячковъ, что она невольно воскрешаетъ въ памяти картину многихъ несомнѣнныхъ живчиковъ. На бѣду, крайне трудно будетъ окончательно разобраться въ этомъ вопросѣ и рѣшить, обладаютъ ли настоящею подвижностью оплодотворяющіе элементы у всѣхъ высшихъ растеній или только у низшихъ представителей ихъ. Главныя затрудненія создаетъ не столько ихъ мелкость, сколько то обстоятельство, что мы пока не умѣемъ наблюдать ихъ живьемъ, а изучаемъ ихъ на препаратахъ, обработанныхъ для большей ясности различными реактивами, слѣдовательно, видимъ лишь ихъ трупы. Но не нужно отчаяваться. Наука «на выдумки хитра», и вполнѣ вѣроятно, что намъ еще удастся современемъ заставить оплодотворяющіе элементы высшихъ растеній на нашихъ глазахъ выскакивать изъ пыльцевой трубочки не въ зародышный мѣшокъ, а въ искусственно для нихъ приготовленную жидкость, гдѣ имъ представится удобный случай доказать намъ свою прыткость, буде таковая имъ свойственна. Ну, а пока они остаются лишь... въ сильномъ подозрѣніи.

Мы видѣли, что пыльцевая трубочка несетъ къ зародышному мѣшку всегда парочку оплодотворяющихъ элементовъ. Для чего же ихъ два, когда въ зародышномъ мѣшкѣ имѣется всего одна яйцеклѣточка? Для ея оплодотворенія не только вполнѣ достаточно одного,

но еще абсолютно желательно, чтобы въ нее не попалъ и другой оплодотворяющій элементъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, если въ яйцо забирается не одинъ, а нѣсколько живчиковъ, то ничего путнаго изъ этого не выходитъ, и при нормальныхъ условіяхъ животное яйцо отлично умѣетъ, воспринявъ одинъ живчикъ, тотчасъ преградить дорогу прочимъ путемъ выдѣленія на своей поверхности твердой перепонки. Такъ зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, эта парочка оплодотворяющихъ элементовъ, вносимая въ сѣмяпочку пыльцевою трубочкою? Про запасъ, что ли? Не тотъ, такъ другой?

Вотъ тутъ-то и начинается одна изъ интереснѣйшихъ страницъ въ современной научной разработкѣ занимающихъ насъ вопросовъ оплодотворенія. Если японцы поразили западно-европейцевъ блестящимъ открытіемъ живчиковъ у голосѣмянныхъ растеній, то едва ли не еще сильнѣе удивлена была Европа, когда мы, русскіе, въ лицѣ кіевскаго профессора Навашина, преподнесли ей столь же неожиданное, сколько чреватое послѣдствіями открытіе... двойного оплодотворенія. Еще разъ свѣтъ шелъ съ Востока!

Для того, чтобы понять суть и смыслъ открытія Навашина, намъ приходится, однако, сдѣлать нѣкоторое отступленіе и познакомиться сначала съ тѣми сложными процессами развитія, ареною которыхъ является зародышный мѣшокъ какъ до, такъ и послѣ совершающагося въ немъ оплодотворенія. Необходимо имѣть въ виду, что все сказанное далѣе будетъ относиться лишь къ настоящимъ высшимъ растеніямъ (однодольнымъ и двудольнымъ), голосѣмянныя же здѣсь въ счетъ не идутъ и мы о нихъ теперь позабудемъ; они ведутъ свою линію.

Зародышный мѣшокъ, будучи клѣточкой, вначалѣ содержитъ, какъ обыкновенно, лишь одно клѣточное ядро. Но вотъ въ немъ начинаются подготовительные процессы къ образованію полового снаряда, раскрытые намъ замѣчательными изслѣдованіями Страсбургера. Клѣточное ядро мѣшка дѣлится надвое тѣмъ сложнымъ процессомъ, который получилъ названіе каріокинеза и доставилъ и продолжаетъ доставлять столько пищи для изслѣдованій какъ ботаникамъ, такъ и зоологамъ. Вмѣсто одного ядра получаются два и они направляются къ противоположнымъ концамъ обыкновенно продолговатаго зародышнаго мѣшка. Вскорѣ каждое изъ этихъ ядеръ повторяетъ тотъ же процессъ каріокинеза, такъ что ядеръ уже четыре, а затѣмъ, вслѣдствіе новаго повторенія дѣленія, ихъ оказывается уже восемь; изъ нихъ четыре лежатъ въ одномъ концѣ мѣшка, четыре въ другомъ. Пока это только ядра, а клѣточка одна, общая всѣмъ—зародышный мѣшокъ. Но затѣмъ происходитъ образованіе и клѣточекъ: вокругъ ядеръ скопляется и обособляется протоплазма. Однако, вмѣсто восьми клѣточекъ, получается, почему-то, всего шесть. Въ каждомъ концѣ зародышнаго мѣшка только три ядра сгущаютъ вокругъ себя протоплазму и превраща-

ются въ голыя клѣточки, четвертое же ядро такъ ядромъ и остается. Значитъ, мы имѣемъ теперь въ зародышномъ мѣшкѣ шесть клѣточекъ и два свободныхъ ядра, которыя называютъ полярными, такъ какъ они лежатъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ зародышнаго мѣшка. Эти два «полярныхъ» ядра, оставшихся не у дѣлъ, направляются другъ къ другу и часто, хотя и не всегда, сливаются въ одно. Въ конечномъ результатѣ, слѣдовательно, оказывается, въ одномъ концѣ мѣшка группа изъ трехъ клѣточекъ, и въ другомъ концѣ такая же тройка, а въ срединѣ зародышнаго мѣшка лежитъ клѣточное ядро (иногда два), и можно подумать, что это то самое ядро, которое имѣлось въ мѣшкѣ уже въ ранней молодости, а шесть клѣточекъ сформировались сами собою, независимо отъ него. Все описанное совершается еще до оплодотворенія. Три голыя клѣточки, занимающія тотъ конецъ, къ которому должна проникнуть пыльцевая трубочка, представляютъ собственно половой снарядъ: одна изъ нихъ есть яйцеклѣточка, а прочія двѣ— вспомогательныя. Что же касается трехъ клѣточекъ, занимающихъ противоположный, удаленный отъ сѣмявхода конецъ мѣшка, то онѣ получили названіе антиподъ, но значеніе ихъ и до сихъ поръ остается неяснымъ. Таково строеніе зародышнаго мѣшка, когда онъ готовъ къ оплодотворенію.

Давно уже установлено было, что послѣ оплодотворенія внутри зародышнаго мѣшка совершаются процессы двоякаго рода. Съ одной стороны, оплодотворенная яйцеклѣточка начинаетъ, или тотчасъ же, или по прошествіи нѣкотораго періода покоя, разрастаться и дѣлиться для образованія зародыша, т.-е. новаго растеньица, составляющаго важнѣйшую часть всякаго сѣмени; зародышъ этотъ обыкновенно подвѣшенъ внутри зародышнаго мѣшка на особой нити, которую можно сравнить съ пуповиною высшихъ животныхъ. Но, кромѣ того, въ зародышномъ мѣшкѣ наступаетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ еще другой процессъ: начинается образованіе эндосперма или бѣлка. Давно укоренившееся русское названіе «бѣлка» выбрано было, къ сожалѣнію, крайне неудачно и испортило много крови россійскому учащемуся юношеству, вслѣдствіе постояннаго смѣшенія этого «бѣлка» сѣмянъ, представляющаго понятіе анатомическое, съ «бѣлкомъ» въ смыслѣ химическомъ, т.-е. съ бѣлковымъ веществомъ *). Другія націи счастливо избѣжали путаницы, употребляя терминъ «эндоспермъ». Этотъ несчастный бѣлокъ или эндоспермъ вовсе не вещество, а, какъ выражаются анатомы, ткань, т.-е. скопленіе клѣточекъ. Въ зародыш-

*) Я никогда не забуду научнаго доклада нѣкоего химика въ ботаническомъ обществѣ, сообщившаго намъ, что ему при анализѣ сѣмянъ одного растенія удалось найти „бѣлокъ“, хотя ботаники утверждаютъ, что у этого растенія сѣмена „безбѣлковыя“. Открытіе изумительное, если вспомнить, что безъ такого „бѣлка“, какой разумѣлъ нашъ химикъ, немыслима ни единая клѣточка, растительная или животная, безразлично.

номъ мѣшкѣ, помимо зародыша, возникаютъ новыя клѣточки, нерѣдко совершенно выполняющія его и среди этой ткани, какъ бы протискиваясь между ея клѣточками, раздвигая, а не то и пожирая ихъ, приходится развиваться зародышу. Дальнѣйшая судьба этой ткани, равно какъ степень ея развитія крайне различна, смотря по растенію. Въ однихъ случаяхъ она беретъ перевѣсъ надъ зародышемъ и большая часть сѣмени оказывается составленною изъ этой бѣлковой ткани, какъ, напримѣръ, въ зернахъ пшеницы, кукурузы и другихъ злаковъ, гдѣ зародышъ образуетъ лишь ничтожную по объему часть зерна; въ такомъ случаѣ питательныя вещества, необходимыя для дальнѣйшаго развитія зародыша при проростаніи, скопляются въ клѣткахъ этого «бѣлка» и вотъ такія сѣмена и получаютъ названіе «бѣлковыхъ». У другихъ же растеній, напротивъ, зародышъ беретъ перевѣсъ надъ бѣлкомъ и, разростаясь внутри зародышнаго мѣшка, совершенно вытѣсняетъ клѣтки бѣлка; какъ бы не допуская надъ собою никакой опеки, онъ самъ забираетъ все питательное вещество и тогда получается сѣмя, называемое «безбѣлковымъ». Примѣромъ сѣмянъ этого типа могутъ служить горохъ, бобы, миндаль и пр., гдѣ зародышъ составляетъ все сѣмя, если не считать облекающей его кожуры. Изъ сказаннаго видно, что даже въ тѣхъ сѣменахъ, которыя такъ неудачно называютъ безбѣлковыми, ткань бѣлка все же существуетъ при началѣ образованія сѣмени. Какова бы ни была дальнѣйшая судьба этихъ бѣлковыхъ клѣточекъ, онѣ всегда обязаны своимъ возникновеніемъ ядру зародышнаго мѣшка, тому самому ядру, которое, какъ мы видѣли, получилось путемъ сліянія двухъ оставшихся не у дѣлъ «полярныхъ» ядеръ. Это ядро послѣ оплодотворенія начинаетъ дѣлиться и является родоначальникомъ всѣхъ ядеръ въ клѣткахъ развивающагося эндосперма или бѣлка.

Вотъ теперь намъ станетъ понятно блестящее открытіе Навашина. Мы видѣли, что пыльцевая трубочка вноситъ въ зародышный мѣшокъ два оплодотворяющихъ элемента: одинъ изъ нихъ служитъ для оплодотворенія яйцеклѣточки. Ну, а второй? А второй сливается съ ядромъ зародышнаго мѣшка, побуждая его къ дальнѣйшему развитію. Такимъ образомъ въ зародышномъ мѣшкѣ совершается «двойное» оплодотвореніе—яйца и самаго мѣшка въ лицѣ его клѣточнаго ядра; результатомъ одного является развитіе зародыша, результатомъ другого развитіе такъ называемаго бѣлка. Такъ вотъ почему ткань бѣлка начинаетъ развиваться въ зародышномъ мѣшкѣ лишь послѣ оплодотворенія: это не косвенное слѣдствіе совершившагося оплодотворенія яйца, а результатъ непосредственнаго воздѣйствія одного изъ оплодотворяющихъ элементовъ на ядро зародышнаго мѣшка.

Весьма характерно и въ высокой степени поучительно, что открытіе Навашина было сдѣлано на растеніяхъ лилейныхъ (Lilium и Fritillaria); поучительно потому, что какъ разъ эти растенія, по нѣкоторымъ при-

чинамъ, особенно часто изслѣдовались по отношенію къ процессу ихъ оплодотворенія и сдѣлались, такъ сказать, классическими объектами въ этой сферѣ. Извѣстный французскій ботаникъ Гиньяръ за нѣсколько лѣтъ до работы Навашина напечаталъ обширное, произведшее значительное впечатлѣніе на ученый міръ изслѣдованіе полового процесса у этихъ самыхъ лилейныхъ. И вотъ, оказывается, что Гиньяръ видѣлъ и даже изобразилъ то, чего, какъ кажется, въ дѣйствительности не существуетъ (знаменитыя центрозомы), а слона то и не замѣтилъ. Не удивительно, что сообщеніе Навашина задѣло Гиньяра за живое и что пять мѣсяцевъ спустя послѣ краткаго предварительнаго сообщенія нашего русскаго ученаго появилась подробная, иллюстрированная рисунками, работа Гиньяра, вполнѣ подтверждавшая на тѣхъ же объектахъ результаты, полученные Навашинымъ. Да, воистину одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ—умѣнье видѣть существующее, способность снять съ себя очки, втираемые намъ воспитаніемъ, образованіемъ и даже... наукою.

Впечатлѣніе, произведенное разоблаченіемъ двойного оплодотворенія, было громадно. Со всѣхъ сторонъ принялись за провѣрку и дальнѣйшую разработку этого явленія. Можно сказать, что въ послѣдніе годы наука, между прочимъ, пережевываетъ на всѣ лады открытіе Навашина. Первый вопросъ, который долженъ былъ возникнуть, касался, конечно общности этого явленія. Свойственно ли оно только лилейнымъ, или, можетъ быть, вообще однодольнымъ, или же встрѣчается у всѣхъ высшихъ растеній. Разъясненію этого вопроса, отвѣтъ на который можно было почти предвидѣть, болѣе всего способствовалъ самъ Навашинъ. Въ новой работѣ, появившейся въ 1900 году, два года спустя послѣ надѣлавшаго столько шума перваго сообщенія его, Навашинъ показалъ, что двойное оплодотвореніе свойственно также лютиковымъ и сложноцвѣтнымъ, двумъ семействамъ изъ двудольныхъ, крайне удаленнымъ какъ отъ лилейныхъ, такъ и другъ отъ друга. Подробности процесса нѣсколько различны, но суть дѣла вездѣ одна и та же. У лилейныхъ, напримѣръ, оплодотвореніе наступаетъ еще до сліянія «полярныхъ» ядеръ, такъ что нѣкоторое время въ зародышномъ мѣшкѣ оказывается цѣлыхъ три свободныхъ ядра: два еще не слившихся въ одно полярныхъ ядра да третье, собирающееся ихъ оплодотворить, ядро, внесенное второю генеративною клѣточкою; это послѣднее прикладывается сначала къ ближайшему изъ полярныхъ ядеръ, а затѣмъ происходитъ сліяніе всей тройки и въ результатѣ получается одно ядро, которое и начинаетъ дѣлиться для образованія бѣлковой ткани. Напротивъ, у лютиковыхъ и сложноцвѣтныхъ полярныя ядра слиты между собою въ одно общее ядро еще до введенія оплодотворяющихъ элементовъ въ зародышный мѣшокъ и это, въ сущности, двойное ядро и подвергается оплодотворенію.

Но, кромѣ указанія на широкое распространеніе двойного оплодо-

творенія въ разнообразныхъ группахъ высшихъ растеній, изслѣдованія Навашина выдвинули на сцену еще новый любопытный вопросъ. Существуютъ растенія, хотя ихъ немного, у которыхъ почему-то бѣлковая ткань въ зародышномъ мѣшкѣ не образуется вовсе, даже не пытается, такъ сказать, возникнуть; таковы орхидеи. Чѣмъ объясняется такое странное исключеніе? По наблюденіямъ Навашина надъ тропическими орхидеями, съ которыми онъ имѣлъ случай ознакомиться во время пребыванія своего на островѣ Явѣ, оказывается, что у нихъ существуетъ лишь простое, давно извѣстное оплодотвореніе, а нѣтъ двойного. Полярныя ядра въ зародышномъ мѣшкѣ остаются неслитыми и второй оплодотворяющій элементъ, доставленный пыльцевою трубочкою, не обнаруживаетъ никакихъ поползновеній къ сліянію съ ними. Такимъ образомъ отсутствіе бѣлка является слѣдствіемъ неосуществившагося оплодотворенія — блестящее доказательство необходимости послѣдняго для развитія бѣлковой ткани. Однако, насчетъ правильности этого толкованія возникли нѣкоторыя сомнѣнія. Страсбургеръ положительно утверждаетъ, что у нашихъ туземныхъ орхидей дѣло обстоитъ иначе: полярныя ядра у нихъ сливаются, происходитъ типичное, открытое Навашинымъ двойное оплодотвореніе, но тѣмъ не менѣе бѣлковой ткани не образуется. Значитъ, отсутствіе ея здѣсь нельзя приписывать отсутствію оплодотворенія, а приходится допустить, что у нашихъ орхидей оплодотворенное ядро зародышнаго мѣшка подвергается какому-то постороннему вліянію, которое парализуетъ эффектъ оплодотворенія и мѣшаетъ проявленію обычныхъ его послѣдствій. Вопросъ этотъ и до настоящаго времени остается въ такомъ неопредѣленномъ положеніи и настойчиво ожидаетъ разъясненія путемъ новой тщательной провѣрки противорѣчащихъ другъ другу показаній.

Въ оцѣнкѣ и истолкованіи общаго смысла двойного оплодотворенія ученые съ самаго же начала рѣзко разошлись между собою. Одни, вмѣстѣ съ Навашинымъ, считаютъ оба акта, совершающіеся въ зародышномъ мѣшкѣ, вполнѣ равноправными между собою: обѣ генеративныя клѣточки, внесенныя пыльцевою трубочкою, производятъ настоящее оплодотвореніе, одна—яйцеклѣточки, другая самого зародышнаго мѣшка; въ послѣднемъ развивается какъ бы два различныхъ зародыша: одинъ, всегда называвшійся этимъ именемъ и представляющій зачатокъ новаго растенія; а другой—въ видѣ бѣлковой ткани. Между этими двумя зародышами существуетъ извѣстный антагонизмъ, то тотъ, то другой опережаютъ въ своемъ развитіи другъ друга, но, въ концѣ концовъ, то раньше, то позже, одинъ изъ нихъ—бѣлокъ—послужитъ пищею другому; въ безбѣлковыхъ сѣменахъ такое поглощеніе совершается рано, еще до созрѣванія сѣмени, въ бѣлковыхъ гораздо позже, при его проростаніи.

Другіе ученые, подобно Гиньяру, не хотятъ признать равноправности обоихъ актовъ, изъ которыхъ слагается «двойное» оплодотво-

реніе. Настоящее оплодотвореніе, по ихъ мнѣнію, одно: то, которое ведетъ къ образованію новаго организма, второй же процессъ, приводящій къ развитію бѣлковой ткани, есть лишь «ложное» оплодотвореніе, крайне интересное само по себѣ, но лишенное, такъ сказать, внутренняго смысла.

Крупный козырь въ этомъ далеко еще не законченномъ спорѣ доставили Навашину и его сторонникамъ неожиданно воскрешенныя изъ забытія... ксеніи. Да, да, ксеніи! А что это такое, мы узнаемъ изъ слѣдующаго очерка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОНЕТЪ.

Schwansee.

Вдоль озера съ тобой мы шли въ вечерній часъ.
Равнина свѣтлыхъ водъ дымилась и мерцала,
И сосны черныя недвижно отражала
У сонныхъ береговъ. Ты помнишь, мимо насъ

Безшумно лебедь плылъ... А тамъ, вдали устало
Послѣдній взоръ зари на блѣдномъ небѣ гасъ.
Въ туманной вышинѣ одна звѣзда сверкала,
Вечерняя звѣзда сверкала, какъ алмазъ.

И было все кругомъ такъ смутно, точно въ сказкѣ:
Вершины горъ, лѣса и призрачныя краски
Несмѣлыхъ облаковъ. И замокъ на холмѣ

Казался голубымъ, воздушнымъ, какъ видѣнье,
И тихо лебедь плылъ, бѣлѣя въ отдаленьи
Надъ соннымъ озеромъ, въ прозрачной полутьмѣ.

Сергѣй Маковскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Беллетристическіе сборники гг. Серафимовича, Телешова, Куприна, Юшкевича.—„Трусъ“, г. Куприна.—Изъ текущей беллетристики—„Не страшное“ г. Короленки.—Истинно-русскія рѣчи гг. Сигмы, Меньшикова, Энгельгардта и др.—Иллюстрація „добрыхъ газетныхъ нравовъ“ въ дѣлѣ Чермана, Рамма и Ѳ. Булгакова.—„Милые бранятся—только тѣшатся“.

Цѣлый потокъ художественныхъ сборниковъ хлынулъ на читательскій столъ: произведенія гг. Короленки, Горькаго, Бунина, Куприна, Серафимовича, Телешова, Юшкевича, Чирикова, новый томъ (III) Вересаева, — все имена нашихъ лучшихъ современныхъ художниковъ, изъ которыхъ каждый выдѣляется вполнѣ опредѣленной, яркой литературной физіономіей. Не говоря уже о гг. Короленкѣ и Горькомъ, принадлежащихъ теперь не только русской, но и европейской литературѣ, и остальные упомянутые писатели въ любой литературѣ явились бы замѣтной величиной и вызвали бы не меньшій потокъ критическихъ статей и замѣтокъ. И притомъ, какъ въ сущности недавно каждый изъ нихъ создалъ свое имя и занялъ опредѣленное мѣсто въ художественной литературѣ. Большинство ихъ выступили не больше десяти лѣтъ тому назадъ; нѣкоторые, какъ гг. Купринъ и Юшкевичъ, и того меньше, и выросли на нашихъ глазахъ за послѣдніе 3—4 года, не поощряемые критикой, которая или игнорировала ихъ, или съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ изрѣдка «поощряла». Мы не можемъ указать ни одной статьи, посвященной такимъ крупнымъ дарованіямъ, какъ г. Купринъ, или такому оригинальному писателю, какъ г. Юшкевичъ. Каждый изъ нихъ выдвинулся исключительно самъ и обязанъ только читателю, который сразу же оцѣнилъ и отмѣтилъ ихъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашего времени—эта свобода читательскаго выбора. Современный читатель руководствуется *своимъ* вкусомъ, и самъ выбираетъ своихъ любимыхъ авторовъ, иногда совершенно въ разрѣзъ съ установившимися въ критикѣ взглядами и требованіями, какъ случилось, напр., съ произведеніями г. Чирикова, котораго правовѣрная критика предала «проклятію» за его «Инвалидовъ», а его сборники повѣстей и разсказовъ выходятъ третьимъ и четвертымъ изданіемъ на протяженіи трехъ лѣтъ. Очевидно, произошелъ большой расколъ между критикой и читателемъ. Не то, что бы читатель окончательно извѣрился въ правовѣрности критиковъ,—онъ просто пересталъ руководствоваться ихъ мнѣніемъ, зная наперед, что можетъ сказать

тотъ или иной изъ присяжныхъ критиковъ. Издавна они усвоили себѣ точные образцы и шаблоны, по которымъ и примѣряютъ художниковъ, — подошелъ, хорошо, нѣтъ—отметается. Привыкнувъ къ такой подгонкѣ и примѣркѣ, читатель, въ концѣ концовъ, заскучалъ, и отъ критики обратился къ самимъ художникамъ, отчего оказался въ несомнѣнномъ выигрышѣ. Тутъ онъ находитъ жизнь, если и не со всѣми ея переливами, то все же не поддѣлку ея по рецептамъ того или иного присяжнаго цѣнителя, съ выговоромъ автору, зачѣмъ онъ не далъ того-то и того-то и какъ осмѣлился писать то и то. Читатель, несомнѣнно, съ жадностью ищетъ этой жизни и поглощаетъ все, въ чемъ находитъ отголоски ея. Ярче и громче всего говорятъ объ этомъ цифры изданій, какихъ раньше не зналъ книжный рынокъ. Повѣсть, напр., В. Короленки «Безъ языка», вышедшая мѣсяца три тому назадъ въ 5.000 экз., уже разошлась, или «На днѣ» М. Горькаго, вышедшее въ 35.000 экз., разошлось въ 2 мѣсяца.

Успѣхъ всѣхъ этихъ писателей, столь различныхъ по своимъ дарованіямъ, но яркихъ и опредѣленныхъ по своимъ талантамъ, нельзя подвести подъ какое-либо модное теченіе, и въ немъ проявляется нѣчто болѣе глубокое и важное. Съ одной стороны, предъ нами несомнѣнный ростъ читательской массы, что сказывается хотя бы въ общемъ спросѣ на книгу и журналы, за исключеніемъ, впрочемъ, доблестнаго органа «Русскаго собранія»—«Русскаго Вѣстника», который даже въ ловкихъ рукахъ г. Комарова еле влачитъ дни свои. Должно быть, ревнители новѣйшаго націонализма не очень-то любятъ собственную литературу, предпочитая поучаться у своихъ противниковъ, и только платонически готовы поддерживать своихъ пророковъ.

Съ другой стороны, помимо численнаго роста, въ этомъ сказывается и свѣжесть новаго читателя, который непосредственнымъ чутьемъ схватываетъ правду художественныхъ произведеній, не руководствуясь ничьей указкой. Непосредственное чутье правды даетъ новому читателю свободу выбора и дѣлаетъ его совершенно недоступнымъ для лицемѣрныхъ запугиваній разныхъ защитниковъ читательской нравственности. Яркимъ примѣромъ безсилія такого похода противъ таланта теперь можетъ служить комическая травля, начатая г. Буренинымъ противъ г. Андреева и привлекшая къ себѣ вниманіе, какъ ни странно такое сочетаніе, только... графини С. Толстой и — г. Розанова. А читатель, на котораго была разсчитана вся эта комедія возмущеннаго цѣломудрія нововременскихъ весталокъ, остался глухъ и продолжаетъ раскупать произведенія г. Андреева.

Въ то же время читательская свобода отнюдь не свидѣтельствуетъ, чтобы новый читатель совсѣмъ былъ противъ критики. Только свой выборъ онъ не подчиняетъ ей, но критику an und für sich онъ читаетъ и раскупаетъ такія дорогія сравнительно изданія, какъ полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, вышедшихъ одновременно въ нѣсколькихъ изданіяхъ, Добролюбова, выдержавшаго въ послѣдніе годы три изданія, и цѣлый рядъ небольшихъ критическихъ брошюръ мало извѣстныхъ авторовъ, какъ, напр., гг. Новополинъ, Волжскій и др. Каждый мѣсяцъ въ спискѣ новыхъ книгъ читатель нашего журнала можетъ

найти нѣсколько критическихъ брошюръ, которыя, несомнѣнно, имѣютъ спросъ, что доказывается вторыми ихъ изданіями (напр., Новополинъ или третье изданіе г. Андреевскаго). Для новаго читателя эти критики—не судьи его вкуса, не «властители думъ», онъ и въ нихъ цѣнитъ также, если находитъ, свѣжую мысль, вѣрное историческое освѣщеніе или тонкій литературный вкусъ.

Такъ постепенно создается новая литературная атмосфера, гдѣ «іудеи и и эллины» свободно соприкасаются, каждый внося свое, самое дорогое и оригинальное, индивидуальное, неизломанное, согласно требованію того или иного критика. Свободная атмосфера создастъ свободное искусство и вызоветъ, въ свою очередь, и свободную критику, которой наша литература еще не знаетъ, но уже предчувствуетъ. Эта критика не станетъ распинать художника на прокрустовомъ ложѣ шаблона, а будетъ брать у него то, что онъ далъ истинно-художественнаго, слѣдовательно, правдиваго, стоющаго быть увѣковѣченнымъ.

Останавливаться на всѣхъ новыхъ сборникахъ разсказовъ, вынужденныхъ издательствомъ «Знаніе», мы не станемъ. Не потому, что бы не всѣ авторы заслуживали вниманія читателя. Напротивъ, каждый имѣетъ оригинальныя, ему одному присущія черты, отличительный знакъ несомнѣнной талантливости. У г. Серафимовича, напр., хороши по яркости и художественности его очерки изъ жизни рыбаковъ и крайняго сѣвера. Разсказъ «Месть», въ которомъ сжато и сильно описанъ самосудъ надъ воромъ, выкрадывавшимъ рыбу изъ сѣтей товарищей, или «Тундра» съ прекраснымъ описаніемъ снѣжной бури, несомнѣнно, сдѣлали бы честь любому художнику. Или повѣсть г. Телешова «Сухая бѣда» (первоначально была помѣщена на страницахъ нашего журнала въ 1898 г.), дающая живую и оригинальную группу типовъ ирбитской ярмарочной жизни и яркую психологію бѣднаго черемиса, который собственною смертью мститъ за великую обиду. У обоихъ авторовъ, наряду съ тонкой наблюдательностью, читатель находитъ и недурную художественную отдѣлку, и умѣлую обрисовку характеровъ, и литературный, образный языкъ. Но ни г. Серафимовичъ, ни г. Телешовъ не представляютъ въ этомъ отношеніи чего-либо особаго, потому что мы уже избалованы по части художественности, къ которой насъ пріучила русская литература предшествующаго періода. Оба они, несомнѣнно, талантливые и яркіе художники, но въ нихъ мы не чувствуемъ современности съ ея нервностью, тревожнымъ исканіемъ новыхъ путей въ осложнившейся жизни и чуткостью къ безпокойному настроенію, переживаемому нами теперь. Оба представляются намъ вполнѣ законченными художниками, которые умѣютъ нарисовать прекрасный пейзажъ или бытовую картину, что, конечно, очень много, но еще не все. Мы не чувствуемъ въ нихъ того проникновенія въ глубину даннаго образа, которое вдругъ невѣдомымъ способомъ открываетъ въ немъ нѣчто новое, близкое, родное и въ то же время общее всѣмъ и для всѣхъ важное.

Въ этомъ отношеніи въ новой серіи изданій «Знанія» два писателя выдѣляются особенно рѣзко—гг. Юшкевичъ и Купринъ. Такъ какъ съ произведеніями перваго наши читатели знакомы довольно близко, у насъ были напечатаны «Кабатчикъ Гейманъ», «Ита Гайне» и «Студентъ Павловъ», то мы

ближе остановимся только на большой повѣсти «Распадъ», представляющей двойной интересъ—и бытовой, и какъ произведеніе, раскрывающее вѣчный разладъ между «отцами и дѣтьми», но не въ обычной для русскаго читателя обстановкѣ. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что весь сборникъ г. Юшкевича посвященъ изображенію жизни еврейской среды, въ которой авторъ находитъ цѣлую галлерею живыхъ и любопытныхъ типовъ, какихъ до него никто еще не вводилъ въ русскую литературу. Послѣдняя знаетъ отдѣльные типы, внѣ связи съ ихъ средой, причемъ всегда интересовалась ими съ особой, специфической точки зрѣнія, не столько ради нихъ самихъ, сколько для цѣлей скорѣе публицистическихъ. Враждебные еврейству авторы выводили типы евреевъ для доказательства излюбленной ими теоріи объ отверженности этого народа. Противники стремились доказать обратное, указывая на общія черты, сближающія насъ съ изображаемыми еврейскими типами. Но художественнаго описанія еврея и его жизни ради него самого, вполнѣ художественнаго и свободнаго отъ всякой публицистики, мы до г. Юшкевича не имѣли. Вотъ почему сборникъ его, помимо всего прочаго, заполняетъ очень существенный пробѣлъ въ литературѣ. Въ изображеніи этого міра г. Юшкевичъ великій мастеръ, и его кабатчикъ Гейманъ, философъ Мотя или Ита Гайне такіе яркіе и сильные образы, что могутъ по праву занять мѣсто наряду съ лучшими образами въ русской литературѣ изъ народной среды. С. Юшкевичъ съумѣлъ схватить въ яркихъ чертахъ ихъ оригинальную психологію, ихъ языкъ, смѣсь жаргона съ яркой восточной живостью въ изображеніи повседневной жизни, со всею сложностью бытовой и психической жизни въ чертѣ осѣдлости.

«Распадъ»—это широкая картина того глубокаго переворота, который происходитъ въ еврейской семьѣ средней буржуазіи. Жизнь послѣдней сложилась давно и, повидимому, прочно, благодаря той замкнутости, которой еврейство обязано особымъ условіямъ черты осѣдлости, не позволявшимъ естественнаго обмѣна и соприкосновенія постороннихъ элементовъ и внутренней жизни еврейской среды. Но жизнь не могла остановиться въ этой средѣ, она только замедлила свое теченіе, благодаря искусственнымъ перегородкамъ, и на исторіи семейства Розеновыхъ мы видимъ все то, что раньше привыкли встрѣчать въ русской буржуазной семьѣ. Распадъ семьи идетъ съ двухъ, такъ сказать, сторонъ — изнутри и извнѣ. Съ одной стороны, старики Розеновы, по своему хорошіе, обыкновенные люди, всю жизнь посвятившіе дѣтямъ, чувствуютъ, что между ними и послѣдними все шире и шире раздвигается какая-то щель, отдѣляющая ихъ другъ отъ друга. Это—внутренняя причина распада, выростающая сама собой, благодаря различію во взглядахъ на жизнь и въ пониманіи ея задачъ и цѣлей. Съ другой стороны, упадокъ семейнаго благосостоянія, такъ какъ дѣла Розенова пошатнулись, ускоряетъ распадъ семьи, внося острые раздоры изъ-за средствъ къ существованію. И то, и другое продуктъ новыхъ жизненныхъ условій, съ которыми старики не умѣютъ сладить, что мучитъ ихъ и вызываетъ острое чувство боли при видѣ непониманія этихъ мукъ дѣтьми. Но и послѣднія мучаются и страдаютъ не

менѣе, такъ какъ и они видятъ, и чувствуютъ все шире раздвигающуюся щель семейной жизни. Ихъ пониманіе и требованія къ жизни и возвышеннѣе, и глубже, и проще въ то же время, но они не мирятся и не могутъ примириться съ упрощенными семейными традиціями. Съ особой страстностью относится къ распаду семейнаго уклада мать, Соня Розенова, для которой семья—все, и внѣ семьи—ничего. Это—истая древляя Рахиль, для которой въ мужѣ и дѣтяхъ—весь міръ, а все, что его окружаетъ, или возбуждаетъ въ ней вражду, или желаніе употребить на пользу той же семьи. И мать яростно отстаиваетъ цѣльность семьи противъ дѣтей и противъ угрожающаго міра, надвигающагося на нее со всѣхъ сторонъ со своими новыми, злыми и безжалостными требованіями.

«— Одна болѣзнь насъ съѣла,—съ воплемъ и горемъ обращается она къ дѣтямъ, которыя стремятся къ независимой жизни.—Связи нѣтъ и не было между нами. Волками вы были въ семьѣ, волками вы и покидаете ее. Яковъ еще не оторвался, но онъ оторвется; его душа не наша, онъ волкъ... Ты волкъ, Лева съ дѣтства былъ намъ чуждъ. Отецъ, мать, семья, ничего этого не существовало для него и чужимъ онъ выросъ среди насъ: онъ волкъ. Всѣ, всѣ вы волки, и напрасны были труды наши.

«— Нѣтъ, нѣтъ,—горячо вскричалъ Давидъ,—не мы, вы, вы волки. Развѣ мы требуемъ чего отъ васъ? Мы просимъ, только просимъ, требуете вы. Вы требуете подчиненія своимъ взглядамъ, своимъ желаніямъ. Вы не признаете у насъ своей жизни, вы требуете, чтобы у насъ ея не было. Если въ семьѣ есть тягота, забота, горе, то и всѣ мы должны тащить на себѣ эту тяготу, заботу, горе, точно кругомъ жизни нѣтъ. Все, все для семьи, и ничего себѣ. Что вамъ до остального міра? Въ семью, въ семью! Сегодня откажись отъ одной дорогой мечты, завтра отъ другой, ибо семейный бичъ свиститъ надъ головой. Стань подлецомъ, негодяемъ, но не измѣняй семьѣ...»

Отецъ еще готовъ понять это требованіе своей жизни и только скорбитъ, что грозящее разореніе дѣлаетъ его безсильнымъ помочь дѣтямъ на первыхъ шагахъ ихъ самостоятельности. Мать, какъ настоящая хранительница стараго завѣта «все для семьи», до конца не мирится съ требованіями дѣтей, и если понимаетъ что, то лишь стремленія старшаго сына Якова, который является въ повѣсти типичнымъ образцомъ интеллигентнаго еврея-буржуа. Онъ получилъ среднее образованіе, имѣетъ аттестатъ зрѣлости, и его мечта кончить университетъ и стать докторомъ, завести широкую практику и жить для себя. Узкій и низменный эгоизмъ Якова, требующаго всякихъ жертвъ отъ отца и матери для осуществленія своего идеала, ей понятенъ. Онъ прямо вытекаетъ изъ стараго уклада семьи—все для себя, и мать не о томъ скорбитъ, что Яковъ эгоистъ, а лишь о томъ, что онъ не вполнѣ согласенъ на тѣ мѣры, которая она рекомендуетъ ему, въ родѣ женитьбы на богатой невѣстѣ. Сама готовая на все во имя семьи, даже на преступленіе, она не можетъ понять нѣкоторой его брезгливости. Розенова это цѣльная натура, вся изъ одного куска, не знающая колебаній тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о благѣ семьѣ. Эту ея цѣлостность рельефно оттѣняетъ дряблость мужа, добраго и по своему умнаго дѣльца, ко-

торый запутался въ противорѣчіяхъ жизни, понимаетъ и дѣтей, и ее, и свое безвыходное положеніе, но вѣчно колеблется, много говоритъ и ничего не дѣлаетъ.

И дѣти тоже представляютъ двѣ разновидности. Яковъ весь въ мать по силѣ своего эгоизма. Онъ добивается своей цѣли и заставляетъ отца сколотить нужную сумму для поѣздки его за границу, чтобы тамъ докончить образованіе и вернуться съ дипломомъ врача. Давидъ это сколокъ отца, рефлектирующій, порывистый, но слабый и потому такой же жалкій. Онъ женится по увлеченію на бѣдной дѣвушкѣ и съ первыхъ же шаговъ начинаетъ такую же семейную жизнь, отъ которой ушелъ изъ дому, какъ бы продолжая дѣло распада, который не въ одной семьѣ Розеновыхъ начался и не на ней одной окончится, какъ бы героически ни были усилія такихъ желѣзныхъ натуръ, какъ мать.

Все для той же семьи, для своего жестокаго Бога и тирана, которому она служила всю жизнь, она поджигаетъ свой домъ, чтобы высокой страховой платой спасти то, что ей кажется возможнымъ спасти. Въ повѣсти это самое яркое и сильное мѣсто, когда эта мать, обезумѣвшая отъ распада семьи, крадется на чердакъ, чтобы совершить поджогъ, а потомъ ея мужъ, знающій истину, съ невыразимой мукой видитъ, какъ, спасая ихъ, его жена губитъ жалкіе остатки другихъ семей, еще болѣе несчастныхъ и пришибленныхъ.

«Какъ жалко, ничтожно его горе предъ этимъ огромнымъ горемъ. Какой ужасъ совершить преступленіе на спинѣ беззащитныхъ, безсильныхъ людей. Розеновъ схватился за грудь, чувствуя, что вотъ, вотъ самъ онъ крикнетъ, чтобы связали его, преступника, чтобы бросили на этотъ костеръ, который онъ самъ зажегъ. Но жена, грозная, стойкая, какъ рулевой въ бурю, смѣло направляла къ виднѣвшимся берегамъ. Пусть не дрожитъ Исаакъ. Она, она стоитъ на стражѣ, и нѣтъ той дорогой цѣны, которой она не дала бы за спасеніе своей семьи. Довольно уже страданій, безсонныхъ ночей, страховъ, мученій. Пусть горитъ этотъ старый проклятый домъ, ибо съ нимъ сгоритъ все ужасное прошлое. Здѣсь погибли люди, и вотъ они окружаютъ ее, молятъ, стонутъ, но развѣ она мало плакала въ жизни? Пусть каждый думаетъ о себѣ...» И она чувствуетъ себя глубоко правой, какъ волчица, задавившая овцу, чтобы прокормить своихъ дѣтенышей, и равнодушно смотритъ на пожаръ. «А пожаръ разгорался все больше подъ вліяніемъ не стихавшаго вѣтра и, казалось, грозилъ сжечь до корня эти дома безпредѣльной нищеты и горя. Все небо было освѣщено его пламенемъ, и видно было, какъ быстро уходили облака, зажженныя по краямъ. И точно гигантскія скорбныя руки, сплетаясь и разнимаясь, столбы огня поднимались вверхъ все выше, чтобы умилостивить божество, молить его о спасеніи, умиротворить его всегда карающую десницу, передавая небу своимъ горячимъ дыханіемъ огонь мукъ и страданій, сжимавшій эти бѣдныя сердца ихъ жажду о каплѣ счастья, о кускѣ обезпеченнаго хлѣба; а между тѣмъ внизу, тамъ, гдѣ стояли уставшіе и обезсиленные люди, крики о спасеніи, плачъ, стоны не переставали смѣшиваться съ воемъ вѣтра, хищнымъ воемъ праздновавшаго побѣду чудовища».

Въ чемъ же лежитъ коренная, внутренняя причина распада? Отвѣтъ даетъ

письмо сына Левы, который уходитъ изъ дому въ невѣдомую даль, чтобы «служить народу». Лева тоже цѣльная, прямая натура, какъ и мать. Если для нея семья все, ея Богъ и тиранъ, для него Богомъ является неподкупная совѣсть, которая не мирится съ жизнью только для себя, для семьи, чего бы это ни стоило другимъ. Мать приноситъ міръ въ жертву семьѣ, Лева жертвуетъ семьей во имя интересовъ міра, которые несовмѣстимы, по его мнѣнію, съ интересами современнаго семейнаго уклада. Въ письмѣ къ отцу онъ говоритъ: «Спрашиваешь ли ты себя еще, кто правъ изъ насъ? Знаешь, что я скажу тебѣ, отецъ. При настоящихъ условіяхъ, всякій изъ нашей семьи поступилъ, какъ могъ, и въ прямомъ смыслѣ слова виноватыхъ нѣтъ, всѣ правы. Ты могъ бы поставить другой вопросъ: должно ли оно было такъ случиться, не было ли возможности избѣгнуть этого распада? Я отвѣчу тебѣ увѣренно: нѣтъ, оно не могло быть иначе. Настоящая семья всегда носила въ себѣ зародышъ распаденія, а ея идеалы, внушаемые дѣтямъ, только углубляли эту пропасть. Если она еще не погибла, то она начинаетъ уже погибать, и она погибнетъ. Есть одно спасеніе отъ этого разгрома, ты его не захочешь, это работа для народа. Если бы ты воспиталъ насъ въ этой мысли, мы бы, можетъ быть, не разбрелись, твоя жизнь была бы иной, и всѣ бы мы работали другъ подлѣ друга, связанные не зоологически, не кровной связью, которая, ты видишь, разрывается отъ перваго усилія, какъ сгнившая нитка, а общими интересами народнаго дѣла, которые не сравняются съ родственными связями. Но безъ этого семья и общество, которое образуетъ эти семьи, должны разрушиться. Это неизбѣжно, какъ день послѣ ночи».

Идея повѣсти, ясно выраженная въ письмѣ Левы, далеко выходитъ за предѣлы исторіи семьи Розеновыхъ, и такъ въ каждомъ почти разсказѣ г. Юшкевича. Напомнимъ хотя бы исторію Иты Гайне, одной изъ безчисленныхъ «замѣстительницъ», составляющихъ огромный кадръ несчастныхъ, осужденныхъ на поддержаніе современной семьи цѣною отказа отъ собственной семейной жизни и радостей материнства. Въ каждомъ произведеніи г. Юшкевича идейность содержанія преобладаетъ, что рѣзко выдѣляетъ его среди современныхъ беллетристовъ. До сихъ поръ въ его произведеніяхъ почти исключительно захваченъ міръ еврейства, кромѣ «Студента Павлова», въ которомъ авторъ сдѣлалъ попытку нарисовать неустойчивую психологію одного изъ представителей современной молодежи, попытку, по нашему мнѣнію, удачную, хотя выведенный имъ типъ и не вполнѣ законченъ.

Если идейность составляетъ преобладающую черту въ характерѣ таланта г. Юшкевича, то художественность является главнымъ элементомъ въ творчествѣ г. Куприна. Изъ десяти небольшихъ разсказовъ, составляющихъ сборникъ, трудно сказать, который лучше. Исключеніе составляетъ самый большой изъ нихъ «Молохъ», о которомъ намъ уже приходилось говорить (см. «Критическія Замѣтки», 1897 г. февр.). Несмотря на отдѣльныя превосходныя мѣста, напр., описаніе общей картины завода, въ разсказѣ, скорѣе повѣсти, чувствуется какая-то связанность, словно художникъ работаетъ подъ чуждымъ вліяніемъ.

Но стоитъ только отъ «Молоха» перейти къ слѣдующему разсказу «Ночная

смѣна», и впечатлѣніе сразу мѣняется, словно предъ нами новый авторъ. И далѣе это новое впечатлѣніе все растетъ и усиливается, не ослабѣвая до конца этой небольшой книги. Это впечатлѣніе необычайной свѣжести, чистоты и яркости. Читая эти небольшія сцены, этюды и очерки, испытываешь такое ощущеніе, какъ въ ясный весенній день, когда воздухъ расширяетъ грудную клѣтку и дышется легко и свободно, а на ясномъ до прозрачности небѣ съ удивительною отчетливостью вырисовываются мельчайшія детали молодой зелени деревьевъ. Жизнь радуетъ въ такія минуты, и этою безсознательною радостью, что жизнь интересна, полна и глубока самыми разнообразными ощущеніями, проникнута вся книга. Художникъ, словно ребенокъ, выбѣжавшій въ поле, не можетъ натѣшиться непосредственностью бытія и передаетъ ее читателю, который и самъ заражается его здоровымъ, бодрящимъ настроеніемъ и невольно восклицаетъ: «Господи, какъ хорошо жить на свѣтѣ!» А между тѣмъ содержаніе разсказовъ вовсе не изъ веселыхъ. Въ нихъ, какъ и въ жизни, печаль и радость, смѣшное и грустное перемѣшиваются въ причудливыхъ узорахъ, слагаясь въ общую, пеструю и яркую картину, живую почти до осязательности.

Вотъ, напримѣръ, описаніе тетеревиной охоты изъ разсказа «Въ лѣсной глуши».

«Я съ трудомъ отыскалъ свою будку. Она состояла изъ двухъ тонкихъ березокъ, связанныхъ верхушками и густо закрытыхъ съ боковъ сосновыми вѣтками. Раздвинувъ вѣтки, я влѣзъ въ будку на четверенькахъ, усѣлся поудобнѣе, прислонилъ ружье къ стволу и сталъ оглядываться.

«Прямо предо мной тянулись ровныя сѣрыя широкія грядки прошлогодней нивы. Востокъ уже начиналъ розовѣть. Деревья и кусты вырисовывались блѣдными, неясными, однотонными пятнами. Къ смолистому крѣпкому запаху сосновыхъ вѣтвей, изъ которыхъ сдѣлана была моя будка, примѣшивался запахъ утренней сыроватой свѣжести. Пахла и молодая травка, сырая отъ росы...

«Гдѣ-то очень близко—мнѣ показалось, что надъ самой моей головой—робко чирикнула птичка, ей отвѣтила другая, третья... Въ лѣсу пронзительно захохотала сова, и ея крикъ звучно и рѣзко пронесся между деревьевъ. Утка пролетѣла стороной и долго не смолкало ея кряканье, все тише и тише доносясь до меня. Высоко на деревьяхъ томно застонали дикіе голуби.

«Вдругъ совсѣмъ около меня, на землѣ, раздалось громкое хлопанье крѣпкихъ крыльевъ. Я невольно вздрогнулъ. Не далѣе, какъ въ шагѣ отъ моей будки упалъ тетеревъ; если бы я протянулъ руку, я могъ бы дотронуться до того мѣста, гдѣ онъ опустился. Весь черный, съ красными мясистыми бровями и короткимъ острымъ клювомъ, онъ стоялъ неподвижно, какъ каменный, показываясь мнѣ всѣмъ своимъ стройнымъ красивымъ профилемъ. Его блестящій черный глазокъ тревожно и зорко заглядывалъ въ будку. Я затаилъ дыханіе и замеръ, не отводя отъ него глазъ. Но тетеревъ уже замѣтилъ меня. Онъ вдругъ поднялся и, громко хлопая крыльями, полетѣлъ низко надъ землей...

«Ну, пропала сегодня охота! подумалъ я съ досадой, но въ ту же секунду съ двухъ сторонъ—впереди меня и справа—также громко и коротко

захлопали крылья. Нѣсколько минутъ оба тетерева молчали, должно быть, внимательно оглядываясь кругомъ и прислушиваясь. Но вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что упалъ справа, издалъ громкій боевой крикъ: чу! чшшш... странный звукъ, который трудно передать, похожій отчасти на испорченый, осипшій пѣтушиный крикъ, отчасти на шипѣніе, а также на свистъ ножа подъ колесомъ точильщика. Чу! чшши... тотчасъ же отозвался другой. Какъ мнѣ ни хотѣлось увидѣть самихъ тетеревовъ, но я боялся пошевелиться и только слушалъ.

«Такъ они перекликнулись нѣсколько разъ. Вдругъ первый закричалъ особенно задорно и громко, подпрыгнулъ вверхъ и забилъ крыльями, то же самое немедленно сдѣлалъ и второй. Самцы подходили одинъ къ другому, возбуждая себя передъ битвой воинственными криками.

«Но, еще не сойдясь, оба сердито заболботали: совсѣмъ какъ индюки, только нѣжнѣе, продолжительнѣе и не такъ отрывисто. Иногда они прерывали свое болботанье, чтобы закричать и перелетѣть поближе къ противнику. Я осторожно, стараясь не шумѣть одеждой, повернулся и сталъ всматриваться сквозь просвѣты вѣтвей.

«Сначала я увидѣлъ только одного. До него было не больше тридцати шаговъ. Онъ токовалъ, вытянувъ надъ самой землей шею, и медленно, плавно поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Когда онъ становился ко мнѣ задомъ, я видѣлъ только изнанку его поднятаго вверхъ хвоста, похожаго на развернутый бѣлый пушистый вѣеръ. Скоро я увидалъ и другого: онъ токовалъ отъ перваго шагахъ въ десяти, такъ же сердито и плавно топчась на мѣстѣ. Иногда оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, подымали свои головы и прямо и широко растопыривали крылья, что придавало имъ надутый, гнѣвный и комическій видъ.

«Вдругъ недалеко отъ меня грянулъ оглушительный, точно пушечный, выстрѣлъ. Эхо подхватило его, бросило въ лѣсъ, и онъ, разбившись объ деревья на тысячи звуковъ, долго, то стихая, то усиливаясь, грохоталъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Оба тетерева, насторожившись, замерли, на нѣсколько секундъ, но потомъ, закричавъ съ новымъ ожесточеніемъ, разомъ подпрыгнули верхъ ия съ такой силой ударились въ воздухѣ грудь объ грудь, что нѣсколько маленькихъ перышекъ полетѣло отъ нихъ въ разныя стороны. Упавъ на землю, тетерева опять принялись за свое сердитое болботанье.

«Я осторожно просунулъ ружье между вѣтвями и, страшно волнуясь, слыша ускоренное біеніе своего сердца, сталъ цѣлить. Одна хвоинка закрывала мнѣ мушку. Едва переводя дыханіе, я отщипнулъ ее, сѣлъ поудобнѣе и приложился... Выстрѣлъ вышелъ неожиданный и очень громкій. За облакомъ дыма я ничего не могъ разсмотрѣть, но уже слышалъ судорожное хлопанье крыльевъ и зналъ, что не промахнулся. Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, я увидалъ тетерева; онъ свалился въ борозду и лежалъ въ ней неподвижной черной грудкой. Противникъ его не сорвался, онъ только застылъ на мѣстѣ въ чуткой и недоумѣвающей позѣ. Принимая ружье, я нечаянно произвелъ едва слышный шорохъ. Тетеревъ испуганно поднялся и быстро полетѣлъ по направленію къ лѣсу.

«Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ еще токовали невидимые мнѣ тетерева, но все тише, все слабѣе. Наступало затишье, которое бываетъ всегда между первымъ и вторымъ токомъ... Заря разгорѣлась въ полъ-неба. Солнца еще не было видно, но верхушки высокихъ деревьевъ уже подернулись точно золотой пылью»...

Или описаніе болота и вымирающей на немъ семьи, кругомъ застывшій въ туманѣ лѣсъ и дикая колыбельная пѣсня, которую, быть можетъ, тянули еще предки этой затерянной въ болотѣ семьи. Авторъ безсознательно подымается въ этомъ чудесномъ разсказѣ до высшаго символа, въ которомъ художественность изображенія проникнута глубокою идеею. Такое же глубокое внечатлѣніе производятъ и другіе разсказы, какъ «Ночная Смѣна», «Ночлегъ», «Дознаніе». Нѣсколько въ иномъ родѣ два послѣднихъ прекрасныхъ разсказа—«Въ циркѣ» и «На покоѣ», въ которыхъ тонкая психологія дѣйствующихъ лицъ изображена съ рѣдкимъ мастерствомъ, доступнымъ только настоящимъ художникамъ. Что особенно выдѣляетъ г. Куприна, это его сжатая манера,—ни одного лишняго штриха, ни одного шаблоннаго эпитета, во всемъ строгая соразмѣрность. Увѣренность и твердость рисунка, умѣніе сразу найти сущность изображаемаго явленія и нужную для даннаго образа точку освѣщенія, обнаруживаютъ въ г. Купринѣ художника, идущаго своею самостоятельною дорогою. Его послѣдній разсказъ «Трусъ», напечатанный въ январьскомъ номерѣ «Журнала для всѣхъ», по оригинальности задачи и художественному выполненію—лучшая вещь, напечатанная за послѣднее время. Психологія труса, еврея-актера, отправляющагося въ экспедицію съ суровымъ и смѣлымъ контрабандистомъ, это настоящій шедевръ. Цирельманъ — нервная и тонкая натура, чуткость и раздражительность которой дѣлаютъ его превосходнымъ артистомъ, увлекающимъ зрителей неподдѣльностью выражаемыхъ имъ чувствъ, и его товарищъ — Файбишъ, грубый и смѣлый, благодаря тупости, съ которою относится къ окружающимъ явленіямъ, два поистинѣ превосходныхъ образа. Настроеніе Цирельмана въ бойкой корчмѣ, гдѣ онъ увлекаетъ зрителей своею игрою, и ночью, во время злополучной экспедиціи, передано съ полнотою и законченностью, удовлетворяющею самую придирчивую критику.

Въ лицѣ г. Куприна русская литература, по нашему мнѣнію, обогатилась новой крупной силой, отъ которой мы можемъ ожидать многаго. Всѣ эти небольшіе разсказы, такіе изящные, законченные, цѣльные и глубокіе, показываютъ, что авторъ можетъ дать и нѣчто болѣе крупное, чѣмъ отдѣльный этюдъ или картинка. Въ «Молохѣ» видна уже попытка поставить себѣ бо́льшую задачу. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, талантъ автора выросъ, окрѣпъ и сложился, и новая попытка въ этомъ направленіи, для насъ несомнѣнно, дастъ лучшій результатъ. Съ тѣхъ поръ г. Купринъ освободился отъ несвойственныхъ ему пріемовъ въ искусствѣ, глушившихъ его самостоятельный талантъ и извращавшихъ его свободное влеченіе къ разносторонности и полнотѣ жизни. Въ «Молохѣ» онъ еще подражалъ, въ разсказахъ, послѣ того написанныхъ, въ особенности послѣдняго времени, какъ «Въ циркѣ», «Болото» и «Трусъ»,

талантъ г. Куприна свободенъ вполнѣ, нашелъ свою дорогу и идетъ крупными шагами впередъ.

Куда онъ поведетъ его, увидимъ, но для настоящаго художественнаго дарованія жизнь на каждомъ шагу открываетъ такую глубину и ширь, что тѣмъ не оберешься. Въ текущей беллетристикѣ послѣдняго времени, къ сожалѣнію, эта жизнь почти не отразилась. Не будемъ говорить о новыхъ произведеніяхъ г. Боборыкина, въ которыхъ ярко выразились лишь недостатки маститаго писателя и ни одно изъ его достоинствъ, дѣлавшихъ его видными бытописателемъ современности. И его «Законъ жизни» въ январьской книгѣ «Вѣстн. Европы», и его повѣсть въ «Русской Мысли»—неудачныя попытки дать внутреннюю жизнь людей, т.-е. то, что никогда не удавалось г. Боборыкину, который силенъ въ изображеніи только поверхности жизни. Г. Боборыкинъ можетъ занимательно и живо разсказать, что въ данное время волнуетъ общество, но не заглядывая въ глубь этого волненія... Еще менѣе можно сказать о странномъ «произведеніи» г. Л. Оболенскаго — «На развалинахъ», которое лучше всего и полнѣе можно охарактеризовать названіемъ «путанная крошка». Тутъ все свалено въ кучу — и народничество, и марксизмъ, и декадентство, и земцы, и народныя школы, а что къ чему — неизвѣстно. И при томъ все это адски скучно, мертво и растянуто. Лучшее впечатлѣніе производитъ романъ г. А. Ѳедорова въ «Русскомъ Богатствѣ» — «Земля». Тема его — голодный годъ (99) — сама посебѣ уже интересна, такъ какъ именно это время прошло въ литературѣ при гробовомъ молчаніи. Мы только слышали, что гдѣ-то голодъ и страшный голодъ, что гдѣ-то и что-то дѣлаетъ Красный крестъ, но больше знали о его побѣдоносной борьбѣ съ частной благотворительностью, которую онъ, при благосклонномъ содѣйствіи предержащей власти, дѣйствительно искоренилъ, чѣмъ о результатахъ борьбы съ голодомъ.

Во второй части романа авторъ приподымаетъ нѣсколько завѣсу, скрывавшую эту борьбу, и это очень интересно. Какъ ни осторожно, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, касается авторъ дѣятельности господъ «уполномоченныхъ», она все же достаточно обрисована во всей ея безцѣльности и безрезультатности. Эти, въ высшей степени интересныя, сдержанно написанныя картины голода придаютъ этому роману несомнѣнное общественное значеніе.

Но вотъ и все, что можно отмѣтить въ первыхъ книгахъ журналовъ за текущій годъ. И на этомъ блѣдномъ фонѣ, гдѣ мелькаютъ слабыя, какъ тѣни въ сумеркахъ, отраженія жизни, яркимъ до боли пятномъ выступаетъ «Не страшное» Короленки. «Не страшное» — это мелочи жизни, которыя незамѣтно обволакиваютъ душу, постепенно усыпляютъ голосъ недовольства и гасятъ огонь свободы и чести, пока человѣкъ нечувствительно для себя не погрузится въ дремотное состояніе, изъ котораго выходъ одинъ—въ могилу. «Не страшное»—потому что незамѣтное, будничное, притупляющее вниманіе своей обыденностью, тѣмъ, что все это «въ порядкѣ вещей», какъ, напр., этотъ сонный машинистъ, который ведетъ поѣздъ, гдѣ разсказчикъ монотонно пере-

даетъ несложную драму, разыгравшуюся на глазахъ у него, бокъ-о-бокъ, и которую онъ бы проглядѣлъ, если бы не ея трагическій конецъ, заставившій его проникнуть въ страшную силу «не страшнаго».

«— Да, я, знаете, на одной изъ станцій подошелъ къ локомотиву. Машинистъ человѣкъ отчасти знакомый... Хронически, доложу вамъ, сонный субъектъ, даже глаза опухшіе.

«— Да?—спросилъ собесѣдникъ равнодушно.

«— Положительно-съ. Теперь представьте себѣ, такъ сказать, картину. Мы вотъ всѣ заснемъ. Поѣздъ несется на всѣхъ парахъ, а управляетъ имъ, все, такъ сказать, держитъ въ рукахъ человѣкъ нѣкоторымъ образомъ совершенно осовѣлый.

«Собесѣдникъ завозился на своемъ мѣстѣ и сказалъ съ признаками безпокойства.

«— Да... вы это вотъ съ какой стороны? Дѣйствительно, чортъ возьми... Положеніе!

«— Вотъ видите. А вѣдь тоже какъ просто выходитъ и какъ обыкновенно Въ Петербургѣ тамъ или гдѣ... вообще въ какомъ-нибудь управленіи сидитъ человѣкъ и передъ нимъ—таблицы. Въ извѣстной графѣ—машинистовъ столько-то. Жалованія имъ, замѣтьте, столько-то, а поверстныхъ столько-то. Ну, поверстныя-то эти, это пробѣгъ, соотвѣтственно потребности. Цифра, такъ сказать, полезная, доходная. А вотъ жалованье людямъ величина уже перемѣнная, непрочная. Если взять меньше машинистовъ—меньше жалованья... Понимаете: простая, такъ сказать, математика, свободная игра цифръ, чернильный значокъ въ вѣдомости. Чего проще! А отъ этого по полямъ и равнинамъ вотъ въ этакія лунныя ночи мчатся вотъ этакіе же поѣзда, и съ машинъ тускло глядятъ впередъ полусонные, запухшіе глаза... Минута какая-нибудь... естественное дѣйствіе сна... И вотъ-съ, можетъ быть, надъ нами уже, такъ сказать, виситъ то, что всего таинственнѣе и неразгаданнѣе на свѣтѣ... Толчокъ какой-нибудь, трескотня, все кувыркомъ, стоны эти, крики тамъ...

«— Ну васъ, ей-Богу, съ вашимъ карканьемъ,—сказалъ собесѣдникъ и, приподнявшись съ подушки, сѣлъ на скамью.

«— Да нѣтъ, я, вѣдь, это такъ, для поясненія, такъ сказать, своей мысли, съ оттѣнкомъ невольной досады сказалъ первый.—Я не о физическомъ страхѣ говорю... Дастъ Богъ, доѣдемъ благополучно... Я это къ нашему разговору: и тутъ вѣдь все вполнѣ обыкновенно. Въ концѣ то вѣдь, если сказать по чистой совѣсти, непремѣнно простой значокъ на бумагѣ, сдѣланный гдѣ-нибудь въ Петербургѣ какимъ-нибудь господиномъ. И господинъ то опять самый обыкновенный: и сюртучокъ, и галстучекъ, и видъ порядочности... И дѣточекъ любитъ, и женѣ сувенирчики, разумѣется, даритъ...»

Да, вотъ какъ все просто и ничуточку не страшно, а жизнь то ау! Какъ оно и случилось съ разсказчикомъ. Нужна катастрофа, «стоны эти, крики тамъ», чтобы человѣкъ встряхнулся, съ недоумѣніемъ и ужасомъ увидѣлъ, что ничего у него въ душѣ не осталось, все не то что ушло, а одеревенѣло, застыло и заглохло, и счастливъ, кого катастрофа еще можетъ разбудить,

оживить въ немъ человѣческое и поднять его надъ «нестрашной» будничной жизнью. Вотъ и Семенъ Николаевичъ Будниковъ, о которомъ идетъ разсказъ, въ началѣ жизни тоже имѣлъ «гдѣ-то тамъ, позади что-то этакое... идейное». А тамъ наслѣдство, хлопоты объ устройствѣ, жизнь, текучая изо дня въ день, и засосало, сталъ человѣкъ самымъ обыденнымъ, заправскимъ животнымъ. Цѣль жизни, смыслъ ея, «идейное» исчезло, осталось накопленіе безцѣльное и безсмысленное.

«И ничего этого... трагическаго что ли, страшнаго... Я и говорю,—дѣло самое обыкновенное: пріѣхалъ въ глухой городишко человѣкъ, который говоритъ о томъ, что деньги только средство, что жизнь наша ненормальна, что онъ будетъ работать для достиженія какихъ-то цѣлей, ну и прочее въ этомъ родѣ... И понемногу превращается въ Семена Николаевича Будникова».

И самъ разсказчикъ тоже, пріѣхавъ учителемъ въ городъ, кипѣлъ и разныя цѣли имѣлъ въ виду, просвѣщать, вліять на юношество, а потомъ, по маленьку да полегоньку, послѣ нѣкоторыхъ указаній начальства, безъ всего трагическаго и страшнаго, затихъ, замолкъ и сталъ обыденнымъ учителемъ, который учитъ, но никого не просвѣщаетъ. Отвѣтственность, связь людей другъ съ другомъ, идейность все ушло куда-то, пропало, осталось «нестрашное», тихое житіе.

У Будникова была такъ себѣ, «нестрашная», самая обыденная въ жизни стараго холостяка исторія — связишка съ дѣвушкой, съ теченіемъ времени сама собой прекратившаяся. А тутъ еще кстати подвернулся дворникъ Гаврила, который все дѣло прикрылъ вѣнцомъ по любви. Все, значитъ, и совсѣмъ благополучно бы было. Если бы не то, что все одно съ другимъ связано, одно за другое цѣпляется и такъ или иначе, но требуетъ завершенія. И у Будникова былъ одинъ моментъ, когда будто что-то человѣческое въ немъ шевельнулось къ обольщенной Еленѣ, что онъ и думалъ утишить тоже обыденнымъ образомъ, проще говоря уплатить. Онъ предложилъ ей выбрать и взять себѣ одинъ изъ выигрышныхъ билетовъ, а когда она не взяла, самъ намѣтилъ ей карандашомъ билетъ, который и долженъ былъ считаться ея собственностью. Билетъ этотъ вдругъ и выигралъ... Дѣло темное, но Будниковъ деньги оставилъ, какъ и билетъ, у себя, а Елена вышла замужъ за Гаврилу. И шло все хорошо, пока не пошли сначала слухи объ этомъ выигрышѣ и не ввязался въ дѣло пропащій человѣкъ, ходатай по дѣламъ изъ темныхъ дѣльцовъ, Роговъ, бывшій ученикъ разсказчика, когда-то въ гимназіи подававшій большія надежды и сильно привязавшійся къ разсказчику въ тотъ его періодъ, когда и тотъ еще горѣлъ огнемъ свободы и чести. Но потомъ, испугавшись неудовольствія начальства, онъ не сумѣлъ отстоять начатыя имъ задушевныя бесѣды съ учениками и утратилъ вліяніе на чуткаго, но неустановившагося юношу. Мальчикомъ, а потомъ въ университетѣ Роговъ выдавался и способностями, и стремленіями, но потомъ свихнулся послѣ смерти любимой матери, сказалась и наслѣдственность отъ отца алкоголика, и въ родной городъ Роговъ вернулся уже проходимцемъ. Онъ постепенно сближается съ мужемъ Елены и подбиваетъ того выкрасть злополучный билетъ. Но Гаврила, подъ вліяніемъ разбуженной ревности къ Будникову и злости за утаенный выигрышъ, убиваетъ

Будникова. И тогда въ душѣ разсказчика возстановляется вся незамѣтная цѣпь причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ слагается «нестрашное», то, что «затопляетъ, затопляетъ всѣ уголки души...» Какъ могъ онъ жить бокъ-о-бокъ съ людьми, у которыхъ шла драма, а онъ даже не интересовался ею? Какъ могъ допустить, чтобы хорошій мальчикъ, котораго онъ просвѣщалъ, сталъ мерзавцемъ? Зачѣмъ отъ страха передъ вздорными требованіями начальства отказался отъ благодарной роли просвѣтителя и превратился въ учителя—машину?

Нашъ блѣдный пересказъ не даетъ представленія о прелести выдержанной формы этого замѣчательнаго произведенія. Въ предыдущей книгѣ мы говорили о г. Короленкѣ по поводу III-го тома его разсказовъ. «Не страшное» вноситъ въ знакомый образъ писателя новую черту, о которой намъ, вѣроятно, еще придется говорить. Это — неспокойный тонъ новаго разсказа, нѣкоторая тревожность, проникающая его, не ощущавшаяся въ его прежнихъ, всегда такихъ ясныхъ и спокойныхъ по настроенію, разсказахъ. Художникъ является тутъ не живописцемъ, а лирикомъ. Учитель, отъ лица котораго ведется разсказъ, не просто наблюдатель, онъ человѣкъ съ сложной и глубоко интересной душевной жизнью и, передавая намъ абрисъ простой драмы, участникомъ которой онъ считаетъ и себя, онъ пробуждаетъ и въ душѣ читателя сложныя и глубокія настроенія. Вслѣдствіе этого его разсказъ волнуетъ до глубины души, возбуждая жгучее чувство боли за ту жизнь, что «нестрашно» и постепенно «затопляетъ всѣ уголки души». Просыпается сознаніе отвѣтственности и встаетъ вопросъ, а что если и каждый изъ насъ тоже Будниковъ въ своей жизни. Что если смыслъ жизни и цѣль ея тоже потеряны и осталось только увлеченіе средствами, осталось «нестрашное», незамѣтное прозябаніе изо дня въ день... А жизнь не стоитъ и, быть можетъ, близка у каждаго своя катастрофа, когда и онъ услышитъ призывъ, что сдѣлалъ онъ для осуществленія своихъ идеаловъ, для того идейнаго, которое у каждаго было «гдѣ-то тамъ, позади?...»

Внезапный переходъ отъ превосходнаго произведенія Вл. Короленки, съ его волнующими глубокими вопросами, къ полемикѣ г. Сигмы съ г. Величко, къ исторіи гг. Булгакова, Чермана, М. Майкова и Рамма не долженъ удивлять читателя: это тоже свое «нестрашное», что изо дня въ день незамѣтно затопляетъ нашу современную текущую дѣйствительность....

Еще недавно Н. Энгельгардтъ на страницахъ «Новаго Времени» поучалъ читателей, что добрые и чистые литературные нравы сохранились только въ мірѣ газетномъ (понимай—въ «Новомъ Времени»), а въ журналахъ господствуютъ нынѣ дикіе хулиганы, которые поносятъ все честное. Въ тонъ ему г. Буренинъ призывалъ къ борьбѣ съ порнографіей, разведенной журналами, а г. Меньшиковъ источалъ елейныя рѣчи о порчѣ вообще. И читатели тревожились, заваливали письмами редакцію «Новаго Времени», взывая о защитѣ противъ журнальныхъ хулигановъ и порнографовъ, радуясь, что есть еще доблестное «Новое Время», которое «чище снѣга альпійскихъ вершинъ», этотъ послѣдній оплотъ и прибѣжище добродѣтели.

И вдругъ такая исторія... Письмо г. Булгакова, редактора «Новаго Времени»,

въ отвѣтъ на призывъ его въ свидѣтели по дѣлу Рамма и Чермана; потомъ письма самаго Чермана и М. Майкова; потомъ опять г. Булгакова; потомъ... драка... Какъ! И это въ прибѣжищѣ добродѣтели, тамъ, гдѣ сама чистота, добрые нравы и истинно-русскій духъ! Ахъ, какой пассажъ неожиданный!..

Мы, конечно, охотно вѣримъ, что всѣ эти злоключенія постигли «Новое Время» именно за добродѣтель, которая, вѣдь, всегда въ удручени бываетъ. Напр., «Петербургскія Вѣдомости» первыя начали походъ противъ Рама, но ихъ порочность давно извѣстна, начальствомъ засвидѣтельствована, и потому имъ сошло это съ рукъ безнаказанно. Мы глубоко убѣждены, при всемъ нашемъ хулиганствѣ, что г. Булгаковъ—злополучная жертва истиннаго выполненія долга, что только нервы помѣшали ему явиться въ судъ и на голову разбить вздорную клевету своихъ бывшихъ сотрудниковъ Чермана и М. Майкова, и искренно сожалѣемъ, что эти бывшіе нововременскіе «молодцы» проявили такъ мало уваженія къ печатному слову и посягнули на личность т. Булгакова. Хотя мы и хулиганы, по мнѣнію г. Энгельгардта, но никогда не одобряли ни кулачной расправы, ни тѣхъ средствъ, въ которымъ прибѣгаютъ гг. Черманы и М. Майковы въ ихъ счетахъ съ г. Булгаковымъ.

Для насъ во всей этой исторіи и поучительно, и характерно для «Новаго Времени» то, что выясняетъ вообще «духъ» этой газеты. Это—взаимныя отношенія между сотрудниками. Узнавъ, напр., что Черманъ назвалъ г. Протопопова (В.), который будто бы взялъ деньги (8.000) для передачи ихъ г. Булгакову, послѣдній «попросилъ одного изъ сотрудниковъ «Новаго Времени», г. Бѣляева, дружившаго съ г. Протопоповымъ, помочь мнѣ разузнать, имѣетъ ли фактическое основаніе дошедшій до меня слухъ о продѣлкѣ, приписываемой г. Протопопову, за счетъ моего имени». И г. Бѣляевъ выполняетъ порученіе, а г. Протопоповъ «съ негодованіемъ» опровергаетъ и проч. При всемъ нашемъ хулиганствѣ, мы просто не можемъ себѣ представить такихъ отношеній въ редакціи нашихъ журналовъ, чтобы у сотрудниковъ спрашивали, по порученію редактора, «а не взяли ли вы 8.000 съ такой-то цѣлью?» Или слѣдующая картинка добрыхъ нравовъ во вкусѣ г. Н. Энгельгардта. Обѣдаетъ въ ресторанѣ «Медвѣдь» М. А. Суворинъ, купно съ гг. Бѣляевымъ и Протопоповымъ, къ нимъ подходитъ г. Раммъ и разсказываетъ, какъ М. Майковъ, «бывшій сотрудникъ «Россіи», по словамъ письма Г. Булгакова, и какъ оказалось потомъ—бывшій сотрудникъ «Новаго Времени», соблазнялъ его, Рамма, подкупить г. Булгакова... Это ли еще не чистота нравовъ?...

Другая «нестрашная» исторія изъ той же области — это распря между двумя столпами «Русскаго собранія». Изъ нихъ одинъ—г. Сигма, «изъ рабочей комнаты» коего вышло «Русское собраніе», а другой—самъ г. Величко, редакторъ лейбъ-органа того же собранія «Русскаго Вѣстника». Г. Сигма пишетъ по адресу г. Велички: «На какомъ основаніи онъ огульно обвиняетъ въ поджигательствѣ евреевъ-лѣсопромышленниковъ? Почему онъ сомнѣвается въ благонадежности фабричныхъ инспекторовъ? Что ужасное предлагается, по его мнѣнію, въ «трезвенныхъ» библіотекахъ? Что же высказывается въ чтеніяхъ съ туманными картинами? Откуда слѣдуетъ, что «освобожденіе крестьянъ

имѣетъ поразительное соціологическое сходство съ кровавой французской революціей»? Наконецъ, какія мечтанія будутъ осуществлять квартиранты въ думѣ? Неужели же г. Величко не понимаетъ, что бездоказательное обвиненіе цѣлыхъ группъ русскихъ гражданъ въ политической неблагонадежности не есть публицистика, а есть что-то другое?» На такое «dictum acerbum» г. Величко не безъ ехидства отвѣчаетъ вопросомъ: «Если г. Сигма относится къ нимъ («соображеніямъ» г. Величко) отрицательно, то каковы же его собственные взгляды?»

«Милые бранятся—только тѣшатся», можемъ успокоить членовъ «Русскаго собранія», ибо при самомъ тщательномъ сличеніи писаній гг. Сигмы и Велички трудно разобрать, гдѣ начинается первый и кончается второй. Иными словами, оба доблестные столпа «Русскаго собранія» стоютъ другъ друга вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ «два сапога пара». Тѣмъ болѣе, что г. Сигма очень наивно и неполитично обнаружилъ inde ira: «За меня подали въ послѣднемъ засѣданіи «Русскаго собранія» только 84 человѣка изъ 225...» Вотъ гдѣ «погребена собака», укусившая чувствительнаго г. Сигму. Если бы та же «собака» укусила г. Величку, напр., потеряй онъ теплое редакторское мѣсто въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы увѣрены, онъ сталъ бы изобличать г. Сигму въ недостаточномъ пониманіи истинно-русскихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, распря столповъ отнюдь не потрясаетъ прочности будущаго собственнаго зданія «Русскаго собранія», которое опирается вѣдь на 2.000 столоначальниковъ всѣхъ петербургскихъ департаментовъ. Кромѣ того, для большей устойчивости оно обзавелось даже отдѣленіемъ въ Харьковѣ, гдѣ явился и свой лейбъ-органъ будущаго отдѣленія, «Мирный трудъ». Правда, отъ него моментально разбѣжались сотрудники не изъ столоначальниковъ, оставивъ своего редактора, проф. Вязигина, въ нѣсколько трудномъ положеніи. Кму бы взять г. Сигму въ руководители, тогда его журналъ моментально расцвѣтетъ, и харьковское отдѣленіе будетъ въ надежныхъ рукахъ. А то на однихъ столоначальникахъ въ журнальномъ дѣлѣ далеко не уѣдешь, что хорошо знаетъ издатель «Русскаго Вѣстника»: и какъ писатели, и, въ особенности, какъ подписчики, столоначальники—народъ ненадежный и малопотребный...

Въ заключеніе, сопоставляя обѣ исторіи—распрю столповъ «Русскаго собранія» и распрю редактора «Новаго Времени» съ его бывшими сотрудниками, мы не можемъ не спросить, какъ же такъ вдругъ все это произошло? Несомнѣнно, и тутъ «нестрашное» сыграло свою роль. Вѣдь гг. Черманъ и М. Майковъ не вчера только объявились въ редакціи этой газеты, и г. Величко не съ неба свалился въ объятія г. Сигмы. Вотъ, напр., «Волгарь» сообщаетъ, что еще года два-три тому назадъ инкриминируемые «писатели» вели себя въ Нижнемъ во время одного инженернаго процесса, какъ настоящіе ушкуйники. А редакція «Новаго Времени» пренаивно отвѣчаетъ, что она этого не знала. «То-то вотъ—кто виноватъ?» можно ей возразить. И теперь во время харьковскаго процесса опять уличали одного ушкуйника съ упоминаніемъ все того же «Новаго Времени», а редакція опять-таки ничего не знаетъ. А отчего? Г. Энгельгардтъ былъ, напр., уличенъ критикой въ нѣкоторомъ, скромно вы-

ражаясь, позаимствованіи, и между тѣмъ онъ же на страницахъ «Новаго Времени» другихъ упрекаетъ въ хулиганствѣ. А случится какая-либо исторія, и будетъ опять г. Булгаковъ метать громы и молніи на своего бывшаго сотрудника, да поздно. Или г. Сигма не такъ давно былъ обвиняемъ кн. Мещерскимъ въ присвоеніи себѣ одного французскаго фельетона, что нимало не мѣшаетъ теперь тому же г. Сигмѣ быть столпомъ того же «Новаго Времени» и даже увѣрять, что изъ его «рабочей комнаты» вышло «Русскаго собраніе». А про г. Величку и говорить нечего. Довольно вспомнить его дѣятельность на Кавказѣ. Такъ незамѣтно, потихоньку да полегоньку, и слагается та специфическая атмосфера, гдѣ привольно и легко дышется гг. Черманамъ и Майковымъ, и напрасно, поэтому, кипятится теперь г. Булгаковъ, ибо все случившееся не сегодня выросло, а постепенно, вотъ уже двадцать пять лѣтъ какъ затопляло всѣ уголки «Новаго Времени», пока, наконецъ, не перелилось черезъ край.

А. Б.

О ДОБРОВОЛЬНОМЪ РАБСТВѢ.

По поводу: *Ек. Лѣтковой* „Рабъ". 1903. г.

Симпатичный талантъ автора «Мертвой зыби» и другихъ разсказовъ, первые два тома которыхъ только что вышли вторымъ изданіемъ, естественно привлекаетъ вниманіе и къ новому, третьему, сборнику того же автора, г-жи Е. Лѣтковой, подъ выписаннымъ заглавіемъ. Въ него вошло всего пять очерковъ, почему то объединенныхъ однимъ общимъ заголовкомъ, который, собственно, относится лишь къ первому изъ нихъ. Случайно ли это обобщеніе? Намъ думается, что не совсѣмъ, или, во всякомъ случаѣ, если оно и непроизвольно, но все же оно служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на преобладающій мотивъ и въ слѣдующемъ, самомъ значительномъ произведеніи этого сборника,—«Оборванная переписка», а можетъ быть и, вообще, является характернымъ для опредѣленія того, что больше всего страшитъ автора и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ для психологическаго анализа.

Рабство, конечно, разное бываетъ, а въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ выступаетъ «рабство добровольное», или кажущееся человѣку добровольнымъ, что, по мнѣнію автора, страшнѣе всего: «Всю жизнь ломать себя, всю жизнь подчиняться кому-то или чему-то, все время дѣлать не то, что хочешь дѣлать, и ради чего?» «Надѣяться властвовать надъ жизнью и стать ея рабомъ!» Къ этимъ грустнымъ выводамъ приходитъ писатель, Николай Дмитріевичъ Стрѣльцовъ, уѣхавшій для отдыха и вдохновенія въ деревню, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявшій на себя обязательство «поставлять въ газету каждый день тридцать двѣ строчки стиховъ», чтобы отработать авансъ. Повѣяло новыми впечатлѣніями—«налетали какіе-то неясные образы, ласкающіе звуки; въ головѣ колыхались гармоничныя волны недоговоренныхъ мыслей, выраженія безъ словъ, какіе-то грёзы безъ опредѣленной формы», а тутъ подавай во что бы то ни стало положенное число стиховъ или «дневникъ дачника», да еще въ наперед

указанномъ духѣ, чтобы угодить редактору газеты. Положеніе, конечно, незавидное для свободы творчества, и судьбѣ Стрѣльцова ставится въ параллель судьба маленькой деревенской дѣвочки, отданной въ работницы къ священнику, «за рубль въ мѣсяцъ». Дѣвочка, прелестно очерченная авторомъ, который большой мастеръ на миніатюрные наброски, нѣсколькими тонкими и мѣткими штрихами, убѣгаетъ отъ своихъ хозяевъ, предпочитая жить хоть бы впроголодь, да по своему; уѣзжаетъ съ дачи и писатель, чтобы нести свои добровольныя цѣпи въ менѣе дразнящей волею обстановкѣ.

Этотъ разсказъ-анекдотъ, въ которомъ вѣетъ духомъ Чехова, съ трагикомической развязкой, повидимому, важенъ автору, чтобы досказать свое положеніе о «добровольномъ рабствѣ», тогда какъ въ прежнихъ разсказахъ г-жи Лѣтковой духовное рабство людей объяснялось болѣе внѣшними условіями. Уже Н. К. Михайловскій, разбирая первыя двѣ книжки г-жи Лѣтковой («Русск. Бог.» 1899 г., № 11), свелъ къ тремъ положеніямъ тѣ формы рабства, одиночества и любовно-враждебныхъ отношеній, которыми нарушается духовная свобода личности. Первое положеніе—рабство отъ какой-то стихійной силы, въ видѣ «температуры рукъ, запаха волосъ, звука голоса», словомъ, физіологическая страсть; второй видъ рабства обусловленъ законами наслѣдственности; наконецъ, третья форма рабства стоитъ въ зависимости отъ силы «житейской тины», тѣхъ мелочей и условностей, которыя подчиняютъ себѣ людей, обязывая ихъ жить, «какъ всѣ», обезличивая ихъ, причемъ сами они не умѣютъ сказать, зачѣмъ все это нужно». Въ настоящемъ, новомъ произведеніи г-жи Лѣтковой—«Оборванная переписка»—выступаютъ тѣ же мотивы, но въ иной комбинаціи и, какъ намъ кажется, съ болѣе рельефно очерченной отвѣтственностью за «добровольное» подчиненіе постороннимъ силамъ. Фабула этой повѣсти можетъ быть исчерпана въ нѣсколькихъ словахъ: писатель, которому за сорокъ лѣтъ, неудачно женившійся, влюбленъ въ молодую женщину, тоже не особенно счастливую въ своей брачной жизни. Но у нея двое дѣтей; она любитъ и не любитъ своего мужа и, во всякомъ случаѣ, хочетъ остаться вѣрной идеѣ долга. Сергѣй Ильичъ,—такъ зовутъ писателя,—уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, въ уединеніе, а героиня, Варвара Львовна, остается въ Петербургѣ, въ центрѣ очень, повидимому, шумной и суетливой жизни, гдѣ она на людяхъ «одинока».

Между ними завязывается переписка—рядъ автобіографическихъ признаній о себѣ и о родителяхъ. Сергѣй Ильичъ разсказываетъ о своей неудачной женитьбѣ, объ измѣнѣ жены и нѣкоторыхъ своихъ «незаконныхъ» увлеченіяхъ. Варвара Львовна разсказываетъ объ измѣнѣ мужа и странномъ эпизодѣ нарушенія супружеской вѣрности и въ собственной жизни. Сергѣй Ильичъ узнаетъ изъ дневника своей бабушки, что и у нея былъ «романъ», а Варвара Львовна сообщаетъ, какъ она узнала еще ребенкомъ, что ея мать имѣла возлюбленнаго и лгала при дѣтяхъ. Послѣ ряда признаній,—въ перепискѣ наступаетъ перерывъ, а затѣмъ, повидимому, послѣ примиренія Варвары Львовны съ мужемъ и усыновленія его незаконнаго ребенка, переписка «обрывается»: онъ уходитъ въ одинокую, «головную» жизнь; она жертвуетъ собой для семьи.

Приведенная схема не можетъ, конечно, дать надлежащаго понятія о сути дѣла, и вопросъ не въ субтильномъ анализѣ однихъ только любовныхъ чувствъ:

интересъ повѣсти въ томъ и заключается, что любовная тема разрабатывается на почвѣ широкаго пониманія духовныхъ запросовъ человѣка и личности, въ связи съ соціальными отношеніями и обязанностями. Авторъ—и это не часто встрѣчается именно у писательницъ—удивительно сдержанъ въ лирическихъ признаніяхъ, какъ-то особенно «цѣломудренъ» въ передачѣ порывовъ страстной привязанности, мѣстами даже скупъ, чтобы не сказать нѣсколько сухъ, въ выраженіи непосредственныхъ влеченій сердца. Его больше занимаетъ вопросъ—какъ и отчего это случилось, что два человѣка, которые могли бы быть счастливы, идти рука объ руку на жизненномъ пути къ общей цѣли, относительно которой у нихъ, повидимому, полная солидарность въ мысляхъ, разобщены, страдаютъ оба и не могутъ пересилить ставшихъ роковыми обстоятельствъ. Они, конечно, «рабы»,—и поочередно выдвигаются уже извѣстныя намъ три положенія: первый видъ рабства—физіологическій—обусловилъ то, что Сергѣй Ильичъ женился, въ сущности не любя по настоящему своей жены; они съ самаго начала были «чужими» другъ другу, и Варвара Львовна выражаетъ удивленіе, какъ онъ—«умный человѣкъ»—не понялъ этого сразу. Но и она, выходя замужъ, тоже не испытывала истиннаго чувства. Ея женихъ ей нравился, ей было съ нимъ весело, она была *очень* рада, когда онъ сказалъ ей, что ее любитъ—«рада но не счастлива!» «Первый годъ прошелъ очень однообразно и даже скучно», а открытіе измѣны мужа вызвало въ Варварѣ Львовнѣ злобное чувство и первую ошибку она усугубила второй. Слѣдующій мотивъ (наслѣдственность) тоже намѣченъ и въ этой повѣсти: сюда относятся разсказы о матери и бабушкѣ, затѣмъ соображеніе, высказываемое Варварой Львовной: «Замѣчали вы, что иногда въ семьяхъ повторяются драмы: то, что пережили родители, переживаютъ и дѣти. Можетъ быть, это и не въ однихъ драмахъ, а и въ счастьѣ. Но такъ какъ «всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по своему»,—то драмы замѣтнѣе». Рѣчь и идетъ какъ разъ о драмѣ. Если не исключительно къ теоріи наслѣдственности, то къ нѣкоторому фатализму героиня повѣсти все же весьма склонна. Наконецъ выступаетъ третій и самый важный въ данномъ случаѣ элементъ,—которымъ, какъ мы увидимъ, объясняется многое и въ первыхъ двухъ «положеніяхъ»,—это рабство отъ «житейской тины», отъ желанія быть, «какъ всѣ». Какъ женщина, Варвара Львовна, сильнѣе чувствуетъ на себѣ это вліяніе и больше ему подчиняется. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она, не любя, выходила замужъ? Чтобы быть, «какъ всѣ»? Между тѣмъ, вѣдь и у неопытной молодой дѣвушки—сердце «вѣрный вѣщунъ», если она къ нему прислушивается. «Физіологія» рѣдко можетъ имѣть такое рѣшающее вліяніе именно на дѣвушекъ, въ которыхъ чувственность дремлетъ, при большей, чѣмъ у юношей, чистотѣ помысловъ. «Фатализмъ» насчетъ повторенія на дѣтяхъ судьбы родителей, это, очевидно, позднѣйшее соображеніе, придуманное, такъ сказать,—себѣ въ утѣшеніе. Главное въ томъ, что, слѣдуя общепринятому, а не сообразуясь съ собственными указаніями сердца, Варвара Львовна надѣла на себя первое звено цѣпи «добровольнаго рабства» и вотъ, что дальше, тѣмъ больше она въ ней запутывается.

Натура чуткая, въ высокой степени совѣстливая, съ благородными стрем-

леніями и даже, повидимому, съ сознательно общественной жилкой, выражающейся въ желаніи жить на пользу и другимъ, «не безъ послѣдствій», какъ образно поясняетъ она свое настроеніе словечкомъ, подхваченнымъ у одной больной бабы, Варвара Львовна теряется въ безконечныхъ противорѣчіяхъ, въ которыхъ она словно не въ состояніи разобраться, несмотря на всю свою выдержку, несомнѣнный здравый смыслъ и большую наблюдательность. Что лучше въ жизни, или для жизни—правда или ложь? Нужны ли искренность и откровенность? Что такое долгъ? Не наполняетъ ли она свою жизнь выдуманными обязанностями? Вотъ на выдержку нѣсколько цитатъ: съ самаго начала, принимая приглашеніе Сергѣя Ильича переписываться съ нимъ съ полной откровенностью и искренностью, Варвара Львовна выражаетъ свою радость откликнутся на этотъ призывъ: «ни одного слова лжи», но тутъ же прибавляетъ:—«не знаю, справлюсь ли?» Дальше слѣдуетъ длинное разсуженіе о томъ, какъ она раньше вѣрила «въ силу и красоту правды», но отучили ее отъ этой вѣры свѣтскія воззрѣнія («правдивость синонимъ безтактности» и т. п.). Еще дальше, Варвара Львовна уже высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, ея другъ увидѣлъ въ ней душевную красоту только потому, что она «лгала и очень искусно лгала». Въ одномъ письмѣ она говоритъ, что хочетъ говорить только правду, а нѣсколько позже проситъ:—«дайте мнѣ еще пожить въ той лжи, которой я такъ дорожу». Анализируя свое душевное состояніе послѣ удивительной измѣны мужу, тоже безъ любви, а лишь съ отчаянія и со зла, Варвара Львовна, повидимому, склонна сдѣлать какъ бы синонимами—«страшную муку» и «сплошную ложь», а слѣдомъ называетъ ложь—«спасительной» и, въ концовѣ концовъ, заявляетъ, что «правда жизни придавила ее».

Всѣ эти противорѣчія и колебанія вполнѣ объяснимы психологически, и авторъ весьма тонко съумѣлъ ихъ очертить именно на почвѣ «больной души», которая мечется подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ и настроеній. Но въ основѣ всей этой вереницы «лжей», противъ которыхъ безсильно борется голосъ совѣсти и прирожденное «правдолюбіе» героини, не лежитъ ли, во-1-хъ, тотъ первый шагъ, когда она солгала себѣ, вступивъ на путь компромисса, чтобы устроиться, «какъ всѣ»; затѣмъ—добровольное рабство, при подчиненіи всякимъ условностямъ жизни? Варвара Львовна заявляетъ въ одномъ мѣстѣ, что «презрѣніе ко лжи — привилегія сильныхъ людей; намъ, слабымъ, оно не подъ силу» (75); и нѣсколькими страницами ниже: «правда—геройство совсѣмъ непримѣнимое и даже смѣшное въ нашей сѣренькой жизни. Она—врагъ общежитія, врагъ мира въ семьѣ, врагъ всего, за что мы держимся» (166). Все это, однако, подъ условіемъ какъ бы росписаться въ своемъ безсиліи. Это мораль «рабовъ», и не столько невольныхъ, которымъ все же, можетъ быть, присуще стремленіе скинуть съ себя цѣпи и не то, чтобы подчиняться имъ, а именно быть приневоленнымъ выдерживать ихъ, а добровольныхъ, мирящихся съ обстоятельствами, подъ предлогомъ своей слабости, и усвоивающимъ прецепты рабской морали, чтобы не выбиться изъ атмосферы буржуазнаго благополучія. Всѣ эти обличительныя стороны «добровольнаго рабства» съ особымъ рельефомъ выступаютъ въ повѣсти, потому что за признаніями героини и ея кажущейся покорностью «неизбѣжной лжи» чувствуется глухой протестъ

возмущеннаго сердца, который, въ концѣ концовъ, заставляетъ ее высказать всю неприглядную правду, даже подъ рискомъ утратить уваженіе и любовь дорогого человѣка.

Утратила ли она ихъ на самомъ дѣлѣ? Два слова сперва о самомъ Сергѣѣ Ильичѣ. Его цѣльный обликъ не вполнѣ ясенъ, быть можетъ вслѣдствіе избранной авторомъ формы — «повѣсти въ письмахъ». Этотъ видъ литературы, въ которомъ, кто-то сказалъ, всего непосредственнѣе отражается жизнь, такъ какъ письма какъ бы цѣликомъ изъ жизни переносятся въ литературу, въ то же время весьма условный пріемъ. Въ «литературной» формѣ писемъ, очевидно, менѣе всего настоящей непосредственности и приходится восполнять характеристики болѣе или менѣе искусными вставками, все же нарушающими естественную форму письма. И затѣмъ все таки остаются недочеты. Не будемъ на нихъ настаивать. Сергѣй Ильичъ довольно подробно разсказываетъ себя и о себѣ: тутъ и воспоминанія о дѣтствѣ и студенческіе годы, уходъ изъ университета и выборъ свободной профессіи, и неудачная женитьба, и жалобы на духовное одиночество. Въ общемъ, получается обликъ человѣка, несомнѣнно, очень почтеннаго, хорошаго, скажемъ, даже выдающихся качествъ ума и сердца, высокопорядочнаго и даже, можетъ быть, если судить по нѣкоторымъ указаніямъ въ письмахъ, играющаго весьма видную роль въ избранномъ имъ родѣ дѣятельности, во всякомъ случаѣ, весьма гуманитарной, но нельзя не обратить вниманіе на одно свойство выставленнаго лица: Сергѣй Ильичъ, при всѣхъ своихъ качествахъ, очень поглощенъ своей личностью, вслѣдствіе чего не замѣчаетъ чужихъ жизней, не вникаетъ въ чужую душу. Онъ, такъ сказать, слишкомъ «головной» человѣкъ и лишь заднимъ числомъ догадывается, что недостаточно выставлять впередъ принципы (въ родѣ цитируемаго французскаго девиза, который былъ надписанъ на брелокѣ у Варвары Львовны, и вызвалъ замѣчаніе Сергѣя Ильича: «Эти слова не на балаболкахъ носить надо, а дѣтямъ ихъ втолковывать: «презирайте деньги, презирайте ложь, презирайте смерть» — тогда вы будете людьми»), а надо считаться съ конкретными личностями. Сергѣй Ильичъ не «замѣчалъ» своей бабушки, пока она была жива, и ея дневникъ явился для него позднимъ откровеніемъ. Онъ разстался съ матерью подъ впечатлѣніемъ несходства въ воззрѣніяхъ съ ней, и когда, послѣ трехъ лѣтъ разлуки, получилъ извѣстіе о ея кончинѣ, то ограничился замѣчаніемъ: «Письмо пропутешествовало за мной чуть не мѣсяцъ. Я разсудилъ, что ѣхать домой въ деревню не было смысла: мать была уже въ могилѣ». Вотъ и все. Онъ не замѣчалъ даже предметы своихъ увлеченій, тѣхъ, которыхъ и Варвара Львовна снисходительно называетъ «неудобными деталями мужской жизни», и когда неожиданно старуханяня водворяетъ къ нему въ комнаты, какъ оказывается впослѣдствіи, его собственнаго сына отъ мимолетной связи съ горничной матери, Сергѣй Ильичъ съ трудомъ можетъ вспомнить этотъ эпизодъ. Другую дѣвушку, Аришку, онъ хорошо помнитъ, а тутъ—«остался одинъ съ больной матерью, за ней ухаживала блѣдная, худенькая дѣвушка (Настя)... Не помню не только счастья, но и малѣйшей радости... Просто была скука...» И ребенка, появившагося на свѣтъ, какъ результатъ этого «скуки ради». Сергѣй Ильичъ, конечно, не от-

вергаетъ; онъ выказываетъ впослѣдствіи трогательную заботу о немъ, отправляетъ учиться въ Москву и т. п. Но все это потомъ, т.-е. заднимъ числомъ Сергѣй Ильичъ догадывается, что прошла мимо него чья-то жизнь и не одна, а двѣ жизни: на второй онъ старается исправить свою несправедливость, или, скажемъ, невниманіе къ первой.

Такъ же односторонне поглощенъ онъ и любовью къ своей будущей женѣ и не замѣчаетъ ея личной жизни. Варвара Львовна ему это прямо высказываетъ: «...и въ этомъ вашемъ счастьѣ не было мѣста для малѣйшаго вниманія къ ея душѣ, къ ея сердцу... Иначе вы не проглядѣли бы ея любви къ Ломачеву». И это, конечно, вполнѣ справедливо. Такъ увлекаться и разочаровываться можно очень часто, питаясь лишь собственными настроеніями, переживая все тѣ же гаммы чувствъ и, въ сущности, не сливаясь духовно ни съ кѣмъ, не упрочивая «восторгъ любви» устоями дружбы. Дѣло не только въ имени «друга», и намъ представляется вопросъ—не въ такомъ же ли родѣ, какъ и къ другимъ людямъ, складываются отношенія Сергѣя Ил. къ Варварѣ Львовнѣ? Онъ создалъ себѣ извѣстное представленіе о ней, любуется имъ, и, быть можетъ, дѣйствительно любитъ; но заглянулъ ли онъ ей глубже въ душу, постарался ли онъ понять живого человѣка, а не собственную грёзу, узнать ея тревоги и печали, узнать ее такой, какова она на самомъ дѣлѣ? Думается, что нѣтъ. Иначе, также какъ онъ не проглядѣлъ бы своевременно любви своей невѣсты къ другому человѣку, если бы внимательно къ ней отнесся, такъ и по отношенію къ Варварѣ Львовнѣ онъ не мучилъ бы ее настойчивыми заявленіями—«вы такая-то и такая-то и я васъ люблю именно такой-то, какъ я васъ себѣ представляю», а понялъ бы, сразу понялъ бы, что за этими ясными глазами и кажущейся невозмутимой наружностью кроется какая-то глухая боль, что-то скорбное и молящее, сознаніе, быть можетъ, не одной, а нѣсколькихъ роковыхъ ошибокъ, начиная съ выхода замужъ, и иначе отнесся бы къ ней. Вѣдь, любовь есть не только обладаніе, но и прежде всего проникновеніе. Но Сергѣй Ил. видѣлъ въ Варварѣ Львовнѣ только то, что ему хотѣлось видѣть, что ему нравилось, что онъ желалъ, чтобы было. Все это отъ недостаточнаго вниманія, недостаточнаго проникновенія искренняго и глубокаго чувства. Обычный, «мужской» недостатокъ, свойственный всего чаще людямъ (мы не говоримъ, конечно, о грубо-эгоистичныхъ натурахъ, у которыхъ онъ принимаетъ исключительный характеръ), живущимъ отвлеченными интересами. Сергѣй Ильичъ слишкомъ поглощенъ своей личностью. Это есть тоже своего рода рабство и тоже «добровольное», такъ какъ оно происходитъ отъ нежеланія поставить себя на чужое мѣсто. Сергѣй Ильичъ предпочелъ одиночество, когда узналъ, что та, которую онъ любилъ, не отвѣчаетъ его мечтѣ. Онъ, конечно, не порвалъ грубо, рѣзко, но переписка оборвалась. Онъ уже не хочетъ «отказаться отъ своего одиночества», давшаго ему ощущеніе свободы, не хочетъ опять «отдать себя добровольно въ рабство», вернувшись въ городъ, но при этомъ не замѣчаетъ другой формы рабства, которое мы въ еще большей степени назовемъ добровольнымъ, рабства у самого себя, т.-е. отъ поглощенія своей личностью, при нежеланіи вникнуть и понять людей, каковы они на самомъ дѣлѣ.

Вернемся теперь къ тезису, который такъ волнуетъ Варвару Львовну,—о

необходимости «спасительной» лжи для блага ближняго. Мы могли бы, конечно, себѣ представить, что Варвара Львовна удержится отъ неблагопріятнаго для нея признанія, будетъ—изъ жалости, состраданія или любви—продолжать казаться въ глазахъ Сергѣя Ильича такой, какою онъ хотѣлъ бы ее знать и, по собственному ея сравненію женщины съ Янусомъ, оборачиваться къ нему всегда лишь одной привлекательной для него стороной. Онъ былъ бы счастливъ; она бы, въ меньшей степени, но по своему тоже; она могла бы развестись съ мужемъ и т. д., и т. д. Тема о спасительной лжи, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, за послѣднее время неоднократно разсматривалась въ литературѣ. Ее, такъ сказать, «выгораживали» и Ростанъ, и Метерлинкъ, и многіе другіе, а въ послѣдней пьесѣ Горькаго «На днѣ» цѣлебныя свойства лжи возведены чуть что не въ теорію. Намъ приходилось уже по этому поводу высказываться и мы настаиваемъ на исключительномъ, палліативномъ, а отнюдь не врачующемъ характерѣ этого средства въ безнадежныхъ случаяхъ. Ложь, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ стать принципомъ жизни и условіемъ счастья, ни даже благополучія. Если не всегда умѣстно говорить всю правду, такъ именно потому, что въ большинствѣ случаевъ *всей* правды мы не можемъ или не умѣемъ высказать. Одинокій фактъ, отдѣльно выхваченная черта можетъ оказаться бо́льшей ложью, чѣмъ умолчаніе, такъ какъ тоже представляется недосказанностью, которая поведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. *Вся* правда всегда благотворна, но требуется особое творчество, чтобы возсоздать ее и внушить другимъ. Безъ этого она не будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть. Г-жа Лѣткова совпадаетъ съ Горькимъ въ указаніи, что «правда это богъ свободнаго человѣка» (у Ек. Лѣтковой—«правда—для сильныхъ, а намъ, слабымъ» и т. д.). Однако, несмотря на все «правдолюбіе» ея героини, послѣдняя, возмущаясь противъ лжи, все-таки какъ бы невольно ее и оправдываетъ. Сергѣй Ильичъ болѣе энергично высказывается за необходимость правды, но, какъ вытекаетъ изъ нѣсколькихъ его романическихъ эпизодовъ въ настоящей повѣсти, эта правда приноситъ ему только огорченія. Онъ, конечно, человѣкъ сильный и къ нему непримѣнима теорія «палліативной» лжи изъ жалости. Почему же онъ не выноситъ правды? Мы постарались выяснить, насколько это видно по «перепискѣ», въ чемъ онъ особенно уязвимъ. «Нужно работать одному, но для всѣхъ,—пишетъ Сергѣй Ильичъ.—И съ этимъ не страшно ни разочарованіе, ни неудавшаяся личная жизнь. Нужно идти своей дорогой, свободному... и одинокому. Въ одиночествѣ свобода и сила. И кто дойдетъ до него сознательно и спокойно, тотъ побѣдитъ».

Кого побѣдитъ? Только не себя и не другихъ. Работать одному, пожалуй, еще можно и, по временамъ, необходимо, но жить и чувствовать одному нельзя. Ставить себя въ исключительную зависимость отъ своей личности—это, какъ указано, одна изъ формъ добровольнаго рабства, и только поэтому субъективныя иллюзіи могутъ нуждаться во лжи, чтобы поддерживать ихъ и давать человѣку призракъ мишурнаго счастья. Это значило бы жить подъ постояннымъ дамокловымъ мечомъ. Но еще разительнѣе та ложь, которая исключительно поддерживается неудовлетворительными условіями общественной жизни, которымъ мы отдаемъ себя въ рабство.

Сергѣй Ильичъ между прочимъ, находитъ въ своей деревенской библіотекѣ экземпляръ «опытовъ» Монтэня и замѣтку въ дневникѣ бабушкѣ: «С... сталъ читать вслухъ Монтэня, сказавъ: «Вотъ наука житейской мудрости». Сергѣй Ил. признается, что онъ и самъ много разъ держалъ эту книжку въ рукахъ и, очевидно, вчитывался въ нее.

Не будетъ ли умѣстнымъ по сему поводу припомнить печатаемый обыкновенно въ приложеніи къ «Опытамъ» трактатъ лучшаго друга Монтеня, рано скончавшагося Ла-Боэси, трактатъ именно: «О добровольномъ рабствѣ». Въ отличіе отъ цитуемыхъ авторомъ въ двухъ мѣстахъ извѣстныхъ стиховъ Константина Батюшкова: «Рабомъ родится человѣкъ, радомъ въ могилу ляжетъ» и т. д., Ла-Боэси считалъ, что человѣкъ родится именно свободнымъ. Онъ думалъ также, что «естественное состояніе человѣка не только быть правдивымъ, но и желать имъ оставаться» *); что отклоненія отъ прирожденнаго стремленія къ правдивости происходятъ лишь вслѣдствіе того, что наша природа сообразуется «съ тѣмъ питаніемъ, которое ей подносятъ», и что первый шагъ ко лжи, это отказъ отъ свободы. Только съ утратой свободы начинаются всѣ бѣдствія и наступаетъ царство лжи: «La liberté qui est toutefois un si grand bien et si plaisant, que, elle perdue, tous les maux viennent à la file». Ла-Боэси анализируетъ разныя формы «добровольнаго рабства», изъ которыхъ многія живы и понынѣ. Однимъ изъ первыхъ условій освобожденія отъ нея является укрѣпленіе нашего сознанія: «Soyez resolus de ne servir plus, et vous voila libres... Et vous verrez (la servitude), comme un grand colosse à qui on a dérobé la base, de son poids même fondre en bas, et se rompre».

И безъ ненависти ко лжи нельзя даже честно стремиться къ дѣлу освобожденія, отъ котораго всего болѣе отдаляютъ, какъ справедливо указывалъ еще Ла-Боэси, соображенія объ «удобствахъ» жизни (le bonheur de la vie passée et l'attente de pareil aise à l'avenir), т.-е. о такъ называемомъ буржуазномъ благополучіи, въ которомъ столько «подлиннаго» мѣщанства. И ложь отстаивать можетъ лишь тотъ, кто только на словахъ вооружается противъ «житейской тины», а самъ даетъ себя втянуть въ нее, убаюкать на мягкомъ ложѣ, постепенно привыкая къ болотному смраду, утративъ пониманіе о единственно цѣлительной, единственно устойчивой, единственно драгоцѣнной и неизмѣняющей правдѣ, которая, дѣйствительно, есть и пребываетъ богомъ свободнаго человѣка. И въ такомъ случаѣ не зачѣмъ выдвигать теорію «оправданія лжи», хотя бы и въ значеніи палліативнаго средства, въ безнадежныхъ положеніяхъ (умирающій трубадуръ у Ростана, умирающая, забитая женщина у Горькаго), такъ какъ, если, напр., бываютъ случаи, когда смерть представляется лучшимъ или даже единственнымъ избавленіемъ отъ невыносимой жизни, то будетъ очевиднымъ абсурдомъ выдвигать смерть принципомъ жизни.

Вопросъ, затронутый авторомъ «Оборванной переписки» настолько широкъ, что легко уклониться въ сторону. Мы далеко не исчерпали многихъ отдѣльныхъ, мѣстами глубокихъ, часто остроумныхъ или житейски-правдивыхъ замѣчаній, которыя разъяснены въ повѣсти, остановившись лишь на главномъ

*) Le naturel de l'homme est bien d'être franc.

мотивѣ. Спеціально относительно структуры повѣсти мы бы возразили лишь противъ чрезмѣрной симметричности эпизодовъ, придающей имъ нѣсколько искусственный характеръ, какъ искусственна мѣстами и «эпистолярная» форма.

Тихой грустью вѣетъ отъ разсказа г-жи Лѣтковой и вдумываясь въ судьбу главныхъ героевъ, невольно вспоминаешь замѣчаніе г. Вл. Короленка, вложенное имъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ его послѣдняго разсказа—«Не страшное»: «Въ человѣческомъ счастьѣ — въ хорошемъ человѣческомъ счастьѣ—есть что-то исцѣляющее и выпрямляющее душу». Такого «хорошаго» счастья не давелось испытать ни Варварѣ Львовнѣ, ни Сергѣю Ильичу, ни, конечно, многимъ другимъ. А думается, именно оно могла бы всего скорѣе помочь и дѣйствующимъ лицамъ повѣсти выпутаться, съ одной стороны, изъ атмосферы лжи, съ другой—освободиться отъ «добровольнаго рабства», со всѣми его пагубными послѣдствіями. Гордыя слова Сергѣя Ильича объ одиночествѣ и смиренное самопожертвованіе семьѣ героини—это суррогаты неудавшихся жизней. Насколько мы сами виноваты въ томъ, что не «бережемъ себя» съ самаго начала и не пріучаемся, съ другой стороны, «видѣть» близкихъ, а не только думать о далекихъ, уйдя въ себя, и, соотвѣтственно, становясь рабами иллюзій, вмѣсто возможнаго и должнаго отношенія къ *живымъ* душамъ—это, конечно, вопросъ, о которомъ можно разсуждать не вообще, а, какъ выразился Чеховъ, «индивидуализируя каждый отдѣльный случай». Да и суть не въ практическомъ его рѣшеніи въ примѣненіи къ данной повѣсти, а въ томъ общемъ значеніи, которое онъ имѣетъ, и заслуга автора въ томъ, что онъ его видвинулъ.

Наша замѣтка настолько разрослась, что мы не можемъ уже входить въ такой же подробный анализъ другихъ статей сборника г-жи Лѣтковой. Въ «На мельницѣ» авторъ выказываетъ цѣнное умѣніе коротко и выразительно передать живую картину, съ драматическимъ финаломъ пробужденія «больной совѣсти». Менѣе намъ нравится «Облачко», съ пессимистической ноткой, переданной въ изящной, но нѣсколько искусственной формѣ, и со спорнымъ выводомъ. Послѣдніе два разсказа—«Безъ фамиліи»—составляютъ, повидимому, начало серіи, продолженіе которой уже появилось въ повременныхъ изданіяхъ, но почему-то еще не вошло въ настоящій сборникъ. Интересенъ самый замыселъ, указывающій, до какой степени авторъ чуткъ къ вопросамъ индивидуальнаго сознанія: имя—показатель личности. «Понимаешь-ли ты, какъ это обидно—потерять имя?—говоритъ актеръ въ «На днѣ» Горькаго.—Даже собаки имѣютъ клички...» Но, оказывается, безъ имени, или, точнѣе, «безъ фамиліи» если цѣлая категорія личностей въ разныхъ слояхъ общества и отнюдь не опустившихся «на дно». Конечно, ихъ незавидная участь заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что утрата фамиліи представляется независимой отъ личныхъ качествъ, а есть результатъ общественныхъ условій. Считаясь съ послѣдними, авторъ именно и оттѣняетъ многія положительныя свойства этихъ «безымянныхъ» личностей, и чѣмъ сильнѣе вызываетъ къ нимъ сочувствіе, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ зло общественной несправедливости, при отсутствіи должнаго признанія человѣка въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ.

Ѳ. Батюшковъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Вселенная-организмъ и „новые лучи.—Золото и фосфоръ въ метеоритахъ.

Когда въ январѣ текущаго года я писалъ статью «о радіоактивности матеріи» и указывалъ на громадное научно-философское значеніе всѣхъ этихъ новыхъ «лучей», я, конечно, не зналъ, что всего мѣсяцъ тому назадъ, 29-го декабря (нов. ст.), извѣстный американскій астрономъ *Ньюкомбъ* произнесъ въ засѣданіи американскаго астрономическаго и астрофизическаго общества рѣчь, въ которой приписываетъ этимъ «лучамъ» колоссальную роль во всемъ мірозданіи. Онъ говоритъ: «До послѣдняго времени все большая и большая дифференціація научныхъ работниковъ и неизмѣнно растущее число группъ спеціалистовъ, являлось общимъ правиломъ. Нынѣ же мы видимъ, что начинаютъ сближаться другъ съ другомъ такія отрасли изслѣдованій, которыя a priori, казалось олжны быть причислены къ совершенно различнымъ областямъ научной дѣятельности. Какія вѣтви знанія могутъ болѣе отличаться другъ отъ друга, чѣмъ, напр., звѣздная статистика, охватывающая всю вселенную, и изученіе только что открытыхъ эманацій (истеченій), которыя мы воспроизводимъ въ нашихъ лабораторіяхъ и которыя, должно быть, указываютъ на существованіе частицъ еще болѣе мелкихъ, чѣмъ атомы? А между тѣмъ всѣ перечисленныя нами астрономическія явленія, въ частности же связь существующая между земнымъ магнитизмомъ, солнечной дѣятельностью и образованіемъ туманныхъ массъ вокругъ новыхъ звѣздъ, не могутъ быть объяснены иначе, какъ при помощи этихъ эманацій или вообще особаго вида силъ, имѣющихъ, вѣроятно, нѣкоторое сходство съ частицами, электронами и лучами, которые мы производимъ въ настоящее время въ нашихъ лабораторіяхъ».

Связь, дѣйствительно, на первый взглядъ странная и неожиданная. Посмотримъ же, какъ обосновываетъ ее Ньюкомбъ. Чѣмъ болѣе расширяются наши физическія и астрономическія знанія, говоритъ американскій астрономъ, тѣмъ болѣе становится яснымъ, что вселенная является какъ бы особымъ организмомъ, въ которомъ отдѣльныя тѣла—небесныя свѣтила не независимы другъ отъ друга, а представляютъ массу общихъ чертъ, которыя мы должны приписать какимъ-нибудь общимъ причинамъ. Мы уже удалились отъ временъ Гершеля, когда вселенная казалась намъ состоящей изъ отдѣльныхъ тѣлъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ никакой связи другъ съ другомъ. Въ этомъ отношеніи мы какъ бы начинаемъ приближаться къ космогеніи древнихъ грековъ.

Такой философской эволюціи въ астрономическихъ идеяхъ астрономы обязаны, прежде всего, спектральному анализу, выяснившему намъ химическое

единство вселенной, благодаря которому мы знаемъ, что многіе элементы, какъ, напр., желѣзо, водородъ, кальцій, входятъ въ составъ не только нашей земли, но и такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ. Затѣмъ, большую роль въ данной эволюціи нашихъ воззрѣній сыграла новая отрасль астрономіи, *статистика* звѣздъ. Милліоны небесныхъ свѣтилъ классифицированы такимъ же образомъ, какъ то дѣлается въ соціологической статистикѣ. Эта наука стремится установить единство архитектуры вселенной. Она началась Гершелемъ, но Ньюкомбъ считаетъ, что главный фундаментъ ея заложенъ *Каптейномъ* въ 1893 г. Этотъ послѣдній ученый пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Различныя области мірового пространства содержатъ различнаго рода звѣзды; напр., звѣзды млечнаго пути, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ихъ принадлежитъ къ другому классу, чѣмъ всѣ остальныя звѣзды. Вообще въ одномъ направленіи вселенной господствуетъ опредѣленный классъ звѣздъ, по другимъ направленіямъ звѣзды другихъ классовъ. Кромѣ того, подмѣчено слѣдующее интересное соотношеніе. Оказывается, что звѣзды расположены одинаково на двухъ противоположныхъ концахъ одной и той же линіи: напр., на обоихъ полюсахъ млечнаго пути число видимыхъ нами звѣздъ крайне незначительно; частота звѣздъ возрастаетъ сначала медленно, затѣмъ все болѣе и болѣе быстро по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ самому млечному пути; такимъ образомъ существуетъ почти совершенная симметрія между двумя сторонами млечнаго пути. Можно считать общимъ правиломъ, что если взять во вселенной какія угодно два діаметрально противоположныя направленія и сосчитать число звѣздъ на опредѣленной поверхности, напр., въ 10 квадратныхъ градусахъ, въ каждомъ изъ этихъ направленій, то полученныя числа будутъ почти равны. Чѣмъ болѣе выбранныя нами направленія приближаются къ млечному пути, тѣмъ болѣе многочисленны будутъ звѣзды съ обѣихъ сторонъ.

На единство вселенной указываетъ, по мнѣнію Ньюкомба, и общій для всей вселенной законъ, названный имъ «звѣзднымъ соотношеніемъ». Этотъ законъ гласитъ, что если сравнить число звѣздъ даннаго порядка съ числомъ звѣздъ слѣдующаго за нимъ болѣе низкаго порядка, то послѣднее окажется въ 3 или 4 раза больше перваго. Отсюда Ньюкомбъ вычисляетъ, что всѣ звѣзды 6-го порядка дадутъ намъ свѣта вдвое болѣе, чѣмъ всѣ звѣзды 4-го порядка; звѣзды 8-го порядка вдвое болѣе звѣздъ 6-го порядка; звѣзды 10-го порядка въ два раза больше, чѣмъ звѣзды 8-го порядка.

Въ общемъ мы получаемъ отъ звѣздъ первой величины въ 70 разъ меньше свѣта, чѣмъ отъ звѣздъ слѣдующихъ 9-ти порядковъ. Ясно, что для звѣздъ еще болѣе мелкихъ, чѣмъ звѣзды 10-го порядка, необходимо допустить постепенное ослабленіе этой геометрической прогрессіи, такъ какъ иначе все наше небо сіяло бы также ярко солнце.

Такимъ образомъ можно представить, что звѣзды образуютъ какъ бы однородное кольцо, части котораго не отличаются существенно другъ отъ друга.

Но подвергнемъ критикѣ основы, на которыхъ зиждется статистическій методъ. Если вмѣсто того, чтобы просто считать звѣзды, мы опредѣлимъ ихъ собственныя движенія для того, чтобы изъ этихъ данныхъ вывести заключенія объ архитектурѣ вселенной, то сейчасъ же наткнемся на вопросъ, какъ же

опредѣлить разстоянія отъ этихъ звѣздъ. Вѣдь съ нѣкоторою точностью опредѣлены паралаксы [1]) не болѣе 100 звѣздъ; и эти звѣзды отстоятъ отъ насъ на весьма различныя разстоянія.

Предположимъ, говоритъ Ньюкомбъ, что можно надѣяться путемъ долгихъ наблюденій опредѣлить разстоянія такихъ звѣздъ, которыя въ 20 разъ ближе къ намъ, чѣмъ созвѣздіе Центавра; но какъ опредѣлить разстоянія звѣздъ, находящихся внѣ этой зоны?! Что можемъ мы противопоставить идеямъ Кеплера, который думалъ, что пространство вокругъ нашего солнца гораздо бѣднѣе звѣздами, чѣмъ области, расположенныя на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Не расположена ли, дѣйствительно, главная масса звѣздъ между поверхностями двухъ концентрическихъ сферъ, радіусы которыхъ не очень отличаются другъ отъ друга, и не имѣетъ ли, поэтому, звѣздный міръ форму полаго шара?

Противъ такого предположенія Ньюкомбъ возражаетъ слѣдующимъ образомъ.

Сходство архитектуры констатировано статистическимъ путемъ для всѣхъ частей вселенной; нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что та область, въ которой расположена наша солнечная система, отличается существеннымъ образомъ отъ какой-нибудь области, находящейся вблизи центральной части. Съ другой стороны, спектральныя изслѣдованія указываютъ намъ, что всѣ звѣзды находятся въ движеніи и нѣтъ данныхъ утверждать, что въ общемъ звѣзды одной части вселенной движутся быстрѣе, чѣмъ другой. Поэтому Ньюкомбъ приходитъ къ выводу, что научныя изслѣдованія говорятъ противъ существованія упомянутой выше «Кеплеровой сферы» и архитектурное единство вселенной можно считать установленнымъ.

Единство не исключаетъ различій и въ единообразной по архитектурѣ вселенной можно замѣтить различія отдѣльныхъ частей. Среди тысячъ звѣздъ, изученныхъ спектроскопически не найти даже двухъ, которыя имѣли бы совершенно одинаковое строеніе. Правда, замѣчаются и многочисленныя черты сходства. Такъ, звѣзда α Центавра—наша ближайшая сосѣдка имѣетъ спектръ очень близкій къ спектру нашего солнца; также и Капелла; но даже и въ ихъ спектрахъ можно подмѣтить различія, зависящія отъ различій въ группировкѣ и температурѣ веществъ, образующихъ эти звѣзды.

Наибольшія различія обнаруживаются въ величинахъ абсолютной свѣтосилы звѣздъ. Сто лѣтъ тому назадъ предполагали, что наиболѣе блестящія звѣзды находятся къ намъ на наиболѣе близкихъ разстояніяхъ; это положеніе вѣрно, если его примѣнять къ средней статистической, но совершенно неправильно утверждать, что какая-нибудь звѣзда находится отъ насъ на близкомъ разстояніи, потому только, что она кажется намъ блестящей. Такъ *Гиль* весьма точными измѣреніями показалъ, что паралаксы Ригеля—наиболѣе блестящей

[1]) Параллаксомъ зовутъ уголъ, образуемый двумя линіями, направленными изъ двухъ точекъ къ удаленной отъ нихъ третьей. Если извѣстенъ этотъ уголъ и разстояніе между первыми точками, то можно опредѣлить и разстояніе отъ нихъ третьей. Для неподвижныхъ звѣздъ двумя основными точками берутъ двѣ противоположныя точки земной орбиты, но даже и такое основаніе (до 300 милліоновъ верстъ) иногда не достаточно для опредѣленія ихъ параллакса: на такія громадныя разстоянія удалены отъ насъ эти звѣзды.

звѣзды созвѣздія Ріона—и Кассіопеи—одной изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ нашего неба—равны нулю, т.-е. что звѣзды эти удалены отъ насъ на неизмѣримыя разстоянія. Къ этому же заключенію приводитъ и тотъ фактъ, что у обѣихъ названныхъ звѣздъ не констатировано собственнаго движенія, несмотря на то, что подобныя наблюденія производятся надъ ними болѣе ста лѣтъ. Ясно, слѣдовательно, что лучистая энергія, испускаемая каждой изъ этихъ звѣздъ во много тысячъ, а можетъ быть и сотенъ тысячъ разъ, интенсивнѣе свѣта, испускаемаго нашимъ солнцемъ. Съ другой стороны, извѣстны звѣзды, находящіяся отъ насъ на разстояніяхъ относительно близкихъ, но абсолютная свѣтосила которыхъ въ сто слишкомъ разъ меньше солнечной.

Единство вселенной, говоритъ Ньюкомбъ, можно представить себѣ двоякимъ образомъ: или въ видѣ единства архитектуры, о которомъ мы уже говорили выше и которое можетъ мыслиться и безъ взаимодѣйствія звѣздъ другъ на друга, или же можно представлять вселенную, какъ организмъ, для котораго именно эти взаимодѣйствія и являются важной и характерной чертой.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы и не подозрѣвали, что черезъ неизмѣримыя небесныя пространства могутъ проникать какіе-нибудь другіе агенты, кромѣ силы тяжести и свѣта; между тѣмъ, теперь ясно, что такіе агенты существуютъ, что они переносятся съ одного небеснаго тѣла на другое, и только природа этихъ агентовъ намъ еще неизвѣстна. Прекраснымъ примѣромъ такого переноса, такой связи между различными небесными тѣлами является вполнѣ установленное соотношеніе между частотой магнитныхъ бурь на земномъ шарѣ и обиліемъ солнечныхъ пятенъ; и то и другое явленіе подчинено одиннадцатилѣтнему періоду. Новѣйшія работы *Бигелова* говорятъ о замѣчательной правильности этой связи: кривыя, выражающія то и другое явленіе, почти тожественны и съ несомнѣнностью указываютъ намъ, что солнечныя пятна и магнитныя бури обусловлены общей причиной. Этой причиной не могутъ быть измѣненія обычнаго солнечнаго лучеиспусканія, потому что, какъ показываютъ новѣйшія работы, каковы бы ни были эти измѣненія, они-то сами не подчиняются закону одиннадцатилѣтняго періода. Изслѣдованія Галя показали, что солнечныя пятна—не первичныя, самобытныя проявленія солнечной дѣятельности, но результатъ постояннаго процесса, совершающагося въ солнцѣ и производящаго пятна только въ нѣкоторыхъ областяхъ солнечной поверхности и при особыхъ спеціальныхъ условіяхъ. Нельзя утверждать, что солнечное пятно непремѣнно влечетъ за собою магнитную бурю на нашей землѣ; единственный выводъ, къ которому насъ приводитъ изученіе этихъ явленій, будетъ тотъ, что солнечная дѣятельность, вызывающая появленіе солнечнаго пятна, вызываетъ и магнитную бурю.

Мы вправѣ, конечно, задать вопросъ не зависятъ ли обѣ группы данныхъ явленій—и солнечныя пятна и магнитныя возмущенія на землѣ—отъ причины, лежащей внѣ этихъ небесныхъ тѣлъ. До сихъ поръ всѣ попытки найти такую причину остались безуспѣшными и поэтому можно считать весьма вѣроятнымъ, а по Ньюкомбу даже «достаточно установленнымъ фактомъ», что отъ солнца исходитъ какое-то истеченіе (эманація), не постоянное, но проявляющееся съ

силой черезъ извѣстные промежутки времени и дѣйствующее на землѣ на магнитную стрѣлку; природа этого истеченія остается еще неизвѣстной. Ньюкомбъ полагаетъ, что можетъ быть, эта загадка скоро теперь разрѣшится, благодаря открытію рентгеновскихъ и беккерелевскихъ лучей и электронной теоріи. Изученіе этого вопроса, говоритъ американскій ученый, «можетъ быть поставлено въ ряду самыхъ важныхъ задачъ современнаго астронома-физика. Исторія научныхъ открытій, позволяетъ предсказать, что во время изученія даннаго вопроса, ученые, еще не достигнувъ даже поставленной цѣли, откроютъ многія другія вещи, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого представленія и которыя будутъ имѣть такое же, а можетъ быть, даже и большее значеніе».

Въ связь съ этимъ вопросомъ Ньюкомбъ приводитъ и явленія, наблюденныя въ послѣднія десять лѣтъ при изученіи такъ называемыхъ «новыхъ» звѣздъ, изрѣдка и внезапно загорающихся на нашемъ небѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ звѣздъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего появленія превращались въ туманность цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, окружались туманностями.

На первый взглядъ, казалось, весьма легко объяснить это явленіе. Какой бы причинѣ мы ни приписывали колоссальное (во многія тысячи разъ) увеличеніе блеска такой звѣзды втеченіе всего двухъ, трехъ дней,—подобная катастрофа должна была вызвать изверженіе громадной массы раскаленныхъ газовъ; эти газы поднимались съ весьма большой скоростью и распространялись во всѣ стороны; на насъ они должны производить впечатлѣніе туманности, окружающей звѣзду и постепенно расширяющейся. Но какъ только мы попытаемся составить себѣ представленіе о размѣрахъ такой туманности, тотчасъ же возникаютъ затрудненія. Прежде всего для этого нужно знать разстояніе отъ насъ данной звѣзды, а между тѣмъ, нѣтъ никакой возможности сдѣлать прямое опредѣленіе этого разстоянія. Ньюкомбъ все же полагаетъ, что годовой паралаксъ этихъ новыхъ звѣздъ не можетъ значительно превышать милліонную долю секунды, что соотвѣтствуетъ разстоянію, которое свѣтъ пробѣгаетъ приблизительно въ 3.400 лѣтъ. Онъ приводитъ въ защиту своего предположенія слѣдующіе доводы. Во-первыхъ «новыя» загорались только въ областяхъ млечнаго пути и, слѣдовательно, можно думать, что они и удалены отъ насъ на такое же разстояніе, какъ и звѣзды млечнаго пути, а эти послѣднія, какъ-то показываетъ звѣздная статистика, имѣютъ въ среднемъ указанный выше паралаксъ. Во-вторыхъ, та же звѣздная статистика позволяетъ намъ утверждать, что въ 10.000 случаяхъ противъ одного наугадъ взятая звѣзда будетъ находиться въ млечномъ пути, а не въ какой-либо иной зонѣ. Къ этому выводу приводятъ насъ и прямыя измѣренія Барнара надъ «Новой» Персея, давшія для собственнаго движенія этой звѣзды въ теченіе цѣлаго года одну сотую секунды, что, по словамъ Ньюкомба, говоритъ о полномъ отсутствіи собственнаго движенія.

Итакъ, съ большою вѣроятностью можно предположить, что «новыя» звѣзды находятся въ области млечнаго пути. Что же изъ этого слѣдуетъ? Какой скоростью должна обладать туманность, чтобы распространяться такъ быстро какъ-то наблюдалось, напримѣръ, у «Новой» Персея. Эта скорость, говоритъ Ньюкомбъ, превосходитъ все, что мы можемъ себѣ представить. Наибольшую

скорость вещества, которую мы знаемъ—это скорость водорода и другихъ газовъ, вырывающихся съ поверхности нашего солнца, она достигаетъ иногда нѣсколькихъ сотъ километровъ въ секунду; но даже и при этой скорости для образованія замѣтной туманности на томъ разстояніи, которое мы опредѣлили для новыхъ звѣздъ, потребовались бы цѣлые вѣка. Въ виду этого, голландскій астрономъ *Каптейнъ* высказалъ гипотезу, что распространеніе туманности, окружающей «Новую» Персея, вовсе не движеніе матеріи, но только освѣщеніе существовавшей уже ранѣе туманности свѣтовыми волнами, образованными при изверженіи на звѣздѣ. На первый взглядъ кажется, замѣчаетъ Ньюкомбъ, что слишкомъ смѣло сравнивать быстрое распространеніе свѣта (300.000 километровъ въ секунду) съ медленнымъ, повидимому, движеніемъ данной туманности. Но вычисленіе показываетъ, что здѣсь произведена переоцѣнка въ другую сторону и что даже гигантская скорость распространенія свѣта недостаточна для объясненія разбираемаго явленія: если предположить, что разстояніе отъ насъ «Новой» всего только въ 400 разъ больше разстоянія звѣздъ созвѣздія Центавра, то и тогда скорость распространенія такой туманности должна быть въ 10 разъ больше скорости свѣта. Такимъ образомъ, распространеніе туманности вокругъ «Новой» Персея не можетъ быть объяснено ни одной изъ извѣстныхъ намъ силъ природы.

Ньюкомбъ все же пытается намѣтить возможный путь для рѣшенія этой дилеммы.

«Благодаря фотографіи, мы видимъ, какъ въ данномъ небесномъ тѣлѣ («новой» звѣздѣ) происходятъ характерныя измѣненія освѣщенныхъ частей. День за днемъ мы наблюдаемъ, какъ опредѣленное освѣщеніе, начинающееся въ точкѣ А, все равно гдѣ, распространяется до точки В, и, можетъ быть, начинаетъ уже свѣтиться нѣкоторая точка С. Естественно заключить, что здѣсь есть нѣчто распространяющееся; точка В получила эманацію отъ точки А и точка С появляется не произвольно, она связана съ нѣкоторымъ явленіемъ происходящимъ въ другой точкѣ, можетъ быть, въ центральной звѣздѣ. Приписывая это распространеніе такимъ агентамъ, какъ свѣтъ и лучистая теплота, или какому-либо другому агенту природы, мы наталкиваемся на недостаточную скорость ихъ распространенія... Кромѣ того, гипотеза свѣтового происхожденія этихъ явленій (Каптейнъ) становится еще менѣе вѣроятной благодаря тому, что, какъ показали послѣднія изслѣдованія фотографій Ликской обсерваторіи, истеченіе въ данномъ случаѣ распространяется не прямолинейно и не съ однообразной скоростью, но испытываетъ отклоненія то въ одну, то въ другую сторону и притомъ съ различными скоростями. Но имѣется еще болѣе значительное препятствіе для объясненія даннаго истеченія распространеніемъ свѣта: скорость распространенія послѣдняго постоянна и взрывъ произошелъ внезапно, такъ какъ прошло всего два или три дня съ момента, когда звѣзда стала видимой до того, какъ она достигла блеска 1-го класса; при такихъ условіяхъ свѣтовая волна, происшедшая при взрывѣ, имѣла бы хорошо очерченную сферическую поверхность съ наиболѣе блестящей точкой, расположенной такъ близко къ дѣйствительной поверхности, что ея протяженіе не

не было бы намъ видно на этомъ разстояніи. Звѣзда гаснетъ съ такой быстротой, что въ нѣсколько дней ея яркость уменьшается на половину; свѣтъ, испускаемый ею, долженъ былъ бы являться нашимъ глазамъ въ видѣ хорошо очерченнаго круглаго диска, блестящаго на своей внѣшней поверхности, внѣкоторой все было бы погружено въ полную темноту...»

Все это приводитъ Ньюкомба къ гипотезѣ, что въ этихъ истеченіяхъ, которыя являются намъ въ видѣ туманности вокругъ подобныхъ «новыхъ» звѣздъ, мы имѣемъ дѣло съ радіоактивными эманаціями, съ истеченіемъ особыхъ частицъ вещества—электроновъ. И здѣсь мы наталкиваемся на трудности, такъ какъ теоретическія изысканія Дж. Дж. Томсона указываютъ намъ, что врядъ ли и эти частицы могутъ имѣть бо̀льшую скорость, чѣмъ свѣтъ, но все же Ньюкомбъ, какъ мы указывали въ началѣ нашей статьи, убѣжденъ, что только въ этихъ истеченіяхъ вещества можно искать объясненія для связи между небесными свѣтилами, проявляющейся, напр., въ одиннадцатилѣтнемъ періодѣ солнечныхъ пятенъ и земныхъ магнитныхъ возмущеній, и въ образованіи туманностей, подобныхъ Nova Persei.

«Все, что откроютъ въ этихъ новыхъ областяхъ изслѣдованія,—говоритъ Ньюкомбъ,—въ настоящее время такъ же далеко отъ нашихъ идей, какъ далеко было бы для ученыхъ сто лѣтъ тому назадъ современное развитіе электричества. Мы не можемъ гарантировать какого-нибудь необыкновеннаго открытія но мы находимся передъ безбрежнымъ полемъ, о существованіи котораго даже и не подозрѣвали всего 10 лѣтъ тому назадъ, и изслѣдованіе котораго поглотитъ, вѣроятно, всѣ силы нашихъ физическихъ лабораторій и большую часть астрономическихъ въ теченіи столькихъ поколѣній, сколько потребовалось для приведенія электричества въ современное положеніе...»

Въ своихъ доказательствахъ единства вселенной Ньюкомбъ не упомянулъ *метеоритовъ*—этихъ пришлецовъ изъ чуждыхъ намъ міровъ.

До сихъ поръ ни въ одномъ метеоритѣ не было открыто ни одного элемента, котораго мы не встрѣчали въ земной корѣ. Мало этого, въ составѣ метеоритовъ преобладаютъ элементы, являющіеся въ то же время главными составными частями и нашей земли; это: желѣзо, никкель, фосфоръ, сѣра, углеродъ, кислородъ, кремній, магній, кальцій, алюминій; кромѣ того, въ метеоритахъ встрѣчены: водородъ, азотъ, хлоръ, литій, натрій, калій, стронцій, титанъ, хромъ, марганецъ, кобальтъ, мышьякъ, сурьма, олово, мѣдь.

Къ этому списку элементовъ въ настоящее время можно прибавить *золото* и *фосфоръ* въ свободномъ состояніи. Золото выдѣлено г. *Ливерстомъ* изъ нѣкоторыхъ европейскихъ и австралійскихъ метеоритовъ въ видѣ мельчайшихъ частицъ, вполнѣ достаточныхъ, впрочемъ, для того, чтобы наблюдать типичныя свойства золота—ковкость, желтый цвѣтъ и нерастворимость въ азотной кислотѣ.

Фосфоръ въ несвязанномъ состояніи былъ найденъ въ недавно упавшемъ метеоритѣ «Saline Town Schip». Для отдѣленія отъ этого метеорита небольшого куска *Оливеръ Фаррингтонъ* началъ сверлить въ камнѣ дырку; черезъ

нѣкоторое время, когда буравъ достигъ 5,5 сантим. глубины, Фаррингтонъ замѣтилъ, что изъ отверстія выходитъ бѣлый дымъ съ сильнымъ чесночнымъ запахомъ, характернымъ для бѣлаго фосфора. Что здѣсь имѣли дѣло съ выдѣленіемъ паровъ фосфора, убѣдились цѣлымъ рядомъ испытаній. Простымъ глазомъ (конечно, защищеннымъ) можно было видѣть на днѣ дырки свѣтящееся пятно, по срединѣ круглое, по краямъ вращающееся; бумага насыщенная растворомъ ляписа, почти мгновенно чернѣла при дѣйствіи на нее выдѣляющихся паровъ; порошокъ, оставшійся въ бурѣ, давалъ характерную реакцію на фосфоръ. Выдѣленіе дыма продолжалось около 2-хъ часовъ, затѣмъ стало слабѣть и совершенно прекратилось; чесночный же запахъ можно было ощущать въ теченіе 18 часовъ. Было произведено два буренія въ другихъ мѣстахъ метеорита, но ничего подобнаго не наблюдалось; изъ этого нужно заключить, что свободный фосфоръ находился въ этомъ метеоритѣ въ одномъ или, по крайней мѣрѣ, только въ весьма немногихъ мѣстахъ и притомъ въ очень незначительномъ количествѣ. Когда пробурили въ первомъ мѣстѣ до конца, то оказалось, что фосфоръ находился только въ небольшомъ пространствѣ, длиной около $^1/_2$ дюйма; камень въ этомъ мѣстѣ имѣлъ свѣтлокоричневую окраску, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ былъ окрашенъ въ зеленоваточерный цвѣтъ.

II.

Успѣхи техники: безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ; кататипія.

Около $1^1/_2$ лѣтъ тому назадъ, въ 1901 г., въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала была помѣщена статья доктора *Б. Дессау*: «Электрическія колебанія и телеграфія безъ проволоки». Наши постоянные читатели помнятъ, что въ этой статьѣ былъ данъ историческій очеркъ какъ развитія научныхъ идей, легшихъ въ основу безпроволочнаго телеграфа, такъ и эволюціи самого этого изобрѣтенія.

Въ приложенной къ этой статьѣ редакціонной замѣткѣ было выяснено, что изобрѣтателемъ безпроволочной телеграфіи по справедливости долженъ считаться нашъ соотечественникъ *А. С. Поповъ*, такъ какъ еще въ апрѣлѣ 1895 г. въ засѣданіи физикохимическаго общества онъ сдѣлалъ сообщеніе «О приборѣ для обнаруженія и регистрированія электрическихъ колебаній» и демонстрировалъ этотъ приборъ, представляющій полную пріемную станцію для безпроволочнаго телеграфа; посылающей станціей служили разряды атмосфернаго электричества, которые и зарегистрировались этимъ приборомъ, состоявшимъ уже тогда изъ когерера, автоматическаго разрушителя проводимости, релэ и воспринимающей проволоки *). Въ концѣ своего доклада А. С. Поповъ выразилъ надежду, что приборъ его при дальнѣйшемъ усовершенствованіи можетъ быть примѣненъ къ передачѣ сигналовъ на разстояніи, и весною 1896 г. онъ осуще-

*) Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ описаніе безпроволочнаго телеграфа и отсылаемъ читателя къ упомянутой статьѣ Б. Дессау.

ствилъ уже свою надежду и показывалъ обществу дѣйствіе пріемника подъ вліяніемъ удаленнаго отъ послѣдняго источника электрическихъ колебаній.

Только осенью 1896 г. стало извѣстно о первыхъ опытахъ *Маркони*; изъ привилегій его, опубликованныхъ въ 1897 г., ясно, что приборъ Маркони совершенно аналогиченъ съ приборомъ Попова. Съ 1897 г. начинаются безпрерывныя усовершенствованія безпроволочнаго телеграфа, благодаря трудамъ Маркони, Попова и Слаби. Въ 1901 г. Маркони передалъ телеграмму на разстояніи 100, а Поповъ на разстояніи 120 километровъ. Дальше работа нашего соотечественника шла, такъ сказать, вглубь и преслѣдовала, главнымъ образомъ, чистоту и быстроту передачи, Маркони же увлекся громадными разстояніями, дѣйствующими на воображеніе не только толпы, но даже и ученыхъ. Кромѣ того, Маркони печаталъ свои труды на всѣхъ европейскихъ языкахъ и вошелъ въ непосредственныя сношенія чуть ли не со всѣми королями и президентами, а Поповъ писалъ, кажется, только на русскомъ языкѣ и вѣдался только съ однимъ россійскимъ флотомъ. Зато про Маркони трубятъ въ газетахъ обоихъ полушарій, нашего же изобрѣтателя признаютъ только русскіе и отчасти французскіе ученые.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость необыкновенной, колоссальной энергіи Маркони; это—поистинѣ энергія фанатика - изобрѣтателя. Еще въ началѣ 1902 года громадное большинство ученыхъ сомнѣвалось въ возможности передачи депешъ на сотни километровъ при посредствѣ безпроволочнаго телеграфа, а уже въ мартѣ этого года Маркони переслалъ телеграмму на разстояніи 1.551 мили и передалъ букву S черезъ Атлантическій океанъ на разстояніи 2.099 миль; въ іюнѣ—іюлѣ онъ устроилъ спеціальную станцію въ Польди на берегу Корнваллиса (Англія) и отправился въ концѣ іюля оттуда на кораблѣ «Карло-Альбертъ» къ берегамъ Сѣверной Америки, обмѣниваясь по дорогѣ телеграммами съ станціей Польди. Въ концѣ августа онъ прибылъ въ Канаду и энергично принялся тамъ за установку на мысѣ Бретонъ въ Новой Шотландіи станціи, подобной той, которую онъ устроилъ въ Польди, а 21-го декабря (нов. ст.) 1902 г. Маркони телеграфируетъ въ Нью-Іоркъ слѣдующую телеграмму: «Прошу васъ сообщить для всеобщаго свѣдѣнія, что я съ полнымъ успѣхомъ установилъ безпроволочное сообщеніе между Бретонскимъ мысомъ въ Канадѣ и Корнваллисомъ въ Англіи *). Первыя депеши, между прочимъ, телеграмма генералъ-губернатора Канады къ королю Эдуарду VII-му, были переданы по назначенію королямъ Англіи и Италіи. Также было послано сообщеніе въ Лондонъ газетѣ «Times» въ присутствіи ея спеціальнаго корреспондента д-ра Паркина. Телеграмма лорда Минто, генералъ-губернатора Канады, первая посланная по безпроволочному телеграфу, гласила: «Его Величеству Королю. Лондонъ. Позволяю себѣ послать по безпроволочному телеграфу поздравленіе Вашему Величеству по поводу успѣха великаго изобрѣтенія Маркони, соединяющаго Англію и Канаду. Минто».

---

*) Разстояніе между этими пунктами равно 3.000 милямъ, иначе 5.500 километрамъ.

Затѣмъ пришла очередь другихъ королей получать поздравленія, затѣмъ Рузевельтъ поздравлялъ Эдуарда VII, а послѣдній Рузевельта и т. д. Успѣхъ, можно сказать, феерическій.

Дѣйствительно, теперь можно утверждать, что какъ бы велико ни было разстояніе между двумя станціями, электрическія волны, распространяющіяся отъ одной, могутъ достигнуть другой, лишь бы электрическая энергія была достаточной силы. Кромѣ того, опыты показали, что солнечный свѣтъ не уничтожаетъ, а только ослабляетъ распространеніе электрическихъ волнъ, и потому для телеграфированія днемъ нуженъ болѣе сильный токъ, чѣмъ ночью.

Посмотримъ же, какъ устроены эти гигантскія станціи въ Польди и на мысѣ Бретонъ. Въ Польди существенную часть станціи составляютъ 4 деревянныя башни, высотой въ 64 метра, укрѣпленныя на бетонномъ фундаментѣ, сторона котораго равняется 60 метрамъ. Вершины этихъ башенъ соединены четырьмя стержнями, къ каждому стержню прикрѣплены, на разстояніи полуметра другъ отъ друга, сто мѣдныхъ проволокъ (антены); всѣ эти 400 проволокъ соединяются въ одномъ общемъ кондукторѣ подъ угломъ въ 45° и проникаютъ въ пріемную залу, находящуюся въ центрѣ квадрата, образуемаго башнями. Все сооруженіе имѣетъ форму опрокинутой громадной усѣченной пирамиды. Электрическая энергія сообщается этому гигантскому пріемнику цѣлой системой альтернаторовъ и трансформаторовъ высокаго напряженія. Эти трансформаторы возбуждаютъ цѣпь разряда, вторичная цѣпь которой соединена съ проволоками (антенами). При пропусканіи тока эти проволоки получаютъ электричество такого напряженія, что между каждымъ кондукторомъ данной системы и землей получаются искры до полуметра длиною. Подобнымъ же образомъ устроилъ Маркони и станцію на мысѣ Бретонѣ въ Новой Шотландіи. Здѣсь источникомъ электричества является альтернаторъ въ 50 киловаттовъ, приводимый въ дѣйствіе машиной въ 100 лошадиныхъ силъ. Получающійся токъ имѣетъ напряженіе въ 2.000 вольтъ при 25 амперахъ и возбуждаетъ первичную цѣпь трансформатора, повышая при этомъ напряженіе тока до 20.000 вольтъ. Токъ проходитъ черезъ 3 цѣпи разряда, два конденсатора, два трансформатора Теслы и затѣмъ только поступаетъ въ систему проволокъ (антенъ), устроенныхъ совершенно такъ же, какъ и въ Польди.

На этой станціи также можно получить между проводниками и землей искры въ 30, 40 сантиметровъ длиною. Понятно, что при такой силѣ тока требуется самая совершенная изоляція; кромѣ того эта гигантская пирамида изъ 400 проволокъ представляетъ такую громадную поверхность, что телеграфировать при ея посредствѣ можно только въ тихую погоду. Здѣсь-то и начинается серія «но», сводящаяся къ тому, что хотя, какъ показалъ Маркони, при посредствѣ безпроволочнаго телеграфа и удается передать депешу на громадное разстояніе въ 5.500 километровъ, но нельзя быть увѣреннымъ, что это удастся всякій разъ.

Такъ, уже при телеграфированіи между станціей Польди и кораблемъ Карло-Альберто депеша, въ которой итальянское посольство поздравляло Маркони съ

*

успѣхомъ, передавалась безъ перерыва въ теченіе 55 часовъ, а именно она была отправлена изъ Польди 6-го сентября въ 9 часовъ вечера, а получена на Карло-Альберто только 9-го сентября въ 4 часа утра. Кромѣ этой неувѣренности въ полученіи отправленной депеши, безпроволочное телеграфированіе на громадное разстояніе представляетъ еще и слѣдующія неудобства. Телеграмму, направленную вамъ, можетъ перехватить другой, такъ какъ электрическія волны распространяются на громадныя разстоянія во всѣ стороны. Такъ, напримѣръ, сигналы, посылаемые изъ Польди въ Америку, часто зарегистрировались на береговыхъ французскихъ станціяхъ, хотя на нихъ и не было никакихъ особыхъ резонаторовъ. Устроить же такіе резонаторы, чтобъ электрическія волны, исходящія отъ одного изъ нихъ въ Польди, могли бы быть восприняты только другимъ одинаково настроеннымъ и находящимся на мысѣ Бретонѣ, до сихъ поръ не удавалось, хотя дѣлались уже многія попытки въ эту сторону. Затѣмъ нужно отмѣтить и то, что станціи такой колоссальной силы, какъ Польди и мыса Бретонъ, испускаютъ такія мощныя электрическія волны, что всѣ сигналы менѣе значительныхъ станцій будутъ уничтожены на 100 миль въ окружности, да и близкое сосѣдство двухъ такихъ громадныхъ станцій будетъ смертельно для каждой изъ нихъ. Слѣдовательно, функціонировать такія станціи могутъ только при детальной выработанной государственной и международной регламентаціи. И объ этомъ начинаютъ теперь серьезно подумывать.

Какъ бы то ни было, возможно ли будетъ установить правильное прямое безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ, или же опыты и удача Маркони имѣютъ только теоретическій интересъ,—во всякомъ случаѣ подобное телеграфированіе на меньшія разстоянія является уже вполнѣ прочнымъ техническимъ завоеваніемъ и почти всѣ государства начинаютъ примѣнять его, главнымъ образомъ, въ военныхъ цѣляхъ. Англичане устроили безпроволочный телеграфъ во время войны съ бурами, впрочемъ безъ большого успѣха, они надѣятся пожать бо́льшія лавры въ этомъ отношеніи въ войнѣ съ сомалійцами, такъ какъ страна послѣднихъ равнинная; нѣмцы ввели уже соотвѣтственные аппараты на всѣхъ военныхъ судахъ и намѣреваются устроить особыя станціи въ наиболѣе важныхъ береговыхъ пунктахъ; французы и мы тоже не отстаемъ; объ англичанахъ и говорить нечего: они шли все время во главѣ этого предпріятія. Шведы устроли цѣлую цѣпь небольшихъ станцій между Карлскроной и Стокгольмомъ, изъ которыхъ самая южная можетъ сообщаться съ Арконой на о-вѣ Рюгенѣ, а послѣдняя соединена обыкновеннымъ телеграфомъ съ Берлиномъ; въ непродолжительномъ времени ожидается установленіе станціи безпроволочнаго телеграфа и между этими пунктами, и тогда Швеція и Германія въ состояніи будутъ сноситься не только при посредствѣ обыкновеннаго, но и безпроволочнаго телеграфа. Начинаютъ примѣнять безпроволочный телеграфъ и желѣзныя дороги. Такъ, американская желѣзнодорожная компанія «Grand Trunk Railway» приступила съ успѣхомъ къ установленію телеграфныхъ сношеній между станціей и поѣздомъ, идущимъ съ скоростью 75 километровъ въ часъ; при этомъ пользовались небольшими лабораторными приборами и вмѣсто вертикальной проволоки-пріемника волнъ (антена) протягивали прово-

локу съ каждой стороны вдоль всего вагона, гдѣ былъ расположенъ когереръ, состоявшій изъ порошка никкеля и серебра.

Если подобнаго рода опыты увѣнчаются успѣхомъ и удастся выработать систему телеграфированія между движущимся поѣздомъ и станціей, это будетъ имѣть такое же громадное значеніе, особенно для предупрежденія несчастій, какъ безпроволочное телеграфированіе между берегомъ и кораблемъ, теперь уже практикующееся.

Уже изъ этого краткаго обзора читатель видитъ, какая громадная область примѣненій открывается для новаго изобрѣтенія,—а вѣдь оно только еще дѣлаетъ первые робкіе шаги; какіе же перспективы могутъ открыться для безпроволочнаго телеграфа, когда онъ станетъ взрослымъ и отъ поздравительныхъ телеграммъ и сомалійскихъ дракъ перейдетъ къ болѣе серьезному и нужному для людей дѣлу?!

Техническое изобрѣтеніе, къ которому мы теперь переходимъ, не дѣйствуетъ такъ на воображеніе и безспорно не имѣетъ такого мірового значенія, какъ безпроволочное телеграфированіе, но все же въ своей болѣе узкой области и оно грозитъ цѣлой революціей.

Извѣстнымъ лейпцигскимъ химикомъ *Оствальдомъ* и его ученикомъ *Гроссомъ* открытъ недавно способъ воспроизведенія какъ фотографическихъ, такъ и другихъ изображеній безъ помощи свѣта. Негативъ при этомъ «фотографированіи безъ свѣта» получается обычнымъ путемъ въ фотографической камерѣ, на пластинкахъ, покрытыхъ бромистымъ серебромъ и, слѣдовательно, при дѣйствіи свѣта, но прозрачныя стеклянныя или целлулоидныя пластинки могутъ быть замѣнены, въ данномъ случаѣ, непрозрачными, такъ какъ здѣсь нужна только поверхность негатива. Такимъ образомъ, въ способѣ Оствальда свѣтомъ пользуются только для полученія негатива, а весь дальнѣйшій процессъ совершается безъ дѣйствія свѣта.

Оствальдомъ и Гроссомъ такое фотографированіе названо *кататипіей*, такъ какъ вещества дѣйствуетъ другъ на друга во всемъ этомъ процессѣ каталитически.

Каталитическими же въ химіи называются такія реакціи, которыя совершаются только въ присутствіи извѣстныхъ тѣлъ (въ данномъ случаѣ серебра, платины, перекиси марганца и пр.), хотя сами эти тѣла ни въ вѣсѣ, ни въ составѣ своемъ не измѣняются.

Вотъ нѣсколько примѣровъ каталитическихъ реакцій. Сѣрнистый газъ и кислородъ не соединяются другъ съ другомъ прямо, но въ присутствіи губчатой платины соединеніе происходитъ; такимъ же образомъ можетъ быть полученъ азотъ при пропусканіи смѣси амміака и кислорода воздуха надъ раскаленной мѣдью, остающейся безъ измѣненія; хлоръ получается при пропусканіи хлористаго водорода и воздуха надъ нагрѣтымъ кирпичомъ, пропитаннымъ насыщеннымъ растворомъ мѣднаго купороса или же въ присутствіи солей марганца.

Химиками признается, что каталитическое вещество, въ нѣкоторыхъ, по-крайней мѣрѣ, напримѣръ, въ вышеупомянутыхъ реакціяхъ, и само также

принимаетъ участіе, образуя съ какимъ-нибудь изъ веществъ данной реакціи соединеніе, но настолько непрочное, что при обычныхъ условіяхъ оно не можетъ существовать и разлагается, снова возстановляя каталитическое вещество со всѣми его свойствами.

Такія каталитическія реакціи, какъ разложеніе бертолетовой соли на хлористый калій и кислородъ, совершающееся въ присутствіи перекиси марганца, затѣмъ всякаго рода броженія (винное, уксусное и пр.), гдѣ только въ присутствіи извѣстныхъ микроорганизмовъ сахаръ разлагается на спиртъ и угольную кислоту или же спиртъ окисляется въ уксусную кислоту и т. д., такія каталитическія реакціи не имѣютъ до сихъ поръ полнаго и общепризнаннаго объясненія.

Оствальдъ и Гроссъ воспользовались катализомъ для полученія особыхъ негативовъ. Они обливали, напр., негативъ, полученный обычнымъ способомъ, перекисью водорода. Серебро на темныхъ мѣстахъ негатива, дѣйствуя каталитическимъ путемъ на перекись водорода, разлагало ее на водородъ и кислородъ; въ свѣтлыхъ же мѣстахъ, не содержащихъ серебра, перекись водорода оставалась неразложенной. Такимъ образомъ получалось невидимое изображеніе изъ перекиси водорода. Это изображеніе можетъ быть переведено на обыкновенную бумагу простымъ нажиманіемъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Проявляя же такое изображеніе сѣрнокислымъ желѣзомъ (мѣдный купоросъ), получаемъ свѣтложелтое изображеніе, которое можно окрасить растворомъ желѣзистоціанистаго калія въ синій цвѣтъ, галловой кислотой—въ фіолетовый, растворомъ пирокатехина—въ зеленоваточерный и т. д. Получаемыя при этомъ способѣ краски очень прочныя, а потому и портреты и всякія другія изображенія, полученныя этимъ способомъ, конечно, несравненно долговѣчнѣе обыкновенныхъ фотографическихъ.

Копіи могутъ быть изготовлены кататипическимъ способомъ очень быстро. Гроссъ и Оствальдъ примѣняютъ не только вышеописанные, но самые разнообразные каталитическіе процессы ко всякаго рода воспроизведеніямъ употребляемымъ въ печати. При кататипіи требуются очень дешевые матеріалы и приборы, а изображенія получаются гораздо точнѣе и изящнѣе, чѣмъ при многихъ, несравненно болѣе дорогихъ, способахъ художественной репродукціи; поэтому нужно ожидать, что въ очень скоромъ времени кататипическій способъ, особенно при несомнѣнномъ дальнѣйшемъ усовершенствованіи его, произведетъ въ этой области громадный переворотъ и сильно удешевитъ воспроизведеніе картинъ, иллюстрацій, фотографическихъ карточекъ и т. п. предметовъ.

В. Агафоновъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Постановленія новгородскаго губернскаго комитета. Съ 26-го января по 1-е февраля происходили засѣданія новгородскаго губернскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ новгородскаго губернатора графа Медема. Въ комитетъ, по словамъ «С.-Петерб. Вѣд.», было приглашено всего 83 человѣка, считая въ томъ числѣ обязательныхъ членовъ комитета: губернскаго предводителя дворянства, 11 уѣздныхъ предводителей, предсѣдателя и трехъ членовъ губернской земской управы, 11 предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, управляющаго казенной палатой, управляющаго государственными имуществами и уполномоченнаго министерства земледѣлія. Изъ числа этихъ обязательныхъ членовъ не явились 8 уѣздныхъ предводителей дворянства и 8 представителей земскихъ управъ.

Кромѣ указанныхъ обязательныхъ членовъ, губернаторомъ были приглашены всѣ чиновники губернской администраціи.

Изъ состава гласныхъ губернскаго земскаго собранія приглашены были только губернскіе гласные отъ Новгородскаго уѣзда, а затѣмъ участвовало въ комитетѣ еще нѣсколько болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ Новгородской губ.

Приводимъ перечень главнѣйшихъ постановленій комитета.

Народное образованіе. 1) Народное образованіе должно быть всеобщимъ.

2) Народное образованіе не должно быть обязательнымъ.

3) Народная школа должна быть безплатна.

4) Желательно организованное участіе земства и общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, подъ общимъ руководствомъ правительства.

5) Общеобразовательныя народныя школы должны находиться исключительно въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

6) Желательна возможно широкая матеріальная помощь народнымъ школамъ со стороны правительства.

7) Курсъ начальной народной школы долженъ быть увеличенъ не менѣе чѣмъ до 4-хъ лѣтъ.

8) Начальная народная школа должна преслѣдовать только общеобразовательныя цѣли.

9) Устроить связь между начальной, средней и высшей школами, въ видахъ свободнаго перехода изъ одной въ другую, съ сохраненіемъ въ народной школѣ самостоятельной и законченной программы.

10) Увеличить число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и удешевить плату за ученіе.

11) Желательно возможно облегчать пополненіе народныхъ библіотекъ книгами и упростить разрѣшеніе чтеній.

Правовое положеніе населенія и земства. 1) Освободить крестьянское населеніе отъ обязанности избирать изъ своей среды полицейскихъ, сотскихъ, десятскихъ и реорганизовать сельскую полицію на общихъ началахъ.

2) Отмѣнить натуральныя повинности, которыя исключительно или главнымъ образомъ ложатся на крестьянское населеніе, какъ-то подводную, дорожную и друг.

3) Дорожная повинность по содержанію проселочныхъ дорогъ между населенными пунктами должна быть пересмотрѣна, т.-е. изъ личной, какъ въ настоящее время, когда она падаетъ исключительно на владѣльцевъ, черезъ владѣнія которыхъ дорога пролегаетъ, она должна быть превращена въ общественную, отправляемую раскладкой расходовъ по содержанію дороги на всѣ предметы обложенія.

4) Исключить тѣлесное наказаніе изъ числа карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ судомъ.

5) Уничтоженіе зависимости между принадлежностью къ извѣстному сословію и гражданскими правами даннаго лица; въ частности, отмѣна закона, по которому лица, выбывшія изъ крестьянскаго сословія, лишаются вмѣстѣ съ тѣмъ права на участіе въ пользованіи землею, находящейся въ общественномъ владѣніи.

6) Лишеніе крестьянскаго общества и хозяина крестьянскаго двора власти, стѣсняющей личность и семейную жизнь совершеннолѣтнихъ членовъ семьи.

7) Отмѣнить круговую поруку.

8) Допустить крестьянъ къ участію въ земскомъ самоуправленіи на общихъ правахъ, согласно Положенію 1864 года.

9) Предоставить всему населенію Новгородской губерніи мѣстный низшій выборный судъ на началахъ уставовъ Императора Александра II 1864 г.

10) Установить въ земствѣ территоріальное представительство на началахъ всесословности.

11) Желательно учрежденіе мелкой земской единицы.

12) Ходатайствовать объ отмѣнѣ закона 12-го іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія.

Землевладѣніе. 1) Предоставить сельскому населенію свободный выборъ формы землевладѣнія, общиннаго, подворнаго или хуторского.

2) Спеціальныхъ мѣръ къ поддержанію общины принимать не слѣдуетъ.

3) Въ случаѣ выбора крестьянами той или другой формы землевладѣнія принять мѣры содѣйствія къ развитію избранной формы.

4) Отмѣнить законъ, препятствующій крестьянамъ продавать на сносъ постройки.

5) Предоставить право обществу учреждать опеку за расточительность по просьбѣ семьи расточителя.

6) Выразить пожеланіе о расширеніи дѣятельности крестьянскаго банка и о направленіи этой дѣятельности, главнымъ образомъ, на помощь части крестьянскаго населенія при всѣхъ формахъ землевладѣнія съ уменьшеніемъ процента, взимаемаго по ссудамъ.

7) Открыть правительственный кредитъ отдѣльнымъ безземельнымъ лицамъ всѣхъ сословій на покупку земли мелкими участками для веденія на нихъ сельскаго хозяйства, причемъ оказываемыя ссуды обезпечивались бы самими пріобрѣтаемыми участками.

8) При отмѣнѣ выкупныхъ платежей оставить въ силѣ законъ о неотчуждаемости земли отъ общины (при общинномъ землепользованіи).

Финансовая система. 1) Въ видахъ того, что косвенные налоги, какъ акцизные, такъ и таможенные, касающіеся предметовъ массового потребленія, весьма тяжело ложатся на неимущій класъ, выразить пожеланіе, чтобы эта налоговая тяжесть была, по возможности, переложена на прогрессивный подоходный налогъ, при установленіи котораго слѣдуетъ опредѣлять извѣстный минимумъ дохода, не подлежащаго обложенію подоходнымъ налогомъ.

2) Принимая во вниманіе высокую важность полученія наибольшихъ выгодъ отъ вывозной торговли продуктами, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить зерновой хлѣбъ, выразить пожеланіе:

а) Чтобы приняты были всевозможныя мѣры къ устраненію всѣхъ причинъ, мѣшающихъ русскому хлѣбу получать на міровомъ рынкѣ расцѣнку, соотвѣтствующую его качествамъ, какъ, напримѣръ, заведеніе оффиціальной упаковки хлѣба въ портахъ, черезъ биржевыхъ агентовъ.

б) Чтобы путемъ постепеннаго пониженія до возможнаго минимума пошлины на сельско-хозяйственныя машины и орудія и, вообще, на желѣзо и разнаго рода минеральные товары была дана возможность сельскому хозяйству достигнуть наибольшаго пониженія стоимости производства хлѣба.

в) Чтобы, путемъ раціональнаго покровительства и поддержки со стороны правительства, были приняты мѣры къ возможно большему развитію переработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на фабрикаты и полуфабрикаты, какъ-то мясо, масло, сыръ, муку и всякаго рода издѣлія изъ льна и конопли.

г) Чтобы наибольшее вниманіе было обращено на улучшеніе всѣхъ отраслей сельско-хозяйственнаго труда, такъ какъ только этимъ путемъ создается крупный и твердый внутренній рынокъ для всѣхъ отраслей промышленности, и можетъ быть достигнуто наибольшее экономическое процвѣтаніе.

3) Выразить пожеланіе о полномъ сложеніи выкупныхъ платежей и всѣхъ накопившихся недоимокъ.

Большая часть постановленій приняты комитетомъ единогласно или громаднымъ большинствомъ. Разнорѣчіе произошло лишь по вопросамъ винной торговли; въ постановленіяхъ этой группы уклонились отъ участія новгородскій

предводитель дворянства Болотовъ и тихвинскій Буткевичъ, а также предсѣдатель губернской управы Соморъ, членъ той же управы Пузино и предсѣдатели уѣздныхъ управъ: тихвинской—Бередниковъ и устюжской—Колюбакинъ. Эти члены комитета поддерживали предложеніе тихвинскаго уѣзднаго комитета о замѣнѣ винной монополіи гэттенборгской системой продажи вина (по примѣру Швеціи), т.-е. сосредоточеніе монополіи продажи вина просвѣтительными обществами на началахъ откупа; при этомъ вино распивочно продается обязательно съ ѣдою, и вся чистая прибыль идетъ на просвѣтительныя цѣли.

Земскія учрежденія въ степномъ краѣ. Въ стѣнахъ омскаго отдѣла московскаго общества сельскаго хозяйства 2-го января происходило важное въ жизни всего степного края засѣданіе: омскій отдѣлъ высказался единодушно за введеніе въ степномъ краѣ земскихъ учрежденій. Какъ сообщаетъ «Восточное Обозрѣніе», на общемъ собраніи отдѣла, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, читался докладъ по этому вопросу Л. К. Чермака, въ которомъ онъ далъ отвѣтъ на обычныя возраженія «солидныхъ людей», объ отсутствіи въ Сибири земскихъ дѣятелей.

Пренія начались съ рѣчи обычнаго оратора здѣшнихъ собраній, г. Тейтеля. Онъ цитировалъ циркуляръ степного генералъ-губернатора Сухотина объ «упадкѣ духа» сельскаго населенія Акмолинской области и, торжественно сославшись на то, что «генералъ Сухотинъ констатируетъ отсутствіе личной иниціативы у населенія», высказался, въ концѣ концовъ, за земство.

Впрочемъ, онъ находилъ, что введеніе въ степномъ краѣ земскихъ учрежденій встрѣтитъ слѣдующее неустранимое препятствіе: здѣсь нѣтъ помѣстнаго элемента, населеніе говоритъ на разныхъ языкахъ и изъ нихъ преобладающимъ оказывается киргизскій. Возражая г. Тейтелю, статистикъ Добровольскій указалъ на то, что помѣстный элементъ не есть необходимое условіе для жизнеспособности земства, напротивъ, въ Россіи наблюдается совершенно обратное: земское хозяйство поставлено образцово во всѣхъ отношеніяхъ какъ разъ тамъ, гдѣ нѣтъ или мало такъ называемаго помѣстнаго элемента. Киргизскій языкъ, на которомъ говоритъ большая часть населенія края, также не можетъ служить препятствіемъ къ введенію земства. Въ этомъ краѣ дѣйствуютъ судебныя учрежденія, распространенныя и на кочевое населеніе; въ земствѣ будутъ работать болѣе энергичные элементы послѣдняго и нынѣ знакомые съ русскимъ языкомъ. Производитель работъ г. Квитко, указывая на статистическія данныя о распредѣленіи населенія въ сѣверныхъ уѣздахъ Акмолинской области, гдѣ уже преобладаетъ осѣдлое населеніе, говоритъ, что край въ близкомъ будущемъ будетъ населенъ выходцами изъ земскихъ губерній настолько, что русскій языкъ и земскіе люди окажутся достаточными устоями сибирскаго земства. Рѣчи послѣднихъ ораторовъ произвели должное впечатлѣніе на г. Тейтеля, и онъ поспѣшилъ взять обратно все, что сказалъ сначала противъ сибирскаго земства.

Пред. А. А. Станкевичъ говоритъ, что хотя извѣстно, что война родитъ

героевъ, но самымъ важнымъ препятствіемъ къ введенію здѣсь земства нужно считать отсутствіе интеллигентныхъ силъ.

Статистикъ Е. П. Добровольскій, отвѣчая г. Станкевичу, указываетъ на мужицкое земство Вятской губ., которое крестьяне съ самаго начала повели прекрасно. Г. Букейхановъ говоритъ, что хотя предсѣдатель просилъ избѣгать параллели между земскими и неземскими губерніями, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду настоящей безпомощности во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ у насъ, въ степномъ краѣ. Будь у насъ администрація вооружена послѣднимъ словомъ науки, благожелательна, какъ ангелъ, и тогда она была бы безсильна выполнить свою нынѣшнюю роль опекуна сельскаго населенія. У администраціи слишкомъ много своихъ административныхъ дѣлъ. Мировые судьи, которыхъ на уѣздъ приходится два человѣка, буквально завалены дѣлами и изнываютъ подъ тяжестью дѣлъ судьи и слѣдователя, обязаннаго дѣлать 1.000 верстные разъѣзды. Откуда чины администраціи, крестьянскіе начальники, которыхъ не болѣе мировыхъ судей въ уѣздѣ, возьмутъ досугъ и время для удовлетворительнаго выполненія всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя перешли бы къ земству.

Алкогольная статистика. Надняхъ министерство финансовъ выпустило въ свѣтъ новое изданіе, содержащее въ себѣ статистическія данныя по казенной продажѣ питей за 1900 годъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что по 35-ти монопольнымъ губерніямъ Россіи за этотъ годъ выпито $33^1/_4$ милл. ведеръ вина и спирта, и за это уплочено $244^1/_2$ милл. рублей! «Саратовскій Дневникъ» дѣлаетъ интересныя извлеченія изъ указанной выше книги, по мнѣнію автора которой урожаи 1899 и 1900 гг. въ высшей степени содѣйствовали повышенію душевого потребленія вина.

«Повысилось потребленіе на востокѣ: сильно стали пить въ Уфѣ да въ Самарѣ; понизилось на юго-западѣ, въ Херсонской губ. былъ неурожай, а въ Бессарабіи своего винограднаго вина оказалось изобильно. Продолженіе промышленнаго кризиса тоже внесло свою струю въ «потребленіе вина и спирта въ 1900 году»: меньше пили въ Екатеринославской губ. и нѣкоторыхъ др. Сопоставленіе итоговъ урожая и потребленія вина отличается въ большинствѣ описываемыхъ авторами случаевъ значительной точностью. Правда, это далеко не всегда. Напримѣръ, по Уфимской губ. въ видѣ причины «значительнаго повышенія расхода питей» приведено и «то обстоятельство, что въ 1900 г. черезъ эту губернію было усиленное передвиженіе войска на китайскую границу». На самомъ дѣлѣ, черезъ губернію собственно никакихъ войскъ не передвигалось; войска перевозились по желѣзной дорогѣ, прорѣзывающей много и другихъ губерній. И почему это на уфимскихъ вокзалахъ войска вдругъ особенно усилили «душевое потребленіе вина?» И подобныхъ, далеко ненаучныхъ объясненій въ разсматриваемой книгѣ, по словамъ «Саратовскаго Дневника», не мало. Напримѣръ (стр. 173), «сокращеніе въ потребленіи вина за февраль 1900 г. объясняется болѣе раннимъ наступленіемъ Великаго поста», а это же болѣе раннее наступленіе Великаго поста, оказывается, въ восточныхъ губерніяхъ не имѣло ни малѣйшаго вліянія (стр. 148). Мѣстами, видимо отчаяв-

шись найти объясненіе сокращенію потребленія вина (напр., Черниг. губ.), авторы ссылаются просто на повышеніе цѣнъ на вино. А для западнаго края изобрѣтается даже особый законъ, антропологамъ неизвѣстный: «Чѣмъ выше % православныхъ и чѣмъ ниже % католиковъ въ составѣ мѣстнаго населенія, тѣмъ выше душевое потребленіе вина».

Таблицы, приложенныя къ книгѣ и занимающія около 150 стр., болѣе безпристрастны и указываютъ на необходимость искать болѣе серьезныхъ бытовыхъ и культурно-историческихъ факторовъ, вліяющихъ на размѣры потребленія вина въ разныхъ краяхъ громадной Россіи.

Гдѣ наиболѣе сильное «душевое потребленіе» монопольной влаги, никто и не подозрѣваетъ. Этотъ отнынѣ знаменитый пунктъ — Смоленская губернія. Тамъ есть города, даже не города, а городки, въ родѣ Ельни, имѣющей 2.370 жителей обоего пола и пропившей 77.636 руб., т.-е. по 32 р. 76 к. на каждую душу населенія. А Сычевка—помнитъ ли кто такой географическій пунктъ? Она побила и этотъ рекордъ: при 4.307 жителяхъ выпито вина за 1900 г. на 143.109 р., т.-е. по 33¼ р. на душу. Если исключить изъ счета женъ сычевскихъ гражданъ, то на каждаго изъ послѣднихъ падетъ расходъ на «spirituosa» въ суммѣ 66½ р. въ годъ, т.-е. по 18 к. ежедневно. Полбутылки ежедневно. Не отстаютъ и другіе города Смоленской губ.: въ г. Вязьмѣ при 16 тыс. жит. выпито на 336 тыс. р., т.-е. по 21 р. на душу, въ Гжатскѣ—по 24½ р., въ Духовщинѣ—по 25 р., въ Юхновѣ—по 27 р. Самъ Петербургъ оказывается скромникомъ въ сравненіи со смоленскими городками: въ немъ выпилъ каждый житель въ 1900 г. всего на 17 р. 56 к. Въ общемъ, по городамъ рѣдко гдѣ душевое потребленіе вина переходитъ сумму 10—12 р. на душу, по селамъ и деревнямъ 4—5 р. на душу. Одесса, «царица юга» и та тратитъ на водку по 10 р. 88 к. въ годъ на жителя, а Кіевъ, «мать русскихъ городовъ»—по 13 р. 28 к. на душу. Выдаются еще усиленнымъ потребленіемъ вина города: Ялта—по 23 р. на душу, Валдай—20 р., Боровичи—24 р., Опочка—23 р., Островъ—26 р. Но всѣхъ превзошелъ Олонецъ, уѣздный городъ Олонецкой губ., который при 1.170 жит. выпилъ на 40.922 р., т.-е. по 35 р. на душу, по 70 р. на мужчину.

Какъ ни велики отдѣльныя цифры, какъ ни внушительна заключительная—224 милліона руб.—на 35 губерній съ населеніемъ въ 66 милл. душъ—но общее-то употребленіе спирта оказывается ровно въ полведра на душу, т.-е. получается та самая цифра, о которой г. министръ финансовъ въ докладѣ при росписи на 1902 годъ сказалъ: «Достойно вниманія, что среди предметовъ массоваго потребленія незамѣтно увеличенія лишь по одному спирту, потребленіе котораго колебалось въ теченіе всего десятилѣтія около нормы въ полведра 40° вина на одного жителя». Шли годы, Россія удвоила сѣть своихъ желѣзныхъ дорогъ, расцвѣтали на иностранныхъ капиталахъ и правительственномъ тарифѣ горнозаводское, сахаропромышленное и пр. дѣла, росли и лопались банки, бюджетъ нашъ удвоился, а единственный предметъ дѣйствительно массоваго потребленія въ населеніи не выходилъ изъ своей нормы—«въ полведра 40° вина на одного жителя». Происходилъ дѣйствительно «силь-

ный и глубоко проникающій процессъ перераспредѣленія хозяйственныхъ благъ», покупательныя средства сокращались, сокращался инвентарь, запасъ здоровыхъ силъ, заработки падали и въ концѣ концовъ возрастаніе нашего національнаго богатства пошло обратно пропорціонально развитію народнаго благосостоянія. Населеніе уже не въ состояніи давать больше фиску, и вслѣдствіе этого являются спѣшныя реализаціи военныхъ вознагражденій, займы, вообще «увеличеніе по статьѣ государственнаго кредита...»

Бюджетъ крестьянина Саратовской губ. Пользуясь данными земской статистики, «Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства» характеризуетъ бюджетъ крестьянскаго хозяйства Саратовской губерніи.

Разсчетъ культуръ, пишетъ «Вѣстникъ», показываетъ, что по Саратовской губерніи не хватаетъ 13,7 милліоновъ пудовъ хлѣба для удовлетворенія собственныхъ потребностей и платежей податей. Если же перевести на количество потребной для этого земли, то окажется, что крестьянину не хватаетъ $^1/_2$ того количества земли, которое онъ получилъ въ надѣлъ. Но, вѣдь, здѣсь мы приняли во вниманіе лишь собственную потребность въ хлѣбѣ да подати, всѣ же остальныя потребности: одежда, жилище, инвентарь, необходимыя денежныя траты, наконецъ, образованіе, книги и пр., и пр., остаются безъ удовлетворенія на средства собственнаго хозяйства и естественно вызываютъ необходимость въ промыслахъ и стороннемъ заработкѣ.

Интересные выводы находимъ въ цитируемой статьѣ по отношенію къ Балашовскому уѣзду, которой считается самымъ обезпеченнымъ и въ которомъ на душу населенія остается свободнымъ 11,7 пуда хлѣба.

Этотъ избытокъ оцѣнивается по уѣзду въ 6,67 милл. рублей; учтя изъ него: арендную плату (1.543 т. р.), платежи государственному банку (325 т. р.) и страховки, получимъ свободный остатокъ отъ хозяйства въ 2.435 т. р., который вмѣстѣ съ заработками и составляетъ бюджетъ крестьянскаго хозяйства. Доходъ по даннымъ земскихъ статистическихъ матеріаловъ и подворныхъ изслѣдованій достигаетъ 2.675 т. р. Такимъ образомъ, общій валовой доходъ крестьянскаго хозяйства, исчисляется въ 5.120 т. р., что составляетъ 18 р. 15 к. на душу обоего пола, или 144 р. 45 к. на дворъ.

Изъ этого дохода крестьянинъ долженъ отдать 1.136 т. руб. прямыхъ и 1.575 т. р. косвенныхъ налоговъ, всего 2.701 т. р.

Эта сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Прямые налоги:

Поземельный налогъ	23 т. р.
Выкупные платежи	499 —
Земскіе сборы.	197 —
Мірскіе сборы.	415 —
Всего. .	1.136 т. р.

Косвенные налоги:

Винный налогъ . . . . . 1.058 т. р.
Таможенный, сахарный, спичечный и табачный налогъ 507 —

На душу населенія налоги составляютъ 9 руб. 80 коп., поглощая, слѣдовательно, болѣе половины свободнаго дохода крестьянина. Такимъ образомъ, за вычетомъ всѣхъ налоговъ въ распоряженіи крестьянина остается 8 р. 55 к. въ годъ, и вотъ этими 8 рублями крестьянинъ долженъ удовлетворить свои потребности въ одеждѣ и обуви, произвести ремонтъ строеній, хозяйственныхъ принадлежностей, живого и мертваго инвентаря, долженъ уплатить долги и проценты по нимъ, произвести сбереженіе на случай неурожая, пожара, падежа и пр., долженъ удовлетворить и свои культурныя потребности.

—

Положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ. Сотрудникъ «Бакинскихъ Извѣстій» описываетъ тяжелое положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ.

«Годъ тому назадъ,—пишетъ онъ,—мнѣ пришлось побывать на куринскихъ рыбныхъ промыслахъ, и я могу сказать—болѣе безправнаго человѣка, болѣе тяжелой, во всѣхъ отношеніяхъ, жизни я и представить себѣ не могу. Видѣлъ я, какъ живутъ рабочіе на нефтяныхъ промыслахъ, видѣлъ и хорошо знаю условія жизни на фабрикахъ нашихъ, но ничего подобнаго по жизненной обстановкѣ рабочаго рыбныхъ промысловъ я не встрѣчалъ ни разу.

«Живетъ промысловый рабочій въ сырыхъ, холодныхъ землянкахъ; живетъ вѣчно впроголодь; болѣетъ и мретъ безъ всякой медицинской помощи. И это на всѣхъ промыслахъ, не исключая и банковскаго промысла, съ его бутафорской больничкой. Никто никогда не признавалъ за рабочимъ никакихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей. Для него нѣтъ ни школъ, ни библіотекъ. Живетъ онъ вѣчно въ грязи, работаетъ, какъ и рабы не работали, лишенный всѣхъ радостей жизни, и въ довершеніе всего въ немъ даже не видятъ человѣка. Его третируютъ, оскорбляютъ на каждомъ шагу, ругань и побои—обычные пріемы промысловой администраціи, начиная съ приказчика и кончая управляющимъ. За малѣйшую провинность, малѣйшее ослушаніе, его штрафуютъ, а если измученный, избитый рабочій вздумаетъ, хотя бы въ самой скромной формѣ, протестовать противъ насилій, его сейчасъ же, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, увольняютъ. А случается—предварительно еще станутъ истязать. Катать въ бочкѣ, напримѣръ, какъ это сдѣлалъ г. Маиловъ. И приходится, скрѣпя сердце, рабочему тянуть безропотно лямку свою, заглушивъ въ себѣ послѣдніе остатки чувства личнаго достоинства. И не только его личность, но и жена, и дѣти его находятся въ полной власти промысловой администраціи. И горе ему, если судьба дала ему молодую жену или дочь! Ихъ не пощадятъ. Я думаю, что только въ разгаръ крѣпостного права можно было наткнуться на случаи такого глубокаго поруганія личности. Я былъ на банковскомъ промыслѣ. Зашелъ въ клеевое отдѣленіе. Тамъ работали мо-

лоденькія дѣвушки. Ихъ было до сотни. Среди нихъ гордо расхаживалъ отвратительный, жирный старикъ. Онъ глядѣлъ на нихъ, этихъ рабынь своихъ, своими похотливыми глазами, хлопалъ по спинамъ ихъ, хваталъ за подбородки.

«— Кто это?—спросилъ я спутника своего, юнаго студента.

«— Это? Завѣдующій отдѣленіемъ... Живетъ, какъ султанъ! Всѣ эти дѣвушки—въ его полномъ распоряженіи.

«Каково положеніе рабочихъ на бакинскихъ рыбныхъ промыслахъ, видно изъ того, что въ теченіе времени съ октября по январь поступило до 100 жалобъ рабочихъ на рыбопромышленниковъ. Жалобы эти, главнымъ образомъ, приносятся на задержаніе рыбопромышленниками жалованья, паспортовъ, избіеніе рабочихъ и пр.»

Сухумская санаторія. Въ «СПб. Вѣдом.» помѣщено интересное описаніе санаторіи въ Сухумѣ, которая является единственнымъ въ своемъ родѣ лечебнымъ учрежденіемъ въ Россіи для легочныхъ больныхъ.

Санаторія находится въ 10 верстахъ отъ Сухума въ живописной мѣстности, въ имѣніи крупнаго землевладѣльца Н. Н. Смецкаго, на южномъ склонѣ къ морю отрога Кавказскихъ горъ. Четыре огромныхъ трехъэтажныхъ кирпичныхъ зданія, соединенныя между собою обращенными на югъ верандами и прикрывающіяся съ сѣвера каменной стѣной, образуютъ собственно санаторію, разсчитанную на 110 пансіонеровъ и пансіонерокъ. Комнаты—высокія, прекрасно освѣщенныя и богатыя свѣтомъ. Помѣщенія для больныхъ имѣются какъ общія, по два, по четыре и по шести, такъ и одиночныя. Кубическое содержаніе воздуха въ спальныхъ помѣщеніяхъ принято на каждаго въ двойномъ противъ нормы размѣрѣ. Двѣ обширныхъ столовыхъ, мужская и женская, на 60 человѣкъ каждая, помѣщаются внѣ жилыхъ помѣщеній—въ пролетахъ между корпусами. Веранды, играющія особенно видную роль въ жизни и леченіи больныхъ, имѣютъ размѣры шесть саж. въ длину и четыре въ ширину. Между вторымъ и третьимъ корпусами расположена общая для всѣхъ гостиная.

Почти вся мебель въ санаторіи каштановая, дабы не дать обычному на побережьи червяку-дровоѣду ютиться въ ней и своимъ немолчнымъ шорохомъ безпокоить больныхъ. Меблировка какъ спальныхъ помѣщеній, такъ и комнатъ спеціальнаго назначенія—прямо роскошна. Въ кухнѣ, клозетахъ, умывальныхъ комнатахъ и на верандахъ полы мозаичные, ради чистоты. Лѣстницы бетонныя. Въ каждый этажъ проведена вода; на лѣстницахъ имѣются пожарные краны на случай бѣдствія отъ огня. Отопленіе корпусовъ производится обыкновенными печами, но съ герметической закупоркой.

Въ настоящее время, хотя всѣ зданія собственно санаторіи постройкой закончены, но для пріема легочныхъ больныхъ открыты лишь два корпуса. Послѣдніе два откроются къ осени текущаго года. Наличный контингентъ боль-

ныхъ, въ числѣ 21 человѣка обоего пола, состоитъ преимущественно изъ учащихъ и учащихся; женщины преобладаютъ надъ мужчинами.

Санаторія функціонируетъ первый годъ. Открытіе ея состоялось 11-го ноября 1902 года. Со дня открытія по день нашего посѣщенія, 11-го февраля, желающихъ поступить было 215 человѣкъ. Директоромъ сухумской санаторіи состоитъ докторъ Степанъ Степановичъ Емельяновъ, бывшій до того ординаторомъ факультетской клиники московскаго университета.

Жизнь санаторіи подчинена опредѣленному, строго соблюдаемому режиму. Съ поступленіемъ въ санаторію, больные обязуются самымъ точнымъ образомъ соблюдать правила учрежденія и безусловно подчиняться всѣмъ предписаніямъ врача какъ относительно лѣченія, такъ и образа жизни. Больные должны соблюдать самую безукоризненную чистоту; имъ строжайше запрещено плевать на полъ и на землю въ зданіяхъ санаторіи и въ паркѣ, а также въ носовой платокъ. Для отдѣляющейся мокроты больные постоянно держатъ при себѣ карманную плевательницу, будь то въ предѣлахъ или внѣ санаторіи. Больныхъ просятъ педантично заботиться о порядкѣ въ своей комнатѣ, и не дозволяется оставаться днемъ въ спальныхъ; окна послѣднихъ весь день бываютъ настежъ открыты. Куреніе табаку не въ указанномъ для этого помѣщеніи запрещается; спиртные напитки отпускаются лишь съ разрѣшенія врача. Запрещена всякая игра на деньги и цѣнности, а также и входъ во всѣ хозяйственныя помѣщенія санаторіи.

Распредѣленіе дня заведено въ санаторіи такое:

Въ $7^1/_2$ часовъ утра больные встаютъ. Въ 8—$8^1/_2$ ч.—кружка молока съ хлѣбомъ. Съ $8^1/_2$ до $9^1/_2$ ч.—быть на верандѣ. Затѣмъ до 10 ч.—завтракъ и чай. Съ 10 до 11 ч.—прогулка около дома въ хорошую погоду и на верандѣ при плохой. Съ 11 до $12^3/_4$ час.—быть на верандѣ: 1—$1^3/_4$ ч. обѣдъ. Послѣ обѣда до 3 часовъ—снова быть на верандѣ, причемъ предписывается полный покой. Съ 3 до $4^1/_2$ ч.—прогулка. Для прогулки предназначенъ на вершинѣ отроговъ обширный паркъ изъ естественныхъ насажденій, раскинувшійся сзади санаторіи... Въ немъ раздѣлены дорожки съ уклономъ отъ $^1/_{35}$ до $^1/_{70}$, версты на три, вглубь мѣстности. Съ $4^1/_2$ до 5 ч.—кружка молока съ хлѣбомъ, чай; съ 5—6 ч. больные проводятъ въ общей комнатѣ; съ 6 до 7 на верандѣ; 7—$7^1/_2$ ч. ужинъ. Съ $7^1/_2$ до 9 ч.—снова въ общей комнатѣ: 9 час.,—стаканъ молока; 10 ч.,—общая тишина, огни тушатся...

Какъ видно изъ росписанія дня, леченіе легочныхъ больныхъ основывается, главнымъ образомъ, на усиленномъ питаніи, чистомъ воздухѣ и покоѣ. По отзыву директора г. Емельянова, больные скоро привыкаютъ къ режиму, а преслѣдуемая общая цѣль—возстановленіе здоровья, при умѣломъ руководительствѣ администраціи санаторіи, заставляетъ безъ жалости проститься съ безалабернымъ образомъ жизни внѣ санаторіи. Съ этой стороны, при нашей бѣдности культурой, санаторіи играютъ немаловажную роль. Выздоровѣвшіе пансіонеры и пансіонерки, несомнѣнно, станутъ проводниками въ среду болѣе здравыхъ понятій санитарнаго образа жизни въ семьѣ и обществѣ.

Въ виду того обстоятельства, что хотя идея санаторій и пріобрѣтаетъ по-

пулярность, но истинное ихъ назначеніе все еще туманно не только для широкой публики, но даже и для врачей, нерѣдко посылающихъ въ санаторію больныхъ въ послѣднихъ градусахъ чахотки и хрониковъ, на излеченіе которыхъ надежда напрасна, считаемъ необходимымъ рязъяснить, что санаторія предназначается для легочныхъ больныхъ въ первой стадіи болѣзни, подающихъ надежду, если не на полное выздоровленіе, то на остановку процесса и возстановленіе работоспособности.

Желающіе поступить въ санаторію должны подавать о томъ прошеніе на имя директора, и при немъ: 1) медицинское свидѣтельство съ указаніямъ, насколько возможно подробно, въ какой степени поражены легкія, въ какомъ состояніи находятся остальные органы, а также питаніе и силы больного; 2) запись измѣреній температуры тѣла за послѣднія двѣ недѣли. И только по разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній, лица, подавшія ихъ, получаютъ увѣдомленіе о томъ, можетъ состояться пріемъ ихъ въ санаторію или нѣтъ.

Практика показала, что требованія эти не только больными, но, что печальнѣе, и врачами игнорируются, вслѣдствіе чего легочныхъ больныхъ въ городской больницѣ свидѣтельствуетъ врачъ санаторіи и ужъ только послѣ этого отвѣчающіе требованіямъ учрежденія зачисляются въ санаторію.

Въ сухумской санаторіи Гульрипшъ плата за помѣщеніе, содержаніе и леченіе установлена по 40 р. въ мѣсяцъ.

За мѣсяцъ. Высочайшій манифестъ 26-го февраля:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы пріяли священный обѣтъ, передъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею, свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною Державные труды возлюбленнаго Родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской Землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благо-

состоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые благоговѣйно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

Въ соотвѣтствіе съ предлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особливо Дворянскаго и Крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вящшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественныхъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

Преобразовать губернское и уѣздное управленія, для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и законномѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственною.

Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

Призывая всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться

народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, исполнить Наши помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія Державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третье, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

— Коммиссія по преобразованію губернскаго управленія: 27-го февраля подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ начались засѣданія коммиссіи по преобразованію губернскаго управленія. Въ трудахъ коммиссіи принимаютъ участіе товарищи министра: сенаторъ Дурново, ген.-лейт. фонъ-Валь и т. с. Зиновьевъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій т. с. Мосоловъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ гофмейстеръ Штюрмеръ, директоръ канцеляріи министра по дѣламъ дворянства д. с. с. Мордвиновъ, и губернаторы: петербургскій, егермейстеръ гр. Толь, самарскій, гофмейстеръ Брянчаниновъ, харьковскій, шталмейстеръ кн. Оболенскій, могилевскій, д. с. с. Клингенбергъ, псковскій, въ должности шталмейстера кн. Васильчиковъ, Дѣлопроизводство коммиссіи возложено на правителя канцеляріи министра въ званіи камергера Любимова при содѣйствіи вице-директора департамента общихъ дѣлъ въ должности гофмейстера фонъ-Бюндинга и помощника петербургскаго градоначальника въ званіи камергера Фриша.

— Объ усиленіи состава с.-петербургской столичной полиціи. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ объ усиленіи состава с.-петербургской столичной полиціи, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе временнаго штата с.-петербургскихъ градоначальства и столичной полиціи, отпускать ежегодно, съ 1-го января 1903 г., изъ средствъ государственнаго казначейства: 1) двѣсти двѣ тысячи четыреста пятьдесятъ рублей на содержаніе въ составѣ с.-петербургской столичной полиціи 50 должностей околоточныхъ надзирателей, изъ коихъ 10 перваго, 15—второго и 25—третьяго разряда и 510 городовыхъ, въ томъ числѣ: 50—перваго, 60—второго и 400—третьяго разряда, и 2) двадцать пять тысячъ пятьсотъ рублей ни увеличеніе суммы, назначенной на квартирное довольствіе городовыхъ.

— Въ послѣднее время министерствомъ народнаго просвѣщенія утверждены особыя правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ при учебныхъ заведе-

ніяхъ. Согласно этимъ правиламъ, чтенія, устраиваемыя при начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, могутъ происходить лишь съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ, а подчиненныя непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ—съ разрѣшенія инспекторовъ; устраиваемыя же при иныхъ учебныхъ заведеніяхъ—съ разрѣшенія непосредственныхъ ихъ начальниковъ, съ доведеніемъ объ этомъ до свѣдѣнія попечителя округа. На устроителей народныхъ чтеній возлагается обязанность вести записи о чтеніяхъ съ точнымъ указаніемъ каждый разъ—кто читалъ и что было прочитано. На основаніи этихъ записей, въ годовые отчеты по учебнымъ заведеніямъ должны быть включаемы свѣдѣнія о происходившихъ народныхъ чтеніяхъ. Высшее наблюденіе за народными чтеніями возлагается на попечителя учебнаго округа, причемъ этотъ послѣдній, въ случаѣ надобности, можетъ какъ устранять чтецовъ, такъ и прекращать самыя чтенія. Такимъ же правомъ пользуются по отношенію народныхъ чтеній при начальныхъ училищахъ и инспектора народныхъ училищъ (при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ), а въ прочихъ директора и начальники послѣднихъ.

— «Правительственный Вѣстникъ» сообщаетъ:

«9-го марта, въ гор. Златоустѣ, Уфимской губерніи, на казенномъ желѣзодѣлательномъ и рельсопрокатномъ заводѣ, рабочіе большепрокатнаго цеха, въ числѣ до 160 человѣкъ, не желая принять новыхъ разсчетныхъ книжекъ, заявили о прекращеніи съ 10-го числа работъ. 9-го марта рабочіе вели себя спокойно, но 10-го числа толпа до 500 человѣкъ собралась на площади, заявляя несогласія на новыя условія работъ. Въ виду возможности безпорядковъ, уфимскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богдановичъ, прокуроръ уфимскаго окружного суда и начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полковникъ Шатовъ выѣхали изъ Уфы въ Златоустъ. 13-го марта толпа рабочихъ требовала освобожденія троихъ арестованныхъ, осаждала полицейское управленіе, квартиру ротмистра Долгова и домъ горнаго начальника, у котораго выбила стекла и ломала двери. Послѣ многочасовыхъ увѣщаній, когда толпа насильно не пустила прокурора поѣхать въ тюрьму и силою вламывалась вслѣдъ за губернаторомъ, несмотря на его уговоры, въ домъ горнаго начальника, губернаторъ вынужденъ былъ предложить командиру баталіона дѣйствовать оружіемъ. Ломившаяся въ двери дома и производившая выстрѣлы изъ револьверовъ, которыми легко ранены помощникъ исправника и жандармскій унтеръ-офицеръ Изергинъ, толпа послѣ залпа разсѣялась; осталось на мѣстѣ 28 убитыхъ; раненыхъ болѣе 50 чел. 14-го марта забастовка окончилась и всѣ цехи принялись за работу».

— Въ «Финл. Газ.» напечатано: Государь Императоръ 6-го (19-го) марта Высочайше соизволилъ удалить со службы бургомистровъ:

Гельсингфорсскаго Эліаса Эмана, боргосскаго—Августа-Михаила Шаумана, ловизаскаго—Георга-Карла-Фридольфа Кулефельта, экенесскаго—Берндта-Густава-Кнута-Бьерна-Вольдемара Шаумана, гангесскаго—Фредрика Стенстрема, коткаскаго—Оскара-Августа Бакмана, фридрихсгамскаго—Ивара-Габріеля Алопеуса, кексгольмскаго—Карла-Акселя-Вильгельма Гренлунда, вильманстрандскаго—

Отто-Іоганнеса Лундсона, сердобольскаго—Александра-Арнольда Халлонблада и и. д. выборгскаго—Антона-Леонарда фонъ-Кнорринга.

Какъ сообщаетъ оффиціальная гельсингфорская газета, вызвана эта мѣра тѣмъ, что магистраты указанныхъ 11 городовъ отказались сдѣлать какія бы то ни было предписанныя въ законѣ распоряженія по исполненію призыва 1903 года. На основаніи устава о воинской повинности 1901 г. на пополненіе ставокъ призывныхъ присутствій должны быть избраны особые члены отъ общинъ. На обязанности же магистратовъ лежитъ созывъ для этой цѣли ратгаузскихъ собраній. Желая воспрепятствовать призыву настоящаго года, магистраты всѣхъ городовъ Нюландской и Выборгской губерній отказались исполнить предписанія губернаторовъ о созывѣ ратгаузскихъ собраній. Отвѣты магистратовъ какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ указываютъ на то что были составлены по одному и тому же шаблону. Отказъ своей магистраты мотивировали тѣмъ, что такъ какъ уставъ о воинской повинности 1901 года былъ изданъ безъ участія земскихъ чиновъ и съ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, то за нимъ они не могутъ признать силу закона и потому не желаютъ содѣйствовать приведенію его въ дѣйствіе. Гельсингфорскій же магистратъ, кромѣ того, просилъ губернатора довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о необходимости отмѣнить призывъ текущаго года и передать прошедшій черезъ государственный совѣтъ и Высочайше утвержденный уставъ о воинской повинности 1901 года на разсмотрѣніе и рѣшеніе земскихъ чиновъ. Въ отвѣтѣ своемъ экенесскій магистратъ говоритъ:

«Магистратъ находитъ, что донесеніе его за № 66, очевидно, своевременно не дошло до вашего превосходительства. Правовыя основанія, на которыхъ въ данномъ случаѣ опираются ваше превосходительство и магистратъ, конечно, существенно различны. Вы ссылаетесь на Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, выраженную въ Высочайшемъ манифестѣ 29 го іюня (12-го іюля) 1901 года, тогда какъ магистратъ строго придерживается основныхъ законовъ Финляндіи. Хотя мнѣнія вашего превосходительства и магистрата и расходятся по вопросу о томъ, какое именно изъ повелѣній одной и той же Высочайшей воли обязательно для должностныхъ лицъ Финляндіи, но во всемъ цивилизованномъ мірѣ существуетъ лишь одно мнѣніе о требованіяхъ чести, а потому магистратъ не можетъ предположить, чтобы ваше превосходительство думали заставить его исполнить требованіе воинскаго устава угрозою штрафа».

— Финляндскимъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати даны предостереженія: выходящей въ Гельсингфорсѣ газетѣ «Uusi Suometar» за помѣщенную въ № 35 отъ 12-го февраля передовую статью подъ заглавіемъ: «Wastakkaiset käsitykset nykyisestä asemasta», и газетѣ «Päiväleht» за помѣщенную въ № 19 отъ 24-го минувшаго января телеграму подъ заглавіемъ: «Wirkaeго», передавшую распоряженіе правительства въ искаженномъ видѣ.

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 2-го марта опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Русскія Вѣдомости».

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 5-го марта опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Кіевское Слово» на три мѣсяца.

Некрологъ. 11-го марта скончался писатель-драматургъ *Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ*, авторъ популярной комедіи «Свадьба Кречинскаго».

— *А. А. Головачевъ.* Скончался Алексѣй Адріановичъ Головачевъ, одинъ изъ послѣднихъ могиканъ «эпохи великихъ реформъ». «Русск. Вѣд.» приводятъ слѣдующія біографическія данныя о покойномъ.

Алексѣй Адріановичъ родился въ 1819 году, воспитывался въ московскомъ университетѣ и очень рано выступилъ на поприще общественной дѣятельности. Сороковые годы, правда, не давали для этой дѣятельности большого простора, но А. А. и въ суровое время успѣлъ въ качествѣ участника дворянскихъ собраній отстаивать интересы общества въ столкновеніяхъ съ администраціей.

Съ новымъ царствованіемъ наступила наиболѣе блестящая пора въ дѣятельности Алексѣя Адріановича. Въ 1856 г. онъ былъ выбранъ корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и принялъ самое дѣятельное участіе въ работахъ тверского дворянскаго губернскаго комитета. Его выдающіяся способности, широкая научная подготовка и глубокая преданность общественнымъ интересамъ очень скоро выдвинули его на одно изъ видныхъ мѣстъ среди работниковъ, подготовлявшихъ великое дѣло освобожденія русскаго народа.

Роль тверского комитета въ крестьянскомъ дѣлѣ хорошо извѣстна, а всѣ работы этого комитета происходили при самомъ близкомъ и непосредственномъ участіи А. А., бывшаго наряду, съ А. М. Унковскимъ, главнымъ представителемъ либеральной партіи, настаивавшей на полномъ освобожденіи крестьянъ и на надѣленіи ихъ землей. Онъ былъ главнымъ сотрудникомъ Унковскаго въ составленіи «Обзора Основаній», принятыхъ комитетомъ при составленіи проекта, разработалъ финансовую сторону крестьянскаго вопроса при составленіи тверкимъ дворянствомъ замѣчаній на работы редакціонныхъ коммиссій и т. д., и т. д.

Когда были введены земскія учрежденія, Алексѣй Адріановичъ вступилъ въ число гласныхъ корчевскаго уѣзднаго и тверского губернскаго земствъ и былъ тутъ такимъ же горячимъ защитникомъ общественныхъ правъ и общественной самодѣятельности, какъ и раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вступилъ на государственную службу по контрольному вѣдомству и управлялъ контрольными палатами въ Псковѣ и Саратовѣ.

Писать покойный началъ очень рано, и первыя произведенія его появились въ печати въ 1841 г., но наиболѣе оживленный періодъ его литературной дѣятельности начался съ 1858 г., когда онъ сталъ сотрудникомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Позднѣе онъ писалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Вѣстникѣ Европы», «Отеч. Запискахъ», въ «Русской Мысли», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и во многихъ другихъ изданіяхъ. Мы не станемъ перечислять его произведенія, проникнутыя всѣ одинаково опредѣленнымъ прогрессивнымъ направленіемъ, а упомянемъ только нѣкоторыя, важнѣйшія. Сюда

принадлежитъ, прежде всего, извѣстная книга «Десять лѣтъ реформъ». При всемъ своемъ уваженіи къ великимъ реформамъ Александра II, авторъ не закрывалъ глазъ на ихъ недостатки, считалъ ихъ недоконченными и не видѣлъ въ нихъ полнаго разрыва съ тяжелымъ прошлымъ и съ характерной для этого прошлаго системой бюрократической опеки. Въ «Исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи» Алексѣй Адріановичъ подвергъ рѣзкой, но убѣдительной критикѣ долго господствовавшую у насъ концессіонную систему постройки желѣзныхъ дорогъ и указалъ при этомъ на рядъ злоупотребленій и хищеній, совершавшихся въ самой легальной формѣ. Необходимо упомянуть также книгу покойнаго «Вопросы государственнаго хозяйства», статьи о государственномъ бюджетѣ, помѣщенныя въ «Русской Мысли», и т. д.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русское Богатство"—февраль.—„Вѣстникъ Воспитанія"—январь.—„Вѣстникъ Европы"—мартъ.—„Образованіе"—мартъ).

Среди помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» статей является, по нашему мнѣнію, наиболѣе интересною небольшая но полная фактовъ самаго жизненнаго значенія, статья г. Сѣверянина, называющаяся «Южные горнопромышленники и потребители». Статья эта касается, правда, фактовъ, по нашему быстро бѣгущему впередъ времени, уже нѣсколько устарѣлыхъ, ибо факты эти имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, еще на послѣднемъ съѣздѣ горнопромышленниковъ, происходившемъ въ декабрѣ минувшаго года, но, имѣя въ виду, во-первыхъ, сдѣланную г. Сѣверянином умѣлую и богатую вытекающими, вслѣдствіе того, изъ нея результатами группировку такихъ фактовъ и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что весною текущаго года въ Петербургѣ будетъ засѣдать особый съѣздъ, задачею котораго явится изысканіе путей и средствъ къ поднятію въ Россіи потребленія желѣза, статья г. Сѣверянина, несмотря на свой, повторяемъ, нѣсколько устарѣлый матеріалъ, не можетъ считаться сама по себѣ ни въ какомъ случаѣ устарѣлою. Въ своей статьѣ г. Сѣверянинъ вскрываетъ умѣлою рукою тѣ тенденціи, которыя ярко выступили на съѣздѣ горнопромышленниковъ. Эти тенденціи, какъ и слѣдовало ожидать, носятъ не только вполнѣ отчетливый классовый характеръ, но и стремятся уже подчасъ облекаться въ приличествующій запросамъ нашего времени костюмъ. Такимъ костюмомъ явились у господъ горнопромышленниковъ вдругъ откуда-то взявшаяся необыкновенная симпатія къ земствамъ, осужденіе заводчиковъ въ томъ, что они мало заботятся о «массовомъ потребителѣ» и ничего не дѣлаютъ «для изученія мѣстныхъ нуждъ и особенностей мѣстнаго рынка» и т. д. Подобному отношенію къ дѣлу со стороны заводчиковъ противопоставлялась дѣятельность земствъ, гдѣ наблюдается «серьезная и постепенно прогрессирующая работа земскихъ складовъ по проведенію въ массы металла и желѣзныхъ издѣлій». Отсюда само собою выте-

каетъ выводъ о высокой полезности для обѣихъ сторонъ (для земствъ и для горнопромышленниковъ), не говоря уже, ибо это само собою разумѣется, о неисчислимой пользѣ для «массоваго потребителя», ихъ совмѣстной дружной и солидарной работы. На эту-то тему и пропѣлъ удивительно мелодичную пѣснь на съѣздѣ горнорнопромышленниковъ г. Шимановскій въ докладѣ, носящемъ имя «о продажѣ желѣза и желѣзныхъ издѣлій при посредсввѣ земскихъ складовъ». По выслушаніи этого доклада, съѣздъ постановилъ ходатайствовать: «во-1-хъ, о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемый государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ пониженъ до четырехъ; во-2-хъ, чтобы въ государственномъ банкѣ была бы введена новая операція, учетъ удостовѣреній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза; въ-3-хъ, о продленіи срока храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскихъ издѣлій, предназначенныхъ въ земскіе склады и въ-4хъ, о повсемѣстномъ, по возможности, частомъ устройствѣ выставокъ орудій и машинъ съ командированіемъ *за счетъ казны* на выставки спеціалистовъ въ качествѣ свѣдущихъ людей для ознакомленія населенія съ машинами и объ отпускѣ *казною* земствамъ ссудъ, предназначенныхъ для выдачи на этихъ выставкахъ премій и наградъ». Эти четыре пункта, право, настолько характерны и любопытны, что на анализѣ ихъ стоитъ остановиться подробнѣе. Предъ вами три соціальныхъ фактора, долженствующихъ, согласно процитированному ходатайству, вступать въ данномъ случаѣ между собою «въ интересахъ страны» въ опредѣленныя экономическія отношенія: капиталисты-горнопромышленники, земства и государство, именуемое въ просторѣчіи болѣе понятнымъ терминомъ «казна». Откуда послѣдняя возьметъ средства для удовлетворенія «интересовъ страны», а въ чемъ они въ данномъ случаѣ состоятъ, мы сейчасъ увидимъ,—это ни до кого не касается. Правда, для полноты нашего анализа къ тремъ упомянутымъ соціальнымъ факторамъ слѣдовало бы еще прибавить и четвертый, именуемый *населеніемъ страны*, но такъ какъ при сколько нибудь «дѣловыхъ», а не краснобайскихъ, соображеніяхъ уже давно установился разумный обычай на «четвертый факторъ» не обращать, вѣроятно, для упрощенія дѣла, никакого вниманія, то, не желая быть ни новаторами, ни выскочками, и мы послѣдуемъ этому мудрому обычаю. Вѣдь, на легкомысленный вопросъ, откуда же, въ самомъ дѣлѣ, возьметъ средства для удовлетворенія «нуждъ страны» этотъ «четвертый факторъ», давнымъ давно существуетъ разъ навсегда данный отвѣтъ: «ѣнъ достанетъ». Итакъ, не будемъ отвлекаться въ сторону ненужными и легкомысленными идеями, а поговоримъ съ читателемъ такъ, какъ приличествуетъ «дѣловымъ» людямъ при «дѣловомъ» разговорѣ. Горнопромышленникъ является въ данномъ случаѣ продавщикомъ товара, который, онъ, какъ это вполнѣ понятно, желаетъ сбыть какъ можно поскорѣе, какъ можно подороже и какъ можно въ большемъ количествѣ. Дѣло вполнѣ естественное, ибо, вѣдь, онъ же затратилъ капиталъ на производство этого товара: надо же ему вернуть издержки производства, надо же и получить малую толику «за труды». Принимаясь за производство своего товара, горнопромышленникъ прекрасно зналъ, что черезъ нѣкоторое время

этого товара (желѣза, угля и т. д.) у него въ рукахъ извѣстное количество, конечно, очутится,—это несомнѣнно, но вотъ вопросъ: что онъ будетъ дѣлать съ нимъ дальше? У него были деньги, онъ превратилъ ихъ въ товаръ, какъ превратилъ этотъ товаръ снова въ деньги и притомъ въ такое ихъ количество, которое, конечно, превышало бы ихъ количество первоначальное? Отвѣтъ ясенъ: товаръ надо продать съ прибылью, или, какъ говорится въ просторѣчіи, «съ пользою». Но тутъ то и кроется опасность, тутъ и сосредоточенъ весь *рискъ* дѣла: а что, если товаръ не найдетъ себѣ сбыта, что если онъ останется въ рукахъ господина горнопромышленника, что тогда? Вотъ, во избѣжаніе этой-то возможности маленькихъ непріятностей, господа промышленники и рѣшили прибѣгнуть къ весьма остроумному средству: весь *рискъ дѣла* они рѣшили переложить съ собственныхъ плечей на плечи земства. Да земству то какая же отъ этого выгода? Какіе странныя выраженія!—должны отвѣтить предлагающимъ такіе несуразные вопросы непонятливымъ людямъ господа горнопромышленники! Да на чьей же, какъ не на земской обязанности должна лежать забота о мѣстныхъ нуждахъ населенія? А развѣ нужда въ желѣзѣ не является одною изъ самыхъ настоятельныхъ именно мѣстныхъ нуждъ населенія? И развѣ земство мало уже поработало въ направленіи помощи населенію въ смыслѣ удовлетворенія его насущныхъ нуждъ? Вотъ мы и хотимъ, въ свою очередь, придти земству въ этомъ благомъ дѣлѣ на помощь и съ этою цѣлью возбудили предъ правительствомъ вышеприведенное ходатайство. Рѣчь идетъ о нашемъ сотрудничествѣ съ земствомъ. Неужели это непонятно? Вѣдь, извѣстно, что вся сила въ единеніи. Очень хорошо, но позволительно задать и такой вопросъ: въ какой же мѣрѣ каждая изъ «сотрудничающихъ» сторонъ будетъ имѣть здѣсь выгоду и въ какой мѣрѣ распредѣляется между ними рискъ предпріятія? Фи, пробуютъ отвѣчать намъ горнопромышленники, вы опять начинаете толковать о какихъ-то «выгодахъ», «рискахъ» и т. п. вполнѣ прозаическихъ вещахъ, такъ какъ мы имѣемъ въ виду лишь благо отечества, развитіе нашей промышленности, призывъ земства къ самодѣятельности. Мы говоримъ, очевидно, на разныхъ языкахъ... Прекрасно, прекрасно, но все-таки... Вѣдь мы уже условились вести «дѣловой» разговоръ, такъ и поведемъ его. Возвратимся для это къ возбужденному горнопромышленниками ходатайству. Его первый пунктъ заключаетъ въ себѣ просьбу о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемымъ государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ бы пониженъ до 4. Надо думать, что, если бы процентъ этотъ былъ пониженъ и еще болѣе, то господамъ горнопромышленникамъ плакать бы отъ того не пришлось. Вѣдь, ихъ собственнаго кармана дѣло это рѣшительно не касается. Какая-то тамъ, устроившая государственный банкъ, «казна» понизитъ процентъ земствамъ, ну и прекрасно. Откуда «казна» возмѣститъ свои расходы, — этого вопроса мы давно уже условились не касаться, стало быть, все идетъ пока отлично. Но сами-то горнопромышленники пожертвовали ли чѣмъ-нибудь *отъ себя* въ интересахъ ихъ «сотрудничества» съ земствомъ? Пока этого не видно, но, можетъ быть, ихъ «жертвы» станутъ виднѣе при разсмотрѣніи дальнѣйшихъ пунктовъ ходатайства. Второй

и, несомнѣнно, самый существенный пунктъ ходатайства гласитъ о томъ. «чтобы въ государственномъ банкѣ была бы введена новая операція — учетъ удостовѣртній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза». Вотъ гдѣ заключенъ настоящій-то, общій съ земствомъ и со всѣмъ населеніемъ интересъ горнопромышленниковъ! Мы видѣли выше, что самою рискованною частью заботъ промышленника являются его поиски за покупателемъ, котораго можетъ и не найтись. И вдругъ такая благодать! Сдалъ весь свой товаръ въ земскіе склады, и не на комиссію,—Боже сохрани,—тогда, вѣдь, жди да жди денегъ, пока онѣ «очистятся» посредствомъ перехода товара въ руки потребителя,— а прямо-таки на складъ, изъ котораго надлежитъ лишь получить «удостовѣреніе въ принятіи» и дѣло въ шляпѣ. А съ удостовѣреніями-то что же дѣлать? Очень просто. Если правительство уважитъ второй пунктъ ходатайства, то удостовѣренія эти сейчасъ же можно будетъ «учитывать» путемъ «новой операціи» въ государственномъ банкѣ. Получай, значитъ, чистыя денежки и принимайся снова за производство; произвелъ—вези опять на земскій складъ, получи тамъ «удостовѣреніе» и учти его въ государственномъ банкѣ и т. д. до безконечности. Право, это такая «операція», что лучшей и придумать трудно!.. Но опять-таки спрашивается: гдѣ же тутъ пожертвованія-то въ интересахъ «сотрудничества» со стороны промышленниковъ? Продавая товары въ розницу, кредитъ и т. д., земство, безъ сомнѣнія, будетъ рисковать очень многимъ, а другая-то сторона, чѣмъ она-то жертвуетъ, чѣмъ она будетъ рисковать, и что она вкладываетъ въ «общее дѣло», кромѣ «прекрасныхъ глазъ», и «медовыхъ рѣчей» гг. Шимановскихъ и К°?

Но ларчикъ, который и такъ, кажется, просто открывается, откроется еще проще, если отъ разсмотрѣнія доклада «о продажѣ желѣза и желѣзныхъ издѣлій при посредствѣ земскихъ складовъ» мы перейдемъ на минутку къ заслушанному на томъ же съѣздѣ докладу «о мѣрахъ къ устраненію затрудненій, переживаемыхъ желѣзною и желѣзнорудною промышленностью». Не останавливаясь на существѣ этого доклада, мы замѣтимъ лишь, что въ немъ рѣчь шла объ организаціи синдиката, задача котораго должна состоять въ томъ, чтобы «нормировать» производство. Во время преній по этому докладу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ юга, бывшій директоръ одного изъ богатѣйшихъ заводовъ въ той мѣстности, г. Ясюковичъ, сказалъ такое нравоучительное слово: «Потребленіе желѣза не растетъ, а падаетъ. Народъ малокультуренъ и бѣденъ. *Ему не на что покупать желѣза, и если земство думаетъ отпустить металлъ обывателю въ долгъ, то оно не получитъ за него денегъ*». И вотъ при такомъ-то взглядѣ на положеніе вещей и возбуждается ходатайство для общей пользы о томъ, чтобы введена была «новая операція», состоящая въ учетѣ государственнымъ банкомъ «удостовѣренія», выдаваемымъ покупателемъ товара—земствомъ продавцу его—промышленнику. Это и называется «сотрудничество». Минуя третій пунктъ ходатайства («о продленіи срока храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскимъ издѣлій, предназначенныхъ на земскіе склады»), такъ какъ его значеніе для промышленниковъ ясно видно и безъ комментарій,

мы остановимся на пунктѣ 4 и послѣднемъ. Пока мы видѣли, что, возлагая всю тяжесть и весь рискъ веденія торговаго дѣла на земство, его «сотрудники» промышленники всю благодарность за труды ходатайствуютъ о дарованіи земству (не забывая при этомъ и себя) нѣкоторыхъ льготъ отъ *казны*. Съ трогательною любовью къ земству они готовы благодѣтельствовать ему на чужой счетъ. Но вотъ пунктъ четвертый. Казалось бы, что хоть въ дѣлѣ пропаганды-то заводскихъ издѣлій среди населенія путемъ устройства выставокъ машинъ и орудій должны же принять денежное участіе промышленники, въ интересахъ которыхъ прямо это дѣло и находится. Ничуть не бывало! Ходатайствуя объ устройствѣ такихъ выставокъ, «сотрудники» земства просятъ о командированіи на выставки спеціалистовъ въ качествѣ свѣдущихъ людей для ознакомленія населенія съ машинами, но тутъ же прибавляютъ и просьбу, чтобы и эти, въ сущности, такія ничтожныя издержки на подобныя командировки были приняты опять-таки «на счетъ казны». Что это, геркулесовы столбы... какъ бы помягче выразиться... разгорѣвшихся аппетитовъ, что ли, или еще нѣтъ?.. Нѣтъ, промышленники просятъ и еще объ одной вещи: на этихъ выставкахъ они будутъ экспонировать свои товары. Лучшіе изъ товаровъ будутъ, разумѣется, премированы уже тѣмъ, что, какъ таковые, явятся предметомъ наибольшихъ закупокъ со стороны потребителей. Нѣтъ, этого мало. Такіе товары нужно поощрить еще особыми преміями и наградами. Прекрасно, но тогда и составьте для этого спеціальный фондъ. Какъ бы не такъ? Промышленники ходатайствуютъ, чтобы и на этотъ предметъ *казна* отпускала земству средства!.. Такъ вотъ какіе завелись нынче у земства «сотрудники»... Во многихъ земствахъ къ этимъ волчьимъ аппетитамъ промышленниковъ явилось отношеніе, разумѣется, вполнѣ отрицательное, но екатеринославское губернское земское собраніе постановило *поддержать* ходатайство съѣзда. «Не объясняется ли это,—говоритъ г. Сѣверянинъ, — тѣмъ, что большинство южныхъ заводовъ расположено въ этой губерніи?» Надо думать, что именно такъ, но тогда можно поставить и такой вопросъ: не указываетъ ли сама жизнь на настоятельную необходимость измѣнить систему земскаго представительства въ смыслѣ бо̀льшаго уравненія представительства въ земскихъ собраніяхъ интересовъ разнообразныхъ группъ населенія?.. Не настало ли время ввести въ составъ земства представителей не только экономически сильныхъ, но и экономически «маломощныхъ» элементовъ?

Минуя многіе другіе характерные факты, ясно рисующіе существо «психологіи» горнопромышленниковъ, мы процитируемъ еще только слѣдующее мѣсто изъ статьи г. Сѣверянина, касающееся разсужденій съѣзда о положеніи рабочихъ. «Здѣсь, — говоритъ г. Сѣверянинъ,—мы сталкиваемся прежде всего съ тѣмъ же злосчастнымъ проектомъ объ обязательномъ страхованіи углепромышленныхъ предпріятій отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими, о которомъ уже столько писано и говорено. И хорошія и слабыя стороны этого проекта столько разъ были указаны прессой, что я считаю возможнымъ не возобновлять ихъ въ памяти читателя. Отмѣчу только, что это симпатичное въ общихъ чертахъ дѣло опять-таки не рѣшено, и вина въ этомъ промедленіи,

надо отдать справедливость, падаетъ не на съѣздъ, а на разные внѣ съѣзда и выше его стоящіе тормазы. Не то придется сказать по вопросу о правильной постановкѣ врачебной помощи. Съ годъ назадъ начальникъ горнаго управленія юго-восточной Россіи, г. Вагнеръ, внесъ на заключеніе съѣзда проектъ правилъ объ устройствѣ врачебной помощи на горныхъ предпріятіяхъ въ области Войска Донского. Проектъ этотъ былъ выработанъ особымъ съѣздомъ врачей, служащихъ на горныхъ разработкахъ. Суть его сводилась, съ одной стороны, къ предъявленію извѣстныхъ минимальныхъ требованій къ горнозаводскимъ больницамъ, съ другой—къ болѣе самостоятельной постановкѣ врачебнаго персонала и къ образованію особыхъ заводско-санитарныхъ коммиссій, въ которыхъ врачъ долженъ былъ быть предсѣдателемъ, а завѣдующій рудникомъ (или его замѣститель) лишь членомъ. Понятно, что проектъ этихъ правилъ не могъ быть встрѣченъ съѣздомъ особенно дружелюбно. Разсмотрѣніе его было отложено до осени 1902 года, и теперь гг. горнопромышленники не оставили въ проектѣ камня на камнѣ. Такъ, напр., обязательный наемъ врачей, для обезпеченія ихъ положенія, по долгосрочнымъ контрактамъ отвергнутъ; санитарныя коммиссіи опредѣленнаго состава подъ предсѣдательствомъ врача замѣнены коммиссіями изъ лицъ, назначаемыхъ управляющимъ заводомъ лишь съ участіемъ врача. Пріемъ женщинъ и дѣтей въ рудничныя больницы признанъ необязательнымъ, хотя таковыя и могутъ быть принимаемы, почему желательно имѣть для нихъ бѣлье. Объ обязательномъ же устройствѣ отдѣльныхъ женскихъ палатъ въ постановленіяхъ съѣзда ничего не говорится. Этихъ примѣровъ, смѣемъ думать, достаточно, чтобы выяснить, какого рода переработкѣ подвергся проектъ врачебныхъ правилъ на съѣздѣ».

Вотъ какъ повели себя гг. горнопромышленники, когда пришлось подумать о созданіи учрежденій, требующихъ расходовъ изъ ихъ собственныхъ капиталовъ, а не капиталовъ «казны» или земскихъ учрежденій, съ которыми нашимъ плутократамъ такъ хочется нынѣ вступить въ «сотрудничество».

Въ январьской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія» помѣщены личныя воспоминанія» г. Кирпичникова о Всеволодѣ Михайловичѣ Гаршинѣ. Ничего новаго, читателю неизвѣстнаго, воспоминанія эти относительно высоко симпатичной личности Гаршина, къ сожалѣнію, не вносятъ, и если мы останавливаемся на нихъ, то единственно ради нѣкотораго упрека ихъ автору. Г. Кирпичниковъ заключаетъ свои воспоминанія такими словами:

«Въ послѣднее время у насъ почти входитъ въ обычай бранить *семидесятые* и *восьмидесятые* годы (здѣсь и ниже курсивъ г. Кирпичникова), называть ихъ періодомъ безсодержательнымъ, безыдейнымъ, безформеннымъ; ихъ дѣятелей, по сравненію съ людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, считать *эпигонами* въ квадратѣ, безвольными и безсильными, умѣвшими только издѣваться надъ всѣмъ, чему поклонялись, во что вѣровали ихъ предшественники, проявлявшими нѣкоторую энергію и единство лишь въ разрѣшеніи эко-

номическихъ, узко матеріальныхъ вопросовъ. Въ этомъ, конечно, есть своя доля правды, хотя долженъ признаться, что пока мнѣ совсѣмъ еще неясны міровыя, идеальныя блага, выработанныя *девяностыми* и нашими *девятисотыми* годами. Но, какъ и во всякомъ о гульномъ осужденіи, тутъ не мало и лжи или, по крайней мѣрѣ, преувеличенія, неправильнаго обобщенія. Развѣ напоминаетъ хоть чѣмъ нибудь такого насмѣшливаго, безъидейнаго, занятаго только матеріальными интересами эпигона исполненная любви и вѣры страдальческая фигура Вс. Гаршина? А развѣ можемъ мы не считать его однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ»?

Признаемся откровенно, что во всей этой длинной тирадѣ мы ровно-таки ничего не понимаемъ. Кого имѣетъ здѣсь ввиду г. Кирпичниковъ, «съ кого портреты свои пишетъ, гдѣ разговоры эти слышетъ», какую «свою долю правды» находитъ онъ въ мнѣніи какихъ-то людей, которыя *берутъ за общую скобку* поколѣнія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ? Нужно ли говорить, что понятія «семидесятникъ» и «восьмидесятникъ» не только не тожественны, но и часто прямо противоположны? Въ какой средѣ слышалъ г. Кирпичниковъ брань по адресу людей 70-хъ годовъ (и не въ качествѣ исключенія, а очевидно, очень часто? Бранить ихъ, если вѣрить г. Кирпичникову «у насъ почти входитъ въ обычай») за ихъ «безыдейность», «безсодержательность», умѣніе проявлять «нѣкоторую энергію и единство лишь съ разрѣшеніи экономическихъ, узко матеріальныхъ вопросовъ». Такія обвиненія, дѣйствительно, существуютъ относительно «восьмидесятниковъ», но, гдѣ, кто и когда обвинялъ въ этомъ «семидесятниковъ»? Надъ чѣмъ же именно «издѣвались» семидесятники такимъ, «во что вѣровали, чему поклонялись ихъ предшественники»? Ихъ предшественниками были люди «шестидесятыхъ годовъ», идейными вождями которыхъ являлись Чернышевскіи и Добролюбовъ? Такъ надъ идеями Чернышевскаго и Добролюбова, что ли, «издѣвались» въ семидесятыхъ годахъ? Много можно было бы и еще поставить г. Кирпичникову вопросовъ по поводу вышеприведенной его тирады, но и тѣхъ, которые мы поставили, уже довольно, чтобы охарактеризовать ее, какъ удивительно странную.

Въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» обращаетъ на себя вниманіе статья г. Слонимскаго «Князь Бисмаркъ въ новомъ освѣщеніи». Статья эта содержитъ изложеніе и комментаріи недавно вышедшей книги Oskar'a Klein-Hattingen'a «Bismark und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie». Это очень интересная работа, въ которой Бисмаркъ является, дѣйствительно, въ «новомъ освѣщеніи». Мы статью г. Слонимскаго, позволяемъ себѣ рекомендовать вниманію публики.

Въ мартовской книжкѣ «Образованія» помѣщена интересная статья кн. П. Долгорукова подъ заглавіемъ «О начальныхъ училищахъ». Въ статьѣ этой авторъ доказываетъ необходимость пересмотра «Положенія о начальныхъ учи-

лищахъ 25-го мая 1874 года», для чего бросаетъ общій взглядъ на истекшее сорокалѣтіе дѣятельности земской начальной школы. Начальное народное образованіе, строго говоря, и ведетъ свою исторію лишь съ эпохи великихъ реформъ, такъ какъ съ этого времени, скованная крѣпостнымъ режимомъ русская жизнь, разумѣется, могла создать въ данной области болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было лишь нѣчто въ высокой степени блѣдное, немощное, худосочное. Весенній воздухъ шестидесятыхъ годовъ оказалъ свое плодотворное воздѣйствіе и на дѣло начальнаго народнаго образованія. Но и зимніе морозы не такъ-то легко сдавались на капитуляцію. «Одновременно съ широкой волной общественнаго самосознанія и стремленія общества поработать въ отрасли народнаго просвѣщенія, безъ котораго освобожденный народъ не можетъ полностью пользоваться своей свободой,—говоритъ кн. Долгоруковъ,—стала все сильней и сильнѣй высказываться оппозиція бюрократіи. Послѣдніе сорокъ лѣтъ русской народной школы есть исторія безпрерывной борьбы этихъ двухъ началъ».

Стремленіе бюрократіи сохранить за собою не только контроль, но и безраздѣльное господство въ дѣлѣ народнаго образованія не ослабѣвало, въ сущности, ни въ одинъ изъ моментовъ жизни начальной народной школы. Уже въ 1861 году въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ представителей различныхъ «вѣдомствъ», куда были переданы соображенія по дѣлу начальнаго народнаго образованія извѣстныхъ редакціонныхъ коммиссій, былъ выработанъ «проектъ», сущность котораго сводилась къ тому, чтобы вся учебная часть школы находилась всецѣло въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и лишь часть хозяйственная каждаго училища въ отдѣльности оставалась бы въ завѣдываніи лица или учрежденія, его содержавшаго. Такой бюрократическій проектъ не остался, разумѣется, безъ сопротивленія со стороны живыхъ силъ общества и министерство принуждено было пойти на нѣкоторыя уступки. Въ государственномъ совѣтѣ роль министерства уменьшена была еще болѣе предоставленіемъ права приносить жалобы на рѣшенія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ не министру народнаго просвѣщенія, а сенату. Меньшинство государственнаго совѣта шло въ этомъ дѣлѣ еще дальше. Оно находило, что «училищные совѣты, образуемые изъ людей, занятыхъ другими, болѣе важными для нихъ дѣлами, будутъ смотрѣть на это въ высшей степени важное дѣло, какъ на нѣчто стороннее или, по крайней мѣрѣ, второстепенное въ кругѣ ихъ дѣятельности, и что земскія учрежденія представляютъ гораздо болѣе ручательства въ успѣхѣ настоящаго дѣла и несравненно менѣе непроизводительныхъ издержекъ, не требуя особаго состава, канцелярій и проч., а потому полагало *завѣдываніе начальными народными училищами предоставить земскимъ учрежденіямъ съ приглашеніемъ лишь въ ихъ засѣданія на правахъ членовъ лицъ вѣдомствъ учебнаго и духовнаго*». Но такой, вполнѣ отвѣчающій истиннымъ нуждамъ Россіи, взглядъ меньшинства членовъ государственнаго совѣта не встрѣтилъ, къ сожалѣнію, поддержки большинства и роль будущаго земства была ограничена лишь завѣдываніемъ хозяйственною частью училищъ. Такъ возникло положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года, которое и было введено во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Едва,

однако, введенное, положеніе это показалось бюрократіи черезчуръ «либеральнымъ» и она напрягала всѣ силы, съ цѣлью урѣзать его значеніе. «Со стороны министерства народнаго просвѣщенія, — пишетъ авторъ цитируемой статьи,—съ самаго его (положенія) начала послѣдовали жалобы на недостаточно вліятельное положеніе въ училищныхъ совѣтахъ представителей учебнаго вѣдомства, на неаккуратное доставленіе нужныхъ свѣдѣній и, главное, на недостаточно ретивое, якобы, отношеніе новыхъ учрежденій къ училищному дѣлу, въ доказательство чего приводились отдѣльные случаи, когда училищные совѣты совсѣмъ не собирались и не выбирали предсѣдателей». Насколько жалобы эти были неосновательны, слѣдуетъ уже изъ одного того факта, что «какъ разъ за первое десятилѣтіе наиболѣе было сдѣлано для созданія типа народной школы и что и количественно, и качественно былъ заложенъ прочный фундаментъ народнаго просвѣщенія, причемъ все приходилось или создавать вновь, или бороться съ укоренившимися въ педагогическомъ дѣлѣ вредными пріемами и предразсудками». Жалобы бюрократіи, тѣмъ не менѣе, достигли своей цѣли: въ 1869 г. были введены инспектора народныхъ училищъ, сначала по одному на губернію, въ 1872 году былъ изготовленъ новый проектъ, по которому все дѣло начальнаго народнаго образованія должно было перейти въ исключительное вѣдѣніе бюрократіи, а въ слѣдующемъ году послѣдовало извѣстное распоряженіе, коимъ руководство дѣломъ народнаго образованія возлагалось на дворянство. Отсюда и получилось, наконецъ, «Положеніе о начальныхъ училищахъ 1874 года», которымъ направляется начальное народное образованіе и по настоящее время. Разумѣется, если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то руководительство школой дворянствомъ нельзя не признать лучшимъ въ сравненіи съ руководительствомъ имъ одной бюрократіей, но въ сравненіи съ положеніемъ 1864 г. положеніе 1874 г. было несомнѣннымъ шагомъ назадъ.

Дальнѣйшее движеніе школьнаго дѣла богато всякаго рода тормазами и преградами на его пути. Если десятилѣтіе 1874—1884 г. еще можетъ быть охарактеризовано, какъ эпоха «дѣятельности общества еще интенсивной по инерціи, хотя и нѣсколько ослабленной начавшейся бюрократической реакціей», то слѣдующее десятилѣтіе (1884—1894) можетъ быть прямо названо «эпохой наибольшаго затишья въ школьномъ дѣлѣ». Лишь въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ весьма значительнымъ оживленіемъ нашего общества, оживился снова и интересъ къ правильной постановкѣ дѣла начальнаго народнаго образованія. Лозунгомъ движенія здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, должно быть положеніе: какъ можно меньше бюрократической опеки и какъ можно больше общественной самодѣятельности.

По мнѣнію кн. Долгорукова, «на первое время слѣдуетъ лишь выдвинуть необходимость теоретической разработки вопроса о большемъ участіи общества въ дѣлѣ народнаго образованія, чтобы быть готовымъ провести этотъ принципъ въ жизнь, когда это окажется возможнымъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что многіе общественные дѣятели, даже очень ретиво относящіеся къ дѣлу народнаго образованія, недостаточно сознательно относятся къ значенію участія об-

щества въ школьномъ дѣлѣ и позабыли исторію возникновенія у насъ общественной школы и всѣхъ ея дальнѣйшихъ перепетій».

Мысль кн. Долгорукова заслуживаетъ, разумѣется, самого серьезнаго вниманія.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Положеніе консервативной партіи въ Англіи.—Упадокъ земледѣльческой Англіи. Консервативному кабинету Бальфура рѣшительно не везетъ въ послѣднее время. Почти на всѣхъ частичныхъ парламентскихъ выборахъ, происходившихъ въ послѣдніе мѣсяцы, его кабинетъ постоянно терпѣлъ пораженіе, но все-таки самый чувствительный ударъ былъ нанесенъ ему на выборахъ въ Вульвичѣ. До этого момента консерваторы считали этотъ избирательный округъ своимъ и никогда не сомнѣвались въ побѣдѣ. Депутатомъ этого округа былъ лордъ Чарльзъ Бересфордъ, горячій сторонникъ расширенія флота. Назначенный главнокомандующимъ ламаншской эскадры, онъ сложилъ съ себя депутатское званіе, вслѣдствіе чего и назначены были выборы. Съ 1885 года округъ неизмѣнно выбиралъ консерватора большинствомъ въ 1.200 и даже въ 2.800 голосовъ, такъ что съ 1900 года никто уже не пробовалъ оспаривать побѣду у консервативной партіи. Тѣмъ сильнѣе было изумленіе, когда, неожиданно для всѣхъ, на выборахъ въ Вульвичѣ одержалъ побѣду кандидатъ рабочей партіи Вильямъ Круксъ, получившій 8.687 голосовъ противъ 5.458! Разумѣется, его поддержали либералы, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки тщательно старался выставлять себя кандидатамъ «только рабочей партіи» и заявлялъ, что будетъ держаться ея программы. Самъ Круксъ—рабочій 51-го года, нѣкогда былъ воспитанникомъ благотворительнаго пріюта и своими собственными трудами достигъ вліянія и положенія въ рабочей партіи и даже былъ меромъ въ Попларѣ. Во всякомъ случаѣ, избраніе его очень знаменательно и указываетъ на усиленіе реакціи противъ имперіализма и тревогу, которую возбуждаетъ въ англійскомъ обществѣ финансовое положеніе, а также сильное раздраженіе, вызываемое политикой, предоставившей школы въ вѣдѣніе клерикаловъ. Но въ данный моментъ все-таки больше всего обращаетъ на себя вниманіе положеніе кабинета, которому нанесенъ такой ударъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ усиливаются признаки, указывающіе на отпаденіе такъ называемыхъ «молодыхъ тори» (joung tories), хотя нѣкоторымъ изъ этихъ молодыхъ, какъ, напр., сэру Джону Горему уже около 70 лѣтъ. Эти отщепенцы консервативной партіи то и дѣло выступаютъ противъ кабинета въ парламентѣ, какъ это было, напр., относительно плана военной реорганизаціи, представленнаго Бродрикомъ и предложенія, внесеннаго однимъ изъ консервативныхъ депутатовъ, о сокращеніи дѣйствующаго состава англійской арміи на 27.000 чел. Девятнадцать уніонистовъ поддержали протестъ противъ проекта Бродрика и 30—предложеніе консервативнаго депутата о сокращеніи войска.

Это небывалый примѣръ, и большинство англійскихъ газетъ считаетъ очень важнымъ симптомомъ отпаденіе членовъ консервативной партіи, отказывающихъ въ своей поддержкѣ кабинету. Несмотря на существованіе въ парламентѣ чисто механическаго большинства въ 140 голосовъ, положеніе кабинета при такихъ условіяхъ нельзя не считать вполнѣ поколебленнымъ. Любопытно, что кабинету приходится теперь искать поддержки у своихъ непримиримыхъ враговъ—ирландцевъ, которые въ настоящее время воздерживаются отъ оппозиціи въ надеждѣ на то, что правительство представитъ обѣщанный проектъ выкупа ирландскихъ земель. Благодаря этому, въ настоящее время существуетъ какъ бы безмолвное соглашеніе между ирландцами и кабинетомъ, и хотя это соглашеніе спасаетъ кабинетъ отъ пораженія во время рѣшительныхъ голосованій въ палатѣ общинъ, но зато оно сильно дискредитируетъ его въ глазахъ всей его партіи.

Англійское земледѣліе давно уже пришло въ упадокъ, съ тѣхъ поръ, какъ введеніе машиннаго производства, свободы торговли и т. д. превратило ее изъ фермерской страны въ страну фабричную по преимуществу. Эволюція эта совершилась довольно быстро, но только теперь въ англійской журналистикѣ начинаютъ раздаваться по этому поводу тревожные голоса и указывается на то, что 77% населенія тѣснятся въ городахъ и только 23% остаются въ деревняхъ, да и то это по преимуществу старики и дѣти. Одна изъ газетъ предсказываетъ, что недалеко время, когда вся Англія будетъ представлять изъ себя ничто иное, какъ одинъ огромный городъ, и богачи сохранятъ свои пустующія помѣстья только для охоты и спорта. Не будетъ ни земледѣльцевъ, ни сѣятелей, ни пахарей, и въ Англіи XX-го вѣка окончательно исчезнетъ сельское населеніе.

Такое печальное предсказаніе высказываетъ, между прочимъ, и извѣстный англійскій писатель Райдеръ Хаггардъ въ своей послѣдней книгѣ «Rural England», «Сельская Англія», представляющей основательное экономическое изслѣдованіе положенія земледѣльческихъ классовъ Англіи. На основаніи цифръ и данныхъ статистики, англійскій писатель приходитъ къ заключенію, что «сельская Англія гибнетъ, умираетъ!..» Значительныя пространства нѣкогда воздѣлывавшейся земли теперь такъ же пустынны, какъ южно-африканскій «Veldt»... Сельскіе рабочіе находятся въ пренебреженіи, и даже молодыя дѣвушки, принадлежащія къ ихъ классу, пренебрегаютъ ими. «И это ужасно,—говоритъ Райдеръ Хаггардъ—такъ какъ они такимъ образомъ бываютъ вынуждены удаляться изъ своей среды... Только неспособные, калѣки да плуты остаются въ деревнѣ, и изъ этихъ-то подонковъ сельскаго населенія народится слѣдующее поколѣніе... Тѣ, которые ушли, не вернутся больше къ землѣ, не вернутся къ ней и горожане, умирающіе съ голоду, потому что они уже больше не годятся ни на что... Впрочемъ, земля превращается все болѣе и болѣе въ луга и поэтому для воздѣлыванія ея не нужны рабочія руки въ такомъ количествѣ, какъ прежде. Во многихъ графствахъ владѣніе землей составляетъ предметъ роскоши, доступный только очень богатымъ людямъ. Трудно себѣ вообразить болѣе печальное и болѣе неестественное положеніе, какое представляетъ современная сельская Англія».

Какъ и слѣдовало ожидать, это изслѣдованіе произвело большую сенсацію въ Англіи. Города убили деревню! Но и городамъ не лучше отъ этого, какъ указываетъ прошлогоднее изслѣдованіе мистера Роунтри, доказывавшаго цифровыми данными, что перенаселеніе и конкуренція въ большихъ городахъ Англіи дѣлаютъ то, что, несмотря на цвѣтущее коммерческое положеніе въ этихъ городахъ девять человѣкъ изъ ста *буквально* умираютъ съ голоду, а 27% влачатъ самое жалкое существованіе съ перспективою умереть когда-нибудь подъ заборомъ. Эта страшная картина, которую нарисовали англійскому обществу безжалостныя цифры, заставила его встрепенуться и вызвала къ жизни много хорошихъ проектовъ соціальной реформы.

Протестъ противъ театральной цензуры. — Профессоръ Гарнакъ и императоръ Вильгельмъ. Запрещеніе прусскою театральною цензурой представленія послѣдней драмы Пауля Гейзе «Марія Магдалина» вызвало такое сильное негодованіе и возмущеніе въ берлинскомъ обществѣ, какъ нѣкогда пресловутый законъ Гейнце, угрожавшій свободѣ искусства и породившій сильнѣйшую агитацію во всей Германіи. Союзъ Гёте (Goethe Bund) обязанный своимъ существованіемъ этой агитаціи, послѣ провала закона Гейнце какъ-то совсѣмъ затихъ, но теперь онъ снова проснулся и какъ въ 1900 г., такъ и въ настоящее время выступилъ противъ стѣсненія свободы искусства и путъ, налагаемыхъ на него лицемѣрными блюстителями нравственности. Созванный союзомъ митингъ протеста въ Берлинѣ имѣлъ блестящій успѣхъ. Собралось около 1500 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, изъ всѣхъ классовъ общества и профессій. Митингъ состоялся подъ предсѣдательствомъ Зудермана, который и на этотъ разъ выказалъ такой же ораторскій талантъ, какъ и во времена агитаціи противъ закона Гейнце. Однако, самую большую сенсацію произвело въ залѣ появленіе почтеннаго старца, профессора Моммзена, котораго всѣ присутствующіе въ залѣ встрѣтили самыми дружными аплодисментами.

Огромный успѣхъ имѣла также рѣчь писателя Людвига Фульда, который возражалъ на слова министра, сказанныя въ прусской палатѣ депутатовъ, что «такія представленія, какъ драма Гейзе, могутъ вызвать краску стыда на щеки нашихъ женъ и дочерей, и поэтому въ высокой степени нежелательны». «Министръ фонъ-Гаммерштейнъ желаетъ избавить «добраго отца семейства» отъ непріятности видѣть покраснѣвшими свою жену и дочерей. Прекрасно! — сказалъ Фульдъ.—Но вѣдь существуетъ цѣлый рядъ сценъ, гдѣ допускаются самыя фривольныя представленія, шансонетки и т. п. вещи. Какъ же въ такомъ случаѣ поступаетъ «добрый отецъ семейства»? Очень просто: онъ идетъ въ такіе театры безъ своей жены и дочерей!.. Но я не вижу основаній, почему бы ему не идти одному и въ другой театръ, гдѣ вопросы объ отношеніяхъ половъ обсуждаются художественно не съ легкомысленной, а съ съ серьезной точки зрѣнія, если онъ не желаетъ, чтобы не только его дочери, но и его

жена сознательно относились къ пробѣламъ жизни? Конечно, наши жены и матери могутъ, пожалуй, не согласиться на такую роль и потребуютъ для себя такого же права, какимъ пользуются мужчины, судить самостоятельно о всѣхъ пробѣлахъ жизни. Но это уже другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, странно, что «добрый отецъ семейства», самъ опекающій свою жену и дочерей во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни, въ данномъ случаѣ предоставляетъ нравственную опеку надъ ними театральному цензору!»

Послѣ рѣчей ораторовъ была вотирована резолюція, выражающая протестъ противъ дѣйствій берлинской театральной цензуры и отвергающая это учрежденіе, какъ унизительную для германскаго народа опеку. Комитету союза предложено организовать петицію въ рейхстагъ объ отмѣнѣ театральной цензуры въ Берлинѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, результатомъ агитаціи, организованной союзомъ Гёте, является то, что на всѣхъ частныхъ сценахъ Пруссіи играется теперь драма Гейзе и пользуется огромнымъ успѣхомъ.

Въ Берлинѣ большую сенсацію произвела статья профессора Гарнака, знаменитаго богослова, приглашеннаго еще княземъ Бисмаркомъ въ берлинскій университетъ. Эта статья написана въ отвѣтъ на «исповѣданіе вѣры», опубликованное императоромъ въ письмѣ къ адмиралу Гольльману послѣ лекціи проф. Делича. Императоръ сказалъ, что результаты научныхъ изслѣдованій, касающихся религіи, не должны выходить за предѣлы тѣснаго круга ученыхъ. Противъ этого горячо возражаетъ проф. Гарнакъ въ «Preussische Jahrbücher» (независимый органъ проф. Дельбрюха), защищая свободу науки. Боязнь научныхъ истинъ онъ считаетъ недостойной просвѣщеннаго народа и указываетъ на зло, которое приноситъ духовенство и школа, изгоняя эти истины и боясь ихъ разглашенія.

Статья проф. Гарнака вызвала, конечно, ожесточенную полемику въ печати. Императоръ Вильгельмъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ, заинтересованный трудами профессора, пригласилъ его ко двору, и теперь профессоръ Гарнакъ, выступая противъ точки зрѣнія императора и защищая право ученаго, говорить публично о результатахъ своихъ изслѣдованій, отдавая ихъ на критику общества, чего бы ни касались эти изслѣдованія, конечно, выказываетъ большое гражданское мужество и подрываетъ свое положеніе при дворѣ. Ортодоксальные протестантскіе кружки подняли по этому поводу сильный шумъ, и такъ какъ въ Пруссіи политическая реакція всегда идетъ рука объ руку съ побѣдою ортодоксальныхъ взглядовъ, то естественно, что возбужденная лекціей проф. Делича полемика привлекаетъ вниманіе общества, и печать отводитъ ей большое мѣсто. Въ данный моментъ на сцену выдвинутъ вопросъ о свободѣ науки. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи профессора и ученые уже высказали на этотъ счетъ свои взгляды, и къ числу ихъ принадлежитъ и старикъ Моммзенъ, который оказывается во главѣ всякаго либеральнаго движенія. Одна изъ германскихъ газетъ говоритъ по этому поводу: «Императоръ Вильгельмъ II-й любитъ призывать то тѣнь Фридриха Великаго, то тѣнь своего дѣда Вильгельма I-го.

Но не мѣшало бы ему вспомнить когда-нибудь и о своемъ отцѣ, который, будучи кронъ-принцемъ, однажды воскликнулъ: «Если мы нуждаемся въ чемъ-нибудь, такъ это въ свѣтѣ и прогрессѣ!»

Изъ области женскаго движенія. Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ завели у себя отдѣлъ подъ рубрикою «Frauenbewegung», гдѣ помѣщаются всѣ свѣдѣнія, касающіяся положенія женщинъ и успѣховъ женскаго движенія въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ странахъ. Между прочимъ, газеты сообщаютъ, что въ этомъ году, въ первый разъ, на основаніи новаго избирательнаго закона, австралійскія женщины примутъ участіе въ выборахъ въ парламентъ. Австралійское правительство уже опубликовало избирательные списки и оказывается, что въ большихъ городахъ женщины имѣютъ большинство. Такъ, напр., въ Сиднеѣ избирателей—102.424, а избирательницъ—122.729. Такое же отношеніе существуетъ въ Гобартъ-Тоунѣ и Аделаидѣ. Въ Мельбурнѣ число женщинъ-избирателей превышаетъ число мужчинъ на 26.000. Въ округѣ Викторіи женщины также составляютъ большинство, такъ какъ насчитывается 317.000 избирательницъ противъ 307.000 избирателей. Однако, въ общей суммѣ, число избирателей мужчинъ все-таки превышаетъ число женщинъ: 970.000 и 856.000, но главный вопросъ заключается въ томъ, насколько австралійскія женщины воспользуются полученнымъ правомъ и какъ это отразится на выборахъ.

Въ Буффало, въ Сѣверной Америкѣ состоялось 34-е годичное собраніе нью-іоркскаго женскаго союза въ пользу расширенія политическихъ правъ. На этомъ собраніи одна изъ докладчицъ сообщила, что женщины пользуются правомъ голоса на политическихъ выборахъ въ штатахъ: Уоминѣ, Утахъ и Идахо съ 1896 г., а въ Колорадо съ 1893 г. Въ этихъ штатахъ мужчины и женщины пользуются совершенно равными политическими правами, и, по отзывамъ печати, результаты такого уравненія правъ обоихъ половъ оказались весьма благопріятными. Для усиленія пропаганды въ пользу политическихъ правъ женщинъ, союзъ учредилъ премію для школъ, которая будетъ выдана за сочиненіе въ 500 словъ «о пользѣ для женщины полученія права голоса». Размѣръ преміи: пять долларовъ золотомъ. Надѣются, что такой способъ пропаганды, черезъ посредство школъ, принесетъ большую пользу, такъ какъ заставитъ будущихъ избирателей, т.-е. школьное юношество задуматься надъ этимъ вопросомъ.

Американскія женщины заботятся не только о своихъ политическихъ правахъ. Нѣмецкія газеты съ удовольствіемъ констатируютъ, что, кромѣ всевозможныхъ женскихъ клубовъ, организованныхъ съ политическими, общественными и научными цѣлями, существуютъ еще такъ называемые «клубы матерей», имѣющіе спеціальною цѣлью совмѣстное обсужденіе вопросовъ о воспитаніи дѣтей. Первый такой клубъ былъ учрежденъ въ 1812 году, въ Портландѣ: матери сходились вмѣстѣ и передавали другъ другу свои наблюденія надъ

дѣтьми и дѣлились своими взглядами и результатами своего опыта. Съ тѣхъ поръ «клубъ матерей» принялъ болѣе широкую программу, охватывающую всѣ стороны жизни ребенка и его воспитанія и привлекъ къ участію въ своихъ засѣданіяхъ учебный персоналъ школъ, съ цѣлью организовать какъ можно болѣе тѣсную связь между семьей и школой.

Комитетъ печати международнаго женскаго союза въ Германіи (International Frauenbund) опубликовалъ свѣдѣнія о положеніи фабричныхъ работницъ въ Японіи. До послѣдняго времени фабричныя работницы, вербовавшіяся агентами среди сельскаго населенія, находились въ положеніи настоящихъ рабынь. Получая грошевую заработную плату, онѣ, кромѣ того, были какъ бы отрѣзаны отъ всего остального міра, съ которымъ не имѣли никакихъ сношеній, такъ какъ должны были жить въ интернатѣ и находились въ полной зависимости отъ хозяина. По случаю предстоящей въ этомъ году пятой промышленной выставки въ городѣ Осака — первомъ промышленномъ городѣ Японіи — мѣстная печать заговорила о положеніи фабричныхъ работницъ, и это положило начало движенію въ пользу улучшенія судьбы этихъ несчастныхъ и ихъ освобожденія. Первымъ выступилъ цехъ ткачей, поставившій себѣ задачей организовать широкое движеніе въ пользу работницъ, и начало было настолько удачнымъ, что мѣстныя власти сочли нужнымъ обратить вниманіе на условія женскаго труда. Окружной начальникъ призвалъ къ себѣ всѣхъ представителей фабрикъ и указалъ на ихъ обязанности къ работницамъ.

Среди японскихъ женщинъ вообще замѣчается теперь большое стремленіе выбиться изъ своего прежняго унизительнаго и подчиненнаго положенія, въ которомъ онѣ находились цѣлые вѣка, и стать болѣе правоспособными членами общества. Японская императрица оказывается ревностною поборницей женской эмансипаціи, и вообще при японскомъ дворѣ начинаютъ преобладать европейскіе взгляды, какъ и европейская одежда, такъ что японскій наслѣдный принцъ, вопреки обычаю, освященному вѣками, имѣетъ только одну жену. Благодаря стараніямъ японской императрицы, женщины принимаются на службу въ почтовое, телеграфное и телефонное вѣдомства и имъ открытъ доступъ на сцену, что прежде не допускалось ни въ какомъ случаѣ, такъ что всѣ женскія роли въ японскихъ театрахъ всегда исполнялись актерами, и актрисъ не существовало. Японскія желѣзныя дороги также принимаютъ на службу женщинъ, а въ большихъ магазинахъ—что также не допускалось прежде—женщины служатъ продавщицами и кассиршами. Всюду открываются женскія школы, торговыя, профессіональныя и др. Женскія семинаріи переполнены слушательницами, а въ послѣднее время женщинамъ открытъ доступъ и въ университеты. Нѣсколько японскихъ женщинъ отправилось за границу для завершенія своего образованія и полученія ученой степени. Одна изъ нихъ, молодая японка Уна Янагисова, выдержала въ Америкѣ экзаменъ на доктора медицины и теперь поселилась въ Токіо, гдѣ она намѣрена заниматься врачебной практикой по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Другая—единственная въ Японіи женщина-адвокатъ, г-жа Телсино, состоитъ при японской императрицѣ, кото-

рой она помогаетъ въ ея стараніяхъ подвинуть дѣло эмансипаціи женщинъ въ Японіи.

Школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ въ Швеціи. Полтора года тому назадъ въ Стокгольмѣ отпраздновала свой двадцатипятилѣтній юбилей первая высшая школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ, основанная Эдуардомъ Пальмгреномъ и представляющая крайне интересный педагогическій опытъ, результаты котораго уже имѣются налицо. Мысль объ устройствѣ такой школы зародилась у Пальмгрена еще въ то время, когда онъ находился въ родительскомъ домѣ. Отецъ его—пасторъ, завѣдывалъ мѣстною элементарною школой въ провинціи Смоляндъ, на югѣ Швеціи. Семья у него была большая—11 человѣкъ дѣтей, а достатки весьма малые, но, тѣмъ не менѣе, домъ его былъ открытъ для каждаго, кто нуждался въ гостепріимствѣ, и такъ какъ домъ стоялъ на перекресткѣ большихъ дорогъ, то къ пастору постоянно заходили разные путники, преимущественно изъ рабочаго сословія, съ просьбою пустить переночевать. На Рождество и Ивановъ день домъ пастора бывалъ совершенно переполненъ такими гостями, и въ немъ не оставалось ни одного свободнаго мѣстечка. Несмотря на то, что среди его гостей попадались и настоящіе бродяги, пастору ни разу не пришлось раскаяться въ оказываемомъ довѣріи. Нѣкоторые изъ этихъ случайныхъ посѣтителей оставались въ его домѣ болѣе долгое время, если они не въ состояніи были продолжить свой путь. Дѣти пастора принимали самое дѣятельное участіе въ пріемѣ этихъ посѣтителей, и ихъ разсказы о своихъ странствованіяхъ производили на ребятишекъ неизгладимое впечатлѣніе. Однажды въ пасторскомъ домѣ остановился рабочій изъ переплетной мастерской. Онъ просилъ позволить ему остаться подольше, такъ какъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ долгими исканіями работы, и пасторъ предложилъ ему заняться съ его дѣтьми и научить ихъ переплетному мастерству. Начало было очень удачнымъ, и съ той поры рабочіе, останавливающіеся на болѣе долгое время въ домѣ пастора, обучали своему ремеслу дѣтей пастора, которые пріобрѣли такимъ образомъ много практическихъ познаній, научились переплетному, токарному, столярному и др. ремесламъ. Мальчики и дѣвочки учились всегда вмѣстѣ и наукамъ, и ремесламъ. Отецъ былъ ихъ общимъ наставникомъ, но, кромѣ того, они сами обучали другъ друга, и дѣло воспитанія шло такъ успѣшно, что Эдуардъ Пальтренъ могъ изъ родительскаго дома прямо поступить въ высшую школу, а затѣмъ, черезъ два года, въ университетъ въ Лундѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ, что именно жизнь и воспитаніе, полученное имъ въ его семьѣ, заставило его убѣдиться въ пользѣ совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ и въ необходимости соединенія умственной работы съ обученіемъ ремесламъ. Сдѣлавшись студентомъ въ Лундѣ, онъ уже началъ мечтать объ осуществленіи на практикѣ своего педагогическаго идеала, но, къ сожалѣнію, онъ былъ бѣденъ и самъ долженъ былъ вести очень тяжелую борьбу за существованіе во время своего студенчества. Онъ долженъ былъ учиться и одновременно служить на телеграфѣ, да и тогда, когда онъ кончилъ,

ему еще долго пришлось вести борьбу съ нуждой. Онъ былъ въ одно и то же время и школьнымъ учителемъ, и телеграфистомъ въ провинціи цѣлыхъ девять лѣтъ, но, наконецъ, попалъ въ Стокгольмъ, и такъ какъ онъ продолжалъ лелѣять свою мечту о совмѣстной школѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ, гдѣ бы обученіе наукамъ соединялось съ профессіональнымъ образованіемъ, то при первой же возможности привелъ ее въ исполненіе и въ октябрѣ 1876 г. открылъ свою собственную школу, явившись новаторамъ на педагогическомъ поприщѣ. Сначала его школа помѣщалась только въ двухъ большихъ комнатахъ. Въ первый же семестръ въ школѣ числилось 83 ученика обоего пола, въ возрастѣ отъ пяти до 14 лѣтъ, но Пальмгренъ еще не ввелъ теоретическаго преподаванія, и дѣти обучались у него только различнымъ ремесламъ. Урокъ продолжался полъ часа, затѣмъ былъ небольшой перерывъ, во время котораго дѣти занимались гимнастикой или же слушали разсказы учителя изъ естественной исторіи, географіи, исторіи и т. д. Всѣ ученики были раздѣлены на группы, и каждая группа въ школѣ занималась два часа и затѣмъ уступала мѣсто другой. На слѣдующій семестръ число учениковъ возросло уже до 111, и мало-по-малу программа ея расширилась и сравнялась съ программой реальныхъ училищъ (Ober realschule). Въ настоящее время школа получаетъ субсидію отъ государства и имѣетъ всѣ права правительственныхъ учебныхъ заведеній, но характеръ ея не измѣнился; въ ней совмѣстно обучаются 300 мальчиковъ и дѣвочекъ и, кромѣ наукъ, преподаются ремесла.

«Я хотѣлъ придать своей школѣ характеръ семьи,—сказалъ Пальмгренъ въ своей рѣчи по поводу юбилея школы.—Каждая семья состоитъ изъ членовъ обоего пола, отца и матери, и братьевъ и сестеръ, которые воспитываются вмѣстѣ. Мнѣ казалось поэтому, что самой природой предназначено, чтобы мальчики и дѣвочки получали совмѣстное воспитаніе и поэтому-то я и хотѣлъ ввести его въ своей школѣ. Я замѣнилъ въ своей школѣ отца и мать, которые въ семьѣ руководятъ воспитаніемъ дѣтей, учителями и учительницами и вмѣнилъ имъ въ обязанность находиться съ дѣтьми въ болѣе близкихъ личныхъ отношеніяхъ, нежели какія обыкновенно существуютъ между учителями и учениками. Въ хорошей и умной семьѣ принимаютъ также во вниманіе и различныя способности дѣтей. То же самое должно быть и въ школѣ, для которой такая семья должна служить образцомъ. Точно также и въ отношеніи распредѣленія занятій школа должна взять примѣръ съ семьи и избѣгать переутомленія дѣтей, сокращая рабочее время сообразно возрасту и силамъ. Такъ напримѣръ, въ низшихъ классахъ нашей школы дѣти занимаются только часъ съ четвертью въ день; затѣмъ это время постепенно удлиняется и въ старшихъ классахъ оно доходитъ до 4-хъ ежедневно, но это граница, которую мы уже не переходимъ».

Каждый ученикъ и ученица обязаны, по крайней мѣрѣ, одинъ часъ ежедневно заниматься какимъ-нибудь ручнымъ трудомъ. Пальмгренъ придаетъ большое значеніе ручному труду, который долженъ чередаваться съ умственными занятіями. Это спасаетъ ихъ отъ переутомленія и даетъ исходъ избытку юношескихъ силъ и энергіи, оказывая такимъ образомъ нравственнее оздоро-

ровляющее вліяніе. При школѣ устроено гигіеническое отдѣленіе, гдѣ дѣти и взрослые исполняютъ по указанію врача извѣстныя работы. Кромѣ того, Пальмгренъ позаботился также и объ удовлетвореніи эстетическаго чувства у своихъ питомцевъ, поэтому вся меблировка школы сдѣлана въ извѣстномъ стилѣ (готическомъ и германскомъ стилѣ возрожденія), и школьныя залы украшены снимками съ художественныхъ произведеній, гипсовыми копіями со статуй Торвальдсена, Микель Анджело и др., а также бюстами знаменитыхъ мужчинъ и женщинъ, и большими картинами историческаго и др. содержанія.

Что касается совмѣстнаго воспитанія, то Пальмгренъ говоритъ: «Тѣмъ, кто видитъ разныя опасности въ совмѣстной жизни мальчиковъ и дѣвочекъ, я могу сказать слѣдующее: я ни одной минуты не думалъ объ этихъ опасностяхъ, открывая свою школу, и мой болѣе чѣмъ 20-ти лѣтній опытъ подтверждаетъ, что моя вѣра въ молодежь была правильна. Что въ мірѣ существуетъ зло и грѣхъ—это печальная истина, но почему же это зло должно брать верхъ именно тогда, когда въ дѣлѣ воспитанія мы стараемся приблизиться къ образцу, данному намъ природой, т.-е. семьѣ? Никто, вѣдь, не станетъ отрицать, что семья является лучшимъ воспитательнымъ учрежденіемъ (если только она хорошая), и всѣ школы должны быть устроены по образцу семьи, такъ какъ только тогда онѣ удовлетворяютъ своему назначенію».

Сотрудникъ «Frankfurt. Zeit.», посѣтившій эту школу, говоритъ, что на него особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ общій тонъ и взаимное обращеніе учениковъ и ученицъ. «Мальчики совѣстятся въ присутствіи дѣвочекъ употреблять неприличныя слова, ругательства и т. п.,—сказалъ ему Пальмгренъ.— Кромѣ того, присутствіе дѣвочекъ совершенно уничтожаетъ у нихъ желаніе грубыми выходками выказывать свое превосходство надъ товарищами, хвалиться своими продѣлками и т. п. Наглость исчезаетъ у нихъ отъ общенія съ дѣвочками, которыя оказываютъ на нихъ смягчающее вліяніе и безсознательно дѣйствуютъ на нихъ своимъ примѣромъ. Мальчики становятся вѣжливѣе, прилежнѣе и болѣе соблюдаютъ порядокъ. Но и они, въ свою очередь, имѣютъ хорошее вліяніе на дѣвочекъ, которыя становятся смѣлѣе, живѣе и находчивѣе, вслѣдствіе общенія своего съ мальчиками. Между обоими полами возникаетъ соревнованіе, которое отражается очень благопріятно на ихъ совмѣстныхъ занятіяхъ. Въ школѣ, какъ и въ семьѣ, мальчики и дѣвочки живутъ вмѣстѣ и дополняютъ другъ друга, и гораздо бываетъ лучше, когда они съ дѣтства привыкаютъ другъ къ другу и сближаются подъ наблюденіемъ учителя, нежели встрѣчаясь только на прогулкахъ или въ общественныхъ собраніяхъ. Товарищескія отношенія, возникающія между ними на школьный скамьѣ, служатъ лучшимъ оплотомъ ихъ нравственности».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Фламандская литература.—Погребенный городъ въ пескахъ пустыни и покинутый городъ въ Индіи. — Императоръ Вильгельмъ съ психологической точки зрѣнія.—Турецкій султанъ и его докладчикъ.

Въ новой фламандской газетѣ «Vlaanderen» сообщаются не лишенныя интереса подробности о положеніи бельгійскихъ писателей, пишущихъ свои произведенія по-французски и тѣхъ, которые употребляютъ фламандскій языкъ. Оказывается, что французскіе писатели, несмотря на двадцатилѣтнія старанія, до сихъ поръ не составили себѣ достаточнаго круга читателей въ Бельгіи и не находятъ издателей для своихъ сочиненій. Газета «La Société Nouvelle», напримѣръ, до сихъ поръ имѣетъ не больше 300 подписчиковъ. «La jeune Belgique» тоже приноситъ дефицитъ ежегодно, хотя всѣ сотрудники этой газеты работаютъ даромъ. Большинство бельгійскихъ писателей, пишущихъ по-французски, разсчитываютъ только на поддержку государства, а никакъ не на читателей. Одинъ изъ современныхъ бельгійскихъ писателей Жоржъ Эку, въ своей статьѣ во французскомъ журналѣ «Mercure de France» обрисовываетъ такое положеніе французскаго языка въ Бельгіи и говоритъ, что если бы онъ могъ начать сызнова свою литературную карьеру, то, конечно не сталъ бы писать иначе, какъ по-фламандски. Редакторы газеты «Jeune Belgique» были все фламандцы, но получившіе французское воспитаніе и начали издавать свою газету на французскомъ языкѣ. Притомъ и фламандскій народъ не былъ еще тогда настолько развитъ, чтобы читать подобную газету; теперь же, благодаря усиліямъ націоналистовъ, число читателей фламандцевъ значительно возросло. На этомъ основаніи Эку совѣтуетъ всѣмъ бельгійскимъ писателямъ, колеблющимся относительно выбора языка для выраженія своихъ мыслей, остановиться на своемъ родномъ нарѣчіи. Августъ Вермеленъ, популярный фламандскій писатель, говоритъ, что всего лишь десять лѣтъ тому назадъ возникъ въ провинціи одинъ фламандскій органъ, который сразу завоевалъ себѣ извѣстное положеніе и былъ признанъ всею читающею фламандскою публикой. Теперь это одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ, отражающихъ въ себѣ умственную жизнь фламандскаго народа и воспитывавшихъ мысль цѣлаго поколѣнія молодыхъ фламандцевъ. Многіе фламандскіе литературные таланты начали свою карьеру въ этой газетѣ. «Фламандское самосознаніе проснулось,—говоритъ Эку,—и начало быстро развиваться. Теперь уже рѣчь идетъ не о томъ, чтобы утвердить права національнаго языка и повліять на политическія условія страны, но фламандское движеніе имѣетъ больше всего въ виду соціальное положеніе и намѣревается создать фламандскую науку и вообще достигнуть вліянія на всю умственную жизнь націи. Не такъ давно еще почти невозможно было найти въ южныхъ Нидерландахъ издателя для произведеній фламандской литературы, и лучшіе труды фламандскихъ писателей должны были проходить черезъ руки голландскихъ издателей. Впрочемъ, голландцы всегда относились сочувственно къ фламандской литературѣ. Во фламандской

Бельгіи, однако, голландскія газеты почти не имѣли никакого сбыта и поэтому въ этой мѣстности сильно давала себя чувствовать потребность во фламандскомъ органѣ. Сѣверные Нидерланды имѣютъ за собою 300-лѣтнюю культуру, и Южные Нидерланды только могутъ завидовать этому, такъ какъ имъ приходится вести борьбу съ чужимъ языкомъ. Вся умственная жизнь этой страны проникнута французскимъ духомъ, но фламандцы стремятся теперь создать собственную культуру, которая объединила бы всѣхъ. Будущее фламандской литературы тѣсно связано съ будущимъ фламандскаго народа, но фламандская Бельгія нуждается въ интеллектуальной Голландіи для созданія собственной культуры».

Эку твердо убѣжденъ, что фламандская литература проникаетъ въ душу народа, и придетъ время, когда лучшіе фламандскіе писатели будутъ пользоваться такою же извѣстностью, какъ французскіе авторы. Замѣчательно, что большинство изъ выдающихся фламандскихъ писателей и поэтовъ принадлежатъ къ духовному званію, такъ что, очевидно, монастырская среда содѣйствовала развитію у нихъ фантазіи и литературнаго таланта. Но встрѣчаются и реалистическіе писатели, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Стину Стреувельсу (псевдонимъ Франка Латёра). Этотъ писатель пользуется большею извѣстностью, и его послѣдняя книга «Dagen» имѣла большой успѣхъ. По профессіи онъ—булочникъ изъ Авельгема, продолжающій заниматься своимъ ремесломъ несмотря на свою литературную славу. Этотъ булочникъ пишетъ: «Мнѣ противенъ діалектъ, и я нахожу, что даже въ обыкновенномъ разговорѣ языкъ не долженъ спускаться до уличнаго діалекта. Языкъ, слова—это такой же матеріалъ въ рукахъ писателя, какъ краски въ рукахъ живописца; они служатъ средствомъ для выраженія чувствъ и передачи этихъ чувствъ другимъ и поэтому-то какъ краски, такъ и языкъ служитъ матеріаломъ для писателя и долженъ обладать гибкостью и богатствомъ, для того, чтобы можно было передавать на немъ всѣ оттѣнки чувствъ...» «Мнѣ не хватаетъ словъ!» жалуется въ другомъ мѣстѣ этотъ писатель и вотъ, чтобы пополнить этотъ недостатокъ, онъ изобрѣлъ собственныя слова, собственныя выраженія, собственный прекрасный литературный языкъ, которому теперь подражаютъ другіе фламандскіе писатели.

Въ журналѣ «Umschau» сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ открытомъ Свенъ Хединомъ, во время его путешествія по средней Азіи, городѣ, погребенномъ въ пескахъ пустыни. Свенъ Хединъ нашелъ въ пескахъ развалины города. Отъ большинства домовъ оставались только деревянные столбы, но одинъ изъ домовъ, построенный изъ глины, съ толстыми внѣшними и двумя внутренними стѣнами, раздѣлявшими его на три комнаты, хорошо сохранился. Въ одномъ изъ домовъ было найдено множество дощечекъ изъ тамарискового дерева съ надписями, большею частью китайскими, и много клочковъ бумаги, исписанной частью на одной, частью же на обѣихъ сторонахъ. Эти обрывки бумаги найдены были подъ слоемъ песка, почти въ два фута толщиной. Между ними находились также маленькіе кусочки дерева, которые тоже были испи-

саны. Недалеко отъ этого мѣста найдены были очень цѣнныя деревянныя рѣзныя вещи, художественной работы; многочисленныя же изображенія Будды заставляютъ предполагать, что тутъ, вѣроятно, были храмы. Въ одномъ изъ домовъ найдены были рыбныя кости въ огромномъ количествѣ и кругомъ валялись безчисленныя раковины улитокъ. Это обстоятельство вызываетъ предположеніе, что нѣкогда въ этомъ мѣстѣ существовало большое озеро. Найденное же большое колесо указываетъ, что въ странѣ существовало и экипажное сообщеніе. Четыре башни въ окрестностяхъ города, повидимому, служили для обороны и частью, вѣроятно, были сторожевыми башнями, какія и теперь разсѣяны по всѣму китайскому государству и служатъ для предупрежденія о приближающемся непріятелѣ.

Но какъ назывался этотъ городъ и какая его постигла судьба? На этотъ вопросъ извѣстный изслѣдователь К. Химли даетъ слѣдующія разъясненія въ журналѣ «Petermanns Mitteilungen»: «Найденные въ этомъ городѣ письменные документы ясно указываютъ эпоху, когда произошло разрушеніе этого города и какъ онъ назывался. На дощечкахъ и на бумажныхъ обрывкахъ постоянно встрѣчается имя «Лоуланъ» (Lôulan) и притомъ такимъ образомъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что это названіе мѣстности. Что касается времени, то въ надписяхъ встрѣчается 264 годъ, а также 266, до 310 года. Содержаніе надписей весьма разнообразно: говорится о доставкѣ хлѣба, о вѣстяхъ изъ Тунъ-Хуанга, о сношеніяхъ съ Каотонгомъ (старинымъ Турфаномъ), о судебныхъ процессахъ и т. п. Дощечки, очевидно, служили записными книжками и для разныхъ сообщеній и извѣщеній, а также приказаній, отдаваемыхъ властями подчиненнымъ».

Врядъ ли можно сомнѣваться, говоритъ Химли, что тутъ находится передъ нами древній, давно разыскиваемый городъ Лоуланъ, лежавшій на озерѣ Лобъ-Норъ, который встрѣчается на старинныхъ китайскихъ картахъ, и до сихъ поръ напрасно разыскивался путешественниками (Пржевальскимъ и Свенъ Хединомъ). Этотъ старинный городъ, богатый сношеніями, былъ, повидимому, разрушенъ въ началѣ четвертаго столѣтія песчанымъ циклономъ пустыни или наводненіемъ, а можетъ быть обѣими стихійными силами, дѣйствовавшими одновременно. По близости былъ выстроенъ другой городъ Драконовый, который также былъ разрушенъ наводненіемъ въ 1408—1411 гг. Озеро же было засыпано песчанными бурями. Такимъ образомъ, Лоуланъ печально погибъ, подобно Помпеѣ или Санъ-Пьеру, но не вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія подземныхъ силъ, а вслѣдствіе безжалостныхъ вѣтровъ и медленно, но неумолимо надвигающихся песковъ пустыни.

«Sunday Magazine» вспоминаетъ по этому поводу, что въ самомъ центрѣ большой индійской провинціи Раджпутанѣ, едва въ пяти миляхъ отъ столицы этой провинціи, находятся развалины покинутаго города. Въ необыкновенно дикой и живописной мѣстности, среди богатой тропической растительности, виднѣются чрезвычайно красивыя и художественныя постройки, большею частью уже превратившіяся въ развалины. Улицы заросли алоэ и разными вьющимся растеніями, такъ что пробираться сквозь эту зеленую чащу довольно

трудно. Кромѣ дикихъ звѣрей и птицъ никто не живетъ въ этихъ развалинахъ и развѣ только случайно какой-нибудь фанатикъ-факиръ или лепрозный больной устраиваютъ себѣ тамъ временное убѣжище. Нога путника, пробирающагося сквозь густыя заросли, покрывающія улицы покинутаго города, постоянно спугиваетъ ящерицъ, а съ крышъ домовъ и изъ кустовъ безстрашно выглядываютъ бѣлки, съ любопытствомъ посматривающія на дерзновеннаго смертнаго, осмѣливающагося нарушить тишину и уединеніе покинутаго города, да изрѣдка обезьяны устраиваютъ возню на крышахъ изящныхъ архитектурныхъ строеній или перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку надъ головою путника. Какая причина заставила жителей покинуть этотъ городъ съ точностью неизвѣстно и существуетъ нѣсколько мѣстныхъ сказаній, объясняющихъ его участь. По однимъ, городъ былъ покинутъ своими жителями вслѣдствіе пророчества, предсказывавшаго страшное бѣдствіе; по другимъ легендамъ, чума опустошила дворцы и хижины этого города, а по третьимъ вода оказалась негодной для питья и ядовитой, такъ что жители вынуждены были выселиться изъ города. Такъ или иначе, но достовѣрно извѣстно лишь то, что въ 1728 году жители покинули городъ и переселились далѣе къ юго-западу, гдѣ теперь находится столица Раджпутаны.

«National Rewiew» печатаетъ психологическій очеркъ, авторъ котораго старается разобраться въ истинномъ характерѣ императора Вильгельма II. Германскій императоръ, по мнѣнію автора, представляетъ въ высшей степени интересный матеріалъ для психологическаго изслѣдованія, и всѣ его безчисленныя причуды, авторъ объясняетъ многообразіемъ его личности, вслѣдствіе чего онъ можетъ одновременно совершать самые противорѣчивые поступки и высказывать мысли и чувства самаго противоположнаго характера. Какъ въ отношеніи своей одежды Вильгельмъ II проявляетъ необычайное разнообразіе, являясь то въ видѣ британскаго адмирала, прусскаго гусара, гражданскаго лица и т. п., мѣняя свои мундиры по двѣнадцать разъ въ день, такъ и въ духовномъ отношеніи Вильгельмъ II можетъ въ одинъ и тотъ же день выказать самое разнообразное настроеніе и быть въ одно и тоже время врагомъ и другомъ всѣхъ и каждаго. Такъ, напримѣръ, императоръ Вильгельмъ въ одно и тоже время является и «англофиломъ» и «англофобомъ». «Англофобъ» посылаетъ Крюгеру телеграмму и въ своей рѣчи въ Гамбургѣ явственно даетъ понять, что если бы германскій флотъ былъ готовъ, то произошло бы вмѣшательство. «Англофилъ» покидаетъ буровъ и посылаетъ деньги въ пользу индійскаго голоднаго фонда съ примѣчаніемъ, что «кровь гуще воды». Антиамериканскія чувства императора заставляютъ его бояться усиленія Соединенныхъ Штатовъ и даже искать разрыва съ ними, а «про американскій» императоръ посылаетъ въ тоже время своего брата, принца Генриха въ Америку и льститъ и угождаетъ американскому народу. Въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи, Голландіи, Россіи и др. странамъ императоръ проявляетъ столь же противоположныя чувства; онъ и другъ и недругъ въ одно и тоже время. Но этимъ не оканчивается длинный списокъ многообразныхъ проявленій его личности. Онъ выказываетъ

себя христіанскимъ императоромъ въ самомъ непосредственномъ смыслѣ этого слова, торжественно заявляя; что «основы имперіи покоятся на страхѣ Господнемъ», что «тотъ, кто не основываетъ свою жизнь на вѣрѣ, погибаетъ», что только «добрые христіане могутъ быть хорошими солдатами»; онъ произноситъ проповѣди на своей яхтѣ и объявляетъ, что «Господь союзникъ Германіи!» Онъ благосклонно причисляетъ къ лику святыхъ своего дѣда Вильгема I и Фридриха Великаго, повергая этимъ въ сильное смущеніе весь духовный міръ, и въ тоже самое время говоритъ войскамъ, отправляющимся въ Китай, чтобы они недавали пощады врагу (Pardon wird nicht gegeben!) и призываетъ тѣнь полководца гунновъ. Императоръ Вильгельмъ то является соціальнымъ реформаторомъ, то хочетъ прибѣгнуть къ силѣ для разрѣшенія соціальныхъ недоразумѣній, онъ поэтъ, драматургъ, композиторъ, художникъ, пишущій символическія картины и рисующій діаграмы военныхъ судовъ, композиторъ, сочиняющій гимнъ этру, театральный критикъ, всемогущій и всезнающій, диктующій правила искусства германскимъ художникамъ, но не допускающій критики своихъ произведеній, крестоносецъ, совершающій паломничество къ святымъ мѣстамъ и въ тоже время любезничающій съ султаномъ, руки котораго обагрены въ крови армянскихъ христіанъ; полководецъ, командующій самою грозною арміей, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ,—морякъ, знающій всѣ мельчайшія подробности морского дѣла въ Германіи, онъ же написалъ «Sic volo, sic jubeo, regio suprema voluntas и приказалъ бомбардировать Венецуэлу «pour embêter les Etats-Unis!» Трудно услѣдить за всѣми превращеніями его личности и ея многообразными проявленіями. Но который же изъ этихъ разнообразныхъ императоровъ «настоящій Вильгельмъ II?»—спрашиваетъ авторъ. Это загадка, которую, вѣроятно, разрѣшитъ только исторія.

Одно изъ приближенныхъ къ турецкому двору лицъ описываетъ въ «Century» порядки, существующіе при этомъ дворѣ, представляющіе необыкновенную смѣсь европейскихъ и восточныхъ обычаевъ. Вотъ какъ, напр., рѣшаетъ дѣла турецкій султанъ въ настоящее время: опредѣленнаго времени для доклада не существуетъ, и онъ можетъ быть сдѣланъ въ 11 часовъ утра или въ 11 часовъ вечера—безразлично. Иностраннымъ представителямъ приходится часто испытывать большія неудобства вслѣдствіе этого, когда имъ нужно бываетъ говорить съ султаномъ о какомъ-нибудь особенно важномъ дѣлѣ, которое они не могутъ отложить до обычной аудіенціи, бывающей по пятницамъ, послѣ Селямлика. Султану докладываетъ всѣ дѣла его первый секретарь Тахсинъ-паша. Передъ тѣмъ, какъ отправиться къ султану, Тахсинъ методически раскладываетъ цѣлый ворохъ докладовъ, прошеній, сообщеній, записокъ и т. п. документовъ, написанныхъ на очень тонкой бумагѣ, маленькаго формата съ золотымъ обрѣзомъ или на длинныхъ листахъ, причемъ онъ въ одну кучу складываетъ прошенія пріятныхъ султану лицъ, донесенія, которыя также могутъ доставить ему удовольствіе и т. п. Во второй кучѣ онъ собираетъ всѣ бумаги политическаго характера, донесенія министровъ, губернаторовъ или пословъ и т. д., а въ третьей заключаются документы, которые, какъ это извѣстно Тахсину,

не могутъ быть пріятны султану, или же такіе, которые ему самому нежелательны. Какъ только все готово, онъ беретъ свои вороха бумагъ и отправляется въ покои султана. «Повелитель правовѣрныхъ» полулежитъ на диванѣ, противъ котораго на полу положена большая шелковая подушка. На эту подушку становится на колѣни Тахсинъ, держа въ рукахъ свои доклады, и остается въ такомъ колѣнопреклоненномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока султанъ не сдѣлаетъ ему знака, разрѣшающаго ему принять болѣе удобное положеніе, что весьма часто султанъ забываетъ сдѣлать, когда бываетъ чѣмъ-нибудь озабоченъ или даже совсѣмъ не дѣлаетъ, когда бываетъ не въ духѣ.

Тахсинъ уже при входѣ съ перваго же взгляда опредѣляетъ настроеніе своего повелителя, характеръ котораго онъ хорошо изучилъ. Тонъ голоса, движеніе руки—все это служитъ для него драгоцѣнными указаніями. Бумаги онъ держитъ такимъ образомъ, что каждая кучка отдѣлена пальцемъ и когда онъ видитъ, что барометръ показываетъ хорошую погоду, то спокойно преподноситъ свои документы, зная, что ему удастся провести все, что онъ хочетъ.

— Давай сюда!—говоритъ султанъ.

Тахсинъ беретъ верхнюю бумагу и либо читаетъ ее, либо излагаетъ въ нѣсколькихъ словахъ написанное. «Iradébugurdum» говоритъ султанъ, давая свое согласіе. Тахсинъ прочитываетъ ему и излагаетъ одну бумагу за другой. Затѣмъ онъ переходитъ ко второй кучкѣ бумагъ. Тутъ онъ воздерживается отъ какихъ либо собственныхъ замѣчаній, которыя онъ позволяетъ себѣ, докладывая бумаги изъ первой кучи, для которыхъ ему желательно получить согласіе султана. Черезъ полчаса или черезъ часъ онъ уже замѣчаетъ признаки утомленія на лицѣ султана и говоритъ ему, что ничего важнаго или не терпящаго отлагательства болѣе нѣтъ въ его бумагахъ. Иногда же самъ султанъ дѣлаетъ ему знакъ перестать.

Документы, получившіе санкцію султана, передаются тутъ же чиновнику собственной канцеляріи султана, которому султанъ повторяетъ тѣ же сакраментальныя слова: «Iradébugurdum» (Даю мое согласіе) и первый секретарь уходитъ съ остальными документами въ рукахъ, которые будутъ ждать слѣдующаго раза. Но случается нерѣдко, что Тахсинъ, которому не удалось добиться согласія султана на что-нибудь, непосредственно интересующее его, искусно откладываетъ соотвѣтствующій документъ въ кучу тѣхъ, которые санкціонированы султаномъ, и поэтому зачастую бываетъ, что появляются ирадэ, о которыхъ султанъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и его именемъ разрѣшается или повелѣвается что-нибудь такое, на что онъ никогда не далъ своего согласія. Но какъ только произнесена сакраментальная формула, то никто въ мірѣ уже не можетъ измѣнить сказаннаго и отмѣнить то, что ею предписано. И все зависитъ, конечно, отъ того, въ какомъ видѣ представлено будетъ Тахсиномъ то, о чемъ онъ докладываетъ султану и на что желаетъ получить его согласіе. Истинное же положеніе вещей лишь очень рѣдко бываетъ извѣстно султану, окруженному цѣлою стѣной придворныхъ приспѣшниковъ, министровъ и др. лицъ.

«НА ДНѢ» М. ГОРЬКАГО ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Стѣны небольшого берлинскаго театра на улицѣ «Подъ липами»—«Kleine Theater», стяжавшаго уже себѣ въ столицѣ Германіи довольно солидную художественную репутацію, едва могли вмѣстить ту массу интеллигентной, избранной публики («die Intellectuellen», какъ выразилась одна берлинская газета), которая собралась 23 января смотрѣть первое представленіе новой пьесы М. Горькаго «На днѣ», названной нѣмецкимъ переводчикомъ «Nacht-Asyl» («Ночлежка»). Это первое представленіе русской пьесы увѣнчалось еще небывалымъ доселѣ успѣхомъ, какой не выпадалъ въ Германіи на долю ни одного изъ со-

ВАСИЛИСА *).

временныхъ драматическихъ писателей, германскихъ или иностранныхъ. Даже Гауптманъ никогда не вызывалъ такого энтузіазма, какой вызвалъ Максимъ Горькій своими сценами изъ жизни подонковъ общества. Вся нѣмецкая печать, безъ

*) Снимки всѣ сдѣланы по фотографіямъ берлинскаго театра. *Ред.*

различія направленій, единогласно признала пьесу Горькаго самымъ выдающимся событіемъ нынѣшняго театральнаго сезона.

Но не сразу разогрѣлась берлинская публика; не сразу проникласъ она идеями автора и теплымъ участіемъ къ «бывшимъ людямъ», которыхъ онъ вывелъ въ своемъ произведеніи. Первые два акта показались длинными и скучными, что подтверждается и всѣми рецензіями берлинскихъ газетъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе разростался интересъ, и появившіеся было признаки утомленія совершенно исчезли, такъ что публика не только съ напряженнымъ вниманіемъ прослушала два послѣдніе акта, забывъ объ усталости, о томъ, что время близилось къ полночи, но громкіе, несмолкаемые аплодисменты были наградою исполнителямъ и директору театра, дѣйствительно выказавшимъ не только пониманіе, но и горячую любовь къ драматическому искусству, такъ какъ постановка пьесы М. Горькаго потребовала большой затраты силъ и труда и большого нервнаго напряженія.

Впрочемъ, и среди публики нашлись протестующіе, нервы которыхъ не выдержали такого тяжкаго испытанія. Мрачныя картины человѣческаго паденія и страданій, развертывавшіяся передъ ними, настолько утомили ихъ, что кое-гдѣ раздались даже свистки, однако, быстро заглушенные аплодисментами. Замѣчательно, что самыми восторженными поклонниками пьесы Горькаго оказались, по словамъ берлинскихъ газетъ, «безупречно одѣтые молодые люди, финансисты и свѣтскія дамы», передъ которыми Горькій развернулъ совершенно новый и неизвѣстный имъ доселѣ міръ и нарисовалъ трагедію жизни, надъ которою они никогда не задумывались до этой минуты. Представленіе, начавшееся въ 8 часовъ вечера, окончилось только къ двѣнадцати, и, по словамъ рецензентовъ, публика въ сильно возбужденномъ состояніи покинула театръ, а на другой день во всѣхъ берлинскихъ газетахъ появились длиннѣйшіе восторженные отзывы объ этомъ представленіи, которое оставило, повидимому, неизгладимый слѣдъ въ душѣ берлинскихъ обывателей.

Чтобы лучше судить о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело новое драматическое произведеніе М. Горькаго на берлинскую публику, мы приведемъ нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ отзывовъ берлинской печати. Всѣ газеты, какъ консервативныя, клерикально-католическія, такъ и либеральныя и соціалъ-демократическія, признаютъ выдающееся значеніе этой пьесы, но въ то же время всѣ безъ исключенія говорятъ, что она совершенно нарушаетъ всѣ традиціи драматическаго искусства. «Лессингъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, разъ двѣнадцать перевернуться въ своемъ гробу,—восклицаетъ вліятельная финансовая газета «Berlin. Börsen Zeit».—Не говоря уже о филистерѣ Фрейтагѣ и др.!» То же высказываютъ и другіе органы печати. «Рѣдко можно найти писателя, который бы такъ смѣло рѣшился перешагнуть черезъ всѣ традиціи театральной практики и законы драматическаго дѣйствія, какъ это сдѣлалъ Горькій въ своей новой пьесѣ», замѣчаетъ «Франкфуртская Газета». «Интереснѣйшій современный театръ въ Берлинѣ поставилъ на сценѣ, быть можетъ, интереснѣйшую драму этого сезона и, навѣрное, самую удивительную во всей драматической литературѣ,—заявляетъ литературная берлинская газета

«Tägliche Rundschau». Но развѣ это драма? Ни въ какомъ случаѣ! Это картинная галлерея ужасныхъ образовъ, извлекаемыхъ сильною рукою художника со дна человѣчества и выставляемыхъ въ яркомъ дневномъ свѣтѣ. Передъ нами проходитъ рядъ рѣзко очерченныхъ типовъ несчастныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, погибшихъ и обездоленныхъ, въ мастерскомъ изображеніи художника, заставляющаго насъ угадывать соціальныя причины, обусловливающія такое ужасное существованіе. Это—документы позора нашей эпохи, пятно

КЛЕЩЪ.

на нашей культурѣ, но тѣмъ не менѣе эта мрачная картина освѣщена свѣтомъ благородной гуманности, распространяющейся и на вершины, и на дно человѣческой жизни. Что намъ за дѣло въ эту минуту, что это вовсе не драматическое произведеніе, написанное по всѣмъ правиламъ эстетики, когда всѣ нервы у насъ напряжены и дрожатъ подъ вліяніемъ видѣннаго! Всѣ мы были напряжены до глубины души... Незабвенный вечеръ. Ecce vita!»

Другая литературная газета «Der Tag» говоритъ: «Нѣтъ болѣе плохой драмы,

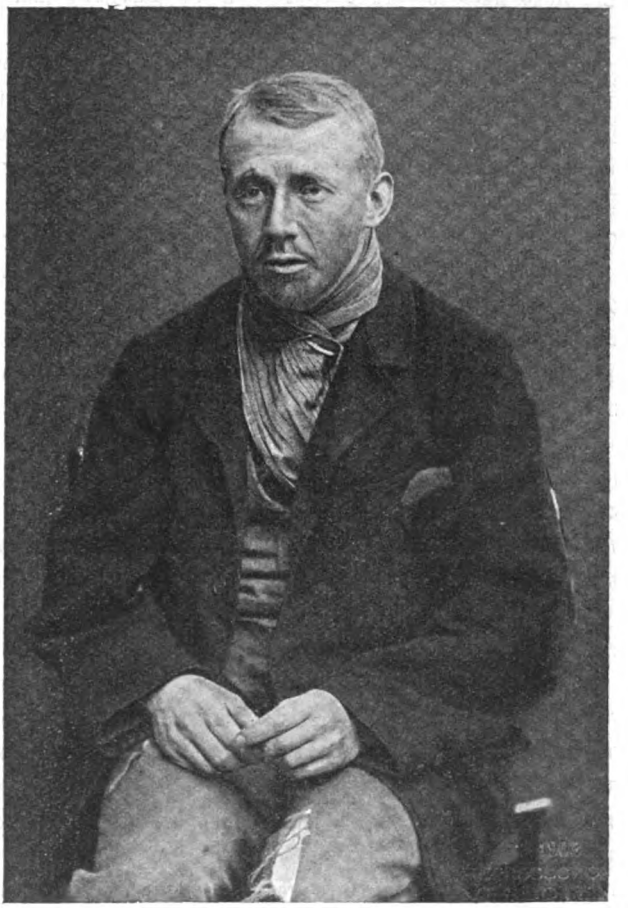
болѣе невозможнаго литературнаго произведенія! Зрителей нѣсколько разъ охватывало нетерпѣніе, однако, къ сожалѣнію, это самое плохое изъ театральныхъ произведеній имѣло почти безпримѣрный успѣхъ, глубокій и самый настоящій успѣхъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Максимъ Горькій, наименѣе искусный изъ драматурговъ, одержалъ полнѣйшую побѣду; онъ оставилъ за собою Метерлинка и Гауптмана. Онъ доказалъ самымъ неоспоримымъ образомъ, какъ мало значитъ техника въ искусствѣ, и подтвердилъ, что поэзія, корни которой гнѣздятся въ человѣческомъ сердцѣ, можетъ снести однимъ дуновеніемъ, словно карточные домики, всѣ изощренія драматурговъ. Это было великою побѣдою искусства, которое является прежде всего религіею...»

«Горькій имѣлъ въ виду совершенно иныя цѣли, иныя намѣренія, нежели эстетическія. Онъ не думаетъ также разрѣшать никакихъ психологическихъ проблемъ,—говоритъ національно-либеральный органъ «Magdeburg. Zeit».— Онъ хочетъ другого, и тотъ, кто пожелалъ бы сдѣлать истинную оцѣнку значенія этого грандіознаго, но въ то же время неумолимаго художника, рисующаго русскую народную душу, тотъ не долженъ прикладывать къ его произведеніямъ обычный масштабъ искусства. Въ своихъ «сценахъ» Горькій съ жестокою правдою рисуетъ русскую жизнь. Въ общепринятомъ смыслѣ эти сцены, между которыми существуетъ лишь весьма слабая связь, нельзя назвать драматическимъ произведеніемъ, но онѣ проникнуты потрясающимъ трагизмомъ. Образъ Луки, этого религіознаго странника, представляетъ специфическое явленіе русской жизни и ея условій».

«Драму Горькаго «Nacht-Asyl» нельзя назвать театральнымъ произведеніемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, — замѣчаетъ консервативная газета «Berl. Neueste Nachrichten».—Горькій не драматургъ; онъ былъ и остается эпическимъ поэтомъ. Онъ рисуетъ картину жизни, но останавливается на подробностяхъ и отдѣльныхъ фазахъ. Онъ смотритъ на свой міръ глазами удивительно тонкаго наблюдателя и тотчасъ же набрасываетъ мастерскою рукою эскизъ за эскизомъ, которые развертываетъ передъ зрителемъ въ цѣломъ рядѣ сценъ, не заботясь о драматическомъ цѣломъ. Въ своей послѣдней пьесѣ онъ заставляетъ насъ заглянуть въ міръ отверженныхъ. Всѣ касты имѣютъ своихъ представителей въ этомъ мірѣ, и общая бѣдственная судьба создала тутъ изъ бароновъ и ремесленниковъ, художниковъ и преступниковъ, рабочихъ и гуляющихъ женщинъ, новую ассоціацію, въ которой исчезаютъ имена и ранги... Но то, что онъ даетъ намъ въ этомъ произведеніи, въ своемъ родѣ великолѣпно! Грубость и необузданность его героевъ, философія отверженныхъ и ихъ поступки, даже дикая расправа въ концѣ третьяго акта—все это представляетъ удивительную по яркости красокъ картину. Но искусство Горькаго тѣмъ не менѣе рѣзко ограничено. Несмотря на всю свою величину въ своей области, онъ никогда не переступитъ того ограниченнаго круга темъ, которыя составляютъ полученное имъ наслѣдіе и налагаютъ своеобразный отпечатокъ на его талантъ и именно на сценѣ. Онъ долженъ будетъ всего скорѣе исчерпать свой запасъ, такъ какъ ему придется постоянно повторяться въ своихъ образахъ».

«Примѣръ Горькаго еще разъ доказываетъ, что русскіе въ особенности

умѣютъ пробуждать культурно-историческій интересъ,—заявляетъ католическая газета «Germania», въ статьѣ, посвященной «Nacht-Asyl» Горькаго.—Съ точки зрѣнія искусства и эстетики, это произведеніе слѣдовало бы отодвинуть на задній планъ. Однако, такъ судить нельзя. Густой туманъ безконечнаго страданія повисъ надъ умственною и культурною жизнью русскаго народа. Но чье сердце не встрепенется, услышавъ крикъ о помощи, объ избавленіи отъ



БАРОНЪ.

тяжелаго, давящаго умственнаго гнета, какой раздается изъ глубины жизни и звучитъ въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ М. Горькій и Толстой».

«Великая творческая сила писателя освобождаетъ изъ тѣсныхъ національныхъ рамокъ изображенную имъ картину страданій и она получаетъ такимъ образомъ нѣкоторое универсальное значеніе. Мы переживаемъ частицу мірового страданія и насъ охватываетъ скорбь всего человѣчества. Но въ этомъ произведеніи нѣтъ того, что должно составлять содержаніе и конецъ всякаго

*

дѣйствительно великаго произведенія, нѣтъ избавленія, освобожденія, примиренія и поэтому оно не можетъ дать истинное удовлетвореніе...

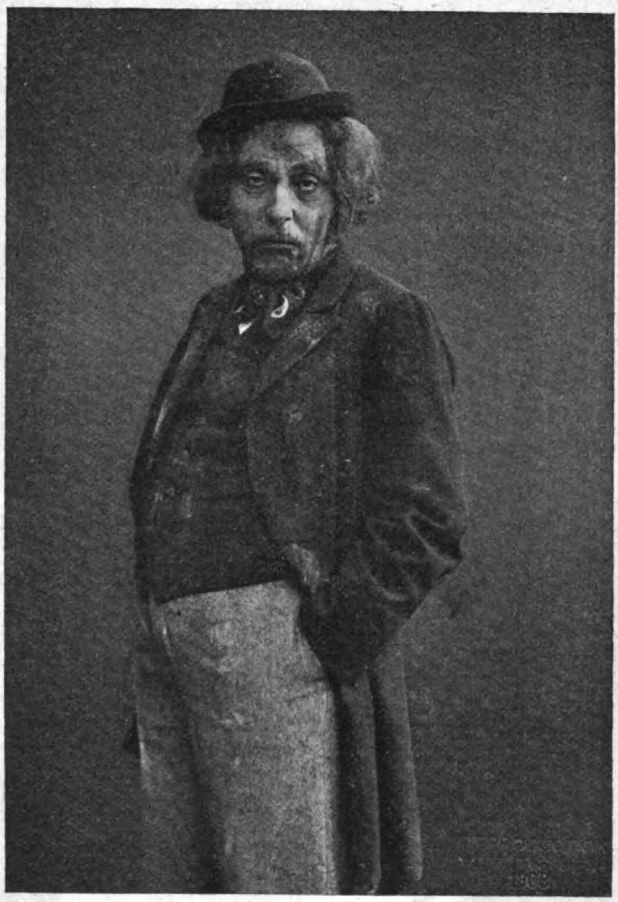
«Странное впечатлѣніе произвела на меня эта вещь,—пишетъ далѣе драматическій критикъ католической газеты.—Вначалѣ я чувствовалъ нѣкоторое отвращеніе. Потомъ къ нему примѣшалось чувство боли и состраданія и это чувство все возрастало, пока не охватило меня до такой степени, что поглотило всѣ остальныя ощущенія. Мнѣ казалось, что я въ темную, глухую ночь иду по болоту. Надо мною блестятъ звѣзды и съ каждымъ шагомъ я погружаюсь все глубже въ топкую почву, а надо мною все блестятъ звѣзды, отъ которыхъ я не могу отвратить своихъ взоровъ. Наконецъ, я почувствовалъ, что погружаюсь совершенно. Въ глазахъ у меня потемнѣло и я началъ задыхаться... счастье, что тутъ опустился занавѣсъ... я перевелъ дыханіе, почувствовалъ свободу и искренно обрадовался, что могу снова дышать свѣжимъ воздухомъ...»

«Постановка въ «Kleine Theater» пьесы Горькаго была лучшею, какую только мнѣ пришлось видѣть со времени постановки «Власти тьмы» Толстого. Пьеса Горькаго даже, пожалуй, была еще лучше поставлена. Нельзя было лучше и добросовѣстнѣе выполнить такую задачу. Впрочемъ, самъ авторъ помогъ театральной дирекціи, прославъ фотографическіе снимки своихъ типовъ изъ русскаго міра преступниковъ. Кромѣ того, какъ говорятъ, режиссеръ изучилъ предварительно жизнь берлинскихъ трущобъ. Итакъ, все было «настоящимъ» (echt) на сценѣ и всѣ частности были соблюдены. Исполненіе же достойно всякой похвалы».

Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ, между прочимъ очень распространенная и до нѣкоторой степени независимая (когда она не находитъ нужнымъ заискивать у правительства) газета «Local Anzeiger» видитъ въ произведеніи Горькаго вліяніе Ибсена и Гауптмана. Другіе отрицаютъ это и говорятъ о томъ, что Горькій и его учитель Толстой дополняютъ другъ друга въ извѣстномъ смыслѣ, такъ какъ они оба изслѣдуютъ глубины человѣческаго общества и въ душѣ обоихъ одинаково звучитъ чувство христіанскаго милосердія. «Но Горькій и Толстой приходятъ къ различному выводу», заявляетъ биржевая газета, органъ берлинскихъ финансистовъ и объясняетъ это разницею ихъ происхожденія. Горькій самъ принадлежитъ къ пролетаріату, который онъ изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ по собственному опыту знаетъ эти слои общества и изображаетъ ихъ, конечно, по другому, нежели теоретикъ Толстой. Но онъ предоставляетъ зрителямъ самимъ извлекать изъ его ужасныхъ картинъ столько соціальныхъ поученій, сколько имъ будетъ угодно, столько душевнаго потрясенія, сколько они въ состояніи испытать. Самъ авторъ не выступаетъ на сценѣ въ качествѣ проповѣдника морали, не навязываетъ намъ своихъ взглядовъ и всецѣло предоставляетъ дѣлать выводы и заключенія изъ его «человѣческихъ документовъ», возлагая отвѣтственность на зрителей за тѣ выводы, которые будутъ ими сдѣланы. Но въ этомъ-то чувствѣ отвѣтственности, которое публика уноситъ съ собою изъ зрительной залы, и заключается глав-

ная причина сильнаго, удручающаго дѣйствія, производильнаго пьесой Горькаго.

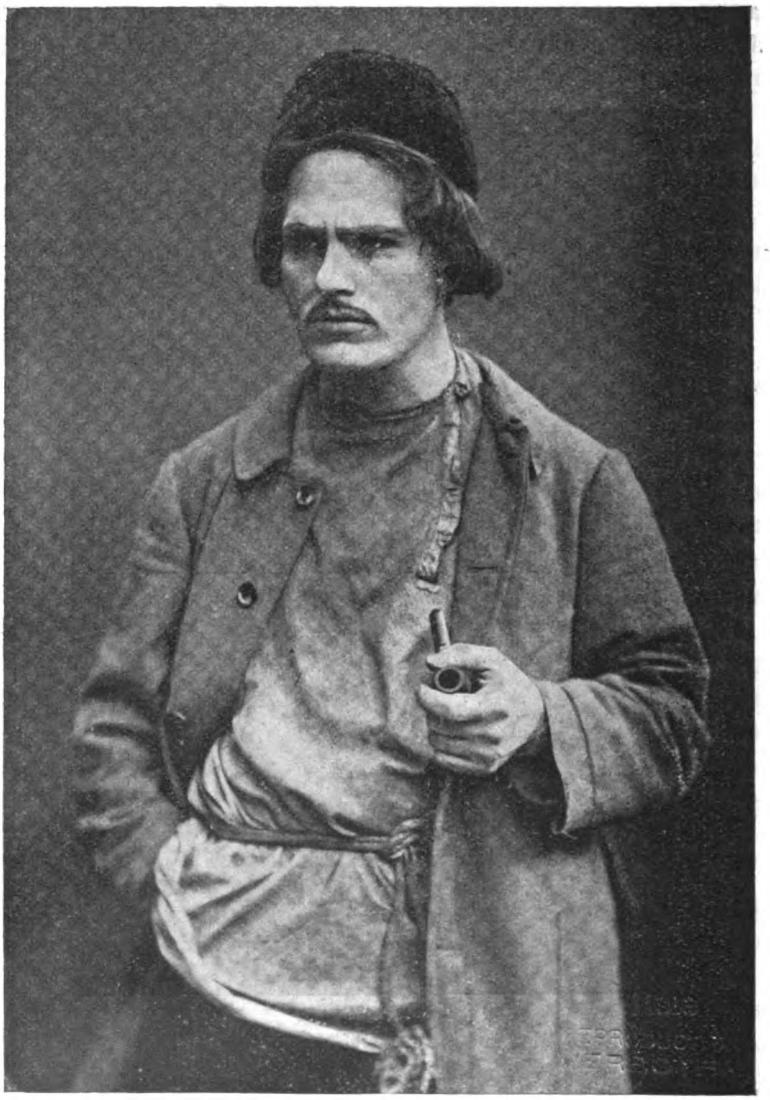
Мы просмотрѣли болѣе тридцати нѣмецкихъ газетъ, помѣстившихъ отзывы о пьесѣ Горькаго. Въ этомъ числѣ находятся газеты всѣхъ направленій, распространенныя въ различныхъ слояхъ германскаго общества, но, несмотря на различіе политическихъ взглядовъ, въ отзывахъ этихъ газетъ о пьесѣ «Nacht-



АКТЕРЪ.

Asyl» заключается удивительное единодушіе, причемъ становится ясно, что огромный интересъ, вызванный въ германской публикѣ этою пьесой въ значительной степени можно объяснить новизною и особенностями той среды, которую рисуетъ авторъ. Большинство нѣмецкихъ драматическихъ критиковъ заявляетъ, что еще ни одинъ изъ русскихъ писателей не заставлялъ нѣмецкую публику проникать такъ глубоко въ чувства и мысли «славянскаго стомилліоннаго народа» (Slavischen Hundertmillionen Volkes). Горькій—это великій

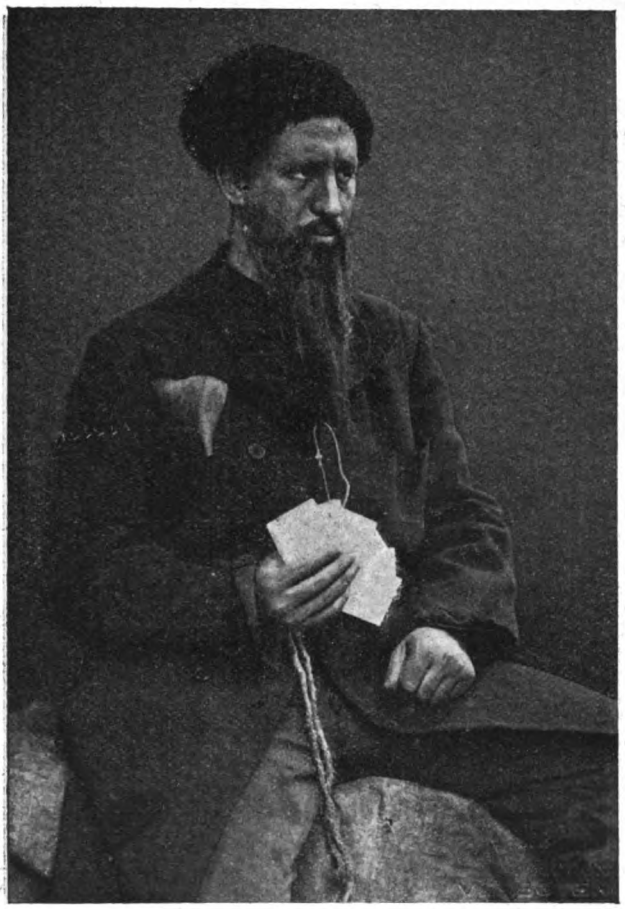
талантъ, чисто русскаго народнаго происхожденія, говорятъ они. Онъ смотритъ не такъ, какъ другіе, сверху внизъ, на жизнь и стремленія низшихъ народныхъ слоевъ; онъ самъ происходитъ оттуда и поэтому чувства и мысли на-



ПЕПЕЛЪ.

рода ему близки и хорошо извѣстны, такъ какъ, вѣдь, это его собственныя мысли и чувства! Образъ Луки, этого странника, «искателя правды», повидимому, сильнѣе всего заинтересовалъ берлинскую публику, передъ которой предсталъ новый, невиданный ею доселѣ типъ, поэтому всѣ газеты, безъ исключенія,

посвящаютъ ему особенное вниманіе. Нѣкоторыя, въ томъ числѣ «Vorwärts» (соціалъ-демократическая газета), находятъ въ немъ «отдаленное» сходство съ Акимомъ изъ «Власти тьмы». «Но тѣмъ не менѣе Лука совершенно иной типъ», говоритъ «Vorwärts»; «онъ свободенъ отъ узкаго слѣпого правовѣрнаго міросозерцанія Акима, онъ много пережилъ и много грѣшилъ. Теперь это все уже далеко, но воспоминаніе о своемъ прошломъ заставляетъ его снисходительно



ТАТАРИНЪ.

относиться къ чужимъ заблужденіямъ и грѣхамъ». «Мужикъ стараго покроя, котораго Толстой рисуетъ воплощеніемъ трогательной простоты и природной добродѣтели, находитъ въ Горькомъ довольно холоднаго критика, такъ какъ Горькій видитъ въ немъ, сравнительно съ промышленнымъ пролетаріемъ, отсталый элементъ»,—замѣчаетъ «Berl. Tag.».—И въ этомъ отношеніи Горькій является представителемъ новой эпохи русскаго развитія. Въ немъ воплощается современная Россія, со своею развивающеюся промышленностью, желѣз-

ными дорогами и портами, усиленными сношеніями и пролетаріатомъ, выростающимъ до классоваго сознанія, это она отражается въ произведеніяхъ Горькаго!..»

«Горькій, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ то, что дѣлается внутри русскаго народа, какія чувства волнуютъ его, и такимъ образомъ онъ становится адвокатомъ своего изстрадавшагося народа, а сцена превращается въ трибуналъ...—

ГОРОДОВОЙ.

говоритъ драматическій критикъ магдебургской газеты.—Однако, Горькій не задаетъ вопроса, кто спасетъ этотъ добродушный, мечтательный, погрязшій въ фанатизмѣ русскій народъ, но вопросъ этотъ невольно напрашивается каждому. И въ этомъ-то невысказанномъ, но со страшною ясностью поставленномъ вопросѣ заключается глубокій трагизмъ всего произведенія Горькаго. Лука представляетъ специфическое явленіе жизни русскаго народа...»

Изъ этихъ небольшихъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, какъ сход-

ны взгляды нѣмецкихъ драматическихъ критиковъ на произведеніе Горькаго и какъ болѣе или менѣе одинаково впечатлѣніе, произведенное постановкою этой пьесы. Всѣ видятъ въ ней яркое и трагическое изображеніе русской народной жизни. Одна изъ газетъ (антисемитская газета «Deutsche Zeit.») дѣлаетъ при этомъ слѣдующій выводъ: «Горькій былъ и остается русскимъ, специфическимъ представителемъ народа, который не только внѣшнимъ образомъ, нравами, привычками и государственными учрежденіями, но и своими самыми глубочайшими чувствами, мыслями и ощущеніями отдѣляется отъ насъ до сихъ поръ еще непроходимою пропастью. И если мы, потрясенные до глубины души, все-таки поднимемъ голову и признаемъ, что многое тутъ не можетъ затрогивать насъ и имѣетъ чисто русское національное значеніе, то это не будетъ съ нашей стороны фарисейскимъ высокомѣріемъ».

Что касается исполненія и деталей постановки, то всѣ признаютъ, что они были выше всякой похвалы. Особенно хвалятъ актера Рейнгардта, игравшаго философа старца Луку. Маленькій берлинскій театръ, обладающій однако, далеко не очень значительными средствами, блестящимъ образомъ справился со своею задачей и оправдалъ свою репутацію «лучшаго и наиболѣе художественнаго театра въ Берлинѣ». Пьеса Горькаго обезпечила успѣхъ этому театру, который превращается въ привилегированный театръ берлинскаго интеллигентнаго общества и, какъ говорятъ, будетъ переименованъ въ «Новый театръ».

Э. П.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Исторія русская.—Право.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Медицина и гигіена.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. М. Дорошевичъ. „Сахалинъ (Каторга)."—*Г. Гауптманъ.* „Собраніе сочиненій". 2 т.—*Р. Киплингъ.* „Разсказы-сказки".

В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ (каторга). Съ иллюстраціями. М. 1903. Ч. I. 438 стр. Ч. II. 144 стр. Ц 3 р. 50 к. Каторга вообще, и въ частности сахалинская каторга, не разъ служила предметомъ изображенія въ нашей литературѣ. Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ художественныхъ описаній Достоевскаго и Мельшина, мы имѣемъ живые и интересные очерки г. Миролюбова («Восемь лѣтъ на Сахалинѣ») и серьезный, обстоятельный трудъ А. П. Чехова, не говоря, конечно, о работахъ спеціальныхъ. Казалось бы, что каторга настолько всесторонне изучена и такъ ярко изображена, притомъ писателями, лично испытавшими каторжный режимъ, что позднѣйшему наблюдателю-диллетанту трудно сказать что-нибудь новое, что не было бы повтореніемъ или перефразированіемъ уже извѣстнаго. Естественно поэтому, что за книгу г. Дорошевича принимаешься съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Однако, чѣмъ далѣе подвигаешься въ чтеніи этой книги, тѣмъ болѣе отдаешься захватывающему ея содержанію, вопреки даже непріятнымъ, черезчуръ развязнымъ литературнымъ пріемамъ г. Дорошевича. Съ одной стороны, таково свойство предмета, изображаемаго авторомъ, что стоитъ только факты, казалось бы давно знакомые, вновь увидать въ живой и конкретной формѣ,—и впечатлѣніе получается потрясающее. Съ другой стороны, несомнѣнно, авторъ обладаетъ талантомъ ярко и живописно рисовать предметъ, хотя не мало и злоупотребляетъ этимъ.

Попытаемся теперь въ бѣглыхъ чертахъ передать, что такое сахалинская каторга, по наблюденіямъ г. Дорошевича; прибавимъ при этомъ, что г. Дорошевичъ совсѣмъ не касается политическихъ ссыльныхъ. Время отъ времени пароходы высаживаютъ на Сахалинъ живой грузъ отбросовъ человѣческаго общежитія. Послѣ долгой процедуры регистрированія и распредѣленія, новички попадаютъ въ общія камеры съ населеніемъ уже обжившимся и по-своему разгруппировавшимся. Во главѣ камеры стоитъ безпардонная компанія заправилъ, такъ называемые «иваны», «храпы», «глоты», которые состоятъ въ постоянной борьбѣ съ начальствомъ и время отъ времени отвоевываютъ кое-какія уступки для всей тюрьмы, но зато безцеремонно тиранятъ и обираютъ забитую и трепещущую «шпанку». При вступленіи въ камеру новички, обыкновенно имѣющіе при себѣ деньги, немедленно попадаются на удочку воровской шайки, которая съ помощью разныхъ мошенническихъ продѣлокъ одурачиваетъ ихъ и завладѣваетъ ихъ деньгами. Этотъ искусъ сразу раскрываетъ новоприбывшимъ глаза на своеобразное каторжное братство, гдѣ немногіе хищ-

ничаютъ, а всѣ остальные покрываютъ ихъ, одни изъ выгоды, большинство изъ страха. Само собой разумѣется, что и новоприбывшая партія очень быстро дифференцируется: одни присоединяются къ группѣ активнаго меньшинства, другіе—пассивнаго большинства. Невозможно перечислить всѣ виды издѣвательствъ и помыканій, которыя позволяетъ себѣ привилегированная кучка надъ запуганнымъ, безотвѣтнымъ стадомъ. Къ этой внутренней тиранніи нужно еще прибавить внѣшнюю тираннію надзирателей и смотрителей. Надзиратели на Сахалинѣ по большей части изъ отбывшихъ свой срокъ ссыльно-каторжныхъ. Получивъ власть въ руки послѣ долгихъ годовъ безправія, они пользуются ею съ неимовѣрною жестокостью для однихъ, съ беззаконными послабленіями для другихъ: надзиратели поддаются подкупу, и за деньги въ тюрьмѣ можно купить—конечно, относительную—безнаказанность; ради взятокъ они сгоняютъ арестантовъ на частныя работы въ праздничные дни; торгуютъ водкой, разбавляя ее водой и продавая втридорога и т. п. А между тѣмъ, эти люди являются, въ сущности, настоящими хозяевами каторги, въ ихъ рукахъ штрафной журналъ и, значитъ, фактическое распоряженіе судьбой арестанта; по ихъ же указаніямъ часто пускается въ ходъ и страшное орудіе каторги—сѣченіе. Итакъ, этимъ корыстнымъ и въ концѣ испорченнымъ людямъ поручено перевоспитаніе преступника, нравственное возрожденіе его.

Представимъ себѣ теперь, что въ удушливую атмосферу каторги попадаетъ человѣкъ интеллигентный. Начать съ того, что каторга очень ревниво наблюдаетъ за нивелированіемъ, тщательно производитъ равненіе, не терпя никакого выдѣленія изъ рядовъ, на чемъ бы оно ни основывалось—на образованіи или на краткосрочности ссылки; но съ особенной ненавистью относится она къ привилегированному происхожденію: «барство» всегда является предметомъ яростныхъ нападокъ. Поэтому чтобы устроить себѣ просто только возможное существованіе, интеллигенту приходится волей-неволей ассимилироваться съ чуждыми ему во всемъ товарищами, даже не смотря на то, что образованные люди обыкновенно до нѣкоторой степени изолируются отъ остальной арестантской массы, опредѣляясь писарями въ канцелярію. И вотъ начинаются шагъ за шагомъ уступки: человѣкъ пріучается пить, играть въ карты, затѣмъ образованность эксплуатируется хищническими инстинктами каторги—интеллигентъ начинаетъ участвовать въ изготовленіи и сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій, въ поддѣлкахъ разнаго рода документовъ и т. п. Вначалѣ все это дѣлается лишь въ угоду каторгѣ, потомъ мало-по-малу брезгливость утрачивается, и человѣкъ запутывается окончательно; на подлогахъ его ловятъ, надбавляютъ срокъ каторги, и вотъ передъ нимъ полная безысходность положенія, никакой надежды выбраться по ту сторону каторги; затѣмъ побѣгъ — съ отчаянія, въ результатѣ розги, новая надбавка срока и полное безповоротное паденіе: вотъ довольно обычные этапы «возрожденія» преступника каторгой! А между тѣмъ, сплошь и рядомъ этихъ людей, пожираемыхъ навсегда каторгой, приводитъ на Сахалинъ или какое-нибудь дисциплинарное преступленіе по службѣ, или убійство въ защиту семейной чести, напр., за поруганіе сестры, т.-е. проступки, не имѣющіе и тѣни злодѣйскихъ намѣреній.

На ряду съ этой категоріей преступниковъ въ ту же школу деморализаціи попадаютъ и люди совершенно невмѣняемые, по дикости, темнотѣ, нравственному и умственному убожеству, настоящіе пещерные дикари, совершающіе преступленіе въ полу-сознаніи, въ тупомъ состояніи невѣдѣнія; въ примѣръ г. Дорошевичъ приводитъ двухъ убійцъ, которые по подговору жены убили мужа и «цѣну крови» получили въ размѣрѣ 3 р. 75 к.! И зачѣмъ каторга этимъ дѣтямъ природы, которымъ больше нужна опека.

Мы уже говорили, что настоящими уставщиками каторги являются закоренѣлые преступники, порвавшіе всѣ счеты съ иной жизнью. Но не только внутренніе распорядки камерной жизни, а и весь внѣшній строй каторги, не-

сомнѣнно, въ значительной степени является созданіемъ этихъ крайнихъ элементовъ. Нужно было имѣть въ виду крайнюю степень преступности, чтобы организовать борьбу съ преступниками съ помощью тѣхъ безчеловѣчныхъ средствъ, которыми пользуется современная каторга. Итакъ, система, созданная примѣнительно къ худшимъ элементамъ, всею тяжестью обрушивается на лучшіе, а главные виновники въ большинствѣ случаевъ довольны своимъ положеніемъ: они являются настоящими господами тюрьмы, захватываютъ въ свои руки майданы—примитивные тюремные буфеты, которые даютъ имъ изрядные барыши; накопленные капиталы они отдаютъ въ ростъ за баснословные проценты, шулернически выигрываютъ въ карты; благодаря полученнымъ такими путями достаткамъ, они подкупаютъ надзирателей и пользуются многими послабленіями; съ другой стороны отвоевываютъ себѣ положеніе и своею «оголтѣлостью», т.-е. нагластью и безстрашіемъ. Трагизмъ современной каторги и и заключается въ этомъ смѣшеніи преступниковъ всѣхъ категорій вмѣстѣ, въ этомъ отсутствіи дифференцированія арестантовъ хотя бы по однородности приговоровъ: краткосрочный помѣщается здѣсь бокъ-о-бокъ съ долгосрочнымъ, случайный преступникъ, мучимый угрызеніями совѣсти и жаждущій начать новую жизнь, имѣетъ своимъ сосѣдомъ вѣчнаго каторжанина, цинически высмѣивающаго подобныя слабости. Трагизмъ именно и заключается въ этой неизбѣжности дальнѣйшаго паденія почти для всякаго, входящаго въ эти «адовы врата».

Посмотримъ теперь, какова судьба каторжанина, отбывшаго срокъ заключенія и вышедшаго на поселеніе. Съ момента выхода изъ тюрьмы ссыльно-каторжный становится объектомъ колонизаціонной политики: онъ долженъ сѣсть на землю и вести хозяйство; при этомъ съ помощью самыхъ примитивныхъ орудій ему приходится рубить лѣсъ въ тайгѣ, строить избу, выкорчевывать пни, расчищая землю подъ пашню въ топкой, болотистой почвѣ, — и все это время жить подъ открытымъ небомъ. Черезъ два года выдача арестантскаго пайка прекращается, и для поселенца наступаетъ бѣдственное, полу-голодное существованіе. Духомъ каторги проникнуты и поселки, и потому надъ средствами добыть лишнюю копѣйку люди не задумываются: воровство, поджоги и даже убійства, хотя бы своего полу-нищаго собрата, широко практикуются среди поселенцевъ. За убійство поселенецъ попадаетъ опять въ тюрьму, а жизнь въ тюрьмѣ на готовомъ содержаніи нѣкоторымъ представляется предпочтительнѣе поселенческой свободы. Скудные урожаи, отсутствіе посторонняго заработка и постоянный страхъ и за свое имущество и за жизнь настолько отравляютъ существованіе на Сахалинѣ, что по большей части поселенецъ, отбывшій положенные 6 — 10 лѣтъ и вышедшій въ крестьяне, безъ всякаго сожалѣнія бросаетъ свою избу, хозяйство и уѣзжаетъ на материкъ. Материкъ— тайная мечта всякаго поселенца. Отсюда ясно, какъ достигаются цѣли правительства заселить Сахалинъ съ помощью ссылки. А между тѣмъ, колонизаціонной политикѣ отводится видное мѣсто на Сахалинѣ, и, напр., интересамъ колоніи всецѣло подчинена судьба женщинъ. Ссыльно-каторжныя не знаютъ на Сахалинѣ ни тюрьмы, ни каторжныхъ работъ. Тотчасъ по прибытіи ихъ раздаютъ въ сожительницы поселенцамъ «для домообзаводства». Поощряемые самимъ начальствомъ вольные браки вводятъ такую порчу нравовъ на Сахалинѣ, что, въ сущности, большинство ссыльныхъ женщинъ промышляетъ проституціей; иногда сами поселенцы посылаютъ своихъ сожительницъ «на фартъ», какъ на прибыльное ремесло. Но истинно мученическая судьба ожидаетъ женъ, добровольно слѣдующихъ за мужьями въ каторгу. Обыкновенно каторжанинъ выпускается изъ тюрьмы на волю, какъ только къ нему пріѣзжаетъ семья; поэтому еще раньше прибытія на Сахалинъ съ дороги каторжане уже пишутъ письма на родину, уговаривая женъ пріѣхать и соблазняя всевозможными благами сахалинскаго житья, не останавливаясь передъ самымъ чудовищнымъ

обманомъ. И вотъ повѣривъ этимъ росказнямъ, бабы, часто съ маленькими дѣтьми, отправляются на казенный счетъ въ дальнее плаваніе. На Сахалинѣ ихъ ждетъ жестокое разочарованіе: убогое, нищенское хозяйство, мужъ, прошедшій школу каторги и ставшій игрокомъ, пьяницей: положеніе, настолько тяжелое, что приходится завидовать каторжанкамъ, которыя получаютъ паекъ и мѣняютъ сожителей, если тѣ имъ не угодятъ.

Мы далеко не исчерпали богатаго содержанія книги г. Дорошевича и совсѣмъ не коснулись II-й части, гдѣ разсказанъ рядъ громкихъ сенсаціонныхъ процессовъ Удивительно впечатлѣніе отъ этой книги: каторга со всѣми своими ужасами, несправедливостью, гибелью людей врѣзывается въ душу какимъ-то кошмаромъ, а между тѣмъ, вы далеко не симпатизируете литературной манерѣ автора. Факты, приводимые г. Дорошевичемъ, дѣйствуютъ своей непосредственной силой, своими естественными размѣрами, безъ всякаго подмалевыванія, между тѣмъ, авторъ обильно уснащаетъ свою книгу всевозможными приправами: вы легко различаете шаржъ, мелодраматизмъ, мѣстами—сентиментальный лиризмъ или реторическій паѳосъ — въ эти позы поочередно становится авторъ; наконецъ, нерѣдко встрѣчаются нѣкоторыя чисто репортерскія замашки, напр., злоупотребленіе инсценированіемъ дѣйствія, — всѣ эти грубыя средства воздѣйствія воспринимаются читателемъ какъ всякая фальшь и представляются дешевымъ наркотическимъ средствомъ, служащимъ для поддѣлки внутренней эмаціи. Образцомъ такой же фальсификаціи внутренняго волненія съ помощью внѣшнихъ признаковъ можетъ служить своеобразный лаконическій стиль автора съ опущеніемъ необходимыхъ частей предложенія; въ мѣстахъ патетическихъ такая рѣчь, перемежающаяся какъ бы отъ страстнаго волненія, производитъ сильное впечатлѣніе, какъ несвязный, взволнованный разсказъ очевидца. Но когда подобный пріемъ тянется на сотни страницъ, то, конечно, онъ дѣйствуетъ, какъ явная симуляція. Тѣмъ досаднѣе отмѣчать эти литературныя ухищренія автора, что въ нихъ не было никакой надобности: и цѣнность матеріала, собраннаго авторомъ, и умѣнье картинно и ярко представить его только теряютъ отъ тѣхъ лубочныхъ и пряныхъ эффектовъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгаетъ г. Дорошевичъ. *А. М.*

Г. Гауптманъ. Собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. К. Бальмонта. Изданіе С. Скирмунта. 2 тома. Москва. 1902 г. Первый томъ настоящаго изданія появляется вторымъ изданіемъ, и мы имѣли уже случай (см. «Библіогр. отдѣлъ» за 1900 г., май) говорить о характерѣ перевода вошедшихъ въ него драмъ. Въ новомъ изданіи г. Бальмонтъ «пользуется случаемъ», чтобы отвѣтить на полученные имъ «разные запросы отъ читателей, касавшіеся, главнымъ образомъ его перевода «Потонувшаго колокола». «Запросы читателей» оказались совпадающими съ нѣкоторыми изъ упрековъ, сдѣланныхъ г. Бальмонту журнальными рецензентами, между прочимъ и нами. Рецензентовъ онъ къ читателямъ не причисляетъ и съ ними въ разговоры не пускается. Читатели же, удостоившіеся вниманія г. Бальмонта, были гораздо снисходительнѣе или менѣе внимательны, чѣмъ рецензенты, и отмѣтили только весьма немногіе и преимущественно формальные недостатки перевода. Нечего и говорить, что г. Бальмонтъ всюду считаетъ себя правымъ и отстаиваетъ даже «лѣсныхъ человѣковъ» и «лѣсныхъ женщинокъ», хотя и признаетъ, что это «гротескно». По другому поводу переводчикъ высказываетъ оригинальную мысль, что «когда человѣкъ объятъ стихійнымъ порывомъ, онъ всегда бываетъ далекъ отъ грамматики. Это ужъ законъ». Если бы люди учились говорить по правиламъ грамматики, а не грамматика выводила свои правила изъ живого языка, то, быть можетъ, такой законъ и существовалъ бы: если бы лучшаго ученика гимназіи, «объятаго стихійнымъ порывомъ», заставить выражаться, напр., по-латыни, то несомнѣнно, онъ позабылъ бы своего Кюнера, но если человѣкъ, «даже не учившійся въ семинаріи», говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, то какимъ бы

порывомъ онъ ни былъ объятъ, онъ неизмѣнно останется вѣренъ законамъ своего языка, даже въ междометіяхъ, развѣ только онъ одержимъ какою-нибудь психическою болѣзнью, влекущею за собой спутанность рѣчи. Отвѣчая на «запросъ», почему въ переводѣ стиховъ больше, чѣмъ въ подлинникѣ, и уклоняясь незамѣтно для себя въ сторону, г. Бальмонтъ говоритъ: «Тамъ, гдѣ у Гауптмана проза или бѣлые стихи, я соблюдаю при переводѣ буквальную точность, въ размѣрахъ, позволяемыхъ литературностью; тамъ, гдѣ въ нѣмецкомъ текстѣ риѳмованные стихи, я передаю ихъ съ тою близостью, какую допускаютъ условія музыкальности и изящества стиха». Въ первой своей рецензіи мы указали достаточно примѣровъ, въ которыхъ отсутствуетъ какъ точность, такъ и музыкальность и изящество. Здѣсь ограничимся только однимъ мѣстомъ изъ рѣчей Лѣшаго.

Какъ вѣрно то, что въ небѣ звѣздъ не счесть,
Что у меня рога и бедра есть,
Что рыбы вѣчно плаваютъ въ водѣ,
А птицы такъ и сякъ и кое-гдѣ,
Такъ вѣрно, говорю я не шутя,
Отъ человѣка ты родишь дитя!

Можно было бы объявить премію тому читателю, который нашелъ бы эти вирши музыкальными и изящными. Очевидно, что здѣсь дѣйствовалъ какой-то стихійный порывъ, разрушившій не только грамматику, ибо по грамматикѣ нельзя допустить, чтобы птицы (плавали?) такъ и сякъ, но и законы естества, ибо существо мужскаго пола, хотя бы и Водяной, не можетъ же родить дитя. Нечего и прибавлять, что стихійный порывъ объялъ въ данномъ случаѣ только переводчика, потому что у Гауптмана птицы преспокойно летаютъ, не противорѣча грамматикѣ, а Водяному предстоитъ только качать въ люлькѣ, а не родить ребенка. Хотя переводчикъ и увѣряетъ, что «нѣкоторыя погрѣшности, вкравшіяся въ первое изданіе и болѣе или менѣе неизбѣжныя въ каждой большой работѣ, устранены, и стиль мѣстами исправленъ», но мы не натолкнулись ни на одно изъ подобныхъ исправленій и всѣ поразившія насъ раньше безсмыслицы нашли неприкосновенными, такъ что относительно перваго тома наше сужденіе остается прежнее: въ частяхъ, принадлежащихъ перу г. Бальмонта, переводъ произведеній Гауптмана не просто плохъ, а ниже всего, что можно себѣ представить.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько драмъ, нынѣ впервые появляющихся на русскомъ языкѣ. Первое по значенію мѣсто принадлежитъ, конечно, «Ткачамъ», величайшему драматическому произведенію за послѣднія полъстолѣтія. Такого захватывающаго драматическаго дѣйствія, такой необыкновенной выпуклости каждаго дѣйствующаго лица, при полномъ отсутствіи заглавныхъ персонажей, не достигъ даже Ибсенъ, и самому Гауптману едва ли удастся достигнуть второй разъ. Она уже породила немало подражаній, между которыми есть также въ извѣстномъ смыслѣ замѣчательныя вещи, какъ напр., вторая часть «Выше силъ» Бьернсона или «Дурные пастыри» Октава Мирбо, но все онѣ не могутъ идти въ сравненіе со своимъ первообразомъ и только слабо напоминаютъ его, какъ изнанка ковра напоминаетъ лицевую сторону. Для переводчика «Ткачи» представляли громадныя трудности. Отъ равносильной подлиннику передачи сжатаго, выразительнаго народнаго языка, которымъ такъ мастерски распоряжается авторъ, надо было напередъ отказаться. Г-жѣ Л. Гуревичъ удалось, за рѣдкими изъятіями, сохранить, если и не колоритность, то, во всякомъ случаѣ, содержательность (въ смыслѣ образовъ) и естественность діалога, причемъ она вполнѣ правильно не прибѣгала безъ особенной необходимости къ quasi—простонародному жаргону, который такъ рѣжетъ ухо въ переводахъ, а передавала нижне-нѣмецкій діалектъ чисто литературной русской рѣчью. Въ настоящее изданіе не вошли только три драмы

Гауптмана: «Флоріанъ Гейеръ» и двѣ послѣднія по времени написанія: «Красный пѣтухъ» и «Бѣдный Генрихъ». Въ общемъ, если исключить переводы г. Бальмонта, нужно считать это собраніе сочиненій Гауптмана солиднымъ пріобрѣтеніемъ для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности ознакомиться съ этимъ авторомъ въ оригиналѣ. *Е. Дегенъ.*

Редіардъ Киплингъ. Разсказы-сказки. Съ рисунками автора. Переводъ съ англійскаго О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1903. Стр 195 in 8°. Цѣна 1 р. (Just so Stories for little children by Rudyard Kipling. Illustrated by the Author. London. 1902. 6 sh). Хорошіе переводы у насъ рѣдкость, а особенно рѣдки хорошіе переводы произведеній писателей столь своеобразныхъ, какъ Киплингъ. Лежащій передъ нами переводъ О. Н. Поповой, безспорно, принадлежитъ къ числу не только хорошихъ, но и отличныхъ: при чтеніи его не чувствуется совсѣмъ, что это русская передача иностраннаго оригинала, а не русское оригинальное произведеніе. При всякомъ переводѣ ставится, конечно, прежде всего вопросъ, долженъ ли быть переводъ безусловно полнымъ, или же онъ допускаетъ нѣкоторыя сокращенія? Рѣшеніе стоитъ въ зависимости отъ цѣли, преслѣдуемой книгой. Такъ, въ данномъ случаѣ О. Н. Попова имѣла въ виду русскихъ читателей-дѣтей. Этимъ объясняется то, что она откинула тѣ небольшія стихотворенія, которыми Киплингъ, по своему обыкновенію, снабдилъ въ видѣ послѣсловій свои разсказы въ прозѣ. Стихотворенія эти, необыкновенно трудныя для передачи на другой языкъ, большею частью полны юмора, доступнаго только англійскимъ читателямъ или тѣмъ иностранцамъ, которые знаютъ англійскій языкъ и англійскую жизнь не только изъ книгъ, а число такихъ читателей въ Россіи, конечно, совершенно ничтожно. Мы считаемъ поэтому вполнѣ правильнымъ сдѣланное О. Н. Поповой сокращеніе. Не можемъ мы, однако, согласиться съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, сдѣланными въ самомъ текстѣ: Киплингъ принадлежитъ къ числу тѣхъ своеобразныхъ и по слогу писателей, у которыхъ при переводѣ чрезвычайно рискованно что-либо измѣнять. Считаемъ не лишнимъ дать образчикъ двухъ переводовъ, О. Н. Поповой и нашего, болѣе близкаго къ подлиннику; взято начало «Сказки о Котѣ, который гулялъ самъ по себѣ». Въ первомъ столбцѣ переводъ О. Н. Поповой, во второмъ нашъ.

„Слушай внимательно, моя Любимая; все что я разскажу тебѣ, случилось въ тѣ далекія-далекія времена, когда домашнія животныя еще не служили Человѣку, а были дикими звѣрями. Собака, Лошадь, Корова, Овца, Свинья гуляли на свободѣ въ Сыромъ Дикомъ Лѣсу по Лужайкамъ и были совсѣмъ дикими животными. Но самымъ дикимъ (изъ) нихъ былъ Котъ. Онъ гулялъ въ одиночествѣ, гдѣ ему вздумается".

„Слушай, прислушивайся и внимай, ибо случилось и произошло и сдѣлалось и было это, Любимая моя, тогда, когда домашніе звѣри были дикими. Собака была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая, такая дикая, какъ только можно быть дикимъ. И гуляли онѣ въ Сырыхъ Дикихъ Лѣсахъ. Но самымъ дикимъ звѣремъ былъ Котъ, въ дикомъ своемъ одиночествѣ. Онъ гулялъ самъ по себѣ, всюду гдѣ ему вздумается".

Здѣсь сокращать было неудобно, потому что сокращеніемъ нарушенъ тонъ разсказа. Lone здѣсь не лужайка, а выражаетъ «одиночество» (by their wild lones—въ дикомъ своемъ одиночествѣ). Съ только что указанной точки зрѣнія, переводъ нуждался бы въ пересмотрѣ; но, повторяемъ, онъ все-таки долженъ быть признанъ очень хорошимъ и по вѣрности, и по простотѣ, и изяществу выраженій.

Если мы съ такимъ сочувствіемъ отнеслись къ переводу, то не можемъ сказать того о самомъ содержаніи книжки Киплинга. Мы считаемъ ее неудачной по замыслу и исполненію. Конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это можно сказать по отношенію къ крупному и опытному писателю. Книга предназначена для дѣтей, но изъ 12 сказокъ, изъ которыхъ она состоитъ, одна «О томъ, какъ бабочка тронула ногой», никакого интереса для дѣтей не пред-

ставляетъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ сатиру на бранчливыхъ женъ и уступчивыхъ мужей; другая: «Какъ выдумали азбуку», просто скучна и неправдоподобна. Семь сказокъ разсказываютъ о томъ, какъ у разныхъ звѣрей явились разныя части тѣла или какія-нибудь особенности (напр., хоботъ у слона, горбъ у верблюда, пятна на шкурѣ леопарда). Одна-двѣ такихъ сказки еще были бы ничего, но семь даютъ уже большую монотонность. Одна только сказка очень хороша: «О Котѣ, который гулялъ самъ по себѣ», она живая и содержательная, но даже она страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, которымъ страдаютъ всѣ сказки разбираемой книги,—она очень хороша при хорошемъ чтеніи, а данная въ руки ребенку, сразу теряетъ половину своей привлекательнасти, она слишкомъ драматизирована и потому требуетъ слишкомъ большого напряженія со стороны читателя, что, разумѣется, не подъ силу ребенку. Мы имѣли случай присутствовать при чтеніи этой сказки въ классѣ; чтеніе учительницы было превосходное и дѣти слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Послѣ класса, во время разговора, одинъ изъ лучшихъ учениковъ перелистывалъ книгу и замѣтилъ: «А вотъ сами прочли бы, можетъ, и не очень понравилось бы».

Рисунки въ книгѣ принадлежатъ самому Киплингу, они превосходны.

Сергѣй Ольденбургъ.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

В. Соколовъ и *В. Хитровъ*. „Старина русской земли".

«Старина русской земли». Первая книга для чтенія по отечественной исторіи I. Древняя Русь. Составили В. А. Соколовъ и В. Хитровъ. М. 1902 г., in 8 vo. Стр. VIII+272. Ц. 85 к. Книга гг. Соколова и Хитрова вызвана тѣми же обстоятельствами, какія дали нашей учебной литературѣ творенія гг. Елпатьевскаго и Пузицкаго вмѣстѣ съ ихъ тифлисскими подражателями Всѣ эти публикаціи вызваны попыткой ввести преподаваніе такъ называемой отечественной исторіи въ первомъ и второмъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній; всѣ составители такихъ публикацій обыкновенно не задаются вопросомъ, можно ли хоть съ какимъ-нибудь признакомъ научности заниматься отечественною исторіей съ дѣтьми упомянутыхъ классовъ и не существуетъ ли для дѣтей этого возраста предметовъ, болѣе заманчивыхъ и болѣе поддающихся научной интерпретаціи, чѣмъ исторія. Весьма естественно, что всѣ гг. составители книжекъ или отклоняютъ отъ себя этотъ вопросъ, или вовсе не предусматриваютъ возможности такового. Мы лично принадлежимъ къ числу противниковъ преподаванія исторіи въ первомъ и второмъ классахъ и съ удовольствіемъ подписались бы подъ такою программою, которая уничтожала бы преподаваніе исторіи и въ третьемъ классѣ. Для насъ несомнѣнно, что элементарное изученіе животнаго и растительнаго царствъ въ этихъ классахъ и плодотворнѣе, и интереснѣе дырявой болтовни на quasi-историческія темы. Это убѣжденіе составляетъ плодъ продолжительнаго теоретическаго обсужденія и живого практическаго опыта. Идея закономѣрности, идея послѣдовательной смѣны формъ и явленій живо, реально и образно можетъ преподноситься дѣтямъ, прежде всего, на урокахъ естествознанія; хорошо поставленное въ младшихъ классахъ преподаваніе естествознанія является залогомъ будущихъ успѣховъ научнаго преподаванія исторіи, если только подъ послѣдней не подразумѣвать безмысленнаго и тенденціознаго набора историческихъ анекдотовъ или, проще говоря, всякаго рода лжи на историческія темы.

Въ силу изложеннаго, критикъ учебныхъ книгъ и хрестоматій по отечественной исторіи для младшихъ классовъ долженъ быть особенно осторожнымъ, дабы не заслужить упрековъ въ чрезвычайномъ пристрастіи къ *своей* точкѣ зрѣнія и нежеланіи выслушать противника. Мы уже знаемъ, что упомянутыя выше руководства принадлежатъ не принципіальнымъ противникамъ, а просто гасителямъ просвѣщенія.

Иное представляетъ собой руководство гг. Соколова и Хитрова: оба автора, оставаясь въ предѣлахъ *старыхъ* представленій о преподаваніи исторіи въ школѣ, приложили всѣ старанія къ тому, чтобы передъ судомъ *новыхъ* взглядовъ предстать въ возможно приличномъ видѣ: ихъ реставрацію «старины русской земли» читать можно и мы не будемъ придираться къ отдѣльнымъ частностямъ «первой книги для чтенія» гг. Соколова и Хитрова, если они согласятся, что ихъ руководство могло бы быть пригоднымъ скорѣе на урокахъ русскаго языка, чѣмъ на фантастическихъ урокахъ исторіи. Мы не знаемъ, какъ гг. Соколовъ и Хитровъ обработаютъ новую русскую исторію, но ихъ «Древняя Русь» могла бы быть выпущена въ народную школу, гдѣ нынѣ ходятъ такіе учебники, что «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать». *Первая* книга гг. Соколова и Хитрова на 272 страницахъ вводитъ читателей въ древнюю Русь съ расположеніемъ матеріала по обычному шаблону: первые русскіе князья (стр. 1—18), утвержденіе христіанства въ русской землѣ (стр. 19—44), начало монашества на Руси (стр. 45—62), княжескія усобицы и половцы (стр. 63—128), татарское иго (стр. 129—188) и, наконецъ, возвышеніе Москвы (стр. 189—272). Столько страницъ для русской исторіи до времени княженія Ивана III *не*включительно—немножко много, и составители сами предвидятъ это возраженіе въ концѣ своего предисловія, представляютъ оправданія не совсѣмъ безопаснаго свойства и не совсѣмъ удачн ссылаются при этомъ на объяснительную записку преподаванія русской исторіи въ первомъ и второмъ классахъ. Авторы считаютъ свою книгу *пособіемъ* при преподаваніи въ означенныхъ классахъ русской исторіи и полагаютъ, что изъ этого пособія преподаватель будетъ «выбирать» (?!) «для *усвоенія* учащимися то, что онъ считаетъ наиболѣе полезнымъ и важнымъ». Но что же надо будетъ считать «полезнымъ и важнымъ» въ разбираемомъ руководствѣ? Быть можетъ авторы хотѣли сказать, что преподаватель найдетъ наиболѣе *занятнымъ?* На первомъ планѣ, конечно, историческій анекдотъ и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ; «народъ безмолвствуетъ» по всему руководству, а если привлекается къ разсказу, то лишь какъ тѣсто, изъ котораго отдѣльныя лица лѣпятъ фигуры, какія угодно и какія нужно для ихъ цѣлей. Культурныя и бытовыя характеристики отсутствуютъ, исторической перспективы никакой, послѣдовательная смѣна явленій не намѣчается, преданія разсказываются не какъ преданія, а какъ дѣйствительные факты... Впрочемъ, не будемъ продолжать подобныхъ указаній, а поскольку позволяетъ мѣсто, приведемъ нѣсколько игривыхъ примѣровъ. О бытѣ славянъ не говорится ничего, зато читаемъ, напр., слѣдующее: «у славянъ не было государя, котораго бы всѣ слушались, и некому было установить между ними порядокъ» Порядокъ—созданіе лицъ, а не продуктъ исторической жизни народа. Такъ ли? Вѣче, читаемъ въ одномъ изъ примѣчаній, или народное собраніе напоминаетъ теперешнюю крестьянскую сходку. Одно неизвѣстное опредѣляется другимъ неизвѣстнымъ, а самая параллель едва ли можетъ претендовать на точность. Начальный періодъ испещренъ терминомъ «русскіе», а что подъ этимъ терминомъ разумѣется, неизвѣстно. Ольгу «народъ» полюбилъ за то, что она «всюду устанавливала оброки и дани». А что такое оброки и дани и какъ за это можно полюбить, тоже неизвѣстно. Эпизодъ съ Рогнѣдой занимаетъ въ книгѣ непонятное мѣсто и цѣль привлеченія этого анекдота тоже непонятна. На стр. 20 фигурируютъ

нѣмцы, а кто такіе нѣмцы, не родня ли они варягамъ, неизвѣстно; въ примѣчаніи же слову нѣмцы—маленькое недоразумѣніе: составители забыли, что разсказываютъ о 80-хъ годахъ X-го вѣка, а не о второй половинѣ XI-го. Быть можетъ, по ихъ мнѣнію, для учениковъ-малышей это все равно. На стр. 26—27 читаемъ статью о перемѣнѣ въ характерѣ Владиміра, которая начинается съ извѣстнаго разсказа лѣтописнаго свода о казни разбойниковъ. Разсказъ не на мѣстѣ и смыслъ его искаженъ. Статья «характеръ Ильи» втиснута случайно и заканчивается неумѣстнымъ лирическимъ изліяніемъ; оно звучитъ курьезно среди разсказовъ о битвахъ, дракахъ и звѣрствахъ, которымъ почему-то донынѣ приписывается большое воспитательное значеніе. Sic! О «Русской Правдѣ» на стр. 12 лучше было бы вовсе промолчать, чѣмъ давать частью представленіе невѣрное, а частью непонятное. Кстати: не лучше ли было бы писать книгу простымъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ вводить въ нее архаическія слова, какъ, напр., притомились, зачался. Чтобы оцѣнить стр. 46—58 въ разбираемой «Старинѣ русской земли», предлагаемъ читателю сопоставить ихъ съ первымъ раздѣломъ пятаго очерка г. Милюкова въ его книгѣ «Очерки по исторіи русской культуры». Зачѣмъ въ этотъ первый выпускъ «Старины» попали Царьградъ съ Коссовской битвой—секретъ составителей... Но скучно перебирать страницу за страницей «Старины русской земли»... Не воскресить нынѣ старой манеры историческаго изложенія, не создать на лирикѣ, анекдотѣ и сверхъестественности современнаго преподаванія исторіи... Наше отношеніе къ такимъ руководствамъ—только отрицательное, хотя мы должны отдать полную справедливость гг. Соколову и Хитрову, что они употребили титаническія усилія предстать предъ читателемъ въ наиболѣе художественномъ видѣ и не подражали гг. Елпатьевскимъ, Пузицкимъ и проч. Не ихъ, конечно, вина, если по существу имъ пришлось недалеко уѣхать отъ послѣднихъ.

Позвольте въ заключеніе два слова о предисловіи, которымъ снабжена книга. Оно написано весьма сдержанно и даже потревожена тѣнь Грановскаго въ защиту нѣкоторыхъ частей книги. Цѣль ея формулирована такъ: «съ одной стороны дать грамотному читателю общее представленіе объ историческомъ ходѣ русской жизни, а съ другой—показать, что въ ея прошломъ было хорошаго, добраго и высокаго, и такимъ образомъ, пробудить и развить къ нему сочувствіе и любовь». Общее представленіе объ историческомъ ходѣ русской жизни книга гг. Соколова и Хитрова дать *не* можетъ, ибо русскою жизнью, какъ таковой, она вовсе *не* занимается. Достиженіе этой первой цѣли дальше предисловія не идетъ и къ тому же расходилось бы съ концомъ послѣдняго, гдѣ рѣчь идетъ не о *грамотномъ читателѣ*, а объ ученикахъ средней школы. По поводу же второй цѣли, намѣченной составителями, надо замѣтить, что было бы лучше и приличнѣе, если бы послѣдніе забыли вовсе о ней упомянуть. *В. Сторожевъ.*

ПРАВО.

Анри Мишель. Идея государства.

Анри Мишель. Идея государства. Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. Переводъ съ 3-го просмотрѣннаго изданія. Спб. 1903. Стр. VIII+591. Цѣна 2 р. 50 к. Книга Мишеля, при скудости въ нашей литературѣ обстоятельныхъ и написанныхъ по первоисточникамъ обзоровъ исторіи государственно-правовыхъ идей, можетъ принести безспорную пользу богатствомъ, основательностью и провѣрен-

ностью своего фактическаго содержанія. Здѣсь нѣтъ ни граціозной, но совершенно ненужной болтовни, которая портитъ лучшія вещи Фагэ, ни злобствующаго тона Ипполита Тэна, ни наивнѣйшаго и не подозрѣвающаго о себѣ невѣжества многихъ (далеко не маленькихъ) французскихъ авторовъ относительно всего не-французскаго. Мы рекомендуемъ прочесть со вниманіемъ эту книгу нашей учащейся молодежи; *не* въ общихъ взглядахъ автора, но въ умѣло собранныхъ и изложенныхъ имъ фактическихъ указаніяхъ, она найдетъ много нужнаго и чрезвычайно полезнаго. Что касается общихъ воззрѣній Мишеля, то объ нихъ-то намъ и кажется нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Въ XVIII вѣкѣ было выработано индивидуалистическое понятіе на права, обязанности и соотношенія личности и общества; французская революція, по замѣчанію Мишеля, «вдохновлялась» этимъ понятіемъ. «Затѣмъ наступила громадная реакція, послѣдствія которой чувствуются еще и понынѣ. Какъ могло произойти, что это великодушное и поистинѣ освободительное индивидуалистическое міровоззрѣніе подверглось такимъ ожесточеннымъ нападкамъ, почти одержавшимъ побѣду?» Авторъ сначала задался цѣлью отвѣтить на этотъ вопросъ. Но, говоритъ онъ, по мѣрѣ болѣе близкаго ознакомленія съ тѣмъ, что въ настоящее время понимается подъ индивидуалистическою доктриною,— ему приходилось убѣждаться, что нынѣшнія «мутныя волны» индивидуализма весьма непохожи на первоначальный «чистый источникъ», т.-е. на доктрину XVIII столѣтія. Но, вмѣсто того, чтобы указать, *почему* это такъ случилось (и не могло не случиться), Мишель ограничивается лишь добросовѣстнымъ представленіемъ литературныхъ доказательствъ этого факта. А этимъ путемъ никакъ не отвѣтить на вопросъ, по какимъ причинамъ носительница индивидуализма—буржуазія изъ революціонной силы стала силою консервативною.

Далѣе. Мишель въ слѣдующихъ, совершенно правильныхъ словахъ, характеризуетъ французскую государственную идею XVII столѣтія (предшествовавшую индивидуалистическимъ стремленіямъ XVIII вѣка): «отсутствіе личныхъ правъ, которыя могли бы сдерживать публичную власть,—одна изъ характерныхъ чертъ теоріи государства во Франціи XVII вѣка...» «Власть признавалась происходящей отъ Бога, причемъ всѣ преимущества этой основной посылки распространялись на всякую власть, каковы бы ни были ея происхожденіе и ея форма...» «Безъ сомнѣнія, частныя лица обладали правами по отношенію другъ къ другу, но они были безправны передъ государствомъ». Все это такъ и было, но къ полному недоумѣнію читатель въ концѣ этой главы наталкивается на нижеслѣдующее: «надо ли прибавлять, что если бы, вмѣсто простого изложенія политической философіи XVII вѣка, мы занимались ея критическою оцѣнкой, намъ пришлось бы указать на услуги, оказанныя величію Франціи этой суровой доктриной государства, и даже на дозу нравственной красоты, содержащейся въ ней, благодаря постоянно предполагающемуся ею самоотреченію со стороны частныхъ лицъ; однако самоотреченію вынужденному, не добровольному и потому отчасти теряющему свою цѣну». Тутъ изумительны и это «отчасти», и таинственныя «услуги», оказанныя Франціи обнаженнѣйшимъ изъ всѣхъ возможныхъ сервилизмовъ, и эта «нравственная красота» самихъ сервилистовъ. Смѣемъ увѣрить всѣхъ, раздѣляющихъ приведенное сужденіе Мишеля, что такихъ «нравственныхъ красавцевъ», — какъ хотя бы придворный проповѣдникъ Боссюэ, дѣлавшій изъ своего господина Людовика XIV какого то земного Бога,—исторія знаетъ слишкомъ достаточно, хоть отбавляй.

Эта оцѣнка теоріи XVII вѣка стоитъ, впрочемъ, вполнѣ одиноко въ трудѣ нашего автора, являющагося горячимъ сторонникомъ индивидуалистической оппозиціи позапрошлаго столѣтія. Но и тутъ, въ изложеніи этого индивидуализма, мы наталкиваемся на нѣкоторыя странности.

*

По его словамъ, хотя индивидуалистическая мысль XVIII вѣка непреборима для весьма многихъ возраженій,—«но у нея все таки имѣется одно очень слабое мѣсто: ей почти всегда не достаетъ твердой основы... Они отличаются умѣньемъ краснорѣчиво и убѣдительно изложить свои моральные, юридическіе и политическіе тезисы; но они или совсѣмъ ничего не говорятъ, какъ Руссо, или очень кратки, какъ Кантъ, относительно принципа, на который опираются ихъ тезисы, и связи послѣднихъ съ основными началами философіи...» «Только современному мыслителю суждено было пополнить доказательство, оставленное индивидуалистами XVIII вѣка незаконченнымъ и какъ бы недоговореннымъ». Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ подлинникѣ (см. l'Idée de l'état, Paris 1896, стр. 77) сказано еще сильнѣе, «compléter la démonstration», т.-е. завершить, закончить, дополнить до конца (а не только «пополнить») дѣло доказательства правоты индивидуализма; во-вторыхъ, этотъ будто бы выполненный трудъ—приписывается философу Ренувье, котораго пламеннымъ приверженцемъ состоитъ Андри Мишель. Мы знакомы съ идеями Ренувье, и именно потому съ живѣйшимъ любопытствомъ обратились къ изложенію ихъ, сдѣланному Мишелемъ. Увы! оказалось то, чего мы и ожидали! Ничего похожаго на несокрушимое филофское обоснованіе индивидализма тамъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо чтобы представить таковое, очевидно, мало даже наикраснорѣчивѣйшей полемики противъ соціалистовъ; мало словесныхъ противуположеній «справедливости» и «любви»; мало и чрезвычайно несоригинальной критики «абсолютной и интегральной науки». Вслѣдъ за Ренувье и Мишель склоненъ главную массу враговъ индивидуализма дѣлить на три группы: 1) теократовъ, 2) позитивистовъ, и 3) соціалистовъ. Теократъ замѣняетъ автономію индивидуальнаго разума и индивидуальной воли—велѣніями церкви; «позитивистъ—волею первосвященника своей религіи; соціалистъ воображаетъ, что для преобразованія человѣчества достаточно преобразовать образъ жизни, создать внѣшнимъ путемъ совершенно новую общественную среду и помѣстить въ ней человѣка, забывая, что наилучшее общество окажется или сдѣлается дурнымъ, если члены ассоціаціи не хороши». Относительно теократовъ—спорить съ Ренувье и Мишелемъ нельзя, но уже относительно позитивистовъ ясно, что привнесена путаницы смѣшеніемъ позитивизма, какъ извѣстной философской школы съ сектою, придерживающейся «позитивистской», вѣрнѣе «контистской» церкви; ибо у приверженцевъ позитивизма самого по себѣ (но не этой, впрочемъ, всегда бывшей очень немногочисленною, секты) никакихъ «первосвященниковъ» не водится. Эта путаница отнюдь не можетъ содѣйствовать проясненію вопроса о цѣнности полемики противъ индивидуализма. Затѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что возраженія противъ третьей группы противниковъ индивидуализма—ни у Ренувье, ни у Мишеля особой убѣдительностью не отличаются. Противъ всякой болѣе или менѣе сложной общественной теоріи возможны серьезные аргументы и возраженія; мы хотимъ только сказать, что нашему автору, во всякомъ случаѣ, не удалось ихъ найти. Вся глава «научный соціализмъ»—самая слабая, неудачная и невыдержанная по тону—въ этой книгѣ. «Безконечная регламентація» и «грубая сила»—таковы черты, сопутствующія, по мнѣнію Мишеля соціализму. Но тутъ же оказывается, что «сбившійся съ пути» индивидуализмъ не въ состояніи представить соціализму ничего, кромѣ «слабыхъ и безплодныхъ возраженій». Вся бѣда въ томъ, что совершенно не выясненными остаются у Мишеля два обстоятельства: 1) въ чемъ это радикальное, глубокое противорѣчіе (и существуетъ ли оно вообще) между индивидуалистами XVIII вѣка и нынѣшними,—противорѣчіе, которое дѣлаетъ (или должно по мнѣнію Мишеля дѣлать) первыхъ непобѣдимыми, а вторыхъ «слабыми предъ лицомъ соціализма», и, 2) дѣйствительно ли борьба между индивидуализмомъ и соціализмомъ поддается литературному гармоническому растворенію въ тѣхъ туманныхъ фра-

захъ о «возвышенной, вполнѣ мирной, либеральной и прогрессивной доктринѣ», которыми кончается книга Мишеля; т.-е. дѣйствительно ли воскрешеніе и обновленіе индивидуализма, какимъ онъ былъ въ XVIII вѣкѣ, мыслимо теперь, и если мыслимо, въ самомъ ли дѣлѣ онъ разрѣшилъ бы наболѣвшіе вопросы междуклассовой борьбы? А что отвѣтитъ Мишель тому скептику, который скажетъ, что все это—одна фантазія? Вѣдь ничего похожаго на сколько-нибудь основательную аргументацію онъ не даетъ?

Итакъ, положительныя построенія Мишеля слабы и пришиты къ книгѣ безъ всякой нужды; его критика соціализма (особенно въ позднѣйшихъ стадіяхъ) полна произвольностей и неясностей; его общая историческая точка зрѣнія—слишкомъ устарѣла, въ его кругозоръ входитъ лишь борьба идей, а не борьба людей, литературная война, а не лежащая въ ея основѣ—война междуклассовая. Таковы главные и наиболѣе существенные недостатки книги. Если бы не они—книгу можно было бы оцѣнить, какъ рѣдкое по богатству содержанія и умѣлости изложенія явленіе научной литературы. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ она, говоримъ снова, чрезвычайно полезна и для систематическаго знакомства съ разнообразнѣйшими государственно-правовыми теоріями, и для справокъ.

Переведена она весьма литературно и точно. Есть немногія исключенія. Напр., V-й параграфъ «введенія» названъ такъ: «непрерывность этого движенія идей» и т. д., тогда какъ въ подлинникѣ читаемъ («L'idée de l'état», Paris, 1896, p. 655—оглавленіе): «Persistance de ce mouvement etc,». La persistance значитъ устойчивость, стойкость, а «непрерывность»—было бы l'interruption. На стр. 97 перевода читаемъ: «оно возникло не путемъ силы» и т. д., и здѣсь «оно» относится къ слову «общество», о которомъ раньше идетъ рѣчь; въ подлинникѣ же (l. c., p. 109) сказано ясно: «elle ne s'explique ni par la force» и т. д., дѣло идетъ объ *объясненіяхъ*, даваемыхъ факту, въ теоріяхъ Гоббса и Руссо. На стр. 138 перевода читаемъ: «между тѣмъ какъ въ этомъ случаѣ необходимо проникнуть въ самую природу вещей»; въ подлинникѣ же (l. c., p. 156): «tandis qu'il faut ici s'efforcer de pénétrer la nature même des choses», въ русскомъ переводѣ совсѣмъ пропущено слово s'efforcer. На стр. 223-й читаемъ: «сдѣлавъ эту двойную уступку позитивному направленію дѣйствительности, Кабе бросается, очертя голову, въ химеру». Подлинникъ же (l. c., 249) гласитъ: «cette double concession faite à l'esprit positif *et au sentiment* de la réalité» etc.; почему не передано превосходное и нужное здѣсь выраженіе «чувство дѣйствительности?» Зачѣмъ было пропускать подчеркнутое слово?

На стр. 452-й читаемъ неупотребительное на русскомъ языкѣ слово «боны»; подлинникъ (l. c., 540) употребляетъ выраженіе «les bons», которое можно было бы перевести словомъ чекъ, билетъ, квитанція (въ данномъ случаѣ это особенно удобно, ибо все равно въ контекстѣ это слово дополняется и разъясняется). На стр. 531 читаемъ: «теоретическій абсолютизмъ Сталя». Рѣчь здѣсь идетъ о нѣмецкомъ «философѣ реакціи» средины XIX-го вѣка—Шталѣ (Stahl). Замѣтили мы еще 4—5 небольшихъ промаховъ въ переводѣ. Но, повторяемъ, переводъ этотъ, въ общемъ, очень хорошъ.

Внимательно прочтя книгу Мишеля, читатели поблагодарятъ его за умѣло скомпонованное историческое изложеніе и простятъ ему несостоятельность и робость, недодуманность нѣкоторыхъ его основныхъ идей. Простятъ и такую, напримѣръ, путаницу, какъ та, которая изображена на стр. 566 (перевода): «Что касается опасности, которую представляетъ признаніе раціональныхъ или естественныхъ правъ, еще не вписанныхъ въ своды законовъ, но имѣющихъ занять тамъ мѣсто, извѣстно, что это одно изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противъ индивидуалистической философіи права, то эта опасность

существуетъ только въ обществахъ, гдѣ доступъ къ этимъ правамъ закрытъ для гражданъ, вопреки всякой справедливости. Въ такихъ случаяхъ неудобства, вызываемыя требованіями этихъ правъ, слѣдуетъ приписать, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени эгоизму или малодушію властей, отказывающихся санкціонировать ихъ. Кромѣ того, отстаиваніе этихъ правъ достойно порицанія только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно сопровождается насиліемъ, но мы имѣемъ въ виду лишь чистую теорію». Не угодно ли понять тутъ, чего желаетъ и о чемъ думаетъ авторъ? И какъ онъ представляетъ себѣ историческій процессъ? Чисто историческая часть труда (изложеніе и сопоставленіе теорій)—написана въ кабинетѣ ученаго; фразы, вродѣ только что приведенной, вышли какъ бы изъ дѣтской комнаты. А такъ какъ чисто-исторической части въ книгѣ несравненно больше, нежели собственныхъ соображеній автора, то мы, снова повторяемъ, рекомендуемъ нашимъ читателямъ съ нею ознакомиться. Внѣшняя сторона изданія превосходна во всѣхъ отношеніяхъ. *Евг. Тарле.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Литвиновъ-Фалинскій. „Страхованіе рабочихъ въ Германіи и возможность его въ Россіи". *А. Бансель.* „Кооперативизмъ".

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Книга г. Литвинова-Фалинскаго украшена, въ качествѣ эпиграфа, широковѣщательною выдержкою изъ оффиціальныхъ мотивовъ къ германскому законопроекту 1881 г. объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, выдержкою, которая гласитъ, что забота государства о нуждахъ слабѣйшихъ своихъ сочленовъ есть не только обязанность, налагаемая гуманностью и христіанствомъ, но и задача политики, оберегающей интересы самого государства. Эта политика «должна быть направлена къ тому, чтобы и въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія, какъ наиболѣе многочисленныхъ и наименѣе просвѣщенныхъ, вселять убѣжденіе, что государство есть учрежденіе не только необходимое, но и благодѣтельное...» Однако, содержаніе книги лишь въ самой незначительной степени оправдываетъ многообѣщающій эпиграфъ. Авторъ имѣетъ главною цѣлью облегчить правительственнымъ сферамъ постановку и разрѣшеніе возбужденныхъ нынѣ вопросовъ относительно обезпеченія рабочихъ въ различныхъ случаяхъ нужды. Поэтому онъ, исходя изъ глубокомысленнаго соображенія, что «слишкомъ широкія задачи нерѣдко задерживаютъ осуществленіе даже скромныхъ пожеланій», руководствуется не столько желательностью и необходимостью, сколько практическою возможностью проведенія въ жизнь тѣхъ или другихъ начинаній. Такой поссибилизмъ, естественно, приводитъ автора къ поверхностнымъ и одностороннимъ выводамъ, хотя въ фактической части своего изслѣдованія г. Л.-Фалинскій обнаруживаетъ солидное знаніе русскаго промышленнаго міра. Но примѣняющаяся къ обстоятельствамъ точка зрѣнія автора неблагопріятно отражается даже въ обстоятельномъ изложеніи организаціи и практики страхованія рабочихъ въ Германіи. Г. Л.-Фалинскій съ почтительнымъ восторгомъ говоритъ о германскомъ законодательствѣ, которое непрестанно развивается и пріобрѣтаетъ все большее вліяніе на жизнь необезпеченныхъ классовъ. Съ 1881 г., когда Вильгельмъ I заявилъ въ своемъ извѣстномъ указѣ, что «борьба съ разрушительными соціалъ-демократическими стремленіями должна вестись не только мѣрами репрессивными, но и положительными, имѣющими въ виду улучшеніе благосостоянія рабочихъ», германскій рейхстагъ почти еже-

годно принималъ законопроекты, направленные къ удовлетворенію настоятельныхъ нуждъ рабочаго класса. Въ настоящее время Германія обладаетъ широко организованнымъ страхованіемъ рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, а также инвалидности и старости. Въ 1900 г. изъ 56-ти милліоновъ всего населенія Германіи было застраховано 42 милліона, т.-е. германское страхованіе охватило почти всю трудовую часть страны, не исключая лицъ, занятыхъ въ мелкой домашней и сельскохозяйственной промышленности. Принципъ обязательности страхованія оказался, вопреки мрачнымъ предсказаніямъ, вполнѣ плодотворнымъ и цѣлесообразнымъ. Г. Л.-Фалинскій самыми розовыми красками изображаетъ вліяніе обязательнаго страхованія на всю общественную и промышленную жизнь Германіи. По его словамъ, заработная плата повысилась, число обезпеченныхъ людей увеличилось, отношенія между предпринимателями и рабочими пріобрѣли болѣе мирный характеръ и т. п. «Страхованіе явилось вѣрнымъ средствомъ къ развитію матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія и правосознанія среди недостаточнаго класса населенія. Оно же явилось противодѣйствіемъ грубымъ проявленіямъ насилія съ той и другой стороны». Совмѣстное участіе предпринимателей, рабочихъ и государства (послѣдняго—только въ обезпеченіи инвалидности и старости) кажется г. Л.-Фалинскому зарею новаго міра соціальной гармоніи. Едва ли есть необходимость въ доказательствахъ невѣрности такого крайняго оптимизма. Если даже ошибается Бебель, сказавшій на-дняхъ въ рейхстагѣ: «мы отдадимъ вамъ всѣ ваши законы о страхованіи рабочихъ за свободу коалицій и союзовъ» («Р. Вѣд.» № 40), то все же скептики могутъ сослаться на умѣреннаго проф. Геркнера, который также «не можетъ удовлетвориться узкимъ бюрократически-техническимъ рѣшеніемъ» рабочаго вопроса, проводимымъ въ Германіи подъ вліяніемъ идей государственнаго соціализма. Кромѣ того, вопросъ о благодѣтельномъ значеніи страхованія чрезвычайно осложняется всевозможными привходящими условіями, какъ это видно изъ второй части труда г. Л.-Фалинскаго. Успѣшность германскаго страхованія, несомнѣнно, зависѣла отъ политической и общественной подготовленности нѣмецкихъ рабочихъ и предпринимателей и отъ наличности культурныхъ формъ дѣятельности. Россія находится совершенно въ иномъ положеніи. Наши предприниматели, по характеристикѣ г. Л.-Фалинскаго, въ значительной части отличаются высокомѣрнымъ и безучастнымъ отношеніемъ къ рабочему народу и притомъ находятся на самой низшей ступени развитія самодѣятельности. Къ такимъ же малоутѣшительнымъ заключеніямъ приходитъ авторъ и относительно самодѣятельности нашихъ рабочихъ. Правда, онъ признаетъ, что «въ послѣднее время замѣчаются нѣкоторые признаки пробужденія нашихъ рабочихъ», что «по мѣрѣ развитія промышленности и концентраціи ея въ крупныхъ центрахъ, правосознаніе рабочихъ, несомнѣнно, возрастаетъ, но подготовка общей массы ихъ къ воспріятію новыхъ идей требуетъ еще продолжительнаго времени, такъ какъ навыкъ къ организаціи является слѣдствіемъ долгой привычки къ самоустройству. Между тѣмъ, у насъ еще не созданы подходящія формы для общественнаго воспитанія рабочей массы. Одни виды самодѣятельности рабочихъ не находятъ себѣ поддержки въ законѣ и даже прямо запрещаются; другіе же—хотя и дозволены, но находятся въ зачаточномъ состояніи». Поэтому, г. Л.-Фалинскій полагаетъ, что государство у насъ должно принять на себя болѣе рѣшающую роль, чѣмъ въ Германіи. Однако, эта роль, по проекту автора, сводится лишь къ установленію законодательнымъ порядкомъ обязательности страхованія и надзору за веденіемъ и ходомъ дѣла, но, ни въ какомъ случаѣ, не сопровождается матеріальнымъ участіемъ государства въ обезпеченіи нуждъ рабочихъ. Для удовлетворенія послѣднихъ г. Л.-Фалинскій указываетъ исключительно на взаимно-страховыя общества предпринимателей, уже начинающія

развиваться въ Россіи, и на вспомогательно-сберегательныя кассы по образцу нынѣшней желѣзнодорожной пенсіонной кассы. И тѣ и другія, конечно, являются такимъ ничтожнымъ пріобрѣтеніемъ въ соціальной борьбѣ, что жертвовать для нихъ «желательнымъ и необходимымъ» можетъ, конечно, только недомысліе поссибилистовъ. *Ник. Іорданскій.*

А. Бансель. Кооператизмъ. Экономическіе очерки. Переводъ съ французскаго Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. № XCV. М. 1903. Стр 146. Ц. 60 к. Это изданіе фирмы «Посредника» нужно признать безусловно неудачнымъ. Отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ по основнымъ вопросамъ, путаница понятій, безпорядочность изложенія, небрежное отношеніе къ историческому и статистическому матеріалу, все это дѣлаетъ книгу Банселя совершенно непригодной какъ для первоначальнаго общаго ознакомленія съ «кооператизмомъ», такъ и въ качествѣ пособія для справокъ. «Кооператизмъ руководится духомъ братства», говоритъ авторъ на стр. 45. Это не мѣшаетъ ему отнести къ «кооператизму» цѣлый рядъ союзовъ и организацій, построенныхъ исключительно на соображеніяхъ коммерческихъ, а въ одномъ мѣстѣ прямо заявляется: «Кооператизмъ приходитъ одинаково на помощь всѣмъ классамъ общества, не принимая въ разсчетъ различія убѣжденій и интересовъ» (135). Еще хуже выходитъ, когда авторъ начинаетъ оправдываться въ безпорядочности своего изложенія: «Всѣ эти ассоціаціи, — говоритъ онъ про строительныя общества,—чужды кооперативнаго духа; но въ виду того, что въ нѣкоторыхъ довольно рѣзко проявляется кооперативный характеръ, мы не сочли возможнымъ обойти ихъ молчаніемъ» (127). Итакъ, «кооперативный духъ» отсутствуетъ, а «кооперативный характеръ» «довольно рѣзко» проявляется. Фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ книжкѣ, пользоваться не только затруднительно, но и опасно. Чтобы не быть голословными, укажемъ на главу о «федеративныхъ или соединенныхъ кооперативныхъ обществахъ и оптовыхъ магазинахъ». Исторія англійскаго общества оптовыхъ закупокъ изложена здѣсь такъ странно, что относительно нѣкоторыхъ цифръ нельзя опредѣлить, къ чему онѣ относятся, къ самому ли обществу оптовыхъ закупокъ, или къ его отдѣленіямъ или къ отдѣльнымъ потребительнымъ обществамъ. Одно и то же учрежденіе называется то «обществомъ оптоваго склада», то «соединеннымъ кооперативнымъ обществомъ», то «соединеннымъ манчестерскимъ обществомъ», то «англійскимъ Волезалемъ». На стр. 66 отдѣленія этого оптового склада смѣшиваются съ отдѣленіями банка. На ст. 69 приводится въ процентахъ увеличеніе оборотовъ оптового склада безъ указанія времени, къ которому это увеличеніе относится: увеличилась, напр., продажа съѣстныхъ припасовъ на 33%, но произошло ли это увеличеніе въ 1 годъ или въ 30 лѣтъ, остается неизвѣстнымъ. На стр. 73 говорится «о числѣ участвующихъ *лицъ*», а въ дѣйствительности приводятся цифры, обозначающія число участвующихъ *обществъ*. На стр. 65 сказано: «Въ настоящее время каждое общество, которое желаетъ принять участіе въ устройствѣ общества оптового склада въ Англіи, должно имѣть столько паевъ по 375 франковъ, сколько въ немъ членовъ». Въ дѣйствительности же пай въ 375 франковъ нужно брать не на каждаго члена, а на каждыхъ 20 членовъ. Иногда трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ начинается вина переводчика и гдѣ вина автора. Во всякомъ случаѣ, переводъ тоже нужно признать неудовлетворительнымъ.

А. Рыкачевъ.

ФИЛООСФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Э. Гартманъ. „Современная психологія".

Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Современная психологія. Критическая исторія нѣмецкой психологіи за вторую половину XIX-го вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ редакціей М. М. Филиппова. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1902. Ц. 2 р. 25 к. Подъ «современной психологіей» авторъ разумѣетъ психологію второй половины XIX-го столѣтія, начиная съ момента появленія первыхъ капитальныхъ произведеній Фехнера и Лотце. Дать обзоръ воззрѣній современныхъ психологовъ, преимущественно нѣмецкихъ, и путемъ сопоставленія различныхъ мнѣній по спорнымъ вопросамъ придти къ выясненію ихъ—такова задача его книги. Выполнить эту задачу, выяснить спорные вопросы и достигнуть такого разрѣшенія ихъ, которое могли бы принять психологи всѣхъ направленій, по мнѣнію автора, возможно лишь тогда, когда мы сдѣлаемъ психологическія теоріи независимыми отъ теоретико-познавательныхъ, когда мы будемъ изслѣдовать эти вопросы чисто психологически. Въ то время какъ согласія относительно теоретико-познавательныхъ воззрѣній не предвидится, на указанномъ пути тѣмъ болѣе можно надѣяться на успѣхъ, что здѣсь есть пунктъ, въ которомъ сходятся психологи всѣхъ направленій. Этотъ пунктъ, методъ психологіи: всѣ современные психологи согласны между собою въ томъ, что нужно исходить изъ непосредственно-даннаго и искать объясненіе его индуктивнымъ путемъ, выходя ради этого за непосредственно данное, т.-е. примысливая гипотетическіе элементы, годность которыхъ и измѣряется ихъ способностью объяснять факты. При такомъ согласіи относительно метода психологіи уже легко разрѣшить, полагаетъ авторъ, всѣ разногласія психологовъ относительно другихъ пунктовъ, въ частности кардинальный психологическій вопросъ о задачѣ психологіи, т.-е. вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать объясненія психологическихъ феноменовъ. Выясненію этого послѣдняго вопроса, главнымъ образомъ, и посвящаетъ авторъ свою книгу: въ однѣхъ главахъ онъ сопоставляетъ и критикуетъ различныя мнѣнія психологовъ относительно его; въ другихъ же пытается освѣтить этотъ вопросъ путемъ изслѣдованія его на конкретныхъ случаяхъ. Онъ полагаетъ, что то разрѣшеніе его, которое даютъ защитники такъ называемой чистой психологіи, должно быть отклонено. Всякая попытка найти объясненіе психическихъ явленій, не выходя за предѣлы сознанія, не прибѣгая къ допущенію безсознательнаго, противорѣчитъ уже самой задачѣ объясненія: въ переживаемомъ нами содержаніи сознанія обнаруживаются только измѣненія, поэтому изъ него мы не можемъ почерпнуть ни его внутренней зависимости, ни законовъ, которыми оно регулируется. Также, по мнѣнію автора, должна быть признана недостаточною попытка сторонниковъ физіологической психологіи искать объясненіе психическихъ явленій въ безсознательномъ матеріальномъ, въ физіологическихъ условіяхъ психической жизни. Хотя физіологическая психологія и можетъ объяснить навыкъ, привычку, ловкость, память, способность воспроизведенія представленій, основы ассоціаціи и т. д., однако, она не въ силахъ понять логическія, эстетическія и этическія связи представленій изъ механическихъ процессовъ мозга; она не способна вообще объяснить что-нибудь, выходящее за предѣлы достигнутаго уже состоянія душевной жизни, она не способна выяснить какіе бы то ни было творческіе синтезы. Изъ подобныхъ же соображеній должна быть отклонена гипотеза психо-физическаго параллелизма, объединяющая въ себѣ оба предшествующія направленія. Наконецъ, не выполняетъ требованій истинно-научной гипотезы и та гипотеза, которую полагаетъ въ

свою основу психологія безсознательнаго, пытающаяся объяснить всѣ психическія явленія исключительно изъ безсознательно-психическихъ дѣятельностей. Правда, эта гипотеза въ состояніи объяснить творческіе синтезы, логическіе, эстетическіе и этическіе законы и т. д., однако, она должна, съ одной стороны, оставить безъ объясненія фактъ облегченія воспроизведенія черезъ повтореніе, съ другой стороны, отрицать воспроизведеніе ощущенія, игнорировать фактическое образованіе представленій и т. п.: она, слѣдовательно, недостаточна, поскольку не принимаетъ во вниманіе физіологическихъ условій психической жизни. Отсюда уже ясно, что истинная гипотеза для объясненія психическихъ явленій должна принимать во вниманіе какъ ихъ физіологическія условія, такъ и безсознательно-психическія дѣятельности. Только эта гипотеза вполнѣ удовлетворяетъ фактамъ, только она даетъ полное истинное объясненіе ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стоитъ въ полной гармоніи съ динамическою гипотезою объясненія естественно-научныхъ феноменовъ, начинающей въ настоящее время пріобрѣтать въ области естествознанія все болѣе и болѣе сторонниковъ.

Мы съ намѣреніемъ болѣе подробно остановились на изложеніи воззрѣній Гартмана. Его попытка разрѣшить основные психологическіе вопросы чисто психологическимъ путемъ, не касаясь теоретико-познавательныхъ взглядовъ тѣхъ или другихъ критикуемыхъ имъ авторовъ, очень типична для настоящаго времени: нынѣ едва ли найдется хотя одинъ психологъ, который не мечталъ бы объ этомъ. Однако уже тотъ фактъ, что до сихъ поръ эти мечтанія не осуществились, тотъ фактъ, что всѣ попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи, не дали плодотворныхъ результатовъ, показываетъ, что въ данномъ случаѣ психологи врядъ ли заняли правильную позицію, и настоятельно выдвигаетъ необходимость изслѣдовать, дѣйствительно ли возможно разрѣшить основные психологическіе вопросы чисто психологическимъ путемъ, не касаясь тѣхъ теоретико-познавательныхъ основъ, на которыхъ, повидимому, покоятся различныя рѣшенія ихъ. Помимо вопроса о методѣ психологіи, относительно котораго, по мнѣнію Гартмана, между психологами царитъ трогательное согласіе и котораго поэтому мы здѣсь не будемъ касаться, къ ардинальнымъ психологическимъ вопросамъ относится вопросъ о задачѣ психологіи, вопросъ о томъ, какова закономѣрность психическихъ феноменовъ. Такимъ образомъ передъ нами и лежитъ задача изслѣдовать, возможно ли установить закономѣрность психическихъ феноменовъ чисто психологическимъ путемъ. Принципъ объясненія фактовъ, закономѣрность ихъ, какъ показалъ Кантъ, не можетъ быть доказана изъ опыта просто уже потому, что она есть условіе возможности самого опыта. Гартманъ самъ близокъ къ такому пониманію. Онъ пишетъ: «наукою психологія становится лишь тогда, когда она приступаетъ къ установленію закономѣрныхъ связей и, слѣдовательно, черезъ опытъ идетъ дальше къ гипотезамъ, которыми объясняется опытъ. Здѣсь описаніе не ведетъ рѣшительно ни къ чему, такъ какъ связи никогда не даются въ опытѣ...» Для насъ не важно здѣсь, что принципы объясненія авторъ называетъ гипотезами, важно его признаніе, что онѣ не могутъ быть почерпнуты изъ опыта. Однако если эти принципы и не заимствуются изъ опыта, то во всякомъ случаѣ, полагаетъ авторъ, они должны контролироваться опытомъ; правильность или неправильность ихъ зависитъ отъ того, въ состояніи ли они дать полное объясненіе фактамъ или нѣтъ. Это утвержденіе безъ сомнѣнія противорѣчитъ первому положенію автора; разъ закономѣрность фактовъ, принципъ объясненія ихъ не почерпается изъ опыта, разъ только этотъ принципъ и объясняетъ факты, т.-е. устанавливаетъ научный опытъ, то, очевидно, истинность его самого уже не можетъ доказываться изъ послѣдняго. Такимъ образомъ, вопросъ о закономѣрности психическихъ феноменовъ не можетъ быть рѣшенъ на осно-

ваніи фактовъ, слѣдовательно, изслѣдованіе его подлежитъ вѣдѣнію не психологіи, а теоріи познанія, говоря точнѣе, логики. Поэтому-то и попытка Гартмана достигнуть разрѣшенія основного психологическаго вопроса психологическимъ же путемъ оказалась неплодотворною; мы не находимъ въ его книгѣ дѣйствительной критики воззрѣній другихъ психологовъ, а лишь догматическое противопоставленіе имъ своихъ собственныхъ взглядовъ. Но если автору и не удалось доказать истинность своихъ взглядовъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что они дѣйствительно ложны. Его взглядъ на задачу психологіи, его попытка дать психическимъ феноменамъ динамическое объясненіе, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія; здѣсь конечно, мы этого пункта касаться не будемъ, такъ какъ споръ между механизмомъ и динамизмомъ еще не оконченъ и требуетъ всесторонняго обсужденія.

Переводъ книги Гартмана едва ли можно назвать удовлетворительнымъ. Не говоря уже о безчисленныхъ стилистическихъ погрѣшностяхъ и неточностяхъ, въ немъ часто встрѣчаются искаженія смысла и неправильности. Такъ на стр. 18 «...so verschwindet damit nicht sowohl der Gegenstand der Psychologie, als der der Naturwissenschaft, und...», переведено: «... вмѣстѣ съ этимъ все-же не исчезаетъ ни предметъ психологіи, ни содержаніе естествознанія, и будетъ...» тогда какъ надо: «вмѣстѣ съ этимъ *не столько* пропадаетъ предметъ психологіи, *сколько* предметъ естествознанія...» (мы намѣренно приводимъ буквальный переводъ). На стр. 21 «Bewusstseinstranszendent» переводится выраженіемъ «трансцендентное сознаніе», тогда какъ слѣдуетъ «трансцендентное для сознанія». На стр. 61: «Wille existiert nur als bestimmt wirkender; so aber ist er das widerstreitende und dadurch sondernde, individuierende, d.h. Selbstbehauptungsmacht oder Eigenwille», переведено: «воля существуетъ только какъ опредѣленно дѣйствующая, въ противномъ случаѣ она представляетъ собою нѣчто противорѣчивое и т. д.»; слѣдуетъ перевести: «...опредѣленно дѣйствующая; поэтому, однако...». На стр. 116 переведено: «непосредственно дѣйствующей въ процессѣ освобожденія можетъ быть только реальная функція представленія, а не представленія, какъ имманентнаго (внутранне - присущаго) содержанія сознанія»; между тѣмъ слѣдуетъ перевести: «...а не представленіе, какъ имманентное содержаніе сознанія», ибо въ нѣмецкомъ текстѣ стоитъ: «...aber nicht die Vorstellung, als immanenter Bewusstseinsinhalt». На стр. 194 «das Begehren ist Aufstreben einer Vorstellungdisposition zum Empfindung oder...» переведено совершенно непонятно: «желаніе есть возрожденіе расположенія къ представленію въ ощущеніи или...». На стр. 223 «...aber es braucht nicht das begleitende gegenständliche Bewusstsein davon, ob die eigene Kraft zum Bewirken...» слово «davon» переводится словами «въ зависимости отъ того», чѣмъ совершенно искажается мысль автора. Указанными неправильностями отнюдь не исчерпываются всѣ грубые недостатки въ передачѣ мыслей Гартмана, встрѣчающіеся въ переводѣ г. Котляра: перечислить всѣ нѣтъ возможности въ короткой журнальной рецензіи.

Терминологію въ переводѣ г. Котляра также нельзя назвать совершенно безукоризненной. Часто не соблюдается единство терминовъ: напр., «sinnliches Gefühl» передается сначала правильно словами «чувствованіе связанное съ ощущеніемъ» (стр. 159); потомъ, повидимому, переводчика или редактора не удовлетворяетъ это выраженіе, и оно замѣняется другимъ уже неправильнымъ «чувственное ощущеніе», неправильнымъ потому, что чувственное ощущеніе по-нѣмецки переводится «sinnliche Empfindung». Наконецъ, и это выраженіе откидывается и замѣняется неуклюжимъ терминовъ «чувственное чувствованіе» сначала на 159 стр., а потомъ на 179, гдѣ онъ въ примѣчаніи окончательно санкціонируется редакторомъ, хотя, къ слову сказать, нѣсколько поздно. Термины «Trieb» и «Streben» не вполнѣ разграничиваются другъ отъ друга даже

тамъ, гдѣ разграниченіе ихъ авторъ проводитъ строго (на стр. 166). Слово «Sensation» слѣдовало бы передать терминомъ «ощущеніе», а не «чувствованіе» (стр. 45 и 46): у Фортлаге оно соотвѣтствуетъ гартмановскому ощущенію въ широкомъ смыслѣ слова. «Percepticn» неправильно передать словомъ «воспріятіе», проще всего въ этомъ случаѣ было бы употребить терминъ «перцепція»: онъ въ русскомъ языкѣ уже пріобрѣлъ право гражданства.

Къ довершенію всего въ переводѣ встрѣчаются пропуски. Напр., на стр. 8 послѣ словъ «отношеніе между ощущеніемъ и чувствованіемъ и между чувствованіемъ и волей» пропущены полторы строки: «возникновеніе чувствованія изъ представленія, или ощущенія изъ чувствованія, значеніе чувствованія при процессѣ мотивацiи...» Подобный же пропускъ есть на стр. 25.

Наконецъ въ переводѣ довольно часто попадаются грубыя опечатки. На стр. 24 (25 строка сверху) вмѣсто слова «сознательнаго» стоитъ слово «безсознательнаго»; на стр. 40 (19 строка сверху) вмѣсто слова «лишеннымъ» напечатано «не лишеннымъ»; на стр. 53 (15 стр. сверху) вмѣсто «содержаніе сознанія» стоитъ «созерцаніе сознанія» и т. д. *N. N.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Тезяковъ. „Рынки найма".—*І. Литинскій.* „Петербургскія болѣзни".—*Л. Мороховецъ.* „Записки врача" В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики.

Тезяковъ. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Вып. I и II. Спб. 1902 г. Цѣна не обозначена Каждую весну на огромномъ пространствѣ Россіи происходитъ массовое передвиженіе деревенской бѣдноты, устремляющейся на югъ, въ чаяніи найти заработокъ на тамошнихъ степяхъ. По недѣлямъ и мѣсяцамъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ одного рынка къ другому скитаются въ погонѣ за кускомъ хлѣба эти люди,—голодные, беззащитные, неимѣющіе крова, почти нищіе. Сколько тутъ времени теряется даромъ, сколько силъ растрачивается понапрасну и какъ тяжело отражается на здоровьѣ все, что приходится испытывать, путешествуя, главнымъ образомъ пѣшкомъ за сотни верстъ,—это не поддается учету и оцѣнкѣ.

Такъ было 20 и 30 лѣтъ тому назадъ, такъ же безъ перемѣнъ продолжаетъ оставаться и теперь, а если и явились какія-нибудь перемѣны, то только къ худшему, вслѣдствіе увеличившагося обѣднѣнія деревни и растущаго несоотвѣтствія между предложеніемъ труда и его спросомъ. Объ исключительно ненормальныхъ условіяхъ такъ назыв. отхожаго земледѣльческаго «промысла» писалось много, но лежащіе передъ нами выпуски труда извѣстнаго изслѣдователя этого вопроса Н. И. Тезякова далеко не могутъ считаться лишними. Еще разъ воспроизводя безобразную обстановку, въ какую попадаетъ «бродячая Русь» во время скитаній по чужой сторонѣ, этотъ новый его трудъ даетъ описаніе всѣхъ главныхъ пунктовъ юга Россіи, гдѣ скопляются сельскохозяйственные рабочіе, чтобы продать свою силу; такой полной сводки свѣдѣній, пріобрѣтающей цѣну справочнаго изданія, до сихъ поръ не было, а многія данныя, лично добытыя авторомъ о мало-изслѣдованныхъ юго-восточныхъ мѣстностяхъ, появляются въ печати впервые. Матеріалъ расположенъ по губерніямъ, округамъ и отдѣльнымъ пунктамъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Самарской, Симбирской губерній, области Войска Донского, Кубанской и Терской областей. При описаніи пунктовъ огромного района, автору приходится постоянно повторяться, потому что повторяются повсюду одни и тѣ же тягостныя явленія, и получающееся вслѣдствіе этого однообразіе книги

очень печально. Отсылая интересующихся массою собраннаго фактическаго матеріала къ самой книгѣ, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся выводовъ и обобщеній автора.

Во-первыхъ, приводя различныя цифры, слѣдовало бы знакомить съ способами, какими онѣ собирались; иначе читатели лишены возможности оцѣнивать правильно эти цифры; намъ, напримѣръ, извѣстно, что числа зарегистрированныхъ въ Херсонской губерніи рабочихъ (см. стр. 32) не могутъ считаться вполнѣ точными, такъ какъ часто попадаютъ въ счетъ повторно записанныя и что онѣ не одинаково точны въ отдѣльные годы.

Во-вторыхъ, авторъ не всегда правильно пользуется цифрами. Вотъ примѣры. На стр. 38, 46—47, 55, сдѣланы неправильныя сопоставленія заболѣваемости пришлыхъ рабочихъ и мѣстнаго населенія; вслѣдствіе разницы этихъ двухъ группъ въ возрастномъ составѣ — среди мѣстнаго населенія всѣ возрасты, а среди рабочихъ только рабочіе — приведенныя данныя совершенно несравнимы и никакимъ выводамъ не подлежатъ; на стр. 55 по отношенію къ цифрамъ по Самарской губерніи авторъ самъ объясняетъ инымъ возрастнымъ составомъ мѣстнаго населенія его бо́льшую заболѣваемость болѣзнями пищеварительныхъ органовъ. Въ другомъ мѣстѣ книги приведено совсѣмъ ничего не говорящее дѣленіе заболѣваемости рабочихъ по группамъ въ зависимости отъ способовъ путешествія. Цифры очень невелики, чтобы давать право на выводы и, кромѣ того, онѣ случайны, такъ какъ группы, различающіяся по способамъ передвиженія, часто бываютъ различны также по мѣстностямъ, по времени выхода изъ дому, по половому и возрастному составу. Но авторъ, тѣмъ не менѣе пытается (на стр. 40) строить на сомнительныхъ основаніяхъ выводы и не останавливается даже передъ очевидной несообразностью, заявляя, что ѣзда на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ истощаетъ рабочихъ больше, чѣмъ путешествіе пѣшкомъ; выводитъ онъ это изъ того факта, что изъ обращавшихся за медицинскою помощью рабочихъ среди $3^1/_2$ тыс., шедшихъ пѣшкомъ лихорадка была обнаружена у 5%, а среди 800 чел. шедшихъ не только пѣшкомъ, а пользовавшихся вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзной дорогою, пароходами и пр., 8—9%. Съ одинаковымъ правомъ на основаніи той же таблички можно было бы сдѣлать выводъ, что вдыханіе дорожной пыли благотворно вліяетъ на дыхательные органы, ибо среди рабочихъ, шедшихъ вмѣстѣ съ подводами не было заболѣваній этими органами, а среди другихъ группъ они составляли 3—7% всѣхъ заболѣваній...

Кромѣ недостаточности критики автора, слѣдуетъ подчеркнуть также необоснованный его оптимизмъ. Въ самомъ началѣ книги, расшаркиваясь передъ попечительствомъ о домахъ трудолюбія, обратившемъ свое благосклонное вниманіе на врачебно-продовольственные пункты, онъ выражаетъ надежду, что благодаря этому вниманію пункты получатъ распространеніе. Быть можетъ, мы мрачнѣе, чѣмъ авторъ, настроены, но на насъ много большее впечатлѣніе производятъ факты иного рода — имя же имъ легіонъ, изъ которыхъ нѣкоторые не остались неотмѣченными и въ рецензируемой книгѣ: на стр. 16 говорится, что съѣздъ херсонскихъ врачей по независящимъ обстоятельствамъ не могъ обсудить вопроса о санитарной организаціи въ мѣстахъ скопленія сельскихъ рабочихъ; на стр. 33 упомянуто, что въ 1899 г. «по особымъ обстоятельствамъ» работа на врачебно-продовольственныхъ пунктахъ херсонскаго земства была поручена не студентамъ-медикамъ, а фельдшерамъ (можетъ быть, авторъ не знаетъ, что «особыя обстоятельства» продолжаются и по сей день и что они свели почти на нѣтъ значеніе пунктовъ, не имѣющихъ теперь прежнихъ интеллигентныхъ и самоотверженныхъ работниковъ); на стр. 42 приведена выдержка изъ доклада херсонской губернской земской управы о новыхъ затрудненіяхъ, которыми обставляется дѣятельность пунктовъ. Мы не можемъ

также присоединиться къ вѣрѣ Н. И. Тезякова въ посредническія конторы и вмѣстѣ съ нимъ называть тѣ опыты, которые имѣли мѣсто въ Самарской губерніи «удачными шагами». Да и никого, думаемъ, не убѣдятъ въ этомъ приводимые имъ факты: въ симбирскую контору за нѣсколько мѣсяцевъ дѣятельности поступило всего 31 требованіе на 1950 человѣкъ рабочихъ, а удовлетворено изъ нихъ только 6 на 199 человѣкъ, въ остальныхъ же случаяхъ сдѣлка не могла состояться, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостаточности предложенныхъ предпринимателемъ цѣнъ или же вслѣдствіе предпринимательской недобросовѣстности; въ сызранскую контору заявлено 30 требованій, удовлетворена половина ихъ (130—140 рабочихъ), въ остальныхъ случаяхъ препятствовали тѣ же причины, что и въ симбирской. А, кромѣ того, намъ помнятся сообщенія, какъ рабочіе, отправленные конторами въ отдаленныя губерніи, обманывались въ своихъ разсчетахъ, какъ, напримѣръ, въ Елисаветградѣ въ 1899 или 1900 гг. нищенствовала одна партія такихъ рабочихъ, принужденная оставить хозяина, не исполнившаго своихъ обязательствъ, пока, наконецъ, не была отправлена на благотворительный счетъ на родину... Но это большая тема и не мѣсто ей здѣсь. Книжкѣ же Н. И. Тезякова желаемъ всяческаго распространенія. При всей поспѣшности, съ какою видимо она была составлена, и несмотря на отмѣченныя недостатки, она должна сослужить добрую службу въ дѣлѣ уврачеванія одного изъ больныхъ вопросовъ нашей жизни. Врачъ *В. Х—овъ.*

Д-ръ І. А. Литинскій. Петербургскія болѣзни. Вып. І. Болѣзнь вѣка — неврастенія. Цѣна 30 к. Вып. ІІ. Малокровіе и блѣдная немочь. Цѣна 25 коп. Вып. ІІІ. Современная чума — чахотка. Цѣна 40 коп. Спб. 1903 г. Подъ нѣсколько страннымъ общимъ заглавіемъ «Петербургскія болѣзни» авторъ, какъ видно изъ предисловія къ первой книжкѣ, имѣетъ въ виду дать цѣнный рядъ популярныхъ очерковъ по медицинѣ.

Названіе «петербургскія болѣзни», конечно, ничѣмъ не оправдывается. Если бы авторъ далъ своимъ книжкамъ названіе «болѣзни большихъ городовъ», то онъ былъ бы болѣе правъ, но и то не совсѣмъ, такъ какъ описываемыя имъ болѣзни встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ и въ небольшихъ городахъ.

Но неудачное названіе нисколько не умаляетъ достоинства книжекъ, предназначаемыхъ для большой городской публики, чрезвычайно легкомысленной по части медицинскихъ вопросовъ.

Весьма естественно, если больной, обращающійся къ врачу, желаетъ имѣть какое-нибудь представленіе о своей болѣзни и врачъ обязанъ удовлетворить законное любопытство своего паціента, и въ этомъ смыслѣ книжки д-ра Литинскаго могутъ принести пользу и больнымъ и врачу, который можетъ отослать своихъ паціентовъ къ брошюрамъ названнаго автора.

Предназначая свои книжки для публики, г. Литинскій вполнѣ справедливо избѣгаетъ всякихъ указаній по леченію, которое должно быть всецѣло въ рукахъ пользующаго врача, и съ этой точки зрѣнія представляются излишними и даже тѣ краткія замѣтки, которыя даетъ авторъ подъ названіемъ «фармацевтическій методъ лѣченія».

Въ книжкѣ о чахоткѣ слѣдовало бы, какъ намъ кажется, удѣлить больше вниманія общественнымъ мѣрамъ борьбы съ этой болѣзнью, такъ какъ надо пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы знакомить нашу публику съ тѣмъ, что въ этомъ направленіи дѣлается.

Въ общемъ книжки д-ра Литинскаго представляются очень полезными, написаны онѣ хорошимъ языкомъ и очень изящно изданы. Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Проф. Левъ Мороховецъ. Записки врача В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики. Труды каѳедры исторіи и энциклопедіи медицины

московскаго университета. Т. I, вып. 2. Москва. 1903 г. Цѣна не обозначена. Ничего пошлѣе, чѣмъ книжка проф. Мороховца, мы давно не читали и, читая, собственными глазами не вѣрили, что все это говоритъ профессоръ съ каѳедры своимъ слушателямъ, что все это издается «съ цѣлью подѣлиться своими мыслями и съ прочими товарищами по оружію» подъ именемъ «трудовъ каѳедры судебной медицины» съ разрѣшенія декана медицинскаго факультета. Вотъ до чего можетъ дойти паденіе каѳедры!

Каѳедрѣ исторіи медицины у насъ въ Россіи вообще не особенно везетъ и, кажется, никогда она не была хорошо представлена и въ московскомъ университетѣ. И въ наше время, и послѣ насъ каѳедра эта въ Москвѣ всегда попадала въ случайныя руки, но прежніе преподаватели, не сильно знакомые съ дѣломъ, отличались, по крайней мѣрѣ, примѣрной скромностію, которой, повидимому, въ поминѣ нѣтъ у г. Мороховца, начавшаго свою карьеру въ Москвѣ въ очень небольшой роли при каѳедрѣ физіологіи и продолжающаго въ качествѣ ни въ чемъ не сомнѣвающагося профессора исторіи медицины. Грустное явленіе!

Что же представляетъ собою новый «трудъ» проф. Мороховца? «Выполняя лестное порученіе студентовъ (интересно было бы знать, на которомъ курсѣ или семестрѣ читаетъ г. Мороховецъ? Намъ исторія медицины читалась на первомъ курсѣ) и приступая къ чтенію «Записокъ врача», г. Мороховецъ сначала недоумѣвалъ, что могло въ нихъ такъ заинтересовать студентовъ, но чѣмъ дальше онъ уходилъ въ чтеніе «Записокъ», тѣмъ все больше и больше росло это изумленіе. «Я все больше поражался не только тѣмъ, что касается нашего съ вами призванія, но и тѣмъ, что въ нихъ затрогиваетъ наши лучшія упованія...» Съ гордостью сообщаетъ г. Мороховецъ, что онъ никогда раньше фамиліи г. Вересаева не слыхалъ, и кто онъ—не зналъ, но «позднѣйшія (?) данныя разоблачаютъ псевдонимъ «В. Вересаевъ», какъ о томъ нами указано въ алфавитномъ указателѣ, помѣщенномъ въ концѣ брошюры».

Въ «Запискахъ врача» роль героя,—говоритъ г. Мороховецъ,—играетъ врачъ, вольнопрактикующій со степенью,—не подлежащитъ сомнѣнію, какъ глубокомысленно и остроумно догадывается г. Мороховецъ, лѣкаря, который отъ своего имени и заполняетъ «Записки».

Послѣ такого вступленія г. Мороховецъ приступаетъ къ разбору самой книги, который занимаетъ 84 стр. и состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ 84 стр. заполнены выписками изъ книги г. Вересаева, напечатанными курсивомъ и обильно снабженными совершенно безъ всякаго смысла разставленными знаками восклицанія и вопроса, а соединены эти выписки изъ г. Вересаева «отсебятиной» г. Мороховца, но такой, какая умѣстна въ устахъ балаганнаго дѣда на масляной, но никакъ не профессора университета передъ аудиторіей студентовъ...

Само собою разумѣется, какъ критикъ sui generis г. Мороховецъ дѣлаетъ свои выдержки изъ книги г. Вересаева, нисколько не заботясь объ ихъ связи съ тѣмъ текстомъ, откуда они вырваны, по личному своему благоусмотрѣнію.

Чтобы не быть голословными, мы обязаны какъ это ни противно, привести нѣсколько выдержекъ изъ книги г. Мороховца, заранѣе извинившись передъ читателями, что приходится ихъ занимать такими пошлостями *).

Г. Вересаевъ разсказываетъ, какъ его смущали первые больные, какъ онъ, не зная, что съ ними дѣлать, долженъ былъ заглядывать въ свою записную книжку и т. д. И вотъ это откровенное признаніе г. Вересаева даетъ пищу для слѣдующихъ «остроумныхъ» замѣчаній г. Мороховца: «Вы видите, господа, что у нашего героя-врача нѣтъ даже грубыхъ представленій о страданіяхъ, объ

*) Во всѣхъ приводимыхъ выдержкахъ мы будемъ оставлять тѣ знаки препинанія, которые безъ всякаго толка разставлены г. Мороховцевымъ.

ихъ симптомахъ онъ лишенъ профессіональнаго мышленія, ибо своей профессіи онъ совершенно не знаетъ... Вы видите, что разницы между Кнейппомъ, графомъ Маттеи и проч. и нашимъ врачомъ-героемъ нѣтъ никакой... Герою нашему медицина представляется какимъ-то антропометрическимъ бюро: приложилъ къ имѣющимся шаблонамъ, примѣрилъ... и! Равашоль!—не уйдешь отъ меня, открылъ тебя, вотъ записи!» и т. д. Какъ вамъ нравится, читатель, это остроуміе?!

Г. Вересаевъ разсказываетъ о трагической смерти итальянскаго врача, павшаго подъ ножомъ потерявшаго голову чахоточнаго больного, и по этому поводу г. Мороховецъ считаетъ приличнымъ съострить слѣдующимъ образомъ: «У, какъ страшно! Бѣдный герой! При его природной трусости-то?! Очевидно, если бы даже не хотѣлъ лѣчить нашъ герой, то со страха быть съ распоротымъ животомъ, пойдешь лѣчить» и т. д. На стр. 26-й своего «труда» Мороховецъ, по своему понявшій «Записки врача», говоритъ, что «вотъ если бы врачъ или, вѣрнѣе, лѣкарь-герой держалъ на доктора медицины экзаменъ, то онъ, вѣроятно, не говорилъ бы такъ некомпетентно...» Какъ это все просто! Человѣкъ мучается, страдаетъ, а подъ руками такое простое средство избавиться отъ мукъ—держать докторскій экзаменъ!

«Начиная излагать опыты венерологовъ,—сообщаетъ г. Мороховецъ,—герой дѣлаетъ такое введеніе: «въ послѣдующемъ изложеніи я по возможности (?) точно буду (?) указывать на первоисточники, чтобы читатель самъ могъ провѣрить сообщаемыя мною данныя». Къ чему это, вѣдь герой самъ знаетъ, какъ легко найти такія данныя, даже не будучи вовсе сильнымъ въ медицинѣ...»

Гдѣ здѣсь смыслъ, при чемъ здѣсь вопросительные знаки?

Вотъ еще одна выдержка изъ книги г. Мороховца: «ради краснаго словца, дѣйствительно, герой не только не жалѣетъ ни мать, ни отца, но даже отрекается отъ здраваго смысла! «Великій человѣкъ виситъ на крестѣ, его руки и ноги пробиты гвоздями, а (?!) медицина (?!) обмываетъ кровавыя язвы арникой и кладетъ (?!) на нихъ ароматныя припарки. Вѣдь это даже не умно!», говоритъ г. Мороховецъ. Можно ли понять, зачѣмъ г. Мороховецъ сдѣлалъ эту выдержку, зачѣмъ онъ снабдилъ ее своими замѣчаніями, восклицательными и вопросительными знаками?

Приведенными выдержками мы ограничимся, все остальное въ книгѣ не лучше, если еще не хуже того, что мы выписали. Каждая цитата изъ Вересаева снабжается руганью, балаганнымъ остроуміемъ и т. д. Даже тѣ крупицы правды, которыя имѣются въ трудѣ г. Мороховца, облечены въ такую шутовскую форму, что на нихъ не стоитъ останавливаться.

Въ концѣ своего «изслѣдованія» г. Мороховецъ ставитъ вопросъ, что же это за произведеніе «Записки врача»? «Само собой разумѣется,—говоритъ онъ, что еще никто не описывалъ ни такихъ врачей, ни такихъ студентовъ... Чѣмъ дальше я уходилъ въ изученіе «Записокъ врача», тѣмъ все больше и больше убѣждался въ ласкавшей меня мысли, что ни такого врача, ни такого студента и не можетъ быть!.. Въ томъ ручательствомъ служитъ мое знаніе васъ впродолженіи тридцати лѣтъ, въ томъ ручаются наши дружескія бесѣды въ *тихомъ лепетѣ* (курсивъ нашъ) ученыхъ интересовъ, или въ бурныхъ проявленіяхъ студенческихъ недоразумѣній... Въ древней Греціи юношамъ показывали пьяныхъ, чтобы вселить въ нихъ отвращеніе къ пьянству... Читайте господа,—поучаетъ г. Мороховецъ,—«Записки врача», чтобы не быть и писателемъ В. Вересаевымъ!..»

Въ заключеніе г. Мороховецъ позволяетъ себѣ отъ имени Вересаева произнести слѣдующій шутовской монологъ: «Вотъ какой я врачъ! Я ничего не знаю, я въ университетѣ занимался тѣмъ, что *барничемъ* расхаживалъ по клиникамъ, смотрѣлъ на бюсты молодыхъ женщинъ да заставлялъ ихъ раздѣ-

ваться, чтобы предаваться тѣмъ же (?) сладострастнымъ животнымъ инстинктамъ... Я ровно ничего не дѣлалъ—и у меня дипломъ! Да и науки осилить не могъ,—я такъ глупъ и несообразителенъ»... и т. д., та же галиматья на цѣлыхъ трехъ страницахъ!

Вторая половина «труда» г. Мороховца состоитъ изъ безсвязнаго и далеко не полнаго собранія отзывовъ о книгѣ г. Вересаева изъ журналовъ и газетъ общей и спеціально-медицинской прессы.

Такъ пишетъ «исторію медицины» проф. московскаго университета Мороховецъ. О его книжкѣ, являющей образецъ неприличія и пошлости, не можетъ быть двухъ мнѣній. Въ высокой степени прискорбно, что такія книжки составляетъ профессоръ университета, что такого рода лекціи читаются студентамъ. Г. Мороховецъ, какъ историкъ медицины, долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, понять, что книга г. Вересаева слишкомъ еще современна, слишкомъ еще всѣхъ волнуетъ и что, поэтому, еще не наступило время для обсужденія ея съ точки зрѣнія исторіи. Г. Мороховецъ не сообразилъ, наконецъ, что, говоря съ пѣной у рта о книгѣ г. Вересаева, перевирая ее на протяженіи 86 страницъ, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что книга эта не бредъ, не фельетонъ уличной газеты, какъ онъ выкрикиваетъ каждый разъ, а нѣчто гораздо большее...

Интересно было бы знать, много ли набралось слушателей у г. Мороховца и какъ они отнеслись къ этимъ его «лекціямъ по исторіи медицины»? Неужели сочувственно?

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія «Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». Съ 1899 года въ Петербургѣ функціонируетъ общество, въ задачу котораго входитъ изданіе дешевыхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также малорусскихъ беллетристическихъ произведеній. Общество это въ Россіи единственное; цѣль его, какъ это выражено въ уставѣ,—«придти на помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа». До 1903 года общество издало 21 книжку; изданія эти естественно разбиваются на группы: 1) беллетристика, 2) біографіи выдающихся личностей, 3) исторія, 4) популярныя изданія по предметамъ медицинскихъ, ветеринарныхъ и др. знаній и 5) популярныя сельскохозяйственныя изданія. Въ указанномъ порядкѣ изданія эти будутъ разсмотрѣны ниже; здѣсь же необходимо сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Слѣдя за распредѣленіемъ изданныхъ книжекъ по годамъ, необходимо признать, что первые два года издательства общества отмѣчены явной практической неопытностью, отсутствіемъ планомѣрности и строгаго выбора матеріала. Изъ шести номеровъ изданій за это время, только три (№ 1, 26) должны быть признаны удачными, остальныя три могли смѣло не появляться подъ фирмой общества; внѣшность изданій этого періода не производитъ пріятнаго впечатлѣнія: бумага плохого сорта, наборъ небрежный, рисунки грубые, дурно исполненные. Значительное улучшеніе издательства общества начинается съ третьяго года: замѣчается явная планомѣрность веденія дѣла популяризаціи знаній, является соотвѣтствующій выборъ матеріала, назначаются преміи за популярныя книжки на заданныя темы, внѣшность изданій улучшается и становится положительно изящной. Не обошлось, конечно, и въ этомъ періодѣ безъ неудачъ, но процентъ этихъ неудачъ значительно пониженъ: изъ пятнадцати номеровъ изданій этого періода лишь одна книжка должна быть при-

знана выбранной вполнѣ неудачно (№ 11), остальныя, кромѣ двухъ-трехъ, полезность которыхъ нѣсколько сомнительна, должны быть названы превосходными. Особенное развитіе въ этомъ періодѣ замѣчается въ пятой группѣ изданій общества, посвященныхъ популяризаціи сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ общемъ, необходимо признать, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній и прямыхъ неудачъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ, обществу удалось выработать типъ изящной, содержательной и дешевой народной книжки. Дешевизна изданій общества внѣ конкуренціи: за одну копейку общество, въ среднемъ, даетъ около печатнаго листа; при этомъ книжки (второго періода) печатаются на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, съ небольшимъ количествомъ опечатокъ, и снабжены, иногда даже обильно, хорошо исполненными иллюстраціями. Большимъ достоинствомъ всѣхъ изданій общества является превосходный, безукоризненно чистый и правильный народный языкъ, а также образцовое популярное изложеніе предмета. Въ этомъ отношеніи авторы изданныхъ обществомъ книгъ стоятъ на высотѣ своей задачи и заслуживаютъ всяческаго одобренія.

№ 3. Г. Барвинокъ. Молодыча боротьба. Стр. 19. Ц. 1 коп. № 4. П. А. Кулишъ. Орыся. Стр. 16. Ц. 2 коп. № 5. Ганна Барвинокъ. Вирна пара. Стр. 40. Ц. 3 к. Эти три книжки, заглавія которыхъ въ переводѣ не нуждаются, представляютъ изъ себя все, что издано до сихъ поръ обществомъ по беллетристикѣ. Трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ разсказовъ для народнаго чтенія, хотя одинъ изъ нихъ и подписанъ громкимъ именемъ Кулиша. Всѣ три разсказа посвящены изображенію народной жизни, но это изображеніе исполнено въ повышенно-романтическомъ, ультра-сентиментальномъ тонѣ, который ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу читателя. Малорусская литература справедливо гордится обиліемъ художественныхъ произведеній, посвященныхъ реальному воспроизведенію и поэтическому истолкованію народной жизни во всей ея многосложности и разнообразіи, и надо надѣяться, что общество, памятуя свою неудачу, обратится въ дальнѣйшемъ своемъ выборѣ къ авторамъ первостепенныхъ беллетристическихъ произведеній, начиная съ Квитки, Шевченка, Марка Вовчка и др. и кончая Федьковичемъ, Франкомъ и Стефаникомъ; среди произведеній того же Кулиша то же можно было бы выбрать не «Орысю», а что-либо иное, имѣющее значительную художественную цѣнность.

№ 8. О. Я. Кониський. Оповидання (разсказъ) про Тараса Шевченка. Стр. 32. Ц. 2 коп. № 14. Б. Гринченко. Оповидання про Ивана Котляревського. Стр. 32. Ц. 3 коп. № 17. Б. Гринченко. Оповидання про Евгена Гребинку. Стр. 23. Ц. 3 коп. № 21. Б. Гринченко. Оповидання про Джеиса Гарфильда. Стр. 71. Ц. 6 коп. Въ этой группѣ изданій общества рѣзко выдѣляется своими достоинствами біографія Шевченка, написанная Конискимъ, нынѣ покойнымъ, даровитымъ малорусскимъ писателемъ и публицистомъ, авторомъ большой и прекрасно разработанной біографіи украинскаго геніальнаго кобзаря, изданной въ свое время на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Конискій съумѣлъ найти то счастливое сочетаніе простоты и яркости слога и языка, краткости и содержательности разсказа, которыя особенно необходимы въ книжкахъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Біографіи Котляревскаго и Гребинки написаны г. Гринченкомъ сравнительно сухо и не ярко, но при всемъ томъ онѣ не могутъ быть названы неудачными; разсказъ ведется живо и непринужденно, свѣдѣнія даются возможно полныя, характеристики сдѣланы достаточно рельефныя. Менѣе другихъ удачной необходимо признать біографію Гарфильда, недостатокъ которой коренится въ ложномъ пріемѣ автора, снабдившаго свой разсказъ о жизни этого президента излишнимъ обиліемъ нравоучительныхъ сентенцій.

№ 7. М. Комарь. Оповидання про Антона Головатого. Стр. 52. Ц. 5 коп. № 11. П. О. Кулишъ. Выговщына. Стр. 26. Ц. 2 коп. № 12. М. Комарь.

Оповидання про Богдана Хмельницького. Стр. 79. Ц. 8 коп. Въ этой серіи изданныхъ обществомъ книжекъ неудачной по выбору является «Выговщина» Кулиша. Гетманство Выговскаго, безспорно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ въ исторіи былой Украйны, но значеніе этого періода нельзя понять безъ широкой научной подготовки; тѣмъ болѣе непонятна будетъ «Выговщина» читателю изъ народа, въ лучшемъ случаѣ лишь смутно, по преданіямъ знающему о прошедшемъ своей родины. Кромѣ того, «Выговщина» Кулиша случайная и незаконченная статья, написанная къ тому же въ духѣ искусственнаго подраженія размѣренному складу народныхъ думъ. Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію разсказы г. Комаря объ Антонѣ Головатомъ, положившемъ начало черноморскому казацкому войску, и о гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Авторъ умѣетъ вести историческій разсказъ живописно и занимательно, но его изложеніе предмета нуждается въ извѣстныхъ коррективахъ и нѣкоторыхъ довольно существенныхъ поправкахъ, каковыя, надо надѣяться, будутъ сдѣланы во второмъ изданіи брошюръ, принадлежащихъ перу г. Комаря. Съ внѣшней стороны брошюры г. Комаря изданы весьма изящно, изящнѣе всѣхъ прочихъ брошюръ общества, и иллюстрированы многочисленными, спеціально исполненными портретами и разнообразными рисунками.

№ 1. Степовыкъ. Коростни звирятка (Полезныя животныя). Изданіе 2-е. Стр. 24. Ц. 3 коп. № 10. Сергій Ваганов. Розмова про сухоты на рогатій худоби (Бесѣда о туберкулезѣ рогатаго скота) Стр. 32. Ц. 3 коп. № 13. Грыцько Коваленко. Видъ чого вмерла Мелася. Оповидання про обкладъ (дифтеритъ). Стр. 36. Ц. 3 коп. № 16. М. Загирня. Добра порада (совѣтъ). Оповидання про ликы скаженои хворобы (водобоязни). Изданіе 2-е. Стр. 32. Ц. 3 коп. № 18. В. Имшенецькій. Про пошести (эпидеміи). Изданіе 2-е. Ц. 3 коп. Цѣли авторовъ этой серіи книгъ выясняются ихъ заголовками, а именно: популяризація извѣстныхъ научныхъ понятій и передача практическихъ свѣдѣній, особенно необходимыхъ въ народномъ быту. Польза такихъ изданій несомнѣнна, успѣхъ ихъ вполнѣ обезпеченъ, что видно хотя бы изъ того, что три изъ названныхъ брошюръ уже вышли вторымъ изданіемъ. Пріемы популяризаціи у авторовъ различны: г-жа Загирня и г. Коваленко пользуются для этого беллетристической формой, гг. Степовикъ, Ваганов и Имшенецкій предпочитаютъ не стѣснять себя искусственной беллетристической завязкой. Второй пріемъ намъ кажется вѣрнѣе; беллетристическія рамки развлекаютъ читателя, удлинняютъ безъ нужды разсказъ и лишаютъ мысль опредѣленности и точности; популяризація знанія рѣшительно не нуждается въ чуждыхъ ей quasi-художественныхъ украшеніяхъ. Брошюры гг. Степовика и Ваганова допущены въ библіотеки низшихъ сельскохозяйственныхъ учебн. зав. минист. земл. и гос. имуществъ.

№ 2. О. Степовыкъ. Про городыну (огородныя растенія). Изданіе 2-е. Стр. 59. Ц. 5 коп. № 6. Ф. Немоловскій. Бжильництво (пчеловодство). Стр. 105. Ц. 8 коп. № 9. Е. Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. Виноградъ. Стр. 40. Ц 5 коп. № 15. Е. Чикаленко. Розмова про сельско хозяйство. Сіяни травы, кукуруза та буряки (свекла). Изданіе 2-е. Стр. 40. Ц. 5 коп. № 19. Е. Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. Худоба (Домашній скотъ): кони, скотына, свыни та вивци. Изданіе 2-е. Стр. 48. Ц. 6 коп. № 20. Е. Чикаленко. Розмова про сельское хозяйство. Садъ. Стр. 79. Ц. 10 коп. Въ издательствѣ общества, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе полно и разнообразно представлена серія брошюръ, посвященныхъ популяризаціи сельскохозяйственныхъ знаній. Среди авторовъ этой серіи первое и вполнѣ заслуженное мѣсто принадлежитъ г. Чикаленкѣ, которому равно знакомы теорія и практика сельскаго хозяйства, и который въ своихъ брошюрахъ обнаруживаетъ прямо-таки блестящій популяризаторскій

талантъ. Г. Чикаленко пишетъ увлекательно о самыхъ сухихъ предметахъ, и его брошюры даже посторонній сельскому хозяйству читатель прочитаетъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Брошюра г. Чикаленка № 19 премирована харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства; брошюры № 9, 15 и 19, равно какъ и брошюры гг. Степовика и Немоловскаго допущены въ библіотеки учебныхъ заведеній минист. земл. и гос. имуществъ.

М. Славинскій.

Домашнія библіотеки. Опытъ составленія систематическаго указателя книгъ для самообразованія. А. В. Пановъ. Ц. 30 коп. Н.-Новгородъ. 1903 г. Передъ нами интересная попытка дать указатель книгъ для широкой массы читателей, за послѣднее время предъявляющей сильный запросъ на самообразованіе и сталкивающейся постоянно на практикѣ съ вопросомъ, какъ найти на книжномъ рынкѣ хорошую, интересную книгу. «Домашнія библіотеки» въ этомъ отношеніи удовлетворяютъ назрѣвшую потребность. Но если трудно составить хорошій систематическій указатель книгъ для самообразованія для читателя, прошедшаго систематическую среднюю школу, то еще труднѣе составить такой указатель для читателя, не всегда прошедшаго даже низшую школу и едва научившагося воспринимать прочитанное. При составленіи такого указателя необходимы спеціальныя требованія къ книгамъ (доступность изложенія, сравнительно небольшой объемъ книги, дешевизна ея), для того, чтобъ указанныя книги дѣйствительно могли удовлетворить запросамъ массы, не обладающей ни большимъ досугомъ для чтенія, ни достаточными средствами для пріобрѣтенія книгъ. Эти спеціальныя требованія, хотя и касающіяся только чисто внѣшнихъ качествъ книги, значительно ограничиваютъ подборъ ихъ и затрудняютъ выполненіе задачи, тѣмъ болѣе, что по многимъ отраслямъ знанія (преимущественно область общественно-экономическихъ и юридическихъ наукъ) почти совершенно нѣтъ еще книгъ, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ. Практическія требованія массоваго читателя принимались во вниманіе при составленіи разсматриваемаго нами указателя, и въ этомъ его громадное достоинство и несомнѣнное жизненное значеніе. Что же касается до подбора книгъ, то въ этомъ отношеніи, какъ говоритъ и самъ составитель, силъ одного лица недостаточно для выработки совершеннаго и полнаго указателя; необходимо коллективное усиліе множества людей и масса времени, чтобы вполнѣ удовлетворительно выполнить эту задачу. «Домашнія библіотеки», какъ одна изъ первыхъ и довольно удачныхъ попытокъ, открываютъ и облегчаютъ путь для этой работы. Указатель нельзя назвать систематическимъ, это вѣрнѣе предметный указатель книгъ для домашняго чтенія (такъ на внутренней обложкѣ книги и называетъ его авторъ), не претендующій на полноту, но тѣмъ не менѣе составленный со знаніемъ литературы и читателя.

Просматривая концетрическіе списки книгъ для маленькихъ домашнихъ библіотекъ, нельзя не отмѣтить слѣдующее: во всѣ библіотеки стоимостью до 10 руб. включительно внесены книги только беллетристическаго содержанія, и лишь въ библіотеки въ 15, 30 и 50 р. введены и популярно-научныя книги; намъ казалось бы, что послѣднія слѣдовало бы ввести и въ болѣе дешевыя библіотеки. Указатель книгъ для чтенія интеллегенціи, данный авторомъ, какъ списокъ хорошихъ и наиболѣе популярныхъ среди читающей интеллегенціи книгъ, практически можетъ быть очень полезенъ для огромной массы интеллегенціи, живущей вдали отъ культурныхъ центровъ.

Л. К—ва.

Срединное царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая. Составила Д. И. Котляръ. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 80 к. Стр. 207. Интересъ къ Китаю и его своеобразной жизни вызвалъ въ связи съ событіями послѣдней китайской войны цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ этой странѣ. Книга Котляръ написана

очень просто и доступна для широкихъ круговъ читателя. Она касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ общественной и частной жизни Китая, его природы, исторіи и современнаго положенія. Въ историческомъ очеркѣ читатель знакомится съ исторіей культуры китайскаго народа въ различные періоды его развитія. Ученію Конфуція и его значенію для жизни многомилліоннаго китайскаго населенія посвящены двѣ спеціальныя главы, при этомъ авторъ мѣстами вдается въ подробности, способныя утомить читателя. Указывая на грамадное вліяніе ученія Конфуція на всю послѣдующую жизнь Китая, авторъ отрицаетъ его консерватизмъ и дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Китая пытается указать на то, что ученіе это не сковало жизнь китайцевъ, а, напротивъ, содѣйствовало ея своеобразному и самобытному развитію. Здѣсь авторъ точно такъ же, какъ и при описаніи современнаго государственнаго строя и общественной жизни Китая, идеализируетъ современную дѣйствительность Китая. Увлекшись демократическимъ строемъ Китая, самоуправленіемъ его круговъ, фактическимъ признаніемъ обычаевъ народа, авторъ упускаетъ изъ вида бюрократическій строй государственнаго управленія Китая, произволъ чиновничества, тяжесть поборовъ и полную правовую необезпеченность населенія, благодаря чему даже такія почтенныя по задачѣ учрежденія, какъ цензоріатъ членовъ академіи наукъ, вырождаются въ пустую формальность.

Нравственное совершенствованіе, какъ завѣтъ ученія Конфуція, до сихъ поръ главная задача народнаго образованія въ Китаѣ, потому развитіе чувствъ солидарности, гуманности и взаимнаго довѣрія соединяются въ Китаѣ, на что и указываетъ авторъ, съ самыми грубыми суевѣріями и полнымъ невѣдѣніемъ естественныхъ законовъ и жизни природы. Главы о земледѣліи, промышленности, религіи, бытовой и частной жизни китайцевъ прочтутся съ интересомъ и познакомятъ съ массой своеобразныхъ чертъ жизни и характера населенія страны. Отношеніе китайцевъ къ европейской культурѣ и ея значеніе для жизни Китая освѣщены авторомъ, хотя и не достаточно полно, въ первыхъ главахъ, посвященныхъ возникновенію и исторіи сношеній европейцевъ и Китаемъ.

А. П. Изъ исторіи государства аѳинскаго. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Ц. 7 к. 64 стр. Въ этой небольшой хорошо составленной книжкѣ дается исторія государства аѳинскаго или, вѣрнѣе, исторія аѳинскаго государственнаго управленія отъ древнѣйшихъ временъ до грекоперсидскихъ войнъ. Показать, какъ постепенно измѣнялись въ Аѳинахъ законы порядки, управленіе, судъ, какъ постепенно аѳинскій народъ вырабатывалъ свое государственное устройство—вотъ задача автора, и выполняется она въ простомъ, послѣдовательномъ разсказѣ, который хотя и не охватываетъ всей разнообразной государственной жизни Аѳинъ, но даетъ ясное представленіе о постепенномъ развитіи государственныхъ порядковъ въ связи и развитіемъ хозяйственной жизни аѳинскаго народа.

Установленіемъ демократіи заканчиваетъ авторъ свою исторію аѳинскаго государства и ограничивается лишь указаніемъ на то, что съ этого момента начинается для Аѳинъ время славы и процвѣтанія. Возбуждая интересъ къ исторіи Греціи, книга можетъ быть хорошимъ введеніемъ для дальнѣйшаго изученія исторіи древняго міра.

А. В. Мезіеръ. Черный Спартакъ. Изъ былыхъ дней острова Сенъ-Доминго. Книгоизд. Гершунина и К°. Ц. 50 к. Ст. 157. Очеркъ жизни и дѣятельности Туссена Лувертюра, безкорыстнаго и самоотверженнаго борца за свободу черныхъ невольниковъ на островѣ С.-Доминго, знакомитъ читателя вмѣстѣ съ тѣмъ и съ историческимъ прошлымъ острова, съ исторіей возникновенія рабскаго труда негровъ. Ярко очерчены причины, вызвавшія и поддерживавшія существованіе рабства чернокожихъ въ европейскихъ колоніяхъ Америки и ужасныя условія труда негровъ-рабовъ.

Возстаніе, вспыхнувшее подъ вліяніемъ дошедшихъ до острова вѣстей о свободѣ, провозглашенной французской революціей 1789 г., быстро охватило чернокожее населеніе острова, изнемогавшее подъ бременемъ непосильнаго труда у французскихъ плантаторовъ. Туссенъ Лувертюръ встаетъ въ ряды возставшихъ и скоро становится во главѣ ихъ. Онъ руководитъ движеніемъ, принявшемъ характеръ настоящей войны изъ-за столкновеній интересовъ французовъ, испанцевъ и англичанъ на островѣ. Имѣя въ виду лишь одну цѣль свободу чернокожихъ, Туссенъ въ союзѣ съ французами успѣшно доводитъ дѣло до конца и становится генераломъ всѣхъ тузсмныхъ войскъ и начальникомъ острова. Съ наступленіемъ мира начинается его государственная дѣятельность. Все населеніе острова получаетъ во владѣніе земли и плантаціи и принимаетъ участіе въ управленіи острова. Промышленность и земледѣліе начинаютъ процвѣтать. Но самостоятельная жизнь и самоуправленіе колоніи не нравятся новому правительству, получившему власть во Франціи, которое рѣшаетъ возстановить господство французовъ и рабскій трудъ въ колоніи, Туссену предстоитъ новая серьезная борьба съ большимъ флотомъ и войскомъ Наполеона, и на этотъ разъ, несмотря на упорное сопротивленіе чернокожихъ, сила одолѣла, хотя и не надолго. Вѣроломный арестъ Туссена и стремленіе возстановить рабство въ колоніи возбуждаетъ вновь возстаніе на островѣ. С. Доминго становится независимымъ и негры не только свободными, но и политически самостоятельными. Задача жизни Туссена была осуществлена въ то время, когда онъ уже умеръ въ каменномъ сыромъ помѣщеніи французской крѣпости въ полномъ одиночествѣ и невѣдѣніи о судьбѣ любимаго имъ чернокожаго народа.

Сильная личность и трагическая судьба негра-борца за свободу своего народа возбудятъ симпатіи и заинтересуютъ читателя, хотя изложеніе не всегда доступно и можетъ нѣсколько утомить подробностями, мѣшающими слѣдить за ходомъ и развитіемъ борьбы чернокожихъ и условіями, благопріятствовавшими побѣдѣ.

Н. Рубакинъ. Среди мусульманъ. Разсказъ о двухъ туркахъ и ихъ путешестіи въ Мекку. Книгоизд. Гершунина и К°. ц. 65 к. Стр. 234. Въ полубеллетристической формѣ авторъ знакомитъ читателя съ бытомъ, обычаями и нравами турокъ, съ порядками, господствующими въ турецкой имперіи, съ положеніемъ населенія и религіей турокъ. Сопоставляя два различныхъ міросозерцанія: турка, европейски образованнаго, и турка, слѣпо придерживающагося выгодныхъ для него турецкихъ порядковъ и обычаевъ, авторъ выясняетъ читателю основы, господствующаго въ Турціи режима и безправное положеніе угнетеннаго населенія.

Въ интересномъ описаніи путешествія этихъ турокъ въ Мекку читатель почерпнетъ не мало этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній и ознакомится съ жизнью и ученіемъ Магомета, съ религіозными обрядами и святынями мусульманъ.

Авторъ вездѣ подчеркиваетъ выгодное положеніе богатыхъ и знатныхъ турокъ въ сравненіи съ бѣднымъ забитымъ народомъ, подъ гнетомъ нужды и произвола сильныхъ не сознающаго своего человѣческаго достоинства и безусловно покорнаго власти знатныхъ, поддерживаемой и религіозными вѣрованіями мусульманъ. *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го февраля до 15-го марта.

К. Мазуринъ. Методологія пѣнія. Т. II. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Грегоровіусъ. Исторія гор. Рима въ средніе вѣка. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

J. Van't Hoff. Восемь лекцій по физич. химіи. Рига. 1903 г.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составл. естественно-научн. коллекцій. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Д. Зелениниъ. Пѣсни дерев. молодежи. Изд. гитск. губ. стат. комит. 1903 г.

Памятная книжка константиновскаго межев. института за 1901—1902 г. Мск.

Сельскохозяйств. обзоръ Вятской губ. за 1902 годъ.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1902 годъ.

Императорское русское общество акклима-

Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ. Спб. 1903 г.

тизаціи животныхъ и раст. Дневникъ отд. ихтіологіи. Выпускъ 9-й. Мск. 1902 г.

Отчетъ александр. вечернихъ женскихъ классовъ. 1899—1902 г.

Н. Курловъ. Кругъ церковныхъ пѣснопѣній. Спб.

Екатеринославское коммерч. училище. Учебный планъ. 1902 г.

Отчетъ московскихъ городскихъ ветеринарныхъ врачей за 1901 годъ. Мск. 1903 г.

Систематическій сводъ постановленій полтавскаго уѣзднаго земск. собранія за 1865—1901 годы. Т. I.

А. Роджерсъ. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Мск. «Библіотека для самообразованія». Ц. 1 р.

О. Зальдъ. Баллада Ридингской тюрьмы. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

И. Бѣлоусовъ. Искреннія пѣсни. Мск. Курнинъ. 1903 г.

В. Мониниъ. Сибирскіе мотивы. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

Ванда. Драма въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.

Э. Сегенъ. Воспитаніе, гигіена и нравственное леченіе умств. ненормальныхъ дѣтей. Спб. Лихтенштадтъ. 1903 года. Ц. 2 р.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія. Школьное изд. сарат. з-ства Ц. 20 к.

А. Сиверская-Сичулина. Драматическія сочиненія. Т. I. Мск. Разсохина. 1903 г. Ц. 2 р.

Генрихъ Ибсенъ. Столпы общества. Комед. въ 4 дѣйств. Перев. Ганзенъ. Моск. Скирмунтъ. 1903 г. Ц. 40 к.

Г. Брейтманъ. Митька Корявый. Елка для мертвыхъ и друг. разск. Кіевъ. Идзиковскій. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Пантелѣевъ. Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

О. Волжанинъ. Разсказы. Мск. Курнинъ. 1903 г. Ц. 1 р.

П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Очерки. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Глаголевъ. По волнамъ океана и жизни. Разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Амфитеатровъ. Викторія Павловна. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

І. Тюркинъ. Генеральша Бонапартъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Луговой. Грани жизни. Ром. въ 5 ч. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

С. Павловъ. Вулканы и землетрясенія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эл. Ожешко. Собраніе сочиненій. Т. IX. Одна сотая. Хамъ. Кіевъ. Фуксъ. 1903 г. Ц. за 12 т. 5 р.

Н. Лейкинъ. Голь перекатная. Разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

К. Скальковскій. Очерки и фантазіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Чарская. Проблемы любви. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Осиповъ. Варягъ. Истор. повѣсть съ рис. Е. Лансере. Спб. 1902 г. Лавровой и Попова. Ц. 1 р. 75 к.

Вересаевъ. Разсказы. Спб. 1903 г. Т. III. Ц. 1 р.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Т. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

И. Бѣлокопскій. Деревенскія впечатлѣнія. Т. II. Изд. ред. «Образованія» 1903 г. Ц. 80 к.

П. Тайнъ. Души моей невольныя признанья Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Дневникъ камеръ-юнкера Ф. Б. Берхгольца. 1721—1725. Перевод. Аммона. Мск. 1902 г. Безпл. прилож. къ «Русскому Архиву».

Малымъ ребятамъ. Разск. и стихи. Мск. «Посредникъ».

С Семеновъ. Чужой каравай. Комед. въ I д. изъ дерев. жизни. Изд. то же.

Гард. Дэвисъ. Мой безславный пріятель мистеръ Рэгенъ. Мск. «Посредникъ».

С. Семеновъ. Женихъ-Москвичъ. Комедія въ 3 дѣйств. Изд. То же.

Максимъ Горькій. Емельянъ Пиляй. Мск. «Посредникъ» 1903 г.

С. Орловскій. Горе Селима. Изд. то же.

Его же. Желѣзныя дороги и Джорджъ Стефенсонъ. Изд. то же.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Поруха и друг. разск. Изд. то же.

С. Орловскій. Сказаніе о трехъ лиліяхъ, двухъ лягушкахъ и змѣѣ съ золотою короною. Изд. то же.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Дочь китайскаго вельможи и друг. разск. Изд. то же.

Сильная рука и золотое сердце. Ром. по Зудерману. Съ нѣм. Изданіе то же.

С. Семеновъ. Въ разлукѣ и друг. повѣсти и разс. Изд. то же.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Бесѣды проф.

П. А. Костычева. О жизни растеній. Ц. 5 к.

Его же. Что есть въ землѣ и какія бываютъ земли. Ц. 3 к.

Его же. О правильной обработкѣ земли плугомъ, сохою, косулей, скоропашками, бороною и каткомъ. Ц. 4 к.

Его же. Обработка земли для посѣва хлѣбовъ и другихъ растеній. Ц. 4 к.

Его же. Объ удобреніи земли навозомъ. Ц. 4 к.

Его же. Чѣмъ и какъ можно удобрять землю, кромѣ навоза. Ц. 3 к.

Его же. О разведеніи хлѣбовъ и другихъ сельскохозяйств. растеній. Ц. 4 к.

Его же. Лѣчебница домашнихъ животныхъ. Ц. 12 к.

Р. Киплингъ. Разсказы, сказки. Спб. О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Шуркина затѣя. Мск. «Дѣтское чтеніе». Ц. 20 к.

Бжезинскій. Жизнь и приключенія лягушки-квакушки.

Андерсенъ. Гадкій утенокъ. Мск. «Б-ка для дѣтей и для юношества» подъ ред. Горбунова-Посадова. 1903 г. Ц. 20 к.

А. Ульянова. Моя новая мама; друг. разск. Изд. то же. Ц. 40 к.

Сетонъ-Томпсонъ. Степной волчонокъ. Изд. то же. Ц. 25 к.

Сетонъ-Томпсонъ. Рогачъ. Исторія кутен. горн. барана. Изд. то же. Ц. 35 к.

Ап. Коринфскій. На ранней зорькѣ. Сборн. стихотв. Мск. «Б-ка для семьи и школы» подъ ред. Тихомирова. Ц. 35 к.

К. Фламмаріонъ. Маленькая астрономія. Спб. Изд. Лавровой и Попова. Ц. 60 к.

Маркъ Твенъ. Принцъ и нищій. Изд. то же. Ц. 50 к.

Яковлева. Моровко. Сказка въ двухъ дѣйств. Изд. то же. Ц. 15 к.

Н. Тимковскій. Царевна-горошина. Сказка въ 4 дѣйств. Изд. то же. Ц. 20 к.

А. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руков. для систем. чтенія. Нижній-Новг. 1903 г. Ц. 50 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе на кораблѣ «Бигль». Пер. съ англ. въ изложк. д-ра Яцута. Спб. Сойкина. Ц. 1 р. 50 к.

В. Голиковъ. Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. 180 рис. Мск. К. Тихомирова. Ц. 75 коп.

Я. Г. Бандалинъ. Роль опыта въ медицинѣ. Сытина. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

Н. Фармаковскій. Врачи и народъ. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербарій? Мск. 1903 г. Ц. 30 коп.

С. И. Эйсбейнъ. Руководство къ кормленію и уходу за рогатымъ скотомъ. Спб. ред. «Земледѣлецъ». Ц. 40 к.

Г. Зеттегастъ. Возвѣлываніе и уходъ за сельскохозяйств. растеніями. Изд. то же. Ц. 30 к.

С. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Спб. «Общественная Польза». Ц. 60 к.

Народный университетъ. Силы природы и пользованіе ими. Подъ ред. В. В. Битнера. Спб. Сойкинъ. Ц. 1 р.

Шарль Летурно. Біологія. Перев. Ранцова. Спб. Большакова и Голова. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Гофманъ. Радій и его лучи. Спб. Стасюлевича. 1903 г. Ц. 70 к.

Г. Новоплянскій. Наслѣдственность или вѣчное упражненіе? Вильна. 1903 г. Ц. 35 к.

Н. Чернякъ. Элементарный курсъ минералогіи. Псковъ. 1903 г. Ц. 80 к.

Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. Часть I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Смирягинъ. Интеллигенція и народъ. Спб. 1903 г. Ц. 70 к.

Я. Бандалинъ. Роль опыта въ медицинѣ. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

Я. Бандалинъ. Борьба науки со старостью. Мск. Ц. 30 к.

Ж.-Ж. Руссо. Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія. Перев. Русановой. Мск. «Посредникъ». Ц. 35 к.

Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джованни Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Перев. А. Серебряковой. Мск. Доброватовскаго и Чарушникова. 1903 г. Ц. 1 р.

Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Изд. то же. Ц. 75 коп.

Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ. Спб. Сойкинъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Бехтеревъ. Психика и жизнь. Спб. Риккеръ.

Эрн. Ренанъ. Собраніе сочиненій. Т. XI. Историческія статьи. Кіевъ. Фуксъ. Ц. за 12 т. 6 р.

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологич. данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Мск. «Скорпіонъ». 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новыя матеріалы собр. книгоизд. «Скорпіонъ». Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Ратцель. Земля и жизнь. Спб. «Просвѣщеніе». Т. I, вып. I. Ц. 50 коп.

Ф. Ганъ. Африка. Перев. Коропчевскаго 15 вып. по 50 коп. Спб. «Просвѣщеніе».

Промышленность и техника. Т. VII, вып. I, т. VI, вып. 2—10, т. IV, вып. 1, т. II,

вып. 5—10. Изд. то же. Ц. кажд. вып. 50 коп.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Т. III, вып. 1—3, т. IV вып. 3—10. Спб. «Просвѣщеніе». Ц. кажд. вып. 50 коп.

К. Вёрманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Т. I, вып. 2—8. Спб. «Просвѣщеніе». Ц. кажд. вып. 40 коп.

Я. Г. Бандалинъ. Борьба науки со старостью. Мск. Сытинъ 1903 г. Ц. 30 к.

А. Болонскій. Ученіе графа Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Ворон. 1902 г. Ц. 50 к.

Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Мск. Дороватовскаго и Чарушникова. 1902 г. Ц. 40 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ для учителей. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.

С. Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. Спб. 1903 г. Ц. 60 к. Одесса.

Э. Н. Л—нъ. Опытъ новаго міросозерцанія Одесса. 1903 г. Ц. 25 к.

Арк. Прессъ. Гроцій. О правѣ войны и міра. Спб. Сойкинъ Ц. 40 к.

Арк. Прессъ. Гобсъ Левіаѳанъ. О человѣкѣ. О государствѣ Спб. Сойкинъ. Ц. 40 к.

В. Дерюжинскій. Полицейское право. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

А. Гурьевъ. Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX-мъ стол. Спб. 1903 г.

А. Гурьевъ. Природа, населеніе, капиталъ—три фактора народной производительности. Спб. 1903 г.

А. Гурьевъ. Основныя понятія политической экономіи. Спб. 1902 г.

П. Первовъ. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. Воронежъ. 1902 г.

Бантышъ-Каменскій. Исторія малой Россіи. Кіевъ. Ф. Іогансонъ. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Т. Локоть. Къ вопросу о значеніи сервитутовъ въ поземельныхъ отношеніяхъ нашихъ западн. окраинъ. Изъ журн. «Научное обозрѣніе». Спб. Ц. 50 к.

Владиміръ Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3 изд. подъ ред. Бодуэна-де-Куртенэ. Спб. Вольфъ. Т. 1, вып. I Ц. 50 к.

Н. Долговъ. Роль женщины въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. Ц. 30 к.

Е. Воронецъ. Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о. Г. Петрова и историч. справка. Изъ журн. «Миссіонерское Обозрѣніе». Спб. 1903 г. Ц. 10 к.

Францъ фонъ-Листъ. Учебникъ уголовнаго права. Общая часть. Мск. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Адресъ-Календарь и памятная книжка Пермской губ. на 1903 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Бертенсонъ. Консервированіе икры борной и салициловой кислотами съ промышл. цѣлью. Спб. 1903 г.

Л. Бертенсонъ. По поводу частнаго страхованія рабочихъ. Спб. 1903 г.

В. Лапинъ. Библіографическая замѣтка о драматическихъ произвед. арт. А. М. Сѣверской-Сигулиной.

Г. Тумаковъ. Усадебныя и полевыя земли крестьянъ общинниковъ съ точки зрѣнія гражд. права. Спб. Анисимовъ. 1903 г. Ц. 50 к.

П. Мигулинъ. Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодор. займы. Хрк. 1903 г. Ц. 2 р.

П. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

М. Козинцевъ. Князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Стародубъ. 1903 г.

М. Зданевичъ. Отвѣтъ на анонимную брошюру: и новый, и традиціонный духовные ораторы, о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ. Спб. 1903 г. Ц. 10 к.

М. Зд—ичъ. Священникъ Г. С. Петровъ, какъ проповѣдникъ и писатель. Критич. очеркъ съ портретами Спб. 1903 г. Ц. 10 к

Н. Александровъ. Описаніе имѣнія «Андреевскій хуторъ» т-ва Большой Яросл. м-ры въ Ферганской обл. Ташк. 1902 г. Ц. 1 р.

Э. Геккель. Красота формъ въ природѣ. Спб. Т-во «просвѣщеніе»

Труды подсекціи статистики XI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.

И. Вороновъ. Городъ Воронежъ Населеніе и недвижимыя имущества. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Библіотеки-читальни харьк. губ. 1902 г. Ц. 50 к.

Отчетъ нижегородск. Пушкинской читальни за 1902 г.

Каталогъ книжнаго склада комитета по устройству сельск. библіот. и народн. читаленъ. Хрк. о-во распр. въ нар. грамотности.

Статистика марганцеваго дѣла. Кутаисъ 1902 г.

Изслѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губ. Вып. II. 1902 г.

Отчетъ госуд. сберегат. кассъ за 1901 г. Спб.

Отчетъ одесской городской публичн. б-ки за 1902 г.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА
Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.
„Н. В. ГОГОЛЬ 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы“. Цѣна 2 руб.
Подписчики «Міра Божія» за пересылку не платятъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Village Problem*» *by G. F. Millin, author of* «*Eviland Evolution*». *Social Science Series. (Swan Sonnenschein).* (*Проблема деревни*). Авторъ подвергаетъ тщательному и добросовѣстному изслѣдованію вопросъ о запустѣніи деревень и о причинахъ, вызывающихъ это явленіе и неудачу всѣхъ попытокъ возрожденія прежней деревенской жизни. Съ своей стороны авторъ предлагаетъ нѣкоторые экономическіе средства борьбы съ этимъ зломъ.

(Athaneum).

«*The Tale of a Tour in Macedonia*» *by G. F. Abbott, with illustrations and a Map. (Edward Arnordx).* (*Разсказъ о поѣздкѣ по Македоніи*). Появленіе этой книги очень своевременно въ виду того, что Македонія начинаетъ интересовать Европу. Авторъ хорошо знакомъ съ этою страной. Онъ былъ посланъ туда отъ кэмбриджскаго университета съ научною миссіей и поэтому имѣлъ возможность изучить особенныя условія этой провинціи, угрожающей теперь миру юго-восточной Европы.

(Athaeneum).

«*Life in Mind and Conduct*». *Studis of Organic in Human Nature*» *by Henry Maudsley.* (*Macmillan and C°*). (*Жизнь въ проявленіяхъ ума и поступкахъ*). Читатели прежнихъ трудовъ Маудсли не найдутъ въ этомъ новомъ его сочиненіи никакихъ измѣненій его основныхъ взглядовъ, но зато оно представляетъ интересное и сжатое изложеніе результатовъ его размышленій о человѣческой жизни и ея отношенія къ порядку міра. Къ общей доктринѣ Маудсли всего болѣе подходитъ названіе «телеологическій матеріализмъ». Книга его написана очень увлекательно и прочтется съ величайшимъ интересомъ.

(Daily News).

«*Etudes sur la nature humaine*», *essai de philosophie optimiste, par Elie Metchnikow.* (*Masson et C°*). *Paris. 1903.* (*Изслѣдованіе человѣческой природы*). Знаменитый ученый называетъ свою крайне интересную книгу «Опытомъ оптимистической философіи» и раздѣляетъ ее на три отдѣла. Во-первомъ онъ говоритъ о безчисленныхъ дисгармоніяхъ человѣческой организаціи, являющихся причиною многочисленныхъ опасностей, угрожающихъ человѣку и препятствующихъ его спокойному и безмятежному существованію. Дисгармонію проф. Мечникова находитъ не только въ физической, но и въ нравственной организаціи человѣка и къ нимъ причисляетъ боязнь смерти, которая должна была бы исчезать съ годами и постепенно уступать мѣсто спокойному ожиданію смерти, которая является для человѣка, прошедшаго жизненный путь, такимъ же успокоеніемъ, какъ для усталаго путника освѣжающій сонъ. Къ нравственнымъ дисгармоніямъ принадлежитъ также извращеніе полового инстинкта, недостатокъ семейнаго чувства и т. д. Во второмъ отдѣлѣ Мечниковъ обсуждаетъ современныя философскія теоріи, а въ третьемъ развиваетъ свои собственные взгляды на жизнь и смерть, основанные на результатахъ его научныхъ изслѣдованій.

(Journal des Débats).

«*L'Inde d'aujourd'hui*», *étude sociale, par Alfred Mitin. Paris. 1903.* (*Armand Collin*). (*Современная Индія; соціальный очеркъ*). Авторъ этой книги, Мидн, путешествовавшій по Индіи, разсматриваетъ эту страну съ соціологической точки зрѣнія и описываетъ вліяніе англійской цивилизаціи и перемѣны, вызванныя ею въ жизни и нравахъ обитателей. (Journal des Débats).

«*Madame de Staël et Napoleon*» *par Paul Gautier.* (*Plon*). (*Г-жа Сталь и Наполеонъ*). Очень интересная книга, обрисовывающая отношенія Наполеона къ французской писательницѣ, которая была его яростною противницей и защитницей великихъ доктринъ XVIII вѣка. Ссора этихъ двухъ людей занимаетъ мѣсто въ новѣйшей исторіи Франціи и служитъ для характеристики Наполеона, представляя въ то же время одинъ изъ интересныхъ историческихъ эпизодовъ.

(Journal des Débats).

«*A German Buddhist*» (*Ober Präsidialrath Theodor Schultz*). *A biographical sketch by Arthur Pfungst. London.* (*Luzac*). (*Германскій буддистъ*). Тепло написанная и интересная біографія одного замѣчательнаго нѣмца, юриста и бюрократа, но такого глубокаго знатока индійской метафизики и буддійскаго ученія, что ни одинъ ученый оріенталистъ не могъ оспаривать его знанія. Онъ былъ настоящій буддистъ, въ истинномъ значеніи этого слова.

(Daily News).

«*Culturskitze aus drei Jahrhunderten*» *von W. H. Riehl. Sechste Auflage. Stuttgart. 1903.* (*Cotta*). (*Очерки культуры трехъ столѣтій*). Это новое изданіе сочиненій извѣстнаго мюнхенскаго историка культуры заключаетъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ, но прекрасно обработанныхъ и интересныхъ по темѣ и богатыхъ содержаніемъ очерковъ культуры. Авторъ является въ этихъ очеркахъ еще болѣе художникомъ, нежели изслѣдователемъ; онъ разсказываетъ и описываетъ то, что нап-

болѣе останавливаетъ на себѣ его вниманіе въ жизни прежнихъ временъ и такъ живо рисуетъ картину старинной эпохи цивилизаціи, какъ будто они находились передъ его глазами.

(Berliner Tag.).

«*La Psychologie ethnique» par Ch. Letourneau. 1 vol. 6 fr.* (*Schleicher frères*). (*Этническая психологія*). Въ этомъ новомъ трудѣ Летурно заключается общая картина человѣчества, причемъ различныя человѣческія расы оцѣниваются по своимъ умственнымъ качествамъ. Авторъ основываетъ свои выводы исключительно лишь на наблюденіи осязательныхъ фактовъ, такихъ, которые находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ сознательною жизнью человѣчества. Начиная свои кропотливыя изслѣдованія съ міра животныхъ, авторъ переходитъ потомъ къ ребенку, къ первобытному человѣку и, наконецъ, къ цивилизаціямъ великихъ расъ, такъ что передъ читателемъ развертывается постепенно картина умственной эволюціи внѣчеловѣческаго рода.

(Revue).

«*La vie mystérieuse des mers» par Emile Deschamps. Paris.* (*Schleicher*). *1 fr. 50. Avec 65 figures dans le texte et 4 planches en couleurs hors texte.* (*Таинственная жизнь морей*). Въ этой небольшой книгѣ авторъ посвящаетъ читателя въ тайны глубинъ океана. Разсказавъ объ исчезнувшихъ породахъ первобытныхъ эпохъ, авторъ знакомитъ читателя съ работою моря, его теченіями, морскими рѣками и т. п. Во второй части онъ описываетъ морскую фауну и заканчиваетъ морской флорой. Это настоящее физическое подводное путешествіе, которое онъ заставляетъ продѣлывать читателя вмѣстѣ съ собой.

(Journal des Débats).

«*La Democratie et l'organisation des partis politiques» par M. Ostrogorski. 2 vols. 20 fr.* (*Calmann Lévy*). (*Демократія и организація политическихъ партій*). Проблема, которую изслѣдуетъ авторъ въ своемъ трудѣ, принадлежитъ къ самымъ серьезнымъ и труднымъ проблемамъ, политической философіи. Онъ старается опредѣлить общія причины, вслѣдствіе которыхъ современному политическому обществу, возникшему на развалинахъ стараго режима, не удалось до сихъ поръ создать связную и справедливую систему, требуемую верховнымъ принципомъ демократіи. Авторъ изучаетъ два политическихъ общества, которыя въ XIX-мъ вѣкѣ осуществили наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ демократическую идею въ своей политической организаціи; это —Англія и Соединенные Штаты, и подвергаетъ самому подробному, тщательному и терпѣливому изслѣдованію дѣйствіе политическаго механизма этихъ обществъ и силъ, которыя приводятъ его въ движеніе, а также великихъ послѣдствій ихъ дѣятельности.

(Revue de Paris).

«*Schauspiel und Gesellschaft» von Alfred Kloar. Berlin* (*Johannes Räde*). (*Театръ и общество*). Профессоръ Клоаръ даетъ въ своей книгѣ историческій очеркъ театра и его отношеній къ меценатамъ и обществу. Онъ осуждаетъ въ современной публикѣ стремленіе придавать чрезмѣрно большое значеніе внѣшности и частностямъ, мелочнымъ подробностямъ и чувствамъ.

(Berliner Tageblatt).

«*The Land of the Black Mountain» by Reginald Wyon and Gerald Prance.* (*Methuen*). *6 s.* (*Страна Черной Горы*). Это совмѣстный трудъ двухъ путешественниковъ, основательно познакомившихся съ Черногоріей и ея населеніемъ и изслѣдовавшихъ условія, поддерживающія постоянное состояніе безпокойства на Балканахъ и въ Македоніи. Очень интересны описаніе черногорской жизни и нравовъ, столь мало похожихъ на нравы европейскихъ сосѣдей Черногоріи. (Daily News).

«*The Law of Likeness». David Bates.* (*Longmans*). *9 s.* (*Законъ подобія*). Прекрасно написанная книга, заключающая въ себѣ много оригинальныхъ мыслей, являющихся результатомъ продолжительнаго пребыванія автора въ Западной Африкѣ, среди первобытной природы; гдѣ онъ могъ наблюдать многообразныя проявленія ея силы и мощи и неумолимую борьбу за существованіе во всей ея первобытной простотѣ. Но больше всего его интересуютъ первобытные обитатели, простота ихъ жизни, общинная организація, старинные обряды и символы и столкновеніе съ христіанскою цивилизаціей. Онъ дѣлаетъ сравненія, которыя оказываются не въ пользу послѣдней. (Daily News).

«*Unknown Mexico» by Carl Lumholtz. Two vols.* (*Macmillan*). *50 s.* (*Неизвѣдомая Мексика*). Авторъ этой книги, извѣстный путешественникъ, началъ свою карьеру путешествіемъ въ Австралію, гдѣ онъ прожилъ болѣе года среди дикарей, кочуя и охотясь съ ними. Его такъ заинтересовало изученіе дикихъ и варварскихъ расъ, что онъ сдѣлалъ его главною цѣлью своей жизни. Это заставило его отправиться въ неизслѣдованныя еще области Мексики, гдѣ онъ могъ изучить туземныя племена, съ которыми прожилъ довольно долго. Его описанія представляютъ огромный интересъ съ этнологической точки зрѣнія. (Times).

«*Leaders of Public Opinion in Ireland» by W. E. H. Lecky. Two vols. New Edition.* (*Longmans*). *25 s.* (*Вожди общественнаго мнѣнія въ Ирландіи*). Въ этомъ новомъ, нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ изданіи своей книги, авторъ излагаетъ исторію ирландскаго движенія и характеристику его главнѣйшихъ и наи-

болѣе знаменитыхъ представителей, начиная съ послѣдней половины XVIII-го вѣка. (Times).

«*Millionaires and Kings of Enterprise*» *by J. Buruley. The marvellous Carcers of some Americans, who by Pluck, Foresight and Energy Inve made themselves Masters in the Frields of hadustry and Finance.* (*Roy*). *21 s.* (*Милліонеры, короли предпріятій*). Авторъ изслѣдуетъ замѣчательную карьеру нѣкоторыхъ американскихъ милліонеровъ, начавшихъ свое жизненное поприще въ нуждѣ и вынужденныхъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба иной разъ тяжелымъ трудомъ. (Times).

«*Penal servitude*» *by W. B. N. London. 1903.* (*William Heinemann*). (*Каторжная работа*). Въ 1897 г. сынъ одного изъ членовъ палаты лордовъ былъ приговоренъ на пять лѣтъ въ каторжную тюрьму и, отбывъ свое наказаніе, издалъ книгу, въ которой описываетъ свою жизнь въ тюрьмѣ и, на основаніи собственнаго опыта, дѣлаетъ заключенія объ англійской пенитенціарной системѣ и тюремномъ режимѣ и персоналѣ тюремъ. Книга интересная и наводитъ на многія размышленія. (Morning Post).

«*Education and professions for Women*». *Woman's Library, vol. I.* (*Chapman and Holl*). (*Воспитаніе и профессіи для женщинъ*). Это сборникъ статей различныхъ авторовъ-женщинъ по вопросу о высшемъ образованіи женщинъ и разныхъ профессіяхъ, открытыхъ въ настоящее время для женщинъ. Особенно интересны статьи о журнализмѣ, сценѣ, медицинской и общественной дѣятельности женщинъ. (Athaeneum).

«*Through the Heartof Patagonia*» *by H. Hesketh Prichard.* (*Heinemann*). (*Въ недрахъ Патагоніи*). Нельзя не привѣтствовать появленіе этой книги, чрезвычайно занимательной и художественно иллюстрированной, такъ что авторъ, издатель и художникъ равно заслуживаютъ похвалы. Авторъ участвовалъ въ научной экспедиціи, отправленной въ Патагонію газетою «Daily Express» съ цѣлью подтвердить существованіе въ южной области Патагоніи нѣкоторыхъ экземпляровъ допотопныхъ животныхъ, такъ какъ въ іюнѣ 1900 г. директоръ британскаго музея естественной исторіи Рей Ланкастеръ высказалъ въ своей лекціи мнѣніе, раздѣляемое, впрочемъ, и другими учеными, что «Mylodon», можетъ быть, еще существуетъ въ глубинѣ лѣсовъ южныхъ Аидъ». Въ поискахъ за этимъ допотопнымъ звѣремъ авторъ изслѣдовалъ малоизвѣстныя области Патагоніи и хотя нигдѣ не нашелъ «Mylodon'a», но сдѣлалъ много интересныхъ открытій и наблюденій надъ обитателями и природою этой страны. (Athaeneum).

«*Geflüsterte Warte*» *von Carmen Sylva.* (*Regensburg, Wunderling*). (*Слова, сказанныя Соломомъ*). Эта маленькая книжка содержитъ въ себѣ нѣсколько статей, касающихся разныхъ явленій общественной жизни. Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва, хорошо извѣстенъ читающей публикѣ. Въ книгѣ есть статья, посвященная женскому вопросу. (Berliner Tageblatt).

«*Plain and Veldt*» *by J. H. M. Abbott* (*Methuen*). (*Равнина и Фельдтъ*). Книга состоитъ изъ двухъ частей, австралійской и африканской, такъ какъ авторъ въ своихъ первыхъ очеркахъ описываетъ австралійскую жизнь и дѣйствія англичанъ въ Австраліи, въ другихъ же онъ говоритъ о британскихъ методахъ въ южной Африкѣ, о послѣдней войнѣ и т. п. (Athaeneum).

«*World's People*» *by Julien Gordon.* (*Methuen*). (*Народъ міра*). Въ книгѣ заключается тринадцать коротенькихъ очерковъ, обрисовывающихъ жизнь общества въ Европѣ и Америкѣ, написанныхъ очень живо и ярко и указывающихъ наблюдательность автора. (Athaeneum).

«*Fallacies in present day Thought*» *by J. p. Sandlands.* (*Elliot Stoek*). (*Ошибки современной мысли*). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ мыслей и теорій, особенно сильно занимающихъ и волнующихъ современное общество, и указаніе, въ чемъ заключается ошибочность этихъ теорій. Авторъ говоритъ о вещахъ обыденной жизни, о такихъ воззрѣніяхъ, съ которыми человѣку приходится сталкиваться ежедневно, и старается выдѣлить то, что въ этихъ воззрѣніяхъ заключается ложнаго и неправильнаго, опирающагося на основныя заблужденія человѣческой мысли. (Athaeneum).

«*Human Evolution: an inductive Study of Man*» *by G. Rome Hall. 7 s. 6 d.* (*Swan Sonnenschein*). (*Человѣческая эволюція*). Авторъ дѣлаетъ попытку научнымъ образомъ обосновать эволюцію соціализма. Книга написана очень живо и прочтется съ большимъ интересомъ всѣми, кто слѣдитъ за современнымъ общественнымъ и политическимъ развитіемъ. (Athaeneum).

«*Psychology, normal and Morbid*» *by Dr Mercier.* (*Swan Sonnenschein*). *15 s.* (*Психологія въ нормальномъ и болѣзненномъ состояніе*). Въ высшей степени интересная книга, которая можетъ служить хорошимъ руководствомъ въ различныхъ психологическихъ вопросахъ не только для профессіональныхъ психологовъ, но и для обыкновенныхъ образованныхъ читателей. (Athaeneum).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

ЗЕМНАЯ КОРА.

Проф. Карлъ Запперъ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

В. К. АГАФОНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

ВВЕДЕНІЕ.

Изъ множества задачъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится человѣческій умъ, едва ли не самый высокій интересъ представляютъ старые вопросы: о происхожденіи нашей матери-земли, ея дальнѣйшихъ судьбахъ, о появленіи и исчезновеніи на ея поверхности горъ и долинъ, равнинъ и морей. Заманчиво и привлекательно изслѣдовать тѣ силы, которыя, совершая разнообразнѣйшія измѣненія лика земли, проявляются, то въ бурномъ и мощномъна пряженіи энергіи, то въ незамѣтной, медленной и тихой работѣ. Знакомясь ближе съ составомъ земной коры, мы узнаемъ не только о разнообразіи строительнаго матеріала, изъ котораго сооружено это дивное зданіе; мы встрѣчаемся тамъ повсюду съ остатками давно вымершихъ животныхъ и растеній—этихъ свидѣтелей погибшаго органическаго міра. Отсюда возникаютъ для насъ новые важные вопросы: какимъ образомъ эти органическіе остатки очутились въ нѣдрахъ земли, какъ могли они сохраниться до настоящаго времени. Сравнивая окаменѣлости животнаго и растительнаго міра съ организмами, живущими теперь, и замѣчая безчисленныя и рѣзкія различія, мы невольно наталкиваемся на вопросъ, являются ли эти чуждыя намъ формы давно прошедшаго періода въ исторіи нашей планеты—свидѣтелями отдѣльныхъ актовъ творчества или онѣ на отдаленномъ концѣ того пути развитія, который посредствомъ постепенныхъ переходовъ приводитъ отъ нихъ къ животнымъ и растеніямъ, нынѣ населяющимъ землю.

Несмотря на высокій интересъ вопросовъ, которыхъ мы только что коснулись, кружокъ ученыхъ, пытавшихся отвѣтить на нихъ, былъ всегда относительно не великъ, и поэтому еще только недавно и положено прочное основаніе такимъ наукамъ, какъ геологія и физическая географія. Знакомство съ этими вопросами проникло только въ немногіе классы общества и даже большей части образованныхъ людей они остаются чуждыми. Однако, интересъ къ нимъ начинаетъ повсюду пробуждаться въ усиленной степени. Поэтому мы дѣлаемъ здѣсь попытку, познакомить читателя не только съ исторіей изслѣдованія земной коры, но и сдѣлать вмѣстѣ съ тѣмъ доступнымъ его пониманію самый ходъ исторіи развитія земного шара.

Можно, пожалуй, съ удивленіемъ задать себѣ вопросъ, какъ произошло то, что изслѣдованіе земной коры вступило сравнительно поздно на путь твердо обоснованнаго, систематическаго изученія и что данныя этихъ изслѣдованій далеко не въ такой же степени, какъ въ другихъ отрасляхъ знанія, сдѣлались общимъ достояніемъ образованныхъ людей.

Но отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ.

Дѣло идетъ здѣсь объ очень трудныхъ проблемахъ, проникновеніе въ которыя требуетъ высокой степени наблюдательности. Правда, рѣки

и ручьи своею тысячелѣтнею работой проложили себѣ путь глубоко въ нѣдра горъ и въ своихъ долинахъ и ущельяхъ позволяютъ намъ видѣть и изучать строеніе нѣкоторой части земной коры; правда, что и самъ человѣкъ, благодаря своимъ изумительнымъ техническимъ сооруженіямъ, какія мы встрѣчаемъ въ горномъ дѣлѣ, въ проведеніи тоннелей и въ буреніи почвы, проникъ на значительную глубину внутрь земли и могъ при этомъ подробно изучить ея составъ,—однако, какъ ни грандіозны кажутся намъ эти искусственыя вскрытія, освѣщающія намъ внутреннее строеніе земли, какъ ни величественны для насъ горные хребты и вершины, все же въ сравненіи съ величиною земного шара они ничтожны. Въ самомъ дѣлѣ, самая значительная глубина, до которой былъ опущенъ когда-либо буръ, едва превосходитъ два километра. (Въ Силезіи въ Парушовитцѣ буреніемъ достигли до 2.002 метровъ глубины). Между тѣмъ, если мы примемъ во вниманіе, что земной радіусъ равенъ почти 6.370 километрамъ, то намъ станетъ очевидно, что человѣческій трудъ даетъ намъ возможность заглянуть только въ ничтожную часть земного шара. Точно также исполинскія вершины Альпъ, Андовъ и Гималаевъ, на которыя мы взираемъ съ изумленіемъ, кажутся карликами, если мы сравниваемъ ихъ съ величиною земного шара. Уже самыя числа ихъ абсолютной высоты (Монбланъ 4,8 кил., Аконкагуа около 7 кил., Гауризанкаръ 8,8 кил.) чрезвычайно незначительны въ сравненіи съ вышеприведенною длиною земного радіуса; но еще яснѣе будетъ для насъ это отношеніе, если мы попытаемся представить его наглядным образомъ. Этой цѣли превосходно отвѣчаютъ профиля поперечныхъ разрѣзовъ части земного шара въ масштабѣ хотя бы 1 : 1.000.000, гдѣ каждому миллиметру чертежа соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности километръ во всѣхъ направленіяхъ. Кривизна верхней линіи такого профиля соотвѣтствуетъ естественной кривизнѣ земной поверхности и при упомянутомъ выше масштабѣ потребовала бы глобусъ съ діаметромъ въ 12 метровъ. Разсматривая такія точныя изображенія дѣйствительныхъ отношеній, мы изумляемся ничтожности относительной высоты горъ и глубины морей и океановъ и должны признать, какъ незначительна доступная нашему непосредственному наблюденію часть внѣшней земной коры сравнительно съ совершенно недоступной внутренностью земли, о которой мы можемъ дѣлать только болѣе и или менѣе основательныя предположенія. Наши представленія о внутренности земли были бы еще менѣе увѣренны, если бы мы основывали свои заключенія только на аналогіяхъ, которыя позволяютъ намъ дѣлать изслѣдованія доступной части земной коры. Къ нашему счастью, природа дала намъ вспомогательное средство изученія въ вулканическихъ явленіяхъ и мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью дѣлать заключенія объ извѣстной части земной внутренности и о ея свойствахъ. Конечно, мы также мало знаемъ, на какой глубинѣ должны находиться очаги вулкановъ, какъ и то, что можно ожидать встрѣтить еще на большей глубинѣ. Составъ же самого ядра земли въ настоящее время все еще остается, да, можетъ быть, и впредь останется для насъ загадкой.

Но если наше изслѣдованіе, направленное въ глубину земли, скоро достигаетъ своего предѣла, то, съ другой стороны, и на самой ея поверхности поле для изслѣдованія земной коры относительно еще болѣе ограничено. Суша, которая только и годна для геологическихъ изученій, составляетъ только $^2/_7$ земной поверхности, остальная часть послѣдней покрыта водою. Кромѣ того, на сушѣ мы находимъ обширныя

пространства, покрытыя льдами или продуктами разрушенія горныхъ породъ, которые скрываютъ отъ насъ истинное строеніе земной коры.

Правда, на поверхности земли еще достаточно мѣстъ, гдѣ земная кора доступна изслѣдованію, и съ самаго начала новой научной эры не было недостатка въ людяхъ, которые изучали у себя на родинѣ самымъ подробнымъ образомъ соотношенія различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ земной коры, чтобы выяснить тотъ планъ, по которому построенъ данный кусокъ ея. Но необходимо было еще собрать воедино и привести въ порядокъ весь огромный матеріалъ, доставляемый этими наблюденіями, прежде чѣмъ въ планахъ строенія различныхъ частей были замѣчены общія основныя черты, которыя позволили бы установить общую систему, годную для уясненія архитектуры всей земной коры. Послѣ того, какъ эта цѣль была достигнута, можно было приняться за изученіе силъ, которыя производили въ разныя эпохи исторіи нашей планеты разнообразныя измѣненія. Становясь лицомъ къ лицу предъ величіемъ этихъ измѣненій, легко было придти къ заключенію, что единственною причиной всѣхъ подобныхъ измѣненій служитъ бурное и могучее проявленіе внутреннихъ вулканическихъ силъ. Только весьма недавно было доказано, что медленная работа воды, вѣтра и колебаній температуры, накопляясь въ теченіе громадныхъ періодовъ времени, способна произвести столь же огромные результаты и совершенно преобразовать всю земную поверхность.

Тихая работа вышеназванныхъ силъ происходитъ повсюду предъ нашими глазами. Въ любой прогулкѣ мы наблюдаемъ, какъ вѣтеръ гонитъ облака пыли, или журчащій ручеекъ увлекаетъ въ своемъ теченіи песокъ или гальки и т. п., но намъ большею частью не приходитъ въ голову мысль, что эти явленія именно потому, что они происходятъ ежедневно и происходили въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ, могли произвести колоссальную работу, что они въ буквальномъ смыслѣ слова «сдвигали горы и наполняли моря». И какъ теперь мы ясно наблюдаемъ работу, совершаемую вѣтромъ, быстрымъ ручьемъ, но обыкновенно не думаемъ при этомъ о результатахъ этой работы, такъ и въ старые годы люди видѣли и наблюдали эти явленія, но только немногіе выдающіеся умы признавали огромное значеніе этихъ явленій и высказывали это. Ихъ голоса большею частью были «гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ» или изрѣдка находили немногихъ вѣрующихъ слушателей. Огромное большинство не было въ состояніи постигнуть такихъ истинъ. Имъ эти обыденныя явленія казались незначительными, не стоющими вниманія. Только что-либо необычайное, какое-нибудь выходящее изъ предѣловъ обыденнаго по своей ли поразительной красотѣ, или по мощному, часто ужасающему дѣйствію явленіе природы могло вывести ихъ умъ изъ привычнаго круга мыслей, заставить призадуматься надъ причинами такихъ явленій, надъ происхожденіемъ земли и ея будущей судьбой.

Такое явленіе нѣкогда было общимъ даже у народовъ, стоявшихъ на относительно высокой ступени культуры, но еще въ большей степени мы наблюдаемъ его въ настоящее время среди дикихъ племенъ. Совершенно справедливо, что дикарь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо больше упражнялъ свои органы чувствъ и довелъ ихъ до большей остроты, чѣмъ мы, изнѣженные, культурные люди. Но онъ пользуется ими съ чисто практическою цѣлью, напр., на охотѣ, для оріентировки въ незнакомой мѣстности и т. п. Его мысль никогда не бываетъ занята разрѣшеніемъ трудныхъ теоретическихъ вопросовъ.

Онъ превосходно видитъ помутнѣніе воды въ ручьѣ или рѣкѣ послѣ ливня и понимаетъ, что причиною этого помутнѣнія служитъ почва, смытая водою. Онъ знаетъ также очень хорошо изъ собственнаго опыта, что рѣки въ половодьѣ увлекаютъ своимъ теченіемъ значительной величины валуны и оставляютъ ихъ гдѣ-нибудь на пути при спадѣ воды. Ему извѣстны перемѣщающіяся песчанныя отмели, затрудняющіе ему судоходство, онъ знакомъ и съ работой прибоя морскихъ волнъ и ея результатами, благодаря собственнымъ наблюденіямъ. Но онъ не размышляетъ о томъ, какія результаты произведутъ эти явленія, повторявшіяся въ теченіе долгаго времени, онъ и не предполагаетъ, что они могутъ имѣть существенное значеніе въ образованіи земной поверхности. Его взоръ направленъ только на близкое, на ближайшее къ нему, все далекое, находящееся вдали его непосредственныхъ нуждъ, оставляетъ его совершенно равнодушнымъ. Такъ дикарь относится какъ пространству, такъ и ко времени, и въ этомъ отношеніи онъ близокъ къ мышленію и чувствамъ ребенка.

Относительно недавно это еще не было общепринятымъ и умственному кругозору дикаря присочинили нѣкоторыя совершенно чуждыя ему черты. Люди, одаренные пылкимъ воображеніемъ, сидя въ своихъ кабинетахъ, вообразили, что на дикаря, это дитя природы, должно производить глубокое вліяніе тихій шелестъ листьевъ въ его дѣвственныхъ лѣсахъ, и въ порывѣ вѣтра, потрясающаго вершины деревьевъ ему долженъ слышаться голосъ Бога. Наблюденіе показало, напротивъ, что у дикаря не возникаетъ никакой мысли ни при шелестѣ листьевъ, ни при бурныхъ порывахъ вѣтра. Онъ съ самаго дѣтства слишкомъ привыкъ къ этому, чтобы въ его умѣ возникали при этомъ какія-либо опредѣленныя идеи. Необходимы особенныя, чрезвычайныя явленія природы, чтобы пробудить у него какую-нибудь мысль. Даже грозовыя бури съ ихъ сверкающею молніей, грохочущимъ громомъ производятъ на дикаря сильное впечатлѣніе только въ странахъ, гдѣ онѣ не часты, но сопровождаются разрядами электричества огромнаго напряженія и необычайными ливнями. Поэтому—то мы встрѣчаемъ въ качествѣ атрибутовъ высшаго божества такъ называемыя «громовыя стрѣлы» у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ. Нерѣдко также собираются дикари въ ихъ храмахъ предъ наступленіемъ бури, чтобы молитвой, жертвами, танцами и другими священными обрядами умилостивить гнѣвъ ихъ боговъ. Если молнія убьетъ человѣка, то возникаетъ и глубоко укореняется вѣрованіе, что такія событія являются карой боговъ за какое-нибудь злодѣяніе. Но когда буря минуетъ благополучно, дикарь успокаивается и мысль его совершенно не занята размышленіями о происхожденіи или дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ минувшей бури.

Болѣе глубокое впечатлѣніе производятъ на дикаря только такія землетрясенія, чрезвычайныя сотрясенія земной коры, при которыхъ въ послѣдней образуются большія разселины, поглощающія людей, и животныхъ; они дѣйствуютъ на душу дикаря съ необычайною силой, но воспоминаніе о нихъ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію въ неопредѣленныхъ образахъ, часто преувеличенныхъ позднѣйшими добавленіями. Всѣ прочія, даже значительныя землетрясенія, сохраняются въ памяти дикаря только относительно короткій промежутокъ времени, главнымъ образомъ потому, что на низкой ступени культуры, на которой онъ находится, землетрясенія причиняютъ ему, въ общемъ, несравненно меньшій вредъ, чѣмъ народамъ высокой

культуры. Низкія, покрытыя пальмовыми листьями или соломой хижины дикарей не разрушаются даже при сильномъ землетрясеніи. Они не рушатся и не погребаютъ подъ своими развалинами ихъ обитателей, какъ это обыкновенно происходитъ при каменныхъ жилищахъ европейцевъ. Вслѣдствіе значительно меньшей опасности, которой подвергается дикарь при землетрясеніи, послѣднее производитъ на него менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на европейца. Достаточно одного примѣра, взятаго изъ дѣйствительности, чтобы уяснить себѣ это. Вспомнимъ, напр., землетрясеніе, происходившее на островѣ Искія 28-го іюля 1883 года, при которомъ былъ совершенно разрушенъ курортный городъ Казамиччіоле и многіе изъ его жителей погибли. Если мы представимъ себѣ на мѣстѣ этого города съ многоэтажными каменными домами низкія хижины индѣйцевъ или негровъ, то мы не можемъ вообразить, чтобы землетрясеніе такой интенсивности могло бы здѣсь принести какой-либо вредъ. Очевидно, что воспоминаніе объ однихъ только сильныхъ подземныхъ толчкахъ должно быстро изчезнуть изъ памяти даннаго племени, именно потому, что имъ не пришлось бы оплакивать гибель людей или имущества. Дикарь, котораго кругозоръ вообще очень ограниченъ, мало обращаетъ вниманія на все, что не касается близко его личности, его родственниковъ. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ, какъ землетрясеніе, онъ успокаивается на мысли, что причина этого явленія исходитъ отъ Бога или какого-нибудь сказочнаго существа и не связываетъ съ этимъ никакихъ дальнѣйшихъ естественно-научныхъ изслѣдованій.

Точно также относится дикарь къ уясненію себѣ вулканическихъ явленій. Къ правильной или, по крайней мѣрѣ, частой дѣятельности дѣйствующихъ вулкановъ, которые вокругъ себя не причиняютъ никакого вреда, дикарь, живущій вблизи, привыкъ съ самаго юнаго возраста. У него возникаетъ при этомъ столь же мало мыслей, какъ и при наблюденіи правильнаго кругообращенія солнца или луны. Иначе, конечно, обстоитъ дѣло, когда происходитъ чрезвычайное вулканическое изверженіе, когда мракъ въ теченіе нѣсколькихъ дней окутываетъ цѣлую страну, земля дрожитъ, а изъ внутренности вулкана слышатся оглушительные громъ и рокотаніе, когда безпрерывныя молніи прорѣзываютъ густую темноту и на землю льется ливнемъ пепелъ, когда, наконецъ, потоки лавы выливаются изъ кратера и стекаютъ по его склонамъ и въ быстромъ или медленномъ своемъ теченіи, опустошая и сжигая все на пути, изливаются на роскошную растительность полей. При такихъ явленіяхъ, конечно, и дикарь не устоитъ противъ того впечатлѣнія, которое производитъ на всякое человѣческое существо такое грандіозное зрѣлище. Но это впечатлѣніе далеко отъ какихъ-либо естественно-научныхъ размышленій. Имъ овладѣваетъ прежде всего мысль о спасеніи самого себя или своихъ близкихъ и, можетъ быть, еще своего ничтожнаго могущества. Самое же грозное явленіе онъ большею частью приписываетъ гнѣву боговъ, подобно тому, какъ многіе христіане, принадлежащіе къ культурнымъ народамъ, еще часто видятъ въ вулканическихъ изверженіяхъ ниспосланное Богомъ наказаніе.

Такъ какъ сильныя вулканическія изверженія бываютъ относительно рѣдко и иногда, какъ это доказало значительное изверженіе вулкана Козегвино въ январѣ 1835 года, не сопровождаются большим разрушеніями или человѣческими жертвами, то о нихъ мало говорится въ сказаніяхъ первобытныхъ народовъ и они не играютъ значительной роли въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Однако, близкая

связь между землетрясеніями и вулканическими изверженіями также не ускользнула отъ наблюденія первобытныхъ народовъ и отъ древнѣйшихъ культурныхъ націй, какъ и отъ современныхъ наблюдателей. Въ очень красивой и наглядной формѣ выражены эти мысли въ сказаніяхъ индѣйцевъ средней Америки, гдѣ «Сипакуа создаетъ горы, между тѣмъ какъ Кабраканъ ихъ разрушаетъ и потрясаетъ землю».

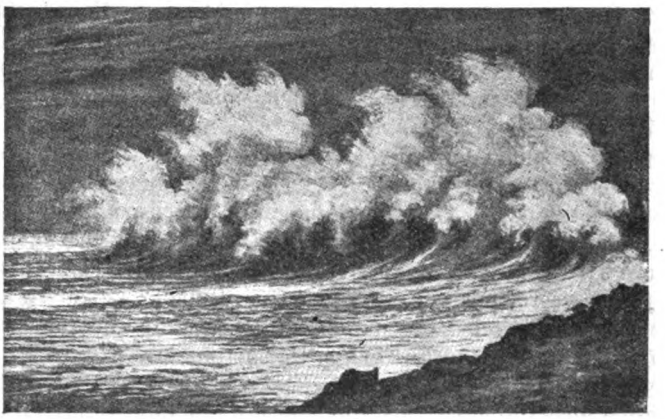


Рис. 1. Волна у береговъ острова Цейлона во время сѣверо-западнаго шторма весной 1900 года.

Гораздо бо́льшій вредъ, чѣмъ бури, землетрясенія и вулканическія изверженія, причиняютъ человѣку и его первобытному имуществу наводненія, особенно тѣ изъ нихъ, которыя вызваны непредвидѣнными явленіями, напр., землетрясеніемъ, ураганомъ, прорывами горныхъ озеръ и т. п. Поэтому у многихъ первобытныхъ людей, а также у древнихъ культурныхъ народовъ долго сохранялись воспоминанія о великихъ потопахъ. Однако, существуютъ огромныя страны, такъ, напр., почти во всей Африкѣ, гдѣ у туземцевъ воспоминанія о подобнаго рода явленіяхъ совершенно отсутствуютъ. Обыкновенныя наводненія при половодьи рѣкъ или ливняхъ едва ли могутъ повести къ долговѣчнымъ преданіямъ. Для живущаго въ первобытномъ состояніи человѣка эти явленія вполнѣ понятны и, заселяя область, часто подвергающуюся наводненіямъ, онъ большею частью выборомъ мѣста для жилища умѣетъ защитить себя отъ внезапной опасности. Иначе, разумѣется, обстоитъ дѣло при необычайныхъ явленіяхъ природы, которыя не могли быть предвидимы заранѣе и противъ которыхъ не могло быть поэтому принято никакихъ мѣръ предосторожности. При нихъ часто гибнетъ множество людей, и нерѣдко изъ цѣлыхъ племенъ оставалось только нѣсколько человѣкъ, избѣгшихъ, по счастливой случайности, общей участи. Стоитъ только подумать о такомъ огромномъ количествѣ людей, павшихъ жертвами землетрясенія въ 1755 году въ Лиссабонѣ или изверженія вулкана Кракатау въ 1883 г. или, наконецъ, отъ морскихъ волнъ, гонимыхъ на берегъ нѣкоторыми циклонами въ Индіи, чтобы признать достовѣрность разсказовъ о гибели цѣлыхъ племенъ при подобныхъ явленіяхъ. Дѣйствительно, какъ это убѣдительно доказано Рих. Андрэ (Richard Andree) въ его «Легендахъ о потопахъ», въ большей части преданій о всемірныхъ потопахъ, какъ у эскимосовъ полуострова Принца Валлійскаго, такъ и арауканцевъ, потопы эти очевидно причинены

землетрясеніями. У арауканцевъ же существуютъ преданія не только о потопахъ, но также и о вулканическихъ изверженіяхъ, что позволяетъ намъ разсматривать послѣднія, какъ причину первыхъ. Въ странахъ континентальныхъ поводомъ къ преданіямъ о всемірныхъ потопахъ послужили, вѣроятно, горныя озера, внезапно прорвавшіяся въ долины, таковы, напр., преданія мюискасовъ (или хибхасовъ) въ Колумбіи или у жителей Тибета и Кашмира. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поводомъ къ созданію легенды о всемірномъ потопѣ послужили находимыя окаменѣлости рыбъ, коралловъ и раковинъ, легко распознававшіяся даже и наивными первобытными народами, какъ это мы находимъ, напр., у самоанцевъ, у жителей острововъ Товарищества и у нѣкоторыхъ эскимосовъ. Иногда ураганы сами по себѣ или въ соединеніи съ землетрясеніями причиняли ужасающія по своей опустошительности, наводненія, память о которыхъ сохранилась на долгія времена у народовъ. Къ этому классу явленій принадлежитъ, по замѣчательнымъ изслѣдованіямъ Эдуарда Зюсса, и огромное наводненіе, причиненное ураганомъ въ связи съ землетрясеніемъ, которое постигло нѣкогда низовья Тигра и Ефрата и послужило основаніемъ къ библейскимъ, а также и болѣе древнимъ вавилонскимъ преданіямъ о всемірномъ потопѣ. Мы слишкомъ бы уда-

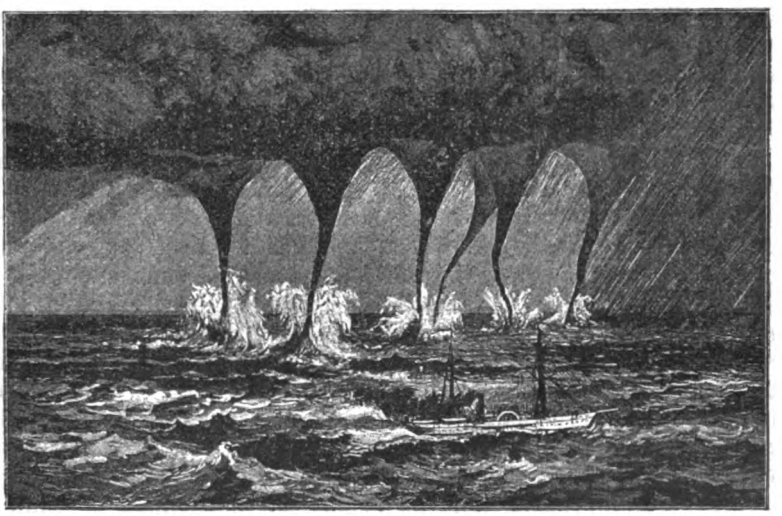


Рис. 2. Водяной смерчъ у западныхъ береговъ Африки въ 1884 году.

лились отъ трактуемаго предмета, если бы вздумали ознакомиться ближе со всѣми этими преданіями. Однако, мы позволимъ себѣ привести здѣсь еще одну своеобразную легенду, такъ какъ она связана съ другими событіями и приспособленіями, чѣмъ тѣ, которыя мы обыкновенно встрѣчаемъ въ преданіяхъ о всемірныхъ потопахъ. Это легенда о потопѣ у индѣйцевъ Гватемалы. Она разсказываетъ намъ о гибели первыхъ людей, которые не захотѣли съ глубокой благодарностью думать о ихъ Богѣ и Творцѣ и за это были осуждены. Преданіе гласитъ слѣдующее.

«Поднялись громадныя воды и хлынули на нихъ. Тѣла мужчинъ были созданы изъ коры пробковаго дерева, а тѣла женщинъ изъ сердцевины тростника. Такъ какъ они не помышляли о своемъ Творцѣ и

не были благодарны ему за ихъ созданіе, то они были преданы смерти и утоплены. Съ неба падало много смолы и сѣры и птица, называемая Ксекотковушъ, прилетѣла и выклевала имъ очи, другое животное, называемое Котцбаламъ, пожрало ихъ мясо и Текумбаламъ раздробилъ ихъ кости и нервы и сдѣлалъ изъ нихъ муку. Все это произошло, какъ кара и наказаніе, такъ какъ они не выразили благодарности ихъ матери и ихъ отцу, ихъ господину, сердцу неба, именуемому Гураканомъ. Лицо земли окуталось глубокимъ мракомъ, начался дождь, лившійся потоками и днемъ и ночью, и пришли звѣри всякаго рода, большіе и малые, и пришли деревья и скалы и ударяли ихъ въ лица и надругались надъ ними. И всѣ говорили: жернова, сковороды, тарелки, сосуды, горшки, собаки. Всѣ надругались надъ ними и говорили: «Вы дурно поступали съ нами, вы кусали насъ и вотъ мы также будемъ васъ теперь кусать», сказали собаки и курицы, а мельничные жернова сказали: «Мы всѣ испытали отъ васъ мученія, каждый день съ утра до вечера, теперь вы испытаете нашу силу; мы будемъ молоть ваше мясо и сдѣлаемъ муку изъ вашихъ тѣлъ». Такъ говорили мельничные жернова; собаки же сказали: «Вы не давали намъ пищи, а мы стояли и смотрѣли на васъ, а вы отгоняли и прогоняли насъ прочь и держали всегда наготовѣ палку, чтобы бить насъ. Теперь вы почувствуете зубы, которые у насъ въ пасти: мы загрызем васъ», сказали собаки; сковороды же и горшки говорили слѣдующимъ образомъ: «Боль и мученіе причиняли вы намъ, нашъ ротъ и наше лицо было закопчено дымомъ, мы постоянно варились на огнѣ, вы жгли насъ и мы чувствовали боль; теперь вы это испытаете, мы будемъ васъ жечь», сказали горшки и жгли ихъ въ лицо. И люди бѣгали вокругъ полные ужаса; они пытались взбираться на крыши домовъ, но дома рушились и погребали ихъ подъ своими развалинами; они пытались взлѣзать на деревья, но деревья сбрасывали ихъ; они хотѣли укрыться въ пещерахъ, но пещеры замыкались предъ ними, и такъ всѣ они были преданы смерти».

Дѣлая обзоръ всего богатства сказаній о потопахъ, мы должны признать, что въ большинствѣ случаевъ они связаны съ какимъ-либо дѣйствительнымъ явленіемъ природы. Но если подобныя воспоминанія, окутанныя всевозможнымъ мистическимъ туманомъ, сохранились въ сердцахъ отдѣльныхъ народовъ, то, съ другой стороны, они ни въ одномъ случаѣ не привели къ естественно научнымъ соображеніямъ и изслѣдованіямъ о сущности и причинахъ катастрофы. Напротивъ, нѣкоторые некультурные народы принимали подобныя явленія безъ всякихъ размышленій, какъ фактъ, между тѣмъ какъ другіе видѣли въ этомъ кару Бога. Мысль о томъ, что закономѣрныя явленія могли и даже при извѣстныхъ условіяхъ должны были повести къ такимъ событіямъ,—такая мысль слишкомъ абстрактна, чтобы могла зародиться у этихъ дѣтей природы, привыкшихъ всегда мыслить конкретно. Обратимъ при этомъ вниманіе на то обстоятельство, что въ вышеприведенной легендѣ индѣйцевъ—животныя и домашняя утварь выступаютъ, какъ существа, надѣленныя даромъ слова, и что индѣйцы и до сихъ поръ еще нерѣдко, въ своихъ разсказахъ, вводятъ воду и горы, какъ лицъ говорящихъ, и мы поймемъ, что они представляютъ себѣ вещество одушевленнымъ и, соотвѣтственно этому, усматриваютъ въ грозныхъ явленіяхъ природы враждебно расположенныя существа...

Также многочисленны и своеобразны легенды о происхожденіи или сотвореніи міра. Мы вынуждены, однако, удовольствоваться здѣсь только указаніемъ, что большей части первобытныхъ народовъ матерія пред-

ставлялась, какъ нѣчто вѣчное, и что творческая дѣятельность ихъ боговъ сводилась единственно къ приданію формы предвѣчной матеріи, а именно къ отдѣленію суши отъ воды. То же самое относится и къ большинству древнихъ культурныхъ народовъ. Правда они глубже понимали ихъ задачу, но они также не могли отказаться отъ идеи о вѣчности матеріи.

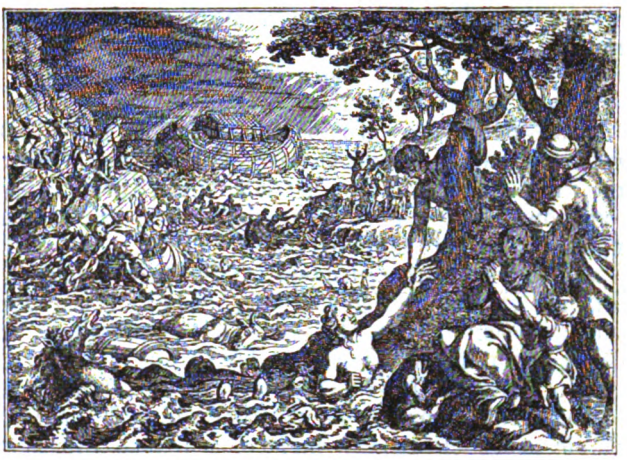


Рис. 3. Потопъ. Рисунокъ изъ «Chronica» Готтфрида 1683 г.

Японская космологія, напр., слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе міра: въ древнѣйшія времена, когда небо и земля не были отдѣлены, когда мрачное и свѣтлое были нераздѣльны, существовалъ только первобытный эфиръ смѣсь, подобная яйцу. Свѣтлое, какъ легчайшее носилось вверху и стало небомъ; тяжелое, мрачное осадилось въ воды и стало землей.

Съ такимъ матеріалистическимъ воззрѣніемъ на происхожденіе міра находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи философскія размышленія въ индусскихъ космологіяхъ.

Такъ, гимнъ 129 изъ 10 книги Ригведы гласитъ слѣдующее: «Мракомъ окутано было все, въ началѣ неразличимая вода. Затѣмъ произошла ночь и волнующееся море. Изъ волнующагося моря родилось время, оно установило дни и ночи, оно—господство и власть надъ всѣмъ, что движетъ глазами. Такъ по порядку Творецъ создалъ солнце и луну, небо и землю, воздушное и эфирное пространства».

Что такая научная система не могла быть плодомъ наивнаго народнаго творчества и, очевидно, создана жрецами и мыслителями,—это ясно, какъ день. Въ самомъ дѣлѣ, у индусовъ были также распространены совсѣмъ иного рода воззрѣнія на происхожденіе міра. Мы находимъ у нихъ идею развитія, проведенную по образцу животной и растительной жизни. Такъ говорится, напр.: «Въ началѣ это все было ничто; затѣмъ оно измѣнилось, образовалось яйцо, которое оставалось въ теченіе года, раздѣлилось на двѣ половины, обѣ половины были изъ золота и серебра, серебро есть земля, золото—небо, оболочка—облака, сосуды—рѣки. То, что родилось, есть солнце». Еще яснѣе и въ очень поэтической формѣ объясняетъ происхожденіе міра слѣдующій миѳъ: «Изъ первичной воды поднялся золотой цвѣтокъ—лотосъ; изъ почки

его, прежде всего, вышелъ Брама и онъ-то создалъ потомъ изъ отдѣльныхъ частей цвѣтка части міра». Подобному же направленію идей близко слѣдовалъ египетскій народъ.

Совершенно иное мы находимъ у сѣверо-германскихъ народовъ. Въ космогоніи «Эдда» говорится только о первичномъ времени, затѣмъ о зіяющей безднѣ, міровомъ пространствѣ, объ Имирѣ (Ymir), матеріи, которая и здѣсь, какъ и у многихъ первобытныхъ народовъ, представляетъ, нѣчто первичное, вѣчное; только впослѣдствіи боги придаютъ форму.

Иное, опять-таки, гласитъ библейское повѣствованіе о сотвореніи міра. Здѣсь личный всемогущій Богъ создаетъ изъ ничего весь міръ, однако не сразу во всемъ его великолѣпіи, а такъ: «Земля была пустынна и пуста, мракъ покрывалъ бездну и Духъ Божій носился надъ водами». Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь идею о матеріи, окутанной мракомъ, и личномъ, духовномъ существѣ, которое цѣлесообразно преобразуетъ и формируетъ ее.

Вслѣдъ затѣмъ въ «Бытіи» говорится: «И Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ». Слѣдовательно, свѣтъ былъ какъ бы созданъ только по слову Бога. Но если мы вспомнимъ, что древніе народы обыкновенно представляли себѣ свѣтъ, какъ нѣчто матеріальное, и что матерія (I гл. 1 книги Моисея) уже существовала, то, конечно, никоимъ образомъ не слѣдуетъ здѣсь понимать дѣйствительное созданіе этого свѣта изъ ничего, а только отдѣленіе свѣтовой матеріи отъ остального вещества,—представленіе очень обычное и среди другихъ народовъ. Подобное же отдѣленіе послѣдовало по Слову Божію и въ раздѣленіи первичныхъ водъ на двѣ половины, отдѣленныя другъ отъ друга твердью небесною, въ отдѣленіи суши—земли, отъ воды—морей. Затѣмъ слѣдовало твореніе растительной жизни, небесныхъ тѣлъ, животныхъ и, наконецъ, человѣка.

Какъ бы рѣзко моисеево повѣствованіе о сотвореніи міра ни отличалось яснымъ изложеніемъ и общимъ монотеистическимъ характеромъ отъ всѣхъ другихъ сказаній этого рода, существенную отличительнуы черту его отъ прочихъ космологій нужно искать только въ 1 ст. 1 книги Моисея, въ созданіи неба и земли изъ ничего. Но, какъ на это обратилъ вниманіе Генрихъ Циммернъ въ своемъ превосходномъ трудѣ о библейской и вавилонской первоначальной исторіи, моисеево повѣствованіе о твореніи міра было написано во время или послѣ вавилонскаго изгнанія, слѣдовательно, не раньше какъ въ VI столѣтіи до Р. Х, и съ древними традиціями израильскаго народа не сходится. Въ нихъ разсказывается о борьбѣ Бога съ враждебными существами (левіаѳанъ, драконъ, змій), происходившей до сотворенія міра (ср. Псаломъ 89 и 74, гл. 51 Исаіи гл. 6 и 9 книги Іова).

Эти замѣчательныя отношенія станутъ для насъ понятны, когда мы разсмотримъ при этомъ древній миѳъ вавилонянъ о твореніи, какимъ онъ сдѣлался извѣстнымъ по нѣкоторымъ табличкамъ клинописи изъ библіотеки ассирійскаго царя Ассурбонипала (Сарданапала у грековъ), основанной въ VII-мъ вѣкѣ до Р. Х. Это эпическое повѣствованіе о твореніи начинается слѣдующимъ образомъ:

«Нѣкогда, когда вверху небо не было названо,
Внизу земля не носила никакого имени,
Когда еще океанъ, ихъ предначальный творецъ,
Тихаматъ—первопричина и всѣхъ ихъ мать,
Смѣшивали еще воедино свои воды—
Тогда произошли на свѣтъ первые боги».

Другими словами это значитъ: въ началѣ существовало только первоначальное море, олицетворенное въ мужскомъ и женскомъ существахъ. Потомъ произошли боги. Тихаматъ, мать боговъ, возстала противъ верхнихъ боговъ и создала себѣ въ качествѣ помощниковъ ужасныхъ чудовищъ. Мардукъ же вооружился лукомъ и колчаномъ стрѣлъ, кривымъ мечомъ и трезубцемъ и бросился на боевую колесницу Тихаматъ. Онъ вонзилъ ей въ тѣло свой мечъ, взялъ въ плѣнъ ея помощниковъ, а трупъ Тихаматъ разрубилъ на двѣ части:

«Одну половину онъ взялъ, сдѣлалъ изъ нея небесный покровъ,
Протянулъ предъ нимъ преграду, поставилъ стражу,
Приказавъ ей не позволять выливаться его водамъ».

Такъ произошло небо, подобно тому, какъ говорится въ Моисеевомъ твореніи, гдѣ также верхнія воды—небесный океанъ—были отдѣлены отъ нижнихъ—земного океана небесной твердью.

Весьма вѣроятно, что евреи заимствовали ихъ легенды о твореніи отъ вавилонянъ и потомъ самостоятельно ихъ обработали. Созданіе міра изъ ничего, являющееся для насъ отличительнымъ признакомъ Моисеева повѣствованія о сотвореніи міра, представляетъ, стало быть, только позднее пріобрѣтеніе еврейской вѣры.

Нельзя отрицать, что миѳы о твореніи міра какъ іудейскаго, такъ и индусскаго народовъ достигли подъ плодотворнымъ вліяніемъ религіи и философіи значительной высоты. Однако, отсюда ясно видно, что ни однимъ изъ указанныхъ путей нельзя дойти до естественнаго научнаго пониманія и объясненія происхожденія міра. Это скорѣе всего могло бы случиться у восточно-азіатскихъ народовъ, космогонія которыхъ исходила изъ величественнаго, матеріалистическаго воззрѣнія о происхожденіи міра. Но много обѣщавшій зародышъ не развился и здѣсь въ пышное растеніе и мы должны признать, что ни у первобытныхъ народовъ, ни у древнихъ культурныхъ народовъ не можетъ быть и рѣчи о научномъ изслѣдованіи земной коры. Большой шагъ, который долженъ былъ привести къ систематическому, естественно-научному пониманію всѣхъ вопросовъ, предстояло сдѣлать грекамъ.

Обращаясь къ нимъ, мы вступаемъ въ настоящую исторію изслѣдованія земной коры.

Исторія изслѣдованія земной коры.

Научное изслѣдованіе земной коры было открыто греками, маленькимъ, но высокоодареннымъ народомъ, который достигъ изумительнаго расцвѣта во многихъ областяхъ человѣческаго знанія. Къ сожалѣнію, творенія греческихъ философовъ во большинствѣ случаевъ не дошли до нашего времени. Поэтому очень часто только съ большимъ трудомъ удается узнать изъ разсѣянныхъ цитатъ, которыя уцѣлѣли изъ пропавшихъ произведеній, каково было мнѣніе даннаго писателя.

Только новѣйшіе изыскатели съ большимъ усердіемъ и остроуміемъ собрали по сохранившимся рукописямъ разбросанныя мысли и на нихъ снова возвели научное зданіе греческихъ мыслителей. Самою успѣшною въ этомъ родѣ была попытка Альберта Форбигера и Гюго Бергера, изслѣдованія которыхъ мы во многихъ случаяхъ положили въ основу настоящаго изложенія.

Изслѣдованія грековъ въ крупныхъ и общихъ чертахъ представ-

ляются намъ въ очень отрадномъ свѣтѣ: на мѣсто дѣтскихъ фантазій первобытныхъ народовъ, на мѣсто философскихъ спекуляцій отдѣльныхъ древнихъ культурныхъ народовъ, здѣсь выступаютъ научно обоснованныя гипотезы о происхожденіи земли. Правда, это обоснованіе оставляетъ желать очень многаго и съ точки зрѣнія современной науки нерѣдко кажется шаткимъ. Вѣрно также, что, несмотря на все его глубокомысліе и проницательность, оно не привело къ окончательно и твердо установленнымъ даннымъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что греки имѣли въ своемъ распоряженіи только кое-какой запасъ наблюденія да еще египетскія и вавилонскія, и можетъ быть индійскія преданія. Имъ пришлось, такимъ образомъ создавать всѣ естественныя науки изъ ничего и, несмотря на это, они поставили ихъ на такую высоту, на которой стоятъ Демокритъ и Аристотель.

Греки приступили къ изслѣдованію земной коры въ чисто научномъ духѣ и зоркими глазам и наблюдали за разнообразными явленіями, которыя могли повести къ измѣненіямъ на земной поверхности. Они исходили изъ отдѣльныхъ наблюденій и, обобщая ихъ, пытались уяснить значительныя явленія природы.

Несмотря на это, имъ не удалось свои отдѣльныя ученія о свойствахъ земной коры, о внутреннемъ составѣ земли и о измѣненіяхъ на земной поверхности соединить въ общую научную систему и выработать изъ нихъ отдѣльную науку. Главныя причины тому слѣдуетъ прежде всего искать въ томъ, что они не спускались съ горнорабочими въ глубину земной коры, чтобы видѣть ея дѣйствительное строеніе. Ихъ взоръ оставался прикованнымъ къ земной поверхности и имъ недоставало систематическихъ изысканій о составѣ земной коры. Кромѣ того, кругозоръ грековъ былъ слишкомъ ограниченъ, чтобы они были въ состояніи производить всевозможныя наблюденія, которыя необходимы для правильнаго пониманія измѣненій, происходящихъ на земной поверхности.

Римляне также сдѣлали попытку самостоятельно разработать далѣе ученія грековъ и облечь ихъ въ новое одѣяніе, но ихъ дѣятельность составляетъ большой шагъ назадъ въ сравненіи съ работой мысли греческихъ естествоиспытателей.

Въ средніе вѣка съ ихъ безчисленными политическими бурями условія успѣшнаго развитія наукъ были въ высшей степени стѣснительны. Можно ли удивляться, что изслѣдованіе земной коры за это время сдѣлало рѣшительный поворотъ назадъ. Причина умственнаго безплодія этой эпохи заключалась въ религіозномъ элементѣ, который господствовалъ тогда надъ всею жизнью запада и приговорилъ всю остальную духовную дѣятельность къ чисто служебной роли. Расцвѣтъ греческой науки могъ быть достигнутъ только потому, что греческіе философы, проникнутые свободнымъ духомъ, освободили совершенно также и науку отъ узъ религіи. Но свободное изслѣдованіе становится невозможнымъ, когда текстъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ долженъ непарушимо считаться путеводною нитью и пробнымъ камнемъ всякой науки. Здѣсь не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы искать истину путемъ изслѣдованія природы и ея законовъ. Напротивъ, необходимо было согласовать нѣкоторые явленія и наблюденія съ концепціей Священнаго Писанія. Вслѣдствіе этого, многія истины, твердо установленныя уже греками постепенно были забыты.

При такомъ положеніи вещей общая картина наукъ въ западныхъ странахъ, поскольку туда достигало вліяніе римской и греческой литературы, представлялась, въ концѣ концовъ, безотрадною.

Трудно было бы ожидать, чтобы наука изъ той глубины паденія, въ которой она очутилась, была поднята снова въ ясныя высшія области собственными силами христіанскихъ ученыхъ. Задачу эту удалось выполнить арабамъ, которые, послѣ смерти Магомета (632 по Р. Х.), въ своемъ быстромъ побѣдоносномъ шествіи основали могущественное царство. Это царство занимало весь югъ извѣстнаго древняго міра, простираясь отъ Индіи до Марокко и Испаніи, отъ Кавказа до государствъ негровъ во внутренней Африкѣ. Уже такое обширное протяженіе царства само по себѣ являлось благопріятнымъ для пробужденія географической любознательности и расцвѣта естественно-научныхъ наблюденій. Съ другой стороны, для направленія научныхъ стремленій имѣло огромное значеніе то обстоятельство, что въ завоеванныхъ областяхъ были выдающіеся питомники греческаго образованія, напр., въ Сиріи, гдѣ арабы впервые познакомились съ греческою литературой, и въ Египтѣ. Старые греческіе писатели, отодвинутые въ сторону и позабытые христіанскими клерикалами, сдѣлались снова извѣстными при посредствѣ арабовъ. Они были переведены съ арабскаго на латинскій и стали доступными болѣе широкому кругу читателей. Христіанскіе схоластики распространили тогда не только старое эллинское знаніе и новое арабское, но начали также и самостоятельныя изслѣдованія естественнонаучныхъ предметовъ.

При поворотѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени въ галлереи науки проникъ новый, свободный духъ: то было время гуманизма, когда наука и искусство древняго міра праздновали свое возрожденіе, конечно не безъ жестокой борьбы съ консервативными схоластиками, которые съ упрямымъ упорствомъ держались своихъ исконныхъ воззрѣній.

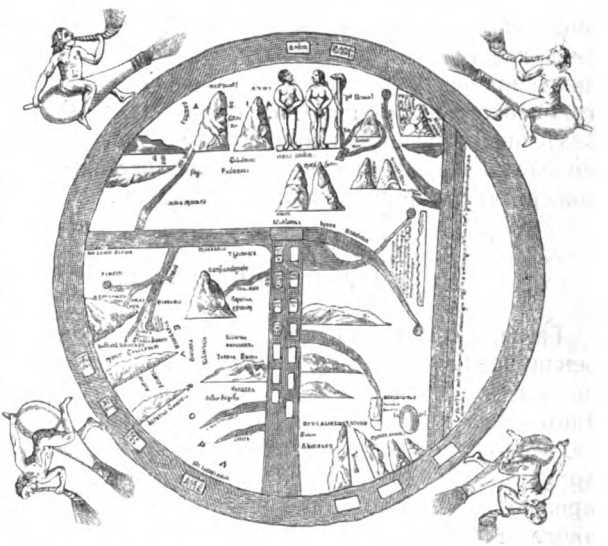


Рис. 4. Средневѣковая карта земли. Рисунокъ изъ рукописи XII вѣка (Библіотека въ Туринѣ).

Медленно совершался и дологъ былъ путь, который велъ къ тому, чтобы освободить естественно-научное изслѣдованіе отъ оковъ авторитета слѣпой вѣры, и только во второй половинѣ XVIII столѣтія Священное писаніе перестало, во всѣхъ теоріяхъ объ образованіи и развитіи земли, играть первенствующую роль.

Только въ серединѣ XIX столѣтія возникла геологія, которая, не отрицая вторженія бурныхъ и мощныхъ явленій природы, придаетъ, однако, главное значеніе медленному развитію нѣкоторыхъ земныхъ образованій и явленій. Большая часть геологическихъ факторовъ, имѣющихъ существенное вліяніе на образованіе земной поверхности, были представлены въ ихъ истинномъ свѣтѣ уже въ первой половинѣ XIX

столѣтія, во второй же половинѣ его Фердинандомъ фонъ-Рихтгофеномъ была выяснена въ полномъ объемѣ и значеніи огромная роль въ этомъ отношеніи вѣтра.

Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы разсмотримъ только важнѣйшія событія въ исторіи изслѣдованія земной коры, при этомъ, однако, мы ознакомимъ читателя не только съ геніальными мыслями древнихъ философовъ и съ великими дѣяніями изслѣдователей новаго времени, но прослѣдимъ событія и среднихъ вѣковъ. Въ исторіи науки также было бы не правильно умалчивать о періодахъ застоя, какъ и въ исторіи народа трактовать только о временахъ его успѣха и расцвѣта, на трудныя же годины бѣдствій и упадка набрасывать сострадательною рукой покровъ молчанія. Во-первыхъ, описаніе застоя можетъ выставить въ истинномъ свѣтѣ количество духовной работы и затраты энергіи, которое необходимо было позднѣе для достиженія новаго подъема. Передовые бойцы прогресса выдѣляются рѣзко и ясно на мрачномъ фонѣ, несмотря на незначительную собственную ихъ силу свѣта. Но уничтожьте этотъ мрачный фонъ, ихъ слабо свѣтящіеся образы легко ускользнутъ отъ нашего взора.

Исторія нашей науки можетъ быть изложена двумя различными способами: мы можемъ разсматривать ея общее развитіе отдѣльно въ теченіе главныхъ періодовъ исторіи, а именно, древняго, средневѣковаго и новаго, соединяя характеристическія особенности каждаго періода въ отдѣльности въ одинъ общій обзоръ; но можно также прослѣдить каждую отдѣльную отрасль геологіи съ самаго начала до новѣйшихъ временъ. Мы примѣняемъ здѣсь послѣднюю методу. Она имѣетъ то большое преимущество, что дѣлаетъ болѣе доступнымъ пониманіе отдѣльныхъ ученій и при послѣдующихъ объясненіяхъ геологическихъ проблемъ вызываетъ критическое отношеніе къ тѣмъ или инымъ положеніямъ спорныхъ вопросовъ науки.

1. Происхожденіе и строеніе земли.

Греки. Древнѣйшія воззрѣнія греческаго народа о происхожденіи земли намъ точно неизвѣстны. По всей вѣроятности и здѣсь въ началѣ всѣхъ вещей были: ночь, океанъ (первоначальное море) и Тетисъ (сила питанія), подобно тому какъ мы это встрѣчаемъ во многихъ другихъ космогоніяхъ. Древнѣйшая космогонія, сохранившаяся до насъ, исходитъ отъ Гезіода (въ VIII стол. до Р. Х.), который признаетъ происхожденіе сначала хаоса, потомъ земли. Земля же рождаетъ изъ себя самой небо, горы и моря, а посредствомъ соединенія съ небомъ и родъ боговъ. Мы не знаемъ, что понималось подъ словомъ хаосъ. Такъ, Аристофанъ и Аристотель считали его мрачнымъ пространствомъ, Зенонъ водой, Корнутъ огнемъ. Другіе философы того же времени разсматривали, какъ основные элементы міра, то время, эѳиръ и хаосъ, то воду и землю, то, наконецъ, воду и илъ и приписывали важную роль въ дальнѣйшемъ развитіи міру-яйцу. О Ѳалесѣ Милетскомъ мы знаемъ, напротивъ, что онъ первичнымъ элементомъ считалъ только воду.

Рѣшительный шагъ къ научному пониманію вопроса о происхожденіи земли дѣлаетъ Анаксимандръ Милетскій, ученикъ Ѳалеса: онъ въ первой половинѣ VI вѣка до Р. Х. начертилъ первую карту земли. Анаксимандръ училъ, что изъ безконечной и вѣчной первичной матеріи

подъ вліяніемъ движущей силы произошли теплота и холодъ, а изъ ихъ смѣшенія жидкость, которая въ свою очередь выдѣлила землю, воздухъ и огонь. Звѣзды образовались изъ огня и воздуха. Земля висѣла въ центрѣ сферической вселенной и въ этомъ положеніи оставалась неподвижной въ одинаковомъ во по всѣмъ направленіямъ разстояніи отъ небесной сферы. Она представляла собою круглую пластинку умѣренной толщины; поверхность ея первоначально была сплошь покрыта водою. Испареніе воды подъ дѣйствіемъ солнца заставило массу воды мало-по-малу исчезнуть съ лица земли, такъ что, наконецъ, суша поднялась изъ водъ, какъ островъ. Настоящее море составляетъ какъ бы остатокъ водъ, нѣкогда надъ всѣмъ господствовавшихъ.

Цилиндрическая форма земли напоминаетъ нѣсколько у Анаксимандра гомеровскую дискообразную форму. Ѳалесъ, напротивъ, полагалъ, что земля, имѣющая форму барабана, плавала на водѣ, среди пустоты небесной сферы. По Анаксименту земля, имѣвшая форму крышки стола и наклоненная къ югу, поддерживала посредствомъ сжимавшаго ее воздуха нижнюю часть небеснаго свода. О воззрѣніяхъ остальныхъ іонійскихъ философовъ относительно состоянія внутренности земли мы знаемъ только, что они представляли себѣ ядро земли полнымъ пустотъ, изрытымъ каналами и артеріями, по которымъ могли циркулировать вода, воздухъ и огонь.

Существенный прогрессъ, которымъ мы обязаны іонійскимъ географамъ, состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что они взяли на себя задачу обобщить фактическія данныя наблюденій и примѣнить ихъ къ земному шару. Первое наблюденіе этого рода относится къ явленіямъ испаренія подъ дѣйствіемъ солнца, второе — къ пористой природѣ почвы Греціи съ ея безчисленными, часто огромными подземными полостями и ея исчезающими и снова появляющимися рѣками. Въ обоихъ случаяхъ, однако, наблюденные факты были слишкомъ преувеличены въ ихъ значеніи и послужили основаніемъ для ложныхъ понятій.

Болѣе значительный и широко охватывающій прогрессъ въ землевѣдѣніи былъ отмѣченъ ученіемъ Пиѳагора. Повидимому, Пиѳагоръ самъ еще полагалъ, что земля находится въ центрѣ вселенной и только по позднѣйшимъ воззрѣніямъ его школы, земля была причислена къ другимъ небеснымъ тѣламъ, которыя движутся вокругъ центральнаго, находящагося въ центрѣ вселенной, огня. При этомъ земля постоянно обращаетъ къ послѣднему свое обитаемое полушаріе, подобно тому какъ луна обращена къ намъ всегда одной и той же стороной. Десять небесныхъ тѣлъ вращались по гармонически расположеннымъ кругамъ вокругъ очага священнаго огня, занимающаго центръ міра. Тѣла эти неподвижное звѣздное небо, семь блуждающихъ тѣлъ, земля и антиземля. Послѣднюю мы не можемъ видѣть, такъ какъ она движется между землей и центральнымъ огнемъ. Солнце вбираетъ въ себя волны чистаго огня, истекающія изъ центра и изъ самыхъ крайнихъ предѣловъ оболочки міровой сферы, и испускаетъ снова, какъ свѣтъ и теплоту.

Воззрѣнія Пиѳагора, извѣстныя хорошо Платону, имѣли незначительный кругъ распространенія. Въ остальномъ мірѣ повсюду господствовало ученіе о центральномъ положеніи земли во вселенной.

Гераклитъ, жившій за 500 л. до Р. Х. разсматривалъ огонь, какъ перво-причину всѣхъ вещей, и въ огнѣ должно было снова все разрѣшиться: міръ есть вѣчный огонь, который угасаетъ и снова самъ возгорается; все находится въ постоянномъ измѣненіи и превращеніи.

Огонь становится моремъ, послѣднее землею, и поднимающіяся испаренія постоянно снова образуютъ солнце.

Эмпедоклъ изъ Агригены допускалъ четыре постоянныхъ элемента: огонь, землю, воду и воздухъ которые-то соединялись въ любви, то вступали въ споръ. Такъ происходили въ вѣчной смѣнѣ все новыя и новыя образованія и снова исчезали.

Эмпедоклъ, хорошо знакомый съ большимъ Сицилійскимъ вулканомъ и его огромными потоками лавы, приписывалъ происхожденіе камней, горъ и ущелій исключительно подземному огню, который, по его представленію, имѣлъ обширную сферу дѣйствія и игралъ главную роль въ образованіи земной поверхности.

Лейкиппъ (за 500 л. до Р. Х.) и его ученикъ Демокритъ изъ Абдеры представляли всю матерію состоящей изъ мельчайшихъ, недѣлимыхъ, постоянныхъ частицъ-атомовъ. Разные тѣла отличаются не своими свойствами, а формой и порядкомъ распредѣленія составляющихъ ихъ частицъ. Атомы находятся въ постоянномъ движеніи, собираются въ кучи и производятъ круговоротъ. Согласно этому слѣдуетъ понимать и происхожденіе земли. Въ такомъ вихревомъ движеніи легкое соединяется съ легкимъ, тяжелое съ тяжелымъ, пока не образуются крупныя тѣла. Земля такимъ образомъ представляетъ также массу атомовъ, постепенно пришедшихъ къ покойному состоянію, изъ сырыхъ составныхъ частей, земликотораго произошли организмы.

Платонъ (427—347 до Р. Х.), ученикъ великаго мыслителя Сократа, воспринялъ старую идею о преобразующей дѣятельности духа и допускалъ, что создатели міра (Деміурги) образовали міръ изъ хаотической массы по образцу невидимаго міра идей. Міровая душа являлась какъ бы союзомъ между создателями міра и имъ самимъ. Самый міръ казался Платону существомъ, состоящимъ изъ души и тѣла, одареннымъ разумомъ, нестарѣющимся, вѣчнымъ. При такихъ понятіяхъ мы покидаемъ, разумѣется, всякую естественно-научную почву и сравнительно съ высокоразвитымъ ученіемъ Демокрита объ атомахъ и о происхожденіи земли дѣлаемъ значительный шагъ назадъ.

Платонъ предполагалъ, что земля заключаетъ внутри огромныя пустоты и шахты, пронизана каналами, трубами и какъ бы артеріями, по которымъ постоянно циркулируютъ потоки жидкаго огня, ила, воздуха и воды. Вода просачивается съ поверхности земли въ ея глубину, но она не можетъ достигнуть центра и течетъ медленно, дѣлая изгибы, уклоненія и выгоняетсяснова на поверхность, гдѣ и становится источникомъ рѣкъ и морей. Самая большая пропасть земли—Тартаръ. «Въ эту пропасть стекаются всѣ рѣки и снова вытекаютъ изъ нея: каждая изъ нихъ получаетъ свойства той почвы, по которой она протекаетъ. Четыре главные потока составляютъ: Океанъ, величайшій изъ всѣхъ, онъ образуетъ поверхностное кругообразное теченіе съ сѣвера на югъ, а оттуда снова къ сѣверу: перпендикулярно къ нему текущій Ахеронъ который проникаетъ внутрь земли достигаетъ Ахерузскаго озера и принимаетъ направленіе теченія съ запада на востокъ; затѣмъ Пирифлегетонъ изливающійся недалеко отъ своего истока въ обширное, пылающее огнями пространство и образующій море клокочущей воды и ила, море, большихъ размѣровъ, чѣмъ наше и противоположно текущій Кокитосъ который, подобно Пирифлегетону, изливается кругообразными изгибами подъ землею и также втекаетъ въ Тартаръ».

Если Платонъ, вслѣдствіе своихъ философскихъ спекуляцій, удалился отчасти отъ здраваго естественно научнаго разсмотрѣнія вещей, то,

наоборотъ, его великій ученикъ Аристотель (род. въ 384 г. до Р. Х. въ Стагирѣ, умеръ въ 322 г. въ Колхидѣ на о. Эвбея), впослѣдствіи учитель Александра Великаго, снова вступилъ на почву фактовъ наблюденія и воздвигнулъ прочное научное зданіе, которое въ теченіе тысячелѣтія считалось истиною учеными всѣхъ культурныхъ народовъ Запада. Платонъ уже имѣлъ понятія о томъ, что такое верхъ и низъ. Аристотель же входитъ еще подробнѣе въ разсмотрѣніе этого вопроса: легкое вещество, огонь, стремится у него кверху, тяжелая земля—книзу, между тѣмъ какъ воздухъ и вода располагаются по ихъ относительной тяжести. Такимъ образомъ, въ центрѣ міра собирается въ шарообразную массу—земля, величина которой ничтожна въ сравненіи съ міромъ; она измѣрима и ея величина можетъ быть вычислена математиками.

Огонь, воздухъ, вода и земля, движеніе которыхъ, прямолинейно, по отношенію къ центру—внизъ къ периферіи неизмѣняемы и вверхъ, и вертикально образуютъ вмѣстѣ внутренній концентрическій шаръ подъ эоиромъ, находящимся въ вѣчномъ круговомъ движеніи. Къ эоиру принадлежатъ сферы тверди небесной и планетъ.

Четыре элемента внутренняго шара находятся въ постоянномъ новообразованіи и смѣшеніи, но, въ общемъ, составъ ихъ существенно не измѣняется. Внутренній шаръ состоитъ изъ твердаго земного шара, который заключаетъ въ себѣ одновременно элементъ воды, и внѣшней газообразной оболочки, составленной изъ воздуха и огня. Эта атмосфера образуется постоянно изъ испареній земли и водъ подъ дѣйствіемъ солнца. Сырыя, парообразныя испаренія образуютъ тонкій слой газовой оболочки, не достигающій самыхъ высокихъ вершинъ на земномъ шарѣ, сухія, подобныя дыму испаренія, составляютъ внѣшній слой оболочки. Движенія и теченія внутри газообразныхъ слоевъ производятъ метеорологическія огненно-свѣтовыя явленія, вѣтры и осадки. Вода наполняетъ углубленія земной почвы, но по Аристотелю это не остатокъ все покрывавшей прежде массы воды, а продуктъ постояннаго новообразованія. Вода испаряется подъ дѣйствіемъ солнечной теплоты, но снова падаетъ на землю въ видѣ осадка. Внутренность земли Аристотель представлялъ пронизанною порами и полостями, гдѣ земныя испаренія могли, какъ и въ подземныхъ областяхъ, производить и воду, и вѣтры, и собственный земной огонь; сухія испаренія образуютъ металлы, сырыя—неплавящіеся камни.

Ученіемъ Аристотеля надолго закончилась творческая работа изслѣдованій въ этой области. Шарообразный видъ земли можетъ считаться при немъ твердо установленнымъ. Зенонъ (336 — 264 до Р. Х.), основатель стоической школы, также примкнулъ къ этому ученію. Противорѣчіе же, внесенное Эпикуромъ (341—270 до Р. Х.) и его приверженцами, возвратившимися снова къ воззрѣнію на землю, какъ плоскій дискъ, не оказало никакого вліянія.

Въ слѣдующихъ столѣтіяхъ вопросъ о происхожденіи земли и о свойствахъ ея внутренности отступилъ на задній планъ, и только Плутархъ, этотъ многосторонній писатель послѣдняго періода древней Греціи, снова подробно обсуждаетъ и данный вопросъ. Изъ чисто теоретическихъ соображеній онъ приходитъ къ заключенію, что очень сильный холодъ превращаетъ вещество въ камень и что ядро земли, сжатое холодомъ, должно быть подобно льду, такъ какъ тамъ находится долгое время сжимаемый эоиромъ чистый холодъ, который не смягчается никакимъ другимъ свойствомъ.

*

Римляне. Изъ римскихъ писателей только немногіе разрабатывали вопросъ объ образованіи земли и притомъ эти немногіе всегда придерживались греческихъ образцовъ. Къ нимъ, прежде всего, принадлежитъ Титъ Лукрецій Карусъ (98 — 55 до Р. Х.), который въ своей величественной ученой поэмѣ: «О природѣ вещей» силою и высокимъ полетомъ мысли изложилъ воззрѣнія Эпикура о происхожденіи міра.

Публій Овидій Назонъ (43 до Р. Х. до 17 послѣ Р. Х.) въ своихъ «Метаморфозахъ», очевидно, слѣдовалъ греческимъ образцамъ. «Прежде чѣмъ существовали море, земля и все окутывающее небо, міръ представлялъ собою нѣчто цѣлое, хаосъ — грубую, безпорядочную массу, не что иное, какъ недѣятельное вещество, собранные въ кучу, другъ другу противоборствующіе зародыши еще несоединенныхъ цѣлесообразно вещей. Хаосъ былъ потомъ преобразованъ богами въ полный порядка міръ: земля получила форму шара, были созданы горы и долины, озера и потоки».

Какъ Овидій говоритъ о способности къ развитію первичной матеріи, такъ и Публій Виргилій Маронъ (70—19 до Р. Х.) въ своей Энеидѣ (VI, 324) о томъ же поётъ: «Въ началѣ небо, земля и воды, а также свѣтящійся шаръ луны и титаническія звѣзды проникаются изнутри духомъ; онъ, какъ душа, приводитъ въ движеніе общую массу и пронизываетъ, смѣшиваясь съ ея тѣломъ, ея части». Трудно рѣшить, возвращается ли здѣсь Виргилій съ идеей о міровой душѣ къ воззрѣніямъ итальянскихъ народовъ или къ ученію Платона объ одушевленности мірового тѣла. Конечно, идея міровой души гораздо глубже и величественнѣе, чѣмъ наивная антропаморфизація первобытными народами матеріи и силъ приерды и даже тѣлъ. Но объ эти идеи одинаково далеки отъ естественно научнаго пониманія.

Средніе вѣка. Мы до сихъ поръ познакомили читателей только съ древнееврейскими естествонаучными воззрѣніями въ исторіи творенія Моисея. При этомъ мы видѣли, что сотвореніе міра по Моисею стоитъ въ близкомъ, родственномъ отношеніи къ вавилонской космогоніи. Мы могли поэтому допустить, что было время, когда евреи имѣли такое же представленіе о мірозданіи, какое въ свое время — вавилоняне. Это допущеніе кажется тѣмъ болѣе правильнымъ, что первая книга Моисея также говоритъ о небесномъ и земномъ океанѣ (о водѣ надъ твердью и подъ нею). 40, 22) Исаія приписывалъ землѣ плоскую кругообразную форму,—въ указанномъ мѣстѣ говорится: «онъ сидитъ на кругѣ земли», между тѣмъ какъ вавилоняне представляли себѣ землю въ видѣ высокой горы. Земля была окружена океаномъ, на границахъ котораго свѣтъ отдѣляется отъ тьмы, и небо, поэтому, протянуто, «какъ тонкая плева», оно сравнивается также съ камерой (40, 22, псаломъ 104,2). Въ псалмахъ ясно отражается старое вавилонское міровоззрѣніе, напр., въ псал. 136,6: «Тотъ, который распростеръ землю на водахъ». Дискообразная форма земли нашла, разумѣется, многочисленныхъ и добровольныхъ защитниковъ въ отцахъ церкви,

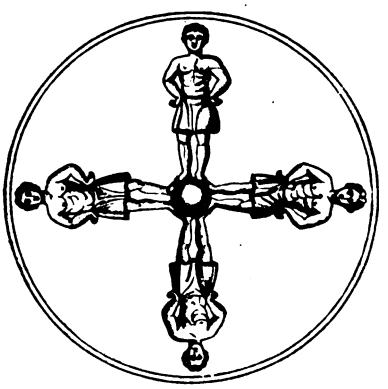


Рис. 5. Средневѣковое доказательство того, что земля не можетъ быть шаромъ. (VI вѣкъ).

такъ, напр., въ Лактанціи Фирманѣ, этомъ «христіанскомъ Цицеронѣ» (IV в.). Лактанцій оспаривалъ не только шарообразность земли, но и небеснаго свода, который намъ кажется такимъ вслѣдствіе своего огромнаго объема. Земля не могла быть шаромъ уже потому, что тогда на противоположной ея сторонѣ должны были существовать антиподы, что не можетъ быть допустимо. Самымъ подробнѣйшимъ образомъ было описано мірозданіе Северіаномъ изъ Гавалы, совершенно такъ же, какъ оно представлялось въ сирійскомъ міровоззрѣніи. Міръ, по его понятіямъ, — домъ, почву котораго составляетъ населенная земля. Небо построено надъ ней въ два этажа. Надъ видимымъ небомъ находится небесный океанъ. Такъ какъ земля должна была представлять собою плоскій дискъ, то было невозможно допустить, чтобы солнце во время ночи проходило бы подъ нею. Северіанъ допускалъ, поэтому, что солнце отъ мѣста заката поворачивалось къ сѣверу и возвращалось на мѣсто восхода, слѣдуя вдоль границы между небомъ и землею. Небо же не могло быть шаромъ, думалъ Северіанъ, такъ какъ это доказываетъ псалмопѣвецъ, который говоритъ объ «остроконечной вершинѣ неба».

Козьма Индикоплейстъ, жившій въ VI в. послѣ Р. Х., представлялъ міръ, какъ зданіе, подобное еврейской скиніи завѣта, такъ какъ Моисей получилъ отъ Бога на горѣ Синай построить её, какъ схему этого міра. Длина и поперечникъ земли, по воззрѣніямъ Космы, относились, какъ 2 : 1, такъ какъ длина стола скиніи Завѣта равнялась 2 локтямъ, а ширина одному (2 книга Моисея, 25, 23 и 37, 10). Деревянный жолобъ вокругъ стола аллегорически означалъ океанъ, золотой кругъ, окружающій его—страну, лежащую по ту сторону океана.

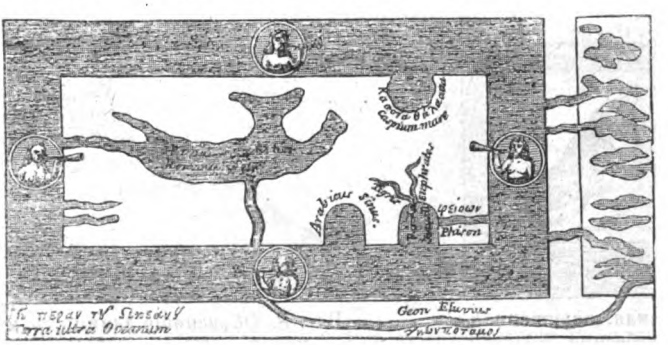


Рис. 6. Карта земли по образцу «скиніи Завѣта». Козьма Индикоплейстъ и VI вѣкъ по Р. Х.

Земля окружена стѣнами, которыя возвышаются на огромную высоту и тамъ замыкаются сводомъ. Твердь, на которой покоится небесный океанъ, отдѣляетъ верхнюю часть всего зданія, жилище блаженныхъ, отъ нижняго земного міра, внутри котораго двигаются солнце, луна и звѣзды. На сѣверѣ же обитаемой земной поверхности возвышается исполинская гора. Когда солнце заходитъ за эту гору, начинается ночь, когда же выходитъ съ другой ея стороны, наступаетъ день. Рисунокъ 8-й показываетъ схематически, какъ происходятъ длинныя ночи зимою, а лѣтомъ короткія. Гора подобна перевернутой воронкѣ, и такъ какъ солнце зимою стоитъ ниже, чѣмъ лѣтомъ, то ему приходится дѣлать болѣе длинный путь по ту сторону горы. Какъ представлялъ себѣ

Козьма картографически земную поверхность, можно видѣть по рисунку выше помѣщенному. Мы видимъ здѣсь четыреугольный планъ земли съ главными морями и рѣками, съ окружающимъ океаномъ и по ту сторону его лежащую страну Изъ восточной страны рая, вытекаютъ четыре рѣки, которыя, пройдя подземнымъ путемъ океанъ, снова выступаютъ на землю, какъ ея главныя рѣки. Что земля не могла быть шарообразна, Козьмѣ казалось вполнѣ естественнымъ, и онъ показываетъ это наглядно своимъ рисункомъ (рис. 5). Міръ Космы, какъ онъ изображенъ на рис. 7, напоминаетъ въ значительной степени древнія вавилонскія изображенія мірозданія, между тѣмъ, этотъ отголосокъ мало замѣтенъ въ другихъ современныхъ міровоззрѣніяхъ. Но тѣмъ яснѣе напоминаетъ древнія представленія воззрѣніе Прокопа изъ Газы (VI. в); такъ, онъ представляетъ себѣ небо полушаріемъ, сомкнутымъ между земными и небесными водами, между тѣмъ какъ земля плаваетъ на водѣ, которая, благодаря божественному вмѣшательству, удерживается въ висячемъ положеніи.

Другіе многочисленные приверженцы дискообразной формы земли отстаивали подобныя фантастическія идеи впродолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и вплоть до ближайшихъ намъ временъ новой эпохи.

Но если рабское слѣдованіе воззрѣніямъ древне-еврейскаго народа, подвинуло бо́льшую часть отцовъ церкви сдѣлать существенный, отчасти непонятный шагъ назадъ въ изученіи земли, то не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, что, съ другой стороны, рядъ независимо

Рис. 7. Земля, окруженная небесами.

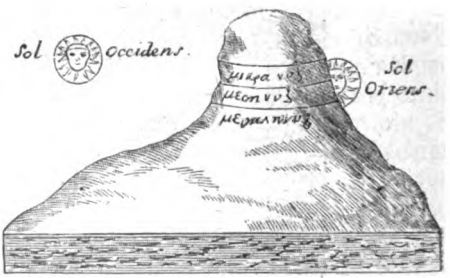


Рис. 8. Объясненіе длинныхъ и короткихъ ночей. (По Козьмѣ Индикоплейсту).

мыслящихъ лицъ, на которыхъ еще оказывало воздѣйствіе аристотелевское ученіе, стояли за шарообразную форму земли.

Изъ нихъ, прежде всего, должно назвать Василія Великаго (330—379), тонкое природное чувство котораго нашло горячаго поклонника въ Александрѣ Гумбольдтѣ. Василій Великій, становясь всецѣло на почву аристотелевскаго воззрѣнія на существо элементовъ и ихъ распредѣленіе въ міровомъ пространствѣ, пришелъ естественнымъ образомъ къ ученію о шарообразной формѣ земли. Небо также у него представляетъ собою сферу, которая вращается на собственной оси. Земля находится въ центрѣ міра.

Арабы въ своихъ взглядахъ на форму и строеніе земли примкнули непосредственно къ грекамъ, а именно къ Аристотелю и Птоломею, огромный учебникъ котораго былъ переведенъ на арабскій языкъ подъ

названіемъ «Альмагестъ». Земля у нихъ имѣла форму шара и находилась въ центрѣ міра. Абулфеда, арабскій князь и ученый (1273—1331), зналъ уже, что встрѣча двухъ человѣкъ, которые отправились бы въ противоположномъ направленіи, одинъ на востокъ, напр., а другой на западъ, должна была бы представить разницу на одинъ день.

Въ позднѣйшій періодъ христіанскаго средневѣковья, во времена схоластиковъ, взгляды отцовъ церкви оставались еще въ полной силѣ. Правда, съ дальнѣйшимъ распространеніемъ христіанства ученые новыхъ народностей (скотты, германцы, славяне) были вовлечены въ область латинскаго языка и римской культуры, однако, въ общемъ это не измѣнило ничуть ни метода изученія, ни самаго направленія умовъ. Карлъ Великій, благодаря его благосклонности къ римской культурѣ, сдѣлалъ въ своемъ обширномъ царствѣ латинскій языкъ общимъ языкомъ духовенства и ученаго сословія. Вполнѣ естественно, что духъ изслѣдованія, какимъ онъ выработался въ первые столѣтія средневѣковья въ христіанской наукѣ, былъ такимъ образомъ перенесенъ на вновь пріобрѣтенные круги общества. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ нѣсколько большая, чѣмъ раньше, часть римской литературы сдѣлалась достояніемъ христіанскаго духовенства сѣверныхъ странъ, но этого было недостаточно, чтобы вызвать существенный переворотъ въ образѣ мысли монаховъ. Болѣе глубокое дѣйствіе оказало на нихъ знакомство съ греческой и арабской культурой, которое имъ было доставлено крестовыми походами и борьбой въ Испаніи. Скоро въ средневѣковыхъ библіотекахъ пріобрѣли право гражданства возлѣ латинскихъ переводовъ съ арабскаго и греческіе классики.

Скоро авторитетъ Аристотеля поднятъ былъ такъ высоко, что его произведенія въ вопросахъ научныхъ считались столь же высокими, какъ Библія въ дѣлахъ духовныхъ. Разумѣется, не всѣми учеными ученіе Аристотеля принималось безъ всякихъ возраженій, напротивъ, руководящіе умы того времени подвергали ихъ въ деталяхъ строгой и фактической критикѣ. Но, конечно, взгляды Аристотеля на форму и строеніе земли господствовали неограниченно въ христіанскомъ ученомъ мірѣ и теперь уже были убѣждены, что горы по отношенію ко всей массѣ земли, были слишкомъ незначительны, чтобы повліять на его шарообразную форму.

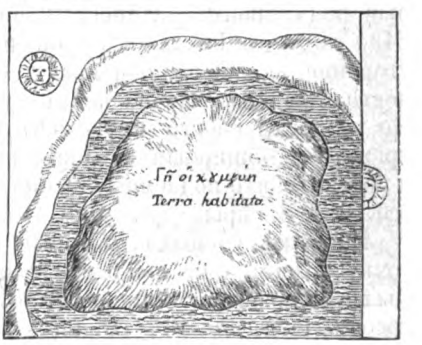


Рис. 9. Изображеніе горы, образующей землю. (По Козьмѣ Индикоплейсту).

Альбертъ Великій, графъ Больштедтскій, величайшій ученый германскаго періода среднихъ вѣковъ (род. 1193 г. въ Лауингенѣ въ Швабіи, умеръ въ 1280 г. въ Кёльнѣ, принадлежалъ съ 1223 года къ ордену доминиканцевъ) подробно объяснялъ шарообразность земли, опираясь, правда, въ своихъ доказательствахъ всецѣло на авторитетъ Аристотеля. Альбертъ представлялъ себѣ внутренность земли, подобно Аристотелю, пронизанной пустотами и каналами, по которымъ циркулировали воды, воздухъ и мѣстами огонь. Камни, по его понятію, происходятъ изъ землистой или водной матеріи, которая подъ дѣйствіемъ звѣздъ пріобрѣтаетъ камнеобразовательную силу.

Рожеръ Бэконъ (род. въ Илчестерѣ въ графствѣ Соммерсэтъ

1214 г. умеръ 1294 г. въ Оксфордѣ) вмѣстѣ съ Альбертомъ Великимъ крупнѣйшій ученый христіанскаго средневѣковья, ненавидимый многими и преслѣдуемый, но высокоученый новаторъ. Онъ ввелъ въ естествознаніе математику и расчистилъ обширное поле для эксперимента. Землю онъ считалъ шаромъ, такъ какъ только при этой формѣ всѣ линіи, идущія отъ центра къ поверхности, равны. Небо заключаетъ въ себѣ все и также шарообразно. Всѣ тѣла въ міровомъ пространствѣ принимаютъ форму шара. Это мы наблюдаемъ на водѣ, которая, вслѣдствіе своей тяжести, стекаетъ до глубочайшихъ достижимыхъ ею мѣстъ; поэтому поверхность воды при непрерывности ея верхняго слоя должна повсюду одинаково отстоять отъ центра земли, какъ часть ея шарообразной поверхности. Это утвержденіе доказывается опытомъ: мореплаватель видитъ землю съ мачты гораздо скорѣе, чѣмъ съ палубы, причиною чего можетъ быть только кривизна водной поверхности. Изъ того, что всякая водяная масса должна принимать сферическую поверхность, Бэконъ справедливо заключилъ, что въ болѣе глубокомъ мѣстѣ кривизна водной поверхности должна быть нѣсколько сильнѣе, чѣмъ на болѣе высокихъ мѣстахъ, такъ какъ эта поверхность въ болѣе глубокомъ мѣстѣ представляетъ часть шара меньшаго діаметра, чѣмъ на высокомъ.

Новая эпоха. Въ началѣ новаго періода почти исключительно господствовали еще исторія творенія Моисея и аристотелевское воззрѣніе о свойствахъ внутренности земли съ ея пустотами и каналами, хотя независимо мыслящіе умы вносили уже существенныя измѣненія въ эти сохранившіяся по преданію идеи. Такъ Георгъ Бауеръ, болѣе извѣстный подъ своимъ латинскимъ писательскимъ именемъ Агриколы (род. вч. 1494 году въ Глахау въ Саксоніи, † въ 1555 г. въ Хемницѣ), многосторонне образованный врачъ съ выдающимся даромъ наблюдательности, придерживался еще въ существенномъ аристотелевскаго ученія. Но во время своего продолжительнаго пребыванія въ Іохимсталѣ онъ пріобрѣлъ обширныя познанія по минералогіи, геологіи и горному дѣлу и полагалъ, что подземный огонь можно объяснить мѣстными пожарами асфальта и сѣры.

Первымъ ученымъ, который всталъ на совершенно самостоятельную точку зрѣнія и не поддался вліянію никакихъ библейскихъ преданій, былъ знаменитый, многими обожаемый и многими же преслѣдуемый философъ Ренэ Декартъ (Renatus Cartesius) (род. въ 1596 г. въ Ла-Гэ въ Турэни, † въ 1650 г. въ Стокгольмѣ). Этотъ великій человѣкъ примкнулъ къ атомистическому ученію Демокрита и полагалъ, что вся матерія состоитъ изъ мельчайшихъ частичекъ, которыя находятся въ вихреобразномъ движеніи. Мельчайшія частицы обладали, однако, различными формами: самыя тончайшія изъ нихъ составляютъ первый элементъ и входятъ въ составъ солнца и неподвижныхъ звѣздъ, менѣе тонкія, круглыя частички—второй элементъ, наполняютъ небо, грубыя, продолговатыя, частью развѣтвленныя частички трехъ элементовъ образовали твердую кору земли и планетъ. Первоначально земля также составляла вихрь частичекъ перваго элемента, какъ и солнце, но потомъ на ея поверхности собрались менѣе тонкія частички и образовали пятна, туманы, которые, сгущаясь позднѣе все болѣе и болѣе, образовали, наконецъ, твердую кору.

Постепенно, путемъ медленнаго отдѣленія частей этой земной коры, появились сферическіе слои различнаго состава: вокругъ огненно-жидкаго, подобно солнцу, земного ядра I, (рис. 10) расположилась очень

твердая, состоящая изъ металловъ скорлупа C, за ней слѣдуетъ, скорлупа D, состоящая изъ воды, надъ ней полная воздуха скорлупа F и, наконецъ, внѣшняя кора земли E, состоящая изъ камня, песка, глина, извести и т. д., надъ которой простирается воздушное море. Такъ какъ внѣшняя оболочка земной коры непосредственно лежитъ на внутреннемъ воздушномъ слоѣ, то легко могло случиться, что въ ней образуются щели. Представимъ, что послѣднія увеличились настолько, что верхняя оболочка коры рушилась и большіе куски упали на внутреннюю твердую оболочку C; эта же слишкомъ мала, чтобы умѣстить на себѣ всю внѣшнюю кору земли; такимъ образомъ нѣкоторые обломки могли стать стоймя или наклонно, такимъ процессомъ можно объяснить происхожденіе горъ.

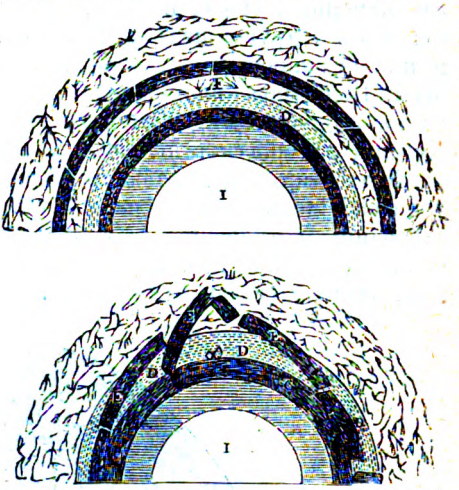


Рис. 10. Образованіе горъ изъ обломковъ земной коры по теоріи Декарта.

Бернгардъ Вареніусъ (род. въ 1622 г. въ Гитцакерѣ на Эльбѣ, † въ 1650 г.), авторъ перваго физическаго описанія земли, скромно признавался, что о внутренности земли неизвѣстно ничего точнаго. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ еще былъ связанъ идеей Аристотеля. Онъ допускалъ внутри земли безчисленныя пропасти, ходы, пустоты, воронкообразныя углубленія и обширныя полыя пространства, и какъ многіе до и послѣ него, основываясь на теплыхъ источникахъ, заключилъ о наличности подземнаго огня, о мѣстѣ и распространеніи котораго онъ не далъ, однако, никакихъ указаній. Напротивъ, іезуитъ Аѳанасій Кирхеръ (Athanasius Kircher) род. 1601 г. въ Геизѣ, † 1680 г. въ Римѣ) далъ намъ въ своемъ великомъ произведеніи о подземномъ мірѣ («Mundus subterraneus», перв. изд. 1664 г.) точное изображеніе внутренности земли, какъ она ему представлялась самому, не только на словахъ, но и въ картинахъ.

Онъ не слѣдовалъ, однако, величественнымъ идеямъ Декарта и вполнѣ былъ порабощенъ ученіемъ Аристотеля. Но очевидецъ вулканическихъ изверженій и сильныхъ землетрясеній, знакомый съ богатыми коллекціями горныхъ породъ, онъ высказалъ много новыхъ идей. По Кирхеру внутренность земли состоитъ изъ твердаго тѣла, пронизаннаго безчисленными и огромными пустотами, каналами и порогами. Въ самомъ внутреннемъ ядрѣ земли находится наполненное огнемъ пространство громадныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ внѣшнія пустоты наполнены частью огнемъ, частью водою или воздухомъ; безчисленныя пропасти и каналы соединяли всѣ эти пустоты между собою и съ земной поверхностью.

Благочестивый іезуитъ считалъ долгомъ допустить, что Богъ создалъ огненное ядро земли и отдѣльные очаги огня съ той цѣлью, чтобы внутренность земли не замерзла и не стала негодной для металлическаго производства. Онъ уподоблялъ, поэтому, эти огненные источники подземнымъ солнцамъ и лунамъ и вѣрилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что они должны служить мѣстопребываніемъ, «адомъ» для умершихъ грѣшниковъ. Сло-

вомъ, онъ стоялъ совершенно на точкѣ зрѣнія среднихъ вѣковъ и можетъ считаться послѣднимъ представителемъ средневѣковыхъ понятій.

Большой центральный огонь, по Кирхеру, вѣченъ, болѣе же близкіе къ поверхности земли могутъ истощиться вслѣдствіе недостатка топлива. Матеріаломъ подземнаго огня служатъ нетолько сѣра, асфальтъ или каменный уголь, но также квасцы, соль, сода, антимоній, мѣдный купоросъ и другія подобныя вещества. Пепелъ, происходящій при горѣніи, смѣшивается съ проникающею водою и становится питомникомъ огня. Подземные водяные потоки производятъ вѣтеръ, который проникаетъ къ очагамъ огня и своимъ влажнымъ дыханіемъ заставляетъ горючій матеріалъ вспыхивать жаркимъ пламенемъ.

Хотя Кирхеръ придавалъ большую роль подземному огню, онъ находился еще въ такой сильной степени подъ вліяніемъ Моисеева повѣствованія о твореніи, что допускалъ первобытный илъ, какъ первичное состояніе земли, въ который Богъ посадилъ, какъ сѣмя, камень образующую, дѣлающую вещество твердымъ силу (vis lapidifica) съ

Рис. 11. Аѳанасій Кирхеръ. (По гравюрѣ XVII вѣка).

тѣмъ, чтобы моря и буря не унесли горъ. Каменныя горы отвердѣвали при быстромъ спаденіи воды, между тѣмъ какъ равнины, «высосанныя» или выщелоченныя, дѣлались пахотными землями. Горы составляютъ въ извѣстномъ смыслѣ скелетъ земли. Вмѣстѣ съ камень образующею силою долженъ былъ дѣйствовать еще какой-нибудь духъ, приводящій все въ порядокъ, «соль земли» (Spiritus architectonicus), и таковой также былъ насажденъ въ матеріи Богомъ.

Почти одновременно съ «Подземнымъ міромъ» Кирхера появилось (въ 1669) небольшое произведеніе датчанина Николая Стенона род. въ 1638, ум. въ 1687 г.), который въ первый разъ со всею рѣзкостью и ясностью противопоставилъ вышеназванному произведенію данныя здраваго наблюденія надъ наслоеніями горныхъ породъ, примѣнивъ ихъ къ проблемѣ объ исторіи земли. Пласты горныхъ породъ и ихъ относительно правильное расположеніе, правда, были уже извѣстны цѣлыя столѣтія раньше и въ отдѣльныхъ случаяхъ въ началѣ XVI в. были даже названы и описаны. Но никто до этихъ поръ не подумалъ извлечь отсюда какія-либо теоретическія заключенія, никто не сдѣлалъ и попытки объяснить и правильно понять образованіе и сущность этихъ напластованій. Стенонъ же, послѣ близкаго изученія геологическихъ образованій въ Тосканѣ, доказалъ, что горные пласты осаждены изъ жидкостей, причемъ порошкообразное или крупно-зернистое вещество, въ силу своей тяжести, отлагалось на днѣ. Поэтому, первоначально слои были мягкими и только впослѣдствіи затвердѣли. Отъ корокъ слои отличить легко, такъ какъ верхняя поверхность коры параллельна нижней, даже при неправильной ея формѣ, между тѣмъ какъ поверхность наслоенія параллельна или слегка наклонена къ горизонту. Известковая корка, напр., не сглаживаетъ неровностей скалистаго дна, между тѣмъ какъ отложеніе песка или глины уравниваетъ все.

Если соль или остатки морскихъ животныхъ содержатся въ наслоеніяхъ, то очевидна наличность моря при ихъ образованіи. Растительныя или древесныя включенія позволяютъ заключить о рѣчныхъ осадкахъ, включенія же угля и пепла на бывшій огонь.

Если слой однороденъ, то жидкость, отлагающая осадокъ, не получила, значитъ, различныхъ матеріаловъ, если же, напротивъ, наблюдаютъ въ немъ то валуны, то песокъ или глину, то крупно или мелкозернистыя отложенія, то это происходитъ отъ различія временъ года или разнообразія матеріала, доставляемаго притоками рѣкъ.

Насколько ясно Стенонъ понималъ происхожденіе и характеръ горныхъ наслоеній, настолько же правильныя и важныя заключенія вывелъ онъ изъ относительнаго расположенія послѣднихъ. Онъ, прежде всего, твердо установилъ, что каждый слой можетъ образоваться только на твердой основной почвѣ; нижній слой долженъ уже нѣсколько отвердѣть, прежде чѣмъ на немъ можетъ образоваться новый. Послѣдній же долженъ быть ограниченъ съ боковыхъ сторонъ твердыми породами или охватывать всю землю. Въ то время, какъ образовался нижній слой, верхніе не могли существовать. За исключеніемъ самаго нижняго слоя, всѣ прочіе обладаютъ повсюду довольно однообразною толщиною. Главную причину происхожденія горъ составляетъ измѣненіе положенія напластованій, которое можетъ послѣдовать вслѣдствіе ихъ общаго поднятія или провала. Но горы могутъ быть также воздвигаемы вулканическими изверженіями или получать свои очертанія отъ разрушительной дѣятельности дождей и потоковъ. Такимъ образомъ, поры, безъ сомнѣнія, не существовали съ самаго начала.

Послѣ такихъ превосходныхъ общихъ замѣчаній, содержавшихъ въ зародышѣ всѣ новыя геологическія воззрѣнія, Стенонъ обрушился противъ довольно распространеннаго въ то время взгляда, что горы растутъ на подобіе растеній и что ихъ можно уподобить скелету животныхъ. Онъ былъ, однако, неправъ, утверждая, что горы не слѣдовали никакимъ опредѣленнымъ направленіямъ.

Оставаясь, такимъ образомъ, по своимъ взглядамъ до извѣстной

степени въ согласованіи съ Библіей, Стенонъ, по методу изслѣдованія, показалъ себя совершенно отъ нея независимымъ. Къ сожалѣнію, его небольшое произведеніе обратило на себя мало вниманія и поэтому не повліяло плодотворно на ученый міръ того времени, хотя оно только и указывало путь, слѣдуя которому можно было достигнуть яснаго понимнаія исторіи земли, а именно путемъ изученія состава и строенія земной коры.

Между тѣмъ какъ Стенонъ, указавшій, впрочемъ, подземному огню опредѣленную роль, ограничился только кругомъ своихъ непосредственныхъ наблюденій и обошелъ самый вопросъ о происхожденіи міра, англичанинъ Томасъ Бюрнетъ (Thomas Burnet) пытался въ своей «Священной теоріи земли» изслѣдовать первоначальное состояніе и постепенное развитіе земли, оставаясь подъ сильнымъ вліяніемъ библейскаго міропониманія. По Бюрнету, земля произошла изъ хаоса—жидкой массы, образовавшей, повидимому, шаръ съ равномѣрною поверхностью. Затѣмъ твердыя и тяжелыя тѣла заняли центръ, водянистыя частички образовали вокругъ него первый, а воздухообразныя—второй сферическій слой. Потомъ въ жидкомъ сферическомъ слоѣ произошло отдѣленіе жирообразныхъ частичекъ, которыя всплыли на поверхности жидкости. Тяжелыя вещества жидкости и пыль воздуха постепенно погружались въ глубину—первыя на ядро земли, вторая на жирный слой жидкости, которая, вслѣдствіе примѣси къ ней частичекъ пыли, превратилась въ илистый сферическій слой и образовала обитаемую поверхность земли между тѣмъ какъ атмосфера совершенно была очищена. Возможно, что внутри земли существовало еще огненное ядро (A), вокругъ котораго расположена была масса земли (B), далѣе слѣдовала «глубокая вода» (abyssus) (C) и, наконецъ, внѣшняя земная кора (D) безъ горъ и морей и совершенно равномѣрная.

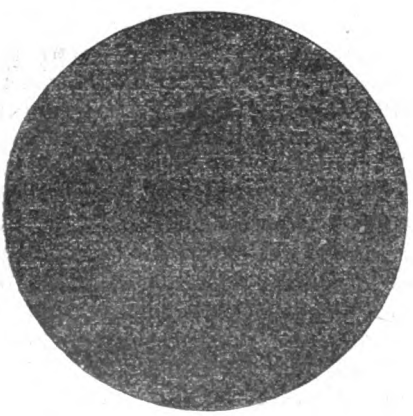


Рис. 12. Земля—хаосъ.

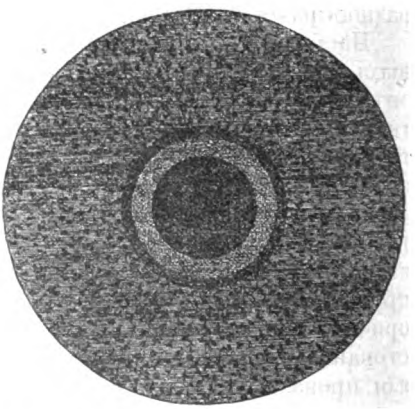


Рис. 13. Образованіе твердаго ядра.

Эта первая земля, послѣ многихъ тысячелѣтій существованія, была разрушена потопомъ. Въ тотъ періодъ ось земная была еще перпендикулярна къ солнечной орбитѣ и потому не существовало никакихъ временъ года. Солнце высушило внѣшнюю, обращенную къ нему, земную оболочку; въ ней образовались трещины и, наконецъ, вслѣдствіе землетрясенія, эта оболочка обрушилась въ «глубокія воды». Послѣдовало общее, длившееся цѣлые мѣсяцы наводненіе, пока, наконецъ, воды не

спали и прежній абиссусъ (Abyssus)—«глубокія воды» не образовали морей и подземныхъ скопленій водъ. Вслѣдствіе провала земной оболочки, одни части ея приняли наклонное положеніе, другія же остались ровными. Отсюда на поверхности земли произошли горы, долины и равнины, а въ нѣдрахъ земли пустоты, частью наполненныя водой, частью сухія. Замкнутыя въ этихъ пустотахъ пары производятъ землетрясенія и вулканическія изверженія, между тѣмъ какъ черезъ провалы могутъ исчезнуть цѣлые острова. Между тѣмъ какъ Бюрнетъ въ своей недостаточно мотивированной теоріи допускалъ огненное ядро земли, его молодой соотечественникъ Джонъ Вудвордъ (John Wooward) (род. въ 1665 г. въ графствѣ Дерби, † въ 1722 г. въ Лондонѣ) полагалъ, что центръ земли состоитъ изъ огромнаго водянаго шара, который, повидимому, соединенъ съ морями каналами. Этотъ водяной шаръ вмѣстѣ съ океаномъ имѣетъ одинъ и тотъ же центръ тяжести. Когда земная кора, облекавшая этотъ водяной шаръ, разрушилась, произошелъ потопъ, воды котораго растворили находившіеся на поверхности скалы и породы земли. Частички ихъ сначала оставались растворенными, потомъ въ силу своей тяжести онѣ осаждались и образовали пласты разныхъ породъ, отложившіяся другъ на друга и впослѣдствіи отвердѣвшія. Первоначально всѣ эти пласты были горизонтальны, имѣли равную поверхность, покрытую водой. Потомъ пласты повсюду прорывались, опускались и поднимались и съ опустившимися глыбами земли образовались долины и дна морей.

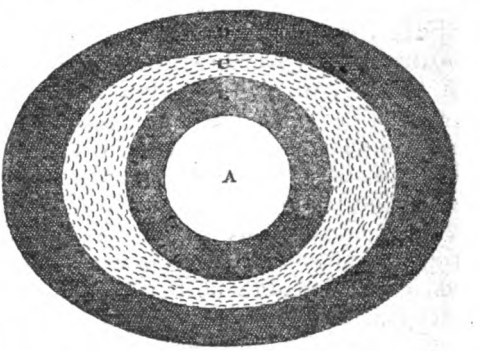


Рис. 14. Стадія образованія земли по теоріи Т. Бюрнета. (Telluris theoria Sacra. 1899).

Вильямъ Вистонъ (1666—1753) утверждалъ, что земля произошла изъ большой кометы, ядро которой образовало огненную внутренность земли; вторая комета столкнулась потомъ, въ 2349 г. предъ Р. Х. съ землею и произвела потопъ своею массою воды, соединившейся съ подземными водами земли.

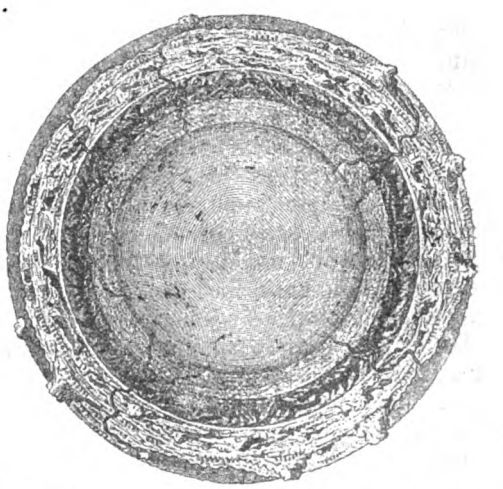


Рис. 15. Идеальный поперечный разрѣзъ земли по теоріи Джона Вудворда. (По гравюрѣ 1735 года).

Великій философъ Лейбницъ (род. 1-го іюля 1664 г. въ Лейпцигѣ, † 14 ноября 1716 г. въ Ганноверѣ), примкнулъ снова къ идеямъ Декарта, заявивъ въ своемъ произведеніи: «Protogaea», что первоначально земля была огненнымъ подобно солнцу тѣломъ, на поверхности котораго

потомъ выдѣлились шлаки и, въ концѣ концовъ, образовали твердую кору, подъ которой еще остается огненное ядро земли. Вода первоначально находилась въ парообразномъ состояніи, но при постепенномъ охлажденіи она сгущалась, ниспадала на поверхность и растворяла ея соли. Во внутренности земли вслѣдствіе дальнѣйшаго охлажденія образовались пустоты, а вслѣдствіе проваловъ покрывающей ихъ земной коры возникали неровности земной поверхности. Вода отлагала въ углубленія осадки, которые потомъ отвердѣвали. Ликъ еще юной земли много разъ измѣнялся. Такимъ образомъ горныя породы отчасти воднаго происхожденія. Нѣкогда все было покрыто водою; возвышенія суши надъ водою появились, вѣроятно, вслѣдствіе того, что вода стекла въ подземныя пустоты.

Если Лейбницъ старался свою теорію образованія земли не ставить въ открытое противорѣчіе съ исторіей творенія Моисея, то итальянскій аббатъ Антоніо-Лаццаро Моро (род. въ 1687 г. въ Санъ-Вито. ум. въ 1740 г.), напротивъ, сдѣлалъ попытку согласовать съ послѣдней вполнѣ теорію образованія земли. Въ началѣ, по его воззрѣніямъ, земной шаръ былъ равномѣрно покрытъ оболочкой прѣсной воды. На третій день Богъ повелѣлъ возжечься подземному огню, который поднялъ изъ воды суши и горы; были извержены огромныя массы земляного, песчанаго, глинистаго вещества, расплавленныхъ камней, металловъ, соли, асфальта, которыя отложились пластами и произвели вторичныя горныя породы. На пятый день были созданы обитатели морей. Моро отличаетъ уже слоистыя горныя породы отъ скалистыхъ, состоящихъ изъ равномѣрной каменной массы, и происшедшихъ, по его мнѣнію, благодаря отвердѣнію расплавленной массы.

Между тѣмъ какъ Гетаръ (Guettard) (1755) и Іоганъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Туссэнъ фонъ-Шарпантье (Johan-Friedrich-Wilhelm-Toussaint von-Charpantier) (1778) составили геологическую карту, т.-е. установили картографически протяженія отдѣльныхъ горныхъ породъ, а Жиро Суляви (Giraud Soulavie) и Фожа-де-Санъ-Фонъ (Faujas de Saint-Fond) изслѣдовали потухшіе вулканы во Франціи и установили вулканическую природу базальта, съ тѣхъ поръ появилось безчисленное множество и фантастическихъ и остроумныхъ гипотезъ о происхожденіи и дальнѣйшемъ образованіи земли. Изъ ихъ числа особенно выдается теорія Бюффона. великаго французскаго натуралиста (1707—88).

Бюффонъ въ его «Époques de la nature» (1778 г.) полагалъ, что нѣкогда большая комета столкнулась съ солнцемъ и отдѣлила отъ его расплавленной массы части, которыя стали двигаться въ одномъ направленіи вокругъ породившаго ихъ свѣтила и вмѣстѣ съ тѣмъ вращались вокругъ своей оси. Къ этимъ частямъ принадлежала и земля. которая съ этого момента оставалась еще 2936 лѣтъ въ огненно-жидкомъ состояніи, какъ Бюффонъ заключилъ изъ опытовъ надъ вылитыми изъ расплавленнаго чугуна шарами.

Во второмъ періодѣ, продолжительность котораго можетъ быть приблизительно оцѣнена въ 35.000 лѣтъ, земля покрывалась остывающею корой, поверхность которой вслѣдствіе неправильнаго стягиванія и развитія газовъ получила большія, но въ отношеніи къ діаметру шара незначительныя, углубленія и возвышенія. Трещины твердой коры наполнились металлами и минералами. Затвердѣніе проникло, наконецъ, до самаго центра земли.

Въ третьемъ періодѣ, продолжавшемся, вѣроятно, отъ 15 до 20.000 лѣтъ, земля сдѣлалась уже холодной настолько, что на ней могли осѣсть

водяные пары и покрыть водою всю ея поверхность. Горячая вода дѣйствовала разрушающимъ образомъ на каменныя породы, превращала ихъ въ сланецъ, мергель и несокъ и отлагала параллельными пластами. Безчисленныя животныя населяли первобытное море и изъ ихъ остатковъ произошли известковые камни. Все болѣе и болѣе увеличивающееся охлажденіе моря причинило вымираніе большей части животныхъ древней эпохи, а вторженіе океана въ огромные подземные пустоты сдѣлало то, что суша начала все болѣе и болѣе выдаваться изъ воды. Суша покрылась тропическою растительностью, остатки которой мы встрѣчаемъ въ каменноугольныхъ пластахъ.

Рис. 16. Георгъ-Луи-Леклернъ графъ Бюффонъ (по гравюрѣ Телло).

Въ четвертомъ періодѣ (около 5.000 л.) началась дѣятельность вулкановъ вслѣдствіе встрѣчи воды съ жаромъ внутренности земли и возгоранія горючаго матеріала. Въ пятомъ періодѣ снова наступилъ покой. Подъ экваторомъ господствовалъ жгучій зной, въ сѣверныхъ же странахъ уже жили слоны и другія большія сухопутныя животныя. Съ постепеннымъ охлажденіемъ живыя существа все болѣе и болѣе отодвигались къ югу. Въ шестомъ періодѣ произошло настоящее распредѣленіе суши и появился человѣкъ.

Этой теоріи, хотя она во многихъ отношеніяхъ покоится на очень непрочномъ и недостаточномъ основаніи, было поставлено въ великую заслугу то, что она допустила длинные періоды времени, установила ясное различіе между первичными каменными породами, позднѣйшими отложеніями и недавними вулканическими породами, а также приняла во вниманіе животныя и растительныя, географическія наблюденія.

Но еще бо́льшаго значенія заслуживаютъ взгляды, выраженные А. Г. Вернеромъ (Abraham-Gottlob Werner, родился 25-го сентября 1749 г. въ Верау, въ Саксоніи, умеръ 30-го іюня 1817 г. въ Дрезденѣ) въ его знаменитыхъ лекціяхъ въ горной академіи въ Фрейбургѣ объ образованіи и строеніи земной коры. Онъ полагалъ, что всѣ камни, а также и самое тѣло земли произошло изъ воднаго раствора. Самые древнія каменныя породы выкристаллизовались въ то время, когда еще на

землѣ не было ни одного живого существа. Болѣе поздніе породы — не что иное, какъ частью химическія, частью механическія осадки моря и заключаютъ уже органическіе остатки. Эти осадки, лежащіе послѣдовательно другъ за другомъ, какъ луковичныя чешуи, въ горизонтальномъ или слегка наклонномъ положеніи образуютъ тѣло земли. Тамъ, гдѣ эти наслоенія наклонны, это произошло вслѣдствіе проваловъ подземныхъ пустотъ или обрушиванія горъ и т. п. явленій. Многократныя наводненія должны были уничтожать прежнія организмы, которыя мы находимъ, какъ окаменѣлости. Вернеръ считалъ вулканическія явленія за слѣдствіе мѣстнаго подземнаго пожара и приписывалъ базальту нептуническое происхожденіе. Точно также всѣ рудныя жилы онъ объяснялъ постепеннымъ наполненіемъ сверху водными осадками трещинъ земной коры. Это одностороннее подчеркиваніе воднаго происхожденія горныхъ породъ и полнѣйшее отрицаніе образованія каменныхъ породъ изъ огненножидкой магмы составляютъ большой изъянъ въ вернеровскомъ ученіи, которое, съ другой стороны, благодаря ясной характеристикѣ различныхъ горныхъ породъ, ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ распредѣленія, напластованія и взаимаго слѣдованія во времени, создало твердый фундаментъ, на которомъ могла быть воздвигнута геологія, какъ наука.

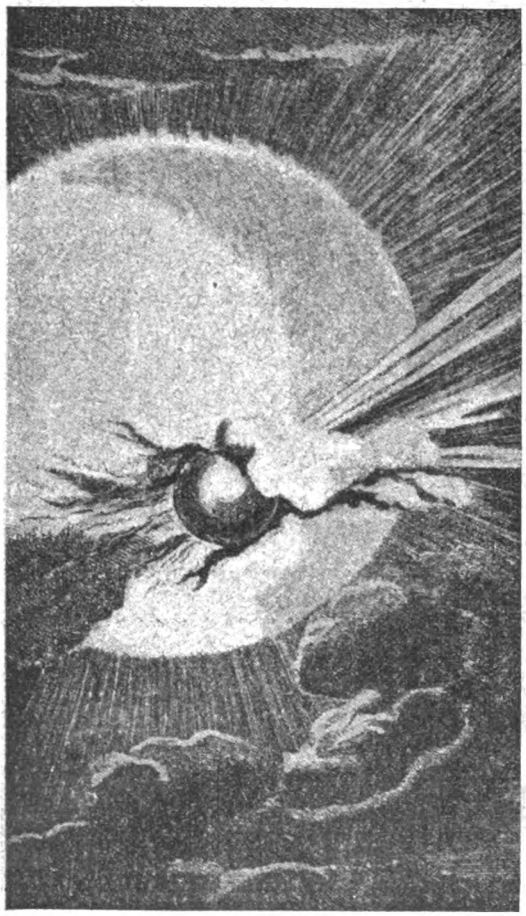


Рис. 17. Столкновеніе кометы съ солнцемъ. (По гравюрѣ изъ сочиненія Бюффона «Естественная исторія» 1785 г.).

Вернеръ былъ горячимъ защитникомъ нептуническаго направленія, т.-е. того взгляда, который приписывалъ при образованіи земли главную роль водѣ. Въ теченіе извѣстнаго времени онъ господствовалъ со своею теоріей во всемъ научномъ мірѣ, пока два его великихъ ученика Александръ Гумбольдтъ и Леопольдъ фонъ-Бухъ, а въ особенности геніальный шотландскій ученый Джемсъ Гюттонъ (род. 3-го іюня 1726 г. въ Эдинбургѣ, въ ум. 1797 г.) не выступили его противниками.

Гюттонъ въ своей «Theory of the earth» (1788 г., второе дополненное изд. въ 1795 г.) также приписывалъ важную роль водѣ, объясняя происхожденіе песчанниковъ, глины или конгломератовъ изъ слившихся

обломковъ твердыхъ каменистыхъ породъ суши или известковыхъ породъ изъ отложеній остатковъ морскихъ животныхъ на днѣ океана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что другія каменныя породы, какъ порфиръ и гранитъ, образовались изъ расплавленной массы и слоистыя горныя породы отвердѣли вслѣдствіе ихъ сплавленія въ глубинѣ земли. Эти пласты горныхъ породъ были, вѣроятно, выдвинуты на поверхность, вслѣдствіе расширенія раскаленнаго вещества, находящагося внутри земли, и образовали сушу, при чемъ собирались въ складки, разбивались на части и даже ставились стоймя. Образовавшіяся при этомъ щели и пропасти наполнились минералами, рудой или каменными породами, которыя проникли въ нихъ снизу. Эти наполненныя щели мы встрѣчаемъ на поверхности земли и въ шахтахъ въ видѣ рудоносныхъ жилъ. Выдвинутыя кверху, раскаленныя жидкія магмы каменной породы продвинулись между существующими уже пластами и отвердѣли въ компактную кристаллическую массу («глубинныя каменныя породы»), между тѣмъ какъ на поверхности охлажденныя магмы получили пузырчатое и шлаковое строеніе.

Такъ какъ большая часть горныхъ породъ состоитъ изъ частицъ разрушенныхъ скалистыхъ породъ прежней суши, то очевидно, что прежде распредѣленіе суши и воды было совершенно инымъ. Вслѣдствіе расширенія раскаленной внутренности земли изъ морей поднимались новые континенты, одновременно же съ ними разрушались, вслѣдствіе вывѣтриванія и размытія, старые. Такой процессъ продолжался въ теченіе неисчислимаго ряда вѣковъ. Впродолженіи огромныхъ періодовъ времени происходила эта смѣна вновь появлявшихся и разрушавшихся материковъ и непостоянно измѣняла ликъ земли.

Благодаря высокому значенію, которое Гюттонъ придавалъ внутреннему жару земли въ судьбахъ нашей планеты, онъ всталъ во главѣ плутоническаго направленія и въ рѣзкое противорѣчіе съ нептунизмомъ Вернера. Его взгляды сдѣлались доступными пониманію широкаго круга, благодаря остроумнымъ опытамъ Сэра Джемса Гальса (1762—1831) и превосходнымъ поясненіямъ Джона Плейфера (1748—1819) и сохранились до настоящаго времени, конечно, съ внесенными позднѣе поправками. Вскорѣ послѣ знаменитаго произведенія Гюттона появилась (1796) монографія французскаго математика и астронома П. С. Лапласа (1749—1827), въ которой излагалась гипотеза происхожденія солнечной системы изъ огромной, вращающейся, сферической газообразной массы. Черезъ уплотненія отдѣльныхъ міровыхъ тѣлъ развилась неизмѣримо высокая температура, а вслѣдствіе медленнаго охлажденія ихъ посредствомъ лучеиспусканія въ холодное міровое пространство, свѣтящіяся, раскаленныя массы покрылись, наконецъ, твердою корой. Но уже раньше (1755) великій кенигсбергскій философъ Кантъ (1724—1804) высказалъ подобныя же мысли о происхожденіи солнечной системы (не прослѣдивъ, однако, такъ далеко судьбы земли), и поэтому съ гипотезой Лапласа обыкновенно соединяютъ не совсѣмъ справедливо имя великаго мыслителя. Эта канто-лапласовская гипотеза въ настоящее время принята почти всѣми географами и геологами, хотя и нельзя отрицать, что она оставляетъ безъ объясненія цѣлый рядъ явленій въ планетной системѣ. Но взамѣнъ ея пока еще не было придумано ничего болѣе лучшаго, а посредствомъ нея наилучшимъ образомъ объясняются важнѣйшія соотношенія земной коры. Такъ, только она дѣлаетъ намъ понятнымъ увеличеніе температуры, которое наблюдается при постепенномъ проникновеніи въ глубь земной коры и о которомъ было извѣстно

Кирхеру изъ сообщеній горнорабочихъ. Благодаря этой гипотезѣ, пріобрѣло право гражданство представленіе объ огненно-жидкомъ ядрѣ земли огромныхъ размѣровъ. Это представленіе совершенно и по существу отличается отъ декартовскаго центральнаго огненнаго тѣла, заключеннаго въ твердую оболочку, отъ подземнаго огня Эмпедокла или центральнаго «пирофилаціума» Кирхера. Между тѣмъ какъ еще въ 1780 году І. Ц. Зильбершлагъ пытался объяснить происхожденіе и дальнѣйшее развитіе земли, придерживаясь возможно ближе Библіи, и допускалъ огромное центральное ядро изъ воды и мощный, пронизанный пустотами слой земной коры (см. рис. 16). Позднѣе подобные голоса уже стали почти неслышны, и идея огненно-жидкаго земного ядра до самаго послѣдняго времени пользовалась почти исключительнымъ господствомъ. Только относительно мощности коры и предѣловъ земного ядра мнѣнія часто раздѣлялись. Ал. Гумбольдтъ и Эли де-Бомонъ опредѣляли толщину ея отъ 40 до 50 килом., Пфаффъ отъ 80 до 90 к., Пиларъ 120 к., а англійскій физикъ В. Гопкинсъ путемъ вычисленія получилъ число большее 1.000 километровъ! Самое ядро земли, по мнѣнію Лихтенберга и Франклина, должно состоять изъ газообразной массы. Это мнѣніе, позднѣе, было детально обосновано Гербертомъ Спенсеромъ, А. Риттеромъ и Карломъ Цёппритцъ. Въ виду многочисленныхъ наблюденій, указывающихъ на увеличеніе температуры въ рудникахъ и копяхъ, необходимо было допустить, что на извѣстной глубинѣ камни будутъ въ расплавленномъ состояніи, а еще при болѣе высокой степени жара въ самыхъ глубокихъ слояхъ земной коры всѣ тѣла должны перейти въ газообразное состояніе. Эти газы, необычайно высокой температуры, находящіеся подъ огромнымъ давленіемъ, должны быть, по соображеніямъ шведскаго физика Сванта Арреніуса (1900), такъ сильно сжаты, что въ дѣйствительности они имѣютъ свойство почти твердаго тѣла, съ тою, однако, разницею, что при одномъ измѣненіи давленія могутъ послѣдовать огромныя передвиженія ихъ массъ. Арреніусъ полагаетъ, что твердая оболочка имѣетъ около 40 килом. толщины и на глубинѣ 300 километр. глубины, температура такъ высока, что всѣ тѣла находятся въ газообразномъ состояніи; въ центрѣ же земли должно преобладать газообразное желѣзо. По его мнѣнію, это газообразное желѣзное ядро въ центрѣ земли должно имѣть радіусъ, равный 80% земного радіуса, газообразная же каменная магма 15%, огненножидкая—4%, твердая же земная кора—только 1%!

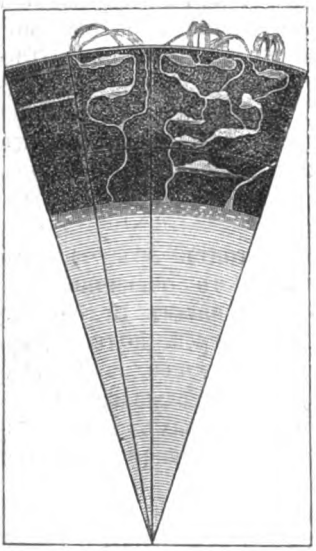


Рис. 18. Земная кора и наполненная водой внутренность земли. («Геогонія Зильбершлага» 1780).

Арреніусъ пришелъ къ заключенію, что внутреннее ядро земли состоитъ изъ желѣза, основываясь на относительно высокой плотности земного шара. Земля почти въ $5^1/_2$ разъ тяжелѣе воды, удѣльный же вѣсъ каменныхъ породъ земной коры равенъ только 2,5. Отсюда само собою вытекло важное слѣдствіе, что земное ядро должно состоять изъ тяжелыхъ веществъ. Поэтому, Дана уже въ 1847 г. при-

знавалъ желѣзное ядро земли. Онъ считалъ его, однако, застывшимъ и полагалъ, что оно окружено вязкою раскаленною магмой, на которой покоилась тонкая земная кора. Подобные же взгляды находили представителей и между другими изслѣдователями, между тѣмъ какъ англійскіе физики Г. Х. Дарвинъ и В. Томсонъ, американецъ Барнардъ и нѣмецкій геологъ Рейеръ считали весь земной шаръ твердымъ тѣломъ или допускали, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно мощную кору, облегающую небольшое жидкое еще центральное ядро.

Особое положеніе занимаетъ въ вопросѣ о свойствахъ и общемъ строеніи земной коры Альфонсъ Штюбель, который вынесъ свои оригинальныя мысли изъ многолѣтнихъ путешествій въ вулканическихъ областяхъ Эквадора (1868—77). Между тѣмъ какъ большинство изслѣдователей полагаетъ, что земля, вслѣдствіе процесса охлажденія при-

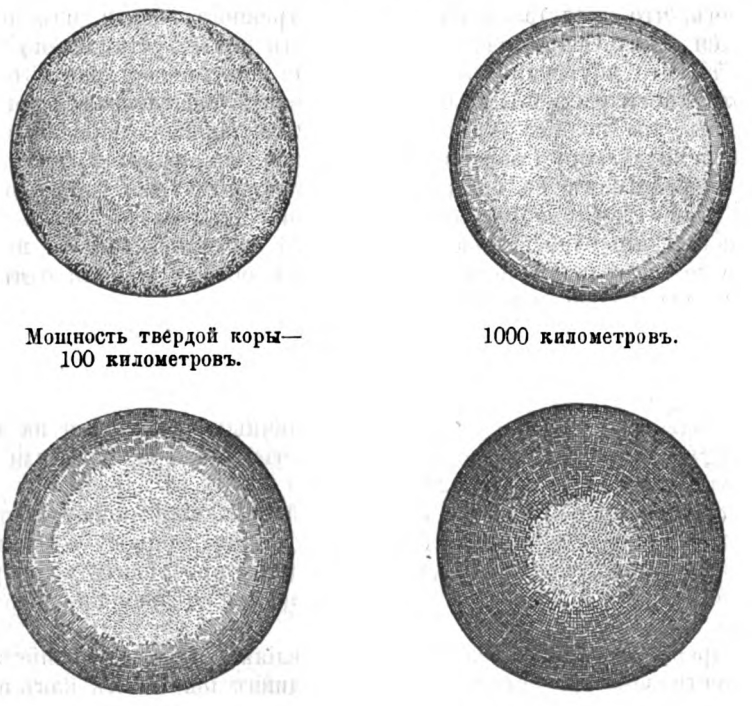


Рис. 19. Четыре стадіи процесса отвердѣванія земли. (По А. Штюбелю)

нимаетъ все меньшій объемъ, Штюбель, на основаніи нѣкоторыхъ наблюденій, убѣдился, что огненно-жидкая каменная масса въ теченіе процесса охлажденія проходитъ фазу увеличенія объема, причемъ можетъ выдѣлиться огромное количество энергіи. Штюбель полагаетъ, что извергаемыя вулканами массы постоянно распростирались надъ отвердѣвшей оболочкой земли и составляли вмѣстѣ съ послѣдней такъ называемую «панцырную покрышку», увеличивая такимъ образомъ объемъ земного шара. По его соображеніямъ, эта панцырная покрышка достигаетъ приблизительно 50 килом. толщины, между тѣмъ какъ твердая оболочка земной коры обладаетъ такою мощностью (около 2.000 кил.), что огненно-жидкая масса земного ядра не можетъ уже быть извержена на поверхность земли.

*

Между тѣмъ какъ большею частью думали, что земля состоитъ только изъ своихъ собственныхъ земныхъ веществъ и въ своемъ развитіи пользовалась собственнымъ матеріаломъ, знаменитый изслѣдователь полярныхъ странъ Норденшильдъ, въ концѣ XIX столѣтія, полагавшій, что онъ нашелъ среди ледяныхъ полей Гренландіи космическую пыль, выразилъ мысль, что земля произошла посредствомъ столкновенія метеоритовъ. Новая теорія, однако, не имѣла распространенія, но недавно Фридрихъ Ратцель (1901) обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что огромное количество космической матеріи, падающей на землю въ видѣ метеоритовъ и метеорной пыли, въ теченіе чрезвычайно длиннаго періода времени, должно сдѣлаться настолько значительнымъ, что можетъ играть нѣкоторую роль въ составѣ земли.

Мы привели множество взглядовъ на общее строеніе земли. Фактическое же положеніе вопроса таково, что мы вынуждены сказать: мы не знаемъ, что представляетъ собою внутренность земли, изъ чего состоитъ ея ядро. Основываясь на плотности земли, установлено твердо только то, что внутренность послѣдней не можетъ состоять изъ воды, какъ это много разъ полагали, придерживаясь библейскихъ понятій. Но мы знаемъ съ полною увѣренностью, что горныя породы, составляющія земную кору, образовались частью изъ расплавленно-жидкой массы посредствомъ ея отвердѣнія, частью подъ дѣйствіемъ воды и вѣтра. Если, такимъ образомъ, мы все еще должны сознаться въ нашемъ невѣдѣніи относительно внутренняго состава земли, то мы вступаемъ уже на твердую почву, переходя къ обзору понятій о строеніи земной коры и совершающихся тамъ явленіяхъ.

II. Вулканизмъ и образованіе горъ.

Мы только что познакомились съ различными взглядами на происхожденіе и общее устройство нашей планеты, причемъ получили нѣкоторыя указанія на то, какъ представляли себѣ въ древности и въ новыя времена происхожденіе неровностей на земной поверхности. Но мы должны теперь нѣсколько ближе подойти къ вопросу о происхожденіи горъ, горныхъ цѣпей и твердой суши и прослѣдить ходъ развитія, который прошла эта область изслѣдованія со времени греческихъ ученыхъ.

Въ древности приписывали огромное вліяніе на образованіе земной поверхности землетрясеніямъ, что и не удивительно, такъ какъ именно въ Греціи, Малой Азіи и Италіи, въ странахъ греческой и римской цивилизаціи, землетрясенія происходятъ, обыкновенно, весьма часто и съ страшною силою. Мы указали выше, что землетрясенія не производятъ особенно сильнаго впечатлѣнія на дикарей, живущихъ внутри материковъ, если только землетрясенія эти не отличаются особенною силою: ихъ хижинамъ построеннымъ изъ кольевъ и балокъ связанныхъ ліанами, едва-ли наносятъ какой-либо вредъ подземные толчки. Иначе дѣло обстояло въ классической древности, когда каменные дома служили жилищами въ значительномъ числѣ случаевъ. Поэтому-то землетрясенія тогда были чрезвычайно опасны. Къ тому же въ известковыхъ горахъ Греціи нерѣдко, вслѣдствіе подземныхъ толчковъ, происходили горные обвалы и образовывались значительной длины и ширины трещины. Отсюда становится понятнымъ, что въ древности видѣли въ землетрясеніи причину образованія горъ. Познакомимся же поближе съ теоріями землетрясенія у древнихъ.

Греческія народныя вѣрованія въ самыя древнія эпохи искали причину землетрясеній въ водѣ, поэтому то и Гомеръ богу моря, Посейдону, прилагаетъ эпитетъ «землепотрясателя». Но и древнѣйшіе іонійскіе философы считали воду возбудителемъ землетрясеній. Такъ, по свидѣтельству Сенеки (VI, 6 его «Размышленій о природѣ»), Ѳалесъ Милетскій полагалъ, «что вся земля опирается на водяную влагу и плаваетъ на ней. Въ доказательсто же того, что вода является причиною потрясенія земли, онъ указывалъ на то обстоятельство, что при каждомъ значительномъ землетрясеніи почти всегда изъ почвы пробиваются новые источники». Это доказательство ни въ какомъ случаѣ нельзя считать основательнымъ, такъ какъ зачастую бываютъ землетрясенія, во время которыхъ не прорывается никакихъ новыхъ водъ или выступающее наружу количество воды очень незначительно. Анаксименъ, напротивъ, выступаетъ съ теоріей проваловъ, которая, дѣйствительно, такъ легко приложима къ известковой, богатой подземными пустотами почвѣ Греціи: всякій разъ, какъ земля пропитывается отъ продолжительныхъ ливней водой и потомъ высохнетъ, въ ней образуются трещины и щели, части внутренней коры отдѣляются и производятъ, вслѣдствіе своего обрушиванія, мѣстныя сотрясенія — объясненіе, которое и въ наше время примѣняется къ цѣлому ряду землетрясеній. Анаксагоръ, Демокритъ и другіе полагали, что воды, вѣтры и огонь, заключенные во внутреннихъ пустотахъ и ходахъ земли, ища себѣ выхода, потрясали земли; словомъ, они допускали какъ и въ вулканическихъ явленіяхъ одну и ту же причину. Между землетрясеніями и вулканическими изверженіями они находили тѣсную связь — мысль, которая и въ настоящее время для многихъ землетрясеній признается вѣрною.

Аристотель приписывалъ землетрясенія исключительно движеніямъ воздуха, заключеннаго въ пустотахъ и порахъ земли; этотъ воздухъ стремится высвободиться наружу, но наталкивается на преграды или вгоняется во внутрь проникающими въ почву массами водъ. Отсюда онъ заключалъ, что тѣ области, которыя своими пропастями и пустотами даютъ водамъ доступъ во внутренность земли, чаще всего подвержены землетрясеніямъ, каковы Геллеспонтъ, Эвбея, Ахея, Сицилія и Липарскіе острова.

Рис. 20. Планеты въ первой стадіи своего развитія: газовое кольцо отдѣлившееся отъ солнца. По Лапласу.

Кромѣ изложенныхъ, существовалъ еще цѣлый рядъ дальнѣйшихъ теорій относительно происхожденія землетрясеній; всѣ они добросовѣстно изложены Сенекой въ 6 книгѣ его «Размышленій о природѣ». Мы не можемъ здѣсь подробно обсуждать ихъ всѣ, да къ тому же онѣ представляютъ мало интереса въ историческомъ отношеніи. Упомянемъ однако, что Деметріусъ изъ Каллатиса, жившій за 300 л. до Р. Х., составилъ уже перечень всѣхъ происходившихъ въ Греціи землетрясеній и что уже въ то время были извѣстны различные роды землетрясеній, смотря по тому, наблюдалось ли перпендикулярное, снизу вверхъ рас-

пространяющееся сотрясеніе или горизонтальное колебаніе. Сенека дѣлаетъ различіе между мягкимъ дрожаніемъ земли и настоящимъ сотрясеніемъ.

Также обращено было уже и тогда вниманіе на продожительность

Рис. 21. Большое землетрясеніе въ Іедо (Токіо) въ 1650 г. По гравюрѣ Арнольда Монтакуса: «Достопамятныя посольства остъ-индской компаніи къ разнымъ государямъ Японіи». Амстердамъ. 1660.

землетрясенія и замѣчено, что послѣднее большею частью очень кратковременно. Обыкновенно землетрясенія состоятъ изъ сильнаго толчка, за которымъ слѣдуетъ нѣсколько болѣе слабыхъ; часто до ихъ появ-

ленія слышится глухой подземный гулъ. Иногда землетрясенія продолжаются очень долго, т.-е. они часто повторяются въ теченіе долгаго времени, даже цѣлаго года.

Знали также, что въ извѣстныхъ странахъ землетрясенія бываютъ чаще, чѣмъ въ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривали, какъ твердо установленный фактъ, что извѣстныя времена года отличаются особенно частыми землетрясеніями.

Вліяніе, которое могли производить землетрясенія на земную поверхность, получило очень высокую оцѣнку. Эсхилъ полагалъ, что Сицилія отдѣлилась отъ Италіи вслѣдствіе землетрясенія. Платонъ приписывалъ тому же исчезновеніе миѳическаго острова Атлантида. Тотъ фактъ, что земля и скалы трескались, былъ, во всякомъ случаѣ, констатированъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Но когда Сенека говоритъ, что землетрясенія въ состояніи совершенно измѣнить видъ страны, что они «понижали горы и поднимали равнины», то здѣсь нельзя не видѣть только одни предположенія, которыя были вызваны въ душѣ изслѣдователя такими ужасными явленіями природы. По Страбону, вслѣдствіе землетрясеній высыхали озера и появлялись новыя, рѣки покидали свои старыя русла, цѣлые острова погружались въ моря и новые выступали изъ его волнъ. Хотя въ этихъ извѣстіяхъ дѣйствіе землетрясеній и кажется отчасти преувеличеннымъ, однако уже и древнимъ были извѣстны ужасныя послѣдствія землетрясеній—наводненія. Происхожденіе послѣднихъ Аристотель объяснялъ тѣмъ, что образовавшіяся, подъ вліяніемъ внѣшнихъ вѣтровъ, огромныя морскія волны, встрѣчаютъ въ землетрясеніи препятствіе своему передвиженію и потому наводняютъ сосѣдніе берега. Такъ погибли арабскіе города Гелике и Бура. Подобнымъ же образомъ были отдѣлены Эвбея отъ Беотіи и Лесбосъ отъ малоазіатскихъ береговъ. Страбонъ, повидимому, хотѣлъ объяснить такимъ образомъ происхожденіе всѣхъ прибрежныхъ острововъ.

Хотя многія изъ этихъ теорій землетрясенія могутъ быть примѣнимы только къ нѣкоторымъ преобразованіямъ на земной поверхности и не въ силахъ объяснить происхожденіе горныхъ цѣпей и материковъ, но были между ними и другія, которыя вполнѣ пригодны и для послѣдней цѣли. Такъ, Аристотель предполагалъ, что воздушныя теченія въ огромныхъ пустотахъ внутри земли, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, могутъ приподнимать земную кору.

Ученіе Аристотеля нашло послѣдователей въ Гиппархѣ, позднѣе въ Страбонѣ и въ дальнѣйшей своей разработкѣ предполагало, что поднятія и пониженія должны происходить постепенно и медленно и что въ нихъ главное участіе принимаетъ морское дно. Страбонъ говоритъ по этому поводу (I, 51): «Поднятіе или опусканіе уровня моря объясняется тѣмъ, что опускается или поднимается какой-нибудь участокъ морского дна, увлекая за собой море то въ высоту, то въ глубину. При поднятіи море также поднимается, при пониженіи возвращается къ своему прежнему уровню. Но если дѣло обстоитъ иначе, если происходитъ внезапное поднятіе уровня, то за нимъ должно слѣдовать наводненіе, какъ это бываетъ при морскихъ приливахъ и при разливахъ рѣкъ, причемъ при первыхъ масса воды приносится изъ какого-либо другого мѣста, при послѣднихъ же увеличивается. Но ни разлитія рѣкъ не происходятъ съ такою силою и внезапностью, ни приливы не бываютъ такъ продолжительны, какъ наводненія; здѣсь, въ этихъ явленіяхъ наблюдается извѣстная правильность, а кромѣ того

приливы не происходятъ въ нашемъ морѣ, ни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно когда-либо находилось. Слѣдовательно, остается разсматривать, какъ основную причину этихъ явленій, почву, находящуюся или подъ моремъ, или наводняемую, скорѣе первую, такъ какъ пропитанная влагой почва болѣе подвижна и легче поддается измѣненіямъ; вѣтеръ—причина всѣхъ подобныхъ явленій—можетъ легче всего проявить здѣсь свою мощную силу. Ближайшею причиной подобныхъ явленій необходимо считать то, что однѣ и тѣ же части морского дна то поднимаются, то опускаются». Это ученіе о поднятіи и опусканіи земной поверхности снова было принято въ новѣйше время. правда, съ совершенно инымъ обоснованіемъ и для иного примѣненія. Раньше оно могло быть допущено только при предположеніи существованія огромныхъ подземныхъ пустотъ, гдѣ могли происходить разнообразныя и богатыя послѣдствіями явленія. Въ этихъ пустотахъ обыкновенно видѣли мѣстопребываніе вулканическихъ силъ, дѣйствіе которыхъ было изучено уже въ разныхъ мѣстахъ извѣстной тогда земной поверхности.

Древніе греческіе поэты относили мѣстопребываніе и мастерскія Гефеста, бога огня, а также и мѣсто борьбы гигантовъ и титановъ съ богами къ вулканическимъ областямъ. Хотя эти древнія воззрѣнія ясно указывали на глубины земли, какъ на очагъ вулканическихъ явленій, однако еще во время лидійца Ксантоса господствовала идея, что удары молніи могли быть причиною пожара земли и скалъ. Эта теорія примѣнялась именно къ такъ называемой «сожженной странѣ» (Katakekaumene) при верховьяхъ Гермуса въ Лидіи, область, имѣвшая 500 стадій (89 килом.) въ длину и 400 ст. (71 к.) въ ширину, пеплообразная почва которой была годна только для винодѣлія. Къ настоящимъ, дѣйствующимъ вулканамъ теорія эта, навѣрное, никогда не примѣнялась, такъ какъ изверженіе вулканическихъ матеріаловъ изъ глубины земли было слишкомъ очевиднымъ.

Платонъ производилъ огненно-жидкія массы, а также рыхлый пепелъ и пемзу вулкановъ изъ своей огненной рѣки—Пирифлегетона, которая протекаетъ, дѣлая многочисленные изгибы, внутри земли и, наконецъ, изливается въ Тартаръ; Аристотель же — подземный огонь пустотъ земной внутренности производилъ изъ сухихъ испареній, которыя загорались при сильномъ разрѣженіи. Горячіе источники служили доказательствомъ существованія подземнаго огня и если послѣднему приписывали причину происхожденія различныхъ явленій, то всѣ были согласны въ томъ, что подземный огонь или распространенъ неравномѣрно внутри земли, или же земная кора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тоньше, чѣмъ въ другихъ, и поэтому представляетъ болѣе легкій доступъ наружу вулканическимъ изверженіямъ. Такимъ образомъ просто и ясно объяснялся тотъ фактъ, что такое вулканическое изверженіе охватываетъ только опредѣленную область.

Древнимъ было уже извѣстно очень большое число такихъ вулканическихъ областей въ Италіи, Греціи и Малой Азіи. Перечислять ихъ всѣ было бы слишкомъ утомительно, но уже одного взгляда на геологическую карту Средиземнаго моря въ томъ видѣ, какъ она могла бы быть набросана древними, достаточно, чтобы познакомиться съ положеніемъ этихъ вулкановъ. Истинные вулканы, отличавшіеся частыми изверженіями, были хорошо извѣстны грекамъ и римлянамъ. Было также извѣстно, что эти вулканы не содержатъ въ себѣ огня, но служатъ только выходомъ внутренняго подземнаго пламени. Страбонъ признавалъ также существованіе соединенія посредствомъ подземныхъ

каналовъ между вулканами Сициліи, Липарскихъ острововъ, Искіи и Везувіемъ, «о которомъ нужно полагать, что онъ нѣкогда горѣлъ и обладалъ огненными жерлами». При такомъ взглядѣ на вещи Страбонъ разсматривалъ и вулканы, какъ предохранительные клапаны, какъ видно изъ его словъ, что Сицилія теперь должна меньше терпѣть отъ землетрясеній, чѣмъ въ то время, когда Этна и вулканы Липарскихъ острововъ были закрыты. По Лукрецію для настоящихъ вулкановъ характерны окруженные пепломъ, пескомъ и пемзою кратеры, изъ которыхъ при изверженіи поднимаются высокіе столбы дыма и часто вытекаютъ огромные потоки лавы, подобной черной грязи, на воздухѣ затвердѣвающей въ камень. Извержения вулкановъ предварительно возвѣщаются подземнымъ громомъ, и Сенека во 2-й кн. своихъ «Размышленій о природѣ» разсказываетъ что одно изверженіе Этны сопровождалось грозою. Это явленіе чрезвычайно часто наблюдается при вулканическихъ изверженіяхъ. Сенека говоритъ слѣдующее (II, 30): «Этна по временамъ накопляла слишкомъ много огня и выбрасывала потомъ огромное количество раскаленнаго песку. Дневной свѣтъ меркнулъ отъ дыма и люди приходили въ ужасъ отъ наступавшаго мрака. Въ это время, какъ говорятъ, часто раздавался громъ и блистала молнія». По Страбону, при изверженіяхъ часто образовывались новые кратеры, впослѣдствіи исчезавшіе. Такимъ образомъ древнимъ была уже извѣстна чрезвычайная измѣнчивость внѣшняго вида вулкановъ. Неудивительно, что Страбонъ уже задолго предъ знаменитымъ изверженіемъ Везувія въ 79 г. послѣ Р. Х. имѣлъ точныя свѣдѣнія о вулканической природѣ этой горы. Какъ это видно изъ превосходнаго описанія Плинія Младшаго, это изверженіе Везувія, засыпавшее Геркуланумъ и Помпею, показало грекамъ въ яркомъ свѣтѣ все величіе и ужасъ вулканическихъ изверженій и еще болѣе познакомило ихъ съ явленіями подобнаго рода.

Мы приводимъ здѣсь дословно это описаніе, которое было сдѣлано Плиніемъ Младшимъ въ письмѣ къ великому римскому историку Тациту, хотя оно касается, главнымъ образомъ, личной судьбы Плинія Старшаго и только мимоходомъ описываетъ самое изверженіе. Но этотъ документъ важенъ, такъ какъ написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ катастрофы и является единственнымъ, дошедшимъ до насъ (IV книга, 16-е письмо).

«Ты желаешь, чтобы я описалъ тебѣ смерть моего дяди, съ тѣмъ, чтобы ты могъ вѣрнѣе передать потомкамъ его обликъ. Онъ былъ въ Мизенумѣ начальникомъ императорскаго флота. 24-го августа около часа пополудни мать моя заявила ему, что показалось облако необыкновеннаго вида и величины. Онъ потребовалъ башмаки и поднялся на холмъ, откуда лучше всего можно было наблюдать картину. Издали нельзя было распознать, изъ какой горы исходило облако и только позднѣе стало извѣстно, что это былъ Везувій. Облако поднималось подобно дереву, именно пиніи: оно имѣло очень высокій стволъ и распростиралось оттуда въ видѣ многочисленныхъ вѣтвей». Плиній сравниваетъ здѣсь въ первый разъ вулканическое облако съ пиніей. «Я полагаю, что оно было поднято вверхъ сильной струею воздуха и когда послѣдняя сдѣлалась слабѣе и оставила его, или когда его тяжесть получила перевѣсъ, оно медленно распространилось во всѣ стороны: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно было бѣлымъ, въ другихъ же грязнымъ и пятнистымъ, смотря по тому, увлекала ли она съ собой въ высоту землю или пепелъ. Ученый мужъ имѣлъ намѣреніе ближе познакомиться съ происшествіемъ. Онъ приказалъ поэтому приготовить быстроходное

судно. Мнѣ онъ предоставилъ на мою волю, сопровождать его или оставаться. Я отвѣчалъ, что лучше желалъ бы заниматься, тѣмъ болѣе, что онъ самъ мнѣ поручилъ кое-что для письменныхъ занятій. Онъ былъ готовъ уже выйти изъ дома, какъ получилъ письмо. Цезій Бассъ и остальные жители Ретины, которая была расположена у подножія горы и изъ которой можно было бѣжать только къ морю, просили его о спасеніи, устрашенные опасностью. Онъ измѣнилъ такимъ образомъ свое рѣшеніе и принялся съ величайшимъ мужествомъ за дѣло, которое онъ началъ было только изъ жажды знанія. Онъ приказалъ спустить въ море четырехвесельное судно и отправился на помощь не только жителямъ Ретины, но и многимъ другимъ, такъ какъ берегъ, вслѣдствіе своего прекраснаго положенія, былъ густо населенъ. Онъ спѣшилъ туда, откуда другіе бѣжали, и прямымъ курсомъ направилъ судно въ самую опасность, столь далекій отъ страха, что диктовалъ для записи всѣ движенія, всѣ формы предстоявшаго его взорамъ страшнаго явленія и зарисовывалъ его на бумагу.

Чѣмъ болѣе приближалось судно, тѣмъ горячѣе и плотнѣе становился падающій пепелъ; уже стали падать пемза и черные камни, обожженные и треснувшіе отъ огня; вотъ уже и море сдѣлалось мелкимъ и берега труднодоступными вслѣдствіе извергнутой массы. Онъ помедлилъ немного, какъ будто намѣревался возвратиться, но скоро послѣ этого сказалъ лоцману, который совѣтовалъ ему это: «Храбраго поддерживаетъ счастье. Правь къ Помпоніанусу!» Послѣдній находился въ Стабіи, отдѣленный морскою бухтой, такъ какъ здѣсь море внѣдряется въ сушу, окаймленное медленно закругляющимся полукругомъ берега. Помпоніанусъ при видѣ опасности, которая, правда еще не была непосредственною, сложилъ все свое имущество на корабли и рѣшился бѣжать, какъ только появится благопріятный вѣтеръ. Послѣ того какъ мой дядя, благодаря попутному вѣтру, прибылъ туда, онъ обнялъ напуганнаго, утѣшилъ и уговорилъ его. Желая смягчить его ужасъ своей беззаботностью, онъ принялъ ванну, сѣлъ потомъ за столъ и началъ кушать въ веселомъ настроеніи духа, или, что одинаково указываетъ на величіе души, старался быть веселымъ. Между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ изъ Везувія выбрасывались огромные огненные языки, высоко поднималось пламя и блескъ и сіяніе его еще рѣзче выдавались во мракѣ ночи. Чтобы ослабить страхъ окружающихъ, мой дядя заявилъ, что это происходитъ отъ горящихъ домовъ и помѣстій, которые покинули въ страхѣ жители. Послѣ этого онъ легъ и крѣпко заснулъ. Но дворъ, откуда можно было попасть въ комнату, такъ сильно наполнился пепломъ и пемзой, что при дальнѣйшемъ пребываніи въ спальнѣ выходъ изъ нея былъ бы совершенно преграждень. Поэтому его разбудили и онъ отправился къ Помпоніанусу и прочимъ, которые бодрствовали. Составленъ былъ общій совѣтъ, чтобы рѣшить, остаться ли въ домѣ или выйти подъ открытое небо, такъ какъ домъ отъ частыхъ и страшныхъ толчковъ колебался и казалось, разошелся по всѣмъ швамъ и связямъ, то наклонялся онъ въ одну, то въ другую сторону и затѣмъ снова возвращался въ свое прежнее положеніе. Подъ открытымъ небомъ боялись паденія кусковъ пемзы, хотя они были легки и выжжены. Послѣ обсужденія опасности выбрали, однако, послѣднее, такъ какъ однихъ побѣдили разумные доводы моего дяди, другихъ страхъ. Для защиты отъ падающихъ камней положили на головы подушки и привязали ихъ платками. Въ другихъ мѣстахъ наступилъ уже день, здѣсь же царила ночь еще, болѣе мрач-

ная и тяжелая, чѣмъ прежнія ночи. Множество факеловъ и различныхъ свѣтильниковъ едва смягчали этотъ мракъ. Рѣшено было идти къ берегу и удостовѣриться, все ли еще опасно море; оно было ужасно и угрожало опасностью. Здѣсь мой дядя легъ на разостланный для него плащъ, потребовалъ еще разъ холодной воды и выпилъ. Но пламя и запахъ сѣры, которые имъ угрожали, обратили нѣкоторыхъ въ бѣгство и заставили его подняться. Онъ всталъ опираясь на двухъ слугъ, но тотчасъ же опять опустился на землю. Я подозрѣваю, что густыя испаренія захватили ему дыханіе и закрыли дыхательное горло, которое было у него отъ природы слабо, узко и часто подвергалось воспаленіямъ. Когда, наконецъ, на третій день, сдѣлалось снова свѣтло, его трупъ былъ найденъ совершенно нетронутымъ, также и его одежда; онъ походилъ скорѣе на спящаго, чѣмъ на мертваго».

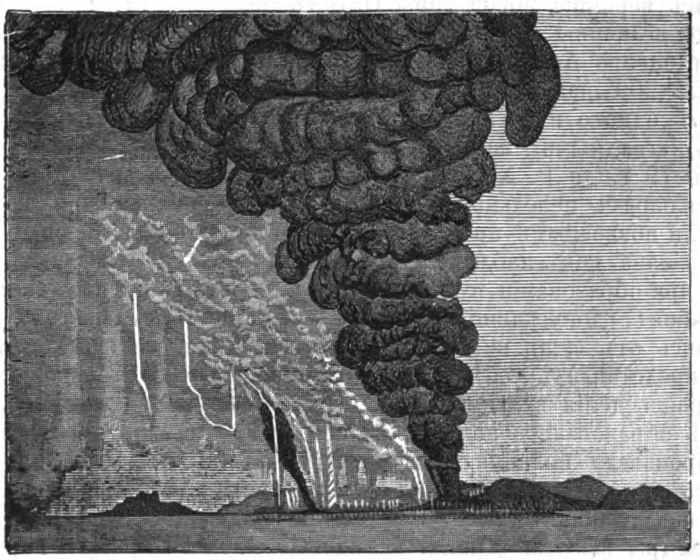


Рис. 22. Образованіе вулкана Георгія въ Эгейскомъ морѣ, въ февралѣ 1866 г.

Хотя Плиній Младшій въ своемъ письмѣ описываетъ только мимоходомъ самое изверженіе, однако, его описаніе пиніева облака, пепельнаго дождя, къ которому позднѣе примѣшались куски пемзы, землетрясенія, абсолютной тьмы и все выше и выше наслаивающихся продуктовъ изверженія, даютъ намъ ясную картину величественныхъ вулканическихъ явленій. Во всякомъ случаѣ, это наилучшее описаніе вулканическаго изверженія, дошедшее къ намъ изъ глубокой древности; имъ открывается изученіе дѣятельности вулкановъ, которое привело древнихъ ученыхъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ.

Но уже задолго раньше греки имѣли случай познакомиться съ совершенно инымъ родомъ вулканической дѣятельности, обнаружившейся въ появленіи вулканическаго острова въ Эгейскомъ морѣ въ 198 г. до Р. Х. Страбонъ слѣдующимъ образомъ извѣщаетъ объ этомъ событіи: «Посреди между Терой и Терасіей въ теченіе четырехъ дней вырывалось изъ моря пламя, такъ что все море пылало и горѣло и постепенно изъ него, словно какими-то орудіями, былъ поднятъ островъ, который состоялъ изъ раскаленной массы и имѣлъ въ окружности

12 стадій (2,13 кил.). Послѣ этого событія въ первый разъ отважились только родосцы, господствовавшіе тогда на морѣ, пристать туда и посвятить храмъ Посейдону Асфалійскому». Сенека въ своихъ «Размышленіяхъ о природѣ» (II, 26) описываетъ то же событіе въ слѣдующихъ словахъ: «Во времена нашихъ предковъ, когда въ Эгейскомъ морѣ появился островъ, по свѣдѣніямъ Позидоніуса, море сначала долго пѣнилось и изъ глубины его поднимался дымъ. Потомъ показался огонь, но не постоянный, а вспыхивавшій чрезъ нѣкоторые промежутки времени, подобно молніи, какъ только жаръ внизу становился больше, чѣмъ жаръ лежащей выше его массы. Послѣ этого были извергнуты скалы, частью совершенно нетронутые глыбы камней, которые были выброшены воздушною струей раньше, чѣмъ они успѣли измѣниться, иногда съ пустотами внутри и легкія, какъ пемза; наконецъ, появилась вершина новой горы. Потомъ она стала увеличиваться и выросла до величины острова». Позднѣе Сенека прибавляетъ къ этому: «По извѣщенію Асклепіодотуса, глубина, изъ которой выходилъ огонь, достигала 200 шаговъ. Если эти оба описанія, которыя, очевидно, исходятъ изъ одного и того же источника, не являются столь же подробными и наглядными, какъ описаніе Плинія Младшаго изверженія Везувія въ 79 г. до Р. Х., то все же они ясно указываютъ на отсутствіе сильныхъ пепельныхъ ливней, наблюдавшихся при изверженіи Везувія, и позволяютъ предположить, что главное здѣсь было бьющая ключомъ лава, какъ наблюдалось на томъ же мѣстѣ Эгейскаго моря въ 1866 г. при образованіи вулкана Георга на Нэа-Каимени (Nea-Kaimeni).

Страбонъ, допускавшій, что всѣ ближайшіе къ берегамъ острова отдѣлились отъ суши вслѣдствіе землетрясенія или дѣйствія морскихъ волнъ, представлялъ себѣ и всѣ отдаленные отъ материковъ острова, какъ произведенія вулканической дѣятельности. По его мнѣнію, острова въ морѣ образовались подъ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, которыя на сушѣ произвели большія горы, въ доказательство чего онъ указываетъ слѣдующій примѣръ: «Близъ Метоны въ Герміоновской бухтѣ вслѣдствіе вулканическаго изверженія поднялась гора въ 7 стадій (1.200 метр.) высоты. Днемъ, вслѣдствіе жара и сѣрныхъ паровъ, она была недоступна, ночью же она была видна издалека, ярко освѣщена и испускала столь сильный жаръ, что море на 5 стадій вокругъ (900 метр.) кипѣло и на 20 ст. ($3^1/_2$ килом.) было мутно и усѣяно выброшенными изъ кратера скалистыми глыбами, въ цѣлую башню высотой» (282 г. до Р. Х.).

Еще болѣе выразительно описалъ возникновеніе подобной вулканической горы Овидій въ 15 кн. своихъ «Метаморфозъ» (ст. 296—306): «Крутой и безлѣсный холмъ видѣнъ у Трацены; нѣкогда здѣсь была равнина—теперь гора. Замкнутые въ мрачныхъ пустотахъ вѣтры напрасно искали трещины для выхода. Тогда отъ сжатой силы вѣтровъ вздулась расширенная почва, какъ наполненный воздухомъ пузырь, или какъ кожа двурогаго козла. Поднятіе захватило только одно мѣсто и возвышающійся холмъ съ теченіемъ времени превратился въ голую скалистую массу». Александръ Гумбольдтъ передалъ это описаніе въ своемъ «Космосѣ» (I, стр. 252) и обратилъ вниманіе на то, какъ близко подходитъ это представленіе къ господствовавшимъ позднѣе (къ началу XIX стол.) теоріямъ кратеровъ поднятія. Идея исходитъ, конечно, не отъ Овидія, но отъ Аристотеля, который уже описалъ въ своей «Метеорологіи» (II, 8) подобное явленіе: «Землетрясеніе прекратилось не прежде, чѣмъ изъ земной коры вырвался вѣтеръ, производившій это

сотрясеніе. То же произошло недавно близъ Гераклеи въ Понтѣ и сначала на Гіерѣ, одномъ изъ холійскихъ острововъ. На немъ, именно, часть земли вздулась и съ громомъ начала подниматься въ видѣ высокаго холма, пока могучая поднимающая сила дыханія не нашла себѣ выхода и не выбросила снопы искръ и пепла; пепелъ покрылъ ближайшіе Липарскіе острова и донесся даже до нѣкоторыхъ городовъ Италіи». Отсюда ясно видно, что греки и римляне были хорошо знакомы съ вулканическими явленіями и понимали ихъ значеніе въ образованіи земной поверхности. Правда, римляне, какъ Страбонъ, слишкомъ переоцѣнивали послѣднее. Относительно причинъ вулканизма они, понятно, не могли дать удовлетворительнаго объясненія. Но мы не имѣемъ права судить ихъ труды въ этомъ отношеніи; мы сами не въ состояніи еще разрѣшить этой загадки, которая кажется намъ тѣмъ интереснѣе, чѣмъ яснѣе и величественнѣе представляются нашимъ взорамъ вулканическія явленія.

Средніе вѣка. Въ началѣ среднихъ вѣковъ произошло существенное измѣненіе во взглядахъ на происхожденіе суши и горъ, такъ какъ отцы церкви руководились, конечно, и въ этомъ вопросѣ авторитетомъ Библіи и именно повѣствованіемъ о сотвореніи міра, гдѣ (1 кн. Моисея, 1, 9) значится: «И Богъ сказалъ: да соберутся воды подъ небомъ въ опредѣленное мѣсто, дабы видна была суша. И было такъ». Эти немногія слова должны были служить путеводною звѣздой для всѣхъ размышленій о формахъ земной поверхности, ея возвышеніяхъ и углубленіяхъ и такъ какъ они, въ силу своей сухой простоты, не позволяли дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ заключеній, то все остроуміе было направлено на то, чтобы объяснить процессъ творенія и согласовать его съ фактическими отношеніями на земной поверхности. Многіе полагали, что твореніе произошло, какъ нѣчто готовое, разомъ, по одному всемогущему слову Бога, между тѣмъ какъ другіе допускали постепенность процесса. Григорій Нисскій опираясь на Аристотеля, полагалъ даже что кругообразно движущаяся матерія, вслѣдствіе отношеній тяжести ея составныхъ частей, постепенно привела къ настоящему порядку вещей.

Такъ какъ, по смыслу начальныхъ стиховъ «Бытія», вода покрывала всю землю, со всѣми ея углубленіями, то трудно было объяснить, куда же она могла стечь, чтобы «суша» была видима. Беда Венерабилисъ представлялъ себѣ, что вода вначалѣ окутывала землю; облакомъ пара и только, по слову Божію, перешла въ капельно-жидкое состояніе и наполнила существовавшія уже ранѣе углубленія земли это искусственное объясненіе было чуждо прежнимъ экзегетамъ; они понимали, слѣдуя, буквальному значенію библейскаго слова, дѣйствительное покрытіе земли водою и должны были попытаться создать гдѣнибудь пространство для стекающихъ водъ. Северіанъ изъ Габалы сдѣлалъ это слѣдующимъ образомъ: онъ допускалъ, что земля въ то время, какъ она была покрыта водой, имѣла ровную поверхность и только, по повелѣнію Бога, она растрескалась и образовала бассейны, куда могли собраться воды. Ефремъ Сирійскій, Прокопъ изъ Газы и Іоаннъ Дамаскинъ полагали также, что на землѣ образовались углубленія, въ которыя стекала вода, пока не стала видна суша. Ефремъ считалъ даже возможнымъ, «что воды пожирали другъ друга, пока не образовалось достаточно свободнаго пространства». Амвросій подошелъ къ задачѣ нѣсколько болѣе основательно. Онъ наблюдалъ силу морскихъ волнъ и полагалъ, что море своими бурными волнами выкопало

само себѣ бассейны, день за днемъ взрывая дно до величайшихъ глубинъ и водоворотами вынося наверхъ песокъ. Вслѣдствіе этой дѣятельности водъ, которая, съ одной стороны, создавала впадины и углубленія, а съ другой—нагромождала холмами пески, образовались, наконецъ морскіе бассейны и суша. Это въ высшей степени фантастическое заключеніе должно было привести къ неправильнымъ выводамъ, такъ какъ оно основывалось на ложныхъ предпосылкахъ. Однако, слѣдуетъ воздать этому воззрѣнію дань справедливости: оно, по крайней мѣрѣ, въ своемъ ядрѣ заключаетъ геологическія мысли и дѣлаетъ попытку разрѣшить проблему естественно-научнымъ путемъ.

Іоаннъ Филипоносъ, основываясь на существованіи наносныхъ земель вокругъ Средиземнаго моря, напр., Египта, допускалъ, что при твореніи суши земля стянулась изъ однихъ областей къ другимъ и такимъ образомъ произошли возвышенія (суша) въ одномъ мѣстѣ и углубленія (морскіе бассейны) въ другомъ. Чтобы пояснить этотъ процессъ, онъ указывалъ на то, что рѣки и моря иногда измѣняютъ свое ложе. О собственно же геологической дѣятельности текучихъ водъ, которая была хорошо извѣстна древнимъ, отцы церкви хотя и упоминали изрѣдка, но, повидимому, имѣли смутныя представленія: вообще, спеціальное изученіе отдѣльныхъ естественныхъ явленій находилось внѣ круга ихъ мысли.

О вулканическихъ явленіяхъ средніе вѣка имѣли также очень скудныя знанія. Іоаннъ Филипоносъ думалъ, что внутренность земли должна скрывать въ себѣ огонь и приводилъ въ доказательство горячіе источники, а также «огненные кратеры въ Сициліи, на Липарскихъ островахъ и многихъ другихъ мѣстахъ». Ефремъ полагалъ, что подземнымъ огнемъ не только согрѣвались источники, но благодаря ему только и могла возникнуть на землѣ органическая жизнь, такъ какъ иначе она погибла бы отъ холода. Изидоръ утверждалъ, что Сицилія минирована подземными пустошами и ходами; туда проникаютъ извнѣ вѣтры и зажигаютъ богатыя залежи сѣры и горной смолы, отчего изъ глубины земли выбрасываются пламя, паръ и дымъ, а также каменныя глыбы. Вулканамъ же Эолійскихъ острововъ питательный матеріалъ должна давать влажность близкаго моря. Въ близкомъ видѣ эта теорія не разъ возникала въ средніе вѣка.

Для объясненія землетрясеній отцы церкви часто прибѣгали къ воззрѣніямъ Аристотеля. Но съ естественно-научнымъ объясненіемъ были не согласны такіе благочестивые монахи, какъ Козьма Индикоплейстъ, который видѣлъ въ землетрясеніи непосредственную руку Божію, такъ какъ псалмопѣвецъ говоритъ (104, 32): «Посмотритъ онъ на землю—и она задрожитъ, прикоснется къ горамъ—и онѣ задымятся». Такимъ образомъ объяснялись, конечно, не только землетрясенія, но и вулканы.

Арабы слѣдовали грекамъ также и при размышленіяхъ о происхожденіи суши и горъ и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя земная поверхность испытываетъ относительно ея воднаго покрова. Мазуди (Masûdi) предполагалъ, что ни одно пространство на земной поверхности не остается въ теченіи долгаго времени сухимъ или покрытымъ водой. Въ доказательство онъ приводилъ, главнымъ образомъ, отступленіе моря предъ скопленіями рѣчныхъ наносовъ. Али Беруни, напротивъ, зналъ уже, что передвиженія береговъ могутъ происходить и иначе, что нѣкоторые острова изъ Лакедивскихъ и Маладавскихъ опустились въ глубину моря, а другіе поднялись надъ его поверхностью.

Болѣе независимы отъ грековъ были арабы по отношенію къ горообразовательной дѣятельности вѣтровъ, свѣдѣнія о которой они почерпали изъ непосредственнаго наблюденія природы. Нагроможденные вѣтромъ песчаные холмы могли съ теченіемъ времени отвердѣть и образовать твердыя горы, наоборотъ—при постоянно возобновляющемся воздѣйствіи вѣтра, песчаныя скопленія разрушаются и разсѣиваются.

Вулканическимъ явленіямъ арабы не приписывали значительной роли въ дѣлѣ преобразованія земной поверхности. Эдризи (1100—15), долго жившій въ Сициліи при дворѣ короля Рожера II, зналъ, однако, и описалъ, какъ вулканы, Этну и горы Липарскихъ острововъ. Мазуди также описываетъ съ художественною точностью Демавендъ, какъ огнедышащую гору. Аль-Беруни отважился даже сравнить направленія главныхъ горныхъ цѣпей и узналъ при этомъ, что важнѣйшія горныя цѣпи Европы и Азіи направляются почти съ востока на западъ. Ибнъ-Халданъ думалъ, что большія горы находились по берегу моря, чтобы поставить ему предѣлы—ученіе, которое весьма подходило бы къ какому-нибудь христіанскому ученому того времени. Въ половинѣ среднихъ вѣковъ господствовало общее затишье въ научной дѣятельности и только въ XII столѣтіи снова къ ней пробудился высокій интересъ. Еще аббатъ Рупертъ изъ Дейтца видѣлъ въ горахъ защитительное сооруженіе Провидѣнія, воздвигнутое для защиты отъ чрезвычайно сильныхъ вѣтровъ и бурь, но уже въ 1200 году священникъ Ламбертъ Ардрскій далъ описаніе размыва дюнъ моремъ, свидѣтельствовавшее о совершенно свободномъ отъ предразсудковъ наблюденіи. Онъ разсказываетъ, какъ море прорывало дюны, затопляло лежащій за ними берегъ и образовывало родъ гавани, какъ песчаные холмы соединялись затѣмъ въ валъ дюнъ, который замыкалъ внѣдрившуюся въ берегъ часть моря въ лагуну. Вообще въ средневѣковой литературѣ дюны, неизвѣстныя или казавшіяся древнимъ нестоющими упоминанія, играютъ уже извѣстную роль.

Какъ Августинъ, такъ и другіе позднѣйшіе средневѣковые ученые давали слишкомъ преувеличенную оцѣнку дѣятельности моря. Они приписывали морю многократное перемѣщеніе и особенно выставляли на видъ, что море захватываетъ у суши обширныя пространства посредствомъ размыва и подрытія береговъ, продукты же разрушеній отлагаетъ снова въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые физики даже полагали, что Средиземное море и океанъ находились въ постоянномъ наступательномъ движеніи подъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ и что горы и долины на земной поверхности служатъ доказательствомъ разрушающей и созидающей дѣятельности морскихъ волнъ. Такъ какъ горы и долины существуютъ всюду, то и море должно было быть нѣкогда во всѣхъ такихъ областяхъ. Особенно сильнымъ аргументомъ въ пользу этой теоріи считался фактъ, что однажды, при рытьѣ колодца въ области, лежавшей далеко отъ моря, найденъ корабельный руль. Такія взаимныя передвиженія суши и моря могли быть замѣтными, конечно, только въ теченіе столѣтія.

Альбертъ Магнусъ доказалъ однако съ поразительною основательностью, что звѣзды не могли производить подобнаго вліянія на водный покровъ земли; онъ возсталъ противъ гипотезы эксцентрическаго положенія земного шара Съ другой стороны онъ допускалъ, что появленіе суши изъ-подъ моря было слѣдствіемъ высыханія, происходящаго подъ вліяніемъ свѣтилъ. Образованіе горъ и долинъ можетъ

быть, по его мнѣнію, объяснено подземными силами или геологическими факторами, такими, какъ вода и вѣтеръ, дѣйствующими на поверхности земли. Подземныя вліянія ограничиваются поднимающею силою замкнутыхъ вѣтровъ. Альбертъ самъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Горы являются слѣдствіемъ землетрясенія тамъ, гдѣ земная поверхность тверда и компактна и не можетъ быть разорвана. Именно тамъ-то необычайно сильный и бурный вѣтеръ поднимаетъ мѣстность высоко надъ прежнимъ ея уровнемъ и создаетъ горы. А такъ какъ землетрясенія часто происходятъ вблизи моря и воды, которыя замыкаютъ многія поры земли, не позволяя вырваться черезъ нихъ заключеннымъ внутри земли парамъ, то высочайшія горы должны были образоваться вблизи морей и водъ». На происхожденіе же земныхъ паровъ должны оказывать дѣйствіе солнце и звѣзды. Альбертъ говоритъ объ этомъ: «Вслѣдствіе постояннаго дѣйствія теплоты солнца и звѣздъ на влажность земли, возникли въ ней поры и пустоты какъ это ясно можно наблюдать на высохшихъ болотистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля трескается, и въ теплыхъ странахъ, гдѣ во время жары образуются большія трещины. Тоже, что происходитъ на поверхности земли, совершается и въ ея нѣдрахъ. Собравшійся въ одномъ мѣстѣ и замкнутый паръ не можетъ испариться, растворяетъ сырую землю и образуетъ въ ней пустоты. Его сила можетъ быть настолько велика, что земная кора поднимается и если она тверда «то образуетъ большія и малыя горы, такъ какъ парообразное стремится занять большее пространство». Компактныя скалистыя части земной коры произошли изъ илистыхъ массъ, какъ это ясно можно видѣть по включеніямъ морскихъ животныхъ и остатковъ кораблей. Землетрясенія подняли данныя части моря на высоту, а теплота превратила илъ въ камень.

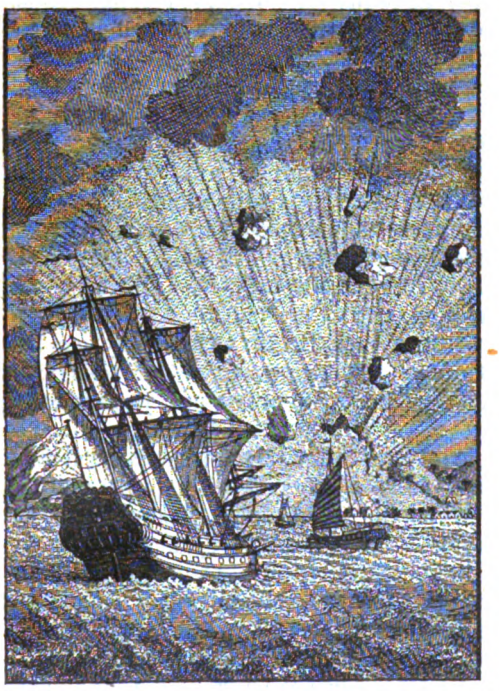


Рис. 23. «Гора Гаммаканорре (Молукскіе острова), въ 1673 г. взлетаетъ на воздухъ». Изъ «Всемірной исторіи путешествій». Гаага. 1755.

Разрушительная дѣятельность текучихъ водъ и вліяніе ихъ на образованіе земной поверхности не ускользнуло также отъ вниманія средневѣковыхъ ученыхъ. Но Альбертъ полагалъ, что эта дѣятельность въ началѣ исторіи земли не могла обнаружиться, такъ какъ тогда вся земля была покрыта водою, и дождь, не производя никакого дѣйствія, падалъ на первичное море.

Ристоро изъ Ареззо (въ концѣ XIII-го столѣтія) шелъ въ этомъ отношеніи тѣмъ же путемъ, какъ и Альбертъ Великій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создалъ оригинальную теорію, съ помощью которой думалъ

объяснить не только поднятіе суши изъ океана, но и образованіе горъ и долинъ. Онъ допускалъ, что планеты и звѣзды оказываютъ громадное притяженіе на землю. Отъ этого суша поднялась изъ моря подъ тою частью неба, которая богаче всего звѣздами. А такъ какъ звѣзды сами по себѣ находятся частью на высотахъ неба, частью въ его долинахъ, то онѣ и производятъ, каждая отдѣльно, различное вліяніе на земную поверхность, образуя то горы, то долины, подобно тому, какъ печать, при надавливаніи на воскъ, оставляетъ отпечатокъ вогнутостей и выпуклостей.

Вулканы, по Альберту Великому, того же происхожденія, что и остальныя горы. Они происходятъ вслѣдствіе работы подземнаго пара на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земная кора обладаетъ относительно меньшею силою сопротивленія: «Если мѣсто, находящееся надъ паромъ, не прочно, то послѣдній взрываетъ его и, если онъ горячъ, выбрасываетъ иногда очень много пепла». Вулканическая дѣятельность объясняется возгораніемъ подземныхъ залежей сѣры: «Причиною служитъ сѣрная земля, смѣшанная съ смолистыми веществами горнаго масла; дѣйствующимъ же началомъ является паръ, который зарождается въ землѣ и не находитъ выхода. Такъ какъ морская вода замыкаетъ всѣ отверстія въ землѣ, то возгораніе происходитъ легче всего возлѣ моря и пожаръ продолжается, можетъ быть, многіе годы или даже вѣчно, если матерія можетъ постоянно возобновляться».

Итакъ, въ древности и въ среднихъ вѣкахъ гипотезы о происхожденіи на земной поверхности неровностей строились безъ дѣйствительнаго знанія земной коры. То же самое было и въ началѣ новаго времени, хотя, благодаря наблюденіямъ при горныхъ работахъ, были уже извѣстны правильное чередованіе нѣкоторыхъ горныхъ напластованій и своеобразное, закономѣрное направленіе рудныхъ жилъ. Однако, и въ это время нельзя было еще придти къ какимъ-нибудь логически-необходимымъ заключеніямъ, и мы видимъ, что даже Георгъ Агрикола не ушелъ далеко отъ гипотезъ, созданныхъ до него, хотя онъ, какъ немногіе изъ его современниковъ, былъ знакомъ со всѣми извѣстными въ то время явленіями, происходящими въ земной корѣ. Происхожденіе неровностей земли Агрикола объяснялъ слѣдующимъ образомъ: «Двѣ причины производятъ горы и холмы; одна изъ нихъ—натискъ водъ, другая—сила вѣтровъ. Но три причины разрушаютъ и разсѣиваютъ уже созданное, какъ какъ къ натиску водъ и силѣ вѣтровъ присоединяется внутренній огонь земли». «Очевидно, что вода произвела многія изъ горъ, такъ какъ потоки смываютъ сначала мягкую землю, затѣмъ обрушиваются на болѣе твердую и, наконецъ, катятъ съ собою обломки скалъ. Такъ выкапываютъ они въ теченіе немногихъ лѣтъ равнину или покатость до опредѣленной глубины; это можетъ легко наблюдать самый неопытный человѣкъ. Дѣйствіе моря создаетъ также горы и и бассейны, а вѣтеръ производитъ горы и холмы двоякимъ образомъ: или, свободный отъ всякихъ узъ онъ нагромождаетъ пески, или же, запертый въ тайникахъ и пустотахъ земли, какъ въ темницѣ, онъ стремится вырваться оттуда при посредствѣ вулканическаго изверженія». Идею объ образованіи горъ вѣтрами изъ песка, который потомъ затвердѣваетъ, Агрикола заимствовалъ у арабскихъ ученыхъ, но онъ указываетъ также на подобныя явленія въ Люнебургской рощѣ. Агрикола говоритъ также о поднятіи горъ подземнымъ вѣтромъ, основываясь на произведеніяхъ древнихъ. Онъ выставлялъ, однако, на видъ, что землетрясеніе можетъ снова поглотить горы или

части ихъ. Агрикола раздѣлялъ воззрѣнія древнихъ на причины землетрясеній и возставалъ противъ современныхъ ему астрологовъ, которые утверждали, что землетрясеніе вызывается Сатурномъ, когда послѣдній находится въ ближайшемъ разстояніи отъ солнца. Точно также онъ выступалъ противъ тѣхъ, которые полагали, что подземный огонь происходитъ отъ лучей солнца или звѣздъ, и думалъ, что онъ возникалъ изъ Spiritus ignitus—огненнаго духа, который изгонялъ холодъ, какъ облака—молнію. Агриколѣ казалось также возможнымъ, что этотъ огненный духъ возгорался самъ собою, если не находилъ выхода изъ подземныхъ пустотъ и ходовъ. Если же на своемъ пути онъ встрѣчалъ какой-нибудь горючій матеріалъ, напр., горную смолу, то здѣсь происходилъ пожаръ и вулканическое изверженіе. Какъ на примѣръ такихъ вулкановъ, Агрикола указывалъ на Геклу и на горящую гору у Цвикау (возгораніе каменнаго угля). При сильныхъ изверженіяхъ выбрасываются пепелъ, песокъ, сѣра, пемза и камни. Такъ недавно (1538 г.) возникла «новая гора» (Monte nuovo) близъ Авернскаго озера. Но иногда подземный огонь, пожравъ горы, уже не создаетъ ихъ вновь.

Такія воззрѣнія были почти общими въ XVI и XVII-мъ столѣтіи. Мы остановились на послѣднемъ великомъ представителѣ ихъ—іезуитѣ Аѳанасіи Кирхерѣ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на вулканическія явленія и основывался при этомъ на цѣлой сокровищницѣ собственныхъ наблюденій. Такъ онъ описалъ множество вулкановъ, между прочимъ, Этну и Везувій съ ихъ кратерами и потоками лавы, составилъ списокъ изверженій и указалъ на тотъ фактъ, что вулканическія изверженія увеличиваютъ массивъ горы и что такимъ образомъ могутъ образоваться даже новыя горы, какъ Monte Nuovo у Поццуоли въ 1538 г. Кирхера сильно занималъ вопросъ о причинѣ изверженій и онъ видѣлъ ее въ возгораніи сѣры, смолъ, каменнаго угля и различныхъ солей. Морская вода, проникая въ почву, питаетъ, вмѣстѣ съ тепломъ, внутренность вулкановъ. Подземные вѣтры зажигаютъ пламя. Мѣстопребываніемъ послѣдняго служатъ подземныя пустоты, которыя Кирхеръ обозначилъ на своемъ разрѣзѣ земли словомъ пирофилація (Pyrophylacia – «огненный очагъ»). Внезапное возгораніе горючихъ матеріаловъ въ подземныхъ пустотахъ должно производить сотрясеніе земли, подобно взрывамъ пороха въ орудіяхъ; отсюда подземный громъ, сопровождающій землетрясенія; громъ происходитъ особенно часто вблизи огненныхъ очаговъ.

Кирхеръ составилъ каталогъ вулкановъ, какъ это уже сдѣлалъ $1^1/_2$ столѣтія раньше его (1650 г.) врачъ и географъ Бернардъ Вареніусъ; сверхъ того, Кирхеръ указалъ географическое положеніе вулкановъ на первой физической картѣ земного шара, которая была тогда составлена, разумѣется, нѣсколько схематически. Еще полнѣе, чѣмъ Кирхеромъ, былъ сдѣланъ тогда сводъ всѣхъ свѣдѣній о вулканахъ М. Томасомъ Иттигомъ изъ Лейпцига (въ 1671 г).

Хотя, съ одной стороны, Аѳанасій Кирхеръ создалъ полную теорію вулканическихъ явленій и развилъ при этомъ нѣкоторыя новыя идеи, съ другой—его работы въ области важнѣйшихъ процессовъ горообразованія были почти совершенно безплодны. Правда, древніе и средневѣковые ученые, опираясь въ своихъ воззрѣніяхъ объ образованіи горъ на внѣшнія явленія, говорили большею частью только о преобразованіи устройства земной поверхности, объ отложеніи поверхностныхъ пластовъ и только въ подземномъ, гора-воздымающемъ вѣтрѣ Аристотеля признавали первичный факторъ горообразованія Кирхеръ же,

стоявшій во всемъ остальномъ на аристотелевской почвѣ, здѣсь совершенно ее покидаетъ. Онъ допускаетъ, что скалистыя горы были воздвигнуты уже въ самомъ началѣ при отдѣленіи водъ отъ суши, такъ какъ хаотическій илъ не могъ отвердѣть немедленно; только позднѣе изъ ила большихъ наводненій могли образоваться холмы, которые медленно отвердѣвали подъ дѣйствіемъ *Vis lapidifica* (камнеобразующей силы), которую Богъ заложилъ, какъ сѣмя, въ первичный илъ, съ тѣмъ, чтобы море и вѣтеръ не разрушали и не уносили горъ. Кирхеръ (впервые употребившій терминъ «горная цѣпь») пришелъ къ фантастической, такъ образно выраженной имъ, идеѣ, что отъ одного полюса къ другому, частью по поверхности суши, частью подъ водою, проходятъ двѣ горныя цѣпи въ меридіональномъ направленіи, перпендикулярно къ нимъ примыкаютъ боковыя цѣпи, чтобы утвердить остовъ земли.

Воззрѣнія Аѳанасія Кирхера долго господствовали въ широкомъ кругу ученаго міра, какъ это ясно можно видѣть по многочисленнымъ подражаніямъ его поперечнымъ разрѣзамъ и его физическимъ картамъ земли въ естественно-научныхъ вроизведеніяхъ конца XVII столѣтія. Но новыя идеи, сначала медленно, а затѣмъ и все болѣе быстрымъ и побѣднымъ шагомъ стали проникать въ среду научныхъ изслѣдованій. Ученые перестаютъ довольствоваться теоріями древнихъ философовъ и не сводятъ объясненія явленій природы къ Божьимъ повелѣніямъ, какъ къ послѣдней инстанціи. Ученыхъ не удовлетворяетъ уже теорія образованія горъ, основанная только на мѣстно-дѣйствующихъ причинахъ, каковы расширеніе и давленіе замкнутыхъ вѣтровъ и газовъ; они дѣлаютъ попытки отыскать общую причину неровностей земной поверхности въ силахъ имѣющихъ повсемѣстное дѣйствіе, и находятъ ее въ опредѣленныхъ процессахъ исторіи образованія земли. Отсюда возникли въ эту эпоху теоріи, которыя заключаютъ одновременно и объясненія образованія горъ и образованія земли, исходятъ ли онѣ изъ чисто нептуническкхъ воззрѣній, какъ у Бурнета (Burnet) или Вудворда (Woodward), или принадлежатъ къ противоположному плутоническому лагерю, какъ у Декарта, Лейбница и др. Въ обоихъ случаяхъ главный процессъ горообразованія сводится къ одному моменту въ исторіи землеобразованія: къ провалу внѣшней земной коры въ системахъ Декарта, Бурната и Вудворда или къ происхожденію неровностей, вслѣдствіе остыванія огненно-жидкой земной коры, образованія большихъ вздутій и провала образовавшихся при этомъ застывшихъ сводовъ (Лейбницъ). Менѣе значительное вліяніе на происхожденіе горъ и на измѣненіе ихъ конфигураціи приписывали позднѣйшимъ общимъ или захватывающимъ обширныя области земной поверхности наводненіемъ. При этомъ допускали или одинъ всемірный потопъ, или нѣсколько наводненій, какъ Лейбницъ или Робертъ Гукъ, которые начали освобождаться изъ подъ гнета господствовавшаго авторитета Библіи. Нельзя отрицать, что всѣмъ этимъ теоріямъ горныхъ образованій съ ихъ единствомъ времени и причины присуще нѣчто величественное, мощное, что производитъ чарующее, плѣнительное дѣйствіе на умъ человѣка. Но природа въ ея прогрессивномъ ходѣ развитія не такъ проста, чтобы въ своихъ главныхъ проявленіяхъ избирала единственный, опредѣленный путь и одно и то же, опредѣленное время, а потому всѣ эти геніальныя гипотезы, въ общемъ, оказались непригодными, хотя и содержали въ себѣ здоровое ядро. Главный недостатокъ, при сущій имъ всѣмъ, состоялъ въ томъ, что онѣ разсматривали земную

*

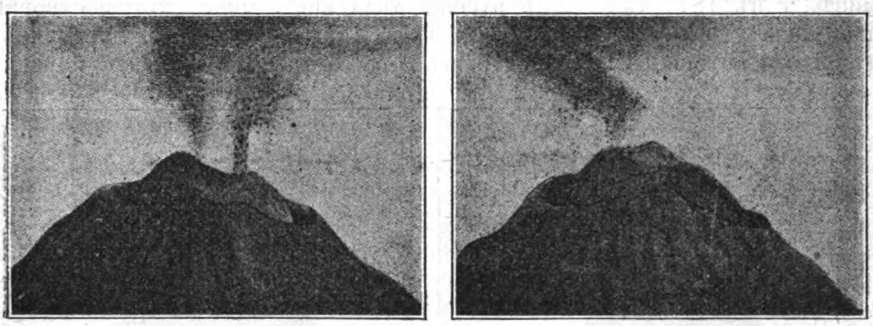
кору или большую часть ея, какъ цѣлое, и не давали удовлетворительнаго объясненія ея разнообразному расчлененію. Между тѣмъ, можно было бы уже и въ то время знать, что направленіе и взаимное положеніе горныхъ пластовъ дозволяютъ читать исторію образованія части земной коры. Но какъ легко для насъ теперь придти къ подобному выводу, такъ было трудно въ то время поставить, вопреки господствующимъ воззрѣніямъ, вмѣсто вопроса объ образованіи горъ—вопросъ о судьбахъ горныхъ напластованій. Этотъ рѣшительный шагъ былъ впервые (въ 1669 году) сдѣланъ датчаниномъ Стеномъ (Steno), о глубоко продуманныхъ выводахъ котораго въ другихъ областяхъ науки мы упоминали въ первой главѣ нашей книги.

Нахожденіе безчисленныхъ окаменѣлыхъ остатковъ морскихъ организмовъ въ различныхъ пластахъ земли было объяснено Антоніемъ Валлиснери тѣмъ, что суша часто въ теченіе долгаго времени была покрываема моремъ и что подобныя измѣненія, поднятія и опусканія почвы происходятъ и въ настоящее время, фактическимъ подтвержденіемъ чего ему послужило поднятіе новаго острова Санторина въ 1707 г. Дѣйствительно, 23-го мая этого года возлѣ острова Микра-Каймени была замѣчена скала, которой раньше здѣсь не было и на которой между черными камнями можно было видѣть бѣлую землю. Этотъ небольшой островокъ медленно и неравномѣрно поднимался и увеличивался и къ 14-му іюня достигъ уже 80 метровъ высоты и 1.000 метровъ въ окружности. Море становилось все безпокойнѣе и горячѣе, островъ съ 30-го іюня возрасталъ съ наибольшей скоростью и среди каменной массы поднялся холмъ. 5-го іюля въ первый разъ появилось огненное явленіе. 16-го іюля вечеромъ между новымъ «бѣлымъ» островомъ и Микра-Каймени изъ моря поднялось отъ 18 до 20 черныхъ скалъ, которыя, все болѣе и болѣе возвышаясь, соединились въ одинъ «черный» островъ. 18-го іюля изъ кратера поднялось облако дыма и на слѣдующій день было видно, какъ острова увеличивались все болѣе, «черные», однако, гораздо быстрѣе, чѣмъ «бѣлые». Дымъ становился гуще и тежелѣе, огненныя явленія проявлялись все съ большею мощью, и смрадъ дѣлался удушливѣе. 5-го сентября огонь проложилъ себѣ путь на восточной сторонѣ чернаго острова. Въ слѣдующія ночи слышались удары, подобные «пушечнымъ выстрѣламъ и одновременно изъ кратера вылетало множество раскаленныхъ камней. Огненный снопъ разлетавшихся въ разныя стороны искръ поднялся до значительной высоты, гдѣ и разсыпался, падая каменнымъ дождемъ на черный островъ, который еще разъ на мгновеніе освѣтился яркимъ свѣтомъ» (Рейссъ и Штюбель). 9-го сентября черные и бѣлые острова соединились въ одинъ — Неа-Каймени. Въ ноябрѣ сила изверженія постепенно ослабѣваетъ, но только съ изверженіемъ 14-го сентября 1711 г. вулканическая дѣятельность окончательно прекратилась.

Такое чрезвычайное событіе естественно должно было произвести глубокое впечатлѣніе въ ученыхъ сферахъ того времени. Оно оказало вліяніе не только на геологическія воззрѣнія Валлиснери, но еще въ гораздо большей степени на его болѣе знаменитаго земляка Антоніо Лаццаро Моро, который полагалъ, что всѣ острова, горы и континенты подняты изъ моря вулканическими силами. Такъ какъ на скалахъ Неа-Каймени, выдвинутыхъ изъ моря, первоначально прикрѣпилось много устрицъ, позднѣе разбросанныхъ вмѣстѣ съ пепломъ и бомбами вулканическаго изверженія, то Моро приписалъ подобное происхожденіе всѣмъ морскимъ окаменѣлостямъ.

Имѣя въ виду Монте-Нуово, образовавшуюся благодаря осыпанію извергнутыхъ вулканическихъ массъ, онъ допускалъ, что всѣ вообще слоистыя каменныя породы произошли изъ вулканическихъ изверженій и отличалъ отъ нихъ только однородныя каменныя массы первичныхъ горъ. Однако, хотя ученый аббатъ и приписывалъ слишкомъ большое значеніе вулканическимъ силамъ и дѣйствіямъ, онъ все же не былъ чистымъ плутонистомъ. Онъ допускалъ, что подземный огонь возжженъ былъ повелѣніемъ Божьимъ въ третій день творенія и, вообще, во всемъ старался согласоваться съ исторіей творенія, такъ что во вниманіе къ его духовному сану нужно засвидѣтельствовать, что его трудъ ни въ чемъ не противорѣчитъ ученію церкви.

Между тѣмъ какъ въ началѣ XVIII столѣтія появленіе новаго острова въ южной Европѣ возбудило умы и вызвало новые научные взгляды, на сѣверѣ Европы дѣлались менѣе бросающіяся въ глаза, но не менѣе замѣчательныя наблюденія. Гіернэ (Hjärne) (1702) замѣтилъ тамъ медленное, но постоянное опусканіе береговой линіи. Другіе шведскіе изслѣдователи—Сведенборгъ, Цельзій и Линней подтвердили правильность этого наблюденія. Въ 1731 г. для контролированія этого движенія были сдѣланы на береговыхъ скалахъ отмѣтки, которыя затѣмъ въ 1752, 1755 и 1785 г. были провѣрены измѣреніями, причемъ оказалось, что эти отмѣтки каждый разъ оказывались выше надъ уровнемъ моря. Стоявшихъ во главѣ подобныхъ изысканій шведскихъ ученыхъ привело заключенію, что море опускается, между тѣмъ какъ нѣкоторые голоса высказались въ противоположномъ смыслѣ и допускали поднятіе суши надъ неизмѣннымъ уровнемъ моря.



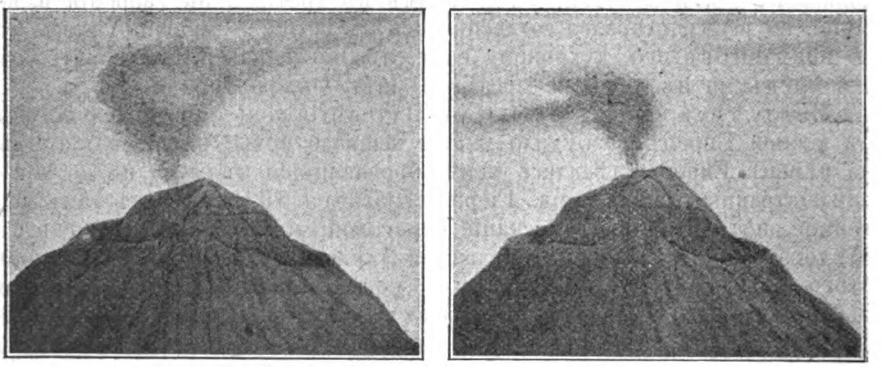
8-го іюля 1767 г. 25-го іюля 1767 г.

Рис. 24. Измѣненія верхушки Везувія, происшедшія въ 1767 г. По «Campi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

Хотя факты поднятія суши на сѣверѣ и югѣ Европы могли оказать существенное вліяніе на идеи объ образованіи горъ, германскіе и французскіе ученые были тогда мало ими затронуты. Они видѣли во всѣмъ процессѣ образованія горъ только измѣненіе конфигураціи уже существовавшихъ поднятій и углубленій земной коры дѣйствіемъ воды, а именно, морскихъ отливовъ. Таковы были понятія Де-Маллье-та, Бюффона и Вернера.

Нѣсколько далѣе пошелъ І. Г. Леманъ († въ 1767 г. въ С.-Петербургѣ), который считалъ, правда, первичными, происшедшими уже во время творенія и потому не заключающими окаменѣлостей высокія горы съ очень кругло поднятыми напластованіями и отвѣстными скло-

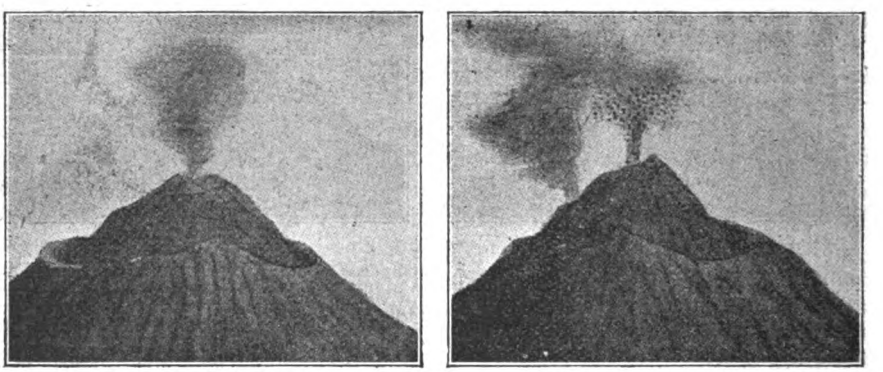
нами («жильныя (рудныя) горы»), но, по крайней мѣрѣ, объяснялъ образованіе примыкающихъ къ нимъ флецовыхъ (слоистыхъ) формацій («Flësgebirge») съ горизонтальными или слегка наклонными наслоеніями—морскими отложеніями всемірнаго потопа. Земная поверхность отчасти измѣнялась вслѣдствіе мѣстныхъ колебаній морского уровня, подъ дѣйствіемъ вулкановъ и землетрясеній, но въ существенномъ ликъ земли искони оставался неизмѣннымъ. Къ идеямъ Лемана пови-



6-го августа 1767 г. 17-го августа 1776 г.

Рис. 25. Измѣненія верхушки Везувія, происшедшія въ 1767 г. По «Campi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

димому, примкнулъ Петръ-Симонъ Палласъ (род. въ 1741 г. въ Берлинѣ, † въ 1811 тамъ же), русскій академикъ много путешествовавшій преимущественно въ Россіи. Онъ также признавалъ первичныя горы, къ которымъ присоединились горы второго и третьяго порядка,



3-го сентября 1767 г. 18-го октября 1767 г.

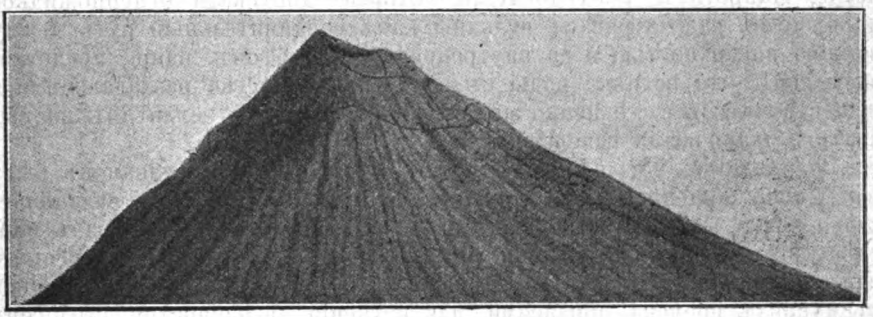
Рис. 26. Измѣненія верхушки Везувія, въ 1767 г. По «Compi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

горныя наслоенія которыхъ съ прогрессивнымъ удаленіемъ отъ первоначальнаго горнаго ядра принимали болѣе близкое къ горизонтальному положеніе.

Между тѣмъ какъ «рудныя горы» («Ganggebirge») Лемана должны были состоять изъ отвѣстно поставленный наслоеній, Палласъ ядромъ своихъ «горъ перваго порядка» призналъ гранитъ, который онъ раз-

сматривалъ, какъ первичную каменную породу земли, въ своихъ высшихъ частяхъ никогда не покрывавшуюся моремъ. Молодыя горы—всѣ были подняты вулканическою силою и при сильныхъ землетрясеніяхъ и измѣненіяхъ на земной корѣ и внутри ея суши частью наводнялись морями, чѣмъ и объясняются такія значительныя явленія, какъ перенесеніе водою животныхъ Индіи въ Сибирь.

Еще раньше, чѣмъ Палласъ призналъ гранитныя горы первоначальными горными образованіями, англійскій священникъ Джонъ Мичель (John Michel) высказалъ мысль, что горы представляютъ собою нечто иное какъ поднятыя части земной коры. Онъ объяснялъ процессъ образованія горъ слѣдующимъ образомъ: «Наклейте одинъ на другой нѣсколько бумажныхъ листовъ разнаго сорта или цвѣта, согните ихъ горбомъ по срединѣ и приспособьте все это такимъ образомъ, чтобы провести по нему рубанкомъ, который бы сравнялъ всѣ приподнятыя части. Послѣ этого снова приподнимите нѣсколько сред-



29-го октября 1767 г.

Рис. 27. Измѣненія верхушки Везувія, происшедшія въ 1767 г. По «Compi Phlegraei» Гамильтона 1776 г.

нюю часть и у васъ получится хорошее общее изображеніе, если не во всѣхъ, то въ главныхъ чертахъ, того, что мы встрѣчаемъ въ горныхъ странахъ съ прилежащими къ нимъ частями земли. Изъ такого изображенія земли слѣдуетъ, что мы встрѣчаемъ одинаковыя породы земель, камней и минераловъ на земной поверхности въ видѣ длинныхъ узкихъ полосъ наслоеній, которыя проходятъ параллельно главному поднятію каждой большой горной цѣпи». Главною причиною горныхъ образованій Мичель считалъ пары заключенные въ пустотахъ земной внутренности. Такимъ образомъ онъ подходитъ къ воззрѣніямъ эпохи Гюттона, который видѣлъ конечную причину горныхъ образованій въ расширеніи огненножидкой внутренней магмы земли. Уже одно это создало благопріятную почву и установило прочную точку зрѣнія для обсужденія относящихся сюда вопросовъ, но сдѣланныя около этого времени ясная характеристика различныхъ сочетаній горныхъ наслоеній и породъ (Вернеромъ) и опредѣленіе древности отложеній по ихъ окаменѣлостямъ (Кювье, Бронгиньяръ и В. Смитъ) дали средства для точной научной обработки вопроса объ образованіи горъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому, мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ воззрѣній на вулканы, которые господствовали, начиная съ переходной эпохи среднихъ вѣковъ до начала новой научной геологіи.

Смотря по понятіямъ, которыя составили себѣ отдѣльные изслѣ-

дователи о происхожденіи и общемъ строеніи земли, различались ихъ взгляды на мѣстопребываніе и образъ дѣйствія вулканическихъ силъ. Нептунисты и въ ихъ числѣ А. Г. Вернеръ видѣли въ вулканахъ только мѣстныя второстепеннаго значенія явленія, вызываемыя пожарами каменноугольныхъ залежей. Англичанинъ Мартинъ Листеръ (Martin Lister) (1638—1711), предполагалъ даже возможность подземнаго возгаранія кремнистыхъ породъ (Kiesbrände), а Лемери (Leméry) построилъ теорію на опытѣ, при которомъ смѣсь изъ желѣзныхъ опилокъ, сѣры и воды, возгоралась сама собою, трещала и вспучивалась (1684). Франке пытался объяснить вулканическія явленія провалами и происходящею отъ этого механической теплотой (1756). Палласъ же снова присоединился къ мысли Листера и считалъ отложенія сѣрно-кремнеземныхъ породъ въ осадочныхъ напластованіяхъ земной коры причиной вулканическихъ изверженій. По только что приведеннымъ воззрѣніямъ очагъ вулканическихъ явленій предполагался на незначительной глубинѣ въ земной корѣ. Напротивъ, изслѣдователи, которые допускали огненножидкое ядро земли, разсматривали вулканы какъ соединительный путь между земною поверхностью и ея внутренностью. Бюффонъ, напр., представлялъ себѣ, что встрѣча воды съ горючими или легко разлагающимися веществами или съ огненно-жидкою внутренностью земли должна вызвать вулканическія изверженія.

Возможность насыпанія горъ вслѣдствіе дѣйствія вулкановъ была уже давно общепризнана, а именно со времени появленія вулканическаго холма въ Флегргейскихъ поляхъ (Монтэ-Нуово), и не разъ впослѣдствіи подтверждалась наблюденіями при другихъ изверженіяхъ итальянскихъ вулкановъ. Южно-европейскіе вулканы служили вообще съ давнихъ временъ образцами для изученія большинству геологовъ всѣхъ временъ, начиная съ грековъ до самаго послѣдняго времени. Они нашли и въ XVIII-мъ столѣтіи усердныхъ наблюдателей, между которыми особенно выдѣлился Вильямъ Гамильтонъ (род. въ 1730 г., † въ 1803 г.). Гамильтонъ былъ съ 1764 по 1800 г. британскимъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ и въ теченіе этого долгаго времени не только много способствовалъ раскопкамъ Геркуланума и Помпеи, но изслѣдовалъ съ большимъ усердіемъ и точностью вулканическія явленія Южной Италіи, именно Везувія и Этны, которыя онъ живописно описалъ, причемъ оставилъ изображенія тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣлъ конусъ Везувія при изверженіи 1767 года. Онъ столь же много содѣйствовалъ пониманію вулканическихъ явленій вообще, сколько внесъ цѣннаго въ исторію Везувія въ частности. Стоитъ только сравнить полные жизни рисунки Везувія, сдѣланные Гамильтономъ, съ сухими изображеніями этой горы Кирхера, чтобы оцѣнить, съ одной стороны, значительный прогрессъ въ искусствѣ изображенія въ теченіе столѣтія, а съ другой, великія заслуги лорда Гамильтона. Нѣкоторые рисунки, каковы, напр., край пылающаго въ кратерѣ потока лавы ночью, или опустошительный и страшный, спускающійся среди цвѣтущихъ полей, потокъ лавы съ дымящимся Везувіемъ на заднемъ планѣ, по силѣ изображенія и захватывающему трагизму явленія могутъ вызвать ясное представленіе о величественности вулканическихъ изверженій даже въ воображеніи тѣхъ, кто никогда не видѣлъ собственными глазами огнедышащей горы.

Между тѣмъ какъ южно-итальянскіе вулканы нашли въ Гамильтонѣ столь же краснорѣчиваго, какъ и общедоступнаго описателя, Жанъ-Этьеннъ Геттаръ (Jean - Etienne Geuttard) (1715—86), Жиро

Сулявн (Giraud Soulavie) и Фожа-де-Сентъ-Фонъ (Faujas-de-Saint-Fond) обратились къ изученію потухшихъ вулкановъ Оверня, Прованса, Виварэ и Белэ. Петтаръ, несмотря на свое точное знаніе вулканическихъ явленій, придерживался еще старой теоріи воднаго происхожденія базальта. Но Демарэ (Desmarest) и Фожа-де-Сентъ-Фонтъ доказали убѣдительными доводами вулканическую природу данной породы и этимъ покончили со спорнымъ вопросомъ, который возгорѣлся въ Германіи въ 1788—89 г., когда Вернеръ приписалъ базальту нептуническое происхожденіе, а его ученикъ К. В. Фойгтъ (K. W. Voigt) энергически возсталъ противъ него, защищая противоположную точку зрѣнія.

То явленіе, что вулканы встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, а въ другихъ ихъ нѣтъ совсѣмъ, было, конечно, хорошо извѣстно всѣмъ. Упоминалось даже, правда, случайно, мимоходомъ, мнѣніе древнихъ, что Этна, Везувій и вулканы Липарскихъ острововъ должны быть соединены между собою подземными путями. Мысль же о возможности ихъ болѣе тѣсной, основанной на общемъ законѣ связи, никому не приходила въ голову. Только Памасъ предполагалъ существованіе подобной связи между вулканами тихаго и индійскаго океана. Землетрясенія большою частью приводились въ тѣсную связь съ вулканическими явленіями. хотя и объяснялись подземными взрывами или провалами. Однако, ученіе о землетрясеніяхъ почти не подвинулось впередъ въ XVIII-мъ столѣтіи, несмотря на то, что страшное землетрясеніе въ Лиссабонѣ 1-го ноября 1755 года возбудило весь міръ и породило множество гипотезъ о причинахъ такого грандіознаго явленія. Обычное объясненіе состояло въ томъ, что землетрясеніе разсматривалось, какъ кара Божія. Болѣе точно его причины были изслѣдованы Кантомъ, кёнигсбергскимъ философомъ (1761), но самое основательное изученіе лиссабонскаго землетрясенія было сдѣлано Джономъ Мичелемъ (John Michell) (1760), который въ своемъ геніальномъ сочиненіи пытался доказать, что вулканическія изверженія и землетрясенія должны имѣть одинаковыя причины. Послѣднія онъ видѣлъ въ пожарахъ пластовъ, содержащихъ уголь и квасцы; сюда проникаетъ вода и, приведенная въ парообразное состояніе. производитъ сотрясенія. Мичель объяснялъ и волнообразное распространеніе землетрясенія и высказалъ предположеніе, что очагъ Лиссабонскаго землетрясенія долженъ былъ находиться на глубинѣ не менѣе одной и не болѣе трехъ англійскихъ миль подъ поверхностью земли. Имъ была отведена также извѣстная роль при землетрясеніяхъ сбросамъ, тѣмъ зіяющимъ пропастямъ, по краямъ которыхъ отдѣльныя части земной коры опускаются въ глубину.

Взгляды на образованіе горъ вступили въ новую стадію съ ученіемъ Гюттона, которые, въ космогоническихъ идеяхъ Лапласа пріобрѣли твердую поддержку. Плейферъ (Playfair), геніальный комментаторъ Гюттона, первый обратилъ вниманіе на принципіальное различіе, которое заключается между первоначальнымъ активнымъ образованіемъ неровностей земли посредствомъ поднятія напластованій и слѣдующимъ за нимъ пассивнымъ преобразованіемъ ея конфигураціи вслѣдствіе разрушающихъ процессовъ.

Въ своихъ взглядахъ Плейферъ стоитъ вполнѣ на современной точкѣ зрѣнія. Разница его воззрѣнія отъ нашихъ состоитъ только въ томъ, что онъ объ дѣятельности—активное образованіе и пассивное разрушеніе горъ понимаетъ, какъ два отдѣльныхъ другъ отъ друга

процесса, между тѣмъ, какъ для насъ они происходятъ одновременно. Вообще «Illustrations of the Huttonian Theory» Плейфера своимъ теченіемъ мысли производятъ на насъ впечатлѣніе совершенно современнаго, тогда какъ при чтеніи старыхъ геологическихъ трудовъ мы чувствуемъ себя перенесеннымъ въ чуждый намъ міръ и едва можемъ постигнуть, какъ ихъ авторы могли нѣкогда думать нѣчто подобное.

Рис. 28. Круто приподнятые пласты горныхъ породъ въ ущельи Каматакьи въ Боливіи.

Правда, нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ нашли себѣ черезчуръ усердныхъ толкователей, которые въ самыхъ нелѣпыхъ замѣткахъ старались отыскать намеки на современныя мысли и вносили, такимъ образомъ, въ самыя древнія произведенія современный научный элементъ, совершенно чуждый имъ первоначально.

Плейферъ, напротивъ, въ своемъ геологическомъ мышленіи вполнѣ современенъ, и мы испытываемъ невольное удовольствіе, читая его описаніе; какое глубокое впечатлѣніе производитъ на геолога альпійскій ландшафтъ: «Онъ видитъ себя среди величественныхъ руинъ, гдѣ смѣло и дико возвышающіеся со всѣхъ сторонъ утесы, остроконечные пики гранитныхъ горъ и колоссальные обломки скалъ, окружающіе ихъ подножіе, свидѣтельствуютъ о такомъ длинномъ рядѣ эпохъ въ прогрессивномъ ходѣ ихъ обветшанія и о такой энергіи разрушительныхъ силъ, какимъ не могли противостоять величіе и твердыня этихъ грандіозныхъ сооруженій природы». Съ пріятнымъ чувствомъ слѣдимъ мы также за дальнѣйшимъ яснымъ истолкованіемъ той разрушительной и преобразующей роли, которую Плейферъ приписываетъ текучимъ водамъ. Но именно эта часть его и Гюттона воззрѣній встрѣтила горячихъ противниковъ, особенно въ знаменитомъ путешественникѣ І. А. де-Люкѣ (род. 1727, † 1817 г.), который признавалъ только ничтожное значеніе эрозіи (размыва). Такое противорѣчіе

въ вопросѣ, который намъ кажется теперь яснымъ самъ по себѣ, показываетъ, какъ рѣзко отличались понятія сто лѣтъ тому назадъ отъ современныхъ.

Гораздо скорѣе, чѣмъ новое ученіе о дѣятельности текучихъ водъ, нашелъ приверженцевъ взглядъ Гюттона на активное образованіе горъ прежде всего въ Великобританіи. Дѣйствительно, утверждая, что всѣ массивныя горныя породы нѣкогда излились въ расплавленномъ состояніи изъ внутренности земли на ея поверхность, Гюттонъ могъ уже указать въ легко доступныхъ мѣстностяхъ у себя на родинѣ нѣкоторые случаи, гдѣ на самомъ дѣлѣ гранитъ проложилъ себѣ путь въ видѣ жилъ черезъ слоистыя горныя породы и гдѣ, такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что нѣкогда этотъ камень долженъ былъ проникнуть сюда въ жидкомъ состояніи снизу. Существенное значеніе въ побѣдѣ гюттоновой теоріи поднятія имѣли вмѣстѣ съ превосходными толкованіями Плейфера также и геологическіе опыты С. Галля и Г. Уатта (S. Hall, S. Watt). На возраженіе противниковъ Гюттона, что изъ расплавленнаго камня могутъ произойти только шлаки или стекловидныя массы, а не кристаллическія формы, оба упомянутыхъ ученыхъ экспериментальнымъ путемъ установили, что расплавленные камни могутъ принять кристаллическое строеніе при очень медленномъ охлажденіи и что кристаллы выдѣляются тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ медленнѣе происходитъ охлажденіе. Такимъ опытнымъ путемъ Галль сдѣлалъ заслуживающимъ довѣрія утвержденіе Гюттона, что поднятіе вулканическихъ породъ могло нарушить расположеніе напластованій земной коры. Онъ доказалъ, что при этомъ должны были образоваться изгибы и изломы горныхъ пластовъ, такъ какъ перпендикулярному давленію со стороны поднимающейся вверхъ каменной магмы противодѣйствовало боковое давленіе. Для этого онъ накладывалъ слой на слой суконныя тряпки или пласты различно окрашенной глины и, сдавливая ихъ сверху тяжестью и снимая съ боковъ, получалъ образованія, которыя довольно точно воспроизводили складки и изломы напластованій земной коры.

Леопольдъ фонъ-Бухъ (род. въ 1774 г. въ замкѣ Штолпе, умеръ въ 1853 г. въ Берлинѣ), величайшій нѣмецкій геологъ первой половины XIX-го столѣтія, ученикъ Вернера, во время своего путешествіе на Скандинавскій полуостровъ наблюдалъ въ окрестностяхъ Христіаніи, какъ гранитъ проникъ въ видѣ жильныхъ развѣтвленій въ известковыя напластованія, содержащія окаменѣлости и покрылъ ихъ сверху пластами—фактъ, который составлялъ прямое противорѣчіе вернерову ученію и много способствовалъ ниспроверженію системы Вернера. Будучи въ Англіи во время приготовленій къ путешествію на Канарскіе острова, (1815) Леопольдъ фонъ-Бухъ близко познакомился съ теоріями Гюттона и опытами Галля и Уатта и они произвели на него глубокое впечатлѣніе. Позднѣе онъ произвелъ рядъ обстоятельнѣйшихъ изысканій въ Альпахъ и другихъ германскихъ горахъ и пришелъ къ убѣжденію, что горы были подняты огненно жидкою каменною магмой, которая вылилась изъ щелей и трещинъ земной коры, что такимъ образомъ горныя напластованія были приподняты и очивидно что отсюда можно вывести заключенія объ относительной древности горныхъ цѣпей.

Теорія поднятія Гюттона и Леопольда фонъ-Буха долгое время въ теченіе всей первой половины XIX-го столѣтія была общепринятою, осо-

бенно во Франціи, гдѣ ее призналъ и развилъ далѣе Эли-де Бомонъ (Elie-de-Bomont). Поднятія представляли себѣ въ видѣ насильственныхъ актовъ и горныя цѣпи, какъ разсѣлины земной коры, черезъ которыя прорвались на поверхность поднимающіяся вулканическія массы. Подобно тому, какъ Вернеръ разсматривалъ параллельныя рудныя жилы какъ одновременно возникшія трещины, впослѣдствіи заполненныя трещинъ, Эли де-Бомонъ считалъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что идущія въ одномъ направленіи горныя цѣпи, также должны были произойти одновременно. Горныя цѣпи должны были вообще тянуться прямыми линіями, такъ какъ природа избѣгаетъ сложнаго способа разрыва земной коры тамъ, гдѣ для выполненія своей цѣли ей достаточна прямая линія. Думали также, что по числу такихъ «штриховыхъ линій», поскольку они могутъ быть независимо другъ отъ друга наблюдаемы въ какой нибудь горной области, можно опредѣлить число переворотовъ, которые претерпѣла почва этой области. Точно также и долинамъ большею частью приписывалось происхожденіе путемъ насильственнаго акта. Различались ровныя «долины вогнутія», гдѣ пласты, хотя и согнуты въ видѣ складки, но остаются въ связи между собою, и «долины разрыва», т. е. такія долины, въ которыхъ связь наслоеній прервана.

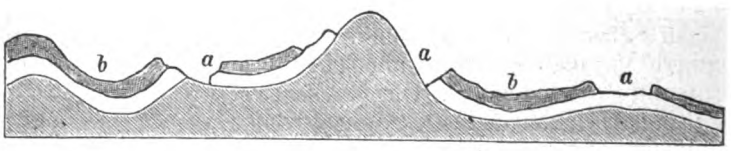


Рис. 29. *a* —Долины разрыва. *b*—Складчатыя долины.
По учебнику геологіи Фохта 1846 г.

Сравненіе внѣшней формы горъ съ ихъ внутреннимъ строеніемъ указало на существованіе тѣсной связи между обоими, что было впервые ясно сознано и описано Соссюромъ и что считали возможнымъ объяснить также съ помощью теоріи поднятія.

Поколѣніе геологовъ, которое объясняло величайшія измѣненія земной поверхности и образованіе горныхъ цѣпей отдѣльными насильственными актами природы, естественно, должно было объяснять подобными же дѣйствіями и происхожденіе отдѣльныхъ вулкановъ. Такъ и происходило, дѣйствительно, съ Александромъ Гумбольдтомъ и Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. Есть что-то трагическое въ томъ фактѣ, что этимъ двумъ великимъ ученикамъ Вернера, покинувшимъ Фрейбургъ убѣжденными послѣдователями нептуническаго ученія, было суждено впослѣдствіи ниспровергнуть систему своего учителя. Это стало возможнымъ, главнымъ образомъ, благодаря огромнымъ путешествіямъ, которыя они совершили, и сдѣланнымъ при этомъ многостороннимъ наблюденіямъ и почерпнутымъ свѣдѣніямъ. Естествоиспытатель, особенно геологъ, долженъ путешествовать, чтобы собственными глазами видѣть разнообразіе природы и ея явленій, улавливать сходное и противоположное въ ея проявленіяхъ въ различныхъ поясахъ земного шара и при различныхъ условіяхъ, научиться глубже и шире проникать своимъ взоромъ и избѣгать односторонности, въ которую легко впадаетъ самый

проницательный наблюдатель, если только онъ вращается въ сферѣ наблюденій, ограниченной незначительною областью. Послѣднее было съ Вернеромъ. Онъ пытался въ своихъ широко захватывающихъ идеяхъ обнять всю землю и всѣ явленія сводилъ къ единой причинѣ—видному происхожденію каменныхъ породъ. При этомъ онъ могъ опереться на наблюденія въ очень небольшой области въ Саксонскихъ рудныхъ горахъ. Своеобразныя базальтовыя горы этой области навели его на мысль о видномъ происхожденіи базальта. Несмотря на опроверженія Фойгта (Voigt), А. Гумбольдтъ и Леопольдъ фонъ-Бухъ твердо держались этого взгляда, пока, во время своихъ продолжительныхъ и далекихъ путешествій, не убѣдились въ его полной несостоятельности. Если Леопольдъ фонъ-Бухъ въ 1798 г., послѣ основательнаго изученія Везувія еще, не вполнѣ измѣнилъ мнѣніямъ Вернера, то уже одинъ взглядъ на потокъ базальтовой лавы въ 1802 г. въ Оверни долженъ былъ убѣдить его въ ихъ неправильности. Затѣмъ, послѣ того какъ А. Гумбольдтъ краснорѣчиво описалъ происхожденіе новаго вулкана въ Мексикѣ (1759) вслѣдствіе вертикальнаго поднятія, а самъ Бухъ основательнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ Канарскіе острова, была создана послѣднимъ его знаменитая теорія кратеровъ поднятія, которая позднѣе встрѣтила въ Эли-де-Бомонѣ горячаго защитника и долгое время пользовалась неограниченнымъ господствомъ въ геологическомъ мірѣ.

Наблюденія геологическихъ отношеній на Рока-Монфина (Roca-Monfina) въ Нижней Италіи, на островахъ Тенерифъ, Пальма, Санторинъ и многихъ другихъ вулканическихъ конусообразныхъ горъ, окру-

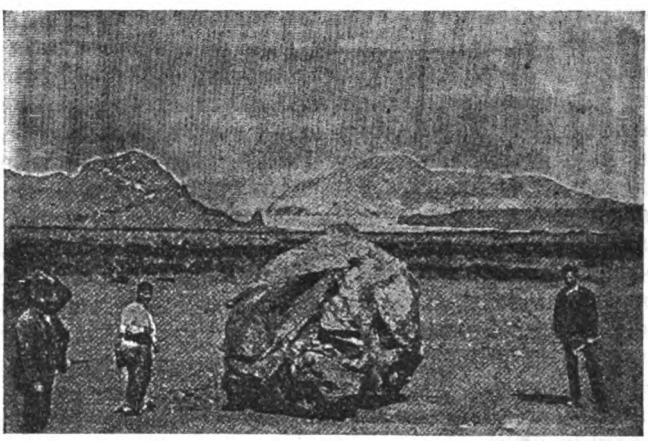


Рис. 30. Выброшенная изъ вулкана (Липарскіе острова) бомба во время послѣдняго изверженія 1888—1890 г.

женныхъ плащомъ наклонно расположенныхъ наслоеній, привели Леопольда фона-Буха къ заключенію, что въ данныхъ пунктахъ вулканическая сила искала себѣ выхода и вокругъ мѣста изверженія должна была поднять земную кору. Для объясненія явленія было безразлично, поднимался ли внутри такимъ образомъ происшедшаго, окруженнаго валомъ отверстія конусъ изверженія, какъ на Тенерифѣ, Рока-Монфинѣ и множествѣ другихъ вулкановъ, или дѣло не дошло до образованія

такого центральнаго конуса и завершилось обширною центральною плоскостью («Кальдера»), какъ на Пальмѣ. Такъ какъ горизонтально лежащая масса, будучи поднята конусомъ, должна распасться вдоль линій лучеобразно исходящихъ изъ центра возвышенія, то возникновеніе радіально расположенныхъ ущелій (Schlechten) («Барранкосъ») казалось естественнымъ слѣдствіемъ самаго процесса поднятія. По этому образованіе долинъ разсматривалось, какъ нѣчто возникшее съ самаго начала какъ въ большихъ горныхъ цѣпяхъ, такъ и въ обширномъ классѣ отдѣльныхъ горъ. Если валъ, окружающій конусъ поднятія подвергался разрушенію, то, обыкновенно, оставалась еще часть его около центральнаго конуса. Леопольдъ фонъ-Бухъ считалъ также и атоллы Великаго океана съ ихъ крутообразными лагунами за кратеры поднятія.

Въ то время какъ Леопольдъ фонъ-Бухъ создавалъ такимъ образомъ величественную общую теорію происхожденія вулкановъ, А. Гумбольдтъ пытался, на основаніи своихъ обширныхъ, вынесенныхъ изъ путешествій научныхъ свѣдѣній и опыта, привести въ закономѣрную, причинную связь, самое распредѣленіе вулкановъ на земной поверхности. Онъ подмѣтилъ тотъ фактъ, что самые большіе вулканы Мексики географически были расположены въ рядъ по извѣстной линіи и объяснялъ его тѣмъ, что, «вѣроятно, они были извержены изъ общей разсѣлины (земной коры), перерѣзывавшей континентъ на протяженіи 105 географическихъ миль отъ Тихаго до Антлантическаго океановъ. Подобныя или двойныя цѣпи вулкановъ имъ были замѣчены въ Гватемалѣ, южной Америкѣ и Явѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ онъ наблюдалъ неправильныя группы вулканическихъ горъ. Отсюда онъ пришелъ къ заключенію, что это соединеніе вулкановъ то въ отдѣльныя кругами расположенныя группы. то въ удвоенныя линейныя ряды, доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что причины вулканической дѣятельности кроются не въ незначительныхъ явленіяхъ, происходящихъ гдѣ-нибудь вблизи отъ земной поверхности, а великихъ процессахъ самой внутренности земли. У него возникла при этомъ мысль о подземномъ сообщеніи между отдѣльными вулканами и о тѣсной связи изверженій съ землетрясеніями—выводы большею частью вполнѣ основательные по отношенію къ южно-американской области, которую онъ особенно изучалъ. Гумбольдтъ полагалъ, что подземныя силы проявляются или въ землетрясеніяхъ въ своей динамической, напряженной и колебательной энергіи, или въ вулканахъ съ продуктивною химически видоизмѣняющеюся дѣятельности, что эти силы неповерхностны и исходятъ не изъ наружной земной коры, но дѣйствуютъ одновременно изъ глубины земной внутренности черезъ расщелины и не заполненные ходы, достигая самыхъ отдаленныхъ пунктовъ земной поверхности. Онъ считалъ также вѣроятнымъ, что «всѣ вулканическія явленія, будь то вулканы съ постоянными кратерами или трахитовыя горы (Trachytberge), которыя открываются внезапно, выбрасываютъ лаву и пепелъ и снова закрываются, зависятъ отъ очень простой причины, а именно отъ постояннаго или перемежающагося соединенія внутренности земли съ ея поверхностью. Упругіе пары выдавливаютъ наружу черезъ глубокія разсѣлины расплавленную, окисляющуюся массу вещества: вулканы представляютъ собою нѣкоторымъ образомъ перемежающіеся источники и жидкая смѣсь металловъ, щелочей и земель, застывающая впослѣдствіи въ лаву, изливается тихо, если, будучи поднимаема, она находитъ себѣ гдѣ-нибудь выходъ». Согласно такимъ

взглядамъ на вулканы, Гумбольдтъ долженъ былъ, также какъ Гюттонъ, разсматривать ихъ, какъ предохранительные клапаны.

Если эти химическія гипотезы со всею ихъ односторонностью никогда не имѣли широкаго распространенія, зато теорія подножія горъ и вулканическихъ образованій встрѣтила почти полное и всеобщее признаніе и въ геологическихъ учебникахъ того времени объ этихъ предметахъ трактовалось, какъ о не подлежащихъ сомнѣнію фактахъ. Однако, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія, когда это ученіе казалось непоколебимо прочнымъ, возникло противорѣчіе. Уже Гюттонъ и Плейферъ высказали мнѣніе, что и малыя причины, дѣйствующія въ теченіе продолжительнаго времени, могутъ вызвать огромныя дѣйствія и что для объясненія прежнихъ событій въ исторіи земли не было нужды искать чуждыхъ настоящему времени силъ. Но Карлъ-Эрнестъ-Адольфъ фонъ-Гофъ доказалъ, на основаніи тщательныхъ критическихъ изслѣдованій всѣхъ данныхъ объ измѣненіяхъ земной поверхности, что силы природы, дѣйствующія въ настоящее время при допущеніи продолжительности ихъ дѣйствія достаточны, чтобы объяснить большую часть геологическихъ явленій, и рѣшительно высказался противъ гипотезы катастрофъ и переворотовъ, происходившихъ на земномъ шарѣ.

Въ 1830—33 гг. въ Англіи появились въ свѣтъ «Основы геологіи» Чарльса Ляйэля, который съ необычайною энергіей предприняли войну противъ принципа насильственныхъ актовъ въ природѣ, быстро нашли себѣ широкое распространеніе и произвели мощное воздѣйствіе на умы ученаго міра. Между тѣмъ какъ Гофъ выступалъ въ походъ противъ ученія о катастрофахъ съ критическимъ изученіемъ литературы, а Прэво съ теоретическими соображеніями, шотландецъ Ляйэль былъ вооруженъ для этого непосредственными наблюденіями природы, которыя онъ собралъ во время своихъ многочисленныхъ путешествій въ различныхъ странахъ Европы. На основаніи этихъ наблюденій, онъ старался доказать однообразіе нѣкогда и теперь дѣйствующихъ силъ не только для неорганическаго, но и для растительнаго и животнаго міра, описалъ уносящую и уравнивающую дѣятельность воды посредствомъ размытія, объяснилъ происхожденіе уступовъ всякаго рода, отвелъ также значительное мѣсто разрушающей и созидающей дѣятельности моря и боролся съ ученіемъ о кратерахъ поднятія, объясняя круговые валы вокругъ нихъ какъ остатки осыпи отъ прежняго кратера—мнѣніе, высказанное уже въ 1825 году Георгомъ Пулеттъ Скорпомъ (George Poulett Scorpe) (1797—1875) въ его замѣчательномъ трудѣ о вулканахъ и такъ подробно имъ обоснованное. Вслѣдствіе этого разногласія обоихъ великихъ наблюдателей съ ученіемъ Леопольда фонъ-Буха о кратерахъ поднятія возникъ жаркій споръ, въ которомъ Прэво рѣшительно сталъ на стороны обоихъ англійскихъ ученыхъ, между тѣмъ какъ Эли-де-Бомонъ и Дюфрэнуа (Dufrénoy) упорно защищали ученіе о кратерахъ поднятія.

Споръ, казалось, склонялся сначала въ пользу Леопольда фонъ-Буха, но скоро послѣ смерти великаго естествоиспытателя принялъ противоположный оборотъ вслѣдствіе возобновленныхъ нападокъ со стороны Ляйэля и Скропа, а также подробныхъ изслѣдованій Георга Гартунга на Мадерѣ, Азорскихъ и канарскихъ островахъ, Дана (Dana) на Сандвичевыхъ и Юнгуна (Junghun) на Явѣ, Фукэ, Рейсса, Штюбеля и Фритша на Санторинѣ. Въ слѣдующія десятилѣтія все дѣло уже представляло только историческій интересъ до самаго послѣдняго времени,

когда, какъ мы увидимъ дальше, снова становится замѣтною слабая склонность къ допущенію болѣе мощнаго проявленія вулканической силы.

Теорія кратеровъ поднятія еще при жизни Леопольда фонъ-Буха подверглась сильнымъ нападкамъ. То же самое случилось и съ теоріей поднятія горъ. Ляйэль, который самъ наблюдалъ уже описанныя Леопольдомъ фонъ-Бухомъ медленныя поднятія на Скандинавскомъ полуостровѣ, объяснялъ это явленіе подземнымъ жаромъ и вызываемымъ имъ расширеніемъ твердыхъ каменныхъ породъ. Но первымъ борцомъ въ этомъ вопросѣ былъ не онъ, а швейцарецъ І. Турманъ (1804—1855), который призналъ въ своей родной Юрѣ замѣчательный образецъ тектоническихъ горъ (Faltendebiddes) и объяснялъ образованіе складокъ не поднятіемъ, а перемѣщеніемъ пластовъ въ горизонтальномъ направленіи (боковыми сдвигами) (1830). Близки къ такой идеѣ были также Кордье и Прэво, допускавшіе, что сжатіе земного шара вслѣдствіе охлажденія должно было повлечь образованіе складокъ въ земной корѣ. Это приводитъ насъ къ нынѣ господствующимъ, современнымъ геологическимъ взглядамъ, которые въ вопросахъ преобразованія земной поверхности, опираются на Ляйэля, а въ вопросахъ вулканизма на Пулеттъ-Скропа.

Мы привыкли въ настоящее время разсматривать горы, какими они предстоятъ предъ нашимъ взоромъ, какъ результатъ двухъ взаимно противодѣйствующихъ факторовъ: поднятій (пониженій), углубленій (Senkungen) и складокъ почвы съ одной стороны, и размыва, т.—е. разрушающей, уносящей дѣятельности воды въ ея жидкой или твердой формѣ,—съ другой. Теперь мы представляемъ себѣ поднятія и образованія складокъ почвы не какъ внезапные могущественные акты природы, а какъ чрезвычайно медленные процессы, настолько медленные, что ихъ можно съ достовѣрностью прослѣдить только на морскихъ берегахъ, между тѣмъ какъ среди сушче потребовалась бы цѣлая система продолжительнаго контроля самой точной нивеллировки, чтобы можно было впослѣдствіи разрѣшить вопросъ о неуловимо-медленныхъ поднятіяхъ и опусканіяхъ почвы. Съ этой точки зрѣнія особый интересъ возбуждаютъ отступленія береговъ, достигшія значительныхъ размѣровъ въ сѣверныхъ моряхъ, а также сдѣлавшіяся извѣстными въ большомъ числѣ благодаря тецерь уже высоко истощимъ и слѣдамъ береговой линіи, оставленнымъ на отвѣсныхъ скалахъ или прибрежнымъ терассамъ, такъ въ нихъ видятъ теперь, вообще, указанія на поднятіе данной мѣстности. Но какъ на нѣкоторыхъ берегахъ были доказаны признаки поднятія, такъ на другихъ—опусканія. Многочисленныя наблюденія обнаружили, что поднятія и опусканія частью происходятъ постепенно, частью же, наоборотъ, внезапно, вслѣдствіе вулканическихъ изверженій или землетрясеній. Какъ на классическій примѣръ поднятія и опусканія, давно уже, именно со времени подробнаго обсужденія этого вопроса Ляйэлемъ, указывали на храмъ Сераписа въ Поччуоли близъ Неаполя. Его три перпендикулярныя колонны на извѣстной высотѣ надъ теперешнимъ уровнемъ моря носятъ слѣды сверлящихъ ракушекъ (Lithodomus litfhfagus), откуда явствуютъ, что нѣкогда уровень мѣста былъ глубже (на 6,3 метра), чѣмъ теперь и. такимъ образомъ, послѣ построенія храма, за періодомъ поднятія слѣдовалъ періодъ опусканія.

Какъ происходитъ дѣйствительное образованіе горъ, мы теперь не можемъ наблюдать, такъ какъ для этого въ нашемъ распоряженіи

слишкомъ мало времени, и всѣ точно измѣренныя измѣненія въ вертикальномъ направленіи при поднятіяхъ и опусканіяхъ, незначительныя вертикальныя или горизонтальныя перемѣщенія вдоль разсѣлинъ, открывающихся при землетрясеніяхъ, слишкомъ малы, чтобы дать намъ понятіе объ общемъ процессѣ горообразованія.

Рис. 31. 1) Везувій. 2) Конусъ изверженія (Сомма). 3) Новый кратеръ въ апрѣлѣ 1769 г. 4) Конечный пунктъ потока лавы 12-го апрѣля 1766 г. 5) Конусъ изверженія въ октябрѣ 1760 г. 6) Потокъ лавы въ 1760 г. 7) Конусъ изверженія. 8) Лава въ 1751 г. 9) Казино. 10) Помпея. 11) Торре-дель-Анунціата. 12) Боско-Реале. 13) Боско Треказе. 14) Камольдоли. 15) Лава въ 1737 г. 16) Торре-дель-Греко. 17) Резина. 18) Корол. Вилла въ Портичи. 19) Ла Барра. 20) Неаполь. 21) Камалдоли. 22) Падуле. 23) Кратеръ въ Атріо-дель-Кавалло.

Чтобы составить себѣ представленіе объ этомъ процессѣ, необходимо, поэтому, изслѣдовать структуру земной коры, взаимное отношеніе ея пластовъ, ихъ положеніе и свойства и постараться отсюда вывести заключенія. Какимъ образомъ Гюттонъ, Леопольдъ фонъ-Бухъ и Эли-де-Бомонъ построили на основаніи изученія строенія горъ свою теорію поднятія, мы уже видѣли выше. Но когда было выражено мнѣніе, прежде всѣхъ Турманомъ, что происхожденіе тектоническихъ горъ легче объясняется допущеніемъ бокового давленія (горизонтальнаго перемѣщенія), чѣмъ вертикальнаго, вопросъ этотъ былъ подвергнутъ всестороннему изслѣдованію, и Альберту Гейму (1878) удалось доказать самымъ убѣдительнымъ образомъ, что Альпы, даже въ основномъ массивѣ, выдаютъ свое тектоническое происхожденіе. Вопросомъ о происхожденіи и дальнѣйшемъ ходѣ тектоническаго образованія горъ самымъ обстоятельнымъ образомъ занимался Эдуардъ Зюссъ. Въ своемъ крупномъ произведеніи «Ликъ земли» (1883—1888) онъ крупными и рѣзкими штрихами набросамъ картину распредѣленія и происхожденія важнѣйшихъ образованій на поверхности земной коры. Сводчатость складчатыхъ горъ, неодинаковость строенія ихъ обоихъ склоновъ, наклоненіе складокъ къ внѣшней сторонѣ горной цѣпи, часто несимметрическое распредѣленіе поясовъ горныхъ породъ объяснялись

Зюссомъ тѣмъ, что во всѣхъ тектоническихъ горныхъ цѣпяхъ пласты сдвинуты отъ внутренней стороны къ наружной по направленію къ какой-нибудь преградѣ. Преградой могли служить части земной коры, которымъ упругость воспрепятствовала образовать складки. Выпуклость складокъ вызвана опусканіемъ какого-нибудь участка земной коры, который, чтобы погрузиться въ глубину, долженъ былъ, какъ клинъ, раздвинуть сосѣднія части земной коры.

Рис. 32. Дольденгорнъ и Фрюнденгорнъ, какъ примѣръ образованія горъ посредствомъ приподнятія пластовъ.

Мы не знаемъ, какъ глубоко внутрь земли даетъ себя чувствовать образованіе складокъ. Величину сдвига, напротивъ, можно легко оцѣнить, представивъ мысленно, что пластъ, образовавшій складку, расправленъ въ горизонтальномъ направленіи. Геймъ нашелъ, напр., что пласты швейцарской Юры близъ Женевы до образованія складокъ покрывали поверхность въ 22 километра въ поперечникѣ, теперь же— только 16,8 кил., такъ что сдвигъ достигаетъ 25%, между тѣмъ какъ въ Сѣверныхъ и Центральныхъ Альпахъ первоначальные пояса земной коры были сдвинуты почти наполовину. Всякому, кто въ первый разъ видитъ твердыя горныя породы сложенныя въ большія и мелкія складки, должно показаться изумительнымъ, какъ могло произойти подобное явленіе, такъ какъ взвѣстно, что твердыя, упругія тѣла не могутъ гнуться и ломаются. Дѣйствительно, многіе каменные пласты, сложенные въ складки, разломаны на безчисленное множество кусочковъ, которые потомъ снова спаиваются заполняющими промежутки минеральными веществами, особенно углекислой известью или кремнеземомъ. Нѣкоторые горные пласты, однако, не показываютъ и слѣда излома, по крайней мѣрѣ, для невооруженнаго глаза. Это заставило Гейма допустить, что горныя породы способны дѣлаться пластичными при высокой температурѣ и огромномъ давленіи. Массивныя кристаллическія каменныя породы при сильномъ давленіи получаютъ пластинчатое (шиферное) строеніе.

Тектоническія горы образовались въ самыя различныя эпохи земной

исторіи. Въ центральной и Западной Европѣ задолго до поднятія Альпъ, представляющихъ собою сравнительно еще молодыя горы, существовали огромныя горныя цѣпи, которыя постепенно, благодаря медленному размыву, изнашивались все болѣе и болѣе и въ настоящее время являются только въ видѣ незначительныхъ возвышеній почвы, и только структура входящихъ въ ихъ составъ пластовъ ясно указываетъ на прежній ихъ горный характеръ.

Гораздо болѣе простыми кажутся плоскія выпуклости и выгибы земной коры, въ которыхъ пласты спускаются во всѣ стороны, начиная съ центральнаго пункта. Зюссъ полагалъ, что они образуются вслѣдствіе опусканія окружающихъ ихъ частей почвы, между тѣмъ какъ Жильбертъ допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ глубинахъ земной коры между горными пластами внѣдряются огненножидкія массы, благодаря чему происходитъ поднятіе части земной коры, находящейся надъ этой массой, которая съ теченіемъ времени

Рис. 33. Кратеръ провала въ главномъ кратерѣ Ирацу въ Костарика. (Съ фотографіи).

отвердѣваетъ (лакколиты). Итакъ, въ горныхъ цѣпяхъ характеръ строенія данной части земной коры обнаруживается складками, а въ областяхъ лакколитовъ простою выпуклостью. Но существуетъ также множество областей, гдѣ первоначальное горизонтальное положеніе пластовъ не нарушено или только незначительно нарушено. Часто бываетъ также, что хотя горизонтальное положеніе измѣнилось весьма мало, всеже обнаруживаются значительныя неровности данной части земной поверхности въ томъ случаѣ, если первоначальные пласты разломились на отдѣльныя глыбы и послѣднія приняли вертикальное положеніе. Большею частью эти сдвиги направляются, слѣдуя силѣ тяжести, и мы должны допустить, что океаны не что иное, какъ опустившіяся части земной коры. Глубина океановъ позволяетъ судить, какъ значительны были такія опусканія.

Причины многообразныхъ и большею частью крайне сложныхъ процессовъ въ земной корѣ, создавшихъ въ главныхъ чертахъ ликъ земли

пытались отыскать различными путями, однако и до настоящаго времени не удалось дать вполнѣ удовлетворительнаго объясненія. Наиболѣе распространенной является гипотеза, разсматривающая всѣ эти сложныя явленія, какъ слѣдствіе процесса охлажденія и сжатія земного шара. Эта гипотеза впервые была выставлена Джэмсомъ Дана (1813—1895) и получила затѣмъ существенную опору въ обширныхъ изслѣдованіяхъ о строеніи горъ Альб. Гейма и Эд. Зюсса. Исходнымъ пунктомъ ихъ теоріи является предположеніе о раскаленной внутренности земли, которая отдаетъ свое тепло въ міровое пространство, благодаря чему сжимается. Земная кора не принимаетъ въ этомъ участія и поэтому становится слишкомъ большой для сжимающейся внутренности земли. Подъ дѣйствіемъ силы тяготѣнія или обрушивается сводъ земной коры и отдѣльныя глыбы ея падаютъ въ глубину, или земная кора собирается въ складки, вслѣдствіе мощнаго бокового давленія и такими способами уменьшаетъ свою поверхность настолько, что снова вполнѣ охватываетъ земное ядро.

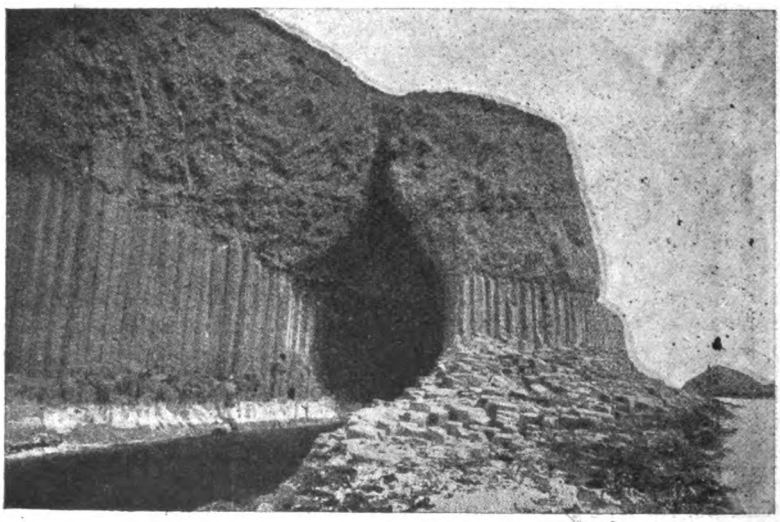


Рис. 34. Базальтовыя колонны при входѣ въ Фингалову пещеру на шотладскомъ островѣ Стаффа.

Если мы сравнимъ эту теорію съ господствовавшей полвѣка до нея теоріей Леопольда фонъ-Буха и Эли-де-Бомона, то намъ станетъ ясно, что въ геологіи право гражданства пріобрѣла идея, въ основѣ своей не имѣющая ничего общаго съ воззрѣніями, которыя господствовали въ первой половинѣ XIX го столѣтія. Совершенно такой же поворотъ произошелъ во взглядахъ на вулканическія явленія. Уже въ 1825 г. Пулеттъ-Скропъ объясняетъ строеніе вулкановъ наслоеніемъ изверженныхъ массъ и изливающейся лавы, въ 1856 же и 1859 году онъ возвращается опять къ этому вопросу и самыми неопровержимыми доводами доказываетъ, что все ученіе о кратерахъ поднятія опирается на допущеніи, не соотвѣтствующемъ дѣйствительности. Но самый рѣшительный ударъ теоріи кратеровъ поднятія нанесла сама природа. Въ 1866 году на Санторинѣ, именно на маленькомъ островѣ Неа-

Каймени, произошло новое вулканическое изверженіе. Это изверженіе наблюдалось и было описано множествомъ превосходныхъ изслѣдователей. Изъ установленныхъ ими фактовъ съ увѣренностью можно было заключить, что новыя образованія на сушѣ могутъ возникнуть безъ всякаго поднятія въ смыслѣ Л. фонъ-Буха, а просто истеченіемъ вязкой массы лавы, причемъ проникающая лава отодвигаетъ старую въ сторону или поднимаетъ ее кверху. В. Рейссъ и А. Штюбель, которымъ мы обязаны лучшимъ описаніемъ этой группы острововъ съ ихъ вулканическими явленіями, сообщаютъ слѣдующее: «Собственными глазами видѣли мы, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались пласты лавовой массы, достигающіе 200 метровъ мощности, оканчивающіеся со всѣхъ сторонъ крупными покатостями. На поверхности этихъ пластовъ кое-гдѣ едва замѣтны были шлаковыя образованія и совершенно отсутствовали какіе бы то ни было конусы изъ пепла или шлаковъ». Только послѣ взрыва 18-го іюля образовалось кратероподобное углубленіе, изъ котораго затѣмъ послѣдовало изверженіе.

Съ увеличеніемъ нашихъ знаній о вулканахъ въ другихъ частяхъ свѣта стало ясно, что вулканическія явленія представляютъ гораздо большее разнообразіе, чѣмъ это допускалось еще въ началѣ XIX-го столѣтія, когда южно-европейскіе вулканы были почти единственными руководителями ученыхъ геологовъ. Именно, геологическія изслѣдованія Исландіи (Роб. Бунзеномъ, Прэйромъ и Циркелемъ и недавно Тородзеномъ), Сандвичевыхъ острововъ (Дана и Дюттономъ), вулкановъ въ Эквадорѣ (В. Рейссомъ, А. Штюбелемъ и Т. Вульфомъ), Яванскихъ вулкановъ (Юнгуномъ и позднѣе Фербикомъ) особенно расширили наши знанія вулканическихъ явленій. Наконецъ, было выяснено, что на форму вулканическихъ горъ оказываетъ громадное вліяніе характеръ продуктовъ изверженія. Если въ послѣднемъ преобладаютъ пепелъ, песокъ и камни, то происходятъ конусообразныя горы, форма которыхъ, разумѣется, можетъ быть значительно видоизмѣнена потоками лавы, вытекающими изъ главнаго, вершиннаго, или боковыхъ кратеровъ. Еще болѣе измѣняется эта форма, если на бокахъ вулкановъ образуются маленькіе конусы изверженія (паразитные кратеры). Этна имѣетъ около 900 подобныхъ кратеровъ. Между тѣмъ какъ паразитные конусы группируются большею частью по радіусамъ вокругъ главнаго кратера вулкана въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ перемѣщеніе главнаго центра изверженія и такимъ образомъ появляются вулканы-«близнецы», отдѣльные члены которыхъ имѣютъ очень близкое происхожденіе. Подобные вулканы-близнецы развились особенно красиво въ Гватемалѣ и были тамъ впервые описаны К. Зебахомъ (1865), А. Дольфусомъ, С. де-Монферратомъ (1866).

Совершенно иной видъ имѣютъ мощные вулканы Гавайи, у которыхъ рыхлые продукты изверженій почти отсутствуютъ и гора образована благодаря жидкимъ потокамъ лавы, изливавшимися одна на другую. Отсюда ровная щитообразная форма этихъ горъ; при вытеканіи же густой лавы (какъ на Санторинѣ) происходятъ куполообразныя горы. Подобныя изліянія исходятъ обыкновенно изъ одного центральнаго отверстія, но иногда они выступаютъ изъ нѣсколькихъ щелей. Такъ, въ Исландіи огромныя массы лавы истекаютъ изъ длинныхъ щелей и разливаются потоками по окрестностямъ или же образуютъ озера. Въ 1783 году на подобной разсѣлинѣ—Лакисъ, длиной около 24 километровъ, образовалось около 100 кратеровъ, изъ которыхъ былъ выброшенъ частью пепелъ, частью вытекала потоками лава. Наконецъ, на

Лингисъ-горѣ (Lingisjohr) Тороодзенъ открылъ щель въ 30 километровъ длиною, изъ которой «безъ всякихъ кратеровъ изливались мощными ка кадами огромныя массы лавы. Горы болѣе 1.000 футовъ высоты оказывались разломанными, какъ игрушки, и образовали трещины до 400—600 футовъ глубиною».

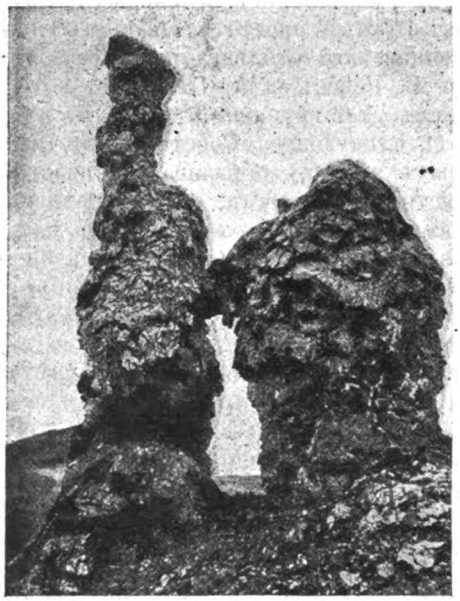


Рис. 35. Лавовыя образованія въ кратерѣ вулкана Килауэа на остр. Гаваи.

Количество матеріаловъ, выносимыхъ изъ глубины земли на ея поверхность, весьма значительны. Такъ, объемъ излившейся изъ упомянутой выше длинной разсѣлины — Лакисъ, по вычисленію Тороодзена, достигаетъ 12,5 куб. километр. Юнггунъ опредѣлялъ въ 300 куб. километровъ массу пепла и горной смолы, которая была выброшена Тамборой на одномъ изъ Зондскихъ острововъ Сумбавы при изверженіи 1815 года. Точно также Фербикъ вычислилъ, что массы, изверженныя вулканомъ Кракатау 23-го августа 1883 г., равняются приблизительно 18 кубическимъ километрамъ. А. Пенкъ считаетъ необходимымъ допустить, что на земную поверхность ежегодно поднимается изъ внутренности земли около 10 кубическихъ километровъ магмы, причемъ только половина послѣдней въ жидкой, расплавленной формѣ, другая же половина состоитъ изъ матеріала, превращеннаго въ пыль и разсѣяннаго повсюду. Тилло вычислилъ, что изверженныя каменныя породы со времени третичнаго періода до нашего времени занимаютъ площадь въ 4 милліона квадр. километровъ.

Насколько разнообразенъ видъ вулканическихъ горъ, настолько же разнообразна и форма ихъ кратеровъ (если только послѣдніе существуютъ), а также и проявленіе вулканической дѣятельности. Между тѣмъ какъ большинство кратеровъ вулкановъ имѣютъ форму воронки, котла или тарелки, другіе щелеобразны, нѣкоторые же опускаются въ глубину въ видѣ дымовой трубы или шахты. Часто посреди стараго кратера образуются, вслѣдствіе провала, взрыва или изверженія пепла, небольшіе новые кратеры.

Разнообразны, наконецъ, и проявленія вулканическихъ силъ. На Килауэа и Мауна-Лоа (4.168 метр.) находятся, напр., опускающіеся террасами кратеры съ плоскимъ дномъ, которое у Килауэа занято озеромъ лавы, а на Мауна-Лоа раскаленная лава покрыта застывшей корой. Всякій разъ какъ происходитъ изверженіе, огненная масса кратера поднимается, наполняетъ его озеромъ жидкой лавы, изъ которой бьютъ огненные фонтаны. Если самая жидкая часть лавы проложитъ себѣ путь съ боку горы и вытечетъ, уровень огненнаго озера опускается. Остатки затвердѣвшей коры отмѣчаютъ на подобіе террассы прежній уровень озера. Такіе спокойныя изверженія наступаютъ только тогда, когда содержаніе водяныхъ паровъ въ огненно-жидкой магмѣ

незначительно. Но если оно велико, то изверженія сопровождаются взрывами, магма уже не вытекаетъ спокойно, но выбрасывается въ распыленномъ состояніи. Такъ происходятъ изверженія пепла. Они представляютъ обычную дѣятельность большей части вулкановъ; извѣстны вулканы, которые, какъ, напр., Стромболи въ Тирренскомъ морѣ или Сангаи въ Эквадорѣ, дѣйствуютъ такимъ образомъ постоянно, съ небольшими паузами. Изалько въ Сальвадорѣ, который, по тщательнымъ изслѣдованіямъ Зеебаха, началъ образовываться только въ 1793 году, выросъ вслѣдствіе изверженія пепла и лавы въ теченіе немногимъ болѣе ста лѣтъ въ гору около 800 метровъ высоты. Въ неправильные промежутки времени, которые длятся иногда едва 5 минутъ, по временамъ же продолжаются полчаса и даже цѣлый часъ, изъ кратера этого вулкана поднимается при сильномъ подземномъ громѣ широкій столбъ пепла, который ночью кажется огненнымъ и достигаетъ 600—700 метр. въ высоту. Болѣе тяжелыя части пепла падаютъ на конусъ вулкана и стекаютъ внизъ по его бокамъ, разбиваясь о выступающія скалы и замѣтно увеличивая покровъ горы, мѣжду тѣмъ какъ болѣе легкій пепелъ уносится вѣтромъ. По временамъ въ бокахъ горы проложитъ себѣ путь потокъ лавы и медленно стекаетъ по ея склонамъ, подвергаясь охлажденію и застыванію.

Большая часть вулкановъ остается долгое время въ покоѣ. Если затѣмъ послѣдуетъ изверженіе, то оно гораздо сильнѣе, чѣмъ у по-

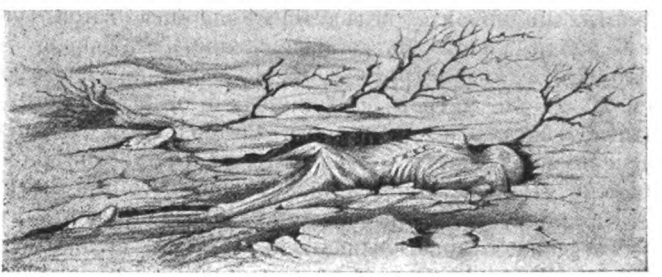


Рис. 36. Жертва волны, произведенной изверженіемъ Кракатау.

стоянно дѣйствующихъ вулкановъ. Живо въ памяти нашего поколѣнія возстаетъ картина мощнаго изверженіи Кракатау въ группѣ Зондскихъ острововъ въ 1883 году, катастрофа, наравнѣ съ которой можно поставить развѣ только ужасную гибель С.-Пьера на островѣ Мартиникѣ въ 1902 году. 20-го мая 1883 изъ Кракатау поднялось до 11 килом. въ высоту огромное облако дыма, которое приняло вверху пиніеобразную форму. На землю полился пепельный дождь, слышался отдаленный грохотъ, и землетрясеніе ощущалось на сосѣднихъ берегахъ Явы. Явленія постепенно ослабли, но 26-го августа быстро достигли величайшей силы. Пепелъ и пемза въ огромныхъ массахъ падали къ югу отъ острова, куда ихъ гналъ господствующій вѣтеръ; гора страшно грохотала, царила глубочайшая ночь и молніи прорѣзывали непроницаемый мракъ. Утромъ 27-го августа нѣсколько прояснилось, но затѣмъ снова наступила совершенная тьма: огромныя массы пепла, шлаковъ и пемзы падали на Зондскіе острова и на сосѣднія части Явы и Суматры; начиная съ утра страшно бушевало море, бурныя волны яростно заливали ровныя береговыя области. Около 10 часовъ утра

ужасный взрывъ вулкана породилъ исполинскую морскую волну, высотой въ 30 метровъ, волна ринулась на сосѣдніе брега, все опустошая на своемъ пути, наводнила съ сокрушительной силой города, деревни и лѣса и увлекла за собою на своихъ обломкахъ громадное количество ила. Пемза, трупы и деревья все смѣшалось въ одну груду и запрудило море вокругъ Зондскихъ острововъ во многихъ мѣстахъ до такой степени, что даже пароходы съ трудомъ прокладывали себѣ путь. Число погибшихъ людей опредѣлялось потомъ приблизительно въ 40.000 человѣкъ. 28-го августа опять все прояснилось, сила изверженія ослабла и въ теченіи сентября постепенно прекратилось. Когда Фербикъ въ октябрѣ 1883 года посѣтилъ опустошенную мѣстность, онъ нашелъ совершенно измѣненнымъ не только островъ Кракатау, но даже топографію всего окружающаго архипелага. Образовались два новыхъ острова, одинъ въ три, другой въ 4 квадр. километра и отъ нихъ исходилъ еще паръ вслѣдствіе теплоты образующихъ ихъ продуктовъ вулканическаго изверженія. Нынѣ эти острова уже исчезли, море вскорѣ снова ихъ поглотило. Сосѣдніе острова Лэнгъ-Эйлэндъ и Ферлатенъ-Эйлэндъ увеличили свою площадь, благодаря паденію изверженнаго матеріала; маленькій островъ Польше-Гёдше (Poolocha-Hoedje) совершенно исчезъ. Отъ самаго острова Кракатау, который предъ изверженіемъ занималъ площадь въ $33^1/_2$ квадр. километра, отвалилась большая его сѣверная часть и была поглощена моремъ, глубина послѣдняго пала до 200—300 метровъ. Островъ уменьшился до $10^1/_2$ квадр. километр., но потомъ, вслѣдствіе новообразованій, снова увеличился на 5 квадр. килом. Масса изверженнаго матеріала было такъ огромна, что на 12 километровъ вокругъ вулкана насыпаны были пласты отъ 20 до 40 метровъ толщиною, и, такимъ образомъ, море стало въ этихъ мѣстахъ недоступнымъ для большихъ кораблей. Куда дѣвалась исчезнувшая часть острова, этого съ достовѣрностью сказать новозможно. Фербикъ полагаетъ, что она не могла быть разсѣяна въ воздухѣ, а погрузилась въ глубину. Поразительно, что впродолженіи всего, даже самого сильнаго изверженія не наблюдалось замѣтнаго землетрясенія. Только 18-го сентября, стало быть, уже послѣ изверженія, послѣдовалъ мощный подземный толчокъ на южномъ берегу Бантама на Явѣ. Взрывъ 27-го августа далъ себя почувствовать на всемъ земномъ шарѣ: сильное волненіе моря, конечно, быстро уменьшавшееся съ удаленіемъ отъ центра изверженія было, однако, замѣтно во всѣхъ океанахъ, воздушная волна распространилась по всей земной поверхности, частички пепла были унесены въ самыя отдаленнѣйшія страны и произвели въ ноябрѣ 1883 года въ Европѣ великолѣпныя сумеречныя явленія.

При изверженіи Кракатау и большей части другихъ изверженій взрывы водянаго пара играли главную роль, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти пары представляютъ почти исключительное, основное явленіе вулканическихъ изверженій. Такъ 15 іюня 1888 года въ 15—20 изверженіяхъ изъ кратера Бандай-Санъ въ Японіи были вытолкнуты огромныя массы пара и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла вершина вулкана, которая по мнѣнію Секія и Кикускія была сорвана и покрыла осыпью площадь въ 70 квадр. килом. На мѣстѣ вершины находится теперь углубленіе, «кратеръ взрыва». Подобными изверженіями объясняютъ также и маары Эйфеля и другихъ вулканическихъ областей, но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что нѣкоторые изъ этихъ образованій, обязаны своимъ происхожденьемъ провалам.

При особыхъ условіяхъ теченіе вулканическихъ изверженій получаетъ и особенный характеръ, такъ напр., если центръ изверженія находится подъ поверхностью моря, то изверженіе узнается только по столбамъ дыма или по сѣрному запаху, которые поднимаются изъ моря, или по кускамъ пемзы, которыя въ большомъ количествѣ плаваютъ по поверхности. Если извзрженіе происходитъ изъ вулкана, покрытаго снѣгомъ или глетчерами, то послѣдніе могутъ растаять отъ изливающейся лавы и произвести такимъ образомъ большія наводненія, какъ это наблюдалось на Котопахи въ Эквадорѣ и у Фанаикуля въ Исландіи. Потокъ грязи, излившійся изъ Гелунъ-чула на Явѣ въ 1822, произошолъ, напротивъ, по изслѣдованіемъ Юнгіуна вслѣдствіе прорыва кратернаго озера.

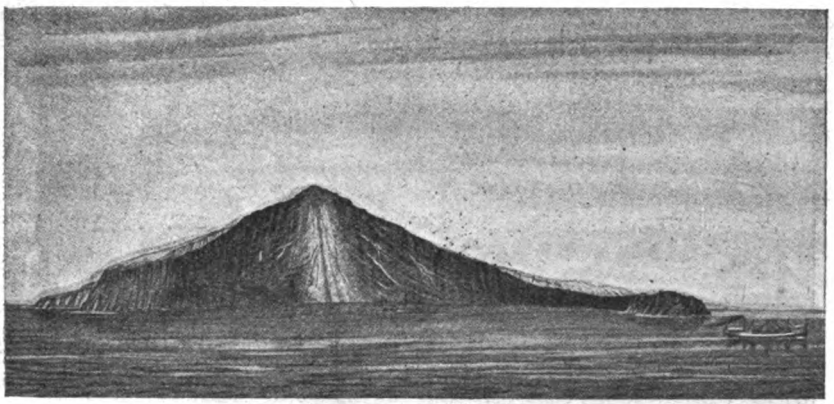


Рис. 37. Разрѣзъ черезъ вулканъ Кракатау, образовавшійся вслѣдствіе изверженія въ 1883 г. на одномъ изъ Зондскихъ острововъ.

Совершенно своеобразны небольшія правильныя изверженія нѣкоторыхъ вулкановъ, кратеръ которыхъ составляетъ бассейнъ озера. Неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ моемъ мозгу величественное зрѣлище, которымъ я наслаждался при восхожденіи на вулканъ Поасъ (Poas) въ Костарика. Нѣсколько часовъ мы съ проводникомъ и носильщикомъ восходили на гору среди роскошнаго дѣвственнаго лѣса наконецъ, склоны горы стали менѣе круты, мы вступили на альпійскую лужайку и вскорѣ затѣмъ увидали влѣво отъ насъ большую, лишенную растительными, побѣлѣвшую равнину; еще два шага—и мы стояли въ изумленіи на краю огромнаго котловиднаго кратера, на высотѣ 250 метр. Въ глубинѣ его на 230 метр. подъ нашими ногами лежало небольшое озеро, бѣлое, какъ молоко. Озеро находилось въ широкомъ кругообразномъ движеніи и изъ него поднимались легкія облака пара. Огромныя крутыя стѣны кратера побѣлѣли и были лишены всякой растительности. Грандіозная картина, исполненная дикой прелести, ея сѣрые и бѣловатые тоны какъ-то особенно своеобразно и рѣзко отдѣлялись отъ темной зелени окружающихъ лѣсовъ. Въ то время какъ мы смотрѣли внизъ, въглубокую котловину этого удивительнаго кратера, мы вдругъ замѣтили, какъ изъ средины молочнаго озера поднялись облака ила, достигли его поверхности и, наконецъ, съ глухимъ шумомъ стали бить большимъ ключомъ на 5—7 метровъ въ высоту. Отъ этого фонтана исходили правильные круги волнъ

и съ пѣной разбивались о причудливо-зубчатые берега молочнаго озера. Зрѣлище продолжалось едва ли минуту; затѣмъ мы услышали сильный шумъ и одновременно весь котловидный кратеръ наполнился огромными бѣлыми облаками пара, которыя захваченныя вверху пассатнымъ вѣтромъ, унеслись далеко къ югу, выбѣливая на своемъ пути камни и препятствуя появленію всякой зеленой растительности. Длинной полосою тянулся этотъ удушливый паръ, а озеро мирно разстилалось у нашихъ ногъ, и снова наблюдалось на немъ тихое вращательное движеніе, затѣмъ опять, черезъ неправильныя паузы отъ $^1/_2$ до 1 часа повторяя взрывы и т. д.

Не безъ труда спустились мы по очень крутымъ, изрытымъ, потоками воды, стѣнамъ кратера къ озеру, и тутъ я могъ установить,

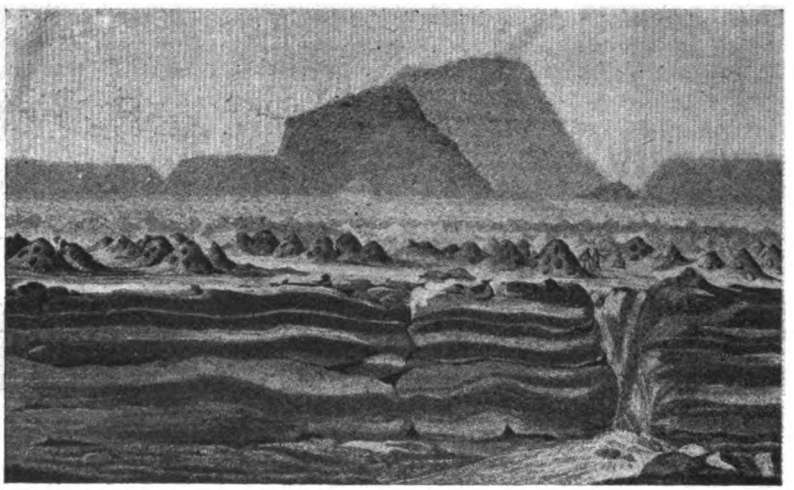


Рис. 38. Вулканъ Іорулло въ Мексикѣ, какъ примѣръ образовавшагося въ новое время кратера. Возникшія прежде тысячи небольшихъ конусообразныхъ образованій (Горнито), теперь исчезнувшіе, окружали происшедшіе ночью 29-го сентября 1759 г. огромные кратеры. (По рис. Ал. Гумбольдта въ 1804 г.).

что оно состояло изъ очень насыщенной кислотою воды и получило свой бѣлый, какъ молоко, видъ отъ тончайше размельченныхъ частичекъ сѣры. Температура озера (въ мартѣ 1899 г.) была $+59^0$. Во времена сильнаго возбужденія температура его значительно поднимается, фонтанъ ила бьетъ стройнымъ столбомъ, который въ 1888—1889 годахъ нерѣдко возвышался болѣе чѣмъ на 60 метровъ надъ уровнемъ озера. Въ цѣломъ — это гейзероподобное явленіе, гдѣ поднятый со дна черный ила составляетъ разительный контрастъ съ бѣлизною озера.

Между тѣмъ какъ у большей части вулкановъ наступаютъ черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки времени страшныя изверженія, а иные часто довольно долго проявляютъ дѣятельность умѣренной силы, существуетъ значительное число вулкановъ, которые въ теченіе всего историческаго періода жизни человѣчества оставались совершенно спокойными или подавали слабые признаки своей внутренней жизни испареніями сѣры, какъ Сольфатара у Поццуоли, углекислоты (Мофетты), борной кислоты и другихъ газовъ или водяныхъ паровъ.

До сихъ поръ нѣтъ еще общепризнаннаго, удовлетворительнаго объясненія вулканическихъ явленій и, смотря по различію во взглядахъ отдѣльныхъ изслѣдователей на свойства внутренности земли, ихъ взгляды и на природу вулканическихъ явленій весьма различны. Но мнѣнію Пулепатъ-Скропа, всѣ вулканы находятся на трещинахъ и произошли постепенно вслѣдствіе насыпи изверженныхъ рыхлыхъ матеріаловъ, истеченія лавы или взаимодѣйствія обоихъ факторовъ. Если каналы, соединяющіе внутренность земли съ ея поверхностью, закрываются, то погасаютъ и данные вулканы, въ противномъ случаѣ они дѣйствуютъ. Подземная горячая каменная магма пропитана водою. Если послѣдняя подъ дѣйствіемъ внутренняго жара достигаетъ температуры этой массы, развиваетъ высокое напряженіе паровъ, испытывающихъ огромное давленіе, производитъ землетрясеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трещины въ земной корѣ и, наконецъ, изверженія. Вулканы служатъ такимъ образомъ предохранительными клапанами и защищаютъ окружающее отъ опустошительныхъ землетрясеній. Такъ какъ впослѣдствіи внутренность земли неоднократно считалась застывшею, то вулканическія явленія пытались объяснить чисто механическими процессами. Фольгеръ (1857), Фр. Моръ (1866) и Робертъ Маллетъ (1873) предполагали, что механическая работа производимая провалами земной коры и ея давленіемъ на внутренность земли должна была превратиться въ теплоту, которая способна расплавить каменныя породы. Расплавленная каменная масса при вліяніи на нее воды могла быть извергнута съ явленіями взрыва, т.-е. при этихъ условіяхъ могли произойти вулканическія изверженія. Эта остроумная теорія не могла, однако, найти себѣ твердой опоры: уже относительная однородность изверженной лавы говоритъ противъ нея. Эд. Зюссъ и Престичъ (Prestwich) допускаютъ, напротивъ, выдавливаніе магмы движеніями земной коры, въ то время какъ Дана и многіе другіе усматриваютъ въ водяномъ парѣ ту силу, которая поднимаетъ лаву и обусловливаетъ явленія взрыва. Приверженцы этого ученія обыкновенно ссылаютсл на то, что огромное число вулкановъ находится вблизи моря и отсюда считаютъ необходимымъ заключить, что море питаетъ вулканическіе очаги водою и этимъ вызываетъ изверженія. Съ расширеніемъ нашихъ географическихъ знаній, благодаря научнымъ путешествіямъ, установлено, однако, что, напр., въ центрѣ Азіи и Африки, вдали отъ моря или большихъ озеръ имѣются также вулканы; слѣдовательно, вулканическія явленія могутъ и не зависѣть отъ большихъ скопленій воды.

Тотъ фактъ, что многіе вулканы находятся вблизи моря, особенно по берегу Тихаго океана, большею частью объяснялся тѣмъ, что вулканы встрѣчаютъ самыя благопріятныя условія для ихъ происхожденія, именно въ поясахъ сдвиговъ и изломовъ, такъ какъ тамъ противодѣйствіе земной коры представляетъ наименьшую силу и что такіе пояса излома указываютъ намъ края великихъ океаническихъ областей опусканія. Вообще полагали, что вулканы въ ихъ происхожденіи и распредѣленіи вполнѣ зависятъ отъ строенія горъ и что они были воздвигнуты на существовавшихъ уже трещинахъ. Но и въ настоящее время это воззрѣніе находитъ много защитниковъ.

В. Бранко, между тѣмъ, сдѣлалъ вѣроятнымъ на основаніи своихъ изслѣдованій «125 вулкановъ-эмбріоновъ въ Швабіи», что эти маленькія вулканическія образованія независимы отъ трещинъ, но путемъ взрыва

пробили себѣ трубовидный путь чрезъ мощные каменные пласты швабской горы. Такъ какъ вслѣдъ затѣмъ А. Добрэ доказалъ экспериментально, что газы подъ высокимъ давленіемъ обладаютъ огромною пробивающею силою и могутъ просверлить въ камнѣ каналъ, подобный произведенному выстрѣломъ, то гипотеза Бранко нашла многихъ приверженцевъ.

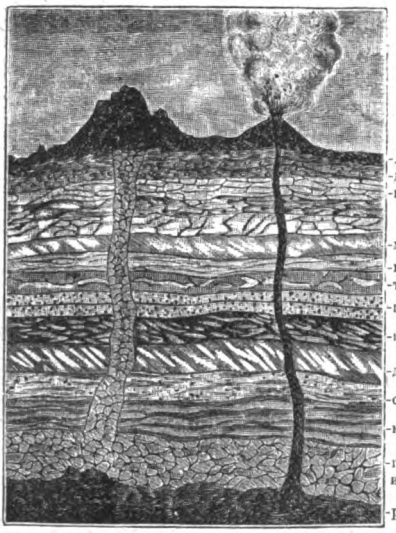


Рис. 39. Идеальный разрѣзъ черезъ земную кору съ соединительными каналами между огненножидкой внутренностью земли и ея поверхностью. Налѣво—гора, образованная изверженной застывшей лавы; направо—дѣйствующій вулканъ. (По Эмилю Витъ, «Земная кора». Парижъ. 1874).

Хотя, съ одной стороны, нельзя отрицать, что многіе вулканы разсѣяны неправильно и независимы отъ какой бы то ни было трещины въ земной корѣ, съ другой—точно также безспорно, что, дѣйствительно существуетъ рядовое расположеніе многихъ другихъ вулкановъ. Такъ я, напр., могъ видѣть одновременно съ вершины Момотомбо въ Никарагуа или съ Санта-Марія въ Гватемалѣ множество вулкановъ, поднимавшихъ одинъ за другимъ по прямой или слегка изгибающейся линіи, причемъ ни вправо, ни влѣво отъ этого ряда не было замѣтно никакихъ вулканическихъ образованій. Предъ лицомъ такихъ фактовъ нельзя не признать, что подобный порядокъ не можетъ быть дѣломъ случая, а долженъ безусловно зависѣть отъ какихъ-либо законосообразныхъ причинъ. При этомъ совершенно безразлично, принято ли, что причину явленія составляетъ образовавшаяся въ земной корѣ трещина, которая не открывается на поверхности, а протекаетъ внутрь до самаго очага магмы, или же узкая, на подобіе повязки, полоса наименьшаго сопротивленія земной коры.

Такъ какъ при нѣкоторыхъ изверженіяхъ водяные пары играютъ значительную роль, то многіе ученые еще до сихъ поръ считаютъ эти пары главною причиною изверженій; но ясно, что такое объясненіе совершенно непримѣнимо къ изверженіямъ лавы, такъ какъ здѣсь водяной паръ отступаетъ совершенно на задній планъ. Потому-то Дана считалъ необходимымъ признать независимую отъ напряженія водяного пара поднимающую силу.

Штюбель видитъ эту поднимающую силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основную причину всѣхъ вулканическихъ процессовъ, въ расширеніи, которое должна была испытывать огненно-жидкая магма въ теченіе процесса охлажденія. Такимъ образомъ произошелъ панцырный покровъ, который распростерся подъ первоначальной корою остывшей земли и подобными же процессами объясняются вулканическія явленія на земной поверхности. Остатки огненно-жидкой магмы существуютъ внутри панцырнаго покрова еще въ большомъ количествѣ, но пространственно

она болѣе тѣсно ограничена и, въ то время какъ магма, находящаяся въ такихъ близъ лежащихъ («периферическихъ») къ земной поверхности очагахъ, вступаетъ въ стадію увеличенія объема, она производитъ вулканическія изверженія. Штюбель самъ говоритъ въ своей «Рѣчи о мѣстопребываніи вулканическихъ силъ въ настоящее время (1901) слѣдующее: «Строго придерживаясь кантъ-лапласовской теоріи, необходимо признать причиной всѣхъ вулканическихъ явленій процессъ охлажденія, который происходилъ и происходитъ сейчасъ въ огненно-жидкомъ веществѣ земного шара, чтобы перейти, наконецъ, въ твердое состояніе. Съ затвердѣніемъ вещества угасаетъ вулканическая дѣятельность. Огненно-жидкая масса, поэтому, сама носительница вулканической силы».

Необходимымъ слѣдствіемъ процесса охлажденія является временное выталкиваніе огненно-жидкой магмы изъ внутренности земли на ея поверхность. Это выталкиваніе является неоспоримымъ фактомъ, оно доказано было непосредственнымъ наблюденіемъ. Всѣ вулканическія образованія, въ особенности огромное число недѣйствующихъ вулканическихъ горъ, въ противоположность очень небольшому числу дѣйствующихъ, доказываютъ это, также какъ и отношеніе всѣхъ еще существующихъ центровъ изверженій.

Какими физическими или химическими процессами вызываются главнѣйшія явленія изверженій, временное выталкиваніе извѣстнаго коли-

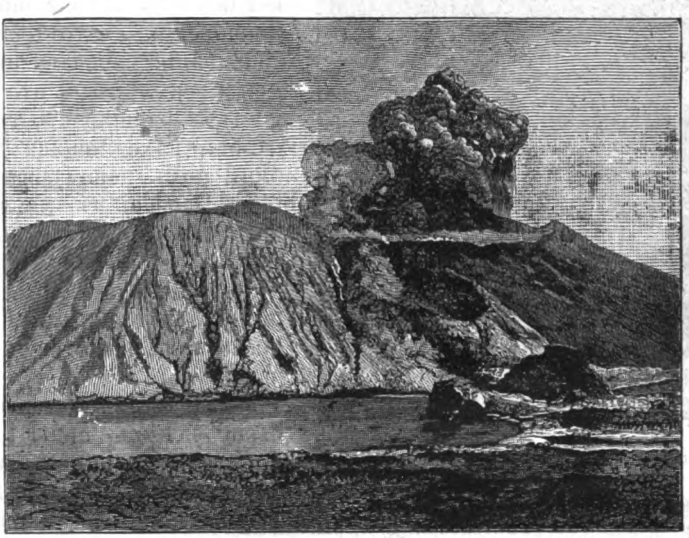


Рис. 40. Изверженіе «Вулкана» (Липарскіе острова) въ 1883 г. (По фотографіи Сильвестри).

чества огненно-жидкой магмы, это еще и въ настоящее время не можетъ быть твердо установлено, но, по всей вѣроятности, причина заключается въ измѣненіи объема, какъ оно обыкновенно происходитъ при всякомъ процессѣ охлажденія. Нельзя же считать довольно обоснованнымъ положеніе, что съ переходомъ магмы изъ расплавленно-жидкаго состоянія въ твердое происходитъ уменьшеніе ея объема, тѣмъ не менѣе можно допустить съ большою вѣроятностью, что въ теченіе процесса охлажденія огненно-жидкой магмы наступаетъ стадія молекулярнаго

увеличенія объема, которая можетъ быть связана съ огромнымъ, всевозрастающимъ развитіемъ энергіи и что, именно, этою-то стадіею и обусловливается временное выступаніе наружу расплавленной матеріи.

Къ этому мощному выступанію присоединяется второй съ не меньшей вѣроятностью доказанный факторъ—въ общемъ огромное содержаніе газовъ въ расплавленномъ веществѣ. Это содержаніе газовъ, всякій разъ какъ вслѣдствіе постепеннаго просверливанія выхода, наступаетъ уменьшеніе давленія на глубинную магму, производитъ настоящее вскипаніе,—свойство, которое безусловно должно быть признанно за огненно-жидкой магмой, несмотря на ея высокій удѣльный вѣсъ, потому что она, какъ это можно доказать и для ея твердаго состоянія, сплошь пропитана газомъ. Это свойство внезапнаго вскипанія имѣетъ своимъ слѣдствіемъ, съ другой стороны столь же внезапное сокращеніе объема, какъ скоро отдана часть газовъ. Способность расширяться должна быть значительна во внутреннихъ частяхъ застывшей коры уже потому, что она съ необходимостью проявляется при всякомъ уменьшеніи давленія, производимаго на магму въ глубинѣ очага и такимъ образомъ совершенно исключаетъ возможность возникновенія пустотъ при выталкиваніи расплавленной магмы. Сверхъ того, эта способность къ расширенію требуетъ, чтобы находящаяся въ глубинѣ подъ неизмѣримо высокимъ давленіемъ магма обладала гораздо болѣе высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ, чѣмъ происходящій изъ нея отвердѣвшій продуктъ, хотя и его плотность намъ кажется еще очень высокой.

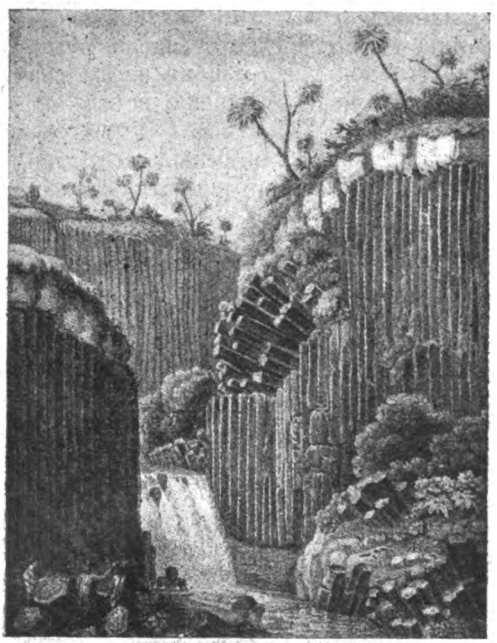


Рис. 41. Колонны базальта при водопадѣ Регла въ Мексикѣ.
Эти базальтовыя колонны состоятъ, подобно такимъ же колоннамъ Фингаловой пещеры (см. рис. 34), изъ застывшей изверженной массы, которая въ третичный періодъ была вытѣснена въ огненножидкомъ состояніи изъ раскаленной внутренности земли.

«Хотя до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытки установить экспериментально оба эти свойства огненно-жидкаго вещества,—молекулярную расширяемость и расширяемость газовъ, а также и границы ихъ отношеній въ отдѣльности и во взаимномъ дѣйствіи, однако мы въ правѣ утверждать, что вулканическія явленія могутъ быть удовлетворительно объяснены на основаніи такого отношенія во всей совокупности ихъ проявленія. И мы будемъ придерживаться этой гипотезы до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана ее неправильность или ея мѣсто не заступитъ болѣе основательное объясненіе». И въ другомъ мѣстѣ Штюбель поясняетъ:» Первое пробужденіе периферическаго очага, повидимому всегда связано съ наиболѣе разрушительными проявленіями, всѣ позднѣйшія дѣйствія того же очага по силѣ остаются далеко по-

зади; поэтому гора, которую этотъ очагъ смогъ создать во все время своего существованія, была уже почти окончена въ своемъ строеніи при первомъ пробужденіи его дѣйствія. Множество периферическихъ очаговъ навсегда истощили свою силу послѣ одного изверженія. Отсюда-то безчисленное множество погасшихъ вулканическихъ горъ всевозможныхъ размѣровъ». У другихъ вулканическихъ горъ должна была наступить очень длинная «пауза послѣ первичнаго истощенія», но затѣмъ, во время второго изверженія былъ установленъ легко проходимый путь сообщенія въ видѣ шахты, «благодаря которой даже самые незначительныя процессы въ очагѣ обнаруживались уже на земной поверхности. Доказательствомъ двукратнаго главнаго дѣйствія многихъ очаговъ служитъ образованіе двойныхъ горъ типа Самма-Везувій, которое повторяется съ удивительнымъ постоянствомъ во всѣхъ вулканическихъ областяхъ».

Глубокая по мысли и оригинальная теорія вулкановъ Штюбеля встрѣтила какъ союзниковъ, такъ и противниковъ, и въ воздухѣ носится, что изъ-за нея долженъ загорѣться сильный споръ. Противники теоріи Штюбеля слабѣйшимъ пунктомъ ея считаютъ неспособность ея доказать, что магма дѣйствительно, вступаетъ при охлажденіи въ стадію

Рис. 42. Монъ-Пелэ на островѣ Мартиники передъ изверженіемъ въ маѣ 1902 г.

расширенія, и такъ какъ этотъ вопросъ едва ли можетъ съ увѣренностью быть разрѣшенъ экспериментально, то трудно достигнуть окончательнаго рѣшенія за или противъ данной теоріи. Самое замѣчательное въ теоріи Штюбеля—это положеніе о насильственномъ происхожденіи вулканическихъ горъ, сводящемся на единственное изверженіе, между тѣмъ какъ, согласно Пуллетъ-Скорпу, мы привыкли здѣсь видѣть процессъ образованій, которыя происходятъ вслѣдствіе постепеннаго насыпанія или многократнаго изліянія лавы.

Но Штюбель не остается совершенно одинокимъ въ своихъ взглядахъ, которыя отдаленно напоминаютъ основныя идеи Леопольда фонъ-Буха. Еще недавно (1901 г.) *В. Бранко* и *Эбергардъ Фраасъ* опубликовали свои наблюденія въ Рисѣ у Нёрдлингена, которыя указываютъ, что вулканической силой глыбы коричневой юры были перегнуты надъ болѣе молодой бѣлой юрой; подобнымъ же образомъ объясняютъ оба названные изслѣдователи похожія и въ высшей степени замѣчательныя соотношенія Штейнгеймерскаго бассейна (Вюртембергъ). Но

въ Рисѣ повсюду на поверхность земли проникли вулканическія породы, тогда какъ въ Штейнгеймеровской котловинѣ они совершенно отсутствуютъ, это, повидимому, еще болѣе затрудняетъ объясненіе Бранко и Фроаса, что причиною подобнаго нарушенія могъ быть какой-нибудь лакколитъ, т.-е. подземная застывшая вулканическая порода.

Въ 1901 г. Гаусманъ при его магнитныхъ изысканіяхъ близъ Вюртемберга и именно у Штейнгейма констатировалъ до того значительныя нарушенія магнетическихъ элементовъ, что на нѣмецкомъ метеорологическомъ съѣздѣ въ Штуттгартѣ въ 1901 г. онъ ясно изложилъ необходимость допущенія большого подземнаго отложенія магнитнаго желѣза или базальта. Вѣроятно, теперь будетъ возможно точнѣе опредѣлить при болѣе детальныхъ магнитныхъ изслѣдованіяхъ Штейргауровой области также положеніе и протяженіе этой предполагаемой залежи базальта и такимъ образомъ мы получили бы возможность кинуть взоръ въ замкнутыя глубины земли. Если это въ данномъ случаѣ не имѣетъ большого значенія, то все же мы питаемъ надежду, что человѣческому уму удастся другимъ способомъ опустить когда-нибудь зондъ въ земную кору гораздо глубже, чѣмъ это удавалось до сихъ поръ.

Бранко и Фроасъ съ ихъ объясненіемъ рисскаго напластованія отчасти возвратились къ теоріи поднятія Буха, пытаясь доказать, что извѣстныя тектоническія нарушенія являются слѣдствіемъ вулканическихъ процессовъ, между тѣмъ какъ во второй половинѣ XIX-го столѣтія, наоборотъ, привыкли разсматривать вулканы и ихъ распространеніе, какъ слѣдствіе тектоническихъ отношеній. Эта основная разница въ воззрѣніяхъ должна повести рано или поздно къ полному разладу, наступленія котораго мы ожидаемъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Но каково бы ни было разрѣшеніе этого вопроса, необходимо, во всякомъ случаѣ, отмѣтить огромное значеніе того факта, какія глубокія измѣненія претерпѣли воззрѣнія на вулканическую дѣятельность въ теченіе одного столѣтія, и мы должны извлечь отсюда то великое положеніе, что не слѣдуетъ возводить въ догматъ какую бы то ни было теорію, хотя бы ее принялъ весь современный міръ. Въ естествознаніи никогда не должно умереть сомнѣніе: только оно составляетъ пробный камень правильности выводовъ, только оно вѣчно ищетъ новый путь къ уясненію и только имъ обусловливается прогрессъ.

Между тѣмъ какъ Штюбель, а также Бранко и Фроасъ исходятъ изъ наблюденія фактическихъ отношеній и отсюда дѣлаютъ свои выводы, Свантъ Арреніусъ (Svante Arrhenius) болѣе опирается на теоретическія соображенія. Соотвѣтственно своимъ воззрѣніямъ на характеръ земной внутренности, онъ ищетъ очагъ вулканическихъ явленій не въ земной корѣ, а поясѣ огненно-жидкой каменной магмы. Въ послѣднюю проникаетъ въ газобразномъ видѣ вода и ею поглощается. Объемъ магмы увеличивается при этомъ на объемъ поглощенной воды. Магма поднимается по вулканической трубѣ и когда эти массы, содержащія въ себѣ воду достигаютъ среды съ меньшимъ давленіемъ, близкимъ къ нашему атмосферному, то происходятъ взрывы паровъ; когда же вслѣдъ за этимъ послѣдуетъ охлажденіе, то наступаетъ снова покой. Если труба очень широка, то сильныхъ взрывовъ не происходитъ, только на поверхность съ трескомъ вылетаютъ вырывающіеся пары и медленно изливается лава. Арреніусъ пытается точно также свести механическіе процессы движенія магмы къ простымъ основнымъ причинамъ, сравнивая при этомъ дѣятельность вулкановъ съ гейзерами, какъ

онъ объясняетъ и химическія измѣненія внутри магмы тѣмъ, что вода при очень высокой температурѣ дѣйствуетъ, какъ крѣпкая кислота, которая можетъ выдѣлить кремневую кислоту изъ ея соединеній, при пониженіи же температуры процессъ идетъ въ обратномъ порядкѣ. Допуская такіе химическіе процессы, можно легче понять и различіе въ химическомъ составѣ, а именно различія содержанія кремневой кислоты въ лавѣ, происходящей изъ одного и того же вулкана. Если эти идеи Арреніуса вполнѣ современны, то его мнѣніе, что вулканы должны находиться вблизи моря и питаться его водами, напоминаетъ что-то ужъ слишкомъ устарѣлое, также какъ и его представленіе о томъ, что трещины проходятъ черезъ всю земную кору до пояса расплавленной магмы. Такъ какъ между послѣдней и твердой земной корой долженъ находиться довольно широкій переходный поясъ вязкой, полутвердой массы, то трудно понять, какимъ образомъ трещина могла бы остаться на протяженіи всего этого слоя открытой. Гораздо легче, напротивъ, представить себѣ, что трещина можетъ достигнуть близко лежащаго къ поверхности очага магмы и тотъ фактъ, что туфовыя трубки

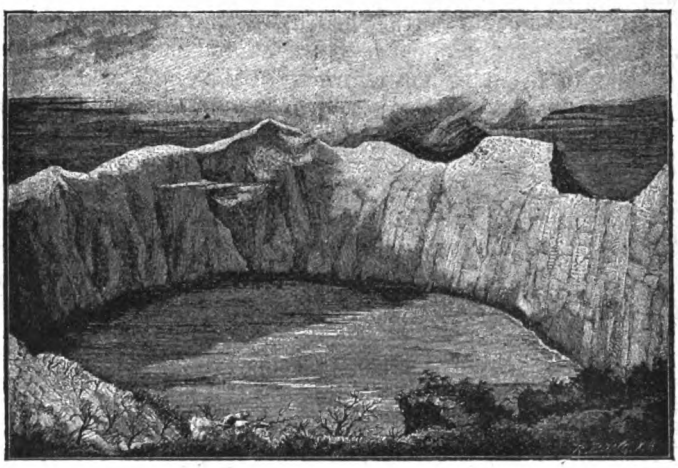


Рис. 43. Кратеръ вулкана Суфріеръ на С.-Вицентѣ (Антильскія острова).

швабскихъ «вулкановъ-эмбріоновъ» часто обладаютъ чрезвычайно малымъ діаметромъ, повидимому, дѣйствительно, указываетъ на очагъ магмы, находящійся очень не глубоко отъ земной поверхности. За существованіе не глубоко лежащихъ «периферическихъ очаговъ» говоритъ также, по мнѣнію Штюбеля, большая неравномѣрность въ увеличеніи теплоты по мѣрѣ углубленія въ почву, въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности. Въ то время какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при углубленіи на каждые 12 метровъ слѣдуетъ увеличеніе температуры на 1° Ц., въ другихъ это происходитъ только съ углубленіемъ на 60—70 метровъ; въ большинствѣ же случаевъ повышеніе температуры на 1 Ц. слѣдуетъ при углубленіи на 25—35 метровъ.

Всякому, кто вмѣстѣ съ Штюбелемъ допуститъ «периферическіе очаги магмы», очень легко будетъ понять также и безпорядочное расположеніе группы вулкановъ. При незначительной глубинѣ очага весьма понятно, что взрывчатыя проявленія магмы открываютъ себѣ путь

черезъ относительно тонкую часть земной коры, пробивая взрывомъ трубки или разщелины въ видѣ пропастей, а также и цѣлую систему пропастей и трещинъ. Размѣръ и значеніе очага магмы ясно обнаруживаются въ протяженіи вулканической области и въ объемѣ вулканическихъ образованій. Поразительное склоненіе вулкановъ по берегамъ Великаго океана не такъ легко, однако можетъ быть объяснено случайнымъ скопленіемъ периферическихъ очаговъ въ этой береговой зонѣ, но тутъ слѣдуетъ окончательно допустить первоначальную связь между распредѣленіемъ вулкановъ и проваломъ мощнаго океаническаго бассейна.

Правда, вулканы совсѣмъ не расположены непрерывной и изящно распредѣленной цѣпью, въ непосредственной близости къ морю. Напротивъ, между отдѣльными вулканическими областями существуютъ значительные пробѣлы, удаленіе нѣкоторыхъ вулкановъ отъ моря достигаетъ сотенъ километровъ, расположеніе въ рядъ только рѣдко выражено такъ ясно, какъ въ средней Америкѣ, однако, вопреки этому, можно замѣтить болѣе или менѣе широкую полосу, которая изобилуетъ вулканами, расположенными вдоль берегового излома Тихаго океана. Можно, конечно, представить себѣ приблизительно, что, при провалѣ такого огромнаго океана, периферическая магма посредствомъ особаго рода вдавливанія была втиснута въ нѣдра земной коры и нашла себѣ мѣсто для изверженія внутри поясообразной полосы, вслѣдствіе ея наименьшаго сопротивленія и сильнаго потрясенія и перемѣщенія въ ея пластахъ. Подобнымъ же образомъ можетъ быть объяснено возникновеніе вулкановъ въ центральныхъ областяхъ Африки.

Въ общемъ, слѣдуетъ признать, что полное объясненіе вулканической дѣятельности принадлежитъ еще далекому будущему и пока еще трудно предвидѣть, какъ будутъ примирены столь противоположныя мнѣнія.

Землетрясенія.

Гораздо болѣе мирнымъ образомъ развивалось во второй половинѣ XIX-го столѣтія ученіе о землетрясеніяхъ. Прежде господствовало еще Гумбольдтовское воззрѣніе о вулканической природѣ землетрясеній; но уже въ 1873 – 1874 годахъ двѣ монографіи Эдуарда Зюсса о землетрясеніяхъ въ Нижней Австріи и Южной Италіи выставили новую точку зрѣнія и съ тѣхъ поръ почти всѣ склонны признавать, что землетрясенія вызываются не только вулканическими факторами и провалами подземныхъ пустотъ, но и горообразующими процессами, каковы складки, сдвиги и прочія перемѣщенія частей земной коры. Къ послѣднему классу землетрясеній (дислокаціонныя и тектоническія колебанія) принадлежитъ большинство широко распространяющихся потрясеній земли, между тѣмъ какъ землетрясенія вулканическія и происходящія отъ проваловъ колебанія ограничены незначительнымъ кругомъ распространенія. Алексисъ Перрей и независимо отъ него Рудольфъ Фальбъ создали другую теорію, которая пытается объяснить землетрясенія явленіями прилива огненно-жидкой внутренности земли вслѣдствіе притяженія луны, а также солнца и другихъ планетъ. Но такъ какъ за эту теорію не говорятъ ни статистическія данныя, ни теоретическія соображенія, то она не нашла доступа въ научные круги.

Наука о землетрясеніяхъ сдѣлала крупный шагъ впередъ, благодаря усовершенствованію методовъ наблюденія и учрежденію наблю-

дательныхъ станцій. Между тѣмъ какъ изъ прошлыхъ временъ мы имѣемъ только разрозненныя извѣстія о наиболѣе поразительныхъ явленіяхъ этого рода, въ послѣднее время въ культурныхъ странахъ землетрясеніямъ удѣляется особое вниманіе. Не только описываются всѣ землетрясенія, которыя доступны простому наблюденію, но посредствомъ самопишущихъ, чрезвычайно чувствительныхъ аппаратовъ (особенно горизонтальнаго маятника Рёберъ-Пашвица) зарегистровываются легкія колебанія, неуловимыя для обыкновенныхъ органовъ чувствъ человѣка. Такія легкія (микро-сейсмическія) сотрясенія могутъ происходить отъ тѣхъ же причинъ, что и сильныя (макро-сейсмическія) сострясенія, но могутъ быть вызваны также и порывами вѣтра, прибоемъ волнъ, водопадомъ, провозомъ тяжестей и т. д., также какъ и колебаніями атмосфернаго давленія и не менѣе значительнымъ вліяніемъ смѣны дня и ночи. Наблюдательныя станціи надъ землетрясеніями превосходно организованы, конечно, въ странахъ, гдѣ землетрясенія наиболѣе часты—въ Японіи и Италіи. Но и въ другихъ мѣстахъ горячо приступили къ работѣ, и въ Страсбургѣ съ очень недавняго времени устроена подъ руководствомъ Герланда, центральная станція для изслѣдованія землетрясеній, призванная къ тому, чтобы оказывать помощь въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ еще очень темныхъ вопросовъ сейсмологіи.

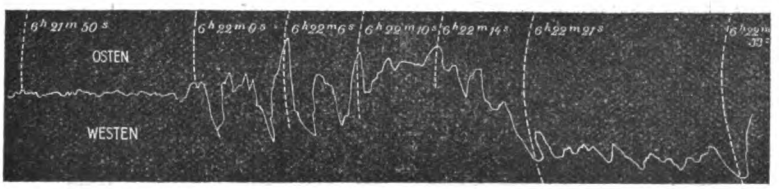


Рис. 44. Кривая хода землетрясенія, записанная самопишущимъ приборомъ.

Очагъ землетрясенія, прежде всего, попытался опредѣлить Р. Маллетъ въ 1862 г. по направленію трещинъ въ зданіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по направленію толчка; за нимъ Карлъ фонъ-Зебахъ—по времени, а еще позднѣе Дюттонъ—по интенсивности землетрясенія вычисляетъ положеніе его очага, такъ какъ очевидно, что сотрясенія въ тѣхъ частяхъ земной поверхности, которыя лежатъ непосредственно подъ очаговъ землетрясенія (эпицентръ), ощущаются прежде всего, внезапно и всего сильнѣе, въ большемъ же отдаленіи отъ него всегда позднѣе и въ общемъ съ меньшею силою. Такимъ путемъ было найдено, что у большого числа изслѣдованныхъ землетрясеній ихъ очагъ находится на относительно незначительной глубинѣ (отъ 3 д. 40 километр.). Между тѣмъ какъ очагъ землетрясенія въ Бенгалѣ въ 1880 году долженъ былъ находиться на глубинѣ 72 километровъ, очагъ землетрясенія въ Раухенъ-Альба въ 1890 былъ на глубинѣ только 100 метровъ. Съ примѣненіемъ этого метода было найдено также, что нѣкоторые очаги представляютъ собою точку, другіе линію, а третьи даже плоскость. Скорость, съ которой распространяется землетрясеніе, колеблется между 300 и 1.000 метровъ въ секунду, между тѣмъ какъ легкія микросейсмическія волны пробѣгаютъ съ гораздо большей быстротой, а именно, со скоростью отъ 2 до 10 километровъ въ секунду.

Ф. А. Форель и Росси сдѣлали попытку выразить степень интен-

сивности землетрясенія по скалѣ, раздѣленной на 10 частей, причемъ за единицу дѣленій были приняты микро-сейсмическія колебанія, а за 10—сильнѣйшія землетрясенія, разрушающія цѣлыя города. Если соединить между собою на картѣ линіей всѣ мѣста, которыя имѣли одинаковую интенсивность сотрясенія, то, на основаніи такой изосейсмической карты, можно опредѣлить величину области, въ которой сотрясеніе чувствовалось съ извѣстной минимальной силой. Такимъ образомъ область карлстоунскаго землетрясенія 1886 г. была опредѣлена въ 2,3 милліона кв. километровъ. Наибольшая интенсивность ограничивается ничтожною поверхностью, самая слабая обнимаетъ огромное пространство, и микро-сейсмическія движенія, въ которыхъ замираютъ землетрясенія, часто могутъ быть еще обнаружены въ огромномъ отдаленіи (до 9,000 километровъ). Величина области и интенсивность не находятся, однако, въ опредѣленныхъ между собою отношеніяхъ, такъ какъ часто слабое сотрясеніе достигаетъ большаго распространенія, сильное же только весьма незначительнаго, но часто замѣчается и обратное.

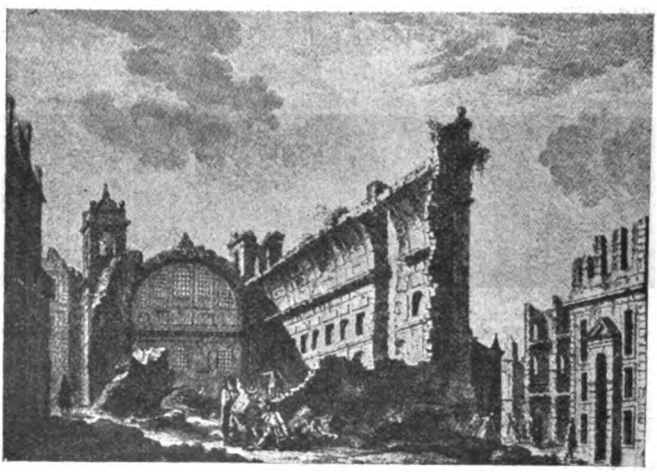


Рис. 45. Разрушительныя дѣйствія большого землетрясенія въ Лиссабонѣ въ 1755 г.

Число землетрясеній чрезвычайно велико, какъ это сдѣлалось извѣстнымъ со времени систематическихъ наблюденій, и весьма вѣроятно, что почти всегда гдѣ-нибудь на земной поверхности происходитъ сотрясеніе. Рѣдко землетрясеніе состоитъ изъ одного толчка, обыкновенно слѣдуетъ нѣсколько толчковъ съ болѣе короткими или болѣе длинными интервалами. Иногда цѣлый рядъ землетрясеній слѣдуютъ одно за другимъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мѣсяцевъ или годовъ, явленіе, которому обыкновенно даютъ названіе «роя землетрясеній». Часто землетрясенія сопровождаются подземнымъ шумомъ, который нерѣдко звучитъ, какъ раскаты или громъ, часто же, какъ грохотъ орудійныхъ или ружейныхъ выстрѣловъ. Поэтому, иногда, въ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, гарнизоны въ городахъ били тревогу, такъ какъ имъ казалось, что гдѣ-то происходитъ сраженіе. Иногда подземный гулъ связанъ съ неощущаемымъ землетрясеніемъ и, повидимому, это особенно часто случается въ известковыхъ обла-

стяхъ, гдѣ сотрясеніе земли происходятъ вслѣдствіе обваловъ подпочвенныхъ пустотъ.

Землетрясенія обнаруживаются или толчками, или волнообразными движеніями. Первый родъ движенія преимущественно свойственъ эпицентру, послѣдній болѣе отдаленной области распространенія сотрясенія. Волнообразное движеніе не только не чувствуется, но часто и невидимо для глаза, хотя на поверхности земли проходятъ дѣйствительныя слабыя волны. Но какъ бы ни было незначительно это волнообразное движеніе, оно можетъ сдѣлаться чувствительнымъ, встрѣтивъ по пути препятствіе въ видѣ высоко поднимающагося вверхъ предмета, напримѣръ, стройныхъ высокихъ деревьевъ. Въ дѣвственномъ лѣсу волна землетрясенія можетъ быть слышима по шуму сталкивающихъ между собою древесныхъ вершинъ; сотрясеніе чувствуется въ томъ же моментъ, когда шумъ достигаетъ слуха наблюдателя.

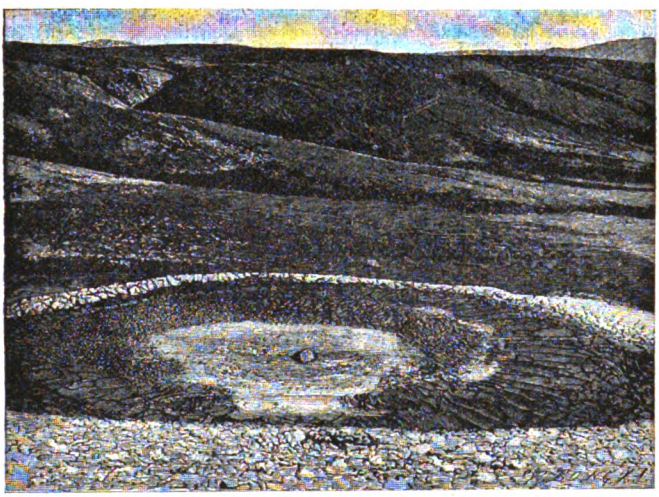


Рис. 46. Кратеро-подобное образованіе, возникшее во время Шемахинскаго землетрясенія.

Если землетрясенія происходятъ на днѣ моря, то они распространяются по водѣ до поверхности моря или озера и могутъ быть замѣчены здѣсь, какъ морскія сотрясенія; поверхность моря остается при этомъ обыкновенно спокойной, между тѣмъ какъ при вулканическихъ изверженіяхъ на моряхъ нерѣдко появляются мощныя волны, заливающія съ опустошительною силой сосѣдніе берега на огромномъ протяженіи.

Въ горахъ землетрясеніе можетъ быть вызвано обвалами, изверженіями огромныхъ грязевыхъ потоковъ. Часто образуются большія расщелины, особенно въ наносныхъ земляхъ, но иногда и въ скалистой или въ вулканической насыпной почвѣ. Нерѣдко расщелины и трещины имѣютъ чрезвычайно большое протяженіе въ 50, 60 и даже свыше 100 километровъ въ длину, причемъ вдоль ихъ происходятъ иногда горизонтальныя передвиженія, достигающія нѣсколькихъ метровъ, какъ, напримѣръ, при японскомъ землетрясеніи 28-го октября 1891 г., или вертикальныя поднятія и опусканія подоб-

ныхъ же размѣровъ, какъ при землетрясеніи 1855 г. на Нордъ-Зеландѣ и въ Калифорніи въ 1872 г. Такія явленія непосредственно доказываютъ, что, по крайней мѣрѣ, часть землетрясеній служитъ

Рис. 47. Дѣйствіе землетрясенія въ 1883 г. на островѣ Искія.

исключительно признакомъ горообразующихъ процессовъ, и отсюда легко понять, что землетрясенія особенно обильны вблизи вулканическихъ областей въ тѣхъ странахъ, къ которымъ прилежатъ линіи наибольшаго излома.

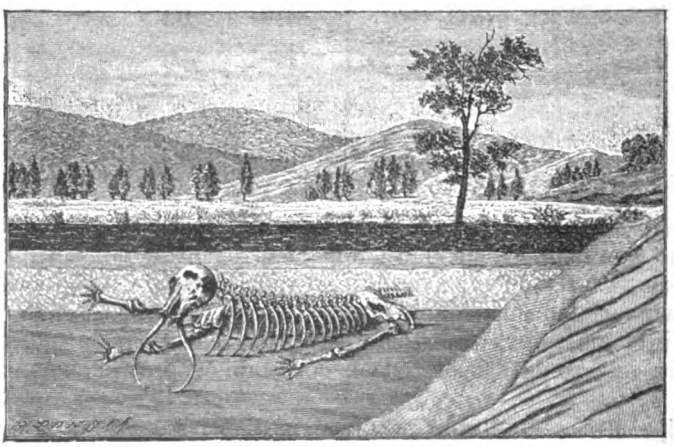


Рис. 48. Разрѣзъ напластованій земной коры со скелетомъ Мастодонта.
По Дж. С. Уорену (Бостонъ. 1885).

Если мы взглянемъ на величайшія горы нашей земли, вздымающіяся на тысячи метровъ и получившія настоящій видъ, благодаря складкамъ и исполинскимъ сгибамъ, и сравнимъ съ ними незначительныя перемѣщенія земныхъ пластовъ, которыя, дѣйствительно, были

наблюдаемы при нѣкоторыхъ изъ самыхъ сильныхъ землетрясеній вдоль только-что образовавшихся расщелинъ на земной поверхности, тогда только мы поймемъ, какую незначительную роль въ исторіи земли играютъ землетрясенія. Между тѣмъ эти естественныя явленія природы представляются человѣку самыми ужасными и гибельными событіями. Тѣмъ не менѣе, какъ бы незначительно ни было вліяніе отдѣльныхъ землетрясеній на конфигурацію поверхности земной коры, мы не должны передъ лицомъ величественныхъ горныхъ вершинъ упускать изъ виду, что послѣднія, по крайней мѣрѣ отчасти, подняты кверху этими, повидимому, незамѣтно малыми обратными передвиженіями. Подумаемъ только, чрезъ какіе огромные періоды времени слѣдуютъ другъ за другомъ

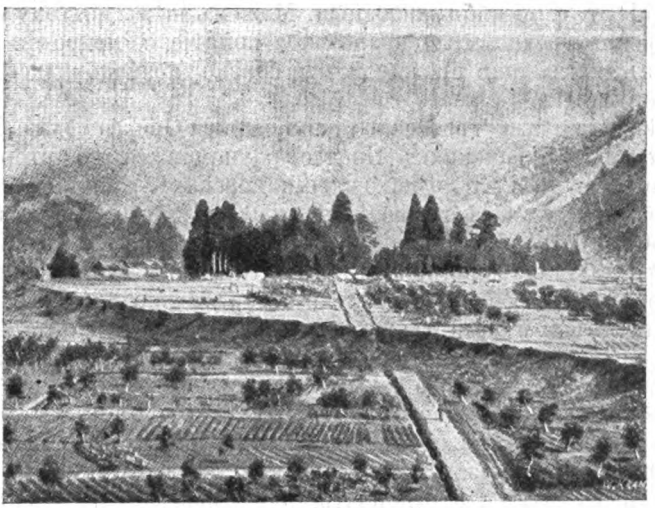


Рис. 49. Перемѣщеніе участка земли вслѣдствіе землетрясенія (Японія).

на томъ же самомъ мѣстѣ большія землетрясенія, и нами невольно овладѣваетъ трепетъ передъ неизмѣримо огромнымъ временемъ, которое было необходимо для созданія нашихъ горъ. Конечно, какъ въ исторіи человѣчества, такъ и въ исторіи земли бываютъ періоды, въ которыхъ пульсъ бьетъ не такъ спокойно, какъ обыкновенно, но лихорадочно ускоренъ, однако мы должны все же представлять себѣ періоды образованія горъ чрезвычайно огромными. Если мы видимъ предъ собою гордо вздымающіяся горы и думаемъ при этомъ, какъ незначительны и эти великія образованія въ сравненіи съ колоссальнымъ земнымъ шаромъ, на которомъ мы живемъ, появляемся на свѣтъ, легкій процессъ развитія котораго мы чувствуемъ, какъ страшное землетрясеніе, и боимся его, тогда насъ охватываетъ чувство изумленія предъ поразительной громадой и величіемъ природы.

III. Окаменѣлости и исторія земли.

Всякій, кто, совершалъ пѣшкомъ большія путешествія, навѣрное встрѣчалъ мѣстности, гдѣ тамъ и сямъ лежали похожія на растенія или животныя каменныя образованія, вывѣтривающіяся на поверхности почвы, или наблюдалъ ихъ въ обнаженныхъ пластахъ крутого

берега рѣки. Если формы эти не очень пострадали отъ тренія или излома, то большею частью всякому наблюдателю безъ дальнѣйшихъ разсужденій становится яснымъ, что въ этихъ окаменѣлыхъ формахъ слѣдуетъ видѣть остатки прежнихъ растеній и животныхъ. Такъ много разъ некультурные народы находили истинное объясненіе явленія, не задумываясь долго надъ проблемой, которую оно собою представляетъ. Выше уже было сказано, что у нѣкоторыхъ народныхъ племенъ существованіе окаменѣлостей послужило поводомъ къ сказаніямъ о всемірномъ потопѣ. Я самъ во время моего путешествія въ центральной Америкѣ могъ убѣдиться, что, дѣйствительно, всѣ некультурные индѣйцы узнавали хорошо сохранившіяся окаменѣлыя раковины и улитокъ, которыя я собралъ дорогою, и называли ихъ «najter xul», т. е. прежнія животныя. Можемъ ли мы поэтому удивляться, что и древніе греки имѣли правильное понятіе о природѣ окаменѣлостей, такъ какъ они прежде всего близко познакомились съ этими образованіями.

По свидѣтельству греческаго отца церкви Оригена, уже Ксенофонъ изъ Колофона, современникъ Пиѳагора, упоминалъ во второй половинѣ VI-го вѣка до Р. Х. о нахожденіи морскихъ раковинъ среди суши и на горахъ; ему были также извѣстны отпечатки рыбъ въ каменноломняхъ Сиракузъ, оттиски листьевъ лавра въ паросскомъ камнѣ и онъ объяснялъ такія находки тѣмъ, что эти вещи существовали, когда все было подобно глинѣ; отпечатки отвердѣли потомъ вмѣстѣ съ глиной. Люди должны были также погибнуть, если нѣкогда земля была покрыта моремъ, а затѣмъ она снова превратилась въ глину; потомъ уже началось новое твореніе.

Лидіецъ Ксанѳъ, жившій около 500 лѣтъ до Р. Х., сообщаетъ, согласно Страбону (I-я, стр. 49), что «онъ самъ видѣлъ нерѣдко вдали отъ моря камни, похожія на черепокожихъ животныхъ, а также отпечатки гребенчатыхъ и створчатыхъ раковинъ, а въ Арменіи и нижней Фригіи болота съ морскою водою, почему онъ и полагаетъ проливъ Чернаго моря прежде не былъ у Византіи, но изливающіяся въ него рѣки мощнымъ натискомъ проложили его и послѣ этого воды могли изливаться въ Пропонтиду и Геллеспонтъ».

Геродотъ также уже упоминалъ о морскихъ окаменѣлостяхъ, которыя встрѣчаются въ Египтѣ и недалеко отъ Аммонскаго оазиса. Эратосѳенъ же сообщаетъ, что въ 2.000, даже 3.000 стадій (т.-е. отъ 350 до 532 килом.) отъ моря во многихъ мѣстахъ суши видны раковины, створки устрицъ и створчатыхъ раковинъ, а также болота съ морскою водою, какъ и около храма Аммона и на 3.000 стадій пути къ нему. Эратосѳенъ, очевидно, считалъ названные окаменѣлости за остатки прежнихъ морскихъ животныхъ, которыя остались послѣ отступленія моря. Латинскій отецъ церкви Тертулліанъ изъ Карѳагена (160—230 г. по Р. Х.), должно быть, имѣетъ въ виду библейскій всемірный потопъ, когда говоритъ: «Вся земля нѣкогда потерпѣла измѣненіе, когда все было покрыто водою; еще и теперь мы находимъ въ горахъ двустворчатыя и улиткообразныя раковины, лежащія на глубинѣ». Точно также Евсевій изъ Цезареи (270 по Р. Х.), отецъ «Исторіи церкви», однажды замѣтилъ: «Что ковчегъ Ноя былъ поднятъ надъ высочайшими горами, это для меня, который пишу эти строки, истина, основанная на очевидности, такъ какъ я видѣлъ нѣкоторыхъ рыбъ, которыя въ мое время были найдены на высочайшихъ вершинахъ Ливанскихъ горъ. Такъ какъ именно оттуда брали камни для построекъ, то тамъ нашли

различныя породы морскихъ рыбъ, которыя спеклись съ иломъ въ каменноломняхъ и, какъ бы просоленныя, сохранились до нашего времени, чтобы свидѣтельствовать намъ о ноевомъ ковчегѣ.

Противъ этихъ естественныхъ взглядовъ появляется теорія Теофраста изъ Лесбоса (368—284 до Р. Х.), въ высшей степени оригинальная. Онъ объяснялъ существованіе окаменѣлыхъ рыбъ, которыхъ находили при Гераклеѣ и въ другихъ мѣстахъ въ Понтѣ и Пафлагоніи, тѣмъ, что онѣ произошли въ землѣ изъ оставшихся рыбьихъ яицъ или что они перешли въ землю изъ моря, или изъ сосѣднихъ рѣчныхъ областей и потомъ сдѣлались землеподобными. Теофрастъ зналъ также и ископаемую слоновую кость и окаменѣлыя кости и полагалъ, что эти вещи были произведены въ землѣ пластическою силою природы. Такое объясненіе настолько странно и фантастично, что нужно удивляться, какъ оно могло вообще пріобрѣсть довѣріе. Однако, оно въ теченіе столѣтій занимало умы и именно между арабскими философами и учеными позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ нашло убѣжденныхъ приверженцевъ. Ибнъ-Зинна (Ibn-Sinna), знаменитый врачъ и философъ, который на Западѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Авицены (980—1037), разработалъ это воззрѣніе далѣе и училъ, что окаменѣлости созданы въ самой землѣ особою творческою силою. Однако, съ другой стороны, онъ признавалъ, что часть ихъ могла произойти посредствомъ превращенія организованныхъ тѣлъ въ камень.

При огромномъ авторитетѣ, которымъ пользовался Авицена въ средневѣковомъ схоластическомъ мірѣ, не можетъ вызвать никакого удивленія то, что его воззрѣнія сдѣлались руководящими на Западѣ. Такъ, Альбертъ Великій въ своемъ произведеніи: «О минералахъ и металлическихъ веществахъ», близко примкнулъ къ Авиценѣ и соотвѣтственно этому говорилъ о томъ, какъ окаменѣлости (напр., панцыри черепахъ) были произведены въ камняхъ, вслѣдствіе «сырости, которая скопилась въ этомъ мѣстѣ отъ испаренія и приняла въ себя жизненное дыханіе». Съ другой стороны, онъ признаетъ также и превращеніе органическихъ существъ въ камень, съ ясной ссылкой на Авицену, когда онъ въ 9 главѣ первой книги вышеназваннаго сочиненія буквально говоритъ слѣдующее: «Всѣмъ кажется удивительнымъ, что иногда встрѣчаются камни, которыя имѣютъ какъ внутри, такъ и снаружи изображенія животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ извнѣ на нихъ запечатлѣны основныя линіи послѣднихъ, а когда. Эти камни разламываютъ, то находятъ въ нихъ изображенія внутренностей. Авицена также полагаетъ причину этого въ томъ, что животныя иногда превращаются въ камень, особенно же въ соленый камень. Онъ говоритъ, что, какъ земля и вода составляютъ вещество камня, такъ и животныя—вещество камня; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ дыханіе камень — образующей силы, тамъ они переходятъ въ свои элементы и получаютъ особенности и свойства, присущія этимъ мѣстамъ, а элементы, которые находятся въ тѣлахъ этихъ животныхъ, превращаются въ господствующій элементъ, являющійся смѣсью земного и воднаго, и затѣмъ минеральная сила превращаетъ ихъ въ самый камень. Однако, они сохраняютъ свой видъ, свои внутренніе и наружные члены, какъ и прежде. Соленые камни этого рода рѣдко тверды, потому что велика должна быть сила, которая превращаетъ такимъ образомъ тѣло животныхъ, она сжигаетъ нѣчто землистое и такимъ образомъ производитъ вкусъ соли. О томъ же свидѣтельствуетъ преданіе о Горгонѣ (Медузѣ), которая, какъ говорили, пре-

вращала въ камень тѣхъ, кто на нее оглядывался. Но Горгоной называли окаменяющую силу, взглядъ назадъ, обращенный къ ней—склонность тѣлесной сырости къ камнеобразующей силѣ».

Я полагалъ, что эту небольшую выдержку изъ сочиненія Альберта Великаго слѣдовало передать буквально, такъ какъ по этому можно судить, что порядокъ мыслей знаменитаго схоластика въ ихъ извилистомъ ходѣ весьма-таки отличается отъ современнаго понятія, которое мы постепенно составили объ окаменѣлостяхъ, какъ органическихъ существахъ, сохранившихъ свою форму, но превращенныхъ въ каменныя образованія, благодаря впитыванію чуждыхъ имъ минеральныхъ веществъ и полнаго или частичнаго замѣщенія прежней организованной субстанціи.

Такъ какъ къ концу среднихъ вѣковъ происхожденіе окаменѣлостей объяснялось двумя совершенно различными способами, то та же неувѣренность и неясность господствовала и въ первыя столѣтія новаго времени. Между тѣмъ какъ нѣкоторые ученые XVI-го столѣтія и

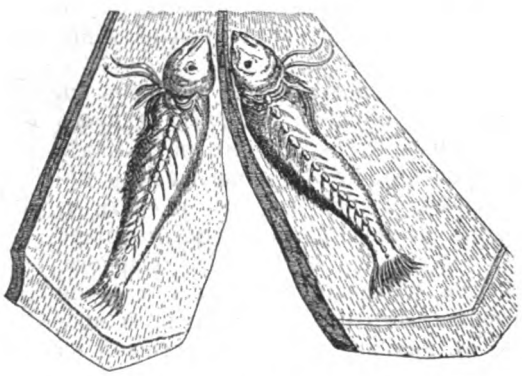


Рис. 50. Отпечатокъ рыбы въ камнѣ. По рис. Афанасія Кирхера (1665 г.).

Рис. 51. Рога Аммона. По рисунку Карла Николая Ланга изъ «Historia lapidum figuratorum» Венеція. 1708.

во главѣ ихъ геніальный художникъ Леонардо да-Винчи (1452--1519) своимъ острымъ взоромъ признали въ окаменѣлостяхъ остатки морскихъ животныхъ, великіе нѣмецкіе естествоиспытатели того времени не отважились еще, какъ Агрикола или швейцарскій врачъ Конрадъ Геснеръ (1516—1565), которому мы обязаны первыми рисунками окаменѣлостей, принять опредѣленной теоріи ихъ происхожденія.

Другіе изслѣдователи XVI, XVII и XVIII-го столѣтія полагали, что окаменѣлости произошли подъ вліяніемъ образующейся соли въ нѣдрахъ земли, нѣкоторые ихъ образованіе подчиняли вліянію звѣздъ, а нѣкоторые считали ихъ за «дивныя шалости природы», и Мартинъ Листеръ (1638--1711, съ 1709 г. лейбъ-медикъ англійской королевы Анны) полагалъ, что неизвѣстная причина производила подражаніе въ камняхъ формамъ живущихъ раковинъ. Луидъ (Ed. Lhwyd), напротивъ, опять примкнулъ къ теоріи Теофраста и утверждалъ, что пары моря вносили въ земные пласты сѣмена рыбъ и другихъ животныхъ и такимъ образомъ служили поводомъ къ происхожденію окаменѣло-

стей, между тѣмъ какъ люцернскій врачъ и членъ совѣта Карлъ-Николай Лангъ (1670—1741) защищалъ мнѣніе, что окаменѣлости произошли изъ сѣмени морскихъ животныхъ, осѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ земли; теплота пробудила въ нихъ дремлющую «vis plastica», и послѣдняя дала имъ впослѣдствіи форму.

Аѳанасій Кирхеръ думаетъ, что natura lithogenetica старается подражать одушевленной природѣ и придаетъ камнямъ образы живыхъ существъ, но иногда и геометрическія и астрономическія формы; такимъ образомъ появляются то изображенія солнца, луны и звѣздъ, то горъ, морей, рѣкъ и лѣсовъ. Случается встрѣчать на шиферномъ камнѣ линіи, напоминающія буквы, сдѣланныя изъ сырой, затѣмъ затвердѣвшей глины; время отъ времени наталкиваемся и на изображенія человѣческой фигуры. Аѳанасій Кирхеръ считаетъ подобныя изображенія на глиняныхъ плитахъ, найденныхъ въ землѣ, произведеніемъ самой природы; по его мнѣнію, всѣ таинственныя силы природы суть проявленія божественнаго могущества. Нѣкоторыя окаменѣлости произошли случайно, другія же являются нарочно сдѣланными моделями, окаменѣвшими впослѣдствіи; въ третьихъ случаяхъ природа постаралась изобразить растительныя формы (дендриты), когда сѣмена растеній оказывались случайно вблизи еще неокрѣпшихъ каменистыхъ массъ. Вліяніе божества вызвало также чудесныя изображенія, какъ, напримѣръ, найденное въ Южной Америкѣ въ дикихъ горахъ Арауканія изображеніе Богоматери.

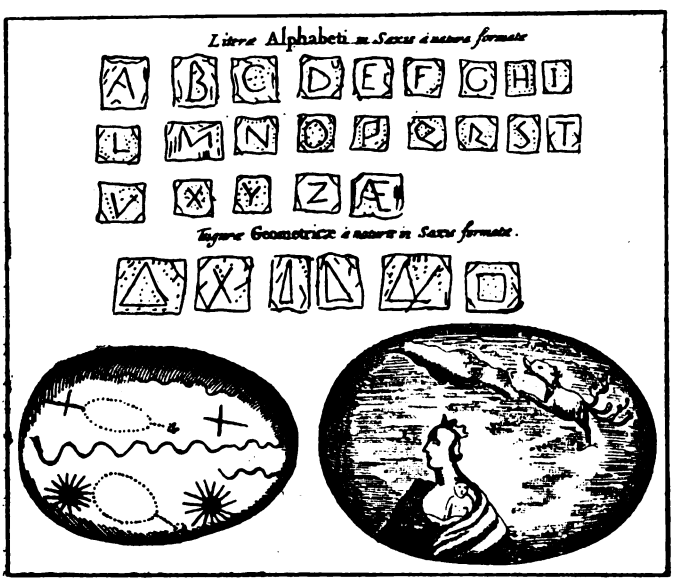


Рис. 52. Рисунки на камняхъ. По Аѳанасію Кирхеру. 1665 г.

Въ большинствѣ своихъ объясненій и толкованій Кирхеръ стоялъ на уровнѣ средневѣковыхъ понятій, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему удалось дать вѣрное объясненіе происхожденія окаменѣлостей; онъ указываетъ на маленькихъ животныхъ, заключенныхъ въ каменныхъ породахъ, на растенія и части ихъ, сохранившія свою форму подъ рѣчнымъ или морскимъ иломъ, на рыбъ, зарывшихся во время половодія въ илъ и превратившихся затѣмъ въ камень подъ

вліяніемъ spiritus lapidificus. Въ доказательство этого онъ приводитъ тотъ фактъ, что съ помощью такого оттиска можно получить настоящую рыбу, слѣдовательно сохранившееся углубленіе заполнено было тѣломъ рыбы. Деревья тоже обращаются въ камни, и каменный уголь такимъ образомъ образовался изъ растительнаго митеріала. Кирхеръ идетъ даже такъ «далеко», что подвергаетъ сомнѣнію существованіе великановъ въ доисторическія времена; онъ указываетъ на то, что нѣкоторыя кости, найденныя въ Сициліи, принадлежатъ не человѣку, а слону и другимъ громаднымъ животнымъ прежнихъ временъ.

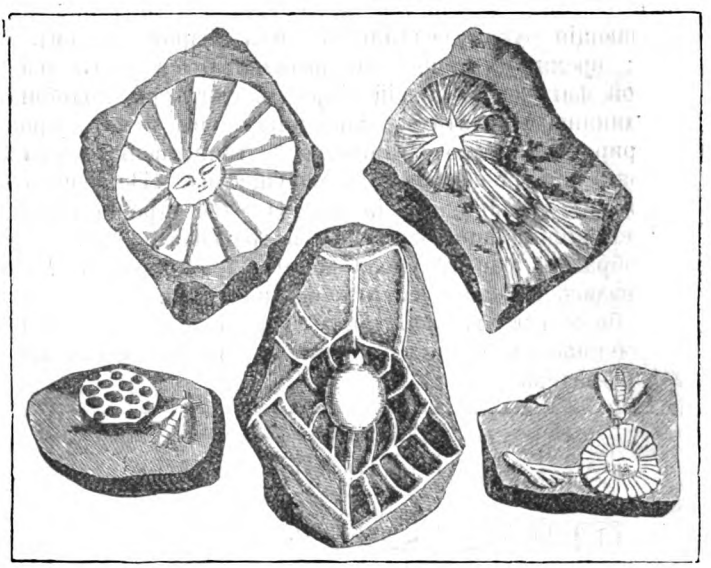


Рис. 53. „Лживые" камни Берингера. Изъ „Lithographia Wirceburgensis" 1767 г.

Въ то время какъ Аѳанасій Кирхеръ перемѣшивалъ вѣрныя воззрѣнія съ ложными, принимая иногда человѣческія произведенія искусства прошлыхъ эпохъ за произведенія природы, довѣрчивый и наивный профессоръ *Адамъ Берингеръ* нашелъ вблизи Вюрцбурга наряду съ безусловно истинными окаменѣлостями множество интересныхъ изображеній въ видѣ грубыхъ рисунковъ растеній съ листьями и корнями, улитокъ, бабочекъ, летающихъ жуковъ и другихъ животныхъ со всѣми ихъ мягкими частями тѣла, а также рисунковъ солнца, луны, кометъ и звѣздъ и даже арабскихъ и еврейскихъ буквъ. Обрадованный и очарованный изслѣдователь призналъ эти замѣчательныя находки за произведенія самой природы, Берингеръ издалъ ихъ особой книгой («Lithographia Wirceburgensis». 1726) и привелъ всевозможныя объясненія, не найдя ни одного сколько-нибудь правдоподобнаго. Здѣсь не подходили уже теоріи, которыя видѣли въ окаменѣлостяхъ игру природы или развитіе попавшаго на камень сѣмени, послѣднее потому уже было невѣротно, что ни солнце, ни другія свѣтила небесныя не имѣютъ сѣмянъ. Потокъ тоже не могъ принести подобныхъ предметовъ, а съ другой стороны даже Берингеру показался черезчуръ фантастичнымъ «бредъ» одного его друга, который приписывалъ свѣтовымъ лучамъ способность воспроизводить рисунки: лучи солнца или другихъ небесныхъ свѣтилъ, проникая въ землю, отпечатываютъ на мягкомъ камнѣ

фигуры растеній, животныхъ и другихъ предметовъ. Нѣкоторые смотрѣли на эти интересныя находки, какъ на произведенія искусства, созданныя и почитавшіяся нѣкогда древними германцами, другіе же предполагали обманъ, но Берингѐръ разубѣдилъ ихъ, выкапывая эти предметы въ ихъ присутствіи въ опредѣленномъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе сомнѣніе не проходило: еще во время изданія «Lithographia» до Берингѐра дошелъ слухъ, что подобныя плиты и камни изготовляются искусственно и потихоньку закапываются въ землю; но Берингѐръ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія; и только послѣ того, какъ изданіе его увидѣло свѣтъ, узналъ онъ, что сдѣлался жертвою шутокъ студентовъ; въ концѣ концовъ, онъ нашелъ даже свое имя на одномъ изъ камней. Тогда онъ постарался перекупить распроданные экземпляры своего изданія, но это ему не вполнѣ удалось; въ 1767 г. вышло второе изданіе, которое вмѣстѣ съ сохранившимися въ Бамбергѐ, Мюнхенѣ и другихъ городахъ «фальшивыми камнями Берингѐра» увѣковѣчили его неудачу. Хотя случай съ Берингѐромъ заставилъ быть осмотрительнѣе при подобныхъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ не менѣе и позже не было недостатка въ голосахъ, утверждавшихъ, что окаменѣлости являются не остатками живыхъ существъ, а простыми рисунками или изображеніями ихъ; еще въ 1765 г. знаменитый французскій геологъ Геттаръ долженъ былъ доказывать въ своемъ обширномъ трудѣ, что окаменѣлости представляютъ собою какъ бы преобразившіеся остатки прежнихъ растеній и животныхъ. Конечно, эти воззрѣнія Геттара были уже не новы: со временъ Леонардо да-Винчи нѣкоторые единичные изслѣдователи указывали на органическое происхожденіе окаменѣлостей. Такъ—напр., въ 1580 г. парижанинъ Тёферъ Палисси, позднѣе въ Италіи Фабіа Колонна, Стено, Спилла, въ Англіи—Гукъ, Рэй, Вудвордъ, въ Германіи — Лейбницъ, Миліусъ, въ Швейцаріи — Шейхцеръ и нѣкоторые другіе. Многіе изъ нихъ въ появленіи окаменѣлостей видѣли доказательство потопа. Большую сенсацію произвела находка Шейхцеромъ громаднаго скелета въ известнякахъ Оннингена; швейцарскій ученый принялъ его за скелетъ человѣка («Homo diluvii testis»), между тѣмъ какъ немного позднѣе Кювье призналъ въ немъ гигантскую саламандру, которой и далъ названіе «Andrias Scheuchzeri».

Если отнесеніе окаменѣлостей ко времени потопа имѣло за собою то преимущество, что возбудило къ нимъ интересъ въ самыхъ обширныхъ кругахъ, то съ другой стороны существенный недостатокъ его заключался въ томъ, что всѣ разнообразныя и разновидныя явленія приходилось относить къ одному опредѣленному періоду времени.

Внимательные наблюдатели замѣтили, что хотя многія окаменѣлости и стоятъ близко къ современнымъ животнымъ и растительнымъ формамъ или даже совершенно схожи съ ними, другія, напротивъ, во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ нихъ. Чтобъ объяснить такое несходство, признали, что эти странныя формы произошли изъ глубинъ океана, жизнь которыхъ была очень мало извѣстна въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ. Нѣкоторые ученые нашли это различіе столь значительнымъ, что отнесли всѣ окаменѣлости къ остаткамъ одной только эпохи. Лейбницъ, напримѣръ, предполагалъ нѣсколько потоповъ, между тѣмъ какъ Робертъ Гукъ въ 1688 году указывалъ на многочисленные перевороты вслѣдствіе землетрясеній. Гукъ обратилъ вниманіе на то, что опредѣленныя формы находятся только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ; затѣмъ онъ же на основаніи большихъ размѣровъ, найденныхъ въ Англіи иско-

паемыхъ черепахъ вывелъ заключеніе, что климатъ тамъ раньше былъ гораздо теплѣе, чѣмъ теперь.

Изученіе окаменѣлостей распространялось все болѣе и болѣе; отдѣльные интересные окаменѣлости описывались и издавались небольшими брошюрами, цѣлыя группы или описанія большихъ коллекцій появлялись въ свѣтъ въ большихъ фоліантахъ, снабженныхъ гравюрами, и классифицировались болѣе или менѣе удачно. Чѣмъ ближе знакомились съ окаменѣлостями, тѣмъ болѣе убѣждались въ ихъ животномъ и растительномъ происхожденіи, тѣмъ глубже проникали въ особенности организаціи нѣкоторыхъ ископаемыхъ, имѣющихъ только отдаленное сходство и родство съ современными намъ организмами.

Въ то время еще не догадывались, что ископаемымъ окаменѣлостямъ суждено сыграть главную роль въ изученіи земныхъ пластовъ. Хотя въ концѣ XVII-го ст: Мартинъ Листеръ и Гукъ высказывали предположеніе, что окаменѣлости могутъ послужить для хронологическаго опредѣленія содержащихъ ихъ отложеній, но мысль эта такъ и заглохла, и въ XVIII-мъ вѣкѣ пытались разрѣшить вопросъ о происхожденіи земли другимъ путемъ: «стратиграфическими» изысканіями, т.-е. старались установить послѣдовательность образованія земныхъ пластовъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хорошо сохранилось расположеніе пластовъ, ясно видно, что верхніе слои болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ нижніе, и потому въ этихъ странахъ раньше была изучена исторія земной коры, напримѣръ, Фюкселемъ (1762) въ Тюрингенѣ и Вернеромъ въ Саксоніи.

Тѣмъ же путемъ шелъ и аббатъ Жиро-Сулави (1752—1813) въ своемъ изученіи известковыхъ горъ въ Виварэ (1779); но онъ не ограничился одними стратиграфическими наблюденіями, а указывалъ, что каждый рядъ наслоеній, даже каждый пластъ отличается опредѣленными группами ископаемыхъ. Такъ, онъ утверждалъ, что въ самыхъ нижнихъ слояхъ находятъ исключительно остатки только вымершихъ животныхъ, какъ аммониты, белемниты, теребратулы, грифиты и т. п., выше же, наряду съ давно исчезнувшими формами, и такія, которыя живутъ еще въ нашихъ моряхъ, напр., наутилусъ, гребневики и т. п.

Изъ этого Жиро-Сулави вывелъ заключеніе, что во время образованія этихъ пластовъ выжившія формы перваго періода вымирали одновременно съ новыми организмами къ концу второго періода. Въ третьемъ періодѣ, который характеризуется бѣлымъ, мягкимъ известнякомъ находятся только живущія еще нынѣ формы, какъ волюта, устрицы и т. п., а наряду съ ними и валуны базальта; это подало Жиро-Сулави мысль, что вулканическія изверженія имѣли мѣсто уже до отложенія данной формаціи. Подобнымъ образомъ ученый и наблюдательный аббатъ сумѣлъ всѣ замѣчательныя явленія пріурочить къ хронологической цѣли и тѣмъ указалъ путь, какъ легче всего разобраться въ исторіи земли. Труды его, изложенные очень тяжелымъ и туманнымъ языкомъ, были скоро позабыты и его геніальная попытка разобраться въ исторіи земли на основаніи изученія окаменѣлостей отдѣльныхъ пластовъ земли осталась почти безрезультатной.

Простота геологическаго строенія и богатство ископаемыми окрестностей Парижа скоро привлекли къ себѣ вниманіе естествоиспытателей. Во второй половинѣ XVIII вѣка химикъ Руэлль нашелъ, что распредѣленіе ископаемыхъ имѣетъ постоянный и закономѣрный характеръ, что одни слои вблизи Парижа наполнены турителлами и церитами, въ дру-

гихъ—встрѣчаемъ цѣлую свиту горныхъ породъ съ белемнитами, аммонитами и т. п.

Болѣе тщательное изученіе пластовъ земли и ископаемыхъ богатствъ въ окрестностяхъ Парижа предпринялъ только въ началѣ XIX вѣка знаменитый анатомъ Георгъ Кювье (1769—1832) и его сотрудникъ Александръ Броньяръ (1770—1847); они указали не только на послѣдовательное опредѣленное наслоеніе отдѣльныхъ пластовъ, но и изучили точно ихъ органическіе остатки, ихъ залеганіе и сохраненіе. Послѣ долгихъ наблюденій оба ученые пришли къ выводу, что геологическіе пласты окрестностей Парижа отлагались въ морской бухтѣ или въ озерѣ; отложенія идутъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ и по своему петрографическому и палеонтологическому характеру (т.-е. по составу горныхъ породъ и по ископаемымъ организмамъ) легко отличаются другъ отъ друга. Эти ученые установили, напр., что, между мѣловыми отложеніями и глиною древняго третичнаго періода существуетъ очень рѣзкая граница и изъ этого положенія сдѣлали выводъ, что отложенія этихъ двухъ періодовъ образовались при совершенно различныхъ условіяхъ и что между образованіемъ тѣхъ и другихъ прошелъ большой промежутокъ; случайно въ нижнихъ слояхъ третичной глины нашли какъ бы вмазанные въ нее обломки мѣлового известняка, изъ чего вывели заключеніе, что мѣловыя отложенія уже отвердѣли въ то время, какъ начала осаждаться глина. За глиною слѣдуетъ песокъ, а затѣмъ попеременно известнякъ и мергель; французскимъ ученымъ удалось доказать, что эти послѣдніе пласты встрѣчаются повсюду въ одинаковомъ порядкѣ. Для того, чтобы имѣть возможность узнавать различные известковые пласты, изъ различныхъ мѣстъ Кювье и Броньяръ опредѣляли окаменѣлости, которыя встрѣчаются въ этихъ слояхъ, потому что они нашли, что характеръ отложеній, образовавшихся одновременно и при одинаковыхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же и что характеризующія ихъ окаменѣлости никогда не встрѣчаются въ болѣе высокихъ, т.-е. въ болѣе молодыхъ слояхъ, а замѣняются другими новыми формами.

Нахожденіе прѣсноводныхъ раковинъ въ болѣе высокихъ горизонтахъ заставило обоихъ наблюдателей придти къ выводу, что отложенія эти должны были образоваться въ прѣсныхъ озерахъ; другіе пласты не содержали окаменѣлостей, между тѣмъ какъ въ наиболѣе молодыхъ наносныхъ слояхъ долинъ (аллювій) оказались кости слоновъ и древесные стволы.

Такимъ образомъ Кювье и Броньяръ не только изучили и разобрали геологическія отложенія окрестностей Парижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ указали путь, по которому съ помощью ископаемыхъ окаменѣлостей можно установить возрастъ формаціи и отдѣльныхъ пластовъ повсюду на земной поверхности.

Между тѣмъ какъ во Франціи богатыя ископаемыми и правильно расположенныя третичныя образованія привлекли къ себѣ вниманіе и послужили къ установленію основныхъ принциповъ для опредѣленія палеонтологическаго возраста пластовъ земли, въ Англіи ту же роль сыграла древнѣйшая «вторичная формація». И здѣсь также раньше всего былъ опредѣленъ порядокъ пластовъ по характеру каменныхъ породъ и по наслоенію ихъ, но вскорѣ было обращено вниманіе и на окаменѣлости и ихъ значеніе. Вильямъ Смитъ (1769—1839) еще въ молодости, будучи въ Черчилѣ собиралъ юрскія окаменѣлости, позднѣе онъ увлекся и болѣе общими геологическими вопросами, встрѣчая,

при исполненіи своихъ обязанностей землемѣра, вѣчную смѣну характера почвы, каменныхъ породъ и ландшафта. Въ своей дѣятельности, какъ инженеръ при постройкѣ канала въ Сомерсетѣ (1794—179), онъ обратилъ вниманіе на горныя породы и на заключенные въ нихъ органическіе остатки и пришелъ къ убѣжденію, что «каждый пластъ содержитъ только присущія ему окаменѣлости и что въ сомнительныхъ случаяхъ они могутъ служить для опредѣленія даннаго пласта и для отличія отъ другихъ сходныхъ пластовъ». Смитъ не съумѣлъ въ это время опредѣлить отдѣльные пласты, но указалъ только на важность постройкѣ геологическихъ знаній въ практической жизни, въ земледѣліи, при точныхъ дорогъ и каналовъ въ вопросахъ орошенія и т. п. Позднѣйшія многочисленныя путешествія дали ему возможность ознакомиться съ геологическимъ строеніемъ почти всей Англіи. и значительно расширить свой запасъ наблюденій. Уже въ 1799 году онъ составилъ подробное описаніе формацій Англіи начиная съ каменноугольнаго періода и до мѣлового, опредѣлилъ толщину отдѣльныхъ слоевъ, характеръ горныхъ породъ и типичные для каждаго слоя ископаемые остатки: работа эта долга была извѣстна только въ рукописи. Только въ 1815 году Смитъ нашелъ возможность издать свою геологическую карту на 15 листахъ съ текстомъ на 50 страницахъ.

Послѣ того, какъ Кювье и Броньяръ, съ одной стороны, а Вильямсъ Смитъ—съ другой установили важное значеніе окаменѣлостей для опредѣленія возраста пластовъ земли, наступила интересная пора геологическихъ изысканій. Система Вернера распалась и возникла новая—хронологическая, для развитія которой съ жаромъ работали во всѣхъ культурныхъ странахъ. Поэтому появились разнообразныя терминологіи, которыя только съ теченіемъ времени вырабатывались въ интернаціональную и нѣкоторыя мѣстныя названія пріобрѣли общее значеніе. Однѣ формаціи *) получили названіе отъ своей особенно важной части, какъ, напр., каменноугольная, другія—отъ породы болѣе всего бросающейся въ глазъ—мѣлъ и т. п.

Первоначально Вернеръ между первичными каменными породами и аллювіемъ вставилъ въ видѣ временнаго геологическаго звена только флецовыя горы. Позднѣе же, между первичной формаціей и флецовой онъ вставилъ еще одно подраздѣленіе, которое назвалъ переходнымъ, въ виду того, что породы эти отложились во время перехода земли изъ хаотическаго состоянія въ годное для жизни. Онъ признавалъ, что въ этихъ переходныхъ слояхъ находятся самые древнѣйшіе остатки органической жизни. Самая существенная часть этихъ пластовъ состояла изъ твердаго песчаника, носившаго мѣстное названіе «граувака» (сѣрая вакка) и сохранившаго его и до сихъ поръ. Благодаря изысканіямъ Кювье, Броньяра и В. Смита флецовыя породы Вернера были отнесены къ третичной и вторичной формаціямъ съ ихъ подраздѣленіями, но переходныя породы очень долго не поддавались хронологическому опредѣленію; рѣшеніе этой задачи выпало на долю Родрига Мурчисона (1792—1871) и Адама Зедвика (1785—1873). Мурчисонъ, проведшій молодость на военной службѣ и на охотѣ за лисицами, принялся за изученіе геологіи только 32 лѣтъ, увлекся ею и въ 1831 г. предпринялъ свое первое путешествіе въ Валисъ для того, чтобы изучить и опредѣлить «неопредѣленную сѣрую вакку». Въ Savanham Ferry онъ на-

*) Въ настоящее время вмѣсто термина «формація» въ данномъ смыслѣ, употребляютъ слова «система».

шелъ подъ «древнимъ краснымъ песчаникомъ» слои, содержащіе окаменѣлости, и прослѣдилъ ихъ, какъ охотникъ дикаго звѣря, впродолженіи восьмимѣсячнаго путешествія на всемъ протяженіи онъ изучилъ характерныя для этихъ слоевъ окаменѣлости и положилъ такимъ образомъ начало для своей «силлурійской» системы. Названіе это Мурчисонъ произвелъ отъ имени народа (силлуровъ), жившаго въ той мѣстности во времена римскаго владычества (1835). Почти одновременно съ нимъ его другъ и сотрудникъ Седвикъ назвалъ кэмбрійской системой еще болѣе древнія каменныя породы, которыя онъ изучалъ въ Сѣверномъ Валисѣ, и отграничить которыя отъ силлурійскихъ было очень трудно. На этой почвѣ возникъ жаркій споръ между прежними друзьями. Изысканія Іохима Барранда надъ древнѣйшими формаціями Богеміи и ихъ ископаемыми, сильно помогли разграниченію обѣ ихъ системы: силлурійской и кэмбрійской.

Третья часть «граувакской формаціи» была установлена В. Лонсдэлемъ въ 1837 г. въ видѣ промежуточнаго слоя между силлурійской и каменноугольной формаціями и названа девонской, по имени графства Девонширъ, гдѣ формація эта была изучена впервые.

Такимъ образомъ «переходныя» горныя породы Вернера были разбиты на три формаціи, и въ древнѣйшіе, содержащіе богатые ископаемые остатки, земные слои былъ внесенъ порядокъ; затѣмъ геологи проникли еще глубже. Рамзай въ Валисѣ указалъ на докэмбрійскіе пласты, а В. Э. Логанъ (1798—1875) посвятилъ себя преимущественно изученію гнейса и слюдистаго и уртопскаго сланцевъ, которые имѣютъ такое широкое распространеніе въ сѣверо-американскомъ континентѣ.

Образованіе горныхъ породъ. Представляетъ интересъ не только возрастъ земныхъ пластовъ, но и способъ ихъ возникновенія, на что обратилъ вниманіе уже Вернеръ. Но въ то время не было средствъ опредѣлить точное строеніе горныхъ породъ и только въ XIX в. механикъ В. Николь изъ Эдинбурга предложилъ слѣдующій способъ изслѣдованія. Отполировываютъ одну изъ сторонъ изслѣдуемаго образца, приклеиваютъ канадскимъ бальзамомъ на стеклянную пластинку и срѣзаютъ съ другой стороны до тѣхъ поръ, пока не получится прозрачный слой. Примѣняя поляризированный свѣтъ къ изслѣдованію такой пластинки можно детально изучить минералогическій составъ данной породы; геологи почему то вначалѣ пренебрегали этимъ методомъ, пока Генри Сорби въ серединѣ XIX-го в. познакомился у преемника Николя Ал. Брисона съ новымъ методомъ (1858 г.) и доказалъ, какъ онъ важенъ и полезенъ при изученіи строенія, состава и возникновенія горныхъ породъ. Циркель (Лейпцигъ) примѣнилъ и усовершенствовалъ новый способъ изученія горныхъ породъ (1863 г.), Розенбушъ, Фуке и другіе изслѣдователи шли тѣмъ же путемъ, и въ настоящее время микроскопъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди методовъ, помогающихъ намъ разобраться въ исторіи земли. Я не буду здѣсь говорить о томъ, какъ микроскопъ помогаетъ намъ изучать исторію возникновенія горныхъ породъ, послѣдовательное образованіе ихъ составныхъ частей, ихъ дальнѣйшую судьбу, напомню только, что съ помощью микроскопа было установлено, что многіе, повидимому, однородныя, плотныя породы, которыя во времена Вернера считали химическими соединеніями, состоятъ въ главной своей части изъ органическихъ остатковъ, какъ, напримѣръ, известники—изъ обломковъ раковинъ различныхъ молюсковъ, морскихъ иглокожихъ и т. п. животныхъ, а мѣлъ (по изысканіямъ Эренберга въ 1839 г.) большею частью

изъ фораминиферъ, полировальный же сланецъ—изъ панцырей діатомей и радіоларій. Такимъ путемъ выработался совсѣмъ новый взглядъ на значеніе мелкихъ организмовъ для строенія отдѣльныхъ составныхъ частей земной коры, но нужно отмѣтить, что еще задолго до этого ученые знали о важной работѣ коралловъ, образующихъ рифы. Уже въ XVI-мъ столѣтіи были знакомы съ коралловыми постройками въ Красномъ морѣ, въ XVII в. были описаны атоллы Маладивскихъ острововъ, а въ XVIII-мъ в. уже было извѣстно, что образованія эти—работа микроскопическихъ животныхъ и что они встрѣчаются только въ теплыхъ моряхъ.

Гюйо и Гаймаръ во время экспедиціи Фрейсине (1818 — 1820 г.) твердо установили, что кораллы, образующіе рифы, могутъ жить только на небольшихъ глубинахъ (не глубже 10 метровъ) а Стефенсъ въ 1822 г., на основаніи кольцеобразной формы атолла, пришелъ къ выводу о существованіи подземныхъ кратеровъ, на склонѣ которыхъ и поселяются Кораллы. Въ 1834 г. Эренбергъ указалъ, что въ Красномъ морѣ коралловыя постройки образуютъ мощный слой около трехъ метровъ, а Дарвинъ въ 1842 г. на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ во время экспедиціи на кораблѣ Бигль въ 1832—1834 г. такимъ образомъ выразилъ свою знаменитую теорію объ образованіи атолловъ: коралловыя постройки первоначально опоясываютъ островъ какъ бы каймой, вслѣдствіе медленнаго опусканія почвы рифы начинаютъ энергично расти вверхъ; въ концѣ концовъ центральная часть острова опускается подъ воду и надъ моремъ остается только кольцеобразный рифъ—атоллъ.

І. Дана присоединился къ этому взгляду, а Рихтгофенъ примѣнилъ эту теорію (1860) къ образованію доломитовыхъ пластовъ въ горахъ Южнаго Тироля. Позднѣе, Агассисъ, Муррэй и др. высказались противъ этой теоріи и для разрѣшенія вопроса были предприняты буренія въ почвѣ коралловыхъ острововъ южныхъ морей; попытки эти остались пока безрезультатными. Хотя вопросъ о возникновеніи атолловъ еще не разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно, зато съ другой стороны объясненіе Эренберга о происхожденіи мѣла подтверждено недавно самымъ блестящимъ образомъ послѣ того, какъ экспедиція Челленджера 1871 г. выяснила, что на громадныхъ пространствахъ дно морское покрыто иломъ, состоящимъ по преимуществу изъ известковыхъ остатковъ фораминиферъ, кокколитовъ, и глобигеринъ. Наряду съ животными организмами, играющими такую существенную роль въ образованіи земной коры, стоятъ и растительные остатки; уже въ 1837 г. Филиппи утверждалъ, что причисляемые до тѣхъ поръ къ животному міру миллепоры суть известковыя водоросли, а въ 1858 г. Унгеръ поднялъ ихъ значеніе, какъ образователей каменныхъ породъ.

Дѣятельность растеній имѣетъ еще болѣе важное значеніе для практической жизни, именно ихъ способность превращаться въ уголь, т.-е. сохранять для будущаго большую часть растительнаго вещества. Этотъ процессъ обугливанія мы можетъ наблюдать и нынѣ въ торфяныхъ болотахъ умѣреннаго пояса: между тѣмъ какъ при свободномъ доступѣ воздуха растенія гніютъ и сохраняютъ только неорганическія вещества, при отсутствіи доступа воздуха они подвергаются медленному процессу разложенія, причемъ большая часть содержащагося въ нихъ углерода сохраняется; кислородъ, азотъ, углекислота и болотный газъ утрачиваются, а углеродъ все болѣе и болѣе накопляется и даже, въ концѣ концовъ, можетъ оказаться въ чистомъ видѣ.

Чѣмъ древнѣе формація, въ которой находятъ ископаемый уголь, тѣмъ болѣе въ углѣ углерода. Въ современномъ торфѣ около 53% углерода, въ дилювіальномъ торфѣ 60%, въ третичномъ буромъ углѣ около 70% въ каменномъ углѣ 80—90%, въ антрацитѣ 94%, а въ графитѣ 100% углерода.

Между тѣмъ какъ торфъ еще и теперь образуется изъ мха и различныхъ болотныхъ растеній, третичный бурый уголь состоитъ по преимуществу изъ хвойныхъ растеній, пальмъ и лиственныхъ породъ, каменный уголь—изъ исполинскихъ сосудистыхъ тайнобрачныхъ, антрацитъ и графитъ—изъ морскихъ водорослей.

Давленіе и тепло очень благопріятствуютъ процессу обугливанія; потеря вещества при обращеніи дерева въ уголь очень значительна.

Г. Бишофъ высчиталъ, что для образованія слоя угля толщиною въ метръ надо 26 метровъ растительнаго вещества. До сихъ поръ еще является спорнымъ вопросъ, образуются ли каменноугольные пласты изъ росшаго на томъ же самомъ мѣстѣ лѣса или же изъ наноснаго матеріала; я лично думаю, что второе предположеніе ближе къ истинѣ.

До сихъ поръ не установлено также, является ли нефть продуктомъ распаденія животныхъ или растительныхъ остатковъ. Первое предположеніе вѣрнѣе, потому что Энглеру удался такой опытъ: онъ подвергъ рыбій жиръ давленію 20—25 атмосферъ и температурѣ 365—420° и получилъ продуктъ, очень схожій съ пенсильванской нефтью *).

Какъ бы ни было велико практическое примѣненіе нефти, значеніе ея въ изученіи исторіи земной коры далеко уступаетъ многимъ, повидимому, незначительнымъ и практически совсѣмъ негоднымъ остаткамъ организмовъ (окаменѣлостямъ), проливающимъ часто яркій свѣтъ на нѣкоторыя области исторіи земного шара: происхожденіе нефти еще не ясно, неопредѣленно, окаменѣлость же можетъ воскресить въ нашихъ глазахъ картину давно минувшей жизни, дать представленіе о жизненныхъ условіяхъ, климатѣ изчезнувшей эпохи; и для этого вполнѣ безразлично, сохранилось ли само вещество животнаго или растенія цѣликомъ или только часть его, или же оно совсѣмъ утратилось и остался только отпечатокъ его на камнѣ, или же организмъ окаменѣлъ вслѣдствіи замѣны его частицъ углекислой известью, кремнеземомъ, желѣзнымъ шпатомъ и т. п. Безразлично также, сохранился ли отпечатокъ всего организма, или только части его; самое главное въ томъ, чтобъ можно было отмѣтить характерныя особенности, чтобы было возможно опредѣлить видъ и семейство. Когда это удается, то какой-нибудь на первый взглядъ незначительный обломокъ ископаемаго или окаменѣлость можетъ разсказать намъ длинную исторію о давно прошедшихъ временахъ нашей земли и открыть передъ нашимъ умственнымъ взоромъ картины далекаго прошлаго. Окаменѣлости рисуютъ намъ измѣненія и географическихъ ландшафтовъ· остатки ископаемыхъ морскихъ животныхъ и растеній указываютъ, что на этомъ мѣстѣ когда-то было море; окатанные остатки раковинъ посреди окатанныхъ же галекъ и песку указываютъ на то, что берегъ здѣсь омывался вѣчнымъ прибоемъ; тонкіе, изящные, небольшіе обломки глины съ

*) Воззрѣнія Заппера на происхожденіе каменнаго угля и нефти слишкомъ категоричны, но мы не можемъ входить здѣсь въ болѣе подробное выясненіе этого вопроса. *Ред.*

хорошо сохранившимися ракушками, морскими ежами, раковинами и т. п. указываютъ на глубокое морское дно; известковые пласты съ остатками криноидей—на открытое море; земноводныя животныя и растенія. а именно стволы съ корнями, съ приставшей къ нимъ глиной, говорятъ о существованіи здѣсь суши и т. д. Такимъ же образомъ ископаемыя даютъ намъ представленіе о прежнихъ климатическихъ условіяхъ.

Если мы, напр., въ Гренландіи найдемъ окаменѣлые остатки пальмы, то мы должны будемъ признать, что здѣсь вмѣсто нынѣшняго холоднаго климата господствовалъ когда-то тропическій, такъ какъ на всемъ земномъ шарѣ едва ли найдется другое растеніе, которое такъ нуждалось бы въ теплѣ, какъ пальма. Нѣкоторыя животныя тоже могутъ указывать на характеръ бывшаго въ данной мѣстности климата, но здѣсь надо соблюдать большую осторожность, такъ какъ животный міръ менѣе ограниченъ климатическими условіями. Громадное значеніе имѣютъ окаменѣлости для опредѣленія эпохъ исторіи земли и для характеристики различныхъ ея періодовъ. Для того, чтобы выразить опредѣленнымъ числомъ годовъ относительные промежутки времени, наши средства оказываются несостоятельными. Одно только мы знаемъ точно: нужны были громадные промежутки времени, чтобы выработать органическій строй жизни, который мы теперь видимъ вокругъ насъ. Пока мы вмѣстѣ съ Кювье вѣрили въ могущественные земные перевороты, мы не нуждались въ продолжительныхъ періодахъ для развитія органической жизни. Только въ 1859 году великій англійскій естествоиспытатель Ч. Дарвинъ (1809—1882) въ своемъ знаменитомъ трудѣ «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» въ высшей степени убѣдительно доказалъ, что всѣ разнообразныя формы растительнаго и животнаго міра древнихъ и настоящихъ временъ суть только переходныя ступени одной впередъ идущей эволюціи. Мы видимъ теперь, какое громадное количество времени необходимо для образованія новыхъ видовъ, станемъ ли мы на сторону Дарвина съ его половымъ подборомъ, или на сторону Морица Вагнера, который могучимъ стимуломъ для образованія новыхъ видовъ считаетъ переселеніе животныхъ на значительныя разстоянія. Приходится согласиться съ Дарвиномъ, который утверждаетъ, что промежутокъ времени между двумя слѣдующими одна за другой формаціями можетъ иногда быть значительно больше, чѣмъ образованіе самой формаціи. И когда Дарвинъ говоритъ дальше, что ранѣе самой древней, содержащей окаменѣлости, формаціи прошло гораздо большее время, чѣмъ прошло отъ древнѣйшихъ кэмбрійскихъ отложеній до нашего времени, то едва ли возможно оспаривать это положеніе.

Дарвинъ такимъ образомъ бросаетъ новый свѣтъ на вопросъ о продолжительности геологическихъ періодовъ, но, къ сожалѣнію, онъ не съумѣлъ найти абсолютной мѣры для ихъ опредѣленія. Старались найти эту мѣру другими путями. Напр., сдѣлано наблюденіе, что водопадъ Ніагара, водныя массы котораго подмываютъ шиферное ложе и отламываютъ выше лежащіе известковые пласты, отодвигается все болѣе и болѣе назадъ и такимъ образомъ въ эпоху намъ современную, т.-е. за время, когда органическая жизнь не успѣла существенно измѣниться, Ніагара отодвинулась на 12 километровъ. Вычисляли, что для этого нужно было отъ 10 до 50 тысячъ лѣтъ. Изъ этого мы видимъ съ одной стороны, какъ неточны наши вычисленія, съ другой—убѣждаемся, какъ медленно происходятъ измѣненія въ органической жизни.

Даже поверхностный взглядъ на палеонтологическія коллекціи показываетъ намъ, какія сильныя измѣненія претерпѣли жизненныя формы за время образованія земной коры. Болѣе молодые слои содержатъ органическіе остатки по преимуществу совершенно сходные съ живущими теперь видами или имѣющими съ ними большое сходство; но чѣмъ глубже проникаемъ мы въ древнѣйшіе слои, тѣмъ рѣже встрѣчаемъ живущія теперь формы и тѣмъ обильнѣе — вымершія. Обыкновенно исчезаютъ не только отдѣльные виды, но и цѣлые роды, семейства и классы животныхъ и растеній; органическій міръ становится все болѣе и болѣе намъ чуждымъ; все рѣже попадаются формы, напоминающія современные намъ виды. Каждый пластъ содержитъ только

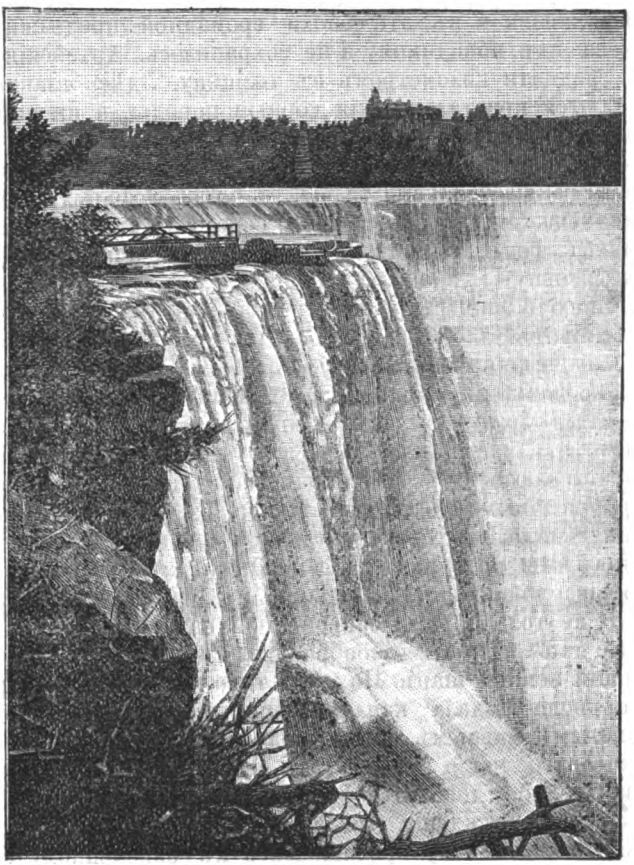


Рис. 54. Водопадъ Ніагара. По фотографіи.

опредѣленныя, свойственныя ему формы и среди нихъ мы наталкиваемся на отдѣльные характерные типы такъ называемыя «руководящія ископаемыя». Каждый рядъ слоевъ, каждая система или формація содержатъ только имъ присущія растенія и животныя, такъ что благодаря этому условію, по найденнымъ окаменѣлостямъ можно охарактеризовать и хронологически опредѣлить отдѣльные геологическіе періоды.

Объ измѣненіяхъ растительнаго и животнаго міровъ въ періодъ образованія земной коры мы поговоримъ подробно въ одной изъ слѣ-

дующихъ главъ; здѣсь же мы задались цѣлью дать въ короткихъ словахъ характеристику періодовъ исторіи земли, какъ она слагалась по мѣрѣ развитія геологическихъ знаній.

Исторія земли, подобно исторіи человѣчества, дѣлится на 4 періода: древнѣйшій, древній, средневѣковый и новый; отличительными признаками каждаго періода служатъ по преимуществу отличительныя черты существовавшей тогда жизни.

А. *Древнѣйшая эра* по геологическимъ воззрѣніямъ охватываетъ архейскія формаціи или первобытныя горы. Иногда ее называютъ *азойской*, что значитъ свободная отъ живыхъ существъ, такъ какъ до сихъ поръ здѣсь не найдено еще никакихъ слѣдовъ органической жизни. Но мы уже раньше упоминали, что Дарвинъ предполагаетъ существованіе разнообразной жизни и въ эти эпохи громадной продолжительности, хотя остатковъ ихъ, повидимому и не сохранилось. Архейскія формаціи достигаютъ тридцати километровъ въ толщину. Здѣсь главнымъ образомъ встрѣчаются кристаллическія горныя породы, а именно въ нижнихъ болѣе древнихъ слояхъ (первобытный гнейсъ или лаврентьевская система) по преимуществу гнейсы со включенными въ нихъ кварцитами, кристаллическими известняками; выше, въ болѣе молодыхъ слояхъ (первобытный сланецъ, гуронская система) встрѣчаемъ слюду, тальк, хлоритовый сланецъ, филлитъ. Слои иногда идутъ совершенно отвѣсно, мѣстами сильно изогнуты, иногда сморщены, слоистость неправильная и спутанная. Многочисленныя вулканическія породы, какъ гранитъ, габро, сіенитъ, діоритъ, діабазъ, амфиболитъ и др., проникаютъ въ области кристаллическаго сланца и образуютъ въ немъ жилы. Горныя породы этой архейской формаціи отличаются обиліемъ рудъ; магнитный желѣзнякъ и графитъ образуютъ здѣсь мощныя залежи и значительные пласты; золото и алмазы встрѣчаются отдѣльными оазисами и мѣстности эти привлекаютъ къ себѣ промышленниковъ и становятся значительными промысловыми центрами. Мы не въ состояніи представить ясную картину климата и характера земной поверхности въ этотъ древнѣйшій періодъ. Мы не знаемъ первой коры, затянувшей раскаленный шаръ и прорываемой зачастую подземнымъ огнемъ. Одно мы должны признать, что не только газы современной намъ атмосферы, но и горячіе водяные пары и другія газообразныя химическія соединенія окружали застывшій земной шаръ. По мѣрѣ того какъ земной шаръ охлаждался, теплая вода падала каплями внизъ и вмѣстѣ съ поваренной солью и хлористымъ магніемъ образовала горячее, сильно соленое море, отложенія котораго мы и видимъ въ гнейсѣ, хотя и не можемъ привести какихъ-либо доказательствъ справедливости этого взгляда. При дальнѣйшемъ охлажденіи земли измѣнялись условія атмосферы, земли и моря и мало-по-малу приближались къ современному состоянію, но температура все-таки была значительно выше теперешней. Въ это время, вѣроятно, возникли на землѣ первые организмы, но какъ и въ какой формѣ проявилась эта жизнь, мы не знаемъ; но она возникла, развивалась и вырабатывалась въ новыя, все болѣе и болѣе совершенныя формы; остатковъ этой жизни до насъ не дошло, причина чего лежитъ въ высокой температурѣ, сильномъ давленіи и другихъ условіяхъ; вліяніе этихъ условій измѣнило существеннымъ образомъ образовавшіяся тогда осадочныя породы и превратило ихъ въ кристаллическія. Единственными слѣдами первобытнаго растительнаго міра можно считать графитъ, встрѣчающійся или небольшими гнѣздами или пропластками.

В. *Древняя* эра земли охватываетъ тотъ періодъ, когда хотя и встрѣчается повсюду высоко развитая органическая жизнь, но организмы отличаются странными, «древними» чертами, вслѣдствіе чего формаціи, образовавшіяся въ этотъ періодъ, получили названіе «палеозойскихъ» слоевъ. Въ общей сложности толщина этихъ формацій доходитъ до 15-ти километровъ. Каменныя породы этого періода состоятъ по преимуществу изъ отвердѣвшаго ила, песка и морскихъ галекъ, глинистаго сланца, песчаника и сѣрой вакки, а также и конгломератовъ, среди которыхъ выдѣляются болѣе твердыя прослойки известняка, состоящаго изъ криноидей, коралловъ, раковинъ и др. остатковъ морскихъ животныхъ.

Рис. 55. Изогнутые каменноугольные пласты подъ деревней Декацевиль въ сѣв. Франціи. По фотографіи Файола.

Слѣдовательно, здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на морскія отложенія; наряду съ ними встрѣчаются часто и остатки жизни болотъ и суши вблизи моря. Характеръ морскихъ отложеній указываетъ, что они образовались главнымъ образомъ, на небольшой глубинѣ и недалеко отъ берега, а значительная толщина слоя на то, что въ этихъ областяхъ шло повсемѣстное опусканіе морского дна. Во время палеозойской эры происходили частыя колебанія земной поверхности, на что указываютъ трещины и изгибы земной коры; бывали и вулканическія изверженія съ потоками лавы, чѣмъ и объясняется разнообразіе каменныхъ породъ и формъ земной поверхности. Органическая жизнь въ тѣ времена была на земномъ шарѣ однообразнѣе, чѣмъ когда-либо позднѣе.

Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что климатъ тогда былъ ровнѣе и гораздо теплѣе, чѣмъ теперь, не было холода полярныхъ странъ, но повсюду господствовала тропическая температура. На всемъ протяженіи земного шара жизнь развивалась все богаче и разнообраз-

нѣе, проходя черезъ нѣсколько ступеней: по характеру органическихъ формъ эру эту можно раздѣлить на нѣсколько большихъ отдѣловъ—*періодовъ*, которымъ соотвѣтствуютъ *системы*, представляющія собою совокупность слоевъ, отложившихся втеченіе даннаго періода.

1) Въ кэмбрійской, самой древнѣйшей системѣ, содержащей окаменѣлости, которыя прежде всего удалось изучать въ Валлисѣ, системѣ, получившей названіе отъ стариннаго имени Кэмбріа, наблюдается уже сравнительно довольно развитая животная жизнь, но до насъ дошли только безпозвоночные организмы: странныя, похожія на ракообразныхъ животныя—*трилобиты*, замѣчательныя мшанки – *граптолиты*, многочисленные плеченогіе моллюски—брахіоподы, нѣкоторые виды морскихъ лилій (цистидеи), морскіе черви и множество трудно опредѣлимыхъ, но характерныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, какъ напр. ольдгамія; изъ ясно выраженныхъ растительныхъ формъ—только фукоидныя водоросли. Всѣ эти первобытные организмы указываютъ на жизнь въ морѣ; была ли обитаема суша животными и растеніями. мы не знаемъ.

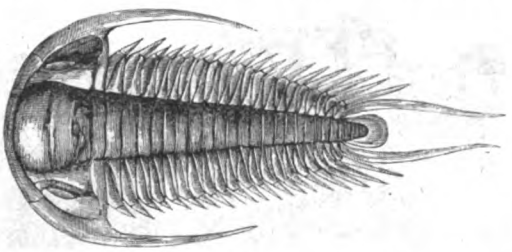


Рис. 56. Трилобитъ изъ кэмбрійской формаціи въ Богеміи по Барранду.

2) Въ силлурійской системѣ замѣчательные трилобиты достигаютъ своего высшаго развитія, граптолиты, плеченогіе, морскія лиліи, морскія звѣзды и кораллы встрѣчаются въ большомъ количествѣ. первыя позвоночныя, въ формѣ странныхъ рыбъ, появляются только въ высшихъ слояхъ силлурійской системы. Земноводныя животныя и растенія, вѣроятно, жили уже въ значительномъ количествѣ, но пока найдены только небольшіе остатки скорпіоновъ и одно насѣкомое.

3) Въ Девонской системѣ наблюдается суша уже съ болѣе богатымъ растительнымъ міромъ: папоротники, плауны (*лепидодендроны*) и каламиты наряду съ первыми хвойными покрывали землю; животная же жизнь развивалась все богаче въ моряхъ и большихъ прѣсноводныхъ озерахъ того времени. Многочисленныя панцырныя рыбы населяли тогдашнія воды, появляются впервые головоногія, показываются новые кораллы, между тѣмъ какъ граптолиты вымираютъ и только изрѣдка встрѣчается небольшое количество видовъ трилобитовъ. Большинство каменныхъ породъ девонской формаціи отложились въ морѣ, но наряду съ ними въ Великобританіи и Сѣв. Америкѣ мы находимъ современныя имъ прѣсноводныя отложенія съ остатками земноводныхъ и прѣсноводныхъ ископаемыхъ; отложенія эти извѣстны подъ названіемъ «red old sandstone» (древній красный песчаникъ); возникли они подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій и отличаются поэтому разнообразнымъ строеніемъ.

4) Каменоугольная система; названіе это дано потому, что характернымъ признакомъ породъ этой системы служитъ появленіе здѣсь каменноугольныхъ пластовъ. Болѣе глубокіе, древніе слои этой системы состоятъ обыкновенно изъ «горнаго известняка», который образовался на днѣ моря изъ коралловъ, криноидей, плеченогихъ и многочисленныхъ остатковъ другихъ организмовъ, или же изъ морского кремнистаго сланца, глинистаго сланца, сѣрой вакки и конгломератовъ

со скудными окаменѣлостями (Кульмъ). Верхняя часть данной системы состоитъ по преимуществу изъ перемежающихся слоевъ известняка, сланцевой глины и каменнаго угля; послѣдній, очевидно, образовался изъ обширныхъ трясинъ и глубокихъ прѣсноводныхъ болотъ (производительная каменноугольная формація). Между тѣмъ какъ эти въ техническомъ отношеніи важные слои возникли на опускающихся низинахъ твердой суши, одновременно съ ними на днѣ морскомъ образовались известняки изъ раковинъ фораминиферъ.

Разнообразіе формъ животнаго міра здѣсь значительно увеличивается, трилобиты имѣютъ только незначительное количество видовъ и совершенно вымираютъ въ концѣ каменноугольнаго періода; зато появляются новыя формы фораминиферъ, коралловъ, морскихъ лилій и ежей, головоногихъ, плеченогихъ, акулообразныя, хрящевыя и мелкочешуйчатыя хрящевыя рыбы населяли воды. Довольно богатая животная жизнь появилась и на сушѣ: скорпіоны, тысяченожки, тараканы, термиты и саламандрообразныя амфибіи размножаются и заселяютъ однообразные, но роскошные лѣса земной поверхности. Гигантскіе папоротники, плауны, хвощи, замѣчательныя хвойныя деревья, которыя благодаря высокой температурѣ и влажному воздуху на сырой болотистой почвѣ достигали роскошнаго развитія, созидали совершенно особенный, меланхолическій ландшафтъ; странныя растительныя формы, преобладающій темно-зеленый тонъ, не оживляемый нигдѣ яркими цвѣтами и оттѣняемый только болѣе темнымъ цвѣтомъ стволовъ, блескъ воды, сверкающей тамъ и сямъ среди зеленаго сплошного ковра полное отсутствіе большихъ земноводныхъ животныхъ— все это вмѣстѣ представляетъ для насъ совершенно чуждую картину, подобіе которой мы тщетно стали бы искать на современной намъ земной поверхности.

5) Къ концу каменноугольнаго періода на большей части земной поверхности наступило время мощныхъ переворотовъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ слѣдующіе слои ложатся не параллельно на каменноугольныхъ породахъ. Только въ немногихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Южной Франціи и Богеміи, не замѣчается подобныхъ нарушеній напластованія, и здѣсь мы можемъ наблюдать постепенный переходъ отъ пластовъ и окаменѣлостей каменноугольнаго періода къ слѣдующей системѣ — *Пермской* (названной такъ по имени нашей Пермской губ., гдѣ развитіе ея наблюдается особенно хорошо). Въ Германіи формація эта долго носила названіе *діасовой*, такъ какъ здѣсь она распадается на два большихъ отдѣла: нижній состоитъ по преимуществу изъ окрашенныхъ въ красный цвѣтъ конгломератовъ, песчаниковъ и сланцеватыхъ суглинковъ, называемыхъ поэтому краснымъ (которымъ въ Англіи соотвѣтствуетъ новый красный песчаникъ (new red sandstone); верхній слой нѣмецкой діасовой системы называется *цехштейновымъ известнякомъ* и по южному склону Гарца состоитъ преимущественно изъ мѣдистаго сланца, глинистыхъ известняковъ, доломитовъ, гипса и ангидрита съ мощными пластами каменной соли и двойныхъ хлористыхъ солей. Животный и растительный міры пермскаго періода мало чѣмъ отличаются отъ органическаго міра каменноугольнаго существеннымъ шагомъ впередъ въ животномъ царствѣ служитъ появленіе настоящихъ пресмыкающихся.

Вмѣстѣ съ пермской системой исчезаетъ постепенно первобытный характеръ животнаго и растительнаго міровъ; начинаются иныя, новыя времена съ богатой и разнообразной органической жизнью.

С. *Мэзойская* эра — средніе вѣка земли; системы этого періода охватываютъ цѣлый рядъ пластовъ въ нѣсколько километровъ толщины. Въ образованіи этой системы принимало участіе значительное количество различныхъ осадочныхъ каменныхъ породъ, которыя въ различныхъ мѣстахъ принимали совершенно различный характеръ, такъ что иногда бывало очень трудно разобраться въ одновозрастныхъ отложеніяхъ различныхъ мѣстностей.

1. *Тріасовая*—самая старая изъ мезозойскихъ системъ, получила свое названіе отъ естественнаго дѣленія на три части, особенно замѣтныя въ Германіи. Самая древняя составная часть этой тріасовой формаціи—*пестрый песчаникъ*, который повсюду въ Германіи встрѣчается въ видѣ кварцеваго песчаника въ соединеніи съ глиной, желѣзомъ или кремнемъ и окрашенъ чаще всего въ краснобурый, желтый, зеленоватый, бѣлый или пестрый цвѣтъ. Окаменѣлости животныхъ и растеній встрѣчаются въ скудномъ количествѣ; сравнительно чаще находятся слѣды амфибій, напр., слѣды хиротеріумовъ. Средняя часть нѣмецкой тріасовой системы—*раковинный известнякъ*, мѣстами необычайно богатый окаменѣлостями. Въ постройкѣ германскаго раковиннаго известняка помимо самого известняка, принимаютъ участіе въ значительномъ количествѣ еще мергель, ангидритъ, гипсъ и каменная соль. Верхній слой нѣмецкой тріасовой системы *кейперъ*, который по преимуществу состоитъ изъ пестраго мергеля, затѣмъ глины, шифернаго суглинка, гипса, ангидрита, каменной соли и глинистаго угля. Въ общемъ, слой этотъ не богатъ окаменѣлостями, въ верхнемъ *кейперѣ* около Виртемберга найденъ первый слѣдъ млекопитающаго—зубъ двуутробки (*Microlestes antiquus*). Въ тріасовой системѣ встрѣчаются также впервые остатки крокодиловъ и ящерицъ и нѣкоторыхъ новыхъ видовъ пресмыкающихся; также впервые появляются настоящіе аммониты, принадлежащіе къ животнымъ, характеризующимъ мезозойскую эру. Морская лилія: головоногія, пресмыкающіяся и рыбы играютъ значительную роль въ тріасовой періодъ. Въ растительномъ мірѣ сосудистыя споровыя уступаютъ первенствующее мѣсто роскошно развивающимся хвойнымъ и саговымъ пальмамъ: появляются новые виды, и впервые настоящій хвощъ.

2. *Юрская*, средняя мезозойская система получила свое названіе отъ горной цѣпи Юры, гдѣ слои этой системы расположены самымъ удобнымъ для изученія образомъ. Флора этого періода характеризуется такими же чертами, какъ и флора третичной эры: папоротники, хвощи, саговыя пальмы и хвойныя. Особенно роскошнаго развитія достигаютъ цикадовыя (саговыя пальмы)—прародители вывезеннаго къ намъ изъ Америки декоративнаго растенія араукаріи и нашихъ хвойныхъ. Хотя растенія эти и встрѣчаются на Шпицбергенѣ также еще въ юрскихъ отложеніяхъ, но въ тѣ времена уже началась вырабатываться небольшія различія въ климатическихъ условіяхъ земного шара. Животная жизнь и въ водѣ, и на сушѣ развивалась богаче, чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ: широко распространились кораллы, выродившись въ совершенно иные виды, чѣмъ существовавшіе раньше въ палеозойскую эру. Морскія лиліи играютъ громадную роль, морскіе ежи, плеченогія, пластинчато-жаберные улитки, ганоидныя и хрящевыя рыбы въ громадныхъ количествахъ заселяютъ моря: особенно высокаго развитія достигаютъ головоногіе: белемниты и аммониты появляются въ большомъ количествѣ видовъ и индивидуумовъ. Гигантскіе ящеры съ крокодилообразной головой, съ ластами (ихтіозавры и длинношейный плезіозавръ)

появляются наряду съ настоящими крокодилами; здѣсь же встрѣчаемъ и громадныхъ динозавровъ, изъ которыхъ единичные экземпляры достигали до 30 метр. длины, раковъ, черепахъ, двуутробокъ; бабочки и жуки оживляли воздухъ; появился и летающій ящеръ (птеродактиль и рамфоринхусъ) и первыя птицы, которыя отличались длиннымъ перистымъ хвостомъ и зубастымъ клювомъ, величиною съ голубя,—археоптериксъ.

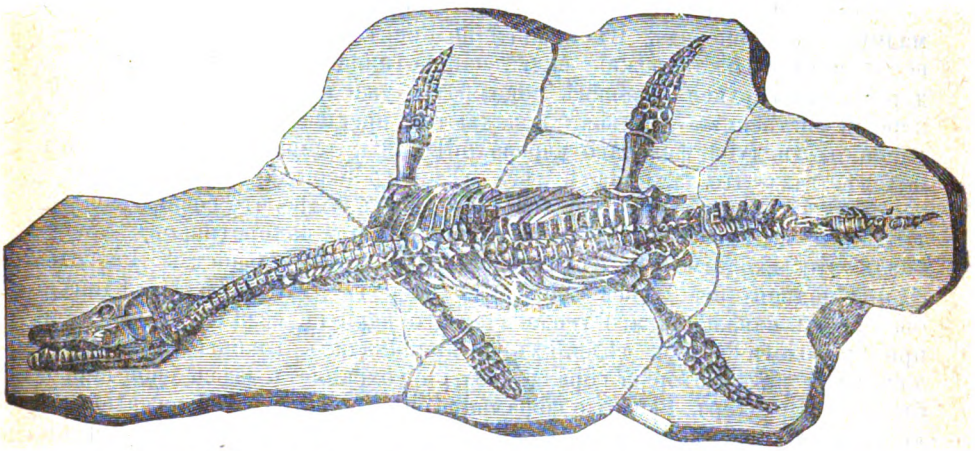


Рис. 57. Плезіозавръ, стр. 177. По Оуэну. «Ископаемыя пресмыкающіяся лейасской формаціи». Лондонъ 1861—1881.

Если мы пожелаемъ возстановить въ своемъ воображеніе ландшафтъ юрскаго періода, то въ растительномъ мірѣ встрѣтимъ гораздо менѣе чуждаго намъ, чѣмъ раньше, хотя все-таки бросаются еще въ глаза существенныя отличія отъ современной намъ флоры; животныя же поразятъ насъ своими странными и чудовищными формамъ.

Мощность пластовъ юрской системы достигаетъ 1 километра. Она распадается на три ярко выраженные отдѣла, изъ которыхъ древнѣйшій (*Лейасъ* или черная юра) состоитъ по преимуществу изъ темной сланцевой глины, мергеля, песчаника и известняка, средній (*Доггеръ* или бурая юра)—большею частью изъ бураго песчаника, темной глины и мергеля, а также различныхъ окрашенныхъ известняковъ. Верхній отдѣлъ (*Мальмъ* или бѣлая юра) состоитъ, напротивъ, главнымъ образомъ изъ бѣлаго известняка и доломитовъ.

3. *Мѣловая система* получила свое названіе въ Западной Европѣ, такъ какъ существенная часть этой системы въ Англіи и Сѣверной Франціи составляетъ обыкновенный писчій мѣлъ. Система эта очень распространена въ Европѣ, и такъ какъ большинство породъ ея морского происхожденія, то легко представить себѣ, какое громадное измѣненіе земной поверхности произошло со времени мѣловой формаціи: сѣверный континентъ поднимался тогда надъ Шотландіей и Скандинавіей, южнѣе его въ Англіи, Сѣверной Франціи, Бельгіи, Сѣверной Германіи, Богеміи, Шлезвигѣ простиралось неглубокое мѣловое море, подвергавшееся многочисленнымъ вѣковымъ колебаніямъ; изъ центральной Франціи черезъ Шварцвальдъ на востокъ шла полоса земли, а на югъ оттуда снова простиралось мѣловое море черезъ всю южную

*

Европу и до Сѣверной Африки, а на востокъ до средины Азіи. При такомъ распредѣленіи морей становится понятнымъ, почему въ этомъ періодѣ наблюдается такая существенная разница между ископаемыми южной и сѣверной областей: въ первой необозримое открытое море съ одинаковыми повсюду условіями жизни и накопленія осадковъ, во-второй—частое измѣненіе условій жизни для животнаго міра и отложенія пластовъ, въ которомъ находятъ многочисленные слѣды близости твердой земли.

Во время мѣлового періода растительный міръ дѣлаетъ опять громадные шаги впередъ. Въ нижней половинѣ мѣловыхъ отложеній мы встрѣчаемъ только прежніе виды: папоротники, цикадовыя и хвойныя деревья; въ верхней половинѣ появляются уже въ значительномъ числѣ первыя лиственныя деревья; попадаются предшественники нашихъ—клена, ольхи, дуба, фиговаго дерева, орѣшины, лавра и многихъ другихъ видовъ, такъ что ландшафтъ лѣса мѣлового періода могъ бы произвести на насъ впечатлѣніе современнаго, тѣмъ болѣе, что сосны, можжевельникъ, пальмы и новые виды травянистыхъ папоротниковъ усугубляли это сходство съ современной намъ растительностью. Развитіе флоры подвинулось здѣсь настолько впередъ, что отсюда слѣдовало бы считать начало новаго геологическаго періода, если бы въ разсчетъ при хронологическихъ дѣленіяхъ не принимались, главнымъ образомъ, животный міръ, который гораздо дольше сохраняетъ здѣсь свой первобытный характеръ. Развитіе фораминиферъ доходитъ до колоссальныхъ количествъ, они образуютъ мощные слои известняка; губки, морскіе ежи пластинчатожаберные молюски играютъ выдающуюся роль. Белемниты и аммониты показываются тоже въ значительномъ числѣ, но уже не имѣютъ такого сильнаго развитія, какъ въ юрскій періодъ и вымираютъ окончательно за время мѣлового періода. Пресмыкающія по богатству видовъ и индивидуумовъ стоятъ ниже, чѣмъ въ предыдущемъ юрскомъ періодѣ; все-таки встрѣчаются еще значительныя количества гигантскихъ и въ высшей степени характерныхъ ящеровъ (изъ разряда динозавровъ—гигантскій *игуанодонъ* и мощный *мозазавръ*), птицъ и первые представители костистыхъ рыбъ. Мѣловая система распадается обыкновенно на два главныхъ отдѣла *нижній* и *верхній мѣлъ*, изъ которыхъ каждый имѣетъ еще по нѣсколько подраздѣленій.

Вмѣстѣ съ мѣловымъ періодомъ заканчиваются средніе вѣка исторіи земной поверхности; животный и растительный міры за все это время сохраняли свой особенный характеръ, благодаря преобладанію аммонитовъ и белемнитовъ и разнообразныхъ гигантскихъ млекопитающихъ. Все это мѣняется съ наступленіемъ новыхъ геологическихъ вѣковъ—кайнозойской эры.

Д. *Кайнозойская* эра обхватываетъ *третичную* и *четвертичную* системы, т.-е. тѣ отложенія, въ которыхъ растительная и животная жизни пріобрѣтаютъ уже новыя, напоминающія современныя намъ формы.

Начало кайнозойской эры, — третичный періодъ ознаменовался громаднымъ переворотомъ, измѣненіемъ условія жизни на всей поверхности земного шара. Прежде всего, вслѣдствіе многочисленныхъ опусканій и поднятій земной поверхности образовались современныя намъ формы суши въ своихъ существенныхъ чертахъ; въ этотъ періодъ выдвинулись и самыя значительныя горы и горныя цѣпи всего земного шара; все болѣе и болѣе вырабатывались климатическія различія по поясамъ и въ зависимости отъ высоты данной мѣстности надъ уров-

немъ моря. На мѣсто вымершихъ или остановившихся въ своемъ развитіи мезозойскихъ животныхъ и растеній выступаютъ новые типы; пальмы, лиственныя деревья и млекопитающія получаютъ широкое развитіе, и при первомъ поверхностномъ взглядѣ на ландшафтъ третичнаго періода кажется, что попалъ въ современную намъ тропическую область. Сходство это особенно замѣтно въ растительномъ царствѣ; да и въ животномъ мірѣ наблюдаютъ виды, очень похожіе на современные намъ: такъ напр., предки нашей лошади и тапиры мало чѣмъ отличаются отъ теперешнихъ; но наряду съ ними мы видимъ страннаго динотерія, который вноситъ диссонансъ въ этотъ ландшафтъ. При ближайшемъ изученіи мы замѣчаемъ, конечно, что многіе виды и разряды животныхъ третичной системы еще сильно отличаются отъ нашихъ, но что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ приближенія къ намъ, эти чуждыя намъ черты все болѣе сглаживаются и выступаетъ наружу большее сходство съ теперешнимъ міромъ. По степени приближенія къ нашему времени различаютъ четыре главныхъ эпохи: 1) *эоценовую*, въ которой впервые появляются слабые намеки на современный намъ органическій міръ; 2) *олигоценовую*—сходство съ современнымъ міромъ еще очень незначительно; 3) *міоценовую*, во время которую появляется отъ 10—40% живущихъ теперь видовъ; 4) *пліоценовый* — живущихъ теперь видовъ было отъ 40—90%. Въ это время все болѣе и болѣе сглаживаются странныя, первобытныя формы, и общій характеръ органическаго міра все болѣе приближается къ современному намъ. Такъ какъ въ третичный періодъ климатическія отличія земного шара выражены уже довольно ясно, то наблюдается громадная разница во флорѣ и фаунѣ различныхъ мѣстностей; и потому здѣсь такъ затруднительно бываетъ иногда установить принадлежность къ одному періоду отложеній, лежащихъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ.

Самая молодая геологическая система *четвертичная* или *послѣтретичная* дѣлится обыкновенно на два подъотдѣла—дилювіальный и аллювіальный.

Во время дилювіальной эпохи температура на землѣ такъ сильно понизилась, что большая часть Европы и Сѣверной Америки лежала подъ громаднымъ ледянымъ покровомъ и даже въ тропическихъ странахъ снѣговая линія и глетчеры были значительно ниже, чѣмъ теперь, и горы южнаго материка покрылись также ледниками. Громадныя ледяныя массы двигались по всѣмъ направленіямъ изъ центральныхъ областей Скандинавіи, заполняли сѣверное и восточное моря, проходили черезъ Данію и Голландію до устьевъ Темзы и Рейна и достигали съ другой стороны, проходя надъ Германской низменностью, Гарца, Рудныхъ горъ и Судетскихъ; большая часть Европейской Россіи тоже была покрыта сплошнымъ льдомъ. Толщина этихъ ледяныхъ массъ доходила до 1—2 километровъ. Гигантскіе глетчеры спускались съ Альпійскихъ горъ въ равнины, гдѣ паслись мамонтъ и олень и гдѣ росли карликовая березка да полярныя травы; даже на горахъ Германіи лежали глетчеры до тѣхъ поръ, пока климатъ не смягчился, и снѣгъ не растаялъ, оставивъ послѣ себя груды камней, глины и песка. Тогда принялись за дѣло вѣтеръ и вода создали отложенія лёсса. Но холодная волна воздуха проносилась надъ земной поверхностью еще три, а по мнѣнію Пенка и четыре раза, вызывая каждый разъ явленія ледниковаго періода, затѣмъ, наконецъ, наступилъ умѣренный климатъ, а вмѣстѣ съ нимъ начался и новѣйшій геологическій періодъ, аллювіальный

продолжающійся и до сихъ поръ. И только слѣды, оставленные на камняхъ ледниками, обточенныя глыбы да характерныя формы земной поверхности въ областяхъ моренныхъ отложеній напоминаютъ еще о минувшемъ холодѣ.

Человѣкъ былъ уже свидѣтелемъ ледниковаго періода, вмѣстѣ съ нимъ жили вымершія теперь млекопитающія: пещерный медвѣдь, пещерный левъ, гигантскій олень, пещерная гіена, мамонтъ и длинношерстный носорогъ; слоны и зубры водились въ громадномъ количествѣ въ Средней Европѣ; въ Южной Америкѣ жили гигантскіе тихоходы и броненосцы, а въ Новой Зеландіи гигантскія птицы. Культура человѣка стояла на очень низкой ступени—это былъ періодъ каменнаго вѣка.

Всѣ каменныя породы и отложенія, образовавшіяся со времени ледниковаго періода относятся къ аллювіальныхъ—наноснымъ, новѣйшимъ образованіямъ; еще и теперь на нашихъ глазахъ они измѣняются подъ вліяніемъ воды и льда, вѣтра и органической жизни, силы давленія, тяжести и вулканической дѣятельности.

Въ сравненіи съ прошедшими геологическими періодами настоящій періодъ отличается поразительно малою продолжительностью, образованія его очень незначительны сравнительно съ тѣми, которыя намъ дали прежнія системы, но, между тѣмъ, если мы подумаемъ о томъ, какіе громадные успѣхи сдѣлала человѣческая культура за это время, то періодъ этотъ покажется намъ необычайно длиннымъ и важнымъ. Если же, съ другой стороны, мы вспомнимъ, что за эти тысячелѣтія культурной работы человѣка картина животнаго и растительнаго міровъ измѣнилась только незначительно и наряду съ этимъ представимъ себѣ громадныя измѣненія всего міра организмовъ на протяженіи прежнихъ геологическихъ періодовъ, то мы невольно подумаемъ о необъятно длинныхъ промежуткахъ времени, прошедшихъ съ перваго появленія жизни на землѣ и съ благодарностью будемъ взирать на великихъ людей, научившихъ насъ разбираться въ гіероглифахъ, начертанныхъ на обломкахъ окаменѣлостей, и возстановлять по нимъ исторію земного шара.

IV. Геологическая дѣятельность воды и вѣтра.

Между тѣмъ какъ дѣятельность вулканическаго и подземнаго огня направлена на то, чтобы создавать неровности на земномъ шарѣ, дѣятельность вѣтра и воды какъ бы противодѣйствуетъ первой: вода размываетъ горы, переноситъ размытыя части и отлагаетъ ихъ гдѣнибудь въ иномъ мѣстѣ; вѣтеръ тоже перемѣщаетъ мелкія разрыхленныя частицы горъ. Приглядываясь ближе мы замѣтили, что среди факторовъ, работающихъ надъ измѣненіемъ земной поверхности, особенно выдѣляются слѣдующія три: 1) солнечная теплота, какъ причина, вызывающая движеніе въ воздушныхъ и водяныхъ массахъ, 2) сила тяжести, которая при данныхъ условіяхъ мѣстности и характера горныхъ породъ опредѣляетъ, главнымъ образомъ, направленіе движенія, 3) дзиженіе земли вокругъ оси, оказывающее сильное вліяніе на направленіе массовыхъ движеній воды и воздуха въ горизонтальной плоскости.

Прошло много времени, пока убѣдились въ важномъ значеніи этихъ трехъ факторовъ геологической дѣятельности воды и вѣтра, и только очень недавно составлено ясное представленіе о движеніи воздуха и

воды. Интересно прослѣдить путь, по которому слѣдовали наблюдатели различныхъ временъ для разрѣшенія этого вопроса.

Древнія времена. Представленія грековъ и римлянъ о круговоротѣ воды были очень странны; древніе народы, а вмѣстѣ съ ними и древніе писатели—Гомеръ, Гезіодъ, Эсхилъ, предполагали, что вода на землѣ имѣетъ своимъ источникомъ океанъ, который громаднымъ потокомъ охватываетъ землю, а также проникаетъ и внутрь ея.

Іоническій географъ Анаксимандръ и его послѣдователи думали нѣсколько иначе: они считали море границею обитаемой земли и остаткомъ первобытнаго моря, покрывавшаго нѣкогда всю землю. Во всемъ остальномъ древнія воззрѣнія остаются въ силѣ: вся текучая вода беретъ начало въ морѣ, такъ что не только всѣ рѣки текутъ въ море, но и происходятъ изъ него; соль же утрачивается при прохожденіи черезъ внутренность земного шара.

Аристотель стоялъ на почвѣ непосредственнаго наблюденія, когда утверждалъ, что водохранилищами служатъ углубленія земной поверхности. Далѣе онъ говоритъ, что подъ вліяніемъ солнечнаго тепла море постоянно испаряется: подобно тому, какъ быстро исчезаетъ небольшое количество воды, налитое на поверхность земли, такъ же и громадныя количества воды подымаются въ воздухъ въ видѣ испареній въ парообразномъ состояніи; пары эти образуютъ облака и снова падаютъ на землю, гдѣ опять испаряются или же вбираются горами на подобіе губки, и внутри ихъ собираются въ источники или ключи. Такимъ образомъ, Аристотель признавалъ за всѣми источниками атмосферное происхожденіе, Платонъ же приписывалъ дождямъ происхожденіе только маленькихъ ключей, всѣ же остальныя текущія воды онъ относилъ къ существованію подземныхъ потоковъ. Ключевая вода ищетъ углубленій, низкихъ мѣстъ и образуетъ въ нихъ ручьи, рѣки, а въ соединеніи другъ съ другомъ большіе потоки, изливающіеся въ моря.

Уже древніе знали, что вода въ чистомъ видѣ не имѣетъ ни вкуса, ни запаха, ни цвѣта; и только благодаря соприкосновенію съ растеніями и земными породами или другимъ внѣшнимъ причинамъ вода пріобрѣтаетъ различныя свойства, а также и различный удѣльный вѣсъ, о которомъ имѣли тогда очень преувеличенныя понятія. Вода сама по себѣ должна быть холодной и тѣмъ холоднѣе, чѣмъ съ большей глубины земли она идетъ. Причиной горячихъ источниковъ считали обыкновенно соприкосновеніе съ подземнымъ огнемъ; но нѣкоторые авторы думали, что вода согрѣвается вслѣдствіе тренія, пробираясь внутрь земли по узкимъ трещинамъ и проходамъ; были и такіе, которые приписывали высокую температуру воды химическимъ процессамъ: соединенію воды съ известью, сѣрою, квасцами и селитрою. Древніе имѣли нѣкоторое понятіе о минеральномъ составѣ нѣкоторыхъ источниковъ; наблюдали также и способность ихъ покрывать корочкой предметы, подвергнутые дѣйствію воды такихъ источниковъ.

Среди многихъ фантастичныхъ взглядовъ древнихъ грековъ на круговоротъ воды существовали и вѣрныя воззрѣнія, внесенныя Аристотелемъ; онъ указалъ, напр., на то, что соленая вода тяжелѣе прѣсной и что вслѣдствіе этого и плотность ея гораздо выше. Замѣчено было, что вода Азовскаго моря за пятьдесятъ лѣтъ сдѣлалась менѣе соленой, благодаря чему уменьшилась и ея плотность. Производились и измѣренія глубины морей, дѣлалось это въ интересахъ судоходства: измѣренія эти дали слѣдующіе результаты: Азовское море оказалось самымъ мелкимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ тогда морей, Черное,

за исключеніемъ нѣсколькихъ неизмѣримо глубокихъ мѣстъ, мельче Эгейскаго, западная часть Средиземнаго моря очень глубокой.

Волны, по мнѣнію Аристотеля, происходятъ отъ особеннаго движенія моря, Сенека же во второй книгѣ своихъ наблюденій относитъ волнообразное движеніе воды, совершенно правильно, къ дѣйствію вѣтра. Морскія теченія, по Аристотелю, являются слѣдствіемъ различнаго уровня отдѣльныхъ частей моря и движенія воды изъ высшихъ мѣстъ въ низшія. Водовороты происходятъ отъ того, что разверзается внезапно одна изъ подземныхъ пещеръ.

На ряду съ довольно обширнымъ и глубокимъ знаніемъ моря, древніе очень мало обращали вниманія на его геологическую дѣятельность. Правда, они знали, что массы ила покрываютъ морское дно, что большія рѣки выносятъ въ моря земные остатки и отлагаютъ ихъ тамъ; но они не подумали изъ этого обстоятельства сдѣлать дальнѣйшій выводъ, что эти массы постоянно приносимаго съ суши ила должны образовать мощные слои, которые при поднятіи морского дна или исчезновеніи самого моря могутъ послужить первоначальнымъ матеріаломъ для горъ или вообще твердой земли. Хотя древніе и знали, что моря иногда заливали и топили подъ собою землю, но они приписывали это скорѣе внезапнымъ переворотамъ, сильнымъ наводненіемъ, чѣмъ медленной, но постоянной работѣ волнъ, отрывающихъ отъ берега постепенно одинъ камень за другимъ, одну скалу за другою.

Съ другой стороны они знали, что береговая полоса иногда увеличивается за счетъ моря, но и здѣсь истинная причина этого ускользала отъ нихъ: они думали, что море высыхаетъ и удаляется отъ берега; впрочемъ они знали и о томъ, что море можетъ медленно, постепенно увеличивать береговую полосу, принося вмѣстѣ съ волнами песокъ и илъ.

Древніе имѣли нѣкоторое представленіе объ образовательной дѣятельности рѣкъ; они знали по опыту, что рѣки несутъ съ собою илъ и гравій, которые осаждаются и загромождаютъ русла рѣкъ и даже до извѣстной степени измѣняютъ характеръ широкихъ рѣчныхъ долинъ; они знали также, что наносныя мели передвигаются все дальше въ море и мало-по-малу даютъ поводъ къ образованію дельтъ. Но здѣсь они придерживались не современной намъ точки зрѣнія, такъ какъ имѣли ложное представленіе о времени, какъ о геологическомъ факторѣ: въ этомъ отношеніи они были въ высшей степени недальнозорки; отложенія, на которыя понадобились громадныя количества времени, по мнѣнію древнихъ, образовались въ какія-нибудь тысячелѣтія, вообще они невѣрно оцѣнивали (гораздо выше) значеніе отдѣльныхъ геологическихъ явленій по ихъ вліянію на измѣненіе земной поверхности. Особенно ясно видно это изъ представленія Геродота объ образованіи наносной равнины дельты Нила. Первыя геологическія изысканія были произведены египтянами. Геродотъ во 2-й книгѣ своей исторіи говоритъ: «Первый царь Египта изъ человѣческаго рода былъ Минъ. Въ его время весь Египетъ до округа Θивъ былъ покрытъ водою, ни одинъ кусокъ сухой земли не выступалъ изъ воды тамъ, гдѣ теперь лежитъ озеро Мѣрисъ, куда надо добираться семь дней вверхъ по рѣкѣ. Я нашелъ вполнѣ справедливымъ то, что они говорятъ о своей землѣ. Каждый наблюдательный человѣкъ согласится съ тѣмъ, что тотъ Египетъ, куда ѣздятъ греки, является для египтянъ подаркомъ рѣки; тоже самое можно сказать и о землѣ, лежащей въ трехъ дняхъ пути отъ озера. О характерѣ и качествахъ египетской земли можно сказать

слѣдующее: если на разстояніи одного дня пути отъ берега бросить лотъ, то онъ вытащитъ илъ, хотя бы это было и на глубинѣ 11 саженей. Обстоятельство это указываетъ на то, что рѣка заноситъ илъ очень далеко. Вплоть до Геліополиса Египетъ представляетъ широкую плоскую равнину, богатую водой и иломъ. Дальше за Геліополисъ выше по Нилу Египетъ дѣлается узкимъ. Жрецы утверждаютъ, что большая часть этой земли нанесена водою. Вся мѣстность между вышеупомянутыми горными цѣпями за Мемфисомъ было когда-то морской бухтой,—въ этомъ я убѣдился. Если мы предположимъ, что Нилъ измѣнитъ теченіе и будетъ изливать свои воды въ Аравійскій заливъ, то что можетъ воспрепятствовать занести иломъ заливъ этотъ въ продолженіи 20000 лѣтъ. Даже я думаю, что это могло бы произойти въ 10000 лѣтъ. Я вполнѣ вѣрю тѣмъ, которые говорятъ это объ Египтѣ, и согласенъ съ ними на основаніи собственныхъ наблюденій послѣ того, какъ увидѣлъ, что Египетъ выступаетъ дальше, чѣмъ сосѣдняя земля, что на горахъ встрѣчаются раковины, а на землѣ образуется соленая корочка, разъѣдающая даже пирамиды, что только одна гора выше Мемфиса покрыта пескомъ, а кромѣ того мѣстность эта совершенно непохожа ни на граничащую съ нею Аравію ни на Либію, ни на Сирію, но обладаетъ черной и болотистой почвой, нанесенной Ниломъ изъ Эѳіопіи. Жрецы указывали еще на одно доказательство возникновенія земли: именно на то обстоятельство, что во времена царя Мёриса рѣка затопляла землю ниже Мемфиса, поднявшись всего на 8 локтей, а со времени смерти Мёриса прошло всего 900 лѣтъ. Теперь же рѣка должна подняться по крайней мѣрѣ на 15—16 локтей, чтобъ затопить берега».

Изъ этого простого и яснаго описанія мы узнаемъ, что египетскіе жрецы хотя и имѣли довольно точное представленіе о созидательной работѣ текущей воды и о природѣ наносной земли, но съ другой стороны они преувеличивали значеніе этой созидательной дѣятельности. Такъ, жрецы думали, что со временъ царя Мина (3200 до Р. Х.) и до середины пятаго столѣтія до Р. Х. Нилъ заливалъ всю наносную часть Египта, лежащую ниже Ѳивъ (по сказанію Геродота болѣе чѣмъ на 1000 километровъ), а что со времени царя Мёриса и до посѣщенія Египта Геродотомъ (около 450 г.), т.-е. въ періодъ едва 900 лѣтъ наносный слой увеличился въ толщину на 1 — 8 локтей. Это непониманіе продолжительности геологическихъ періодовъ времени перешло отъ египтянъ и къ грекамъ, напримѣръ, у Геродота мы встрѣчаемъ мнѣніе, что Красное море можетъ быть занесено Ниломъ въ 10.000 лѣтъ. Аристотель, повторяя взглядъ Геродота на образованія наносныхъ береговъ и дельты Нила, прибавляетъ еще, что Египетъ съ окружающими его землями составлялъ нѣкогда одно огромнѣйшее море и высыхалъ мало-по-малу. Либія и оазисъ Аммонъ лежали ниже береговъ; тамошнее море сдѣлалось обособленнымъ внутреннимъ озеромъ и затѣмъ уже высохло. Та же участь должна постигнуть въ недалекомъ будущемъ и Азовское море (Мэотисъ) благодаря наноснымъ мелямъ, образуемымъ Дономъ. По словамъ Аристотеля, море мѣняетъ свои очертанія; гдѣ прежде была вода, теперь можетъ быть земля, которая со временемъ опять можетъ покрыться водою, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ море будетъ вытѣснено наносной землей. Черное море дѣлается мельче, большія рѣки, впадающія въ него, приносятъ съ водой землю, песокъ, илъ, которые отлагаясь на днѣ моря, поднимаютъ воду и заставляютъ ее течь черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ въ Средиземное море.

Стратонъ Лампсакосъ (240 л. до Р. Х.) и Эратосѳенъ приняли уче-

ніе Аристотеля и развили его дальше: они указали на отступленіе отъ береговъ Чернаго моря, на наносныя мели въ Дунайскомъ устьѣ и пришли къ выводу, что Черное море раньше переполнялось водою, приносимою рѣками, дно морское поднималось наносною землею, происходило поднятіе уровня воды до тѣхъ поръ, пока вода не прорвалась черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ. Средиземное море подверглось той же участи: раньше оно не имѣло протока на западѣ и, покрывая Нижній Египетъ и Либію, составляло одно цѣлое съ Арабскимъ заливомъ; затѣмъ вода прорвала скалистый перешеекъ, соединявшій западныя оконечности Африки и Европы; Египетъ, Либія и Суэцкій перешеекъ обратились въ твердую землю. Греки вѣровали, что перешеекъ между Европой и Африкой былъ прорванъ Геркулесомъ. Римскій географъ Помпоній Мела, жившій въ Испаніи и издавшій въ 40-мъ или 44-мъ году послѣ Р. Х. свои очерки по географіи, былъ, напротивъ, того мнѣнія, что проливъ Гибралтарскій былъ прорытъ океаномъ, который затѣмъ и заполнилъ водой бассейнъ Средиземнаго моря. Аристотель больше всего обратилъ вниманіе на тихую и медленную созидательную работу рѣкъ, Страбонъ же, Эратосѳенъ, Помпоній Мела предполагали существованіе могучихъ катастрофъ, производившихъ сразу, однимъ ударомъ, значительныя перемѣны на земной поверхности: взглядъ этотъ времени отъ времени повторялся впродолженіи многихъ вѣковъ и занималъ первенствующее мѣсто въ геологическихъ изысканіяхъ.

Греки наблюдали и знали, что рѣки и ручьи приносятъ съ собою значительныя количества гравія, песку илу, и отлагая ихъ въ своихъ устьяхъ, образуютъ мели и дельты; знали также греки, откуда идетъ этотъ матеріалъ; они видѣли, что земля и мелкій гравій сносятся съ горъ дождевою водой и попадаютъ такимъ образомъ въ ручьи и рѣки.

Но изъ этого наблюденія, какъ, впрочемъ, изъ многихъ другихъ. греки не сумѣли сдѣлать вѣрнаго вывода—они не поняли, что это вымываніе горныхъ породъ и перенесеніе ихъ на другое мѣсто оказываетъ громадное вліяніе на измѣненіе земной поверхности и что этимъ можно объяснить много явленій, которыя и позднѣе, еще впродолженіи многихъ вѣковъ казались непонятными.

Овидій въ своихъ «Метаморфозахъ» (XV) только одинъ разъ указываетъ на вліяніе текущей воды: «То, что было раньше равниною, текущія воды обратили въ долину, а горы смываются водою, и на мѣстѣ ихъ получается равнина». Но Овидій не идетъ дальше этого утвержденія. Несмотря на это, надо признать, что греки и римляне имѣли вѣрное представленіе о дѣятельности текучихъ водъ, но очень смутное — о геологическомъ значеніи снѣга и льда. Впрочемъ, это вполнѣ естественно, такъ какъ въ тепломъ климатѣ земель, лежащихъ по Средиземному морю, вообще очень мало имѣли дѣло со снѣгомъ, и потому ни греки, ни римляне не обратили на него большого вниманія.

Посейдоній и Анаксименъ считали снѣгъ замерзшимъ дождемъ, Платонъ же думалъ, что снѣгъ и иней образуются вслѣдствіе выдѣленія изъ воздуха частицъ воды и огня; если же выдѣленіе это происходитъ быстро, то въ воздухѣ появляется градъ, а на землѣ ледъ. Аристотель считалъ иней за замерзшій туманъ, а снѣгъ за таковое же облако. Сенека въ концѣ своей 4 книги о созерцаніи природы (4 глава) говоритъ: «Зимою воздухъ становится плотнѣе, и потому не можетъ обращаться въ воду, но превращается въ снѣгъ».

Древніе народы знали, конечно, о существованіи горныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Но Геродотъ горячо опровергалъ возможность такихъ горъ въ Африкѣ, такъ думали и позднѣе, пока Птоломей опять не заговорилъ о снѣжныхъ вершинахъ въ Эѳіопіи. О глетчерахъ не упоминается у древнихъ писателей. Впрочемъ, Страбонъ упоминаетъ попутно о лавинахъ въ 4-й книгѣ своего описанія земли. Не имѣя точнаго представленія о снѣгѣ, греки и римляне не могли, конечно, имѣть и понятія объ его вліяніи на измѣненіе земной поверхности. И о геологическомъ значеніи вѣтра у нихъ не было точнаго представленія; они знали, что вѣтеръ подымаетъ на воздухъ легкіе предметы, какъ, напр., пыль, песокъ, золу и часто переноситъ на значительныя разстоянія, но они упустили изъ виду, что, повидимому, незначительныя дѣйствій отдѣльныхъ воздушныхъ теченій въ общей сложности, впродолженіи значительнаго количества времени, производятъ замѣтныя отложенія.

Древніе знали также, что при вулканическихъ изверженіяхъ вѣтры оказываютъ сильное вліяніе на распространеніе вулканическаго пепла и небольшихъ кусочковъ шлаковъ, что подтвердилось при изверженіи Везувія въ 79 г. послѣ Р. Х., о чемъ разсказываетъ Плиній Младшій въ своемъ описаніи этого изверженія; у другихъ же дошедшихъ до насъ писателяхъ объ этомъ не упоминается.

Средніе вѣка. Христіанскіе писатели начала среднихъ вѣковъ всѣ свои взгляды о водѣ, ея вмѣстилищахъ, ея круговоротѣ на землѣ основывали на Библіи, но скудость библейскихъ свѣдѣній заставляла ихъ обращаться къ работамъ греческихъ или римскихъ писателей или же слѣдовать измышленіямъ собственной фантазіи. Такимъ путемъ появилось на свѣтѣ нѣсколько различныхъ теорій, которыя съ перемѣннымъ счастьемъ были въ ходу во все время среднихъ вѣковъ.

Такъ, между прочимъ, средневѣковые ученые думали, что не только всѣ главныя рѣки берутъ начало въ четырехъ райскихъ потокахъ, а черезъ нихъ, слѣдовательно, имѣютъ одинъ общій источникъ въ раю, но что всѣ текущія воды, вся влажность на землѣ, даже океанъ, имѣютъ одинъ общій первоисточникъ. Чаще всего такимъ общимъ источникомъ считали самъ океанъ, всѣ рѣки брали начало въ океанѣ, а внутри земли предполагалась сложная система каналовъ и водоемовъ, гдѣ собиралась ключевая вода. Взглядъ этотъ основывали на слѣдующей цитатѣ: «Всѣ воды текутъ въ море, но оно не дѣлается полнѣе; онѣ текутъ въ то же мѣсто, откуда и происходятъ». Въ этомъ мѣстѣ Библіи указывается на круговоротъ воды, но, къ сожалѣнію, не говорится, какимъ путемъ совершается этотъ круговоротъ, и потому толкователямъ св. Писанія пришлось самимъ придумывать объясненія. Григорій Нисскій опровергалъ мнѣніе древнихъ, что рѣки питаются озерами, такъ какъ послѣднія должны изсякнуть, если не будетъ къ нимъ притока новой воды. Объясненіе, которое намъ даетъ вышеупомянутый отецъ церкви, такъ же чуждо намъ, какъ и отвергнутая имъ гипотеза. Григорій Нисскій воображалъ, что земля и вода должны имѣть внутреннее взаимное притяженіе, что какъ въ водѣ содержится земля, такъ и въ землѣ есть вода; подобно Аристотелю, онъ признавалъ также, что влажность и холодъ свойственны водѣ, а сухость и тепло—землѣ; по его мнѣнію, земля тѣмъ холоднѣе, чѣмъ дальше отъ поверхности, и тѣмъ становится болѣе воспріимчивой къ переходу въ воду; подтвержденіе онъ находилъ въ томъ фактѣ, что при рытьѣ колодцовъ сперва наталкиваешься на иловатую землю и, наконецъ, только на

значительной глубинѣ встрѣчаешь совершенно чистую воду, просачивающуюся тонкими струйками черезъ плотныя каменныя породы. Онъ не описываетъ самаго процесса этого превращенія, указываетъ только на то, что главную роль здѣсь играетъ холодъ. Подъ вліяніемъ солнечнаго тепла изъ земли выдѣляется влага или въ формѣ видимаго тумана, или въ видѣ тонкихъ истеченій, которыя, только обратившись въ облака, становятся видимыми. Но болѣе всего было распространено представленіе, что солнечная теплота обращаетъ морскую воду въ пары, которые изъ облаковъ снова падаютъ на землю, въ видѣ дождя, а земля вбираетъ въ себя эту воду. Чтобы объяснить, какимъ образомъ соленая вода превращается въ прѣсный дождь, пришли къ выводу, что только болѣе легкія и чистыя частицы морской воды подымаются вверхъ, болѣе же твердыя, сухія, остаются. Мнѣніе это заимствовано у Аристотеля, какъ и вообще большинство взглядовъ отцовъ церкви слагалось подъ вліяніемъ древнихъ авторовъ.

Арабскіе ученые, напротивъ, сознательно усвоили себѣ естественно-историческіе взгляды Аристотеля. Масуди († 956) сдѣлалъ существенные успѣхи послѣ Аристотеля; онъ доказалъ на опытѣ испареніе моря: онъ обращалъ въ пары соленый растворъ, охлаждалъ ихъ и получалъ совершенно прѣсную воду. Онъ сравнилъ круговоротъ воды съ подъемнымъ колесомъ, которое поднимаетъ воду изъ рѣки, пропускаетъ ее по полямъ и затѣмъ снова возвращаетъ въ рѣку. Соленый вкусъ воды, по его мнѣнію, происходитъ отъ того, что впадающія въ моря рѣки по дорогѣ растворяютъ соль и др. вещества и приносятъ ихъ съ собою въ море. Кацвини (конецъ XIII-го в) указалъ, что водяные пары изъ воздуха сгущаются въ дождь на большихъ горахъ. Онъ зналъ также, что горные потоки размываютъ горы и сносятъ эти размытыя частички въ море, гдѣ и отлагаютъ ихъ. Въ ученіи о сухихъ и влажныхъ испареніяхъ Кацвини придерживается взглядовъ Аристотеля. «И тѣ и другіе пары образуютъ надъ земной поверхностью облака, вѣтеръ, дождь, снѣгъ и другія т. п. явленія, а внутри земли—землетрясенія, источники, рудники».

Аль Беруни, изучившій подробно наносныя земли Ефрата, Тигра и Ганга, замѣтилъ, что въ верхнемъ теченіи рѣки несутъ съ собою довольно крупные гальки, далѣе болѣе мелкій гравій, а вблизи моря только песокъ.

Въ болѣе поздніе христіанскіе средніе вѣка, во времена схоластики, о круговоротѣ воды существовали различные взгляды, также какъ и во времена отцовъ церкви; одно только стало яснымъ, что море служитъ источникомъ всей влаги на землѣ. Больше всего было распространено мнѣніе, что солнечное тепло заставляетъ воду испаряться, что дождевая вода проникаетъ въ землю и тамъ собирается, чтобы опять въ видѣ ключей появиться на землѣ. Альбертъ Великій, Вильгельмъ Конхесъ (XII в.) и другіе думали наоборотъ, что вода проникаетъ внутрь земли мелкими струйками и собирается тамъ въ громадныхъ водоемахъ, откуда уже раздѣляется на ручейки и выходитъ наружу. Между тѣмъ какъ большинство схоластиковъ не задумывались надъ вопросомъ, какою силою вода поднимается вверхъ, Вильгельмъ Конхесъ предполагалъ, что вода должна стремиться вверхъ, такъ какъ благодаря плотности земли она не можетъ проникать очень глубоко. Альбертъ Магнусъ думалъ напротивъ, что водяной паръ, образующійся на потолкахъ подземныхъ пещеръ, своимъ тепломъ притягиваетъ себѣ воду и заставляетъ ее подниматься вверхъ и искать выхода наружу.

Другіе же думали, что водохранилища лежатъ не ниже самихъ источниковъ. Если каналъ, по которому течетъ вода, почему-либо засоряется или дѣлается непроходимымъ, то такіе источники изсякаютъ, а вода гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ прокладываетъ себѣ путь и выходитъ на свѣтъ Божій въ иномъ мѣстѣ.

Въ этотъ періодъ конца среднихъ вѣковъ много разъ поднимался вопросъ о происхожденіи подземныхъ ключей; но въ него не было внесено чего-либо существеннаго или новаго. Нѣкоторые объясняли высокую температуру воды вліяніемъ подземнаго огня, о чемъ говорили и многіе древніе писатели; другіе думали, что вода согрѣвается при своемъ прохожденіи по узкимъ каналамъ вслѣдствіе давленія и тренія; третьи причиной нагрѣванія считали испареніе воды, были и такіе, которые думали, что солнечное тепло скопляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутри земли и нагрѣваетъ проникающую туда воду. Альбертъ Магнусъ отвергаетъ эту послѣднюю теорію, указывая на то, что въ такомъ случаѣ источники должны имѣть перемѣнную температуру: лѣтомъ они должны быть горячими, а зимою холодными, чего въ дѣйствительности не наблюдается. Альбертъ отвергаетъ также и теорію Демокрита, по которой нагрѣваніе воды происходитъ отъ соприкосновенія съ жженной известью, опровергаетъ на томъ основаніи, что такіе ключи должны были бы изсякнуть прекращаться черезъ нѣкоторое время. Но онъ забываетъ при этомъ, что точно такой же упрекъ можно сдѣлать и его теоріи, по которой вода нагрѣвается отъ горящихъ внутри земли залежей сѣры.

Новое время. Въ первыхъ столѣтіяхъ такъ называемой новой исторіи въ ходу были средневѣковыя воззрѣнія въ области геологіи; такъ что, собственно говоря новый періодъ въ изслѣдованіяхъ земной коры надо отнести къ XVII-му или XVIII-му вв. Систематическія, составленныя по ранѣе опредѣленному плану изслѣдованія начались только въ концѣ XVIII-го в. Изысканія эти затѣмъ развились до такой степени, что вскорѣ возникъ цѣлый рядъ спеціальностей по отдѣльнымъ отраслямъ геологіи. И здѣсь мы будемъ придерживаться этого дѣленія на спеціальности.

Круговоротъ воды. Ни въ одной области геологіи средневѣковыя воззрѣнія не держались такъ долго, какъ въ вопросѣ о движеніи воды. До XVII-го столѣтія никто не осмѣливался оспаривать взглядовъ, высказанныхъ Аѳанасіемъ Кирхеромъ въ такой ясной и убѣдительной формѣ.

Вода находится въ постоянномъ круговоротѣ не только въ морѣ, но и внутри земли. Морскія теченія, изображенныя Кирхеромъ на своей физической картѣ, въ тропическихъ странахъ имѣютъ по преимуществу восточно-западное направленіе, такъ какъ солнце движется съ востока на западъ и своими лучами поглощаетъ громадное количество воды въ жаркомъ поясѣ; чтобы возмѣстить эту убыль и возстановить равновѣсіе, и происходятъ теченія въ томъ направленіи, какъ двигается солнце. Но такъ какъ потеря воды значительна, то происходитъ теченіе и изъ болѣе высокихъ широтъ, устанавливаются теченія отъ полюсовъ къ экватору.

Помимо этого движенія воды въ океанѣ, Аѳанасій Кирхеръ предполагаетъ еще и второе движеніе черезъ середину, внутренность земного шара: морская вода на сѣверномъ полюсѣ уходитъ внутрь земли, проходитъ черезъ весь земной шаръ, по дорогѣ очищается посредствомъ подземнаго огня и снова появляется на поверхности земли на

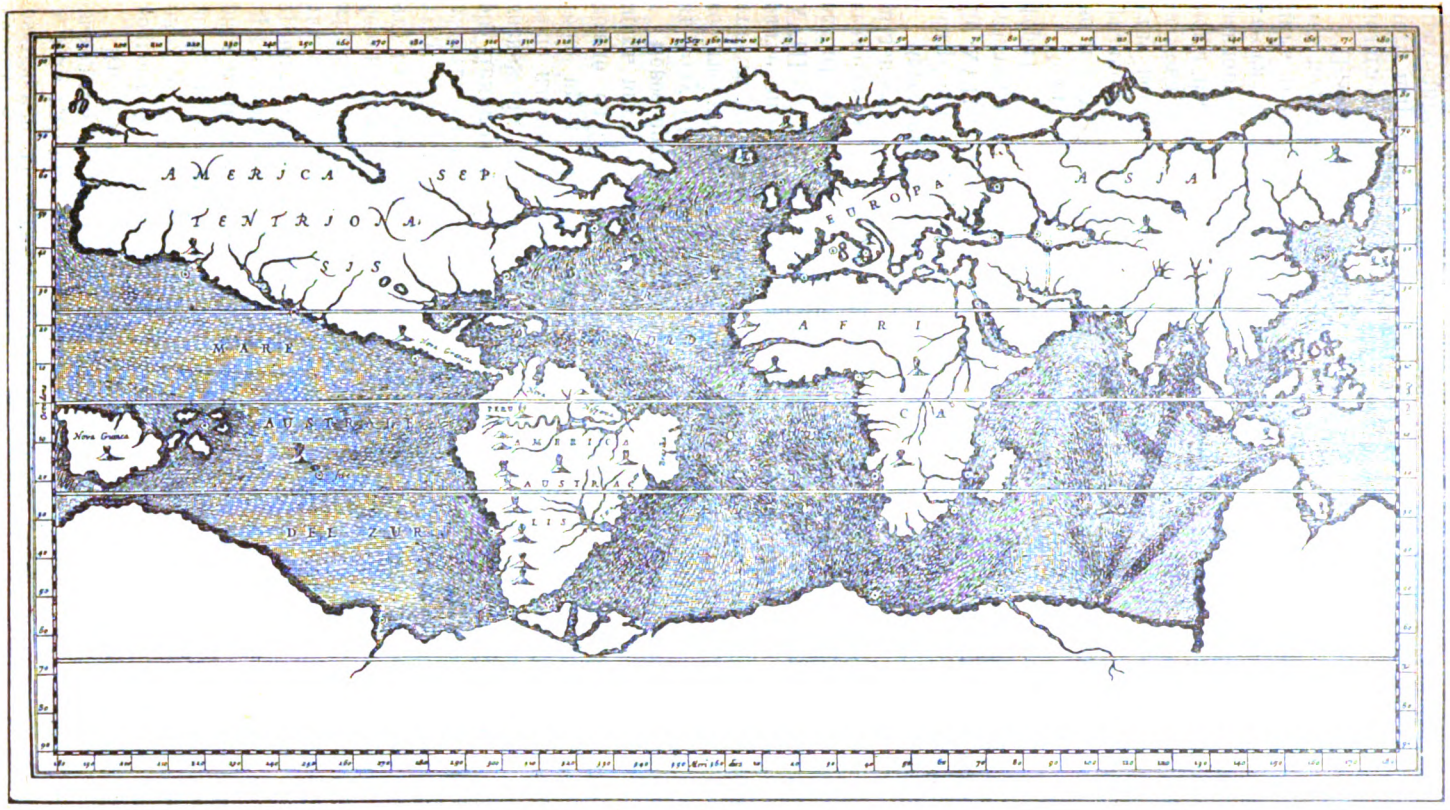


Рис. 58. Физическая карта земного шара съ указаніемъ морскихъ теченій и вулканическихъ областей по «Mundus subterraneus» 1665 г.

южномъ полюсѣ. Вслѣдствіе этого въ арктической области вода подвигается спиралью и образуетъ воронку, а въ антарктической вода начиная отъ полюса, расходится въ разныя стороны.

Кирхеръ предполагалъ даже, что моря и озера тоже находятся въ связи между собою; напр., онъ думалъ, что Черное море соединено съ Каспійскимъ посредствомъ подземныхъ протоковъ, а это послѣднее съ Персидскимъ заливомъ; съ другой стороны Красное море имѣетъ связи съ Мертвымъ и со Средиземнымъ морями. Подземные каналы проходятъ черезъ Сицилію, Скандинавію, Мексиканскій перешеекъ. Такъ какъ средневѣковые ученые предполагали земной шаръ изрѣзаннымъ внутри каналами, протоками и пещерами, то имъ не казалась странной такая связь между отдаленнѣйшими водными бассейнами; Аѳанасій Кирхеръ рисуетъ даже картину этихъ подземныхъ хранилищъ.

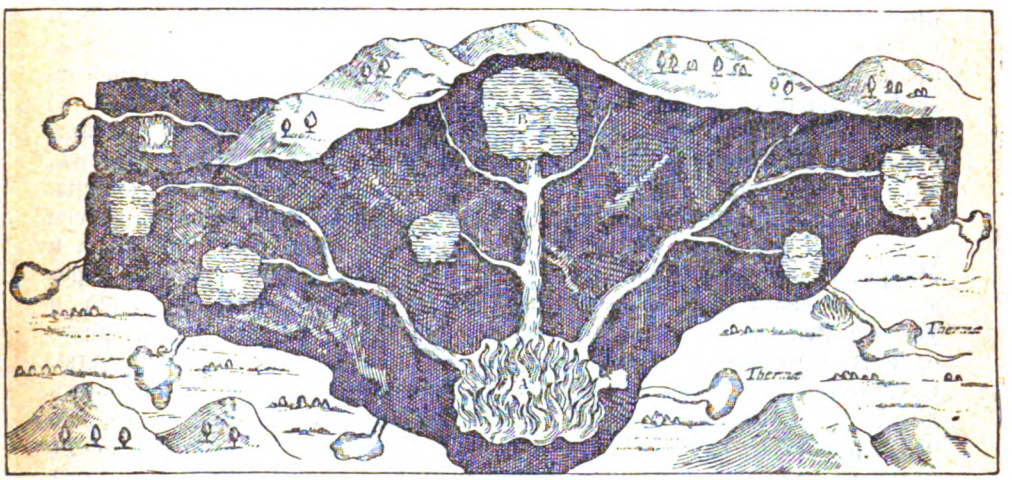


Рис. 59 Происхожденіе горячихъ ключей. По Кирхеру. 1665. A. Подземный очагъ. B. Подземныя водохранилища.

Рядомъ съ пещерами съ огнемъ (Pyrophylacia) представлены пещеры съ водою (Hydrophylacia), которыя соединены между собою и съ моремъ подземными каналами. Чтобы вода не портилась, а огонь не погасъ, подъ землею предполагались пещеры, наполненныя воздухомъ и находившіяся въ связи и съ водными и огненными пещерами (Aerophylacia).

О возникновеніи ключей Кирхеръ придерживается немного измѣненнаго аристотельскаго объясненія: дожди и таяніе снѣговъ могутъ содѣйствовать образованію источниковъ, но только періодическихъ, не постоянныхъ; ключи происходятъ также отъ подземной перегонки воды и обращенія ея затѣмъ опять въ воду; объясненіе основано на его теоріи огненныхъ очаговъ, подземныхъ водныхъ хранилищъ и каналовъ и не уклоняется существенно отъ ученія Аристотеля. Большинство источниковъ беретъ начало въ Hydrophylacia'хъ, лежащихъ въ нѣдрахъ горъ и получающихъ воду исключительно изъ моря посредствомъ подземныхъ каналовъ. Въ водохранилища, лежащія выше уровня моря, вода накачивается какъ бы насосами съ помощью вѣтра и силою прилива. Изъ большихъ подземныхъ водоемовъ вода распредѣляется по отдѣльнымъ рѣкамъ и ручьямъ. Кирхеръ далъ намъ

схему этого круговорота воды изъ океана подъ землю и оттуда снова въ океанъ по земной поверхности.

Вода изъ высоко лежащихъ хранилищъ можетъ пробираться въ ниже лежащія, наполнять ихъ и питать такимъ образомъ выходящія изъ нихъ рѣки. Минеральный составъ ключевой воды зависитъ отъ свойства земныхъ пластовъ, по которымъ приходится водѣ проникать; высокая температура нѣкоторыхъ источниковъ объясняется вліяніемъ подземнаго огня.

Многіе позднѣйшіе писатели подобнымъ же образомъ изображаютъ круговоротъ воды, напр., Іоганъ Гербиніусъ въ своемъ «Разсужденіи о чудесныхъ наземныхъ и подземныхъ водныхъ потокахъ» (1678). Въ этомъ трудѣ авторъ старается, между прочимъ опредѣлить точное мѣстонахожденіе рая и начертить его карту.

Несмотря на свою фантастичность, карта эта представляетъ большой интересъ для насъ: она наглядно показываетъ намъ средневѣковыя представленія о развѣтвленіяхъ рѣкъ, которыя стали исчезать только съ XVIII-мъ в., Хотя ученіе Кирхера о круговоротѣ воды находило сторонниковъ и въ XVIII-го в. но уже при жизни его французскій физикъ де Марріотъ въ 1678 г. нанесъ этому ученію смертельный ударъ. Марріотъ (1620—1684) указалъ, что атмосферная вода, проникая въ землю, собирается надъ непропускающими воду слоями и течетъ по ихъ уклону до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ на поверхность земли въ видѣ ключа или источника. Впрочемъ, мнѣніе это высказывалось и раньше Бернардомъ Палисси (1580), но на слова его не обратили ни малѣйшаго вниманія, да и Марріоту посчастливилось не сразу; и Лейбницъ въ своихъ «Протогеяхъ» выступилъ въ походъ противъ средневѣковыхъ теорій и указалъ, что въ вопросѣ объ образованіи источниковъ главную, даже единственную роль играетъ собственная сила тяжести текущей воды. Слѣдовательно, по его убѣжденію, источники имѣютъ своимъ началомъ дождевую и снѣговую воду. Лейбницъ обратилъ вниманіе на то, что на вершинахъ горъ не встрѣчается ключей, но что «они получаютъ влагу съ мѣстъ, лежащихъ выше ихъ, и отводятъ такимъ путемъ излишекъ воды»

Всѣ наши современныя свѣдѣнія о круговоротѣ воды основаны на замѣчательныхъ изысканій и трудахъ Карла-Густава Бишофа (1792—1870) и Г. А. Добрэ (1814—96) о подземной циркуляціи воды. Мы знаемъ, что вся ключевая вода получается, главнымъ образомъ, отъ дождя, снѣга и другихъ осадковъ, которые, въ свою очередь, образуются благодаря испаренію водяныхъ массъ, находящихся на «поверхности земли; испаренія эти поднимаются въ атмосферу и воздушными теченіями разносятся по всѣмъ направленіямъ. Падающій на землю дождь, а также и вода, получаемая отъ таянія замерзшихъ осадковъ (снѣгъ, градъ, крупа) текутъ частью непосредственно по поверхности земли, частью же впитываются ею, проникаютъ внутрь въ видѣ тонкихъ струекъ (горная вода). На ряду съ этой циркулирующей струйками водой мы встрѣчаемъ воду и въ углубленіяхъ или трещинахъ плотныхъ горныхъ породъ, вода же заполняетъ и свободныя пространства въ рыхлыхъ породахъ (почвенная вода).

Если же порода пориста, какъ, напримѣръ, щебень, гравій, песокъ песчаникъ и т. п. или же, будучи плотной, пересѣкается трещинами, какъ, напр.. известнякъ или доломиты, то вода черезъ трещины и поры просачивается дальше въ глубь, и дойдя до не пропускающихъ или плохо пропускающихъ воду слоевъ (глина, кристаллическій сланецъ,

плотныя вулканическія породы) вода собирается на этихъ породахъ и, смотря по условіямъ, образуетъ или подземное почвенное озеро, или потокъ. Тамъ, гдѣ почвенная вода выступаетъ на поверхность, образуется ключъ. Большинство родниковъ возникаютъ по склонамъ возвышенностей, а именно, когда долина прорѣзываетъ водоупорный слой, лежащій горизонтально или въ наклонной плоскости. Если же непроницаемый слой образуетъ котловину, то вода заполняетъ эту котловину до тѣхъ поръ, пока не найдетъ себѣ истока, такимъ образомъ образуются падающіе ключи, бѣгущіе внизъ по склону горы.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда водопроницаемый слой проходитъ въ видѣ котловины между слоями, не пропускающими воду; тогда вода собирается въ водопроницаемомъ слоѣ и поднимается равномѣрно по обѣимъ сторонамъ котловины до тѣхъ поръ, пока слой не перерѣжется горнымъ ущельемъ или долиной,—тогда вода выбрасывается въ видѣ фонтана.

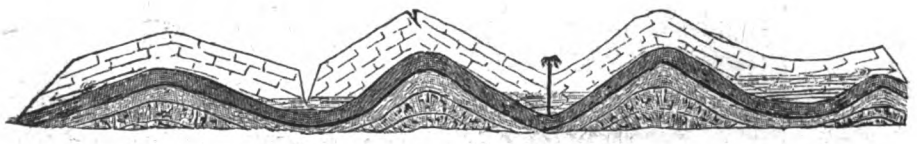


Рис. 60. Схематическое изображеніе способовъ образованія ключей.

Изъ только что сказаннаго видно, какъ важны точныя свѣдѣнія о свойствахъ и геологическомъ расположеніи земныхъ пластовъ для опредѣленія мѣстонахожденія воды и рытья колодцевъ, особенно въ такихъ безводныхъ мѣстахъ, какъ оазисы Сахары, Алжиръ и австралійскія колоніи. Количество воды въ источникахъ колеблется въ зависимости отъ величины площади, откуда собирается вода, равно какъ и отъ характера климатическихъ условій въ различныя времена года. Чѣмъ больше бассейнъ, чѣмъ длиннѣе подземный путь, тѣмъ равномѣрнѣе количество воды, если же бассейнъ невеликъ, то источники очень часто высыхаютъ въ сухое время года.

Температура родниковой воды зависитъ главнымъ образомъ отъ температуры каменныхъ породъ, по которымъ течетъ вода, такъ же какъ и отъ температуры основной воды: вода, получаемая отъ таянія снѣга и льда, даетъ холодные ключи, если только она не прошла глубоко внутрь земли; вода, бывшая долгое время на значительной глубинѣ и достигнувшая быстро земной поверхности, является въ видѣ теплыхъ ключей; теплые же ключи образуются также въ вулканическихъ областяхъ, но тамъ они не указываютъ на глубокое происхожденіе воды, вода можетъ нагрѣваться и отъ вулканическихъ породъ.

Родниковая вода содержитъ иногда въ растворѣ большее или меньшее количество минеральныхъ веществъ, особенно богаты такимъ содержимымъ источники известковыхъ горъ (углекислая известь). При сильномъ испареніи, а частью при содѣйствіи водяныхъ растеній, минеральныя соединенія выдѣляются, и нѣкоторые ручьи и родники осаждаютъ такое большое количество углекислой извести, что предметы, опускаемые въ воду, въ короткое время покрываются известковой корой, а на днѣ и по берегамъ получаются значительныя отложенія известковаго туфа или травертино.

Смотря по роду твердыхъ и газообразныхъ составныхъ своихъ частей источники дѣлятся на: 1) кислые (содержащіе углекислоту), 2) желѣзистые (содержатъ угольную кислоту и желѣзо), 3) горькіе (сѣрнокислую магнезію и сѣрно-кислый натръ), 4) соленые (поваренную соль) и т. д.

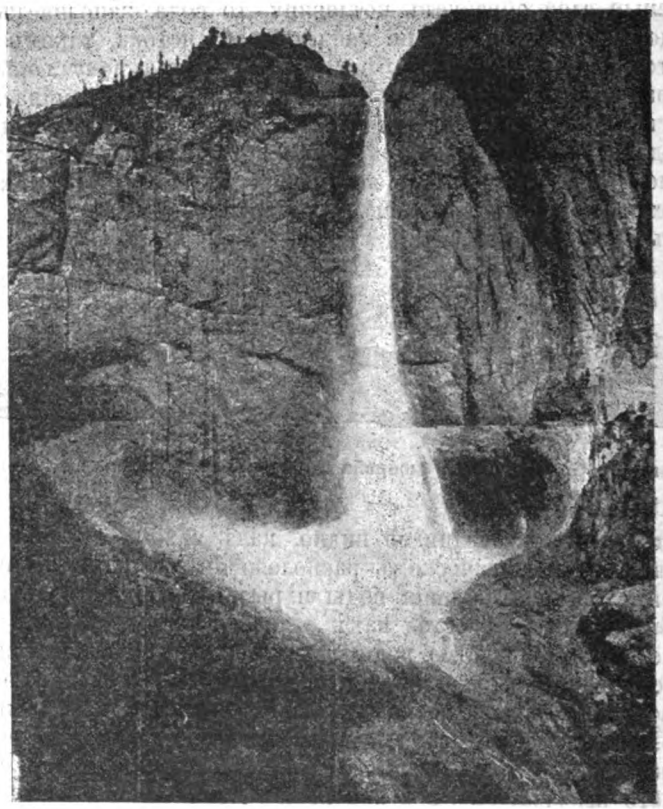


Рис. 61. Водопадъ Невада въ Калифорніи, по фотографіи В. Мейера.

Нѣкоторые горячіе ключи содержатъ кремнекислоту въ такомъ значительномъ количествѣ, что при охлажденіи осаждаютъ ее въ видѣ накипи. Въ большомъ масштабѣ мы встрѣчаемъ это явленіе у гейзеровъ, т. е. ключей на вулканической почвѣ, дѣйствующихъ періодически. Впервые съ этими гигантскими естественными фонтанами мы встрѣтились въ Исландіи, затѣмъ таковые нашлись въ Новой Зеландіи и въ Америкѣ; въ послѣдней въ громадномъ количествѣ въ такъ называемомъ Іеллоустонскомъ паркѣ. Всѣ очевидцы поражаются красотою и величественнымъ видомъ этихъ вулканическихъ явленій, описать которыя словами очень трудно.

Чаще всего упоминается о большомъ Гейзерѣ въ Исландіи; здѣсь мы видимъ пепельнаго цвѣта усѣченный конусъ вулканическаго происхожденія, въ которомъ помѣщается плоскій бассейнъ до 17 метровъ въ поперечникѣ, по срединѣ бассейна идетъ вертикальная труба около $3^1/_2$ метровъ въ діаметрѣ и въ 23,5 метровъ длиною. Бассейнъ напол-

Рис. 62. Гейзеръ Вайманту въ Новой Зеландіи. По фотографіи.

ненъ обыкновенно чистой, зеленоватой водой, имѣющей на поверхности 82° ц. и стекающей тремя маленькими ручейками съ восточной стороны. Черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки слышится подземный громъ, вода въ бассейнѣ начинаетъ волноваться, на поверхности выскакиваютъ и лопаются большіе пузыри, причемъ вода поднимается на нѣсколько метровъ вверхъ; густой бѣлый паръ застилаетъ все; когда онъ разсѣется, все опять спокойно. Такія изверженія повторяются обыкновенно каждые $^1/_2$—1 часъ въ продолженіи сутокъ или болѣе, послѣ чего вдругъ наступаетъ новая фаза.

«Изъ глубины слышится сильный громъ, вода волнуется, вздымается высокими волнами и крутится; посреди бассейна поднимаются громадные пузыри и черезъ нѣсколько минутъ вырывается струя воды, разсыпающаяся ослѣпительно бѣлой пылью, струя эта вздымается до 80—100 метровъ вверхъ и не успѣютъ исчезнуть ея брызги, какъ за нею вздымается вторая, третья.

«Большія и маленькія струи летятъ по всѣмъ направленіямъ, образуя душъ или вырываясь вертикально въ видѣ ракетъ; громадныя облака паровъ громоздятся одно за другимъ и скрываютъ отчасти водяные снопы отъ глазъ наблюдателя; еще одинъ ударъ, глухой стукъ въ глубинѣ; затѣмъ выбрасывается еще одна струя воды выше предъидущихъ, и все явленіе прекращается, занявъ всего нѣсколько минутъ времени. Не успѣетъ еще вѣтеръ развѣять густые пары, не успѣетъ кипящая вода стечь по склонамъ конуса, какъ мы видимъ уже совершенно пустой бассейнъ, покрытый на днѣ сѣрой накипью; вода же, совсѣмъ тихая и спокойная, видна только въ трубѣ на глубинѣ почти двухъ метровъ».

Описаніе это, сдѣланное Сарторіусомъ—фонъ-Вальтерсгаузеномъ даетъ намъ нѣкоторое представленіе о величественной картинѣ этого замѣчательнаго феномена.

Поразительно хороши отложенія туфа, образующія бассейны съ водой вблизи Большого Гейзера и другихъ кипящихъ ключей и фонтановъ. Прейеръ и Циркель описываютъ ихъ слѣдующими словами: «Шагахъ въ 150 отъ Большого Гейзера лежатъ сплошные пруды, красоту которыхъ едва ли можно описать. Контуры ихъ неправильны, ширина 15—20 фут. глубина до 30 футовъ; наполнены бассейны эти вплоть до краевъ спокойной горячей водой, чистой, какъ кристаллъ и такой прозрачной, что видно все дно. Бассейны отдѣлены другъ отъ друга тонкими перегородками, состоящими какъ и внѣшнія стѣнки изъ известковаго туфа; бѣлые зубцы и кружева украшаютъ фантастическими рисунками стѣны этихъ гротовъ, просвѣчивающими сквозь зеленую или голубую воду».

Вода кипящихъ источниковъ осаждаетъ кремнеземъ, который выдѣляется изъ каменныхъ породъ подъ вліяніемъ сильнаго давленія и высокой температуры. Осадки эти въ формѣ накипи или туфовъ покрываютъ значительныя пространства около источниковъ, изъ нихъ же образуются бассейны и трубы. Въ туфахъ мы находимъ замѣчательно красивые слѣпки травъ, вѣтвей, мелкихъ ползучихъ кустарниковъ и даже цвѣтовъ; случается, что цѣлые куски торфа превращаются въ туфы.

Хороши также террассы туфа и бассейнъ въ Новой Зеландіи и въ Америкѣ въ Іеллоустонскомъ Паркѣ.

Есть еще особаго рода источники, такъ называемые грязевые вулканы, которые встрѣчаются и въ вулканическихъ и въ отдален-

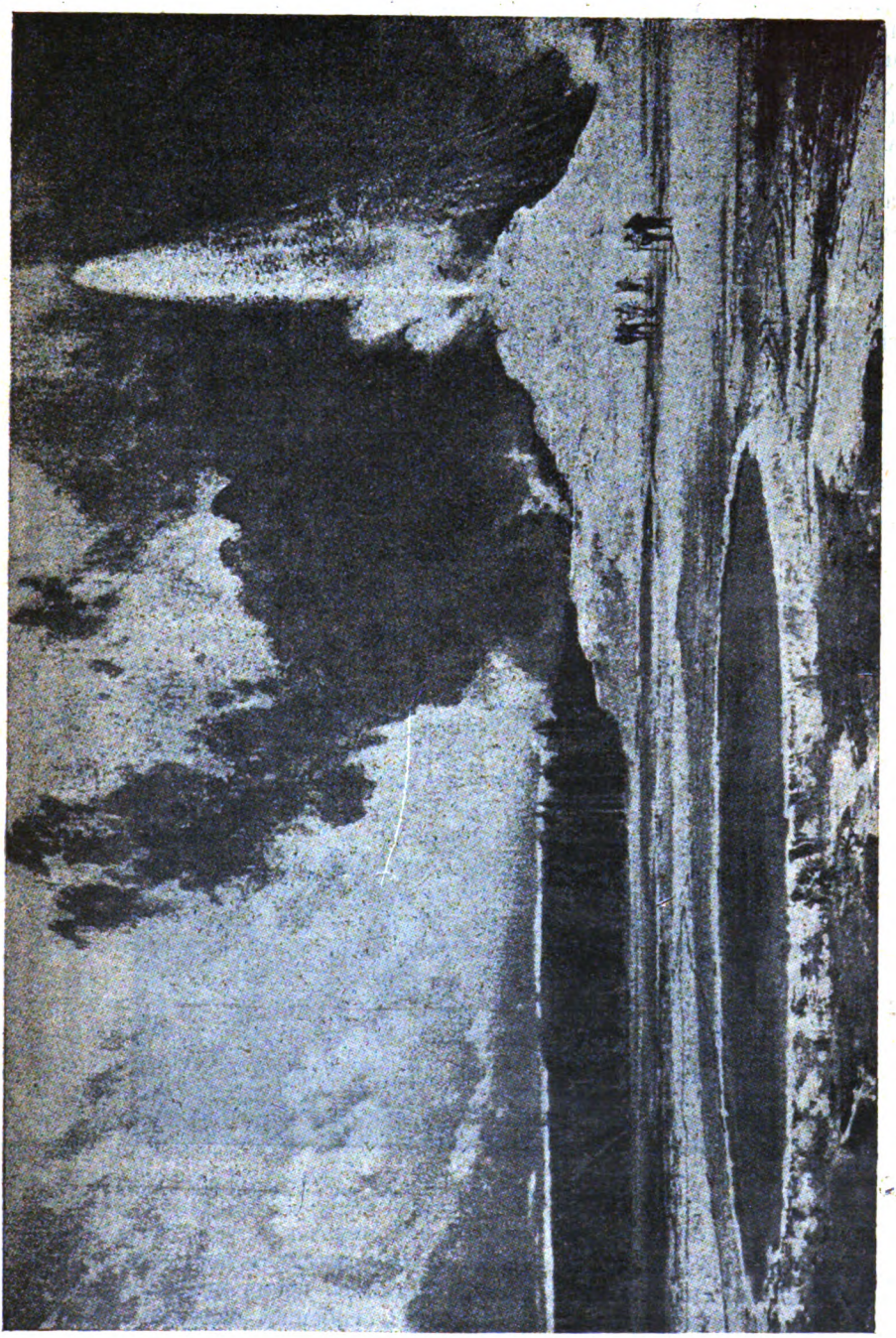


Рис. 63. Гейзеръ въ Іеллоустонскомъ паркѣ въ Сѣв. Америкѣ. По картинѣ Т. Моране.

ныхъ отъ нихъ областяхъ и характеризуются выдѣленіемъ грязи, ила и газовъ. Многіе грязевые источники суть только перемежающіеся горячіе ключи, которые благодаря содержанію сѣрнистаго водорода и другихъ газовъ разлагаютъ встрѣчныя горныя породы и обращаютъ ихъ въ жидкую глину различныхъ окрасокъ; пузыри газа, поднимающіеся изъ этой жидкости, придаютъ ей кипящій видъ, хотя температура гораздо ниже точки кипѣнія.

Если вытекающая грязь довольно густа, то для проложенія пути газамъ необходима извѣстная вулканическая сила; громадные пузыри лопаются черезъ неправильные промежутки времени въ нѣсколько секундъ, причемъ далеко слышется кипѣнье и клокотанье, раздаются глухіе удары, и глинистая масса съ силою выбрасывается вверхъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ грязь болѣе жидкая, она стекаетъ равномѣрно и спокойно, образуя вокругъ отверстія источника грязевый конусъ, склоны котораго тѣмъ отложе, чѣмъ жиже вытекающая грязь; при большомъ содержаніи воды конуса совсѣмъ не образуется и такимъ образомъ теряется сходство съ вулканомъ. Иногда встрѣчаются такіе грязевые источники на днѣ болѣе или менѣе глубокаго бассейна; ключи эти имѣютъ зачастую подземные стоки.

Пока мы говорили о газахъ вулканическаго происхожденія, но извѣстны случаи, гдѣ газы образуются отъ разложенія органическихъ веществъ, какъ, напримѣръ, въ ключахъ въ дельтѣ Миссисипи; ключи эти выбрасываютъ грязь вмѣстѣ съ болотнымъ газомъ, который иногда и загорается.

Рис. 64. Грязевые вулканы Турбако. По рис. Гумбольдта 1805 г.

Большинство грязевыхъ вулкановъ находится въ постоянной слабой дѣятельности, сила которой увеличивается во время дождей; нѣкоторые же время отъ времени проявляютъ особенно кипучую дѣятельность и сразу выдѣляютъ громадное количество газовъ и грязи; такъ напримѣръ сальзъ Сасуоло около Модены въ 1835 году выбросилъ потокъ грязи длиною въ километръ и до $1^1/_2$ милліоновъ куб. метровъ объема. А въ области нефти по Каспійскому побережью (между

Баку и устьемъ Куры). Османъ-Дагъ достигаетъ 300 метровъ въ вышину. Въ спокойное время вулканъ этотъ выдѣляетъ только газы—углеводороды, во время же изверженія выливаются громадные потоки грязи, а сопровождающіе ихъ газы загораются, такъ что получается подобіе вулканическаго изверженія.

Мы остановились такъ долго на источникахъ потому, что они тѣсно связаны съ самой земной корой, что же касается другихъ явленій круговорота воды, происходящихъ на земной поверхности, то мы ихъ коснемся только всколзь, такъ какъ въ общемъ они достаточно извѣстны.

Чѣмъ глубже проникаютъ изслѣдованія, тѣмъ точнѣе знакомимся мы съ теченіемъ рѣкъ и ихъ развѣтвленіями, тѣмъ чаще исчезаютъ съ картъ оказавшіяся неточными свѣдѣнія.

Въ известковыхъ горахъ встрѣчаются подземныя соединенія рѣкъ: вблизи Тутлингена въ горныхъ ущельяхъ Дунай теряетъ часть своихъ водъ, и Кнопъ съ помощью различныхъ окрасокъ установилъ, что вода эта выходитъ на свѣтъ Божій въ источникѣ Аахъ, такъ что образуется связь между Рейномъ и Дунаемъ.

Какъ ручьи соединяются въ рѣки, такъ и рѣки соединяются въ рѣчныя системы, принимающія названія отъ главной рѣки.

Строеніе рѣчныхъ системъ очень разнообразно. То къ главному стволу текутъ одинаковые притоки съ обѣихъ сторонъ (симметрическая рѣчная система Амазонки, нижняго Дуная); иногда съ одной стороны главной рѣки проходитъ горная цѣпь, а съ другой—плоская мѣстность, тогда естественно, что главные и значительнѣйшіе притоки будутъ со стороны горъ (односторонняя система, какъ Енисея или Тигра), бываетъ и такъ, что нѣсколько одинаковыхъ по величинѣ рѣкъ соединяются вмѣстѣ въ одну большую рѣку (Парагвай и Парана образуютъ Ла-Плату и т. п.).

При опредѣленіи значенія рѣки, главную роль играетъ не ея длина, но протяженіе ея бассейна и количество выпадающихъ въ немъ осадковъ, а косвеннымъ образомъ положеніе возвышенностей, такъ какъ они во-первыхъ, опредѣляютъ пространство бассейна рѣки, а во-вторыхъ, оказываютъ рѣшающее вліяніе на распредѣленіе осадковъ.

Если ручей или рѣка попадаютъ въ углубленіе, котловину, то наполняютъ ее и образуютъ озеро. Озеро можетъ возникнуть еще и въ такомъ случаѣ, когда рѣка наталкивается на естественное препятствіе—потокъ лавы, отложенія известковыхъ массъ и т. п. Какъ только углубленія будутъ заполнены водой, она прокладываетъ себѣ путь дальше. Если же такой водоемъ занимаетъ значительное пространство, а притокъ воды незначителенъ, то количество испаряющейся воды можетъ превысить количество прибывающей и тогда получается бассейнъ стоячей воды, не имѣющей стока; таковы большинство вулканическихъ озеръ и болотъ, а также многочисленныя маленькія озера по уступамъ известковыхъ горъ; озера эти питаются обыкновенно незначительными ручейками или просто дождевой водой. Примѣромъ большихъ бассейновъ непроточной воды можетъ служить Аральское и Каспійское моря.

Въ странахъ, бѣдныхъ осадками, какъ, напримѣръ, на плоскогоріяхъ Центральной Азіи, даже значительныя рѣки кончаются иногда сравнительно маленькими озерами, случается что онѣ теряются въ пескахъ; въ общемъ, въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ дождями, отсутствуетъ правильная наземная рѣчная система. Область стоячихъ водъ занимаетъ

около 1/4 суши, а въ Австраліи даже больше половины; въ Азіи и Африкѣ почти 1/3 твердой земли.

Новѣйшія изысканія показали, что озера очень непостоянныя явленія: они возникаютъ и пропадаютъ на нашихъ глазахъ. Теченіе рѣкъ тоже не отличается постоянствомъ: онѣ мѣняютъ свое русло, отклоняются отъ своего первоначальнаго направленія; это чаще всего наблюдается тамъ, гдѣ рѣка протекаетъ по ровной низменности съ незначительнымъ уклономъ, въ такомъ, случаѣ ложе ея поднимается благодаря наносному матеріалу и окружающая мѣстность оказывается на одномъ уровнѣ или даже ниже уровня воды въ рѣкѣ.

Для урегулированія теченія здѣсь требуется уже помощь человѣка, и въ культурныхъ странахъ въ наше время сдѣлано много въ этомъ направленіи, даже въ Китаѣ въ 1889 году непостоянный Гоанго, подъ вліяніемъ человѣческихъ усилій, проведенъ былъ на свое старое, въ 1887 году заброшенное, русло.

Со впаденіемъ рѣки въ море заканчивается круговоротъ воды. Аѳанасій Кирхеръ предполагалъ еще второй круговоротъ внутри океана при содѣйствіи морскихъ теченій; современныя океанографическія изысканія, отдавая ему полную справедливость, тѣмъ не менѣе находятъ иное объясненіе тропическимъ теченіямъ, направленнымъ съ востока на западъ.

Геологическая дѣятельность текучей воды. Въ началѣ новыхъ вѣковъ Георгъ Агрикола имѣлъ довольно обширныя свѣдѣнія о геологической дѣятельности воды (см. главу объ образованіи горъ), ученые XVI и XVII вв. повторяли тѣ же мысли, но придавали слишкомъ большое значеніе дѣятельности моря сравнительно съ дѣятельностью текучей воды.

Большой шагъ впередъ сдѣлалъ Аѳанасій Кирхеръ въ своемъ «Mundus subterranus (1664). Онъ здѣсь впервые коротко, но ясно говоритъ о вывѣтриваніи, частью какъ о химическомъ процессѣ; онъ думалъ, что въ снѣгѣ и росѣ есть постороннія частички, которыя и вызываютъ вывѣтриваніе; но онъ имѣлъ въ виду и механическое вывѣтриваніе, причемъ причину видѣлъ въ «продолжительномъ морозѣ, который разрываетъ камни». «Послѣ того, какъ снѣгъ растаетъ подъ вліяніемъ солнечнаго тепла и дождей, онъ увлекаетъ за собою мелкій и крупный песокъ и гравій вмѣстѣ со всевозможными минеральными частичками; матеріалъ этотъ приносится въ рѣки, которыя разливаясь оставляютъ его на поверхности земли. Такимъ образомъ получается слѣдующее явленіе: горы, бывшія нѣкогда плодородными, лишаются своихъ плодоносныхъ частицъ и превращаются въ голый камень, между тѣмъ какъ равнины, представлявшія прежде сплошныя болота и пустыни, превращаются, благодаря наносному илу въ цвѣтущія поля и луга. Но такъ какъ все на свѣтѣ измѣняется, то и плодоносныя теперь равнины современемъ превратятся въ безплодныя, такъ какъ скалы разлагаются и разсыпаются подъ дѣйствіемъ снѣга и холода; песокъ и гравій подхватываются дождемъ, приносятся имъ на равнины и покрываютъ плодоносный слой ила такимъ плотнымъ слоемъ, что дальнѣйшая культура становится невозможной». Періоды плодородія и неплодородія должны, слѣдовательно, постоянно чередоваться между собою.

Далѣе Кирхеръ говоритъ вполнѣ опредѣленно, что «громадныя горы и лѣса омываются и уносятся мощною силою текучихъ водъ».

Онъ замѣтилъ также, что и чечевичныя формы галекъ происходятъ

вслѣдствіе тренія; онъ обратилъ вниманіе и на то, что песокъ и гравій, приносимые рѣками не только засоряютъ и заполняютъ равнины, болота, котловины и долины, но и поднимаютъ рѣчное русло; онъ указалъ, что рѣчныя дельты образуются исключительно изъ наноснаго матеріала, доставляемаго рѣками же.

Образованіе долинъ. Изъ работъ Кирхера видно, что онъ имѣлъ вѣрное представленіе о геологической дѣятельности текучей воды, но мы не знаемъ, какъ онъ смотрѣлъ на процессъ образованія долинъ, относилъ ли онъ и его къ работѣ текучей воды, какъ это предполагалъ современникъ Кирхера Георгъ Агрикола. Бернгардъ Вареніусъ (1622—1650) признавалъ, правда, что рѣка при сильномъ теченіи можетъ углубить свое русло особенно тамъ, гдѣ почва состоитъ изъ болѣе рыхлыхъ породъ, но дальше этого положенія онъ не пошелъ; онъ думалъ также, что маленькіе быстрые ручейки сами себѣ создаютъ русло, но прибавлялъ, что вѣроятно «русла тѣхъ рѣкъ, которыя не возникли одновременно съ землею, сдѣланы человѣческими руками».

Вопросъ о происхожденіи долинъ не былъ выясненъ еще и въ XVIII вѣкѣ; чаще всего образованіе ихъ приписывалось морскимъ волнамъ, которыя съ силою устремлялись внизъ, когда дно морское приподнималось и обращалось въ сушу. Въ этомъ же смыслѣ высказывался и знаменитый французскій зоологъ и геологъ Бюффонъ, а также Г. А. Вернеръ еще въ 1789 году; послѣдній признавалъ за водою способность углублять долины.

Зульцеръ же уже въ 1746 году высказывался за образованіе долинъ дѣйствіемъ текучей воды, за нимъ въ 1774 году Геттаръ, въ 1791 году І. Л. Геймъ и другіе проводили ту же мысль; а въ 1795 году Джемсъ Гуттонъ развилъ вполнѣ опредѣленно теорію объ образованіи долинъ дѣятельностью воды; въ началѣ XIX вѣка этой теоріи держались въ Англіи Плейферъ, во Франціи Монлозье.

Въ первой половинѣ XIX вѣка нѣкоторые ученые еще приписывали происхожденіе долинъ трещинамъ, образовавшимся при возникновеніи горныхъ мѣстностей, а текучей водѣ отводили очень незначительную роль. Нѣкоторые же снова ухватились за теорію Бюффона и старались доказать, что долины возникли подъ вліяніемъ морскихъ потоковъ; къ числу этихъ ученыхъ принадлежалъ и Ч. Лайелль. И только въ серединѣ XIX в. благодаря работамъ І. Дана (1849) и Георга Гринвуда (1857) ученіе объ образованіи долинъ съ помощью рѣкъ встало на прочную почву и, благодаря многочисленнымъ позднѣйшимъ изысканіямъ, сдѣлалось теперь общимъ достояніемъ всѣхъ современныхъ геологовъ.

Вывѣтриваніе. Теорія вывѣтриванія была только слегка намѣчена Кирхеромъ, затѣмъ, впродолженіи $1^1/_2$ вѣковъ почти не сдѣлала успѣховъ и только въ XIX в. достигла широкаго развитія. Это вполнѣ дитя новѣйшаго времени.

Механическое вывѣтриваніе, главнымъ образомъ зависящее отъ перемѣны температуры, дѣйствуетъ въ двухъ областяхъ: во-первыхъ на высокихъ горахъ и во всѣхъ мѣстахъ земного шара, подвергающихся дѣйствію холода, гдѣ вода забирается въ безчисленныя трещины и щели каменныхъ породъ, замерзаетъ тамъ и расширяясь, разрываетъ камни, откалываетъ кусокъ за кускомъ; во-вторыхъ, въ сухихъ, бѣдныхъ растительностью областяхъ жаркаго климата, гдѣ камни, подвергаясь днемъ дѣйствію солнечныхъ лучей, сильно накаляются, ночью же сильно охлаждаются; рѣзкая перемѣна температуры

дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на камни: они лопаются, отъ нихъ отскакиваютъ небольшіе кусочки. Шумъ, сопровождающій это явленіе, впервые былъ замѣченъ Ливингстономъ въ африканской пустынѣ, а позднѣе и другими путешественниками.

О химическомъ вывѣтриваніи долгое время едва упоминалось, пока Карлъ-Густавъ Бишофъ (1846 г.) основательнымъ образомъ изложилъ разложеніе каменныхъ породъ и минераловъ, Ф. Зенфтъ (1847 г.) указалъ на значеніе химическаго вывѣтриванія для образованія почвы, а Ф. Рихтгофенъ (1886 г.) обратилъ вниманіе на географическое распространеніе явленій вывѣтриванія.

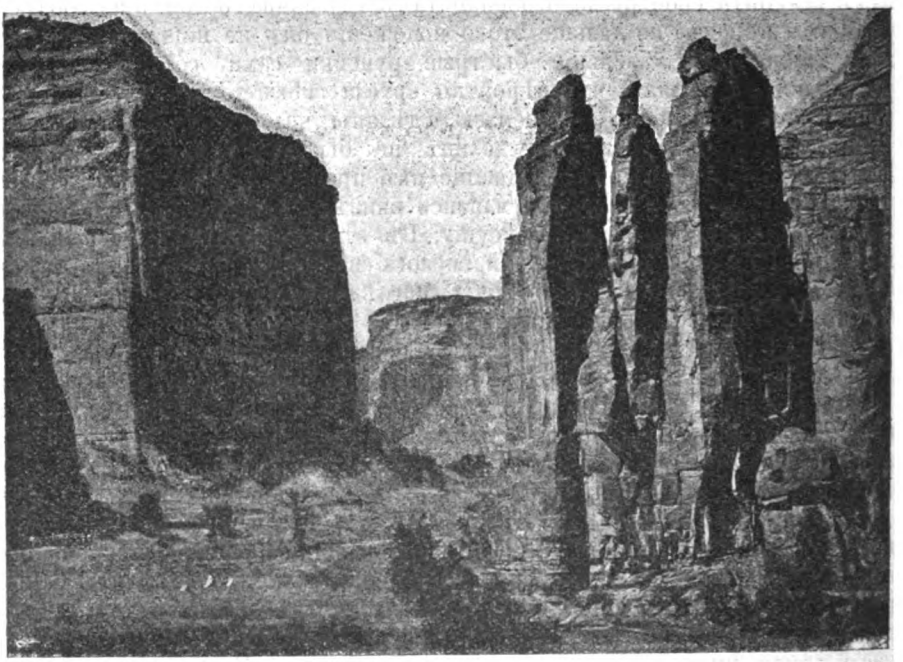


Рис. 65. Долина рѣки Колорадо въ Сѣв. Америкѣ, какъ образецъ разрушающаго дѣйствія воды и вывѣтриванія. По фотографіи 1871.

Современное ученіе о геологической дѣятельности воды. Подобно тому, какъ каменная стѣна въ теченіе вѣковъ разрушается подъ разнообразными вліяніями атмосферы, которыя вначалѣ незамѣтны, но съ теченіемъ времени даютъ себя знать, такъ и естественные камни, находясь на поверхности земли и подвергаясь непосредственному дѣйствію атмосферы, разрушаются мало-по-малу; здѣсь, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ четыре фактора:

1) Колебанія температуры, которыя оказываютъ особенно сильное дѣйствіе въ жаркихъ странахъ, бѣдныхъ атмосферными осадками.

2) Морозъ, т.-е. замерзаніе воды въ трещинахъ и углубленіяхъ въ камняхъ, причемъ вода превращаясь въ ледъ и увеличиваясь въ объемѣ, развиваетъ большую разрушительную способность. Этотъ способъ механическаго вывѣтриванія имѣетъ мѣсто повсюду, гдѣ температура опускается ниже точки замерзанія, но сильнѣе всего она

дѣйствуетъ тамъ, гдѣ царствуетъ продолжительная зима, а колебанія температуры долго держатся около точки замерзанія, какъ это бываетъ, напримѣръ, въ гористыхъ мѣстностяхъ Германіи или Швейцаріи.

3) Смѣна сырой и сухой погоды, что особенно сильно вліяетъ на глинистыя породы, которыя въ поверхностныхъ слояхъ легко распадаются въ пыль.

4) Дождь, который при прохожденіи черезъ атмосферу насыщается кислородомъ и углекислотой и вслѣдствіе этого дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на каменныя породы. Подъ вліяніемъ кислорода онѣ окисляются, а отъ дѣйствія содержащей углекислоту воды совсѣмъ или только частью разлагаются; разрушенныя и оторванныя частички смываются съ поверхности земли дождемъ или уносятся воздушными теченіями, и такимъ путемъ дѣйствію атмосферы подвергаются свѣжіе, нетронутые слои каменныхъ породъ.

Такъ какъ первыя двѣ причины вывѣтриванія сводятся на колебанія температуры, третья же для полнаго своего развитія требуетъ еще и участія воздушныхъ теченій, то дѣйствіе ихъ ограничивается вліяніемъ на поверхностные слои земной поверхности.

Совсѣмъ иное дѣло съ химическимъ вліяніемъ воды. Дождевая вода по тончайшимъ ходамъ и трещинкамъ проникаетъ глубоко внутрь породы, пока не растратитъ по пути своихъ химически дѣйствующихъ частицъ и благодаря этому потеряетъ главную часть своей разрушительной силы. Проникновенію воды вглубь содѣйствуютъ трещины и щели, безъ которыхъ не обходится ни одна горная порода. Интересно прослѣдить дѣйствіе воды на гранитъ, что легко сдѣлать въ каменоломняхъ; въ самомъ низу твердая, кристаллическая, сплошная масса камня, выше масса эта расколота на неровные угловатые куски, сохраняющіе еще свое первоначальное взаимное положеніе, затѣмъ значительная часть породы уже вывѣтрилась и только тамъ или сямъ встрѣчаются кругловатыя, невывѣтрившіяся глыбы; еще выше мы видимъ песокъ или песчаную глину—остатокъ совершенно разрушеннаго гранита; наконецъ уже у самой поверхности лежитъ плодоносная почва, которая опять-таки своей главной составной частью обязана разрушенной подпочвѣ въ смѣси съ наносными частичками изъ другихъ мѣстъ; въ образованіи почвы принимаютъ участіе и различные микроорганизмы и остатки отжившихъ растеній, а равно и дождевые черви, насѣкомыя и другія животныя; эти послѣдніе два фактора (растенія и животныя) доставляютъ почвѣ органическія части, которыя увеличиваютъ разрушительную силу просачивающейся въ землю дождевой воды, снабжая ее органическими кислотами.

Такъ какъ въ тропическихъ, богатыхъ влагою, странахъ растительный міръ достигаетъ наибольшаго развитія, и количество отмирающихъ частей растеній очень значительно, то и разрушительная дѣятельность текучей воды достигаетъ громадной силы, и разрушеніе горныхъ породъ доходитъ очень глубоко; въ Бразиліи, напр., мѣстами можно встрѣтить вліяніе воды на породахъ на глубинѣ 120 метровъ, между тѣмъ какъ у насъ въ умѣренномъ климатѣ вывѣтриваніе не замѣчается глубже нѣсколькихъ метровъ и даже футовъ.

Изъ вышесказаннаго становится понятно, что составъ горныхъ породъ оказываетъ сильное вліяніе на характеръ и составъ почвы, и что геологическія карты съ послѣдовательнымъ изображеніемъ и горныхъ породъ имѣютъ большое значеніе для опредѣленія характера

Рис. 66. Образованіе ледяныхъ сосулекъ по склонамъ горъ. По фотографіи проф. Футтерера.

почвы. Конечно, слѣдуетъ принимать во вниманіе и прочія физическія условія данной мѣстности, такъ какъ только въ областяхъ съ роскошно развитой растительностью почва можетъ удерживаться и на покатостяхъ, иначе матеріалъ, доставленный вывѣтриваніемъ, быстро унесется и водою, и воздушными теченіями или же силою собственной тяжести опустится внизъ, когда будетъ удалена поддерживающая его подпочва. При такихъ условіяхъ вліянію разрушенія будутъ постоянно подвергаться все новыя, еще неразрушенныя части породы. Между тѣмъ какъ на равнинахъ почва, образовавшаяся отъ вывѣтриванія, служитъ защитою отъ дальнѣйшаго процесса, въ гористыхъ мѣстностяхъ процессъ этотъ быстро подвигается впередъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ матеріалъ, доставляемый вывѣтриваніемъ, такъ или иначе уносится. Пройдутъ тысячелѣтія, и большія горы и горныя цѣпи исчезнутъ съ лица земли и превратятся въ равнины или плоскогорія.

Главная роль въ этихъ переворотахъ принадлежитъ текучей воды.

Геологическая дѣятельность текучей воды. Прежде всего дождевая вода является средствомъ передвиженія земляныхъ частицъ: весьма рѣдко встрѣчается такое мѣстоположеніе, чтобъ вода не могла найти себѣ стока въ ту или иную сторону; вода переноситъ частички хотя бы на небольшое разстояніе; слѣдующій дождь продолжаетъ начатое и частички, въ концѣ концовъ, попадаютъ въ какой-нибудь ручеекъ, а черезъ него въ рѣку и далѣе выносятся къ морю. Чѣмъ круче уклонъ и чѣмъ сильнѣе дождь, тѣмъ большее количество матеріала переносится; не малое значеніе здѣсь имѣетъ и величина дождевыхъ каплей; чѣмъ больше капли, тѣмъ сравнительно больше и ихъ выбивающая сила; провѣрить это легко на песчаной почвѣ при сильномъ дождѣ; крупныя капли дождя заставляютъ танцовать песчинки и даже болѣе крупные камешки.

Большою силою обладаетъ вода, образовавшаяся благодаря внезапно наступившему таянію, что бываетъ въ Альпахъ во время фёна.

Степень размыванія и быстрота разрушенія горныхъ породъ зависятъ отъ характера ихъ строенія; если порода пропускаетъ воду, какъ напр., латеритъ или гравій, то большая часть воды тотчасъ же пробирается внизъ и вымываніе частицъ происходитъ только въ небольшомъ размѣрѣ; если порода имѣетъ трещины, какъ, напр,. известнякъ или доломитъ, то опять таки бо́льшая часть дождевой воды просачивается въ глубь и только незначительное количество ея стекаетъ по поверхности. Но такъ какъ известнякъ и доломитъ растворяются въ водѣ, содержащей углекислоту, то здѣсь происходятъ два своеобразныхъ явленія; во-первыхъ, подземная циркуляція воды и во-вторыхъ, какъ бы разъѣданіе поверхностныхъ слоевъ породы, лишенныхъ растительности: здѣсь образуются параллельные желобки или углубленія, отдѣленные другъ отъ друга тонкими перегородками, такъ называемые карры или тратты. Мягкія породы, глины или мергель подвергаются вымыванію въ болѣе сильной степени, чѣмъ известнякъ или кварциты, и тамъ гдѣ онѣ лежатъ въ перемежку съ ними, эти послѣдніе выступаютъ въ видѣ зубцовъ или реберъ на покатостяхъ горъ, если обѣ породы лежатъ вертикальными пластами. Если же положеніе ихъ приближается къ горизонтальному, то образуются террасообразные склоны, въ горахъ и горныхъ цѣпяхъ, причемъ твердыя каменныя пласты защищаютъ собою отъ дальнѣйшаго вымыванія нижележащіе слои. Такую защитительную роль играютъ и единичные, болѣе значительные

по величинѣ камни, встрѣчающіеся кое-гдѣ среди какой-нибудь рыхлой породы, песка или гравія.

Это можно наблюдать и на кучѣ песка. Послѣ дождя мы увидимъ, что болѣе крупные камешки сидятъ на маленькихъ столбикахъ песку, между тѣмъ, какъ кругомъ весь песокъ размытъ и унесенъ. Въ большемъ масштабѣ мы встрѣчаемъ то же явленіе въ такъ называемыхъ земляныхъ пирамидахъ въ моренахъ, образуемыхъ глетчерами въ альпійскихъ мѣстностяхъ, бѣдныхъ дождемъ, напр. въ Риттерѣ у Боцена, между тѣмъ, какъ въ мѣстахъ, обильныхъ дождемъ, отложенія эти растекаются какъ жидкая каша.

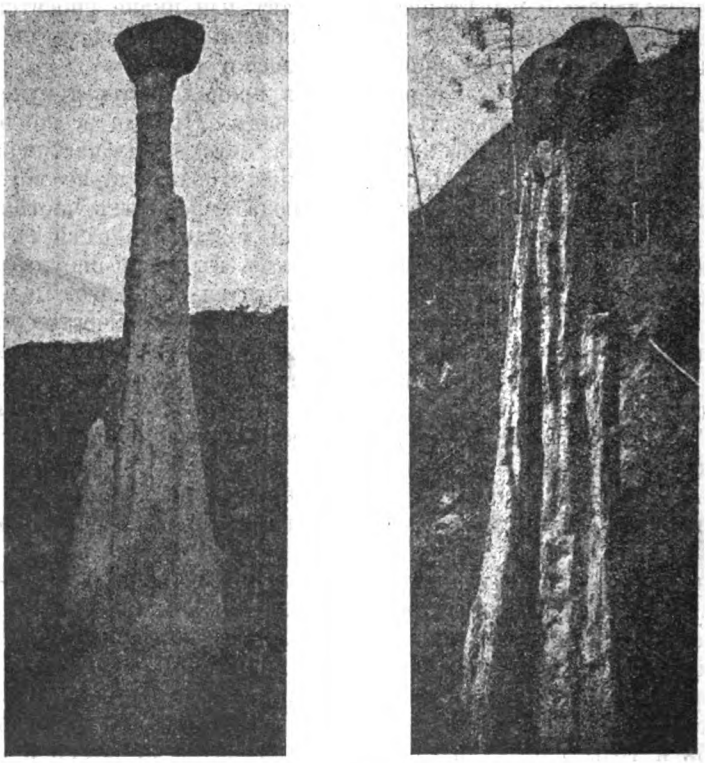


Рис. 67. Земляныя пирамиды въ Риттерѣ у Боцена. По фотографіи.

Болѣе значительныя отложенія глины и ила послѣ сильнаго дождя такъ напитываются водою, что подъ дѣйствіемъ собственной тяжести сползаютъ внизъ по склонамъ горъ или даже стекаютъ—это муры или руфы Альпъ и другихъ горныхъ странъ. Тамъ, гдѣ порода при своемъ вывѣтриваніи оставляетъ крѣпкіе, округлые куски или глыбы, глыбы эти на покатостяхъ, гдѣ вывѣтрившійся рыхлый матеріалъ смывается водой, могутъ остаться однѣ на поверхности и образовать такъ называемое «море скалъ». Вымываемый матеріалъ или скапливается у подножія горъ или же подхватывается ручейками и рѣками и переносится дальше. Въ теченіе тысячелѣтій вымываніе это достигаетъ громадныхъ размѣровъ и содѣйствуетъ въ значительной мѣрѣ уничтоженію горъ; наряду съ нимъ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и обвалы горъ.

Рис. 68. Горный ручей у подножія Глерниша въ Западныхъ Альпахъ. По картинѣ Стеффана.

Каменныя частицы, которыя отрываются отъ горъ подъ вліяніемъ рѣзкихъ колебаній температуры и мороза, падаютъ внизъ или тотчасъ послѣ своего отдѣленія или же только позднѣе подъ дѣйствіемъ дождевой воды или вѣтра, которые и являются непосредственной причиной паденія или скатыванія. Иногда паденія происходятъ то тамъ, то сямъ, иногда же только по опредѣленнымъ линіямъ: по склону горъ встрѣчаются иногда глубокіе желоба, по которымъ скатываются обломки скалъ, образуя въ долинѣ груды щебня въ видѣ усѣченныхъ конусовъ.

Такимъ путемъ съ теченіемъ времени у подошвы горъ собираются значительныя количества камней; въ горахъ же съ крутыми склонами случаются катастрофы, которыя сразу сбрасываютъ внизъ громадныя количества каменныхъ обломковъ—это обвалы горъ. Чаще всего они происходятъ на очень крутыхъ склонахъ, подошва которыхъ подмывается рѣкою, морскими волнами, вѣтромъ или человѣкомъ (каменоломни). Часть скалы или горнаго склона отламывается вдоль какой-нибудь трещины или слоя породы, низвергается внизъ, по пути распадаясь на болѣе мелкіе куски и загромождая долины своими обломками. Образованію обваловъ содѣйствуютъ глинистые пласты; пласты эти размягчаются отъ воды и сползаютъ внизъ вмѣстѣ съ лежащими на нихъ горными породами (оползни). Обвалы и оползни наблюдаются часто въ Альпахъ и другихъ горныхъ странахъ и производятъ иногда громадныя бѣдствія, засыпая цѣлыя деревни; еще до сихъ поръ памятенъ обвалъ въ Эльмзерѣ въ 1881 г.

Въ тропическихъ странахъ, богатыхъ дождями, оползни встрѣчаются особенно часто; роскошная растительность защищаетъ почву отъ размыванія дождевой водой, но не можетъ помѣшать водѣ проникать въ глубь земли и разрушать или размягчать породы и такимъ путемъ при благопріятныхъ условіяхъ производить оползни послѣ сильныхъ дождей или землетрясеній. Въ сырыхъ тропическихъ областяхъ большіе и маленькіе оползни происходятъ такъ часто, что имѣютъ рѣшающее значеніе для опредѣленія характера долинъ.

Совершенно иного рода обвалы происходятъ въ гипсовыхъ и известковыхъ горахъ, обвалы эти имѣютъ мѣсто надъ подземными пещерами и обозначаются на поверхности земли воронкообразными углубленіями. Въ виду большого распространенія известняковъ на земной поверхности, явленія эти играютъ значительную роль. Причина ихъ заключается главнымъ образомъ, въ растворяющей способности дождевой воды, содержащей угольную кислоту. Мы уже видѣли раньше, какія особенныя измѣненія производитъ текучая вода по склонамъ известковыхъ горъ; если же дождевая вода проникаетъ гдѣ-нибудь внутрь или въ глубь породы, то и здѣсь дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ, образуя напоминающія трубы углубленія, которыя позднѣе заполняются вполнѣ или отчасти продуктами вывѣтриванія. Съ теченіемъ времени пробирающаяся внутрь вода можетъ, конечно, расширить входъ въ разсѣлину съ помощью размыванія и растворенія частицъ породы и придать ему воронкообразную форму; такія образованія извѣстны въ Карстѣ и имѣютъ тамъ отъ 50—100 метровъ въ діаметрѣ и до 7 -8 метровъ глубины. Иного рода долины возникаютъ отъ проваловъ пещеръ, образовавшихся вслѣдствіе работы подземныхъ водъ; такія долины гораздо глубже и стѣны ихъ, почти отвѣсны.

Случается, что въ концѣ такого рода «долинъ» изъ-подъ земли выходитъ рѣка, которая до тѣхъ поръ текла подъ землею и которая

очень легко можетъ исчезнуть, если встрѣтитъ на своемъ пути известковую цѣпь горъ.

Такія рѣки встрѣчаются только въ мѣстностяхъ съ известковою почвою или, выражаясь точнѣе, въ областяхъ съ растворимыми горными породами. Въ мѣстностяхъ съ нерастворимыми породами рѣки текутъ исключительно по поверхности земли и отъ своего истока вплоть до устья слѣдуютъ по уклону, но теченіе это не всегда бываетъ равномѣрно, иногда прямая линія уклона прерывается внезапнымъ обрывомъ, дающимъ себя знать въ видѣ водопада или особенно быстраго теченія. Но не будь и этихъ неровностей земной поверхности все-таки линія паденія не можетъ долго оставаться одинаковой, такъ какъ въ верхнемъ своемъ теченіи рѣка стремится всегда углубить свое русло, въ нижнемъ же, вслѣдствіе образованія дельты, дно рѣки понемногу поднимается. Да и вообще теченіе рѣки не представляетъ изъ себя нѣчто постоянное, неизмѣнное, направленіе его зачастую отклоняется въ ту или иную сторону.

Быстрота теченія значительнѣе всего посреди рѣки и уменьшается по направленіи къ берегу и ко дну.

Съ другой стороны, теченіе тѣмъ быстрѣе, чѣмъ выше степень паденія и чѣмъ больше водная масса. Передвигающая сила воды зависитъ отъ ея быстроты; медленно текучія воды переносятъ только илъ и грязь; для передвиженія песка необходима скорость, по крайней мѣрѣ, въ 0,2 метра, гальки величиною съ голубиное яйцо требуютъ скорости въ 1,6 метра, при 2 метрахъ передвигаются и болѣе крупные камни. По обѣимъ сторонамъ рѣки поперемѣнно образовываются мели гравія, которыя медленно подвигаются внизъ по теченію; между ними извивается самая глубокая борозда рѣчного русла. Камни по дорогѣ трутся другъ о друга, окатываются и становятся все мельче и мельче, пока совсѣмъ не изотрутся.

Между тѣмъ какъ частицы гравія и камни, передвигаются только по дну рѣки, частички ила переносятся по дну внизъ по рѣкѣ непосредственно самой водой. Передвиженіе того и другого быстрѣе всего совершается во время повышенія уровня воды, во-первыхъ, такъ какъ тогда сильнѣе всего подъемная сила воды, а во-вторыхъ, потому что сильные дожди, размывая почву, доставляютъ рѣкамъ обильный матеріалъ.

Количество растворенныхъ веществъ не зависитъ отъ уровня воды.

Передвиженіе частицъ совершается естестественно, за счетъ силы воды: если силы болѣе, чѣмъ требуется для ихъ перенесенія, то избытокъ ея идетъ на эрозію, т.-е. будутъ подхватываться слѣдующіе, лежащіе на днѣ рѣки, гальки, или же подмываются подводные камни, по которымъ рѣка течетъ, ложе рѣки углубляется или расширяется. Два послѣднія явленія совершаются или химическимъ путемъ — растворенiемъ породы, что происходитъ обыкновенно съ известняками, или же механическимъ стираніемъ поверхности съ помощью переносимыхъ частицъ, которыя особенно сильно дѣйствуютъ вращательнымъ путемъ, образуя громадныя круглыя углубленія, такъ называемые «котлы». Такимъ же путемъ образуются и горныя ущелья.

Если же дѣятельная сила воды не въ состояніи переносить дальше принесенный матеріалъ, то часть его осѣдаетъ на дно, загромождая и приподымая русло рѣки: образуются мели и острова, которые при высокомъ уровнѣ воды могутъ вызвать разливы рѣкъ; а разлившаяся вода осаждаетъ илъ и гравій. Между тѣмъ, какъ эрозія имѣетъ мѣ-

сто, главнымъ образомъ, въ верхнемъ теченіи рѣкъ, аккумуляція дѣйствуетъ по преимуществу въ нижнемъ; въ среднемъ теченіи замѣчаются оба явленія—при пониженномъ уровнѣ аккумуляція, при повышенномъ—эрозія.

Весь матеріалъ, приносимый рѣкою въ море или озеро, отлагается тутъ же при устьѣ, такъ какъ теченіе ея здѣсь сильно замедляется. Раньше всего осѣдаетъ гравій; песокъ и илъ переносятся немного далѣе, тамъ же, гдѣ холодныя ледниковыя воды впадаютъ въ болѣе теплую прѣсную воду, онѣ тотчасъ, вслѣдствіе своей тяжести, опускаются на дно и еще долгое время продолжаютъ тамъ свой путь. Прѣсная же вода, въ силу своего меньшаго удѣльнаго вѣса, расходится по верху морской воды и осаждаетъ твердыя частицы на томъ мѣстѣ, гдѣ прекращается ея теченіе и морская вода смѣшивается съ нею.

Наносная земля, отлагаемая рѣкою въ стоячей водѣ и лежащая выше уровня воды, называемая дельтою.

Благодаря новому наносному матеріалу, дельты обыкновенно все увеличиваются и подвигаются впередъ. Это пріобрѣтеніе земли совершается рѣками за счетъ ея вышины, какъ результатъ соединенной дѣятельности вымыванія, обваловъ и эрозіи.

Были сдѣланы учеты количества минеральныхъ веществъ, приносимыхъ рѣками ежегодно въ моря и вычисленія насколько понижается земная поверхность благодаря дѣятельности текучей воды, и оказалось, что приблизительно въ 10.000 лѣтъ уносится около 1 метра, причемъ установлено, что пониженіе горныхъ странъ происходитъ быстрѣе, чѣмъ низменныхъ.

Конечно, разсчетъ этотъ можетъ быть вѣренъ только приблизительно, но тѣмъ не менѣе человѣческій разумъ можетъ гордиться, что ему удалось выяснить себѣ, въ какой промежутокъ времени могутъ произойти опредѣленныя измѣненія на земной поверхности. Однимъ число это покажется маленькимъ, другимъ—большимъ; во всякомъ случаѣ, оно указываетъ намъ на громадные періоды времени. Геологическія изысканія говорятъ намъ, что теперешнія незначительныя горныя цѣпи Средней Европы были нѣкогда такими же величественными и высокими, какъ Альпы, которыя тоже, въ свою очередь, съ теченіемъ времени, правда, очень отдаленнаго, утратятъ свою высоту.

Должны, конечно, пройти милліоны лѣтъ до того времени, какъ современныя намъ Альпы превратятся въ горную цѣпь средней величины, но моментъ такой долженъ наступить. Имѣя въ виду такіе факты, мы уже иными глазами, чѣмъ раньше, будемъ смотрѣть на журчащій ручеекъ, стремящійся съ горъ внизъ и уносящій съ собою размытыя песчинки; ручей этотъ напоминаетъ намъ, какъ тихо и упорно работаетъ природа и мелкими средствами добивается грандіознаго; видимъ,какъ водяная капля въ теченіе временъ разрушаетъ громадныя горы.

Геологическая дѣятельность замерзшей воды.

Оба вида замерзшей воды, снѣгъ и ледъ, знакомы европейцамъ съ самыхъ древнихъ временъ, такъ какъ во всей Европѣ, не исключая и крайняго юга, температура опускается такъ низко, что выпадаетъ снѣгъ и даже рѣки покрываются ледяною корою. Но раньше снѣгу и льду не придавали геологическаго значенія, а тамъ, гдѣ и дѣлали такія

попытки, какъ, напр., Аѳанасій Кирхеръ, который предполагалъ въ снѣгу минералогическое и металлическое содержимое и этимъ объяснялъ его химическое воздѣйствіе на земную поверхность, попытки эти кончались неудачею. Зато позднѣе, когда многочисленныя научныя путешествія расширили кругозоръ и открыли существованіе снѣговыхъ горъ въ тропической части Америки, сразу установился вѣрный взглядъ на причины распредѣленія снѣга. Уже Педро Мартиръ д'Ангіера (1510) указалъ на зависимость снѣговой линіи отъ географической широты, а Петръ Бугэ (1698—1758) сдѣлалъ впервые попытку установить снѣговую границу, т.-е. линію, выше которой снѣгъ не исчезаетъ, и думалъ, что она проходитъ по линіи, выше которой средняя годовая температура не поднимается выше нуля. Знаменитый изслѣдователь Альпъ де-Соссюръ (1740—1799) во время своихъ многочисленныхъ подъемовъ на горы измѣрялъ высоту мѣстъ, гдѣ лежалъ вѣчный снѣгъ и пришелъ къ выводу, что Бугэ ошибался и что главную роль здѣсь играютъ свойства поверхности, степень затѣненія и другія условія. Во время своего путешествія въ тропической Америкѣ (1799—1804) Ал. Гумбольдъ впервые обратилъ вниманіе на разнообразіе вліяній, отъ которыхъ зависитъ снѣговая линія. Позднѣе вопросъ этотъ изучался подробнѣе, собирался матеріалъ изъ всѣхъ частей свѣта, и на основаніи его пришли къ заключенію, что не только температура и воздушная влага имѣютъ значеніе, но также оказываютъ сильное вліяніе и количество осадковъ, положеніе относительно солнечныхъ лучей и воздушныхъ теченій. Наконецъ, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка Фридрихъ Ратцель различалъ наряду съ климатической снѣжной границей (линія, выше которой не исчезаетъ снѣжный покровъ и лѣтомъ), еще и орографическую, т.-е. линію, до которой снѣгъ можетъ сохраняться годами при благопріятныхъ условіяхъ, въ ущельяхъ или тѣнистыхъ долинахъ. Въ общемъ, снѣговая линія отъ экватора понижается сперва медленно, затѣмъ значительно быстрѣе при приближеніи къ полярнымъ странамъ. А. Пенкъ даетъ интересныя цифры (въ метрахъ) о высотѣ снѣговой линіи.

Сѣверное полушаріе.

Широта.		
0°—10°	между	4.200—4.700 (Колумбія).
10°—20°	»	4.280—4.900 (Мексика).
20°—30°	»	3.700 (Бурма), 5.300 (Гималаи).
30°—40°	»	2.920 (Тавръ), 5.930 (Каракорумъ).
40°—50°	»	1.590 (Сѣв. Америка), 3.810 (Кавказъ).
50°—60°	»	1.300 (Зап. Норвегія), 3.230 (Сибирь).
60°—70°	»	760 (Аляска), 1.630 (Вост. Норвегія).

Южное полушаріе.

0°—10°	»	4.510—5.050 (Эквадоръ).
10°—20°	»	4.760—5.920 (Анды).
20°—30°	»	4.500—6.000 (Анды).
30°—40°	»	1.600—4.480 (Анды).
40°—50°	»	300 2.380 (Новая Зеландія).
50°—60°	»	550 (Юж. Георгія), 1.220 (Огненная Земля).

*

Еще не установлено точно, находится ли гдѣ-нибудь снѣговая линія на уровнѣ моря, предполагаютъ, что такъ обстоитъ дѣло въ южныхъ полярныхъ странахъ. Значительная разница въ высотѣ снѣговой линіи въ однѣхъ и тѣхъ же широтахъ объясняется тѣмъ, что линія эта тѣмъ ниже, чѣмъ богаче данная мѣстность осадками.

До сихъ поръ мы занимались главнымъ образомъ областью вѣчнаго снѣга, такъ какъ періодическое выпаденіе снѣга въ болѣе низкихъ мѣстностяхъ или періодическое же замерзаніе рѣкъ имѣютъ очень небольшое геологическое значеніе: развѣ только весеннія наводненія, вызванныя быстрымъ и внезапнымъ таяніемъ снѣга или запрудою рѣки, вслѣдствіе скопившихся въ одномъ мѣстѣ льдинъ, могутъ оказать болѣе значительное геологическое вліяніе. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ областяхъ вѣчнаго льда: здѣсь образовываются снѣгъ и его продукты—фирнъ и ледъ глетчеровъ, являющіеся неотъемлемою частью земной коры, какъ бы особенною горною породою, слои которой, благодаря постоянному выпаденію новаго снѣга, нагромождаются другъ на друга и могли бы достигнуть гигантскихъ размѣровъ, если бы природа не обладала средствами передавать излишекъ снѣга теплымъ областямъ, гдѣ онъ таетъ подъ вліяніемъ тепла солнечныхъ лучей и высокой температуры воздуха. Вычислено, что въ Альпахъ ежегодно выпадаетъ среднимъ числомъ около 5 метровъ снѣга. Осаждаясь и уплотняясь, онъ составляетъ ежегодно слой въ одинъ метръ толщиною, слѣдовательно, только за время христіанскаго лѣтоисчисленія Альпы должны были бы повыситься почти на 1.600 метровъ, если бы не существовало упомянутаго выше стока для излишка снѣга. Во многихъ горныхъ мѣстностяхъ характеръ поверхности съ ея крутыми склонами и острыми зубцами не позволяетъ снѣгу долго залеживаться, чему помогаетъ также и свойство самого снѣга болѣе высокихъ областей: чрезвычайно сухой и мелкій снѣгъ этотъ, какъ пыль, вздымается вѣтромъ, цѣлыми облаками крутится въ воздухѣ и переносится черезъ гребни и зубцы, и медленно опускается затѣмъ въ ущелья и пропасти. На болѣе плоскихъ пространствахъ снѣгъ образуетъ дюны, совершенно такъ же, какъ песокъ въ пустыняхъ, по крутымъ склонамъ снѣгъ скатывается внизъ въ видѣ ручейковъ. Если снѣгъ попадаетъ въ температуру близкую къ точкѣ замерзанія, то онъ утрачиваетъ свои прежнія качества (чрезвычайную сухость и сходство съ мукою), здѣсь обыкновенно снѣгъ сбирается за скалою или уступомъ и образуетъ такъ называемые «снѣжные щиты» или «Windbretter», хорошо знакомые всѣмъ путешественникамъ по Альпамъ; раньше или позже, чаще всего лѣтомъ, эти груды снѣга обрушиваются внизъ.

Все до сихъ поръ сказанное относится къ областямъ вѣчнаго снѣга, теперь перейдемъ къ тому, какъ совершается перемѣщеніе снѣга въ области, лежащія ниже снѣговой линіи, въ области, гдѣ лѣтомъ не бываетъ снѣга. Передвиженіе это происходитъ двумя путями: или катастрофами въ видѣ лавинъ и обваловъ, или же медленно и безпрерывно—передвиженіемъ ледяныхъ рѣкъ или глетчеровъ.

Жители крутыхъ, богатыхъ снѣгомъ горъ прекрасно знакомы съ лавинами, которыя представляютъ тамъ нормальное періодическое явленіе; обвалы происходятъ ежегодно, обыкновенно въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, массы снѣга приносятся въ долины, гдѣ онѣ лежатъ цѣлыми недѣлями и даже мѣсяцами, пока не растаютъ. Въ описаніяхъ путешествій уже давно упоминалось о лавинахъ, о геологическомъ же значеніи ихъ задумались серьезно только въ XIX в.; разработкою этого

вопроса занялись Шлагинвейтъ, Коацъ и др. Цюрихскій геологъ Альбертъ Геймъ (1869) далъ намъ много цѣнныхъ наблюденій въ этой области вѣчнаго снѣга.

Главнѣйшіе виды лавинъ въ Альпахъ:

1) Пыльныя лавины, которыя бываютъ только зимою, въ болѣе же теплыя времена года ограничиваются болѣе высокими областями. Онѣ происходятъ въ томъ случаѣ, когда свѣжій сухой снѣгъ начинаетъ двигаться по наклонной оледенѣлой плоскости, что можетъ быть вызвано самой незначительной причиной; снѣгъ тогда какъ бы оживаетъ, крутится и съ оглушительнымъ шумомъ стремится внизъ. Глав-

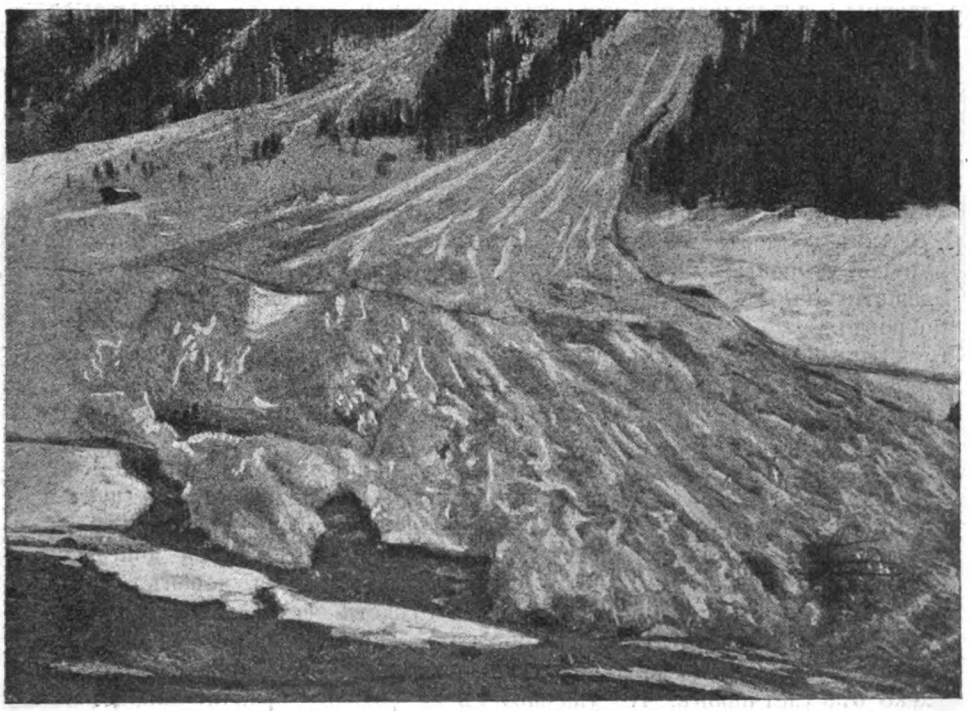


Рис. 69. Путь и конечная точка большой весенней лавины въ Энгадинѣ въ ущельѣ Скалетта. (По фотографіи).

ная масса снѣга останавливается у подножія склона, вызванные лавиной порывы вѣтра стремятся далѣе по долинѣ, разрушая по пути деревья и дома.

2) Основныя лавины спускаются при болѣе высокой температурѣ, во время таянія чаще всего между 10 ч. утра и 3 ч. пополудни, а во время фена и по ночамъ. Эти лавины опускаются почти ежегодно по одному разу и только изрѣдка по два или по три раза, всегда по одному и тому же пути, который легко узнать и лѣтомъ по болѣе мелкой растительности и карликовымъ деревьямъ и кустамъ. Пропитанный водою снѣгъ начинаетъ скользить и всею массою обрушивается внизъ; въ срединѣ лавины возникаетъ обыкновенно круговое движеніе, вслѣдствіе котораго образуются снѣжные шары отъ нѣсколькихъ сантиметровъ до одного или двухъ метровъ въ діаметрѣ. Если лавина останавливается,

то всѣ эти шары образуютъ конгломератъ, спаиваясь вмѣстѣ. «Люди, захваченные лавиной, утверждаютъ единогласно, что чувствовали себя какъ бы плывущими по снѣгу, причемъ могли свободно двигать своими членами, передъ остановкою они слышали сильный трескъ и попадали какъ бы въ тиски, такъ что думали, что будутъ раздавлены. Тотчасъ послѣ остановки люди оказывались вмерзшими неподвижно въ ледъ. И только послѣ того, какъ окружающій ихъ ледъ обтаетъ подъ вліяніемъ теплоты тѣла, получается возможность свободнаго движенія» (Геймъ. О глетчерахъ). Остановившаяся лавина имѣетъ часто отъ 5-ти до 20-ти метровъ толщины и нѣсколько сотъ метровъ въ длину и ширину, объемъ ея доходитъ до сотенъ тысячъ куб. метровъ. Такъ какъ подобныя лавины захватываютъ весь снѣгъ до самой земли, то захватываютъ часто и каменныя глыбы, которыми при своемъ паденіи царапаютъ и бороздятъ горные склоны и даже твердыя скалы. Эти каменные осколки остаются въ долинахъ послѣ того, какъ лавина растаетъ и исчезнетъ; такимъ образомъ лавины являются геологическимъ способомъ передвиженія. При движеніи основныхъ лавинъ сила вѣтра незначительна, сама же лавина, уклонившись отъ своего обычнаго пути, можетъ надѣлать много бѣдъ. Въ Швейцаріи принимаются мѣры противъ возможности несчастій. Если лавины приносятъ вредъ, то, съ другой стороны польза отъ нихъ значительно больше: онѣ противодѣйствуютъ ухудшенію климата (опусканію снѣговой линіи и глетчеровъ).

Въ 1564 г. Себастіанъ Мюнстеръ въ своей космографіи впервые упоминаетъ о глетчерахъ, какъ о медленно текущихъ ледяныхъ рѣкахъ, перемѣщающихъ излишекъ снѣга въ глубину долинъ и переносящихъ туда обломки скалъ, падающихъ на глетчеры.

Научной разработкой этого явленія раньше другихъ занялся І. Я. Шейхцеръ (1705). Онъ описалъ подробно посѣщенный имъ глетчеръ и пытался объяснить причину его движенія: онъ предполагалъ, что, въ трещины глетчера проникаетъ вода и этимъ заставляетъ двигаться всю массу. Де Сосюръ описалъ образованіе и составъ моренъ.

Движеніе глетчера объяснялъ онъ слѣдствіемъ силы тяжести. Въ 1821 году инженеръ Венетцъ обратилъ вниманіе на то, что кромѣ ледниковыхъ моренъ встрѣчаются аналогичныя образованія, лежащія далеко отъ глетчеровъ, что указываетъ на большее сравнительно съ настоящимъ временемъ распространеніе глетчеровъ; въ 1834 году Шарпантье подтвердилъ этотъ взглядъ и указалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на многочисленные слѣды ледниковъ на скалахъ въ Валлисѣ. Агассисъ (1807—73) принялся съ жаромъ за изученіе вопроса о прежнемъ распространеніи ледникомъ, о «ледниковомъ періодѣ» и въ концѣ 30-хъ годахъ въ компаніи со своими друзьями изслѣдовалъ глетчеры Монблана и Монроза, Валлиса и Бернскаго Оберланда, и изслѣдованія эти издалъ въ 1840 году. Относительно теоріи движенія ледниковъ Агассисъ стоялъ еще на точкѣ зрѣнія Шейхцера, но въ общемъ высказалъ массу основательныхъ наблюденій надъ жизнью ледниковъ.

Причиною ледниковаго періода онъ считаетъ чрезвычайно низкую температуру, царившую до поднятія Альпъ, и предполагаетъ, что громадныя пространства Европы, Азіи и Сѣв. Америки были тогда покрыты льдомъ.

Интересные труды Агассиса привлекли вниманіе къ ледникамъ. Уже въ 1841 году появилась работа епископа изъ Аннеси, Рандю, въ которой выставляется на видъ пластичность льда, позволяющая ему пе-

редвигаться внизъ, принаравливаясь къ условіямъ земной поверхности. Въ томъ же году Шарпантье издалъ результаты собственныхъ своихъ наблюденій о происхожденіи ледниковъ и о наносныхъ образованіяхъ. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что оледенѣніе произошло не до, а послѣ возникновенія Альпъ. Увеличеніе ледниковъ онъ считаетъ явленіемъ мѣстнымъ, для объясненія котораго приводитъ довольно смѣлую гипотезу. Между 1840 и 1845 годами Агассисъ вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ друзей занялся ближайшимъ изученіемъ глетчеровъ и ихъ передвиженія, для чего выстроилъ хижину на средней моренѣ нижняго ледника Аара. Были произведены первыя систематическія измѣренія передвиженія глетчеровъ въ различныя времена дня и года, первыя наблюденія температуры во льду, первыя точныя измѣренія глетчеровъ. Съ помощью бура и другими способами ста-

Рис. 70. Поле развалинъ ледяной лавины. По фотографіи.

рались ознакомиться со строеніемъ льда и съ циркуляціей воды внутри ледника.

Между 1842 и 1844 годами шотландскій физикъ Джемсъ Форбсъ изучалъ движеніе глетчеровъ и нашелъ, что движеніе это быстрѣе въ серединѣ, чѣмъ по краямъ и что ледникъ представляетъ изъ себя густую текучую массу.

Отто Торель въ 1872 году утверждалъ, что наносныя отложенія Швеціи ледниковаго происхожденія, а въ 1875 г. онъ говорилъ тоже самое и объ отложеніяхъ Сѣв. Германіи; взглядъ этотъ поддерживался и другими учеными (Креднеръ, Пенкъ и др.) и поддерживался съ такимъ успѣхомъ, что сдѣлался вскорѣ господствующимъ.

Послѣ того, какъ Амундъ Гелландъ (1875) указалъ на большую скорость движенія льда въ Гренландіи даже при незначительномъ

уклонѣ, Норденшильдъ (1883) проникъ далеко вглубь Гренландіи, въ тамошніе льды, Фритіофъ Нансенъ въ 1888 году прошелъ черезъ всю страну, а Эрихъ Дригальскій собралъ массу наблюденій (1891—1893) о мѣстностяхъ, покрытыхъ вѣчнымъ льдомъ, ученые пришли къ заключенію, что громадныя пространства въ Европѣ, Азіи и Сѣверной Америкѣ и даже небольшія области въ южномъ полушаріи были покрыты сплошнымъ, толстымъ слоемъ льда, чѣмъ объясняется также и присутствіе въ этихъ мѣстностяхъ наносныхъ глыбъ и валуновъ.

Шарпантье первый указалъ на то, что глетчеры обтачиваютъ и царапаютъ лежащія на ихъ пути каменные утесы и скалы; но онъ не придавалъ большого значенія этой эродирующей дѣятельности. Агассисъ увѣрялъ, что альпійскія озера застрахованы отъ переполненія, благодаря большому количеству глетчеровъ. Габріель Мортилье (1859) и Рамзай (1862), наоборотъ, считали многочисленныя озера и норвежскіе фіорды слѣдствіемъ эрозивной дѣятельность глетчеровъ, а знаменитый англійскій физикъ Тиндаль думалъ даже (1862), что долины въ Альпахъ образовались благодаря ледникамъ. Между учеными поднялся споръ по этому вопросу, не рѣшенный еще и до сихъ поръ. Финстервальдеръ и Блюмке указывали недавно на то, что каменныя породы подъ ледниками должны становиться рыхлыми.

Какъ не рѣшенъ еще вопросъ о количествѣ ледниковой эрозіи, такъ же мы не имѣемъ еще вѣрнаго представленія о движеніи глетчеровъ.

Эли де-Бомонъ (1842) и Гуги (1843), а позднѣе (1882) и Форель думали, что двигательной силой служитъ разбуханіе ледяныхъ частицъ подъ дѣйствіемъ проникающей въ ледъ воды. Но послѣ того, какъ Карно и Джемсъ Томсонъ (1849) указали на то, что ледъ при сильномъ давленіи даже при температурѣ ниже О можетъ течь, а Фарадей нашелъ, что пропитанныя водою льдины снова смерзаются подъ вліяніемъ давленія, то Тиндаль (1847) и Гельмгольцъ (1865), на основаніи указанныхъ наблюденій, сдѣлали выводъ, съ одной стороны, о хрупкости, а съ другой стороны о пластичности льда, а Матеусъ (1866), Пфафъ (1875), Стинструфъ (1882), доказали опытами, что ледъ подъ вліяніемъ давленія проявляетъ нѣкоторую степень гибкости, то большинство склонилось на сторону теоріи Рендю и Форбса, которые въ движеніи ледниковъ видятъ теченіе. Но такъ какъ, съ другой стороны, глетчеры проявляютъ свойства твердыхъ тѣлъ, обтачивая и отшлифовывая каменныя породы, по которымъ они двигаются, то Геймъ (1885) объяснилъ, что ледники не только текутъ, но и скользятъ, и что это соединенное движеніе и вызываетъ сложныя явленія. Нѣмецкій и австрійскій альпійскій союзъ принялся за тщательное и подробное изученіе движенія и другихъ явленій ледниковъ въ Тиролѣ; есть надежда, что изысканія эти дадутъ возможность разрѣшить хотя бы нѣкоторые вопросы, касающіеся явленій этой интересной области.

Но наряду съ нерѣшенными еще вопросами существуетъ не малое количество явленій и фактовъ, бросающихъ свѣтъ на сущность и работу ледниковъ и признаваемыхъ современной наукой за достовѣрные.

Глетчерами называются скопленія льда различной величины выше снѣговой линіи, находящіяся въ постоянномъ движеніи (текущемъ или скользящемъ) внизъ. Ледники возникаютъ изъ снѣговыхъ массъ и тамъ, гдѣ эти массы не покрываютъ сплошь всей поверхности земли, сравнивая горы и долины и образуя такимъ образомъ снѣжныя равнины, среди которыхъ тамъ и сямъ чернѣютъ отдѣльныя горныя вершины («Нунати» въ Грен-

ландіи). Форма и величина глетчеровъ зависятъ вполнѣ отъ характера поверхности: на болѣе плоскихъ хребтахъ Скандинавскихъ горъ образуются выпуклыя ледниковыя плато, посылающія отроги въ сосѣднія долины; въ горныхъ странахъ съ острыми вершинами и зубцами встрѣчаются ледники альпійскаго типа, т.-е. углубленія, заполненныя фирномъ и ледяными массами. Такіе ледники бываютъ очень невелики по размѣрамъ и залегаютъ на значительной вышинѣ въ креслообразныхъ нишахъ, называемыхъ карами (карглетчеры, по терминологіи Эд. Рихтера) или же лежатъ по склонамъ горъ (горные, боковые глетчеры); по размѣру они больше предыдущихъ, самые же большіе ледники лежатъ въ котлообразныхъ углубленіяхъ, изъ которыхъ обыкновенно спускается въ долину ледяной потокъ. Такіе ледяные потоки соединяются иногда по нѣсколько вмѣстѣ и образуютъ сложный глетчеръ. Каждый глетчеръ имѣетъ свой питающій его бассейнъ, а также и область наиболѣе быстраго таянія. У глетчеровъ 1-го порядка (долинные) первый соотвѣтствуетъ главнымъ образомъ котловинѣ, заполненной фирномъ, а вторая ледяному потоку. Боковые глетчеры чаще всего по размѣру бываютъ меньше квадр. километра, но достигаютъ иногда и 6 квадр. километровъ. Въ Альпахъ они не спускаются ниже 2.500 — 2.800 метровъ, т.-е. немного ниже снѣговой линіи. Количество осадковъ и низкая лѣтняя температура въ высшей степени содѣйствуютъ образованію ледниковъ, потому что при такихъ условіяхъ таяніе замедляется. Вслѣдствіе повторнаго таянія и замерзанія свѣже выпавшій снѣгъ въ котловинахъ превращается въ зернистый фирнъ и уменьшается въ своемъ объемѣ до $^1/_3$ или $^1/_4$. Снѣгъ, какъ губка, впитываетъ въ себя воду и самъ превращается въ воду, которая и пробирается ниже.

Наступающее вслѣдствіе этого охлажденіе вызываетъ быстрое замерзаніе въ болѣе низкихъ слояхъ. Въ нѣсколькихъ метрахъ отъ поверхности встрѣчается уже фирновой ледъ—пузырчатый, зернистый, бѣлый. Переходъ отъ фирна къ ледниковому льду происходитъ постепенно. Частички фирна кругловаты и лежатъ какъ бы въ ледяномъ цементѣ; частички (зерна) ледниковаго льда многогранны, примыкаютъ непосредственно другъ къ другу, отдѣляясь только капиллярной трещиной; фирнъ содержитъ воздухъ въ очень мелкихъ частицахъ и потому кажется бѣлымъ, въ ледниковомъ же льдѣ воздухъ находится въ видѣ плотныхъ пузырьковъ, и потому ледъ этотъ прозраченъ, безцвѣтенъ, а въ толстыхъ слояхъ прекраснаго голубого цвѣта. Ледъ глетчеровъ гораздо плотнѣе фирна; по вычисленіямъ Рихтгофена кубич. метръ только что выпавшаго снѣга вѣситъ въ среднемъ около 85 кило, куб. метръ фирна 500—600 кило, а куб. метръ глетчернаго льда 900—960 кило. Чѣмъ старше ледъ, тѣмъ больше ледяныя зерна и въ нижней части глетчеровъ находили зерна до 10 сантиметровъ въ діаметрѣ. Каждое зерно льда представляетъ одинъ общій кристаллъ. Таяніе происходитъ собственно въ области самаго ледяного потока, частью подъ непосредственнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и ихъ отраженія скалами, частью подъ дѣйствіемъ теплаго воздуха надъ глетчерами, частью вслѣдствіе дождей и росы. По ночамъ и зимою таяніе почти совершенно прекращается. Конечно, на тѣневой сторонѣ оно происходитъ медленнѣе, чѣмъ на солнечной. Во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, іюля и августа таяніе снѣга въ Альпахъ можетъ достигать отъ $1^1/_2$ до 11 сантиметровъ, а годовой слой стаявшаго снѣга считаютъ въ 3—$3^1/$ метра.

Если на поверхность ледника упало значительное количество обломковъ скалъ, то этотъ щебень защищаетъ ледъ отъ таянія, вслѣдствіе

чего такой защищенный участокъ возвышается надъ окружающими его частями; съ краевъ обломки скатываются въ болѣе низкія мѣста и такимъ образомъ слой осколковъ или щебня становится шире и тоньше.

Обломки эти, лежащіе по краямъ ледника образуютъ цѣлыя цѣпи холмовъ, которые становятся выше по мѣрѣ приближенія къ долинѣ. Средняя морена Аарглетчера образуетъ на концѣ своемъ цѣлую ледяную стѣну, покрытую камнями, высотою до 60 метровъ.

Одиночныя каменныя глыбы тоже защищаютъ лежащій подъ ними ледъ отъ таянія, причемъ иногда образуются такъ называемые ледниковые столы. Таяніе происходитъ быстрѣе на солнечной сторонѣ, и потому столъ наклоняется въ сторону юга навстрѣчу солнцу (обстоятельство

Рис. 71. Ледяной столъ.

это даетъ альпинистамъ возможность оріентироваться), въ концѣ концовъ столъ обваливается, и образованіе его начинается снова.

Темныя мелкія постороннія тѣла, какъ песокъ, камушки, листья, согрѣваются очень сильно подъ солнечными лучами и втаиваютъ въ ледъ вертикально, слѣдовательно они вызываютъ таяніе льда въ противоположность крупнымъ обломкамъ, которые его задерживаютъ.

Тающая вода образуетъ маленькіе ручейки, пробивающіе самостоятельно себѣ дорогу и, благодаря незначительному тренію, текущіе очень быстро; встрѣчаются иногда крутыя извилины, причемъ выпуклый берегъ оказывается сильно подрытымъ. Въ Альпахъ бываютъ ручьи отъ 2—3 метровъ ширины и ½ метра глубины, и русло ихъ до 10 метровъ ширины и глубины. Въ Гренландіи же мы находимъ даже настоящіе потоки въ глубоко прорытыхъ долинахъ. Если на пути ручья встрѣчается трещина, то вода сперва заполняетъ ее и затѣмъ продолжаетъ свой путь; позднѣе вода ищетъ стока внизъ и прорываетъ вертикальное углубленіе, получается ледниковая мельница.

Если такое углубленіе достигаетъ твердой, скалистой почвы, то образуются гигантскіе котлы, прекрасные образчики которыхъ мы видимъ около Люцерна въ Глетчергартенѣ. Ледниковыя мельницы бываютъ до 50 и даже до 200 метровъ въ глубину; въ верхней части

опускаясь вертикально, въ нижней онѣ зачастую закручиваются спиралью. Большая часть растаявшей воды течетъ подъглетчеромъ и на концѣ глетчера вытекаетъ ручьемъ изъ воротъ глетчера при температурѣ 0,2—1,5° Цельсія; лѣтомъ вода въ такомъ ручьѣ мутная отъ ила, который получается отъ тренія заключенныхъ во льдѣ камней по твердому грунту.

Движеніе глетчеровъ очень сложно: съ одной стороны глетчеръ какъ цѣлое скользитъ внизъ, съ другой—измѣняется взаимное положеніе отдѣльныхъ частицъ, глетчеръ течетъ какъ густое тѣло. Послѣ этого понятно, что у глетчера, какъ и у рѣки скорость теченія больше къ серединѣ, чѣмъ по краямъ, что легко провѣрить, положивъ на глетчеръ поперекъ его рядъ камней по прямой линіи и наблюдая

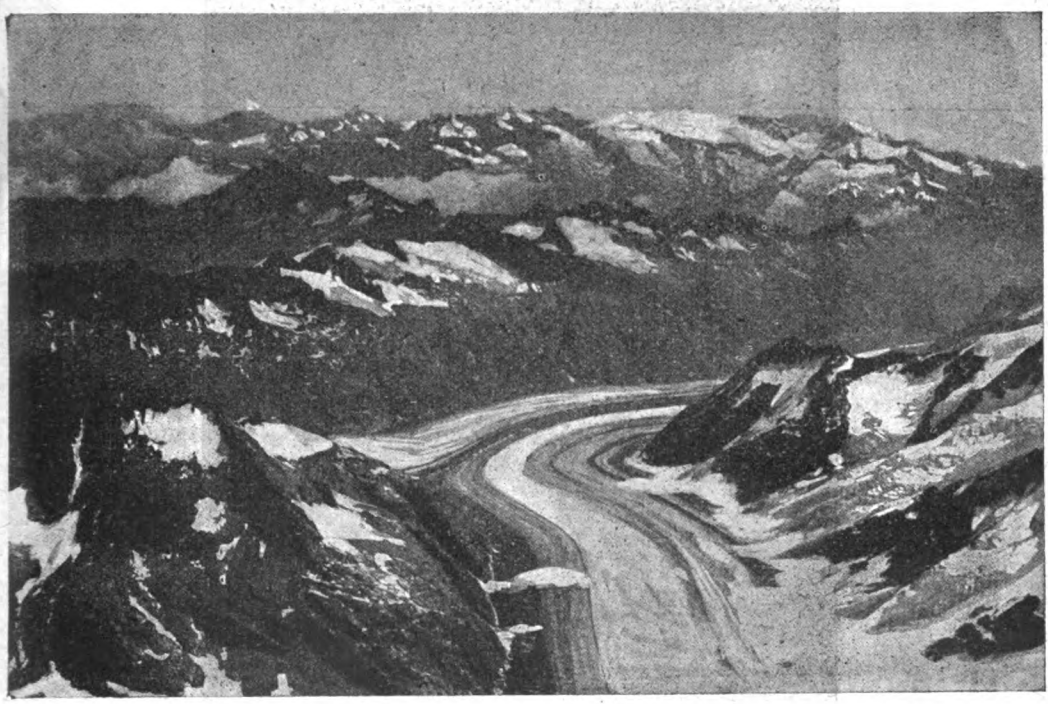


Рис. 72. Ледниковый столъ по рисунку Коломба.

за ними нѣкоторое время. Также скорость движенія нижнихъ слоевъ меньше, чѣмъ верхнихъ; сильный уклонъ и большое количество льда ускоряютъ движеніе.

Скорость движенія посредине глетчера выражается слѣдующими числами:

Въ нижнемъ Аарглетчерѣ въ день	0,14—0,21 метра.
Mer de glace	0,22—0,69 »
Въ Пастерцѣ въ Тиролѣ.	0,06—0,43 »
Въ Боюмглетчерѣ (въ Норвегіи)	0,10—0,52 »
Въ одномъ изъ глетчеровъ Кумоангималай.	2,00—3,7 »

Въ самостоятельномъ глетчерѣ на полуостровѣ Нугсуакъ въ Гренландіи подъ 70° 30'	0,076—0,3	метра.
Въ Торсакатакглетчерѣ (Гренландія) . . .	6,15	»
Въ Якобсгавнглетчерѣ	15—22,5	»

Средняя скорость средней линіи глетчера для Швеціи и Норвегіи будетъ около 40—100 метровъ въ годъ, что соотвѣтствуетъ скорости движенія кончика маленькой стрѣлки карманныхъ часовъ.

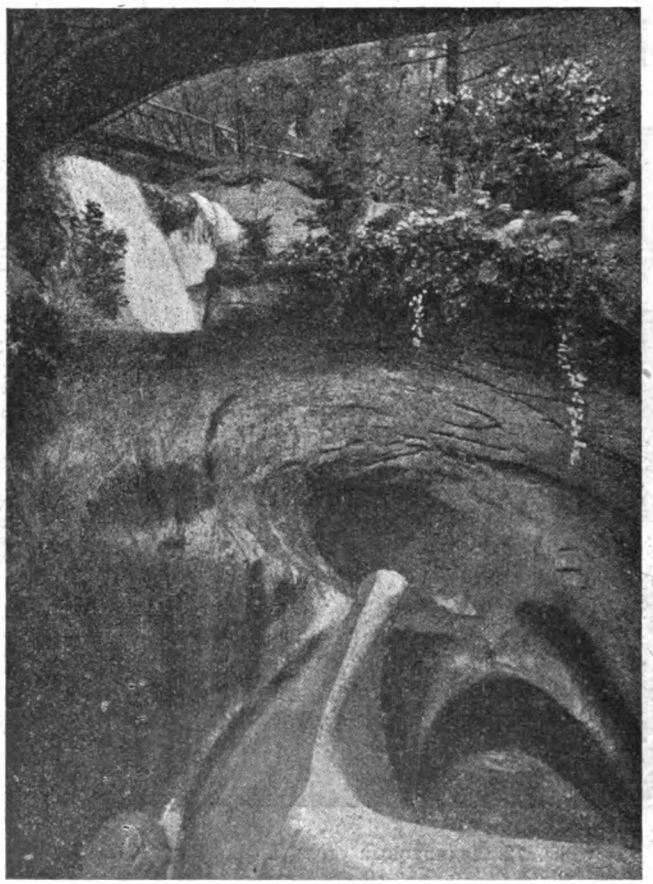


Рис. 73. Ледниковая мельница въ Люцернскомъ Глетчергартенѣ, по фотографіи.

Быстрота движенія боковъ глетчера меньше и едва достигаетъ 0,04 метра въ день; и у нихъ также края движутся медленнѣе, чѣмъ середина; отношеніе этихъ скоростей будетъ 3:4, или даже 6:7; у долинныхъ глетчеровъ 3:7 или 2:9 и т. д.

На льду ледниковъ образуются трещины перпендикулярно къ линіи движенія.

Эти трещины образуются довольно неправильно въ котловинахъ съ фирномъ. Но гораздо правильнѣе на глетчерахъ; образованіе ихъ сопровождается короткимъ трескомъ или болѣе длинными низкими раска-

тами: сначала замѣчаютъ только очень тонкую линію, которая то медленно, то скачками становится шире, черезъ нѣсколько дней получается зіяющая трещина. Трещина эта все расширяется, края ея закругляются; глубина доходитъ до 5—20, а изрѣдка и до 30—50 метровъ, ширина большею частью отъ 1—20 метровъ. Чѣмъ больше самъ глетчеръ, тѣмъ правильнѣе трещины; чѣмъ тоньше, тѣмъ неправильнѣе, потому что въ такомъ случаѣ на него оказываютъ вліяніе неровности почвы.

Краевыя трещины бываютъ почти у всѣхъ глетчеровъ; онѣ направляются отъ края къ серединѣ наискось вверхъ и происходятъ отъ напряженія, которое вызывается болѣе быстрымъ теченіемъ посерединѣ глетчера Каждая боковая трещина двигается вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ глетчера и медленно закрывается. Поперечныя трещины появляются тамъ, гдѣ глетчеръ спускается по уступу.

Глетчеръ сгибается въ гигантскія вертикальныя складки, образуетъ, такимъ образомъ, гигантскія лѣстницы или плиты, они срываются, обваливаются и образуютъ оригинальныя башни и стѣны, которыя, обтаивая, принимаютъ видъ красивыхъ развалинъ.

Въ углубленіяхъ скапливается выпавшій зимою снѣгъ, пыль и земля, и при дальнѣйшемъ движеніи глетчера грязь эта выступаетъ полосами на льду. Продольныя трещины возникаютъ тамъ, гдѣ глетчеръ изъ узкаго пространства попадаетъ въ болѣе широкое и при этомъ расплывается.

Мы уже упоминали раньше, что продукты вывѣтриванія горныхъ породъ переносятся въ долины вслѣдствіе вымыванія или просто вслѣдствіе обваловъ и осыпей, обломки эти скапливаются тамъ значительными грудами.

Ничего подобнаго не бываетъ, когда каменные обломки падаютъ на глетчеръ, который, какъ мы знаемъ, находится въ постоянномъ поступательномъ движеніи; упавшіе на него камни успѣютъ спуститься далеко внизъ, пока нападутъ новые. По обѣимъ краямъ глетчера образуются болѣе или менѣе широкія гряды щебня, такъ называемыя боковыя морены. Если два глетчера сливаются вмѣстѣ, то ихъ боковыя морены соединяются въ одну—срединную морену, которая и сохраняется до самаго конца глетчера. Сложные глетчеры имѣютъ иногда по нѣсколько параллельно идущихъ моренъ среднихъ. Поверхностныя морены состоятъ изъ большихъ и мелкихъ угловатыхъ кусковъ различныхъ каменныхъ породъ, песку и земли, лежащихъ въ перемежку, безъ малѣйшаго намека на слоистость.

Иногда камни изъ боковыхъ моренъ скатываются на твердую землю и остаются тамъ; нѣкоторые обломки, обрушиваясь въ долины, падаютъ не на самый ледникъ, а только задерживаются его крутыми краями, такъ образуются береговыя морены.

Камни, падающіе на фирновыя поля, покрываются снѣгомъ и, спускаясь внизъ вмѣстѣ съ ледникомъ, образуютъ внутреннія морены, когда же покрывающій ихъ ледъ стаиваетъ, то обломки эти оказываются на поверхности ледника въ видѣ незначительныхъ срединныхъ моренъ или же увеличиваютъ собою уже существующія морены.

Часть матеріала поверхностныхъ моренъ попадаетъ въ трещины глетчера и переносится далѣе уже по дну ледника; по этому послѣднему пути передвигается также и бывшій здѣсь раньше матеріалъ, или же образовавшійся отъ вывѣтриванія горныхъ породъ, по ко-

торымъ скользитъ глетчеръ. Такъ возникаютъ нижнія морены. Онѣ состоятъ обыкновенно изъ тонкаго мокраго слоя ила и песка, лежащихъ между твердой каменной земной поверхностью и ледянымъ слоемъ, затѣмъ здѣсь же мы встрѣчаемъ и каменные обломки и цѣлыя глыбы, попавшіе въ глетчеры. Освободившіеся отъ льда камни оказываются всегда покрытыми пескомъ и иломъ. Подъ глетчеромъ посреди русла, преимущественно въ углубленіяхъ его, встрѣчается густой слой песку или ила, съ заключенными въ немъ сильно поцарапанными гальками – валуны глины и мергеля.

Хотя глетчеры и оказываютъ сильное давленіе на поверхность земли, по которой идутъ, но сами ледяныя массы не захватываютъ ни камней, ни земли. Напротивъ, глетчеръ дѣйствуетъ какъ громадный полировальный аппаратъ, причемъ полировальнымъ порошкомъ служитъ образующійся здѣсь же илъ.

Камни и скалы обтачиваются поразительно гладко, но на нихъ затѣмъ получаются новыя царапины. Твердыя породы, какъ гнейсъ, гранитъ, кварцитъ, полируются лучше, чѣмъ мягкія (известнякъ, доломитъ и др.), полировка преобладаетъ тамъ, гдѣ морена состоитъ только изъ ила, а царапины встрѣчаются тамъ, гдѣ много каменныхъ обломковъ; на крупнозернистыхъ породахъ, известняка или конгломератѣ, получаются грубо изборожденныя поверхности. Особенно сильное вліяніе оказываетъ глетчеръ на горныя породы, выступающія изъ русла глетчера, онъ обтачиваетъ ихъ въ продолговатые бугры (roches moutonnées) по направленію къ долинѣ, причемъ другая сторона ихъ сохраняетъ уловатыя формы, носящія слѣды вывѣтриванія— примѣта, по которой можно узнать направленіе бывшаго нѣкогда ледника, спустя тысячелѣтія. Такіе бугры служатъ несомнѣннымъ признакомъ бывшаго здѣсь ледника.

Дѣятельность глетчера носитъ эродирующій характеръ, на степень дѣятельности ледника въ этомъ направленіи указываетъ количества ила. Во время самой интенсивной эродирующей дѣятельности (іюль, августъ) Ааръ при своемъ выходѣ изъ глетчера несетъ до 142 граммовъ ила на кубич. метръ воды, слѣдовательно, за сутки онъ принесетъ до 163.000 килограммовъ (=60 куб. метровъ гранита). За годъ Ааръ вынесетъ около 6.000 куб. метровъ горныхъ породъ въ глетчерной водѣ. Въ ледниковой водѣ Гренландіи количество твердыхъ частицъ предполагается значительно выше; такъ, 10-го іюля 1875 г. Гелландъ высчиталъ, что на каждый куб. метръ воды ледника Алатордлека приходится до 2.374 граммъ твердыхъ частей; слѣдуетъ еще замѣтить, что въ альпійскихъ глетчерахъ частицы эти могутъ происходить и отъ разрушенія поверхностныхъ моренъ, между тѣмъ какъ въ ледникахъ Гренландіи поверхностныя морены встрѣчаются только вблизи «Нунатаки». Въ общемъ, количество вымываемыхъ частицъ увеличивается съ величиною ледника. И такъ, мы имѣемъ вполнѣ ясное представленіе о переносной силѣ глетчеровъ.

Поверхностныя морены и часть нижнихъ скопляются впереди глетчера и по сторонамъ его и во время болѣе продолжительной остановки его образуютъ значительныя отложенія, которыя послѣ исчезновенія глетчера остаются на мѣстѣ въ видѣ длинныхъ стѣнъ (передовыя или конечныя и береговыя морены). Матеріалъ моренъ (илъ, песокъ и гравій), переносимый ледниковыми потоками, образуетъ также замѣтныя отложенія. Даже на днѣ ручьевъ, текущихъ подъ глетчерами получаются слои гравія.

Отложенія эти бываютъ иногда настолько значительны, что послѣ исчезновенія глетчера, остаются въ видѣ порядочныхъ холмовъ.

Задача лавинъ и глетчеровъ заключается также и въ томъ, чтобы перенести массы снѣга изъ области ихъ накопленія въ болѣе теплыя, гдѣ массы эти должны растаять. Въ тепломъ и умѣренномъ поясахъ таяніе это происходитъ въ долинахъ на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря, въ холодныхъ же странахъ температура долинъ недостаточна, чтобы растопить излишекъ снѣга, и потому здѣсь есть иной способъ доставить снѣговыя массы въ болѣе теплыя области; здѣсь на помощь выступаетъ море; морскія теченія переносятъ громадныя глыбы (150—300 метровъ толщины) изъ полярныхъ странъ въ теплыя.

Случается, что отъ ледника, спускающагося въ море, отрываются значительные куски его; происходитъ это или отъ подтаниванія ледника вслѣдствіе прибоя волнъ во время прилива, или же ледяныя массы отрываются вслѣдствіе своей собственной тяжести или же вдоль поперечной трещины. Отрываясь и погружаясь въ воду такая ледяная гора развиваетъ вокругъ себя сильное волненіе, опасное даже для кораблей.

Иногда она долго переворачивается въ водѣ, пока не придетъ въ равновѣсіе; изъ воды выступаетъ не болѣе $^1/_4$ или $^1/_7$ ея объема, такъ что, судя по этому, толщина льдины, выступающей изъ воды на 10—70 метровъ, достигаетъ 40 – 400 метровъ. Объемъ такихъ глыбъ доходитъ до 20—30 милліоновъ куб. метровъ. Горы эти обтаиваютъ и принимаютъ самыя фантастическія формы, равновѣсіе ихъ часто нарушается, и онѣ обрушиваются въ воду. Ледяныя горы состоятъ то изъ одного чистаго льда, то содержатъ остатки моренъ; особенно большое количество каменныхъ обломковъ переносится ледяными горами изъ Гренландіи, Шпицбергена и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ; фактъ этотъ послужилъ Лайэлю основаніемъ для развитія его «переносной» теоріи (Driftheorie), по которой камни, оставшіеся на мѣстѣ бывшихъ ледниковъ сѣверной Германіи, были принесены плавающими ледяными горами. Одинъ только глетчеръ Якобсхавнъ (до 4½ километровъ ширины и около 300 метровъ толщины) доставляетъ ежегодно до 3.600 милліоновъ куб. метровъ льда въ формѣ ледяныхъ горъ, а глетчеръ Торсукатакъ до до 1.900 мил. куб. метровъ.

Если ледяныя горы пристаютъ къ какому-нибудь одному опредѣленному мѣсту, то здѣсь могутъ образоваться морены на днѣ моря. Вейпрехтъ и Пейеръ утверждаютъ, что мели, ньюфаундлендскія, напримѣръ, а также и находящіяся на югѣ Шпицбергена, обязаны своимъ происхожденіемъ, хотя бы и отчасти, каменнымъ осколкамъ, приносимымъ ледяными горами. Такимъ образомъ, глетчеры, съ помощью морскихъ теченій, могутъ оказывать значительное геологическое вліяніе даже въ отдаленныхъ отъ себя мѣстностяхъ. Для любителя природы ледяныя горы представляютъ чудное, фантастическое зрѣлище, въ моряхъ смотритъ на нихъ со страхомъ, метеорологъ цѣнитъ ихъ какъ климатическій агентъ, геологъ же видитъ въ нихъ способъ передвиженія каменныхъ массъ, осѣдающихъ затѣмъ на дно морское и поднимающихъ его.

Въ средніе вѣка и въ первыя столѣтія новаго времени придавали слишкомъ много значенія геологической дѣятельности моря, а именно, морскимъ потокамъ, возникавшимъ вслѣдствіе поднятія твердой земли, приписывали громадное эрозивное вліяніе на земную поверхность, а также и значительную подъемную силу, и въ то же

время отрицали средневѣковое воззрѣніе на дѣятельность морскихъ волнъ, подкапывающихъ и измѣняющихъ морское дно. А вмѣстѣ съ этимъ еще въ XIX вѣкѣ жило средневѣковое представленіе о томъ, что морское дно устроено совершенно такъ же, какъ и твердая земля съ ея горами и долинами; еще въ 1872 г. теорія эта имѣла защитника и была опровергнута новѣйшими изслѣдователями морскихъ глубинъ. Уже довольно рано было установлено положеніе, что матеріалъ, взятый моремъ въ одномъ мѣстѣ, отлагается имъ же гдѣ-нибудь въ другомъ; но дѣло ограничивалось простымъ утвержденіемъ самого факта, не вдаваясь въ какія бы то ни было подробныя описанія. Пока о природѣ дѣйствующихъ силъ не имѣли лучшаго представленія и пока всѣ измѣненія земной поверхности ставили въ зависимость отъ внезапныхъ и сильныхъ катастрофъ, до тѣхъ поръ не было возможности дать вѣрную оцѣнку геологической дѣятельности моря; и только въ новѣйшее время впервые указано настоящее мѣсто стоячихъ водъ въ ряду геологическихъ факторовъ. Мы оставимъ въ сторонѣ историческое развитіе этого вопроса и ограничимся изложеніемъ современныхъ взглядовъ на роль стоячихъ водъ и укажемъ попутно на главнѣйшія изысканія.

Тектоническіе процессы земной коры создали большія и малыя углубленія, заполненныя океаномъ и многочисленными озерами, но и стоячія воды продолжаютъ оказывать разрушительное вліяніе на твердую землю, съ помощью химическихъ и органическихъ осадковъ повышаютъ дно этихъ углубленій, сглаживаютъ неровности и гдѣ возможно заполняютъ ими углубленія цѣликомъ, что случилось уже со многими озерами.

Изъ всѣхъ наносныхъ отложеній только образованіе дельтъ было хорошо извѣстно съ самыхъ давнихъ временъ. Образованіе другихъ отложеній выяснилось только въ самое послѣднее время, главнымъ образомъ благодаря изысканіямъ экспедиціи «Челленджера», «Тускарора» и «Газели» (1872—1876); работы нѣмецкой экспедиціи «Вальдивія» бросили новый свѣтъ на эти вопросы. Такъ какъ вопросъ о морскихъ глубинахъ будетъ разсматриваться въ одной изъ слѣдующихъ главъ, то мы здѣсь и не будемъ разбирать его. Укажемъ только, что трупы морскихъ животныхъ содѣйствуютъ въ значительной степени образованію отложеній на днѣ моря своими известковыми и кремнеземистыми раковинами, затѣмъ вулканическій пепелъ, приносимая вѣтромъ пыль и каменный щебень, заносимый ледяными горами, осаждаются также на дно морское. Химическія отложенія углекиской извести, гипса, поваренной соли и др. встрѣчаются обыкновенно въ непроточныхъ близкихъ къ высыханію озерахъ, или въ отрѣзанныхъ морскихъ заливахъ; громадные пласты соли внутри материка представляютъ не что иное, какъ отложенія высохшихъ соляныхъ морей и озеръ отдаленнаго прошлаго. Песокъ и гравій встрѣчаются только въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ берегами, но самыя мелкія части земли выносятся далеко въ море и образуютъ отложенія ила, простирающіяся иногда на 300 километровъ отъ берега. Въ образованіи этихъ послѣднихъ отложеній существенную роль играетъ безъ сомнѣнія подъемная сила водяныхъ теченій (прилива и отлива), можно также думать, что большія морскія теченія оказываютъ большое вліяніе на образованіе отложеній въ океаническихъ глубинахъ, потому что, несмотря на сравнительно незначительную быстроту, они увлекаютъ съ собою такія легкія тѣла, какъ раковины фораминиферъ, діатомей, радіоларій или мельчайшую вул-

каническую пыль. «Пока теченіе во всей своей силѣ, то большая часть твердаго матеріала поддерживается въ водѣ; когда же энергія движенія уменьшается вслѣдствіе того, что потокъ становится шире или же натыкается на препятствіе, то значительная часть матеріала осѣдаетъ на дно, и по прошествіи длиннаго ряда лѣтъ, на такомъ мѣстѣ образуются отложенія, далеко превосходящія сосѣднія по своей мощности. Посреди океановъ появляются значительныя горы съ поразительно незначительными склонами, а края твердой земли должны дѣлаться все ниже и ниже».

Съ другой стороны, быстрыя теченія въ неглубокихъ мѣстахъ не допускаютъ образованія отложеній ила, такъ напр., благодаря сильному теченію изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ, дно Гибралтарскаго пролива совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было отложеній. Во всякомъ случаѣ, надо признать, что вліяніе морскихъ теченій на отложенія незначительно. Гораздо значительнѣе въ геологическомъ отношеніи работа морской и озерной воды при непосредственномъ соприкосновеніи съ твердой землей, съ береговой полосой. Мы займемся подробнѣе именно этой стороной дѣятельности моря, потому что берегъ имѣетъ большое значеніе въ жизни человѣка. Характеръ береговой полосы зависитъ во многомъ отъ поверхностнаго движенія воды: безразлично, будь это волненіе, вызванное вѣтромъ, одинаково свойственное и морю и озеру, или же движенія прилива и отлива, вызываемыя періодически притягательной силой луны; приливы и отливы только въ моряхъ достигаютъ замѣтныхъ размѣровъ. Въ открытомъ морѣ волны двигаются параллельно другъ другу по направленію вѣтра; при этомъ отдѣльныя водяныя частички не подвигаются впередъ, а остаются все время на одномъ и томъ же мѣстѣ, подобно колосьямъ волнующейся нивы, сильно напоминающей поверхность моря при вѣтрѣ. Сравненіе это еще дѣлалъ Леонардо да Винчи. Если волны наталкиваются на препятствіе въ видѣ мели или береговой полосы, то возникаетъ прибой. Если берегъ спускается въ море вертикальнымъ обрывомъ, то движеніе волнъ существенно нарушается какъ только онѣ доходятъ до такого берега; при спокойномъ, тихомъ морѣ водяныя частички поднимаются и опускаются вдоль береговыхъ утесовъ; во время же волненія вода съ яростью ударяется въ высокій берегъ; брызги и пѣна взлетаютъ высоко вверхъ. Если берегъ пологій и морское дно повышается постепенно, то поступательное движеніе волнъ задерживается вблизи берега; волны становятся короче, передняя сторона волны дѣлается очень крутой, почти отвѣсной и, наконецъ, обрушивается, вода набѣгаетъ на берегъ и затѣмъ уходитъ опять обратно—это береговой прибой. Чѣмъ больше волны, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе прибоя: въ озерахъ оно меньше, чѣмъ въ морѣ, въ бухтахъ незначительнѣе, чѣмъ вдоль береговъ, выходящихъ въ открытое море. Когда волны ударяютъ въ утесистый берегъ, то вода сжимается, сдавливаетъ воздухъ и вталкиваетъ его въ трещины, находящіяся въ каменныхъ породахъ, которыя подъ этимъ вліяніемъ разрушаются и обрушиваются; вода подхватываетъ обломки, швыряетъ ими въ скалистыя стѣны и такимъ путемъ ведетъ разрушеніе ихъ все дальше и дальше. Такъ прибой дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на берега; каменные же обломки, употребляемые въ видѣ разрушительныхъ снарядовъ, обтачиваются и округляются, а бомбардируемыя ими скалы сглаживаются. Какъ бы ни была крѣпка порода, она не въ силахъ долго сопротивляться разрушающему дѣйствію воды въ союзѣ съ камнями,—въ скалахъ образуются углубленія и пещеры, наконецъ,

подмытыя, нависшія скалистыя массы обрушиваются, и процессъ начинается снова; и только одиночные, особенно крѣпкіе или поставленные въ болѣе благопріятныя условія, утесы стоятъ неприкосновенными, напоминая собою о прежнемъ протяженіи береговой линіи.

Если утесы состоятъ изъ болѣе мягкой или легко размываемой породы, то разрушительная работа моря совершается поразительно быстро; земля, лежащая выше уровня моря, смывается, сносится; оторваиные, снесенные куски загромождаютъ морское дно и, въ свою очередь, помогаютъ разрушительной дѣятельности воды; образуются береговыя террасы, уступы; разрушительное вліяніе моря сказывается иногда очень далеко въ глубь берега, при благопріятныхъ условіяхъ на разстояніе 700—100 метровъ.

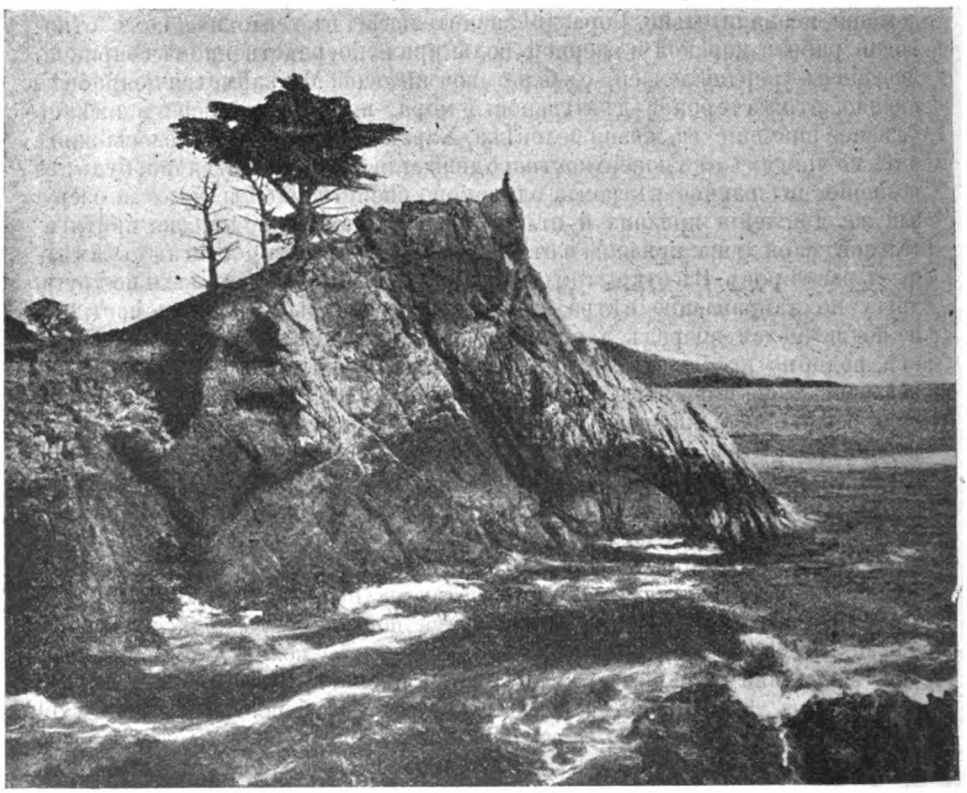


Рис. 73. Прибой въ заливѣ Монтерей (Калифорнія). По фотогр.

Если берегъ состоитъ вперемежку изъ твердыхъ и мягкихъ породъ, то естественно, что море проникаетъ въ землю глубже на мѣстѣ мягкихъ породъ и образуетъ здѣсь заливы, между тѣмъ какъ твердыя породы образуютъ мысы. У высокихъ скалистыхъ береговъ обрушившіеся камни нѣкоторое время защищаютъ берегъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, вслѣдствіе чего море проникаетъ въ землю въ низменныхъ мѣстахъ и долинахъ значительно быстрѣе, чѣмъ въ горахъ, такъ что первыя уступаютъ мѣсто бухтамъ, а вторыя обращаются въ мысы. Дѣйствіе прибоя усиливается приливами и бурями.

Такъ, впродолженіи среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ сильныхъ бурь произошли значительныя измѣненія по нѣмецкому и голландскому побережью—въ 12.8 году создался заливъ Яде, въ 1277 г. Доллартъ, а въ 1395 г. проливъ между Зюдерзее и океаномъ.

Чѣмъ продолжительнѣе была работа прибоя, тѣмъ шире береговая терраса, тѣмъ незначительнѣе сила прибоя и, въ концѣ концовъ, только самыя большія волны доходятъ до береговыхъ утесовъ. Если же береговая полоса медленно опускается и погружается въ воду, то вліянію прибоя подвергаются все новыя и новыя породы; цѣлыя горы могутъ быть цѣликомъ разрушены волнами, какъ это утверждаетъ Рихтгофенъ относительно многихъ мѣстностей въ Китаѣ.

Жиро Суляви (1781) впервые описалъ дѣятельность прибоя; позднѣе она была основательно изучена Генри де-ла-Бемъ въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка, а въ 1847 году Рамзай указалъ на тотъ фактъ, что работа морскихъ волнъ заключается въ уравненіи земной поверхности; Рихтгофенъ же въ 70-хъ годахъ обратилъ вниманіе на то, что необходимо опусканіе земли для того, чтобъ море могло съ успѣхомъ производить дальнѣйшую абразію земной поверхности; цѣлый рядъ геологовъ, съ Гейки во главѣ, утверждаютъ, напротивъ, что морская денудація не имѣетъ большого значенія въ исторіи образованія земной поверхности; удовлетворительный отвѣтъ въ этомъ дѣлѣ можетъ дать только будущее. Въ теоріи, конечно, нельзя отрицать возможности могущественной абразіи, но только болѣе точныя геологическія изысканія съумѣютъ разрѣшить вопросъ, насколько значительна эта работа за періодъ геологическихъ временъ.

Между тѣмъ какъ насчетъ разрушительной дѣятельности морского прибоя существуетъ еще сомнѣніе, подъемная и переносная дѣятельность воды не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если волны набѣгаютъ на берегъ немного вкось, то и камни приносятся ими въ томъ же направленіи; стекая обратно, вода слѣдуетъ уклону берега и такимъ образомъ возвращается не на старое свое мѣсто; это явленіе повторяется при каждой волнѣ, и такимъ путемъ получается передвиженіе галекъ по одному опредѣленному направленію—Филипсонъ называетъ это явленіе «перемѣщеніемъ берега». Но такъ какъ волны слѣдуютъ за направленіемъ вѣтра, то передвиженіе это можетъ совершаться вдоль берега, то въ одну, то въ другую сторону; вслѣдствіе этого послѣдняго условія «перемѣщеніе берега» получаетъ важное геологическое значеніе только въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ одно какое нибудь направленіе вѣтра напримѣръ, въ областяхъ, гдѣ господствуютъ пассатные вѣтры. Въ такихъ случаяхъ перенесеніе валуновъ можетъ происходить даже вопреки встрѣчнымъ береговымъ теченіямъ, какъ это мы видимъ по берегу Атлантическаго океана около Костарика и Никарагуа.

Высчитано, что тамъ же, около Грейтона, приносится и откладывается ежегодно около 600.000 куб. метровъ песку и что берегъ, вслѣдствіе этого, увеличивается ежегодно въ сторону моря почти на 23 метра.

Самый значительный результатъ получается тамъ, гдѣ и береговое теченіе, и береговое перемѣщеніе дѣйствуютъ одновременно, во время бури работа эта становится особенно интенсивной.

Если берегъ послѣ продолжительнаго почти прямолинейнаго протяженія вдругъ дѣлаетъ крутой изгибъ, передвиженіе валуновъ и галекъ не измѣняетъ своего первоначальнаго направленія, но приносимой во-

дой матеріалъ отлагается въ мелкомъ мѣстѣ и образуютъ какъ бы дамбу или косу, которыя иногда бываютъ такой значительной длины, что могутъ отрѣзать часть моря, которая и обращается въ лагуну.

Но не однѣ только волны оказываютъ вліяніе на форму береговъ, здѣсь играютъ также значительную роль приливы и отливы. Во-первыхъ, они доставляютъ большой просторъ морскому прибою, причемъ во время прилива волны работаютъ при повышенномъ уровнѣ, а во время отлива онѣ могутъ оказывать существенное вліяніе на морское дно. Во время отлива вода стекаетъ потоками или ручейками, которые бываютъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ниже уровень въ обыкновенное время и чѣмъ выше приливъ; эта стекающая въ море вода оказываетъ размывающее вліяніе, вслѣдствіе чего узкія бухты, посѣщаемыя высокими приливами, оказываются совершенно свободными отъ какихъ бы то ни было осадковъ; по этой же причинѣ устья рѣкъ, при своемъ впаденіи въ море развѣтвляющіяся на рукава, очищаются приливами отъ наноснаго песку и другихъ матеріаловъ. Если же отливъ изъ болѣе узкаго русла попадаетъ въ болѣе широкое, то быстрота его теченія уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подъемная сила; лишній матеріалъ осѣдаетъ на дно и передъ входомъ въ узкое русло получается иногда довольно значительный порогъ.

Осаждается также и матеріалъ, приносимый приливомъ; когда приливъ достигнетъ своей наивысшей точки, вода стоитъ нѣкоторое время неподвижно и затѣмъ начинается отливъ; отложенія достигаютъ вскорѣ такой высоты, что послѣ начала отлива они возвышаются надъ уровнемъ воды; каждый приливъ увеличиваетъ ихъ немного, появляется растительность, которая и укрѣпляетъ вновь образовавшуюся такимъ путемъ сушу. Между полосами такой земли (по берегамъ Сѣвернаго моря называемой «ватта») остаются свободныя пространства заполненныя водой (каналы) по которымъ свободно гуляетъ приливъ и отливъ.

Геологическая дѣятельность волнъ и теченій имѣетъ громадное вліяніе на внѣшній видъ береговъ; съ другой стороны имѣетъ значеніе и прежняя геологическая исторія примыкающей къ морю земной поверхности. Совокупность этихъ факторовъ и опредѣляетъ характеръ берега. Изъ всѣхъ формъ берега для человѣка важнѣе всего заливы, на нихъ мы легче всего уяснимъ себѣ совмѣстную дѣятельность двухъ вышеупомянутыхъ факторовъ.

Долинныя бухты образуются изъ тѣхъ углубленій земной коры, которыя на сушѣ развиваются въ долины, а затѣмъ, вслѣдствіе опусканія земной поверхности или же благодаря эрозивной дѣятельности стоячихъ водъ покрываются водой. Среди такихъ заливовъ можно различить нѣсколько характерныхъ типовъ, изъ которыхъ наиболѣе интересны слѣдующіе: 1) фіорды—длинные, узкіе, съ крутыми берегами, сильно развѣтвленные заливы; встрѣчаются они въ обоихъ полушаріяхъ отъ 49° сѣверной широты до 41° южной; это погрузившіяся въ воду долины; онѣ образовались, въ свою очередь, или исключительно подъ вліяніемъ ледниковъ или же, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, глетчеры только отчасти принимали участіе въ ихъ образованіи.

Самые типичные и красивые представители фіордовъ встрѣчаются по берегамъ Норвегіи, Гренландіи, Британской Колумбіи, Патагоніи и Новой Зеландіи. Съ другой стороны вліяніе льда сказалось въ образованіи мелко развѣтвленныхъ шведскихъ и финскихъ фіордовъ съ ихъ пустынными островками (шкерами), равно какъ и въ образованіи такихъ же заливовъ у береговъ Голштиніи. Если въ море опускается

скалистый берегъ, горныя цѣпи котораго идутъ перпендикулярно къ линіи воды, то получаются воронкообразные заливы; образчики такихъ заливовъ мы видимъ по берегамъ Китая и Кореи, Ирландіи и испанской провинціи Галиціи. Если же по берегу идутъ горы параллельно морю, то море заливаетъ болѣе низкія части земной поверхности, и у насъ получаются параллельные ряды гористыхъ острововъ, между которыми на мѣстѣ прежнихъ долинъ и ущелій проходятъ каналы (Kanalküste).

Такіе продольные берега обыкновенно очень бѣдны заливами. Но ровнѣе всего тѣ берега, вдоль которыхъ морской прибой оказываетъ равномѣрное вліяніе, а обрушивающіеся обломки породъ уносятся береговыми теченіями, какъ мы это видимъ на мѣловыхъ берегахъ Рюгена и Довера. Тамъ, гдѣ дѣятельность моря оказываетъ наиболѣе сильное вліяніе на форму береговъ, образуются многочисленные заливы красивой закругленной формы (круглые заливы). Тамъ, гдѣ созидательная, наносная дѣятельность моря или озера проявляется долгое время въ одномъ и томъ же направленіи, образуются простые дюнные берега, которые иногда простираются на значительное разстояніе (по зап. берегу Сѣверной Африки болѣе, чѣмъ на 1.000 километровъ); дюны эти страшно затрудняютъ судоходство, благодаря незначительной глубинѣ морского дна, частымъ песчанымъ мелямъ, сильному прибою и отсутствію гаваней. Мѣстныя условія, а также незначительная продолжительность геологической работы обусловливаютъ цѣлый рядъ существенныхъ различій въ характерѣ наносныхъ береговыхъ полосъ—гафы, внутренніе заливы, ватты и т. п. чего мы здѣсь касаться не будемъ. Нѣкоторые берега теплыхъ морей пріобрѣтаютъ особенный характеръ вслѣдствіе коралловыхъ построекъ, которыя то начинаются у самыхъ береговъ (береговые рифы) или же отдѣляются отъ нихъ каналомъ различной ширины.

Послѣднія, достигающія иногда значительной длины (напр., у сѣверныхъ береговъ Австраліи), образуютъ какъ бы внѣшній берегъ и, защищая воду въ каналѣ отъ морскихъ волнъ предоставляютъ такимъ образомъ кораблямъ спокойный фарватеръ. Но съ другой стороны эти коралловые рифы затрудняютъ кораблямъдоступъ къ землѣ, куда можно добраться только окольными путями или черезъ опасные проливы, пересѣкающіе мѣстами рифы. Какъ ни важна для мореплаванія форма береговъ и, главнымъ образомъ присутствіе заливовъ, но этого еще мало—въ хорошо защищенныхъ бухтахъ должны быть еще особенно удобные пункты, такъ называемыя морскія гавани. Чтобы получилась удобная гавань долженъ быть осуществленъ цѣлый рядъ условій. Прежде всего гавань должна имѣть защиту противъ вѣтра и наносныхъ песковъ, защита эта бываетъ или естественная, въ видѣ ряда острововъ или выступающей въ море косы, или же искусственная, въ видѣ дамбы. Наносные берега рѣдко отвѣчаютъ условіямъ хорошихъ гаваней, зато вмѣсто нихъ встрѣчаются здѣсь открытые рейды, т.-е. участокъ моря удобный для стоянки судовъ на якорѣ, сообщеніе между берегомъ и судами поддерживается съ помощью лодокъ или болѣе легкихъ пароходовъ, сообщеніе это зачастую облегчается сильнымъ прибоемъ. Кромѣ того, гавань должна быть легко доступна какъ со стороны суши, такъ и со стороны моря. Доступность со стороны моря достигается и искусственно—расширеніемъ и углубленіемъ фарватера, иногда и сама природа заботится объ этомъ съ помощью приливовъ и отливовъ. Далѣе, хорошая гавань не должна быть особенно глубокою, а прилегающій къ ней берегъ долженъ быть удо-

бенъ для людскихъ поселеній. Такъ, напр., фіорды были бы прекрасными гаванями, если бы не ихъ, въ большинствѣ случаевъ, значительная глубина и крутизна береговъ; въ глубинѣ фіордовъ очень немного такихъ хорошихъ гаваней, какъ Христіанія или Дронтгеймъ.

Едва ли гдѣ-нибудь еще на свѣтѣ человѣкъ находится въ такой зависимости отъ благопріятныхъ или враждебныхъ вліяній медленно дѣйствующихъ геологическихъ условій, какъ въ мѣстахъ гаваней. Правда, искусственное углубленіе можетъ поддерживать свободный доступъ, дамба можетъ не допустить занесеніе песку и илу, но никакія человѣческія сооруженія не въ состояніи защитить гавань отъ обмеленія, если дно моря начинаетъ подниматься или если наносное количество илу и песку достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Даже въ историческія времена, благодаря поднятію земной поверхности, многія гавани Скандинавіи совершенно исчезли; въ продолженіи среднихъ вѣковъ, вслѣдствіе громаднаго количества наноснаго матеріала Равенна оказалась ушедшей отъ моря на значительное разстояніе; а въ теченіе XIX-го вѣка Грейтонъ (С.-Жуанъ-дель-Норте)—исходный пунктъ проектируемаго канала въ Никарагуа, былъ отрѣзанъ отъ моря: въ 1809 году тамъ еще былъ хорошій, глубокій, но небольшой рейдъ сзади песчаной косы, которая росла постепенно, а въ 1852 году достигла твердой земли и отдѣлила лагуну Грейтонъ. Если будетъ вырытъ предполагаемый каналъ Никарагуа, то для поддержанія прохода на рейдъ придется выстроить дамбу, чтобы защититься отъ наноснаго песку, и дамбу эту придется удлинять ежегодно на 23 метра.

Геологическая дѣятельность вѣтра.

Уже въ XVI вѣкѣ Георгъ Агрикола имѣлъ довольно точное представленіе о геологической дѣятельности вѣтра; объясненіе образованія дюнъ въ западной Африкѣ заимствовано имъ у арабскихъ писателей, причемъ онъ указалъ на то, что подобное же явленіе, только въ меньшемъ масштабѣ, можно наблюдать и въ окрестностяхъ Люнебурга. Помимо этого, уже въ средніе вѣка имѣли понятіе о настоящей природѣ дюнъ по морскому побережью. Но знаніе это не достигло всеобщаго распространенія, и въ 1605 году Мерула въ своей общей космографіи высказывалъ предположеніе, не были ли дюны произведеніемъ рукъ человѣческихъ, но склонялся скорѣе къ тому мнѣнію, что дюны созданы не человѣкомъ, Вареніусъ же въ своей общей географіи предполагалъ, что дюны представляютъ собою холмы затопляемой моремъ земли, выступающіе изъ воды. Аѳанасій Кирхеръ имѣлъ болѣе точное представленіе (1664): по его словамъ, песокъ, приносимый рѣками въ море, отлагался на берегу, и подъ вліяніемъ вѣтра сметался въ дюны; Кирхеръ зналъ и о дюнахъ, поросшихъ травою и кустарниками въ устьѣ Тибра у Остіи, и о континентальныхъ дюнахъ громадныхъ пустынь Африки и Азіи, гдѣ каменныя породы распадаются на мелкія песчинки, сметаемыя вѣтромъ въ холмы, которые позднѣе снова развѣваются и разносятся по обширной равнинѣ. Большія песчаныя и каменистыя пустыни сѣверной Африки и Аравіи считаются имъ за прежніе морскіе бассейны, существовавшіе до потопа; потопъ принесъ необъятныя количества песку и щебня, оставшіеся на поверхности земли послѣ ея поднятія и ухода моря.

Послѣ Аѳанасія Кирхера было сдѣлано много наблюденій надъ распространеніемъ пустынь и возникновеніемъ континентальныхъ и бе-

реговыхъ дюнъ, но сдѣланные выводы еще долгое время не отличались существенно отъ взглядовъ А. Кирхера.

Еще въ 1834 г. Гофъ высказывался за морское происхожденіе песковъ пустыни, хотя Аѳ. Кирхеръ указывалъ уже на возможность происхожденія ихъ изъ находящихся здѣсь же каменныхъ породъ, и только впервые изысканія Циттеля и Ролландса въ Сахарѣ подтвердили континентальное происхожденіе тамошнихъ песчаныхъ холмовъ. Позднѣе І. Вальтеръ необычайно картиннымъ образомъ изобразилъ измѣненія, которымъ подвергается поверхность пустыни подъ вліяніемъ разрушительной и переносной дѣятельности вѣтра «дефлаціи»; дѣйствіе это сказывается повсюду начиная съ отвѣсныхъ скалистыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими ущельями, и кончая одно-

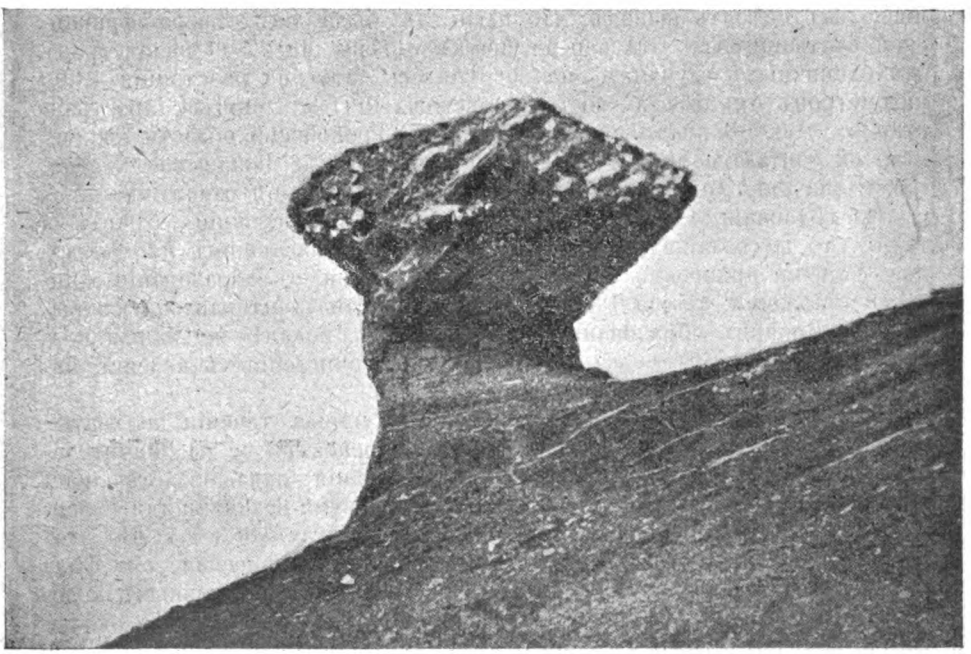


Рис. 74. Скала въ видѣ гриба. По фотографіи Вальтера.

образной каменистой пустыней Гамадой; но какъ ни увлекательно его изображеніе, какъ ни убѣдительны его доводы, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые ученые отказываются раздѣлять его воззрѣнія. Если развитая Вальтеромъ теорія возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе, то, съ другой стороны, всѣ согласны съ «корродирующимъ» вліяніемъ воздушныхъ теченій несущихъ песокъ; такой вѣтеръ дѣйствуетъ на подобіе мѣховъ. Въ 1847 году Науманъ далъ описаніе одной скалы въ Саксоніи (въ Гобургѣ), всей изрѣзанной желобками и царапинами, раньше онъ думалъ, что это слѣды льда, но Геймъ въ 1870 году убѣдилъ его, что это работа вѣтра, несущаго песокъ. На такіе слѣды, оставляемые вѣтромъ, указываютъ и другіе ученые: Блэкъ (1855) и Кильбертъ въ сѣверо-американскихъ пустыняхъ, Цитель, Ролландъ, Вальтеръ и др. въ Сахарѣ. Обращали также вниманіе и на цѣлый рядъ другихъ явленій—на трехгранные конусы дюнъ въ пу-

стыняхъ и степяхъ сѣверной Европы, на скалистые грибы Аравійской пустыни и т. п. причудливыя скалистыя формы; все это относится къ вліянію и работѣ вѣтра.

Образованіе дюнъ въ континентальныхъ и приморскихъ областяхъ было тщательно изучено впродолженіи XIX вѣка сначала Лайеллемъ, де-ля-Бешемъ, Эли-де-Бомономъ, а позднѣе Г. Рольфсомъ, Циттелемъ и многими другими, пролившими яркій свѣтъ на строеніе, способъ образованія и передвиженіе дюнъ.

Обращено было вниманіе и на переносные пески, и только недавно, благодаря удачнымъ трудамъ и наблюденіямъ Гельмана и Мейнардуса надъ громадными дождями песку 9—12-го марта 1902 г. въ сѣверной Африкѣ, южной и средней Европѣ удалось впервые опредѣлить размѣръ площади и количество выпавшей пыли. Составъ пыли и другія условія позволилъ сдѣлать выводъ, что пыль эта была изъ сѣверо-африканской пустыни; пыль эта перенесена къ сѣверу на 2.800 километровъ (въ единичныхъ случаяхъ она встрѣчалась даже на разстояніи 4.000 километровъ отъ мѣста своего происхожденія) и покрыла пространство въ 800.000 квадр. километровъ; на европейской области количество ея считается до 1.800.000 тоннъ, число это показываетъ ясно, какое значеніе можетъ имѣть песокъ въ образованіи отложеній.

Изслѣдованія Гельмана и Мейнардуса въ состояніи убѣдить и тѣхъ, кто не соглашался съ Рихтгофеномъ, указывавшимъ на громадное значеніе приносимыхъ вѣтромъ массъ пыли въ образованіи мощныхъ отложеній; теорія Рихтгофена впервые была направлена къ выясненію причинъ образованія лёсса въ Китаѣ, позднѣе же нашли возможнымъ примѣнить ее къ объясненію многочисленныхъ явленій, наблюдаемыхъ и въ другихъ мѣстахъ.

Уже древнимъ было извѣстно, что воздушныя теченія подхватываютъ выбрасываемую вулканами золу и переносятъ ее на значительныя разстоянія; болѣе же точныя изслѣдованія надъ областью распространенія золы были сдѣланы вслѣдъ за двумя величайшими изверженіями XIX вѣка (Косегвина 1835 г. и Кракатау 1883 г.). Во второмъ случаѣ было доказано, что тончайшая вулканическая зола была разнесена по всему земному шару, хотя и въ незначительныхъ количествахъ. Большее геологическое значеніе вулканическая зола оказываетъ, конечно, только въ ближайшихъ мѣстностяхъ отъ вулкана, гдѣ она можетъ образовать существенныя отложенія.

Послѣ этого короткаго историческаго очерка перейдемъ къ современнымъ взглядамъ на геологическую дѣятельность вѣтра.

Вѣтеръ, какъ геологическая сила, въ извѣстномъ смыслѣ является противникомъ воды, потому что тамъ, гдѣ вода работаетъ продолжительное время, вѣтеръ, какъ самостоятельный агентъ, не имѣетъ большого значенія, тамъ же, гдѣ воды совсѣмъ нѣтъ и ея очень мало, вѣтеръ находится въ безпрерывной дѣятельности: безводныя пустыни, гдѣ годами не бываетъ водяныхъ осадковъ, находятся въ полномъ владѣніи вѣтра; и въ бѣдныхъ осадками степяхъ онъ разгуливаетъ на просторѣ и имѣетъ не мало работы, но чѣмъ влажнѣе мѣстность, чѣмъ богаче растительный покровъ, тѣмъ ограниченнѣе дѣятельность и вліяніе вѣтра, а въ влажныхъ лѣсистыхъ областяхъ онъ не можетъ унести ни одной частички земной поверхности, но оставляетъ тамъ почти каждую приносимую имъ пылинку.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ земного шара вода и вѣтеръ дѣйствуютъ попеременно—это бываетъ по преимуществу въ тропическихъ

странахъ, отличающихся продолжительной засухой, во время которой большинство ручьевъ и рѣкъ пересыхаютъ или текутъ медленно и спокойно, растительность выгораетъ и желтѣетъ, и вѣтеръ, гдѣ только возможно, вздымаетъ частички земли и мельчайшія песчинки и разноситъ ихъ по полямъ; въ дождливое же время года поразительно быстро развивающаяся растительность защищаетъ поверхность земли отъ покушеній вѣтра, а въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ растительности, земля подъ вліяніемъ влаги размокаетъ, и вѣтеръ оказывается безсильнымъ. Теперь начинается господство воды: по всѣмъ углубленіямъ текутъ мутные ручьи и высоко вздувшіяся рѣки несутъ громадныя количества твердаго матеріала и въ видѣ мелкихъ частицъ, и въ видѣ довольно крупныхъ галекъ и обломковъ.

Рис. 75. Качающійся камень около Буеносъ-Айреса. По фотографіи.

Хотя вѣтеръ и вода работаютъ или въ разное время, или въ разныхъ мѣстахъ и въ своей дѣятельности взаимно исключаютъ другъ друга, тѣмъ не менѣе въ характерѣ ихъ вліянія замѣчается нѣкоторое родство; конечно, текучая вода дѣйствуетъ по совершенно инымъ законамъ, чѣмъ вѣтеръ, но быстро текущая по поверхности вода имѣетъ то сходство съ вѣтромъ, что дѣйствуетъ только поверхностно и можетъ смывать только маленькіе камушки и частички земли. Между тѣмъ какъ текучая вода строго слѣдуетъ закону тяжести и течетъ только внизъ, вѣтеръ повидимому обходитъ этотъ строгій законъ, причемъ онъ поднимаетъ пыль, песокъ и даже небольшіе камушки, уноситъ ихъ въ воздухъ и только при уменьшившейся скорости, напримѣръ передъ какимъ-нибудь препятствіемъ, роняетъ ихъ на землю; большіе камни или куски земли, которые онъ не въ силахъ поднять,

подталкиваются и увлекаются вѣтромъ до тѣхъ поръ, пока слѣдуя закону тяжести. они не скатятся внизъ по уклону.

На высокихъ горахъ или на морскомъ берегу, а также и въ пустыняхъ, гдѣ успѣшнѣе всего можетъ дѣйствовать вѣтеръ, пыль не скопляется на одномъ мѣстѣ, но тотчасъ же уносится дальше. Но не смотря на это путешественники по пустынѣ утверждаютъ единогласно, что воздухъ тамъ часто бываетъ полонъ пыли; это происходитъ оттого, что благодаря безпрерывному вывѣтриванію, въ распоряженіе вѣтра поступаютъ все новыя и новыя частички. Но такъ какъ съ поверхности удаляются все новыя массы каменныхъ породъ, а нѣкоторыя части этихъ породъ не такъ легко поддаются вывѣтриванію и разрушенію, какъ другія сосѣднія съ ними, то образуются самыя разнообразныя и причудливыя формы скалъ; формы эти съ теченіемъ времени становятся все разнообразнѣе и разнообразнѣе. Такимъ путемъ возникаютъ болѣе или менѣе обширныя углубленія въ гранитныхъ, песчанистыхъ или известковыхъ скалахъ, иногда даже получаются и

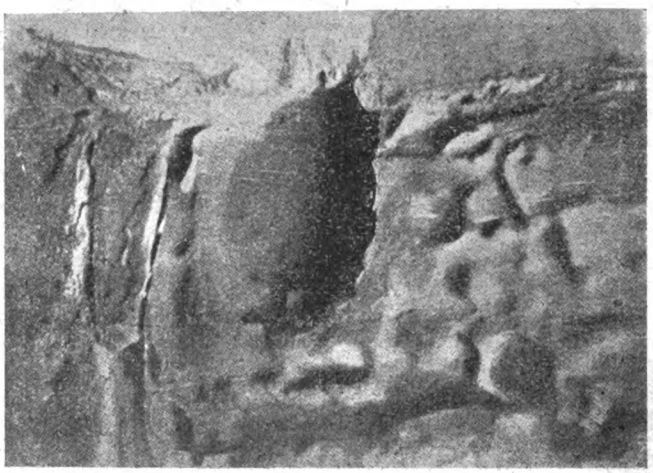


Рис. 76. Углубленіе, образовавшееся подъ вліяніемъ вѣтра и песку въ глыбѣ песчаника въ Гейдельбергскомъ замкѣ. По фотографіи.

значительныя пещеры; обыкновенно такія углубленія находятся въ большомъ количествѣ, одно рядомъ съ другимъ, отдѣляясь тонкими перегородками: получается подобіе пчелиныхъ сотовъ; иногда случается, что ямки эти расширяются и углубляются по направленію внутрь и образуютъ какъ бы рѣшетку неправильнаго рисунка; или же съ высокихъ стѣнъ спускаются цѣлыя гирлянды каменныхъ цвѣтовъ; образуются иногда корридоры и ходы (какъ, напр., въ Нубійскомъ песчаникѣ), а въ скалахъ со слоистымъ строеніемъ углубленія, причемъ нависшія глыбы украшаются зачастую каменными сосульками (сталактиты).

Если въ пустынѣ вывѣтрившіяся поверхности представляютъ разнообразныя формы, то отдѣльно стоящія скалы бываютъ еще причудливѣе: то странный каменный столбъ стоитъ одиноко на широкомъ фундаментѣ, то возвышаются цѣлыя группы ихъ въ самыхъ оригинальныхъ сочетаніяхъ. Если на вершинѣ такого столба находится болѣе твердый каменный слой, то этотъ послѣдній выступаетъ въ видѣ покрышки и получается фигура, напоминающая собою грибъ; подпорка

вывѣтривается все болѣе и болѣе, такъ что камень только своей незначительной частью опирается на нее, затѣмъ она можетъ совершенно исчезнуть—вывѣтриться и при благопріятныхъ условіяхъ получается иногда «качающійся камень».

Какое громадное вліяніе оказываетъ работа вѣтра на каменныя породы пустыни можно судить уже и потому, что и въ Европѣ замѣтно это вліяніе, несмотря на влажный климатъ этой части свѣта. Въ Германіи Футтереръ дѣлалъ наблюденія надъ стѣнами замка въ Гейдельбергѣ, построенномъ въ 1533 году; въ одной башнѣ, разрушенной въ 1689 году, сохранился узкій крытый ходъ; сюда черезъ два отверстія врывается вѣтеръ, крутится и съ помощью мелкихъ песчинокъ выдалбливаетъ въ стѣнѣ углубленія, изъ которыхъ нѣкоторыя доходятъ до 15 сантиметровъ въ глубину.

Вальтеръ вполнѣ послѣдовательно дѣлаетъ выводъ, что не только мелкія формы земной поверхности, но и болѣе крупныя формы ландшафта пустыни обязаны своимъ происхожденіемъ работѣ вѣтра (вывѣтриванію); этой же работой вѣтра объясняетъ онъ существованіе изолированныхъ, одиноко стоящихъ на плоскогоріяхъ, утесовъ, а также и углубленій въ пустыняхъ уадисовъ и оазисовъ.

По мнѣнію Вальтера, въ образованіи углубленій земли принимали участіе и очень рѣдкіе, но сильные дожди, воды которыхъ оказывали могущественное вліяніе и затѣмъ быстро испарялись или просачивались въ глубь земли. Но такъ какъ эти случайно образовавшіяся углубленія по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ не видѣли воды, то за работу принимался вѣтеръ: «вода испаряется, притекаетъ холодный воздухъ, а быстро несущійся степной вѣтеръ дѣйствуетъ, какъ аспираторъ. Маленькія вывѣтрившіяся песчинки подхватываются вѣтромъ, соль выдѣляется изъ скалистыхъ утесовъ и прежнія гладкія, обточенныя водой поверхности становятся шероховатыми. Отламываются куски, падаютъ на дно оврага и лежатъ безпорядочной массой. Вновь наступившій колоссальный дождь совершенно очищаетъ оврагъ и разноситъ обломки по лежащей здѣсь пустынной равнинѣ. Ущелье становится шире, вода погребла нѣсколько скалъ, и снова наступаетъ сухое вывѣтриваніе и разрушеніе. Вѣтеръ дѣйствуетъ еще съ большей силой. Колебанія температуры начинаютъ оказывать свое разрушительное вліяніе на скалы, а затѣмъ измѣняется и форма выдолбленныхъ желобковъ. Хотя весь болѣе крупный матеріалъ уносится ливнемъ, но въ общемъ, масса, которую можетъ унести впродолженіи часа водяной потокъ разъ въ 10 лѣтъ по объему уступаетъ тому количеству мелкихъ песчинокъ, тончайшей пыли, нѣжныхъ иголъ и плоскихъ чешуекъ, уносимыхъ вѣтромъ день-изо-дня. Мы входимъ въ лощину, откосы которой подвержены вліянію сухого вывѣтриванія и дефлаціи, при каждомъ новомъ поворотѣ мы наталкиваемся на новыя поразительныя картины. На совершенно сухой поверхности долины мы видимъ глубокія углубленія, а рядомъ съ ними гладкія поверхности, отшлифованныя пескомъ; здѣсь сохранились остатки рѣчного русла, тамъ лежатъ груды вывѣтрившихся каменныхъ глыбъ. Иногда отъ главной долины идутъ глубокіе боковые ходы, которые оканчиваются или тупикомъ широкимъ и круглымъ, съ гладкими стѣнами, или же, образуя дугу, возвращаются въ главную долину».

По сравненіи съ величественной разрушительной дѣятельностью вѣтра, обтачивающая, корродирующая работа песку кажется незначительной: песокъ шлифуетъ скалы и камни, образуя изъ круглыхъ кам-

ней съ помощью ясно выраженныхъ отполированныхъ имъ плоскостей, усѣченныя трехгранныя пирамидки. Подъ ударами песка откалываются маленькіе кусочки каменныхъ породъ, скалы уменьшаются, но все это ничто наряду съ простымъ вывѣтриваніемъ—дефлаціей.

Вѣтеръ уноситъ всѣ мелкіе продукты вывѣтриванія, какъ песокъ и пыль, на мѣстѣ же бывшихъ значительныхъ отложеній остается громадное количество камней, покрывающихъ поверхность. Если камни имѣютъ острые края, то такія пустыни называются Гамада, если же они закруглены, то Сериръ.

Поднятые вѣтромъ песокъ и пыль падаютъ на землю, когда уменьшается сила воздушнаго теченія; но новый порывъ вѣтра подхваты-

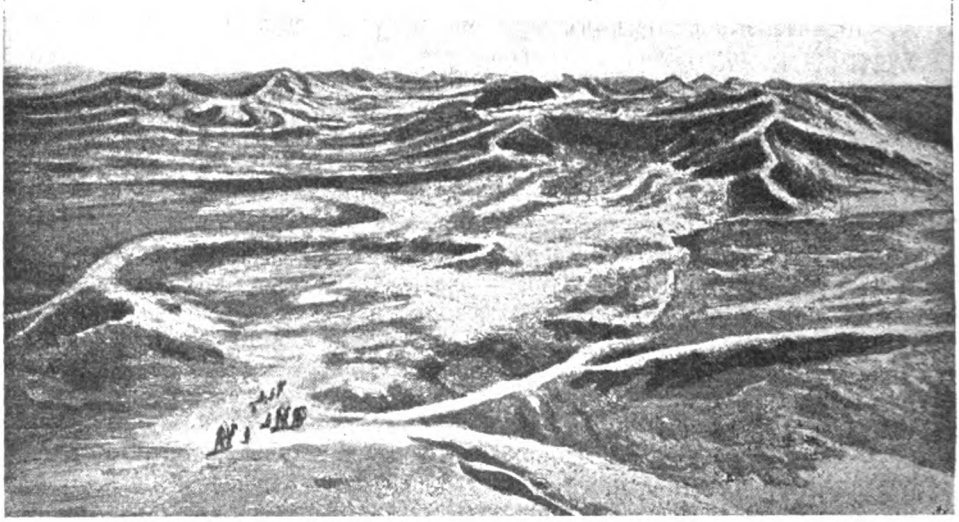


Рис. 77. Образованіе дюнъ въ Сахарѣ. Изъ книги «Le tour du monde».

ваетъ ихъ и несетъ дальше; но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вѣтеръ дуетъ порывами, то вслѣдствіе этого большая часть песку переносится надъ землею какъ бы прыжками, другая же часть передвигается непосредственно по землѣ непрерывнымъ движеніемъ. Если же песокъ сметается передъ какимъ-нибудь препятствіемъ (горою, горнымъ гребнемъ), то онъ можетъ образовать здѣсь значительныя и продолжительныя отложенія, какъ это мы встрѣчаемъ въ каменистыхъ областяхъ Синая, гдѣ свѣтлыя блестящія поля на подобіе снѣга, покрываютъ всѣ углубленія почвы. Такія же скопленія песку мы можемъ встрѣтить и тамъ, гдѣ какое-нибудь постоянное препятствіе (въ видѣ куста, столба, скалы и т. п.), задерживаетъ вѣтеръ или ослабляетъ его силу—здѣсь образуются дюны. При неподвижномъ препятствіи вѣтеръ задерживается, и песокъ отлагается передъ препятствіемъ; возникаютъ

песчаные холмы, а между ними и самимъ препятствіемъ остается свободное пространство, гдѣ крутится вѣтеръ; когда песчаный холмъ становится выше препятствія, то и свободное пространство начинаетъ заполняться пескомъ, а самъ холмъ растетъ выше; вѣтеръ гонитъ песокъ внизъ по холму и заставляетъ его отлагаться по ту сторону вершины; такъ образуется стѣна изъ песку, подвѣтренная сторона которой отлога и плотна, а противоположная крута и рыхла. При недостаточно устойчивомъ препятствіи (кусты) песокъ отлагается сзади него: подъ защитою куста образуется отлогій холмъ, который и растетъ постепенно. Вѣтеръ, наталкиваясь на него, обходитъ его по краямъ, посрединѣ же подхватываетъ песокъ и сметаетъ его по другому склону; возникаетъ песчаный холмъ полулунной формы (барханы, дугообразныя дюны), холмы эти достигаютъ иногда до 30 метровъ въ вышину и служатъ характернымъ признакомъ континентальныхъ дюнъ. Наряду съ барханами встрѣчаются плоскія летучія дюны. Барханы часто перемѣщаются, причемъ песокъ сдувается съ выпуклой стороны и переносится на вогнутую, такъ что вся дюна двигается по направленію вѣтра.

Барханы иногда стоятъ рядомъ и такъ близко другъ къ другу, что соприкасаются своими краями, но гораздо чаще они стоятъ одинъ за другимъ и образуютъ въ такомъ случаѣ идущую по направленію вѣтра стѣну до 150—200 метровъ вышиною, съ барханообразнымъ гребнемъ.

Береговыя дюны имѣютъ форму стѣны и идутъ параллельно направленію берега; онѣ достигаютъ до 100 метровъ въ вышину и подобно континентальнымъ дюнамъ, могутъ перемѣщаться. Но какъ только дюны покрываются растительностью, то утрачиваютъ свою способность къ передвиженію, чѣмъ и пользуются съ успѣхомъ, чтобы удержать дюны на мѣстѣ.

Хотя песокъ и переносится вѣтромъ на значительныя разстоянія, но все-таки въ этомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ пыли, которая можетъ переноситься черезъ поразительно громадныя пространства; но въ концѣ концовъ подъемная сила вѣтра уменьшается и пыль осѣдаетъ на землю; падая на воду пыль погружается въ нее и осаждается на дно наряду съ другими отложеніями; падая на пространства, покрытыя растительностью, пыль окутываетъ отдѣльные экземпляры ея густымъ слоемъ: въ болѣе мелкомъ масштабѣ мы можемъ наблюдать такое явленіе и у насъ во время сухого лѣта.

Дождь смываетъ пыль съ растеній и она вмѣстѣ съ пылью, бывшей въ воздухѣ, осаждается на землю, гдѣ она и удерживается корнями растеній. Благодаря этимъ осадкамъ повышается почва, растительный покровъ приподнимается тоже, ходы бывшихъ корней сохраняются въ болѣе уплотнившихся отложеніяхъ и обусловливаютъ наклонность такихъ земныхъ слоевъ къ образованію вертикальныхъ трещинъ или овраговъ подъ вліяніемъ эрозивной дѣятельности воды. Въ Китаѣ отложенія образовавшіяся изъ пыли, такъ называемый лёссъ, достигаютъ значительной мощности; образованіе лёсса выяснено впервые Рихтгофеномъ. Лёссъ въ Сѣверномъ Китаѣ и Центральной Азіи оказываетъ громадное вліяніе на земледѣліе,—лёссъ удобряетъ поля, такъ что здѣсь вѣтеръ играетъ такую же роль, какъ въ Египтѣ вода, которая во время половодья приноситъ плодотворный илъ. Если въ пустыняхъ вѣтеръ является силою разрушающею, то здѣсь онъ сила созидающая, накопляющая; во многихъ областяхъ, какъ, напр., въ цен-

тральныхъ частяхъ Азіи, вѣтеръ стремится сравнять неровности земной поверхности, заполнить углубленія между горными цѣпями.

Вѣтеръ создаетъ мощныя отложенія и заполняетъ большія углубленія не только съ помощью тѣхъ массъ песку и пыли, которые самъ же вздымаетъ съ лица земли, онъ пользуется также и матеріаломъ, выбрасываемымъ вулканами во время изверженія. Въ сосѣднихъ съ вулканами мѣстностяхъ встрѣчаются обширныя долины и котловины, заполненныя рыхлыми вулканическими отбросами; получаются слои до сотенъ метровъ въ толщину, а вода прорываетъ здѣсь такія же ущелья и долины, какъ и въ лёссѣ, съ которымъ вулканическія отложенія имѣютъ много общаго и по своимъ физическимъ свойствамъ и по своему значенію для земледѣлія. Сходство это простирается такъ далеко: что небольшія отложенія вулканической золы (вслѣдствіе вулканическаго изверженія или заноса вѣтромъ) являются толчкомъ для развитія человѣческой культуры. Такимъ образомъ вѣтеръ, являющійся врагомъ культуры въ пустыняхъ и по песчанымъ морскимъ берегамъ, въ иныхъ мѣстахъ оказываетъ человѣку же дружескія услуги.

Важнѣйшія отрасли прикладной геологіи. Отыскиваніе источниковъ и горное дѣло.

Источники. Изъ всѣхъ сокровищъ, заключенныхъ въ земной корѣ, ничто такъ не привлекаетъ человѣка, какъ вода и полезные минералы. Въ большинствѣ областей, богатыхъ атмосферными осадками и гдѣ слои почвы не отличаются особенной водопроницаемостью, отыскивать и находить родники воды дѣло не трудное, и потому копанье колодцевъ здѣсь не представляетъ такой важной отрасли, какъ въ мѣстностяхъ болѣе бѣдныхъ дождями или по временамъ совсѣмъ лишенныхъ осадковъ, какъ это мы видимъ въ Африкѣ и Азіи, гдѣ возможность осѣдлой жизни вполнѣ зависитъ отъ условія имѣть воду въ достаточномъ для жизни количествѣ. Китайцы и древніе египтяне шли навстрѣчу благодаря случайнымъ счастливымъ открытіямъ, уже въ древнія времена добывали себѣ воду съ помощью артезіанскихъ колодцевъ, а тамъ, гдѣ они не могли примѣнить этого средства, то собирали дождевую воду въ цистерны и сохраняли ее такимъ образомъ во время засухи. Въ періодъ классической древности въ южно-европейскихъ странахъ цистерны, ключи и источники играли важную роль, а болѣе значительные города даже устраивали искусственные водопроводы, до извѣстной степени независимые отъ мѣстныхъ водяныхъ источниковъ.

Въ болѣе сѣверныхъ странахъ поселенія обыкновенно возникали только тамъ, гдѣ легко можно было получать питьевую воду; въ средніе же вѣка, когда болѣе обширныя поселенія обносились стѣною и даже укрѣплялись (города, монастыри, замки), то и здѣсь легкость добыванія воды имѣла большое значеніе; въ такихъ мѣстностяхъ старались добраться до уровня подземныхъ водъ и затѣмъ добывали оттуда воду съ помощью насосовъ или ведеръ на веревкѣ. Въ позднѣйшее время когда наступилъ болѣе мирный періодъ, и крестьяне стали селиться разбросанными поселками, снова явилась необходимость рыть колодцы, и, какъ и въ средніе вѣка, старались обращаться за помощью и совѣтомъ къ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ людямъ. Довѣріе питали не къ опытности только этихъ людей, но и къ такъ называемому «волшебному пруту», который имѣлъ чудное свойство указывать мѣсто нахожденія воды. Уже во времена древности существовала вѣра въ

чудодѣйственную силу вѣтокъ съ нѣкоторыхъ древесныхъ породъ; достаточно указать на общеизвѣстный случай съ Моисеемъ и его жезломъ, съ помощью котораго потекла изъ скалы вода. Вѣра въ силу прута держалась очень долго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и сами изыскатели, въ большинствѣ случаевъ, были убѣждены въ таинственной силѣ своей палочки, и такъ какъ они, благодаря своей опытности, дѣйствительно почти всегда находили воду, то убѣжденіе это жило очень долго, а въ нѣкоторыхъ странахъ сохранилось и доселѣ. Бороться противъ этого было трудно, пока существовало невѣрное представленіе о циркуляціи подземныхъ водъ, и только съ тѣхъ поръ, какъ признали, что путь водѣ указывается исключительно силою тяжести и геологическими условіями мѣстности, были получены научныя основанія, на которыя можно опираться при отыскиваніи воды. Прикладная геологія получила широкое примѣненіе въ устройствѣ артезіанскихъ колодцевъ въ Африкѣ, Австраліи и др. частяхъ свѣта. При выборѣ мѣста, гдѣ буравить колодецъ прежде всего слѣдуетъ обратиться за совѣтомъ къ спеціалисту-геологу; конечно, въ малокультурныхъ странахъ совѣтъ этотъ иногда не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, тогда можно воспользоваться прежнимъ опытомъ мѣстныхъ жителей. Такъ, напримѣръ, древніе жители Юкатана уже въ первое тысячелѣтіе по Р. Х. выкапывали колодцы въ известковыхъ бѣдныхъ водою плоскогоріяхъ, пока не добирались до водохранилищъ, залегавшихъ надъ непроницаемыми для воды пластами мергеля, точно такъ же поступаютъ тамъ и въ настоящее время; только вода теперь доставляется наверхъ не руками человѣка, но съ помощью быковъ или даже самодѣйствующихъ вѣтряныхъ двигателей.

Существенное облегченіе въ копаньи колодцевъ было внесено въ XIX вѣкѣ примѣненіемъ желѣзныхъ цилиндрическихъ трубъ, которыя устроены такъ, что могутъ ввинчиваться одна въ другую; нижняя труба имѣетъ стальной наконечникъ и исколота на подобіе сита для того, чтобъ вода могла проникать въ трубу; если вода находится на значительной глубинѣ, и одной трубы недостаточно, то къ ней привинчиваютъ вторую и т. д., пока не доберутся до воды, которую и добываютъ съ помощью насосовъ. Такой способъ добыванія находитъ себѣ широкое примѣненіе во время путешествій, во вновь устраиваемыхъ поселкахъ.

Въ тѣхъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ геологическими изысканіями доказаны невозможность или невыгода колодцевъ, приходится прибѣгать къ другимъ способамъ добыванія необходимой для жизни воды, что при настоящемъ положеніи техники не представляетъ особыхъ затрудненій. Напримѣръ, виртембергское правительство снабжаетъ бѣдныя деревни прекрасной питьевой водой, для чего, благодаря цѣлой системѣ насосовъ, вода ручьевъ и рѣкъ сосѣднихъ долинъ передается въ опредѣленныя мѣста.

Горное дѣло. Раньше всего при отыскиваніи воды люди руководились только непосредственнымъ опытомъ, затѣмъ къ нему присоединилась чудесная сила волшебнаго прута, а въ новѣйшее время въ разсчетъ принимаются почти исключительно научныя данныя геологіи: тѣ же самые три метода наблюдаемъ мы и въ горномъ дѣлѣ въ различныя эпохи его существованія: опытъ играетъ роль руководителя въ древности у культурныхъ народовъ и въ настоящее время у дикарей, въ средніе вѣка и въ первыя столѣтія новаго времени рѣшающимъ элементомъ является волшебный прутъ, а въ новѣйшее время

чудесная сила прутика уступаетъ мѣсто изысканіямъ, систематическимъ геологическимъ изслѣдованіямъ, которыя въ плодотворной связи съ другими науками, а именно съ химіей, физикой и ихъ техническимъ примѣненіемъ въ области машиностроительства, сдѣлали такіе гигантскіе успѣхи за послѣднее столѣтіе.

Цѣль горнаго дѣла находить въ нѣдрахъ земли полезные минералы, извлекать ихъ оттуда на свѣтъ Божій и обращать въ годное для техники состояніе. Но въ различные періоды, при различныхъ состояніяхъ культуры или подъ вліяніемъ вѣчно измѣняющейся моды добывали разнообразныя минеральныя вещества, вслѣдствіе чего мѣнялись существенно и задачи горнаго дѣла. Древнѣйшіе народы, не знавшіе еще руды занимались добываніемъ полезныхъ камней, какъ напр., кремень, ясписъ, обсидіанъ и др. и выдѣлывали изъ нихъ оружіе и посуду. Да и въ настоящее время у народовъ стоящихъ на низкой степени культуры добываніе такихъ камней составляетъ единственную цѣль ихъ примитивной горной промышленности. Съ развитіемъ культуры руда, главнымъ образомъ желѣзо, не могла вполнѣ замѣнить камни, которые употреблялись въ видѣ жернововъ для размола зеренъ и въ большинствѣ мѣстностей земного шара приводились въ движеніе рукою человѣка; даже тамъ гдѣ мука приготовляется механическимъ способомъ съ помощью воды, вѣтра или пара, камень не является лишнимъ. Базальтъ, андезитъ, порфиръ и др. родственные имъ камни добываются и теперь частью изъ нѣдръ земли, частью съ поверхности и обрабатываются для надобностей человѣка.

Предметами собственно горной промышленности являются соль, уголь, благородные камни и, главнымъ образомъ, руда. Важнѣе всего для непосредственныхъ потребностей человѣка—соль, добываніе ея не представляетъ особыхъ затрудненій, и потому оно происходило уже въ очень отдаленныя времена; добываютъ соль или выпариваніемъ соленаго раствора на огнѣ или на солнцѣ, или же производятъ непосредственную разработку пластовъ каменной соли. Остатки старыхъ соляныхъ копей принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ свидѣтелямъ горнаго дѣла; въ Гейденгебирге найдено пять соляныхъ шахтъ, спускающихся отвѣсно въ гору и содержащихъ многочисленные остатки рабочихъ орудій и обгорѣлыхъ лучинъ; по остаткамъ этимъ можно судить, что работа здѣсь происходила во времена галльскаго періода, и даже въ доисторическія времена.

Кромѣ добыванія соли, въ доисторическія времена существовала разработка рудъ: мѣдной, желѣзной и оловянной, а также и добываніе серебра, золота и нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней; у народовъ же исторической древности горная промышленность достигла уже значительныхъ размѣровъ: египтяне разработывали серебряные, золотые и мѣдные рудники уже въ III-мъ столѣтіи до Р. Х. въ мѣстностяхъ Верхняго Египта, Эѳіопіи и Синайскаго полуострова; въ Индіи, затѣмъ по верхнему теченію Тигра и въ Тибетѣ въ очень древнія времена промывали золото въ рѣкахъ; ассирійцы уже за 2000 лѣтъ до Р. Х. владѣли мѣдными рудниками въ Арменіи и Суданѣ, а другія азіатскія племена за 1000 лѣтъ до Р. Х. обрабатывали мѣдные и серебряные рудники въ Алтайскихъ и Уральскихъ горахъ; китайцы добывали олово въ громадномъ количествѣ. Финикійцы занимались тѣмъ же въ Аттикѣ, Малой Азіи, Италіи и Испаніи и передали свои практическія свѣдѣнія и свою опытность грекамъ и римлянамъ, кото-

рые расширили это дѣло, употребляя на работу многочисленныхъ рабовъ.

Между тѣмъ какъ первоначально главное вниманіе было обращено на добываніе золота, серебра и мѣди, желѣзо, которое гораздо полезнѣе, стало добываться значительно позднѣе.

Египтяне хотя и были знакомы съ нимъ за 4000 лѣтъ до Р. Х., а древніе арійцы и китайцы тоже стали употреблять его относительно рано, но всетаки болѣе легкій способъ обработки мѣди и бронзы (сплавъ мѣди съ оловомъ) на долгое время задержалъ развитіе желѣзнаго производства, такъ что въ Египтѣ оно распространилось только во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., а въ южной Европѣ еще позднѣе, такъ какъ во времена Гомера желѣзныя орудія и вооруженія встрѣчались рѣдко, первое мѣсто занимала бронза.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о способахъ разработки металлическихъ рудъ древними; упоминается о нихъ только у греческаго писателя Агатархида (300 л. до Р. Х.). Обозрѣвая древнія шахты и рудники, все же можно составить общее представленіе о способѣ ихъ разработки.

Въ большинствѣ разрабатывались жилы или залежи руды, выходившія на поверхность земли, иногда же вырывались штольни и шахты значительной глубины, но, во всякомъ случаѣ, не ниже уровня подземныхъ водъ. Обыкновенно разрабатывались только очень богатыя залежи, такъ какъ при тогдашнихъ примитивныхъ способахъ обработки большой процентъ металла оставался въ шлакахъ, у римлянъ иногда онъ доходилъ до 54—56%, и многіе древніе серебряные и золотые рудники оказалось выгоднымъ разрабатывать второй разъ болѣе усовершенствованными техническими пріемами.

Съ распаденіемъ римской имперіи пришла въ упадокъ горная промышленность, процвѣтавшая ранѣе во многихъ мѣстахъ; и хотя кой-какая опытность въ этомъ дѣлѣ и нѣкоторые пріемы и передались отъ римлянъ среднимъ вѣкамъ, но этимъ мы обязаны славянамъ, которые въ VI-мъ вѣкѣ занялись разработкой минеральныхъ богатствъ въ Богеміи и Моравіи и такъ увлеклись этимъ, что совсѣмъ забросили земледѣліе, и богемское правительство принуждено было не разъ (въ 948 году и въ 1153 г.) законами ограничивать занятіе горной промышленностью, чтобы заставить жителей обратиться къ хлѣбопашеству и тѣмъ предотвратить голодъ.

Въ 8-мъ столѣтіи промышленность эта изъ Богеміи перешла и въ Шлезвигъ; затѣмъ залежи руды стали открываться и разрабатываться и въ другихъ областяхъ: въ Гессенѣ, Гарцѣ, Венгріи, Саксоніи, Нидерландахъ, Тиролѣ, Крайнѣ, а къ началу новаго времени въ большинствѣ европейскихъ государствъ, гдѣ только встрѣчались рудоносныя жилы.

Съ развитіемъ горной промышленности являлась необходимость все глубже и глубже проникать въ землю, причемъ приходилось бороться съ дождевой и подземной водой. Вначалѣ воду попросту вычерпывали, дѣло шло медленно, и воду стали выкачивать ведрами, причемъ ведро передавалось отъ одного работника другому, на такую работу приходилось ставить иногда по сотни и болѣе человѣкъ; выкачивали воду и простѣйшими насосами, которые приготовлялись чаще всего изъ стволовъ вишневыхъ деревьевъ, выдолбленныхъ внутри и служившихъ цилиндромъ, а болѣе толстые сучья играли роль поршневой трубы.

Такъ какъ насосы эти обладали незначительной подъемной силой,

то при глубинѣ 15—16 метровъ приходилось ставить 4 насоса съ 1 человѣкомъ у каждаго; устанавливались они такъ, что нижняя труба поднимала воду до высоты второй, вторая—до высоты третьей и т. д пока вода не достигала земной поверхности. Только въ исключительно сухихъ мѣстностяхъ можно было обходиться безъ водоотводныхъ

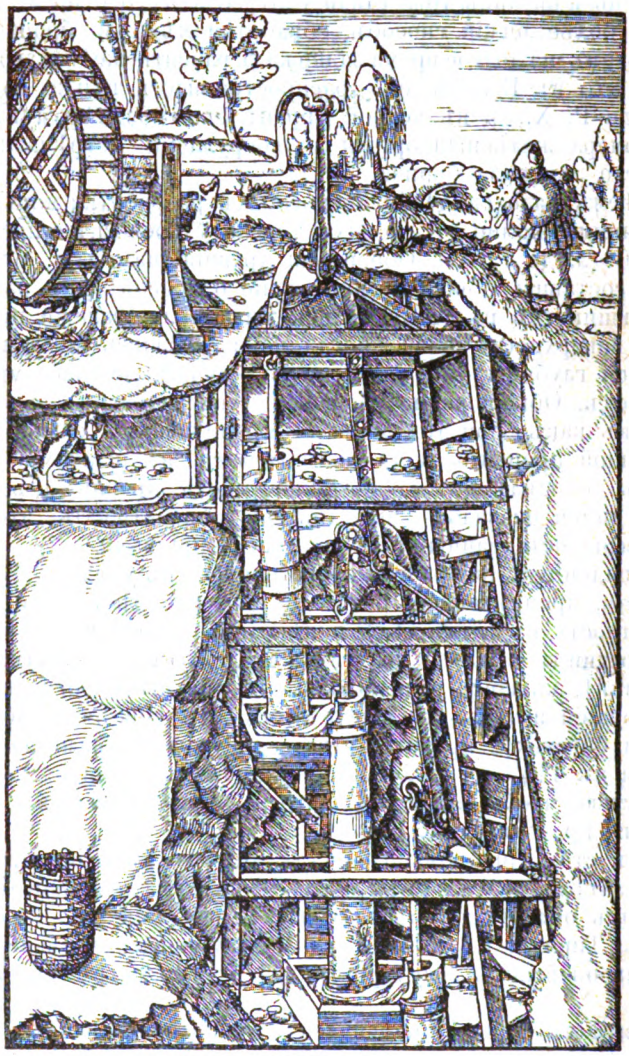


Рис. 78. Система насосовъ въ старомъ рудникѣ. По Агрикола. 1580 г.

приспособленій; иногда предпочитали закладывать штольни, такъ какъ онѣ содѣйствуютъ стоку грунтовыхъ водъ. Чѣмъ глубже проникали въ землю, тѣмъ болѣе осложнялось дѣло: приходилось бороться не только съ водою, но и съ испорченнымъ воздухомъ и вредными газами, удалить ихъ и доставить рабочимъ свѣжій воздухъ, что и дѣлалось прежде съ помощью отдушинъ и мѣховъ. Надо

было подумать и о томъ, какъ доставлять наверхъ отколотые куски руды или угля; въ штольняхъ употреблялись вагончики, въ шахтахъ матеріалъ поднимался воротомъ, приводимымъ въ движеніе человѣкомъ, лошадьми или водою. Передвиженіе рабочихъ, совершавшееся по простымъ лѣстницамъ требовало большого вниманія, и вскорѣ потребовалось законодательное установленіе о пребываніи «подъ землею».

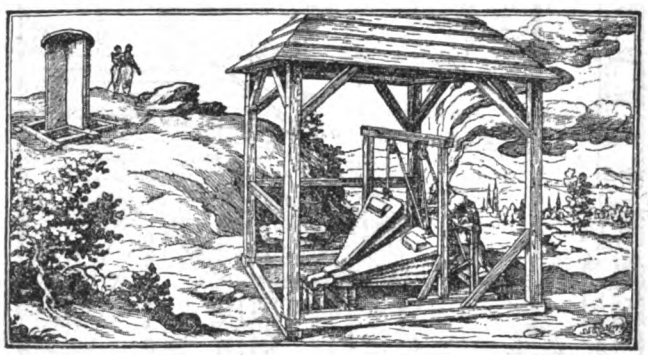


Рис. 79. Вентеляціонныя шахты. По Ленейцу 1690 г.

Благодаря изобрѣтенію компаса въ 1200 году и его усовершенствованію Флавіемъ Гіойа въ 1300 году было пріобрѣтено очень важное для рудокоповъ орудіе. Георгъ Агрикола такъ описываетъ горнорабочій компасъ (въ XVI-мъ столѣтіи) «Рудокопы дѣлятъ каждую часть свѣта (т.-е. квадрантъ) на шесть частей, каждую шестую часть дѣлили еще на 4 части». Это дѣленіе компаса на 24 «horae» сохранилось у рудокоповъ и доселѣ, между тѣмъ какъ геологическій компасъ дѣлится на 360 градусовъ. Орудія рудокоповъ были очень незамысловаты: ломъ, кирка, лопата, молотокъ; твердыя каменныя породы накаливались на огнѣ и затѣмъ поливались холодной водой, вслѣдствіе чего камни распадались на болѣе мелкіе; шахты и штольни выкладывались исключительно деревомъ; для выработки руды въ Германіи до 1500 г. употребляли еще пилу и ступку; выплавка металловъ была въ высшей степени примитивна, и только впервые въ началѣ XIV-го вѣка стали употреблять ртуть для такъ называемой амальгамаціи золотой руды.

Въ началѣ XVI-го вѣка, когда начался значительный ввозъ серебра и золота изъ вновь открытыхъ странъ Америки въ старую Европу, ввозъ, вызвавшій пониженіе цѣнъ на благородные металлы, горное дѣло сразу сдѣлало громадные успѣхи: въ 1507 году введена была водяная обработка вмѣсто прежней сухой, около 1504 была примѣнена лошадиная сила для подъема руды изъ шахтъ; сдѣланы нѣкоторыя улучшенія въ способахъ выплавки металла; съ середины XVI-го вѣка начали выкладывать камнемъ или кирпичомъ стѣны въ штольняхъ, а къ концу 16-го вѣка способъ этотъ сталъ примѣняться повсемѣстно (что объясняется отчасти и недостаткомъ лѣса въ горнозаводскихъ округахъ). Самыми существенными и важными улучшеніями слѣдуетъ считать примѣненіе водяной силы въ 1556 году и вентилированіе подземныхъ галлерей съ помощью гигантскихъ мѣховъ (1551 годъ).

*

Такимъ образомъ, въ XVI-мъ вѣкѣ горнозаводская промышленность у нѣмцевъ достигла значительнаго развитія, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и Георгъ Агрикола въ своей знаменитой книгѣ о горномъ дѣлѣ («Bergwerksbüch» 1550).

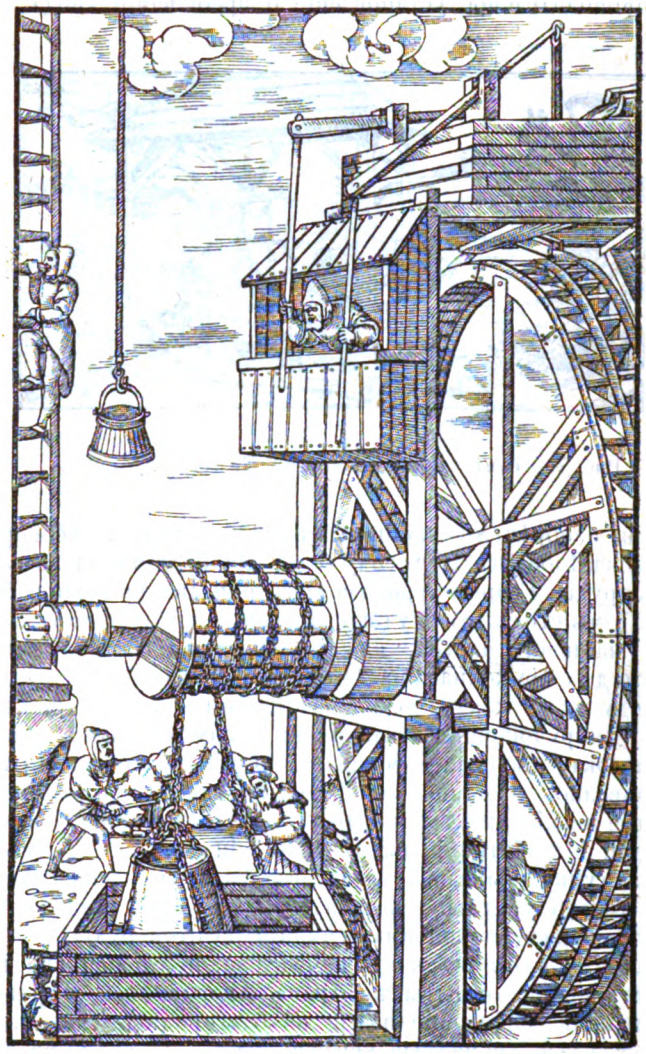


Рис. 80. Подъемная машина, приводимая въ движеніе силою воды. (По Агрикола 1580 г.)

При отыскиваніи залежей руды обыкновенно руководствовались многолѣтней опытностью старыхъ рудокоповъ. И, дѣйствительно, самая незначительная окраска почвы или воды служила уже тѣмъ или инымъ указателемъ, а разъ найденная жила или залежь руды преслѣдовалась съ замѣчательною ловкостью.

Уже въ тѣ времена Георгъ Агрикола и его современники имѣли

довольно обширныя и точныя свѣдѣнія о рудоносныхъ жилахъ, умѣли узнавать ихъ направленіе, уклонъ, развѣтвленіе и т. п.

Эти точныя знанія имѣли большое значеніе при отыскиваніи залежей соли, угля или руды. Но этимъ не довольствовались и для открытія незамѣтныхъ на глазъ, скрытыхъ жилъ примѣняли «волшебную палочку» (virgula mercurialis или divina) уже съ начала XII-го столѣтія. Георгъ Агриколъ описываетъ эту палочку, но не придаетъ ей большого значенія, а, какъ истинный сынъ своего вѣка, больше вѣритъ въ силу астрологіи, могущей яко бы указывать точное направленіе рудоносныхъ жилъ.

Въ слѣдующемъ столѣтіи Аѳанасій Кирхеръ высказывается довольно рѣзко противъ «волшебной палочки»; онъ говоритъ: «волшебная палочка представляетъ изъ себя рогатину изъ различныхъ древесныхъ породъ, смотря по тому, какой отыскиваютъ металлъ. Большинство суевѣрныхъ людей думаютъ, что дѣло пойдетъ удачно только въ такомъ случаѣ, если палочка срѣзана въ Пасхальное воскресеніе или въ день солнцеповорота, или же выросла надъ рудоносной жилой; удачи не будетъ и тогда, если ищущій родился не въ воскресный день. Нѣкоторые употребляютъ для отыскиванія различныхъ металловъ различныя же палочки: для серебра—орѣховую, для мѣди—ясеневую, для олова—сосновую, для желѣза—ивовую и т. д.

«Иные при отыскиваніи металлической руды пользуются еще магическимъ зеркаломъ и заклинаніями. Я не вижу основанія, почему прутъ, который держатъ крѣпко въ рукахъ за раздвоенныя вѣтки, подъ вліяніемъ металлическихъ паровъ получаетъ такую силу, что наклоняется въ сторону. По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ моихъ опытовъ не удался, когда я испытывалъ это свойство палочки надъ серебромъ и золотомъ; и я вполнѣ убѣжденъ, что обманъ не имѣетъ злого умысла, и тѣ, кто пользуется этой «палочкой волшебной», подъ вліяніемъ самообмана искренно убѣждены, что палочка сама склоняется къ металлу, между тѣмъ какъ они сами непроизвольно ее вертятъ».

Въ 1700 году Зейдлеръ еще лучше объяснилъ это явленіе, по его словамъ, волшебная палочка двигается тогда, когда рудоискатель думаетъ, что нашелъ жилу, слѣдовательно здѣсь дѣло идетъ о невольномъ самообманѣ. Палочка же пріобрѣла такую извѣстность благодаря тому, что находилась всегда въ рукахъ опытныхъ людей, которые при отыскиваніи руды руководились имѣющимися налицо признаками. Во всякомъ случаѣ людей, этихъ нельзя выставлять обманщиками, въ большинствѣ случаевъ это были люди, имѣвшіе очень высокое представленіе о значеніи ихъ призванія и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что они были связаны клятвой. Къ началу XVIII-го вѣка волшебная палочка стала уступать мѣсто маркшейдерскому искусству, т.-е. математическимъ и геологическимъ съемкамъ, а къ концу этаго вѣка была устранена совсѣмъ, благодаря изысканіямъ и трудамъ горныхъ академій XVIII-го вѣка (Фрейбергѣ 1765 г., Хемницѣ 1770 г., С.-Петербургѣ 1783 г. и въ Парижѣ 1790 г.), которые содѣйствовали распространенію научнаго духа и новыхъ методовъ среди горнорабочихъ; главнѣйшая же причина лежала въ охватившемъ всѣхъ стремленіи покончить съ остатками средневѣковыхъ воззрѣній.

Вѣра въ горныхъ духовъ и гномовъ, склонность приписывать имъ всѣ несчастныя случайности въ нѣдрахъ земли не умерли еще и до сихъ поръ, они живутъ еще и теперь среди многихъ рудокоповъ. Но такое суевѣріе, остатокъ средневѣковыхъ воззрѣній, составляетъ досто-

яніе единичныхъ личностей, въ общемъ же среди горнорабочихъ оказываетъ вліяніе и современный духъ жизни; то, что прежде приписывали случаю или волшебству, служитъ теперь предметомъ научныхъ изысканій и хотя еще въ 1673 году ставили въ зависимость отъ заговора тотъ случай, если при плавленіи руда не давала металла, но вскорѣ затѣмъ одержало верхъ убѣжденіе, что во время плавленія допущена какая-нибудь ошибка, сдѣлано какое-нибудь упущеніе, вслѣдствіе чего стали внимательнѣе относиться къ самому процессу, примѣнять новые методы, пользоваться открытіями химіи, результатомъ всего этого оказалось повышеніе процента добываемаго металла: въ средніе вѣка жилу считали выгодной для обработки,е сли она содержала $3^1/_2$ — 4 марки серебра на центнеръ руды, а въ 1713 году считали богатой даже серебряную руду, содержащую на центнеръ 4 лота серебра — такъ къ этому времени улучшились и удешевились способы обработки. Оказалось выгоднымъ эксплуатировать вновь заброшенные уже рудники, а также и тѣ каменные обломки, которыми заполняли штольни, чтобъ предовратить обвалы. Громадные успѣхи, сдѣланные химіей въ теченіе XIX-го вѣка, содѣйствовали на практикѣ усовершенствованію способовъ обработки руды; стали эксплуатироваться рудоносныя залежи, считавшіяся раньше убыточными для обработки, горнозаводская промышленность получала все болѣе и болѣе широкое распространеніе; развитію этого же дѣла содѣйствовало и болѣе близкое знакомство съ мало извѣстными прежде областями, знакомство, открывавшее все новыя залежи угля, соли, руды; оказывали вліяніе и поразительные успѣхи техники, а также и бо́льшая доступность и легкость путей сообщенія. Количество добываемой руды впродолженіи XIX-го вѣка значительно возрастало изъ году въ годъ, равно какъ и площадь обработки, которая сильно увеличилась за періодъ такъ называемаго новаго времени. Конечно вначалѣ потребовалось много усилій и труда, чтобы старые способы замѣнить лучшими новыми. Такъ напримѣръ, употребленіе пороха для взрыванія камня и буреніе были впервые введены во Фрейбергѣ въ 1613 г., въ Гарцѣ въ 1633 г., хотя порохъ былъ изобрѣтенъ задолго зо этого времени; дорогой и трудно добываемый древесный уголь былъ замѣненъ при плавкѣ руды каменнымъ и торфомъ только въ XVI-мъ вѣкѣ. Коксъ долгое время не находилъ себѣ примѣненія, между тѣмъ какъ теперь онъ употребляется въ громадномъ количествѣ въ доменныхъ печахъ. Паровая машина, изобрѣтенная Ньюкоменомъ и Савери, долгое время оставалась безъ практическаго примѣненія и только послѣ усовершенствованія ея Уаттомъ вошла во всеобщее употребленіе (1774 г.). Затѣмъ усовершенствована вентиляція, проложены чугунные рельсы въ англійскихъ каменноугольныхъ копяхъ въ 1738 г.; съ 1834 года введены стальные канаты, человѣческая сила замѣнена лошадиной или даже машинами и т. п.; въ 1850 году Киндъ указалъ способъ устройства шахтъ съ помощью паровой силы, способы буренія были улучшены. Научились устраивать отвѣсныя шахты въ гористыхъ, богатыхъ водою мѣстностяхъ, старые желѣзные инструменты были замѣнены стальными; благодаря лучшей организаціи работы, была достигнута значительная экономія силъ, введены спускъ и подъемъ рабочихъ на подъемной машинѣ, съ 1815 г. рабочіе снабжаются безопасными лампами, съ 1824 г. введены спасательные приборы и т. д. короче говоря, горнозаводская промышленность съ теченіемъ времени

достигла высокой степени развитія. Но несмотря на это и теперь въ мало культурныхъ странахъ встрѣчаются рудники съ примитивными спосо-

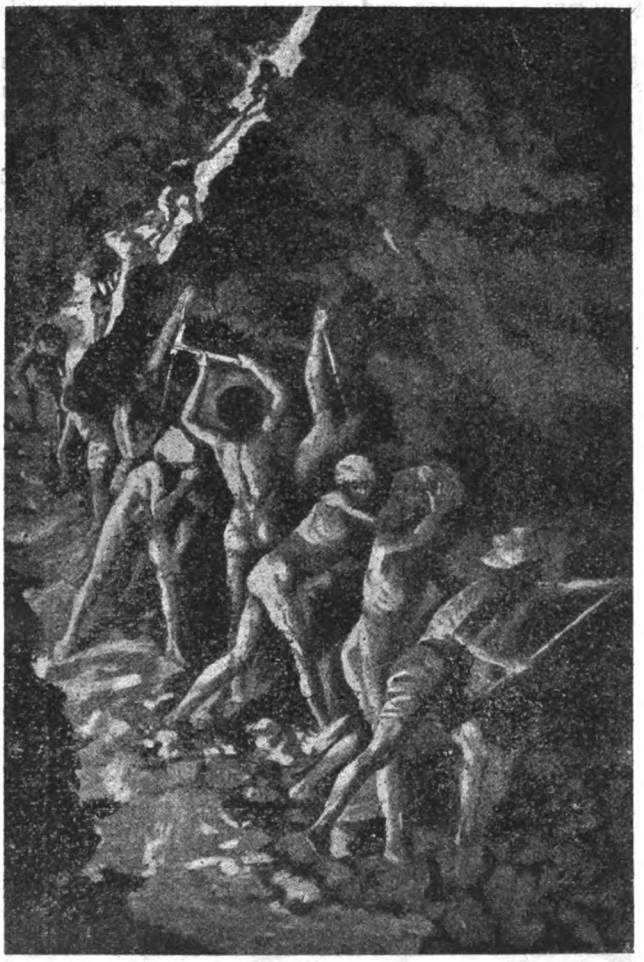


Рис. 81. Сѣрныя копи въ Сициліи.

бами эксплуатаціи, какъ напр. сѣрныя копи въ Сициліи или опасныя для жизни копи пемзы въ Липарисѣ.

Тамъ, гдѣ уголь или руда лежатъ непосредственно на земной поверхности, они разрабатываются при дневномъ свѣтѣ, причемъ не требуется особенныхъ приспособленій, напр., соль изъ воды соляныхъ источниковъ добывается просто посредствомъ выпариванія. Здѣсь на ряду съ первобытными способами, которые теперь еще въ ходу у необразованныхъ народовъ и заключаются въ выпариваніи воды подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей или огня, встрѣчаются и болѣе усовершенствованные: соляный растворъ пропускается черезъ градирни или предварительно нагрѣвается, затѣмъ сгущенный разсолъ переливается на сковороды или въ особенно устроенный вы-

паривательный аппаратъ, гдѣ черезъ короткое время получается соль. Добываніе морской соли основано на принципѣ выпариванія воды подъ вліяніемъ солнечнаго тепла, по берегу моря устраивается цѣлая система разобщенныхъ между собою неглубокихъ бассейновъ, большой размѣръ поверхности ускоряетъ испареніе.

Золото. Самый древній, первобытный способъ добыванія золота заключается въ отдѣленіи крупинокъ и чешуекъ золота, разсѣянныхъ среди рѣчного песку или въ аллювіальныхъ отложеніяхъ. Очень часто отдѣленіе это дѣлается съ помощью промывки золотоноснаго песку на особыхъ сковородахъ, причемъ болѣе тяжелое золото остается, а болѣе легкія частички песку уносятся водой; въ богатыхъ золотомъ

Рис. 82. Гидравлическая промывка золота въ Калифорніи. «Le tour du monde» 1862 г.

мѣстностяхъ Америки не рѣдкость встрѣтить золотоискателя, снабженнаго сковородой, ножомъ, ружьемъ и небольшимъ запасомъ съѣстного; такой промышленникъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, охваченный однимъ стремленіемъ, одной надеждой найти какъ-нибудь богатую розсыпь и разбогатѣть. Въ Америкѣ же, въ испанскихъ владѣніяхъ бѣдныя женщины въ свободное отъ работы время промываютъ золото въ своихъ деревянныхъ корытахъ. При такомъ легкомъ и несложномъ способѣ добыванія пропадаетъ много золота, и пришлось подумать о цѣломъ рядѣ усовершенствованій: качающіяся корыта, Long-tom и шлюзы повысили успѣшность работы. Еще лучшіе результаты получились съ введеніемъ въ 1852 году въ Калифорніи гидра-

ческихъ приспособленій, которыя затѣмъ нашли мѣсто и въ другихъ странахъ, а въ Испаніи были извѣстны еще и въ древнія времена.

Сильная струя воды подъ высокимъ давленіемъ направляется на золотоносные слои и вымываетъ ихъ; гравій и болѣе крупныя гальки уносятся водою, а частицы или крупинки золота остаются у подножія скалы и собираются роговыми ложками; болѣе легкая золотая пыль уносится вмѣстѣ съ глиною и мелкимъ пескомъ къ шлюзамъ, гдѣ и вымывается или же собирается съ помощью ртути въ видѣ амальгамы.

Если же полезный минералъ не лежитъ на поверхности земли, какъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, то за нимъ надо пробираться въ нѣдра земной коры. Приходится прибѣгать къ шурфованію, т. е. къ рытью шахтъ и штоленъ или же къ буренію, причемъ, смотря по качеству добываемаго минерала, употребляются различные бурава. Въ новѣйшее время самымъ бо́льшимъ распространеніемъ пользуются алмазные бурава, т.-е. такіе, у которыхъ передняя поверхность стального кольца усажена цѣлымъ рядомъ алмазовъ; такого устройства буравъ просверливаетъ круглое углубленіе и по вынутымъ кускамъ легко составить очень точное и подробное представленіе о качествѣ и строеніи испытуемой породы, чего нельзя сказать при употребленіи обыкновеннаго бурава, такъ какъ здѣсь приходится дѣлать заключеніе о свойствахъ земныхъ пластовъ по ихъ измельченнымъ частямъ, выносимымъ наружу инструментомъ.

Если залежь полезнаго минерала найдена на значительной глубинѣ, то принимаются за устройство шахтъ и штоленъ. Штольни— почти горизонтальныя подземныя галлереи, стѣны и потолокъ которыхъ укрѣплены бревнами или выложены камнями и кирпичомъ во избѣжаніе обваловъ и сползанія рыхлой земли; въ прежнія времена это былъ самый распространенный способъ, потому что въ штольняхъ дешевле и легче обходится устройство водоотводныхъ приспособленій, а также и доставка на свѣтъ Божій выработаннаго матеріала; но штольни можно устраивать только въ гористыхъ мѣстностяхъ или при особенно благопріятномъ расположеніи залежей рудоносныхъ жилъ. Но во многихъ случаяхъ до залежей можно добраться только шахтами. Чаще всего шахту углубляютъ съ помощью взрывовъ; для защиты отъ воды стѣны четырехъугольныхъ шахтъ обшиваются досками и бревнами, а стѣны круглыхъ чаще всего выкладываются желѣзомъ или кирпичомъ. При двухъ послѣднихъ способахъ (желѣзо и кирпичъ) стѣны дѣлаются непроницаемыми для воды, что очень важно въ мѣстностяхъ, богатыхъ грунтовыми водами. Особенно трудно устройство шахтъ въ болотистыхъ мѣстахъ, т.-е. въ такихъ, гдѣ почва состоитъ изъ смѣси пески или мергеля съ водою; на мѣсто, предназначенное для шахты накладывается чугунное кольцо или, вѣрнѣе, невысокій цилиндръ съ очень острымъ нижнимъ краемъ, на верхнихъ краяхъ этого цилиндра по величинѣ его воздвигается каменная башня, которая силою своей тяжести давитъ на нижній металлическій цилиндръ, который и опускается внизъ, а вмѣстѣ съ нимъ опускается и каменный.

Песокъ, камни и земля, проникающіе въ устраиваемую такимъ образомъ шахту, накладываются въ бочки и вытягиваются на поверхность земли. Достигнувъ уровня подземныхъ водъ, воду не выкачиваютъ, такъ какъ она все равно продолжала бы прибывать, а вычер-

пываютъ твердыя части. Самостоятельное опусканіе каменнаго цилиндра прекращается обыкновенно на глубинѣ 35 или 40 метровъ вслѣдствіе сильнаго тренія. Тогда приходится прибѣгать къ помощи гидравлическихъ прессовъ.

Когда шахта устроена, то стараются ближайшими путями по перпендикуляру добраться до рудоносныхъ залежей, конечно, если залежи эти не пересѣкаются шахтой подъ прямымъ угломъ. Дѣлаютъ планировку всего рудника и проводятъ галлереи на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга. Для безопасности подземныя галлереи обшиваются деревомъ или выкладываются камнемъ, отработанныя рудоносныя жилы заваливаются камнемъ, а тамъ, гдѣ это стоитъ дорого, оставляются на произволъ судьбы.

Добываніе минераловъ происходитъ различнымъ образомъ: рыхлыя вещества, какъ песокъ или бурый уголь, просто накладываются въ тачки и перевозятся; болѣе твердыя взрываются и только въ примитивно устроенныхъ копяхъ употребляютъ молотъ и ломъ, почти повсюду въ ходу долота и буравы, приводимые въ движеніе сдавленнымъ воздухомъ, паромъ или электричествомъ, машинами этими просверливаются ходы для закладки патрона и проведенія къ нему фитиля, который зажигается спичкой или электрической искрой.

Отколотые куски руды нагружаются обыкновенно въ вагончики, которые доставляются къ шахтѣ, гдѣ перегружаются въ бадьи и поднимаются наверхъ, а въ менѣе благоустроенныхъ рудникахъ по штольнямъ же вывозятся на свѣтъ Божій.

Въ нѣкоторыхъ рудникахъ составляются цѣлые поѣзда съ лошадиною тягою (для лошадей устраиваются подземныя конюшни) или машинною, съ помощью безконечной цѣпи (веревочная тяга). Для подъема въ шахтѣ въ примитивныхъ рудникахъ примѣняется человѣчья или лошадиная сила; но въ большинствѣ богатыхъ рудниковъ нагруженные вагончики ставятся на платформу и поднимаются на желѣзныхъ или стальныхъ канатахъ съ помощью паровой машины; наверху они выгружаются сразу въ вагоны желѣзной дороги, телѣги или склады.

Въ самыхъ примитивныхъ и въ наиболѣе хорошо устроенныхъ рудникахъ спускъ и подъемъ рабочихъ имѣетъ много общаго. Въ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, а именно въ Мексикѣ, встрѣчаются еще и теперь почти вертикально установленныя бревна съ зарубинами, по бревнамъ этимъ опускаются и поднимаются рудокопы; въ другихъ мѣстахъ устраиваются лѣстницы, а для спуска катки. Въ глубокихъ же шахтахъ, доходящихъ зачастую до 500 метровъ въ глубину, а въ единичныхъ случаяхъ даже за 1.000 м., тратилось много времени и силъ на такіе подъемъ и спускъ, и потому пришлось подумать о болѣе быстромъ способѣ передвиженія: о фаркунстѣ и подъемной машинѣ. Фаркунстъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ вертикальныхъ деревянныхъ или желѣзныхъ брусьевъ съ ступеньками и скобками; паровая машина или водяное колесо приводятъ этотъ аппаратъ въ движеніе такъ, что пока одна доска опускается, другая поднимается и послѣ небольшой остановки двигаются въ обратныя стороны. Во время остановки рудокопъ переходитъ съ одной ступеньки на другую. Но чаще всего передвиженіе рабочихъ совершается въ бадьяхъ съ помощью канатовъ.

Чтобы защитить штольни и шахты отъ наводненій, приходится устраивать цѣлую систему сооруженій, поднимающихъ воду на поверхность земли. Въ рудникахъ, заканчивающихся глубокой штольней, вода

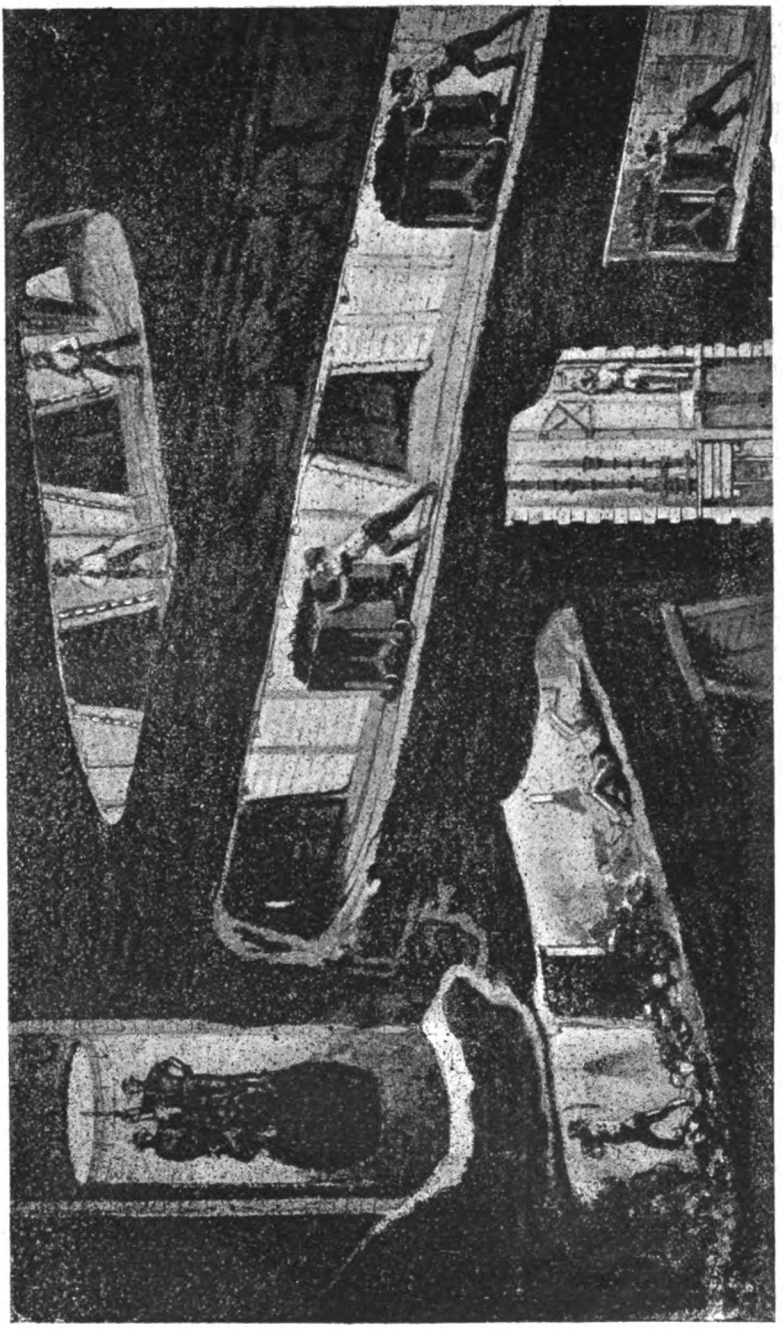


Рис. 83. Поперечный разрѣзъ черезъ рудникъ средины 19-го столѣтія. (По Э. Вите «L'écorce terrstre»). Парижъ 1874.

стекаетъ обыкновенно по канавкамъ, проложеннымъ вдоль штоленъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такой штольни, вода собирается обыкновенно въ самомъ низкомъ мѣстѣ, такъ называемомъ «болотѣ», откуда и выкачивается цѣлою системою насосовъ, стоящихъ на разстояніи около 10 метровъ другъ отъ друга.

Существенной принадлежностью рудниковъ считается вентиляція, т.-е. такія приспособленія, съ помощью которыхъ доставляется свѣжій воздухъ и удаляется испорченный вмѣстѣ съ другими вредными газами. Въ подземныхъ галлереяхъ порча воздуха происходитъ отъ дыханія людей и животныхъ, отъ лампъ, взрыванія камня и отъ химическихъ процесссовъ разложенія въ землѣ и деревѣ, (развитіе угольной кислоты, окиси углерода, сѣроводорода); порча эта бываетъ настолько сильна, что затрудняетъ процессъ дыханія и горѣнія лампъ или свѣчей; рудниковый газъ въ соединеніи съ атмосфернымъ воздухомъ образуетъ иногда взрывчатое соединеніе—минный газъ; взрывы миннаго газа причиняютъ громадныя несчастья въ рудникахъ.

Для предотвращенія катастрофъ устраиваютъ особаго рода приспособленія, которыя удаляютъ вредные газы; здѣсь чаще всего примѣняютъ печи, нагрѣвающія и разрѣжающія воздухъ, а также огромныя маховыя колеса, приводящія воздухъ въ движеніе.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ современнаго состоянія работы въ рудникахъ мы едва только намѣтили, какую массу умственной энергіи и изобрѣтательности пришлось потратить, чтобы довести добываніе полезныхъ минераловъ до теперешняго положенія. Чтобы получить вѣрное представленіе о громадныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ техникой, слѣдуетъ посѣтить какой-нибудь большой рудникъ.

Конецъ.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AUG 21 1916

ICLF (N)

DEC 11 1922

JUN 14 192

DEC 1 1928

Due end of FALL Quarter
subject to recall after — NOV 30 '72 05

REC'D LD NOV 16'72 -1 PM 2 8

30m-1,'15

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637060